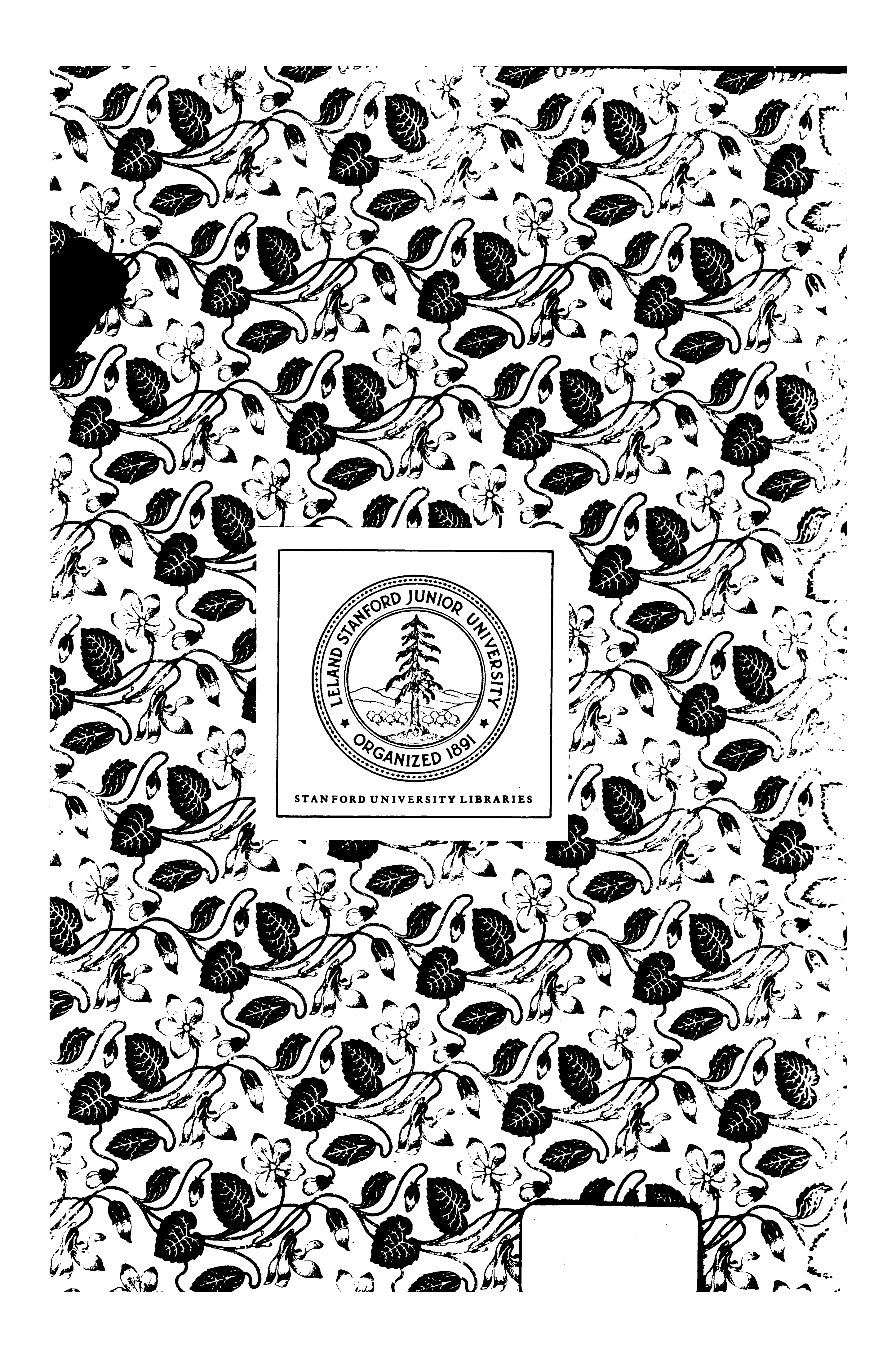
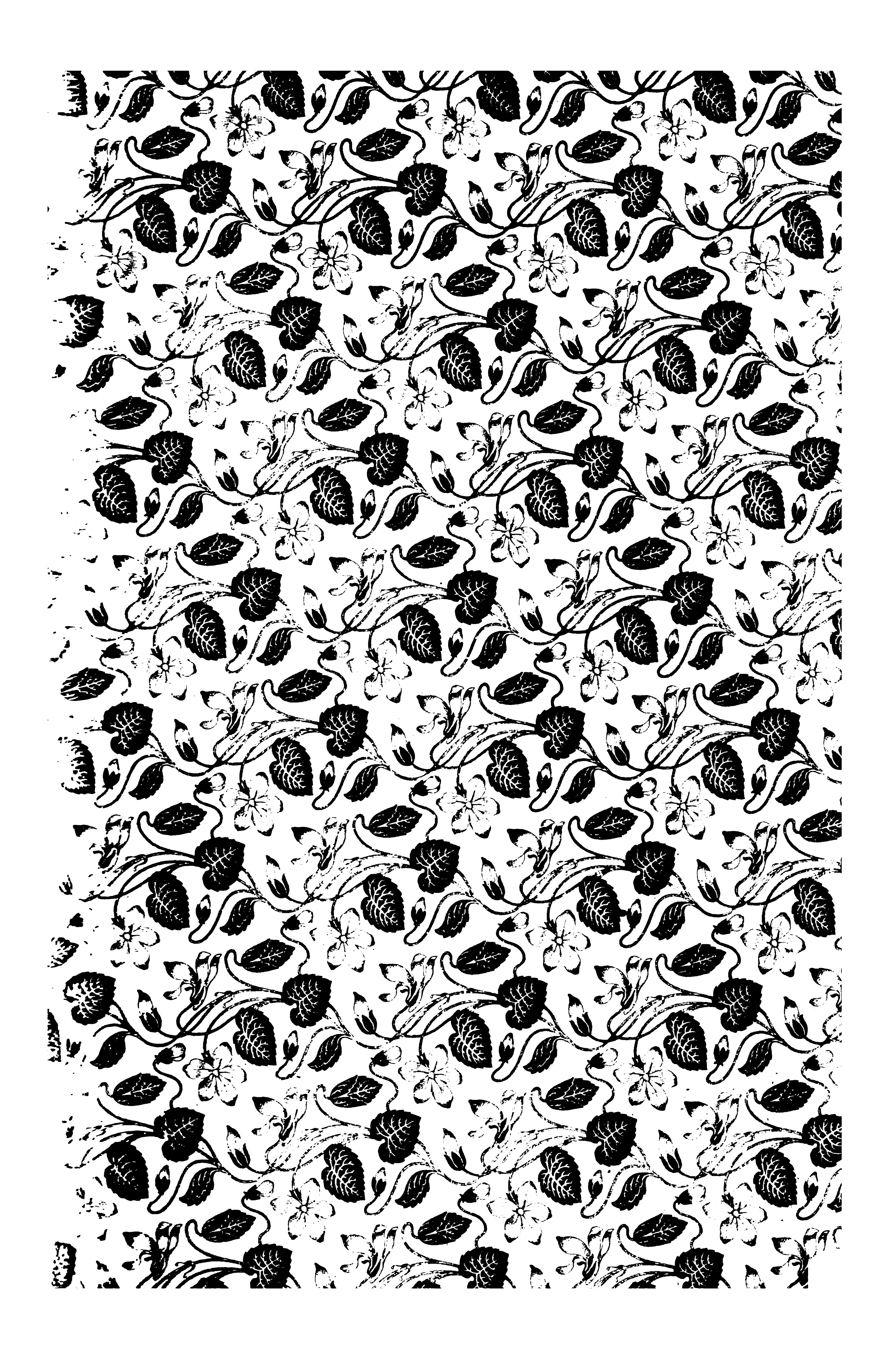

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



ПОЭЗІЯ СЛАВЯНЪ

СБОРНИКЪ

ЛУЧШИХЪ ПОЭТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1871

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9-я лин. № 12)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ первые вѣка нашей исторіи Русь находилась въ литературномъ общеніи съ другими славянскими землями — по-крайней-мѣрѣ съ тѣми изъ нихъ, которыя принадлежали къ православной церкви. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ литература польская не только обращала на себя вниманіе образованныхъ русскихъ людей, но въ значительной степени вліяла на тогдашнюю нашу письменность. Со времени же петровской реформы нами такъ сильно овладѣли литературы западно-европейскія, что мы, изучая ихъ и подражая имъ, совершенно забыли о литературахъ славянскихъ. Нити, связывавшія умственную жизнь Россіи съ славянскимъ міромъ, порвались; не только умственная дѣятельность, но самое почти существованіе славянскихъ народовъ сдѣлалось у насъ неизвѣстнымъ. Такъ продолжалось до недавняго времени. Еще великій нашъ Пушкинъ, одинъ изъ первыхъ, если не первый, угадавшій значеніе для насъ народной поэзіи западныхъ славянъ, знакомился съ нею не по настоящимъ текстамъ, а въ безобразныхъ передѣлкахъ француза Мериме. Обращённый къ Мериме запросъ нашего поэта на счотъ того, «на чёмъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсенъ» и отвѣтное письмо Мериме о его «Guzla» останутся свидѣтельствомъ, въ какомъ невѣдѣніи мы тогда находились относительно славянскаго міра. И надобно замѣтить, что это было въ тридцатыхъ годахъ (письмо Мериме помѣчено: 18 января 1835 года), то-есть — двадцать лѣтъ спустя послѣ перваго изданія Вукомъ Караджичемъ подлинныхъ

сербскихъ пѣсенъ, съ которыми знаменитый Гриммъ тотчасъ же познакомилъ Германію, и десять лѣтъ послѣ того какъ Гёте, неоднократно обращавшій вниманіе своихъ соотечественниковъ на переводы произведеній народной поэзіи южныхъ славянъ, утверждалъ, что «въ довольно скоромъ времени сокровища сербской литературы сдѣлаются общимъ достояніемъ Германіи» (die Schätze der serbischen Literatur werden schnell genug deutsches Gemeingut werden).

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ сбылось предсказаніе великаго нѣмецкаго поэта; но думаемъ, что если литературныя сокровища западныхъ и южныхъ славянъ должны сдѣлаться гдѣ-либо общимъ достояніемъ, то это въ Россіи, потому-что въ нихъ отпечатлѣвается духъ народностей, которыя составляютъ съ нами одно племенное тѣло, которыя намъ ближе всѣхъ по исторіи, которыя одни намъ близки по сочувствіямъ.

Въ послѣднія десятилѣтія свѣдѣнія о славянскихъ племенахъ, наукахъ и литературахъ начали распространяться и въ Россіи. Этому, конечно, содѣйствовали учреждённыя въ 1839 году каѳедры славянскихъ языковъ въ нашихъ университетахъ; но нелязя не пожалѣть, что въ преподаваніи на этихъ каѳедрахъ было слишкомъ мало жизни, что оно имѣло въ виду спеціалистовъ. Насколько быстрѣе пошло бы у насъ развитіе славянской идеи, если бы хоть на одной изъ славянскихъ каѳедръ явился такой человѣкъ, какъ Грановскій! Но всё же дѣло подвигалось впередъ; политическія событія всё болѣе и болѣе уясняли славянское призваніе Россіи и значеніе для насъ славянскихъ народностей; общность ихъ и нашихъ интересовъ становилась всё болѣе ощутительною, и въ настоящее время вопросы, касающіеся славянъ, принадлежатъ къ тѣмъ, къ которымъ общественное мнѣніе Россіи далеко не равнодушно.

Но если политическое положеніе славянскихъ племёнъ составляетъ теперь предметъ уже довольно знакомый русской публикѣ, то этого нельзя еще сказать объ ихъ литературной дѣятельности. У насъ по этому предмету было до-сихъ-поръ одно только пособіе — изданный въ 1865 году гг. Пыпинымъ и Спасовичемъ «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ». Сочиненіе это имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, по обилію собранныхъ въ нёмъ свѣдѣній, и польза его, какъ справочной книги, заставляетъ забыть ту странную отрицательную точку зрѣнія, которая затемняетъ безпристрастіе историческаго изложенія. Но, во всякомъ случаѣ, съ какимъ бы

совершенствомъ ни была написана исторія той или другой литературы, она не можетъ замѣнить собою чтенія самихъ ея произведеній. Потому мы надѣемся восполнить существенный недостатокъ, предлагая нашей публикѣ изданіе, въ которомъ она найдётъ, въ переводѣ на русскій языкъ, лучшія произведенія какъ народной, такъ и художественной поэзіи славянскихъ племёнъ. При этомъ мы сочли полезнымъ сообщить біографическія свѣдѣнія о самихъ поэтахъ и краткій историческій очеркъ каждой изъ славянскихъ литературъ. Какъ мы, такъ и сотрудники наши старались, чтобы переводы были по возможности вѣрны — разумѣется насколько позволяли требованія русскаго стиха. Мы старались, чтобы нашъ сборникъ служилъ картиною славянскихъ литературъ по возможности полною, то-есть, чтобы всѣ замѣчательнѣйшіе поэты славянскіе были въ нёмъ представлены хотя однимъ изъ ихъ произведеній. Наконецъ — мы обращались въ Славянскія Земли, къ извѣстнѣйшимъ литераторамъ, за указаніемъ, какія именно произведенія ихъ поэтовъ признаются у нихъ образцовыми и пользуются наибольшею популярностью, дабы, придерживаясь въ выборѣ нашемъ этихъ указаній, дать нашему сборнику характеръ, соотвѣтствующій дѣйствительному направленію каждой литературы и чуждый какого-либо произвольнаго съ нашей стороны подбора. По этому — тѣмъ осязательнѣе будутъ для читателя отличительныя черты этихъ литературъ: ихъ юношеская восторженность и страстность, ихъ простодушное общеніе съ природою, ихъ безпритязательное сочувствіе къ простому народу, ихъ національно-патріотическое чувство, согрѣтое свѣтлыми надеждами на великое будущее славянскаго племени, и утверждающееся на крѣпкомъ сознаніи славянскаго единства, ихъ любовь къ Россіи — всё это свойства, проникающія литературы южныхъ и западныхъ славянъ въ цѣломъ ихъ составѣ. Одна литература польская, какъ замѣтитъ читатель, составляетъ между ними исключеніе, соотвѣтствующее историческому характеру и настоящей политической роли польской интеллигенціи въ славянскомъ мірѣ.

Но сборникъ нашъ — мы надѣемся — не только уяснитъ читателямъ характеръ и направленіе славянскихъ литературъ — онъ, быть-можетъ, пособитъ разсѣять тотъ существенный предразсудокъ, съ которымъ мы привыкли взирать на умственныя произведенія нашихъ соплеменниковъ. Воспитанные въ западно-европейской школѣ, мы привыкли думать, что только литературы англійская, французская, нѣмецкая, итальянская могутъ пред-

ставить намъ творенія оригинальныя, что только въ нихъ мы можемъ найти великихъ поэтовъ; славянскія же литературы пробавляются лишь блѣдными копіями съ западныхъ образцовъ. Этотъ-то предразсудокъ и составляетъ, если мы не ошибаемся, главную причину того, что публика наша, уже менѣе прежняго равнодушная къ общественнымъ и политическимъ дѣламъ западныхъ и южныхъ славянъ, до-сихъ-поръ не обращаетъ вниманія на ихъ литературы. А между-тѣмъ у нихъ есть поэты оригинальные, поэты съ истиннымъ художественнымъ талантомъ и вдохновеніемъ. Станко Вразъ, Мажураничъ, Кукулевичъ-Сакцинскій, Вукотиновичъ, Прерадовичъ — у сербовъ, Славейковъ — у болгаръ, Прешернъ — у хорутанъ, Колларъ, Челяковскій, Яблонскій, Гавличекъ — у чеховъ, Халупка, Сладковичъ — у словаковъ, Зейлеръ — у лужичанъ, Мицкевичъ, Богданъ Залѣсскій, Красинскій, Винцентій Поль — у поляковъ, наконецъ, Іосифъ Федьковичъ у нашихъ русскихъ галичанъ — это люди, которые заняли бы каждый въ любой западно-европейской литературѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. А эти имена, которыми должно гордиться славянское племя, до-сихъ-поръ — кромѣ одного или двухъ польскихъ — почти безвѣстны въ Россіи.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЯ

СЪ ДРЕВНЕ-РУССКАГО

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Слово о полку Игоря» — безъ сомнѣнія, есть самое замѣчательное и притомъ едва ли не самое поэтическое произведеніе нашей древней поэзіи. Этотъ самобытный и единственный, дошедшій до насъ, письменный памятникъ, свидѣтельствующій о существованіи и развитіи древнерусской эпической поэзіи, отличается тою смѣлостью очерковъ и яркостью красокъ, которые, съ перваго взгляда, обличаютъ въ сочинителѣ необыкновеннаго художника. Эти чудные, родные звуки, дошедшіе къ намъ изъ глубины двѣнадцатаго столѣтія, изъ темныхъ временъ княжескихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ, передаютъ намъ въ безискуственныхъ, поэтическихъ и часто величественныхъ ὀбразахъ одинъ печальный эпизодъ смутнаго періода, отмѣченнаго въ лѣтописяхъ только краткимъ перечнемъ нескончаемыхъ битвъ. Этотъ печальный эпизодъ — походъ сѣверскаго князя Игоря, въ 1185 году, на половцевъ, окончившійся страшнымъ погромомъ: истребленіемъ всего русскаго войска и плѣненіемъ самого князя, брата его, буй-туръ Всеволода и сына, Владиміра Игоревича.

Но кто же такой былъ этотъ таинственный пѣвецъ этого злополучнаго похода? Увы! лѣтописи молчатъ. Правда, существуетъ предположеніе, что пѣвецъ «Слова» есть *премудрый книжникъ* Тимофей, уроженецъ города Кіева, о которомъ упоминается въ «Ипатьевской лѣтописи» подъ 1211 годомъ, но это только одно предположеніе. Вся біографія пѣвца Игоря — въ его пѣсни; а пѣснь свидѣтельствуетъ только о томъ, что онъ былъ мірянинъ и современникъ похода Игоря. Уже одно тѣ обстоятельство, что сочинитель «Слова» избралъ предметомъ для своей эпопеи такое неважное и даже не блестящее происшествіе, тогда-какъ походъ Святослава на половцевъ, предпринятый за годъ до Игоря и увѣнчавшійся такимъ блестящимъ успѣхомъ, былъ у него еще въ свѣжей памяти, показываетъ ясно, что «Слово о полку Игоря» написано не только современникомъ, но даже лицомъ участвовавшимъ въ походѣ. Уже по одной этой причинѣ, не говоря о филологическомъ и археологическомъ значеніи «Слова», оно, по самому содержанію своему, какъ единственная, дошедшая до насъ, картина изъ періода междоусобій, важна для историка и интересна для всякаго, кто любитъ переноситься мыслію въ первыя времена нашей исторіи. «Слово» не только разсказываетъ намъ во всей подробности одно изъ характеристическихъ и часто повторявшихся происшествій того времени, отмѣченное въ лѣтописи двумя строками, но передаетъ намъ мысли и чувства нашихъ предковъ, ихъ воззрѣнія на своихъ князей, на княжескія усобицы, ихъ глубокое сознаніе единства Русской Земли, единства русскаго племени, ихъ отвращеніе къ дикимъ порожденіямъ азіятскихъ степей, ихъ любовь къ отчизнѣ и ея защитникамъ, ихъ привязанность къ своимъ род-

нымъ полямъ и селамъ, къ тихимъ наслажденіямъ семейной жизни, ихъ уваженіе къ горести слабой женщины и восторженное удивленіе къ героямъ.

Можно сказать утвердительно, что ни одно произведеніе древней русской поэзіи, сбереженное временемъ, не возбуждало такого постояннаго вниманія нашихъ ученыхъ и не подало повода къ такому множеству противорѣчивыхъ сужденій, какъ «Слово о полку Игоря». Будучи открыто въ 1795 году графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ (причемъ первое извѣстіе объ этомъ открытіи было сообщено свѣту Карамзинымъ въ октябрской книжкѣ гамбургскаго журнала «Spectateur du Nord», за 1797 годъ) и издано имъ въ Москвѣ, «Слово о полку Игоря» не переставало, съ того времени, занимать умы нашихъ филологовъ и критиковъ. Плодами ихъ изысканій были, съ одной стороны, значительное число изданій, переводовъ и стихотворныхъ переложеній, съ другой — множество статей критическаго и полемическаго содержанія.

«Слово о полку Игоря» есть поэтическое произведеніе, занимающее въ порядкѣ развитія поэзіи эпической по ея видамъ мѣсто на переходѣ отъ эпоса героическаго къ эпосу позднѣйшей гражданственности — къ роману, и притомъ произведеніе, написанное стихами. Это послѣднее мнѣніе раздѣляютъ многіе изъ ученыхъ изслѣдователей этого памятника — въ томъ числѣ: Востоковъ, Дубенскій, Полевой, Максимовичъ и Туловъ — хотя они и не вполнѣ сходятся въ опредѣленіи его стихотворнаго склада. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ свои основанія, свои доказательства. Все различіе происходитъ отъ образа воззрѣнія на предметъ. Такъ, напримѣръ, Востоковъ, признавая вообще складъ «Слова» прозаическимъ, говоритъ однако же, что оно дѣлится на довольно ровные и мѣрные періоды или стихи, подобные библейскимъ. Дубенскій принимаетъ это въ другомъ смыслѣ, и размѣряетъ «Слово» шестистопнымъ дактило-хореическимъ стихомъ или гекзаметромъ. Полевой также разбиваетъ подлинникъ на стихи, причемъ говоритъ, что размѣръ въ немъ явенъ, и стоитъ только не считать стопъ, чтобы тотчасъ понять его разнообразную, пѣвучую музыкальность. Максимовичъ же полагаетъ, что вольное движеніе рѣчи «Слова» совершается, такъ сказать, отдѣльными, разнообразными волнами или стихами, не столь опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народные великороссійскіе, но столь же разнообразные и вольные, какъ стихи украинскіе, особенно въ думахъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ознакомившись съ подлинникомъ «Слова о полку Игоря». Наконецъ, по мнѣнію Тулова, «Слово» могло быть или стихотворнымъ произведеніемъ, написаннымъ по образцу древнихъ эпическихъ пѣсенъ и притомъ такъ, какъ пишутся поэмы въ наше время — только для чтенія, или произведеніемъ прозаическимъ, сохранившимъ, вслѣдствіе вліянія пѣсенъ, краски поэзіи народной; или, наконецъ, что всего вѣроятнѣе, пѣснью, которая дѣйствительно нѣкогда распѣвалась въ честь Игоря, и потомъ положена была на бумагу, въ чемъ удостовѣряетъ насъ самъ сочинитель «Слова», который *воспѣваетъ*, а не *описываетъ* своего героя.

Не смотря на видимую цѣлость и стройность повѣствованія, въ которомъ вездѣ является Игорь или самъ, какъ дѣйствующее лицо, или какъ предметъ и причина дѣйствія, «Слово о полку Игоря» въ тоже время представляетъ нѣсколько рѣзкихъ переходовъ и отступленій, раздѣляющихъ его на нѣсколько отдѣльныхъ частей. Отсюда рождается вопросъ: не вошли ли въ составъ «Слова» еще и другіе пѣсни и отрывки, кромѣ тѣхъ, которые самъ сочинитель приписываетъ Бояну? или даже — не составлено ли оно неизвѣстнымъ пѣвцомъ Игоря, подобно рапсодіямъ Омера, изъ нѣсколькихъ современныхъ пѣсенъ, посвященныхъ злополучному походу Игоря и счастливому его возвращенію на родину?

Издавая въ предлагаемомъ сборникѣ лучшія произведенія поэзіи всѣхъ славянскихъ народовъ, грѣшно было бы не помѣстить въ немъ «Слово о полку Игоря», этотъ единственный дошедшій до насъ перлъ древней русской поэзіи.

Н. Гербель.

ПѢСНЬ I.

ЗАПѢВЪ.

Не начать ли намъ, ребята,
Складомъ пòвѣстей невзгодъ,
Про походъ на супостата,
Князя Игоря походъ?
И начать намъ безъ обмана —
Эту пѣсню про князей —
По былинамъ нашихъ дней,
Не по замысламъ Бояна?
Если былъ пѣвецъ Боянъ
Вѣщимъ духомъ обоянъ,
То носился мыслью-птицей
По дубравамъ, по лѣсамъ,
Сѣрымъ волкомъ по полямъ,
Или сизою орлицей
Поднимался къ облакамъ.

А когда о враждеиивыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ —
Десять соколовъ пускалъ
На лебёдокъ говорливыхъ,
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ
То про старца Ярослава,
То про храбраго Мстислава,
Что косоговъ побѣдилъ
И Редедю великана
Въ поединкѣ умертвилъ,
То про краснаго Романа.

Не на стадо лебедѐй
Нашъ Боянъ, нашъ соловей,
Десять соколовъ пускаетъ:
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струнàмъ
И онѣ ужь возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Такъ начну же наше слово
Отъ Владиміра Святова,
И про Игоря, друзья,
Пѣсней вамъ окончу я:
Какъ, наполнясь духомъ ратнымъ,
Онъ свой разумъ изострилъ,
Словно панцыремъ булатнымъ,
Сердце мужествомъ покрылъ
И за Русь повелъ дружину
Въ половецкую краину.

ПѢСНЬ II.

ВѢЩЕЕ ЗАТМѢНІЕ.

Князь Игорь взглянулъ на дневнòе свѣтило,
И видя, что вмѣсто лучей,
Полки его мглою оно осѣнило,
Промолвилъ дружинѣ своей:

«Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
Чѣмъ даться живому въ полонъ!
Итакъ — на коней и за новою славой,
Туда, гдѣ синѣется Донъ!»

Въ могучее сердце запало желанье
Напиться изъ Дона-рѣки —
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье,
Подъ гнётомъ душевной тоски.

«Хочу я копьё мое — молвилъ — далече,
Въ Землѣ Половецкой сломить:
Хочу я сложить свою голову въ сѣчѣ,
Иль Дону шеломомъ испить!»

Тебѣ бы, Боянъ, разсказать про сраженья,
Соловушко прежнихъ вѣковъ,
Носясь соловьёмъ по вѣтвямъ вдохновенья,
Касаясь умомъ облаковъ,

Сличая прошедшую русскую славу
Съ позднѣйшей и мчась по слѣдамъ
Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву,
По дебрямъ, полямъ и горамъ!

Тебѣ бы приличнѣе пѣть о героѣ —
Про Ольгова внука дѣла!
Не буря изъ родины въ поле чужое
Степныхъ соколо̀въ занесла:

Слетаются галки густыми стадами
На Донъ изъ невѣдомыхъ странъ...
Иль, можетъ, начать мнѣ такими стихами,
Велѐсовъ внукъ, вѣщій Боянъ:

Ржутъ бо̀рзые кони за тихой Сулою;
Въ Новѣ-градѣ трубы трубятъ;
Гремитъ стольный Кiевъ молвой боевою;
Въ Путивлѣ знамёна шумятъ:

Князь Игорь ждетъ брата, буй-туръ Всеволо̀да...
И тотъ ему молвитъ въ привѣтъ:
«Мы оба съ тобой святославова рода!
Ты братъ мой единый и свѣтъ!

«Вели — пусть коней твоихъ борзыхъ сѣдлаютъ;
Мои же, мой первенецъ-братъ,
Давно ужь подъ Курскомъ тебя поджидаютъ,
Осѣдланы въ полѣ стоятъ.

«Куряне жь мои, удалые куряне
Взлелѣяны въ шлемахъ родныхъ,
Повиты подъ трубными звуками брани
И вскормлены съ копій стальныхъ.

«Дороги знакомы, луки съ тетивами,
Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,
Колчаны гремятъ боевыми стрѣла̀ми,
Булатные сабли въ рукахъ;

«И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,
Какъ волки по дебрямъ бродить,
Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
Чтобъ князю почету добыть.»

Князь Игорь въ чеканное стремя вступаетъ
И ѣдетъ равниной степной;
Но солнце дорогу ему застилаетъ
Полночною синею тьмой.

Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ
И ревъ плотоядныхъ звѣрей
Въ окрестныхъ степяхъ, и сова завываетъ
Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей,

Чтобъ волнамъ Сурожа и вамъ, поморяне,
Дать вѣсть за далекой землёй,
Корсуню и идолу въ Тмутараканѣ,
И Волгѣ съ Сулою-рѣкой.

А половцы по̀ полю тѣсной толпою
Къ великому Дону спѣшатъ;
Какъ рѣзкій крикъ лебедя поздней порою,
Возы ихъ дорогой скрипятъ.

Онъ къ синему Дону свой путь направляетъ
Съ дружиною храброй своей;
Но птицы погибель ему предвѣщаютъ;
Орлы плотоядныхъ звѣрей

Пронзительнымъ крикомъ своимъ вызываютъ
На трупы изъ дебрей лѣсныхъ;
И волки невзгоду на нихъ накликаютъ,
Блуждая въ оврагахъ крутыхъ.

Проснулись лисицы и лаютъ за станомъ,
На красные лаютъ щиты.
О, Русь! о, родная! ужь ты за кургано̀мъ!
Спускается ночь съ высоты;

Заря, чуть мерцая, вдали догораетъ;
Поля покрываются мглой;
Въ сосѣднемъ лѣсу соловей умолкаетъ;
Крикъ галочій слышенъ порой.

А русскіе, тѣсно сомкнувшись щитами,
Идутъ по пустыннымъ полямъ —
Добыть себѣ чести стальными мечами
И славы отважнымъ князьямъ.

—

ПѢСНЬ III.

ПОБѢДА.

Въ пятницу утромъ разбили они половецкія рати
И, разметавшись стрѣлами по чистому полю, помчали
Красныхъ дѣвицъ половецкихъ съ собою, а съ ними и бархатъ
Цѣнный, и золото въ слиткахъ, и разныя ткани. Плащами жъ,
Шубами, юртами—гати гатили, мосты настилали
Въ топкихъ мѣстахъ и по грязнымъ болотамъ. Червленное знамя
Съ бѣлой хоругвью, красная чолка съ серебрянымъ древкомъ —
Храбраго Игоря доля. Дремлетъ средь чистаго поля,
Дремлетъ Олега гнѣздо удалое... далече умчалось...
Нѐ на обиду ни соколу-птицѣ, ни кречету злому,
Не на обиду тебѣ породилось оно, половчанинъ поганый,
Воронъ зловѣщій! А Гзанъ ужь бѣжитъ сиромахою волкомъ;
Хищный Кончакъ ему слѣдъ пролагаетъ къ великому Дону.
Рано заутра востокъ загорѣлся кровавой зарею;
Черныя тучи отъ моря идутъ: закрываютъ четыре
Солнца; въ нихъ синія молніи блещутъ: быть сильному грому,
Литься дождю стрѣлами съ великаго Дона. Тамъ-то
Копьямъ стальнымъ поломаться! тамъ-то мечамъ притупиться
О половецкіе шлемы — на рѣчкѣ Каялѣ, у Дона!
Русь, уже ты подъ курганомъ! Чу, вѣтры, стрибоговы внуки,
Вѣютъ съ моря стрѣлами на храброе русское войско.
Стонетъ земля, помутилися рѣки, поля покрываетъ
Пыль и лепечутъ знамёна: то пòловцы йдутъ отъ Дона,
Идутъ отъ моря, отвсюду и наши полки окружаютъ.
Бѣсовы дѣти кликомъ побѣднымъ поля оградили;
Русское жь войско щитами червленными ихъ заслонило.
Всеволодъ буйный, ты бьешься въ переднемъ отрядѣ, стрѣлами
Прыщешь на хищныхъ враговъ и гремишь объ ихъ шлемы мечами;
Гдѣ ни появишься ты, богатырь, золочёнымъ шеломомъ
Блеща, тамъ въ прахѣ лежатъ половецкія головы грудой;
Тамъ, пополамъ разсѣчённые саблей булатной твоею,
Всеволодъ доблестный, падаютъ въ прахъ ихъ аварскіе шлемы.
Братцы, какой побоится онъ раны, когда онъ для славы
Все позабылъ — и почетъ, и веселую жизнь, и Черниговъ
Городъ, и отчій престолъ золотой, и своей ненаглядной
Глѣбовны, милой супруги, привѣтъ и обычныя ласки?

—

ПѢСНЬ IV.

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ УСОБИЦАХЪ.

Прошли трояновы вѣка,
Минуло время Ярослава,
Не стало Ольгова полка —
Олега, сына Святослава:
Мечёмъ крамолу онъ ковалъ,
Стрѣлами землю засѣвалъ.
Когда въ родномъ Тмутаракани
Онъ въ стрѣмя бранное вступалъ,
Тогда призывнымъ звукамъ брани
Великій Всеволодъ внималъ,
Межь-тѣмъ какъ каждою зарёю
Въ своихъ твердыняхъ, за Десною,
Владиміръ уши затыкалъ.

И привела на судъ свой слава
Бориса, сына Вячеслава,
И положила на коверъ —
На бархатъ конскаго покрова —
За оскорбленье, за позоръ
Олега, князя молодого.

И Святополкъ съ Каялы прямо
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ коняхъ
Къ стѣнамъ Софіевскаго храма.

Такъ при Олегѣ молодомъ —
При Гориславичѣ — кругомъ
Междоусобья засѣвались,
Всходили, горемъ разростались;
И погибала жизнь людей,
Внучатъ могучаго Даждь-Бога,
И сокращалася на много
Въ междоусобіяхъ князей.
Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вѐроны кричали,
Терзая трупы христіанъ;
А галки въ полѣ собирались,
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались.

Не разъ гремѣлъ побѣдный громъ
И битвы лютыя бывали;
Но о сраженіи такомъ
Еще на Руси не слыхали.

—

ПѢСНЬ V.

ПОРАЖЕНІЕ.

Вплоть до вечера съ разсвѣта,
И отъ вечера до свѣта
Копья крѣпкія трещатъ,
Свищутъ стрѣлы каленыя,
Сабли острыя гремятъ
О шеломы боевые,
Средь невѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.

Подъ копытомъ — подъ конями
Поле вздулось бороздами;
А была поляна тà
Позасѣяна костями,
Кровью алой политà:
И взошолъ посѣвъ тоскою
По-надъ Русскою Землею.
Чтò за топотъ, чтò за звонъ
Рано утромъ, предъ зарёю?
Это Игорь! — это онъ
Вновь полки сзываетъ къ бою:
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.

Бились день — не отступали,
Храбро билися другой,
Въ третій, въ полдень, подъ грозой
Стяги княжескіе пали.
Тутъ надъ берегомъ, гдѣ бились,
Оба брата разлучились;
Гдѣ — гульлива и буйнà —
Мчится быстрая Каяла,
Тутъ кроваваго вина
Не хватило, не достало;
Тутъ, у вражеской рѣки,
Наши братья-земляки
Пиръ кровавый довершили,
Жданыхъ сватовъ напоили
И за честь своей земли
Сами трупами легли.

Вянетъ нà полѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонитъ яворъ молодой.

—

ПѢСНЬ VI.

ПЛАЧЪ ПѢВЦА.

Наступило, братцы, времечко,
Наступило не веселое:
Степь прикрыла силу ратную.
Возстаетъ обида кровная
Въ силахъ племени даждь-божьяго,
Разражается несчастьями;
И вступивши на троянову
Землю дѣвой, громко крыльями
Заплескала лебедиными
На Дону, у моря синяго:
Пробудила время тяжкое!
Нѣтъ въ князьяхъ единомыслія
На поганыхъ; вмѣсто дружества,
Сталъ братъ брату поговаривать:
«То мое, мое и это все!»
Стали спорить межъ собой князья
За пустое, какъ за важное
И крамолу на себя ковать.
А поганые со всѣхъ сторонъ

Между-тѣмъ, какъ побѣдители,
Приходили въ Землю Русскую.
О! далеко залетѣлъ соколъ,
Птицъ сгоняя къ морю синему:
Ужь дружинѣ храброй Игоря
Не воскреснуть. По слѣдамъ ея
Жля и Карна громко крикнули,
Понеслись Землею Русскою,
И изъ рога огне-мётнаго
Извергали пламя лютое.
Зарыдали жоны русскія,
Приговаривая жалобно:
«Видно ужь не взмыслить мыслію,
Видно ужь не вздумать думою,
Ни очами, видно, болѣе
Не увидѣть намъ мужей своихъ.
Серебромъ и звонкимъ золотомъ
Не бренчать намъ, не побрякивать!»

Возстоналъ такъ Кіевъ скорбію,
А Черниговъ подъ напастями;
Разлилась тоска тяжелая
По Руси — и горе лютое
Затопили Землю Русскую.
А межь-тѣмъ какъ князья русскіе
Межь собою только ссорились,
Наши вороги поганые
Приходили въ Землю Русскую
И съ дворовъ, какъ побѣдители,
Собирали дань постыдную —
По одной по бѣлкѣ съ каждаго.
Потому-что Святославичи,
Всеволодъ и Игорь храбрые,
Вновь вражду неукротимую
Пробудили — ту, которую
Усыпилъ-было родитель ихъ,
Святославъ великій Кіевскій.
Онъ заставилъ хищныхъ половцевъ
Трепетать, какъ передъ бурею,
Предъ своею ратью сильною,
Передъ саблями булатными.
Наступилъ ногою твердою
Онъ на Землю Половецкую,
Притопталъ холмы съ оврагами,
Возмутитъ озера съ рѣками,
Изсушилъ ключи съ болотами
И исторгъ изъ лукоморія
Кобяка ихъ нечестиваго,
Изъ средины половецкаго
Войска, сильнаго, несмѣтнаго.
И Кобякъ безсильнымъ плѣнникомъ
Очутился въ стольномъ Кіевѣ,
Во дворцѣ велико-княжескомъ.
Греки и купцы нѣмецкіе,
И моравцы съ венецейцами
Пѣли славу святославову
И хулили князя Игоря,
Потопившаго въ Каялъ-рѣкѣ
Половецкой силу ратную,
Вмѣстѣ съ кровнымъ русскимъ золотомъ;
Гдѣ онъ, храбрый Игорь Сѣверскій,
Изъ сѣдла раззолочёнаго
Пересѣлъ въ сѣдло полонника.
Пріуныли стѣны крѣпкія,
Омрачилося веселіе.

—

ПѢСНЬ VII.

СОНЪ СВЯТОСЛАВА.

Худой Святославу привидѣлся сонъ:
«Мнѣ снилось — боярамъ разсказывалъ онъ —
Что будто бы въ полночь, на ложѣ тесовомъ,
Въ горахъ надъ Днѣпромъ,
Меня одѣвали вы чорнымъ покровомъ,
И съ синимъ виномъ
Отраву мѣшали
И тѣмъ ядовитымъ виномъ угощали;
И будто бы жемчугъ колчаномъ пустымъ
Изъ раковинъ черпали вы чередою,
И тѣмъ жемчугомъ дорогимъ
Меня осыпали, смѣясь надо мною;
И что въ златоверхихъ палатахъ моихъ
Безъ матицы доски лежали;
А бѣсовы вороны дебрей глухихъ
Всю ночь, до разсвѣта, у Плѣнска кричали,
На выгонѣ злачныхъ луговъ городскихъ
И прочь не летѣли на синее море!»

«Увы! одолѣло насъ лютое горе!»
Бояре въ отвѣтъ:
«Два сокола ясныхъ, какъ утренній свѣтъ,
Слетѣли съ родного
Стола золотого,
Собрались на брань —
Добыть изъ полона
Наслѣдственный Тмутаракань,
Иль шлемомъ напиться изъ Дона.
Но крылья соколіи ихъ
Враги обрубили мечами,
А буйныхъ самихъ

Опутали крѣпко цѣпами.
На третій день утро смѣнилося мглой,
Померкли два солнца подъ ризой ночной,
А съ ними потухли два мѣсяца ясныхъ —
Олегъ съ Святославомъ, два князя прекрасныхъ.
Заря на Каялѣ погасла во мглѣ:
Какъ барсы степные,
Разсыпались половцы злые
По Русской Землѣ,
Въ пучину несчастій ее погрузили
И хана на новую брань возбудили.
Хула помрачила хвалу,
Предъ силою воля склонилась
И диво-сова, сквозь полночную мглу,
На землю спустилась...
Чу! готскія дѣвы у моря запѣли
Про Буса, бойца своего,
Про месть Шароканову, время его —
И золотомъ русскимъ звенѣли.
А вѣрной дружинѣ твоей суждено,
Знать, горькое-горе одно!»

А князь отвѣчалъ имъ такими рѣчами,
Мѣшая слова золотыя съ слезами:
«О, Игорь и Всеволодъ, дѣти мои!
Не впору вы противъ Земли Половецкой
Мечи обнажили свои,
Гоняясь за славой — молвой молодецкой!
Безславно своихъ вы сломили враговъ,
Безславно поганую пролили кровь!
Изъ стали сердца ваши скованы были,
А время и мужество ихъ закалили...
И этого ль могъ ожидать я отъ васъ,
На старости лѣтъ сѣдиной серебрясь?
И вотъ ужь враги полонили
Одну изъ сильнѣйшихъ моихъ областей!
Гдѣ братъ мой отважный съ отрядами былей, *)
Съ черниговской ратью своей?
Гдѣ наши могуты, татраны, ревуги,
Шельбиры, топчаки, ольберы? **) гдѣ, други,
Они — побѣждавшіе крикомъ враговъ,
Съ одними ножами, безъ крѣпкихъ щитовъ,
Гремѣвшіе дѣдовской славой?
Но вы говорили: «на подвигъ кровавый
«Одни мы пойдемъ, какъ въ минувшіе дни,
«Прошедшую славу добудемъ одни,
«Одни и грядущей подѣлимся славой!»
Не диво бъ еще на своемъ на вѣку
Вновь стать молодымъ старику!
Когда ясный соколъ линяетъ,
Онъ птицъ высоко загоняетъ
И ужь никогда
Въ обиду не дастъ дорогого гнѣзда,
Да горе—въ князьяхъ мнѣ не помощь, а бремя.
Такъ все измѣняетъ крылатое время!»

Подъ саблями стонетъ безпомощный Римъ, *)
А съ нимъ и Владиміръ, болѣзнью томимъ.
Нѣтъ, видно, печаль и кручина
Удѣлъ беззащитнаго глѣбова сына!

ПѢСНЬ VIII.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ КНЯЗЬЯМЪ.

Великій князь Всеволодъ храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой на защиту
Престола отца своего?

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслами ладей
И вычерпать Донъ многоводный
Шеломами рати своей.

Когда бъ ты былъ здѣсь — по ногатѣ
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили бъ по мелкой резани
За дѣвъ половецкой земли.

Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
Огнемъ самопаловъ живыхъ:
Потомками Глѣба, семьею
Его сыновей удалыхъ.

Ты, Рюрикъ отважный и буйный!
И ты, князь Давидъ молодой!
Не ваши ль златые шеломы
Забрызганы кровью чужой?

Не ваши ль дружины рыкаютъ
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненнымъ турамъ
Концами каленыхъ мечей?

---

*) Былями назывались наёмныя дружины торковъ и берендѣевъ, служившихъ черниговскимъ и другимъ князьямъ.

** Вѣроятно, особые отряды войскъ, названные по именамъ вождей, или начальствовавшихъ.

*) Ромны, нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи.

Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте — и вихремъ за Донъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

А ты, Ярославъ именитый,
Князь Галицкій, славный умомъ!
Высоко сидишь ты на тронѣ,
На тронѣ своемъ золотомъ.

Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Метая каменья за тучи,
Ты путь королю заступилъ;

Замкнулъ, затворилъ воротàми
Дуная широкую пасть,
И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.

Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далекимъ землямъ
И къ Кіеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротàмъ.

Высоко сидя на отцовскомъ
Золòченномъ-пышно столѣ,
Стрѣляешь могучихъ султановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.

Направь свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

И вы, храбрецы удалые,
Романъ и Мстиславъ молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло кидаетесь въ бой.

Однажды рѣшившись, отважно
Стремитесь вы къ цѣли своей,
Какъ соколъ, что въ небѣ ширяетъ,
Чтобъ птицу настигнуть вѣрнѣй;

Затѣмъ-что латинскіе шлемы
И латы на вашихъ плечахъ:
Ужъ многія ханскія земли
Предъ ними распалися въ прахъ.

Ятвяги, Литва, Дерсмела
И орды степныхъ дикарей
Повергли оружье, склонились
Подъ гнётомъ булатныхъ мечей.

Князья, ужь померкъ невозвратно
Для Игоря солнечный свѣтъ,
И листья опали съ деревьевъ,
Какъ-будто въ предвѣстіе бѣдъ:

Уже городà подѣлили
По Роси-рѣкѣ и Судѣ;
А Игоря храброй дружинѣ
Спать сномъ непробуднымъ въ землѣ.

Князья, синій Донъ на побѣду
Зоветъ васъ, вздымая волну!
Отважные òльговы дѣти
Готовы идти на войну.

О, Ингварь и Всеволодъ! *) Трое
Васъ братьевъ — и всѣ вы бойцы:
Родного гнѣзда шестокрыльцы,
Гнѣзда не худого птенцы!

Не жребьемъ побѣднымъ достигли
Вы власти — желанной меты:
Къ чему жь золотые шеломы,
Къ чему вамъ стальные щиты?

Свои воротà оградите
Стрѣлàми отъ вражьихъ племёнъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

—

ПѢСНЬ IX.

ВОСПОМИНАНІЕ О МИНУВШЕМЪ.

Ужь къ Переславлю-городу рѣчка-Сулà серебристыхъ
Струй не катитъ, а Двина болотомъ течетъ къ полочанамъ

*) Здѣсь рѣчь идетъ о трехъ сыновьяхъ Ярослава Луцкаго: Ингварѣ, Всеволодѣ и Мстиславѣ, изъ которыхъ здѣсь только два первые названы по имени, потому-что о послѣднемъ (Мстиславѣ) упоминается выше.

Грознымъ, подъ кликомъ поганыхъ. Одинъ Изяславъ Васильковичъ
Въ шлемы литовскіе острымъ мечёмъ позвонилъ и, затмивши
Славу дѣда Всеслава, прикрытый стальными щитами,
Палъ на кровавой травѣ подъ ударами сабель литовскихъ;
Слёгъ на кровать и сказалъ: «князь, дружину твою удалую
Крыльями птицы одѣли, а звѣри кровь полизали!»
Ни Брячеслава съ нимъ нѐ было, ни Всеволдда: одинъ онъ
Выронилъ пышно-жемчужную душу изъ храбраго тѣла
Сквозь золотое свое ожерелье. Поникло веселье;
Смолкли печальныя пѣсни; трубятъ городѐнскія трубы...
Князь Ярославъ и вы, внуки Всеслава! склоните знамёна
Долу, вложите мечи притуплённые: вы помрачили
Славу могучаго дѣда! Не вы ль приманили поганыхъ
Вашей крамолой на Русскую Землю, на племя Всеслава,
Чтобъ и отъ нихъ мы узнали насилье, какое ужь терпитъ
Русь отъ Земли Половецкой. Въ вѣкѣ седьмомъ отъ Трояна
Кинулъ жребій Всеславъ о любимой имъ дѣвицѣ красной;
И не клюкой подпираясь, а сѣвъ на коня боевого,
Къ стольному Кіеву-городу онъ прискакалъ и доткнулся
Древкомъ копья своего до его золотого престола.
Въ полночь оставилъ Бѣлъ-гȯродъ, а утромъ, подвезши стрикусы,
Сшибъ новгородскіе створы, разбилъ Ярославову славу...
Бросился волкомъ къ Нѣмигѣ съ Дудутокъ... А на Нѣмигѣ
Головы стелятъ снопами, молотятъ стальными цѣпами,
Жизнь кладутъ на току и вѣютъ душу изъ тѣла.
Кровью затопленный берегъ Нѣмиги не жатвой засѣянъ
Былъ, а костями русскихъ сыновъ. Князь Всеславъ народу
Судъ давалъ и рядилъ князьямъ городȧ; а самъ волкомъ
Рыскалъ въ ночи; кидался изъ Кіева къ Тмутаракани
И перерыскивалъ волкомъ дорогу великому Хорсу.
Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ заутренѣ рано
Въ колоколȧ у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ слышалъ
Благовѣстъ тотъ. Хотя у иного и вѣщее сердце
Въ тѣлѣ, а часто страдаетъ. Ему-то разумную пѣсню
Вѣщій Бо́янъ нашъ сложилъ, что ни хитрый, ни умный, ни птица
Быстрая въ небѣ не минутъ суда правосуднаго Бога.
Какъ не стонать и не плакаться Русской Землѣ, вспоминая
Старое время и старыхъ князей! Нельзя жь было вѣчно
Въ Кіевѣ стольномъ Владиміру старому княжить: и нынѣ
Стяги его, доставшися Рюрику съ братомъ Давидомъ,
Словно волы, запряжённыя въ плугъ, подъ ярмомъ ненавистнымъ
Никнутъ, межь-тѣмъ какъ тяжелыя копья свистятъ на Дунаѣ.

ПѢСНЬ X.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

Звучный голосъ раздается
Ярославны молодой;
Стономъ горлицы несется
Онъ предъ утренней зарёй:

«Я быстрѣй лѣсной голубки
По Дунаю полечу
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ обмочу;
Князю милому предстану
И на тѣлѣ на больномъ
Окровавленную рану
Оботру тѣмъ рукавомъ.»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарёй:

«Вѣтеръ, что̀ ты завываешь
И на крыльяхъ на своихъ
Стрѣлы ханскія вздымаешь,
Мечешь въ воиновъ родныхъ?
Иль тебѣ ужь на просторѣ
Тѣсно вѣять въ облакахъ,
Корабли на синемъ морѣ
Мчать, лелѣять на волнахъ?
Для чего жь однимъ размахомъ
Радость лучшую мою
Ты развѣялъ легкимъ прахомъ
По степному ковылю?»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарёй:

«Днѣпръ мой славный! ты волнами
Горы крѣпкія пробилъ,
Половецкими землями
Путь свой дальній проложилъ;
На себѣ, сквозь всѣ преграды,
Ты лелѣяла, рѣка,
Святославовы насады
До улусовъ Кобяка.
О, когда бъ ты вновь примчала
Друга къ этимъ берегамъ,
Что бы я къ нему не слала
Слёзъ на мо̀ре по утрамъ!»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарёй:

«Солнце ясное трикраты!
Всѣмъ ты красно и тепло!
Для чего лучемъ утраты
Войско милаго сожгло?
Для чего въ безводномъ полѣ
Жаждой луки имъ свело
И что гнётъ тоски-недоли
На колчаны налегло?»

ПѢСНЬ XI.

БѢГСТВО ИГОРЯ.

Въ полночь море взволновалося;
Небо тучами покрылося:
Кажетъ Богъ дорогу Игорю
Изъ неволи въ Землю Русскую,
Ко злату-столу отцовскому.

Догорѣла зорька ясная,
Зорька ясная — вечерняя.
Игорь дремлетъ — Игорь бодрствуетъ:
Игорь поле мѣритъ мыслію,
Что отъ Дону отъ великаго
До Донца-рѣки до малаго.
Конь готовъ и ждетъ съ полу̀ночи.
Овлуръ свистнулъ за рѣкой вдали —
Подаетъ вѣсть князю Игорю;
Но князь Игорь не откликнулся.
Крикнулъ — поле всколебалося,
Зашумѣлъ ковыль серебряный,
Съ ними вежи половецкія
Потряслися. Игорь доблестный
Горностаемъ проскочилъ тростникъ.
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ,
На коня стрѣлою кинулся,
Босымъ волкомъ соскочилъ съ него,
Побѣжалъ къ Донцу родимому,
Къ луговому его берегу,
И взвился могучимъ соколомъ,
Убивая подъ туманами
Лебедѣй съ гусями къ завтраку,
На обѣдъ себѣ и къ ужину.
Игорь несся яснымъ соколомъ,
Влуръ бѣжалъ по полю чистому
Сѣрымъ волкомъ, отряхаючи
По пути росу холодную:
Надорвалъ коня дорогою.

Говоритъ ему Донецъ-рѣка:
«Много, князь, тебѣ величія,
Кончаку-врагу нелюбія,
А землѣ родной веселія!»
Игорь-князь ему отвѣтствуетъ:
«О, Донецъ! не мало доблести
И тебѣ, что князя Игоря
На волнахъ своихъ серебряныхъ
Ты лелѣялъ, устилаючи
Берега травой зеленою,
Одѣвая мглами теплыми

Подъ нависшими деревьями!
Ты стерегъ его заботливо
На водѣ хохлатымъ гоголемъ,
На струяхъ рѣчною чайкою,
Уткой-чернядью въ поднѣбесьѣ.
Нѣтъ, не такъ, вздымаясь волнами,
Мчится Стугна мелководная!
Поглотивъ ручьи нагорные,
Она струги о кустарники
Раздробила, ненасытная,
И на-вѣки заградила путь
Къ берегамъ днѣпровскимъ юному
Ростиславу. И заплакала
Мать сѣдая ростиславова
По прекрасномъ князѣ-юношѣ:
«На лугахъ цвѣты душистые
Осыпаются отъ жалости,
А деревья съ тихой грустію
Надъ землею наклоняются.»

Не сорочье стрекотаніе
Раздается въ отдаленіи:
Это ѣдутъ, вслѣдъ за Игоремъ,
Гзакъ съ Кончакомъ половецкіе.
Стихло. Вороны не каркали,
Галки смолкли и съ сороками
По деревьямъ только прыгали;
Дятелъ путь къ рѣкѣ указывалъ;
Соловей веселымъ пѣніемъ
Утро ясное привѣтствовалъ.

И съ Кончакомъ рѣчь заводитъ Гзакъ:
«Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
То стрѣлами золочёными
Соколёнка разстрѣляемъ мы.»
А Кончакъ ему отвѣтствуетъ:
«Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
Такъ красавцею-дѣвицей
Соколёнка мы опутаемъ.»
А Кончаку снова молвитъ Гзакъ:
«Если дѣвицей-красавицей
Соколёнка мы опутаемъ,
Не видать тогда намъ болѣе
Ни соколика, ни дѣвицы,
Нашей дѣвицы-красавицы,
И начнутъ насъ птицы хищныя
Бить средь поля половецкаго.»

—

ПѢСНЬ XII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Вѣдь сказалъ же Боянъ,
Какъ и вѣщій Коганъ,
Пѣснотворецъ временъ Ярослава,
Говорилъ въ старину,
Прославляя войну
И походъ старика Святослава:

«Тяжело на землѣ
Жить безъ плечъ головѣ,
Тяжело богатырскому тѣлу
Безъ головушки жить!»
Такъ безъ Игоря быть
Землѣ Русской, родному удѣлу.

Солнце-свѣтъ въ небеси,
Игорь-князь на Руси.
На Дунаѣ запѣли дѣвицы —
И летятъ голоса
Чрезъ моря и лѣса
Къ высямъ Кіева, пышной столицы.

Игорь ѣдетъ домой —
Къ Пирогощѣ святой
По Боричеву путь направляетъ.
По дорогѣ народъ
Веселится, поётъ,
Своихъ старыхъ князей величаетъ,

А потомъ молодыхъ.
Такъ прославимъ же ихъ!
Слава Игорю, ихъ властелину!
Храбрецу, удальцу
Всеволоду-бойцу
И Владиміру, Игоря сыну!

Много здравствовать вамъ,
И князьямъ и войскамъ,
Поборавшимъ всегда и до нынѣ
За мирянъ-христіанъ
На полки басурманъ!
Слава храбрымъ князьямъ и дружинѣ!

Н. Гербель.

—

СЛАВЯНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

О СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ.

Славянскій міръ, таящій въ себѣ задатки широкой своеобразной будущности, по степени уже достигнутаго имъ развитія, конечно, не можетъ еще сравниться со своими старшими европейскими братьями. Понятно послѣ этого, что и степень достигнутыхъ имъ литературныхъ успѣховъ не можетъ еще быть поставлена въ уровень съ богатыми и самостоятельными литературами главнѣйшихъ народовъ Европы. Изъ болѣе или менѣе значительнаго ряда писателей направленія подражательнаго у той или другой славянской народности выдается еще очень не много такихъ именъ, которыя бы составляли дѣйствительный вкладъ въ обще-европейскую литературу — какъ по своеобразію своихъ произведеній, такъ и по способности доводить такое своеобразіе до міроваго значенія. Славяне и до-сихъ-поръ еще по преимуществу должны хвалиться своею народною словесностью, этимъ безъискусственнымъ, еще не знающимъ авторства и не прибѣгающимъ къ письму, первобытнымъ творчествомъ, богатымъ хранилищемъ котораго служитъ крѣпкая память народная. Сравнительно съ народною словесностью славянъ, очевиднымъ отпечаткомъ разслабленія, поблѣднѣлости, вымиранія отличаются народныя пѣсни другихъ, болѣе образованныхъ народовъ Европы, за-то неизмѣримо богатѣйшихъ литературою, съ широкимъ развитіемъ которой всегда соединяется упадокъ народной словесности. Дѣло въ томъ, что у народа развивающагося правильно, литература собственно представляетъ дальнѣйшую степень развитія тѣхъ началъ, задатки которыхъ заключаются уже въ народной словесности, а потому литературою все болѣе и болѣе упраздняется, особливо по мѣрѣ ея распространенія въ цѣломъ народѣ, безъискусственная словесность народная. Правда, что подобнаго рода правильный ходъ развитія есть представленіе идеальное; въ полномъ смыслѣ его не найдешь ни у одного изъ народовъ Европы, а поэтому-то ни у одного изъ нихъ и не является окончательно упраздненною словесность народная. Но всего менѣе поводовъ къ ея упраздненію представляетъ славянскій міръ, литературное развитіе котораго всего менѣе отличалось подобною правильностью. При той, все еще недостаточной степени народно-мірового содержанія, какую представляетъ все еще не довольно самостоятельная, болѣе или менѣе съ помощью пересадокъ, тепличнымъ образомъ выращенная литература славянъ, дѣйствительно своеобразныхъ сторонъ славянскаго міросозерцанія, настоящаго отраженія славянскихъ народныхъ нравовъ и даже славянской народной исторіи приходится искать преимущественно въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Что̀ касается собственно историческаго значенія народнаго эпоса вообще, то оно самымъ удовлетворительнымъ образомъ выясняется въ слѣдующихъ словахъ извѣстнаго собирателя кельтскихъ народныхъ пѣсенъ, Вильмарке: «Отчего до-сихъ-поръ постоянно обходился истори-

ками самъ *народъ?* Откуда такое забвенье о немъ? Отчего не побезпокоились собрать матерьялы для его исторіи? Оттого-что, по всей вѣроятности, долго и не предполагали, чтобы у него могла быть исторія. Да и она въ самомъ дѣлѣ не оказывается занесенною ни въ лѣтописи, ни въ граматы. А между тѣмъ вѣдь она существуетъ: ея хранилищемъ служатъ народныя, передаваемыя по преданію пѣсни» *).

Въ старину стародавнюю люди болѣе или менѣе книжные, представители тогдашняго образованнаго слоя, смотрѣли на это дѣло иначе. Въ помѣщенномъ во главѣ этой книги литературномъ памятникѣ XII вѣка, нашемъ «Словѣ о полку Игоревѣ», неизвѣстный (т. е. намъ теперь неизвѣстный) сочинитель его рѣзко противопоставляетъ *былины*, т. е. быль, исторію — *замысламъ Бояна*, пѣвца, т. е. поэтическимъ замысламъ, пѣснямъ, эпосу. Между-тѣмъ самъ народъ подъ *былинами* или *старинами* и до-сихъ-поръ еще разумѣетъ пѣсни съ весьма даже яркою примѣсью самыхъ чудесныхъ вымысловъ, да и людямъ науки съ другой стороны вымыслы эти ни мало не мѣшаютъ видѣть въ нихъ дѣйствительную *старину* народную, т. е. придавать имъ значеніе *историческое* не въ узкомъ, буквальномъ, а въ широкомъ и глубокомъ значеніи этого слова.

Дѣло въ томъ, что въ народныхъ нашихъ былинахъ дѣйствительно отражается жизнь самого народа, тогда-какъ былины, приводимыя авторомъ «Слова о полку игоревѣ», представляютъ намъ собственно лишь князей съ ихъ дружинами. «Слово о полку Игоревѣ» со своимъ, хотя и невѣдомымъ намъ теперь, сочинителемъ, является такимъ образомъ уже не чисто народнымъ произведеніемъ. При всемъ томъ оно, по многимъ своимъ поэтическимъ оборотамъ, оказывается въ самомъ близкомъ родствѣ съ народными пѣснями. «Слово о полку Игоревѣ», какъ и довольно близко подходящія къ нему по строю чешскія пѣсни такъ называемой «Краледворской рукописи», также помѣщенныя въ этой книгѣ во главѣ чешскихъ пѣсенъ, служитъ прямымъ доказательствомъ, что у славянъ совершенно правильнымъ образомъ начиналось зарожденье произведеній личнаго творчества непосредственно изъ корней народнаго эпоса. Къ сожалѣнію, доброе начало такъ и осталось *началомъ*. Дальнѣйшій историческій ходъ вещей у насъ на Руси оказался рѣшительно неблагопріятнымъ вообще для успѣховъ свѣтской литературы, просто остановившейся въ своемъ развитіи; у братьевъ же нашихъ чеховъ дальнѣйшія историческія судьбы въ скоромъ времени разобщили литературу съ народной словесностью и рѣшительно подчинили первую чуждымъ вліяніямъ.

Внимательный читатель замѣтитъ, что даже въ представляемыхъ здѣсь переводахъ «Слово о полку Игоревѣ» и «Краледворская рукопись», сходныя по своему историческому строю, по воспѣванію въ нихъ дружинъ съ князьями и по отсутствію въ нихъ чудесности (что̀ объясняется единствомъ поэтическаго рода), съ другой стороны довольно сходны и по нѣкоторымъ поэтическимъ образамъ и сравненіямъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется единствомъ ихъ народнаго источника, тѣмъ, что какъ авторъ нашего «Слова», такъ и авторы чешскихъ пѣсенъ черпали изъ издавно-наслѣдственнаго запаса устно-народныхъ пріемовъ и оборотовъ, которые не только въ то отдаленное время, но и теперь представляются сходными у различныхъ славянъ.

Нашъ извѣстный изслѣдователь народной старины, Ѳ. И. Буслаевъ, давно уже обратилъ вниманіе на совпаденіе многихъ оборотовъ и образовъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» съ образами и оборотами теперешнихъ народныхъ пѣсенъ — по преимуществу южно-русскихъ, т. е. пѣсенъ той самой мѣстности, которой принадлежитъ и «Слово о полку Игоревѣ». Въ настоящемъ изданіи вслѣдъ за нимъ непосредственно и помѣщаются пѣсни южно-русскія или малороссійскія въ переводѣ (какъ и все въ этомъ изданіи) на нашъ современный литературный языкъ. Первое мѣсто по праву дано тутъ такъ называемымъ *думамъ* малороссійскимъ, подходящимъ къ «Слову о полку Игоревѣ» и по своему историческому значенію, чуждому всякой *чудесной* примѣси. Думы составляютъ однако же чисто-народный поэтическій родъ — ту позднѣйшую ступень въ развитіи южно-русской народной словесности, которою упразднена была въ южной Руси ступень древнѣйшая — богатырскій владиміровъ эпосъ, перенесенный на востокъ и на сѣверо-востокъ и доживающій тамъ свой вѣкъ въ видѣ тѣхъ *былинъ*, о которыхъ упомянуто выше и которыя не вошли въ это изданіе, какъ не требующія перевода. Причина, почему старинныя пѣсни о борьбѣ богатырей стольно-кіевскаго Владиміра съ различными насильниками Русской Земли совершенно

*) Villemarqué, Barzaz Breiz, предисловіе къ 1-му изданію.

были вытѣснены *думами*, повѣствующими о борьбѣ позднѣйшихъ богатырей — козаковъ съ позднѣйшими насильниками—единоплеменными намъ поляками, давно уже выяснена у Н. И. Костомарова тѣмъ, что эта послѣдняя борьба, привлекши къ себѣ участіе и вниманіе *всего* народа, наполнивъ всю его жизнь, и въ самомъ народномъ эпосѣ не оставила мѣста ни для чего другого — ни для малѣйшихъ воспоминаній о какой либо другой борьбѣ.

Вслѣдъ за думами помѣщаются здѣсь образцы мелкихъ малороссійскихъ пѣсенъ такъ называемаго бытового содержанія. Эти послѣднія представляютъ значительныя сходства съ пѣснями бѣлорусскими, которыя всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ разряду бытовыхъ. Въ Бѣлоруссіи не имѣется ничего похожаго на малороссійскія думы; въ ней вовсе не развилась *историческая* (въ строгомъ смыслѣ слова) пѣсня, хотя въ ней, какъ и въ Малороссіи, совершенно забыта *былина*, этотъ полуисторическій эпосъ о богатыряхъ владиміровыхъ. Если же древнѣйшій эпосъ, совершенно изчезнувъ и въ Бѣлоруссіи, оставилъ тамъ по себѣ пустоту, потому-что ничего не явилось ему на смѣну, то это объясняется тѣми историческими обстоятельствами, которыя совершенно пришибли народную силу въ этомъ несчастнѣйшемъ изъ краевъ Земли Русской. Тяжесть панскаго гнета была такова, что невольно замирала въ устахъ и самая жалоба, раздающаяся только по-временамъ, но за-то выразительно, въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ. Самымъ однако же яркимъ поэтическимъ выраженіемъ бѣдствій народа подъ панскимъ ярмомъ служитъ прекрасная пѣсня изъ угорской Руси, заимствованная въ настоящемъ изданіи изъ сборника Я. Ѳ. Головацкаго. Вообще же угорско-русскія пѣсни, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ галицкими, очень близко подходятъ вмѣстѣ съ этими послѣдними по строю, оборотамъ и языку къ малороссійскимъ пѣснямъ.

Во главѣ настоящаго изданія такимъ образомъ помѣщаются, вслѣдъ за переводомъ старо-русскаго «Слова о полку Игоревѣ», переводы съ отдѣльныхъ нарѣчій теперешняго русскаго языка. За-то далѣе слѣдуютъ уже переводы пѣсенъ, принадлежащихъ другимъ великимъ отраслямъ славянскаго племени. Первое мѣсто отведено тутъ пѣснямъ юго-славянскимъ: сербскимъ и болгарскимъ, тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ между собою и нерѣдко даже повѣствующимъ (въ отдѣлѣ собственно эпическомъ) объ однѣхъ и тѣхъ же поэтическихъ личностяхъ и событіяхъ. Связанные между собою единствомъ вѣры и, во многихъ отношеніяхъ, судьбы исторической, сербы и болгары вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрою и устойчивостью въ нихъ (не смотря на турецкое иго) своеобразныхъ славянскихъ началъ ближайшимъ образомъ связаны съ нами русскими, да и самый языкъ ихъ, не смотря на извѣстную примѣсь турецкихъ словъ, ближе подходитъ къ нашему, чѣмъ языки большей части другихъ славянъ. Дѣло въ томъ, что владычество турокъ, какъ бы ни было тяжко оно со стороны внѣшней, не дѣйствовало такимъ разлагающимъ образомъ на внутреннюю жизнь народа, на самобытность и независимость его народной личности, какъ оно было у славянъ западныхъ подъ вліяніемъ нѣмцевъ и ихъ различныхъ союзниковъ. Конечно, никакія насилія турокъ не сравнятся съ тѣми, какія испытали по преимуществу многострадальные между западными славянами чехи послѣ своей блестящей гуситской поры, когда они такъ рѣшительно опередили остальную Европу, которая именно за такую ихъ дерзость и насильничала надъ ними такъ долго и такъ неистово *). Понятно, что подъ вліяньемъ такихъ неистовствъ у народной громады въ Чехіи могла быть надолго пришиблена и самая историческая память — и въ устно-народной поэзіи чеховъ дѣйствительно замѣтенъ огромный пробѣлъ: полнѣйшее отсутствіе тѣхъ пѣсенъ, которыя замѣняютъ для народа исторію и соотвѣтственно этому называются у насъ *былинами* или *старинами*. Напротивъ, именно этими пѣснями неистощимо богаты сербы, прямо первенствующіе въ этомъ отношеніи передъ всѣми другими славянами. Стоитъ вспомнить при этомъ съ другой стороны про отсутствіе *былевого* отдѣла у бѣлоруссовъ, которое объяснено было выше силою испытаннаго ими гнета. А между тѣмъ вѣдь паны, угнетавшіе бѣлорусскій народъ, не были какою-нибудь чужою, инородною или нехристіанскою силою: это были свои же братья славяне, только принадлежавшіе особой славянской отрасли. Но гнетъ поляковъ въ Бѣлоруссіи все же можетъ быть объясняемъ и тѣмъ, что

---

*) Что касается этого *передового* значенія чеховъ въ гуситскую пору, то я могу сослаться даже на писателя, котораго, конечно, никто не можетъ упрекнуть въ излишнемъ пристрастіи къ славянству, а именно на А. Н. Пыпина. (См. его «Обзоръ Исторіи Славянскихъ Литературъ», стр. 285.)

сами они смотрѣли на себя, какъ на людей иной, высшей вѣры, которая заставляла ихъ видѣть въ русскихъ чуть-ли не инородцевъ. А что же представляетъ намъ сама Польша, Польша въ ея природныхъ предѣлахъ, помимо всякихъ захватовъ у Руси? Развѣ не такой-же точно гнетъ, какъ и бѣлоруссы, испытывалъ *польскій* простой народъ подъ вліяніемъ *польскаго* панства? Вотъ этимъ же самымъ гнетомъ объясняется и отсутствіе въ польской народной словесности, какъ и въ бѣлорусской, пѣсенъ высшаго, героическаго содержанія, пѣсенъ такъ называемыхъ былевыхъ. И вотъ ежели съ этимъ отсутствіемъ ихъ у угнетенныхъ *своимъ* же вельможествомъ поляковъ сопоставить широкое процвѣтаніе подобныхъ пѣсенъ у сербовъ, не смотря на вѣковое владычество надъ ними *чужого* и *иновѣрнаго*, притомъ даже *не-христіанскаго* народа — турокъ, то невольно придется прійти къ заключенію, что общественная порабощенность народа во сто кратъ хуже, чѣмъ его политическая подвластность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и у насъ на Руси двухвѣковое иго татаръ породило гораздо менѣе золъ, чѣмъ позднѣйшая и нѣсколько долѣе продолжавшаяся *закрѣпощенность* народа. Извѣстно, что и нашъ русскій былевой эпосъ въ наибольшей полнотѣ сохранился на той сѣверной нашей окраинѣ, куда не проникло крѣпостное право.

Изо всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что судьбы народной словесности, какъ и судьбы народовъ, не вездѣ одинаковы. Съ одной стороны словесность народная, какъ и самый языкъ, составляетъ достояніе всенародное: нѣтъ народа безъ языка, и нѣтъ народа, языкъ котораго не доходилъ бы до созданія пѣсенъ. Но чѣмъ болѣе заключаетъ въ себѣ народъ *задатковъ* исторической жизни, тѣмъ богаче, глубже, многостороннѣе становятся его пѣсни. Появленіе въ народной словесности такъ называемыхъ у насъ *былинъ* или *старинъ* служитъ первымъ признакомъ пробужденія во всей громадѣ народной *историческаго самосознанія*. Такое самосознаніе можетъ не пробудиться — и подобныя пѣсни не появляются; или оно можетъ пробудиться, но потомъ заглохнуть подъ вліяньемъ позднѣйшихъ неблагопріятныхъ вліяній — и подобныя пѣсни изчезаютъ изъ памяти. Народная словесность такимъ образомъ представляетъ свои послѣдовательныя ступени развитія, но не всякій народъ проходитъ ихъ всѣ и не всякому удается при этомъ спастись, какъ и въ самой исторической жизни, отъ поворотовъ вспять. Съ другой же стороны народъ, въ силу своихъ историческихъ способностей и удатности достигшій въ своей устной словесности самой высокой ступени, при дальнѣйшихъ успѣхахъ своихъ и удачахъ на историческомъ поприщѣ, долженъ неминуемо ожидать упадка и разложенія въ области устнаго творчества, которое должно все болѣе и болѣе вытѣсняться литературною дѣятельностью, и тѣмъ быстрѣе должно пойти подобное вытѣсненіе, чѣмъ непосредственнѣе будутъ участвовать въ литературной дѣятельности силы *всего народа*, или, по-крайней-мѣрѣ, чѣмъ непосредственнѣе будетъ пользоваться ею весь народъ.

Если сербскій народный эпосъ занимаетъ такое первенствующее положеніе въ народной словесности славянъ, то это служитъ съ одной стороны признакомъ богатыхъ задатковъ для исторической жизни въ сербскомъ народѣ, указываетъ на то, что задатки эти не были пришиблены и турецкимъ игомъ, съ другой же стороны это объясняется тѣмъ, что въ литературной дѣятельности сербской, послѣ ея старыхъ, да и то далеко не самостоятельныхъ зачатковъ, произошолъ продолжительный перерывъ и застой; новѣйшія же попытки сербовъ на литературномъ поприщѣ еще очень далеки отъ того, чтобы повести къ ослабленью народнаго творчества. Сербскій былевой эпосъ, сохранившійся даже въ большей свѣжести и неиспорченности, чѣмъ нашъ русскій, уступаетъ этому послѣднему только въ *объединенности:* не смотря на то, что не только многія изъ дошедшихъ до насъ русскихъ былинъ неполны или значительно подновлены, но что многія изъ нихъ, очевидно, совсѣмъ позабыты, и въ нашемъ эпосѣ такимъ образомъ существуютъ большіе пробѣлы — и въ тѣхъ, такъ сказать, уже *развалинахъ*, которыя у насъ сохранились, замѣчается такая стройная замкнутость въ одинъ кругъ (я разумѣю кіевскій) и сосредоточенность вокругъ одной, нравственно первенствующей личности (Ильи Муромца), какая сербскимъ народнымъ эпосомъ не достигнута. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что и въ исторической жизни русскій народъ достигъ, разумѣется, бо̀льшаго, чѣмъ народъ сербскій, а то уже разлагающееся состояніе, въ какомъ дошолъ до насъ русскій эпосъ, объясняется съ одной стороны вышеупомянутымъ пришибающимъ дѣйствіемъ крѣпостного права (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно господствовало), съ другой же намъ стоитъ только

назвать Ломоносова, Посошкова, Слѣпушкина, Кольцова, Никитина, чтобы дать почувствовать, что нѣкоторая часть общенародныхъ умственныхъ силъ уже отводится у насъ изъ области первобытнаго творчества въ область литературы. Тоже самое обстоятельство, даже еще въ сильнѣйшей степени, обнаружилось въ текущемъ столѣтіи у чеховъ и у словаковъ, и это въ свою очередь объясняетъ уже проявляющійся у нихъ упадокъ народнаго творчества, имѣющій усиливаться — чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе.

Только что изложенныя обстоятельства достаточно, кажется, объясняютъ, почему для сербскихъ народныхъ пѣсенъ отведено въ настоящемъ изданіи такъ много мѣста. А соотвѣтственно этому о нихъ придется сказать всего болѣе и въ моемъ вступительномъ очеркѣ.

Сербскій народный эпосъ отличается отъ нашего русскаго тѣмъ, что, особенно живо помня о порѣ непосредственно предшествовавшей турецкому нашествію и непосредственно слѣдовавшей за нимъ, онъ сохранилъ только самыя темныя воспоминанія о древнѣйшей порѣ, тогда какъ въ нашемъ русскомъ эпосѣ какъ бы застывшею представляется именно пора древнѣйшая кіевская и къ ней, съ ея стольнымъ (хотя и сильно баснословленнымъ) княземъ Владиміромъ, пріурочиваются позднѣйшія историческія событія. Напротивъ того въ сербскомъ эпосѣ даже далеко не столь старый и вполнѣ блистательный царь Душанъ († 1356 г.), этотъ главнѣйшій изъ представителей кратковременнаго могущества Сербіи, стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ господствующаго теченія событій эпическихъ. Былины о царѣ Стефанѣ и затрогиваютъ-то большею частью только различныя и притомъ чисто баснословныя обстоятельства изъ приписываемой ему частной жизни, и имъ остается почти совершенно чуждо историческое его значеніе. Но оно вѣдь и не могло привлечь къ себѣ сочувственнаго участья народа, потому-что весь блескъ и могущество, приданные Душаномъ Сербіи, были чисто искусственнаго, а потому и непрочнаго свойства. Душану хотѣлось построить Сербію по плѣнившему его властолюбивое воображеніе византійскому государственному образцу, но это было противно природнымъ условіямъ Сербіи и народъ отнесся къ этому безучастно. Собственно одна пѣсня сербская, помѣщенная у насъ въ самомъ началѣ, при всей легендарной своей обстановкѣ, отчасти отражаетъ въ себѣ историческое значеніе царя Стефана — и отражаетъ въ несочувственномъ свѣтѣ. Происходившее при немъ столкновенье народнаго сербскаго и византійскаго взгляда на вещи выражается тутъ въ двоякомъ образѣ дѣйствій царя Стефана на заданномъ имъ именинномъ пирѣ. Въ началѣ его царь Стефанъ, по народному, для всѣхъ равно обязательному закону гостепріимства, самъ прислуживаетъ своимъ гостямъ (какъ и нашъ Владиміръ князь стольно-кіевскій). Но сидящее за столомъ у царя духовенство является представителемъ византійскаго взгляда, когда говоритъ, что смотрѣть на это зазорно, что на то у него царя есть слуги. Стефанъ немедленно *соблазняется* такимъ взглядомъ и перестаетъ прислуживать, но самъ небесный покровитель царя, Стефанъ архангелъ, становится противъ зараженнаго чужими понятіями духовенства на сторону народнаго взгляда, переставая пріосѣнять царя своими крыльями — за то, что онъ не смирился духомъ.

Къ числу историческихъ лицъ, предшествовавшихъ турецкому игу и занесенныхъ въ народный эпосъ, принадлежитъ и *краль* Вукашинъ, вмѣстѣ съ этимъ званіемъ получившій почти неограниченную власть при молодомъ преемникѣ царя Стефана, Урошѣ, котораго онъ и убилъ потомъ какъ бы изъ благодарности. Эпосъ остается вѣрнымъ исторіи, выставляя Вукашина въ самомъ несочувственномъ свѣтѣ; но похожденія, приписываемыя ему, на половину баснословнаго свойства. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что онъ вѣроломнымъ образомъ губитъ воеводу Момчила, при помощи измѣнившей ему жены (такихъ женъ-измѣнницъ — множество въ эпосѣ всѣхъ народовъ), но, по собственному совѣту умирающаго, не беретъ участницу въ преступленіи за себя, боясь, что она и ему измѣнитъ, а женится на вѣрной сестрѣ Момчила, Евросимѣ. Другое похожденіе Вукашина помѣщено въ настоящемъ изданіи; это — «Построеніе Скадра». Въ основу легло тутъ старинное миѳическое повѣріе, существующее въ эпосѣ разныхъ народовъ, что для успѣха извѣстнаго предпріятія нужна человѣческая жертва. Въ сербской пѣснѣ жертвы этой требуетъ *вила*, одно изъ тѣхъ, довольно часто въ нихъ попадающихся, миѳическихъ женскихъ существъ воздушнаго свойства, которыя представляются живущими на высокихъ горахъ и въ каменныхъ пещерахъ у водъ. Желая спасти отъ роковой смерти свою жену, Вукашинъ, совершенно согласно съ основными чертами своего

права, нарушаетъ данную имъ передъ братьями клятву молчать и предоставить это дѣло судьбѣ. Столько же вѣроломнымъ оказывается, впрочемъ, и второй братъ, Углѣша; за-то вѣрнымъ клятвѣ остается третій — такою правдивостью напоминающій сочувственный типъ младшаго брата во всенародныхъ сказкахъ. Ужасная развязка пѣсни поэтически смягчается тѣмъ, что юная жена Гойки, закладываемая въ стѣну, и послѣ смерти сохраняетъ способность питать грудью своего младенца — черта, объясняемая всенароднымъ вѣрованіемъ въ продолжающіяся сношенія между мертвыми и живыми. Нельзя не замѣтить, что самыми первобытными временами отзывается въ нашей пѣснѣ исправленье самими жонами вельможъ служебныхъ обязанностей, напоминающее типъ Навзикаи въ «Одиссеѣ»; съ другой же стороны допотопная грубость понятій слышна въ просьбѣ несчастной Гойковицы—на деньги ея матери купить рабыню и заложить ее въ стѣну вмѣсто нея.

Отголосокъ той же грубой патріархальной поры слышится и въ большой пѣснѣ про бановича Страхинью, жена котораго уведена туркомъ, родной же ея отецъ не хочетъ отпустить на выручку къ ней ея братьевъ, на томъ основаніи, что ей послѣ этого не быть ужь женою Страхиньѣ и лучше ему поискать другой. За-то въ этой же самой пѣснѣ оказывается замѣчательная смягченность — сравнительно со сходными сказаніями про расправу мужа съ женою-измѣнницей у разныхъ народовъ. Вмѣсто обычнаго въ этомъ случаѣ жестокаго самосуда, Страхинья не только самъ прощаетъ жену свою, но и не позволяетъ отцу ея и братьямъ дотронуться до нея пальцемъ. Наконецъ проявленіемъ человѣчности служитъ въ этой пѣснѣ и то, что Страхинья отпустилъ плѣннаго дервиша на свободу, повѣривъ его честному слову. Черта эта вполнѣ соотвѣтствуетъ свидѣтельству императора византійскаго Маврикія, что у славянъ въ обычаѣ было предлагать военно-плѣннымъ, по прожитіи у нихъ опредѣленнаго срока, выкупаться на волю, или оставаться жить вмѣстѣ съ ними въ качествѣ уже свободныхъ людей.

Мѣстомъ, гдѣ происходитъ бой Страхиньи съ обидчикомъ туркомъ, служитъ знаменитое въ эпосѣ и исторіи печальной памяти Косово поле. Надо замѣтить однако же, что оно является въ сербскомъ эпосѣ такимъ же обычнымъ прозвищемъ поля вообще, какъ въ нашихъ былинахъ Куликово поле, а потому и нѣтъ основанія въ боѣ Страхиньи съ Влахъ-Аліей видѣть одинъ изъ эпизодовъ знаменитой косовской битвы, участниками въ которой являются, это правда, и Страхинья и его тесть съ шурьями, но уже въ особыхъ пѣсняхъ, относящихся къ нѣсколько позднѣйшей порѣ эпической. Предвѣстіемъ этой поры является сонъ, упоминаемый въ пѣснѣ о «Сербской церкви», какъ она называется въ переводѣ А. Н. Майкова («Зиданье Раванице» въ сборникѣ Вука Караджича). Впрочемъ, это не столько переводъ, сколько весьма даже вольное возсозданіе, и самый сонъ царицы съ его разгадкою принадлежитъ не сербскому подлиннику, а нашему поэту, хотя нельзя не сознаться, что онъ совершенно въ духѣ народнаго эпоса. Въ подлинникѣ царица просто указываетъ царю Лазарю на то, что слѣдуетъ же и ему, по примѣру предковъ, выстроить церковь на поминъ души; слѣдующія же за тѣмъ блистательныя затѣи царя и скромный совѣтъ Милоша, съ указаніемъ на предстоящее нашествіе турокъ, переданы г. Майковымъ совершенно вѣрно. Царь Лазарь, какъ извѣстно — лицо историческое. Бывъ сперва сановникомъ при царѣ Стефанѣ Душанѣ Сильномъ и потомъ намѣстникомъ двухъ отдѣльныхъ областей въ сербскомъ царствѣ, онъ впослѣдствіи достигъ самодержавной власти и положилъ конецъ междоусобіямъ, слѣдовавшимъ за смертью Душана. Спокойствіе, доставленное имъ Сербіи, было однако же не надолго: турки, съ которыми имѣлъ уже дѣло краль Вукашинъ (убитый послѣ проигранной битвы съ ними въ 1371 г.), неминуемо угрожали самостоятельности Сербіи, какъ о томъ пророчили, по свидѣтельству Милоша, святыя старинныя книги (кньиге староставне). Милошъ — также лицо историческое, одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ роковой борьбѣ съ турками и одинъ изъ любимыхъ героевъ народнаго эпоса. Въ особомъ пересказѣ пѣсни о построеніи царемъ Лазаремъ церкви, онъ становится спасителемъ отъ лютой казни братьевъ царицы Милицы, Юговичей, и отца ея Югъ-Богдана, навлекшихъ на себя опалу царскую страшнымъ корыстолюбіемъ, выказаннымъ ими при ввѣренномъ имъ наблюденіи за постройкою церкви *). Такимъ образомъ Юговичи со своимъ старымъ отцомъ являются съ самой непривлекательной стороны не въ одной только пѣснѣ про бановича Страхинью. Между тѣмъ тѣ же самые Юговичи

*) Вука Караджича «Сербскія Пѣсни», ч. II, № 36.

становятся безстрашными защитниками отечества въ пѣсняхъ про косовскую битву—подъ неотразимымъ вліяніемъ того могучаго общенароднаго чувства, которое бываетъ въ состояніи охватывать и проводить сквозь свое очистительное горнило и такихъ людей, которые, каждый самъ по себѣ, въ отдѣльности, отличаются совершенною дрянностью. Юговичи, какъ и всѣ вокругъ нихъ, боятся быть прозванными окаянными трусами и измѣнниками и слагаютъ свои буйныя головы (спасается только младшій) вмѣстѣ со старикомъ Югъ-Богданомъ, въ обыкновенное время, какъ видѣли мы, стоявшимъ не выше ихъ въ нравственномъ отношеніи. Но не побоялся прозваться измѣнникомъ безстыдный Вукъ Бранковичъ, этотъ Ганелонъ народнаго сербскаго эпоса *), за-то и проклинаемый въ каждой изъ пѣсенъ про косовскую битву. По исторіи женатый на одной изъ дочерей Лазаря, какъ и Милошъ, Вукъ находился съ этимъ послѣднимъ въ давнишней личной враждѣ, и самая клевета на него передъ Лазаремъ, будто бы онъ хочетъ ему измѣнить, (съ больной головы на здоровую!) существуетъ не только въ эпосѣ, но есть историческій фактъ, засвидѣтельствованный сербскими и греческими писателями, равно какъ и убіеніе Милошемъ султана Мурата**). Въ одной изъ пѣсенъ про косовскую битву участникомъ въ ней становится и краль Вукашинъ, подобно Юговичамъ съ ихъ отцомъ заглаживающій свои преступленія славною смертью (по исторіи же, какъ видѣли мы, Вукашинъ погибъ еще въ 1371 г., тогда-какъ косовская битва была въ 1389 г.).

Прекрасныя сербскія пѣсни про косовскую битву, какъ не трудно замѣтить, отличаются, за весьма немногими исключеніями въ частностяхъ, перевѣсомъ историческаго строя. Въ нихъ даже почти незамѣтно той обычной въ эпосѣ примѣси чудеснаго, въ силу которой одиночные богатыри народные расправляются съ цѣлыми вражьими полчищами. Собственно только въ пѣснѣ про Юришича Янка чисто-богатырская, но и то уже значительно умѣренная, стихія сказывается въ томъ, что одинъ онъ удачно совершаетъ расправу съ цѣлыми двумя стами янычаровъ. По внутреннему своему настроенію пѣсни о косовской битвѣ проникнуты мужественною грустью и какою-то особенною покорностью неотразимому року. Въ одной изъ нихъ роковое принимаетъ христіанскій вѣроисповѣдный оттѣнокъ, долженствующій успокоительнымъ образомъ дѣйствовать на оскорбленное народное чувство. Царю Лазарю будто бы былъ предоставленъ выборъ между земнымъ и небеснымъ царствомъ, и онъ будто бы самъ предпочелъ мученическимъ исходомъ борьбы съ невѣрными купить царство небесное, потому-что оно — на вѣки, земное же не надолго.

Въ пѣснѣ о Юришичѣ Янкѣ участникомъ косовской битвы является и знаменитый королевичъ Марко. Своего рода намекъ на это имѣется и въ пѣснѣ про Марка и сокола, гдѣ этотъ послѣдній спасается Маркомъ именно во время битвы съ турками на косовомъ полѣ. Между-тѣмъ всѣ остальныя пѣсни выставляютъ Марка, согласно съ исторіей, не супротивникомъ турокъ, а вѣрнымъ, хотя и не дающимъ себя въ обиду, слугою султана. И при всемъ томъ Марко — любимый богатырь сербскій, представитель цѣлаго особаго круга эпическаго, круга, стоящаго въ сторонѣ отъ пѣсенъ про косовскую битву. Службу своего первенствующаго богатыря туркамъ народъ объясняетъ себѣ неотразимымъ предопредѣленіемъ. Сюда относится пѣсня «Судъ королевича Марка», или, какъ она озаглавлена въ сербскомъ подлинникѣ, «Урошъ и Мрльявчевичи». У малолѣтнаго Уроша, сына царя Стефана Душана, оспариваютъ царскій престолъ трое сыновей Мерлявца, тѣ самые, что являются дѣйствующими лицами въ пѣснѣ о «Построеніи Скадра». Но ежели тамъ, какъ видѣли мы, одинъ изъ братьевъ, младшій, отличается великодушной правдивостью, то тутъ всѣ трое въ одинаковой степени руководятся только личною своей выгодой. Съ другой стороны, въ той пѣснѣ не совсѣмъ-то честно дѣйствующею, ради спасенія своей жизни, является и жена Вукашина; здѣсь же она, напротивъ того, внушаетъ своему сыну Марку, что лучше преждевременно сложить голову, чѣмъ принять грѣхъ на душу. И въ другихъ пѣсняхъ про Марка, мать его Евросима постоянно является съ самой сочувственной стороны, возставая противъ проливанья напрасной крови и силою своей материнской власти смягчая суровость сына. Но если она такимъ образомъ выставляется въ сербскомъ эпосѣ вполнѣ заглаживающею единственный свой недобрый поступокъ, то совершенно напротивъ того Вука-

*) Ганелонъ — извѣстный предатель французовъ при Ронсевалѣ, виновникъ погибели Роланда — въ знаменитой карловингской поэмѣ «Chanson de Roland».

**) См. А. Соколова: «Объ историческихъ народныхъ пѣсняхъ Сербовъ», Казань, 1854, стр. 24—25.

шинъ все далѣе и далѣе затягивается въ преступленія — въ исполненномъ драматизма теченіи пѣсни про тяжбу его и братьевъ съ Урошемъ. Правдивый судъ Марка въ этомъ дѣлѣ до того озлобляетъ Вукашина, что онъ едва не становится убійцею своего сына, когда же оказывается, что вмѣсто Марка онъ поразилъ ангела, то мысль о карѣ, которая можетъ ему грозить за подобное святотатство, вмѣсто того, чтобы смирить Вукашина, только подстрекаетъ его отомстить виновнику-сыну самою ужасною местью — совершить надъ нимъ нравственное убійство, обрекая его на служеніе туркамъ. Злое заклятіе Вукашина сбывается съ тою неотразимою силою, съ какою вообще дѣйствуетъ, по первобытному народному вѣрованью, всякій заговоръ, съ какимъ бы злымъ умысломъ онъ ни соединялся и какъ бы ни былъ невиненъ тотъ, противъ кого онъ направленъ. Но злому заклятію Вукашина противопоставляются благословенія благодарнаго Марку Уроша, дѣйствующія съ тою же неотразимою силою, но, при всей богатырской славѣ и доблести, наговариваемой ими на Марка, все-таки немогущія снять съ его головы роковое служенье султану. Такъ вотъ какимъ способомъ объясняетъ себѣ народъ то внутреннее противорѣчіе, которое такъ обидно его поражаетъ въ его любимомъ богатырѣ.

Впрочемъ изъ цѣлаго ряда пѣсенъ про Марка видно, что и служа туркамъ онъ заставляетъ ихъ уважать себя и въ своемъ лицѣ народную сербскую силу, вмѣстѣ же съ тѣмъ является, подобно нашему Ильѣ Муромцу, *стоятелемъ* за народъ, за слабыхъ и сирыхъ. Великій цѣнитель народнаго эпоса, Яковъ Гриммъ, приводитъ, въ видѣ диковины, мнѣніе о любимомъ сербскомъ героѣ автора сербской исторіи, Энгеля: «судя по пѣснямъ, это былъ такой же сорви-голова на войнѣ, какъ пьяница и кутила въ другое время».—«Мнѣ бы хотѣлось знать, спрашиваетъ Гриммъ, достало ли бы у какого-нибудь испанскаго или французскаго историка смѣлости, чтобы подобнымъ образомъ предать поношенью такихъ народныхъ героевъ, какъ Сидъ и Роландъ» *). Гриммъ очень хорошо понималъ, что на какого бы героя народнаго ни посмотрѣть съ той узкой точки зрѣнія, какою, очевидно, задался Энгель, всякій бы изъ нихъ могъ представиться и сорви-головой, и пьяницей. Но надо быть болѣе чѣмъ близорукимъ, чтобы изъ-за этихъ грубыхъ сторонъ богатырской природы (по своимъ основнымъ чертамъ единой у всѣхъ народовъ) не видѣть въ народныхъ герояхъ ничего другого, тѣхъ, нерѣдко высокихъ проявленій человѣческаго достоинства, которыя существуютъ въ эпосѣ каждаго народа и у каждаго получаютъ свой особый народный оттѣнокъ.

Сербскій Марко-королевичъ не только грубъ, но и безчеловѣченъ въ пѣснѣ объ арапской царевнѣ, которую, изъ-за ея безобразія, онъ такъ ужасно отблагодарилъ за оказанное ему благодѣяніе, хотя и тутъ, какъ въ сербскомъ, такъ и въ болгарскомъ пересказѣ, лучшая сторона Марка уже заставляетъ его гнушаться этого поступка и горько каяться въ немъ передъ Богомъ. Но съ другой стороны какая мягкость — хотя бы въ заботахъ Марка о соколѣ на Косовомъ полѣ, мягкость, впрочемъ, напоминающая цѣлый рядъ общенародныхъ сказаній о молодцѣ, сострадательномъ и къ животнымъ, и о благодарности этихъ послѣднихъ. За-то уже совершенно своеобразный славянскій оттѣнокъ принимаетъ мягкость Марка въ пѣснѣ о немъ и бегѣ Костадинѣ, которому онъ ставитъ на видъ его три *нечовештва* (безчеловѣчія), изъ ряду коихъ особенно выдаются прогнанныя имъ изъ-за стола сироты, которыхъ сострадательный Марко одѣваетъ въ богатѣйшія одежды, а послѣ этого ихъ радушнѣйшимъ образомъ принимаетъ и самъ бегъ Костадинъ. Забота о сиротинѣ сказывается въ различныхъ похожденіяхъ Марка, и именно мысль о ней, а также о *нищъ и убогъ*, заставляетъ его отказаться отъ званія сборщика податей въ пѣснѣ про «Мину изъ Костура». Тоже самое начало проявляется и въ нашихъ русскихъ былинахъ, когда, напримѣръ, Владиміръ-князь упрашиваетъ обиженнаго имъ Илью Муромца ополчиться противъ татаръ — не ради его, князя Владиміра, а ради вдовъ и дѣтей. Не желая разживаться на счотъ этихъ послѣднихъ, Марко не останавливается ни передъ какими опасностями для защиты слабыхъ. Это съ особенною ясностью видно въ пѣснѣ о томъ, какъ отмѣнилъ онъ свадебный откупъ, установленный арапомъ Заморяниномъ па славномъ Косовомъ полѣ, уже принадлежащемъ царю (султану). Проливая, по обычаю многихъ богатырей у различныхъ народовъ, обильныя слезы (даромъ что богатыри грубы), Марко горько тужитъ о томъ, чего пришлось дождаться Косову полю: «послѣ нашего князя честнoго (Ла-

*) J. Grimm, «Kleinere Schriften», IV, 222.

зря) поганый арапинъ осмѣливается на тебѣ суды судить!» Со всею силою пробуждается тутъ въ Маркѣ народное чувство: онъ хочетъ отомстить за своихъ, или погибнуть. Самая пощада, оказываемая имъ въ концѣ четыремъ арабскимъ слугамъ, задумана имъ въ видахъ обороны народной: Марко оставляетъ ихъ въ живыхъ для того,

Чтобъ могли они повѣдать людямъ,
Что́ межъ Маркомъ стало и арапомъ.

Ни дать, ни взять нашъ Илья Муромецъ, щадящій трехъ вражескихъ королевичей подъ Черниговомъ, говоря имъ:

Вы чините вездѣ такову славу,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильны, могучи богатыри!

Чисто-народное чувство сказывается въ Маркѣ королевичѣ и тогда, когда онъ даетъ почувствовать свою силу султану. Сюда относится пѣсня, въ которой узнаетъ онъ саблю своего отца и сноситъ голову турку — его убійцѣ, а также и та, гдѣ онъ пьотъ вино въ рамазанъ (постъ у турокъ) и такимъ образомъ гордо показываетъ султану, что турецкій законъ для него не законъ. Есть, правда, и такая пѣсня (она не вошла въ это изданіе) *), гдѣ султанъ засаживаетъ Марка въ тюрьму, но впослѣдствіи ему за-то приходится прибѣгать за помощью противъ враговъ къ тому же Марку, какъ нашему князю Владиміру къ засаженному имъ въ погребъ Ильѣ Муромцу. И долго не подается Марко, ссылаясь на свое истощенье въ тюрьмѣ, такъ-что султану наконецъ приходится ссылаться на *сиротинью*, совершенно подобно Владиміру князю, тогда-какъ, надо замѣтить, ни въ греческомъ эпосѣ Агамемнонъ, ни въ иранскомъ Рустемъ, ни во франкскомъ Карлъ Великій, точно также умоляющіе о помощи разобиженнаго богатыря, и не думаютъ умолять его *ради сиротъ* **).

Цѣлыхъ триста лѣтъ прожилъ Марко, совершая свои богатырскіе подвиги, да и послѣ такой долгой жизни онъ умеръ отъ руки Божіей, а не отъ оружія вражьяго, потому-что ему, какъ и нашему Ильѣ Муромцу, *смерть на бою была не написана*.

*) Вука Караджича «Сербскія пѣсни», ч. II, № 67 (Марко и Муса Кеседжія)

**) Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ предпочтеніе славянскому эпосу отдаетъ даже нѣмецкій писатель М. Карріеръ, въ своемъ сочиненіи «Die Kunst im Zusammenhange der Culturentwickelung» (кн. III, отд. II, стр. 26).

Но кромѣ того сказанія про смерть Марка, которое передается пѣснею о ней, существуютъ другія, по которымъ Марко, подобно нашему Ильѣ Муромцу, подобно западнымъ Фридриху Барбароссѣ и Карлу Великому, подобно наконецъ эстонскому сыну Калевы, заключается въ пещеру. Но наступитъ время, и онъ снова выйдетъ оттуда, и тогда только совершитъ то, чего, въ силу заклятья отцовскаго, не могъ совершить при своей *первой* жизни — освободитъ свой народъ отъ турокъ.

Изъ эпическихъ пѣсенъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ двухъ главныхъ круговъ сербскаго эпоса, (про Лазаря и про Марка королевича) на первомъ мѣстѣ поставлена въ этомъ изданіи прекрасная пѣсня про Симеона-найденыша, сходная по своей основѣ съ извѣстнымъ древне-греческимъ сказаніемъ объ Эдипѣ. Подобныя сказанія существуютъ въ различныхъ видахъ у многихъ народовъ; у нѣкоторыхъ, какъ у сербовъ, они досихъ-поръ сохраняются памятью, у другихъ издавна уже зашли въ рукописи и подверглись въ нихъ различнымъ искусственнымъ передѣлкамъ. Пѣсня «Сестра и Братья» также принадлежитъ къ числу сказаній, распространенныхъ у разныхъ народовъ, какъ въ пѣсенной, такъ и въ сказочной формѣ. Собственно только пересказомъ ея служитъ въ отдѣлѣ болгарскихъ пѣсенъ носящая заглавіе: «Обитель Врачарница». Пѣсни этого рода служатъ отголоскомъ той отдаленной поры родовой розни, которая съ такою силою сказывается и во множествѣ свадебныхъ народныхъ пѣсенъ. Если самъ женихъ въ этихъ пѣсняхъ представляется невѣстѣ *чужимъ чужаниномъ*, то понятна и ея отчужденность отъ его родни, способная перераждаться въ такую ненависть, для удовлетворенья которой женщина готова пожертвовать даже своимъ младенцемъ. Собственныя дѣти, приносимыя въ жертву мести — черта, довольно распространенная и въ древне-германскомъ эпосѣ, закрѣпленномъ письменностію еще въ средніе вѣка. Существуя и въ теперешнихъ устныхъ сказаніяхъ у различныхъ народовъ, черта эта служитъ однимъ изъ доказательствъ живучести старины въ необыкновенно крѣпкой народной памяти. Такою же отдаленною стариною отзывается у различныхъ народовъ и сказаніе о злой свекрови, уже довольно смягченнымъ видомъ котораго является трогательная сербская пѣсня про Іову и Мару: въ этой пѣснѣ мать представляется только *размучницею* между сы-

номъ и его милой, тогда-какъ во многихъ сказаніяхъ она прямо оказывается *губительницею* жены своего сына. Пѣсня про Ваню-Голую Котомку принадлежитъ къ разряду пѣсенъ про похищенье невѣсты, также весьма распространенныхъ повсюду и во всевозможныхъ видахъ. Извѣстно, что насильственный увозъ невѣсты былъ древнѣйшею формою брака у всѣхъ народовъ. Въ нашей пѣснѣ увозъ *обманомъ*, получающій особый оттѣнокъ оттого, что тутъ ловкостью молодаго серба проведены обидчики сербскаго народа — турки.

Всѣ эти пѣсни могутъ быть отнесены къ разряду сказаній изъ частной жизни, основа которыхъ — общенародная. Это совсѣмъ не то, что эпическія пѣсни первыхъ разрядовъ, отличающіяся по преимуществу своеобразіемъ. За-то опять на мѣстную сербскую почву, и притомъ на почву новѣйшую историческую, переноситъ пѣсня изъ войны сербско-мадярской, помѣщенная въ самомъ концѣ эпическаго отдѣла, и особенно интересная потому, что она, очевидно, сложилась по свѣжимъ слѣдамъ событія. Такія пѣсни, впрочемъ, слагаются у сербовъ чрезвычайно легко, но слагаются, какъ можно видѣть и по помѣщенному въ этомъ изданіи образцу, изъ давнишняго запаса поэтическихъ оборотовъ и образовъ, только примѣняемыхъ къ современнымъ событіямъ. Послѣдніе два тома сборника сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича Караджича именно и занимаютъ такія пѣсни, которыя служатъ, можно сказать, поэтическою современною лѣтописью Сербіи.

При множествѣ пѣсенъ чисто эпическаго строя, сербы могутъ похвалиться и прекрасными лирическими пѣснями, образцы которыхъ составляютъ въ настоящемъ изданіи цѣлый особый отдѣлъ. Лирическими, впрочемъ, онѣ могутъ быть названы собственно потому, что въ каждой изъ нихъ выражается одно господствующее душевное настроеніе — по преимуществу настроеніе любящихся сердецъ — но выражается оно въ формѣ все-же по большей части эпической, иногда же и драматической, т. е. въ видѣ обмѣна рѣчей между двумя дѣйствующими лицами, къ числу которыхъ иной разъ принадлежитъ и конь, надѣляемый тутъ, какъ и въ эпическихъ пѣсняхъ, способностью *проязычить*.

Въ самомъ концѣ мелкихъ пѣсенъ помѣщена опять чисто эпическая, принадлежащая къ довольно распространенному роду сказаній про *птичью свадьбу*, сказаній, не лишонныхъ юмористическаго оттѣнка *). Это небольшой образчикъ того рода народной словесности, изъ котораго выработался всѣмъ извѣстный родъ литературныхъ произведеній — басня.

За пѣснями сербскими помѣщаются находящіяся съ ними въ ближайшемъ родствѣ болгарскія. Про двѣ изъ нихъ уже сказано выше, такъ какъ онѣ, собственно говоря, только особые пересказы пѣсенъ, имѣющихся и въ Сербіи. («Исповѣдь Марка-королевича» и «Обитель Врачарница»). Но такова и большая часть прочихъ, вошедшихъ въ это изданіе. «Женитьба короля Шишмана» очень близко подходитъ въ сербскомъ эпосѣ къ «Женитьбѣ Душана»; но и та и другая — только особый видъ того всенароднаго сказанія про опасное сватовство, отпрыскомъ которагоявляется и наше русское про женитьбу Владиміра князя. Что касается болгарской пѣсни про воеводу Дойчина, то она совершенно близко подходитъ къ сербской про больного Дойчина **), обѣ же вмѣстѣ являются только варіацією на всенародную тему измѣны жены. Прямо противоположнаго содержанія пѣсня про Марковицу, вѣрную жену Марка королевича, которой нѣтъ соотвѣтственной въ сербскомъ эпосѣ. Довольно своеобразна также и пѣсня о томъ, какъ Марко отыскиваетъ своего брата, хотя нѣчто подобное имѣется и въ сборникѣ сербскихъ пѣсенъ Юкича и Любоміра. Въ пѣснѣ болгарской особенно замѣчательны *золотые волосы* Марка королевича — черта, которой соотвѣтственныя имѣются въ сказкахъ и основа которой должна быть мивическая. Что касается «Марка и Филиппа Мадярина», то это опять только особый пересказъ пѣсни, имѣющейся и у сербовъ. Сродною по содержанію оказывается и пѣсня про Марка и Филиппа Сокола. Попадающаяся въ ней мивическая же черта — союзъ побратимства (нашего русскаго *названаго* или *крестоваго* братства) между Маркомъ и Самодивою (тоже, что у сербовъ *вила*) встрѣчается въ свою очередь и въ сербскихъ сказаньяхъ про Марка. Въ концѣ пѣсни болгарской замѣчательно то, что Марко требуетъ отъ Сокола девятилѣтней службы. Если сопоставить это съ девятилѣтнимъ же плѣномъ дервиша у бановича Страхиньи, то придется заключить, что, подобно Страхиньѣ, и Марко по истеченіи этого срока дол-

*) Такія пѣсни попадаются и въ русскихъ сборникахъ — подъ заглавіемъ: «Каково птицамъ жить на Руси».

**) Вука Караджича «Сербскія Пѣсни», II, № 78.

женъ выпустить на свободу своего плѣнника — по старославянскому вышеуказанному обычаю.

Кромѣ болгаръ и сербовъ, къ одной съ нами юговосточной отрасли славянскаго племени относится, по извѣстному дѣленію знаменитаго Шафарика, и хорутане, живущіе въ австрійскихъ областяхъ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ. Пѣсни хорутанскія, на этомъ основаніи, и помѣщаются у насъ вслѣдъ за болгарскими. Самая большая изъ нихъ и наиболѣе проникнутая эпическимъ строемъ — про женитьбу короля Матьяса — по основѣ своей, какъ легко замѣтитъ читатель, напоминаетъ сербскую пѣсню про Марка королевича и Мину изъ Костура. Другая эпическая же пѣсня — про молодую Бреду — есть лишь одно изъ сказаній про *злую свекровь*. Особенность хорутанской пѣсни составляетъ то̀, что злость свекрови тутъ объясняется ея принадлежностью чужому, турецкому племени, тогда-какъ, напримѣръ, въ нашихъ русскихъ соотвѣтственныхъ пѣсняхъ (послужившихъ основаніемъ для драмы г. Чаева «Свекровь») она такая же русская, какъ и гонимая ею невѣстка. Но съ другой стороны надо замѣтить, что въ свадебныхъ нашихъ пѣсняхъ, гдѣ столь ужасными иногда представляются и будущая свекровь и женихъ-чужанинъ, этотъ послѣдній также выставляется иногда принадлежащимъ къ чужому, напримѣръ, литовскому племени. Первоначально же чужаниномъ его дѣлала просто его принадлежность *чужому роду*, и всѣ пѣсни и сказанія этого разряда происходятъ отъ отдаленныхъ временъ *родовой разрозненности* и тѣсно съ ней связаннаго насильственнаго захвата невѣсты. Трогательная пѣсня про сиротку Ерицу сложена на любимую всенародную тему — о злой мачихѣ. Что̀ же касается той внезапной смерти отъ горя, какою умираетъ Ерица, то подобная сила горя очень часто выставляется и въ сербскихъ пѣсняхъ, и жертвою ея становятся тамъ не только нѣжныя женщины, но и твердые мужчины. Совершенно знакомою представится каждому читателю пѣсня про Ансельма: это только особый изводъ народной нѣмецкой пѣсни, послужившей основою «Ленорѣ» Бюргера, такъ прекрасно возсозданной нашимъ Жуковскимъ. Но пусть читатель не спѣшитъ заключеніемъ, что пѣсня эта непремѣнно заимствована хорутанами у нѣмцевъ: довольно сходная существуетъ также у галичанъ; и хотя и эти послѣдніе, при своихъ сношеніяхъ съ нѣмцами, также могли бы ее заимствовать, все же надобно подождать, не найдутся ли такія пѣсни и у такихъ славянъ, которые болѣе были устранены отъ вліянья нѣмецкаго, а можетъ-быть, наконецъ, и у другихъ европейскихъ народовъ. Совершенно въ сторонѣ отъ прочихъ стоитъ чисто лирическая, по своему строю, пѣсня о *преступникѣ*, отличающаяся своего рода нравоучительностью и христіанскимъ оттѣнкомъ раскаянія въ грѣхахъ. Совсѣмъ не то наша извѣстная русская разбойничья пѣсня: «Не шути мати зеленая дубровушка», поражающая такою ужасающею ироніей.

Особую отрасль великаго славянскаго племени составляютъ славяне западные, къ которымъ относятся чехи съ моравами и словаками (находящіеся между собою въ ближайшемъ родствѣ), поляки и сербы-лужичане. Эта отрасль, какъ оно отчасти уже пояснено было выше, не можетъ похвалиться такимъ богатствомъ народной поэзіи, какъ юго-восточная. Говоря это, я имѣю въ виду теперешній наличный составъ народной поэзіи, тотъ накопившійся вѣками запасъ пѣсенъ, который до-сихъ-поръ сохранился въ народной памяти. Но если эта послѣдняя у славянъ западныхъ утратила уже весьма многое, сравнительно съ юговосточной славянской отраслью, то одинъ изъ западно-славянскихъ народовъ, чехи, можетъ за-то похвалиться такими пѣсенными произведеніями, которыя, оказываясь, по-крайней-мѣрѣ, весьма близкими къ чисто-народной поэзіи, закрѣплялись письменностью еще въ средніе вѣка и дошли до насъ въ отрывкахъ двухъ старыхъ рукописей, найденныхъ въ 1817 году. Одна изъ нихъ, такъ называемая зеленогорская, относилась учоными къ порѣ не позже XI вѣка, и если въ настоящее время возникаютъ сомнѣнія въ такой ея отдаленной древности, то все же она относится — ужь по-крайней-мѣрѣ къ исходу среднихъ вѣковъ. Рукопись эта заключаетъ въ себѣ довольно большой отрывокъ пѣсни «О судѣ Любуши», этой вѣщей старославянской княжны, о которой должно было существовать очень много пѣсенъ, такъ-какъ и тѣ свѣдѣнія о ней, которыя находятся у чешскихъ лѣтописцевъ и хронистовъ — Козьмы Пражскаго (XII), Далимила (XIII—XIV) и Гайка (XVI) — происходятъ, очевидно, изъ эпоса. Дошедшая до насъ пѣсня начинается лирическимъ обращеньемъ къ рѣкѣ Влетавѣ, обращеньемъ, вполнѣ возможнымъ въ настоящихъ народныхъ пѣсняхъ и даже прямо напоминающимъ начало нашей былины про Сухана:

Чтò же ты, матушка Нѣпра рѣка,
Чтò ты текешь не по старому...
А вода съ пескомъ помуталася.

Если же Влетава мутится отъ того, что враждуютъ родные братья, то и это возможно въ чисто-народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ одной галицкой отъ того что братъ пересталъ говорить съ сестрой — и хлѣбъ пересталъ родиться въ полѣ. Точно также совершенно въ духѣ народной поэзіи и являющіяся далѣе сизыя касатки вѣстницы. Вражда между братьями, которую приходится разсудить Любушѣ, оказывается такою же враждою изъ-за наслѣдства, какъ и вражда трехъ братьевъ въ сербской былинѣ про судъ Марка королевича, и Любуша, подобно Марку, навлекаетъ на себя недовольство — но собственно только старшаго брата, налегающаго на свое право первородства. Значительная разница однако же въ томъ, что Марко въ своемъ рѣшеніи руководится только волею покойнаго царя Душана, тогда-какъ Любуша ссылается на народную волю, на его вѣковѣчный обычай, по которому братья должны или владѣть наслѣдственнымъ имуществомъ нераздѣльно, или же, если дѣлиться, то пò ровну. Къ тому же Любушу поддерживаетъ народъ, по рѣшенью котораго — въ данномъ случаѣ даже не долженъ быть допущенъ раздѣлъ, а братья должны владѣть вмѣстѣ. Ярость вслѣдствіе такого рѣшенья старшаго брата, Хрудоша, прямо напоминаетъ ярость также недовольнаго судомъ короля Вукашина. Хотя дѣло окончательно рѣшено народомъ, Хрудошъ вымещаетъ свою злобу на княжнѣ Любушѣ. Оскорбленная имъ, она отказывается отъ власти и предоставляетъ народу выбрать на ея мѣсто мужа съ желѣзною рукою. За этимъ долженъ былъ слѣдовать, въ первоначальномъ цѣльномъ видѣ рукописи, выборъ въ князья Премысла пахаря, которому Любуша должна была отдать свою руку, какъ тò видно изъ сказаній, вошедшихъ въ чешскія хроники. Впрочемъ, память объ этомъ событіи сохранилась даже и до-сихъ-поръ въ одной изъ свадебныхъ чешскихъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ сборникѣ покойнаго Эрбена (стр. 312). Отрывокъ же, дошедшій до насъ въ зеленогорской рукописи, оканчивается свидѣтельствомъ одного изъ участниковъ народнаго вѣча, Ратибора, что ссылка Хрудоша на свое первородство есть ссылка на нѣмецкую правду, а что у славянъ есть своя, завѣщанная имъ отцами.

Вотъ эта-то ссылка на нѣмецкое право первородства и заставляетъ, между-прочимъ, нѣкоторыхъ учоныхъ думать, что пѣсня о судѣ Любуши никакъ не можетъ относиться къ IX вѣку, потому-что право первородства установилось у нѣмцевъ гораздо позже (хотя Шафарикъ и приводитъ нѣкоторыя, правда, весьма немногія свидѣтельства о существованіи его въ Германіи и до X вѣка). Во всякомъ случаѣ, самое противопоставленіе въ нашей пѣснѣ славянскаго права нѣмецкому сохраняетъ свою силу. Какъ бы поздно ни явился въ германскомъ племени маіоратъ, онъ однако же въ немъ пустилъ корни, тогда-какъ славянамъ всегда представлялся онъ нарушающимъ *правду* по святому закону. Извѣстно, что даже желѣзной рукѣ Петра Великаго, подъ тяжестью которой сокрушилось столько народныхъ обычаевъ, всетаки не удалось завести у насъ этого западно-европейскаго учрежденія, служащаго одною изъ самыхъ твердыхъ основъ для аристократизма. Не даромъ въ презрительномъ отзывѣ Ратибора о непригодности для славянства нѣмецкихъ порядковъ слышно не пустое народное самомнѣніе, а сознательное исповѣданіе преимуществъ славянскаго равенства.

Но мы видѣли, что народъ, собранный вкругъ Любуши, стоитъ даже не за дѣлежъ пò ровну, а за владѣніе безъ раздѣла. Тутъ выражается та особенность древне-славянской семьи, въ силу которой уже въ предѣлахъ ея зараждалась своего рода *община*. Но еще съ большею ясностію на признаки общины въ самомъ семейномъ быту указывается въ другомъ отрывкѣ, сохранившемся въ той же зеленогорской рукописи и обыкновенно печатаемомъ подъ названіемъ *сейма*. Въ каждой семьѣ, какъ видно отсюда, въ случаѣ смерти ея главы, дѣти начинаютъ править съобща (съобща же пользуясь, какъ видѣли мы, родовымъ имуществомъ) и *выбираютъ* себѣ изъ семьи владыку (wlàdyku si z roda wyberûce). Вотъ эти то выборные главы семьи и ходятъ за прочихъ членовъ ея на *сеймы*, т. е. такія сходбища, на которыхъ собираются для общаго совѣта представители различныхъ семей. Одинъ изъ подобныхъ сеймовъ и рисуетъ намъ пѣсня о судѣ Любуши, эта краснорѣчивая, хотя не вполнѣ сохранившаяся картина общинной жизни славянъ, картина, прекрасное впечатлѣнье которой окончательно дополняется этой дѣвой, творящей судъ — блистательнымъ въ свою очередь проявленіемъ одной изъ сторонъ славянскаго равенства, полнѣйшаго равенства между обоими полами.

Такимъ образомъ, если пѣсни въ родѣ хорутанской «Бреды» служатъ до-сихъ-поръ уцѣлѣвшимъ въ народной памяти отголоскомъ временъ, предшествовавшихъ утвержденію общины, временъ родовой разрозненности со свойственнымъ имъ приниженіемъ женщины, то высокое положеніе женщины въ «Судѣ Любуши» со всѣми другими чертами этой прекрасной пѣсни, несомнѣнно существовавшей уже въ средніе вѣка, говоритъ объ издавней смягченности нравовъ подъ вліяніемъ общины, той смягченности, какою съ другой стороны отзываются, какъ видѣли мы, и многія стороны сербскаго устнаго эпоса.

Другая чешская рукопись, также сохранившая намъ древнія пѣсни, это такъ называемая краледворская, которую всегда относили однако жь къ порѣ не ранѣе конца XIII или начала XIV в. Въ «Краледворской рукописи» сохранилось цѣлыхъ 14 пѣсенъ — восемь эпическихъ и шесть лирическихъ. Между-тѣмъ рукопись, писанная самыми мелкими письменами, далеко не полна; скорѣе это только весьма незначительные остатки рукописи. Предметомъ пяти изъ эпическихъ пѣсенъ служатъ историческія войны чеховъ, въ изложеніи которыхъ только весьма мало замѣтна стихія богатырская, а потому эти пѣсни и подходятъ гораздо больше къ «Слову о полку Игоревѣ», чѣмъ къ нашимъ или юго-славянскимъ былинамъ. Если вѣрно мнѣніе, что пѣсни слагаются по свѣжимъ слѣдамъ событій, то древнѣйшею изъ находящихся въ «Краледворской рукописи» должна быть признана пѣсня про Забоя и Славоя, повѣствующая, какъ полагаютъ, про одинъ изъ тѣхъ боевъ между чехами и франками, которые происходили въ VI, VII и VIII вѣкахъ *). Къ тому же пѣсня эта еще сильно отзывается язычествомъ: въ ней говорится о жертвахъ богамъ спасителямъ, о душахъ, порхающихъ по деревьямъ и т. п. Герои пѣсни бьются за старыя языческія вѣрованія и обычаи противъ полчищъ нѣмца Людека (Людовика), служащаго представителемъ обычнаго въ западномъ мірѣ насильственнаго распространенія христіанства. Замѣчательно, что одинъ изъ героевъ, Забой, и самъ является браннымъ пѣвцомъ-вдохновителемъ, и вспоминаетъ про славнаго пѣвца Люміра, двигавшаго своими пѣснями Вышеградъ, подобно тому, какъ авторъ «Слова о полку Игоревѣ» вспоминаетъ про Бояна. Этимъ указывается уже на личное авторство, на пѣвцовъ съ извѣстными именами, тогда-какъ чисто-народныя пѣсни всегда безыменны, ибо въ сложеніи каждой изъ нихъ участвуютъ многіе. И пѣсни «Краледворской рукописи», какъ наше «Слово о полку Игоревѣ», должны быть произведеніемъ уже отдѣльныхъ пѣвцовъ, по всей вѣроятности пѣвцовъ княжескихъ, такъ-какъ предводители дружинъ и являются героями этихъ пѣсенъ. Тѣмъ не менѣе есть въ нихъ черты, отзывающіяся близкимъ знакомствомъ пѣвцовъ съ простонароднымъ эпосомъ. Сюда относится и самый *плачъ* Забоя, въ которомъ вовсе не слѣдуетъ видѣть изысканной авторской чувствительности, такъ-какъ склонными проливать слезы являются и самые суровые богатыри простонароднаго эпоса. Складомъ богатырскихъ пѣсенъ уже совершенно отзывается тò, что молотъ Забоя, выпугнувъ изъ Людека душу, проносится въ войско на пять саженъ, еще же болѣе тò, что мечёмъ онъ пролагаетъ себѣ дорогу между врагами (какъ наши богатыри пролагаютъ улицы). За-то участіе въ битвѣ цѣлыхъ дружинъ со стороны чеховъ не согласно съ пріемами богатырскихъ пѣсенъ, въ которыхъ многочисленныя дружины являются только на сторонѣ враговъ, и въ единоличной расправѣ съ ними того или другого богатыря и заключается сущность богатырской силы.

За «Забоемъ и Славоемъ» по времени дѣйствія слѣдуетъ пѣсня про «Честміра и Власлава», относимая учеными уже къ совершенно опредѣленной порѣ, а именно къ 830 г., когда воевода пражскаго князя Неклана, Честміръ, поразилъ луцкаго князя Властислава. Предметомъ пѣсни такимъ образомъ служатъ княжескія междоусобія, нерѣдко происходившія въ чешской землѣ, какъ и у насъ на Руси; потому-то пѣсня эта особенно живо напоминаетъ многія мѣста нашего «Слова о полку Игоревѣ». Къ тому же въ ней, какъ и въ нашемъ «Словѣ» совершенно выдержанъ строй дружиннаго эпоса, столь отличный отъ богатырскаго. Съ другой же стороны языческое міровоззрѣніе, мѣстами дающее себя чувствовать и въ нашемъ «Словѣ», не смотря на его принадлежность уже христіанской порѣ, въ

*) Таково мнѣніе Шафарика, усвоенное и однимъ изъ новѣйшихъ историковъ чешской литературы, Шемберой. Братья же Иречки въ своемъ изслѣдованіи о краледворской рукописи видятъ въ этой пѣснѣ сказаніе объ одномъ изъ боевъ съ Карломъ Великимъ (вмѣсто *kral* — король, они читаютъ Karl). Напротивъ издатели извѣстной чешской христоматіи (Wybor z literatury česke) полагаютъ, что время этой пѣсни не можетъ быть точно опредѣлено, но что во всякомъ случаѣ тутъ разумѣется событіе не ранѣе начала IX вѣка.

чешской пѣснѣ о Честмірѣ и Влаславѣ сказывается еще въ такой же безпримѣсной полнотѣ, какъ и въ «Забоѣ и Славоѣ». Тутъ тѣ же жертвы богамъ, тѣ же миѳическія существа — Морена и Трясъ (богиня смерти и миѳическое олицетвореніе страха). Пѣсня объ Ольдрихѣ и Болеславѣ, въ которой недостаетъ начала, повѣствуетъ о событіи, относимомъ историками къ 1004 г., а именно — объ изгнаніи изъ Праги овладѣвшаго-было ею Болеслава Храбраго, короля польскаго (того самаго, что̀ забралъ на время и Кіевъ, о чемъ должны были существовать и у насъ особыя пѣсни, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ эпическимъ чертамъ въ передачѣ этого событія нашимъ лѣтописцемъ). Тутъ, стало быть, та же повѣсть о междоусобіяхъ, только въ болѣе широкомъ смыслѣ, о междоусобіяхъ между отдѣльными отраслями славянскаго племени, не вполнѣ окончившихся, можно сказать, и въ наше время. За-то пѣсня о Бенешѣ Германычѣ повѣствуетъ снова о битвахъ съ иноплеменниками — злѣйшими врагами славянъ, нѣмцами. Бенешъ — лицо опять историческое, сынъ Германа изъ Ральска, молодецки расправившійся въ 1203 г. при Грубой Скалѣ съ войсками маркграфа Мейсенскаго, вторгшимися въ Чехію въ то самое время, когда король чешскій Премыслъ Оттокаръ I ѣздилъ къ германскому императору Оттону IV. Пѣсня эта въ началѣ отличается лирическимъ складомъ, какъ и многія мѣста нашего «Слова о полку Игоревѣ», о которомъ кромѣ того напоминаютъ въ ней такія сравненія, какъ «искры, летящія отъ мечей, будто молнія съ небесъ».

Позднѣйшая изъ историческихъ пѣсенъ «Краледворской рукописи» — это пѣсня о Ярославѣ, витязѣ оломуцкомъ, являющемся только въ концѣ ея рѣшителемъ долго сомнительнаго боя въ пользу чеховъ. Впрочемъ имена другихъ витязей, Внеслава, Вѣстоня и Вратислава, принадлежатъ, повидимому, боянову замышленію, т. е. фантазіи. Самый же бой при Гостынѣ и Оломуцѣ — событіе историческое, происходившее въ 1241 г., когда татары, разгромивъ Русскую Землю (о чемъ и упоминается въ чешской пѣснѣ), коснулись также и Польши, и Чехіи. Поводомъ ко вторженію ихъ въ славянскія земли выставляется въ пѣснѣ корыстолюбіе нѣмцевъ, побудившее ихъ ограбить дочь хана Кублая. Пѣсня эта отъ всѣхъ прочихъ пѣсенъ «Краледворской рукописи» отличается христіанскимъ оттѣнкомъ. Самая внезапно появляющаяся, спасительная для чеховъ туча, получаетъ значеніе чуда, вызваннаго молитвою къ христіанскому Богу. Въ пѣснѣ также не разъ упомянуто объ участіи Богоматери къ христіанамъ, что̀ замѣтно и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ былинъ про татарщину и въ различныхъ нашихъ сказаніяхъ полународнаго, полулѣтописнаго свойства. Но чешская пѣсня о Ярославѣ замѣчательна совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ языческихъ отголосковъ, которые такъ двоевѣрно сказываются въ нашемъ «Словѣ о полку Игоревѣ», не смотря на упоминаемую въ немъ Богородицу Пирогощую. Упоминая о татарской ворожбѣ на шестахъ, пѣвецъ «Ярослава» обращаетъ вниманіе на то, что христіане, прямо на оборотъ, ворожбы не знали. Между-тѣмъ извѣстно, какъ долго держалась, да и теперь еще держится, ворожба въ народѣ, хотя и крещёномъ, но далекомъ отъ настоящаго перерожденія въ христіанскомъ духѣ. Вотъ почему изъ выходки пѣвца «Ярослава» противъ ворожбы можно, кажется, заключить, что онъ рѣшительно не былъ простымъ народнымъ пѣвцомъ, а принадлежалъ къ образованному слою общества или, быть-можетъ, даже и къ духовнымъ. Тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ миѳическихъ вѣрованій, онъ вполнѣ проникнутъ строемъ народной поэзіи. Это видно, во-первыхъ, изъ тѣхъ поразительныхъ сходствъ въ оборотахъ съ нашимъ «Словомъ о полку Игоревѣ», которыхъ особенно много и оказывается именно у него. Сюда относятся: «задождили стрѣлы, будто ливень, трескъ отъ копій, словно рокотъ грома, блескъ мечей, что̀ молнія изъ тучи» (это послѣднее сравненіе уже встрѣчалось намъ въ пѣснѣ о Бенешѣ, чѣмъ еще болѣе подтверждается обычность этого оборота, заимствованнаго изъ народной поэзіи) *); «выростало горе на долинахъ»; «тяжелая бѣда кругомъ вставала»; «тучи стрѣлъ летѣли въ басурманство, только ночь остановила битву». Сюда же относится и сравненіе Вратислава со свирѣпымъ *туромъ*, прямо напоминающее *буй-туръ*-Всеволода въ нашемъ «Словѣ о полку Игоревѣ». Кромѣ же того у пѣвца «Ярослава» встрѣчаются и эпическіе пріемы боя, отзывающіеся богатырскимъ эпосомъ. Сюда относится въ самомъ концѣ ударъ меча Ярослава, разносящій Кублаича до брюха.

*) Совершенно неосновательнымъ представляется мнѣ, именно поэтому, стараніе Шемберы — тождествомъ поэтическихъ оборотовъ въ различныхъ пѣсняхъ «Краледворской рукописи» доказать принадлежность такихъ пѣсень одному и тому же пѣвцу.

Это, очевидно, не что иное, какъ обычное въ нашихъ былинахъ разсѣченіе на полы, существующее вмѣстѣ съ тѣмъ и въ эпосѣ всевозможныхъ народовъ.

Нельзя не обратить вниманія на тотъ свободный духъ, который съ такою силою сказывается въ слѣдующихъ словахъ пѣсни про «Ярослава», принимая, какъ и многое въ ней, христіанскій вѣроисповѣдный оттѣнокъ:

Неугодна Господу неволя:
Смертный грѣхъ въ ярем идти охотой.

Передъ этимъ блѣднѣютъ извѣстныя слова Игоря въ нашемъ «Словѣ» о его походѣ: «луче потяту быти, неже полонену быти».

Уже чуждою историческаго значенія является пѣсня о Людишѣ и Люборѣ, относимая ко времени Вячеслава I (1230 — 1253) собственно потому, что при немъ вошли въ обычай у чеховъ турниры, одинъ изъ которыхъ и составляетъ предметъ поименованной пѣсни. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что нѣтъ особенныхъ основаній видѣть тутъ именно *турниръ*, т. е. рыцарскій бой въ западно-европейскомъ вкусѣ; воинскіе же бои съ надеждой вознагражденья прекрасною дѣвою существуютъ въ эпосѣ разныхъ народовъ—даже такихъ, которые и понятія не имѣли о рыцарствѣ. Да и изъ самой пѣсни видно, что бой не является тутъ просто воинскою игрой, но получаетъ значеніе *испытанія силы* на случай войны:

Благо ждать войны и въ мірѣ,
Насъ вѣдь нѣмцы окружаютъ.

Рѣшительно ни къ какому опредѣленному времени не можетъ быть отнесена пѣсня о «Збигонѣ». Въ лицѣ его является какой-то насильникъ дѣвичій, изъ рукъ котораго безыменный молодецъ спасаетъ свою любезную. Совершенно въ духѣ народной поэзіи сопоставленіе съ этимъ событіемъ въ человѣческомъ мірѣ соотвѣтственнаго событія въ мірѣ птицъ: тотъ же самый Збигонъ держитъ въ неволѣ голубку, которая наконецъ возвращается къ другу своему голубку, получая свободу вмѣстѣ съ дѣвицей. Уже не цѣлое сопоставленіе, а простое поэтическое сравненіе представляетъ небольшая пѣсня «Олень» *), гдѣ дѣло идетъ о прекрасномъ молодцѣ, котораго сражаетъ молотъ злодѣя (то-же первоначальное оружіе и въ «Збигонѣ»), послѣ чего душа выходитъ у него лебединымъ горломъ черезъ уста, какъ у князя Изяслава въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Появляющіеся въ концѣ пѣсни кречеты — вѣстники его смерти—напоминаетъ цѣлый эпическій рядъ подобныхъ вѣстниковъ во всенародныхъ сказаніяхъ объ *открывшемся* преступленіи (куда относятся и «Ивиковы Журавли» въ извѣстныхъ обработкахъ Шиллера и Жуковскаго). Самыя же заключительныя слова пѣсни—о дѣвицахъ, оплакивающихъ молодца—до нѣкоторой степени связываютъ ее съ остальными пятью пѣснями рукописи, которыя всѣ до одной — уже чисто любовнаго содержанія. Въ нѣкоторыхъ оно, какъ и во многихъ сербскихъ пѣсняхъ, выражается въ той сжатой эпическо-драматической формѣ, о которой говорено было выше; нѣкоторыя же отличаются совершеннымъ лиризмомъ. По тону отчасти подходитъ къ пѣснямъ «Краледворской рукописи» и такъ называемая «Пѣсня на Вышеградѣ», предметомъ которой, какъ замѣтитъ читатель, служитъ также любовь *).

Сходство всѣхъ мелкихъ пѣсенъ «Краледворской рукописи» съ теперешними народными пѣснями различныхъ славянъ подробно разобрано и доказано братьями Иречками, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно эти пѣсни древней рукописи—пѣсни чисто народныя. Читатель, впрочемъ, можетъ и самъ усмотрѣть это, если внимательно сличитъ ихъ со всѣми тѣми, по преимуществу любовнаго содержанія, которыя помѣщены въ настоящемъ изданіи далѣе и заимствованы изъ сборниковъ не только чешскихъ, но даже польскихъ и сербо-лужицкихъ.

Кромѣ пѣсенъ этого рода въ чешскомъ отдѣлѣ помѣщается эпическое сказаніе про Яныша королевича въ прекрасномъ переложеніи Пушкина, которому сказаніе это послужило канвою для его драмы «Русалка» **).

Совершенно въ сторонѣ отъ другихъ должны быть поставлены двѣ остальныя пѣсни этого отдѣла, пѣсни, очевидно, не народнаго происхожденія, но перешедшія въ народъ и сдѣлавшіяся народными. Это, во первыхъ, пѣсня гуситская, сое-

---

*) Доказательствомъ отдаленной древности ея содержанія считаютъ упоминаемый въ ней *молотъ* — оружіе первобытное. Но надо замѣтить, что въ народной поэзіи можетъ долго удерживаться и то, что уже давно изчезло изъ народнаго быта.

*) Найдена въ отрывочной рукописи XIII ст. Нѣкоторыми, впрочемъ, заподозрѣвается ея подлинность.

**) «Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. П. В. Анненкова, стр. 363.

диненная съ молитвеннымъ обращеніемъ къ народному святому чешскому — Вячеславу; во вторыхъ — сочиненная уже въ ближайшее къ намъ время и полная патріотическаго одушевленія пѣсня «Гей Славяне», съ которою русская публика хорошо знакома по концертамъ г. Славянскаго.

Между моравскими пѣснями на первомъ мѣстѣ является пѣсня про *стараго мужа*, какихъ имѣется много и въ нашихъ русскихъ сборникахъ. Что̀ же касается слѣдующей за нею «Сестры отравительницы», то тема эта нерѣдко попадается также въ галицкихъ пѣсняхъ, тема же послѣдней пѣсни въ отдѣлѣ моравскихъ — противопоставленіе матери мачихѣ—тема рѣшительно всенародная.

Нѣкоторыя изъ словацкихъ пѣсенъ отличаются историческими воспоминаніями, при болѣе или менѣе лирическомъ строѣ. Одна изъ нихъ—Нитра — не можетъ, однако же, считаться чисто-народною, но только перешедшею въ народъ.

Изъ сборниковъ польскихъ заимствованы въ этомъ изданіи почти исключительно пѣсни любовнаго содержанія. То же можно сказать и про пѣсни лужицкія, изъ ряда которыхъ выдается только помѣщаемая здѣсь въ самомъ концѣ *легенда*. Тутъ то же любовь, но любовь уже духовная, мистическая—къ небесному жениху Христу. Извѣстно, что о такой любви говорится въ житіи великомученицы Екатерины. Лужицкая легенда приписываетъ ее безыменной дочери варадинскаго князя, своимъ обѣтомъ безбрачія представляющей женскій противень къ сказаніямъ и стихамъ объ Алексѣѣ божіемъ человѣкѣ. Далѣе же тутъ примѣшивается, существующее также и порознь, сказаніе о посѣщеніи живымъ человѣкомъ рая, причемъ цѣлыхъ сто лѣтъ представляются ему нѣсколькими часами.

Хотя выше и указано было на то̀, въ какой мѣрѣ народная поэзія славянъ западныхъ уступаетъ народной поэзіи юго-восточной отрасли славянскаго міра и этимъ достаточно объясняется, почему пѣснямъ западной отрасли отведено въ настоящемъ изданіи такъ мало мѣста, все же нельзя съ другой стороны не сознаться, что и сборники пѣсенъ этой отрасли представляютъ много такихъ красотъ, о которыхъ приведенные здѣсь образцы не могутъ дать полнаго понятія.

Въ заключеніе, пишущій эти строки считаетъ нелишнимъ прибавить, что онъ вполнѣ чувствуетъ слабость своего вступительнаго очерка, зависящую какъ отъ ограниченности мѣста, ему отведеннаго, такъ и еще болѣе отъ недостаточной его подготовленности къ вполнѣ удовлетворительной оцѣнкѣ народной поэзіи всего славянства. Предметъ этотъ чрезвычайно широкъ и до-сихъ-поръ остается почти непочатымъ. Пишущему эти строки до-сихъ-поръ удалось со сколько нибудь удовлетворительною полнотою обработать только нѣкоторые отдѣлы народной словесности русской, при чемъ пѣсни и сказанія другихъ славянъ служили ему лишь пособіемъ. Въ настоящемъ очеркѣ, совершенно наоборотъ, пришлось выдвинуть впередъ именно эти послѣднія, наши же русскія пѣсни приводить только въ видѣ сравненій. Понятно, послѣ всего этого, что настоящій очеркъ можетъ считаться только слабой попыткой, обнародованіе которой извиняется лишь желаніемъ — хотя сколько нибудь помочь читателю не безъ нѣкоторой пользы войти въ столь мало еще намъ извѣстную область славянской народной поэзіи. Хорошо будетъ уже и то, если читатель почувствуетъ, какой богатый и разнообразный запасъ представленій хранитъ въ себѣ крѣпкая, и по преимуществу крѣпкая у славянъ, хотя и собравшая дань уже съ цѣлыхъ вѣковъ, непритупленно-свѣжая, чудно-юная память народная!

Орестъ Миллеръ.

ЮЖНО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

I. МАЛОРУССКІЯ.

1.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Надъ городомъ тѣмъ надъ Азовомъ не сини туманы вставали,
Три брата родные изъ тяжкой неволи бѣжали.
Два ѣдутъ на кòняхъ, а третій пѣшкомъ подбѣгаетъ,
О сѣрые корни, о бѣлые камни
Козацкіе ноги свои посѣкаетъ
И кровью слѣды поливаетъ,
Двухъ братьевъ своихъ догоняетъ,
Ихъ такъ умоляетъ:
«Ой, братцы, постойте! коней попасите,
Меня подождите,
Съ собою возьмите,
Къ землямъ христіанскимъ меня подвезите!»
Заслышалъ середній; онъ старшаго брата пытаетъ,
А тотъ ему такъ отвѣчаетъ:
«Аль злая неволя еще не дала себя знати?
Какъ будемъ мы брата въ степи поджидати,
Насъ будутъ враги догоняти,
Насъ будутъ рубити, стрѣляти;
Иль въ тяжкой неволѣ мы будемъ опять пропадати.»
— «Когда меня, братцы, вы ждать не хотите,
Сталъ меньшій опять говорити,
То, братцы, прошу васъ, съ дороги свернитe,
Булатныя сабли свои обнажите,
Козацкое тѣло мое изрубите,
Въ голодной степи закопайте —
И звѣрю, и птицѣ въ добычу не дайте!»
Середній словамъ тѣмъ внимаетъ
И меньшему такъ отвѣчаетъ:
«Мы òтроду, братецъ, того не слыхали,
Чтобъ острыя сабли да кровью родной обмывали,
Прощаясь, булатнымъ копьёмъ ублажали.»
— «Когда меня, братцы, рубить не хотите,
Прошу васъ: какъ будете къ балкамъ степнымъ подходити,
Терновыя вѣтки срубайте,
Ихъ въ полы сбирайте,
Примѣтой мнѣ въ поле кидайте.»
Вотъ два козака къ буеракамъ степнымъ подъѣзжаютъ;
Середній за саблю — душа милосердіе знаетъ —
Съ терновника верхнія вѣтки срубаетъ,
Ихъ меньшему брату примѣтой кидаетъ.
Какъ стали на шляхъ на Муравскій они выѣзжати —
Середнему нечѣмъ примѣту кидати:
Сталъ изъ-подъ жупана китайку червонную рвати,
По шляху кидаетъ,
Примѣтой меньшòму въ степи оставляетъ.
Какъ сталъ пѣшеходъ изъ терновыхъ кустовъ выходити,
Китайку червонную сталъ находити:
Руками хватаетъ,
Слезами ее обливаетъ.
«Не даромъ китайка валяется прахомъ по шляху:

Ужъ, можетъ, отъ братьевъ моихъ не осталось и
праху!
Ой, можетъ, за ними погоня бѣжала,
На роздыхѣ въ тернахъ меня миновала,
А братьевъ догнала,
Рубила, стрѣляла.
Когда бы мнѣ Богъ
Милосердый помогъ
Козацкое тѣло въ степи отыскати,
Въ холодной землѣ закопати!»
Одно — то безводье, другое — безхлѣбье,
А третье — то вѣтеръ въ степи повѣваетъ,
Усталаго съ ногъ козачину сшибаетъ.
«Ой, полно мнѣ пѣшему конныхъ братьёвъ догоняти!
Ой, время и отдыхъ ногамъ моимъ дати!»
Такъ, Сàворъ-могилу завидѣвъ, козакъ говорилъ;
Подъ Сàворъ-могилой козакъ опочилъ.
Въ то время орлы прилетали съ полночи
И жадно глядѣли въ козацкія очи.
Козаченько видитъ — роняетъ слова золотыя:
«Орлы сизо-перые, гости мои дорогіе!
Прошу васъ тогда прилетати,
Изъ черепа очи мои вырывати,
Какъ божьяго свѣта не буду видати.»
И только онъ это сказалъ —
Творцу милосердому душу отдалъ.
Тогда-то орлы налетали,
Изъ черепа очи рвалѝ — вырывали;
И мелкая птица тогда жъ налетала,
Кровавое мясо вкругъ жолтыхъ костей обирала;
И сѣрые волки тогда жъ прибѣгали,
Козацкое тѣло терзали,
Въ терновыхъ оврагахъ кровавыя кости глодали,
Ой, жалобно выли надъ нимъ, завывали,
Обрядъ похоронный справляли.
Кукушка изъ темныхъ лѣсовъ прилетала,
Садилась на дѐрево, слёзы лила, куковала,
Что брата сестрица, что первенца мать провожала.
Какъ стали они къ христіанскимъ землямъ приближаться,
То стало на сердцѣ козацкомъ великое горе скопляться.
И молвитъ середній печальное слово:
«Не даромъ на сердцѣ у насъ столько горя скопилося злого:
Ой, можетъ ужь нашего брата нѣтъ больше на
свѣтѣ живого!
Ой, какъ-то мы, братъ, къ отцу-матери въ домъ
да прибудемъ?
Какъ станутъ насъ спрашивать, что̀ отвѣчать мы
имъ будемъ?»

Братъ старшій словамъ тѣмъ внимаетъ
И брату середнему такъ отвѣчаетъ:
«Да скажемъ, что горе не вмѣстѣ свое коротали,
Ночною порой изъ неволи бѣжали,
Будили его — не могли добудиться,
Одни должны были домой воротиться.»
Середній словамъ тѣмъ внимаетъ
И старшему такъ отвѣчаетъ:
«Когда они правды отъ насъ не узнаютъ,
То насъ ихъ молитвы святыя за-то покараютъ.»
Вотъ старшіе братья къ самарскимъ полямъ подъѣзжаютъ,
У рѣчки Самары ложатся — въ тѣни отдыхаютъ.
Коней на траву выпускаютъ.
Тогда басурмане безбожные ихъ окружили,
Тѣхъ братьевъ двоихъ изрубили,
Козацкое тѣло въ куски искрошили,
По чистому полю его раскидали,
Со смѣхомъ, на сабляхъ ихъ головы къ небу
вздымали.

Н. Гербель.

II.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Ой, пошли козàки на четыре поля,
На четыре поля, пятое — Подолье.
Какъ одной дорогой да пошолъ Мушкетъ,
По другой дорогѣ Кукуруза-свѣтъ,
А дорогой третьей Полтора-Кожу̀ха:
Длинный оселедецъ вьётся изъ-за уха,
На конѣ гарцуетъ, пѣсню распѣваетъ;
А за нимъ большое войско выступаетъ:
Все то запорожцы, козакѝ лихіе;
Мѣрно ударяютъ въ бубны золотыя,
На коняхъ гарцуютъ, саблями сверкаютъ.
Теплыя молитвы къ Богу возсылаютъ,
А Карпò, панъ гетманъ, пѣсню разпѣваетъ:

Ой, тоска меня заѣла,
Сердце изсушила,
Молодого, удалого
Съ ногъ меня свалила.

Но тоскѣ той окаянной
Я не поддаюся.
Ой, пойду, пойду къ шинкаркѣ,
Мёду съ ней напьюся.

Ой, кто хочетъ выпить мёду,
Тотъ ступай къ жидовкѣ:
У жидовки чернобровки
Свѣтлыя подковки.

Юбка пестрая, монисты...
Сама молодая...
Да хорошая какая!
Что за удалая!

Эй, шинкарка! дай мнѣ мёду!
Буду веселиться...
Пусть головушка больная
Съ хмѣлю закружится!

«Если ты женатъ, аль вдовый —
Чортъ тогда съ тобою!
Если жь холостъ — не женатый,
То ночуй со мною.»

Есть и дѣтки, есть и жонка,
Жонка молодая,
Да не хочетъ приласкаться —
Гордая такая!

Н. Гербель.

III.

САГАЙДАЧНЫЙ.

На горѣ ли да жнецы жнутъ,
А подъ той горою,
Да подъ зеленою
Козаки идутъ.

Впереди всѣхъ вождь похода,
Дорошенко славный,
Козаковъ державный
Воевода.

Въ серединѣ панъ курѐнный;
Конь подъ нимъ ретивый,
Съ чернобурой гривой,
Здоровенный.

А въ хвостѣ — панъ Сагайдачный,
Что отдалъ за трубку
Ясную голубку,
Всеудачный!

«Охъ, вернися, козачина!
Вороти мнѣ трубку
И возьми голубку,
Молодчина!»

«Мнѣ съ женою не возиться,
Не по мнѣ голубка;
А въ дорогѣ трубка
Пригодится.

«Гей, кто въ лѣсѣ? — отзовися!
Было бы огниво —
Трубка вспыхнетъ живо...
Веселися!»

Г. Данилевскій.

IV.

МОРОЗЕНКО.

Ой, Морозецъ, Морозѐнко, бравый козачина!
По тебѣ, по Морозѐнкѣ плачетъ Украина.

Ой, не такъ та Украина, какъ козаки хваты...
А Морозиха все плачетъ, сидя возлѣ хаты.

Полно, старая, о сынѣ слёзы лить рѣками!
Лучше выпей-ко ты мёду съ нами козаками.

«Что-то мнѣ, мои родные, мёдъ-вино не пьётся:
Гдѣ-то онъ, мой Морозѐнко, съ лютымъ туркомъ бьётся?»

Изъ-за горъ изъ-за высокихъ войско выступаетъ;
Впереди всѣхъ Морозѐнко; конь подъ нимъ играетъ.

Ѣдетъ онъ, коню на гриву голову склоняя:
«Голова ль моя больная!... сторона чужая!...»

Тѣло бѣлое покрыто красною насѣчкой:
Гдѣ проѣдетъ Морозѐнко — кровь струится рѣчкой.

Окопалися козаки въ полѣ у Лимана...
Взяли, взяли Морозѐнка въ воскресенье рано.

Посадили Морозѐнка на пескѣ, на солнцѣ:
Сняли, сняли съ Морозѐнка поясъ и червонцы.

Посадили Морозѐнка на пивную бочку:
Сняли, сняли съ Морозѐнка красную сорочку. *)

Н. Гербель.

—

V.

СВИРГОВСКІЙ.

Какъ Свирговскаго Ивана,
Запорожскаго гетмàна,
Басурмане изловили:
Буйну голову рубили,
Ой, головушку рубили,
На бунчукъ ее садили,
Въ трубы мѣдныя трубили,
Издѣвалися, корили.

Туча небо застилала,
Стаей галокъ набѣгала,
На Украйну налегала;
А Украйна горевала,
По гетмàнѣ тосковала,
Слёзы лила, проливала.

Тогда буйны вѣтры во степи завывали.
Куда вы гетмàна, куда вы дѣвали?

Тогда изъ лѣсовъ соколы̀ палетали.
Ой гдѣ по гетмàнѣ, вы гдѣ тосковали?

Тогда въ чистомъ поле орлы голосили.
Ой гдѣ вы гетмàна, ой гдѣ схоронили?

Тогда въ поднебесьѣ касатки взвивались.
Ой гдѣ вы съ гетмàномъ, ой гдѣ вы прощались?

Лежитъ онъ, зарытый въ глубокой могилѣ,
На вражей границѣ, у города Кили.

Н. Гербель.

—

VI.

ОТКУДА ѢДЕШЬ?

— «Ты откуда?» — «Я съ Дунаю!»
— «А что слышалъ про Михайлу?»
— «Я не слышалъ — самъ я видѣлъ:
Шли поляки, шли козаки
На три страны, на четыре,
А татары поле крыли...
Въ томъ полку, въ полку козацкомъ,
Ѣхалъ возъ, покрытъ китайкой,
Да заслугою козацкой —
Возъ, китайкою покрытый;
Въ томъ возу козакъ убитый;
Онъ изрубленъ былъ, изсѣченъ,
Въ лютомъ боѣ изувѣченъ;
А во слѣдъ за тѣмъ за возомъ
Шолъ, головушку понуривъ,
Разудàлый конь козацкій;
Велъ коня холопъ наёмный,
Несъ въ рукѣ онъ востру пику,
А въ другой кривую саблю —
Съ сабли кровь текла, бѣжала...
Мать Михайлу провожала...
Онъ не больно былъ изрубленъ:
Головушка на три части,
Бѣло тѣло на четыре.
Ахъ, на что мнѣ, мати, слёзы!
Ты сломи-ка три берёзы,
А четвертую осину,
Да построй хоромы сыну,
Безъ дверей построй, безъ оконъ,
Чтобъ улечься только могъ онъ!»

Н. Бергъ.

—

VII.

Вспахана чорная пашня,
Засѣяна пулями,
Взборонена бѣлымъ тѣломъ,
Взмочена кровью.
Лежитъ воинъ въ чистомъ полѣ,
Ни гроба, ни ямы,
Ни отца, ни матери:
Некому позвонить,
Некому потужить.
Звонятъ кони копытами,
А воины шпорами.
Летитъ воронъ
Съ чужихъ сторонъ,
Садится на могилѣ,
Выпиваетъ его очи...

М. Максимовичъ.

—

*) То-есть — содрали съ живого кожу.

VIII.

ВО ПОЛѢ СНѢЖОКЪ.

Во чисто̂мъ полѣ
Порошитъ снѣжокъ —
Тамъ убитъ лежитъ
Молодой козакъ,
Призакрылъ травой
Очи ясныя.
Въ головахъ его
Воронъ каркаетъ,
А въ ногахъ его
Плачетъ вѣрный конь:
«Отпусти меня,
Аль награду дай!»

— «Изорви ты, конь,
Поводъ шолковый,
И бѣги — лети
Въ поле чистое!
По лугамъ травы
Выѣшь двѣ косьбы!
Выпей воду, конь,
Ты изъ двухъ озеръ!
Ты скачи оттоль
Ко дворамъ моимъ,
Ты ударь ногой
Во тесовъ заборъ;
Выйдетъ матушка,
Станетъ спрашивать:
«Ой, ты конь лихой,
«Господинъ гдѣ твой?
«Аль въ бою сложилъ
«Буйну голову?
«Али въ полѣ ты
«Обронилъ его?»
Ты умѣй на то
Ей отвѣтъ держать:
Нѣтъ, не вороги
Извели его,
И не я его
Обронилъ-убилъ,
А нашолъ себѣ
Панъ паняночку:
Во чисто̂мъ полѣ
Взялъ земляночку.»

Н. Бергъ.

—

IX.

ДОЛЯ.

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя доля?
Гдѣ ты, долюшка моя?
Исходилъ бы, распросилъ бы
Всѣ сторонки, всѣ края!

Аль ты въ полѣ, при долинѣ,
Дикимъ розаномъ цвѣтешь?
Аль кукушкою кукуешь?
Аль соловушкомъ поешь?

Али въ морѣ, межь купцами,
Ты считаешь барыши?
Аль въ хоромахъ, гдѣ воркуешь
Подлѣ дѣвицы-души?

Али въ небѣ ты гуляешь
По летучимъ облакамъ,
И расчесываешь кудри
Красну солнцу и звѣздамъ?

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя доля,
Доля, долюшка моя?
Что̂ никакъ не допытаюсь,
Не докличусь я тебя!

Н. Бергъ.

—

X.

ЯВОРЪ.

Никнетъ яворъ надъ водою,
    Въ воду опустился;
Удалой козакъ слезами
    Горькими облился.

Яворъ, яворъ, ты не падай,
    Не ломись, не гнися!
Молодой козакъ, уда̂лый,
    Сердцемъ не крушися!

Радъ бы яворъ — не ломился:
    Рѣчка корни моетъ;
Радъ бы, радъ козакъ — не плакалъ,
    Да сердечко ноетъ.

Онъ въ Московщину поѣхалъ,
Загремѣлъ подковой:
Вòронъ конь, арчакъ дубовый,
Поводокъ шелкòвый.

Онъ въ Московщину поѣхалъ,
Видно тамъ и сгинулъ,
Дорогую ли Украйну
Нà вѣки покинулъ.

Приказалъ — и опустили
Чорный гробъ въ могилу;
Приказалъ — и посадили
Въ головахъ калину.

«Пусть клюютъ калину пташки
Надъ моей могилой;
Пусть поютъ мнѣ и щебечутъ
Объ Украйнѣ милой!»

Н. Бергъ.

—

XI.

БѢДА.

Я пойду, пойду, изъ хутора пойду:
Не покину-ли я въ хуторѣ бѣду?

Оглянулась я дорогой, а бѣда
Горемыку догоняетъ по слѣдамъ.

«Что, бѣда, ты увязалась такъ за мной?»
— «Я вѣнчалась, безталанная, съ тобой!»

«Что, бѣда, ты уцѣпилась такъ за мной?»
— «Я родилась, безталанная, съ тобой!»

Н. Бергъ.

—

XII.

ПѢСНЯ.

Милый шолъ горой высокой,
Милая долиной;
Онъ зацвѣлъ румяной розой,
А она калиной.

Ты на горкѣ, на пригоркѣ,
А я подъ горою,
День и ночь съ моей тоскою
Слёзы лью рѣкою.

Кабы жить тебѣ со мною,
Жили бъ мы съ тобою,
Жили бъ, жили бъ, мое сердце,
Какъ рыба съ водою!

Что рыбакъ закинулъ уду,
Рыбу-рыбку ловитъ,
А милàя-то по миломъ
Бѣлы руки ломитъ.

Что рыбакъ закинулъ уду,
Рыбу-рыбку удитъ:
Долго, долго ли по миломъ
Тосковать мнѣ будетъ?

Что рыбакъ надъ быстрой рѣчкой
Ласточкою вьётся,
А милàя-то по миломъ
Горлицею бьётся.

Иль засыпался ты пылью,
Мятелицей-вьюгой,
Что не хочешь повидаться
Со своей подругой?

Чтò мятелица мнѣ, вьюга,
Буря-непогода:
Вѣдь любили жъ мы другъ друга
Цѣлые два года!

Да враги мои злодѣи
Все-про-все узнали,
Все-про-все они узнали,
Въ люди разсказали.

Будь здорова, черноброва,
И прощай на вѣки!
Не теките, не бѣгите
Слёзъ горючихъ рѣки!

Н. Бергъ.

—

XIII.

ДОЛЯ.

Не калина ль въ темномъ лѣсѣ,
Я не красная ль была?
А теперь меня сломали
И въ пучки перевязали:
Это доля моя!

Не трава ли зеленая
Въ чистомъ полѣ я была?
А теперь меня скосили
И на солнце изсушили:
Это доля моя!

Я ль не красная дѣвица
У родной моей была?
Съ нелюбымъ меня свѣнчали,
Волю дѣвичью связали:
Это доля моя!

Е. Гребенка.

—

XIV.

ПОВѢЙ ВѢТЕРЪ.

Вѣтеръ, вѣтеръ, ты повѣй
Изъ Украйны изъ моей!
Изъ Украйны на Литву
Я дружку поклонъ пошлю,
Я поклонъ пошлю, скажу
Что по немъ я здѣсь тужу,
Что мнѣ тяжко безъ него,
Безъ милова моего!
Кабы было у меня
Два могучія крыла,
Полетѣла бъ я къ нему,
Къ милу-другу моему.
Да на что мнѣ улетать
Ясна сокола искать,
Коли самъ онъ прилетитъ
И меня развеселитъ.
Такъ лети же, соколъ мой!
Жду я, жду тебя съ тоской;
Выхожу я на крыльцо,
Умываючи лицо;
Бѣло личико умою,
Поцалуюся съ тобою.

Н. Бергъ.

—

XV.

САМА ХОЖУ ПО КАМУШКАМЪ.

Я хожу сама по камушкамъ,
А коня вожу по травушкѣ.
По дорогѣ скачетъ чижичекъ.
— «Гой ты, чижикъ-воробеюшка!
Ты скажи-ка мнѣ всю правдушку:
У кого, скажи, есть волюшка,
И кому запретъ на волюшку?»
— «Краснымъ дѣвкамъ своя волюшка:
Сарафанъ взяла да вынула,
На себя платокъ накинула,
Убралась и въ хороводъ пошла,
Въ хороводъ пошла, дружка нашла.»
— «Гой ты, чижикъ-воробеюшка,
У кого еще есть волюшка,
И кому запретъ на волюшку?»
— «Добрымъ парнямъ своя волюшка:
Взялъ въ охабку шапку бархатну,
Синь кафтанъ надѣлъ, пошолъ-запѣлъ,
Пошолъ-запѣлъ, вездѣ поспѣлъ.»
— «Гой ты, чижикъ-воробеюшка,
У кого, скажи, есть волюшка,
И кому запретъ на волюшку?»
— «Положонъ запретъ на волюшку
Молодой ли что молодушкѣ:
На печи у ней ворчунъ ворчитъ,
А въ печи у ней горшокъ бурчитъ,
Подъ палатями дитя кричитъ,
У порога порося пищитъ;
Говоритъ горшокъ: отставь меня!
Порося визжитъ: напой меня!
А дитя кричитъ: качай меня!
А ворчунъ ворчитъ: цалуй меня!»

Н. Бергъ.

—

XVI.

НѢТЪ МИЛАГО.

Пшеничку я сжала, домой прибѣжала,
Домой прибѣжала, дружка не сыскала.
Гдѣ мой милый дѣлся, гдѣ запропастился?
Волки ли заѣли? въ рѣчкѣ ль утопился?
Кабы волки съѣли — дубровы бъ шумѣли;
Кабы утопился — Дунай бы разлился;
Кабы у шинкарки — гремѣли бы чарки;
Кабы на базарѣ — скрипки бы играли.

Н. Бергъ.

—

XVII.

БЕЗДОЛЬЕ.

Пташка въ полѣ, рыбка въ тинѣ
Рѣзвятся на волѣ.
Одному мнѣ, сиротинѣ,
На бѣломъ нѣтъ доли.

Осѣдлаю я, дѣтина,
Съ ночи вороного:
«Отпускай, старуха, сына,
Снаряжай родного!»

Сына мать благословляла
Въ дальній путь-дорогу,
Цаловала, миловала,
Поручала Богу.

Мчится подъ небомъ туманнымъ
Соколъ. «Соколина!
Ты летѣлъ надъ полемъ браннымъ:
Не видалъ ли сына?»

— «Видѣлъ: спитъ онъ съ полуночи;
Въ головахъ ракита;
Удалому вырвалъ очи
Воронъ-ненасыта.»

Какъ всплеснетъ она руками:
«Охъ, вы, дѣти, дѣти!
Пропадать теперь мнѣ съ вами
Сиротой на свѣтѣ!»

Л. Мей.

—

XVIII.

ПРОКЛЯТІЕ.

Жена мужа снаряжала,
Снаряжая проклинала:
«Чтобъ те ѣхать, не доѣхать!
Чтобы конь твой спотыкнулся
И горою обернулся,
Что горою ли крутою,
Шапка — рощею густою,
Синь кафтанчикъ — полемъ чистымъ,
А самъ — яворомъ вѣтвистымъ!»
Какъ она пшеницу жала,
Чорна туча набѣжала.
Стала милая подъ яворъ:
«Яворъ, яворъ ты широкой,
Ты прикрой дѣтей-сиротокъ!»
— «Ахъ, не яворъ я, не яворъ:
Я отецъ тѣмъ дѣткамъ малымъ...
Аль не помнишь, что сказала,
Какъ меня ты снаряжала,
Снаряжая проклинала!»

Н. Бергъ.

—

XIX.

БЫЛЪ У МАТЕРИ СЫНЪ СОКОЛЪ.

Сокола сына мать возростила,
Только взростила, въ полкъ отпустила;
Три его, три провожали сестрицы:
Старшая брату коня осѣдлала,
Средняя стремя ему придержала,
Младшая поводъ ему подавала;
Мать же у сына только спросила:
«Скоро ли, сынъ мой, домой ты вернешься?»
— «Скоро я буду, скоро пріѣду:
Павины перья въ рѣчкѣ потонутъ,
Мельничный жерновъ всплыветъ надъ водою.»
Вотъ ужь и перья въ водѣ потонули,
Вотъ ужь и жерновъ всплылъ надъ водою:
Жерновъ всплываетъ, сынъ не бываетъ,
Перышко тонетъ, мать его стонетъ;
На̀ гору вышла, полки повстрѣчала,
Видитъ — ведутъ и коня воронова.
Стала распрашивать старшихъ по войску:
«Ахъ, не видали ль вы сокола-сына?»
— «Это не твой ли ясный былъ соколъ,
Ясный былъ соколъ, взвился высо̀ко,
Восемь побилъ онъ полковъ басурманскихъ,
Восемь побилъ и пошолъ на девятый,
Тутъ ему ворогъ головушку срѣзалъ.
Слуги въ могилу его провожали,
Возы скрипѣли, коники ржали;
Жалко кукушка надъ нимъ куковала,
Долго дружина по немъ тосковала.»

Н. Бергъ.

—

XX.

СУЖЕНЫЙ.

Пьётъ и пляшетъ козакъ
И волынщикамъ такъ
Говоритъ: «удружите —
Чернобровкѣ шепните:

«Что изъ плохенькихъ я —
Не гожуся въ мужья —
Козачина убогой,
И добра-то немного:

«На дворѣ сто воловъ,
Да безъ счота коровъ;
Кони въ холѣ, въ приборѣ;
Гарнецъ злотыхъ въ каморѣ.»

Вѣсть — что чайка — летитъ.
Чернобровка бѣжитъ,
Въ попыхахъ и въ весельѣ,
Приготавливать зелье.

Изъ подъ бѣлыхъ камнѐй
Накопала корней,
У рѣки ихъ расклала,
Въ молокѣ чаровала.

«Мой милòй далеко...
Закипай молоко
Передъ свадьбой моею!»
А козакъ ужь за нею.

«Что тебя принесло —
Сивый конь, аль весло?»
— «Принесла меня доля,
Да Господняя воля:

«Вѣкъ съ тобой вѣковать,
Вѣкъ тебя миловать,
Холить, нѣжить, покоить,
Хату новую строить.»

Л. Мей.

—

XXI.

ТРИ СЕСТРЫ.

Въ полѣ широкомъ желѣзомъ копытъ
Взрыто зеленое жито;
Тамъ, подъ плакучей березой, лежитъ
Мòлодецъ, тайно убитый.

Мòлодецъ тайно убитый лежитъ,
Тайно въ траву схоронённый:
Весь онъ, бѣдняжка, китайкой накрытъ,
Тонкой китайкой червонной.

Вотъ подъ березу дѣвица пришла —
Розой она расцвѣтала —
Съ мòлодца тихо китайку сняла,
Жарко его цаловала.

Вотъ и другая дѣвица пришла —
Глазки сіяли звѣздàми —
Съ мòлодца тихо китайку сняла,
Вся залилася слезами.

Третья пришла — и горѣлъ ея взоръ...
Молвила: «спитъ — не разбудишь...
Спи, мой молодчикъ: теперь трехъ сестеръ
Больше любить ты не будешь!»

Л. Мей.

II. ЧЕРВОННОРУССКІЯ.

I.

У СОСѢДКИ СЫНЪ МОЛОДЧИКЪ.

У сосѣдки сынъ молодчикъ —
Хата съ хатой рядомъ;
У сосѣда дочь красотка —
Садъ сошолся съ садомъ.

Вѣетъ вѣтеръ съ полунòчи —
Старики за сказки;
Вѣетъ вѣтеръ со полудня —
Молодежь за ласки.

Милый пò саду гуляетъ,
Смотритъ къ намъ въ окошки.
Я, дѣвица, вышла въ сѣни,
Стала на порожкѣ.

Съ милымъ другомъ перемолвить
Слово я хотѣла,
Да отецъ въ саду работалъ:
Я и не посмѣла.

Сизый голубь по застрѐхѣ
Ходитъ, да воркуетъ;
Сизу-голубю дѣвица,
Смѣючись, толкуетъ:

«Ты, голубчикъ сизокрылый,
Ворковать умѣешь,
А небось къ намъ подъ окошко
Прилетѣть не смѣешь?

«Для тебя ли, голубочка,
Для воркуньи-птички,
На окошкѣ я разсыплю
Проса и пшенички:

«Ты не бойся, мой голубчикъ,
А — какъ сядетъ солнце —
Прилетай ко мнѣ, дѣвицѣ,
Прямо подъ оконце!»

Голубочку на застрѐхѣ
И отцу сѣдому
Не въ домёкъ дѣвичьи рѣчи,
Да въ домёкъ милòму:

Не слетѣлъ клевать пшеничку
Голубь сизокрылый,
А пришолъ со мной, дѣвицей,
Цаловаться милый.

Л. Мей.

—

II.

НАНА.

— Что-это не слышно Наны голосочка?
Затяни намъ пѣсню, маленькая дочка!

«Во саду-садочкѣ
Выросла малинка:
Солнце ее грѣетъ,
Дождичекъ лелѣетъ.
Въ свѣтломъ теремочкѣ
Выросла Нанинка:
Тятя ее любитъ,
Матушка голубитъ.»

— У малютки Наны пѣсенки — малютки:
Малы, да пригожи, словно незабудки.

Л. Мей.

—

III.

ПОМОЛОДѢВШІЙ СТАРИКЪ.

Зимнимъ утромъ на разсвѣтѣ,
Изъ далекаго села,
На конѣ несется всадникъ,
Будто изъ лука стрѣла.

Вотъ съ горы онъ по равнинѣ
Яснымъ соколомъ летитъ;
Паръ столбомъ за нимъ клубится,
Вьётся снѣгъ изъ-подъ копытъ.

У наѣздника лихова,
Русскихъ юношей красы,
Посѣдѣли отъ мороза
Кудри, брови и усы.

Вотъ къ воротамъ онъ примчался
И въ калитку застучалъ;
Борзый конь, почуя стойло,
Громко, весело заржалъ.

А изъ терема дѣвица
Посмотрѣла изъ окна:
Не признала въ раннемъ гостѣ
Друга милаго она.

И сказала: «кто бы это?
Что за дѣдушка сѣдой
Къ намъ стучится спозаранку
Торопливою рукой?»

Вдругъ знакомый слышитъ голосъ:
«Отопри, душа моя!
Аль меня ты не признала?
Дай взглянуть мнѣ на тебя!»

И спѣшитъ она скорѣе
Душегрѣйку надѣвать,
И бѣжитъ она къ воротамъ
Гостя милаго встрѣчать.

Къ другу кинулась на шею,
Крѣпко, крѣпко обняла
И горячимъ поцалуемъ
Сѣдину съ него свела.

Вмигъ отъ жаркаго дыханья
Милой дѣвицы-красы
Почернѣли у милова
Кудри, брови и усы.

Ѳ. Миллеръ.

—

IV.

ПРИМИРЕНІЕ.

Ахъ, вы, нянюшки и мамушки!
Вы, красавицы-подруженьки!
Вы скажите мнѣ, повѣдайте:
Что прочнѣе, долговѣчнѣе —
На цвѣтахъ роса разсвѣтная,
Въ небѣ радуга цвѣтистая,
Али въ сердцѣ гнѣвъ на милаго?
Съ милымъ другомъ я размолвилась,
Я на милаго прогнѣвалась,
И ни я къ нему, ни онъ ко мнѣ
Ни словечка не промолвили.
Въ снѣгъ зарыла я любовь свою,
Да и гнѣвъ свой затоптала въ снѣгъ
И отъ друга отреклась навѣкъ.
Улыбнулось солнце вешнее,
Снѣгъ растаялъ, гнѣвъ утёкъ ручьёмъ,
И любовь въ цвѣткахъ лазоревыхъ
На лугахъ зеленыхъ выросла.
Вотъ пришолъ великій, свѣтлый день;
Встала я ранымъ-ранешенько,
Вышла радостно на улицу;
Мнѣ на встрѣчу милый другъ идетъ.
Я промолвила: «Христосъ воскресъ!»
Очи ясныя потупивши.
Онъ отвѣтилъ мнѣ: «воистину!»
И въ уста поцаловалъ меня.
Ахъ, вы, нянюшки и мамушки!
Вы, красавицы-подруженьки!
Пусть померкнетъ солнце красное,
Съ милымъ ввѣкъ я не разссорюся!

Ѳ. Миллеръ.

—

V.

ОДИНОЧЕСТВО.

Облака надъ лѣсомъ, сны надъ головою,
Свѣтлые, несутся легкою грядою:
Лѣсъ зашевелится, сердце встрепенется;
Пролетятъ — и слѣда ихъ не остается.
Сладко по долинѣ ранній вѣтеръ вѣетъ;

На той на долинѣ яворъ зеленѣетъ;
Съ шумомъ по песочку ручеекъ струится;
Къ ручейку приходитъ красная дѣвица.
Кованымъ ведерцемъ воду зачерпнула,
Воду зачерпнула, тяжело вздохнула,
Къ явору присѣла, голову склонила,
Къ своему сердечку такъ проговорила:
«Не одна-то въ полѣ такъ растетъ былинка,
Какъ одна живу я въ людяхъ сиротинка!
Нѣтъ со мною брата, нѣтъ сестрицы милой;
Взяты мать съ родимымъ темною могилой;
Милый другъ далеко: въ сторону чужую
Отъ меня ушолъ онъ въ сѣчу роковую!»
Дѣвицѣ не снятся пышныя палаты,
Снятся ей въ долинѣ двѣ простыя хаты:
Въ одной проживаютъ старички родные,
Въ другой вмѣстѣ съ милымъ они, молодые;
Снятся ей съ цвѣтами подлѣ хатъ два сада:
Тамъ весной отрада, въ лѣтній зной прохлада;
И любви, и счастья въ тѣхъ привѣтныхъ хатахъ
Больше, чѣмъ порою въ княжескихъ палатахъ.
Но пронесся вѣтеръ бурей надъ долиной —
Дѣвица проснулась съ прежнею кручиной.
Гдѣ родныя хаты? гдѣ сады съ цвѣтами?
Знать умчалъ ихъ вѣтеръ бурными крылами.

Ѳ. Миллеръ.

VI.

ДОБРЫЕ ПАНЫ.

Хорошо когда-то жили,
Жили, поживали
Наши дѣды на Украйнѣ:
Панщины не знали.

Ой, паны въ ту пору были
Лёгки на работу:
Изъ недѣли работали
Мы одну суботу.

Какъ паны да лихи стали,
Лихи на работу:
Стали панщину мы править
Шесть дней и въ суботу.

А въ святое воскресенье
Караулъ держали.
«Эй, шинкарка, жбанъ горѣлки!
«Холодно — устали!»

И, за столъ усѣвшись, парни
Ту горѣлку пили...
А въ ту пору въ церкви божьей
Къ утренѣ звонили.

Въ воскресенье, въ самый полдень,
Въ церкви божьей звонятъ,
А Савулу батогами
На работу гонятъ.

«Соберемся — да и къ пану!
Трудно, братцы, стало!
Какъ бы это воскресенье
Насъ не покарало!»

Вотъ стоимъ мы передъ паномъ —
Говоримъ причину...
«Эй, козаки! взять Савулу,
Да сто палокъ въ спину!»

Н. Гербель.

VII.

ВДОВА.

Какъ въ дворѣ у пана строили свѣтлицу,
Гнали на работу горькую вдовицу.
Ой, всего недѣлю мужа схоронила,
А черезъ недѣлю дитятко родила;
Нѣдали съ родовъ ей опочить нимало:
Черезъ три дни камни тяжкіе таскала;
Держитъ, плача, сына рученькой одною,
Каменьщикамъ камни подаетъ другою:
«Стройте, городите бѣлую свѣтлицу,
Только пожалѣйте горькую вдовицу,
Вы свѣтлицу стройте, сирую не троньте!»
Плачетъ, а утѣхи все-то нѣтъ сердечку...
Видитъ подъ горою, видитъ быстру рѣчку,
Подбѣжала къ рѣчкѣ, опустила сына:
«Плавай ты по рѣчкѣ, дитятко-дитина!
Не видалъ ты батьку, не увидишь матку:
Батьку рано скрыла чорная могила,
А родная въ рѣчкѣ сына утопила!
Жилъ бы ты на свѣтѣ, былъ бы хлопецъ бравой,
А теперь по рѣчкѣ день и ночь ты плавай
Передъ панскимъ домомъ, подъ его стѣнами,
Плавай, обливайся горькими слезами!»

Н. Бергъ.

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ.

I.

На Руси былъ чорный богъ;
Передъ нимъ былъ турій рогъ;
Онъ на Кіевъ поглядалъ,
Голосъ вѣдьмамъ подавалъ;
Володиміръ же святой
Чернобога сбилъ долой;
Отъ святой Варвары жь въ ночь
Разбѣжались вѣдьмы прочь
Съ лысыхъ горъ, гдѣ пировали,
И всю ночь онѣ плясали.
Святый Юрій прискакалъ,
И въ Несвижѣ церквой сталъ.
Но отъ князя Радзивила
Понашла нечиста сила,
Нашу вѣру загубила.
Батьки въ церкви не служили;
Мшу ксендзы тамъ завопили;
Ни отъ Слуцка, ни съ Турова
Къ намъ не слышалось ни слова,
Ни единаго словечка;
Сталъ какъ блудная овечка
Юрій, нашъ святой хранитель,
Храбрый змія побѣдитель.
Мы предъ Юріемъ падемъ,
И помолимся о томъ,
Чтобъ его святая сила
Покарала Радзивила.

А. Майковъ.

—

II.

ПЕТРУСЬ.

Ой, худыя вѣсти
Люди приносили!
Бѣднаго Петруся
До смерти забили.
А за что жь забили,
За вину какую?
Отъ своей-то жонки
Полюбилъ чужую!
Какъ же могъ подумать
О такой ты пани?
Пани — вся въ атласахъ,
Ты жь — въ худомъ кафтанѣ!
Пани трехъ служанокъ
За Петрусемъ слала;
Не дождалась пани,
Въ поле поскакала:
«Ой, бросай, Петрусикъ,
Соху середь поля!
Пана нѣту дома —
Полная намъ воля!»
Вѣрные холопы
Пана повѣстили;
Панскія хоромы
Крѣпко оцѣпили.
Выглянула пани,
Видитъ — хлоповъ кучи;
Панскій конь весь въ мылѣ,
Панъ — чернѣе тучи...
«Серденько-Петрусикъ,
Утекай скорѣе!

Панъ пріѣхалъ: тучи
Громовой чернѣе!»
Чуть Петрусь до двери —
Засвистали плети:
Бьютъ и бьютъ Петруся
Часъ, другой и третій.
Парень ужъ не дышетъ;
Хлопцы бить устали;
За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли къ Дунаю...
Быстръ Дунай раскрылся...
«Вотъ тебѣ, голубчикъ,
Что пригожъ родился!»

Вельможная пани
Въ сѣни выходила;
Пани рыболовамъ
По рублю дарила:
«Будетъ вамъ и больше!
Рыбачки, идите,
Моего Петруся
Тѣло изловите!»

Рыбаки искали
Въ омутѣ и тинѣ —
И нашли Петруся
Въ Жалинской долинѣ.
Некого имъ къ пани
Вѣстникомъ отправить,
Чтобы пріѣзжала
Похороны справить.

Вельможная пани
Бродитъ какъ шальная;
О своемъ Петрусѣ
Плачетъ мать родная;
Плачетъ мать родная
Горькими слезами;
Вельможная сыплетъ
Бѣлыми рублями:
«Ой, не плачь ты, мати,
Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство съ сыномъ
Я твоимъ утрачу!»
И ходила пани
Борами, лѣсами:
Щеки обливала
Жаркими слезами;
Всѣ объ остры камни
Ноженьки избила;
Бархатное платье
По росѣ смочила.

Ходитъ панъ по рынку,
Тяжело вздыхаетъ;
На себя самъ горько
Плачется, пѣняетъ:
«Вѣдай-ко я прежде
Про такую долю,
Не мѣшалъ Петрусю бъ
Тѣшиться я вволю!»

А. Майковъ.

—

III.

«Ой, сынки мои, соколы мои,
Доченьки-голубоньки!
Какъ прійдетъ мой часъ, помирать начну,
Вкругъ меня сберитеся!»

Ходятъ въ горенкѣ, сынки шепчутся,
Какъ имъ мать хоронить;
Ходятъ въ горенкѣ, зятья шепчутся,
Какъ добро раздѣлить;

Ой, а доченьки, что голубоньки,
Кругъ матушки вьются;
А невѣстушки ходятъ въ горенкѣ,
Надъ ними смѣются.

А. Майковъ.

—

IV.

Не ходи, конь, да въ зелёный садъ,
Ой, не пей, конь, ключевой воды,
Ой, не ѣшь, конь, зеленой травы!
Въ ключѣ дѣвица умывалася,
Красотѣ своей дивовалася:
«Красота ты моя красотушка!
Да кому, красота, ты достанешься:
Аль дворянину, аль мѣщанину,
Аль тому гостю пріѣзжему?»
— Ни дворянину, ни мѣщанину,
Ни тому гостю пріѣзжему:
Гробовымъ доскамъ, разсыпнымъ пескамъ.

Н. Гербель.

—

V.

Ой, коли бъ, коли
Москали пришли,
Москали пришли,
Наши срòдные,
Вѣры òдныя!
Было бъ добре намъ,
Было бъ счастно намъ
Коли вся бы Русь
Да держалася
Одной силою,
За одно была!
Только къ намъ за грѣхи,
Попашли ляхи,
Край нашъ зàняли
Ажь до Ляшковичь.
И ляхи бъ не пришли,
Да паны привели.
Ой, паны, чтобъ вы пропали,
Что насъ ляхамъ запродали!
Ой, паны, чтобъ вы пропали,
Что вы вѣру промѣняли!

А. Майковъ.

—

VI.

Ой катилася заря
Изъ подъ новаго двора;
Не заря тò золотая,
Ѣдетъ пани молодая:
Какъ она заговоритъ,
Словно въ звоны зазвонитъ.

А. Майковъ.

—

VII.

При дорогѣ при широкой
Два дубочка стоятъ;
При бесѣдѣ, при веселой
Два молодчика пьютъ.
Они пьютъ и тарабарютъ
Про женитьбу свою.
Удалась ли, удалась ли,
Братъ, женитьба твоя?
«Удалася, удалася,
Братъ, нелюбая жена!
Да пойду я, молодецъ,
Во новѐнькій городецъ,
Да куплю я, молодецъ,
Размалеванный челнецъ;
Посажу я, молодецъ,
Да нелюбую жену;
Да спущу я, молодецъ,
На воду̀, на быстрину;
Самъ пойду я, молодецъ,
На высокую гору;
Погляжу я, молодецъ,
Да на ясную зарю;
Высокò ли, высокò ли
Вышла ясная заря?
Далекò ли, далекò ли,
Братъ, нелюбая жена?
«Ой вернися, ой вернися,
Ты нелюбая жена!»
— «Не вернуся, не вернуся,
Ясенъ добрый молодецъ;
Не промаешься на свѣтѣ
Бобылемъ ты, молодецъ,
А другую, молодую
Поведешь ты подъ вѣнецъ:
Будетъ лучше меня —
Позабудешь меня;
Будетъ хуже меня —
Такъ вспомянешь меня!»

А. Майковъ.

—

VIII.

Не сѣки ты, батюшка,
  При дорогѣ березки;
Не коси ты, братинька,
  Травоньки шелковой;
Не щипли ты, сестринька,
  Цвѣтиковъ въ садочкѣ;
Не бери ты, матушка,
  Изъ ключа водицы.
При дорогѣ березка —
  Я сама, младенька;
Травонька шелкова —
  Мои русы косы;
Въ садочкѣ цвѣточки —
  Мои ясны òчки;
Во ключѣ водица —
  Мои горьки слёзки.

А. Майковъ.

—

IX.

Вѣтры осенніе бѣлу березу раскачиваютъ,
Молодецъ добрый по сѣнямъ тесовымъ похаживаетъ,
Матерь родную свою такъ упрашиваетъ:
«Матушка, встань завтра рано-ранёшенько,
Вытопи хату тепло ты теплёшенько;
Столъ застели полотенцами бѣлыми,
Мёду налей ты въ стаканы хрустальные:
Придутъ къ намъ гости не званные,
Придутъ къ намъ гости не жданные,
Придутъ насъ, матушка, въ рекруты брать,
Будутъ намъ, матушка, руки вязать.

Н. Гербель.

X.

На селѣ два брата — и живутъ богато;
Вотъ они на диво наварили пива;
Всѣхъ кто побогаче — всю роднію созвали;
За сестрой богатой трехъ пословъ послали,
А сходить за бѣдной людямъ наказали.
Ой, сестру-богачку на̀ полѣ встрѣчаютъ,
А бѣднягу въ хатѣ сидя принимаютъ.
Къ образамъ богачку въ уголъ посадили,
А бѣднягѣ къ печкѣ мѣсто удѣлили.
Ой, сестру-богачку мёдомъ угощаютъ,
А бѣднягѣ водку въ чарку наливаютъ.
Ночевать богачку братья приглашаютъ,
А бѣднягу къ ночи за̀ дверь провожаютъ.
По̀ двору богачка веселится-скачетъ,
А сестра-бѣдняга въ тёмномъ лѣсѣ плачетъ.
«Братцы, торопитесь, на коней садитесь,
Ее догоняйте, къ образамъ сажайте,
Больше чѣмъ само̀й мнѣ ей вы угождайте!»

Н. Гербель.

XI.

Бузина съ малиною
Разомъ зацвѣла;
Мать въ ту пору раннюю
Сына родила,
Не спросившись разума,
Въ службу отдала,
Въ войско, во солдатушки,
Въ сторону чужую.
Сѣла, сѣла матушка
На̀ гору крутую,
И оттуда крикнула
Громкимъ голоскомъ:
«Дитятко, что маешься?
Плачешь ты о чёмъ?
Ходишь такъ нѐ весело,
Ходишь да крушишься?»
— «Матушка родимая,
Какъ развеселишься!
Чуждая сторонушка
Сушитъ, сокрушаетъ,
Наши командирушки
Безъ вины ругаютъ».

Н. Гербель.

XII.

Въ чистомъ полѣ снѣгъ валится,
По сырой землѣ ложится.
Сына мать благословляетъ
Въ путь-дорогу снаряжаетъ.
Ахъ, ты мать моя родная,
Мать моя ты дорогая!
Я твое все горе знаю:
Въ край далёкій уѣзжаю,
Мать старуху покидаю,
И съ коня-то не слѣзаю,
Изъ стременъ не вынимаю
Ногъ усталыхъ — уѣзжаю
Прямо къ тихому Дунаю.
Ой, Дунай, рѣка большая!
Что ты мутная такая?
Аль волна тебя разбила,
Аль лебёдка помутила?
— Нѣтъ, меня гранаты, пули
Помутили и раздули,
Чрезъ Дунай перелетая,
Въ молодцовъ да попадая,
Съ плечь головушки срывая,
Тѣло бѣлое валяя.
Охъ, вы, кони вороные,
Мои кони дорогіе!
Что̀ не пьёте изъ Дунаю —
Я того не разгадаю.
Ой, не пьютъ они — вздыхаютъ,
Глазъ съ зарѣчья не спускаютъ:
Какъ тамъ мо̀лодцы гуляютъ,
Какъ другъ друга убиваютъ;
Какъ текутъ тамъ, протекаютъ
Рѣчки алыми струями,
А ручьи текутъ слезами,
Какъ мосты тамъ настилаютъ
Человѣчьими тѣлами.

Н. Гербель.

ПѢСНИ ЮГО-СЛАВЯНСКІЯ.

I. СЕРБСКІЯ.

1. ЭПИЧЕСКІЯ ПѢСНИ ПОРЫ, ПРЕДШЕСТВОВАВШЕЙ КОСОВСКОЙ БИТВѢ.

I.

ЦАРЬ СТЕФАНЪ ПРАЗДНУЕТЪ ДЕНЬ СВОЕГО СВЯТОГО.

Царь Стефанъ великій праздникъ славитъ,
Празднуетъ Архангела Стефана
И гостей на праздникъ созываетъ,
Созываетъ триста іереевъ
И дванадесять владыкъ великихъ
И четыре старыхъ проигумна;
Разсадилъ ихъ по мѣстамъ, какъ надо,
Разсадилъ колѣно за колѣномъ,
Самъ пошолъ, гостямъ вино подноситъ,
Всякому по чину и по роду,
Какъ царю по правдѣ подобаетъ.
Но бесѣда говоритъ Стефану:
«Царь ты нашъ и солнце наше красно,
Намъ глядѣть зазорно и обидно,
Что ты служишь и вино подносишь;
Сядь ты съ нами лучше за трапезу,
А вино пускай слуга подноситъ!»
Царь Стефанъ на рѣчь ихъ соблазнился,
Сѣлъ съ гостями рядомъ за трапезу,
Въ честь святого не наполнивъ чаши
И о Богѣ духомъ не смиряся;
Далъ слугамъ, чтобы съ виномъ ходили,
Чествуя угодника святого,
Самого жь себя не могъ принудить
Послужить слугою часъ единый.
Какъ стоялъ Стефанъ передъ гостями,
За плечомъ его стоялъ Архангелъ,
Крыльями его пріосѣняя;
А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями рядомъ,
Прогнѣвился на него Архангелъ,
По лицу крыломъ его ударилъ
И съ трапезы царской удалился.
Не видалъ никто между гостями,
Какъ стоялъ Архангелъ за Стефаномъ,
Увидалъ одинъ маститый старецъ,
Увидалъ и горько онъ заплакалъ.
Какъ замѣтилъ тò прислужникъ царскій,
Подошолъ и тихо старцу молвилъ:
«Чтò, старикъ, на праздникѣ ты плачешь?
Иль тебя не вдоволь угощали?
Мало ѣлъ ты, или пилъ сегодня?
Иль боишься, что тебя обидятъ,
Милостію царскою обдѣлятъ?»
Говоритъ ему маститый старецъ:
«Богъ съ тобою, царскій ты прислужникъ,
Я не мало ѣлъ и пилъ сегодня,
Не боюсь я, что меня обидятъ,
Милостію царскою обдѣлятъ,
Но видѣнье чудное я видѣлъ:
Какъ стоялъ Стефанъ передъ гостями,
За плечомъ его стоялъ Архангелъ,
Крыльями его пріосѣняя;
А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями рядомъ,
Прогнѣвился на него Архангелъ,
По лицу крыломъ его ударилъ
И съ трапезы царской удалился.»
Разсказалъ про тò царю прислужникъ;

Царь поспѣшно всталъ изъ-за трапезы,
А за нимъ и триста іереевъ
И дванадесять владыкъ великихъ
И четыре старыхъ проигумна:
Взяли книги, начали молиться,
Бдѣніе великое творили,
Цѣлыхъ три дни и три тёмныхъ ночи,
Господу Всевышнему моляся
И Его угоднику святому —
И царя помиловалъ угодникъ,
Отпуская грѣхъ ему великій,
Что съ гостями сѣлъ онъ за трапезу,
Въ честь святого не наполнивъ чаши,
И о Богѣ духомъ не смиряся.

Н. Бергъ.

—

II.

ПОСТРОЕНІЕ СКАДРА.

Трое братьевъ городили городъ —
Марлявчевичи звалися братья:
Вукашинъ король былъ первый стройщикъ,
А другой Углѣша воевода,
Третій строилъ Марлявчевичь Гойко —
Городъ Скадаръ на рѣкѣ Боянѣ.
Ровно три года городятъ городъ,
Ровно три года, рабочихъ триста,
Но не могутъ и основу вывесть,
А куда ужь весь поставить городъ.
Чтò работники построятъ зà день,
То повалитъ злая вила зà ночь.
Какъ четвертое настало лѣто,
Слышутъ — вила кличетъ изъ Планины:
«Вукашинъ, не мучься ты задаромъ,
Не губи добра ты понапрасну:
Не видать тебѣ и основанья,
А куда ужь весь поставить городъ,
Коли сходныхъ не найдешь двухъ прозвищъ,
Сестру съ братомъ, Стою и Стояна,
И подъ башню ихъ ты не заложишь,
А заложишь — будетъ основанье
И построишь Скадаръ на Боянѣ!»
Какъ тѣ рѣчи Вукашинъ услышалъ,
Подзываетъ слугу Десимира:
«Десимиръ, мое милòе чадо!
Былъ донынѣ ты моимъ слугою,
Будь отнынѣ моимъ сыномъ милымъ!
Запрягай ты кóней въ колесницу,
Шесть кулей бери добра съ собою,
Поѣзжай по бѣлому ты свѣту,
Двухъ ищи ты одинакихъ прозвищъ,
Сестру съ братомъ, Стою и Стояна,
Добывай за деньги, или силой,
И вези ихъ въ Скадаръ на Бояну:
Мы заложимъ ихъ подъ башню въ камень,
Такъ поставимъ граду основанье
И построимъ Скадаръ на Боянѣ.»
Какъ услышалъ Десимиръ тѣ рѣчи,
Снарядилъ конѐй и колесницу,
Шесть кулей добра съ собой насыпалъ
И поѣхалъ онъ по бѣлу свѣту;
Ѣздитъ, ищетъ одинакихъ прозвищъ,
Ѣздитъ, ищетъ Стою и Стояна.
Ужь три года Десимиръ проѣздилъ,
Не нашолъ онъ одинакихъ прозвищъ,
Не нашолъ онъ Стою и Стояна,
И назадъ пріѣхалъ къ Вукашину,
Отдаетъ коней и колесницу,
И кули, какъ были, вынимаетъ:
«Вотъ тебѣ кони̇ и колесница,
Вотъ и все добро твое, богатство!
Не нашолъ я одинакихъ прозвищъ,
Не нашолъ я Стою и Стояна!»
Какъ услышалъ Вукашинъ тѣ рѣчи,
Призываетъ зодчаго онъ Рада,
Зодчій кличетъ всѣхъ людей рабочихъ,
Стали строить Скадаръ на Боянѣ,
Зодчій строитъ, злая вила валитъ,
Не даетъ и основанья вывесть,
А не только весь построить городъ,
И опять съ горы заголосила:
«Эй, король, не мучься ты задаромъ,
Не губи добра ты понапрасну!
Коль не можешь и основу вывесть,
Такъ куда жь тебѣ построить городъ !
Но послушай моего совѣту:
Васъ три брата на рѣкѣ Боянѣ,
И у всякаго по вѣрной любѣ,
Чья придетъ сюда поутру прежде
И рабочимъ принесетъ обѣдать,
Заложи̇те вы тоѐ подъ камень:
Основанье граду будетъ крѣпко,
Ты построишь Скадаръ на Боянѣ.»
Какъ услышалъ Вукашинъ тѣ рѣчи,
Призываетъ онъ родимыхъ братьевъ,
Говоритъ имъ: «братья дорогіе,
Вонъ съ горы чтó говоритъ мнѣ вила:
Вишь добро мы понапрасну губимъ,
Ни за что намъ съ вилою не сладить,

Не позволитъ вывесть и основы,
А куда ужь весь построить городъ!
Да сказала, что вотъ насъ три брата
И у всякаго по вѣрной любѣ:
Чья придетъ поутру на Бояну
И рабочимъ принесетъ обѣдать,
Заложить тоё велитъ подъ башню:
Такъ поставимъ граду основанье
И построимъ Скадаръ на Боянѣ.
Только, братья, заклинаю Богомъ,
Чтобъ ни чья про тò не знала люба;
Мы оставимъ это имъ на счастье:
Чья пойдетъ, та и пойдетъ съ обѣдомъ!»
И другъ дружкѣ братья клятву дали,
Что ни кто своей не скажетъ любѣ.
Такъ застала ихъ пора ночная,
Ко дворамъ они вернулись бѣлымъ
И за ужинъ сѣли за господскій,
А потомъ пошли въ опочивальни.
Но великое свершилось чудо:
Вукашинъ не удержался первый,
Разсказалъ онъ все подругѣ-любѣ:
«Ты послушай, люба дорогая,
Не ходи ты завтра на Бояну
И рабочимъ не носи обѣдать,
А не тò себя, душа, погубишь:
Закладутъ тебя подъ башню въ камень!»
И Углѣша клятвы не исполнилъ,
Разсказалъ и онъ подругѣ-любѣ:
«Ты послушай, люба дорогая,
Не ходи ты завтра на Бояну
И рабочимъ не носи обѣдать,
А не то себя, душа, погубишь:
Закладутъ тебя подъ башню въ камень!»
Лишь одинъ не посрамился Гойко,
Не сказалъ своей ни слова любѣ.
Какъ назавтра утро засіяло,
Встали братья и пошли на стройку.
Часъ обѣда настаетъ рабочимъ,
А чередъ за любой Вукашина.
Вотъ идетъ она къ своей невѣсткѣ,
Къ молодой Углешиной хозяйкѣ,
Говоритъ: «невѣстка дорогая,
Помоги, неможется мнѣ нынче,
Голову мнѣ съ вѣтру разломило:
На, снеси обѣдъ рабочимъ людямъ!»
Но Углѣшина подруга молвитъ:
«Ахъ, невѣстка, радостью бы рада,
Да рука сегодня заболѣла,
Попроси ужь ты сноху меньшую!»
Та приходитъ къ Гойкиной подругѣ,
Говоритъ: «невѣстка дорогая,
Помоги, неможется мнѣ нынче,
Голову отъ вѣтра разломило:
На, снеси обѣдъ рабочимъ людямъ!»
Люба Гойки ей на это молвитъ:
«Матушка ты наша, королева,
Отнесла бы я тебѣ съ охотой,
Да еще ребенка не купала
И полотенъ не стирала бѣлыхъ!»
Вукашиниха на это молвитъ:
«Ты поди, невѣстка дорогая,
Отнеси обѣдъ рабочимъ людямъ,
А ребенка я тебѣ помою
И полотна выстираю бѣлы.»
Нечего, пошла подруга Гойки,
Понесла обѣдъ рабочимъ людямъ;
Какъ пришла она къ рѣкѣ Боянѣ,
Увидалъ свою подругу Гойко,
Стало Гойкѣ раздосадно-горько,
Стало жаль ему подруги вѣрной,
Стало жаль и малаго ребенка,
Чтò глядѣлъ на бѣлый свѣтъ лишь мѣсяцъ:
Слёзы пролилъ Марлявчевичь Гойко;
Издали его узнала люба,
Тихой поступью къ нему подходитъ,
Говоритъ ему такое слово:
«Что съ тобою, господи́нъ мой добрый,
Что ты ронишь нынче горьки слёзы?»
Отвѣчаетъ Гойко Марлявчевичь:
«Ахъ, душа ты, вѣрная подруга!
Приключилось горькое мнѣ горе:
Яблоко пропало золотое,
Укатилось въ быструю Бояну:
Вотъ и плачу, слёзъ не одолѣю!»
Но не тужитъ Гойкина подруга,
Говоритъ она, смѣючись, мужу:
«Лишь бы ты мнѣ былъ здоровъ и веселъ,
А про яблоко чего крушиться:
Наживемъ мы яблоко и лучше!»
Тутъ еще ему горчѣе стало;
Отъ своей онъ любы отвернулся
И смотрѣть ужь на нее не можетъ.
Подошли тогда родные братья,
Деверья его подруги-любы,
За бѣлы̀ ее схватили руки,
Повели закладывать подъ башню,
Призываютъ зодчаго на стройку,
Зодчій сóбралъ всѣхъ людей рабочихъ,
Но смѣется Гойкина подруга,
Думаетъ, что съ нею шутки шутятъ.
Стали въ городъ городить бѣднягу,

Навалили триста тѣ рабочихъ,
Навалили дерева и камню,
Чтд коню бы стало по колѣно;
Люба Гойки все еще смѣется,
Думаетъ, что съ нею шутку шутятъ.
Навалили триста тѣ рабочихъ,
Навалили дерева и камню,
Чтд коню бы пд поясъ хватило;
Какъ осѣло дерево и камень,
Увидала Гойкина подруга,
Что бѣда у ней надъ головою,
Взвизгнула змѣёю мѣдяницей,
Деверьямъ своимъ взмолилась жалко:
«Ради Бога, братья, не давайте
Загубить мнѣ молодъ вѣкъ зелёный!»
Такъ молила да не умолила:
Ни одинъ и поглядѣть не хочетъ.
Тутъ зазоръ и срамъ она забыла,
Господину своему взмолилась:
«Не давай ты, господинъ мой добрый,
Городить меня подъ башню въ городъ,
Но поди ты къ матушкѣ родимой,
У нея добра въ дому найдется,
Пусть раба или рабыню купитъ:
Заложите ихъ подъ башню въ камень!»
Такъ молила да не умолила —
И когда увидѣла бѣдняга,
Что мольба ей больше не поможетъ,
Зодчему тогда она взмолилась:
«Побратимъ ты, побратимъ мой зодчій,
Проруби моимъ грудямъ окошко,
Бѣлые сосцы наружу выставь:
Какъ придетъ сюда мой соколъ Ваня,
Пососётъ онъ материнской груди!»
Какъ сестру, ее послушалъ зодчій,
Прорубилъ ея грудямъ окошко
И сосцы ей выставилъ наружу,
Чтобы могъ, придя, ея Ванюша
Покормиться материнской грудью.
Снова зодчему она взмолилась:
«Побратимъ ты, побратимъ мой зодчій!
Проруби моимъ очамъ окошко,
Чтобъ глядѣть мнѣ на высокій теремъ,
Коли Ваню понесутъ оттуда
И назадъ съ нимъ къ терему вернутся.»
И опять ее послушалъ зодчій:
Прорубилъ ея очамъ окошко,
Чтобъ глядѣть на теремъ ей высокій,
Какъ оттуда понесутъ къ ней Ваню
И назадъ съ нимъ къ терему вернутся.
Такъ ее загородили въ городъ;
Всякій день носили къ ней Ванюшу;
Восемь дней она его кормила,
На девятый потеряла голосъ,
Но кормила Ваню и опослѣ:
Цѣлый годъ его туда носили.
И понынѣ у людей въ помннѣ,
Что бѣжитъ и будто тихо каплетъ
Ради чуда молоко оттуда,
И приходятъ жоны молодыя
Грудью той лечить сосцы сухіе.

Н. Бергъ.

—

III.

БАНОВИЧЬ СТРАХИНЬЯ.

Жилъ да былъ Страхинья Бановичь, *)
Былъ онъ баномъ маленькаго банства,
Маленькаго банства край Косова.
Не бывало сокола такого!
Подымается онъ рано утромъ,
Созываетъ слугъ и домочадцевъ:
«Вѣрные вы слуги-домочадцы!
Осѣдлайте мнѣ коня лихого,
Чтд ни лучшую достаньте сбрую
И подпруги крѣпче подтяните:
Я сбираюсь, дѣти, въ путь-дорогу,
Не надолго покидаю банство,
Ѣду, дѣти, въ городъ бѣлъ Крушевецъ,
Къ дорогому тестю Югъ-Богдану
И къ его Юговичамъ любезнымъ:
Хочется мнѣ съ ними повидаться!»
Побѣжали слуги-домочадцы
И коня для бана осѣдлали.
Онъ выходитъ, надѣваетъ чоху, **)
Надѣваетъ чоху алой шерсти,
Что свѣтлѣе сѐребра и злата,
Чтд яснѣе мѣсяца и солнца,
Надѣваетъ диву и кадиву;
Изукрасился нашъ ясный соколъ,
На коня садится на лихого —
Какъ махнулъ и прилетѣлъ въ Крушевецъ,
Гдѣ недавно царство основалось.
Югъ-Богданъ встрѣчать его выходитъ,
Съ девятью своими сыновьями,

---

*) Одинъ изъ главныхъ героевъ косовской битвы, происходившей на Косовомъ полѣ 15-го іюня 1389 года, въ Видовъ день, и рѣшившей участь Сербскаго царства.

**) Родъ плаща со шнурами.

Съ девятью своими соколами,
Обнимаютъ и цалуютъ бана;
Конюхи коня его примаютъ;
Самъ идетъ онъ съ Югъ-Богданомъ въ теремъ,
Въ терему они за столъ садятся
И господскія заводятъ рѣчи.
Прибѣжали слуги и служанки,
Гостя подчуютъ, вино подносятъ;
Господа усѣлись по порядку:
Выше всѣхъ, въ челѣ, на первомъ мѣстѣ,
Югъ-Богданъ, домовладыка старый,
Страхинь-банъ ему по праву руку,
А потомъ Юговичи и гости;
Кто моложе, подчивалъ старѣйшихъ;
Больше всѣхъ Юговичи служили,
Другъ за дружкой угощая батьку,
Стараго, сѣдого Югъ-Богдана
И гостей хлѣбъ-солью обносили,
Особливо зятя Страхинь-бана;
А слуга ходилъ съ виномъ и водкой,
Наливалъ онъ золотую чарку,
Въ чаркѣ было девять полныхъ литровъ;
А потомъ, братъ, подали и сласти,
Угощенья, сахарны варенья,
Ну, какъ знаешь, на пирушкѣ царской!
Загостился банъ у Югъ-Богдана,
Загостился тамъ, запропастился,
И не хочетъ ужь оттуда ѣхать.
Всѣ, что съ нимъ въ Крушевцѣ пировали,
Надоѣли старому Богдану,
Говоря и вечеромъ и утромъ:
«Государь нашъ, Югъ-Богданъ могучій!
Шелкову тебѣ цалуемъ полу
И твою десную бѣлу руку —
Окажи ты милость намъ и ласку,
Потрудися, приведи къ намъ зятя,
Дорогого бана Страхинь-бана,
Приведи его подъ наши кровли,
Чтобъ его почествовать намъ пиромъ.»
И Богданъ водилъ къ нимъ Страхинь-бана.
Такъ живутъ они и поживаютъ,
И не малое проходитъ время;
Страхинь-банъ у Юга загостился;
Но стряслась бѣда надъ головою:
Разъ поутру, только встало солнце,
Шасть письмо къ Страхиньичу изъ Ванства,
Шло его отъ матери любезной.
Банъ раскрылъ его и, на колѣно
Положивши, про себя читаетъ;
Вотъ оно что бану говорило,
Вотъ какъ мать кляла его, журила:
«Гдѣ ты, сынъ мой, празднуешь, пируешь?
На бѣду вино ты пьёшь въ Крушевцѣ,
На бѣду у тестя загостился!
Прочитай теперь — и все узнаешь:
Изъ Едрена *) царь пришолъ турецкій,
Захватилъ онъ все Косово поле,
Визирей навелъ и сераскировъ,
А они съ собой проклятыхъ беевъ,
Всю турецкую собрали силу,
Все Косово поле обступили,
Обхватили обѣ наши рѣчки,
Обхватили Лабу и Ситницу,
Заперли кругомъ Косово поле.
Говорятъ, разсказываютъ люди:
Вишь отъ Мрамора до Явора-Сухого,
А отъ Явора, сынъ, до Сазліи,
Отъ Сазліи на Мостъ на Желѣзный
А отъ Моста, сынъ, до Звечана,
Отъ Звечана, сынъ, до Чечана,
Отъ Чечана, до планинъ **) высокихъ
Разлеглося вражеское войско
И невѣсть что окаянной силы.
Говорятъ, у самого султана
Двѣсти тысячъ молодцовъ отборныхъ,
Что имѣютъ за собой имѣнья,
Что на царскомъ проживаютъ коштѣ
И на царскихъ коняхъ разъѣзжаютъ;
Вишь, оружія не носятъ много,
А всего на нихъ вооруженья —
Ятаганъ у пояса да сабля.
У турецкаго царя-султана
Есть другое войско — янычары,
Что содержатъ при султанѣ стражу;
Янычаръ тѣхъ также двѣсти тысячъ.
Есть и третья сила у турчина,
Третья сила — Тука и Манчука:
Въ трубы трубитъ, колетъ всѣхъ и рубитъ.
Всякія, сынъ, силы есть у турка;
А еще, сынъ, у турчина сила:
Самовольный турокъ Влахъ-Алія,
Что не слушаетъ царя-султана,
А не только ужь пашей и беевъ:
Съ ихъ войсками, съ борзыми конями,
Комары они ему да мухи.
Вотъ какой, сынъ, этотъ Влахъ-Алія!
Не хотѣлъ добромъ идти онъ прямо
На Косово со своимъ султаномъ,
А свернулъ дорогою на лѣво,

*) Едренъ — Адріанополь, старая столица Турціи.
**) Планина — большая гора.

И ударилъ онъ на наше банство,
Все пожогъ, расхитилъ и разграбилъ
И на камнѣ камня не оставилъ;
Разогналъ твоихъ онъ домочадцевъ,
У меня жь переломилъ онъ ногу,
На меня своимъ конемъ наѣхалъ;
Взялъ въ полонъ твою подругу-любу
И увелъ съ собою на Косово:
Подъ шатромъ ее теперь цалуетъ!
Я одна тебѣ, мой сынъ, осталась,
Горько плачу здѣсь на пепелищѣ,
Горько плачу здѣсь, а ты пируешь,
Пьёшь вино въ Крушевцѣ съ Югъ-Богданомъ:
Не въ утѣху бы тебѣ гулянье!»
Взяло бана горе и досада,
Какъ прочелъ, что мать ему писала;
Сталъ лицомъ онъ пасмуренъ, невѐселъ,
Чорные усы свои повѣсилъ,
Чорные усы на грудь упали,
Ясны оченьки его померкли,
И горючія пробились слёзы.
Югъ-Богданъ увидѣлъ Страхинь-бана
И какъ жаркій пламень загорѣлся —
Говоритъ онъ зятю Страхинь-бану:
«Чтò ты это пасмуренъ, печаленъ?
Богъ съ тобою, Страхинь-банъ мой милый,
На кого ты нынче разсердился?
Не шурья ли что ли насмѣялись,
Прогнѣвили въ разговорѣ словомъ?
Иль золовки мало угощали?
Иль тебѣ чего тутъ не достало?»
Вспыхнулъ банъ и тестю отвѣчаетъ:
«Ну те къ Богу, старый, не пугайся!
Я въ ладу съ любезными шурьями,
Не видалъ обидъ и отъ золовокъ,
Хорошо поятъ меня и кормятъ,
И всего мнѣ вдоволь здѣсь и вдосталь,
Но съ того я горекъ и печаленъ,
Что пришли ко мнѣ дурныя вѣсти
Отъ моей отъ матери изъ банства.»
Тутъ про все Богдану онъ повѣдалъ,
Какъ нагрянули къ нему злодѣи,
Какъ дворы его опустошили,
Какъ прогнали вѣрныхъ домочадцевъ,
Какъ родную мать его зашибли,
Какъ въ полонъ его подругу взяли:
«Вотъ она, моя подруга-люба!
Вотъ она, гдѣ дочь твоя родная!
Срамота и стыдъ для насъ обоихъ!
Но, послушай, тесть ты мой любезный:
Какъ помру, ты вѣрно пожалѣешь,
Пожалѣй же ты меня живого!
Кланяюсь, молюсь тебѣ покорно,
Бѣлую твою цалую руку,
Отпусти Юговичей со мною:
Я поѣду съ ними на Косово,
Поищу тамъ моего злодѣя,
Царскаго ослушника лихого,
Что меня такъ тяжко разобидѣлъ.
Ради Бога, тесть мой, не пугайся,
И за нихъ ты ничего не бойся:
Я у нихъ перемѣню одёжу,
Я одѣну ихъ какъ турки ходятъ:
Нà голову — бѣлые кауки, *)
Нà плечи — зеленые долмàны,
Нà ноги — широкіе чекчиры,
Зà поясъ — отточенную саблю;
Да велю слугамъ, чтобъ осѣдлали
Бòрзыхъ кòней, какъ сѣдлаютъ турки:
Чтобъ подпруги крѣпче подтянули,
А за мѣсто чапраковъ подъ сѣдла
Медвѣдѐй бы положили чорныхъ —
Пусть ужь будутъ точно янычары!
А когда пойдутъ черезъ Косово,
Сквозь полки турецкагò султана,
Тамъ ребята пусть меня боятся,
Пятятся назадъ какъ отъ старшòго.
Я впередъ поѣду делибашемъ;
Коли кто на встрѣчу попадется,
Вздумаетъ поговорить со мною
По-турецки, или по-мановски, **)
Я могу поговорить съ турчиномъ
По-турецки или по-мановски;
Вздумаетъ со мной по-арнаутски,
Я и самъ ему по-арнаутски;
Вздумаетъ со мною по-арабски,
Я и самъ съ турчиномъ по-арабски.
Такъ пройдемъ мы черезъ все Косово,
Такъ обманемъ всѣхъ людей турецкихъ
И отыщемъ моего злодѣя,
Сильнаго турчина Влахъ-Алію,
Чтò меня такъ тяжко разобидѣлъ.
Мнѣ шурья противъ него помогутъ,
А одинъ я тамъ какъ-разъ погибну,
Одного меня какъ-разъ поранятъ!»
Какъ услышалъ Югъ-Богданъ тѣ рѣчи,

---

*) Каукъ—шапка или колпакъ, который турки обвиваю[т] чалмою.

**) Вѣроятно азіатско-турецкій или такъ называемый м[а]новскій языкъ, былъ несомнѣнный признакъ турка, и н[е] испытывали сербовъ и болгаръ, которые большею частью г[о]ворятъ по европейски-турецки какъ турки.

Вспыхнулъ гнѣвомъ, зятю отвѣчаетъ:
«Страхинь-банъ мой дорогой и милый!
Не проспался видно ты сегодня,
Что дѣтей моихъ съ собою просишь,
Чтобъ вести ихъ на Косово поле,
Чтобы ихъ перекололи турки!
Не моги и поминать про это!
Не идти имъ, Страхинь-банъ, съ тобою,
Хоть бы дочь мнѣ вовсе не увидѣть!
Что ты, банъ, съ чего такъ расходился?
Знаешь ли ты, или ты не знаешь,
Коли ночь она проночевала,
Ночь одну проночевала съ туркомъ,
Такъ тебѣ ужь въ любы не годится:
Самъ Господь убилъ ее и проклялъ!
Брось ее, покинь на басурмана!
Отыщу тебѣ невѣсту лучше,
Пьянъ напьюся у тебя на свадьбѣ,
Буду вѣкъ пріятелемъ и другомъ,
Но дѣтей не отпущу съ тобою!»
Закипѣлъ Страхинья, разгорѣлся,
Закипѣлъ онъ съ горя и досады,
Но ни слова не сказалъ Богдану,
Никого не пóзвалъ и не кликнулъ,
Самъ пошолъ и отворилъ конюшню,
Своего коня оттуда вывелъ,
Ухъ, какъ осѣдлалъ его Страхинья!
Ухъ, какъ подтянулъ ему подпругу!
Какъ взнуздалъ его стальной уздою!
Тутъ на улицу коня онъ вывелъ,
Къ каменному подошолъ приступку
И махнулъ въ сѣдло единымъ махомъ.
На Юговичей потомъ онъ глянулъ,
А Юговичи въ сырую землю;
На Неманича потомъ онъ глянулъ,
Чтò Страхиньѣ свояномъ считался,
И Неманичь во сырую землю.
А какъ пили съ нимъ вино и водку,
Всѣ какъ путные они хвалились,
Всѣ хвалились и божились зятю:
Передъ Богомъ, банъ ты нашъ Страхинья,
Все возьми, и насъ и нашу землю!
А теперь, какъ со двора поѣхалъ,
Нѣтъ ему товарища и друга,
На Косовское идти съ нимъ поле.
Горькой банъ одинъ-однимъ остался,
И одинъ пускается въ дорогу.
Ѣдетъ прямо Крушевецкимъ полемъ,
И когда полъ-поля переѣхалъ,
Нà городъ еще онъ оглянулся:
Чтò не ѣдутъ ли шурья позади?
Чтò не жалко ли его имъ стало?
Но никто позадь его не ѣхалъ.
Тутъ увидѣлъ банъ, что ни откуда
Помощи въ бѣдѣ ему не будетъ,
И взбрело Страхиньичу на мысли,
Что съ собой въ дорогу пса онъ не взялъ,
Своего лихого Карамана,
Пса, чтò былъ ему коня дороже.
Крикнулъ онъ изъ бѣлаго изъ горла:
Караманъ его лежалъ въ конюшнѣ,
Какъ заслышалъ онъ господскій голосъ,
Выскочилъ и пò полю понесся,
И догналъ онъ духомъ Страхинь-бана,
Вкругъ него и бѣгаетъ, и скачетъ,
Брякаетъ ошейникомъ желѣзнымъ
И въ глаза заглядываетъ бану,
Будто слово выговорить хочетъ.
Отлегло на сердцѣ у Страхиньи,
Веселѣй Страхиньѣ стало ѣхать.
Ѣдетъ онъ чрезъ горы, черезъ долы,
Наконецъ доѣхалъ до Косова;
Какъ взглянулъ да какъ увидѣлъ турокъ,
Оборвалось сердце у Страхиньи,
Но призвалъ онъ истиннаго Бога —
И поѣхалъ смѣло черезъ поле.
Ѣдетъ банъ черезъ Косово поле,
На четыре стороны онъ ѣдетъ,
Ищетъ банъ турчина Влахъ-Алію,
Но нигдѣ найти его не можетъ.
Банъ спустился нà рѣку Ситницу
И увидѣлъ у рѣки у самой
На пескѣ стоитъ шатеръ зеленый,
Широкò раскинулся надъ полемъ;
На шатрѣ позолочòнный яблокъ,
Что сіяетъ и горитъ какъ солнце;
Предъ шатромъ копье воткнуто въ землю,
Воронъ конь къ тому копью привязанъ,
У коня мѣшокъ съ овсомъ подъ мордой,
Конь стоитъ и въ землю бьётъ копытомъ.
Какъ увидѣлъ Бановичь шатеръ тотъ,
Онъ умомъ и разумомъ раскинулъ:
Ужь не это ли шатеръ Аліи?
Подскакалъ, копьёмъ въ него ударилъ
И откинулъ полу, чтобы глянуть,
Чтò такое подъ шатромъ творится.
Не было тамъ сильнаго Аліи,
А сидѣлъ какой-то пьяный дервишъ,
Борода сѣдая по колѣни;
Непотребствуетъ проклятый дервишъ
И вина не въ мѣру наливаетъ —
Въ чашу льётъ онъ, а вино-то на полъ.

Ажно очи набѣжали кровью!
Какъ увидѣлъ дервиша Страхиньичь,
Проворчалъ ему селямъ турецкій;
Пьяный дервишъ глянулъ изподлобья:
«А, здорово делибашъ Страхинья!»
Стало бану горько и досадно,
По-турецки дервишу онъ молвилъ:
«Брешишь, дервишъ, съ пьяну обознался,
Съ пьяну лаешь глупыя ты рѣчи,
И гяуромъ турка называешь!
Про какого говоришь тамъ бана?
Я не банъ, а конюхъ я султанскій;
Я пришолъ съ султанскими конями,
Да бѣда мнѣ: кони разбѣжались
По несмѣтной по турецкой рати;
Мы теперь гоняемся за ними,
Чтобъ они совсѣмъ не распропали.
А ужь ты старикъ молчалъ бы лучше,
Разскажу не-то царю-султану,
Такъ ужо тебѣ за это будетъ!»
Засмѣялся громко старый дервишъ:
«Делибашъ ты, делибашъ Страхинья!
Знаешь ли, Страхинья, Богъ съ тобою,
Я стоялъ на Голечѣ-планинѣ
И узналъ тебя, когда ты ѣхалъ
Сквозь полки несмѣтные султана,
И коня я распознала далёко,
Да и пса я твоего примѣтилъ,
Вѣрнаго, лихого Карамана.
Эхъ, Страхиньичь, знаешь ли, Страхиньичь,
Я узналъ тебя, Страхиньичь, сразу
По лицу и по глазамъ сердитымъ;
Да и усъ, какъ погляжу, такой-же!
Помнишь ли ты, Богъ съ тобой, Страхиньичь,
Какъ попался я къ твоимъ пандурамъ,
На горѣ высокой на Сухарѣ:
Ты велѣлъ меня въ темницу бросить;
Девять лѣтъ я пролежалъ въ темницѣ
И десятое ужь лѣто наступало —
Сжалился ты что-ли надо мною,
Своего темничника ты кликнулъ
И на свѣтъ велѣлъ меня ты вывесть.
Какъ темничникъ, сторожъ твой темничный,
Да привелъ меня къ тебѣ предъ очи —
Знаешь ли ты, помнишь ли, Страхиньичь,
Какъ меня распрашивать ты началъ?
Лютый змѣй, поганый аспидъ турка!
Околѣешь ты въ моей темницѣ!
Хочешь ли ты, турка, откупиться?
Ты спросилъ и я тебѣ отвѣтилъ:
Откуплюсь, коли на волю пустишь,
Если дашь мнѣ отчину увидѣть;
У меня въ дому добра найдется:
Есть и земли, есть тебѣ и левы,
Заплачу̀, лишь отпусти на волю!
А не вѣришь — Богъ тебѣ порука,
Божья вѣра — вотъ тебѣ порука,
Что получишь ты богатый выкупъ!
Ты повѣрилъ, далъ ты мнѣ свободу,
Отпустилъ меня въ родимый городъ,
Ко дворамъ моимъ высокимъ, бѣлымъ,
Но какъ я на родину вернулся,
Горькое одно увидѣлъ горе:
Безъ меня прошла у насъ зараза,
Поморила и мужчинъ и женщинъ,
Не осталось ни души въ деревнѣ,
Всѣ дворы попадали и сгнили,
Даже стѣны поросли травою,
А что было — серебро и левы —
Все съ собою захватили турки.
Какъ увидѣлъ я дворы пустые,
Гдѣ не стало ни души единой,
Думалъ, думалъ и одно придумалъ:
У гонца отбилъ коня лихого
И пустился къ городу Едрену,
Къ самому великому султану.
Доложилъ визирь царю-султану,
Что каковъ я мо̀лодецъ удалый,
И они въ кафтанъ меня одѣли,
Дали саблю и шатеръ богатый,
И коня мнѣ дали вороного,
Дали мнѣ коня и наказали,
Чтобъ служилъ по вѣкъ царю-султану.
Ты пришолъ за выкупомъ Страхиньичь?
Нѣтъ со мной, Страхиньичь, ни динара!
На бѣду одну ты притащился;
Попадешься на Косовѣ туркамъ,
Ни за что вѣдь голову погубишь!»
Смотритъ банъ, оглядываетъ турка,
Узнаётъ онъ дервиша сѣдого,
Слѣзъ съ коня и къ дервишу подходитъ
И его рукою обнимаетъ:
«Богомъ братъ мой, старина ты дервишъ,
Мы про долгъ съ тобою позабудемъ!
Кланяюсь тебѣ я этимъ долгомъ!
Не за долгомъ я сюда пріѣхалъ,
А ищу я сильнаго Алію,
Что̀ дворы всѣ у меня разграбилъ,
Что̀ увёзъ мою подругу-любу.
Ты скажи мнѣ лучше, старый дервишъ,
Какъ найти мнѣ моего злодѣя;
Но молю тебя опять, какъ брата:

Ты, смотри, меня не выдай туркамъ,
Чтобы въ плѣнъ меня не захватили.»
Старый дервишъ бану отвѣчаетъ:
«Соколъ ты изъ соколовъ, Страхиньичь!
Вотъ тебѣ, Страхиньичь, Богъ порука,
Хоть сейчасъ возьми свою ты саблю
И полъ-войска у султана вырѣжь —
Не скажу я никому ни слова!
Не забуду вѣкъ твоей хлѣбъ-соли:
Какъ сидѣлъ я у тебя въ темницѣ,
Ты поилъ, кормилъ меня, Страхиньичь,
Выводилъ на свѣтъ обогрѣваться,
И пустилъ меня на честномъ словѣ.
Я тебя не предалъ и не выдалъ,
И тебѣ измѣнникомъ я не былъ,
И во-вѣкъ измѣнникомъ не буду,
Такъ чего жь тебѣ меня бояться!
А что спрашиваешь ты, Страхиньичь,
Про турчина сильнаго Алію:
Онъ раскинулъ свой шатеръ широкой
На горѣ на Голечѣ-планинѣ;
Но послушай моего совѣту:
На коня садися ты скорѣе
И скачи отсюда безъ-оглядки,
А не то безъ пользы ты погибнешь.
Не поможетъ молодая сила,
Ни рука, ни сабля боевая,
Ни копьё, отравленное ядомъ:
Ты до Влаха сильнаго доѣдешь,
Да назадъ-то Влахъ тебя не пуститъ,
И съ конемъ тебя захватитъ вмѣстѣ
И со всѣмъ твоимъ вооруженьемъ;
Руки онъ тебѣ переломаетъ,
Выколетъ глаза тебѣ живому.»
Но смѣется дервишу Страхиньичь:
«Полно, дервишъ, плакать спозаранку!
Объ одномъ молю тебя какъ брата —
Только туркамъ ты меня не выдай!»
Старый дервишъ бану отвѣчаетъ:
«Слышишь ли ты, делибашъ Страхинья,
Вотъ тебѣ всевышній Богъ порука,
Хоть сейчасъ ты на коня садися,
Выхвати свою лихую саблю
И полъ-войска изруби у турокъ,
Не скажу я никому ни слова!»
Банъ садится на коня и ѣдетъ,
Обернулся и съ коня онъ кличетъ:
«Эй, братъ дервишъ, сослужи мнѣ службу:
Ты поишь и вечеромъ и утромъ
Своего коня въ рѣкѣ Ситницѣ,
Покажи, гдѣ бродятъ черезъ рѣку,
Чтобы мнѣ съ конемъ не утопиться!»
Старый дервишъ такъ отвѣтилъ бану:
«Страхинь-банъ ты, ясный соколъ сербскій,
Для тебя и для коня такого
Всюду броды, всюду переходы!»
Банъ махнулъ и перебрелъ Ситницу,
И помчался по Косову полю
Къ той горѣ, гдѣ былъ шатеръ широкій
Сильнаго турчина Влахъ-Аліи.
Банъ далёко, солнышко высо̀ко,
Освѣтило все Косово поле
И полки несмѣтные султана.
Вотъ тебѣ и сильный Влахъ-Алія!
Про̀спалъ ночь онъ съ бановича любой,
Подъ шатромъ, на Го̀лечѣ-планинѣ;
Ужь такой обычай у турчина —
Поутру дремать, какъ встанетъ солнце:
Легъ-себѣ, закрылъ глаза и дремлетъ.
И мила ему Страхиньи люба:
Головой въ колѣни къ ней склонился,
А она его руками держитъ,
И глядитъ на поле на Косово,
Сквозь шатеръ растворенный широко,
И разсматриваетъ силы рати,
И какіе тамъ шатры у турокъ
И какіе витязи и кони.
На бѣду вдругъ опустила очи,
Видитъ — скачетъ мо̀лодецъ уда̀лый,
По Косовскому несется полю.
И рукой она толкнула турка,
По щекѣ его рукою треплетъ:
«Государь мой, сильный Влахъ-Алія!
Пробудись и подымись скорѣе:
Неподвига, чтобъ те ногъ не двигать!
Подпоясывай свой литый поясъ,
Уберись своимъ оружьемъ свѣтлымъ:
Видишь, ѣдетъ къ намъ сюда Страхиньичь,
Страхинь-банъ изъ маленькаго банства:
Голову тебѣ отрубитъ саблей,
А меня онъ увезетъ съ собою,
Выколетъ живой мнѣ оба ока!»
Вспыхнулъ турокъ, что̀ огонь, что̀ пламень,
Вспыхнулъ турокъ, соннымъ окомъ глянулъ
И въ глаза захохоталъ ей громко:
«Ахъ, душа, Страхиньина ты люба!
Экъ тебѣ онъ страшенъ, твой Страхиньичь!
Днемъ и ночью только имъ и бредишь!
Знать, душа, какъ и въ Едренъ уѣдемъ,
Онъ пугать тебя не перестанетъ!
Это, видишь, люба, не Страхинья,
Это, люба, делибашъ султанскій:

Чай, ко мнѣ самимъ султаномъ посланъ,
Либо царскимъ визиремъ Мехмедомъ,
Чтобы турокъ я у нихъ не трогалъ:
Всполошились визири царёвы,
Испугались видно ятагана!
Ты не бойся, коли я отсюда
Покажу дорогу делибашу —
Саблею его перепояшу,
Чтобъ еще ко мнѣ не посылали!»
Но ему подруга-люба молвитъ:
«Государь могучій Влахъ-Алія!
Погляди ты, аль ослѣпъ — не видишь,
Это вовсе не гонецъ султанскій,
Это мужъ мой, Страхинь-банъ удалый,
Я въ лицо его отсюда вижу,
По глазамъ его узнала съ разу,
Да и усъ, какъ погляжу, такой же;
Вонъ и конь его, и пёсъ косматый,
Караманъ его лихой и вѣрный;
Не блажи, а подымайся лучше.»
Какъ услышалъ турокъ эти рѣчи,
Онъ трухнулъ, вскочилъ на легки ноги,
Подпоясалъ златолитый поясъ,
За̀ поясъ заткнулъ кинжалъ булатный,
У бедра повѣсилъ саблю востру,
На коня на вороного глянулъ,
На коня онъ глянулъ — банъ нагрянулъ.
Не кивнулъ онъ туркѣ головою,
Не назвалъ селяма по-турецки,
А сказалъ ему собакѣ прямо:
«Вотъ ты гдѣ, проклятый басурманинъ,
Вотъ ты гдѣ, лихой царёвъ ослушникъ!
Ты скажи мнѣ, чьи дворы разграбилъ?
Чьихъ прогналъ ты вѣрныхъ домочадцевъ?
Чью, скажи, теперь ты любу любишь?
Выходи со мной на поединокъ.»
Изготовился турчинъ на битву,
Прыгнулъ разъ и до коня допрыгнулъ,
Прыгъ еще и на коня онъ вспрыгнулъ,
Подобралъ ременные поводья;
Банъ не ждетъ, помчался на турчина
И пустилъ въ него копьемъ булатнымъ.
Тутъ бойцы удалые слетѣлись,
Но руками размахнулъ Алія
И поймалъ онъ бановича пику,
И кричитъ онъ громко Страхинь-бану:
«У, ты гаур, Страхинь-банъ проклятый!
Вотъ ты что̀ придумалъ и затѣялъ:
Да не съ бабой это шумадійской, *)
Что̀ наскочишь — крикомъ озадачишь,
А могучій это Влахъ-Алія,
Что̀ не любитъ и султана слушать,
Помыкаетъ онъ и визирями,
Словно мухами да комарами:
Вотъ ты съ кѣмъ затѣялъ поединокъ.»
Такъ сказалъ и самъ пускаетъ пику,
Просадить хотѣлъ Страхинью сразу,
Но Господь помогъ тутъ Страхинь-бану,
Да и конь былъ у него смышленый:
Онъ припалъ, какъ загудѣла пика,
И она надъ баномъ просвистѣла
И ударилась въ холодный камень,
На три иверня разбившись разомъ,
У руки и гдѣ насаженъ яблокъ.
Какъ не стало копьевъ, ухватили
Палицы они и шестоперы.
Размахнулся турокъ Влахъ-Алія
И ударилъ Страхинь-бана въ темя;
Страхинь-банъ погнулся, покачнулся,
Вѣрному коню упалъ на шею,
Но Господь опять помогъ Страхиньѣ,
Да и конь былъ у него смышленый,
Конь такой, какого не видали
Съ той поры ни сербы и ни турки:
Онъ взмахнулъ и передо̀мъ, и задомъ,
И въ сѣдлѣ Страхиньича поправилъ.
Тутъ ужь банъ ударилъ Влахъ-Алію,
Изъ сѣдла не могъ турчина выбить,
Но коня всадилъ онъ по колѣни
Въ землю всѣми четырьмя ногами.
Шестоперы также изломали
И повыбили изъ нихъ всѣ перья;
Тутъ за сабли вострыя схватились,
И давай опять рубиться-биться.
А была у Страхинь-бана сабля:
Трое саблю вострую ковали,
А другіе трое помогали
Съ воскресенья вплоть до воскресенья;
Выковали саблю изъ булата,
Рукоять изъ серебра и злата,
На великомъ брусѣ, на точилѣ,
Страхинь-бану саблю наточили.
Замахнулся турокъ, но Страхинья
Подскочилъ, на саблю саблю принялъ,
На полы разсѣкъ у турка саблю,
И взыгралъ, возрадовался духомъ,
Кинулся смѣлѣй на Влахъ-Алію,
Налеталъ оттуда и отсюда,
Чтобы съ плечъ башку снести у турка,
Или руки у него поранить.

*) То-есть — съ сербіянкой изъ Шумадіи, средней, лѣсистой Сербіи, получившей свое названіе отъ *шума* — лѣса.

Лихъ боецъ съ лихимъ бойцомъ сошолся:
Наступаетъ сильный банъ на турка,
Только турокъ бану не дается,
Половинкой сабли турокъ бьётся,
Онъ обертываетъ саблей шею,
Заслоняетъ грудь и руки ею,
И Страхиньи саблю отбиваетъ,
Только иверни летятъ да брызги;
Другъ у друга сабли изрубили,
Изрубили вплоть до рукояти,
Всторону отбросили обломки,
Соскочили съ коней и схватились
Другъ за друга сильными руками
И, какъ два великіе дракона,
По горѣ по Голечу носились,
Цѣлый день носились до полудня,
Ажно пѣна-потъ прошибъ турчина,
Бѣлая какъ снѣгъ бѣжала пѣна,
А у бана бѣлая да съ кровью;
Окровавилъ онъ свою рубашку —
Окровавилъ золотыя латы;
Тяжко-тяжко стало Страхинь-бану,
Онъ взглянулъ на любу и воскликнулъ:
«Богъ убей тебя, змѣя не люба!
И какого тамъ рожна ты смотришь!
Подняла бы ты обломокъ сабли
И ударила бъ меня, иль турка,
И ударила бъ кого не жалко!»
Но турчинъ Алія къ ней взмолился:
«Ахъ душа, Страхиньина ты люба!
Не моги, смотри, меня ударить,
Не моги меня—ударь Страхиню!
Ужь не быть тебѣ его женою,
И тебя онъ больше не полюбитъ,
А корить и днемъ и ночью станетъ,
Что спала ты подъ шатромъ со мною,
Мнѣ же будешь ты мила во-вѣки,
Мы уѣдемъ въ Едренетъ съ тобою,
Дамъ тебѣ я пятьдесятъ невольницъ,
Чтобъ тебя за рукава держали
И кормили сахаромъ да мёдомъ;
Золотомъ тебя всеё осыплю,
Съ головы до муравы зеленой:
Ну, ударь, душа, Страхиню бана!»
Женщину легко подбить на злое:
Подбѣжала люба Страхинь-бана,
Сабельный обломокъ ухватила,
Обернула шолковымъ убрусомъ,
Чтобы руку бѣлу не поранить,
Не хотѣла турка Влахъ-Алію,
А накинулась, змѣя, на мужа,
Господина своего Страхиню
И ударила его осколкомъ
Прямо въ лобъ, по золотой челенкѣ *)
И по бѣлому его кау̊ку,
И челенку свѣтлую разсѣкла,
И кау̊къ ему разсѣкла бѣлый,
Кровь пробилась алою струёю,
Стала очи заливать Страхиньѣ.
Видитъ банъ погибель неминучу,
Но подумалъ онъ и догадался,
Вспомнилъ онъ лихого Карамана,
Чтò привыченъ былъ ко всякой травлѣ,
Да какъ крикнетъ богатырскимъ горломъ:
Вѣрный песъ на крикъ его примчался,
Ухватилъ измѣнницу за горло,
А вѣдь женщины куда пугливы:
Бросила она обломокъ сабли,
Взвизгнула и за уши схватила,
За уши схватила Карамана
И скатилась кубаремъ въ долину;
А турчину стало жалко любы.
Онъ глядитъ во слѣдъ, что будетъ съ нею;
Тутъ Страхинья въ пору догадался,
Молодецкое взыграло сердце,
Изловчился, наскочилъ на турка
И ударилъ басурмана объземь.
Страхинь-банъ оружія не ищетъ:
Онъ насѣлъ на турка Влахъ-Алію,
И заѣлъ его до смерти зубомъ.
А потомъ вскочилъ на легки ноги,
Началъ звать и кликать Карамана,
Чтобы любу не загрызъ до смерти.
Но она долиною пустилась —
Убѣжать, змѣя, хотѣла къ туркамъ;
Только не далъ сильный банъ Страхинья:
Ухватилъ ее за праву руку,
Привязалъ ее къ коню лихому
Сѣлъ, а любу за собою бросилъ
И помчался по Косову полю,
Такъ и эдакъ, бокомъ-стороною,
Чтобы туркамъ лютымъ не попасться;
И пріѣхалъ въ бѣлый градъ Крушевецъ,
Къ старому, сѣдому Югъ-Богдану,
Увидалъ опять шурьёвъ любезныхъ,
Обнялся, расцаловался съ ними
И спросилъ, здорово-ль имъ живется?
Какъ увидѣлъ Югъ-Богданъ могучій,
Что у зятя лобъ разсѣченъ саблей,
По лицу онъ пролилъ горьки слёзы,

*) Челенка — золотой или серебряный султанъ на чалмѣ.

Горьки слёзы пролилъ и промолвилъ:
«Славно же мы гостя утостили!
Весела тебѣ пирушка наша.
Видно есть юнàки и у турокъ,
Что такого сокола подбили,
Сокола такого Страхинь-бана!»
И шурья, взглянувши, всполошились.
Но Страхинья такъ имъ отвѣчаетъ:
«Не корн себя и не пугайся,
Милый тесть мой, Югъ-Богданъ могучій!
Не тревожьтесь, братья, понапрасну:
Не случилось молодца у турокъ,
Чтобы могъ со мною потягаться,
Чтобъ подшибъ меня, или поранилъ;
А сказать ли, кто меня поранилъ?
Какъ сражался я съ лихимъ турчиномъ,
Ранила меня подруга-люба,
Дочь твоя родная; не хотѣла
Тронуть турка, а пошла на мужа,
Противъ своего вооружилась!»
Вспыхнулъ Югъ и загорѣлся гнѣвомъ,
Кликнулъ онъ своихъ дѣтей могучихъ:
«Подавайте сабли, ятаганы!
На куски ее изрѣжьте, суку!»
На сестру накинулися братья,
Только не далъ имъ ее Страхинья,
И сказалъ шурьямъ такое слово:
«Чтò вы, братья, на кого вы, братья,
На кого вы, братья, зашумѣли?
На кого кинжалы потянули?
Коли вы ужь молодцы такіе,
Гдѣ же были, братья, ваши сабли,
Ваши сабли, вострые кинжалы,
Какъ я ѣздилъ на Косово поле,
Погибалъ у окаянныхъ турокъ?
Кто изъ васъ меня въ ту пору вспомнилъ?
Не могите жь мнѣ жену обидѣть!
Я безъ васъ расправился бы съ нею,
Да пришлось со всѣми бъ расправляться,
Не съ кѣмъ было бъ мнѣ и чарки выпить:
Такъ ужь любѣ я вину прощаю.»
Вотъ каковъ, братъ, былъ у насъ Страхиньичь,
И другого не было такого!

Н. Бергъ.

IV.

СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Имянинникъ былъ царь Лазарь;
Собрались къ нему всѣ баны,
И князья и воеводы,
И въ бесѣдѣ прохлаждались
Во честнòмъ, почетномъ пирѣ.
Пиръ ужь былъ во полупирѣ,
Какъ вошла въ шатеръ царица
Свѣтъ-душа краснá Милица.
Обложилась жемчугами,
Поясъ кованый надѣла,
Головной покровъ кисейный,
Злать-вѣнецъ поверхъ покрова;
Поклонилася супругу,
Поклонилась, говорила:
«Господинъ ты мой, царь Лазарь!
Мнѣ бъ не слѣдъ къ тебѣ входити,
Не подобно бъ говорити,
Да не терпитъ больше сердце.
Сонъ я видѣла, и трижды
Тотъ же самый сонъ мнѣ снится,
Все является мнѣ старецъ
Въ клобукѣ и чорной рясѣ;
Осіянъ небеснымъ свѣтомъ,
Держитъ онъ большую книгу;
И пречудныя въ той книгѣ
Кажетъ мнѣ изображенья.
На одномъ-то словно поле;
Только все дымится кровью;
Словно воинство какое
Полегло на немъ, побито;
На другомъ изображеньи
Церковь, словно какъ на небѣ;
Отъ нея жь лучи исходятъ
Внизъ на Сербскую всю Землю.
И зачѣмъ являлся старецъ,
И зачѣмъ казалъ мнѣ книгу,
Что велитъ по ней исполнить —
Не могла никакъ я сдумать.
Только сдумала одно я —
И пришла къ тебѣ, царь Лазарь.
Всѣ цари, какіе были
Надъ Землею славной Сербской,
Собирали срѐбро, злато,
Чтобы строить Божьи церкви
И обители святыя.
Ты сидишь на ихъ престолѣ,
Копишь сѐребро и злато,

Самъ по всей землѣ прославленъ,
А для Господа, для Бога
Ни единой не построилъ
Ни обители, ни церкви».
Призадумался царь Лазарь
И воскликнулъ громкимъ гласомъ:
«Храмъ построю я, какого
Не бывало въ сербскомъ царствѣ!
Изъ свинцу солью основу,
Изъ сребра поставлю стѣны,
Краснымъ золотомъ покрою,
А внутри весь изукрашу
Крупнымъ жемчугомъ заморскимъ
И каменьемъ самоцвѣтнымъ —
Да во славу христіанамъ
Онъ на всю сіяетъ землю!»
Повставали съ мѣстъ всѣ баны,
И князья, и воеводы,
Похваляли мысль царёву:
«Съ Богомъ, царь, благое дѣло!»
Только Милошъ воевода
За столомъ одинъ остался,
И сидитъ, потупя очи
И глубоко воздыхая.
Запримѣтилъ свѣтъ-царь Лазарь,
Что не всталъ съ князьями Милошъ,
Посылалъ къ нему онъ чашу:
«Буди здравъ, князь славный Милошъ!
Что сидишь, потупя очи
И глубоко воздыхая?
Аль не пò-сердцу рѣчь наша?»
И вскочилъ князь славный Милошъ,
Принялъ чашу въ бѣлы руки,
Поклонился, слово молвилъ:
«Государь ты свѣтъ-царь Лазарь!
Не вотще царицѣ снилось
Поле, залитое кровью,
Словно воинство какое
Полегло на немъ, побито:
Прочиталъ ли ты въ писаньи,
Во святыхъ старинныхъ книгахъ,
Чтò стоитъ про наше время?
Наше время — на исходѣ:
«Близокъ часъ, во онъ же турокъ
«Пріидётъ на нашу землю,
«Царство сербское порушитъ,
«Поплѣнитъ народъ въ работу».
Вотъ кровавое то поле!
Если жь ты построишь церковь
Со свинцовою основой,
И серебряныя стѣны,
Красно золото на крышѣ,
А внутри заморскій жемчугъ,
Самоцвѣтныя каменья:
Пріидётъ поганый турокъ,
Разнесётъ онъ все и сроетъ.
Изъ свинцу польетъ онъ ядеръ,
Будетъ бить имъ наши грады,
А серебряныя стѣны
Перебьётъ на сбрую конямъ,
Самоцвѣтныя каменья
Вправитъ въ сабельны эфесы,
А все золото и жемчугъ
Заберетъ своимъ туркинямъ,
И наложницамъ и жонамъ,
На мониста и повязки.
Церковь строить — такъ изъ камня,
Камня сѣраго, такого,
Чтобъ ни огнь не жогъ палящій,
Чтобъ ни мечъ не сѣкъ булатный,
Чтобъ ни червь, ни ржа не ѣли;
Вмѣсто жь злата и каменьевъ —
Да сіяетъ благочестьемъ
И небесной свѣтлой славой.
Пусть тогда приходитъ турокъ,
Забираетъ нашу землю,
Царство сербское порушитъ,
Поплѣнитъ народъ въ работу:
На сѣръ-камень не польстится.
И пребудутъ яко звѣзды
Надъ землей плѣненной нашей
Наши каменныя церкви:
Будутъ иноки честные,
Благодатью лишь богаты,
Славить Господа въ нихъ Бога,
Поминать царей великихъ
И мужей, во брани падшихъ
За отеческую землю,
И стоять въ сердцахъ у сербовъ
Будетъ вѣки нерушимо
Царство сербское, подъ вѣрнымъ,
Подъ невидимымъ покровомъ
Пресвятой Христовой церкви...
И на эту-то вотъ церковь
И указывалъ царицѣ
Во святомъ видѣньѣ старецъ.»

А. Майковъ.

2. ПѢСНИ О КОСОВСКОЙ БИТВѢ.

I.

ПОГИБЕЛЬ СЕРБСКАГО ЦАРСТВА.

Полетѣла птица-соколъ сизый
Отъ Іерусалима святого;
Въ когтягъ несетъ ласточку птицу.
А то былъ не соколъ сизый —
Самъ Илья пророкъ, святитель Божій.
Несъ Илья пророкъ не ласточку птицу,
А грамоту отъ пречистой Дѣвы.
Какъ принесъ на Косово поле
Опустилъ къ царю на колѣни.
А грамота вымолвила слово:
«Честное ты племя, царь Лазарь!
Какого ты хочешь себѣ царства?
Хочешь ли небеснаго царства,
Или хочешь царства земного?
Коли хочешь царства земного —
Сѣдлай коня, надѣвай доспѣхи,
Опояшься богатырской саблей;
Бей враговъ турокъ безъ пощады —
И все вражье войско погибнетъ;
А хочешь небеснаго царства —
На Косовомъ полѣ строй церковь,
Выводи не мраморныя стѣны,
А чистаго бархату и шелку,
И дай всему войску пріобщиться:
Всѣ твои воины погибнутъ,
А съ ними и ты, царь Лазарь.»
Выслушалъ царь Лазарь рѣчи,
Сталъ про себя царь думать:
«Боже ты мой, Боже милосердый!
Какое мнѣ выбрать царство?
Выбрать ли небесное царство,
Или выбрать царство земное?
Если я выберу царство,
Временное царство земное:
То земное царство не на долго,
А царство небесное на вѣки.»
И выбралъ царь царство неземное,
Вѣчное небесное царство.
На Косовѣ полѣ создалъ церковь,
Вывелъ не мраморныя стѣны,
А чистаго бархату и шолку;
Сербскаго призвалъ патріарха,
Двѣнадцать владыхъ великихъ,
И войску святое далъ причастье.
Самъ князь урядилъ свое войско;
А турокъ на Косово ударилъ.
Войско велъ старый Богданъ-Югъ,
А съ нимъ сыновъ Юговичей девять,
Словно девять соколовъ сизыхъ,
У каждаго девять тысячъ войска,
У Юга двѣнадцать тысячъ.
Съ турками бились, рубились,
Семь пашей турецкихъ убили;
А какъ стали бить осьмого,
Палъ самъ Богданъ-Югъ старый;
Съ нимъ погибли Юговичей девять,
Словно девять соколовъ сизыхъ,
И войско ихъ все погибло.
Вышли три Марлявчевича съ войскомъ,
Банъ Углеша съ Гойкомъ воеводой,
И самъ Вукашинъ король съ ними;
У каждаго тридцать тысячъ войска.
Съ турками бились, рубились,
Восемь пашей убили,
Только стали биться сь девятымъ,
Двое Марлявчевичей пали,
Банъ Углеша съ Гойкомъ воеводой.
Храбраго краля Вукашина
Турки конями притоптали,
Съ ними войско ихъ погибло.
Вышелъ Стефанъ герцогъ съ войскомъ —
Много у герцога силы:

Цѣлыхъ шестьдесятъ тысячь войска.
Съ турками бились, рубились,
Девять нашей убили,
Только стали биться съ десятымъ,
Какъ герцогъ Стефанъ былъ изрубленъ,
И все его войско погибло.
Вышелъ съ войскомъ Лазарь, царь Сербскій,
Много было съ Лазаремъ сербовъ:
Было съ нимъ семьдесять семь тысячь;
Разбили, погнали по Косову турокъ,
Туркамъ не дадутъ и оглянуться,
Не токько что туркамъ съ ними биться.
Тутъ и одолѣлъ бы царь Лазарь,
Да Богъ судья Бранковичу Вуку,
Чтò выдалъ на Косовѣ тестя:
Лазаря турки одолѣли,
И палъ тогда Сербскій царь Лазарь,
А съ нимъ и все его войско —
Семьдесять семь тысячь войска.
Оно было честно и свято
И къ Господу Богу прибѣжно.

П. Кирѣевской.

—

II.

ЦАРЬ ЛАЗАРЬ И ЦАРИЦА МИЛИЦА.

Какъ за ужиномъ сидитъ царь Лазарь, *)
Съ нимъ сидитъ царица Милица.
Говоритъ царица Милица:
«Ты послушай, государь мой Лазарь,
Золотая сербская корона!
Ты уходишь завтра на Косово,
Воеводъ и слугъ берёшь съ собою,
Никого ты здѣсь не оставляешь,
Кто бы могъ къ тебѣ съ письмомъ отъѣхать
За Косово и назадъ вернуться.
Ты уводишь моихъ девять братьевъ,
Девять братьевъ, Юговичей храбрыхъ;
Хоть единаго изъ нихъ оставь мнѣ,
Чтобъ сестрѣ онъ былъ въ бѣдѣ защитой!»
Ей на это Лазарь отвѣчаетъ:
«Государыня моя, Милица!
Ты скажи, кого жь тебѣ оставить?»
— «Ты оставь мнѣ Юговича Бошка!»
Отвѣчаетъ ей на это Лазарь:
«Государыня моя, Милица!
Завтра утромъ, какъ взойдетъ день бѣлый,
День взойдетъ и солнце просіяетъ
И врата отворятся градскія,
Ты ступай и стань подъ воротами,
Какъ пойдетъ рядами наше войско:
Передъ ними будетъ Юговъ Бошко,
Понесетъ онъ знамя войсковое;
Отъ меня скажи ему ты милость,
Царское мое благословенье,
Чтобъ отдалъ, кому захочетъ, знамя
И съ тобою въ теремѣ остался!»
Какъ назавтра утро засіяло,
Отперли ворота городскія,
Выходила госпожа царица
И въ воротахъ самыхъ становилась.
Вотъ идетъ дружина за дружиной,
Борзы кони подъ оружьемъ браннымъ;
Передъ ними былъ Юговичъ Бошко
На конѣ червонномъ, весь во златѣ,
И покрытъ онъ знаменемъ Христовымъ —
До коня покрылся до лихого;
А на знамени насаженъ яблокъ,
Золотымъ крестомъ пріосѣненный,
А съ креста висятъ златыя клети —
Падаютъ Юговичу на плечи.
Подошла къ Юговичу царица,
За узду коня остановила,
Обвила руками шею брату
И ему сказала тихо-тихо:
«Милый братъ мой, дорогой мой Бошко,
Царь тебѣ даетъ благословенье —
Не ходить съ полками на Косово,
А отдать, кому захочешь, знамя
И со мною въ городѣ остаться,
Быть сестрѣ защитой и помогой!»
Ей на это Бошко отвѣчаетъ:
«Воротися ты въ свой теремъ бѣлый!
Мнѣ не слѣдъ съ тобою оставаться,
Покидать святое наше знамя,
Хоть дари мнѣ царь свой градъ Крушевецъ!
Чтò тогда заговоритъ дружина:
Окаянный трусъ, измѣнникъ Бошко!
Онъ идти боится на Косово,
Кровь пролить за честный крестъ Господень,
Умереть за вѣру за святую!»
И съ конемъ промчался онъ въ ворòта.
Вотъ и старый Югъ-Богданъ съ дружиной!
Семь за нимъ Юговичей позàди;

*) Послѣдній сербскій царь. Правилъ съ 1371 по 1389 гг. Въ этомъ году, 15 іюня, въ Видовъ день, косовская битва рѣшила участь Сербскаго царства. Милица—дочь воеводы Югъ-Богдана, на которой Лазарь женился еще при жизни царя Стефана.

Всѣхъ она просила по порядку —
Ни одинъ и посмотрѣть не хочетъ.
Малое за тѣмъ проходитъ время,
Выѣзжаетъ и Юговичъ-Воинъ
Съ царскими ретивыми конями —
Были кони въ золотыхъ попонахъ —
И подъ нимъ она коня схватила,
Обвила руками шею брату
И ему сказала тихо-тихо:
«Милый братъ ты мой, Юговичъ-Воинъ,
Царь тебѣ даетъ благословенье —
Передать коней, кому желаешь,
И со мною въ городѣ остаться —
Быть сестрѣ защитой и помогой!»
Отвѣчаетъ ей Юговичъ-Воинъ:
«Воротись, сестра, въ свой теремъ бѣлый!
Мнѣ не слѣдъ съ тобою оставаться
И коней передавать царёвыхъ,
Хоть бы зналъ, что лягу на Косовѣ!
Нѣтъ, я ѣду во чистòе поле
Кровь пролить за честный крестъ Господень,
Умереть за вѣру за святую!»
И съ конемъ промчался онъ въ ворота.
Какъ царица это услыхала,
Она пала на холодный камень,
Она пала, память потеряла.
Вотъ и Лазарь славный проѣзжаетъ:
Онъ увидѣлъ госпожу Милицу,
Какъ увидѣлъ онъ, заплакалъ горько,
Посмотрѣлъ направо и налѣво,
Громко кличетъ слугу Голубана:
«Голубанъ, слуга ты мой вѣрный,
Ты покинь свою лошадь бѣлу,
Подними на руки царицу
И снеси ее въ высокъ теремъ,
А ужь грѣхъ тебѣ Господь отпуститъ,
Что не будешь съ нами на Косовѣ!»
Какъ услышалъ Голубанъ тѣ рѣчи,
Залился̀ онъ горькими слезами,
Лошадь бѣлу у воротъ покинулъ,
Взялъ царицу на бѣлы̀я руки
И отнесъ ее въ высокій теремъ,
Но не могъ онъ одолѣть сердца,
Не идти съ братьями на битву:
Воротился, на коня пры̀гнулъ
И пустился прямо на Косово.
Какъ назавтра зарей, ранымъ-рано,
Прилетѣли два чорные врана,
Воронья̀ съ Косова чиста поля
И на теремъ бѣлый опустились,
На высокій лазаревъ ли теремъ,
Одинъ каркнулъ, а другой промолвилъ:
«Это ль будетъ бѣлый царскій теремъ?
Что-то въ немъ да никого невидно!»
Знать, никто не слышалъ этой рѣчи —
Услыхала госпожа царица,
Передъ теремъ вышла передъ бѣлый,
Тихо молвитъ воронья̀мъ тѣмъ чорнымъ:
«Богъ вамъ въ помочь, чорные два врана!
Вы откуда, два врана, такъ рано?
Не съ Косова ль поля боевого?
Не видали ль тамъ двухъ сильныхъ ратей?
Не видали ль, какъ онѣ сразились,
И какое войско побѣдило?»
Воронья̀ царицѣ отвѣчаютъ:
«Госпожа царица ты, Милица,
Мы летимъ съ Косова чиста поля,
Видѣли двѣ рати на Косовѣ,
Межь собой онѣ вчера сразились,
Два царя тамъ головы сложили,
Малость малая осталась турка,
А у серба, чтò хоть и осталось,
Все то раны, всѣ-то кровью пьяны!»
Какъ они съ царицей говорили,
Милутинъ къ воротамъ подъѣзжаетъ,
Держитъ руку правую да въ лѣвой;
У него семнадцать ранъ на тѣлѣ,
Да и конь его весь кровью òблитъ.
Говоритъ царица Милутину:
«Чтò съ тобою, Милутинъ мой вѣрный?
Чтò лицомъ ты пасмуренъ, не вѐселъ?
Или выдалъ князя на Косовѣ?»
Милутинъ царицѣ отвѣчаетъ:
«Госпожа, спусти меня нà земь
И умой холодной водою,
Да виномъ облей меня краснымъ:
Одолѣли меня тяжки раны!»
Тутъ съ коня сняла его Милица,
Чистою водой его умыла
И виномъ облила его краснымъ.
Какъ немного Милутинъ ожилъ,
Стала спрашивать его царица:
«Чтò, скажи мнѣ, было на Косовѣ?
Какъ погибъ тамъ славный царь Лазарь?
Какъ погибъ тамъ Югъ-Богданъ могучій?
Какъ его Юговичи погибли?
Какъ погибъ тамъ Милошъ воевода?
Какъ погибъ Вукъ Бранковичъ смѣлый?
Какъ погибъ Страхинья Бановичъ?»
Тутъ слуга разсказывать началъ:
«Всѣ остались на Косовомъ полѣ!
Гдѣ погибъ нашъ славный царь Лазарь,

Много тамъ поломано копьевъ,
И турецкихъ копьевъ, и сербскихъ,
Только сербскихъ больше, чѣмъ турецкихъ,
Какъ они царя обороняли,
Именитаго Лазаря князя.
Югъ-Богданъ погибъ еще сначала,
Въ самой первой схваткѣ съ басурманомъ;
Тамъ и восемь Юговичей пало,
Ни одинъ изъ нихъ не выдалъ брата:
Всякій бился, сколько силъ хватило.
Уцѣлѣлъ одинъ Юговичь-Бошко:
По Косову знаменемъ онъ вѣялъ,
Разогналъ и распугалъ онъ турокъ,
Словно соколъ голубей пугливыхъ.
Гдѣ въ крови бродили по колѣно,
Тамъ погибъ нашъ Бановичь Страхинья;
Милошъ палъ по край рѣки Ситницы,
Край Ситницы, край воды студеной;
Онъ убилъ у нихъ царя Мурата
И еще двѣнадцать тысячь войска.
Да проститъ тому грѣхи Всевышній,
Кто родилъ намъ Милоша на̀ свѣтъ!
По себѣ оставилъ онъ память,
Вѣкъ о немъ разсказывать будутъ,
Пока есть жива душа на свѣтѣ
И стоитъ Косово чисто поле!
А что спрашиваешь ты про Вука:
Будь онъ прòклятъ и съ отцомъ будь прòклятъ!
Прòклятъ будь и родъ его и племя:
Онъ царя выдалъ на Косовѣ
И увелъ съ собой двѣнадцать тысячь,
Какъ и самъ, измѣнниковъ лютыхъ.»

Н. Бергъ.

—

III.

Разговоръ Милоша съ Иваномъ.

«Побратимъ ты мой, Иванъ Косанчичь!
Ты выглядывалъ у турка войско:
Велика ль у нихъ народу-сила?
Можно ль съ ними въ полѣ намъ схватиться?
Можно ль будетъ одолѣть ихъ въ полѣ?»
Говоритъ ему Иванъ Косанчичь:
«Побратимъ ты Милошъ мой Обиличь!
Я выглядывалъ у турка войско:
Много-много видѣлъ вражьей силы!
Кабы солью всѣ мы обратились,
На обѣдъ бы насъ не стало туркамъ.
Я ходилъ пятнадцать цѣлыхъ сутокъ
По турецкой по несметной рати:
Не нашолъ ни счоту я, ни краю:
Какъ отъ Мрамора до Явора-Сухого,
А отъ Явора, братъ, до Сазліи,
Отъ Сазліи на̀ Мостъ на Желѣзный,
А отъ Моста до того Звечана,
Отъ Звечана до того Чечана,
Отъ Чечана до планинъ высокихъ
Разлеглося вражеское войско.
Витязь къ витязю, къ коню конь борзый,
Пика съ пикой, точно холмъ великой,
Словно тучи бунчуковъ ихъ кучи,
А шатры матёры будто снѣжны горы!
Кабы съ неба въ нихъ ударилъ ливень —
Ни одна не пала бъ капля на̀ земь:
Все упало бъ на коней и войско!
Сѣлъ Муратъ на полѣ на Мазгитѣ,
Обхватилъ онъ Лабу и Ситницу.»
Но еще спросилъ Ивана Милошъ:
«Ты скажи мнѣ, братъ Иванъ Косанчичь,
Гдѣ шатеръ могучаго Мурата?
Обѣщался нашему я князю,
Что пойду и заколю Мурата
И ногой ему подъ горло стану!»
Говоритъ ему Иванъ Косанчичь:
«Глупъ ты, Милошъ, глупъ и неразуменъ!
Гдѣ шатёръ могучаго Мурата?
Посреди онъ всей турецкой рати;
Хоть возьми у сокола ты крылья
И ударь ты съ неба голубого:
На тебѣ бы перьевъ не осталось!»
Сталъ тутъ Милошъ умолять Ивана:
«Ты послушай, братъ, Иванъ Косанчичь,
Не родимый, словно какъ родимый!
Ты не сказывай про это князю,
Чтобы не было ему заботы
И чтобъ войско наше не сробѣло;
А скажи ты князю рѣчь такую:
Велика̀ у супостата сила,
Но мы съ нею можемъ потягаться,
А нето и одолѣть ихъ сможемъ.
Въ рати той не мòлодцы на службѣ,
А хаджіи *), старики сѣдые,
Да народъ рабочій, не охочій,
Что ни разу бою не видали,
А пошли затѣмъ, чтобъ прокормиться;
Да и это войско у турчина

---

*) Хаджи — странникъ, бывшій на поклоненіи гробу Мохаммеда.

Заболѣло разною болѣзнью,
Заболѣли у него и кони,
Заболѣли мокрецомъ и сапомъ.»

Н. Бергъ.

IV.

КОСОВСКАЯ ДѢВУШКА.

Встала рано дѣвица косовка,
Въ день великій встала, въ воскресенье,
Въ воскресенье прежде красна солнца;
Засучила рукава сорочки,
Засучила вплоть до бѣлыхъ локтей,
Положила на плечи хлѣбъ бѣлый,
Взяла въ руки два златыхъ сосуда,
Налила въ одинъ воды студёной,
А другой виномъ налила краснымъ,
И пошла она Косовскимъ полемъ;
Посреди побоища проходитъ,
Славнаго побоища царёва,
Витязей оглядываетъ мертвыхъ,
А кого найдетъ еще живого —
Чистою водой его умоетъ,
Причаститъ виномъ его червоннымъ
И потомъ накормитъ хлѣбомъ бѣлымъ.
Глядь: лежитъ въ крови удалый витязь,
Добрый витязь молодой Орловичь,
Молодой царёвъ знаменоносецъ.
Онъ въ живыхъ въ ту пору оставался,
Только былъ онъ безъ руки безъ правой,
Безъ ноги безъ лѣвой до колѣна;
Тонки ребра были перебиты
И виднѣлась бѣлая печенка.
Подняла его красна дѣвица,
Подняла она его изъ крови,
Чистою водой его умыла
И виномъ червоннымъ причастила:
Ожилъ витязь удалой Орловичь,
Говоритъ онъ дѣвицѣ косовкѣ:
«Ахъ, сестра моя ты, дорогая!
Что тебѣ такая за неволя
Здѣсь въ крови людей ворочать мертвыхъ?
На побоищѣ кого ты ищешь:
Сына дядина, родного ль брата?
Иль отца отыскиваешь старца?»
Отвѣчаетъ дѣвица косовка:
«Милый братъ, невѣдомый мнѣ витязь,
Не лежатъ мои родные въ полѣ,
Не ищу я дядинаго сына,
Ни отца родимаго, ни брата.
Али ты не знаешь какъ царь Лазарь
Причащалъ свое большое войско
У святой у церкви Грачаницы?
Три недѣли причащалъ онъ ровно
И съ нимъ было тридцать калугеровъ. *)
Причастилось сербское все войско,
А за войскомъ наши воеводы,
Самый первый — воевода Милошъ,
А за Милошемъ Иванъ Косанчичь,
За Косанчичемъ Миланъ Топлица.
Я въ ту пору у воротъ стояла.
Какъ пошолъ нашъ Милошъ воевода,
Добрый молодецъ на бѣломъ свѣтѣ —
По камнямъ стучитъ кривая сабля,
На макушкѣ шолковая шапка,
Серебромъ на ней султанъ окованъ,
На груди кольчуга дорогая,
Шолковый платокъ надѣтъ на шеѣ.
На меня, идучи, витязь глянулъ,
Снялъ съ себя кольчугу дорогую,
Снялъ и подалъ мнѣ ее и молвилъ:
«На, возьми ты, дѣвица, кольчугу,
По кольчугѣ ты меня вспомянешь,
Какъ зовутъ меня — провеличаешь;
Я на смерть иду, на гибель злую,
Съ храбрымъ войскомъ Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молися Богу,
Чтобы здравымъ вышелъ я изъ бою;
Счастье я за-то твое устрою:
Я тебя возьму Милану въ жоны,
Что мнѣ братъ по Богу, не по крови,
Что со мною Богомъ побратался,
Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ;
Я отцомъ вамъ буду посажонымъ!»
А за нимъ пошолъ Иванъ Косанчичь,
Добрый молодецъ на бѣломъ свѣтѣ —
По камнямъ стучитъ кривая сабля,
На макушкѣ шолковая шапка,
Серебромъ на ней султанъ окованъ,
На груди кольчуга дорогая,
Шолковый платокъ надѣтъ на шеѣ,
На рукѣ горитъ богатый перстень;
Обернувшись, на меня онъ глянулъ,
Снялъ съ руки свой перстень драгоцѣнный,
Снялъ его и подалъ мнѣ съ словами:

---

*) Калугеръ — монахъ.

«На, возьми, дѣвица, этотъ перстень!
Этимъ перстнемъ ты меня помянешь,
Какъ зовутъ меня — провеличаешь;
Я на смерть иду, на гибель злую,
Съ храбрымъ войскомъ Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молися Богу,
Чтобъ оттуда я вернулся здравымъ;
Счастье я за-то твое устрою:
Я тебя возьму Милану въ жоны,
Что мнѣ братъ по Богу, не по крови,
Чтò со мною Богомъ побратался,
Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ;
Я на вашей свадьбѣ дружкой буду!»
А за нимъ пошолъ Миланъ Топлица,
Добрый мòлодецъ на бѣломъ свѣтѣ —
По камнямъ стучитъ кривая сабля,
На макушкѣ шолковая шапка,
Серебромъ на ней султанъ окованъ,
На груди кольчуга дорогая,
Шолковый платокъ надѣтъ на шеѣ,
На рукѣ убрусъ золототканный.
На меня, идучи, витязь глянулъ,
Снялъ съ руки убрусъ золототканный,
Снялъ его и подалъ со словами:
«На, возьми убрусъ золототканный!
Ты меня убрусомъ тѣмъ помянешь,
Какъ зовутъ меня — провеличаешь;
Я на смерть иду, на гибель злую,
Съ храбрымъ войскомъ Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молися Богу,
Чтобъ оттуда я вèрнулся здравымъ;
Счастье я за-то твое устрою:
Ты женою вѣрною мнѣ будешь!»
Такъ прошли въ ворота воеводы;
Ихъ-то, братъ, ищу я по Косову!»
Говоритъ ей молодой Орловичь:
«Погляди, сестрица дорогая,
Видишь вкругъ размётанныя копья:
Гдѣ лежитъ ихъ болѣе и гуще,
Молодецкая тамъ кровь лилася,
До стременъ она коню хватала,
До стременъ и до поводьевъ самыхъ,
Добру мòлодцу по самый поясъ:
Тутъ легли герои-воеводы.
Ко дворамъ ты бѣлымъ воротися:
Чтò кровавить рукава и полы!»
Какъ услышала она тѣ рѣчи,
Горькія изъ глазъ полились слёзы,
Ко дворамъ своимъ вернулась бѣлымъ,
Зарыдавши жалостно и громко:
«На роду написано мнѣ горе:
Подойду лишь къ зèлену я дубу —
Глядь: зеленый выцвѣлъ весь и высохъ!»

Н. Бергъ.

—

V.

ЮРИШИЧЬ-ЯНКО.

Кто-то стонетъ въ городѣ Стамбулѣ:
Тò ли вила *), то ли гуя **) злая?
То не вила, то не гуя злая:
Стонетъ мòлодецъ Юришичь-Янко;
И не даромъ день и ночь онъ стонетъ:
Янко запертъ въ темную темницу,
Въ ней три года мòлодецъ бѣдуетъ,
У Тирьянскаго царя, у Сулеймана;
Тамъ ему и тяжело и горько,
Такъ и стонетъ вечеромъ и утромъ;
Надоѣлъ ужь и стѣнамъ холоднымъ,
А не только злому Сулейману.
Вотъ приходитъ Сулейманъ Тирьянскій,
Онъ приходитъ къ воротàмъ темницы,
Кличетъ громко Юришича-Янка:
«Будь ты прòклятъ, гяуръ окаянный!
Чтò съ тобою за бѣда такая,
Что все воешь ты въ моей темницѣ?
Не поятъ тебя, или не кòрмятъ?
Или плачешь по какой гяуркѣ?»
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
«Говорить ты воленъ, царь, чтò хочешь;
Но не жажду я, не голодаю,
Только горько мнѣ и раздосадно,
Что попался я къ тебѣ въ темницу:
Доняла меня твоя темница!
Ради Бога, царь-султанъ великій,
Сколько хочешь попроси за выкупъ,
Но пусти мои отсюда кости.»
Сулейманъ ему на это молвитъ:
«Брешишь, гяуръ, Янко окаянный!
Твоего мнѣ выкупа не надо,
Но мнѣ надо, чтобъ сказалъ ты правду,
Какъ зовутъ тѣхъ воеводъ могучихъ,
Чтò мое все войско всполошили,
Какъ мы шли Косовскимъ чистымъ полемъ.»
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
«Говори ты, царь-султанъ, чтò хочешь,

*) Горная нимфа.
**) Змѣя.

Я скажу всю истинную правду:
Самый первый сильный воевода,
Чтò посѣкъ и разогналъ всѣхъ турокъ,
Потопилъ и въ Лабѣ и въ Ситницѣ —
Это былъ самъ Королевичъ-Марко.
А другой великій воевода,
Чтò разбилъ большую рать у турокъ —
Это будетъ Огникъ-Недоростокъ,
Милый сестричь воеводы Марка.
А послѣдній славный воевода,
Чтò сломалъ свою кривую саблю
И чтò турокъ навздѣвалъ на пику
И погналъ передъ собою въ Лабу,
Въ Лабу и студеную Ситницу —
Этого зовутъ Юришичъ-Янко,
Что сидитъ, султанъ, въ твоей темницѣ:
Учини надъ нимъ теперь чтò хочешь!»
Говоритъ на то султанъ Тирьянскій:
«Вотъ какой ты гяуръ окаянный!
Ну, скажи, какой ты хочешь смерти?
Хочешь, въ морѣ мы тебя утопимъ,
Или, хочешь, на огнѣ изжаримъ,
Или къ репицамъ коней привяжемъ:
Разнесутъ они тебя на части?»
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
«Говорить ты воленъ, царь, что хочешь;
Но вѣдь муки никому не милы;
А коль смерти миновать не можно,
Такъ послушай: я тебѣ не рыба,
Чтобы въ море ты меня закинулъ;
Я тебѣ не дерево-колода,
Чтобы вы огнемъ меня спалили;
Не блудница, чтобъ меня конями
Приказалъ ты разорвать на части;
Нò изъ добрыхъ витязей я витязь.
Дай же ты разбитую мнѣ лошадь,
Чтò стояла тридцать лѣтъ безъ дѣла,
Никакого бою не глядѣла;
Да еще тупую дай мнѣ саблю,
Тридцать лѣтъ нетòченую вовсе,
Чтò и въ битвѣ съ-роду не бывала,
А лежала ржавчиной покрыта
И забыла изъ ножòнъ ужь лазить;
А потомъ пусти меня ты въ поле,
И за мною двѣсти янычаровъ:
Пусть они меня на сабли примутъ,
Пусть погибну я, какъ добрый витязь!»
Сулейманъ Юришича послушалъ:
Далъ ему разбитую онъ лошадь,
Чтò стояла тридцать лѣтъ безъ дѣла,
Никакого бою не глядѣла;
Далъ еще ему тупую саблю,
Тридцать лѣтъ нетòченую вовсе,
Чтò и въ битвѣ съ-роду не бывала,
А лежала ржавчиной покрыта
И забыла изъ ножòнъ ужь лазить;
Выпустилъ потомъ онъ Янка въ поле,
И за нимъ двѣ сотни янычаровъ.
Какъ схватилъ коня Юришичъ-Янко,
Началъ бить въ бока его ногами:
Конь понесся по чистòму полю,
Вслѣдъ за Янкой двѣсти янычаровъ;
Впереди одинъ удàлый турка:
Онъ задумалъ снесть башку у Янки,
Чтобы взять подарокъ отъ султана,
И совсѣмъ нагналъ-было онъ Янку;
Только Янко скоро спохватился:
Онъ бѣду надъ головою видитъ,
Помянулъ онъ истиннаго Бога,
Хвать рукой могучею за саблю,
Разомъ дернулъ — выскочила сабля,
Какъ сейчасъ откованная только;
Выждалъ Янко молодого турка
И на саблю басурмана принялъ,
Поперегъ его ударилъ тяжко —
И съ коня двѣ пали половины.
Подскочилъ Юришичъ, мигомъ бросилъ
Онъ свою неѣзженную лошадь,
На коня турецкаго метнулся,
Изъ ножонъ у турки вынулъ саблю
И пошолъ косить онъ янычаровъ:
Половину ихъ посѣкъ онъ саблей,
А другую онъ пригналъ, какъ стадо,
Къ самому султану Сулейману,
А потомъ — и здравъ, и цѣлъ, и веселъ —
Онъ домой поѣхалъ чистымъ полемъ.

Н. Бергъ.

3. ПѢСНИ О МАРКѢ-КОРОЛЕВИЧѢ.

I.

СУДЪ МАРКА-КОРОЛЕВИЧА.

Какъ во чистомъ во Косовомъ полѣ,
Что у бѣлой церкви Грачаницы,
Собралось четыре ратныхъ стана:
Первый станъ былъ Вукашина краля,
А другой — царевича Углѣши,
Третій станъ былъ воеводы Гойки
И четвертый — Уроша младого.
Изъ-за царства ссорятся родные,
Загубить другъ друга умышляютъ,
Извести ножами золотыми:
Не рѣшатъ, кому сидѣть на царствѣ.
«Я наслѣдникъ»! Вукашинъ клянется;
«Мой престолъ!» въ отвѣтъ ему Углѣша;
«Нѣтъ, онъ мой!» имъ Гойка возражаетъ.
Лишь одинъ царевичъ недоростокъ,
Бѣдный Урошъ, слова не промолвитъ:
Онъ троихъ своихъ боится братьевъ,
Братьевъ Марлявчѐвичей несытыхъ.
Вукашинъ письмо проворно пишетъ
И съ гонцомъ письмо онъ посылаетъ
Въ Прѝзренъ городъ, городъ бѣлостѣнный,
Къ старику Недѣлькѣ протопопу,
Чтобы прѝбылъ на Косово поле,
Указалъ, кому сидѣть на царствѣ:
Причащалъ-де онъ царя честнѝго,
Причащалъ его и исповѣдалъ;
У него и книги староставны.
И Углѣша письмецо готовитъ
И съ гонцомъ письмо то посылаетъ
Въ Прѝзренъ городъ, городъ бѣлостѣнный,
Къ старику Недѣлькѣ протопопу.
Пишетъ то жь и Гойко воевода
И гонцу письмо свое вручаетъ;
Пишетъ то жь и Урошъ малолѣтній
И гонца тихонько отправляетъ.
Такъ-то братья письма тѣ писали,
И гонцамъ отвезть ихъ поручали,
Другъ отъ друга кроясь, укрываясь;
Но сошлись всѣ четверо послàнцевъ
Въ Прѝзренъ градѣ, градѣ бѣлостѣнномъ,
На дворѣ Недѣльки протопопа;
Только дома старца не застали:
Въ храмѣ божьемъ утреню служилъ онъ,
Утреню святую съ литургіей.
Возгордились пòсланные силой,
Что они сильнѣйшіе изъ сильныхъ,
Слѣзть съ коней своихъ не захотѣли —
Прямо въ церковь въѣхали съ конями
И плетьми ременными нещадно
Стали бить Недѣльку протòпопа.
«Гей, проворнѣй, протопопъ Недѣлька!
Гей, проворнѣй на Косово поле —
Тамъ рѣшишь, кому сидѣть на царствѣ:
Причащалъ вѣдь ты царя честнѝго,
Причащалъ его и исповѣдалъ;
У тебя и книги староставны;
А не то — прощайся съ головою.»
Ронитъ слёзы протопопъ Недѣлька,
Ронитъ слёзы, ронитъ, отвѣчаетъ:
«Отвяжитесь, сильные изъ сильныхъ!
Дайте справить службу по уставу —
Все тогда по правдѣ мы разсудимъ.»
И гонцы коней поворотили,
А какъ служба божья совершилàсь,
Стали вкругъ у паперти церковной,
И сказалъ имъ протопопъ Недѣлька:
«Богъ на помощь, четверо посланцевъ!
Какъ царя честнѝго причащалъ я,
Причащалъ его и исповѣдалъ,
Не о царствѣ спрашивалъ его я,
А о томъ, чѣмъ грѣшенъ передъ Богомъ.
Вы ступайте къ городу Прилѣпу:

Тамъ живетъ питомецъ мой любезный,
Мой питомецъ, Марко-Королевичъ:
У меня письму онъ научился,
Былъ писцомъ онъ у царя Душана;
У него и книги староставны.
Онъ одинъ лишь знаетъ про наслѣдство.
Призовите Марка на Косово —
Онъ вамъ все по чистой правдѣ скажетъ,
Потому-что Марко, кромѣ Бога,
Никого на свѣтѣ не боится.
И гонцы не медля поскакали,
Поскакали къ городу Прилѣпу,
Къ бѣлымъ сѣнямъ, къ марковымъ хоромамъ,
И едва подъѣхали къ воротамъ,
Принялись стучать кольцомъ тяжолымъ.
Услыхала Евросима матерь,
Стала Марка сына докликаться:
«Сынъ мой Марко, чадо дорогое!
Посмотри, кто тамъ стучитъ въ ворота?
Не гонцы ль отцовскіе примчались?»
Вышелъ Марко, отворилъ ворота,
И сказали посланные Марку:
«Богъ на помощь, Марко-Королевичъ!
Отвѣчалъ имъ Королевичъ-Марко:
«Въ добрый часъ, ребята удалые!
Всѣ ль здоровы сербскіе юнаки,
И цари и короли честные?»
А гонцы ему съ поклономъ низкимъ:
«Господинъ нашъ, Королевичъ-Марко!
Всѣ во здравьи, да не въ добромъ мирѣ:
Загорѣлась ссора межъ князьями
Во Косовомъ во широкомъ полѣ,
Что у бѣлой церкви Грачаницы.
Изъ-за царства ссорятся родные,
Загубить другъ друга умышляютъ,
Извести ножами золотыми:
Не рѣшатъ, кому сидѣть на царствѣ.
Приходи къ намъ на Косово поле,
Укажи, кому сидѣть на царствѣ.»
Входитъ Марко во свои хоромы
И зоветъ онъ Евросиму матерь:
«Евросима, мать моя родная!
Загорѣлась ссора межъ князьями
На широкомъ на Косовомъ полѣ,
Что у бѣлой церкви Грачаницы.
Изъ-за царства ссорятся родные,
Загубить другъ друга умышляютъ,
Извести ножами золотыми:
Не рѣшатъ, кому сидѣть на царствѣ;
И зовутъ меня къ Косову полю,
Чтобъ рѣшить, кому сидѣть на царствѣ.»
Вѣкъ свой бился Марко изъ-за правды,
А старуха Марка заклинаетъ:
«Милый Марко, сынъ единородный!
Коль боишься материнской клятвы,
То — отцу и дядевьямъ въ угоду —
Не держи отвѣта имъ по кривдѣ,
А по правдѣ истиннаго Бога.
Не губи души своей безсмертной!
Лучше лечь за правду головою,
Чѣмъ принять злой грѣхъ такой на душу!»
Вынулъ Марко книги староставны,
Снарядился въ дальній путь-дорогу,
Вывелъ Шарца, всунулъ ногу въ стремя
И понесся на Косово поле.
Какъ подъѣхалъ къ ставкѣ королевской,
Взговорилъ такъ Вукашинъ владыка:
«Благодать мнѣ послана отъ Бога!
Сына Марка вижу предъ собою —
Онъ присудитъ царство Вукашину:
Сынъ отцу наслѣдуетъ на царствѣ.»
Слышитъ Марко, слова не проронитъ,
Головы къ шатру не поворотитъ.
Какъ Углѣша Марка запримѣтилъ,
Взговорилъ онъ таковое слово:
«Благо мнѣ! племянникъ мой пріѣхалъ!
Онъ присудитъ сербское мнѣ царство.
Присуди мнѣ сербскую корону —
Станемъ вмѣстѣ царствовать мы братски.»
Слышитъ Марко, слова не проронитъ,
Головы къ шатру не поворотитъ.
Только Гойко Марка запримѣтилъ,
Взговорилъ онъ таковое слово:
«Благо мнѣ! племянникъ мой пріѣхалъ!
Онъ присудитъ сербское мнѣ царство.
Той порой, какъ Марко былъ ребенкомъ,
Я его и нѣжилъ, и голубилъ,
Согрѣвалъ за пазухой шелковой,
Словно персикъ, яблочко-румяно;
На конѣ куда бы я ни ѣхалъ,
Все, бывало, Марка призахватишь!
Присуди мнѣ царство, Королевичъ,
Будешь самъ ты властвовать надъ царствомъ,
Я же буду княземъ подневольнымъ.»
Слышитъ Марко, слова не проронитъ,
Головы къ шатру не поворотитъ,
Прямо ѣдетъ къ бѣлой ставкѣ княжей,
Къ бѣлой ставкѣ Уроша младого,
Ставитъ Шарца прямо противъ входа
И у царскихъ ногъ съ него слѣзаетъ.
Какъ его завидѣлъ юный Урошъ —
Быстро всталъ съ шелковаго дивана,

Быстро всталъ и такъ ему промолвилъ:
«Благо мнѣ! мой милый кумъ пріѣхалъ,
Милый кумъ мой Королевичъ-Марко!
Онъ рѣшитъ кому сидѣть на царствѣ.»
И юнаки стали миловаться,
Цаловались, нѣжно обнимались,
О юнацкомъ здравіи справлялись,
И усѣлись рядомъ на диванѣ.
Вотъ немного времени минуло,
День прошолъ и ночь затѣмъ настала,
Но едва взошла заря на утро
И къ господней службѣ зазвонили,
Все боярство къ утренѣ сошлося,
Отстояло въ храмѣ литургію
И, толпою высыпавъ изъ церкви,
Тутъ же все усѣлось за столами,
За медъ и сахарныя яства.
Передъ Маркомъ книги староставны;
Онъ въ нихъ смотритъ, смотритъ и вѣщаетъ:
«Гой, отецъ мой, Вукашинъ владыко!
Аль тебѣ твоей всей власти мало?
Мало, что ли? чтобъ она пропала!
О чужомъ тягаетесь вы царствѣ.
Гой, ты деспотъ, дядя мой Углѣша!
Мало что ли твоего деспотства
И тебѣ? О, чтобъ оно пропало!
О чужомъ тягаетесь вы царствѣ.
Гой ты дядя, Гойко воевода!
Мало что ли воеводской власти
И тебѣ? О, чтобъ она пропала!
О чужомъ тягаетесь вы царствѣ.
Загляните — чтобъ Господь забылъ васъ —
Въ это книгу: *Урошево царство!*
Въ ней стоитъ; такъ, значитъ, царство
Отроку завѣщано въ наслѣдство.
Вотъ кому самъ царь его оставилъ,
Въ смертный часъ свои смѣжая очи.
Какъ слова тѣ Вукашинъ услышалъ,
Мигомъ онъ вскочилъ на рѣзвы ноги
И за ножъ схватился золочёный,
Чтобъ убить возлюбленнаго сына.
Отъ отца бѣгомъ пустился Марко,
Потому-что сыну не пристойно
Со своимъ родителемъ сражаться.
И бѣжитъ вкругъ бѣлой церкви Марко,
Вкругъ той бѣлой церкви Грачаницы,
Все бѣжитъ, а краль за нимъ въ догонку.
Ужь они три круга обѣжали
Вкругъ той бѣлой церкви Грачаницы;
Догонять ужь сталъ его родитель;
Вдругъ слова изъ церкви раздалися:
«Въ церковь Марко, въ церковь поскорѣе,
Или часъ твой пробилъ — ты погибнешь,
Отъ руки родительской погибнешь,
Изъ-за правды истиннаго Бога!»
Тутъ предъ нимъ разверзлись двери храма,
И едва успѣлъ вбѣжать онъ въ церковь,
Какъ за нимъ онѣ тотчасъ закрылись.
Подбѣгаетъ краль къ дверямъ церковнымъ
И ножомъ по нимъ онъ ударяетъ —
Глянулъ — кровь закапала изъ двери.
Сталъ тогда онъ каяться невольно
И такое выговорилъ слово:
«Горе мнѣ, о Боже милосердый!
Погубилъ я сына дорогого!»
И раздался голосъ изъ-за двери:
«Краль могучій, Вукашинъ владыка,
Знай, не сына поразилъ ты Марка,
Поразилъ ты ангела Господня!»
Сталъ тутъ краль пѣнять на сына Марка,
Проклинать и клясть его нещадно:
«Порази тебя рука Господня!
Будь лишонъ и гроба, и потомства!
А душа въ тебѣ пусть заживется,
Чтобъ султану вдосталь наслужиться!»
Краль клянетъ, а царь благословляетъ:
«Кумъ мой Марко, Богъ тебѣ на помощь!
Чтобъ лицо твое сіяло въ думѣ,
А копьё въ бою не уставало!
Чтобъ сильнѣе не было юнака,
И, пока луна и солнце свѣтятъ,
О тебѣ жива была бы память!»
И сбылося — какъ сказали оба.

О. Миллеръ.

—

II.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ И СОКОЛЪ.

Расхворался Королевичъ-Марко,
Расхворался посреди дороги,
Въ-головахъ копьё втыкаетъ въ землю,
За копьё коня лихого вяжетъ
И такія говоритъ онъ рѣчи:
«Кабы кто воды мнѣ далъ напиться,
Кабы сѣнь-прохладу мнѣ устроилъ —
Сослужилъ бы вѣрную мнѣ службу,
Не забылъ бы я ея до смерти!»
Вдругъ откуда ни возьмися соколъ,
Подаётъ воды студеной въ клювѣ,

Чтобъ напился Королевичъ-Марко;
Распростеръ свои надъ Маркомъ крылья
И устроилъ сѣнь ему, прохладу.
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«Сизокрылый мой ты соколъ ясный!
Чѣмъ тебѣ, мой соколъ, услужилъ я,
Что меня водой теперь ты пòишь,
Что устроилъ мнѣ ты сѣнь-прохладу?»
Ясный соколъ Марку отвѣчаетъ:
«Аль забылъ ты, Королевичъ-Марко,
Какъ мы были на Косовомъ полѣ
И терпѣли всякія напасти:
Изловили меня злые турки,
Ятаганомъ крылья мнѣ обсѣкли:
Ты схватилъ меня, Кралевичъ-Марко,
И на ёлку посадилъ зелену,
Чтобъ меня не растоптали кони;
Далъ мнѣ мяса, чтобы я наѣлся,
Далъ мнѣ крови, чтобы я напился:
Вотъ какое ты добро мнѣ сдѣлалъ,
Вотъ какую сослужилъ мнѣ службу!»

Н. Бергъ.

—

III.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ И БЕГЪ-КОСТАДИНЪ.

Два юнака въ чистомъ полѣ ѣдутъ,
Костадинъ-бегъ и Кралевичъ-Марко.
Какъ взмолится Костадинъ-бегъ Марку:
«Побратимъ мой, Королевичъ-Марко,
Пріѣзжай ко мнѣ когда подъ-осень,
Около Димитрія святого,
Ко моимъ ли краснымъ именинамъ,
Чтобъ тебя почествовать мнѣ пиромъ,
Чтобы видѣлъ ты мое радушье,
Моего двора гостепріимство!»
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«Не хвались своимъ гостепріимствомъ!
Знаю я твое гостепріимство:
Какъ искалъ я разъ Андрея брата,
Я забрелъ къ тебѣ во дворъ широкій,
Около Димитрія святого,
Насмотрѣлся тамъ я, наглядѣлся,
Какъ гостей своихъ ты принимаешь!»
— «Что жь ты видѣлъ, Королевичъ-Марко?»
Костадинъ-бегъ Марка вопрошаетъ.
«Первое, чтò у тебя я видѣлъ —
Отвѣчаетъ Костадину Марко —
Это были двѣ сиротки малыхъ,
Чтò зашли поѣсть съ тобою хлѣба
И вина червоннаго напиться,
А ты крикнулъ на сиротъ тѣхъ малыхъ:
Вонъ отсюда, нечистыя твари!
Не поганьте у меня трапѐзы!
Жаль мнѣ стало тѣхъ сиротокъ малыхъ,
Взялъ я ихъ, пошолъ на рынокъ съ ними,
Накормилъ тамъ ихъ я хлѣбомъ бѣлымъ,
Напоилъ я ихъ виномъ червоннымъ,
Бархатную справилъ имъ одёжу,
Всю какъ есть изъ бархату и шолку,
И послалъ къ тебѣ во дворъ широкій,
Самъ же сталъ подглядывать тихонько:
Какъ теперь сиротокъ тѣхъ ты примешь
Взялъ одну на лѣвую ты руку,
Посадилъ другую на десницу
И отнесъ къ себѣ ихъ за трапезу:
Ѣшьте, пейте, княжескія дѣти!
А въ другой разъ у тебя я видѣлъ:
Старые пожаловали гости,
Чтò свое имѣнье прохарчили
И свою одёжу истаскали.
Посадилъ ты ихъ въ концѣ трапезы,
Чтò на самомъ на послѣднемъ мѣстѣ.
А пришли къ тебѣ другіе гости,
Въ бархатныхъ и шолковыхъ одеждахъ:
Посадилъ ты ихъ съ конца иного,
Угощалъ ты ихъ виномъ и водкой,
Подчивалъ ихъ всякими сластями.
Въ третьихъ — тò, что ты отца и матерь
Позабылъ совсѣмъ и не попросишь,
Чтобъ за трапезой съ тобой сидѣли,
Первую бы чашу подымали!»

Н. Бергъ.

—

IV.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ УНИЧТОЖАЕТЪ СВАДЕБНЫЙ ОТКУПЪ.

Ранымъ-рано всталъ Кралевичъ-Марко
И поѣхалъ пò полю Косову;
Какъ доѣхалъ до рѣки Серваны,
Повстрѣчалъ онъ дѣвицу косовку,
Говоритъ ей: «Богъ тебѣ на помощь,
Посестрима, дѣвица косовка!»
Поклонилась дѣвица косовка,
Поклонилась до земли до самой:

«Буди здравъ, воитель незнакомый!»
Говоритъ опять Кралевичъ-Марко:
«Всѣмъ взяла ты, дѣвица косовка,
Красотою, поступью и ростомъ,
Княжескою гордою осанкой,
Не взяла одною лишь косою:
Сѣдина въ нее, сестра, пробилась!
Рано горе что ли ты узнала,
Отъ себя ль, отъ матери ль родимой,
Отъ отца ли своего отъ старца?»
Ронитъ слёзы дѣвица косовка,
Говоритъ такія рѣчи Марку:
«Побратимъ мой, незнакомый витязь!
Никакого горя я не знала
Ни сама, ни отъ отца отъ старца,
Ни отъ матери моей родимой;
А напасть такая приключилась:
Къ намъ изъ-за моря пришолъ арапинъ,
Откупилъ Косово у султана,
Дань теперь беретъ съ Косова поля,
И поитъ оно его и кормитъ:
Всякая косовская дѣвица,
Что идетъ у насъ дѣвица замужъ,
Тридцать платитъ за себя дукатовъ,
А кто женится, тотъ платитъ больше:
Платитъ тридцать и еще четыре.
Такъ богатый лишь играетъ свадьбу;
У меня же нѣтъ родни богатой,
Нѣтъ дукатовъ заплатить арапу —
И сижу я, горемыка, въ дѣвкахъ;
Да не въ томъ бѣда моя и горе:
Всѣмъ нельзя жь дѣвицамъ выйти замужъ,
Какъ и всякому изъ васъ жениться;
Только въ томъ бѣда моя и горе:
Наложилъ такую дань арапинъ,
Чтобъ къ нему дѣвицъ водили на ночь;
Что ни ночь, то новая дѣвица;
Онъ ее въ шатрѣ своемъ цалуетъ;
У прислуги жь чорнаго арапа —
Что ни ночь — по молодицѣ новой.
Такъ идетъ черёдъ по всѣмъ по сёмьямъ:
Всѣ къ нему дѣвицъ своихъ приводятъ.
Нынче мнѣ черёдъ идти къ арапу,
На ночь эту быть ему женою.
Какъ помыслю, горькая, объ этомъ —
Господи! и дѣлать что не знаю:
Что ли броситься пойти мнѣ въ рѣку?
Иль повѣситься пойти въ дубраву?
Только лучше загубить мнѣ душу,
Чѣмъ идти и ночь провесть съ арапомъ,
Со врагомъ земли моей и вѣры!»
Говоритъ ей Королевичъ-Марко:
«Милая моя ты посестрима!
Ты не вѣшайся и не топися,
Не моги себѣ души губить ты,
А скажи мнѣ, гдѣ дворы арапа:
Я пойду и поведу съ нимъ рѣчи!»
Говоритъ косовская дѣвица:
«Побратимъ мой, незнакомый витязь!
Спрашиваешь ты про дворъ арапинъ:
Будь ему тамъ, басурману, пусто!
Или ты нашолъ себѣ невѣсту
И отнесть арапу хочешь выкупъ?
Если, братъ, одинъ ты у родимой:
Для чего идешь ты на погибель,
Оставляешь мать твою крушиться,
Цѣлый вѣкъ горючія лить слёзы?»
Марко лѣзетъ въ свой карманъ широкій,
Достаетъ онъ тридесять дукатовъ:
«На, возьми ты тридесять дукатовъ
И ступай къ себѣ, во дворъ свой бѣлый,
Тамъ сиди и жди своей судьбины.
Мнѣ же дворъ ты покажи арапинъ:
Я пойду снесу къ нему подарки,
Я скажу, какъ бы тебя просваталъ.
Не-за-что губить меня арапу:
У меня добра въ дому довольно,
Я бы могъ купить Косово поле,
Что жь за-невидаль мнѣ дань арапу!»
Говоритъ косовская дѣвица:
«У арапа нѣтъ дворовъ — наметы;
Глянь ты вдоль Косова чиста поля:
Гдѣ шолковый флагъ раскинутъ-вьётся,
Тамъ шатеръ проклятаго арапа;
Около шатра набиты колья,
А на кольяхъ головы юнаковъ:
Скоро будетъ этому недѣля,
Какъ извелъ у насъ арапъ проклятый
Семьдесятъ и семь юнаковъ сербскихъ,
Все-то горькихъ жениховъ косовскихъ.
У арапа сорокъ слугъ отборныхъ,
Что вокругъ шатра содержатъ стражу.»
Какъ услышалъ Марко эти рѣчи,
Тронулъ Шарца внизъ Косова поля;
Бойко Шарацъ Марковъ выступаетъ,
Изъ-подъ ногъ летятъ на землю искры,
Изъ ноздрей огонь и пламя пышетъ;
Марко самъ сердитъ сидитъ на Шарцѣ,
По лицу онъ ронитъ горьки слёзы,
Слёзы ронитъ, таки рѣчи молвитъ:
«Горькое Косовское ты поле!
Вотъ чего, Косово, ты дождалось:

После князя нашего тутъ судятъ,
Судятъ-рядятъ чорные арапы.
И снесу я срамоту такую,
Срамоту такую и напасти,
Чтобъ арапы дань такую брали —
Чистыхъ дѣвъ и молодицъ у сербовъ!
Отомщу за васъ я ныньче, братья,
Отомщу, иль сгину смертью лютой!»
На шатры онъ правитъ Шарца прямо;
Скоро Марка усмотрѣла стража,
Усмотрѣвши, говоритъ арапу:
«Господинъ ты нашъ, арапъ заморскій!
Дивный мо̀лодецъ вдоль поля ѣдетъ,
На конѣ лихомъ онъ сѣрой масти,
Конь подъ нимъ сердито выступаетъ:
Изъ-подъ ногъ летятъ на землю искры,
Изъ ноздрей огонь и пламя пышетъ;
Словно хочетъ онъ на насъ ударить!»
Говоритъ арапъ своей прислугѣ:
«Дѣти вы мои, прислуга-стража,
Не посмѣетъ онъ на насъ ударить,
А должно̀-быть отыскалъ невѣсту
И везетъ онъ за нее мнѣ выкупъ.
Видно жаль ему, юнаку, злата:
Отъ того онъ такъ и разсердился.
Выдьте вы за частоколъ и встрѣньте
Мо̀лодца того какъ-подобаетъ,
Низкій вы поклонъ ему отвѣсьте,
И коня вы у него примите,
И коня, и все вооруженье;
Въ мой шатеръ потомъ его ведите;
Не хочу отъ мо̀лодца я злата,
Головой онъ мнѣ своей заплатитъ:
По̀ сердцу мнѣ конь его ретивый!»
Побѣжала вѣрная прислуга
И коня подъ Маркомъ ухватила,
Но какъ-только глянула на Марка,
Непосмѣла съ Маркомъ оставаться,
А назадъ въ шатеръ бѣжитъ къ арапу,
Прячется за чорнаго арапа,
Япанчами сабли закрывая,
Чтобы ихъ какъ Марко не увидѣлъ.
Такъ одинъ къ шатру онъ подъѣзжаетъ;
И съ коня слѣзая передъ входомъ,
Говоритъ Кралевичъ-Марко Шарцу:
«Ты гуляй здѣсь, конь мой, Шарацъ вѣрный!
Я же самъ пойду въ шатеръ къ арапу;
Коль бѣда какая приключится:
Стань ты, Шарацъ, предъ шатромъ у входа!»
Такъ сказалъ — въ шатеръ къ арапу входитъ,
Видитъ Марко чорнаго арапа:
Пьётъ арапъ вино златою чарой,
Подаютъ вино ему дѣвицы.
Поклонился Марко и промолвилъ:
«Господинъ мой, Богъ тебѣ на помощь!»
А арапъ ему еще краснѣе:
«Будь здоровъ, воитель незнакомый!
Сядь сюда, вина со мной откушай
И повѣдай мнѣ, отколѣ будешь,
Для чего пожаловалъ-пріѣхалъ?»
Марко такъ арапу отвѣчаетъ:
«Некогда мнѣ пить вино съ тобою,
За другимъ пришолъ къ тебѣ я дѣломъ,
За такимъ, что лучше быть не можетъ:
Я сосваталъ красную дѣвицу,
Сватовъ тамъ оставилъ на дорогѣ,
Самъ пришолъ, принёсъ тебѣ я выкупъ,
Заплатить что̀ надо, взять дѣвицу,
Чтобъ ни кто со мной потомъ не спорилъ.
Объяви, какой желаешь выкупъ!»
Говоритъ арапъ на это Марку:
«Ты давно небось объ этомъ знаешь:
Кто выхо̀дитъ на Косовѣ замужъ,
Платитъ тридцать золотыхъ дукатовъ,
А кто женится, тотъ платитъ больше,
Платитъ больше — тридцать и четыре.
Ты же мо̀лодецъ лихой и красный,
Мнѣ съ тебя и сотню взять не стыдно!»
Марко лѣзетъ въ свой карманъ широкій,
Подаетъ арапу три дуката:
«Вѣрь мнѣ, больше нѣту за душою!
Погоди съ меня брать цѣлый выкупъ:
Я приду къ тебѣ съ красой-дѣвицей;
Обдарить меня тамъ обѣщали —
Вѣрь мнѣ: всѣми этими дарами,
Господинъ, тебѣ я поклонюся!»
Какъ затопаетъ арапъ, какъ вскрикнетъ:
«Ахъ, змѣя ты лютая, ехидна!
Торговаться ты со мной затѣялъ,
Надо-мной затѣялъ насмѣхаться!»
Достаетъ онъ буздыганъ тяжолый
И ударилъ буздыганомъ Марка,
Три раза̀ ударилъ и четыре.
Усмѣхнулся Королевичъ-Марко:
«Ахъ ты, мо̀лодецъ, арапъ ты чорный!
Шутишь ты, иль бьёшь меня не въ шутку?»
— «Не шучу, арапъ ему на это:
Не шучу, а бью тебя не въ шутку!»
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«А я думалъ, что со мной ты шутишь;
А когда не шутишь ты со мною —
Буздыганишко припасъ я также:

Погоди и я тебя ударю,
А потомъ мы выйдемъ въ поле биться,
Съизнова начнемъ свой поединокъ!»
Вынимаетъ буздыганъ свой Марко,
Какъ ударилъ чорнаго арапа,
Такъ легко арапа онъ ударилъ —
Снесъ съ плечей онъ голову арапу.
И промолвилъ такъ Кралевичъ-Марко:
«Господи! хвала тебѣ во вѣки!
Какъ слетаетъ голова съ юнака:
Словно вовсе не была на плечахъ!»
Обнажилъ потомъ онъ саблю востру,
Какъ пошолъ косить онъ слугъ арапа:
Всѣхъ посѣкъ, лишь четырехъ оставилъ,
Чтобъ могли они повѣдать людямъ,
Что̀ межь Маркомъ стало и арапомъ.
Снялъ онъ съ кольевъ головы юнаковъ,
Схоронилъ ихъ, чтобъ орлы и враны
Тѣхъ головъ юнацкихъ не клевали,
А на мѣсто ихъ воткнулъ на колья
Головы нечистыя араповъ.
Собралъ все имущество арапа,
Четырехъ же слугъ его отправилъ,
Что̀ въ живыхъ на ту пору остались,
Ихъ отправилъ по Косову полю,
Чтобы вѣсть такую разносили:
«Коли есть въ какой семьѣ дѣвица,
Пусть себѣ свободно мужа ищетъ
И, пока млада, выходитъ замужъ.
Гдѣ юнакъ есть — пусть невѣсту ищетъ:
Нѣтъ ужь больше откупа на свадьбы,
Откупъ платитъ Королевичъ-Марко!»
Разошлася эта вѣсть по всюду;
Старъ и малъ за Марка Бога молитъ:
«Долголѣтья, Господи, дай Марку!
Онъ избавилъ землю отъ напасти,
Отъ кромѣшниковъ лихихъ и лютыхъ:
Будь спокой душѣ его и тѣлу!»

Н. Бергъ.

—

V.

САВЛЯ ЦАРЯ ВУКАШИНА.

Рано утромъ, на зарѣ румяной,
Полоскала дѣвица-туркиня
На рѣкѣ, на Марицѣ, полотна,
Ихъ валькомъ проворнымъ колотила,
На травѣ зеленой разстилала.
И рѣка пустынная шумѣла;
И до солнца воды были свѣтлы;
Но какъ стало солнце подыматься,
Свѣтлы воды словно помутились:
Все желтѣе проносилась пѣна,
Все темнѣе глубина казалась;
А къ полудню — вся рѣка ужь явно
Алою окрасилася кровью.
И пошли мелькать то фесъ, то долманъ;
А потомъ помчало, другъ за другомъ,
То коня съ сѣдломъ, то человѣка;
И вертитъ на быстринѣ ихъ трупы,
И что дальше, то плыветъ ихъ больше,
И конца тѣламъ вверху не видно.
Опустивъ валёкъ, стоитъ туркиня:
Страшно стало ей отъ тѣлъ плывущихъ;
Только слышитъ — кличутъ къ ней оттуда...
Кличетъ витязь, бьётся съ быстриною:
Все его отъ берега относитъ.
«Умоляю именемъ Господнимъ,
Будь сестрой мнѣ милою, дѣвица!»
Кличетъ витязь и рукою машетъ:
«Брось конецъ холста ко мнѣ скорѣе,
За другой тащи меня на берегъ!»
И туркиня бѣлый холстъ кидала,
На одинъ конецъ ногой ступила,
А другой взвился и шлепнулъ въ воду;
И поймалъ его поспѣшно витязь,
И счастливо до̀ берега доплылъ;
А взобрался на̀ берегъ — и молвилъ:
«Охъ, совсѣмъ я изнемогъ, сестрица!
Исхожу кругомъ я алой кровью...
Помоги мнѣ: ранъ на мнѣ числа нѣтъ!»
И упалъ безчувственный на землю.
Побѣжала во свой дворъ туркиня,
Въ попыхахъ зоветъ родного брата:
«Мустафа, иди, голубчикъ братецъ,
Помоги — снесемъ съ тобою вмѣстѣ —
Тамъ лежитъ — водой его прибило —
Весь въ крови и въ тяжкихъ ранахъ витязь.
Онъ Господнимъ именемъ молился,
Чтобъ ему мы раны залѣчили.
Помоги, снесемъ его въ постелю.»
Мустафа-ага пришолъ и смотритъ:
Тотчасъ видитъ — не простой то витязь.
Онъ въ богатомъ воинскомъ доспѣхѣ;
У него — съ златымъ эфесомъ сабля,
На эфесѣ — три большихъ алмаза.
Мустафа-ага не думалъ долго,
Отстегнулъ у витязя онъ саблю,
Изъ ножонъ ее червленныхъ вынулъ,

Да какъ хватитъ витязя по горлу —
Голова ажъ въ воду покатилась.
Дѣвица руками лишь всплеснула.
«Звѣрь ты, звѣрь — воскликнула — косматый!
Вѣдь молилъ онъ насъ во имя Божье,
И меня сестрою милой назвалъ!
Ты жь какъ разъ позàрился на саблю —
Черезъ эту жь саблю, знать, и сгинешь!»
Мустафа травою вытеръ саблю
И столкнулъ ногою тѣло въ воду,
И пошолъ домой, ворча сквозь зубы:
«Вотъ тебя-то, не спросилъ я, жалко!
И немного времени минуло,
Какъ султанъ созвалъ къ походу войско.
Собрались его аги и беи,
У рѣки, у Ситницы, стояли.
Мустафу всѣ кругомъ обступаютъ,
Всѣ его дивятся чудной саблѣ;
Только кто ни пробуетъ — не можетъ
Изъ ножонъ ее червленныхъ вынуть.
Подошолъ попробовать и Марко,
Знаменитый Марко-Королевичъ:
Ухватилъ — да сразу такъ и вынулъ.
А какъ вынулъ, смотритъ — а на саблѣ
Врѣзаны три надписи по сербски:
Ковача Новака первый вензель,
А другое имя — Вукашина,
Третье жь имя — Марко-Королевичъ.
Приступилъ къ турчину храбрый Марко:
«Гдѣ, турчинъ, ты добылъ эту саблю?
За женой ли взялъ ее съ приданымъ?
Отъ отца ль въ благословенье принялъ?
Аль на чисто вымѣнялъ на злато?
Аль въ бою кровавомъ добылъ честно?»
И пошолъ турчина похваляться,
Разсказалъ — какъ сдѣлалося дѣло,
Какъ сестра полотна полоскала,
Какъ рѣкой тѣла гяуровъ плыли,
Какъ одинъ живой былъ между ними,
Какъ она поймать его успѣла,
И пришолъ онъ, и увидѣлъ саблю...
«Не дуракъ же я на свѣтъ родился —
Говоритъ — почуялъ, что за сабля,
Изъ ножонъ ее червленныхъ вынулъ,
Да хватилъ какъ витязя по горлу —
Голова ажъ въ рѣку покатилась.»
Марко даже рѣчи не далъ кончить,
Какъ въ глазахъ у всѣхъ сверкнула сабля —
И у турка голова слетѣла —
Три прыжка — и шлепнулася въ воду.
Побѣжали доложить султану,
Что бѣды творитъ Кралевичъ-Марко;
И султанъ по Марка посылаетъ.
Тотъ одинъ сидитъ въ своей палаткѣ,
Молча пьётъ вино, за чарой чару,
На султанскихъ посланныхъ не смотритъ.
И въ другой разъ шлётъ султанъ, и въ третій;
Наконецъ взяла докука Марка.
Онъ вскочилъ и, выворотивъ шубу
Мѣхомъ кверху, на плечи накинулъ,
Булаву съ собою взялъ и саблю,
И пошолъ въ султанскую палатку.
На коврѣ султанъ сидитъ въ палаткѣ;
И приходитъ Марко, да и прямо,
Въ сапогахъ, какъ былъ, передъ султаномъ
На коврѣ узорчатомъ садится.
Самъ глядитъ темнѣе чорной тучи,
Очи въ очи устремивъ султану.
Увидалъ султанъ, каковъ есть Марко,
Потихоньку сталъ отодвигаться,
А за нимъ и Марко, и все смотритъ,
Смотритъ, такъ что дрожь беретъ султана.
Онъ еще подвинется, а Марко —
Все за нимъ, да такъ и припёръ къ стѣнкѣ
И сидитъ султанъ, мигнуть боится.
«Ну какъ вскочитъ — думаетъ — да хватитъ
Булавой» — и пробуетъ, чтò тутъ ли
Ятаганъ его на всякій случай.
Ужь на силу собрался онъ молвить:
«Видно, Марко, кто тебя обидѣлъ?
Обижать тебя я не позволю:
Учиню, коль хочешь, судъ не медля.»
Все отъ Марка нѣтъ, какъ нѣтъ отвѣта.
Наконецъ, обѣими руками
За концы онъ взялъ и поднялъ саблю,
И поднесъ ее къ глазамъ султану.
«Объ одномъ молись ты вѣчно Богу —
Онъ сказалъ, дрожа и задыхаясь —
Что нашолъ не на тебѣ, владыко
Всѣхъ подлунныхъ царствъ, я эту саблю:
Погляди, какая это надпись?
Прочитай — тутъ имя Вукашина!
Вукашинъ — царь сербскій, мой родитель.»
И, сказавъ, заплакалъ храбрый Марко.

А. Майковъ.

—

VI.

МАРКО ПЬЕТЪ ВЪ РАМАЗАНЪ ВИНО.

Царь-султанъ наказъ султанскій выдалъ,
Чтобъ вина пить въ рамазанъ не смѣли,
Чтобъ долманъ зеленыхъ не носили,
Кованыхъ не прицѣпляли сабель,
Хороводовъ чтобы не водили.
Марко знать про тотъ наказъ не хочетъ:
Марко носитъ доломанъ зеленый,
Съ дѣвками играетъ въ хороводахъ,
Прицѣпляетъ кованую саблю,
Въ рамазанъ вино пьетъ на базарѣ,
Да еще хаджей къ себѣ накличетъ,
Чтобы вмѣстѣ заодно съ нимъ пили.
Бьютъ челомъ царю-султану турки:
«Царь-султанъ, отецъ ты нашъ и матерь!
Твой наказъ султанскій мы читали,
Чтобъ не пить вина въ часъ рамазану,
Чтобъ зеленыхъ не носить долмановъ,
Кованыхъ не прицѣплять чтобъ сабель,
Не водить подъ-вечеръ хороводовъ.
Марко знать про тотъ наказъ не хочетъ:
Марко носитъ доломанъ зеленый,
Съ дѣвками играетъ въ хороводахъ,
Прицѣпляетъ кованую саблю,
Въ рамазанъ вино пьётъ на базарѣ,
И хоть пилъ бы самъ ужь въ тихомолку —
Нѣтъ! хаждей накличетъ перехожихъ
И съ хаджами заодно гуляетъ.»
Какъ услышалъ царь-султанъ тѣ рѣчи,
Призываетъ двухъ къ себѣ чаушей:
«Вы ступайте, вѣрные чауши,
Отыщите Кра̀левича-Марка,
Позовите на диванъ къ султану!»
Побѣжали вѣрные чауши,
Отыскали Кра̀левича-Марка:
У шатра сидѣлъ Кралевичъ-Марко,
Передъ нимъ стоитъ златая чара,
Что̀ двѣнадцать окъ вина вмѣщаетъ.
Говорятъ Кралевичу чауши:
«Слышишь ли ты, Королевичъ-Марко,
Царь-султанъ тебя желаетъ видѣть,
На диванъ тебя зоветъ султанскій.»
Разсердился Королевичъ-Марко,
Какъ пустилъ онъ золотую чару,
Какъ пустилъ ее въ чаушей царскихъ:
Разлетѣлася на части чара,
Да и головы на части то же,
Пролились вино и кровь на землю.
Марко всталъ, идетъ къ царю-султану,
Сѣлъ направо у колѣнъ султанскихъ,
На̀ брови самуръ-колпакъ надвинулъ,
Буздыганъ передъ собою держитъ,
На плечѣ отточенная сабля.
Говоритъ ему султанъ: «послушай,
Названный мой сынъ, Кралевичъ-Марко!
Издалъ я въ народъ наказъ султанскій,
Чтобъ вина пить въ рамазанъ не смѣли,
Чтобъ долманъ зеленыхъ не носили,
Кованыхъ не прицѣпляли сабель,
Хороводовъ чтобы не водили.
Слухъ идетъ, разсказываютъ люди,
Слухъ недобрый, Марко, нехорошій,
Будто Марко водитъ хороводы,
Будто носитъ доломанъ зеленый,
Кованую саблю прицѣпляетъ,
Въ рамазанъ вино пьётъ на базарѣ,
Да еще хаджей подчасъ накличетъ,
Чтобы вмѣстѣ съ нимъ они гуляли.
Что̀ колпакъ ты на̀ брови надвинулъ?
Буздыганъ передъ собою держишь,
На плечѣ отточенную саблю?»
Говоритъ царю Кралевичъ-Марко:
«Царь-султанъ, отецъ ты мой назва̀нный!
Пилъ вино въ часы я рамазана,
Оттого-что вѣра это терпитъ;
Угощалъ хаджей я перехожихъ,
Оттого-что не могу я видѣть,
Чтобъ я пилъ, другіе лишь смотрѣли;
Пусть не ходятъ лучше по харчевнямъ!
Если я ношу зеленый до̀лманъ,
Такъ затѣмъ, что онъ присталъ мнѣ больше;
Прицѣпляю кованую саблю,
Оттого-что я купилъ такую;
Съ дѣвками играю въ хороводахъ,
Оттого-что не женатъ, а холостъ:
Вѣдь и ты, султанъ, какъ я же, холостъ.
Что колпакъ я на̀ брови надвинулъ:
Свѣтишь ярко — отъ тебя мнѣ жарко!
Буздыганъ держу передъ собою
И еще отточенную саблю,
Оттого-что не хотѣлъ бы ссоры:
Если же она, не дай Богъ, выйдетъ —
Плохо тѣмъ, кто будетъ ближе къ Марку!»
Глянулъ царь направо и налѣво:
Не было ль кого тамъ ближе къ Марку?
Никого, а царь-султанъ всѣхъ ближе.
Царь назадъ, а Марко наѣзжаетъ,
Такъ султана къ самой стѣнкѣ приперъ.
Царь въ карманы: вынулъ кучу злата,

Вынулъ сотню золотыхъ червонцевъ,
Отдаетъ Кралевичу ихъ Марку:
«На, поди вина напейся, Марко!»

Н. Бергъ.

—

VII.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ ПАШЕТЪ.

Пьётъ вино нашъ Марко-Королевичъ
Съ Евросимой, матерью старухой,
А какъ оба выкушали вдоволь,
Сыну Марку мать возговорила:
«Милый сынъ мой, Марко-Королевичъ,
Откажись, родной, отъ богатырства:
Не къ добру ведутъ твои затѣи;
Надоѣло старой мнѣ что вечеръ,
Мыть-стирать кровавыя одежды.
Ты возьми-ко лучше плугъ съ волами,
Да вспаши-ко горы и долины,
Позасѣй ихъ бѣлою пшеницей —
Было бъ чѣмъ съ тобой намъ прокормиться.»
Какъ велѣла, такъ и сдѣлалъ Марко:
Впрегъ воловъ онъ въ старый плугъ отцовскій,
Сталъ пахать — не горы и долины,
Сталъ пахать онъ царскую дорогу.
Глядь — дорогой ѣдутъ янычары,
Ѣдутъ съ грузомъ сѣребра и злата;
И сказали Марку янычары:
— «Эй, ты, Марко, не паши дорогу!»
— «Эй, вы, турки, не топчите пашню!»
— «Эй, ты, Марко, не паши дорогу!»
— «Эй, вы, турки, не топчите пашню!»
А какъ спорить Марку надоѣло,
Ухватился онъ за плугъ отцовскій
И всѣхъ турокъ положилъ на мѣстѣ.
Взялъ съ собой онъ сѣребро и злато
И отдалъ ихъ матери старухѣ:
«Вотъ что я на пашнѣ заработалъ!»

О. Миллеръ.

—

VIII.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ И МИНА ИЗЪ КОСТУРА.

Сѣлъ за ужинъ Королевичъ-Марко,
Со своею матерью родимой,
Хлѣба рушать и вина откушать.
Вдругъ приходятъ три письма къ Краль-Марку:
Что одно-то изъ Стамбула-града,
Отъ царя-султана Баязета;
А другое изъ Будима-града,
Отъ будимскаго приходитъ краля;
А и третье изъ Сибинья-града,
Отъ того ли Сибинянинъ-Янка.
Что письмо изъ города Стамбула:
На войну султанъ зоветъ въ немъ Марка,
Противъ лютыхъ воевать араповъ.
Чтò письмо изъ города Будима:
Краль зоветъ въ немъ Королевичъ-Марка
На свою на свадьбу сватомъ милымъ.
Чтò письмо изъ города Сибинья:
Въ немъ зоветъ Краль-Марка на крестины
Воевода Сибинянинъ-Янко.
Молвитъ Марко матери родимой:
«Ты скажи мнѣ, мать моя родная,
Ты скажи, кого теперь мнѣ слушать:
То ли слушать мнѣ царя-султана
И идти съ нимъ воевать араповъ;
То ли слушать краля изъ Будима
И идти къ нему на свадьбу сватомъ;
То ли слушать Сибинянинъ-Янка
И идти мнѣ къ Янку на крестины?»
Мать на это Марку отвѣчаетъ:
«Милый сынъ мой, Королевичъ-Марко!
Въ сваты йдутъ, Марко, веселиться,
Въ кумовья, сынъ, йдутъ по закону,
На войну же йдутъ по неволѣ.
Ты иди, сынъ, на войну съ султаномъ,
Воевать иди араповъ лютыхъ:
Богъ проститъ, лишь только помолися,
Богъ проститъ, а турокъ не умолишь.»
Марко матери своей послушалъ:
Собрался онъ въ путь къ царю-султану,
Взялъ съ собой слугу онъ Голубана;
Отъѣзжая матери онъ молвитъ:
«Ты послушай, мать моя родная,
Запирайте съ вечера ворота,
И поутру позже отпирайте:
Не въ ладахъ я съ Миной изъ Костура,
Такъ боюсь: придетъ онъ, окаянный,
И дворы мои разграбитъ бѣлы!»
Такъ сказавши, отъѣзжаетъ Марко
Со своимъ слугою Голубаномъ.
Какъ на роздыхѣ на третьемъ были,
Вечерять Кралевичъ-Марко началъ,
Голубанъ вино ему подноситъ:
Только взялъ Кралевичъ-Марко чашу,

Вдругъ напала на него дремота,
Опустилъ онъ чашу на трапезу,
Чаша пала, не проливъ ни капли;
Голубанъ его тихонько будитъ:
«Государь ты мой, Кралевичъ-Марко!
Не въ-первóй ты на войну собрался,
Но ни разу не было съ тобою,
Чтобъ за тра́пезой тебѣ вздремнулось,
Чтобъ дремавши выронилъ ты чашу!»
Ото сна Кралевичъ тутъ очнулся,
Говоритъ слугѣ онъ Голубану:
«Голубанъ возлюбленный и вѣрный,
Мало спалъ я, чуденъ сонъ я видѣлъ!
Ахъ, не въ часъ мнѣ этотъ сонъ приснился:
Снилось мнѣ, что поднялася туча,
Подняла́ся отъ Костура-града,
Надъ моимъ Прилѣпомъ разразилась,
Былъ въ той тучѣ Мина изъ Костура:
Онъ дворы мои разрушилъ бѣлы,
Онъ конёмъ на мать мою наѣхалъ,
Взялъ въ полонъ мою подругу-любу,
Изъ конюшенъ всѣхъ коней повывелъ
И добро изъ ризницы похитилъ.»
Голубанъ на это отвѣчаетъ:
«Не пугайся, Королевичъ-Марко!
Не вздремнуть чтобъ мóлодцу такому!
А что сонъ тебѣ теперь приснился:
Лживъ бываетъ сонъ, Кралевичъ-Марко,
Богъ одинъ лишь истина святая!»
Какъ пріѣхали къ царю-султану:
Сталъ сбирать великую онъ силу,
Двинулась та сила черезъ море,
На арапскую напала землю,
Побрала́ невѣсть-чтó градовъ-весей,
Сорокъ градовъ и еще четыре.
А когда дошла до Каръ-Окана
Била трѝ года Оканъ проклятый,
Но Оканъ султану не дается.
День и ночь сѣчетъ арановъ Марко.
И султану ихъ башки приноситъ,
А султанъ даритъ за это Марка.
Взяло турокъ горе и досада,
Говорятъ они царю-султану:
«Государь нашъ, Баязетъ могучій!
Не великъ юна́къ Кралевичъ-Марко:
Отсѣкаетъ онъ башки у мертвыхъ
И къ тебѣ ихъ на бакшишъ приноситъ.»
Услыхалъ про то Кралевичъ-Марко,
Говоритъ султану Баязету:
«Царь-султанъ, отецъ ты мой назва́нный!
Завтра день великаго святого,
Юрьевъ день, святой для насъ и красный,
И мои опричь-того крестины:
Отпусти меня, отецъ назва́нный,
Юрію святому помолиться
По обычаю и по закону;
Отпусти со мною побратима,
Побратима, царь, Агу-Алила,
Чтобъ мнѣ было съ кѣмъ вина напиться!»
Какъ услышалъ царь-султанъ тѣ рѣчи,
Одолѣть не могъ для Марка сердца:
Отпустилъ Кралевича онъ Марка
Помолиться Юрію святому
И крестины справить по закону;
Отпустилъ съ нимъ и Агу-Алила.
Марко ѣдетъ на́ горы зелены,
Далекó отъ царской силы-рати,
Тамъ раскинулъ свой шатеръ широкій,
Сѣлъ подъ нимъ онъ съ милымъ побратимомъ,
Съ побратимомъ со своимъ Алиломъ,
Наливаетъ чашу онъ за чашей.
Поутру̀, лишь-только встало солнце —
Чтó была передóвая стража
У могучей у арапской рати —
Усмотрѣла стража, догадалась,
Что ужь нѣтъ въ султанскомъ войскѣ Марка,
Кличетъ стража ко своимъ ара́памъ:
«Навалитесь вы теперь, арапы,
На турецкую ударьте силу:
Нѣту въ ней ужь страшнаго юна́ка,
На конѣ великомъ сѣрой масти!»
Ринулося лютое арапство,
Ринулось арапство и посѣкло
Тридцать тысячь войска у султана.
Шлётъ письмо султанъ Кралевичъ-Марку:
«Милый сынъ ты мой, Кралевичъ-Марко!
Воротися поскорѣе къ войску:
Потерялъ я войска тридцать тысячь!»
Марко такъ султану отвѣчаетъ:
«Царь-султанъ, отецъ ты мой назва́нный!
Гдѣ мнѣ, царь, къ тебѣ вернуться скоро:
Я еще какъ-надо не напился,
А куда ужь было мнѣ молиться,
Чествовать угодника святого!»
Какъ другое проглянуло утро,
Кличетъ снова стража у арапа:
«Навалитесь вы теперь, арапы,
На турецкую ударьте силу:
Нѣту въ ней ужь страшнаго юна́ка,
На конѣ великомъ сѣрой масти!»
Ринулося лютое арапство,
Ринулось на турокъ и посѣкло

Шестьдесятъ ихъ тысячь у султана.
Царь опять Кралевичъ-Марку пишетъ:
«Милый сынъ мой, Королевичъ-Марко!
Воротися поскорѣе къ войску:
Шестьдесятъ мы потеряли тысячь!»
Марко такъ султану отвѣчаетъ:
«Царь-султанъ, отецъ ты мой назвȁнный!
Подожди ты малую-толику:
Я путемъ еще не нагулялся
Съ кумовьями, съ милыми друзьями!»
Вотъ и третье утро засіяло:
Снова кличетъ стража у арапа:
«Навалитесь, лютые арапы!
Нѣтъ того ужь страшнаго юнȁка,
На конѣ великомъ сѣрой масти!»
Ринулося лютое арапство,
Сто посѣкло тысячь у султана.
Пишетъ онъ письмо Кралевичъ-Марку:
«Пȍ Богу мой сынъ, Кралевичъ-Марко!
Воротись ты поскорѣе къ войску:
Мой шатеръ арапы повалили!»
На коня тутъ сѣлъ Кралевичъ-Марко;
Ѣдетъ онъ къ турецкой сильной рати.
Какъ на небѣ утро проглянуло,
Два могучіе сразились войска;
Увидала стража у арапа,
Что явился вновь Кралевичъ-Марко,
Кличетъ громко своему арапству:
«Стойте, братья, лютые арапы!
Вонъ онъ снова тотъ юнȁкъ могучій,
На конѣ великомъ сѣрой масти!»
Тутъ ударилъ Марко на араповъ,
На три части разметалъ ихъ войско,
Часть посѣкъ своею саблей вострой,
А другую потопталъ онъ Шарцемъ,
Третью часть пригналъ къ царю-султану;
Но и самъ онъ въ боѣ притомился,
Притомился и былъ весь израненъ:
Семьдесятъ добылъ онъ ранъ арапскихъ!
На плечо къ султану припадаетъ;
Говоритъ султанъ Кралевичъ-Марку:
«Милый Марко, сынъ ты мой назвȁнный!
Тяжелы ли у тебя, сынъ, раны?
Можешь ли ты, сынъ мой, исцѣлиться?
Посылать ли мнѣ за лекарями?»
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«Царь-султанъ, отецъ ты мой назвȁнный!
Я могу, отецъ мой, исцѣлиться!»
Царь въ карманы — вынимаетъ злато,
Вынимаетъ тысячу червонцевъ
И даетъ ихъ Королевичъ-Марку,
Чтобъ онъ шолъ себѣ за лекарями;
Вѣрныхъ слугъ даетъ еще онъ Марку,
Чтобъ ему служили и смотрѣли,
Какъ бы онъ не умеръ у султана.
Только Марко лекарей не ищетъ,
А идетъ въ харчевню изъ харчевни,
Чтобы высмотрѣть, вина гдѣ больше;
Сѣлъ, за чашей чашу наливаетъ,
И когда вина напился вдоволь,
Исцѣлились у него всѣ раны.
Тутъ пришло къ нему письмо изъ дому,
Что разграбленъ дворъ его широкій,
Что потоптана конями матерь,
Что похищена подруга-люба.
Взяло горе Королевичъ-Марка,
Палъ онъ на колѣно предъ султаномъ:
«Царь-султанъ, отецъ ты мой назвȁнный!
Дворъ широкій у меня разграбленъ,
Мать моя потоптана конями,
Вѣрная въ плѣну подруга-люба
И богатства въ ризницѣ не стало:
Причинилъ такія мнѣ напасти
Окаянный Мина изъ Костура!»
Утѣшаетъ царь Кралевичъ-Марка:
«Милый сынъ ты мой, Кралевичъ-Марко!
Коли дворъ разграбленъ твой широкій,
Я дворы тебѣ поставлю лучше,
Со своими рядомъ ихъ поставлю;
Коли въ ризницѣ добра не стало:
Будешь, Марко, сборщикомъ ясачнымъ,
Наберешь себѣ добра ты снова;
Коли вѣрная въ плѣну подруга,
Я сыщу тебѣ невѣсту лучше!»
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«Государь ты мой, отецъ назвȁнный!
Государь мой, честь тебѣ и слава!
Какъ дворы начнешь ты Марку ставить,
Станетъ плакаться, тужить сиротство:
«Вотъ онъ пёсъ какой, Кралевичъ-Марко!
Коли тѣ дворы его сгорѣли,
Пусть ему на этихъ будетъ пусто!»
Сборщикомъ твоимъ ясачнымъ стану,
Не собрать мнѣ ясака нисколько,
Коли все нужда кругомъ да бѣдность;
И опять восплачется сиротство:
«Вотъ онъ пёсъ какой, Кралевичъ-Марко!
Тамъ его расхищено богатство,
Такъ и здѣсь ему пусть будетъ пусто!»
А что хочешь мнѣ сыскать невѣсту:
Государь мой, стать-ли мнѣ жениться,
Коли прежняя жива подруга?

А ты дай мнѣ триста янычаровъ,
Дай ты въ руки имъ кривыя косы,
А еще-то легкія мотыки:
Я на градъ Костуръ ударю бѣлый,
Можетъ тамъ сыщу свою подругу!»
Далъ ему султанъ, чего просилъ онъ:
Далъ ему онъ триста янычаровъ,
Наковалъ онъ косъ кривыхъ имъ триста,
Далъ имъ въ руки легкія мотыки.
Говоритъ Краль-Марко янычарамъ:
«Братія мои вы янычары!
Подъ Костуръ ступайте вы подъ бѣлый,
Крѣпко вамъ обрадуются греки,
Скажутъ: «вотъ намъ Богъ даетъ и руки,
Добрыхъ намъ работниковъ даетъ онъ,
Въ добрый часъ, для сбора винограду!»
Только вы работать не ходите,
А залягьте подъ Костуромъ градомъ,
Пейте, братья, чистую ракію,
Пейте тамъ, пока я васъ не кликну!»
Двинулися триста янычаровъ,
Двинулися къ бѣлому Костуру,
Самъ же Марко на Святую гору,
Причастился тамъ даровъ Господнихъ,
Исповѣдался въ грѣхахъ монаху
И покаялся въ пролитой крови;
Какъ покаялся, надѣлъ одежду,
Онъ надѣлъ одежду калугерску,*)
Отпустилъ онъ бороду по поясъ,
Надѣваетъ на̀ голову шапку,
Надѣваетъ шапку-камилавку,
Сѣлъ на Шарца, ѣдетъ онъ къ Костуру;
Какъ пріѣхалъ къ Минѣ изъ Костура,
Видитъ: Мина пьётъ-сидитъ ракію,
Маркова ему подруга служитъ.
Молвитъ Ма̀рку Мина изъ Костура:
«Буди съ Богомъ, калугеръ ты чорный!
Гдѣ конемъ такимъ ты раздобылся?»
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«Буди съ Богомъ, государь мой Мина!
На войнѣ я былъ съ царемъ-султаномъ,
На войнѣ противъ араповъ лютыхъ;
Былъ у насъ одинъ тамъ олухъ въ войскѣ,
Назывался Королевичъ-Марко:
Голову свою тамъ положилъ онъ,
Схоронилъ его я по закону,
Такъ и дали турки на поминки,
Дали мнѣ коня его лихого!»
Какъ услышалъ Мина эти рѣчи,
На̀ ноги отъ радости вскочилъ онъ,
Говоритъ Кралевичу онъ Марку:
«Исполать тебѣ, мой гость желанный!
Девять лѣтъ я дожидаюсь цѣлыхъ,
Дожидаюсь радостной той вѣсти!
Марковы дворы пожогъ я бѣлы
И увёлъ его подругу-любу;
Но не могъ на ней досель жениться,
Дожидался Марковой я смерти.
Обвѣнчай теперь меня ты съ нею.»
Марко взялъ святыя книги въ руки,
Обвѣнчалъ онъ Мину изъ Костура —
А и съ кѣмъ? съ подругой со своею!
Послѣ сѣли пить вино и водку,
Пить вино и сердцемъ веселиться.
Молвитъ любѣ Мина изъ Костура:
«Слышишь ли, душа моя и сердце!
Ты звалась до нынѣ Марковица,
Называйся ты, душа, отнынѣ,
Называйся: минина подруга!
Въ ризницу, душа, теперь спустися,
Принеси три купы ты червонцевъ:
Отдарить хочу я калугера.»
Та пошла и принесла червонцевъ,
Взявши ихъ не изъ богатства Мины,
Взявши ихъ изъ маркова богатства;
Принесла еще оттуда саблю,
Старую, заржавѣлую саблю,
Чорному вручаетъ калугеру:
«На̀ тебѣ все это, чорный инокъ,
На поминки по Кралевичъ-Марку!»
Принялъ саблю Королевичъ-Марко,
Оглядѣлъ ее и Минѣ молвитъ:
«Государь мой, Мина изъ Костура!
Во̀льно ли потѣшиться мнѣ нынче,
Поиграть по-калугерски саблей,
На твоей на свадьбѣ на веселой?»
Отвѣчаетъ Мина изъ Костура:
«Поиграй! Зачѣмъ не во̀льно будетъ?»
Какъ тутъ вскочитъ Королевичъ-Марко,
Какъ тутъ вскочитъ Марко да подскочитъ —
Ходенемъ хоромы заходили;
Какъ махнетъ заржавѣлой онъ саблей —
Отлетѣла голова у Мины;
А Краль-Марко кличетъ къ янычарамъ:
«Навалитесь, братья-янычары!
Нѣтъ ужь больше Мины изъ Костура!»
Навалились триста янычаровъ,
Разнесли дворы у Мины бѣлы,
Разнесли, огнемъ ихъ по-палили;
Марко взялъ свою подругу-любу,

*) Калугеръ — монахъ.

Взялъ потомъ и минино богатство
И въ Прилѣпъ свой бѣлый воротился,
Звонкимъ горломъ пѣсни распѣвая.

Н. Бергъ.

—

X.

СМЕРТЬ МАРКА-КОРОЛЕВИЧА.

Ранымъ-рано всталъ Кралевичъ-Марко,
Въ воскресенье, до восхода солнца,
И поѣхалъ онъ край синя моря;
Пріѣзжаетъ на Урвинъ-планину;
Какъ поѣхалъ по Урвинъ-планинѣ,
Началъ конь подъ Маркомъ спотыкаться,
Спотыкаться началъ онъ и плакать.
Стало Марку горько и досадно;
Говоритъ Кралевичъ-Марко Шарцу:
«Добрый конь мой, разудалый Шарацъ!
Сто шесть лѣтъ я странствую съ тобою,
А ни разу ты не спотыкнулся;
Что жь теперь ты началъ спотыкаться,
Спотыкаться началъ ты и плакать?
Не къ добру ты, видно, Шарацъ, плачешь:
Быть бѣдѣ великой, неминучей,
Либо мнѣ, либо тебѣ погибнуть!»
Кличетъ вила изъ Урвинъ-планины:
«Побратимъ ты мой, Кралевичъ-Марко!
Знаешь ли, о чемъ твой Шарацъ плачетъ?
О своемъ онъ плачетъ господинѣ:
Скоро Марку съ Шарцемъ разставаться!»
Отвѣчаетъ Марко бѣлой вилѣ:
«Горло бы твое на вѣкъ осипло!
Чтобы Марко съ Шарцемъ да разстался!
Я прошолъ всю землю и всѣ грады,
Отъ восхода солнца до заката,
Не видалъ коня я лучше Шарца
И юнака удалѣе Марка!
Не разстанусь съ Шарцемъ я во-вѣки,
Не разстанусь до своей до смерти!»
Бѣла вила Марку отвѣчаетъ:
«Побратимъ ты мой, Кралевичъ-Марко!
Не отнимутъ у Краль-Марка Шарца,
Не умрешь ты отъ булатной сабли,
Отъ копья, отъ палицы тяжолой;
Ни кого ты, Марко, не боишься;
А умрешь ты, Марко, отъ болѣзни,
Отъ десницы праведной Господней.
А когда словамъ моимъ не вѣришь,
Поѣзжай ты прямо по планинѣ,
Какъ доѣдешь до вершины самой,
Обернись направо и налѣво:
Ты увидишь тонкія двѣ ели,
Широко тѣ ели разрослися
И собой покрыли всю планину;
Студена течетъ вода межъ ними.
Тамъ коня останови ты, Марко,
Привяжи поводьями за ёлку
И нагнись ты надъ водой студеной.
Какъ себя ты въ ней увидишь, Марко,
Ты узнаешь о своей о смерти.»
Вилу бѣлую послушалъ Марко.
Онъ поѣхалъ прямо на планину;
Какъ доѣхалъ до вершины самой,
Поглядѣлъ направо и налѣво
И увидѣлъ тонкія двѣ ели,
Что по всей планинѣ разрослися
И собой закрыли всю планину.
Тутъ коня остановилъ Краль-Марко,
Привязалъ поводьями за ёлку
И нагнулся надъ водой студеной:
Бѣлое лицо свое увидѣлъ —
И почуялъ смерть Кралевичъ-Марко;
Слёзы пролилъ, самъ съ собою молвилъ:
«Обманулъ ты свѣтъ меня широкій!
Свѣтъ досадный, цвѣтъ мой ненаглядный,
Красенъ ты, да погулялъ я мало:
Триста лѣтъ всего мнѣ погулялось!
А теперь пришлось съ тобой разстаться!»
Говоритъ, а саблю вынимаетъ:
Какъ махнетъ Кралевичъ-Марко саблей,
Снесъ онъ Шарцу голову по плечи,
Чтобы туркамъ Шарацъ не достался,
Чтобъ не зналъ онъ никакой работы
И чтобъ воду не возилъ въ колоду.
Какъ посѣкъ Кралевичъ-Марко Шарца,
Закопалъ его глубоко въ землю,
Почитая Шарца пуще брата *).
Перебилъ потомъ свою онъ саблю,
Перебилъ онъ на четыре части,
Чтобъ и сабля туркамъ не досталась,
Чтобъ никто у нихъ не похвалялся,
Что себѣ отъ Марка саблю добылъ,
Чтобъ свои не проклинали Марка.
А когда разбилъ онъ саблю востру,
Перебилъ онъ и копье на части,
И закинулъ на вершину ели.

---

*) Пуще брата Андрея, котораго убилъ Кеседжія при Маркѣ, и Марко уѣхалъ, не похоронивъ брата.

Ухватилъ свой буздыганъ тяжолый,
Ухватилъ онъ правою рукою
И пустилъ его съ Урвинъ-планины,
Опустилъ его на сине море,
И сказалъ тутъ Марко буздыгану:
«Какъ ты выйдешь, буздыганъ, изъ моря,
Народится мо̀лодецъ уда̀лый,
Мо̀лодецъ такой же, какъ и Марко!»
Погубивши все свое оружье,
Марко вынулъ чистую бумагу —
Пишетъ Марко, пишетъ завѣщанье:
«Какъ придетъ кто на Урвинъ-планину,
Между елей, край воды студёной,
И увидитъ тамъ Кралевичъ-Марка:
Знай, что мертвъ лежитъ Кралевичъ-Марко,
Подлѣ Марка все его богатство,
Все богатство: три мѣшка червонцевъ;
На одинъ пускай меня схоронятъ,
А другой возьмутъ на храмы Божьи,
Третій даръ мой старцамъ перехожимъ,
Нищимъ старцамъ, слѣпинькимъ калекамъ:
Пусть поютъ и поминаютъ Марка!»
Написавши Марко завѣщанье,
Положилъ его на вѣтку ели,
Чтобъ съ пути увидѣть было можно,
А перо съ чернильницей забросилъ,
Бросилъ онъ на дно воды студёной;
Снялъ потомъ съ себя зеленый до̀лманъ,
Разостлалъ по муравѣ зеленой,
Разостлалъ, перекрестился трижды,
На̀ брови самуръ-колпакъ надвинулъ,
Легъ-себѣ — и не вставалъ ужь Марко.
Такъ лежалъ онъ край воды студёной,
День за днемъ онъ цѣлую недѣлю.
Кто пройдетъ широкою дорогой
И подъ елкою увидитъ Марка:
Думаетъ, что снитъ Кралевичъ-Марко,
И далёко въ сторону отходитъ,
Чтобы Марко вдругъ не пробудился.
Гдѣ удача, тамъ и неудача,
Гдѣ несчастье, тамъ, гляди, и счастье:
Привелось, по-счастью, той дорогой
Проѣзжать изъ церкви Вилиндары
Проигумну святогорцу Васу,
Со своимъ прислужникомъ Исаемъ.
Какъ увидѣлъ проигуменъ Марка,
Онъ махнулъ рукой слугѣ Исаю:
«Тише, сынъ, не разбуди ты Марка!
Послѣ сна сердитъ бываетъ Марко:
Намъ обоимъ го̀ловы по-сниметъ!»
Такъ сказалъ и сталъ глядѣть на Марка
И увидѣлъ на вѣтвя̀хъ, на ёлкѣ,
Марково писанье, завѣщанье.
Прочиталъ онъ Марково писанье:
Говоритъ оно, что Марко умеръ.
Тутъ съ коня слѣзаетъ проигуменъ,
Слѣзъ съ коня, рукою тронулъ Марка:
Вѣчнымъ сномъ почилъ Кралевичъ-Марко!
Горьки слёзы пролилъ проигуменъ:
Было жаль ему юна̀ка Марка;
Взялъ съ него червонцы, о̀тпоясалъ
И себя онъ ими опоясалъ;
Сталъ онъ думать, гдѣ схоронитъ Марка,
Думалъ, думалъ и одно придумалъ:
На коня къ себѣ кладетъ онъ Марка,
Съ мертвымъ Маркомъ ѣдетъ къ синю морю,
На ладью у берега садится,
Ѣдетъ съ Маркомъ на Святую гору,
Къ Вилиндарѣ церкви подъѣзжаетъ,
Вноситъ тѣло во святую церковь,
Панихиду служитъ по усопшемъ
И хоронитъ Марка середь церкви,
Безо-всякой надписи и камня,
Чтобы мѣсто, гдѣ схороненъ Марко,
Недруги его не распознали
И надъ нимъ по смерти не глумились.

Н. Бергъ.

4. ЭПИЧЕСКІЯ ПѢСНИ РАЗЛИЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

I.

КАКЪ ОТДАРИЛЪ ТУРЕЦКІЙ СУЛТАНЪ МОСКОВСКАГО ЦАРЯ.

Идутъ письма изъ Земли Московской
Черезъ грады многіе и земли,
Идутъ, идутъ — и въ Стамбулъ приходятъ:
И везутъ ихъ въ золотыхъ каретахъ
Къ самому турецкому султану;
А при письмахъ царскіе подарки —
Для султана: золотое блюдо,
А на немъ стоитъ мечеть златая,
А вокругъ мечети змѣй обвился,
Въ головѣ жь у змѣя вставленъ камень,
Самоцвѣтный камень, при которомъ
Можно ночью и ходить и видѣть,
Словно днемъ, когда сіяетъ солнце.
Ибрагиму султанскому сыну:
Дорогія острыя двѣ сабли,
Золотая рукоять на каждой,
А на нихъ по дорогому камню;
А султаншѣ — колыбель златую;
Въ головахъ — удàлый соколъ-птица.
Получивъ подарки дорогіе,
Сталъ султанъ кручиниться и думать,
Чтò бъ царю Московскому отправить,
Честь за честь, за дорогой подарокъ?
Думалъ, думалъ, ничего не вздумалъ.
Кто прійдетъ къ нему, передо всѣми
Начинаетъ хвастаться, какіе
Шлётъ ему подарки царь Московскій.
И никто сказать ему не можетъ,
Чѣмъ царя бы отдарить за милость.
Вотъ паша приходитъ Соколовичъ,
Хвалится султанъ ему дарами;
За пашой пришли ходжа и кадій,
Поклонились низко, целовали
У султана руку и колѣно;
Имъ султанъ дарами началъ хвастать,
И потомъ сталъ спрашивать обоихъ:
«Слуги вы мои, ходжа и кадій,
Вы вдвоемъ меня не вразумите ль
Чтò послать въ Московскую мнѣ Землю,
Изъ моей земли царю въ подарòкъ?»
Отвѣчали и ходжа и кадій:
«Царь-султанъ! твоя надъ нами воля,
А мы вздумать ничего не можемъ.
Ты позвалъ бы старца-патріарха:
Онъ скорѣй научитъ и укажетъ
Чтò послать и чѣмъ доволенъ будетъ
Государь, великій царь Московскій.»
Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Своего послалъ тотчасъ каваса,
Чтобы пòзвалъ старца-патріарха.
И когда пришолъ къ султану старецъ,
Показалъ султанъ ему какіе
Получилъ подарки и промолвилъ:
«О, слуга мой, старче патріарше!
Ты меня не вразумишь ли, старче,
Что послать въ Московскую мнѣ Землю,
Чтобы былъ подарками доволенъ
Государь, великій царь Московскій.»
Тихо старецъ отвѣчалъ султану:
«Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Мнѣ ль учить твою велику мудрость!
Въ простотѣ дозволь мнѣ слово молвить,
Какъ Господь мнѣ нà сердце положитъ.
Есть въ твоемъ великомъ государствѣ
Чтò царю Московскому отправить,
Что тебѣ совсѣмъ не на потребу,
А ему весьма угодно будетъ.
Посохъ есть отъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя есть Константина,

Іоанна Златоуста ризы,
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Чтò держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
Никакой тебѣ въ нихъ нѣтъ потребы,
А царю угодны будутъ, знаю.»
Полюбилась эта рѣчь султану
И велѣлъ онъ старцу-патріарху,
Чтобы справилъ для царя подарки
И вручилъ ихъ пòсланцамъ московскимъ.
Патріархъ, какъ слѣдуетъ, все справилъ,
И, вручая пòсланцамъ, сказалъ имъ:
«Поѣзжайте, милые, вы съ Богомъ;
Но большой не ѣздите дорогой,
А идите лѣсомъ и горою;
Будетъ вамъ во слѣдъ погоня злая,
Чтобъ отнять у васъ сіи святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства.
Я сложу главу свою за это,
Грѣшное мое погибнетъ тѣло,
Но душа моя чрезъ тò спасется.»
И затѣмъ простился съ посланцàми.
И султанъ доволенъ былъ, что кончилъ
Наконецъ съ такимъ мудрёнымъ дѣломъ,
И что все такъ дешево устроилъ,
Передъ всѣми началъ похваляться.
Вотъ паша приходитъ Соколовичъ,
И ему султанъ сказалъ, похвасталъ:
«Угадай, паша, слуга мой вѣрный,
Чтò къ царю Московскому послалъ я?
Далъ я посохъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя далъ Константина,
Іоанна Златоуста ризы,
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Чтò держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
Въ нихъ мнѣ вовсе не было потребы,
А царю они угодны будутъ.»
И спросилъ султана Соколовичъ:
«По чьему жь ты сдѣлалъ такъ совѣту?»
И султанъ ему отвѣтилъ прямо:
«По совѣту старца-патріарха.»
И сказалъ на это Соколовичъ:
«Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Если ты Царю послалъ святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства,
Приложилъ бы къ нимъ ужь также кстати
И ключи отъ своего Стамбула!
Все равно — отдать прійдется послѣ
И съ великимъ для тебя позоромъ!
Вѣдь на тѣхъ святыняхъ и держалось
Все твое владычество и царство.»
Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Спохватился и всплеснулъ руками,
И пашѣ приказывалъ поспѣшно:
«Гой еси, паша, слуга мой вѣрный!
Собери ты турковъ-янычаровъ,
Догони ты пòсланцевъ московскихъ,
Отбери у нихъ мои подарки,
Отбери святыни, на которыхъ
Все мое и утверждалось царство!»
Собралъ войско храбрый Соколовичъ
И поѣхалъ по большой дорогѣ;
Ищетъ, ищетъ пòсланцевъ московскихъ —
Не нашолъ нигдѣ, домой вернулся,
Говоритъ султану, что не видѣлъ,
Какъ ни бился, пòсланцевъ московскихъ.
И султанъ пришолъ въ велику ярость,
Закричалъ пашѣ онъ зычнымъ гласомъ:
«Такъ иди жь, паша, слуга мой вѣрный,
И убей ты старца-патріарха.»
Побѣжалъ паша приказъ исполнить —
И схватилъ онъ старца-патріарха,
И взмахнулъ надъ нимъ ужь острой саблей.
Патріархъ же старецъ молвилъ тихо:
«Господинъ паша, остановися —
Погоди, не обагряй, пожалуй,
Землю кровью праведной моею,
А не то три года быть засухѣ:
Ничего земля родить не станетъ.»
Услыхалъ паша, что молвилъ старецъ,
И повелъ его на сине море,
И занесъ надъ нимъ ужь остру саблю;
Говоритъ опять великій старецъ:
«Господинъ паша, остановися,
Не губи меня на синемъ море:
Встанетъ буря, море возмутится,
Корабли потопитъ и галеры,
Города зальётъ, размоетъ землю.»
Напугать пашу такъ думалъ старецъ,
Да паша не сталъ ужь старца слушать,
И отсѣкъ главу его святую.
Далъ Господь въ своемъ раю небесномъ
Прославленье праведному мужу,
Намъ же, братья, радость и веселье.

А. Майковъ.

—

II.

СИМЕОНЪ-НАЙДЕНЫШЪ.

Ранымъ-рано всталъ отецъ-игуменъ
И пошолъ онъ къ тихому Дунаю
Зачерпнуть въ рѣкѣ воды студеной,
Чтобъ умыться и творить молитву.
Вдругъ увидѣлъ онъ сундукъ свинцовый:
Къ берегу волной его прибило.
Думалъ старецъ: кладъ ему достался,
И понесъ сундукъ съ собою въ келью.
Отпираетъ онъ сундукъ свинцовый:
Никакого не было тамъ клада,
Въ сундукѣ лежалъ ребенокъ малый,
Семидневный, мужеское чадо.
Вынимаетъ мальчика игуменъ,
Окрестилъ и далъ ему онъ имя,
Нарекъ имя: Симеонъ-Найденышъ;
Груди женской не далъ онъ малюткѣ,
А кормить его сталъ самъ онъ въ кельѣ,
Сахаромъ кормить его да мёдомъ.
Ровно годъ исполнился ребенку,
А на взглядъ какъ-будто и три года;
А какъ минуло ему три года,
Былъ онъ точно отрокъ семилѣтній,
А какъ семь ему годовъ сравнялось,
Былъ онъ съ виду, какъ другой въ двѣнадцать,
А когда двѣнадцать наступило,
Всѣ считали, что ему ужь двадцать.
Скоро понялъ Симеонъ ученье,
Загонялъ всѣхъ парней монастырскихъ
И отца-игумена святого.
Разъ поутру, въ свѣтлый день воскресный,
Вздумали ребяты монастырски
Всякою потѣшиться игрою,
Стали прыгать и метать каменья —
Всѣхъ ребятъ Найденышъ перепрыгалъ,
Стали въ камни — обкидалъ и въ камни.
На него ребята обозлились
И давай смѣяться Симеону:
«Симеонъ ты, Симеонъ-Найденышъ!
Безъ отца ты на̀ свѣтъ уродился,
Нѣтъ тебѣ ни племени, ни роду,
А нашолъ тебя отецъ-игуменъ
Въ сундукѣ подъ берегомъ Дуная.»
Горько-горько стало Симеону,
Онъ пошолъ къ отцу-игумну въ келью,
Сѣлъ, читать Евангеліе началъ,
Самъ читаетъ, горестно рыдаетъ.
Такъ нашолъ его отецъ-игуменъ;
Говоритъ игуменъ Симеону:
«Что̀ съ тобою, сынъ ты мой любезный,
Что ты плачешь, горестно рыдаешь?
Иль тебѣ чего на свѣтѣ мало?»
Отвѣчаетъ Симеонъ-Найденышъ:
«Господинъ ты мой, отецъ-игуменъ!
Мнѣ смѣются здѣшніе ребяты,
Что не знаю племени я роду,
А что ты нашолъ меня въ Дунаѣ.
Ты послушай, мой отецъ-игуменъ!
Заклинаю Господомъ и Богомъ:
Дай, отецъ, ты мнѣ коня лихого,
Сѣмъ я сяду, по̀ свѣту поѣзжу,
Поищу я своего родъ-племя:
То ли я отъ низкаго отродья,
То ли кость господскаго колѣна?»
Стало жаль его отцу-игумну:
Вскормилъ онъ Сима будто сына.
Снарядилъ его отецъ-игуменъ,
Далъ ему онъ тысячу дукатовъ
И коня далъ изъ своей конюшни;
Сѣлъ, поѣхалъ Симеонъ-Найденышъ.
Девять лѣтъ по бѣлу свѣту ѣздитъ,
Своего родъ-племени онъ ищетъ,
Да найти-то какъ ему родъ-племя,
Коль спросить о томъ кого не знаетъ.
Вотъ десятое подходитъ лѣто,
Въ монастырь назадъ онъ хочетъ ѣхать
И коня поворотилъ лихого.
Проѣзжаетъ край Будима-града;
А и выросъ онъ объ эту пору,
Выросъ Сима, что̀ твоя невѣста,
И коня онъ выхолилъ на диво,
Гарцовалъ Будимскимъ чистымъ полемъ,
Звонкимъ горломъ распѣвая пѣсни.
Увидала Сима королева
Изъ окошка, изъ Будима-града,
Увидала и зоветъ служанку:
«Ты ступай, проворная служанка,
Ухвати подъ нимъ коня лихого,
Позови его ко мнѣ ты въ теремъ:
Звать, скажи, велѣла королева
На честную трапезу-бесѣду!»
Побѣжала за̀ городъ служанка
И коня подъ мо̀лодцомъ схватила,
Говоритъ: «пожалуй, витязь, въ теремъ!
Звать тебя велѣла королева
На честную трапезу-бесѣду.»
Симеонъ вернулъ коня лихого,
Подъѣзжаетъ подъ высокій теремъ,
Отдаетъ коня держать служанкѣ,

Самъ идетъ онъ въ теремъ къ королевѣ;
Какъ вошолъ онъ въ теремъ, скинулъ шапку
Королевѣ низко поклонился
И сказалъ: «Богъ помочь, королева!»
Королева Симеону рада,
За готовый столъ его сажаетъ
И виномъ его, и водкой проситъ,
Сахарныхъ сластей ему подноситъ.
Расходилась кровь у Симеона,
Наливаетъ онъ за чаркой чарку,
Лишь не пьётъ, не кушаетъ хозяйка,
Все-то глазъ не сводитъ съ Симеона.
А какъ ночь-полуночь наступила,
Симеону королева молвитъ:
«Милый гость, невѣдомый мнѣ витязь!
Ты скидай съ себя свою одёжу
И ложись опочивать со мною,
Полюби меня ты, королеву!»
Хмѣль игралъ въ ту пору въ Симеонѣ:
Снялъ онъ платье, легъ онъ съ королевой,
Въ бѣлое лицо ее цалуетъ.
Какъ на завтра утро засіяло,
Соскочилъ хмѣлина съ Симеона,
Видитъ онъ, какой бѣды надѣлалъ;
Горько-горько стало Симеону,
На проворныя вскочилъ онъ ноги
И пошолъ искать коня лихого.
Оставляетъ Симу королева,
Оставляетъ на вино и кофій,
Но не хочетъ Симеонъ остаться:
Онъ садится на коня и ѣдетъ,
Ѣдетъ онъ Будимскимъ чистымъ полемъ;
Только тутъ на умъ ему припало,
Что съ собой онъ изъ Будима-града
Своего Евангелія нè взялъ,
А забылъ его у королевы,
На окошкѣ, въ теремѣ высокомъ.
Повернулъ назадъ коня лихого,
На дворѣ коня онъ оставляетъ,
Самъ идетъ онъ въ теремъ королевинъ;
Подъ окномъ увидѣлъ королеву:
Подъ окномъ сидитъ она и плачетъ,
А сама Евангеліе держитъ.
Говоритъ ей Симеонъ-Найденышъ:
«Дай мою ты книгу, королева!»
Королева Симеону молвитъ:
«Симеонъ ты, горькій горемыка!
Въ часъ недобрый ты нашолъ родъ-племя,
Въ часъ недобрый въ градъ Будимъ пріѣхалъ,
Ночевалъ съ будимской королевой,
Цаловалъ ее въ лицо ты бѣло:
Цаловалъ ты мать свою родную!» *)
Какъ услышалъ Симеонъ про это,
По лицу онъ пролилъ горьки слёзы,
Взялъ свою у королевы книгу,
Бѣлую у ней цалуетъ руку,
На коня на своего садится
И домой къ отцу-игумну ѣдетъ.
Увидалъ его отецъ-игуменъ,
Своего коня узналъ далёко,
Вышелъ онъ на встрѣчу къ Симеону;
Симеонъ съ коня слѣзаетъ нà земь,
До земли отцу онъ поклонился;
Говоритъ игуменъ Симеону:
«Гдѣ ты, сынъ мой, столько загостился?
Гдѣ такъ долго прогулялъ, проѣздилъ?»
Отвѣчаетъ Симеонъ-Найденышъ:
«Ты не спрашивай про это, отче!
Въ часъ недобрый я нашолъ родъ-племя,
Въ часъ недобрый былъ въ Будимѣ-градѣ.
Тутъ онъ горе старцу исповѣдалъ.
Какъ узналъ о томъ отецъ-игуменъ,
Взялъ за бѣлы руки Симеона,
Отворилъ смердящую темницу,
Гдѣ вода стояла по колѣно
И въ водѣ кишмя кишѣли гады,
Въ ту темницу Симеона заперъ,
А ключи въ Дунай-рѣку забросилъ,
Самъ съ собою тихо разсуждая:
«Коли выйдутъ тѣ ключи оттуда —
И грѣхи простятся Симеону!»
Девять лѣтъ прошло и миновало
И десятый годъ ужь наступаетъ;
Рыбаки въ рѣкѣ поймали рыбу
И ключи нашли у ней во чревѣ,
Ихъ къ отцу-игумену приносятъ:
Заключенникъ палъ ему на мысли;
Взялъ ключи у рыбаковъ игуменъ,
Отворилъ смердящую темницу:
Въ ней воды какъ-будто не бывало
И невѣсть куда пропали гады.
Видитъ старецъ: тамъ сіяетъ солнце,
Золотой въ срединѣ столъ поставленъ,
За столомъ сидитъ его Найденышъ
И въ рукахъ Евангеліе держитъ.

Н. Бергъ.

—

*) Извѣстный издатель сербскихъ пѣсенъ, Караджичъ, замѣчаетъ, что вѣроятно въ Евангеліи, на поляхъ или вначалѣ, было написано, кому принадлежитъ книга и зачѣмъ онъ ѣздитъ по свѣту.

III.

СЕСТРА И БРАТЬЯ.

Два дубочка выростали рядомъ,
Между ними тонковерхая ёлка;
Не два дуба рядомъ выростали,
Жили вмѣстѣ два братца родные:
Одинъ Павелъ, а другой Радула,
А межъ ними сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;
На послѣдокъ ей ножъ подарили
Золоченый, въ серебряной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говоритъ она Радуловой любѣ:
«Невѣстушка, по Богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелія такого,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова люба:
«По Богу сестра моя, невѣстка,
Я не знаю зелія такого;
Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость.»
Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
Да зарѣзала коня вороного,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ.
«Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой;
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лицо терзая:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка;
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченый.»
Вскочилъ Павелъ какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый,
Изъ ножонъ вынулъ его Павелъ —
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
«Ой, сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня вороного,
И въ саду сокола заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жь ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алые цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха;
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ —
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
Пьётъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:

«Не входи молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любы послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ тернье да крапива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлькѣ сидитъ соколъ-птица,
Лежитъ въ люлькѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

А. Пушкинъ.

—

IV.

ЙОВО И МАРА.

Двое милыхъ, любясь, выростали,
Юный Йово да дѣвушка Мара,
Съ малолѣтства, отъ третьяго года.
Ихъ увидишь — такъ радостно станетъ,
Скажешь: это фіалка и ландышъ!
Умывались одною водою,
Утирались однимъ полотенцемъ,
Любо въ очи другъ-другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видали.
Впору Йовѣ ужь было жениться,
Можно бъ было отдать Мару замужъ.
Выросъ Йово удалъ изъ удалыхъ,
Красотою красивѣй дѣвицы;
Мара... слова для Мары не сыщешь:
И на свѣтѣ такой не бывало!
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стана ея не найдется;
Миловидна, что горная вила,
А гибка-то, что ель молодая.
Годъ на Мару гляди — и все мало;
Мало бъ вѣку любить эту Мару;
Какъ увидишь ее — заболѣешь,
А посмотритъ — такъ вылѣчитъ разомъ.
Но сироткой была наша Мара,
Йово жь былъ изъ богатаго рода,
Не простого — господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промолвилъ:
«Такъ ли любишь меня, моя Мара,
Какъ люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Йово, ты глазъ мнѣ дороже,
Завсегда ты на мысляхъ у Мары;
Какъ мать сына, ношу тебя въ сердцѣ.»
Ихъ подслушалъ невидимый сторожъ:
Мать Йована тѣ слышала рѣчи;
Злясь на Мару, сказала Йовану:
«Милый Йово, перо дорогое,
Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ.
Есть невѣста и лучше, и краше;
То Фатима, Атлагича злато...
Фàта съ дѣтства взлелѣяна въ клѣткѣ
И не знаетъ, чтò солнце, чтò мѣсяцъ;
Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣетъ,
Не видала муравки на полѣ,
Не видала ни разу мужчины;
А къ тому жь и богатаго рода,
И въ подмогу богатствомъ сгодится.»
Отвѣчаетъ такъ матери Йово:
«Моя милая мать, дорогая!
Заклинаю тебя я и небомъ,
Заклинаю тебя и землею:
Не разрозни ты милаго съ милой!
Не богатство серѐбро да злато,
А богатство, чтò дорого сердцу!»
Но не хочетъ и слушать старуха.
Рада бъ слышать слова эти Мара,
Но далеко отъ ней ея милый.
Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ:
«Много тьмы есть у пасмурной ночи,
Больше горя у Мàрицы въ сердцѣ.
Ужь извѣстно, какъ мòлодцы любятъ:
Какъ ласкаютъ — въ любви увѣряютъ,
Перестали — смѣются съ друзьями.
Не таковъ онъ, возлюбленный Йово,
Да ужь, видно, такая мнѣ доля!
Чуть запàхъ мнѣ цвѣтокъ мой душистый —
И достался другой соколицѣ.
Свѣтъ мой, Йово, свѣтъ, жаркое солнце!
Ты лучисто меня освѣтило,
Да и скоро запало за гору.»
Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ.

Одного все нашъ держится Йово:
«Нѣтъ, ей-Богу, родная, лучше,
Лучше смерть чѣмъ жениться на Фатѣ:
Сердце проситъ одну только Мару.»
Но не хочетъ и слушать старуха,
И не хочетъ высватывать Мары;
Поспѣшаетъ къ Атлагича злату;
Но Фатима, Атлагича злато,
Заклинаетъ старуху святыми,
Чтобъ не сватать ее за Йована:
«Неразумно, грѣшно и жестоко
Разлучать двѣ души неразлучныхъ,
Двухъ немилыхъ заставить любиться.»
Но не хочетъ и слушать старуха:
Заручила, кольцомъ обручила,
Малый срокъ имъ пазначила къ свадьбѣ,
Небольшой срокъ — одну лишь недѣлю,
И сзываетъ сватòвъ къ тому сроку.
Созвалà ихъ, пошла по невѣсту.
«Сынъ-кормилецъ, пойдемъ по невѣсту!
Мать Фатиму тебѣ заручила,
Заручила, кольцомъ обручила.»
Но не хочетъ послушаться Йово,
Остается въ дому своемъ бѣломъ.
Мать безъ сына пошла со сватàми,
Къ ней выходитъ Атлагича злато
И цалуетъ ей правую руку:
«Мать-старушка пригожаго Йовы!
Чтò за утро, какъ солнце не грѣетъ,
Чтò за ночь та, какъ мѣсяцъ не свѣтитъ,
Чтò за сваты, когда жениха нѣтъ!»
Отвѣчаетъ на это старуха:
«Заклинаю, Атлагича злато!
Не заботься о суженомъ Йовѣ —
Онъ женихъ твой, а мой однокровный.
Здѣсь гора есть, въ ней водятся вилы;
Между ними есть горная вила,
Та, что злато съ коней выбиваетъ;
А за сына, какъ мать, я боюся,
Чтобы вила его не убила,
Молодого, единаго сына.»
Какъ въѣзжали на дворъ они къ Йовѣ,
Разомъ сваты съ коней посходили,
Но не сходитъ Атлагича злато;
И сказала Фатимѣ старуха:
«Слѣзь, невѣстка моя дорогая!»
— «Нѣтъ, не слѣзу, ей-Богу, не слѣзу,
Если лошадь мою онъ не приметъ
И не сниметъ съ нея меня Йово.»
И пошла мать къ Йовану на вышку,
И такъ сыну она говорила:
«Сынъ-кормилецъ, сойди ты отсюда!
Тамъ ты примешь Атлагича злато.»
Поднялся онъ, упалъ на колѣни,
Ублажаетъ свою мать родную,
Точитъ слёзы, какъ-будто дѣвица,
Точитъ слёзы, рыдаючи, молвитъ:
«Не пойду я, ей-Богу, родная!
Въ чемъ клялся — тверже камня въ томъ буду!»
Но и слушать не хочетъ старуха:
«Прокляну я и грудь, чтò вскормила
Мнѣ такого негоднаго сына,
Если злато съ коня ты не ссадишь!»
Чтò жь тутъ дѣлать, скажите, Йовану?
Всталъ онъ быстро на легкія ноги,
Отираетъ горючія слёзы
И выходитъ поспѣшно къ дѣвицѣ.
Онъ снимаетъ съ коня свое злато,
Онъ снимаетъ, и нà землю ставитъ.
Не слыхали, сказалъ ли чтò Йово,
Не слыхали, сказала ль чтò Фата,
Только сталъ онъ полотенъ бѣлѣе,
Только Фата бѣлѣй стала снѣга.
Былъ отправленъ обрядъ по закону;
Вотъ и время садиться за ужинъ;
Чинно сваты за столъ по-садились;
Повели ужь на верхъ новобрачныхъ.
Сѣла злато на мягки подушки,
Йово сѣлъ на узорную лавку,
Самъ раздѣлся, снялъ поясъ широкій,
Самъ повѣсилъ оружье и платье,
Говоритъ самъ и самъ отвѣчаетъ.
«Вѣрно, скажетъ теперь мое злато:
Йово Фату-невѣсту цалуетъ!
Обо мнѣ же теперь и не вспомнитъ.
Нѣтъ, не будетъ измѣнникомъ Йово:
Легче съ жизнью разстаться для Йовы!»
Это Фата и слышитъ-не-слышитъ;
Точитъ слёзы по щёчкѣ румяной:
«Накажи Боже правый, старуху,
Что двухъ милыхъ на-вѣкъ разлучила,
Двумъ немилымъ велѣла любиться.»
Это Йово и слышитъ-не-слышитъ.
Завернулся плащомъ онъ широкимъ,
Взялъ подъ плащъ онъ тамбуру съ собою
И пошолъ подъ окно своей Мары.
Онъ ударилъ въ пѣвучія струны,
Заигралъ и запѣлъ подъ тамбуру:
«Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
Что съ невѣсты кафтанъ я снимаю...
Не снималъ я, клянусь моей жизнью,
Клянусь жизнью моей и твоею!

Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
Что съ невѣсты покровъ я снимаю...
Не снималъ я, клянусь моей жизнью,
Клянусь жизнью моей и твоею!
Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
Что цалую невѣсту я въ щоку...
Не цалую, клянусь моей жизнью,
Клянусь жизнью моей и твоею!
Нашей первой любовью клянусь я!
Можно солнцу упасть бы на землю,
Но не Йовѣ сломить свою клятву!»
И подъ пѣсню проснулася Мара:
«Роза пахнетъ — то, вѣрно, мой милый...
Роза пахнетъ, тамбура играетъ...»
Но къ Фатимѣ пошолъ уже Йово.
Пала Мара въ пуховы подушки:
«Сонъ, жестоко меня обманулъ ты!
Сиротинку и сонъ обижаетъ.»
Йово къ Фатѣ своей воротился;
Онъ ей поднялъ съ лица покрывало:
Яркимъ солнцемъ лицо заблистало,
Чорны очи — горячимъ алмазомъ,
Чорны очи, слёзъ полныя очи.
Тихо молвитъ Фатима-невѣста:
«Покарай ты свекрòвь мою, Боже,
Что двухъ милыхъ на-вѣкъ разлучила!»
Смотритъ Йово на Фату-невѣсту,
Между глазъ онъ невѣсту цалуетъ,
Говоритъ ей: «душа моя, Фата!
Принеси мнѣ чернилъ и бумаги:
Два-три слова хочу написать я,
Чтобъ тебя не обидѣла свекровь.»
Написалъ онъ письмо свое мелко,
И промолвилъ Фатимѣ-невѣстѣ:
«Слушай, слушай, Атлагича злато!
Ни полслова до бѣлаго утра:
Пусть напьются вина твои братья,
Сестры въ волю напляшутся въ коло
И родная споётъ свои пѣсни.
Съ Богомъ, злато! Будь нà вѣкъ счастлива!»
И, цалуя межь глазъ свою Фату,
Къ ней безъ жизни упалъ на колѣни.
Смотритъ Фата — мертвецъ передъ нею;
Горько плачетъ, но слова не молвитъ —
Промолчала до бѣлаго утра;
И тогда, какъ заря показалась,
День зажогся и солнышко встало,
Разбудить ихъ хотѣла старуха,
И на вышку взошла къ новобрачнымъ,
И *поимаюмъ* ударила въ двери.
«Встань же, Йово, дитя дорогое!
Вѣдь, ужь солнце высоко на небѣ.»
Отворила ей двери Фатима,
Со слезами на личикѣ бѣломъ.
Мать Йована сказала невѣсткѣ:
«Пусть я плачу по немъ безъ умолку!»
Отвѣчаетъ свекрови невѣстка:
«Не брани ты его, дорогая!
Ужь вчера онъ оплаканъ тобою,
Какъ ты силой его обвѣнчала.
Вонъ онъ, Йово, лежитъ уже мертвый!»
И старуха навзрыдъ зарыдала,
Зарыдала и прòкляла Фату:
«Чтò, скажи мнѣ, ты сдѣлала сыну?
Говори же... Будь проклята Богомъ!
Удушила за чтò ты Йована?»
И Фатима въ отвѣтъ ей сказала:
«Не кляни меня мать — не сгубила
Твоего я любимаго сына —
Я себя бы скорѣе сгубила...
Вотъ Йована письмо небольшое:
Для тебя мнѣ его онъ оставилъ.»
Мать Йована письмо то читаетъ,
И слезу за слезою роняетъ.
А въ письмѣ томъ написано было:
«Созови мнѣ, моя дорогая,
Созови мнѣ носильщиковъ юныхъ,
Не-женатыхъ носильщиковъ, юныхъ,
Провожатыхъ дѣвицъ, не-замужнихъ,
И надѣнь на меня ты рубаху,
Ту, чтò Мара, любя меня, сшила,
Повяжи меня шитой марàмой,
Чтò мнѣ Мара, любя, вышивала,
Положи мнѣ цвѣточки гвоздики —
Ими Мара меня убирала.
Подлѣ Мары меня пронесите...
Какъ дойдете до Марина дома,
Положите меня вы на землю:
Пусть увидитъ меня моя Мара,
Пусть хоть мертвымъ меня поцалуетъ,
Вѣдь живаго меня целовать ей
Не пришлось ни единаго разу.»
Такъ письмо мать Йована читала,
Такъ читала и слёзы роняла;
Пала камнемъ на мертваго сына,
Пала камнемъ, вопила, рыдала,
Куковала лѣсною кукушкой
И вдовицею сирой стенала.
По наказу умершаго Йовы,
Чтò сказалъ онъ, то сдѣлано было:
И созвали носильщиковъ юныхъ,
Не-женатыхъ носильщиковъ, юныхъ,

Провожатыхъ дѣвицъ, не-замужнихъ,
И надѣли на Йову рубаху,
Ту, чтò Мара, любя, ему шила,
Повязали расшитой марàмой,
Той, чтò Мара, любя, вышивала,
И убрали цвѣтами гвоздики —
Тѣмъ, чѣмъ Мара его убирала.
Подлѣ Мары несли его тѣло;
И сидѣла она подъ окошкомъ:
На головкѣ алѣли двѣ розы,
И упали тѣ розы на пяльцы.
Мара шила и плакала горько,
И такъ матери тихо сказала:
«О, родная! чтò это такое?
Обѣ розы на пяльцы упали...
Спаси Богъ! не случилось чего бы!
Что-то сильно гвоздикою пахнетъ
А косою еще больше пахнетъ,
И какъ будто косою Йована...
Пахнетъ розою, мать дорогая,
Пахнетъ розой у нашего дома...
Не душа ли то носится Йовы?
Пахнетъ розой: идетъ ко мнѣ милый!»
Тихо мать ей на это сказала:
«Не блажи, дорогая ты дочка!
Вѣрь мнѣ, Йово цалуетъ другую —
О тебѣ же теперь и не вспомнитъ.»
И вскочила несчастная Мара:
«Не добро ты вѣщуешь, родная!
Роза пахнетъ — онъ здѣсь, мое сердце!»
Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ?
Мигомъ съ вышки спустилася Мара,
За ворота на улицу вышла,
Увидала жемчужную вѣтку —
Заклинаетъ носильщиковъ Богомъ:
«Чья тò, братья, жемчужная вѣтка?»
Отвѣчаютъ ей два побратима:
«Это вѣтка умершаго Йовы.»
Мара проситъ носильщиковъ юныхъ:
«Ради Бога, носильщики-братья,
Опустите на землю Йована —
Пусть хоть мертвымъ его поцалую,
Вѣдь живого я не цаловала!»
Ради Бога услышана просьба:
Тѣло Йовы на землю сложили,
И припала къ усопшему Мара
И, склонившися къ трупу живая,
Бездыханной осталась у гроба.
Плачетъ Фата у матери Йовы,
Плачетъ мать неутѣшная Мары,
Горько плачетъ, коритъ, проклинаетъ:
«Богъ накажетъ тебя, мать Йована:
Не велѣла живымъ ты любиться,
Такъ ты мертвыхъ теперь не разлучишь.»
Стали Марѣ тесать гробъ мечами,
И когда проносили Йована,
Клали въ гробъ и красавицу Мару;
Какъ его подносили къ могилѣ,
Со двора выносили и Мару;
Какъ Йована спускали въ могилу,
И её доносили къ могилѣ.
Ихъ въ могилѣ одной схоронили,
И руками ихъ соединили;
Положили имъ яблоко въ руки:
Да узнаютъ любовь ихъ святую!
Ихъ одною землею покрыли,
Зеленѣла на нихъ одна травка.
Шли одною дорогой старухи,
Съ ними шла и Фатима-невѣстка...
Идутъ вмѣстѣ кладбищемъ въ деревню,
Проклинаютъ и старыхъ и малыхъ.
Мало время съ-тѣхъ-поръ пролетѣло:
Выросъ боръ изъ Йована зеленый,
А изъ Мары борика лѣсная —
И по бору вилася борика,
Словно вьются шолкòвыя нити
По пучку изъ душистаго смиля,
Чемерица жь — вокругъ ихъ обоихъ...
Боже правый! за все Тебѣ слава!...
Накажи Ты и старыхъ и малыхъ,
Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ.

Н. Щербина.

V.

ВАНЯ ГОЛАЯ-КОТОМКА.

Какъ пируетъ самъ король Янѣка
Во Янѣкѣ, градѣ бѣлостѣнномъ;
Съ нимъ пируетъ тридцать капитановъ
И гуляетъ тридцать генераловъ.
Вдругъ подходитъ мòлодецъ удàлый;
Чу̀дная на мòлодцѣ одѐжа:
У чакчиръ прорѣхи на колѣняхъ,
У долмана провалились локти,
Сапоги — заплата на заплатѣ,
А рубашки не было и вовсе;
По чакчирамъ златолитый поясъ,
А за нимъ турецкіе кинжалы,
Рукояти въ сѐребрѣ и златѣ,

У бедра привѣшенъ палашина,
Палашина мѣрой въ три аршина.
Кабы знали, какъ юнака звали!
Звали: Ваня Голая-Котомка.
Подошолъ онъ прямо къ капитанамъ,
Подошолъ онъ, Божью помочь назвалъ;
Капитаны Ванѣ поклонились,
Съ королемъ его сажаютъ рядомъ,
Тридцать чашъ ему вина подносятъ:
Выпилъ разомъ, не моргнувши глазомъ.
Стали пить опослѣ капитаны,
Говорятъ они юнаку Ванѣ:
«Эхъ ты Ваня, голытьба Янецкій!
Для чего не хочешь ты жениться?
Насъ пируетъ тридцать капитановъ
И гуляетъ тридцать генераловъ,
Всякій Ванѣ приберегъ невѣсту,
Кто сестру, а кто и дочь родную;
Попроси, какую пожелаешь
И отказа молодцу не будетъ!»
Говоритъ имъ изъ Янёка Ваня:
«Честь и слава всѣмъ вамъ, капитаны,
И спасибо вамъ на добромъ словѣ,
Но зарокъ я положилъ предъ Богомъ,
Положилъ зарокъ я не жениться
Ни на сербкѣ, ни на той латинкѣ,
А на дочери Аги-Османа
Изъ турецкаго Удбина-града.»
Капитаны всѣ переглянулись,
Межъ собой смѣются втихомолку.
Стало Ванѣ горько и досадно,
Что надъ нимъ смѣются капитаны,
Бросилъ пить онъ, всталъ на легки ноги,
Никому гостямъ не поклонился,
Внизъ идетъ по лѣстницѣ высокой,
Палашомъ пересчиталъ ступени;
Онъ идетъ къ себѣ въ свой теремъ свѣтлый,
Сундуки большіе отпираетъ,
Достаетъ богатую одежду:
Достаетъ онъ тонкую сорочку,
По̀ поясъ изъ сѐребра и злата,
Съ пояса же бѣлую шолкову;
Ту сорочку Ваня надѣваетъ,
Сверхъ сорочки надѣваетъ куртку,
А на куртку златотканый долманъ,
По долману кованыя латы:
Были латы шолкомъ подосла̀ты;
Надѣваетъ на̀ голову шапку,
А на шапкѣ было девять перьевъ,
Да еще десятая челенка,
Изъ челенки три висѣло кисти,
По плечамъ мотаются и бьются;
Да крыло изъ камней самоцвѣтныхъ,
Что̀ лицо ему обороняло
Отъ погоды и отъ стужи лютой;
Надѣваетъ на ноги чакчиры,
Жолтые чакчиры до колѣна,
Словно птица желтоногій соколъ;
Надѣваетъ златолитый поясъ,
Затыкаетъ за̀ поясъ кинжалы
И четыре гданскихъ пистолета;
Прицѣпляетъ свой палашъ булатный
И коня выводитъ изъ конюшни,
Добраго коня себѣ выводитъ,
Достаетъ богатое сѣдельце
И чапракъ зеленый пограничный,
Что̀ живетъ у пограничныхъ турокъ;
На коня садится онъ и ѣдетъ,
Ѣдетъ Ваня, держитъ темнымъ лѣсомъ;
Въ Огорѣльцы къ ночи пріѣзжаетъ,
Въ Огорѣльцахъ ночь его застала,
А на зорькѣ былъ онъ подъ Удбиномъ;
Ѣдетъ прямо къ терему Османа;
Какъ подъѣхалъ, кашлянулъ и смотритъ:
Кто-то свѣсилъ изъ окошка руку;
Шопотомъ опрашиваетъ Ваня:
«Чья рука въ окошкѣ показалась?
То ль вдовицы, то ль красы-дѣвицы?»
Отвѣчаетъ голосъ изъ окошка:
«Не вдовицы, а красы-дѣвицы,
Милой дочери Аги-Османа!»
Говоритъ ей Ваня изъ Янёка:
«О, Фатима, красная дѣвица!
Покажися, выглянь изъ окошка,
Чтобы могъ я вдосталь наглядѣться.
Приходилъ я, кланялся три раза
Твоему отцу Агѣ-Осману
И просилъ тебя себѣ въ замужство,
Да не хочетъ, знать, тебя онъ выдать;
Вотъ и ѣду въ городъ я Кладушу,
Чтобъ посватать Муину Хайкуну.»
Какъ услышала про то Фатима,
Говоритъ Ивану изъ Янёка:
«Кто жь ты будешь, молодецъ удалый,
И откуда племенемъ и родомъ?»
Отвѣчаетъ Ваня изъ Янёка:
«О, Фатима, красная дѣвица!
Я изъ града бѣлаго Баграда,
А зовутъ меня Баградскій Муйо.»
Говоритъ ему краса-дѣвица:
«Загони скорѣй коня въ конюшню;
Какъ Османъ вернется изъ планины,

Мы ужо его попросимъ вмѣстѣ!»
Говоритъ ей Ваня изъ Янёка:
«О, Фатима, ясное ты солнце!
Передъ Богомъ далъ себѣ я клятву,
Чтобъ къ Осману больше мнѣ не ѣздить;
Коли хочешь вѣковать со мною,
Соберись ты, приберись въ дорогу,
Подожду я полчаса, недолго —
Выходи, садися и поѣдемъ!»
Повернулъ коня онъ вороного,
А Фатима изъ окошка кличетъ:
«Подожди ты полчаса, недолго:
Соберусь я, приберусь въ дорогу
И съ тобою вмѣстѣ мы поѣдемъ!»
Слѣзъ съ коня онъ, на траву садится
И свою Фатиму поджидаетъ.
Шумъ и звонъ пошолъ изъ бѣлой башни:
Зазвенѣли кольца, ожерелья,
Зашумѣла шолковая ферязь,
Застучали туфли и папучи —
И выходитъ ясная Фатима,
Подъ полой несетъ мѣшокъ червонцевъ,
А въ рукѣ тяжеловѣсный кубокъ,
Чтобъ вина у ней напился Муйо;
Передъ нимъ она вино становитъ
И цалуетъ Муйо въ праву руку,
Тотъ ее межь чорными очами;
Выпилъ кубокъ, взялъ себѣ червонцы,
Привязалъ ихъ у луки сѣдельной,
На коня садится вороного,
Подаетъ Фатимѣ бѣлу руку
И сажаетъ на сѣдло позади,
Вкругъ нее обматываетъ поясъ,
Ѣдетъ прямо на гору-планину.
Какъ доѣхалъ до горы-планины,
Три увидѣлъ онъ пути широкихъ:
Въ городъ Нишу, въ городъ Шибенику,
А и третій въ градъ Баградъ турецкій.
Говоритъ ему Фатима сзади:
«Ты послушай изъ Баграда Муйо!
Я слыхала отъ отца Османа
Про пути-дороги по планинѣ:
Ты не ѣдешь въ градъ Баградъ турецкій,
Ѣдешь Муйо ты въ Янёкъ гяурскій.»
Отвѣчаетъ изъ Янёка Ваня:
«О, Фатима, красная-дѣвица!
Я не Муйо изъ Баграда града,
А я... чай, слыхала ты про Ваню,
По прозванью Голая-Котомка:
Такъ я буду этотъ самый Ваня!»
Тутъ спустились подъ гору-планину,
Видятъ: скачетъ молодецъ удалый,
Конь въ крови по самыя колѣни,
А ѣздокъ по самые по локти;
Повстрѣчался и съ коня онъ кличетъ:
«А, здорово, изъ Янёка Ваня!»
— «Богъ на помощь, изъ Баграда Муйо!
Гдѣ гулялъ ты и откуда ѣдешь?
Не отъ насъ ли изъ Янёка града?
Гдѣ жь твоя дружина удалая?»
Отвѣчаетъ изъ Баграда Муйо:
«Точно, былъ я у тебя въ Янёкѣ,
Взялъ съ собою тридцать провожатыхъ,
Да напали на меня пандуры,
Изрубили всю мою дружину,
Я посѣкъ ихъ пятьдесятъ-четыре
И уѣхалъ на конѣ ретивомъ.
Ты откуда, изъ Янёка Ваня?
Не отъ насъ ли изъ Баграда града?
Гдѣ жь твоя дружина удалая?»
Отвѣчаетъ Ваня изъ Янёка:
«Нѣтъ со мною никакой дружины;
Силы-рати не хочу я брати,
Съ вѣрой въ Бога мнѣ вездѣ дорога!
Ѣду я изъ города Удбина,
Изъ Удбина, отъ Аги-Османа:
Я похитилъ дочь его Фатиму —
Посмотри: сидитъ за мною сзади!»
Говоритъ красавица-дѣвица:
«Будь ты проклятъ, изъ Баграда Муйо!
Прогулялъ съ побоищемъ невѣсту!
Онъ сманилъ меня твоимъ прозваньемъ:
Не назвался Ваней изъ Янёка,
А назвался изъ Баграда Муйо.»
Какъ услышалъ Муйо эти рѣчи,
Говоритъ онъ Ванѣ изъ Янёка:
«Ой ты, Ваня Голая-Котомка!
Вотъ какой ты гяуръ окаянный:
На чужія прозвища воруешь!»
Вынулъ Муйо пистолетъ турецкій
И стрѣляетъ онъ изъ пистолета
Не по Ванѣ, по коню лихому,
Чтобъ Фатиму сзади не поранить.
Ткнулся конь, подъ Ваню спотыкнулся,
Придавилъ онъ Ванѣ праву ногу,
А турчинъ коня лихого гонитъ,
Чтобъ башку скорѣй Ивану срѣзать;
Только ногу высвободилъ Ваня,
Достаетъ онъ пистолетъ свой гданскій,
Выстрѣлилъ изъ пистолета въ Муйю:
Знать, была судьба такая Муйю —
Угодилъ ему онъ прямо въ сердце.

Взялъ коня лихого изъ-подъ турки,
Сѣлъ, Фатиму за собою бросилъ,
И помчался къ городу Янёку;
Онъ помчался, а турчинъ кончался.
Подъѣзжаетъ Ваня изъ Янёка,
Подъѣзжаетъ къ городскимъ воротамъ;
Какъ увидѣла Ивана стража,
Побѣжала къ королю съ докладомъ:
«Воротился нашъ удалый Ваня,
Съ нимъ туркиня да и конь турецкій!»
Но король, покуда не увидѣлъ,
Ни чьему докладу не повѣрилъ;
А увидѣлъ — подозвалъ онъ Ваню,
Трй раза въ чело его цалуетъ
И такое задалъ пированье,
Словно землю захватилъ большую:
Цѣлый день велѣлъ палить изъ пушекъ.
Окрестилъ свою Фатиму Ваня,
Зажилъ съ нею, какъ съ женой своею:
Только встанутъ, цаловаться станутъ.

Н. Бергъ.

—

VI.

ПѢСНЯ ИЗЪ ВОЙНЫ СЕРБСКО-МАДЯРСКОЙ.

Вотъ письмо мадяринъ Перцель пишетъ
Во селѣ проклятомъ Сентъ-Иванѣ,
Шлётъ письмо Кничанину Степану:
«Гей, Кничанинъ, гей — поутру завтра
На тебя съ полками я ударю,
Я ударю въ день святого Спаса,
Въ часъ, когда идетъ у васъ обѣдня;
На глазахъ твоихъ село разграблю,
Чтобъ по немъ тебѣ ужь не шататься,
Въ прахъ развѣю твою силу-войско,
Разорю я церковь на Марошѣ,
Изъ той церкви сдѣлаю конюшню,
Своего коня туда поставлю,
Пò полю бачвановъ *) стану вѣшать,
Капитановъ ихнихъ похватаю,
Въ страшныхъ мукахъ ихъ я стану мучить,
Поведу ихъ по Землѣ Мадярской —
Пусть надъ ними старъ и малъ смѣется,
Пусть смѣется и въ глаза имъ плюетъ;
Окрещу потомъ ихъ въ нашу вѣру,
Окрещу и посажу ихъ нà колъ.»
Какъ прочёлъ Степанъ, что Перцель пишетъ,
Онъ схватилъ чернила и бумагу
И въ отвѣтъ онъ Перцелю отвѣтилъ:
«Если точно, генералъ ты Перцель,
На меня сбираешься ударить,
Нашу церковь разорить грозишься,
Хочешь биться въ день святого Спаса,
Въ часъ, когда идетъ у насъ обѣдня —
Такъ послушай: будь мнѣ Богъ свидѣтель
И святая истинная вѣра —
Я всякъ часъ готовъ съ тобой сразиться!
Изъ шатра я погляжу отсюда,
Какъ изъ рукъ моихъ ты увернешься,
Какъ-то поле наше будешь мѣрить,
И твои проклятые гонведы
И Бочкай-Рагонскіе гусары;
Буду гнать я ихъ до ихъ палатокъ,
До проклятаго села Ивана.
Ждутъ тебя бачваны не дождутся,
Вострые свои ханджары точатъ,
Громко пѣсни ходятъ-распѣваютъ,
Съ дѣвками играютъ въ хороводахъ;
Капитаны ихъ сряжаютъ кòней
И готовятся къ кровавой битвѣ:
Разобьютъ они твое все войско,
Причинятъ тебѣ печаль-досаду!
Хочется съ тобою имъ побиться,
Славнымъ боемъ освятить тотъ праздникъ.»
Какъ письмо то получилъ мадяринъ
И прочёлъ, что писано въ немъ было,
Написалъ тотчàсъ письмо другое
И послалъ его въ Варадинъ городъ,
На колѣно генералу Кишу:
«Слушай, Кишъ, ты побратимъ мой вѣрный!
Разверни ты шолковое знамя,
Насади ты яблоко на древко,
Собери подъ знамя силу-войско,
И кому солдатскій плащъ, чтò кровля,
Пистолеты, чтò друзья и братья,
А винтовка — матушка родная:
Тотъ идетъ пускай къ селу Ивану,
Гдѣ стоятъ мои мадяры станомъ.»
Перцелевъ наказъ дошолъ до Киша,
Кишъ прочёлъ, чтò писано въ немъ было,
Все какъ надо по наказу сдѣлалъ,
И пришолъ онъ къ Перцелю на помощь;
Оба вмѣстѣ тронулись къ Вилову,
И когда попали на дорогу,

*) То-есть сербовъ изъ области Бачки, гдѣ происходили военныя дѣйствія 1848 и 49 годовъ между сербами и мадярами. Сентъ-Иванъ, мѣстопребываніе Перцеля, и Вилово, главная квартира Кничанина, находятся въ этой области.

Стали пушки наводить на нашихъ;
Но лихіе мо̀лодцы бачваны
Услыхали звонъ и громъ оружья,
Услыхали топотъ по дорогѣ,
Выстрѣлилъ одинъ — и сто винтовокъ
Отвѣчали вдругъ ему на выстрѣлъ,
Тысячи тотъ выстрѣлъ услыхали;
Тутъ все поле дрогнуло подъ нами,
Затряслась какъ бы струна на гусляхъ,
Загудѣлъ отъ пуль и ядеръ воздухъ.
Тотъ кричитъ: «пропа̀сть мнѣ и погибнуть!»
А другой бѣгомъ уходитъ съ поля.
Это было около полудня;
Сербы знали только что стрѣляли.
Видитъ Перцель, что не можетъ биться,
Что чѣмъ дольше бьётся онъ, тѣмъ хуже —
И бѣгомъ онъ по̀ полю пустился.
Сербы кинулись за нимъ въ погоню,
И кричали: «гой еси ты, Перцель!
Что̀ Вилово рано ты оставилъ?
Что̀ бѣжать ты по̀ полю пустился?
Еще пушекъ мы не разогрѣли,
Еще сердце въ насъ не разыгралось,
Маку-пороху еще довольно
И свинцоваго гороху много!
Воротись и бой давай докончимъ,
И сегодншній прославимъ праздникъ.»
Но не слышитъ Перцель и уходитъ,
Изъ очей онъ горьки слёзы ронитъ:
«Богъ убей проклятое Вилово!
Погубилъ я много силы-войска,
Вѣрныхъ подданныхъ отца-Кошута,
Слугъ покорныхъ Перцеля Морица;
Но клянуся вѣрой и закономъ,
И святымъ мадярскимъ нашимъ Богомъ:
Ужь добуду это я Вилово,
Или въ немъ свои оставлю кости!»
Онъ отеръ свои полою слёзы,
И еще скорѣй бѣжать пустился:
Видно пули мимо засвистѣли!
Сербы славятъ день святого Спаса,
Пьютъ вино во здравье генерала,
Храбраго Кничанина Степана:
Будь ему отъ насъ во-вѣки слава!

Н. Бергъ.

---

5. ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I.

СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни;
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужь первая забота —
Рано мо̀лодца женили;
А вторая-то забота —
Во̀ронъ конь мой притомился;
Какъ ужь третья-то забота —
Красну дѣ̀вицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки,
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

А. Пушкинъ.

II.

КОНЬ.

Свѣтлолица, черноброва,
Веселѣе бѣла дня,
Водитъ дѣ̀вица лихова
Опѣненнаго коня;

Гладитъ гриву вороного
И въ глаза ему глядитъ:
«Я коня еще такого
Не видала» — говоритъ.

«Чай, коня и всадникъ стоитъ...
Только онъ тебя наврядъ
Вдоволь холитъ и покоитъ...
Что онъ — холостъ аль женатъ?»

Конь мотаетъ головою,
Бьётъ ногою, говоритъ:
«Холостъ — только за душою
Думу крѣпкую таитъ.

«Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ не разъ —
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ въ добрый часъ.»

А она въ отвѣтъ, краснѣя:
«Я для добраго коня
Стала бъ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;

«Стала бъ розовыя ленты
Въ гриву чорную вплетать,
На попону позументы
Съ бахромою нашивать;

«Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой...
Только бъ сватовъ высылали
Поскорѣе вы за мной.»

А. Майковъ.

III.

СОЛОВЕЙ.

Распѣвала пташка мала,
Пташка мала соловейка,
Въ темной рощѣ распѣвала,
Что на вѣткѣ на зелёной.
Три охотника проходятъ,
Увидали соловейку;
Говоритъ имъ соловейка:
«Не стрѣляйте, не губите!
Я спою за-то вамъ пѣсню,
Во дубравѣ, въ темной рощѣ,
На шиповникѣ, на розѣ!»
Но охотники поймали
Малу пташку соловейку
И съ собою пташку взяли,
Чтобы въ клѣткѣ распѣвала,
Красныхъ дѣвокъ забавляла.
Да не сталъ имъ соловейка
Пѣть свои лѣсныя пѣсни:
Онъ не пьётъ, не ѣстъ въ неволѣ.
Отпустили соловейку
Въ темну рощу, въ лугъ зеленый,
И запѣлъ онъ на свободѣ:
«Тяжко другу жить безъ друга,
Тяжко другу жить безъ друга,
А соловушкѣ безъ луга!»

Н. Бергъ.

IV.

МОЛОДЕЦЪ ВЪ ХОРОВОДѢ.

Хороводъ ходилъ подъ Видиномъ,
Да такой, что и не видано!
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ,
Весь онъ залитъ златомъ-сѣребромъ,
Да и конь его разубранъ весь,
Конь разубранъ, разукрашенъ былъ.
На плечахъ у добра молодца
Долманъ былъ зеленый бархатный,
На долманѣ тридцать пуговицъ,
Сверхъ долмана куртка шолкова
И богаты латы мѣдныя,
На ногахъ чакчиры шитыя,
На макушкѣ шапка алая,
Въ шапку воткнутъ золотой салтанъ,
У бедра дамасска сабелька,
Золотая рукоять у ней
Крупнымъ жемчугомъ осыпана.
Всѣ глядятъ на добра молодца;
Говоритъ имъ добрый молодецъ:
«Не глядите, красны дѣвицы,
На убранство на богатое!
Не гляжу и я на золото,
А выглядываю дѣвицу,
Изо всѣхъ ли раскрасавицу,
Что вести бы можно къ матушкѣ,
Похвалиться ей, похвастаться!»
Тутъ одна сказала дѣвица:

«Холостой ты добрый мо̀лодецъ!
Ты назадъ возьми такую рѣчь!
На богатство что ли смотримъ мы,
На убранство коня во̀рона?
Смотримъ мы на добра мо̀лодца,
Чтобъ не даромъ кинуть матушку,
Да еще ли царство красное,
Царство красное — дѣвичество!»

Н. Бергъ.

—

V.

МАТЬ И ДОЧЬ.

— «Пробѣжалъ молодѐцъ,
Пробѣжалъ по селу;
Я въ потьмахъ, молода,
Проглядѣла его,
Стало мнѣ на душѣ
Тяжело таково!
Ахъ, родная моя,
Вороти молодца!»
— «Что тебѣ въ молодцѣ?
Видишь, онъ не простой,
Не простой, городско̀й:
Надо пива ему,
Надо ужинъ собрать
И постелю потомъ
Городскую постлать!»
— «Ахъ, родная моя,
Вороти молодца!
Вмѣсто пива ему —
Чорны очи мои;
Вмѣсто хлѣба ему —
Бѣлы щоки мои;
А закускою будь
Лебединая грудь!
А постель молодцу —
Мурава на лугу;
А покровъ — небеса;
Въ голова̀ же ему
Дамъ я бѣло плечо,
Я плечо горячо!
Ахъ, родная моя,
Вороти молодца!»

Н. Бергъ.

—

VI.

ЮНОША И ДѢВА.

— «Ахъ, душа ты, красная дѣвица,
Ты на что̀ глядѣла, выростая?
На зеленый, что ли, дубъ глядѣла,
Иль на ёлку тонку и высоку,
Иль на брата моего меньшого?»
— «Ахъ ты, мо̀лодецъ, мой соколъ ясный!
Не на зѐленъ дубъ глядя̀ росла я,
Ни на ёлку тонку и высоку,
Ни на брата твоего меньшого,
Но глядѣла, другъ мой, выростая —
На тебя я все, млада, глядѣла!»

Н. Бергъ.

—

VII.

НЕ БЕРИ ПОДРУГИ.

Побратимъ ты мой,
Побратимъ Иванъ,
Какъ не грѣхъ тебѣ:
Досадилъ ты мнѣ!
Красна дѣвица
За тебя идетъ!
Такъ и просится
Сабля вострая
Зарубить тебя,
Брата-недруга!
Не бери моей,
Братъ, подруженьки!
Нашимъ всѣмъ она
Полюбилася:
Моему отцу —
Златомъ-сѐребромъ;
Моей матери —
Родомъ-племенемъ,
А сестрамъ моимъ —
Долгимъ волосомъ;
Мнѣ же, мо̀лодцу,
Чернотой очей,
Что черны у ней,
Какъ осення ночь.
Не бери жь моей,
Братъ, подруженьки!

Н. Бергъ.

—

VIII.

БРАТЪ, СЕСТРА И МИЛАЯ.

Темный боръ въ листу зеленомъ;
Братъ съ сестрою тамъ гуляетъ,
Говоритъ сестрица брату:
«Чтò ко мнѣ ты, братъ, не ходишь?»
— «Я бы радъ ходить, сестрица,
Да изъ дому не пускаетъ
Молода краса-дѣвица,
Ненаглядная подруга:
Я коня лишь осѣдлаю,
А подруга разсѣдлаетъ;
Саблю вострую надѣну,
А подруга саблю скинетъ:
«Не ходи, мой другъ, далёко:
«Мутна рѣчка вѣдь глубòка,
«Широкò вѣдь чисто поле —
«Чтò, мой милый, за неволя!»

Н. Бергъ.

—

IX.

МОРЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Когда мнѣ подруга
Моя измѣнила
И храброе сердце
Во мнѣ пріуныло:
Однажды, я помню,
Той смутной порою
Далматъ повстрѣчался
Коварный со мною.

«Возьми-ка, онъ молвилъ,
Винтовку лихую,
Пойдемъ-ка съ тобою
Въ столицу морскую!
Житьё, Алексѣичъ,
Тамъ нашему брату:
Душою тамъ рады
Лихому солдату.

«Тамъ денегъ, чтò камню:
Богаты мы будемъ!
Какія долманы
Себѣ мы добудемъ!
Намъ грудь золотыми
Унижутъ кистями
И алую шапку
Дадутъ съ галунами!

«А красныя дѣвки!...
Какъ станемъ порою
По селамъ веселымъ
Бродить мы съ тобою:
Споютъ, Алексѣичъ,
Намъ пѣсню такую...
Пойдемъ, братъ, скорѣе
Въ столицу морскую!»

Поддáлся я, глупый,
На хитрыя рѣчи,
Не думая, вскинулъ
Винтовку на плечи —
И вотъ очутился
Отъ милаго края
Далёко, далёко...
Но счастья не знаю!

Какъ пёсъ, я прикованъ,
И рвусь и тоскую,
И въ хлѣбѣ насущномъ
Отраву я чую;
И дѣвичья пѣсня
Души не забавитъ,
И воздухъ заморскій
Все душитъ, и давитъ!

Не ищутъ со мною
Красавицы встрѣчи:
Пугаютъ ихъ, что ли,
Имъ чуждыя рѣчи.
Соотчичей старыхъ
Не могъ разпознать я:
По нраву, по рѣчи,
Мнѣ братья — не братья!

Отъ нихъ не услышишь
Роднмаго слова,
Не скажешь имъ: братцы,
Здорово, здорово!
Покинулъ давно бы
Я сторону эту:
Есть сила, есть крылья,
Да — волюшки нѣту!

Н. Бергъ.

—

X.

СОКОЛИНЫЯ ОЧИ.

Ахъ, вы очи соколины!
Соколиными очами
Я роднѣ пришлась по нраву
И Османъ-Агѣ по сердцу.
Разъ мнѣ мать его сказала:
«Ты послушай, дьяволъ-дѣвка,
Не бѣлись ты, не румянься,
Моего не тронь ты сына!
А не то уйдемъ мы въ горы,
Въ нихъ сгородимъ дворъ тесовый
И затворимся тамъ крѣпко!»
— «Что жь, подите, затворитесь!
У меня, вѣдь, черти-очи:
Захочу я, проверчу я
Дворъ тесовый, дворъ дубовый,
Все увижу сквозь ограду —
И Османа я украду!»

Н. Бергъ.

—

XI.

ЖЕНИТЬБА ВОРОБЬЯ.

Какъ задумалъ воробей жениться,
Сталъ онъ сватать дѣвицу-синицу:
Три раза онъ по полю пропрыгалъ,
И четыре по горѣ высокой —
Сваталъ, сваталъ, наконецъ сосваталъ.
Взялъ въ дружки онъ пѣгую сороку,
Въ деверья хохлатую чекушу,
Въ посаженые отцы витютня,
Въ кумовья болотную чапуру,
А въ прикумки птицу шевермогу.
Собирались сваты по невѣсту,
И дошли до ней благополучно,
Но какъ стали возвращаться къ дому
И пошли черезъ Косово поле,
Говоритъ имъ такъ синица-птица:
«Не шумите, господа вы сваты,
Вы не спорьте, громко не гуторьте,
А не то ударитъ съ неба кобчикъ
И отыметъ онъ у васъ невѣсту.»
Только что она проговорила,
Какъ откуда ни возьмися кобчикъ,
Ухватилъ дѣвицу онъ синицу;
Кто куда, всѣ сваты разбѣжались:
Самъ женихъ въ овсяную солому,
А дружко-сорока на березу.

Н. Бергъ.

—

XII.

ДѢВУШКА И РЫБКА.

Дѣвушка у моря сидѣла,
Говорила она, вопрошала:
«Господи сильный и правый!
Чтò шире синяго моря?
Чтò просторнѣе чистаго поля?
Чтò коня лихого быстрѣе?
Чтò мёду сотоваго слаще?
Чтò милѣе брата родного?»
Молвила ей рыбка морская:
«Дѣвушка, зеленъ твой разумъ!
Шире синяго моря — небо,
А просторнѣй чиста поля — море,
Взоръ быстрѣе коня лихого,
Слаще мёду сотоваго — сахаръ,
Милый другъ милѣй брата родного.»

М. Михайловъ.

—

XIII.

Будь у меня, Лазо,
Царская казна,
Знала бы я, Лазо,
Что себѣ купить:
Я купила бъ, Лазо,
Садикъ надъ рѣкой.
Знала бы я, Лазо,
Что въ немъ посадить:
Посадила бъ много
Розановъ, гвоздикъ.
Будь у меня, Лазо,
Царская казна,
Знала бы я, Лазо,
Что себѣ купить:
Я бъ себѣ купила
Лазо-молодца:
Будь садовникъ, Лазо,
У меня въ саду.

М. Михайловъ.

II. БОЛГАРСКІЯ.

I.

ЖЕНИТЬБА КОРОЛЯ ШИШМАНА.

Сговорилъ себѣ невѣсту Шишманъ,
Сговорилъ у короля Латина,
Да бѣда имѣть съ Латиномъ дѣло:
Отдавалъ онъ дочь свою съ условьемъ;
Говорилъ онъ Шишману: «послушай,
Не бери внучатъ съ собой на свадьбу;
Всѣ они безпутные ребята:
Съ ними ты вернешься безъ невѣсты;
Вѣдь они до ссоры больно падки
И къ вину охочи черезъ мѣру,
Да притомъ рубаки удалые!»
— «Не возьму съ собой внучатъ на свадьбу,
Только мнѣ красавицу отдай ты.»
По рукамъ ударили. Приходитъ
Время звать уже гостей на свадьбу —
И со всей земли съѣзжалися гости.
Всѣхъ сзывалъ къ себѣ на свадьбу Шишманъ,
Лишь внучатъ своихъ не пригласилъ онъ.
Взяло зло ихъ. Матери старушкѣ
Говорятъ обиженные внуки:
«Почему насъ дѣдъ на свадьбу нѐ звалъ?
Мы ему подарки поднесли бы:
Я ему на свадьбу подарилъ бы
Триста мѣръ пшеницы; винограду
Средній братъ привезъ бы триста вьюковъ;
Младшій братъ овецъ три сотни далъ бы.»
— «Ахъ мои любезные вы дѣти!
Дамъ я вамъ такой совѣтъ: ступайте
Вы на свадьбу дѣда и безъ зова:
Если васъ на свадьбу не позвали —
Виноватъ Латинъ въ томъ, а не Шишманъ.
Вѣдь Латинъ на шишманову свадьбу
Только съ тѣмъ условьемъ согласился,
Чтобы васъ на свадьбу Шишманъ нѐ бралъ,
Чтобы могъ онъ дѣда опозорить!»
— «Ты скажи, родимая, намъ прямо,
Кто изъ насъ троихъ всѣхъ удалѣе,
Тотъ идетъ пускай на свадьбу дѣда.»
И въ отвѣтъ старушка имъ сказала:
«Ахъ, мои любезные вы дѣти!
Изъ троихъ всѣхъ удалѣе Мирчо.
Разъ къ нему пошла я въ лѣсъ зеленый —
Я ему обѣдъ туда носила —
И застала, что онъ спалъ подъ елью,
И когда въ себя вдыхалъ онъ воздухъ,
Всѣ къ нему склонялися деревья,
А какъ только воздухъ выдыхалъ онъ,
Снова лѣсъ зеленый выпрямлялся.
Знать, изъ всѣхъ васъ удалѣе Мирчо.»
— «Такъ теперь, родная, посовѣтуй:
Какъ бы намъ сейчасъ же вызвать Мирчо?»
— «Ахъ, мои любезные вы дѣти!
Вы сейчасъ письмо ему пишите,
Съ соколо̀мъ письмо ему пошлите,
А въ письмѣ пишите: «милый Мирчо,
Приходи домой скорѣе: Мирчо,
Наша мать больнёхонька и Богъ-вѣсть,
Возвратясь, въ живыхъ ее найдешь ли!»
Братья Мирчѣ тотчасъ отписали:
«Милый братъ, скорѣе возвращайся:
Наша мать больнёхонька и Богъ-вѣсть,
Возвратясь, въ живыхъ ее найдешь ли!»
Вотъ письмо написано — и къ Мирчѣ
Полетѣлъ съ нимъ быстрокрылый соколъ,
Полетѣлъ онъ въ лѣсъ зеленый къ Мирчѣ
И принесъ ему письмо отъ братьевъ.
Прочиталъ письмо отъ братьевъ Мирчо,
Прочиталъ и залился слезами,
И погналъ домой своихъ овечекъ,
Девять стадъ овечекъ мягкорунныхъ.

Не успѣлъ домой вернуться соколъ,
Мирчо былъ ужь со стадами дома.
Входитъ онъ въ родимую свѣтёлку,
Входитъ онъ и видитъ мать старушку.
«Богъ судья тебѣ, моя родная!
Для чего, скажи, дурныя вѣсти
Въ лѣсъ ко мнѣ прислала ты? Вѣдь стадо
Я погналъ домой не сосчитавши!»
— «Ахъ сынокъ, сыночекъ милый Мирчо!
Я пошлю тебя на свадьбу къ дѣду;
Но чтобъ онъ не зналъ, что ты на свадьбѣ!»
И вскочилъ меньшой изъ братьевъ, Мирчо,
Чтобъ приказъ родительскій исполнить:
Осѣдлалъ тотчасъ коня лихого,
Взялъ съ собой свою пастушью гуню,
Поскакалъ на дѣдушкину свадьбу,
Хоть его на свадьбу и не звали.
Онъ засталъ во всемъ убранствѣ сватовъ,
И гостей, и шумный пиръ на славу:
Ѣшь и пей, чего душа желаетъ.
И никто не встрѣтилъ даже Мирчу.
Мирчо сѣлъ съ дѣтьми, подальше въ уголъ.
А король, женихъ печальный, бродитъ,
Бродитъ по покоямъ и горюетъ,
Что не смѣлъ позвать внучатъ на свадьбу.
Всѣ пошли потомъ на пиръ къ Латину;
Пьютъ, ѣдятъ тамъ три дни и три ночи.
Наконецъ король Латинъ сказалъ имъ:
«Нѣтъ еще большого чуда, гости,
Въ томъ что вы не прочь поѣсть и выпить!
Кто изъ васъ поудалѣе будетъ,
Тотъ сейчасъ съумѣетъ сдѣлать чудо:
Кто изъ васъ юнакъ и сынъ юнака,
Тотъ пускай стрѣлой прострѣлитъ перстень,
И тому достанется невѣста.»
Гости всѣ сначала подивились,
А потомъ смутились, замолчали.
Шишманъ самъ ломаетъ руки въ горѣ,
По щекамъ его струятся слёзы.
И сказалъ ему пастухъ какой-то:
«Что съ тобой? что ты горюешь, Шишманъ?»
— «Какъ же мнѣ не горевать, любезный?
Какъ же мнѣ не горевать, не плакать?
Отъ меня Латинъ желаетъ чуда;
Безъ того не отдаетъ невѣсты.
Если бъ я позвалъ внучатъ на свадьбу,
То меня Латинъ не осрамилъ бы!»
И сказалъ ему пастухъ съ усмѣшкой:
«Полно! ты объ этомъ не заботься:
Отъ такой бѣды уйти не трудно!»
Вотъ кольцо поставили для цѣли
И пастухъ попалъ въ него стрѣлою.
Какъ тогда обрадовался Шишманъ!
Но затѣмъ сказалъ Латинъ: «кто можетъ
Распознать изъ трехъ созрѣвшихъ яблокъ
Сколько лѣтъ которому? кто можетъ?»
Гости снова крѣпко подивились,
А потомъ смутились, замолчали.
А пастухъ сказалъ на то Латину:
«Ну такъ что жь? вели подать намъ яблокъ,
Да вели подать съ водою чашу.»
Принесли и яблоки и воду;
Взялъ пастухъ тѣ яблоки и въ воду
Ихъ пустилъ, и первое изъ яблокъ
На водѣ держалось, не тонуло.
«Третій годъ какъ снято!» онъ промолвилъ.
О другомъ изъ яблокъ, затонувшемъ,
Но до дна сосуда не дошедшемъ,
Онъ сказалъ: «оно изъ прошлогоднихъ!»
А о томъ, которое упало
Прямо внизъ, на донышко сосуда,
Онъ сказалъ: «вотъ — нынѣшняго сбору!»
И затѣмъ Латинъ сказалъ: «велю я
Трехъ дѣвицъ — и въ одинакихъ платьяхъ —
Привести: узнай изъ нихъ невѣсту.»
Вотъ пришли три дѣвушки-красотки,
И лицомъ и всѣмъ другъ съ другомъ схожи —
И совсѣмъ смутился старый Шишманъ.
Но пастухъ приблизился къ дѣвицамъ,
Бросилъ горсть червонцевъ и подумалъ:
«Не возьметъ себѣ невѣста денегъ,
Ихъ возьмутъ другія двѣ дѣвицы!»
Двѣ изъ трехъ червонцы собирали,
А одна не тронулася съ мѣста —
И пастухъ сказалъ при этомъ: «Шишманъ!
Вотъ бери теперь свою невѣсту,
Поѣзжай теперь домой съ гостями!»
И себѣ схватилъ пастухъ дѣвицу
И, позвавъ гостей къ себѣ на свадьбу,
Поскакалъ онъ къ Шишману. Съ почетомъ
Принятъ былъ пастухъ въ палатахъ царскихъ.
«Не пастухъ я — я твой внучекъ, Шишманъ!
Всѣхъ зову теперь къ себѣ на свадьбу:
И себѣ я раздобылъ невѣсту.»
И домой къ себѣ пріѣхалъ Мирчо.
Повстрѣчала мать его старушка,
И всплеснула бѣдная руками,
Увидавъ съ невѣстой сына Мирчо,
И съ укоромъ такъ ему сказала:
«Богъ судья тебѣ, несчастный Мирчо!
Для чего ты опозорилъ дѣда,
Для чего ты взялъ его невѣсту?»

— «Ахъ, моя родимая — и дѣду
И себѣ привезъ я по невѣстѣ!»
И тотчасъ веселье началося;
Брачный пиръ три мѣсяца тянулся.

М. Петровскій.

—

II.

ВОЕВОДА ДОЙЧИНЪ.

Боленъ Дойчинъ воевода;
Цѣлыхъ девять лѣтъ лежитъ онъ
На постели на высокой.
Вотъ жена къ нему подходитъ,
Говоритъ ему: «хозяинъ!
Ты все боленъ, все въ постели,
А къ тебѣ арапъ шлётъ съ вѣстью:
Почему къ нему не ѣдешь?»
— «Что жь, красавица-хозяйка,
Пусть такая вѣсть приходитъ,
Только ходишь ли ты вѣрно
За конемъ моимъ ретивымъ —
Въ той ли холѣ онъ какъ прежде,
Пьётъ ли свѣтлое вино онъ,
Ѣстъ ли бѣлую пшеницу
И играетъ ли на волѣ,
Какъ бывало подо мною,
Какъ съ арапами я бился?
Выводи ко ты скорѣе
Къ воротамъ коня лихого:
Дай взглянуть на вороного.»
Вотъ коня она выводитъ
Къ воротамъ — и вспрянулъ Дойчинъ,
Вспрянулъ онъ съ одра болѣзни.
И заржалъ тутъ конь ретивый,
И, заржавши громко, молвилъ:
«Эй! вставай скорѣе Дойчинъ,
Дойчинъ, мой больной хозяинъ!
Я услышалъ прошлой ночью,
Что арапъ къ тебѣ шлётъ съ вѣстью —
Почему къ нему не ѣдешь?»
И сказалъ хозяйкѣ Дойчинъ:
«Ты, красавица-хозяйка,
Отведи коня лихого
Къ кузнецу и побратиму:
Пусть коня мнѣ подкуетъ онъ,
Пусть поставитъ онъ подковы
Вѣсомъ въ девять окъ — не меньше;
Пусть прибьётъ онъ ихъ гвоздями —
Девять-сотъ гвоздей поставитъ,
Все — за триста карагрошей,
Въ долгъ, на слово лишь юнака.»
Вотъ коня беретъ хозяйка
И дорогой мимо лавокъ
Прямо въ кузницу проводитъ.
Конь лихой бѣжитъ, играетъ,
Словно юрьевскій ягнёнокъ;
А народъ въ толпу собрался,
Собрался — переглянулся
И гадаетъ: «не погибъ ли,
Ужь не умеръ ли нашъ Дойчинъ,
Что жена коня проводитъ?
Ужь его не продаетъ ли?
Кто коня лихого купитъ
И жену возьметъ въ придачу?»
А она коня приводитъ
Прямо въ кузницу съ словами:
«Много лѣтъ тебѣ здоровья
Ненавистный мужъ желаетъ!
Подковать коня онъ проситъ,
Въ девять окъ пригнать подковы
И прибить ихъ всѣ гвоздями —
Девять-сотъ гвоздей поставить,
Все — за триста карагрошей,
Въ долгъ, на слово лишь юнака.»
Посмотрѣлъ кузнецъ ей въ очи,
Посмотрѣлъ и такъ промолвилъ:
«Что мнѣ триста карагрошей!
Подкую коня, пожалуй,
За твою красу, что девять
Лѣтъ нетронутой осталась,
На которую ни вѣтеръ
Вѣкъ не вѣялъ и ни солнце
Не смотрѣло, не сжигало.»
И назадъ она вернулась,
Заливаяся слезами,
Словно травка подъ росою.
И спросилъ хозяйку Дойчинъ:
«Что красавица-хозяйка,
Ненаглядная малютка,
Что ты ронишь часты слёзы
Изъ очей своихъ, изъ чорныхъ
На свои на бѣлы щёки,
Словно росу на цвѣточки?
Что же конь мой не подкованъ?»
А хозяйка отвѣчаетъ:
«Твой кузнецъ коня берется
Подковать; за это проситъ
Онъ красу мою, что девять
Лѣтъ нетронутой осталась,

На которую ни вѣтеръ
Вѣкъ не вѣялъ и ни солнце
Не смотрѣло, не сжигало.»
Заскрипѣлъ зубами Дойчинъ,
Заметался на постели
И женѣ своей промолвилъ:
«Что жь, красавица-хозяйка,
Пусть коня онъ не куетъ мнѣ!
Ты введи коня сейчасъ же
Въ стойло, въ темную конюшню;
Осѣдлай сѣдломъ старинньмъ:
Не забудь — подпругъ всѣхъ девять;
Булаву мою достань ты,
Небольшую — въ девять окъ лишь,
Вынь и саблю небольшую,
Небольшую — въ девять пядей,
Что была зарыта въ землю,
Не заржавѣла лежавши;
Позади сѣдла привѣсь ихъ,
И потомъ коня подай мнѣ.
Вотъ коня она сѣдлаетъ
И привѣшиваетъ саблю,
Саблю, вмѣстѣ съ булавою,
И къ хозяину выводитъ.
На коня садится Дойчинъ,
А хозяйка держитъ стремя,
Держитъ стремя — заклинаетъ,
Говоря коню лихому:
«Дай-то Богъ, чтобъ конь ретивый
Далекò занесъ Дойчѝна
И принесъ ко мнѣ арапа.»
Вотъ вступилъ могучій Дойчинъ
Въ позолоченное стремя
И сказалъ своей хозяйкѣ:
«Ну, красавица-хозяйка,
Полотно дай мнѣ льняное,
То, чтò девять лѣтъ бѣлилось,
То, чтò выткано на станѣ
Изъ чемшира, и хранилось
Въ сундукѣ, что изъ чемшира.
Полотномъ тѣмъ бѣлымъ нужно
Обвязать мнѣ всѣ суставы,
Всѣ суставы — что болѣли
Девять лѣтъ, что пролежали
На постелѣ на высокой,
Пролежали — онѣмѣли:
Чтобъ отъ вѣтра не озябли,
Чтобъ на солнце не сгорѣли.»
Полотно несетъ хозяйка;
Дойчинъ имъ обвилъ суставы
И сказалъ женѣ любимой:
«Съ Богомъ, люба, оставайся!»
— «Съ Богомъ, милый мой хозяинъ!
А тебѣ, мой конь, скажу я:
Не играй подъ господиномъ:
Пусть убьютъ его на свалкѣ,
А ко мнѣ арапъ пріѣдетъ!»
Вотъ и въ путь поѣхалъ Дойчинъ.
Отправляясь въ путь-дорогу,
Булаву свою металъ онъ,
Булаву металъ — и видитъ —
Не играетъ конь ретивый.
И спросилъ его хозяинъ:
«Добрый братъ мой и товарищъ!
Что ты, конь мой, не играешь,
Какъ игралъ ты подо-мною,
Какъ съ арапами я бился?
Ужь моя жена ходила ль
За тобой, давала ль корму,
И виномъ поила ль свѣтлымъ?»
— «Дойчинъ, мой больной хозяинъ!
Каждый день меня хозяйка
Щеткой чистила въ конюшнѣ
И виномъ поила свѣтлымъ
Вволю, сколько мнѣ пилося,
И пшеницею кормила,
А сама тебя бранила,
Проклинала — говорила:
«Дай-то Богъ, чтобъ конь ретивый
Далекò занесъ Дойчѝна
И принесъ ко мнѣ арапа.»
И сказалъ на это Дойчинъ:
«Вѣрный конь мой, братъ мой милый!
Не отецъ она, не мать мнѣ,
И не ею былъ я вскормленъ:
Не боюсь ея проклятій.
Разъиграйся, конь мой вѣрный,
Разъиграйся подо-мною,
Какъ игралъ въ былую пору,
Какъ съ арапами я бился!»
Громко конь заржалъ на это,
И скакнулъ на девять ростовъ
Человѣческихъ. А Дойчинъ,
Изловчившись, распрямившись
На золоченныхъ стременахъ,
Молодецки громко гикнулъ,
Булаву метать онъ началъ,
И, взметнувши, отъѣзжалъ онъ
На девять часовъ дороги
И, вернувшися на мѣсто,
Булаву ловилъ рукою.
И арапъ, увидѣвъ это,

На коня на вороного
Сѣлъ, на Дойчина понесся.
Дойчинъ — въ тылъ; арапъ помчался
Догонять его; настигнулъ,
Булавою размахнулся,
Размахнулся, чтобъ ударить;
Но конь Дойчина нагнулся —
И надъ Дойчиномъ стрѣлою
Булава промчалась мимо.
Тутъ, коня оборотивши,
Дойчинъ бросился къ арапу
И, наѣхавъ, громко гикнулъ,
Булавой его ударилъ,
И съ коня свалилъ ударомъ;
Вынулъ саблю небольшую,
Небольшую — въ девять пядей,
Снесъ онъ голову арапу
И къ сѣдлу ее привѣсилъ.
Не держалась голова та
Безъ другого перевѣса —
И назадъ вернулся Дойчинъ,
И, пріѣхавъ къ побратиму
Кузнецу, промолвилъ грозно:
«Не тебѣ ли поручилъ я
Подковать коня, поставить
Вѣсомъ въ девять окъ подковы,
Девять сотъ гвоздей потратить,
Все — за триста карагрошей,
Въ долгъ, на слово лишь юнака?
Ты же брался сдѣлать это
За красу моей хозяйки!»
Тутъ съ коня онъ потянулся,
Сòрвалъ голову рукою
Съ плечь злодѣя-побратима
И къ сѣдлу, съ другого бока,
Прикрѣпилъ для перевѣса.
Послѣ этого вернулся
Онъ домой къ своей хозяйкѣ,
И, казнивъ ее, поѣхалъ
Въ земли чуждыя валаховъ.

М. Петровскій.

—

III.

МАРКОВИЦА.

Возсѣдаетъ Марко во свѣтёлкѣ,
Смотритъ вдаль на пыльную дорогу,
Говоритъ женѣ своей любимой:
«Слушай, глянь-ка, милая, въ окошко:
Что за пыль такая поднялася,
Понеслась, летитъ большой дорогой?»
— «Ничего, любезный мой хозяинъ!
Можетъ-быть, тебѣ такъ показалось?»
Чуть они словами обмѣнялись,
У воротъ ужь кто-то постучался.
И сказалъ ей Марко-Королевичъ:
«Посмотри, кто просится въ ворота.»
Вотъ жена отправилась къ воротамъ;
У воротъ увидѣла арапа.
«Здѣсь, скажи, красавица-молодка,
Проживаетъ Марко-Королевичъ?
Слышалъ я, что молодецъ онъ выпить,
Что въ питьѣ идти на споръ готовъ онъ;
А въ питьѣ я съ нимъ готовъ поспорить.
Я хочу съ нимъ объ закладъ побиться:
Я въ закладъ даю коня лихого,
А въ придачу тòченую саблю.
Саблей той убить меня онъ вправѣ,
Если онъ въ питьѣ меня осилитъ.
Если жь я въ питьѣ его осилю,
То возьму жену его молодку.»
Побѣжала къ Марку Марковица,
Прибѣжала въ мужнину свѣтёлку,
Говоритъ ему: «Ступай, хозяинъ,
Самъ взгляни, кто въ ворота стучится.
Къ намъ арапъ пріѣхалъ черномазый;
Объ закладъ съ тобой онъ хочетъ биться:
Если ты въ питьѣ его осилишь,
Онъ отдастъ тебѣ коня лихого
И въ придачу тòченую саблю:
Ты волёнъ тогда убить арапа;
Перепьётъ тебя арапъ проклятый —
Ты ему жену свою уступишь!»
— «Отвори ему, жена, ворота,
Пусть войдетъ сюда арапъ проклятый.»
И жена ворота отворила,
И, коня поставивши въ конюшню,
Прибѣжала въ мужнину свѣтёлку.
Стали пить вино арапъ и Марко;
Пьютъ три дня, три ночи безъ просыпу;
Оба пьютъ и оба не напьются.
Наконецъ ужь Марку надоѣло
Все сидѣть да пить вино съ арапомъ,
И сказалъ тогда арапу Марко:
«Слушай ты, пріятель черномазый,
Я пойду немножко прогуляться!»
Только разъ дворомъ прошолся Марко,
Ужь бѣжитъ опять въ свою свѣтлицу
И къ вину огнистому садится.

Въ разъ ушатъ вина онъ выпиваетъ —
Семьдесятъ въ немъ окъ вина вмѣщалось.
Богъ судья проклятому арапу!
Подмѣшалъ въ вино онъ чемерицы;
Отъ нея ко сну тянуло Марка;
Марко лёгъ, чтобъ отдохнуть немножко
И не могъ ужь скоро пробудиться.
Богъ судья проклятому арапу!
Говоритъ онъ Марковицѣ: «Слушай,
Скинь свое, надѣнь чужое платье.
Если ты желаешь быть моею,
То тебѣ со мной не худо будетъ,
А ужь мнѣ съ тобой—не надо лучше!»
Говоритъ арапу Марковица:
«Въ добрый часъ, согласна. Слава Богу,
Ты меня отъ пьяницы избавишь.
Подожди немного, соберу я
Все бѣльё, да мужнино оружье.»
Богъ судья проклятому арапу!
Онъ не ждетъ молодку Марковицу —
Молодцомъ вскочилъ и побѣжалъ онъ,
Побѣжалъ онъ въ маркову конюшню,
Своего коня изъ стойла вывелъ,
И коня у Марка то-же взялъ онъ;
На него онъ взбросилъ Марковицу —
И какъ вѣтеръ понеслися полемъ.
Вотъ они приблизились къ Солунѣ,
И сказала тихо Марковица:
«Ахъ, арапъ мой милый, золотой мой!
Здѣсь вѣдь есть у Марка побратимы:
Вѣдь они меня сейчасъ узнаютъ
И убьютъ тебя въ одну минуту.
Скинь сейчасъ ты шолковое платье,
Скинешь ты, а я его надѣну,
Покажусь имъ страшнымъ делибашей,
А тебя я выдамъ за злодѣя,
Много душъ сгубившаго безвинно,
Много зла надѣлавшаго людямъ,
И что я веду тебя къ Царьграду.»
Вотъ вошли они въ корчму въ Солунѣ
И, войдя, вскричала Марковица:
«Гей, сюда, солунскіе граждане!
Здѣсь со мной разбойникъ, душегубецъ;
Онъ успѣлъ пролить не мало крови,
Причинилъ не мало горя людямъ.
Я теперь веду его къ султану.
Если вы дотронетесь хоть пальцемъ
До него — не будетъ вамъ пощады!»
Только ночь нависла надъ Солунемъ,
Поднялась тихонько Марковица,
Поднялась и голову арапу
Съ плечь снесла его же острой саблей;
А едва забрезжилося утро,
Закричалъ ужасный делибаша:
«Гей, сюда, солунскіе граждане!
Подавай разбойника арапа!
Кто изъ васъ злодѣя обезглавилъ?
Разъузнать сейчасъ же это дѣло;
А не то въ живыхъ вамъ не остаться.»
И въ отвѣтъ солунскіе граждане
Говорятъ: «Не можемъ мы дознаться,
Кто убилъ разбойника арапа.
Требуй все, чего ни пожелаешь —
Все дадимъ, чтобъ только откупиться.»
— «Если такъ, то всякаго добра мнѣ
Дать сейчасъ двѣнадцать полныхъ вьюковъ
Съ мулами и ихъ проводниками.
Такъ и быть, тогда я васъ прощаю!»
Дали ей солунскіе граждане,
Дали все чего она желала.
Повернувъ домой съ своей добычей,
До луговъ добравшись подъ Солунемъ,
Вдругъ она встрѣчаетъ мужа Марка.
Говоритъ ей Марко-Королевичъ:
«Гей, постой, могучій делибаша!
Если ты прошолъ моря и земли,
То скажи — о чемъ тебя спрошу я!»
И въ отвѣтъ промолвилъ делибаша:
«Ты скажи мнѣ, Марко-Королевичъ,
Что съ тобой такое приключилось?»
— «Не встрѣчалъ ты гдѣ-нибудь арапа
На пути съ красавицей-молодкой?»
— «Много я земель проѣхалъ, Марко;
На пути-дорогѣ отъ Стамбула,
Заходя въ корчму на ночевую —
То была тридцатая ночевка —
Встрѣтилъ я какого-то арапа;
Везъ съ собой онъ сербскую красотку,
И на взглядъ, какъ-будто, Марковицу.
Да за чѣмъ ты ищешь Марковицу?
Развѣ ты въ землѣ своей не властенъ?
Развѣ ты другой жены не сыщешь?
Вѣдь жена твоя давно искала
И нашла себѣ другого мужа.
Знаешь что: вернись со мною, Марко,
Присмотри за вьюками моими,
Помоги погонщикамъ при мулахъ,
Помоги развьючить и навьючить!»
Повернувъ, путемъ-дорогой ѣдутъ
И подъ часъ она торопитъ Марка,
Бьётъ его порой тройчаткой плетью,
Бьётъ она, торопитъ, наступаетъ

Иногда на пятки мужу Марку,
Такъ что кровь изъ пятъ его сочилась.
Вотъ они добрались до Пирока,
Подошли уже къ селу Плетвару
И спросилъ тутъ грозный делибаша:
«Знаешь, что̀ тебя спрошу я, Марко!
Еслибъ ты увидѣлъ Марковицу,
Могъ ли бъ ты узнать ее?» И Ма̀рко
Отвѣчалъ на это делибашѣ:
«Знаешь что, могучій делибаша,
Не сердись ты на отвѣтъ правдивый:
Только ты къ землѣ опустишь очи,
То какъ разъ похожъ на Марковицу,
Если жь ты на небо смотришь, вѣрь мнѣ —
Никого страшнѣй тебя не зналъ я.»
Лишь они подъѣхали къ Плетвару,
Какъ съ коня спрыгнула Марковица
И, спрыгнувъ, сказала мужу Марку:
«Что, узналъ ты, Марко, Марковицу?»
—«Богъ проститъ тебя за всѣ побои
И за плеть проклятую — тройчатку!»
Вотъ пошли они въ свою свѣтлицу,
Все добро изъ вьюковъ выбирали,
Все добро, добытое въ Солунѣ.

М. Петровскій.

—

IV.

ИСПОВѢДЬ МАРКА-КРАЛЕВИЧА.

Занемогъ — и не на шутку — Марко:
Пролежалъ онъ на одрѣ три года
И ничто ему не помогало.
И ему старушка мать сказала:
«Милый сынъ, мой ненаглядный Марко!
Не Господь послалъ тебѣ страданье —
Боленъ ты, мой сынъ, отъ прегрѣшеній.
Позову поповъ я, милый Марко:
Имъ въ грѣхахъ покайся, сынъ мой милый,
Не тая предъ ними прегрѣшеній.»
Позвала она поповъ къ больно̀му,
И пришло ихъ девятеро къ Марку,
И входя они ему сказали:
«Во грѣхахъ своихъ покайся, Марко!»
И сказалъ имъ Марко-Королевичъ:
«Ахъ, отцы духовные, не мало
На душѣ моей грѣховъ тяжолыхъ!
Погубилъ я много душъ невинныхъ;
Но еще есть грѣхъ, и самый тяжкій:
Какъ я былъ еще въ Землѣ Арапской,
Бились мы съ арапами удачно;
Да случись какая-то старуха:
Подала она лихой совѣтъ имъ.
По ея проклятому совѣту
Изъ ножонъ они достали сабли
И по всей землѣ ихъ раскидали —
И тогда мы безъ коней остались:
Всѣ они порѣзали копыта;
И живьё̀мъ насъ по̀брали арапы,
А побравъ, въ темницы побросали,
Изъ темницъ на казнь лишь выводили.
Девять лѣтъ я просидѣлъ въ темницѣ;
Взаперти не зналъ бы я, не вѣдалъ,
Какъ живутъ на вольномъ свѣтѣ люди,
Ни зимы, ни лѣта я не зналъ бы...
У царя арапскаго въ то время
Дочь была любимая, дѣвица.
И всегда, какъ наступало лѣто,
Приносила мнѣ цвѣтовъ царевна,
Говоря: «возьми себѣ ихъ, Марко,
Въ знакъ того, что лѣто наступило.»
А когда зима смѣняла осень,
Приносила снѣгу мнѣ царевна,
Говоря: «возьми комочекъ снѣгу
Въ знакъ того, что ужь зима настала.»
Думалъ я: что сдѣлать, чтобы выйдти
Изъ моей темницы ненавистной?
Обманулъ я дѣвушку арапку.
«Если бъ ты — я говорю арапкѣ —
Если бъ ты меня освободила,
На тебѣ бы̀ я тогда женился.»
Поддалась словамъ моимъ арапка:
Изъ тюрьмы пустила на свободу.
Дождалась она поры удобной,
Какъ отецъ ея былъ на охотѣ;
Трехъ лихихъ коней взяла арапка,
Трехъ коней навьючила казною.
На коня къ себѣ я взялъ арапку;
Понеслись мы съ ней Прилѣпскимъ полемъ.
Встали мы у чистаго колодца,
Чтобы тамъ хлебнуть воды студёной.
Я взглянулъ въ то время на арапку,
А у ней лицо черно какъ уголь,
Зубы лишь бѣлѣли при улыбкѣ.
Стало мнѣ и тяжко и противно...
Саблей снесъ я голову арапкѣ.
Каюсь я въ великомъ прегрѣшеньи.
И зачѣмъ я погубилъ арапку,
Для чего ее домой я нѐ взялъ,
Не привезъ ее къ своей старушкѣ?

Какъ сестра, она со мной жила бы,
И грѣха я на̀ душу бы нѐ взялъ!
Взаперти въ своей сырой темницѣ
Я не зналъ что день, что ночь, не зналъ бы
Ни зимы, ни лѣта безъ арапки;
И она меня освободила;
А за-то я смертью отплатилъ ей.
Вотъ грѣхи мои, отцы святые!»
Поднялись священники соборнѣ
И читать Евангеліе стали,
Стали пѣть молитвы покаянья
И три дня, три ночи цѣлыхъ пѣли.
И сошолъ — спустился сонъ на Марка;
А когда отъ сна онъ пробудился,
Могъ присѣсть ужь на одрѣ болѣзни.
Съ той поры все оправлялся Марко
Съ каждымъ днемъ до дня выздоровленья.

М. Петровскій.

—

V.

МАРКО-КРАЛЕВИЧЪ И МАДЯРИНЪ ФИЛИППЪ.

Сѣлъ Краль-Марко, сѣлъ за ужинъ,
Вмѣстѣ съ матерью своею,
И подъ усъ себѣ смѣется.
Мать сказала Кралю-Марку:
«Что ты, Марко, все смѣешься?
На смѣхъ старость подымаешь?
Аль смѣшонъ тебѣ мой ужинъ?
Иль вино мое не сладко?»
Отвѣчаетъ ей Краль-Марко:
«Я смѣюся не на ужинъ,
А смѣюся на мадяра,
На мадярина Филиппа:
Часто, мелко мнѣ онъ пишетъ,
Мелко пишетъ, въ гости проситъ —
Погулять, повеселиться
И борьбою побороться.»
Отвѣчаетъ мать Краль-Марку:
«Охъ, не ѣзди, сынъ мой милый,
Охъ, не ѣзди къ злымъ мадярамъ!
Погубилъ Филиппъ мадяринъ
Сорокъ мо̀лодцовъ болгарскихъ
И увелъ ихъ жонъ съ собою.»
Только Марко не послушалъ,
Не послушалъ этой рѣчи,
Всталъ, собра̀лся и поѣхалъ.
Какъ пріѣхалъ онъ къ мадярамъ,
Видитъ: рѣчка протекаетъ
Передъ избами мадяровъ,
Подлѣ рѣчки сорокъ плѣнницъ
Полотно стираютъ бѣло,
А съ высокаго забора
Смотрятъ, воткнуты на копья,
Удалы̀ башки болгаровъ,
Что мужей тѣхъ горькихъ плѣнницъ.
Опросилъ тѣхъ плѣнницъ Марко:
«Гдѣ у васъ Филиппъ мадяринъ?»
А онѣ ему сказали:
«Что тебѣ Филиппъ мадяринъ?
Проѣзжай ты лучше мимо.
Погубилъ Филиппъ мадяринъ
Сорокъ мо̀лодцовъ болгарскихъ.
Видишь головы на копьяхъ:
Это головы болгаровъ,
Что мужей ли нашихъ милыхъ.
Видишь этотъ бѣлый камень:
Онъ его одной рукою
Поднимаетъ и бросаетъ.»
Марко тронулъ тихо лошадь,
Поднялъ съ земи бѣлый камень
И его далеко бросилъ.
Ѣдетъ Марко, ѣдетъ Марко
Прямо къ терему Филиппа,
Видитъ: заперты ворота;
Марко толкъ ногой въ ворота —
И ворота отворились.
Онъ во дворъ широкій ѣдетъ,
И мадярина онъ кличетъ,
Но выходитъ не мадяринъ,
А пригожая мадярка.
«Гдѣ Филиппъ?» спросилъ Краль-Марко;
А мадярка отвѣчаетъ:
«Пьётъ вино въ сухихъ подвалахъ.»
Марко слѣзъ съ коня лихого
И съ руки у той мадярки
Снялъ запястья золотыя
И за пазуху засунулъ.
На коня садится Марко
И поѣхалъ и поѣхалъ
Онъ къ мадярину Филиппу.
Какъ Филиппъ увидѣлъ Марка,
Налилъ чарку, подалъ Марку;
Марко выпилъ чарку разомъ,
И мигнулъ, чтобы онъ налилъ,
Да не въ ту бы налилъ чарку,
А ужь въ маркову ендовку:
Девять мѣръ брала ендовка.
Налилъ тотъ ендовку Марку;

Марко взялъ ее и подалъ
Самому тому Филиппу,
Но не могъ Филиппъ мадяринъ
Одолѣть и половины.
Наливаетъ Марко снова
И мадяркины запястья
Изъ-за пазухи вынаетъ
И кладетъ передъ Филиппомъ.
Какъ увидѣлъ ихъ мадяринъ,
Какъ сказалъ ему Краль-Марко,
Чтобы выкупилъ запястья —
Булаву мадяринъ вынулъ
И на бой зоветъ Краль-Марка;
А Краль-Марко отвѣчаетъ:
«Погоди, Филиппъ мадяринъ;
Дай допить: не жаль ендовки,
Жаль вина недопитòго.»
Какъ махнетъ ендовкой Марко,
Да какъ хлопнетъ онъ Филиппа,
Ажно вбилъ въ сырую землю.
Самъ давай хватать мадярокъ:
Нахваталъ ихъ цѣлыхъ сорокъ,
И въ Болгарію поѣхалъ.
Подъѣзжаетъ Марко къ дому;
Пыль клубится по дорогѣ.
Мать его дворомъ проходитъ,
Мать проходитъ, слёзы ронитъ,
Говоритъ своей невѣсткѣ:
«Полонилъ Филиппъ мадяринъ,
Полонилъ онъ Краля-Марка;
Посмотри, сюда онъ ѣдетъ,
Полонитъ и насъ съ тобою.»
Не былъ то Филиппъ мадяринъ
А удàлый былъ Краль-Марко,
Велъ мадярокъ полоненныхъ,
Велъ мадярокъ цѣлыхъ сорокъ.

Н. Бергъ.

—

VI.

МАРКО-КРАЛЕВИЧЪ И ФИЛИППЪ СОКОЛЪ.

Похвалялся Филиппъ Соколъ,
Какъ вечоръ за столъ садился,
Похвалялся предъ женою,
Предъ своею Соколихой,
Что убьётъ онъ Краля-Марка —
Не убьётъ онъ Краля-Марка,
А возьметъ къ себѣ въ холопы,
Дворъ мести ему широкій
И ребятъ мальчишекъ няньчить.
Услыхала эти рѣчи,
Услыхала Самодива,
Самодива горна дива,
И взвилась и полетѣла
Ко дворамъ широкимъ Марка,
На его хоромы сѣла,
Да какъ взвизгнетъ Самодива,
Самодива горна дива:
«Гой ты, гой еси, Краль-Марко,
Побратимъ ты мой любезный!»
Говорила Самодива:
«Побратимъ ты мой любезный!
Похвалялся Филиппъ Соколъ,
Какъ вечоръ за столъ садился,
Похвалялся предъ женою,
Предъ своею Соколихой,
Что убьётъ онъ Краля-Марка,
Не убьётъ — возьметъ въ холопы,
Дворъ мести ему широкій
И ребятъ мальчишекъ няньчить.»
Разсердился крѣпко Марко,
Разсердился, прогнѣвился,
Взялъ пошолъ онъ лошадёнку
Неучоную, плохую,
Чтò узды совсѣмъ не знала,
Въ чистомъ полѣ не бывала.
Марко сѣлъ на лошадёнку,
Въ поле чистое пустился;
Какъ заскачетъ, какъ запляшетъ
Лошадёнка та подъ Маркомъ,
Ажно пыль взвилась клубами.
Тутъ поѣхалъ въ путь Краль-Марко,
Въ путь-дорогу чистымъ полемъ,
Въ путь поѣхалъ и пріѣхалъ
Къ дому Сокола Филиппа.
«Выходи, Филиппъ ты Соколъ,
Выходи со мной бороться.»
Какъ услышалъ Филиппъ Соколъ
Зычный голосъ Краля-Марка,
Вышелъ къ Марку Филиппъ Соколъ,
Воронà коня выводитъ,
Выѣзжаетъ съ Маркомъ въ поле,
Чтобъ по-биться, по-бороться
И въ борьбѣ другъ друга ранить.
Долго бились и боролись,
Одолѣлъ Филиппа Марко,
Говоритъ Филиппу Марко:
«Гой еси ты, Филиппъ Соколъ,
Я возьму тебя въ холопы,

А жену твою въ холопки,
А ребятъ твоихъ въ холопство.»
Отвѣчаетъ Филиппъ Соколъ:
«Гой ты, гой еси, Краль-Марко,
Не бери меня въ холопы,
Лучше голову ссѣки мнѣ,
Погуби мнѣ Соколиху
И дѣтей моихъ парнишекъ.»
Говоритъ Филиппу Марко:
«Гой еси ты, Филиппъ Соколъ!
Не хвалился бы ты лучше,
Не хвалился бъ, не грозился,
Что убьёшь ты Краля-Марка.
Мнѣ не надо Соколихи
И дѣтей твоихъ парнишекъ,
Только ты одинъ мнѣ нуженъ:
Девять лѣтъ служи мнѣ вѣрно,
И мети мнѣ дворъ широкій.»
Ухватилъ его Краль-Марко
И отвелъ его Краль-Марко
Ко дворамъ своимъ широкимъ.
Гой еси ты, Филиппъ Соколъ,
Филиппъ Соколъ, злой мадяринъ!

Н. Бергъ.

—

VII.

МАРКО-КРАЛЕВИЧЪ ОТЫСКИВАЕТЪ СВОЕГО БРАТА.

Какъ собралъ къ себѣ Краль-Марко,
Какъ собралъ къ себѣ всѣхъ бановъ
Ѣсть и пить и веселиться —
Всякій началъ похваляться
Добрымъ братомъ иль сестрою,
А Краль-Марко похвалялся
Все конемъ своимъ удалымъ.
Осердились гости Марка:
«Похвалялись мы — кто братомъ,
Кто сестрою, а Краль-Марко,
А Краль-Марко конскимъ мясомъ.»
Осерчалъ на те Краль-Марко,
Опросилъ онъ мать родную·
«Родила ль еще ты на свѣтъ
Добра молодца такого,
Какъ меня ли Краля-Марка?»
Мать кралёва отвѣчаетъ:
«Былъ другой такой, какъ Марко,
Назывался онъ Андреемъ,
Да прошли тутъ злые турки,
Злые турки, анатольцы,
Взяли силою Андрея
И ушли съ нимъ во-свояси.»
Отвѣчаетъ ей Краль-Марко:
«Гой еси ты, мать родная,
Ты наполни, ты наполни
Вьюки золотомъ червоннымъ,
Чтобы стало мнѣ въ дорогу:
Я пойду искать Андрея.»
Всталъ Краль-Марко и поѣхалъ
Прямо внизъ къ Сулину-граду.
Сталъ онъ сумраченъ и грозенъ,
Грозенъ-сумраченъ какъ турка.
Шолъ народъ градской въ мечети
И Краль-Марко за народомъ.
Турки кланялись въ мечетяхъ,
Съ ними кланялся и Марко,
А молился пô болгарски.
Вышли турки изъ мечети
И Краль-Марко съ ними вышелъ,
И пошолъ въ корчму къ корчмаркѣ
И сказалъ ей: «дай вина мнѣ,
Дай вина мнѣ на червонецъ.»
А корчмарка отвѣчаетъ:
«Есть вино, да не на деньги,
А на споръ, кто больше выпьетъ.»
Говоритъ опять Краль-Марко:
«Съ кѣмъ же будетъ мнѣ поспорить?»
Повела его корчмарка
Къ мужу, именемъ Андрею;
Заложили тутъ за Марка
Шарца кралева лихого,
За Андрея заложили
Молоду его корчмарку:
Кто напьётся пьянымъ прежде,
Тотъ закладъ свой проиграетъ.
Три дни ѣли, три дни пили —
Марко перепилъ Андрея;
Говоритъ корчмаркѣ Марко:
«Гой ты, гой еси, корчмарка!
Собирайся въ путь дорогу —
И въ Болгарію поѣдемъ!»
А корчмарка отвѣчаетъ:
«Манафинъ *) ты некрещеный!
У меня въ Землѣ Болгарской
Есть Краль-Марко, милый деверь:
Онъ убьётъ тебя гяура.»
Говоритъ корчмаркѣ Марко:

*) Азіатскій турокъ.

«Гой ты, гой еси, корчмарка!
Вотъ онъ деверь твой Краль-Марко!»
А корчмарка отвѣчаетъ:
Лжошь, гауръ ты некрещеный!
Я узнала бъ Краля-Марка!»
Говоритъ опять Краль-Марко:
«А почемъ бы ты узнала?»
А корчмарка отвѣчаетъ:
«Я слыхала отъ Андрея,
Что Краль-Марко уродился
Съ золотыми волосами.»
Тутъ Краль-Марко шапку скинулъ
И какъ солнце заблистали
Кудри Марка золотыя.
Побѣжала прочь корчмарка
И давай будить Андрея.
А тѣмъ временемъ Краль-Марко
Приумылся, нарядился:
Узнавались оба брата
И за трапезу садились.
Ѣли, ѣли, сколько съѣли,
Пили, пили, что есть силы,
А напившись встали оба
И въ Болгарію собрались.
Ѣдутъ, ѣдутъ, много ль, долго ль,
Говоритъ Андрей дорогой:
«Гой еси ты, братъ мой милый,
Гдѣ бы мнѣ воды напиться?»
Говоритъ Краль-Марко брату:
«Здѣсь воды тебѣ не держатъ,
Есть корчма по-край дороги,
У лихого Кеседжіи:
Попытай, шумни корчмаркѣ —
Пусть отпуститъ на червонецъ;
Но съ коня, смотри, не слазій.»
Тотъ поѣхалъ, громко крикнулъ:
«Гой ты, гой еси, корчмарка!
Дай вина мнѣ на червонецъ.»
Говоритъ ему корчмарка:
«Слѣзь съ коня, напейся даромъ.»
Какъ ту рѣчь Андрей услышалъ,
Дался диву, слѣзъ и началъ
Пить вино, а Кеседжія
Подскочилъ къ Андрею сзади
И подсѣкъ его булатомъ.
Долго ждалъ Андрея Марко,
Ждалъ, пождалъ, вздремнулось Марку;
Какъ очнулся, молвитъ тихо,
Молвитъ онъ своей золовкѣ:
«Гой ты, гой еси, золовка,
Ты золовка дорогая!
Сгибъ Андрей нашъ, не вернется:
Сонъ дурной сейчасъ я видѣлъ,
Что свалился на-земь волосъ
Съ головы моей удалой.»
Тутъ къ корчмѣ подъѣхалъ Марко
И кричитъ корчмаркѣ Марко:
«Дай вина мнѣ на червонецъ.»
Говоритъ ему корчмарка:
«Слѣзь съ коня, напейся даромъ.»
Марко слѣзъ и вынулъ саблю,
Изрубилъ все Кеседжійство,
А корчмарку сжогъ живую,
И вернулся, и отвелъ онъ,
И отвелъ вдову Андрея,
Андриху молодую,
Къ старой матушкѣ родимой.

Н. Бергъ.

—

VIII.

ОБИТЕЛЬ ВРАЧАРНИЦА.

Жили были двое добрыхъ братьевъ,
Жили дружно, истинно по-братски;
Сговорились вмѣстѣ пожениться,
Сговорились — оба поженились.
А при нихъ жила сестра родная.
Какъ сестру свою они любили!
Ей они построили свѣтлицу;
Въ той свѣтлицѣ нѣжили сестрицу.
Чтобъ съ сестрой не разставаться, братья
Не хотятъ ее и замужъ выдать.
Думали-гадали злыя снохи,
Какъ бы имъ управиться съ золовкой,
Какъ бы братьевъ развести съ сестрою.
У одной снохи былъ сынъ — ребенокъ.
Вотъ и сговорились тайно снохи:
«Только братья выйдутъ на охоту,
Мы отворимъ сестрину свѣтлицу,
Мы найдемъ у ней въ карманѣ ножикъ,
Имъ зарѣжемъ своего младенца:
Разведемъ мужей съ золовкой нашей.»
И на чемъ сошлись и порѣшили
Злыя снохи, то и совершили.
Вышли братья какъ-то на охоту;
Жоны ихъ тотчасъ пошли въ свѣтлицу,
Взяли у золовки фряжскій ножикъ,
Имъ дитя зарѣзали въ свѣтлицѣ;
Обагривши дѣтской кровью ножикъ,

Положили ножъ въ карманъ золовкѣ
И свѣтлицу снова затворили;
А золовка такъ и не проснулась.
Занялась заря, настало утро —
И съ охоты братья воротились,
А ихъ жоны причитаютъ, воютъ.
Услыхали братья эти вопли,
Обратились къ жонамъ: «Ахъ, молодки!
Что такое съ вами приключилось?
Отчего вы распустили косы?
Али нѣтъ въ живыхъ золовки вашей?»
— «Ахъ, мужья, одинъ Господь судья вамъ,
Вамъ судья, да и сестрицѣ вашей!
За любовь къ сестрѣ Онъ васъ накажетъ.»
— «Что у васъ надѣлала сестрица?»
Испугались, онѣмѣли братья,
Какъ сказали имъ молодки-жоны,
Что сестра убила ихъ малютку.
И сказали братья: «быть не можетъ,
Чтобъ сестра такъ поступила съ нами,
Чтобъ убила нашего малютку.»
А собаки-жоны говорятъ имъ:
«Ахъ, мужья, не вѣрите вы? взгляньте,
Отворите сестрину свѣтлицу,
Посмотрите на свою сестрицу!»
Идутъ братья въ сестрину свѣтлицу,
Потихоньку отворяютъ двери
И къ сестрѣ своей любимой входятъ,
Но ее не будятъ сразу: тихо,
Кротко будятъ милую сестрицу.
Вотъ она проснулась, испугалась,
Говоритъ своимъ любимымъ братьямъ:
«Ахъ, мои любезные, скажите,
Что за плачь такой у васъ, родные?»
— «Ахъ, сестра, что сдѣлала ты съ нами!
За любовь за родственную нашу,
Ты убила нашего малютку.»
Испугалась ихъ сестра, смутилась,
Съ перепугу заклиналась Богомъ,
Заклиналась, говорила братьямъ:
«Ахъ, мои родимые, что съ вами?
Что такое вы мнѣ говорите?»
— «Ну, сестра, ужь если ты невинна,
Такъ достань ты намъ свой фряжскій ножикъ,
Фряжскій ножикъ кровью омочѐнный...
Такъ умри жь и ты насильной смертью!»
Вотъ они сестру на дворъ выводятъ;
Тамъ она взмолилась милымъ братьямъ:
«Ахъ, мои родные, погодите,
Во дворѣ не проливайте крови;
Со двора меня вы уведите,
Отведите дальше, въ лѣсъ зеленый,
На поляну, гдѣ ростетъ дятловникъ,
Тамъ, гдѣ видно дерево сухое,
Тамъ, гдѣ видѣнъ высохшій источникъ.»
Все о чемъ сестра просила братьевъ,
Все они исполнили: въ зеленый
Лѣсъ свели ее, нашли поляну,
На которой всюду росъ дятловникъ,
Отыскали высохшій источникъ,
Отыскали дерево сухое.
Тамъ сестра сказала братьямъ: «братья!
Если я у васъ дитя убила —
Никогда источникъ не пробьётся,
Дерево сухое не прозябнетъ
И дятловникъ на всегда заглохнетъ;
Если жь я невинна передъ Богомъ,
То сейчасъ источникъ оживится,
Дерево сухое отродится,
Гдѣ дятловникъ — тамъ обитель будетъ.»
Не успѣла все она промолвить,
Какъ предъ ними дерево прозябло,
Закипѣлъ источникъ вновь водою,
На полянѣ вознеслась обитель.
Тутъ сестра сказала братьямъ: «братья!
Всѣ, кто чѣмъ теперь ни заболѣетъ,
Пусть идутъ сюда за исцѣленьемъ;
Если жь ваши жоны заболѣютъ,
Девять лѣтъ имъ пролежать въ постеляхъ,
Протереть имъ столько же постелей,
Не найти имъ больше исцѣленья;
А придутъ сюда къ моимъ останкамъ —
Передъ ними храмъ святой замкнется
И вода въ источникѣ изсякнетъ,
И домой вы повернете съ ними,
Понесете ихъ въ болѣзни пущей,
Бросите ихъ на пути-дорогѣ;
Воронья повыклюютъ имъ очи,
Разнесутъ ихъ тѣло злые волки
И костямъ ихъ больше не собраться.
А младенецъ вашъ со мною будетъ.
Ну, теперь меня убейте, братья:
За любовь за родственную вашу
Смерть моя отпустится вамъ, братья.»
И сестру свою убили братья.
Тамъ, гдѣ кровь страдалицы точилась —
Очутилась церковь; тамъ, гдѣ пала
Голова ея — алтарь явился;
Тамъ, гдѣ пали слёзы неповинной —
Вдругъ пробился ключъ воды цѣлебной.
Появился тамъ младенецъ мальчикъ —
Въ ангела младенецъ превратился —

Каждый день служилъ онъ литургію;
Немощные притекали къ храму,
Притекали къ храму — исцѣлялись.
Воротясь домой, застали братья
Злобныхъ жонъ своихъ уже больными;
Девять лѣтъ болѣли злыя жоны,
Пролежали столько же постелей —
И ничто болѣзнь не облегчало.
Услыхавши какъ-то стороною,
Будто гдѣ-то проявилась церковь
Съ чудною врачующею силой,
Исцѣлявшей тяжкіе недуги —
Говорятъ болѣющія жоны,
Говорятъ мужьямъ своимъ: «пронесся
Слухъ, что будто проявилась церковь
Съ чудною врачующею силой
И съ ключемъ воды живой, цѣлебной;
Будто въ церкви той младенецъ-мальчикъ
Ежедневно служитъ литургію;
Будто въ церковь всѣ идутъ больными,
А домой здоровыми приходятъ.
Если бъ насъ снесли вы къ этой церкви?»
Взяли братья жонъ своихъ болящихъ,
Понесли ихъ къ церкви въ лѣсъ зеленый:
Тамъ нашли Врачàрницу обитель,
Отыскали ключъ воды цѣлебной,
Услыхали пѣніе младенца;
Но едва приблизилися къ церкви,
Какъ предъ ними затворилась церковь,
Тотчасъ смолкло пѣніе младенца
И изсякъ потокъ воды цѣлебной.
Только тутъ и вспомнилося братьямъ,
Что сестра предъ смертью имъ сказала.
И домой поворотили братья;
Шли они неровною дорогой,
Бросили лукавыхъ жонъ дорогой
И сказали: «вотъ вамъ наказанье!
Вы у насъ сестру сгубили — пусть же
Упадетъ на васъ ея проклятье!»
И у жонъ ихъ вòроны и галки
У живыхъ выклевывали очи;
Ихъ тѣла растаскивали волки,
А душа въ тѣлахъ еще держалась.
Снова братья на коней вскочили,
Снова къ церкви въ лѣсъ поворотили;
Передъ прахомъ сестринымъ склонившись,
Говорили ей: «прости сестрица!»
И сестра простила грѣшныхъ братьевъ:
Отворилась передъ ними церковь;
Снова въ цèркви пѣлась литургія.
Оба брата иноками стали
И остались навсегда при церкви.
И стоитъ та церковь и понынѣ
Въ радость всѣмъ радѣющимъ святынѣ.

М. Петровскій.

III. ХОРУТАНСКІЯ.

I.

ЖЕНИТЬБА КОРОЛЯ МАТІАСА.

Матьясъ удалый женится
На молодой Аленчицѣ,
Красавицѣ невиданной,
На королевнѣ угорской.
Не долго съ ней онъ тѣшится,
Не долго — три денька всего:
Ужь въ первый день спускается
Къ Матьясу птица вѣщая,
Щебечетъ вѣсть печальную:
«Сбери войскà поспѣшнѣе,
Иди къ границамъ Угорскимъ.»
Въ отвѣтъ Матьясъ промолвилъ ей:
«Нельзя въ походъ мнѣ двинуться:
Не отдохнули воины,
И лошади не кованы,
И сабли не наточены
И ружья не заряжены.»
Насталъ второй по свадьбѣ день —
И снова птица вѣщая
Въ походъ зоветъ по прежнему;
Матьясъ отвѣтилъ то же ей.
Когда спустилась въ третій разъ
Къ Матьясу птица вѣщая —
Матьясъ готовъ въ походъ идти.
Зоветъ король Аленчицу,
Свою супругу милую,
И говоритъ Аленчицѣ:
«Въ походъ я долженъ двинуться,
Въ походъ къ границамъ Угріи.
Тебѣ придется, милая,
Немного покручиниться!
Считай почаще золото,
Посматривай на крѣпости;
Но не гуляй ты пò саду,
Чтобъ не попасться турчину!»
Матьясъ коня любимаго
Беретъ, летитъ изъ города,
Летитъ къ границамъ Угорскимъ.
Матьяса ждали воины,
Шатеръ ему устроили:
Онъ прибылъ — и раздàлися
Далеко крики радости,
И турки ихъ услышали.
Матьясъ въ турецкомъ лагерѣ
Съ булатной саблей носится:
Махнетъ булатной саблею —
И девяти головушекъ
Враги недосчитаются.
И снова по поднѐбесью
Летаетъ птица вѣщая:
Вокругъ шатра проносится
Три раза — и на яблоко,
На золотое яблоко
Шатра она спускается,
Щебечетъ вѣсть печальную:
«Сѣдлай коня удàлого!
Ты о другихъ заботишься;
Чужіе страны мѣряя,
Забылъ свою сторонушку;
А тамъ твоя Аленчица
Въ турецкій плѣнъ попалася:
Разъ турки къ вамъ пріѣхали,
Аленчицу похитили.»
Матьясъ отвѣтилъ вѣстницѣ:
«Чѣмъ вѣсть свою докаже[illegible]
Нельзя меня испытыват[illegible]
Шутя: винтовкой мѣт[illegible]
Я правды допыта[illegible]
— «Зачѣмъ теб[illegible]
Возьми меня [illegible]

Легко, какъ птичка вольная
Съ земли на вѣтку прыгаетъ,
Матьясъ взлетѣлъ на борзаго —
И вотъ понесся пò полю,
Быстрѣе, легче облачка,
Въ свой замокъ крѣпкій, каменный,
Въ свои палаты свѣтлые.
А всѣ его домашніе
Спѣшатъ на встрѣчу съ воплями,
Со вздохами, съ рыданіемъ.
Матьясъ сказалъ горюющимъ:
«Не бойтеся: воротится
Къ вамъ королева въ скорости.»
Онъ туркомъ одѣвается:
Беретъ онъ саблю свѣтлую,
На саблѣ лента алая,
Подъ платьемъ крестъ онъ вѣшаетъ,
Беретъ коня удàлаго.
Несется конь, подковами
Взбиваетъ пыль песчаную
И сыплетъ искры яркія;
Черезъ границы Угріи
Летитъ далеко въ Турцію.
Среди далекой Турціи
Ростутъ три липы старыя:
Подъ первой кони ставятся
И къ пляскѣ турки рядятся;
А подъ второю липою
Торгуютъ бѣдной раею;
Подъ третьей — пляшутъ весело.
Матьясъ, сидѣвшій съ турками,
Спросилъ пашу турецкаго:
«Почемъ вы раю цѣните?»
Паша турецкій весело
Отвѣтилъ: «цѣны разныя:
Есть рая по червонному,
Есть рая и по талеру;
А для того и зàдаромъ,
Кто можетъ съ нами мѣриться
Съ успѣхомъ въ молодечествѣ!»
Полѣзъ въ карманъ за золотомъ
Король Матьясъ, и, вынувши
Червонецъ, по столу пустилъ;
Червонецъ цѣлыхъ три раза
Обходитъ столъ и падаетъ
Передъ пашой. Увидѣвши
Червонецъ этотъ, съ радостью
Паша замѣтилъ: «золото
Чекана всѣмъ извѣстнаго
Матьяса, краля Угріи.»
Матьясъ на это холодно
Пашѣ отвѣтилъ: «истина!
Я самъ его, голубчика,
Убилъ и дòбылъ золото!»
И, знакъ подавши музыкѣ,
Идетъ онъ выбрать дѣвушку.
И выбралъ онъ Аленчицу,
Аленчицу любимую;
Другъ другу руки подали
И въ пляску вмигъ пустилися.
И кажетъ онъ ей перстень свой;
Она въ отвѣтъ: «желанный мой!
Давно я дожидалася
Тебя, ждала — боялася.
Мнѣ льстили всѣ невѣрные...
Теперь пусть гладятъ бороды.»
Матьясъ отвѣтилъ: «нè о чемъ
Теперь, мой другъ, кручиниться!
Когда еще мы сдѣлаемъ
Кружокъ и поравняемся
Съ конемъ моимъ, въ мгновеніе
Я взброшу на сѣдло тебя;
Поскачемъ мы, но помни же:
Какъ только вправо буду я
Крошить невѣрныхъ саблею,
Такъ ты на лѣво склонишься.»
Опять плясать пускаются,
И только поровнялися
Съ конемъ своимъ, въ мгновеніе
Къ коню они бросаются
И къ Савѣ мчатся молніей.
И турки, осмотрѣвшися,
Толпой за ними гонятся;
Паша турецкій бороду
Поглаживаетъ съ шутками:
«Мнѣ то-же доводилося
Въ плѣну у нихъ посиживать!
За это снимемъ голову
Матьясу, а Аленчица
На долю мнѣ достанется.»
Матьясъ на обѣ стороны
Сѣчетъ невѣрныхъ саблею,
И также въ обѣ стороны
Супруга уклоняется.
Мелькаетъ сабля молніей —
И какъ снопы за жницею
Ложатся слѣдомъ пò полю,
Рядами разстилается
Трава, косцомъ скошòнная —
Такъ за Матьясомъ падаютъ
Рядами турки мертвые.
И, доскакавъ до кузницы,

Онъ кузнецу приказывалъ:
«Послушай! ты вѣдь славишься
Турецкой ковкой лошади:
Раскуй коня немедленно,
И перекуй на изворотъ —
Передній шипъ назадъ поставь!»
Кузнецъ коня матьясова
Перековалъ наизворотъ.
Матьясъ рукою лѣвою
За ковку платитъ, правою
Онъ сноситъ турку голову
И гонитъ въ Саву быструю
Коня лихого, вѣрнаго.
Прыгнувши въ Саву быструю,
Заржалъ ретивый, знаючи —
Что онъ иссетъ въ отечество
Матьяса и Аленчицу;
И ихъ чрезъ Саву быструю
Онъ вынесъ прямо въ Угрію.

М. Петровскій.

—

II.

АНСЕЛЬМЪ.

Въ свой садъ пошла она гулять —
Душистыхъ, алыхъ розъ нарвать,
Букетъ для милаго связать.

И сорвала она: цвѣтокъ
Душистой розы, ноготокъ
И розмариновый листокъ.

Букетъ въ рукахъ ея дрожитъ:
Слезами скорби онъ омытъ
И чорной лентой перевитъ.

«Ансельмъ! въ живыхъ ты, или нѣтъ,
Услышь далекій мой привѣтъ!
Спѣши: готовъ тебѣ букетъ!»

Часы одиннадцать ужь бьютъ —
И другъ желанный тутъ, какъ тутъ,
Стучится въ прежній свой пріютъ.

«Въ живыхъ ли, другъ мой, или нѣтъ,
Спѣшу къ тебѣ на твой привѣтъ —
Принять обѣщанный букетъ!»

Она въ свой домъ его ввела,
Руками крѣпко обвила
И въ поцалуѣ замерла.

Спѣша собраться какъ-нибудь,
Она спѣшитъ въ далекій путь,
Чтобъ послѣ съ милымъ отдохнуть.

И конь съ влюбленною четой
Летитъ пернатою стрѣлой,
Взмѣтая къ небу прахъ густой.

И вотъ съ возлюбленной своей
Ансельмъ несется средь полей —
И говоритъ тихонько ей:

«Послушай, мой бѣзцѣнный другъ!
Тебѣ въ пути грозитъ испугъ:
Сейчасъ на мысль мнѣ вспало вдругъ —

«Что часто въ здѣшней сторонѣ,
При свѣтѣ звѣздъ и при лунѣ,
Мертвецъ блуждаетъ на конѣ!»

— «Чего бояться, милый мой?
Я ѣду смѣло — я съ тобой...
Да снидетъ къ мертвому покой!

«При свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ
Короче дальній переѣздъ,
Среди пустынныхъ этихъ мѣстъ.»

Конь мчится — пламя и краса...
Мелькаютъ долы и лѣса;
Въ звѣздахъ сіяютъ небеса.

И снова молвитъ онъ: «мой другъ!
Тебѣ въ пути грозитъ испугъ:
Сейчасъ на мысль мнѣ вспало вдругъ —

«Что часто въ здѣшней сторонѣ,
При свѣтѣ звѣздъ и при лунѣ,
Мертвецъ блуждаетъ на конѣ!»

— «Чего бояться, милый мой?
Я ѣду смѣло — я съ тобой...
Да снидетъ къ мертвому покой!

«При свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ
Короче дальній переѣздъ,
Среди пустынныхъ этихъ мѣстъ.»

Конь мчится — пламя и краса...
Мелькают долы и лѣса;
Въ звѣздахъ сіяютъ небеса.

И въ третій разъ онъ молвитъ: «другъ!
Тебѣ въ пути грозитъ испугъ:
Сейчасъ на мысль мнѣ вспало вдругъ —

«Что часто въ здѣшней сторонѣ,
При свѣтѣ звѣздъ и при лунѣ,
Мертвецъ блуждаетъ на конѣ!»

— «Чего бояться, милый мой?
Я ѣду смѣло — я съ тобой...
Да снидетъ къ мертвому покой!

«При свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ
Короче дальній переѣздъ,
Среди пустынныхъ этихъ мѣстъ.»

Конь мчится — пламя и краса...
Мелькаютъ долы и лѣса,
Въ звѣздахъ сіяютъ небеса.

Къ подножью чорнаго креста
Примчалась юная чета...
Кругомъ кладбище — пустота...

Могила вскрылась подъ холмомъ:
Ансельмъ вошолъ въ свой тѣсный домъ
И вновь улёгся въ домѣ томъ.

Она къ могилѣ подползла,
Ее слезами полила,
Припала къ ней — и умерла.

М. Петровскій.

—

III.

ПРЕСТУПНИКЪ.

Въ ночь осеннюю, глубокую
Взяли бѣднаго меня,
И, связавши крѣпко нà крѣпко,
Посадили на коня.

До тюрьмы по полю чистому
Мчался конь какъ только могъ;
Тамъ былъ сброшенъ я пандурами
И посаженъ подъ замокъ.

Въ подземельѣ томъ губительномъ
Было царство вѣчной тьмы:
Да избавитъ Богъ преступника
Отъ неволи и тюрьмы?

Солнце, мѣсяцъ, звѣзды яркія,
Хоть бы разъ на васъ взглянуть?
И на Божій свѣтъ я выглянулъ,
Отправляясь въ дальній путь:

Снова пò полю далекому
Волокли меня — везли,
Съ колесницы сняли траурной,
На подмостки привели.

Тамъ толпы народа празднаго
Собралися посмотрѣть
На преступника несчастнаго,
На позоръ его и смерть.

Вотъ примѣръ вамъ, други, нѐдруги!
Не живите, братцы, такъ:
Не живите въ спорѣ съ совѣстью,
Такъ-какъ прожилъ я бѣднякъ!

Вотъ священникъ кончилъ исповѣдь
И палачь передо мной...
Хочешь, нѣтъ ли — а приходится
Познакомиться съ петлёй...

Лишь сороки бѣлобокія
Станутъ вкругъ меня летать,
Кудри длинные, измятые
Будутъ холить и чесать.

Пусть слетятся злые вòроны,
А не ангелы съ небесъ,
И растащатъ тѣло грѣшное,
Унесутъ въ дремучій лѣсъ!

Пусть растащатъ тѣло грѣшное,
Только, Господи, подай
Миръ душѣ безсмертной въ вѣчности
И прими въ свой свѣтлый рай!

М. Петровскій.

—

IV.

СИРОТКА ЕРИЦА.

«Встань, вставай же, Ерица!
Что воловъ не гонишь ты
Со двора на пастбище!»
— «Подожди ты, матушка,
Нѣтъ еще заутрени,
Не пропѣлъ пѣтухъ еще!»
— «Встань, вставай же Ерица!
Что воловъ не гонишь ты
Со двора на пастбище!»
Тотчасъ встала Ерица —
И воловъ гнала она
Со двора на пастбище.
«Здѣсь, волы, паситеся!
Забѣгу я къ матери
На кладбище тихое...
Отворись, сыра земля
На могилѣ матери:
Все тебѣ я выскажу,
Свое горе выплачу!»
И могила вскрылася;
Ерица заплакала,
Говорила матери:
«Матушка родимая!
Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
Не звонятъ къ заутрени,
Не поётъ пѣтухъ еще,
Будитъ меня мачиха
Гнать воловъ на пастбище;
При тебѣ лежала я
На постелѣ прибраной
До восхода солнышка.
Матушка родимая!
Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
Хлѣбъ печетъ — зола одна,
Посолитъ — пескомъ однимъ,
Рѣжетъ хлѣбъ жалѣючи
Ломотками тонкими —
Все сквозь нихъ виднѣется —
Да и то съ упреками.
Ты кормила хлѣбушкомъ
Бѣлымъ, не жалѣючи,
Хлѣбъ тотъ масломъ мазала,
Подавала съ радостью.
Матушка родимая!
Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
Станетъ ли расчесывать
Косу мою длинную —
Растерёбитъ до крови;
Ты любила, матушка,
Косу мнѣ расчесывать
Тихо, гладко, съ ласкою.
Матушка родимая!
Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
И постель не стелетъ мнѣ,
Не взобьётъ, какъ слѣдуетъ;
Не подушку мягкую —
Тёрнъ кладетъ мнѣ въ головы,
Одѣяло жосткое
Все пескомъ посыпано;
Ты взбивала, матушка,
Каждый день постель мою.
Матушка родимая,
Я ужь не вернусь домой!»
Говоритъ покойница
Изъ могилы Ерицѣ:
«Перебейся, Ерица!
Уповай на Господа!»
— «Матушка родимая!
Не пойду я къ мачихѣ:
Я съ тобой останусь,
Лягу въ землю чорную!»
Опускалась Ерица
На могилу матери,
Опускаясь, молвила:
«Лучше мать покойница,
Чѣмъ живая мачиха!»
Только это молвила
И съ душой разсталася.

М. Петровскій.

—

V.

МОЛОДАЯ БРЕДА.

Бреда встала, чуть день загорѣлся;
Она ходитъ по двору, бродитъ;
Отперла высокое окошко,
На равнину внизъ поглядѣла.
Какъ взглянула на ровное поле,
Видитъ мгла сбирается надъ полемъ.
«Встань-ка, встань, моя мать дорогая!
Разскажи скорѣе, растолкуй мнѣ:

От воды ли та мгла поднялася?
От горы ли она отъ высокой?
Али тучу, полную градомъ,
Изъ подъ неба къ намъ буря пригнала?»
Мать печально съ постели вставала,
Милой дочери своей говорила:
«Не съ воды та мгла поднялася,
Не съ горы она, не съ высокой,
И не тучу, полную градомъ,
Изъ подъ неба къ намъ буря пригнала:
Это — коней турецкихъ дыханье;
По землѣ идетъ оно мглою.
Ихъ полна зеленая равнина.
По тебя пріѣхали турки.
Отчего же ты такъ поблѣднѣла?»
Отъ испугу Бреда поблѣднѣла,
А отъ горя чувства потеряла.
«Что скажу я тебѣ, моя мати:
Не давай меня за-мужъ за чужого!
Турокъ золъ, а свекровь еще злѣе:
Слухъ идетъ по цѣлому краю,
Что на свѣтѣ нѣтъ ея хуже.
Восемь жонъ у сына уморила,
И меня уморить захочетъ:
Опоитъ въ винѣ какимъ зельемъ,
Изведетъ, отравитъ меня хлѣбомъ.»
— «Ты послушай, дитя дорогое,
Чтò скажу я тебѣ на это:
Какъ захочетъ свекровь опоить-то,
На зеленую траву вино вылей,
Опрокинь на камень на сѣрый,
Изъ котораго дѣлаютъ известь;
Поднесетъ она хлѣба да съ ядомъ,
Ты отдай его щенку молодому.»
Какъ застонетъ Бреда, заплачетъ,
Своей матери такъ отвѣчаетъ:
«Когда станешь приданое готовить,
Станешь класть въ сундукъ мой дубовый,
Ты возьми мой бѣлый платочекъ,
Положи въ сундукъ его сверху:
Прежде всѣхъ мнѣ его будетъ нужно,
Завязать чтобы нà сердцѣ рану.»
А еще Бреда говорила:
«Что скажу тебѣ, милая мати!
Какъ пріѣдутъ сюда эти турки
И на землю съ коней соскочатъ,
Посади ты ихъ за столъ пообѣдать;
Ты напой, накорми ихъ досыта.
Какъ зачнутъ они напиваться,
Станутъ спрашивать молодую Бреду,
Тогда ты пошли за мной, мати,
И отдай меня злому турку!»
Стала мать приданое готовить,
Стала класть въ сундукъ свой дубовый,
Какъ наѣхали турецкіе сваты
И на землю съ коней соскочили;
Мать за столъ посадила ихъ обѣдать,
Накормила ихъ, напоила.
А какъ зачали сваты напиваться,
Еще стали просить они Бреду.
Скоро мать по нее посылала,
Отдавала ее злому турку;
За обѣдъ они ее посадили,
Дорогое вино съ нею пили.
Привели тутъ коня молодого;
На коня того Бреда садится.
Они скачутъ по ровному полю,
Только вьётся вслѣдъ мгла густая
Отъ дыханья коней турецкихъ.
На бѣгу брединъ конь спотыкнулся,
Спотыкнулся, сѣдло покачнулось;
А въ сѣдлѣ былъ кинжалъ запрятанъ —
Бредѣ въ сердце онъ вонзился.
Молодой женихъ съ коня сходитъ,
Съ коня сходитъ, самъ говоритъ сватамъ:
«Это мать моя сдѣлала злодѣйка!
Восемь жонъ у меня уморила,
И теперь уморить хочетъ эту;
Безъ нея я живъ не останусь!»
Молодой женихъ продолжаетъ,
Слугѣ малому приказъ отдаетъ онъ:
«Чтò скажу тебѣ, слуга мой проворный:
Ты поправь сѣдло милой Бредѣ.»
А слуга на отвѣтъ ему молвитъ,
Говоритъ, жениху поперечитъ:
«Кто недавно цаловалъ Бреду,
Тотъ пускай и сѣдло поправляетъ.»
Жениха къ себѣ Бреда подзываетъ:
«Женихъ милый, чтò тебѣ скажу я!
Ты поди отопри сундукъ мой,
Ты достань мнѣ тамъ бѣлый платочекъ:
Завяжу я платкомъ этимъ рану.»
А еще Бреда говорила:
«Ты скажи мнѣ, женихъ ты мой милый,
Далеко ль до города осталось?»
— «Не горюй, дорогая Бреда!
Скоро кончатся наши невзгоды:
Вотъ ужь видна золотая стрѣлка,
И серебряны видны ворота.»
И спѣшатъ они по ровному полю,
Будто птица въ воздухѣ несется,
Только вьётся вслѣдъ мгла густая

Отъ дыханья коней турецкихъ.
Какъ пріѣхали они въ бѣлый городъ,
То на землю съ коней соскочили;
Ихъ свекровь во дворѣ дожидалась;
Молодой она Бредѣ говорила:
«Далеко по нашему краю
О твоей красотѣ слухъ несется;
Но лицо твое не столько румяно
Какъ молва о немъ ходитъ по свѣту.»
Вотъ поитъ она молодую Бреду,
Пирогòмъ ее угощаетъ:
«Станешь пить ты красныя вина,
Разцвѣтетъ лицо твое румянцемъ;
Станешь ѣсть пироговъ моихъ бѣлыхъ,
Снова будешь ты бѣлѣе снѣгу.»
Бреда пить вино не стала,
На зеленую траву проливала,
Опрокинула на камень на сѣрый,
Изъ котораго дѣлаютъ известь —
И въ минуту трава погорѣла,
И въ минуту камень распался;
А пирогъ отдала собакѣ —
И собака околѣла на мѣстѣ.
Говорила Бреда свекрови:
«Чтò скажу тебѣ, немилая свекровка!
Далеко по нашему краю
О твоей слухъ несется о злости;
Только злость твоя хуже гораздо,
Чѣмъ молва о ней ходитъ по свѣту.
Восемь жонъ ты у сына уморила,
И меня опоить захотѣла,
Въ пирогѣ подала мнѣ отраву.»
Жениху Бреда говорила:
«Ты послушай, чтò скажу тебѣ, милый!
Гдѣ пріютъ для меня въ твоемъ домѣ?
Гдѣ покой мой писанный — спальня?
Гдѣ постель у тебя постланà мнѣ?»
А свекровь говоритъ ей на это:
«Никогда мнѣ на мысль не вспадало,
Чтобы гдѣ-нибудь былъ такой обычай,
Чтобы гдѣ молодая невѣста
Для себя бы покой попросила
И постель бы свою посмотрѣла.
Только есть у насъ такой обычай,
Что невѣста за печками смотритъ.»
Какъ повелъ женихъ ее въ спальню,
Показалъ онъ ей двѣ постели.
Бреда въ бѣлую постелю ложилась,
Развязала нà сердцѣ рану
И въ послѣдній разъ говорила:
«Лейся, лейся, кровь, ты изъ сердца!
Я пошлю тебя къ матери милой,
Ей на память по мнѣ отошлю я.
Про меня ужь она не услышитъ
И меня самоё не увидитъ.»

В. В.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I. ЧЕШСКІЯ.

I.

ЛЮБУШИНЪ СУДЪ.

Гой, Влетава! что̀ ты волны мутишь,
Среброцѣнныя что̀ мутишь волны?
Подняла ль тебя, Влетава, буря,
Разогнавъ съ небесъ широкихъ тучу,
Оросивши главы горъ зеленыхъ,
Размѣтавши глину золоту̀ю?
Какъ Влетавѣ не мутиться нынѣ:
Разлучились два родные брата,
Разлучились и враждуютъ крѣпко
Межъ собой за отчее наслѣдье:
Лютый Хрудошъ отъ кривой Отавы,
Отъ кривой Отавы златоносной,
И Стяглавъ съ рѣки Радбузы хладной,
Оба братья, Кленовичи оба,
Оба Тетвы славнаго потомки,
Попелова сына, иже прибылъ
Въ этотъ край богатый и обильный
Черезъ три рѣки съ полками Чеха.
Прилетѣла сизая касатка,
Отъ кривой Отавы прилетѣла,
На окошкѣ сѣла на широкомъ,
Въ золотомъ Любуши стольномъ градѣ,
Стольномъ градѣ, свѣтломъ Вышеградѣ,
Зароптала, зарыдала горько.
Какъ сестра касатки той родная
Эти рѣчи въ домѣ услыхала —
Позвала княжну Любушу въ городъ
Учинить великую расправу,
Звать на судъ ея обоихъ братьевъ
И рѣшить ихъ дѣло по закону.
Шлетъ пословъ княжна изъ Вышеграда
Святослава кликать изъ Любицы,
Отъ Любицы бѣлой и дубравной;
Лютобора витязя, что̀ правилъ
На холмѣ широкомъ Доброславскомъ,
Гдѣ Орлицу пьётъ синяя Лаба;
Ратибора съ Керконошъ высокихъ,
Гдѣ дракона ярый Трутъ осилилъ;
Радована съ Каменнаго Моста,
Ярожира отъ вершинъ ручьистыхъ,
Стрезибора отъ Сазавы злачной,
Саморода со̀ Мжи среброносной,
Кметовъ, леховъ и владыкъ великихъ, *)
И Стяглава и Хрудоша братьевъ,
Что̀ за отчину враждуютъ крѣпко.
Какъ собрались лехи и владыки
Въ Вышеградѣ у княжны Любуши,
Всякой сталъ по сану и по роду.
Къ нимъ тогда княжна въ одеждѣ бѣлой
Вышла, сѣла на престолѣ отчемъ,
На престолѣ отчемъ, въ славномъ сеймѣ.
Вышли двѣ разумныя дѣвицы,

---

*) Кметъ — близкій человѣкъ къ князю, его совѣтникъ. Лехъ—богатый владѣтель, правитель; отъ нихъ впослѣдствіи произошли магнаты. Владыка — владѣтель небольшого участка, мелкій дворянинъ. Изъ нихъ образовалось рыцарство и среднее дворянство. Лехи и владыки могли быть кметами, не переставая носить прежнее названіе.

Съ мудрыми судейскими рѣчами;
У одной въ рукахъ скрижали правды,
У другой же мечъ, каратель кривды;
Передъ ними пламень правдовѣстникъ,
А за ними воды очищенья.
Начала княжна такое слово
Съ золотого отчаго престола:
«Гой вы, кметы, лехи и владыки!
Разсудите братьевъ по закону,
Разсудите братьевъ, что̀ враждуютъ
Межь собой за отчее наслѣдье.
Вы скажите намъ святую правду
Отъ боговъ всевѣдцевъ присносущихъ:
Вмѣстѣ ль станутъ безъ раздѣла править,
Иль на части равныя раскинутъ.
Гой вы, кметы, лехи и владыки!
Приговоръ мой разрѣшите нынѣ,
Коли вамъ по разуму придется;
А не то — законъ поставьте новый:
Да разсудитъ разлученныхъ братьевъ.»
Поклонились лехи и владыки,
И пошли про это разговоры,
Разговоры тихіе межь ними,
Въ похвалу рѣчей княжны Любуши.
Лютоборъ, что̀ проживалъ далече,
На холмѣ широкомъ Доброславскомъ,
Всталъ и началъ къ ней такое слово:
«О, княжна ты наша въ Вышеградѣ,
На златомъ отеческомъ престолѣ!
Мы твое рѣшенье разсудили;
Прикажи узнать народный голосъ.»
И тогда собрали по закону
Дѣвы-судьи голоса̀ народа,
И въ сосудъ священный положивши,
Лехамъ дали прокричать на вѣчѣ.
Радованъ отъ Каменнаго Моста
Голоса̀ народа перечислилъ
И ко всѣмъ сказалъ рѣшенье сейма:
«Сыновья враждующіе Клена,
Оба Тетвы славнаго потомки,
Попелова сына, иже прибылъ
Въ этотъ край богатый и обильный
Черезъ три рѣки съ полками Чеха!
Ваше дѣло такъ рѣшилось нынѣ:
Управляйте вмѣстѣ безъ раздѣла!»
Всталъ тутъ Хрудошъ отъ кривой Отавы,
Закипѣла желчь въ его утробѣ,
Весь во гнѣвѣ лютомъ онъ затрясся
И, махнувъ могучею рукою,
Заревѣлъ къ народу ярымъ туромъ:
«Горе, горе молодымъ птенятамъ,
Коль ехидна въ ихъ гнѣздо вотрется!
Горе мужу, если онъ попуститъ
Управлять собой женѣ строптивой!
Мужу должно обладать мужами,
Первородному идетъ наслѣдье!»
Поднялась Любуша на престолѣ,
Молвя: «кметы, лехи и владыки!
Мой позоръ свершился передъ вами —
Такъ творите жь нынѣ судъ и правду
Межь собою сами по закону:
Править вами не хочу я болѣ!
Изберите мужа, да пріиметъ
Власть надъ вами онъ рукой желѣзной,
А рукѣ моей, рукѣ дѣвичьей,
Управлять мужами не подъ-силу!»
Ратиборъ, что̀ съ Керконошъ высокихъ,
Всталъ и къ сейму рѣчь такую началъ:
«Намъ не слѣдъ искать у нѣмцевъ правды,
По святымъ у насъ законамъ правда:
Принесли ту правду наши предки
Черезъ три рѣки на эту землю.»

Н. Бергъ.

—

II.

СЕЙМЪ.

. . . .
. . . .
Всякъ отецъ надъ челядью владыка:
Мужи пашутъ, жоны шьютъ одёжу;
А умретъ глава, начальникъ дома —
Дѣти вмѣстѣ начинаютъ править
И становятъ надъ собой владыку,
Что̀ за нихъ всегда на сеймы ходитъ;
Вмѣстѣ съ нимъ для пользы братій ходятъ,
Ходятъ кметы, лехи и владыки.
Встали кметы, лехи и владыки;
Похвалили правду по закону.

Н. Бергъ.

—

III.

ПѢСНЯ ПОДЪ ВЫШЕГРАДОМЪ.

Гой ты, солнце ясно,
Вышеградъ нашъ крѣпкій!
Что̀ стоишь высоко
Твердою твердыней,

Твердою твердыней,
Страхомъ супостату!
Подъ тобою рѣчка
Быстры волны катитъ,
Подъ тобою рѣчка,
Ярая Влетава.
Близко той Влетавы,
Той Влетавы чистой,
Выросла дубрава —
Лѣтняя прохлада.
Весело тамъ пѣсни
Соловей заводитъ,
Весело и смутно:
Какъ его сердечко
Скажетъ и прикажетъ.
Ахъ! зачѣмъ не пташка
Я, не соловейка!
Полетѣлъ бы въ поле:
Тамъ, въ широкомъ полѣ,
Вечерами поздно
Милая гуляетъ.
Всѣхъ объ эту пору,
Всѣхъ любовь тревожитъ;
Всякое созданье
Въ часъ вечерній проситъ
У любви отрады.
Такъ и я, бѣдняга,
Все тужу по милой.
Сжалься, дорогая,
Ты надъ горемыкой!

Н. Бергъ.

—

IV.

КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ. *)

1.

ОЛЬДРИХЪ И БОЛЕСЛАВЪ.

. . . . въ лѣсъ дремучій,
Гдѣ владыки собирались вмѣстѣ,
Семь владыкъ съ дружинами своими.
Вигонъ-Дубъ въ ночную темнеть прибылъ,
Со своими прибылъ молодцами:
Было съ нимъ сто воиновъ отважныхъ
И у всѣхъ въ ножнахъ мечи гремѣли;
Сто мечей наточено булатныхъ,
Сто десницъ могучихъ на-готовѣ;
Удальцы владыкѣ вѣрно служатъ.
Вотъ пришли они въ средину лѣса,
Стали въ кругъ; другъ-дружкѣ руки дали,
Разговоры тихіе заводятъ.
Было время за-полночь гораздо,
Утро сѣрое ужь было близко.
Вигонъ молвилъ тихо князю Ольдрѣ:
«Гой еси ты князь и воинъ славный!
Богъ вложилъ въ тебя и мощь и крѣпость,
Въ буйну голову далъ разумъ свѣтлый:
Такъ веди жь насъ на полянъ свирѣпыхъ!
За тобой послѣдуемъ мы всюду:
Взадъ, впередъ, направо и налѣво,
Гдѣ ты будешь въ ярой битвѣ биться.
Ну зажги жь ты въ сердцѣ нашемъ храбрость!»
Князь беретъ могучею рукою
Длинный прапоръ: «Такъ за мною, братья,
На полянъ, враговъ родного края!»
Вслѣдъ за княземъ двинулись владыки,
Восемь всѣхъ, и было съ ними войска
Триста парней добрыхъ, да полсотни.
Всѣ они собрались, гдѣ поляне
Сонные, раскинувшись, лежали;
Становились у опушки лѣса.
Прага все еще во снѣ молчала;
Паръ клубился надъ рѣкой Влетавой;
А за Прагой ужь синѣли горы
И востокъ за ними загорался.
«Въ долъ за мною, только тихо, тихо!»
Вся дружина скрылась въ Прагѣ сонной,
Спрятавши оружье подъ одѣжу.
На зарѣ пастухъ подходитъ къ зàмку
И кричитъ, чтобъ отперли ворота.
Услыхавъ его изъ зàмка, сторожъ
Отворилъ ворота чрезъ Влетаву.
Пастырь всходитъ нà мостъ, громко трубитъ;
Ольдрихъ выскочилъ и съ нимъ владыки,
Семь владыкъ и всякъ съ народомъ ратнымъ.

*) Честь открытія «Краледворской рукописи» принадлежитъ извѣстному чешскому поэту Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ. Осенью 1817 года онъ отправился въ городъ Краледворъ, съ цѣлію изслѣдованія древнихъ памятниковъ чешскаго языка. Здѣсь онъ познакомился съ капланомъ Борчемъ, который разсказалъ Ганкѣ, что въ склепѣ тамошней городской церкви находится много разныхъ древнихъ рукописей. Ганка немедленно пошолъ туда и, среди всякаго хлама и бумагъ временъ Жижки, открылъ рукопись, которая впослѣдствіи сдѣлалась извѣстна подъ именемъ «Краледворской». Эта рукопись представляетъ часть цѣлаго значительнаго собранія древне-чешскихъ стихотвореній. Она сохранилась очень хорошо и читается безъ особеннаго труда. Добровскій полагаетъ время явленія рукописи между 1290 и 1310 годами. Другіе говорятъ, что она явилась раньше.

Бубны-трубы загремѣли разомъ;
На мосту завѣяли хоругви;
Мостъ затрясся, какъ пошла дружина.
Обуялъ полянъ внезапный ужасъ.
Вотъ они оружіе схватили;
Вотъ владыки стали съ ними биться;
Но поляне скоро заметались
И толпами бросились къ воротамъ,
Убѣгая отъ рѣзни жестокой.
Самъ Господь намъ даровалъ побѣду!
И одно встаетъ на небѣ солнце —
Яроміръ опять встаетъ надъ нами!
Разнеслась по цѣлой Прагѣ радость,
И кругомъ-то Праги разнеслася,
По всему-то полетѣла краю,
По всему ли краю отъ той Праги.

—

2.

БЕНЕШЪ ГЕРМАНЫЧЪ.

Гой ты, солнце наше красно!
Что съ лазоревыхъ высотъ
Ныньче такъ печально свѣтишь
Ты на бѣдный нашъ народъ?

Гдѣ нашъ князь? гдѣ людъ военный?
Къ Отту, къ Отту всѣ ушли...
Кто жь прогонитъ вражью силу
Изъ отеческой земли?

Идутъ нѣмцы длиннымъ строемъ —
То саксоновъ злая рать;
Отъ вершинъ Згорѣльскихъ древнихъ
Идутъ край нашъ воевать.

Злато-сѣребро сбирайте,
Будьте щедры и добры:
Скоро жечь придутъ злодѣи
Наши хаты и дворы.

Все пожгли враги, побрали
Злато-сѣребро изъ хатъ
И стада угнали наши;
Къ Тросскамъ далѣе спѣшатъ.

Не тужите, добры люди:
Встанетъ травушка въ поляхъ,
Что̀ саксоны притоптали,
Проскакавши на коняхъ.

Убирайте же вѣнками
Избавителю чело!
Зелень выросла на нивахъ,
Все по-старому пошло.

Скоро минетъ наше горе:
Бенешъ Германычъ идетъ,
Биться на̀-смерть съ супостатомъ
Призываетъ свой народъ.

Вотъ собрались наши люди
Подъ Скалой въ лѣсу густомъ,
И пошли на бой кровавый
Кто съ булатомъ, кто съ цѣпомъ.

Бенешъ, Бенешъ передъ нами!
Всѣ бѣгутъ во слѣдъ ему.
«Горе нѣмцамъ!» Бенешъ крикнулъ:
«Нѣтъ пощады никому!»

Закипѣли гнѣвомъ лютымъ
Въ битвѣ обѣ стороны;
Взволновалися утробы;
Очи злобой зажжены.

Набѣжали другъ на друга
И давай колоть и сѣчь:
Коломъ колъ тяжолый встрѣченъ,
Зацѣпился мечъ за мечъ.

Страшно рать на рать валила,
Словно лѣсъ пошолъ на лѣсъ;
Отъ мечей летѣли искры,
Будто молнія съ небесъ.

Нивы стономъ застонали;
Всполошило всѣхъ звѣрей,
Всполошило вольныхъ пташекъ
Средь лѣсовъ и средь полей.

До вершины ажно третьей
Слышно было жаркій споръ,
Ко̀пья съ саблями трещали,
Словно падалъ ветхій боръ.

Такъ стояли оба войска,
Сѣвши крѣпко на пяту —
И пришло отъ лютой битвы
Тѣмъ и тѣмъ не въ-моготу.

Въ гору Германычъ ударилъ;
Чтò махнетъ мечомъ своимъ —
Цѣлой улицей ложится
Вражья сила передъ нимъ.

И направо, и налѣво
Такъ и стелетъ онъ народъ;
Поднялся — и супостата
Сверху камнями онъ бьётъ.

На широкій долъ сбѣжали
Мы опять съ холмовъ крутыхъ;
Завопили нѣмцы, дрогнувъ:
Мы пошли — и смяли ихъ!

—

3.

ЯРОСЛАВЪ.

Разскажу я славную вамъ повѣсть
О бояхъ великихъ, лютыхъ бранияхъ;
Собирайте вы свой умъ да разумъ:
Нынче будетъ вамъ чего послушать!
Тамъ, гдѣ правитъ Оломуцъ землями,
Невысокая гора поднялась;
Называютъ гору ту Гостайномъ;
На ея вершинѣ христіанамъ
Чудеса творила Божья Матерь.
Долго, долго жили мы въ покоѣ;
Было все кругомъ благополучно;
Да поднялась отъ востока буря,
А поднялась ради дщери ханской,
Чтò за злато нѣмцы погубили,
За жемчугъ, за дòроги каменья.
Дочь Кублая, красотой чтò мѣсяцъ,
О земляхъ на западѣ узнала,
И узнала, что въ нихъ много люду:
Собиралась въ дальнюю дорогу
Поглядѣть житье-бытье чужое.
Съ нею десять юношей срядилось,
Да еще двѣ дѣвы молодыя.
Было все потребное готово.
Тутъ они на быстрыхъ сѣли кòней
И свой путь по солнышку держали.
Какъ заря передъ восходомъ блещетъ
Надъ густыми темными лѣсами,
Такъ блестѣла дочь Кублая хана,
Красотой блестѣла и нарядомъ:
Золотой она парчей покрылась,
Лебедину шею обнажила,
Дорогимъ увѣшалась каменьемъ.
Ханской дочери дивились нѣмцы,
На ея сокровища польстились;
Выжидать засѣли на дорогѣ —
И въ лѣсу Кублаевну убили,
Все богатство ханское побрали.
Какъ про то услышалъ ханъ татарскій,
Чтò съ его Кублаевной случилось,
Собиралъ несметныя онъ рати,
И пошолъ, куда уходитъ солнце.
Короли на западѣ узнали,
Что Кублай готовится ударить,
Перемолвились, набрали войско
И поѣхали на встрѣчу къ хану;
Становили станъ среди равнины,
Становили, поджидали хана.
Вотъ Кублай сбираетъ чародѣевъ,
Звѣздочетовъ, знахарей, шамановъ,
Чтобъ они рѣшили ворожбою,
Будетъ ли, не будетъ ли побѣда.
Притекли толпами чародѣи,
Звѣздочеты, знахари, шаманы;
Разступившись, кругомъ становились,
Положили чорный шестъ на землю,
Разломили на-двое, назвали
Половину именемъ Кублая,
А другую нàзвали врагами;
Стародавнія запѣли пѣсни.
Тутъ шесты затѣяли сраженье:
Шестъ Кублая вышелъ цѣлъ изъ бою.
Зашумѣли въ радости татары,
На коней садилися ретивыхъ —
И рядами становилось войско.
Христіане ворожбы не знали,
А пошли на басурмановъ просто:
Сколько силы, столько и отваги!
Загремѣла первая тутъ битва:
Задождили стрѣлы, будто ливень,
Трескъ отъ копій, словно рокотъ грома,
Блескъ мечей, чтò молнія изъ тучи.
Обѣ стороны рубились крѣпко
И одна другой не уступала.
Вдругъ татаръ шатнули христіане
И совсѣмъ бы смяли супостатовъ,
Да пришли къ нимъ чародѣи снова
И шесты народу показали.
Тутъ опять татары разъярились,
Въ христіанъ ударили свирѣпо
И погнали ихъ передъ собою,
Словно псы испуганнаго звѣря.
Здѣсь шеломъ, тамъ щитъ желѣзный брошенъ!

Тамъ несется конь съ вождемъ убитымъ,
Чтò ногою въ стремени повиснулъ;
Здѣсь одинъ вотще съ врагами бьётся,
Тамъ другой помилованья проситъ.
Такъ татары были крѣпки въ битвѣ,
Что налоги съ христіанъ собрали
И два царства отняли большія:
Старый Кіевъ да Новгòродъ людный.
Выростало горе на долинахъ;
Весь народъ сходился христіанскій,
Собиралось ихъ четыре войска;
Звали снова басурмановъ къ бою.
Въ этотъ разъ татары взяли вправо,
Словно туча съ градомъ надъ полями,
Чтò грозитъ богатымъ урожаямъ:
Издалеча рати такъ шумѣли.
Вотъ и угры сдвинули дружины
И грозой пошли на супостата,
Да напрасны мужество и храбрость,
Молодецкая напрасна доблесть:
Одолѣли дикіе татары,
Разметали угорское войско,
Цѣлый край мечомъ опустошили.
Христіанъ покинула надежда!
Было горе, всѣхъ ѓорчѣе горе.
Милосердому взмолились Богу,
Чтобы спасъ ихъ отъ татаръ свирѣпыхъ:
«Господи! возстань въ своемъ Ты гнѣвѣ,
Отъ враговъ Ты намъ защитой буди,
Чтò совсѣмъ сгубили наши души:
Рѣжутъ насъ, какъ ярый волкъ овечекъ!»
Бой потерянъ и другой потерянъ.
Въ Землю Польскую пришли татары,
Полонили все, чтò было близко,
Додрались до града Оломуца.
Тяжкая бѣда кругомъ вставала:
Брали верхъ поганые татары.
Бьются день, другой дерутся крѣпко;
Никуда не клонится побѣда.
Вотъ невѣрныхъ рати разрослися,
Будто тьма вечерняя подъ осень.
Посрединѣ ихъ рядовъ нечистыхъ
Колебались христіанъ дружины,
Продираясь ко святой часовнѣ,
Гдѣ свѣтился чудотворный образъ.
«Ну, за мною, братья!» такъ воскликнулъ,
Въ щитъ мечомъ гремя, Внеславъ могучій,
И хоругвь надъ головами поднялъ.
Всѣ метнулись, какъ едино тѣло,
На татаръ ударили жестоко,
И, какъ пламень изъ земли, пробились
Вонъ изъ полчищъ нехристей поганыхъ.
На пятахъ они поднялись въ гору,
У подошвы развернули рати,
А въ долину стали вострымъ клиномъ.
Тутъ покрылись тяжкими щитами,
Справа, слѣва, и большія пики
Взбросили на мòгутныя плечи
Другъ ко другу: задніе переднимъ.
Тучи стрѣлъ летѣли въ басурманство.
Только ночь остановила битву,
Разостлавшись по землѣ и небу;
Тѣмъ и тѣмъ она закрыла очи,
Чтò, враждой раскалены, горѣли.
Той порой, во мракѣ, христіане
Навалили подъ горою насыпь.
Какъ заря блеснула на востокѣ,
Зашумѣли òрды супостатовъ
И кругомъ ту гору обступили:
Не видать конца полкамъ несметнымъ!
На коняхъ иные тамъ кружили
И на длинныя втыкали пики
Головы отъ труповъ христіанскихъ
И носили предъ наметомъ ханскимъ.
Собралися въ кучу всѣ ихъ силы,
Къ одному они шатнулись боку
И полѣзли по горѣ на нашихъ,
Оглашая крикомъ всю окрестность,
Ажно долъ и горы загудѣли.
Христіане поднялись па насыпь;
Божья Матерь силу въ нихъ вложила:
Натянулись ихъ тугіе луки,
Ихъ мечи булатные сверкнули —
Отступили отъ холма татары.
Разъярился людъ ихъ некрещёный;
Закипѣло сердце хана гнѣвомъ.
На три полчища разбился таборъ,
Съ трехъ сторонъ облавили ту гору;
Тутъ скатили христіане бревна,
Двадцать бревенъ, сколько тамъ ихъ было,
И за валомъ ихъ сложили въ кучу.
Подбѣжали къ насыпи татары,
Въ облака ударились ихъ вопли
И хотѣли вражьи дѣти насыпь
Раскидать, но бревна покатились:
Какъ червей приплюснуло тутъ нехристь
И еще давило ихъ въ долинѣ.
Тѣ и тѣ потòмъ рубились долго,
Только ночь остановила битву.
Господи! Внеславъ сраженъ могучій
И на землю съ насыпи свалился.
Одолѣло горе наши души,

Изсушила жажда всѣ утробы,
Языки съ травы лизали рôсу.
Вечеръ тихъ былъ передъ ночью хладной,
Послѣ ночь смѣнилась утромъ сѣрымъ.
Смирно было въ станѣ супостата.
Разгорѣлся день передъ полуднемъ:
Христіане падали отъ жажды,
Рты свои сухіе отворяли,
Хриплымъ голосомъ молились Дѣвѣ,
Истомленныя поднявши очи,
Заломивши руки въ лютой скорби;
Жалостно съ земли смотрѣли въ небо.
«Намъ не въ мочь терпѣть такую жажду,
Отъ нея не въ силахъ мы рубиться!
Кто не смерти, живота желаетъ:
Дожидайся милости татарской!»
Такъ одни сказали, а другіе:
«Лучше сгинуть отъ меча намъ, братья,
Чѣмъ отъ жажды на холмѣ издохнуть!
Хоть въ плѣну бы намъ воды напиться!»
«Такъ за мною жъ! къ нимъ Вестонъ воскликнулъ:
Коли такъ вы, братья, говорите,
Коль измучились отъ жажды лютой!»
Тутъ свирѣпымъ туромъ на Вестона
Вратиславъ ударилъ и за плечи
Онъ потрясъ его рукою мощной:
«Ахъ ты змѣй, предатель окаянный!
Погубить людей ты хочешь добрыхъ!
Чѣмъ бы милости просить у Бога,
Ты зовешь ихъ въ мерзкую неволю.
Не ходите, братья, на погибель!
Вѣдь ужъ зной мы тяжкій пережили:
Въ ярый полдень Богъ намъ силы подалъ;
Онъ еще подастъ, коль вѣрить будемъ.
А такія рѣчи непотребны
Тѣмъ, кого зовутъ богатырями!
Пусть мы сгинемъ здѣсь отъ жажды лютой:
Эта смерть отъ Бога будетъ, братья!
А мечамъ невѣрнымъ отдадимся:
Руки сами на себя наложимъ.
Неугодна Господу неволя:
Смертный грѣхъ въ яремъ идти охотой.
Кто такъ мыслитъ — тотъ за мною, мужи,
Тотъ за мною ко святой иконѣ!»
Двинулись къ часовнѣ христіане:
«Господи! возстань въ Своемъ Ты гнѣвѣ!
Дай смирить намъ силы супостата,
Выслушай моленіе Ты наше!
Мы отвсюду стиснуты врагами:
Изъ оковъ нечистыхъ насъ Ты вырви
И увлажь росою намъ гортани!
И Тебя мы славословить станемъ!
Сокруши Ты нашихъ супостатовъ,
Да не придутъ нехристи во-вѣкѣ!»
Глядь — ужъ тучка въ раскаленномъ небѣ!
Дуютъ вѣтры, слышенъ рокотъ грома;
Разостлались облака по небу,
Мечутъ молніи на станъ татарскій,
Страшный ливень рвы холма наполнилъ.
Миновала буря. Идутъ рати
Изо всѣхъ земель и странъ далекихъ,
Къ Оломуцу вѣютъ ихъ хоругви;
Тяжкіе мечи гремятъ у бёдеръ;
На плечахъ колчаны со стрѣлами,
А на буйныхъ головахъ шеломы;
Скачутъ-пляшутъ ретивые кони.
Зазвенѣли вдругъ рогà лѣсные,
Бубны-трубы раздалися въ полѣ:
Закипѣла яростная битва.
Стало темно межь землей и небомъ —
И была послѣдняя то схватка!
Звонъ и стукъ пошолъ отъ сабель вострыхъ,
Засвистѣли стрѣлы каленыя;
Ломъ отъ копій, трескъ отъ пикъ тяжолыхъ,
И молитвы посрединѣ битвы,
Плачъ, тревога — и веселья много!
Кровь лилась ручьями дождевыми;
Чтô въ лѣсу деревьевъ, было труповъ.
У того мечомъ разрубленъ черепъ,
У того не стало рукъ по плечи,
Тотъ съ коня валится черезъ брата,
Тотъ врага, остервенясь, ломаетъ,
Словно буря на скалахъ деревья;
У иного мечъ торчитъ изъ реберъ,
А тому отнесъ татаринъ ухо.
Ухъ! кругомъ послышалися вопли:
Христіане сбиты, побѣжали;
Гонятъ ихъ поганые татары.
Но смотрите: Ярославъ несется,
Чтô орелъ летитъ, могучій витязь;
На груди его желѣзный панцырь,
А подъ нимъ отвага и удача;
Подъ шеломомъ крѣпкимъ разумъ быстрый,
А въ очахъ играетъ гнѣвъ и ярость;
Расходился, будто левъ косматый,
Чтô, почуявъ запахъ теплой крови,
Раненый, бѣжитъ за человѣкомъ.
Такъ онъ мчался, лютый, на татарство.
Чехи съ нимъ, что градъ изъ темной тучи.
Онъ на сына ханскаго нагрянулъ —
И борьба межъ ними закипѣла:
Пиками тяжолыми сразились —

Да сломились пики у обоихъ.
Ярославъ съ конемъ окровавленнымъ
Ринулся, махнулъ мечомъ широкимъ
И разнесъ Кублаича до брюха.
Палъ Кублаичъ бездыханнымъ трупомъ,
Глухо звякнувъ на плечахъ колчаномъ.
Басурмане всѣ оторопѣли,
Пометали саженныя кòпья —
И кто могъ пустился по долинѣ
Въ тѣ края, отколь приходитъ солнце.
И враговъ татаръ не стало въ Ганѣ.

—

4.

ЧЕСТМІРЪ И ВЛАСЛАВЪ.

Князь Некланъ велитъ сряжаться
Словомъ княжескимъ къ походу
Противу Власлава.
Собралися, встали рати,
Собрались по слову князя,
Противу Власлава.

Чванился Влаславъ побѣдой
Надъ Некланомъ, слàвнымъ княземъ,
И вносилъ огонь и мечъ
Онъ въ Неклановы предѣлы;
И своимъ удàлымъ людямъ
Онъ приказывалъ надъ княземъ
Непотребно издѣваться.
«Чміръ, веди мои дружины!
Все ругается надъ нами
Князь Влаславъ, нашъ врагъ надменный!»
Чміръ встаетъ, веселый духомъ,
И снимаетъ щитъ свой чорный,
Чтò съ двумя зубами *) сдѣланъ,
Да беретъ тяжолый молотъ
И шеломъ несокрушимый;
А потомъ богамъ приноситъ
Подо всѣ деревья жертвы. **)
Громкимъ голосомъ онъ крикнулъ:
Рати строятся рядами.
Вотъ пошли передъ зарею;
Цѣлый день въ походѣ были;
Шли, когда и солнце сѣло.
Шли они на холмъ высокій.
Дымъ отъ селъ валитъ клубами;
Въ селахъ жалобные вопли.

«Кто спалилъ тѣ сёла?
Кто принесъ вамъ слёзы?
Не Влаславъ ли гордый?
Больше онъ не будетъ
Храбровать надъ вами:
Я иду злодѣю
Отомстить за братьевъ!»
Тутъ сказали Чміру:
«Окаянный Крўвой
Завладѣлъ въ долинахъ
Нашими стадами;
Въ сёла внесъ онъ горе
Смертью и пожаромъ;
Все сгубилъ, чтò было
Въ жизни намъ потребой;
Взялъ и воеводу!»

На Крувоя Чміръ озлился,
И въ груди его широкой
Злоба закипѣла,
Потрясла всѣ члены.
«Братья!» крикнулъ, «нынче утромъ
Будетъ крѣпкая работа;
А теперь даю вамъ отдыхъ!»
Горы влѣво, горы вправо;
На хребтѣ у нихъ высокомъ
Красно солнышко играетъ.
И отсюда черезъ горы,
И оттуда черезъ горы
Идутъ чміровы дружины
И несутъ съ собою битву
Прямо къ городу, чтò выросъ
На скалѣ, скалѣ высокой.
Крувой заперъ тамъ Воймíра,
Съ нимъ и дочь его младую,
Чтò въ лѣсу густомъ похитилъ,
Тамъ, подъ сѣрою скалою,
Гдѣ ругался надъ Некланомъ.
Крувой клятву далъ Неклану
Быть ему слугою вѣрнымъ
И десницу князю подалъ;
Только тѣми же рѣчами,
Той же самою рукою
Онъ бѣду принесъ народу.
«Ну, за мной къ стѣнамъ высокимъ,
Добры молодцы, за мною!»
И отважная дружина

*) Думаютъ, что это былъ щитъ на двухъ ножкахъ съ желѣзными остріями, которыя втыкались въ землю, когда воинъ готовился отразить врага.

**) Таковъ былъ обрядъ жертвоприношенія у древнихъ чеховъ.

Быстро двинулася къ зàмку,
Слова Чміроваа послушавъ —
Тучей двинулася съ градомъ.
Тяжкіе щиты сомкнувши плотно,
Рядъ передній весь покрылся ими;
Тѣ, что̀ сзади, оперлись на копья
И, всадивъ ихъ поперегъ въ деревья,
Всею тяжестью на нихъ повисли.
Ихъ мечи тутъ загремѣли
Надъ вершинами лѣсными,
На мечи кидаясь вражьи,
Что̀ изъ зàмка поднимались.
На стѣнѣ, какъ быкъ, метался Крувой,
Въ осажденныхъ разжигая храбрость.
Мечъ его на пражанъ падалъ,
Словно дубъ съ горы высокой,
Что̀, валясь, деревья ломитъ;
Столько было подъ стѣнами
Воиновъ Неклана-князя.
Чміръ велѣлъ идти на городъ сзади;
Спереди жь, черезъ ограду,
Онъ скакать велѣлъ дружинѣ.
Тамъ два дерева стояло:
Прислонилися деревья
Подъ скалой къ оградѣ самой —
Пусть на нихъ летятъ колоды,
А головъ не тронутъ буйныхъ!
Тутъ-то, спереди, поставилъ кучу
Молодцовъ онъ дюжихъ и широкихъ,
Такъ-что всѣ они срослися
Богатырскими плечами.
Поперегъ они на плечи
Жерди длинныя взмахнули,
Ихъ веревкой вдоль связали
И на древки оперлися.
Тутъ на жерди къ нимъ другіе
Мужи крѣпкіе вскочили;
Копья вскинули на плечи
И веревкою связали.
Третій рядъ вскочилъ на этихъ,
Тамъ четвертый рядъ на третій;
А ужь пятые достали
До вершины самой зàмка.
Тутъ мечи блеснули сверху,
Сверху стрѣлы засвистѣли,
Сверху бревна покатились.
Черезъ стѣны пражане, какъ волны,
Хлынули и зàмкомъ завладѣли.

«Выйди, выйди, Воймíръ, ты на волю,
Выйди съ дочерью милой своею!
Утро ясное въ небѣ играетъ!
Посмотри, какъ злодѣю Крувою
Буйну голову ныньче отрубятъ!»
На зарѣ вышелъ витязь могучій,
Дочь-красавицу вывелъ съ собою,
И увидѣлъ, какъ злого Крувоя
Казнью лютой, безчестной казнили.
Отослалъ Чміръ добычу къ народу,
А съ добычей вернулась и дѣва.

Тутъ Воймíръ хотѣлъ готовить жертву
Въ томъ же мѣстѣ, въ ту же солнца пору.
«Нѣтъ, въ походъ! къ нему Честміръ воскликнулъ:
Чѣмъ скорѣе, тѣмъ къ побѣдѣ ближе!
Погодимъ богамъ сжигать мы жертву;
Намъ карать велятъ Власлава боги.
А какъ станетъ солнышко на полдень —
Соберемся мы, гдѣ надо будетъ,
И войска намъ прокричатъ побѣду.
Вотъ тебѣ оружіе Крувоя,
Нѐдруга лихого — и поѣдемъ!»
Закипѣлъ Воймíръ весельемъ буйнымъ;
Громкимъ голосомъ съ горы онъ крикнулъ
Изъ гортани сильной, ажно дрогнулъ
Темный лѣсъ: «Не гнѣвайтесь вы, боги,
За мое предъ вами прегрѣшенье,
Что сегодня я не жгу вамъ жертвы!»
А Честміръ: «За нами эта жертва!
Но пора и въ битву съ супостатомъ.
На коня садись-ка ты лихого,
Да лети ты черезъ боръ оленемъ.
На дорогѣ, близь дубравы темной,
Повстрѣчаешь небольшую гору:
Эту гору полюбили боги!
Тамъ сожги ты имъ святую жертву
За свое чудесное спасенье,
За побѣду, что̀ была за нами,
За побѣду, что̀ еще предъ нами!
Ты придешь на это мѣсто прежде,
Чѣмъ подвинется на тверди солнце;
А когда ужь двѣ и три ступени
Пробѣжитъ оно и надъ лѣсами
Станетъ тамъ — придутъ и рати наши
Въ тѣ мѣста, гдѣ дымъ столбомъ взовьётся
Къ небесамъ отъ жертвы приносимой;
Тамъ дружины голову преклонятъ.»
На коня тогда Воймíръ садился,
Полетѣлъ онъ черезъ боръ оленемъ
Къ той горѣ, что̀ близь дубравы темной;
Тамъ сжигалъ богамъ святую жертву
За свое чудесное спасенье,

За побѣду, что была за ними,
За побѣду, что еще предъ ними,
Сожигалъ онъ добрую телицу;
Шерсть на ней червонная блестѣла.
Ту телицу онъ купилъ въ долинѣ,
Что густою поросла травою;
За телицу пастухамъ оставилъ
Онъ коня и съ нимъ его уздечку.
Какъ святая запылала жертва —
Подходили воины къ долинѣ
И въ дубраву другъ за другомъ шумно
Поднимались, брякая мечами.
Каждый воинъ обходилъ вершину
И богамъ провозглашалъ онъ славу;
Проходя, мечомъ не медлилъ брякнуть.
А когда осталось ихъ немного,
На коня Воймíръ лихого прыгнулъ
И велѣлъ поднять остатки жертвы
Шестерымъ онъ всадникамъ послѣднимъ:
Два плеча и жирныя лопатки.
Вотъ пошли дружины вмѣстѣ съ солнцемъ.
На полуднѣ солнышко стояло,
А въ долинѣ князь Влаславъ надменный
Поджидалъ ихъ съ силами своими,
Что отъ лѣса протянулись къ лѣсу.
Впятеро ихъ было больше пражанъ.
Словно въ тучѣ, тамъ гремѣли громы
И собакъ тамъ заливались стаи.
«Трудно будетъ биться намъ съ врагами:
Палицы не переломишь коломъ!»
Такъ Воймíръ, а Чмíръ ему на это:
«Хорошо лишь про-себя то вѣдать!
Лучше быть всегда на все готову!
Развѣ лбомъ ты гору поворотишь?
А лиса проводитъ вѣдь и тура.
Съ высоты Влаславу нашихъ видно:
Такъ придется обойти намъ гору,
Чтобы тѣ, что впереди-то идутъ,
Позади за нами очутились;
Тамъ и ну ходить вокругъ вершины!»
И Воймíръ устроилъ дѣло съ Чмíромъ:
Девять разъ, по ихъ наказу, войско
Девять разъ ту гору обходило.
Такъ ихъ силы выростали съ виду,
Такъ враги все болѣе пугались.
Вдругъ вся рать въ кустахъ остановилась
И мечи врагу блеснули въ очи:
Вся вершина будто жаръ горѣла.
Тутъ выходитъ смѣлый Чмíръ съ отрядомъ,
А въ отрядѣ томъ четыре части;
Въ ту же пору Трясъ на супостата
Налетѣлъ изъ-за деревьевъ частыхъ
И враговъ перепугалъ онъ сзади:
Ихъ ряды, смѣшавшись, побѣжали;
Но Воймíръ своей рукою храброй
Заградилъ имъ ночью выходъ въ поле
И ударилъ съ боку на Власлава.
Ухъ! какъ лѣсъ-то затрещалъ широкій:
Словно горы тамъ съ горами бились
И деревья на себѣ ломали!
Тутъ Влаславъ понесся противъ Чмíра;
Встрѣтилъ Чмíръ его ударомъ тяжкимъ;
Закипѣла битва между ними —
И Влаславъ на землю повалился.
По землѣ катается онъ страшно,
Въ бокъ и въ задъ, а справиться не можетъ:
На покой зоветъ его Морена;
Кровь изъ тѣла крѣпкаго струится,
По травѣ бѣжитъ въ сырую землю
И душа изъ теплыхъ устъ порхнула;
Тамъ и сямъ она летала долго,
Съ дерева на дерево, покуда
Не сожжонъ былъ на кострѣ убитый. *)
Побѣжали воины Власлава
И ударились, въ испугѣ, въ гору,
Трепеща передъ очами Чмíра,
Что въ бою сразилъ Власлава-князя.
Загремѣли вѣсти о побѣдѣ;
Ихъ Неклянъ веселымъ ухомъ слышитъ,
И свою военную добычу
Радостнымъ оглядываетъ окомъ.

5.

ЛЮДИША И ЛЮБОРЪ.

Старъ и младъ, внимай разсказу
О бояхъ и ратоборствахъ!
Жилъ когда-то князь за Лабой,
Князь богатый, славный, добрый;
Дочь-краса была у князя,
И ему и всѣмъ по сердцу;
Красотою свѣтъ дивила:
У нея былъ станъ высокій,
Бѣлый ликъ, а на ланитахъ
Расцвѣталъ живой румянецъ;
Очи были — словно небо;
По плечамъ же бѣлоснѣжнымъ

*) Чехи-язычники полагали, что душа мертваго не успокоится до-тѣхъ-поръ, пока не сожгутъ тѣла.

Разсыпались золотыя
Кудри, въ кольца завиваясь.
Князь посламъ велитъ сряжаться —
Звать къ нему бояръ окольныхъ
На великій праздникъ въ городъ.
День уставленный приходитъ:
Все боярство собралося
Изъ земель и странъ далекихъ
На великій пиръ, на праздникъ.
Бубны-трубы загремѣли.
Подошли бояре къ князю,
Подошли и поклонились
Низко князю и княгинѣ,
И княжнѣ, дѣвицѣ красной;
За столы потомъ усѣлись
Всѣ по сану и по роду.
Тутъ прислуга подносила
Яства дивныя боярамъ,
Подносила медъ шипучій.
То-то былъ веселый праздникъ!
То-то было пированье!
Въ члены сила набиралась,
Душу бодрость напояла.
Князь сказалъ тогда боярамъ:
«Мужи, тайну я открою,
Для чего собралъ васъ нынѣ:
Мужи славные! хочу я
Испытать теперь, извѣдать,
Кто изъ васъ мнѣ всѣхъ нужнѣе.
Благо ждать войны и въ мирѣ:
Насъ вѣдь нѣмцы окружаютъ!»
Князь сказалъ — и всѣ бояре
Изъ-за трапезы поднялись
И, поднявшись, поклонились
Низко князю и княгинѣ
И княжнѣ, дѣвицѣ красной.
Бубны-трубы загремѣли.
Изготовились бояре.
Посреди равнины свѣтлой,
На разубранномъ балконѣ
Князь сидѣлъ передъ народомъ
Со своими старшинами;
Близь него была княгиня;
Съ именитыми женами
И съ подругами Людиша.
И воскликнулъ князь къ боярамъ:
«Кто пойдетъ на битву первый,
Самъ я, князь, того назначу!»
Указалъ онъ на Стребора;
Вызвалъ Стреборъ Людислава.
На коней садятся оба;
Всякъ беретъ по вострой пикѣ;
Другъ на друга поскакали,
Долго бились и боролись,
Оба древка изломили
И, отъ боя истомяся,
Вышли вонъ изъ-за ограды.
Бубны-трубы загремѣли —
И воскликнулъ князь къ боярамъ:
«Кто пойдетъ вторымъ на битву,
Пусть княгиня намъ укажетъ!»
И княгиня указала
На Серноша. Онъ выходитъ,
Вызываетъ Спитибора.
На коней садятся оба;
Всякъ беретъ по вострой пикѣ
И помчались другъ на друга.
Выбилъ Серношъ Спитибора,
Самъ съ коня спрыгнулъ онъ нà земь;
За мечи схватились оба —
И запрыгали удары
По щитамъ ихъ по тяжолымъ
И посыпалися искры.
Спитиборъ Серноша ранилъ,
Тотъ на землю палъ сырую.
Истомясь отъ боя, оба
Вышли вонъ изъ-за ограды.
Бубны-трубы загремѣли —
И воскликнулъ князь къ боярамъ:
«Кто пойдетъ на битву третьимъ,
Пусть Людиша намъ укажетъ!»
И Людиша указала
На Любора. Онъ выходитъ,
Вызываетъ Болеміра.
На коней садятся оба;
Всякій взялъ по вострой пикѣ —
И вскакали внутрь ограды.
Другъ на друга понеслися,
Пики вострыя скрестились —
Люборъ выбилъ Болеміра;
Щитъ его далеко прянулъ;
Самого жь его прислуга
Понесла изъ-за ограды.
Бубны-трубы загремѣли.
Люборъ въ бой идетъ съ Рубошемъ.
На коня садится Рубошъ,
Быстро скачетъ на Любора;
Люборъ вмигъ копье Рубоша
Пересѣкъ мечомъ тяжолымъ
И врага въ шеломъ ударилъ.
Рубошъ палъ съ коня на землю
И взяла его прислуга.

Бубны-трубы загремѣли.
Люборъ кликнулъ за оградой:
«Кто теперь со мною хочетъ,
Выходи плечо помѣрять!»
И пошолъ въ народѣ говоръ.
Люборъ ждетъ-стоитъ въ оградѣ.
Вотъ Здеславъ качаетъ пикой,
А на пикѣ турій черепъ;
На коня Здеславъ садится,
Горделиво похваляясь:
«Прадѣдъ мой осилилъ тура,
Разогналъ отецъ мой нѣмцевъ,
А меня спознаетъ Люборъ!»
Другъ на друга поскакали,
Лбами крѣпкими сразились —
И слетѣли оба съ сѣделъ.
За мечи схватились быстро
И рубиться ими стали;
Гулъ стоялъ отъ ихъ ударовъ;
Люборъ съ боку вдругъ нагрянулъ
И въ шеломъ врага ударилъ
И разбилъ шеломъ на части.
Ихъ мечи потòмъ скрестились:
Выбитъ мечъ изъ рукъ Здеслава,
Полетѣлъ онъ за ограду,
А Здеславъ на землю рухнулъ.
Бубны-трубы загремѣли.
Обступили всѣ Любора,
Повели предъ очи князя,
И княгини и Людиши;
И княжна вѣнокъ дубовый
Возложила на Любора.
Бубны-трубы загремѣли.

—

6.

ЗАБОЙ И СЛАВОЙ.

Поднимается скала надъ лѣсомъ;
На скалѣ стоитъ Забой могучій
И во всѣ концы кидаетъ взгляды.
Возмутился духъ его печалью —
И Забой заплакалъ, чтò твой голубь.
Тамъ сидѣлъ онъ долго, смутенъ сердцемъ,
Вдругъ вскочилъ и побѣжалъ оленемъ
Черезъ боръ широкій и пустынный;
Побывалъ у каждаго онъ мужа,
Къ сильному отъ сильнаго онъ мчался,
Рѣчь держалъ короткую со всякимъ,
Преклонялъ чело передъ богами
И къ другимъ оттуда онъ пускался.
Минулъ день; за нимъ другой проходитъ;
Въ третій день блеснулъ на небѣ мѣсяцъ.
Собралися мужи въ лѣсъ дремучій;
Тѣхъ мужей ведетъ Забой въ долину,
Чтò лежала межъ лѣсовъ глубоко.
Самъ онъ сталъ среди ложбины низкой;
Въ варито *) рукою ударяетъ.
«Мужи, съ вѣрнымъ братскимъ сердцемъ,
Мужи искренніе взоромъ!
Вамъ пою въ глубокой я долинѣ, **)
Отъ глубокаго пою вамъ сердца,
Чтò печалью возмутилось!
Нашъ отецъ ушолъ къ отцамъ
И дѣтей покинулъ малыхъ,
И подругъ своихъ покинулъ,
Не сказавши никому:
Братъ! поди, поговори ты съ ними,
Какъ отецъ съ родимою семьею!
И пришолъ чужой въ предѣлы наши;
Зашумѣлъ на насъ чужою рѣчью;
И, какъ тамъ живутъ съ утра до ночи,
Такъ и нашимъ жонамъ и ребятамъ
Жить велѣлъ, и каждому онъ мужу
По одной велѣлъ держать подругѣ
На пути съ Весны и до Мораны; ***)
Ясныхъ кречетовъ изъ бору выгналъ
И боговъ, что боги на чужбинѣ,
Приказалъ любить онъ нашимъ людямъ
И святыя сожигать имъ жертвы;
А своимъ никто не смѣй молиться
И въ потемкахъ приносить имъ пищу.
Гдѣ отецъ кормилъ боговъ родимыхъ,
Гдѣ молился, гдѣ пѣвалъ имъ славу —
Онъ посѣкъ священныя деревья
И боговъ кумиры ниспровергнулъ.»
— «Ты, Забой, поешь отъ сердца сердцу
Пѣсню горя, какъ Люміръ ****), чтò двигалъ
Вышеградъ и всѣ его предѣлы
Пѣснями да крѣпкими словами:
Такъ и ты меня и братьевъ тронулъ;
Добраго пѣвца и боги любятъ!

*) Музыкальный инструментъ со струнами, въ родѣ козбы.

**) Пѣвцы того времени становились или садились во время пѣнія обыкновенно ниже тѣхъ, кому пѣли.

***) Весною называлась у чеховъ богиня весны и молодости, а потомъ и самая весна и молодость. Морана была, напротивъ, богиня зимы, смерти, а также и самая зима и смерть.

****) Древній пророкъ-пѣвецъ.

Пой! отъ нихъ поешь ты пѣсни,
Чтò мутятъ все наше сердце
Противъ недруга лихого!»
Посмотрѣлъ Забой, какъ у Славоя
Разгорѣлись, раскалились очи —
И запѣлъ онъ пѣсню снова,
Чтобъ сердца расшевелились:
«Жило-было двое братьевъ;
Какъ ужь стали голосами
На мужей они похожи,
Всякій день ходили въ рощу
И къ мечу, копью и млату
Пріучали тамъ десницу;
Прятали въ густомъ лѣсу оружье
И съ веселымъ сердцемъ возвращались.
А какъ стали руки братьевъ крѣпки,
Выходили братья въ бой кровавый.
А межь тѣмъ братишки ихъ другіе
Подростали и во слѣдъ за тѣми
На враговъ летѣли, словно буря;
И отчизна ихъ цвѣла въ покоѣ!»
Всѣ къ Забою, къ молодцу прыгнули
И пѣвца въ объятьяхъ сжали крѣпкихъ,
Клали руки сильныя на перси
И умно-разумно говорили.
До разсвѣту было ужь недолго.
Выходили изъ долины мужи
Выходили розно, темнымъ лѣсомъ
И по всѣмъ дорогамъ разбрелися.
День проходитъ, и другой проходитъ,
А на третій день, какъ ночь настала,
Въ темный лѣсъ пошолъ Забой
И за нимъ пошли дружины;
Въ темный лѣсъ пошолъ Славой
И за нимъ пошли дружины.
Всякъ покоренъ воеводѣ;
Королю же всякъ тамъ нéдругъ,
Всякъ его сгубить замыслилъ.
«Гой еси ты, братъ Славой!
Къ голубой ступай вершинѣ,
Чтò надъ всѣмъ поднялась краемъ:
Тамъ сбираться надо будетъ.
На востокъ отъ той вершины,
Видишь, лѣсъ идетъ дремучій:
Тамъ рукой ударимъ въ руку.
Пробирайся жь ты лисицей,
Я туда жь приду съ полками.»
— «Гой еси ты, братъ Забой!
Для чего оружье наше
Оставлять въ покоѣ долго?
Чтòбы грянуть намъ отсюда!»
— «Ты послушай, братъ Славой!
Коль известь ты хочешь змѣя,
Наступи ему на горло:
Горло вражье на вершинѣ!»
Пò лѣсу разбились мужи,
И направо и налѣво.
Эти идутъ, слушая Забоя,
Тѣ — по слову храбраго Славоя,
Темнымъ лѣсомъ, къ синей той вершинѣ.
Въ пятый разъ восходитъ солнце красно.
Тутъ вожди другъ другу руку
Подаютъ и лисьимъ окомъ
Съ той вершины озираютъ
Королевскія дружины.
«Насъ однимъ разбить ударомъ
Хочетъ Людекъ: вишь, полки сбираетъ!
Эй ты, Людекъ! ты теперь холопомъ
Надъ холопами у нихъ поставленъ!
Палачу ты своему скажи-ка,
Что его приказы — дымъ для нашихъ!»
Разъярился буйный Людекъ;
Войско быстро онъ сзываетъ.
Много свѣту было въ небѣ:
Красно солнце тамъ играло,
И играло красно солнце
На дружинахъ королевскихъ.
Всѣ они въ походъ готовы
И поднять готовы руку,
Коли вождь прикажетъ Людекъ.
«Гой ты, гой ты, братъ Славой!
Ты зайди лисицей сзади,
Я жь ударю имъ на встрѣчу!»
И пошолъ Забой, какъ туча съ градомъ,
И Славой пошолъ, какъ туча съ градомъ:
Этотъ съ боку, тотъ ударилъ прямо.
«Братъ! вопъ эти лиходѣи,
Что боговъ у насъ низвергли,
Порубили рощи наши,
Ясныхъ кречетовъ прогнали!
Намъ пошлютъ побѣду боги!»
Разозлился Людекъ, заметался;
Онъ изъ полчищъ на Забоя вышелъ;
И Забой, сверкая взоромъ, встрѣтилъ
Людека. Чтò дубъ схватился съ дубомъ
Средь лѣсовъ: такъ Людéкъ на Забоя
Налетѣлъ среди обѣихъ ратей.
Людекъ поднялъ тяжкій мечъ
И пробилъ въ щитѣ три кожи;
Тутъ Забой пускаетъ молотъ —
Людекъ въ сторону отпрянулъ;
Угодилъ тяжолый молотъ,

Угодилъ онъ въ дубъ высокій —
Дубъ на воиновъ свалился,
И къ отцамъ пошло ихъ триддать.
Разъярился Людекъ: «Звѣрь ты дикій,
Злющая ты гадина, ехидна!
Ну-ка выйди на мечахъ со мною!»
И махнулъ Забой мечомъ:
Отлетѣлъ у супостата
Отъ щита большой осколокъ.
Людекъ самъ ударъ заноситъ —
Да скользнулъ булатъ по кожѣ,
Чтò была по сверхъ щита Забоя.
Распалились оба воеводы,
Сыпали тяжелые удары
И забрызгали другъ друга кровью;
Всѣ въ крови и воины ихъ были,
Чтò вокругъ вождей рубились крѣпко.
На полуднѣ стало солнце
И пошло ужъ къ вечеру съ полудня;
Но вожди безъ умолку все бились.
Здѣсь кипѣла яростная сѣча,
Да и тамъ Славой сражался ладно.
«Ахъ ты, врагъ безъ угомону!
Чтобы взялъ тебя нечистый!
Чтò ты кровь-то нашу точишь!»
И Забой свой молотъ поднялъ,
Да отпрыгнулъ буйный Людекъ;
Поднялъ тотъ свой молотъ снова
И пустилъ имъ въ супостата;
Молотъ свиснулъ — вражій щитъ разбился
И разбились Людековы перси,
А душа изъ тѣла полетѣла;
Молотъ выпугнулъ оттуда душу
И пронесся въ войско на пять сажень.
Страхъ напалъ на вражьи рати,
Вырывая вопль изъ ихъ гортани.
У Зобоя жь люди веселились
И въ очахъ у нихъ играла радость.
«Братья! боги дали намъ побѣду!
Раздѣлитесь, братья, на двѣ части —
И въ походъ направо и налѣво!
Изо всѣхъ долинъ коней сгоняйте:
Пусть заржутъ они въ дубравахъ этихъ!»
— «Братъ Забой! удалый левъ!
Бей враговъ ты безъ пощады!»
Щитъ Забой на землю бросилъ,
Въ руку взялъ тяжолый молотъ,
А въ другую мечъ булатный —
И дорогу межъ врагами
Проложилъ себѣ онъ разомъ.
Зашумѣли, дрòгнули дружины!
Тутъ погналъ ихъ съ тылу Трясъ могучій,
И они со страху завопили.
Кони ржутъ въ густомъ лѣсу.
«На коней и за врагами!
Черезъ весь ихъ край гоните!
Быстры кони, мчитесь, мчитесь
По пятамъ злодѣевъ нашихъ!»
И отряды на коней вскочили
Скокъ-по-скокъ погнали за врагами,
Сыпля за ударами удары.
Проскакали горы, лѣсъ, равнины —
Справа, слѣва все назадъ бѣжало.
Вдругъ рѣка шумитъ предъ ними,
За волнами волны катитъ.
Воины спрыгнули въ рѣку
И враговъ передъ собой погнали.
Тутъ чужихъ топили наши волны,
А своихъ на берегъ выносили.
Все леталъ надъ тѣми надъ полями
На широкихъ крыльяхъ лютый коршунъ,
И гонялъ онъ малыхъ пташекъ;
А дружины смѣлыя Забоя
По полямъ, разсыпавшись, бѣжали
За врагами, ихъ разили всюду
И топтали ярыми конями.
Ночью гнали, какъ свѣтилъ имъ мѣсяцъ;
Гнали днемъ, когда свѣтило солнце.
Тамъ опять скакали ночью,
Тамъ зарей на утрѣ сѣромъ.
Вдругъ рѣка шумитъ предъ ними,
За волнами волны катитъ.
Воины спрыгнули въ рѣку
И враговъ передъ собой погнали.
Тутъ чужихъ топили наши волны,
А своихъ на берегъ выносили.
«Ну, къ сѣдымъ туда вершинамъ,
Тамъ конецъ кровавой мести!»
— «Ты послушай, братъ Забой:
До горы ужь недалеко,
И враговъ немного стало;
Да и тѣ о жизни молятъ.»
— «Такъ назадъ веди дружины!
Я жь пойду и доконаю
Всѣхъ послѣднихъ королевцевъ!»
Въ томъ краю прошли мятели;
Въ томъ краю прошли дружины,
Въ томъ краю, направо и налѣво;
Тамъ и сямъ дружины видны,
Крики радостные слышны.
«Братъ, ужь вотъ она, вершина,
Гдѣ намъ боги шлютъ побѣду!

Тамъ изъ тѣлъ выходятъ души
И порхаютъ по деревьямъ;
Звѣрь и птицы ихъ боятся,
Не боятся только сòвы.
Погребать пойдемъ убитыхъ,
Да боговъ своихъ покормимъ,
Принесемъ большія жертвы
Имъ, спасителямъ народа;
Возгласимъ и честь и славу,
И положимъ все предъ ними,
Чтò у нѐдруговъ отбили!»

—

7.

ЗБИГОНЬ.

Сизъ леталъ голубчикъ
По кустамъ зеленымъ;
Высказывалъ горе
Онъ темному лѣсу:
«Ахъ ты, лѣсъ широкій!
Здѣсь леталъ я прежде
Съ дорогòй подружкой,
Съ голубицей милой;
Да подружку-душку
Збигонь-недругъ отнялъ
И въ каменный городъ
Онъ бѣдняжку заперъ!»
Подъ стѣнами зàмка
Мòлодецъ гуляетъ,
О красѣ-дѣвицѣ
Воздыхаетъ, плачетъ.
Отъ того ли зàмка
Уходилъ онъ въ горы;
На горѣ садился,
И молчалъ онъ долго
Вмѣстѣ съ лѣсомъ темнымъ.
Вотъ летитъ голубчикъ,
Жалобно воркуетъ.
Мòлодецъ удàлый
Голубочку молвилъ:
«Чтò ты, сизъ-голубчикъ,
Стонешь такъ и плачешь?
Али одинокимъ
Ты живешь на свѣтѣ?
Али соколъ быстрый
Заклевалъ подружку?
У меня вотъ Збигонь
Милую похитилъ
И въ каменномъ зàмкѣ
Дорогую заперъ.
Ты бы, сизъ-голубчикъ,
Съ соколомъ подрался,
Кабы сердце было
У голубя храбро.
Ты бы вѣдь подружку
У злодѣя отнялъ,
Кабы востры когти
У тебя случились.
Ты задралъ бы, сизый,
Вора-лиходѣя,
Лишь родись ты съ клёвомъ,
Съ крѣпкимъ, плотояднымъ!»
— «Мòлодецъ удàлый!
Ну-ка поднимайся
И ударь ты смѣло
Въ Збигоня-злодѣя!
У тебя, вѣдь, сердце
Нетрусливо, храбро;
У тебя, вѣдь, латы,
Ратные доспѣхи,
У тебя, вѣдь, молотъ,
Молотокъ желѣзный!»
И пошолъ онъ доломъ
И дремучимъ лѣсомъ;
Взялъ броню съ собою
И желѣзный молотъ.
Вотъ подъ стѣны зàмка
Мòлодецъ приходитъ.
Былъ онъ подъ стѣнами —
Ночь, ни зги не видно.
Онъ рукою сильной
Постучалъ въ ворота.
— «Кто за воротами?»
Изъ зàмка спросили.
— «Молодой охотникъ
Ночью заблудился!»
Отперли ворота.
Онъ еще ударилъ:
Отперли другія.
— «Гдѣ владыка Збигонь?»
— «Въ терему высокомъ!
Тамъ онъ затворился;
Тамъ краса-дѣвица
Молодая плачетъ.»
— «Отворяй-ка двери!»
Згибонь не послушалъ.
Мòлодецъ ударилъ
Молотомъ желѣзнымъ —
Распахнулись двери;
Въ голову онъ послѣ

Збигоня ударилъ —
Збигонь повалился.
Юноша по за́мку
Побѣжалъ и въ за́мкѣ
Все побилъ живое;
А потомъ съ подружкой,
Съ дорогою, съ милой,
Спалъ онъ до разсвѣту.
Разъигралось солнце,
Сквозь деревья свѣтитъ
На каменный городъ.
Разъигралась радость
У мо́лодца въ сердцѣ,
Что красу-дѣвицу
Обнималъ онъ снова
Сильною рукою.
— «Это чья голубка?»
— «Збигонь ту голубку
Изловилъ въ дубравѣ
Да и заперъ пташку,
Какъ меня, бѣдняжку!»
— «Такъ лети жь, голубка,
Ты теперь изъ за́мка!»
Вотъ и полетѣла
Въ лѣсъ она широкій;
Тамъ и сямъ порхала
Съ кустика на кустикъ;
Со своимъ ли другомъ,
Съ голубочкомъ сизымъ,
На одной на вѣткѣ
Ночку ночевала.
Веселилась дѣва
Съ мо́лодцомъ уда́лымъ;
Тамъ и сямъ гуляла,
Гдѣ млада хотѣла,
И спала съ любезнымъ
На одной кровати.

8.

ОЛЕНЬ.

Скачетъ олень по долинамъ,
Прыгаетъ онъ по горамъ,
Носитъ по цѣлому краю,
Носитъ крутые рога́.
Рѣжетъ крутыми рогами
Сучья въ дремучемъ лѣсу;
По лѣсу летмя летаетъ,
Скачетъ на быстрыхъ ногахъ.
Хаживалъ мо́лодецъ въ горы
Доломъ широкимъ на брань,
Тяжкія нашивалъ стрѣлы,
Вражію мощь поражалъ.
Добраго мо́лодца нѣту!
Лютый нагрянулъ злодѣй,
Злобой глаза распалились,
Молотъ желѣзный сверкнулъ
Юношу въ перси ударилъ:
Всплакались темны лѣса!
Вышла изъ мо́лодца, вышла,
Душенька вышла душа,
Горломъ пошла лебединымъ,
Въ алы порхнула уста.
Вотъ онъ лежитъ; за душою
Точится теплая кровь;
Кровь молодецкую тихо
Пьётъ мать сырая земля.
Сердце у дѣвицы каждой
Стонетъ и больно болитъ.
Юноша въ хладную землю,
Въ хладную землю зарытъ;
Дубъ на немъ выросъ, дубочекъ,
Вѣтви пустилъ широко́.
Ходитъ олень круторогой,
Скачетъ на прыткихъ ногахъ,
Щиплетъ зеленые листья
Онъ на дубу молодомъ.
Быстрые кречеты вьются,
Изъ лѣсу къ дубу летятъ,
Голосомъ жалкимъ выводятъ:
«Мо́лодца врагъ погубилъ!»
Горькими плачутъ слезами
Красныя дѣвы по немъ.

9.

ВѢНОКЪ.

Какъ подулъ, повѣялъ вѣтеръ
Изъ дубравы княженецкой —
Прибѣжала красна дѣвка
Зачерпнуть воды на рѣчку.
Глядь, а къ ней вѣнокъ зелёной
По волнѣ плыветъ студёной;
Перевитъ вѣнокъ цвѣтами,
Алой розой, васильками.
Вотъ она ведро становитъ
И вѣнокъ зеленый ловитъ,
Да ловивши, оступилась,

Въ воду съ берега скатилась.
«Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя сажала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зелёный,
Я тому позолочёный
Подарила бы въ гостинецъ
Дорогъ-перстень на мизинецъ.
Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя срывала,
Чья рука тебя срывала,
Тонкимъ шолкомъ увивала,
Я тому бы втихомолку
Изъ косы дала иголку.
Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя кидала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зелёной,
На просторъ волны студёной,
Я дала бъ тому вѣночекъ —
Пусть надѣнетъ милъ-дружочекъ!»

—

10.

ЯГОДЫ.

Разъ моя краса-подруга
Въ лѣсъ по ягоду пошла;
Уколола бѣлу ножку
Ей терновая игла,
И ступить ужь на дорожку
Красна дѣва не могла.

«Ахъ ты тёрнъ, ты тёрнъ колючій,
Что со мною сдѣлалъ ты?
Изведу тебя за это,
Вражьи вымету кусты!»

Подожди въ дубравѣ темной
Ты, красавица, меня:
Дай пригнать мнѣ изъ долины
Бѣлогриваго коня.

Борзый конь въ долинѣ ходитъ,
Травку-травушку жуетъ;
А въ дубравѣ-то въ зеленой
Молодца подруга ждетъ;

Про себя все тужитъ, тужитъ,
Тихо молвитъ иногда:
«Что-то скажетъ мнѣ родная?
Знать, пришла моя бѣда!

«Мать говаривала: сердце
Ты отъ молодцевъ храни!
Да чего жь мнѣ ихъ бояться,
Коль со мной добры они?»

На конѣ на бѣлогривомъ
Прискакалъ къ подругѣ я
И серебряной уздечкой
Привязалъ въ лѣсу коня.

Обнялъ крѣпко дорогую,
Цаловалъ ее въ уста —
И про тёрнъ, про тёрнъ колючій
Позабыла красота.

Мы ласкались, миловались;
Солнце къ вечеру пошло.
«Ахъ пора, пора, мой милый!
Намъ домой пора, въ село!»

На коня вскочилъ я быстро
И проворною рукой
Обхватилъ красу-дѣвицу
И поѣхалъ съ ней домой.

—

11.

РОЗА.

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ ты, роза,
Распустилася такъ рано?
Распустившись, ты замерзла,
Ты замерзла и увяла
И, увянувши, упала!
Долго я вечоръ сидѣла,
Пѣтухи ужь прокричали —
Я млада еще сидѣла;
Ничего я не дождалась,
Вся лучина догорѣла.
Я заснула — мнѣ приснилось,
Что съ руки-то у бѣдняжки
Перстенечекъ спалъ завѣтный,
Выпалъ камень самоцвѣтный.
Не нашла я камня снова,
Не дождалась я милова!

—

12.

КУКУШКА.

Въ чистомъ полѣ росъ дубочекъ,
Тамъ кукушка куковала,
Куковала, тосковала,
Что весна не вѣчно въ полѣ.

Кабы все весна-то въ полѣ,
Какъ бы жито вызрѣвало?
Кабы лѣто вѣчно было,
Какъ бы яблоко доспѣло?

Какъ бы могъ прозябнуть колосъ,
Кабы осень все стояла?
Было бъ горько, было бъ тяжко
Красной дѣвицѣ безъ друга!

—

13.

СИРОТА.

Ахъ, лѣса, лѣса вы темные,
Вы лѣса ли Милетинскіе!
Что̀, лѣса, вы зеленѣете
Въ лѣто, въ зиму одинаково?
Рада, рада бъ я не плакала,
Не мутила бы сердечушка,
Да скажите, люди добрые,
Кто, скажите, не заплачетъ здѣсь?
Гдѣ мой батюшка, родимый мой?
Въ мать-землѣ сырой зарытъ лежитъ!
Гдѣ моя родная матушка?
И надъ нею травка выросла!
Нѣтъ ни брата, ни сестрицы нѣтъ!
Мила-друга люди отняли!

—

14.

ЖАВОРОНОКЪ.

Коноплю красна дѣвица
Въ огородѣ барскомъ полетъ.
«Что̀ смутна ты, что̀ печальна!»
Дѣвѣ жаворонокъ молвилъ.

«Какъ могу я жить весельемъ,
Птица-жаворонокъ малый?
Моего милова друга
Посадили въ крѣпкій за̀мокъ!

«Кабы мнѣ перо, бумаги:
Написала бы я къ другу
И съ тобой бы въ ту сторонку
Я письмо свое послала.

«Нѣтъ пера и нѣтъ бумаги!
Такъ лети жь одинъ отсюда:
Спой ты пѣсню дорогому
Про мою тоску-кручину!»

Н. Бергъ.

—

V.

ЯНЫШЪ-КОРОЛЕВИЧЪ.

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу;
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любушѣ, Чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идетъ онъ проститься;
Ей приноситъ съ червонцами чересъ,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересъ,
Въ обѣ щёки поцаловалъ молча
И поѣхалъ своею дорогою.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги на земь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочьку
И ее нарекла Водяницей.
Вотъ проходятъ три года и болѣ.
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы.
Захотѣлъ онъ коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!

Конь отдернулъ голову въ испугѣ:
На уздѣ виситъ Водяница,
Какъ на удѣ пойманная рыбка.
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою,
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня вороного,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
«Разскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышъ-королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей.»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня вороного,
Обнялъ дочь свою Водяницу
И, слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать — Елица?
Я слыхалъ, что она потонула.»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ:
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царицѣ
И скажи ей: Янышъ-королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.
Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ-королевичъ!
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты мнѣ, млада Елица,
Выйдь ко мнѣ на зеленый берегъ,
Поцалуй меня попрежнему сладко,
Попрежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выйду, Янышъ-королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленый берегъ;
Слаще прежняго намъ не цаловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышъ-королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»

А. Пушкинъ.

—

VI.

ГУСИТСКАЯ ПѢСНЯ.

Близокъ, братья, день желанный!
Засіяло наше солнце!
Огласились старымъ кликомъ
Наши долы, наши горы!
Возродился чехъ старинный,
А съ нимъ духъ и всякій свычай,
Всякій свычай и обычай
Старочешскій!

О, старый чехъ всегда готовъ
На зовъ друзей, на зовъ враговъ —
На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
На смертный бой!

Аминь! услыши Господи!
Потрудись за насъ, святой Вячеславъ,
Нашъ заступникъ во скорбяхъ!

О, когда завѣтъ отцовскій
Сохранимъ мы нерушимо —
Слава Чехіи не сгинетъ
И возстанетъ левъ нашъ бѣлый;
Чуть враги его заслышатъ,
Какъ медвѣди встрепенутся
И подъ нашу пѣснь запляшутъ,
Какъ заслышутъ:

О, старый чехъ всегда готовъ
На зовъ друзей, на зовъ враговъ —
На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
На смертный бой!

Аминь! услыши Господи!
Потрудись за насъ святой Вячеславъ,
Нашъ заступникъ во скорбяхъ!

А. Майковъ.

—

VII.

ГЕЙ СЛАВЯНЕ!

Гей славяне, гей славяне!
Будетъ вамъ свобода,
Если только ваше сердце
Бьётся для народа.

Громъ и адъ! чтò ваша злоба,
Чтò всѣ ваши ковы,
Коли живъ нашъ духъ славянскій!
Коль мы въ бой готовы!

Далъ намъ Богъ языкъ особый —
Врагъ то разумѣетъ:
Языка у насъ во-вѣки
Вырвать не посмѣетъ.

Пусть нечистой силы будетъ
Болѣе сторицей:
Богъ за насъ и насъ покроетъ
Мощною десницей.

Пусть играетъ вѣтеръ, буря,
Съ неба грозы сводитъ,
Треснетъ дубъ, земля подъ нами
Ходенемъ заходитъ:

Устоимъ одни мы крѣпко,
Чтò градскія стѣны.
Прòклятъ будь, кто въ это время
Мыслитъ про измѣны!

Н. Бергъ.

—

VIII.

САДОВНИКЪ.

У садовника въ садочкѣ
Выростаетъ деревцо:
Чорны очи, бѣлы плечи
И румяное лицо.

— «Гдѣ ты, гдѣ ты, нашъ садовникъ,
Розанъ эдакій досталъ?
У тебя еще алѣе
И еще онъ краше сталъ.

«Съ той поры, какъ появился
У тебя онъ на лугу,
Съ той поры на твой я розанъ
Наглядѣться не могу.»

— «Не чужой мнѣ этотъ розанъ,
Не чужой онъ мнѣ цвѣтокъ:
Самъ его я возлелѣялъ,
Сохранилъ и уберёгъ.

«Въ злую стужу-непогоду
Я присматривалъ за нимъ,
За цвѣткомъ моимъ прекраснымъ,
Ненагляднымъ, дорогимъ.»

Нынче матери сбирайте
Дочерей — своихъ красотъ,
И садовнику отдайте
Подъ присмотръ и подъ уходъ.

На лугу, между кустами,
У него житьё цвѣтамъ;
Не одно за-то спасибо
Всякій парень скажетъ вамъ.

Н. Бергъ.

—

IX.

ДАРЪ НА ПРОЩАНЬЕ.

Жилъ со мной голубчикъ,
Жилъ въ счастливой долѣ,
Да порхнулъ голубчикъ
Во чистòе поле —

Во чистòе поле,
На зеленый дубчикъ:
Тамъ теперь воркуетъ
Милый мой голубчикъ.

Не воркуй, голубчикъ,
Съ дубу зеленòго,
Не мути голубкѣ
Сердца ретивòго!

«Поздно ты, голубка,
Поздно спохватилась!
Что жь, какъ не былъ дома,
Ты съ другимъ слюбилась!

«Подарилъ я милой,
Милой ленту алу,
Чтобы ленту эту
Въ косы заплетала;

«Подарилъ другую,
Ленту голубую,
Чтобы не забыла
Ту пору былую.»

Н. Бергъ.

—

X.

ЛОВКІЙ ОТВѢТЪ.

Говоритъ мнѣ снова
Нынче мать милова,
Чтобы я забыла
Про ея про сына.

На такія рѣчи
Я ей отвѣчала,
Чтобъ она покрѣпче
Сына привязала;

Привязала бъ сына:
Не ходи, молъ, мимо!
Къ дѣвкину порогу
Не топчи дорогу!

Н. Бергъ.

—

XI.

БѢДНОСТЬ И ЛЮБОВЬ.

Подъ окошкомъ нашимъ
Протекаетъ рѣчка.
Кабы ты мнѣ, мила,
Коня напоила!
«Я съ конемъ не слажу:
Я коней ниразу,
Милый, не поила!»

Подъ окошкомъ нашимъ
Выросла олива.
Кто, скажи мнѣ, мила,
Кто тутъ ходитъ мимо?
«Къ намъ никто не ходитъ,
Рѣчи не заводитъ
Обо мнѣ съ родимой.»

Подъ окошкомъ нашимъ
Расцвѣтаютъ розы.
Отъ чего же, мила,
Проливаешь слёзы?
«Бѣдность одолѣла:
Съ ней я то-и-дѣло
Проливаю слёзы.»

Н. Бергъ.

—

XII.

РАЗСВѢТЪ.

Люди мнѣ сказали:
«Будто время къ ночи!»
А то зачернѣли
Моей милой очи.

Люди мнѣ сказали:
«Зорька на востокѣ!»
А то разгорѣлись
Моей милой щёки.

Люди мнѣ сказали:
«Проглянуло солнце!»
А то поглядѣла
Милая въ оконце.

Н. Бергъ.

—

XIII.

РАЗЛУКА.

Въ чистомъ полѣ, подъ ракитой,
Борзый конь играетъ,
А подъ ней моя милая
Слёзы проливаетъ:

—Ты куда, мой милый, ѣдешь?
Нѣтъ туда и слѣду...
Но куда бъ ты не пустился —
Я съ тобой поѣду.

«Я туда, далеко ѣду —
Въ горы голубыя,
Чтобъ забыть мнѣ на чужбинѣ
Раны сердца злыя.

«Я туда, далеко ѣду —
Вдоль рѣки широкой,
Чтобы больше не видаться
Съ дѣвой черноокой.

«Далеко по бѣлу свѣту
Я скитаться стану,
Чтобъ въ любви не вѣдать больше
Горькаго обману.»

М. Петровскій.

—

XIV.

ЛЮБОВЬ.

Что поётъ тамъ эта пташка,
Чтò въ кустахъ сидитъ одна:
Будто дѣвушка, влюбившись,
Вдругъ становится блѣдна.
Ну, вѣдь, право, эта пташка
Все неправду говоритъ:
Посмотрите, какъ румянецъ
На щекахъ моихъ горитъ!

М. Петровскій.

—

XV.

НЕСЧАСТНЫЙ МИЛЫЙ.

Мнѣ сегодня сонъ приснился,
Что мой милый воротился;

А какъ утромъ я проснулась —
Нѣтъ милòва: мнѣ взгрустнулось.

Кабы я посла достала,
Я бы къ милому послала.

Ты лети, лети, посолъ,
Мой посолъ, ясёнъ соколъ!

Къ зàмку сòколъ подлетѣлъ,
Другъ изъ замка поглядѣлъ:

«Воротись ты, сòколъ мой,
Воротися ты домой —

«И скажи, что буду скоро
Къ ней до зорьки, до восхода!»

Солнце красное восходитъ,
Милый другъ мой не приходитъ.

Конь подъ нимъ играетъ, пляшетъ;
Милый другъ рукой мнѣ машетъ.

Повихнулъ конь борзый ногу:
Палъ мой милый на дорогу —

Палъ мой милый, встать не можетъ:
Кто подыметъ? кто поможетъ?

«Что мнѣ, мила, что мнѣ помощь,
Что мнѣ помощь, коли поздно!

«Лучше въ колоколъ звоните
И меня похороните.»

Ахъ, увялъ мой красный цвѣтъ,
Что милѣй мнѣ былъ, чѣмъ свѣтъ!

И того, по комъ вздыхала,
Я на-вѣки потеряла!

Н. Бергъ.

—

XVI.

НА ПУТИ КЪ МИЛОЙ.

Солнце за горами,
Сумрачно въ долинѣ...
Ахъ, зачѣмъ ты, батюшка родимый,
Спишь теперь въ могилѣ?

Спать ложусь, встаю ли,
Все я помышляю
О тебѣ, мой батюшка родимый,
О тебѣ вздыхаю!

Лишь одна кручина
Мое сердце гложетъ,
Что на наше счастье золотое
Онъ смотрѣть не можетъ.

Гдѣ овесъ ты сѣялъ,
Тамъ взростилъ я жито,
И кругомъ у насъ густой пшеницей
Поле все покрыто.

Тамъ, гдѣ въ землю пролилъ
Ты хоть каплю поту —
Тамъ мнѣ нынче золото-богатство
Сыплется безъ счоту.

Житницы, амбары
Полны и богаты...
Скоро-скоро будетъ къ вамъ хозяйка,
Дворики и хаты!

Ахъ, когда бъ ты видѣлъ
Мою дорогую,
Словно яблонь, ты развеселилъ бы
Голову сѣдую.

Конь мой, конь! какъ былъ ты
Жеребенокъ хилый,
Ты не зналъ, что на тебѣ поѣду
За своей я милой!

Солнце за горами,
Теменъ долъ туманный...
Ты лети, лети, мой конь ретивый,
Къ милой и желанной!

Н. Бергъ.

—

XVII.

ЧАРОДѢЙКА.

Вы сожгите её,
Утопите её:
Загубила она
Душу-сердце мое!

Чародѣйка она,
И хитра и умна,
Много чаръ у нея,
Всѣхъ чаруетъ она.

Чары — очи у ней,
Чары — бѣлая грудь;
Какъ увидишь ты ихъ —
Свой покой позабудь!

Пятерыхъ извела
Блескомъ чорныхъ очей,
Красотою лица,
Бѣлизною плечей...

Пятерыхъ извела,
И шестому не въ мочь:
Самъ не свой, какъ шальной,
Бродитъ онъ день и ночь.

Ахъ, сожгите её,
Утопите её:
Загубила она
Душу-сердце мое!

Н. Бергъ.

—

XVIII.

ПОДЪ ОКОШКОМЪ.

Ночь придетъ — знакомой мнѣ
Обойдя дорожкой,
Запою я, въ тишинѣ,
Подъ твоимъ окошкомъ:
«Спи, мой ангелъ! Добрый сонъ!
Пусть тебя лелѣетъ онъ!

«Будь онъ сладокъ, какъ твоя
Золотая младость!
Кто жъ приснится? Если я —
Улыбнись, какъ радость!
Спи, мой ангелъ! Добрый сонъ!
Пусть тебя лелѣетъ онъ!»

Ѳ. Глинка.

—

XIX.

РАДОСТЬ И ГОРЕ.

Ахъ ты, радость, ты, радость!
Деревцомъ выростаешь,
Только жаль, что корней ты
Никуда не пускаешь.

И подуетъ ли вѣтеръ,
Аль вода разольётся:
Деревцо молодое
Упадетъ и согнётся.

Можетъ, можетъ и встанетъ,
Да къ иному ужь лѣту...
Жаль мнѣ, жаль, что корней-то
У тебя, радость, нѣту!

Ахъ ты, горе-кручина!
У тебя, у кручины,
Лишь одинъ горькій корень;
Безъ вѣтвей, безъ былины.

Много надобно вздоховъ,
Слёзъ широкое море,
Чтобъ развѣять кручину,
Чтобы выплакать горе!

Горькій корень далёко,
Горькій корень глубóко,
Безъ вѣтвей, безъ былины —
Горькій корень кручины!

Н. Бергъ.

XX.

ОЧИ.

— У тебя, краса-дѣвица,
Очи такъ полны огня,
Что невольно я страшуся —
Не обманешь ли меня?

«Если бъ даже въ сто разъ ярче
Эти искрились глаза,
Не пугайся: не обманетъ,
Милый другъ, твоя краса.

«Ты не бойся понапрасно
Чорныхъ, огненныхъ очей,
А скорѣе берегися
Тихихъ, вкрадчивыхъ рѣчей.»

М. Петровскій.

II. МОРАВСКІЯ.

I.

СТАРЫЙ МУЖЪ.

У молодки Наны
Мужъ, какъ лунь, сѣдой...
Старый мужъ не вѣритъ
Жонкѣ молодой:

Разомъ домекнулся,
Что не будетъ прокъ —
Глазъ съ нея не спуститъ;
Двери на замокъ.

«Отвори каморку —
Я чуть-чуть жива:
Что-то разболѣлась
Сильно голова —

«Сильно разболѣлась,
Словно жаръ, горитъ...
На дворѣ погодно:
Можетъ, освѣжитъ?»

— Что жь, открой окошко,
Прохладись, мой свѣтъ!
Хороша прохлада,
Коли друга нѣтъ!

Нана замолчала,
А въ глухой ночи
Унесла у мужа
Стараго ключи.

«Спи, голубчикъ, съ Богомъ,
Спи, да почивай!»
И ушла тихонько
Въ дровяной сарай.

— Ты куда ходила,
Нана, со двора?

Волосы — хоть выжми;
Шуба вся мокра...

«А телята наши
Со двора ушли,
Да куда жь? — къ сосѣдкѣ
Въ просо забрели.

«Загнала на силу —
Разбѣжались всѣ...
Я и перемокла,
Ходя по росѣ.»

Видно, лучше съ милымъ
Хоть дрова щепать,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Золото считать.

Видно, лучше съ милымъ,
Голая доска,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Два пуховика.

Л. Мей.

II.

СЕСТРА ОТРАВИТЕЛЬНИЦА.

Побѣжала ранымъ-рано
На Дунай-рѣку Ульяна.

Проѣзжали тамъ гусары:
«Эй, поѣдемъ, дѣвка, съ нами!»

— Я бы рада, я бы рада,
Да боюсь родного брата.

«Отрави ты брата ядомъ
И поѣдемъ съ нами рядомъ.»

— Я бы рада, я бы рада,
Да откуда взять мнѣ яду?

«Въ темномъ лѣсѣ подъ ракитой
Змѣй гнѣздится ядовитый:

«Принеси его ты въ хату
И изжарь на завтракъ брату.»

Ѣдетъ, ѣдетъ братъ изъ бору,
Тащитъ дерево-колоду.

Встрѣчу брату выбѣгала
И ворота отворяла;

Отвела коней на мѣсто.
«Это что, сестра, за вѣсти?»

— На-ка рыбки, братъ Ванюша:
Пополудновай, покушай! —

«Гдѣ взяла ты рыбу эту:
Ни головъ, ни перьевъ нѣту?»

— Я головки отрубила,
Подъ окошкомъ ихъ зарыла.

Какъ отвѣдалъ онъ жаркое,
Поблѣднѣлъ одной щекою;

Какъ еще кусокъ откушалъ,
Поблѣднѣлъ и весь Ванюша;

А какъ третій съѣлъ кусочекъ,
Поблѣднѣлъ, что бѣлъ платочекъ.

«Принеси, сестра, напиться:
Хочетъ сердце прохладиться.»

Принесла воды изъ лужи —
Стало Ванѣ еще хуже.

«Постели, сестра, постелю:
Клонитъ сонъ меня что съ хмѣлю.»

— Лягъ на камень головою
И усни ужь, Богъ съ тобою!

Въ Боянôвѣ звôны звôнятъ:
Палачи Ульяну гонятъ;

Въ Мутеницахъ зазвонили:
Съ ней они въ дорогѣ были;

А звонить въ Годôнѣ стали —
Палачи ее пригнали.

Какъ тесали гробъ Ивану,
На возу везли Ульяну.

— Вы живьёмъ меня заройте,
Только пѣсенки не пойте!

Какъ Ульяну зарывали,
Дѣвки пѣсенку слагали;

Какъ совсѣмъ ее зарыли,
Дѣвки пѣсенку сложили.

Н. Бергъ.

—

III.

ЛУЧШЕ.

Лучше куколя пшеница —
Лучше вдовушки дѣвица;
Лучше золото свинца —
Лучше молодецъ вдовца!

Л. Мей.

—

IV.

СМЕРТЬ МАТЕРИ.

«Тятенька-голубчикъ, гдѣ моя родная?»
— Померла, мой свѣтикъ, дочка дорогая!

Дочка побѣжала прямо на могилу,
Рухнулася нà-земь, молвитъ черезъ силу:

«Матушка родная, вымолви словечко!»
— Не могу: землею давитъ мнѣ сердечко.

«Я разрою землю, отвалю каменья:
Вымолви словечко, дай благословенье!»

— У тебя есть дома матушка другая.
«Охъ, она не мать мнѣ — мачиха лихая!

«Только зубы точитъ на чужую дочку:
Щиплетъ, коли станетъ надѣвать сорочку;

«Чешетъ, такъ подъ гребнемъ кровь ручьёмъ сочится;
Рѣжетъ ломоть хлѣба — ножикомъ грозится!»

Л. Мей.

—

V.

ПЕЧАЛЬ.

Ужь не быть тому во-вѣки, что прошло, что было;
Не свѣтить знать красну солнцу, какъ оно свѣтило!

Не знавать мнѣ прежней доли съ прежней мощью-силой;
На конѣ своемъ удàломъ знать не ѣздить къ милой!

Мнѣ свѣтило красно солнце въ малое оконце,
А теперь свѣтить не хочетъ, частый дождикъ мочитъ,

Частый дождикъ, непогода бьётъ, стучитъ въ окошко:
Заросла къ моей любезной торная дорожка —

Заросла она кустами, заросла травою,
Съ-той-поры какъ я спознался съ милою другою.

Н. Бергъ.

III. СЛОВАЦКІЯ.

I.

ИЗГНАНІЕ.

Свѣтлая ты рѣчка,
Рѣчка ты Влетава!
Наше ты веселье,
Красота и слава!

Красное ты мѣсто,
Прага дорогая,
Нашъ престольный городъ,
Родина святая!

Да чтò намъ Влетава,
Чтò намъ наша Прага,
Коли въ насъ угасла
Сила и отвага!

Изъ дому насъ гонятъ,
Все у насъ побрали,
Только лишь съ собою
Библію не взяли. *)

Татры, горы-скалы!
Къ вамъ идемъ мы въ гости:
Здѣсь намъ жить въ ущельяхъ,
Здѣсь мы сложимъ кости!

Н. Бергъ.

—

*) Такъ называемую *кралицкую* библію, переведенную прямо съ еврейскаго текста учоными чехами на чешскій языкъ, въ XVI вѣкѣ, въ городѣ Кралицѣ, на рѣкѣ Моравѣ.

II.

СОБЕССКІЙ И ТУРКИ.

Погодите, братцы:
Перейдетъ Собесскій,
Перейдетъ Собесскій
Черезъ холмъ Силезскій —

Черезъ холмъ Силезскій,
Черезъ Бѣлу гору,
Черезъ Бѣлу гору,
На червонномъ кòнѣ —

На червонномъ кòнѣ,
Съ золотымъ кантаромъ, *)
Съ золотымъ кантаромъ,
На помощь гусарамъ —

На помощь гусарамъ,
На защиту Вѣны;
Тогда только суньтесь,
Турки-бусурмены!

Н. Бергъ.

—

III.

БѢЛГРАДЪ.

Конь подъ Бѣлградомъ стоитъ вороной;
На немъ сидитъ,
Кровью покрытъ,
Миленькій мой.

*) Родъ узды.

Знаешь ли, мила, какъ битва живетъ?
Видишь: съ меня,
Видишь: съ коня
Кровь такъ и льётъ!

Знаешь ли, мила, какой нашъ обѣдъ?
Наша ѣда —
Хлѣбъ да вода:
Вотъ нашъ обѣдъ!

Знаешь ли, мила, гдѣ буду я спать?
Тамъ, гдѣ убьютъ,
Тамъ погребутъ,
Тамъ мнѣ лежать!

Знаешь ли, кто у меня звонарёмъ?
Раненыхъ стонъ,
Сабельный звонъ,
Пушечный громъ!

Н. Бергъ.

—

IV.

НИТРА. *)

Нитра, мила Нитра, ты веселье наше!
Гдѣ же, гдѣ то время, какъ была ты краше?
Нитра, мила Нитра, матушка родная,
На тебя мы смотримъ плача и стеная:
Ты была когда-то всѣхъ околицъ слава,
Гдѣ Дунай струится, Висла и Морава,
Гдѣ святой Меѳодій паству пасъ Христову
И училъ народы божіему слову;
Ты была наслѣдьемъ князя Святополка...
Нынѣ жь твоя слава стихла и замолкла;
Нынѣ здѣсь владѣетъ чуждое намъ племя:
Такъ-то свѣтъ измѣнчивъ, такъ проходитъ время!

Н. Бергъ.

—

*) Когда-то стольный городъ Нитравскаго княжества, въ Землѣ Словацкой; нынѣ главный городъ Нитранской области, на рѣкѣ того же имени.

V.

ГРУСТЬ ПО МИЛОМЪ.

Не разсѣлася ты, скала моя,
Когда съ миленькимъ разставалась я.

Если нѣтъ ужь мнѣ больше радости,
Брошу вольный свѣтъ я безъ жалости.

И за что, судьба, такъ караешь ты,
Все, чтò дорого, отнимаешь ты?

Хоть бы смерклося, хоть свѣтало бы —
Только дней моихъ убывало бы!

Соловей ты мой, пой въ частòмъ лѣсу!
Разгони тоску, чтò въ душѣ несу.

Камнемъ нà сердцѣ всѣ лишенія;
Нѣтъ ужь въ мірѣ мнѣ утѣшенія.

И немилаго жарко встрѣчу я —
Отцу, матери не перечу я.

И съ немилымъ я, видно, стану жить,
А по миленькомъ горевать-тужить.

М. Петровскій.

—

VI.

МИЛЫЙ ВЪ ПОЛѢ.

Люди мнѣ сказали, будто въ полѣ тучи,
А то зачернѣли миленькаго очи.

Люди мнѣ сказали — поле загорѣлось,
А то у милòва личико зардѣлось.

Люди мнѣ сказали, что гогочутъ гуси,
А то заиграли миленькаго гусли.

Люди мнѣ сказали — пролетѣла пташка,
А то забѣлѣла милаго рубашка.

Люди мнѣ сказали — поле гулко стало,
Поле гулко стало — милый гонитъ стадо.

Н. Бергъ.

IV. ПОЛЬСКІЯ.

I.

ОЖИДАНІЕ.

Мѣсяца не видно
Середь темной ночи:
Жду я, жду милóго —
Проглядѣла очи.

Жду я, не дождуся:
Не приходитъ Яся,
Хоть и обѣщалъ онъ,
Обѣщалъ вчéрася.

Вò полѣ садочекъ,
Вò полѣ прохладный;
Кто жь его украсилъ?
Яся ненаглядный.

Посажу цвѣточекъ
Рано до разсвѣту...
Ахъ, да не до цвѣту,
Коли друга нѣту!

Пріунылъ безъ друга
Зеленъ лѣсъ-лѣсочикъ:
Соловей не свищетъ,
Опустя носочикъ...

Н. Бергъ.

II.

КРАКОВЪ.

«Будь здорова, Соня!»
Молвилъ Сонѣ Яковъ:
«Вороного кóня
Погоню я въ Краковъ.

«Всѣмъ-то, всѣмъ украшенъ
Краковъ, городъ важный;
Что домовъ и башенъ
На улицѣ каждой!

«Ѣздятъ тамъ гусары,
Съ пиками уланы;
А гдѣ зáмокъ старый,
Тамъ король и паны.

«Дѣвки-бѣсенята
Такъ и льнутъ повсюду...
Не забудь меня ты,
И я не забуду.»

Н. Бергъ.

III.

ВЫПЬЕМЪ.

Наши дни коротки —
Выпьемъ что-ли водки!
Что тутъ долго спорить —
Выпьемъ и вдругорядь!
Пусть жена и дѣти —
Выпьемъ-ка по третьей!
Всѣ печали къ чорту —
Наливай четверту!
Пьёмъ мы зачастую
Пятую, шестую,
А седьму подносятъ —
Почивать васъ просятъ;
А восьмую выпьемъ —
Ляжемъ и не пикнемъ!

Н. Бергъ.

IV.

ИЗМѢННИКЪ.

«Дождикъ, дождикъ моросить,
Взмокла вся поляна.
Ахъ, люби меня, Ванюша,
Вѣрно, безъ обмана!

— Я люблю тебя, люблю,
Много, какъ умѣю!
Коли стану измѣнять,
Чтобъ сломать мнѣ шею!

Только сталъ онъ выѣзжать
На большу дорогу —
Онъ головушку сломилъ,
А конь борзый ногу.

«Знать, тебѣ невѣренъ былъ
Милый твой Ванюша:
Ужь вдругорядь никого,
Дочка, ты не слушай!»

Н. Бергъ.

—

V.

СМЕРТЬ МИЛАГО.

Распѣваютъ пташки, громко распѣваютъ,
Моего Ванюшу кличутъ, выкликаютъ —
Кличутъ, выкликаютъ, стонутъ за дубровой;
Конь гремитъ подковой, на войну готовый.

«Не горюй, подруга: все въ Господней волѣ!
Можетъ, годъ, не болѣ, буду въ ратномъ полѣ.»
Молвилъ и помчался. Годъ и два проходитъ,
А съ войны Ванюша къ милой не приходитъ.

Ждетъ его подруга, ждетъ и дни, и ночи,
Плачетъ и крушится — выплакала очи;
Вышла на дорогу: ѣдутъ тамъ уланы —
Ѣдутъ тамъ уланы, кони ихъ буланы.

Подъ попоной чорной конь одинъ позади.
— Гдѣ же мой Ванюша? гдѣ коню хозяинъ?
«Охъ, убитъ твой Ваня, въ правый бокъ подъ душу,
Въ правый бокъ подъ душу ранили Ванюшу!»

Ранили Ванюшу въ правый бокъ подъ сердце:
Плакаться я стану по чужимъ по сѣнцамъ.
«Ой, не плачь, красотка! не жалѣй Ивана:
Изъ полку любого выбери улана!»

Выбрать мнѣ не долго изъ полку любого,
Да не будетъ Вани у меня другого!
Хоть бы я глядѣла, всѣхъ переглядѣла,
А такого друга все бы я не встрѣла!

Н. Бергъ.

—

VI.

ПОЦАЛУЙ.

Рузя, что жь прошу я
Долго поцалуя!
Мы еще попросимъ,
Да какъ-разъ и бросимъ!

Не гляди такъ строго:
Красныхъ дѣвокъ много
За быстрой рѣкою,
Лишь махни рукою.

Въ молодыя лѣта
Нѣтъ любви запрета:
Идутъ дни за днями,
Волны за волнами...

Хоть морозъ и грянетъ,
Цвѣтъ весною встанетъ;
Старость кровь остудитъ —
Ничего не будетъ!

Н. Бергъ.

V. ЛУЖИЦКІЯ.

I.

ВѢРНОСТЬ ДО ГРОБА.

«Мнѣ приснилось въ эту ноченьку,
Что подруженька въ гробу лежитъ.

«Ты сѣдлай коня, мой милый братъ,
Ты сѣдлай коней обоимъ намъ!»

«Мы съ тобой поѣдемъ въ Жулицы,
Повидаемся съ Шултицами:

«Мы узнаемъ, мы развѣдаемъ,
Какъ живется имъ, какъ можется.»

Мать-Шултиха ходитъ пò двору;
На Шултихѣ платье чорное.

«Здравствуй, здравствуй, моя матушка!
Гдѣ же дочь твоя красавица?»

— «Ныньче годъ ровнымъ-равнёшенько,
Какъ свезли мы на погостъ ее —

«Что на парѣ ль вороныхъ коней,
Да на парѣ бѣлыхъ кониковъ.»

Повернулъ коня онъ бòрзаго
И поѣхалъ прямо въ Кростицы —

Онъ поѣхалъ прямо въ Кростицы,
На кладбище, на церковный дворъ.

Онъ вокругъ объѣхалъ три раза,
Сталъ надъ гробомъ красной дѣвицы:

«Пробудись, проснись, подруженька!
Возврати мои подарочки!

— «Ахъ, не встать и не проснуться мнѣ,
Не вернуть твоихъ подарочковъ:

«На груди плита тяжолая,
Очи перстію засыпаны.

«Поѣзжай къ моей ты матушкѣ,
Пусть отдастъ твои подарочки:

«Черевички съ бантомъ, съ лентами,
И платокъ богатый, шолковый.

«Перстенекъ твой на рукѣ моей:
Ужь его мнѣ не отдать тебѣ!

«Подожди еще годокъ-другой:
Ляжешь, милый, ты рядкомъ со мной!»

Повернулъ коня онъ борзаго
И поѣхалъ прямо къ матери:

«Слышишь, старая ты матушка,
Вòроти мои подарочки:

«Черевички съ бантомъ, съ лѣнтами,
И платокъ богатый, шолковый.

«Перстенёкъ мой на рукѣ у ней:
Перстенекъ мой не воротится!»

Отдавала мать подарочки,
Горько плакалъ добрый мòлодецъ.

— «Что ты плачешь, добрый мо̀лодецъ?
Много въ свѣтѣ красныхъ дѣвушекъ,

«Что богаче и пригожѣе,
Что богаче и красивѣе.»

— «Коль съ твоей не посчастливилось,
Мнѣ другихъ подругъ не надобно!»

Повернулъ коня онъ бо̀рзаго,
Ѣдетъ къ мастеру гробо̀вому —

Ѣдетъ къ мастеру гробовому,
Новый гробъ ему заказывать.

«Какъ тамъ лягу, гдѣ она лежитъ,
Перестану я грустить-тужить!»

Н. Бергъ.

—

II

ИЗМѢНА МИЛАГО.

— «Пой, красна дѣ̀вица, пѣсни!
Голосъ твой слышно далёко —

«Голосъ твой слышно далёко,
Вплоть до полей до Ясенскихъ:

«Вплоть до чужой до границы
Слышно тотъ голосъ дѣвицы!»

— «Пѣсни мнѣ пѣть, веселиться
Нынѣче совсѣмъ не годится.

«Пусть всѣ въ харчевнѣ гуляютъ,
Горя-печали не знаютъ;

«Мнѣ жь тамъ весёлости мало:
Я опущу покрывало,

«Прямо ни разу не гляну,
За̀ двери прятаться стану.»

Милый по комнатѣ ходитъ,
Видитъ ее — не подходитъ —

Видитъ ее — не подходитъ,
Съ нею рѣчей не заводитъ;

Подлѣ не станетъ, не глянетъ,
Бѣлой руки не протянетъ.

— «Ахъ, ты мой милый, сердечный!
Что погордѣлъ, поважнѣлъ ты?

«Что ни словечка не скажешь,
Ласки своей не покажешь?»

— «Какъ же мнѣ знаться съ тобою,
Съ дѣвкой, съ мужичкой простою!»

— «Словно не зналъ ты, не вѣдалъ
Нашего племени-роду

«Прежде, чѣмъ знался со мною,
Съ дѣвкой, съ мужичкой простою!

«Лучше бъ со мной ты не знался,
Къ намъ по ночамъ не шатался,

«Спалъ бы одинъ себѣ дома,
Дома, въ богатыхъ хоромахъ —

«Ногъ на ходьбѣ не томилъ бы,
Въ избу къ намъ бѣдъ не носилъ бы:

«Батюшки съ матушкой горя,
Слёзъ разлива̀нное море,

«Братьямъ и сестрамъ обиды,
Милымъ подружкамъ печали!»

Сча̀стливъ, кто сердце хоронитъ,
Слёзъ на постелю не ронитъ,

Парнямъ въ обманъ не дается,
Парню въ глаза насмѣется!

Съ виду всѣ ласковы парни,
Въ сердцѣ жь — хитры и коварны;

Красную дѣвку заводятъ,
Дружбу не долго съ ней водятъ:

Часъ и другой поиграютъ
И, поигравши, бросаютъ...

Н. Бергъ.

—

III.

ПОКОРНАЯ ДОЧЬ.

Я нà гору кверху поднялась
И въ даль я съ горы поглядѣла,
И вижу я: лодочка ѣдетъ,
А въ лодкѣ три мóлодца добрыхъ.

Что былъ всѣхъ пригожѣй, моложе,
Что въ лодкѣ сидѣлъ по-серёдкѣ —
На мнѣ обѣщалъ онъ жениться,
Хоша молоденекъ годами.

Онъ далъ мнѣ, дѣвицѣ, колечко,
Колечко, серебряный перстень:
«Возьми ты, дѣвица, колечко,
Возьми ты серебряный перстень!

«Коль матушка спрашивать будетъ,
Откуда серебряный перстень —
Скажи, отвѣчай ты родимой,
Что перстень нашла на дорогѣ?»

— Предъ матушкой лгать я не стану,
Не стану кривить я душою:
А прямо скажу безъ утайки,
Что хочешь на мнѣ ты жениться.

Н. Бергъ.

—

IV.

ЛЕГЕНДА.

Пускай узнаетъ цѣлый свѣтъ,
Что было въ Children Уграхъ зà сто лѣтъ.
Жилъ въ Варадинѣ славный князь —
И дочь у князя родилась;
Лицомъ пригожа и свѣтла
Новорожденная была.
Когда же стала подростать,
Не шла съ подругами играть;
Но въ божьихъ храмахъ день и ночь
Молилась княжеская дочь.
Минуло ей шестнадцать лѣтъ —
Она даетъ святой обѣтъ:
Оставить міра суету
И посвятить себя Христу.
Но слышитъ вѣсти отъ родныхъ,
Что къ ней присватался женихъ,
Что красотой ея плѣнёнъ
Одинъ владѣтельный баронъ.
И соглашаются отдать
Ему ее отецъ и мать;
Но дочь одно твердитъ въ отвѣтъ:
«Дала я Господу обѣтъ
Весь вѣкъ не вѣдать брачныхъ узъ;
Одинъ женихъ мой — Іисусъ!»
Но ей отецъ, возвысивъ гласъ:
«Ты наша дочь — и слушай насъ!»
И дочь, покорствуя отцу,
Пошла готовиться къ вѣнцу,
Кротка, спокойна и тиха,
Но не глядитъ на жениха.
Когда жь оконченъ былъ обрядъ,
Она ушла тихонько въ садъ
Къ своимъ возлюбленнымъ цвѣтамъ,
И на колѣни пала тамъ,
И говорила такъ, молясь:
«Услыши, Господи, мой гласъ,
И укрѣпи во мнѣ, Господь,
Изнемогающую плоть!»
И передъ нею Онъ предсталъ,
И страхъ невѣсту обуялъ;
Но подалъ Онъ десницу ей —
И стала вдругъ она смѣлѣй,
И новыхъ силъ живой родникъ
Ей въ душу слабую проникъ.
И кротко въ очи ей смотря,
Господь вѣщалъ ей, говоря:
«Возьми сей перстень золотой,
Залогъ любви Моей святой!»
Невѣста розу сорвала
И жениху ее дала,
Предъ нимъ колѣни преклоня:
«Прими залогъ и отъ меня!»
И обрученные пошли,
Срывая розаны съ земли;
А онъ, на ней покоя взглядъ,
Сказалъ: «пойдемъ въ Мой вертоградъ!»
И, взявъ, повелъ ее съ собой.
И шли они рука съ рукой,
И въ вертоградъ къ Нему пришли,
Гдѣ розы пышныя цвѣли,
Алоэ, нардъ и киннамонъ,
И раздавался нѣкій звонъ
Золотострунныхъ райскихъ лиръ,
И пѣлъ святыхъ избрàнный клиръ.
И доведя ее до вратъ,
Онъ рекъ: «ты зрѣла вертоградъ!

Иди — пора тебѣ домой —
И миръ да-будетъ надъ тобой!»
И опечалилась княжна:
Глядитъ — опять стоитъ она
Предъ Варадиномъ у воротъ,
И стража кличетъ: «кто идетъ?»
Она, сробѣвъ и устыдясь,
Даетъ отвѣтъ: «Отецъ мой князь;
Объ немъ извѣстенъ городъ весь:
Онъ воеводой главнымъ здѣсь!»
Но возражаетъ стража ей:
«У воеводы нѣтъ дѣтей!»
Она же имъ твердитъ одно:
«Онъ воеводой здѣсь давно!»
И взявъ, привратники ведутъ
Ее къ судьямъ своимъ на судъ;
Тѣ стали спрашивать ее,
Она же имъ опять свое:
«Отецъ мой князь!» она твердитъ:
«Онъ воеводой здѣсь сидитъ.»

И диву судьи всѣ дались,
И рыться въ книгахъ принялись,
И тамъ прочли они въ отвѣтъ,
Что въ Варадинѣ зá сто лѣтъ,
На праздникъ, въ свадебную ночь,
Пропала княжеская дочь.
И судьи всѣ рѣшили такъ,
Что это вышней воли знакъ.
И, внявъ княжнѣ, онѣ пошли
И ей пастора привели:
И, осѣнясь его крестомъ,
Она почила вѣчнымъ сномъ,
Тиха, спокойна и ясна,
И благолѣпія полна.
Тому внимая, всякій чти
Святые Господа пути,
Зане Живый на небесахъ
И многомилостивъ, и благъ.

Н. Бергъ.

СЛАВЯНСКІЕ ПОЭТЫ

МАЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Малорусская литература — явленіе недавнее, именно потому что она имѣетъ исключительно народный характеръ. И у насъ, какъ и вездѣ, прежде считалось непреложнымъ, что языкъ книжный долженъ быть особымъ языкомъ отъ разговорнаго, и писатель, берясь за перо, настраивалъ себя на такую рѣчь, какой самъ не употреблялъ въ простомъ разговорѣ. У насъ съиздавна былъ книжнымъ языкомъ славяно-церковный; писать казалось возможнымъ только на немъ; языкъ живой врывался въ него невольно, но всегда писатель старался держаться, по возможности, книжнаго склада рѣчи. Можно сказать, что литературный языкъ на Руси измѣнялся по мѣрѣ бо̀льшаго невѣжества въ славяно-церковномъ языкѣ; писатели сбивались на противорѣчіе противъ собственнаго желанія. Въ южной и западной Руси, политически отдѣленной отъ сѣверной и восточной, славяно-церковный языкъ сталъ уступать другому языку литературному, но также не народному, хотя и состоявшему въ бо̀льшей близости къ послѣднему, чѣмъ древній славяно-церковный. Это была учоная смѣсь славяно-церковнаго, польскаго и живого русскаго, подъ работою туземныхъ грамматиковъ и риторовъ получившая своеобразную форму. Языкъ этотъ назывался русскимъ и послужилъ для значительнаго количества богословско-полемическихъ сочиненій, актовъ, писемъ и историческихъ повѣствованій. Учоные составляли для него словари и грамматики. При болѣе тѣсномъ сближеніи Малороссіи съ Великороссіею, этотъ книжный языкъ уступилъ мѣсто другому, созданному Ломоносовымъ и развивавшемуся послѣдовательною работою и дарованіями русскихъ писателей. Онъ былъ ближе къ народному великорусскому по выговору, по строенію, но отличался отъ него множествомъ словъ и оборотовъ, взятыхъ изъ славяно-церковнаго и выкованныхъ писателями, усвоивавшими формы и способъ выраженія изъ иностранныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ, такъ-что литературное развитіе удаляло его отъ народнаго, а не приближало; для Малороссіи онъ былъ болѣе искуственъ, чѣмъ для великоруссовъ и болѣе далекъ отъ тамошней народной рѣчи. Высшій классъ малорусскаго народа, который былъ сравнительно образованнѣе прочей массы, усвоивалъ этотъ языкъ сначала на письмѣ, потомъ и въ живой рѣчи, хотя долго не оставлялъ въ домашнемъ быту своего прадѣдовскаго, народнаго. Малорусскій простолюдинъ почти не понималъ его. Говоря съ послѣднимъ, малоруссъ высшаго класса и образованія поневолѣ спускался до языка простолюдина, потому-что иначе они бы не могли объясниться другъ съ другомъ; но писать на языкѣ простого народа долго казалось большинству рѣшительно невозможнымъ.

Но въ образованномъ мірѣ начался переворотъ. Съ распространеніемъ просвѣщенія почувствовались недостатки исключительной книжности; стали приближаться къ живой рѣчи, стара-

лись излагать на письмѣ мысли приблизительно тому, какъ онѣ излагались въ разговорѣ; то былъ покамѣстъ далекій идеалъ; дѣло шло медденно, также медденно, какъ образованіе массъ народа и сліяніе его сословій, и до-сихъ-поръ это литературное дѣло далеко не доведено до конца: мы все-таки пишемъ и даже говоримъ между собою не такъ, какъ остальная масса народа. Замѣтивъ здѣсь это обстоятельство, мы, однако, понимаемъ, что при маломъ количествѣ образованныхъ людей въ сравненіи со всѣмъ народонаселеніемъ, лишонныхъ всякихъ средствъ къ образованію, разница въ языкѣ образованнаго класса отъ языка народной массы неизбѣжна, когда простолюдину незнакомы понятія и предметы, требующіе незнакомыхъ для него словъ и оборотовъ; но, кромѣ того, разница эта зависитъ еще и оттого, что мы пишемъ и говоримъ отлично отъ народа даже и тогда, когда о томъ же самомъ у народа есть готовый складъ рѣчи. Тѣмъ не менѣе XIX вѣкъ все-таки отличается тѣмъ, что языкъ книжный стремится слиться съ разговорнымъ, является потребность, чтобы складъ рѣчи образованнаго чоловѣка и простолюдина былъ въ сущности одинаковъ. Если мы многое можемъ дать простолюдину, знакомя его съ предметами, понятіями и образомъ жизни высшаго человѣческаго развитія, то съ своей стороны и отъ него можемъ заимствовать немалое: именно, живость, простоту и правильность рѣчи, что, безъ сомнѣнія, и есть правильная, истинная грамматика языка, которая указываетъ формы, созданныя безъискуственною природою, свободнымъ теченіемъ народной жизни, а не вымысломъ кабинетнаго учонаго. Вѣроятно, съ развитіемъ просвѣщенія въ массахъ, произойдетъ этотъ желанный обмѣнъ. Народъ расширитъ свой кругозоръ свѣдѣніями, добытыми наукою, а сама наука можетъ заимствовать отъ народа болѣе простой и живой способъ выраженія.

Упрощеніе языка будетъ послѣдствіемъ широкой образованности. По нашему мнѣнію, первымъ шагомъ къ этому великому послѣдствію было то̀, что простолюдинъ въ литературѣ перестал подвергаться полному невниманію; его бытъ, нравы, понятія, вѣрованія, его пѣсни и сказки, его языкъ стали предметомъ изслѣдованія и изображенія. Идея народности вступила въ литературу.

Съ появленіемъ этой идеи, на Руси стали изучать русскаго простолюдина, дорожить его рѣчью; знать ее и владѣть ею уже стало достоинствомъ. По-этому и въ Малороссіи обратились къ тому же. Но тутъ-то оказалось, что въ этомъ русскомъ краѣ господствуетъ въ народѣ совсѣмъ иная рѣчь, отличная отъ той, которая слышится въ другихъ краяхъ, рѣчь, отпечатлѣвшая на себѣ иначе прожитую жизнь въ теченіи протекшихъ вѣковъ. Простолюдинъ-малоруссъ оказался очень непохожимъ на простолюдина-великоруса, хотя по главнымъ основнымъ чертамъ и тотъ и другой принадлежатъ къ одному народному дереву. По-этому, вступая своѐю особою въ число предметовъ, изображаемыхъ литературою, простолюдинъ-малоруссъ естественно долженъ былъ принести съ собою особую вѣтвь литературы съ своеобразною рѣчью. Когда одни писатели довольствовались тѣмъ, что старались изобразить его на общерусскомъ языкѣ, другіе находили такой способъ недостаточнымъ, видѣли въ русскихъ сочиненіяхъ, изображавшихъ малорусскую жизнь, какъ бы переводы съ какого-то другого языка и притомъ переводы рѣдко удачные, и обратились къ живой рѣчи народной малорусской, стали вводить ее въ литературу, и такимъ-то путемъ возникла малорусская литература въ наше время.

Начало ея положено Котляревскимъ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія. По господствовавшему тогда образу воззрѣній, рѣчь мужика непремѣнно должна была смѣшить, и, сообразно съ такимъ взглядомъ, Котляревскій выступилъ съ пародіею на «Энеиду» Виргилія, составленною по малорусски, гдѣ античные боги и герои изображены дѣйствующими въ кругу жизни малорусскаго простолюдина, въ обстановкѣ его быта, и самъ поэтъ представляетъ изъ себя также малорусскаго простолюдина, разсказывающаго эти событія. Но эта пародія возъимѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ можно было ожидать отъ такого рода литературныхъ произведеній. На счастье Котляревскому, въ малорусской натурѣ слишкомъ много особеннаго, ей только свойственнаго юмора, и его-то вывелъ Котляревскій на свѣтъ, желая позабавить публику; но этотъ народный своеобразный юморъ оказался, независимо отъ пародіи, слишкомъ свѣжимъ и освѣжающимъ элементомъ на литературномъ полѣ. Самъ авторъ былъ человѣкъ въ высокой степени талантливый. Не смотря на то̀, что онъ для своего произведенія избралъ почти несвойственный малорусской поэтической рѣчи четырехстопный ямбъ, какимъ въ

общія писали тогда русскіе поэты, «Энеида» имѣла громадный успѣхъ и Котляревскій открылъ собою цѣлый рядъ многихъ талантливыхъ писателей. Не ограничиваясь «Энеидой», Котляревскій написалъ еще двѣ драматическія пьесы: «Наталку Полтавку» и «Москаля-чаривника». Обѣ эти пьесы долго игрались на сценѣ въ Малороссіи, а послѣдняя и въ столицахъ, гдѣ она и до-сихъ-поръ остается единственнымъ малорусскимъ драматическимъ произведеніемъ, не сходящимъ со сцены. И правду сказать: эта небольшая пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ народной сказки, не встрѣтила у насъ до-сихъ-поръ еще ничего такого, чтобы стало выше ея по достоинству, въ качествѣ простонародной комедіи. «Наталка» очень любима въ Малороссіи; пѣсни изъ нея распространились до того, что сдѣлались почти народными.

За Котляревскимъ явился другой талантливый писатель: Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ. Отъ него осталось только нѣсколько стихотвореній, но за-то они пріобрѣли чрезвычайную популярность, и можно встрѣтить много малоруссовъ, знающихъ большую часть изъ нихъ наизусть. Подобно Котляревскому, и Артемовскій-Гулакъ сперва имѣлъ намѣреніе посмѣшить, позабавить — и началъ пародіями на оды Горація, приспособляя воззрѣнія римскаго поэта къ понятіямъ малорусскихъ поселянъ. Изъ написанныхъ имъ, кромѣ того, стихотвореній, видное мѣсто занимаетъ «Панъ Твардовскій», баллада. Сюжетъ ея тотъ же, что и въ балладѣ съ такимъ же названіемъ, написанной по-польски Мицкевичемъ, но малорусскій варіантъ отличается бо̀льшею образностью и народнымъ комизмомъ, чѣмъ польскій. Изъ нѣсколькихъ басенъ, написанныхъ имъ, «Панъ та собака», по художественности, по глубинѣ мысли и народному колориту, занимаетъ высокое мѣсто, тѣмъ болѣе, что она выражаетъ болѣзненное, но сдержанное чувство народа, безъисходно терпѣвшаго произволъ крѣпостничества. Артемовскій-Гулакъ былъ рѣдкій знатокъ самыхъ мельчайшихъ подробностей народнаго быта и нравовъ, и владѣлъ народною рѣчью въ такомъ совершенствѣ, выше котораго не доходилъ ни одинъ изъ малорусскихъ писателей. Нельзя не пожалѣть, что этотъ истинно-талантливый писатель рано покинулъ свое поприще. Въ старости онъ снова было обратился къ нему, но послѣднія его произведенія далеко уступаютъ первымъ.

Время тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія ознаменовалось появленіемъ произведеній Григорія Ѳедоровича Квитки, писавшаго подъ именемъ Основьяненка. Квитка началъ свою литературную дѣятельность на малорусскомъ языкѣ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, постоянно проживая на хуторѣ близь Харькова, въ общеніи съ народомъ. Кромѣ повѣстей, писанныхъ по-русски и помѣщенныхъ въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», Квитка по-малорусски написалъ двѣнадцать повѣстей (Салдацькый патретъ, Маруся, Мертвецькый велыкъ-день, Добре роби — добре й буде, Конотопська видьма, Отъ тоби й скарбъ, Козырь-дивка, Перекоти-поле, Сердешна Оксана, Пархимове снидание, Божи дити, Щира любовь *) и пять драматическихъ произведеній (Шельменко-писарь, Шельменко-деньщикъ, Сватанье на Гончаривци, Щира любовь, Бой-жинка, послѣдняя не была напечатана, но игралась на харьковской сценѣ). Трудно опредѣлить превосходство одной его повѣсти предъ другою, потому-что каждая имѣетъ свои достоинства и представляетъ то ту, то другую сторону народнаго быта, нравовъ и взглядовъ. Если въ «Солдатскомъ портретѣ» Квитка, описывая сельскую ярмарку, рисуетъ простодушіе поселянина до того комически, что возбуждаетъ смѣхъ въ самомъ серьозномъ читателѣ, то въ «Марусѣ», «Сердечной Оксанѣ» и «Божьихъ дѣтяхъ», при разнообразіи отношеній и положеній, выражаетъ такую полноту, глубину и нѣжность народнаго чувства, что выжимаетъ слезу у самого веселаго и безпечнаго. Въ повѣстяхъ «Конотопська видьма», «Отъ тоби скарбъ», «Мертвецькій велыкъ-день» онъ выставляетъ самыя затѣйливыя фантастическія представленія; въ повѣстяхъ «Добре роби — добре й буде», «Перекоти-поле» — изображаетъ народныя нравственныя понятія; въ «Козырь-дивкѣ» выводитъ отношенія, въ которыхъ народная сельская жизнь сталкивается съ властью и администраціею; и вездѣ является онъ вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Едва ли кто превзошолъ его въ качествѣ повѣствователя-этнографа, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше своего современника Гоголя, хотя много уступаетъ ему въ художественномъ построеніи. Изъ его драматическихъ произведеній, комическая оперетка

*) Послѣдніе двѣ почему-то не вошли въ послѣднее изданіе его литературныхъ сочиненій, но мы когда-то читали ихъ, получивъ отъ самого автора въ рукописи; изъ повѣсти «Щира любовь» Квитка потомъ составилъ драму, которая, по достоинству, много уступаетъ повѣсти того же содержанія.

«Сватанье на Гончаровкѣ» отличается вѣрнымъ и талантливымъ изображеніемъ домашнихъ нравовъ подгороднаго народа; пьеса эта имѣла большой успѣхъ на харьковской сценѣ и въ другихъ мѣстахъ, а также во Львовѣ. Черезъ-чуръ мѣстный интересъ этой пьесы не далъ ей мѣста на столичной сценѣ; но, кажется, недостатокъ артистовъ, знающихъ малорусскій языкъ и малорусскую жизнь на столько, чтобы исполнить эту пьесу, былъ главною причиною непоявленія ея на столичной сценѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Сватанье» было исполнено любителями въ Пассажѣ и было встрѣчено съ большимъ восторгомъ. Квитка имѣлъ громадное вліяніе на всю читающую публику въ Малороссіи; равнымъ образомъ и простой, безграмотный народъ, когда читали ему произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ. Не помѣшали успѣху твореній талантливаго писателя ни литературные пріемы, черезъ-чуръ устарѣлые, ни то, что у него господствуетъ слободское нарѣчіе, отличное отъ нарѣчія другихъ краевъ Малороссіи. Не только въ русскихъ юго-западныхъ губерніяхъ, но и въ Галиціи, гдѣ нарѣчіе уже значительно разнится въ мелочахъ отъ харьковскаго, сочиненія его читались съ наслажденіемъ, какъ свое родное. Великорусскіе критики упрекали его въ искуственной сантиментальности, которую онъ будто навязываетъ изображаемому народу; но именно у Квитки какъ этого, такъ и ничего навязываемаго народу—нѣтъ; незаслуженный упрекъ происходитъ оттого, что критики не знали народа, который изображалъ малорусскій писатель.

Одновременно съ Квиткою писали стихотворенія по малорусски: Гребенка, Боровиковскій, Аѳанасьевъ-Чужбинскій, Метлинскій (Амвровій Могила), Писаревскій, Петренко, Корсунъ, Щоголевъ и др. Всѣ они были болѣе или менѣе люди не бездарные, но никто изъ нихъ не обладалъ талантомъ на столько, чтобы составить эпоху въ молодой литературѣ. Это суждено было Тарасу Григорьевичу Шевченкѣ.

До Шевченки малорусская литература ограничивалась изображеніемъ народнаго быта въ формѣ повѣстей и разсказовъ, отчасти въ формѣ драмы, или стихотвореніями въ народномъ тонѣ. Самъ Квитка, съ его умѣніемъ воспроизводить народную жизнь, не шолъ далѣе простого изображенія. Выраженныя имъ чувства и воззрѣнія народа ограничиваются тѣмъ, что дѣйствительно можно было талантливому наблюдателю подмѣтить во внѣшнемъ проявленіи у народа — и только. Народъ у Квитки не смѣетъ подняться выше обычныхъ условій; если, иногда, онъ и заговариваетъ о своей боли, то очень не смѣло, и не дерзаетъ помышлять ни о чемъ лучшемъ. Народность Квитки, какъ и вообще тогдашнихъ народо-изобразителей — это зеркало наведенное на народный бытъ; по мѣрѣ того, каково это зеркало — въ немъ, съ большею или меньшею вѣрностью и полнотою, отражается то, что есть въ данный моментъ. Но Шевченко былъ самъ простолюдинъ, тогда-какъ другіе болѣе или менѣе были паны и панычи, любовавшіеся народомъ, иногда и дѣйствительно любившіе его, но въ сущности, по рожденію, воспитанію и стремленіямъ житейскимъ, не составлявшіе съ народомъ одного цѣлаго. Шевченко въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ выводитъ на свѣтъ то̀, что лежало глубоко на днѣ души у народа, несмѣя, подъ тягостію внѣшнихъ условій, показаться—то, что народъ только смутно чувствовалъ, но не умѣлъ еще облечь въ ясное сознаніе. Поэзія Шевченки—поэзія цѣлаго народа, но не только та, которую самъ народъ уже пропѣлъ въ своихъ безыменныхъ твореніяхъ, называемыхъ пѣснями и думами: это такая поэзія, которую народъ самъ бы долженъ былъ запѣть, если бы съ самобытнымъ творчествомъ продолжалъ далѣе пѣть непрерывно послѣ своихъ первыхъ пѣсенъ; или, лучше сказать, это была та поэзія, которую народъ дѣйствительно запѣлъ устами своего избранника, своего истинно-передового человѣка. Такой поэтъ какъ Шевченко есть не только живописецъ народнаго быта, не только воспѣватель народнаго чувства, народныхъ дѣяній — онъ народный вождь, возбудитель къ новой жизни, пророкъ. Стихотворенія Шевченки не отступаютъ отъ формы и пріемовъ малорусской народной поэзіи: онѣ глубоко малорусскія; но въ то же время ихъ значеніе никакъ не мѣстное: онѣ постоянно носятъ въ себѣ интересы общечеловѣческіе. Шевченко не только малорусскій простонародный поэтъ, но вообще поэтъ простого народа, людской громады, подавленной издавна условіями общественной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствующей потребность иныхъ условій и уже начинающей къ нимъ стремиться, хотя еще и не видящей вѣрнаго исхода, а потому нерѣдко впадающей въ отчаяніе, грустной даже и тогда, когда ей въ душу заглядываетъ упованіе далекаго будущаго. «Мы вѣруемъ

твоему слову, о Господи!» восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній малорусскій пѣвецъ: «возстанетъ правда, возстанетъ свобода, и Тебѣ Единому поклонятся всѣ народы во-вѣки, но пока еще текутъ рѣки, кровавыя рѣки!» Понятно, что крѣпостное иго, тяготѣвшее надъ народомъ, встрѣчало въ Шевченкѣ ожесточенное негодованіе. «Видишь ли—говоритъ онъ въ другомъ своемъ произведеніи—въ этомъ раѣ снимаютъ съ калѣки заплатанную свитку для того, чтобы одѣть недорослыхъ княжичей; тамъ распинаютъ вдову за подати, берутъ въ войско единаго сына, единую подпору; тамъ подъ плетнемъ умираетъ съ голода опухшій ребенокъ, тогда-какъ мать жнетъ на барщинѣ пшеницу, а тамъ опозоренная дѣвушка, шатаясь, идетъ съ незаконнымъ ребенкомъ: отецъ и мать отреклись отъ нея, чужіе не принимаютъ ее, нищіе даже отворачиваются отъ нея... а барчукъ... онъ не знаетъ ничего: онъ съ двадцатою по счёту (любовницею) пропиваетъ души. Видитъ ли Богъ изъ-за тучъ наши слёзы, горе? Видитъ и помогаетъ намъ столько же, сколько эти вѣковѣчные горы, покрытыя человѣческою кровію!» Не удивительно, что, живя и дѣйствуя въ періодъ строжайшаго сохраненія существующаго порядка, малорусскій поэтъ, дерзнувшій открыть завѣсу тайника народныхъ чувствъ и желаній и показать другимъ тò, что гнётъ и страхъ пріучили каждаго закрывать и боязливо заглушать въ себѣ, осужденъ былъ судьбою на тяжолыя страданія, которыхъ отголоски рѣзко отозвались въ его произведеніяхъ. Быть-можетъ, съ-тѣхъ-поръ какъ народъ освободился отъ одного изъ бременъ, лежавшихъ на немъ—крѣпостного рабства, съ-тѣхъ поръ какъ Россія вообще уже вступила на путь преобразованій, такой поэтъ, какъ Шевченко, не можетъ повториться; дальнѣйшія улучшенія въ жизни народа, дальнѣйшее его развитіе должны происходить посредствомъ умственнаго труда и гражданской доблести, а не поэтическихъ возбужденій; иные предметы, иные пріемы будутъ вдохновлять грядущихъ поэтовъ, но для Шевченки навсегда останется мѣсто въ плеядѣ великихъ пѣвцовъ славянскаго міра. Въ художественныхъ пріемахъ онъ уступаетъ такимъ поэтамъ нашего времени, какъ Пушкинъ и Мицкевичъ, какъ уступалъ имъ вообще по воспитанію, хотя этотъ недостатокъ и значительно восполнялся силою его творческаго генія; но по животворности его идей, по благородству и всеобъемлемости чувства, по естественности и простотѣ—Шевченко превосходитъ ихъ. Его значеніе въ исторіи—не литературы, не общества, а всей массы народа. Если новыя условія жизни, великіе перевороты и цѣлый рядъ иного рода событій унесутъ съ лица земли малорусскую народность, исторія обратится къ Шевченкѣ всегда, когда заговоритъ не только объ угаснувшей малорусской народности, но и вообще о прошлыхъ судьбахъ русскаго народа. Если когда-либо потомки долго страдавшаго, униженнаго, умышленно содержимаго въ невѣжествѣ мужика, будутъ пользоваться полною человѣческою свободою и плодами человѣческаго развитія, судьбы прожитыя ихъ прародителями не угаснутъ въ ихъ воспоминаніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они съ уваженіемъ будутъ вспоминать и о Шевченкѣ, пѣвцѣ страданій ихъ предковъ, искавшемъ для нихъ свободы—семейной, общественной, духовной, вмѣстѣ съ ними и за нихъ терпѣвшемъ душою и тѣломъ, мыслію и дѣломъ.

Одновременно съ Шевченкомъ писалъ по малорусски Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, столько же талантливый повѣствователь, сколько и превосходный этнографъ. Его «Записки о Южной Руси» могутъ служить лучшимъ образчикомъ этнографическихъ трудовъ. Изъ числа писанныхъ имъ повѣстей, по нашему мнѣнію, первое мѣсто занимаетъ историческій романъ «Чорна рада». По художественности и вѣрности картинъ, это одно изъ лучшихъ произведеній въ своемъ родѣ вообще въ русской литературѣ и единственное въ малорусской. Языкъ Кулиша отличается благородствомъ и старательною отдѣлкою: вообще видно чостоянное стремленіе поднять его уровень и сдѣлать доступнымъ для предметовъ и понятій, стоящихъ выше быта поселянина. Кромѣ прозы, Кулишъ пробовалъ писать и стихи, которые плавны и звучны, но по силѣ вдохновенія далеко уступаютъ Шевченковымъ.

Въ 1857 году выступила на литературное поприще женщина-писательница, подъ псевдонимомъ Марка-Вовчка. Ея небольшіе разсказы изъ народной жизни, изданные въ свѣтъ подъ общимъ названіемъ «Оповиданья», отличаются высокою художественностью построенія, глубиною мысли и чувства и вѣрностію красокъ. Малорусская читающая публика отнеслась къ этимъ произведеніямъ съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

Въ 1861—62 годахъ въ Петербургѣ издавался

Василіемъ Михайловичемъ Бѣлозерскимъ журналъ «Основа», посвященный Малороссіи. Кромѣ разныхъ статей, относящихся къ малороссійскому краю въ историческомъ, этнографическомъ, экономическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, журналъ этотъ наполнялся многими повѣстями, разсказами, стихами и замѣтками, писанными по малорусски и вызвалъ къ литературной дѣятельности нѣсколько даровитыхъ писателей, какъ напримѣръ: Глѣбова, Чайку, Нечуй-Вітра, Олексу Стороженка, Руданскаго, Кулика, Кухаренка, Мордовцева, Номиса, Носа, Олельковича и другихъ. Разсказы Олексы Стороженка, изданные впослѣдствіи особо въ двухъ томахъ, очень замѣчательны по талантливому изображенію малорусскаго быта, превосходному языку и народному юмору.

Но журналъ «Основа», давшій безспорно большой толчокъ литературной малорусской дѣятельности, не могъ долго существовать по малости подписчиковъ, что, во всякомъ случаѣ, указывало на недостатокъ сочувствія въ высшемъ классѣ Малороссіи. Это одно уже, кромѣ другихъ соображеній, указывало, что для малорусской письменности нуженъ иной путь. Изобразительно-этнографическое направленіе исчерпывалось; въ эпоху, когда все мыслящее думало о прогрессѣ, о движеніи впередъ, о расширеніи просвѣщенія, свободы и благосостоянія, оно оказывалось слишкомъ узкимъ, простонародная жизнь, представлявшаяся прежде обладающею несмѣтнымъ богатствомъ для литературы, съ этой точки зрѣнія, являлась, напротивъ, очень скудною: въ ней не видно было движенія, а если оно въ самомъ дѣлѣ и существовало, то до такой степени медленное и трудно уловимое, что не могло удовлетворять требованіямъ скорыхъ, плодотворныхъ и знаменательныхъ улучшеній, какими занята была мыслящая сила общества. Стихотворство еще меньше возбуждало интереса. Буйные витры, степовыя могилы, козаки, чумаки, чорнобриви дивчата, зозули, соловейки, барвинковые виночки и прочія принадлежности малорусской поэзіи становились избитыми, типическими, опошлелыми призраками, подобными античнымъ богамъ и пастушкамъ псевдоклассической литературы, или сантиментальнымъ романамъ двадцатыхъ годовъ, наполняющихъ старые наши «Новѣйшіе пѣсенники». Поднимать малорусскій языкъ до уровня образованнаго, литературнаго въ высшемъ смыслѣ, пригоднаго для всѣхъ отраслей знанія и для описанія человѣческихъ обществъ къ высшемъ развитіи—была мысль соблазнительная, но ея несостоятельность высказалась съ перваго взгляда. Языкъ можетъ развиваться съ развитіемъ самаго того общества, которое на немъ говоритъ; но развивающагося общества, говорящаго малороссійскимъ языкомъ, несуществовало; тѣ немногіе, въ сравненіи со всею массою образованнаго класса, которые, ставши на степень высшую по развитію отъ простого народа, любили малорусскій языкъ и употребляли его изъ любви—тѣ уже усвоили себѣ общій русскій языкъ: онъ для нихъ былъ родной; они привыкли къ нему болѣе чѣмъ къ малорусскому, и какъ по причинѣ бо́льшаго своего знакомства съ нимъ, такъ и по причинѣ бо́льшей развитости русскаго языка предъ малорусскимъ, удобнѣе обращались съ первымъ, чѣмъ съ послѣднимъ. Такимъ образомъ въ желаніи поднять малорусскій языкъ къ уровню образованныхъ литературныхъ языковъ было много искуственнаго. Кромѣ того, сознавалось, что общерусскій языкъ никакъ не исключительно великорусскій, а въ равной степени и малорусскій. И въ самомъ дѣлѣ, если онъ, по формамъ своимъ, удалялся отъ народнаго малорусскаго, то въ то же время удалялся, хоть и въ меньшей степени, отъ народнаго великорусскаго; то былъ общій недостатокъ его постройки, но въ этой постройкѣ участвовали также малоруссы. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ — языкъ этотъ былъ не чуждъ уже малоруссамъ, получившимъ образованіе, въ равной степени какъ и великоруссамъ, и какъ для тѣхъ такъ и для другихъ представлял одинако готовое средство къ дѣятельности на поприщѣ наукъ, искуствъ, литературы. При такомъ готовомъ языкѣ, творя для себя же другой пришлось бы создать языкъ непремѣнно искуственный, потому-что, за неимѣніемъ словъ оборотовъ въ области знаній и житейскомъ быт пришлось бы ихъ выдумывать и вводить пред умышленно. Какъ бы ни любили образованн малоруссы языкъ своего простого народа, ка бы ни рвались составить съ нимъ единое тѣ все-таки, положа руку на сердце, пришлось имъ сознаться, что простонародный языкъ М лороссіи — уже не ихъ языкъ; что у нихъ у есть другой, и собственно для нихъ самихъ нужно двухъ разомъ.

Приходя къ такимъ выводамъ, малоруссы, ображаясь съ господствовавшимъ въ тѣ годы щимъ стремленіемъ распространять всѣми

можными средствами просвѣщеніе, находили, что выработанный до извѣстной степени народный малорусскій языкъ можетъ послужить превосходнымъ двигателемъ общенароднаго образованія и принялись писать по-малорусски элементарныя научныя книги, съ цѣлію ознакомленія народа съ плодами образованности. Такимъ образомъ написана была книга, гдѣ давались элементарныя понятія о природѣ, подъ названіемъ: «Де що про свитъ Божій», изданъ былъ первый выпускъ священной исторіи и ариѳметика. Изготовлено было въ разныхъ мѣстахъ два перевода святого Евангелія. Были и другія работы. Мысль эта нашла великое сочувствіе во всѣхъ концахъ малорусскаго міра. Выпускъ священной исторіи, менѣе чѣмъ въ продолженіи полугодія, разошолся въ количествѣ болѣе шести тысячь экземпляровъ. Но тутъ поднялись подозрѣнія, обличенія и обвиненія. Московская газета, поддерживаемая нѣкоторыми корреспондентами изъ Малороссіи, находила въ этомъ предпріятіи умыслы на отторженіе Малороссіи отъ русской имперіи, сродство съ польскими интригами, однимъ словомъ преступныя намѣренія. И вотъ — найдено было умѣстнымъ преградить всякій дальнѣйшій ходъ этому дѣлу. То было въ 1863 году; съ-тѣхъ-поръ малорусская литература перестала существовать въ Россіи*). Въ глазахъ ревнителей государственной цѣлости и народнаго единства Россіи, все писанное по-малорусски стало представляться признакомъ измѣны, мятежа, попытокъ къ разложенію отечества. Въ сущности же на дѣлѣ не было и тѣни ничего подобнаго. Малоруссы, желавшіе ввести малорусскій языкъ въ первоначальное образованіе народа, не руководились никакими другими видами, кромѣ убѣжденія, что языкъ природный, какъ говорится, всосанный съ материнскимъ молокомъ, былъ болѣе легчайшимъ средствомъ для передачи начатковъ образованія, чѣмъ тотъ, который былъ чуждъ народному уху, какъ по словамъ и оборотамъ, такъ и по выговору. Если было сочтено умѣстнымъ переводить священное писаніе съ церковно-славянскаго на русскій, то тѣмъ же самымъ казалось вполнѣ умѣстнымъ перевести его по-малорусски, потому-что на русскомъ языкѣ для малорусса оно менѣе понятно, чѣмъ на славяно-церковномъ. Никто не думалъ, чтобы первоначальное образованіе, полученное малоруссами на своемъ природномъ языкѣ, могло изгнать и устранить изъ Малороссіи языкъ общерусскій; напротивъ, существовала увѣренность, что, получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія на своемъ нарѣчіи, малоруссъ съ большею охотою пожелаетъ читать по-русски и скорѣе научится русскому языку, пріобрѣвши уже до этого нѣкоторую подготовку и развитіе. Таковы были виды тѣхъ, которые проводили мысль о примѣненіи малорусскаго языка къ дѣлу народнаго образованія, а не какіе-либо иные. Конечно, для тѣхъ, которые не считаютъ народнаго образованія первою насущною потребностію, которые не видятъ особенной бѣды въ томъ, если народъ долгое время, можетъ-быть столѣтіе и долѣе, будетъ коснѣть въ невѣжествѣ, важность народнаго нарѣчія въ дѣлѣ первоначальнаго развитія не можетъ быть вопросомъ; но тѣ, которые, не менѣе малоруссовъ, любителей своего народнаго слова, искренно, горячо желаютъ просвѣщенія, и расходятся съ послѣдними только въ томъ, что считаютъ возможнымъ дѣломъ для малорусскаго простолюдина легко и скоро получить первоначальное образованіе на литературномъ русскомъ языкѣ, должны не ограничиваться одними теоретическими предположеніями, а познакомиться съ этимъ вопросомъ въ области опыта. Въ Малороссіи есть школы, и малоруссы учатся по русски; надлежитъ безпристрастно и точно разрѣшить вопросъ: какъ широко подвинулось просвѣщеніе въ народной массѣ и легко ли оно достается? Разрѣшеніе этого вопроса будетъ отвѣтомъ и на то: справедливы ли были малоруссы, хотѣвшіе употребить народное нарѣчіе орудіемъ легчайшаго распространенія просвѣщенія въ массѣ народа, или же они ошибались?

Н. Костомаровъ.

*) Кое-какія произведенія, появлявшіяся съ этихъ поръ до настоящаго времени, проходили безслѣдно. Только опера «Запорожецъ за Дунаемъ» хотя небогатая по содержанію, но сценичная, нравилась нѣсколько времени столичной публикѣ, а потомъ была оставлена.

МАЛОРУССКІЕ ПОЭТЫ.

И. П. КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Предки Котляревскаго были природные малороссы. Отецъ его служилъ въ полтавскомъ городскомъ магистратѣ, а дѣдъ былъ діакономъ успенской соборной церкви въ Полтавѣ. Еще до-сей-поры на высокой горѣ въ Полтавѣ, около крѣпостныхъ окоповъ, стоитъ полуразрушенный дубовый домикъ, съ надписью надъ входомъ: «Создася домъ сей, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, 1705 року 30 августа.» Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Котляревскаго, а 29 августа 1769 года родился и самъ Иванъ Петровичъ, извѣстный малороссійскій поэтъ. Родители Котляревскаго были весьма не богаты. Съ дѣтскихъ лѣтъ проявилась въ немъ охота къ чтенію и усидчивость въ занятіяхъ, такъ что его очень рано отдали въ семинарію, гдѣ онъ окончилъ ученіе съ успѣхомъ. По выходѣ изъ семинаріи, Котляревскому предлагали вступить въ духовное званіе, но онъ избралъ поприще свѣтское. Первое время онъ занимался обученіемъ дѣтей въ помѣщичьихъ домахъ, и, какъ страстный любитель родного языка, народныхъ обычаевъ и преданій, собиралъ этнографическія свѣдѣнія и писалъ стихи на малороссійскомъ языкѣ. Въ 1779 году онъ поступилъ въ штатъ бывшей новороссійской канцеляріи и черезъ четыре года былъ произведенъ въ первый классный чинъ, имѣя 14 лѣтъ отроду. Въ 1796 году Иванъ Петровичъ оставилъ гражданскую службу и поступилъ кадетомъ въ Сѣверскій карабинерный полкъ. Прослуживъ 12 лѣтъ въ военной службѣ и получивъ чинъ штабсъ-капитана за храбрость, оказанную при взятіи крѣпостей Браилова и Измаила, въ 1806 году, онъ вышелъ въ 1808 году въ отставку съ чиномъ капитана и снова поселился въ своемъ отцовскомъ домикѣ въ Полтавѣ. Въ началѣ 1812 года ему было поручено сформированіе 5-го малороссійскаго козачьяго полка, что было исполнено имъ ровно въ двѣ недѣли. Черезъ два года по выходѣ своемъ въ отставку, Котляревскій получилъ мѣсто надзирателя полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ. За улучшенія, произведенныя имъ по этому заведенію, онъ былъ награжденъ, въ 1817 году, чиномъ майора и пенсіею въ 500 руб. асиг., а въ 1827 году назначенъ попечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія. Эту послѣднюю должность Иванъ Петровичъ занималъ до самой смерти, т. е. до 1838 года. Общій голосъ Полтавы признаетъ за Котляревскимъ щедрость, благотворительность и готовность принять участіе въ каждомъ гонимомъ и убогомъ человѣкѣ.

Воспитаніе Котляревскаго совпало съ эпохой протеста противъ классицизма — протеста, выразившагося въ европейской литературѣ осмѣяніемъ олимпійскихъ боговъ и героевъ сѣдой древности. По преданію, Иванъ Петровичъ еще въ семинаріи началъ *перелицовывать* «Энеиду» Виргилія на малороссійскій языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ — этого мы не знаемъ. Извѣстно только, что поступя въ военную службу, Котляревскій скоро прославился своею пародіей. Троянскій герой, въ видѣ украинскаго бродяги, смѣшилъ товарищей Ивана Петровича до слёзъ, и рукопись его начала ходить по рукамъ. Затѣмъ, поселившись въ Полтавѣ и сдѣлавшись частымъ гостемъ у малороссійскаго воен-

наго губернатора, князя Репнина, онъ написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: «Наталку-Полтавку» и «Москаля-чаривника.» Первая изъ этихъ пьесъ появилась въ 1819 году, и была принята публикой съ громкимъ одобрѣніемъ. Появленіе «Москаля-чаривника» было также привѣтствовано общими похвалами. Съ этого времени имя сочинителя стало повторятся съ любовью не только во всей Малороссіи, но и въ Великороссіи и въ обѣихъ столицахъ. Обѣ эти пьесы говорятъ много въ пользу природнаго таланта Котляревскаго. Природное чутье сценическихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ изъ простонародныхъ нравовъ съ комической стороны, поставили «Наталку-Полтавку» и «Москаля-чаривника» выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго репертуара. Что же касается пѣсенъ, которыми начинается первая изъ этихъ пьесъ (*Віютъ витры* и *У сосида хата била)*, то они пріобрѣли такую популярность, что и въ настоящее время въ Малороссіи нѣтъ человѣка, который бы не зналъ ихъ наизусть. Сочиненія Котляревскаго имѣли въ свое время сильное вліяніе на всѣхъ, кому доступенъ былъ языкъ украинскій. Онъ былъ единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую жизнь украинскаго простонародья.

I.

ВѢЮТЪ ВѢТРЫ.

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны —
И деревья гнутся.
Охъ, болитъ мое сердечко,
Слёзы такъ и льются.

Въ лютомъ горѣ, безъ милого,
Я веселье трачу;
Только станетъ легче сердцу,
Какъ пойду поплачу.

Не помогутъ слёзы счастью,
Легче мнѣ не будетъ...
Кто счастливъ былъ хоть часочекъ,
Пб-вѣкъ не забудетъ.

Есть же люди — и сиротской
Завидуютъ долѣ;
Но счастлива ль та былинка,
Что хирѣетъ въ полѣ?

Въ чистомъ полѣ, на припёкѣ,
Безъ росы, безъ крова?
Тяжко, тяжко на чужбинѣ
Безъ дружка милова!

Безъ милова, дорогова,
Сталъ мнѣ свѣтъ тюрьмою;
Безъ милова нѣтъ мнѣ счастья,
Нѣтъ мнѣ и покою.

Погляди поди мой милый,
Какъ я здѣсь горюю,
Какъ слезами поливаю
Мою долю злую!

Кто жь меня здѣсь приласкаетъ,
Кто здѣсь приголубитъ,
Если нѣтъ того со мною,
Кого сердце любитъ?

Полетѣла бъ я къ милому,
Да куда — не знаю.
Безъ него я сохну, вяну,
Всякъ часъ умираю.

Н. Бергъ.

II.

ПѢСНЯ.

У сосѣда есть избушка,
У сосѣда жонка-душка;
У меня же — ни избёнки,
Нѣту счастья, нѣту жонки.

За сосѣдомъ всѣ красотки,
За сосѣдомъ и молодки,
Красны дѣвицы косятся —
На сосѣда всѣ зарятся.

Ой, сосѣдъ мой раньше сѣетъ,
У сосѣда зеленѣетъ;
У меня же, сиротинки,
Нѣту въ полѣ ни былинки.

Всѣ сосѣда выхваляютъ,
Всѣ сосѣда уважаютъ;
Я жь напрасно время трачу —
Одинокій горько плачу.

Н. Гербель.

III.

ВОЗНЫЙ.

Городъ, село ли — имѣютъ права;
Тоже имѣетъ свой умъ голова.
Каждымъ, какъ кубаремъ, прихоть вертитъ;
Каждаго лѣшій къ поживѣ манитъ.
Волка медвѣдь разрываетъ въ куски,
Волкъ — тотъ козла теребитъ за виски,
Ну, а козёлъ огородъ теребитъ:
Каждый съ другого сорвать наровитъ.
Каждый, кто выше, тотъ низшаго гнётъ;
Сильный безсильнаго давитъ и жмётъ.
Бѣдный — богатому вѣчный слуга:
Корчится, гнётся предъ нимъ, какъ дуга.
Кто не имѣетъ, тотъ вѣкъ свой скрипитъ;
Кто не лукавитъ, тотъ сзади сидитъ.
Ложка сухая вѣдь горло дерётъ,
Какъ тутъ прожить безъ грѣха и хлопотъ?

Н. Гербель.

IV.

ИЗЪ «ЭНЕИДЫ».

Эней былъ молодецъ удалый,
Парнюга — чудо не козакъ,
На всѣ дѣла проворный малый,
Какъ есть — намётанный бурлакъ.
Какъ только греки взяли Трою
И пышный городъ сталъ золою,
Онъ поскорѣе тягу далъ,
Взялъ кой-какихъ съ собой троянцевъ,
Въ огнѣ копченыхъ оборванцевъ,
И Троѣ пятки показалъ.

Онъ понастроилъ кучу лодокъ,
Своихъ троянцевъ разсадилъ,
Стѣснивъ несчастныхъ, какъ селёдокъ,
И въ море синее спустилъ.
Какъ вдругъ опять напасть лихая:
Собачья дочь, Юнона злая,
Вдругъ напустилась на него,
И въ заключенье пожелала,
Чтобъ въ адъ душа его попала
И духу не было его.

Парнюга былъ ей не по сердцу,
Да и гнѣвилъ ее притомъ,
И наконецъ сталъ горше перцу,
Противнѣй каши съ ревенёмъ.
Да что же сдѣлалъ онъ такое?
А то — зачѣмъ родился въ Троѣ;
И тѣмъ еще былъ ей не милъ,
Что слылъ за сына Афродиты
И что Парисъ не ей — пади ты —
Венерѣ яблочко всучилъ.

Глядитъ Юнона — видитъ съ неба,
Что въ лодкахъ ѣдетъ нашъ Эней.
«Ахъ, ты пострѣлъ!» шепнула Геба,
И жутко, жутко стало ей.
Она впрягла въ тележку птичку,
Собрала волосы подъ кичку,
Чтобъ не трепалася коса,
Надѣла пеструю юбчёнку,
Взяла ковригу, да солонку
И — шмыгъ къ Эолу, какъ оса.

Вошла въ хоромы и сказала:
«Здорово, сватъ! гостей встрѣчай!
Давно тебя я не видала.»
И положила коровай,
Шумя распущеннымъ подоломъ,
На столъ предъ дѣдушкой Эоломъ.
Потомъ присѣла на скамьѣ
И молвитъ: «съ просьбицей къ тебѣ я,
Дружокъ Эолъ! тряхни Энея:
Теперь онъ въ морѣ на ладьѣ.

«Ты знаешь, что онъ за ярыга:
Весь свѣтъ обнюхаетъ, какъ пёсъ,
Еще успѣетъ, забулдыга,
Изъ разныхъ глазъ повыжать слёзъ.
Пошли ему лихое горе:
Пусть тѣ, кто съ нимъ, потонутъ въ морѣ,
А прежде всѣхъ потонетъ самъ.
За это ряжую красотку,
Не просто бабу, а находку,
Тебѣ сегодня же я дамъ.»

«Вишь съ чѣмъ подъѣхала ты къ свату!
Эолъ, осклабясь, завопилъ:
«Все бъ сдѣлалъ я за эту плату,
Да вѣтры, жалко, распустилъ:
Борей больной лежитъ съ похмѣлья,
А Нотъ на свадьбѣ — всѣмъ веселье,
Зефиръ, давнишній негодяй,
Къ дѣвчонкамъ въ дружбу затесался,
А Эвръ въ поденщики нанялся...
Какъ хочешь, такъ и поступай!

«Но успокойся: для тебя я
Нарву молодчику вихры
И, дѣло долго не тягая,
Ушлю его въ тартарары.
И такъ — прощай и убирайся!
На счётъ молодки постарайся,
А на попятную — шалишь:
Надуешь — кончены всѣ пѣсни:
Ласкайся, нѣжничай — хоть тресни,
А отъ меня получишь шишь.»

Эолъ, не медля ни мгновенья,
Собралъ всѣ вѣтры подъ рукой,
И вздуться подалъ повелѣнье
Онъ морю синему горой.
И вотъ оно запузырилось,
Ключомъ вскипѣло, расходилось...
Энею нашему не въ мочь:
Онъ даже хнычетъ, плачетъ, бѣдный,
И, весь испачканный и блѣдный,
Ерошитъ чубъ свой день и ночь.

Гуляютъ вѣтры надъ волнами;
Пучина чорная реветъ.
Троянцы моются слезами;
Эней схватился за животъ.
Ладьи, какъ щепы, разметало;
Троянцы тонутъ — ихъ ужь мало;
Сто бѣдъ нагрянуло на нихъ;
Эней кричитъ: «да я Нептуну
Пятіалтынный въ руку суну —
Пусть только вѣтеръ бы затихъ!»

Нептунъ былъ взяточникъ давнишній.
Заслышавъ голосъ, онъ сказалъ:
«Пятіалтынный мнѣ не лишній!»
И тотчасъ рака осѣдлалъ;
На немъ, какъ окунь, бурлачина
(Нептунъ проворный былъ дѣтина)
Нырнулъ и вынырнулъ со дна
И крикнулъ вѣтренной артели:
«Чего не ладно загудѣли?
Какого надо вамъ рожна?»

Вмигъ вѣтры ушки навострили
И — драла въ норочки свои:
Какъ ляхъ до лясу припустили,
Какъ отъ вороны воробьи.
Тогда Нептунъ схватилъ метёлку,
Все море вымелъ, какъ свѣтёлку —
И солнце глянуло на свѣтъ.

Эней, почувствовавъ отраду,
Перекрестился пять разъ къ ряду
И приказалъ варить обѣдъ.

Въ красивыхъ мисочкахъ сосновыхъ
Явились кушанья тотчасъ,
Въ приправахъ жирныхъ и здоровыхъ;
Рѣкою брага полилась:
Ее кувшинами хлестали;
Галушки, жареныя въ салѣ,
Глотали съ жадностью молчкомъ,
И водки выпили не мало;
Когда жь наѣлись до отвала,
Они уснули крѣпкимъ сномъ.

Венера, не пустая шлюха,
Какъ увидала, что Эолъ
Сынка промучилъ голодухой
И на бѣднягу страхъ навёлъ,
Взялась тотчасъ поправить дѣло:
Нарядъ свой праздничный надѣла —
Такой нарядъ, что хоть бы въ плясъ:
На головѣ чепецъ парчёвый,
Да въ галунахъ капотикъ новый —
И такъ къ Зевесу понеслась.

Зевесъ въ то время пилъ сивуху,
Соленой рыбой заѣдалъ.
Онъ выпилъ цѣлую осьмуху
И ужь вторую начиналъ,
Когда вошла къ нему Венера,
Кривясь — ну точно съ ней холера —
И стала хныкать передъ нимъ:
«Спросить васъ, тятенька, пришла я,
За что сынку напасть такая?
Какъ куклой всѣ играютъ имъ.

«Куда ему добраться къ Риму!
Скорѣй въ канавѣ свистнетъ ракъ,
Скорѣе ханъ вернется къ Крыму,
Иль станетъ умникомъ дуракъ.
Чтобы Юнона да не знала
Въ кого впустить свое ей жало
И какъ людей честныхъ пугать!
Смирить ее потребна сила,
Чтобъ тамъ и сямъ не лебезила...
Одинъ ты можешь приказать.»

Юпитеръ допилъ жбанъ горѣлки,
Утеръ усы, погладилъ чубъ
И молвилъ: «охъ, вы скороспѣлки!

Я въ словѣ твердъ, какъ старый дубъ:
Эней покончитъ всѣ мытарства,
Пріобрѣтетъ большое царство,
И станетъ бариномъ большимъ:
Оброкъ на цѣлый свѣтъ наложитъ,
Народъ свой сильно преумножитъ
И будетъ царствовать надъ нимъ.

«Такъ вотъ что я сулю Энею:
Къ Дидонѣ въ гости онъ зайдетъ,
Точить балясы будетъ съ нею,
Подъѣдетъ къ ней, какъ къ мышкѣ котъ
И влюбитъ бабу не на шутку.
Не плачь, молись, постись, малютка!
Все будетъ такъ, какъ я сказалъ.»
Венера съ тятинькой простилась;
Но прежде въ поясъ поклонилась,
А онъ ее поцаловалъ.

Едва Эней съ своей аравой
Успѣлъ немножко отдохнуть,
Какъ ужь собралъ свой скарбъ дырявый
И снова ѣдетъ въ дальній путь.
Плыветъ... Ему противно море:
Тошнитъ его... Такое горе,
Что не глядѣлъ бы и на свѣтъ!
И онъ сказалъ: «умри я въ Троѣ,
Тогда бъ мнѣ легче было втрое;
А тутъ ни въ чемъ утѣхи нѣтъ.»

О. Лепко.

П. П. АРТЕМОВСКІЙ-ГУЛАКЪ.

Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, извѣстный малорусскій поэтъ и ученый, родился въ 1791 году въ мѣстечкѣ Смѣломъ, Кіевской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Н. И. Костомаровъ, жившій у Петра Петровича, во время своего студенчества въ Харьковѣ, въ тридцатыхъ годахъ, слышалъ отъ него не разъ, что отецъ его всегда, и даже въ то время, когда Смѣла еще принадлежала Польшѣ, отличался горячею привязанностію къ Россіи, за что, въ 1789 году, во время смутъ, бывшихъ въ томъ краѣ, онъ подвергся жестокому истязанію со стороны поляковъ. Въ память этого событія, старикъ до смерти хранилъ тотъ пукъ розогъ, которымъ его истязали, въ кіотѣ, какъ святыню, вмѣстѣ съ образами. Артемовскій, унаслѣдовавъ, послѣ смерти отца, этотъ пукъ розокъ, вмѣстѣ съ кіотомъ, свято хранилъ его и любилъ показывать своимъ гостямъ, причемъ входилъ во всѣ подробности приключенія. Получивъ первоначальное образованіе въ домѣ родительскомъ, молодой Артемовскій былъ отданъ въ Кіевскую семинарію, гдѣ натерпѣлся всего, и даже однажды, послѣ большого пожара, который истребилъ чуть не половину Кіева, дошолъ до того, что принужденъ былъ питаться арбузными корками, которыя собиралъ на базарной площади. По окончаніи полнаго семинарскаго курса, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ, откуда вышелъ кандидатомъ. Затѣмъ, выдержавъ магистерскій экзаменъ въ томъ же университетѣ и успѣшно защитивъ свою диссертацію, Артемовскій былъ удостоенъ степени магистра словесныхъ наукъ, а годъ спустя занялъ предложенную ему совѣтомъ Харьковскаго университета каѳедру русской исторіи, которую и занималъ въ теченіи многихъ лѣтъ, сначала въ званіи экстраординарнаго, а потомъ ординарнаго профессора, и оставилъ только вслѣдствіе избранія его, въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ должность ректора университета, которую онъ занималъ въ теченіи десяти лѣтъ.

Независимо отъ своей учоной дѣятельности, Артемовскій извѣстенъ также своими поэтическими произведеніями на малороссійскомъ языкѣ, которыя носятъ на себѣ печать несомнѣннаго таланта. Къ сожалѣнію, онъ писалъ мало и притомъ въ молодости, когда талантъ его еще далеко не окрѣпъ. Во всѣхъ его произведеніяхъ преобладающая черта — юморъ. Какъ на лучшія произведенія Артемовскаго, въ этомъ родѣ, можно указать на слѣдующія стихотворенія: «Солопій и Хивря», «До Пархима», подражаніе Горацію, «Панъ Твердовскій», баллада и, въ особенности, разсказъ «Панъ и собака». Не смотря на то, что стихотворенія Артемовскаго никогда не были изданы отдѣльною книжкой, оставаясь затерянными въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» и другихъ малоизвѣстныхъ малорусскихъ журналахъ и альманахахъ, они ходятъ въ Малороссіи по рукамъ во множествѣ списковъ, а побасенку о «Панѣ и собакѣ» каждый грамотный малороссъ знаетъ наизусть. И дѣйствительно, произведенія Артемовскаго, какъ по своему направленію, такъ и по языку, стоятъ несравненно выше того довольно-низкаго уровня, на которомъ стояла

современная ему малорусская поэзія. Своимъ разсказомъ «Панъ и собака» онъ далъ новое направленіе малорусской поэзіи, послѣднимъ словомъ которой сдѣлался Шевченко. Въ исторіи малорусской словесности «Панъ и собака» составляетъ явленіе, мимо котораго ни одинъ критикъ не пройдетъ, не остановившись. Языкъ его чистъ, силенъ и разнообразенъ. Смѣшное является у него не въ каррикатурѣ дѣйствительности, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не цѣнимое ни во что усердіе героя разсказа Рябко, панской собаки, смѣшитъ насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключенной въ его собачей шкурѣ. Каждая черта въ юмористической его живописи имѣетъ внутренній смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры.

Артемовскій скончался въ Харьковѣ въ глубокой старости лѣтъ шесть тому назадъ.

ПАНЪ И СОБАКА.

Сошла на землю ночь. Ничто не шелохнется,
Лишь птица сонная вспорхнетъ и встрепенется:
Безмолвіе царитъ. Не видно зги — темно:
На небѣ зорьки нѣтъ и мѣсяцъ спитъ давно;
Лишь звѣздочка порой за тучею дождливой
Мелькнетъ, какъ изъ норы мышонокъ боязливый.
И небо, и земля — все спитъ въ тиши ночной;
Покоится весь свѣтъ подъ чорной пеленой.
Одинъ, какъ пѣрстъ, Рябко о снѣ не помышляетъ:
Онъ барское добро, какъ другъ, оберегаетъ.
Ѣсть даромъ барскій хлѣбъ Рябко нашъ не любилъ:
Онъ ѣлъ за пятерыхъ, за-то ужъ и служилъ.
Бѣднягѣ не легко —
Всю ночь не спитъ Рябко.
И что за темнота! хотя бъ въ хоромахъ свѣчка
Зажглася на окнѣ! хотя бы изъ-запечка
Мелькнулъ гдѣ огонёкъ!
Ужъ батюшка, нашъ попъ, лѣниво, какъ мѣшокъ,
Откуда-то съ крестинъ къ заутренѣ плетется,
А пёсъ-Рябко не спитъ, всю ночь ему неймется:
То въ уголъ онъ одинъ заглянетъ, то въ другой —
Въ курятникъ къ курамъ, въ хлѣвъ свиной;
Провѣдаетъ — спокойны ль поросята?
Что гуси? цѣлы ли утята?
Что овцы? побѣжитъ къ стогамъ,
Къ гумну, къ конюшнѣ, къ воротамъ;
Всѣмъ пёсъ усердно озабоченъ —
И исполнителенъ, и точенъ.
Онъ сторожитъ, чтобъ москали
На барскій дворъ не забрели:
Ихъ тьма была въ селѣ; изъ дальнихъ мѣстъ пришли.
И лаетъ вѣрный пёсъ, и воетъ что есть духу,
Да такъ, собачій сынъ, что просто больно уху.
Всю ночь пролаявъ, онъ умолкнулъ на зарѣ;
И вотъ, едва прилегъ, раздался храпъ въ норѣ.
Пусть спитъ себѣ Рябко — вѣдь нѣтъ бѣды покуда.
И такъ онъ крѣпко спитъ, сномъ праведнаго люда,
Что честно бережотъ добро своихъ господъ;
Какъ вдругъ поднялся гамъ; бѣжитъ, кричитъ народъ:
«Цю-цю, Рябко! на-на! Сюда его зовите!»
— «Я здѣсь, отцы мои! чего вы тамъ, скажите?»
Отъ радости Рябко и скачетъ, и хвостомъ
Вертитъ, какъ помеломъ,
Оскаливаетъ зубы
И, мысля о жаркомъ, облизываетъ губы.
«Не даромъ, мыслитъ онъ, не даромъ на дворѣ
Всѣ всполошились на зарѣ —
Есть вѣрно что-нибудь такое...
Должно-быть мнѣ несутъ жаркое,
А можетъ, что-нибудь другое
За-то, что я всю ночь не спалъ
И лаемъ отъ воровъ усадьбу охранялъ.»
«Цю-цю!» кричитъ Явтухъ, держа въ рукѣ дубину,
Хвать за ухо, да въ спину.
«Держите подлеца... Попомнишь, вражій сынъ!»
И вотъ Рябка дерутъ, рвутъ шерсть на немъ до корня.
Завылъ отъ боли пёсъ; на вой сбѣжалась дворня.
Что? какъ? за что? про что? — не знаетъ ни одинъ.
«За что, спросилъ Рябко, меня вы отодрали?
За что велѣлъ избить меня мой господинъ?»
— «За-то, сказалъ Явтухъ, что господа не спали.»
— «Въ умѣ ли ты, Явтухъ? я ль въ этомъ виноватъ?»
— «Да ты, какъ вижу я, ужь больно простоватъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что лаять надсаждался.
Вотъ видишь ли — вчера панъ въ карты проигрался
(Въ игрѣ, на этотъ разъ, удачи не далъ Богъ),
А пани не могла всю ночь заснуть отъ блохъ.
Пойми: кто проигралъ, порядкомъ прокутился,
Въ томъ, Господи прости, нечистый поселился:
Тотъ проиграть готовъ родимаго отца.
Зачѣмъ ты вылъ, рычалъ и лаялъ безъ конца?
Пускай бы лаялъ самъ, а ты бъ ушолъ украдкой,
Залегъ въ своей норѣ, да выспался бы сладко.»
— «Такъ этимъ, молвилъ пёсъ, я только виноватъ?
Нѣтъ, баста! съ-этихъ-поръ беру свое назадъ!
Прочь бабу съ воза — нѣтъ бѣды въ томъ, такъ и надо:
Лошадкѣ легче везть, она тому и рада.»
Такъ разсудивъ, Рябко пошолъ уныло прочь,
Въ свою конуру влѣзъ — и тамъ проспалъ всю ночь.

Проспалъ — и въ крѣпкомъ снѣ, увы, ему не снилось,
Что шайка москалей въ господскій дворъ ввалилась;
Что можно взять беретъ, шныряетъ вверхъ и внизъ;
Ну точно волки въ хлѣвъ, въ овчарню забрались...
Онъ — глядь, а на дворѣ совсѣмъ уже свѣтло.
«Рябко! цю-цю!» кричатъ, и все вверхъ дномъ пошло;
Поднялся весь народъ, бѣгутъ, кричатъ нестройно;
А онъ и не моргнетъ — лежитъ себѣ спокойно
И думаетъ: «теперь навѣрно угодилъ
Я тѣмъ, что ночью спалъ и пана не будилъ.
Пускай меня зовутъ — я не пойду отсюда,
Пока не принесутъ ко мнѣ въ конуру блюда,
Да и тогда еще напляшутся со мной,
Пока взгляну на нихъ, да съѣмъ кусокъ, другой.»
«Цю-цю!» «Вотъ панъ и самъ! Рѣшителенъ я буду.»
«Берите, бейте пса!» кричитъ онъ, какъ шальной.
Рябко и хвостъ поджалъ, отъ страха чуть живой.
Накинулись на пса: разъ восемъ отливали
И снова били и хлестали,
А наконецъ и перестали.
Пытался пёсъ спросить о чемъ-то, но языкъ
Запутался — ни тпру, ни ну, какъ между лыкъ;
И звука нѣтъ — хрипитъ, какъ пьяный съ перепоя.
«Да мы, сказалъ Явтухъ, не кончили съ тобою:
Въ тебѣ еще есть грѣхъ...»
— «Чтобъ чортъ побралъ васъ всѣхъ:
Тебя, пановъ съ ихъ батькой
И съ дѣдомъ, да и съ дядькой!»
И слёзы у Рябка струились, какъ рѣка,
И думалъ бѣдный пёсъ, держася за бока:
«Дуракъ, кто у такихъ дрянныхъ господъ на службѣ,
Имъ бьется угодить, что силы есть, по дружбѣ.
Я угождалъ имъ какъ никто —
И вотъ награда мнѣ за-то:
За службу, за свой трудъ, доказанный годами,
Я здѣсь лежу въ крови, избитый батогами.
Такъ ляжешь — тутъ горитъ,
А эдакъ — тамъ болитъ.
Такимъ панамъ подъ носъ, съ своею головою,
Хоть тѣсто выложи съ квашнёю —
Имъ все равно: хоть круть, хоть верть —
Все въ черепочкѣ смерть.»

О. Левко.

—

Е. П. ГРЕБЕНКА.

Евгеній Павловичъ Гребенка родился 21-го января 1812 года въ отцовскомъ помѣстьѣ — Убѣжище, въ 16 верстахъ отъ города Прилукъ, Полтавской губерніи. Раннее дѣтство Евгенія Павловича прошло подъ домашнимъ кровомъ. Впечатлѣніе дѣтскихъ годовъ, проведенныхъ посреди патріархальнаго сельскаго быта, посреди прекрасной природы, въ сближеніи съ народомъ, богатымъ самородною поэзіей, отразилось на многихъ произведеніяхъ Гребенки. Вѣроятно, не одна изъ народныхъ былинъ, не одно изъ преданій, пересказанныхъ имъ впослѣдствіи, были слышаны имъ дома и заставляли сильнѣе биться его дѣтское сердце. Въ 1825 году Гребенка былъ отвезенъ отцомъ въ Нѣжинъ и помѣщенъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ князя Безбородко, нынѣ Лицей. Здѣсь онъ окончилъ полный курсъ наукъ, съ правомъ на чинъ 14-го класса, и тотчасъ-же (въ 1831 году) поступилъ на службу въ резервы 8-го Малороссійскаго казачьяго полка; затѣмъ вышелъ въ отставку и около 1834 года переѣхалъ въ Петербургъ.

Гребенка началъ заниматься литературой еще въ Лицеѣ. Большею частью первые опыты его были на малорусскомъ нарѣчіи. Малорусскій переводъ «Полтавы» Пушкина также относится ко времени его студенчества, какъ равно и «Малороссійскія Приказки», выпущенныя имъ въ свѣтъ въ 1834 году въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ Гребенка началъ еще усерднѣе заниматься литературой. Его «Приказки» имѣли успѣхъ и были изданы въ другой разъ, въ 1836 году. Въ этомъ же году издалъ онъ и свой малорусскій переводъ «Полтавы», съ посвященіемъ Пушкину. Посвященіе это познакомило его съ нашимъ славнымъ поэтомъ. Пушкинъ, съ извѣстною добротой своей, принялъ теплое участіе въ начинающемъ литераторѣ. Вѣроятно, съ его одобренія были напечатаны въ «Современникѣ» на 1837 годъ два стихотворенія Гребенки. Есть даже свѣдѣнія, что малороссійскія басни молодого писателя такъ понравились Пушкину, что одну изъ нихъ, именно «Волкъ и огонь», онъ перевелъ на русскій языкъ.

Извѣстный уже въ литературныхъ кружкахъ, Гребенка все еще не былъ знакомъ публикѣ. Первые труды его на малороссійскомъ языкѣ имѣли кругъ читателей слишкомъ ограниченный; русскими же стихотвореніями, къ которымъ перешолъ Гребенка, было трудно обратить на себя вниманіе въ то время, какъ еще дѣйствовалъ Пушкинъ и вся окружавшая его плеяда даровитыхъ поэтовъ. Гребенка понялъ это — и рѣшился посвятить всю свою дѣятельность повѣствова-

тельной прозѣ. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ были «Разсказы Пирятинца», принятые публикою довольно радушно. Со времени изданія этихъ «Разсказовъ» имя Гребенки начинаетъ все чаще и чаще появляться подъ повѣстями, разсказами и очерками въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ что вскорѣ ни одинъ почти журналъ, ни одинъ альманахъ или сборникъ не обходится безъ какого-нибудь произведенія Гребенки. Лучшими произведеніями его въ этомъ родѣ — повѣсти: «Вѣрное лекарство», «Записки студента», «Иванъ Ивановичъ» и «Приключенія синей ассигнаціи», и особенно романъ «Чайковскій», о которомъ Бѣлинскій отозвался съ большой похвалой.

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Гребенка поступилъ на службу въ Коммиссію духовныхъ училищъ; затѣмъ, въ 1838 году, онъ былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ Дворянскій Полкъ, а въ 1841— переведенъ учителемъ словесности во Второй Кадетскій Корпусъ. Въ послѣдніе годы жизни преподавалъ онъ тотъ же предметъ въ Институтѣ Корпуса Горныхъ Инженеровъ и въ офицерскихъ классахъ Морского Корпуса.

Натура Евгенія Павловича была одна изъ самыхъ симпатическихъ; благодушее его располагало къ нему съ первой встрѣчи. Узнавъ ближе, нельзя было не полюбить его отъ всей души. Всѣ сходившіеся съ Гребенкой, вспоминаютъ о немъ съ особенной теплотою. Разговоръ его былъ пріятенъ и дышалъ веселостью, съ тѣмъ легкимъ оттѣнкомъ юмора, какой замѣчаемъ мы въ его сочиненіяхъ. Вообще, Евгеній Павловичъ былъ самый милый собесѣдникъ и всегда гость ко времени. Гребенка умеръ въ декабрѣ 1848 года; тѣло его перевезено въ Малороссію, которая была ему всегда такъ мила и дорога.

I.

УКРАИНСКАЯ МЕЛОДІЯ.

— «Немилаго, мама, нельзя полюбить!
Охъ, тяжко съ постылымъ томиться и жить,
Бесѣду вести съ нимъ, при людяхъ встрѣчаться!
Ужъ лучше, родимая, въ дѣвкахъ остаться!»

— «Взгляни на меня: я больна, я стара;
Взгляни — мнѣ въ могилу ложиться пора.
Какъ очи закрою, что будетъ съ тобою?
Останешся въ людяхъ одна, сиротою.

«Не радостна, дочка, судьба сироты!
И горя, и нужды натерпишься ты.
Оставивъ тебя на землѣ сиротою,
Я горлицей буду стонать подъ землёю.»

— «Ну, полно, родная! не плачь, не рыдай!
Готовь полотенцы, платки вышивай.
Пускай съ нелюбимымъ я счастье утрачу;
Ты будешь смѣятся, одна я заплачу.»

На свѣжей могилѣ крестъ божій стоитъ,
Надъ нею старуха рыдаетъ, грустить:
«О, Боже, мой Боже!... Раскройся могила!...
Дитя ненаглядное я загубила!»

Н. Гербель.

II.

СОЛНЦЕ И ТУЧИ.

Вотъ солнышко взошло, пригрѣло насъ лучами—
И міръ повеселѣлъ, расцвѣлъ какъ маковъ цвѣтъ;
Лишь тучка вдалекѣ, за синими горами,
Ворчитъ себѣ подъ носъ и хмурится на свѣтъ:
«Охъ, это солнце мнѣ! ужь вотъ какъ надоѣло!
Чего всѣхъ радуетъ оно?
Надуюсь, нѣтъ ли — все равно
Блеститъ. Постой, дружокъ, возьмусь-ка я за дѣло:
Пора закрыть тебя давно.»
Гляжу я — тучами полъ-неба обложило,
Все словно въ трауръ облеклось;
Но солнце выше поднялось
И тучи тѣ позолотило.

О. Лепко.

III.

КОНОПЛЯ И РЕПЕЙНИКЪ.

«Чего ты, вражій сынъ, все въ бокъ меня толкаешь?»
Репейникъ коноплѣ сердито говорилъ.
«Да какъ же мнѣ рости, коль самъ тишкомъ, какъ знаешь,
Ты землю у меня подъ бокомъ захватилъ.»

Какъ много есть людей репейнику подъ пару:
Ихъ всѣ должны любить, они же — ни кого.
Я указалъ бы вамъ на пана одного,
Да ну его! боюсь: обижу комиссара!

О. Лепко.

IV.

ЧЕЛНОКЪ.

Запѣнилось море, завыло, взыграло
И вѣтеръ пронесся грозой,
И волны, вздымаясь какъ грозныя скалы,
Стремятся одна за другой.
Надъ моремъ нависли тяжолыя тучи;
Въ тѣхъ тучахъ, какъ голосъ зловѣщій, могучій,
Таится раскатъ громовой.

Играетъ и пѣнится синее море.
Челнокъ межь волнами плыветъ;
Ныряетъ и борется онъ на просторѣ,
И мчится все дальше, впередъ.
Безъ веселъ качается въ морѣ бездольный!
Охъ, жаль мнѣ бѣдняжку! и сердцу такъ больно...
Куда его въ бурю несетъ?

Вотъ море затихло и волны опали;
Пестрѣютъ подъ пѣной кружки;
Опять замелькали, опять засновали
По морю кругомъ байдаки.
Но гдѣ же челнокъ мой, гдѣ бьётся мой милый?
Быть-можетъ, погибъ онъ—гроза изщепила:
Вонъ нà воду всплыли куски.

Какъ чолнъ въ синемъ морѣ, такъ я среди свѣта:
Просторно и жутко мнѣ въ немъ...
Укрыться? — да что безъ людского привѣта!
Какъ вѣкъ свой прожить бобылемъ?
Прощай мой покой!—я пускаюся въ море:
Пусть злая недоля и лютое горе
Натѣшатся мной, какъ челномъ!

О. Лепко.

—

Н. И. КОСТОМАРОВЪ.

Николай Ивановичъ Костомаровъ, извѣстный русскій исторіографъ, родился 4-го мая 1817 года въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ одномъ изъ частныхъ московскихъ пансіоновъ, а потомъ въ Воронежской гимназіи. Затѣмъ онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ, въ которомъ, въ 1836 году, окончилъ полный курсъ по словесному факультету, со степенью кандидата. По выходѣ изъ университета, Костомаровъ провелъ нѣсколько лѣтъ безъ службы, живя большею частью въ Харьковѣ и его окрестностяхъ, и посвящая все свое время изученію малорусской народности. Тогда же началъ онъ писать на малорусскомъ языкѣ, подъ псевдонимомъ Іереміи Галки. Первымъ поэтическимъ произведеніемъ Костомарова на малорусскомъ языкѣ была драма «Савва Чалый», изданная имъ въ 1838 году. Затѣмъ, въ 1839 году, онъ напечаталъ свои «Украинскія баллады», а въ 1840 — сборникъ своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Вѣтка». Кромѣ того въ томъ же году помѣстилъ онъ, въ сборникѣ «Снипъ», свою трагедію «Переяславська ничъ» и малороссійскій переводъ «Еврейскихъ мелодій» Байрона. Въ 1840 году Костомаровъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра историческихъ наукъ, а въ слѣдующемъ году представилъ диссертацію, подъ заглавіемъ: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», въ которой доказывалъ важность изученія народныхъ памятниковъ для исторіи, съ цѣлью уразумѣть взглядъ народа на себя и на все его окружающее. Получивъ степень магистра, Костомаровъ навсегда оставилъ Харьковъ и поселился на Волыни, гдѣ принялся за изученіе тамошней народности, причемъ осмотрѣлъ всѣ мѣстности, ознаменованныя событіями изъ эпохи гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго, исторію котораго онъ началъ писать съ 1844 года. Въ 1845 году онъ поселился въ Кіевѣ и вскорѣ избранъ былъ единогласно тамошнимъ университетомъ на каѳедру русской исторіи. Съ 1848 по 1856 годъ онъ прожилъ безвыѣздно въ Саратовѣ, гдѣ продолжалъ заниматься русскою исторіею, а также мѣстною этнографіею. Въ 1856 году Костомаровъ переѣхалъ въ Петербургъ, и въ томъ же году напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» свою монографію: «Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею до Богдана Хмельницкаго». Въ слѣдующемъ году въ томъ же журналѣ было напечатано его большое историческое сочиненіе «Богданъ Хмельницкій», пріобрѣвшее всеобщую извѣстность и поставившее имя Костомарова на ряду съ именами первыхъ русскихъ историковъ. Затѣмъ, въ 1858

году, Костомаровъ помѣстилъ въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ» новое свое историческое сочиненіе «Бунтъ Стеньки Разина», а въ слѣдующемъ году, въ «Современникѣ», монографіи: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ», «Легенду о кровосмѣсителѣ» и «Начало Руси». Послѣдняя статья, гдѣ, въ противность общему мнѣнію о норманскомъ происхожденіи варягоруссовъ, доказывается, что они пришли изъ прусской Жмуди, возбудила опозицію со стороны М. П. Погодина, который вызвалъ Николая Ивановича на публичный учоный поединокъ, состоявшійся 19-го марта 1860 года, въ залѣ Петербургскаго университета. Въ 1861 году, въ журналѣ «Основа», было напечатано «Гетманство Виговскаго»; въ 1863— вышли отдѣльными изданіями два замѣчательныя его сочиненія: «Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада» и «Историческія монографіи и изслѣдованія»; затѣмъ появились: въ 1864 — «Ливонская война», въ 1865 — историческія изслѣдованія: «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка» и «Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году и избраніе царя Михаила», въ 1866 — въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» — обширная историческая монографія «Смутное время Московскаго государства» и, наконецъ, въ 1869 и 1870 годахъ, въ «Вѣстникѣ же Европы», два превосходныхъ историческихъ сочиненія: «Паденіе Рѣчи-Посполитой» и «Костюшка и революція 1794 года», которыя окончательно утвердили за Николаемъ Ивановичемъ имя славнаго русскаго историка. Въ настоящее время Костомаровъ проживаетъ въ Петербургѣ, весь погруженный въ свои историческія изысканія, долженствующія увѣковѣчить его славу, какъ историографа.

МѢСЯЦЪ.

Съ той поры, какъ первый грѣшникъ
Каинъ Авеля убилъ,
И впервые землю кровью
Человѣческой облилъ —

Только вѣтеръ стоны слышалъ,
Воя въ дебряхъ и лѣсахъ;
Только мѣсяцъ грѣхъ тотъ видѣлъ,
Мирно блеща въ небесахъ.

Богъ принялъ святую душу,
Проклялъ злобу — и велѣлъ,
Чтобы мѣсяцъ то убійство
На себѣ запечатлѣлъ.

«Пусть — сказалъ — сей образъ будетъ
Вѣчно видимъ въ мірѣ сёмъ,
Правый гнѣвъ и милость Божья
Рядомъ видятся на нёмъ!

«Чтобъ, взглянувши, злой убійца
Передъ Богомъ трепеталъ,
А несчастный утѣшался,
Божью правду вспоминалъ.»

И, грозя, на родъ нашъ бѣдный
Божій гнѣвъ излился зломъ;
Грѣхъ на мѣсяцѣ остался
Неизгладимымъ пятномъ.

Съ той поры, взглянувъ на мѣсяцъ,
Злой нѣмѣетъ и дрожитъ,
А безвинный, чистый сердцемъ
Въ даль съ надеждою глядитъ.

Н. Гербель.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, сынъ крѣпостного крестьянина Григорія Шевченко, родился 25-го февраля 1814 года въ селѣ Кириловкѣ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ имѣніи помѣщика Энгельгарда. Лишившись отца и матери на восьмомъ году жизни, онъ былъ отданъ въ школу къ приходскому дьячку, на правахъ школяра-*попихача*. Эти школяры, въ отношеніи къ дьячкамъ, то же самое, что̀ мальчики, отдаваемые родителями, или иною властью, на выучку къ ремесленникамъ. Всѣ домашнія работы и выполненіе всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домашнихъ лежатъ на нихъ безусловно. Какъ бы то ни было, только въ теченіе двухлѣтней тяжкой жизни въ этой такъ-называемой школѣ прошолъ Шевченко «Грама̀тку», «Часло̀вець» и, наконецъ, «Псалтырь». Подъ конецъ школьнаго курса дьячекъ посылалъ его читать, вмѣсто себя, «Псалтырь» по усопшимъ крестьянамъ и, въ видѣ поощренія, платилъ ему за-

то десятую копейку. Къ концу второго года своего пребыванія у дьячка, Шевченко, не будучи въ силахъ выносить болѣе всякаго рода притѣсненій и побоевъ, которыя сыпались на него градомъ, вышелъ ночью изъ школы и бѣжалъ въ мѣстечко Лисянку. Тамъ нашолъ онъ себѣ новаго учителя въ особѣ маляра-діакона, который, впрочемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, весьма мало отличался своими правилами и обычаями отъ перваго его наставника. Проживъ у него всего три дня, Шевченко убѣжалъ въ село Тарасовку, къ дьячку-маляру, славившемуся въ околодкѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана Воина. Мальчикъ обратился къ дьячку съ твердою рѣшимостью перенести всѣ испытанія, лишь бы усвоить его великое искуство хоть въ самой малой степени; но Апеллесъ, посмотрѣвъ внимательно на его лѣвую руку, объявилъ ему, къ крайнему его огорченію, что въ немъ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже къ *шевству* или *бондарству*.

Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь хотя посредственнымъ маляромъ, Шевченко съ грустью возвратился въ родное село, въ надеждѣ получить мѣсто подпаска при деревенскомъ стадѣ. Но и это не удалось ему. Помѣщику, только-что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку, въ такія же шаровары и, наконецъ, въ комнатные козачки.

Въ 1832 году Шевченкѣ исполнилось восьмнадцать лѣтъ, и такъ-какъ надежды помѣщика на его лакейскую расторопность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной просьбѣ несчастнаго Тараса, законтрактовалъ его на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому мастеру, нѣкоему Ширяеву, въ Петербургѣ. Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьячка-хиромантика; но, не смотря на весь гнётъ тройственнаго его генія, Шевченко находилъ время бывать иногда въ Лѣтнемъ саду и рисовать со статуй. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ онъ познакомился тамъ съ художникомъ И. М. Сошенкомъ, занявшемъ впослѣдствіи мѣсто учителя рисованья при Лицеѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. По совѣту Сошенка, онъ принялся за акварельные портреты съ натуры — и въ короткое время сдѣлалъ значительные успѣхи по этой части живописи. Затѣмъ, въ 1837 году, Сошенко представилъ его конференцъ-секретарю Академіи Художествъ Григоровичу, съ просьбой — освободить бѣдняка отъ жалкой его участи. Григоровичъ передалъ его просьбу В. А. Жуковскому. Тотъ, уговорившись предварительно съ Энгельгартомъ, просилъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковскаго, портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотереѣ. Брюловъ тотчасъ согласился и вскорѣ портретъ Жуковскаго былъ у него готовъ. Жуковскій устроилъ лотерею въ 2500 рублей ассигнаціями, и этою цѣною, 22-го апрѣля 1838 года, куплена была свобода Шевченки, который съ того же дня началъ посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ Брюлова.

Все что извѣстно намъ о первыхъ поэтическихъ опытахъ Шевченки, это то̀, что они, по большей части, были задуманы и приведены въ исполненіе въ томъ же Лѣтнемъ саду, въ свѣтлыя, безлунныя ночи. Сначала строгая украинская муза долго чуждалась его вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило его чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, она простерла къ нему свои руки и приласкала его на чужбинѣ. Изъ этихъ первыхъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ саду, одна только баллада «Порченная» вошла въ первое собраніе стихотвореній Шевченки, изданныхъ имъ въ 1840 году въ Петербургѣ. Появленіе въ свѣтъ «Кобзаря» было встрѣчено радушно всѣми столичными критиками; что же касается Малороссіи, то она была въ восторгѣ отъ своего новаго поэта, который пришолся какъ нельзя болѣе по̀ сердцу каждому украинцу, чуткому ко всему, касающемуся его народности и поэтическихъ его преданій. Съ выходомъ въ свѣтъ «Кобзаря», имя Шевченки мгновенно заняло первое мѣсто въ ряду украинскихъ поэтовъ, и съ-тѣхъ-поръ неотъемлемо занимаетъ его по настоящее время. Всего болѣе понравился всѣмъ прелестный разсказъ «Катерина», исполненный чисто-народной поэзіи. Не считая печатныхъ экземпляровъ, онъ разошолся по Малороссіи въ тысячахъ спискахъ и былъ выученъ каждымъ на память. Въ 1841 году были напечатаны «Гайдамаки», которые, впрочемъ, не имѣли большого успѣха, какъ равно и другіе произведенія, появившіяся въ томъ же году и въ два слѣдующія въ «Ластовкѣ», «Маякѣ» и «Молодикѣ».

Въ 1844 году Шевченко получилъ званіе сво-

бѣднаго художника и затѣмъ отправился въ Малороссію, чтобы запастись сюжетами для новыхъ картинъ и стихотвореній. Въ 1847 году надъ Шевченкомъ стряслась бѣда: компрометированный по одному дѣлу, онъ былъ лишонъ званія свободнаго художника, выписанъ въ рядовые и посланъ на службу въ Оренбургскій край, гдѣ его сначала держали въ самомъ Оренбургѣ, потомъ перевели въ Орскую крѣпость, откуда назначили въ дальную и трудную экспедицію къ Аральскому морю, а въ 1850 году поселили въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Въ 1857 году, Шевченко, благодаря хлопотамъ своихъ петербургскихъ друзей и особенно графини А. И. Толстой, получилъ увольненіе отъ военной службы — и въ слѣдующемъ году уже былъ въ Петербургѣ, гдѣ и поселился окончательно, въ зданіи императорской Академіи Художествъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, ему захотѣлось побывать на родинѣ и у родныхъ, что онъ и исполнилъ лѣтомъ, въ 1859 году. Возвратившись въ Петербургъ, онъ приступилъ къ новому изданію «Кобзаря», который и вышелъ въ 1860 году. Сюда, кромѣ стихотвореній, составлявшихъ первое изданіе, вошло нѣсколько новыхъ и, между прочимъ, «Гайдамаки»; но лучшимъ украшеніемъ сборника была повѣсть «Работница», написанная въ Оренбургскомъ краѣ. Эта прелестная повѣсть можетъ быть поставлена рядомъ съ «Катериной». Сколько чувства! сколько истинной поэзіи!

Тарасъ Григорьевичъ умеръ, почти внезапно, 25-го февраля 1861 года, въ самую сорокъ седьмую годовщину своего рожденія. Тѣло Шевченки было первоначально погребено на Смоленскомъ кладбищѣ, потомъ отвезено въ Кіевскую губернію и тамъ, согласно желанію покойнаго, похоронено между городомъ Коневымъ и селомъ Пекарями, въ очаровательной мѣстности, на берегу Днѣпра.

I.

ТОПОЛЬ.

По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
  Пò полю гуляетъ,
У дороги стройный тополь
  Долу нагибаетъ.
Станъ высокій, листъ широкій —
  Что онъ зеленѣетъ?
Какъ широкое то море,
  Поле вкругъ синѣетъ.
Чумаки ль проѣдутъ мимо —
  Смотришь — пріуныли;
На зарѣ ль чабанъ съ свирѣлью
  Сядетъ на могилѣ,
Поглядитъ — заноетъ сердце:
  Возлѣ ни былины!
Одиноко, сиротою,
  Вянетъ на чужбинѣ.
Кто жь ростилъ его, да холилъ
  На пóгибель злую?
Красны дѣвицы, постойте —
  Все вамъ разскажу я!

Молодой козакъ дѣвицѣ
  Крѣпко полюбился,
Полюбился онъ — уѣхалъ
  И не воротился.
Если бъ знала, что покинетъ —
  Лучше бъ не любила;
Если бъ знала, что онъ сгинетъ —
  Лучше бъ не пустила;
Если бъ знала — не ходила бъ
  Поздно за водою,
Не стояла бъ вплоть до ночи
  Съ милымъ надъ рѣкою;
Если бъ знала!... И то горе —
  Знать, что повстрѣчаешь,
Знать впередъ, что съ нами будетъ
  Лучше, какъ не знаешь!
Не пытайте доли: сердце
  Суженаго знаетъ...
Пусть болитъ, пока на-вѣки
  Въ землю закопаютъ!
Вѣдь не долго вы румяны,
  Пышны, бѣлолицы;
Брови — чорны, очи — кари
  Не на-вѣкъ, дѣвицы!
До полудня — и завянутъ,
  Брови полиняютъ...
Красны дѣвицы, любите,
  Какъ сердечко знаетъ!

Соловей зальётся звонко
  На лугу въ калинѣ —
И козакъ затянетъ пѣсню,
  Ходя по долинѣ.
И поётъ, пока не выйдетъ —
  Не увидитъ милой,

Не увидитъ и не спроситъ:
«Мать тебя не била ль?»
Убаюканные пѣсней,
Станутъ, обоймутся,
И — довольны и счастливы —
Снова разойдутся.
И ни кто у ней не спроситъ —
Сердца не пытаетъ:
«Гдѣ была ты, гдѣ гуляла?»
Дѣлаетъ, какъ знаетъ.
Красна дѣвица любила,
А сердечко млѣло:
Сердце чуяло невзгоду,
А сказать не смѣло.
Не сказало — и осталась,
День и ночь воркуетъ,
Какъ безъ голубя голубка,
А ни кто не чуетъ.
Соловей ужъ не щебечетъ
Въ полѣ надъ водою;
Не поётъ моя козачка,
Стоя надъ рѣкою;
Свѣтъ постылъ: ей не поётся;
Бродитъ сиротиной.
Безъ милого — какъ чужіе
Мать съ отцомъ родимымъ;
Безъ милого солнце ль свѣтитъ —
Ворогомъ смѣётся;
Безъ милого свѣтъ — могила...
А сердечко бьётся!

Годъ прошолъ, другой проходитъ —
Друга не приноситъ;
Вянетъ красная, какъ цвѣтикъ...
Мать ее не спроситъ:
«Что ты, дочка, что ты сохнешь?»
Смотритъ — и ни слова,
А тайкомъ въ мужья ей прочитъ
Богача сѣдого.
— «Выходи же!» говоритъ ей:
«Вѣкъ не быть дѣвицей!
Онъ богатый, одинокій:
Будешь жить царицей.»
— «Не хочу я жить царицей!
Ты меня въ могилу
Опусти тѣмъ полотенцемъ,
Что я къ свадьбѣ шила.
Пусть попы поютъ, а дружки
Плачутъ надо мною:
Легче въ гробъ, чѣмъ повѣнчаться —
Быть его женою!»

Но не слушала старуха:
Дѣлала, что знала;
Дочка видѣла и сохла,
Сохла и молчала.
И пошла она къ колдуньѣ —
Допытаться слова:
Долго ли на этомъ свѣтѣ
Жить ей безъ милого?
Молвитъ: «Бабушка, голубка,
Цвѣтикъ мой махровый!
Ты скажи, скажи всю правду:
Гдѣ мой чернобровый?
Живъ ли онъ, здоровъ и любитъ,
Аль забылъ, покинулъ?
Я пойду за нимъ повсюду...
Живъ онъ, али сгинулъ?
Молви бабушка, голубка,
Молви, если знаешь!
Выдаетъ меня родная
За сѣдого замужъ.
Полюбить его, голубка,
Сердца не научишь.
Я бъ пошла да утопилась —
Душу, жаль, погубишь.
Если умеръ чернобровый,
Сдѣлай такъ мнѣ, пташка,
Чтобъ домой я не вернулась...
Тяжко сердцу, тяжко!
Тамъ со сватами ждетъ старый...
Укажи жь мнѣ долю!»
— «Ладно; только будь послушна
И забудь про волю.
Эхъ! сама была я дѣвкой,
Это горе знаю;
Миновало — научилась:
Людямъ помогаю.
Про твою я долю, дочка,
Прошлымъ лѣтомъ знала;
Прошлымъ лѣтомъ я, про случай,
Зелье припасала.»

Встала старая и съ полки
Скляницу достала.
«Вотъ и зелье! Выдь на рѣчку
До зари», сказала:
«Пѣтухи пока не пѣли,
Поспѣши умыться,
Выпей зелья — и все горе
Прахомъ разлетится.
Выпей — и бѣги скорѣе;
Что бъ тамъ ни казалось,

Все бѣги, пока не станешь
    Тамъ, гдѣ съ нимъ прощалась.
Отдохнешь... а какъ проглянетъ
    Мѣсяцъ изъ-за сада,
Выпей снова; не прійдетъ онъ —
    Въ третій выпить надо.
Съ разу — какъ за-прошлымъ лѣтомъ —
    Будешь ты такою;
Отъ другого — середь степи
    Топнетъ конь ногою...
Если живъ козакъ, то мигомъ
    Онъ къ тебѣ прибудетъ...
А отъ третьяго... ахъ, дочка,
    Не пытай, что будетъ!
Только помни, не крестися —
    Все снесетъ водою...
Ну, иди же — полюбуйся
    Прежней красотою!»

Взявши зелье, поклонилась:
    «Ну, прощай, бабуся!»
Вышла вонъ: «Идти ли, нѣтъ ли?
    Нѣтъ, не ворочуся!
Выпъ умылась, напилася —
    И повеселѣла,
Вотъ еще, еще — и, словно
    Сонная, запѣла:
«Ты плыви, плыви же, лебедь,
    «Пô морю синёму!
«Ты рости, рости же, тополь,
    «Къ небу голубому!
«Дорости, высокъ и тонокъ,
    «Вплоть до самой тучи,
«Свѣдай тамъ — дождусь ли друга,
    «Аль загину, ждучи?
«Посмотри, какъ доростешь ты,
    «За синёе море:
«Тамъ за моремъ моя доля,
    «Здѣсь надъ моремъ — горе.
«Тамъ мой милый, чернобровый
    «Пô полю гуляетъ;
«А я плачу, годы трачу,
    «Друга поджидаю.
«Разскажи ему ты, сердце,
    «Что смѣются люди;
«Ты скажи ему, что сгину,
    «Если позабудетъ.
«Мать сама меня хоронитъ —
    «Въ землю зарываетъ...
«Безъ меня ее, родную,
    «Кто-то приласкаетъ?
«Кто присмотритъ, кто разспроситъ,
    «Въ старости поможетъ?
«Мать моя! моя ты доля!
    «Боже Ты мой, Боже!
«Посмотри за море, тополь,
    «Если нѣтъ — не будетъ —
«Ты заплачь передъ зарею —
    «Не видали бъ люди!
«Ты рости, рости же, тополь,
    «Къ небу голубому!
«Ты плыви, плыви же, лебедь,
    «Пô морю синёму!»

И едва замолкла пѣсня —
    Чудо совершилось:
Чернобровая козачка
    Въ тополь превратилась.
Не вернулася къ родимой,
    Въ полѣ друга ждучи;
Доросла — тонка, высока —
    Вплоть до самой тучи.
По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
    Пô полю гуляетъ,
У дороги стройный тополь
    Долу нагибаетъ.

Н. Гербель.

II.

ДУМА.

Проходятъ дни, проходятъ ночи;
Прошло и лѣто; шелеститъ
Листъ пожелтѣвшій; гаснутъ очи;
Заснули думы; сердце спитъ.
Заснуло все... Не знаю я —
Живешь ли ты, душа моя?
Безстрастно я гляжу на свѣтъ,
И нѣту слёзъ, и смѣха нѣтъ!

И доля гдѣ моя? Судьбою
Знать не дано мнѣ никакой;
Но если я благой не стою,
Зачѣмъ не выпало хоть злой?
Не дай, о Боже, какъ во снѣ
Блуждать, остынуть сердцемъ мнѣ!
Гнилой колодой на пути
Лежать меня не попусти!

Но жить мнѣ дай, Творецъ небесный,
О, дай мнѣ сердцемъ, сердцемъ жить,

Чтобъ я хвалилъ твой міръ чудесный,
Чтобъ могъ я ближняго любить!
Страшна неволя — тяжко въ ней;
На волѣ жить — и спать — страшнѣй.
Прожить ужасно безъ слѣда:
И смерть и жизнь — одно тогда.

А. Плещеевъ.

III.

ДУМА.

Льётся рѣчка въ сине-море,
Да не вытекаетъ;
Ищетъ доли козачи̇на —
Долюшки не знаетъ.

И пошолъ козакъ по свѣту...
Бьётся сине-море,
Бьётся сердце въ немъ, а дума
Говоритъ про горе:

«Ты куда идешь — не спросишь?
На кого покинулъ
Мать, отца, красу-дѣвицу?
Бросилъ все — и сгинулъ?

«Тамъ не тѣ — иные люди;
Тяжко жить межъ ними:
Нѐ съ кѣмъ будетъ подѣлиться
Думами своими.»

И сидитъ козакъ надъ моремъ:
Бьётся сине-море;
Думалъ, доля повстрѣчаетъ —
Повстрѣчало горе.

Журавли домой несутся
Цѣлыми стадами.
Зарыдалъ козакъ: дороги
Поросли тернами.

Н. Гербель.

IV.

ДУМА.

Для чего мнѣ чорны-брови,
Молодые годы?
Для чего мнѣ кари-очи,
Дѣвичья свобода?

Даромъ годы молодые
Блёкнуть, увядаютъ,
Очи плачуть, чорны-брови
Съ вѣтромъ выпадаютъ.

Сердце пташкою въ неволѣ
Вянетъ безъ участья.
Чтò мнѣ въ томъ, что я пригожа,
Если нѣту счастья?

Тяжело на бѣломъ свѣтѣ
Жить мнѣ сиротою;
Межъ своими, межъ родными
Стала я чужою.

И никто меня не спроситъ,
Чтò такъ плачутъ очи,
Что такъ сердце молодое
Ноетъ дни и ночи —

Что такъ сердце, какъ голубка,
День и ночь воркуетъ...
Ой, никто его не спроситъ,
Сердцемъ не почуетъ?

Не поймутъ чужіе люди...
И къ чему тревожить?...
Развѣ скажутъ: пусть поплачетъ,
Если плакать можетъ!

Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Если плакать въ силѣ,
Громче, жалобнѣй, чтобъ слышалъ
Вѣтеръ на могилѣ;

Чтобы снесъ тѣ слёзы буйный
За синёе море,
Чернобровому злодѣю
На лихое горе!

Н. Гербель.

V.

КЪ ОСНОВЬЯНЕНКѢ.

Бьютъ пороги; мѣсяцъ всходитъ,
Всходитъ, какъ бывало...
Нѣту Сѣчи, нѣтъ гетмàновъ —
Всё на-вѣкъ пропало!
Нѣту Сѣчи! Днѣпръ широкій
Камыши пытаютъ:

«Гдѣ-то, гдѣ-то наши дѣти?
Гдѣ они гуляютъ?»
Стонетъ чайка, словно дѣтокъ
Ищетъ, призываетъ;
Солнце свѣтитъ; вольной степью
Вѣтеръ пробѣгаетъ.
А въ той степи длиннымъ рядомъ
Высятся могилы,
И пытаютъ буйный вѣтеръ,
Тихи и унылы:
«Гдѣ-то наши, гдѣ гуляютъ?
Время воротиться!
Воротитесь! поглядите —
Жито колосится,
Гдѣ паслися ваши кони,
Гдѣ трава шумѣла
И гдѣ моремъ разливаннымъ
Вражья кровь алѣла...
Воротитесь!...» Врагъ смѣется:
Лишь ему забава...
Смѣйся! пусть погибла воля —
Не погибнетъ слава!
Не погибнетъ, а разскажетъ,
Чтò творилось въ свѣтѣ,
Чья тутъ правда, чья неправда,
Скажетъ, чьи мы дѣти.
Наша дума, наша пѣсня,
Не умрутъ случайно...
Вотъ гдѣ, люди, наша слава,
Слава всей Украйны!
Нѣтъ въ ней золота, каменьевъ —
Ничего такого,
А громкà, святà, правдива,
Какъ господне слово.

Такъ ли, другъ ты мой желанный?
Правду ль говорю я?
Эхъ, когда бъ!... да голосъ рвется...
Да и что скажу я?...
Все кругомъ чужіе люди —
Не спѣшатъ съ привѣтомъ...
«Не кручинься!» можетъ, скажешь;
Да что проку въ этомъ?
Осмѣютъ псаломъ тотъ люди,
Вылитый слезами —
Осмѣютъ... Орелъ мой сизый,
Тяжко жить съ врагами!
Поборолся бы я съ ними,
Лишь была бы сила,
И запѣлъ бы — былъ и голосъ —
Да судьба сломила.

Вотъ въ чемъ горе, другъ мой милый!
И бреду я снова
По сугробамъ, да мурлычу:
«Не шуми дуброва!»
Вотъ и все тутъ. У тебя же
Голосъ полонъ силы;
Всѣ тебя и чтутъ и любятъ:
Пой имъ про могилы,
Про козацкія могилы:
Какъ ихъ насыпàли,
И давно ли, и кого въ нихъ
Хоронили — клали.
Пой про старь, про тò, что было —
Было миновало...
Пой, орелъ мой, чтобъ на свѣтѣ
Все живое знало,
Цѣлый свѣтъ, за что Украйна
Много такъ терпѣла;
Отчего козачья слава
Свѣтъ весь облетѣла.
Пой, орелъ мой! пусть заплàчу —
Не схоронишь тайну!
Пусть хоть разъ еще увижу
Я свою Украйну,
Пусть хоть разъ еще услышу,
Какъ играетъ море,
Какъ поётъ душа-дѣвица
Про свое про горе;
Пусть хоть разъ еще забьётся —
Сердце сердцу скажетъ,
И тогда въ чужую землю
Пусть на-вѣки ляжетъ.

Н. Гербель.

VI.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

Было время — по Украйнѣ
Пушки грохотали;
Было время — запорожцы
Жили-пировали:
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
Лишь могилы въ полѣ,
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое козачье,
Саваномъ повито.
И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы, въ полѣ,

И лишь съ вѣтромъ перелётнымъ
Шепчутся про волю.
Славу дѣдовскую вѣтеръ
Пò полю разноситъ...
Внукъ услышитъ — пѣсню сложитъ,
И съ той пѣсней коситъ.
Было время — на Украйнѣ
Въ пляску шло и горе:
Какъ вина да меду вдоволь —
По колѣна море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь,
Какъ-то легче станетъ сердцу,
Веселѣе взглянешь.

Встала туча надъ Лиманомъ,
Солнце заслоняетъ;
Лютымъ звѣремъ сине-море
Стонетъ, завываетъ.
Днѣпръ надулся. «Что жь, ребята,
Время мы теряемъ?
Въ лодки! — море расходилось:
То-то погуляемъ!»
Высыпаютъ запорожцы;
Вотъ Лиманъ покрыли
Ихъ ладьи. «Играй же, море!»
Волны заходили...
За волнами, за горами
Берегà пропали.
Сердце ноетъ; козаки же
Веселѣе стали.
Плещутъ веслы; пѣсня льётся;
Чайка вкругъ порхаетъ...
Атаманъ въ передней лодкѣ —
Путь-дорогу знаетъ.
Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ;
Трубку сжалъ зубами;
Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво —
Гдѣ бъ сойтись съ врагами?
Закрутилъ онъ усъ свой чорный,
Вскинулъ чубъ косматый,
Пòднялъ шапку — лодки стали.
«Сгинь ты, врагъ проклятый!
Поплывемте не къ Синопу,
Братцы атаманы,
А въ Царьградъ поѣдемъ — въ гости
Къ самому султану.»
— «Ладно, батька!» загремѣло.
— «Ну, спасибо, братцы!»
И накрылся. Вновь горами
Волны громоздятся...

И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходитъ, не садится;
Только молча, исподлобья
На волну косится.

М. Михайловъ.

VII.

Не вернулся изъ походу
Молодой гусаръ въ село:
Чтò же я по немъ горюю,
Чтò же мнѣ такъ жаль его?
За кафтанъ короткій что ли,
Иль за чорный усъ такъ жаль,
Иль за-то, что не Марусей —
Машей звалъ меня москаль?
Нѣтъ, мнѣ жаль, что пропадаетъ
Даромъ молодость моя;
Не хотятъ меня и зàмужъ
Брать ужь люди за себя.
Да къ тому еще и дѣвки
Мнѣ проходу не даютъ:
Не даютъ онѣ проходу —
Все гусарихой зовутъ.

А. Плещеевъ.

VIII.

ПѢСНЯ.

Проторила я тропинку
Черезъ яръ,
Черезъ гору, мой сердечный,
На базаръ.

Парнямъ бублики носила
Вечеркомъ;
Продалà — и воротилась
Съ пятакомъ.

Я два грòша, охъ, два грòша
Пропилà,
На копейку музыканта
Нанялà.

Ты сыграй-ка мнѣ на дудкѣ
На своей...
Чтобъ забыла я кручину,
Горе съ ней.

Вотъ какая, мой сердечный,
Дѣвка я.
Сватай — выйду я пожалуй
За тебя!

А. Плещеевъ.

IX.

ЗАВѢЩАНЬЕ.

Какъ умру — пусть степь родная
Будетъ мнѣ могилой:
Вы меня похороните
На Украйнѣ милой;
Чтобъ поля, и Днѣпръ и берегъ,
Дальній и зыбучій,
Были видны, было слышно,
Какъ реветъ могучій...

Н. Гербель.

X.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

Не домой идя въ полу̀ночь
Изъ знакомой хаты
И не спать ложась, мой милый,
Вспомяни меня ты:
А когда придетъ невзгода
Просидитъ до свѣта...
Вотъ тогда меня ты вспомни,
Попроси совѣта!
Вотъ тогда про друга вспомни —
Далекò, надъ моремъ,
Какъ онъ мается въ неволѣ,
Какъ онъ бьётся съ горемъ,
Какъ свои онъ злыя думы
И души̇ тревогу
Схоронивъ, въ пустынѣ бродитъ,
Молится все Богу,
Объ Украйнѣ вспоминаетъ,
О тебѣ, сердечный,
И грустить порой... не сильно
И безъ слёзъ, конечно,
А такъ только... На дворѣ вѣдь
Праздникъ наступаетъ...
Тяжело тому, кто праздникъ
Безъ друзей встрѣчаетъ
На чужбинѣ! Завтра рано
Благовѣстъ раздастся
По Украйнѣ... Завтра рано
Станутъ собираться
Люди въ церковь... Завтра рано
Заревѣтъ голодный
Звѣрь въ пустынѣ, да подуетъ
Ураганъ холодный
И завѣетъ бѣлымъ снѣгомъ
Мой курень печальной...
Вотъ какъ встрѣчу я нашъ праздникъ
На чужбинѣ дальной!

Н. Гербель.

XI.

ИЗЪ ПОВѢСТИ «КАТЕРИНА».

Чернобровыя, любитесь,
Но не съ москаля̀ми: *)
Москали̇ — чужіе люди,
Помыкаютъ вами.
Вѣдь москаль шутя полюбитъ,
И шутя покинетъ:
Онъ уйдетъ въ свою сторонку,
А бѣдняжка сгинетъ...
Пусть одна бъ... еще не горе!
Пусть... а то могила
Съ нею ждетъ и мать-старуху,
Чтò на свѣтъ родила.
Сердце вянетъ, распѣвая,
Какъ причину знаетъ;
Люди сердца не разспросятъ —
Прямо осуждаютъ.
Чернобровыя, любитесь,
Но не съ москаля̀ми:
Москали̇ — чужіе люди,
Помыкаютъ вами.

Не послушалась родимыхъ
Сердце-Катерина:
Полюбила, какъ умѣла,
Москаля дѣвчѝна;
Полюбила молодого,
Въ садъ къ нему ходила —
Въ садъ, пока себя и долю
Тамъ не загубила.
Кличетъ ужинать старуха —
Не докличетъ дочку;

*) Въ Украйнѣ москалемъ называютъ каждаго великоросcіянина (московца) и, въ особенности, военнаго, солдата, въ отличіе отъ козака.

Гдѣ съ москаликомъ гуляетъ,
Тамъ проспитъ и ночку.
Не двѣ ночи кари очи
Жарко цаловала...
А межь-тѣмъ дурная слава
По селу бѣжала.
Пусть позорятъ злые люди —
Чтò ей въ томъ позорѣ?
Полюбила — не слыхала,
Какъ подкралось горе.
Пронеслись дурныя вѣсти
Въ трубы затрубили.
На войну москаль поѣхалъ;
Дѣвицу *покрыли.* *)
Не печалитъ Катерину,
Что коса покрыта:
Любы слёзы, словно пѣсни,
Если не забыта.
Обѣщался чернобровый,
Если цѣлъ вернется,
Обѣщался къ ней пріѣхать.
То-то заживется;
Будетъ дѣвица московкой,
Горе позабудетъ;
А пока — пусть осуждаютъ,
Пусть смѣются люди.
Не тоскуетъ Катерина —
Слёзы утираетъ,
Что ее съ собой подружки
Пѣть не зазываютъ.
Не тоскуетъ Катерина,
Хоть и плачутъ очи...
Съ коромысломъ за водою
Выйдетъ о-полъ-нòчи,
Чтобъ враги не увидали;
Станетъ подъ калиной
У колодца и про «Грицю»
Запоетъ съ кручиной.
И калина плачетъ — столько
Въ пѣсни той печали.
Воротилася — и рада,
Что не повстрѣчали.
Не тоскуетъ Катерина,
Тяжкихъ думъ не знаетъ —
У окна, въ цвѣтномъ платочкѣ,
Друга поджидаетъ.

*) Въ Украйнѣ дѣвушка, уличенная въ преступной связи, не смѣетъ являться въ люди съ непокрытой головою; ее *покрываютъ* насильно, то-есть повязываютъ голову, какъ замужней.

Поджидала Катерина
Цѣлые полгода:
Защемило возлѣ сердца —
Подошла невзгода.
Расхворалась Катерина,
Еле-еле дышетъ...
Чуть оправилась — за печку
И дитя колышетъ.
А сосѣдки-щебетухи
Матери толкуютъ,
Что у дочки, по дорогѣ,
Москали ночуютъ.
«У тебя красотка дочка,
И не одиночка:
Няньчитъ, холитъ у запечка
Москаля-сыночка.
Чернобровымъ завелася...
Вмѣстѣ, знать, грѣшили...»
Чтобъ васъ, вѣдьмы, щебетухи,
Злыдни задавили!

Катерина, разразилось
Горе надъ тобою!
Гдѣ ты въ свѣтѣ пріютишься
Съ малымъ сиротою?
Кто разспроситъ, приголубитъ
Въ свѣтѣ безъ милòва?
Мать, отецъ — чужіе люди:
Тяжко это слово!
Вотъ оправилась бѣдняжка —
Подойдетъ къ окошку,
И все няньчится съ ребенкомъ,
Смотритъ на дорожку.
Смотритъ — нѣтъ да нѣтъ милòго...
Можетъ, и не будетъ?
Въ садъ поплакать бы сходила,
Да увидятъ люди.
Ночь настанетъ — Катерина
Пò саду гуляетъ,
На рукахъ качаетъ сына,
Горе повѣряетъ:
«Здѣсь его я поджидала
Вечеромъ, бывало,
Тутъ клялись... а тамъ... сыночекъ!»
И не досказала.
Зацвѣли въ саду черешни,
Зацвѣла калина;
Какъ бывало, въ садъ зелёный
Вышла Катерина.
Вышла, только не поётся
Бѣдной, какъ бывало,

Какъ въ саду вишневомъ ночью
Друга поджидала.
Не поётся чернобровой —
Проклинаетъ долю.
А межь-тѣмъ враги смѣются,
Потѣшаясь вволю,
Распускаютъ злыя рѣчи —
Бѣдной не оставятъ...
Если бъ милый — онъ съумѣлъ бы
Ихъ молчать заставить...
Но далеко чернобровый —
Сердцемъ не почуетъ,
Какъ враги надъ ней смѣются,
Какъ она горюетъ.
Можетъ-быть, онъ за Дунаемъ,
Подъ сырой землею;
Аль въ Москôвщинѣ слюбился
Съ дѣвицей иною.
Нѣтъ, онъ живъ, здоровъ и веселъ —
Онъ не пролилъ крови...
Гдѣ жь найдетъ такія очи
И такія брови?
Нѣтъ въ Москôвщинѣ — пройди хоть
Всю ее до моря —
Нѣтъ такой, какъ Катерина;
А живетъ на горе...
Мать съумѣла дать ей брови
И глаза на диво,
Не съумѣла только сдѣлать
Дѣвицу счастливой.
А краса безъ доли, счастья,
Что̀ цвѣточекъ въ полѣ:
Сушитъ солнце, треплетъ вѣтеръ,
Каждый рветъ по волѣ.
Лей же слёзы, Катерина,
Въ хижинѣ убогой:
Москали уже вернулись,
Да не той дорогой.

За столомъ сидитъ родимый —
На̀ руки склонился;
Не глядитъ на свѣтъ онъ Божій:
Сердцемъ истомился.
Рядомъ съ нимъ сидитъ на лавкѣ
Мать, въ тоскѣ-кручинѣ,
За слезами еле-слышно
Молвитъ Катеринѣ:
«Что же свадьба, Катерина?
Гдѣ женихъ твой — пара?
Гдѣ же сваты, гдѣ же дружки,
Старосты, бояра?
Знать, въ Москôвщинѣ!... Иди же
Къ нимъ, когда посмѣешь,
Да не сказывай дорогой,
Что ты мать имѣешь.
Видно, въ день и часъ проклятый
Я тебя роди̇ла!
Если бъ знала, до восхода
Солнца утопила:
Пусть бы гадина сглодала —
Не москаль поганый...
Охъ! дитя мое родное,
Цвѣтикъ мой румяный!
Точно ягодку, какъ пташку
Нѣжила, растила —
На бѣду, знать... Такъ-то, дочка,
Мнѣ ты отплатила!
Ну, иди же! на чужбинѣ
Поищи свекрухи,
Если слушать не хотѣла
Матери-старухи.
Поищи ее — отыщешь —
Крѣпко приласкайся;
Будь счастли̇ва межь чужими,
Къ намъ не возвращайся!
Никогда не возвращайся
Изъ чужого края...
Кто-то мнѣ глаза закроетъ,
Безъ тебя, родная?
Кто заплачетъ надо мною,
Бѣдной сиротиной?
Кто посадитъ на могилѣ
Красную калину?
Кто помянетъ? кто молиться
Будетъ надо мною?
Дочка, дочка дорогая,
Дитятко родное!
Ну, иди жь!...» Благословила:
«Богъ съ тобой, родная!»
И на лавку повалилась,
Будто неживая.

И сказалъ отецъ родимый:
«Что жь нейдешь, дѣвчи̇на?»
Зарыдала и упала
Въ ноги Катерина:
«Ты прости меня, родимый,
Въ чемъ я согрѣшила!
Ты прости меня, голубчикъ,
Мой соколикъ милый!»
— «Пусть Господь тебя и люди
Добрые прощаютъ!

Помолись — и въ путь-дорогу...
Сердце зла не знаетъ...»

Еле встала, поклонилась,
Вышла со слезами;
А старикъ съ своей старухой
Стали сиротами.
Вышла въ садикъ, помолилась,
Горсть земли набрала,
И на крестъ ее въ мѣшочкѣ
Крѣпко навязала.
«Не вернусь!» проговорила:
Далеко умру я,
И чужіе закопаютъ
Въ землю мнѣ чужую;
А своя — щепотка эта —
Надо мною ляжетъ,
Да про долю, да про горе
Добрымъ людямъ скажетъ...
Не разсказывай, голубка,
Гдѣ бъ ни схоронили,
Чтобы грѣшницу по смерти
Люди не бранили!
Ты не скажешь... вотъ кто скажетъ,
Кто его родная!
Боже мой, куда я дѣнусь,
Убѣгу куда я?
Я сама, дитя родное,
Спрячусь подъ водою,
Ты же грѣхъ мой отстрадаешь
Въ людяхъ сиротою,
Безъ отца!...» Пошла деревней,
Плачетъ Катерина;
Повязалася платочкомъ
И глядитъ на сына.
За деревней оглянулась —
Сердце въ ней заныло —
Покачала головою
И заголосила.
Стала въ полѣ при дорогѣ,
Словно тѣ берёзы;
Какъ роса передъ зарёю,
Полилися слёзы.
Изъ-за слёзъ изъ-за горючихъ
Бѣла-дня не чуетъ,
Только сына обнимаетъ,
Плачетъ да цалуетъ.
А ребенокъ, точно ангелъ,
Ничего не знаетъ,
Къ груди крохотной ручонкой
Тянется, хватаетъ.

Солнце сѣло; за дубровой
Зорька догораетъ...
Отвернулась — и въ дорогу...
Вотъ ужь чуть мелькаетъ...
На селѣ еще сосѣдки
Долго толковали,
Но ни мать, ни старый батько
Ихъ ужь не слыхали.

Такъ-то съ ближними на свѣтѣ
Люди поступаютъ!
Рѣжутъ, тѣшатся... иной же
Самъ себя терзаетъ.
А за что? Господь ихъ знаетъ.
Свѣтъ, кажись, широкой,
А въ немъ мѣста не отыщетъ
Странникъ одинокой.
Одному отмѣритъ доля
Съ краю и до краю,
А другому лишь оставитъ
То̀, гдѣ закопаютъ.
Гдѣ жь тѣ люди, гдѣ жь тѣ братья,
Съ кѣмъ мы такъ желали
Жить, кого любить сбирались?
Сгинули, пропали.

Есть на свѣтѣ доля —
Съ кѣмъ она спозналась?
Есть на свѣтѣ воля —
Да кому досталась?
Есть на свѣтѣ люди —
Золотомъ сіяютъ,
Кажется, чего бы —
Долюшки не знаютъ.

Ни доли, ни воли!
Кафтанъ надѣваютъ
Съ кручиной, а плакать —
Такъ стыдъ запрещаетъ.

Золото возьмите,
Будьте имъ богаты,
Мнѣ же — дайте слёзы
Выплакать утраты.
Затоплю недолю
Частыми слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!

Тогда я богатый,
Тогда я довольный —
Какъ сердце взыграетъ
Касаткою вольной.

Н. Гербель.

XII.

ИЗЪ ПОВѢСТИ «РАБОТНИЦА».

Каравай мѣсить, на хуторъ,
Молодицъ гурьба сошлась.
Старый дѣдъ развеселился
И пустился съ ними въ плясъ;
Такъ и топаетъ и скачетъ,
И ногами дворъ мететъ;
И прохожихъ, и проѣзжихъ
Всѣхъ во дворъ къ себѣ зоветъ,
Варенухой угощаетъ
И на свадьбу проситъ всѣхъ.
На дворѣ и въ хатѣ слышны
Пѣсни, говоръ, шумъ и смѣхъ.
Старый мечется, хоть ноги
Измѣняютъ ужь совсѣмъ;
А изъ погреба за бочкой
Бочку катятъ между-тѣмъ.
Напекли и наварили
Много всякаго добра;
И скребутъ и выметаютъ
Всюду съ самаго утра.
Только все чужіе люди!
Что жь работница не тамъ?
Въ Кіевъ Ганна поклониться
Побрела къ святымъ мощамъ.
Не пускалъ старикъ, и плакалъ
Маркъ, прося, чтобы за мать
У него она на свадьбѣ
Оставалась. Удержать
Не могли однако жь Ганны.
«Нѣтъ ужь, Маркъ!... Пусти меня.
Мнѣ за мать сидѣть не ладно:
Богачи твоя родня,
Я работница — пожалуй,
Осмѣютъ тебя, какъ разъ.
Помоги вамъ Богъ! Молиться
Лучше я пойду за васъ.
Если примете, оттуда
Къ вамъ опять я ворочусь —
И, покуда силы хватитъ,
Въ вашей хатѣ потружусь».
И ему благословенье
Съ сердцемъ искреннимъ дала —
И заплакала — и тихо
Изъ воротъ она пошла.

Пиръ на хуторѣ въ разгарѣ:
Не смолкаетъ шумъ и гамъ,
Достается музыкантамъ,
Достается каблукамъ.
Варенухой лавки моютъ.
А межь-тѣмъ свой дальній путь
Ужь работница кончаетъ.
Не успѣла отдохнуть —
Ужь къ хозяйкѣ, гдѣ пристала,
Нанялася поскорѣй:
Ей въ хозяйствѣ помогаетъ
И таскаетъ воду ей.
На пути деньжонки вышли:
Надо что-нибудь скопить,
Чтобъ Варварѣ преподобной
Хоть молебенъ отслужить.
Работаетъ, воду носитъ —
Накопила семь рублей.
Марку шапочку купила
У святыхъ она мощей,
Голова чтобъ не болѣла;
Для жены его потомъ
Отъ Варвары преподобной
Запаслася перстенькомъ;
И, святымъ всѣмъ поклонившись,
Побрела опять домой.
Воротилась. Маркъ встрѣчаетъ
У воротъ её, съ женой;
Входятъ въ хату и сажаютъ
Нашу странницу за столъ.
Накормили — и про Кіевъ
Разговоръ у нихъ пошолъ.
Отдохнуть ей Катерина
Постлала сама постель.
«Что они меня такъ любятъ!
О, мой Боже! Неуже ль
Обо всемъ они узнали,
Догадалися кто я?
Нѣтъ, а добрыми родились!»
И изъ глазъ у ней катились
Слёзы, слёзы въ три ручья...

Послѣ Троицы однажды,
Въ воскресенье, дѣдъ Трофимъ
На дворѣ сидѣлъ, у хаты;
И съ собакой передъ нимъ

Внукъ игралъ, а внучка юбку
Катеринину нашла,
И, въ нее одѣвшись, важно,
Тихо въ гости къ дѣду шла.
Засмѣялся старый, внучку
Рядомъ сѣсть онъ пригласилъ,
Будто вправду молодицу,
И потомъ ее спросилъ:
«А куда ты хлѣбъ дѣвала?
Можетъ, отнялъ кто въ лѣсу?
Иль испечь его забыла?
Такъ вотъ я тебя, лису!»

А работница въ ворота
Входитъ въ этотъ самый мигъ.
Ей съ внучатами навстрѣчу
Живо бросился старикъ.
«Гдѣ же Маркъ?» спросила Ганна.
«Видно все въ дорогѣ?» — «Да!»
— «Охъ! насилу я, насилу
Дотащилась къ вамъ сюда.
Умирать-то не хотѣлось
Мнѣ въ далекой сторонѣ.
Хоть бы Маркъ скорѣй вернулся!
Что-то больно, тяжко мнѣ.»
И гостинцы изъ лукошка
Вынимаетъ для ребятъ:
Внучкѣ старшенькой, Оришѣ,
Крестикъ, бусы и дукатъ;
Въ золотой, изъ фольги, ризѣ,
Образочекъ тоже ей;
И для Карпа есть игрушки:
Два коня и соловей.
Катеринѣ съ богомолья
Ужъ четвертый разъ съ собой
Перстенекъ она приноситъ
Отъ Варвары, отъ святой.
Вотъ три свѣчки изъ святого
Воску дѣду отдала;
А себѣ и Марку нынче
Ничего не принесла:
Денегъ больше не хватило,
А работать нѣту силы.
«Дѣтки, бубличка кусочекъ
У меня есть гдѣ-то тамъ...»
Отыскала и внучатамъ
Раздѣлила пополамъ.

Въ хатѣ тотчасъ ей умыла
Ноги Маркова жена;
Принесла потомъ ей полдникъ,
Но не ѣстъ, не пьётъ она.
«Катерина, послѣ завтра
Воскресенью надо быть.
Хоть бы вынуть часть за здравье,
Да молебенъ отслужить
Чудотворцу Николаю.
Что-то Маркъ у насъ пропалъ:
Какъ бы гдѣ-нибудь въ дорогѣ,
Бѣдный, онъ не захворалъ.»
И катились тихо слёзы
Изъ потухшихъ старыхъ глазъ.
Изнуренная, насилу
Съ мѣста Ганна поднялась.
«Охъ, не та ужь, Катерина,
Стала я. Хила, стара,
На ногахъ едва держуся:
На покой мнѣ, знать, пора.
Хоть въ теплѣ, а тяжко, Катря,
Умирать въ дому чужомъ».
Захворала крѣпко Ганна.
Посылали за попомъ
И соборовали масломъ,
Но не стало легче ей.
Катерина не спускала
Съ умирающей очей:
День и ночь надъ ней сидѣла,
Грустно голову склонивъ.
Дѣдъ бродилъ все по подворью,
И унылъ и молчаливъ.
По ночамъ надъ хатой слышенъ
Былъ зловѣщій крикъ совы.
Съ каждымъ часомъ становилось
Ганнѣ хуже. Головы
Ужь она не подымала,
И не ѣла ничего;
Только Марка вспоминала.
«Катря! охъ, когда бъ я знала,
Что увижу я его —
Я еще бы подождала?»

Беззаботно съ чумаками
Степью Маркъ себѣ идетъ.
Не спѣшитъ онъ — распѣваетъ
И воловъ въ степи пасетъ.
Онъ сукна везетъ въ гостинецъ
Дорогого два куска
Для жены; и поясъ алый
Для Трофима старика;
Парчевой очипокъ Ганнѣ,
Да еще купилъ онъ ей
Съ росписной каймой платочекъ;

А для маленькихъ дѣтей
Черевички, винограду;
Всѣмъ же вмѣстѣ — изъ Царьграду
Въ бочкѣ красное вино;
И икры не мало съ Дону
У него запасено.
Онъ идетъ да распѣваетъ,
А что дома ждетъ — не знаетъ.

Дотащился понемногу—
Вотъ и дома онъ опять.
Помолившись прежде Богу,
Сталъ ворота отворять.
«Катря, Катря! Иль не слышишь?
Воротился Маркъ. Иди
Поскорѣй ему на встрѣчу,
Да сюда его веди.
Слава Господу! Дождаться
Грѣшной мнѣ сподобилъ Онъ».
И читала Ганна тихо
Отче нашъ, какъ бы сквозь сонъ.

. . . . .

На дворѣ ярмо снимаетъ
Росписное дѣдъ съ воловъ.
Вышла къ мужу Катерина,
На него глядитъ безъ словъ.
«Катря, гдѣ же наша Ганна?
Что нейдетъ ко мнѣ сюда?
Ужь, помилуй Богъ, жива ли?
Не случилась ли бѣда?»
—«Нѣтъ! А крѣпко захворала.
Ужь давно она лежитъ,
Все тебя зоветъ: «когда же
Маркъ вернется?» говоритъ.
Поскорѣй пойдемъ, а батько
За волами пригладитъ.»

Входятъ въ хату. Маркъ не смѣетъ
Перейти черезъ порогъ.
«Слава Богу!» шепчетъ Ганна.
«Не пугайся, Маркъ, дружокъ;
Подойди; а ты, Катруся,
Выйдь изъ хаты и вдвоёмъ
Съ нимъ оставь насъ: нужно Марка
Распросить мнѣ кой-о-чёмъ».
Вонъ выходитъ Катерина.
Маркъ стоитъ передъ больной.
«Маркъ, голубчикъ, подивися,
Посмотри ты, что со мной!
Видишь, я какая стала?
Вся измучилась, больна...
Не работница, не Ганна
Я...» И стихла вдругъ она.
Маркъ и плакалъ, и дивился,
И стоялъ не шевелясь.
Вдругъ глаза она открыла,
И слезами залилась.
«Не вини меня! казнилась
Я весь вѣкъ въ чужой избѣ.
Не вини меня, сыночекъ
А прости: я мать тебѣ!»

А. Плещеевъ.

XIII.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГАЙДАМАКИ».

1.

ПРОЛОГЪ.

Было время — въ Польшѣ шляхта
    Гордо выступала;
Билась съ нѣмцами, съ султаномъ,
    Съ Крымомъ воевала,
Съ москалями... было — сплыло...
    Такъ-то все минуетъ!
Ляхъ, бывало, знай, кичится,
    День и ночь пируетъ,
Королями помыкаетъ...
    Не скажу — Стефаномъ —
Съ этимъ трудно было сладить —
    Иль Собѣскимъ Яномъ,
А другими. Несчастливцы
    Молча пановали.
Сеймы спорили; сосѣди
    Видѣли — молчали,
Лишь слѣдили, какъ изъ Польши
    Короли бѣжали,
Да прислушивались молча,
    Какъ паны орали.
«Niepozwalam! niepozwalam!»
    Шляхта восклицаетъ,
А магнаты жгутъ деревни,
    Сабли отпускаютъ.
Долго такъ дѣла велися...
    Но вотъ надъ Варшавой
И надъ Польшей сталъ владыкой
    Понятовскій бравый.

. . . . .

Владыкой сталъ, и думалъ шляхту
Прибрать къ рукамъ — и не съумѣлъ!
Добра хотѣлъ онъ всѣмъ... быть-можетъ,
Еще чего-нибудь хотѣлъ...

Одно лишь слово *niepozwalam*
Хотѣлъ у шляхты отобрать —
И вмигъ вся Польша запылала,
Взбѣсилась шляхта, ну кричать:
«Слово гонóру, дáрма праца!
«Наёмникъ подлый москаля!»
На зовъ Пулавскаго и Паца
Встаетъ шляхетская земля,
И — разомъ сто конфедераций.

Разбрелись конфедераты
По Литвѣ, Волыни,
По Молдавіи, по Польшѣ
И по Украйнѣ;
Разбрелись, да и забыли
Защищать свободу —
И пошло по всей Украйнѣ
Все въ огонь, да въ воду.
Церкви жгли, народъ терзали,
Рѣзали, топили —
Кровь лилась; но гайдамаки
Ужь ножи святили.

Н. Гербель.

2.

СВИДАНІЕ.

«Вѣтеръ по рощѣ
Ждетъ — не гуляетъ;
Мѣсяцъ высоко,
Звѣзды сіяютъ.
Выйди, голубка,
Хоть на часочекъ:
Мы поворкуемъ,
Мой голубочекъ.
Ныньче далеко
Я уѣзжаю.
Скоро ль съ тобою
Свижусь — не знаю.
Выглянь же, выйди
Сизая пташка!
Горько на сердце,
Горько и тяжко.»

Такъ Ярема распѣваетъ
И по рощѣ бродитъ,
Поджидаетъ; но Оксана
Что-то не выходитъ.
Звѣзды блещутъ; середь неба
Мѣсяцъ серебрится;
Очарованная пѣсней,
Ива въ прудъ глядится.
Соловей въ кустѣ калины
Громко распѣваетъ,
Словно знаетъ, что дѣвицу
Парень поджидаетъ...
Вдругъ пронесся шелестъ; парень
Глянулъ: средь тумана,
Словно ласочка, опушкой
Крадется Оксана.
Онъ на встрѣчу... обнялися...
«Сердце!» — и замлѣли...
И опять: «Оксана!» «сердце!»
И опять нѣмѣли
— «Полно!» — «Нѣтъ, еще разочекъ,
Голубь сизокрылый!
Вынеи душу!... Какъ, однако,
Я устала, милый.»
— «Отдохни, моя ты зорька!
Ты съ небесъ слетѣла...
Сядь на свитку.» Усмѣхнулась
Дѣвушка — и сѣла.
— «Такъ садись и ты со мною.»
Сѣлъ, припалъ. — «Оксана,
Зорька ясная, голубка,
Что пришла не рано?»
— «Я замѣшкалась сегодня:
Что мнѣ дѣлать было?
Батько что-то расхворался.»
— «А меня забыла...»
— «Ахъ, какой же ты, ей-богу!»
И слеза блеснула.
— «Я шучу; утри же слёзы.»
— «Шутишь?» Усмѣхнулась,
И, склонивъ къ нему головку,
Словно какъ уснула.
— «Я шучу, моя Оксана,
Или ты не видишь?
Ну, не плачь же, глянь мнѣ въ очи:
Завтра не увидишь.
Завтра буду далекó я,
Далекó, Оксана...
Завтра ночью въ Чигиринѣ
Ножъ святой достану.
Онъ мнѣ дастъ, моя голубка,
Золото и славу;
Наряжу тебя, обую,
Посажу, какъ паву —
Словно гетманшу какую
И глядѣть все стану,
Все глядѣть, до самой смерти.»

— «Вспомнишь ли Оксану,
Какъ по Кіеву съ панами
Паномъ ѣздить будешь!...
Тамъ найдешь себѣ полячку —
И меня забудешь.»
— «Развѣ есть на свѣтѣ лучше?...»
— «Можетъ-быть — не знаю.»
— «Не гнѣви напрасно Бога:
Лучше нѣтъ, родная,
Ни на небѣ, ни за небомъ;
Ни за синимъ моремъ
Нѣтъ такой, какъ ты, Оксана!»
— «Э, о чемъ мы споримъ!
Что ты мелешь?» — «Правду, рыбка!»
Долго говорили
Такъ они, и тѣмъ свиданье
Радостное длили...

Н. Гербель.

3.

ПИРЪ ВЪ ЛИСЯНКѢ.

Вечерѣло. Надъ Лисянкой
Искры закружили:
Это Гонта съ побратимомъ
Трубки закурили.
Страшно, страшно закурили!
Въ адѣ не умѣютъ
Такъ курить! Болотный Тикачъ
Кровію алѣетъ
И шляхетской, и жидовской;
А надъ нимъ пылаютъ
И избушка и палаты:
Видно, Богъ караетъ
И большо́го, и меньшо́го.
Середи́ базара
Желѣзнякъ и Гонта только
Крикнутъ: «ляхамъ кара!
Кара ляхамъ!» — даже дѣти
На ножи́ лѣзть ра́ды.
Плачутъ, стонутъ ляхи, просятъ —
Нѣту имъ пощады!...
Кто съ молитвой, кто съ проклятьемъ,
Кто надъ трупомъ брата —
Исповѣдуются ляхи:
Времени потра́та.
Нѣтъ, не милуютъ *тихіе*
Ни годо́въ, ни роду,
Ни полячки, ни жидовки...
Кровь сочится въ воду.

Старца-стараго, калѣки,
Малаго ребёнка
Не осталось: всѣхъ повила
Красная пелёнка.
Всё легло на зѐмлю лоскомъ,
Всё, что живо было
Между шляхтой и жидами...
А межь-тѣмъ все плы́ло
Выше къ тучамъ и пылало
Зарево пожара...
Галайда — тотъ знай рыкаетъ:
«Кара ляхамъ, кара!»
Какъ безумный, мертвыхъ рѣжетъ,
Жжотъ, что ни попало.
«Дайте ляха, аль іуду!
Всё мнѣ ма́ло, мало!
Дайте ляха, дайте крови
Наточить съ поганыхъ!
Море крови... мало мо́ря...
Охъ, моя Оксана!
Гдѣ̀ ты?» Крикнетъ и потонетъ
Въ пламени пожара.

А тѣмъ часомъ гайдамаки
Ставятъ вдоль базара
Столъ да столъ; несутъ припасы,
Что добыть успѣли,
Чтобъ отъужинать засвѣ̀тло.
«Тѣшься!» заревѣли...
Сѣли ужинать; кругомъ ихъ
Адъ горитъ и рдѣетъ.
На рожнахъ то тамъ, то индѣ
Панскій трупъ чернѣетъ.
Вотъ рожны и загорѣлись —
Трупы вмѣстѣ съ ними
На̀ земь грянулися. — «Пейте,
Дѣти, съ проклятыми!
Можетъ-быть, еще прійдется
Повстрѣчаться съ ними.
Пью за трупы, пью за души
Ваши!» восклицаетъ
Желѣзнякъ, и жбанъ горѣлки
Разомъ осушаетъ.
«Пейте, дѣти! пейте, лейте!
Выпьемъ, Гонта, что-ли?
Выпьемъ, братъ ты мой назва̀нный!
Погуляемъ въ волю!
Гдѣ же во̀лохъ? пусть сыграетъ —
Мы его уважимъ:
Что̀ не скажетъ онъ про ляховъ,
Мы ему доскажемъ.

Не про горе, потому-что
Горя не уважимъ —
Веселу́ю дёрни, ста́рче,
Чтобъ земля ломилась,
Какъ вдовица-молодица
По́пусту томилась!»

КОВЗАРЬ *(играетъ, припѣвая)*:

«Отъ села и до села
Музыка и пляска:
За насѣдку черевички —
Будетъ же имъ та́ска!
Отъ села и до села
Я бы расплясалась:
Ни коровы, ни вола —
Хата мнѣ осталась!
Да и ту продамъ кумѣ
Я со всѣмъ приборомъ
И куплю себѣ шалашъ
Прямо подъ заборомъ;
Торговать и шинковать
Буду я крючками,
И тогда-то ужь гулять
Буду съ молодцами.
Охъ, вы дѣточки мои,
Охъ, вы голубятки!
Не стыдитесь, подивитесь,
Какъ танцуетъ матка!
Я въ наёмъ пойду; дѣтей
Въ школу... да и въ пляску —
И червоннымъ черевичкамъ
Я задамъ же та́ску!»
Галайда среди базара
Съ Гонтою танцуетъ.
Желѣзнякъ хватаетъ кобзу,
Съ кобзаремъ толкуетъ:
«Попляши, а я сыграю —
Поддавай лишь пару!»
И пошолъ слѣпой въ прися́дку
По всему базару,
Отдираетъ постола́ми,
Поддаётъ словами:

«Въ огородѣ пустарнакъ, пустарнакъ!
Аль тебѣ я не козакъ, не козакъ?
Аль тебя я не люблю, не люблю?
Аль тебѣ я черевичковъ не куплю?
Я куплю тебѣ обновку,
Распотѣшу чернобровку!
Буду, сердце, ходить,
Буду, сердце, любить!»

«Ой, гопъ-гопака̀!
Полюбила козака̀,
Только старый, да недюжій,
Только рыжій, неуклюжій —
Вотъ и доля вся пока!
Доля слѣдомъ за тоскою,
А ты, старый, за водою,
А сама-то я въ шинокъ,
Да хвачу себѣ крючёкъ,
А потомъ — все чокъ да чокъ:
Чарка первая коло̀мъ,
А вторая соколо̀мъ...
Баба въ плясъ пошла — конецъ,
А за нею молодецъ...
Старый-рыжій бабу кличетъ,
Только баба кукишъ тычетъ:
«Коль женился, сатана,
«Добывай же мнѣ пшена:
«Надо дѣтокъ пожалѣть —
«Накормить и пріодѣть.
«Добывай, не то — быть худу,
«А ужь я сама добуду...
«А ты, старый, не грѣши —
«Колыбельки колыши,
«Да молчи и не грѣши.»

«Какъ была я молодою, да угодницею,
Я повѣсила передникъ надъ оконницею;
Кто бъ ни шолъ — ни минётъ,
И кивнётъ и моргнётъ.
А я шолкомъ вышиваю,
Имъ въ окошечко киваю;
Ой, Семёны — вы — Иваны,
Надѣвайте-ка жупа̀ны,
Да со мной гулять пойдемъ,
Да присядемъ — запоёмъ...»

Л. Мей.

4.

ГОНТА ВЪ УМАНИ.

Проходятъ дни, мину́ло лѣто,
А степь горитъ, да и горитъ;
По сёламъ плачутъ дѣти: гдѣ-то
Отцы ихъ? Бо̀гъ вѣсть! Шелеститъ
Поблёклой листвою дуброва;
Гуляютъ тучи; солнце спитъ —
И не слыхать людского слова;
Лишь воетъ звѣрь, идя въ село,
Гдѣ чуетъ трупъ: не хоронили,

Волкòвъ полякáми кормили,
Пока ихъ снѣгомъ занесло.

Да бѣлы-снѣги и вьюга —
Только въ помочь карѣ:
Ляхи мёрзли, а козàки
Грѣлись на пожарѣ.
И весна пришла — и ряской
Воду принакрыла,
Поднесла землѣ барвинокъ,
Да и разбудила —
Пусть сыра-земля проснётся.
Жаворонокъ въ полѣ,
Соловей въ кустахъ — и льётся
Пѣсня ихъ о волѣ...
Сущій рай! А для кого же?
Для людей? Не будетъ
Человѣкъ глядѣть, а взглянетъ —
Божій рай осудитъ.
Надо кровію подкрасить,
Освѣтить пожаромъ;
Солнца мало, рясокъ мало;
Тучи ходятъ даромъ;
Аду мало!... Люди, люди!
Да когда жь довольно
Будетъ вамъ добра Господня?
И чуднò, и больно!
И весна не смыла крови:
Злоба братьевъ вдвое —
Не глядѣлъ бы; а припомнишь —
Было такъ и въ Троѣ;
Будетъ вѣчно. Гайдамаки
Рѣжутъ да гуляютъ;
Гдѣ пройдутъ — земля пылаетъ,
Кровью намокàетъ.
Подобралъ Максимъ сыночка —
Вспомнитъ Украйна!
Хоть не сынъ родной Ярема,
А не хуже сына.
Батько рѣжетъ, а Ярема
Рѣжетъ — и лютуетъ —
Со священнымъ на пожарахъ
Днюетъ и ночуетъ.
Не помилуетъ, не минетъ
Ляха проклятòго:
Онъ за ктитора имъ платитъ,
За отца святого,
За Оксану... И шатнётся,
Вспомнивъ про Оксану.
А Максимъ: «Гуляй, сыночекъ!
Если не устану,
Погуляемъ!» Погуляли:
Купа подлѣ купы,
Вплоть отъ Кіева на Умань
Протянулись трупы...

Кто тамъ бродитъ въ чорной свиткѣ
Посреди базара?
Кто тамъ сталъ надъ грудой труповъ,
Въ заревѣ пожара?
Долго ищетъ онъ кого-то,
Проклятую купу
Мертвыхъ ляховъ разгребаетъ...
Отыскалъ... Два трупа —
Двухъ подростковъ взялъ на плèчи,
И позадъ базара
Черезъ мёртвыхъ онъ шагаетъ,
Середи пожара,
За костёломъ. Кто же это?
Гонта, горемъ битый:
Хоронить дѣтей несетъ онъ,
Чтобъ землею крыты
Были, чтобъ козачья тѣла
Стая псовъ не ѣла.
И по улицамъ, по темнымъ,
Гдѣ не такъ горѣло,
Гонта нёсъ дѣтей на плèчахъ,
И отъ люду крылся —
Не видали бы, какъ старый
Гонта прослезился,
Хороня дѣтей. Онъ вынесъ
Дѣтокъ въ поле прямо,
Прочь съ дороги, и священный —
Въ землю: будетъ яма...
Онъ копаетъ и копаетъ...
Умань всё пылаетъ,
Свѣтитъ Гонтѣ на работу...
Отчего же въ свѣтѣ,
Въ этомъ заревѣ кровавомъ,
Гонтѣ страшны дѣти?
Отчего жь онъ, словно крадетъ,
Или кладъ хоронитъ,
Даже струситъ, если вѣтеръ
До него догонитъ
Крикъ и пѣсни гайдамаковъ?...
Онъ дѣтей хоронитъ —
Онъ глубокую имъ хату
Роетъ; въ темной хатѣ,
Не глядя, кладётъ — знать, слышитъ:
«Мы не ляхи, тятя!»
Уложилъ; досталъ китайку
Изъ кисы; лобзаетъ

Мёртвыхъ въ очи, и китайкой
Алой накрываетъ,
Креститъ. — «Дѣти! поглядите
Вы на Украйну:
За неё вы сгибли, дѣти!
За неё я сгину!
Да меня-то кто схоронитъ
На чужомъ на полѣ,
Какъ я васъ, и кто заплачетъ
По моей по долѣ?
Спите, дѣти, почивайте!
Вамъ постель — могила!
Сука-мать другой постели
Вамъ не обрядила.
Безъ вѣночковъ — василёчковъ,
Безъ калины, дѣти,
Спите здѣсь, моля у Бога,
Чтобъ на этомъ свѣтѣ
Покаралъ меня жестоко
За грѣхи за эти...
Что католики вы были —
Вамъ прощаю, дѣти!»
И заравниваетъ землю,
Чтобъ враги не знали,
Гдѣ зарыты дѣти Гонты,
Гдѣ ихъ погребали.
«Спите, дѣти! батьку ждите:
Скоро будетъ!... что же?
Скороталъ вашъ вѣкъ я, дѣти —
И меня ждётъ то же.
И меня убьютъ — схоронятъ...
Кто? — и самъ не знаю...
Гайдамаки!... Охъ, еще разъ
Съ ними погуляю!»
И пошолъ убитый Гонта.
Шагъ — и спотыкнётся.
Свѣтитъ зарево — онъ глянетъ,
Глянетъ — усмѣхнётся.
Страшно, страшно усмѣхался...
На степь оглянулся,
Слёзы вытеръ — и въ пожарномъ
Дымѣ окунулся.

Л. Мей.

5.

ЭПИЛОГЪ.

Минуло то время, давно миновало,
Когда я ребенкомъ, голодный, блуждалъ
По той по Украйнѣ, гдѣ Гонта, бывало,
Съ ножомъ освящённымъ, какъ вѣтеръ, гулялъ.
Минуло то время, какъ тѣми путями,
Гдѣ шли гайдамаки, босыми ногами
Ходилъ я, стараясь найдти гдѣ-нибудь
Людей, чтобъ къ добру указали мнѣ путь.
Припомнилъ — и плачу, что горе минуло.
О, еслибъ ты снова ко мнѣ завернуло,
Я отдалъ бы съ радостью счастье мое
За прежнія слёзы, за горе-житье.
Припомнилъ — и снова поляны родныя,
И дѣдъ, и отецъ, и невзгоды былыя
Предъ взоромъ проносятся. Живъ еще дѣдъ,
Отецъ же въ могилѣ — родимаго нѣтъ.
Бывало, въ субботу, закрывши «Минеи»
И выпивъ по чаркѣ родной романеи,
Отецъ проситъ дѣда, чтобъ тотъ разсказалъ,
Какъ въ Умани встарь гайдамаки гуляли,
Какъ Гонта проклятыхъ поляковъ каралъ.
Столѣтнія очи, какъ звѣзды, сіяли
И лился, смѣялся ужасный разсказъ:
Какъ гибли поляки, какъ сёла горѣли.
Сосѣди, бывало, отъ страха нѣмѣли,
И мнѣ, бѣдняку, доводилось не разъ
Оплакивать ктитора злую судьбину.
И, слушая дѣда, ни кто не видалъ,
Какъ малый ребенокъ за печкой рыдалъ.
Спасибо, родимый, что ты про кручину,
Про славу козацкую мнѣ разсказалъ:
Разсказъ твой я внукамъ теперь передалъ.

Люди добрые, простите:
Каюсь, крѣпко каюсь,
Что разсказъ свой велъ я просто,
Въ книгахъ не справляясь.
Все, что здѣсь прочтется вами,
Слышалъ я отъ дѣда;
А старикъ не зналъ, не вѣдалъ,
Что его бесѣда
Попадется грамотѣямъ.
Дѣдушка, винюся!
Пусть бранятъ; а той порою
Я къ своимъ вернуся
И окончу, какъ умѣю,
Горькую былину,
Какъ сквозь сонъ, окину взглядомъ
Нашу Украйну,
Гдѣ ходили гайдамаки
Съ острыми ножами,
Тѣ дороги, что я мѣрилъ
Дѣтскими ногами.

Н. Гербель.

А. Л. МЕТЛИНСКІЙ.

Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій, извѣстный собиратель малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, родился въ 1814 году въ Гадячскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ гадячскомъ уѣздномъ училищѣ, откуда перешолъ въ харьковскую гимназію, а потомъ въ Харьковскій университетъ, въ которомъ окончилъ полный курсъ наукъ. Затѣмъ, онъ занималъ нѣкоторое время мѣсто библіотекаря университета, посвящая свободное отъ служебныхъ занятій время на приготовленіе къ магистерскому экзамену и сочиненію магистерской диссертаціи. Наконецъ экзаменъ былъ сданъ, диссертація защищена — и новый магистръ вошолъ въ среду профессоровъ Харьковскаго университета и занялъ въ немъ каѳедру русской словесности. Въ 1849 году Метлинскій былъ переведенъ на ту же каѳедру въ университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ, но оставался тамъ не долго. По возвращеніи въ Харьковъ, онъ занялъ прежнюю свою каѳедру, и не оставлялъ ее до выхода въ отставку. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ на берегахъ Женевскаго озера и на южномъ берегу Крыма, въ Ялтѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ іюня мѣсяца 1870 года отъ раны, нанесенной собственной рукой въ припадкѣ меланхоліи.

Метлинскій выступилъ на литературное поприще въ 1839 году, подъ псевдонимомъ *Амвросій Могила*, съ небольшой книжкой своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Думки та Пѣсни та ще де що», куда, кромѣ оригинальныхъ произведеній, вошло собраніе его переводовъ изъ славянскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ. Затѣмъ, въ 1848 году, издалъ онъ въ Харьковѣ «Южно-русскій Сборникъ», въ пяти частяхъ, въ которомъ, кромѣ его собственныхъ думокъ, нашли мѣсто произведенія мѣстныхъ малорусскихъ писателей, въ томъ числѣ и Квитки. Но важнѣйшимъ трудомъ Метлинскаго по части малорусской литературы, которому онъ отдавался весь, въ теченіе всей своей жизни, начиная съ 1836 года, было — собраніе малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, которыхъ онъ собралъ до восьмисотъ и издалъ въ 1854 году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ: «Народныя южно-русскія пѣсни». Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько статей о малорусскомъ языкѣ, о правописаніи, о народной поэзіи и т. п. Статьи эти помѣщены были, въ видѣ предисловій, къ разнымъ изданнымъ имъ книгамъ на малорусскомъ языкѣ. Какъ поэтъ, Метлинскій пользуется нѣкоторою извѣстностью, благодаря удачному воспроизведенію народнаго быта, нравовъ и поэзіи; что же касается малорусскихъ критиковъ, то они видятъ во всемъ имъ написанномъ большую глубину чувства, прекрасное пониманіе козацкой старины и художественное выполненіе.

ЯВОРЪ.

Что̀ съ тебя такъ рано, яворъ,
Листья опадаютъ,
И, захваченныя вѣтромъ,
Пѝ полю летаютъ?

Или ночь тебя, мой яворъ,
Не поитъ росою,
Или въ полдень не проходитъ
Солнце надъ тобою?

Есть и старыя деревья —
Смотришь — зеленѣютъ,
И ихъ листья непогоды
Пѝ полю не сѣютъ.

Иль роса одних ихъ холитъ,
Холитъ, умываетъ,
Солнце свѣтитъ, буйный вѣтеръ
Пѣсни напѣваетъ?

«Нѣтъ, роса меня питаетъ,
Солнце согрѣваетъ —
Только сердце по отчизнѣ
Плачетъ и страдаетъ.

«Оттого съ меня такъ рано
Листья опадаютъ,
Хоть меня и буйный вѣтеръ
Въ бурю не качаетъ.»

Н. Гербель.

А. С. АѲАНАСЬЕВЪ-ЧУЖБИНСКІЙ.

Александръ Степановичъ Аѳанасьевъ родился 28-го февраля 1816 года въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, гдѣ отецъ его владѣлъ небольшимъ населеннымъ имѣніемъ. Въ 1829 году онъ былъ отвезенъ въ Нѣжинъ и отданъ въ Гим-

назію Высшихъ Наукъ князя Безбородко. Здѣсь онъ квартировалъ у профессора Соловьева, человѣка весьма замѣчательнаго, вмѣстѣ съ Е. П. Гребенкою, впослѣдствіи пріобрѣвшимъ извѣстность какъ повѣствователь. Вскорѣ по вступленіи Аѳанасьева въ число воспитанниковъ гимназіи, это заведеніе было преобразовано въ лицей, и онъ окончилъ курсъ наукъ уже съ званіемъ студента лицея и правомъ на чинъ 14-го класса. Отдохнувъ около года въ деревнѣ, Аѳанасьевъ, по приглашенію одного изъ бывшихъ своихъ товарищей, описавшаго ему свой бытъ самыми поэтическими красками, поступилъ юнкеромъ въ Бѣлгородскій уланскій полкъ, но на первыхъ же порахъ встрѣтилъ самое горькое разочарованіе, и въ 1843 году вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Въ 1847 году онъ снова поступилъ на службу въ канцелярію воронежскаго губернатора и въ томъ же году назначенъ редакторомъ неофиціальной части «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; но и здѣсь онъ прослужилъ всего два года, послѣ чего снова вышелъ въ отставку. Аѳанасьевъ началъ писать очень рано, еще въ лицеѣ, гдѣ въ то время вѣялъ литературный духъ. Первымъ напечатаннымъ его произведеніемъ было стихотвореніе «Кольцо», помѣщенное въ «Современникѣ» (1838, т. XI), съ подписью: *Чужбинскій*. Подъ этимъ псевдонимомъ онъ продолжалъ писать до 1851 года, т. е. до появленія въ свѣтъ двухъ первыхъ его изданій: «Галерея Польскихъ Писателей» и «Русскій Солдатъ», подписанныхъ уже его настоящимъ именемъ. Съ-тѣхъ-поръ Аѳанасьевъ началъ выставлять подъ своими статьями и стихотвореніями попеременно то фамилію, то псевдонимъ, а съ 1853 года сталъ соединять фамилію съ псевдонимомъ, т. е. подписывался: Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Изъ многочисленныхъ его статей, которыя онъ печаталъ почти во всѣхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, можно указать на слѣдующія: «Словарь малорусскаго нарѣчія» («Изв. Имп. Акад. Наукъ», 1855, т. IV), «Безъименные типы» («Русскій Вѣстникъ», 1856, № 23), «Замѣтки о Малороссіи» («Экономическій Указатель» 1857, № 13) и, въ особенности, на собраніе мелкихъ его стихотвореній на малороссійскомъ языкѣ, изданныхъ имъ въ 1855 году, подъ заглавіемъ: «Що было на сердцѣ». Многія изъ нихъ отличаются неподдѣльнымъ чувствомъ, безъ чего не мыслимы малороссійскія пѣсни и думы. Въ 1856 году Аѳанасьевъ, вмѣстѣ съ другими нашими писателями — Островскимъ, Писемскимъ, Максимовымъ и Михайловымъ — былъ приглашонъ в. к. Константиномъ Николаевичемъ составить описаніе нравовъ, обычаевъ и занятій приморскихъ и прирѣчныхъ жителей Россіи. Аѳанасьевъ избралъ низовья Днѣпра, какъ предѣлы болѣе ему извѣстные. Плодомъ его дѣятельности во время этой поѣздки былъ цѣлый рядъ статей, помѣщавшихся въ «Морскомъ Сборникѣ» въ теченіе 1856—1860 годовъ и вышедшихъ потомъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ южную Россію» (Спб. 1861).

Е. П. ГРЕБЕНКѢ.

Скажи мнѣ всю правду, мой добрый, мой милый,
Что съ сердцемъ мнѣ дѣлать, когда заболитъ,
Застонетъ, забьётся съ удвоенной силой
И станетъ безъ устали плакать и ныть?

Когда неисходное горе по волѣ,
Какъ тернъ, тебѣ сердце въ куски изорветъ,
И ты, какъ сухое перекати-поле,
Не знаешь куда тебя вѣтеръ несетъ?

Увы! ты отвѣтишь: скосивши былинку —
Хотя бъ ее сто разъ ты поливъ водой —
Не цвѣсть ей ужь болѣ: люби сиротинку,
А ей не видать ни отца, ни родной.

Вотъ такъ и на свѣтѣ! кто рано почуетъ,
Какъ сердце рыдаетъ, какъ сердце болитъ,
Тотъ рано заплачетъ... А доля плутуетъ —
Поманитъ, поманитъ и прочь улетитъ.

Ужели утерпишь — какъ ясное солнце
Взойдетъ и заблещетъ для міра всего
И въ очи заглянетъ къ тебѣ сквозь оконце?
Ослѣпнешь, а будешь глядѣть на него.

Н. Гербель.

П. А. КУЛИШЪ.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ родился въ 1819 году, въ мѣстечкѣ Воронежѣ, Черниговской губерніи, Глуховского уѣзда. По окончаніи курса въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи онъ намѣревался поступить въ только-что открытый тогда университетъ Св. Владиміра, дл

чего и прибылъ въ Кіевъ, но скудость средствъ побудила его отказаться отъ этой мысли и принять должность учителя уѣзднаго училища, сначала въ Луцкѣ, а потомъ въ Ровнѣ. Здѣсь Кулишъ задумалъ и написалъ свой первый романъ «Михайло Чернышенко», который и былъ отпечатанъ въ Кіевѣ въ 1843 году. Въ 1845 году онъ поѣхалъ-было за границу, но въ Варшавѣ былъ арестованъ, за статью «Повѣсть объ украинскомъ народѣ», напечатанную въ дѣтскомъ журналѣ «Звѣздочка», и отправленъ въ Тулу на службу, гдѣ пробылъ три года. Затѣмъ, по переселеніи въ Петербургъ въ 1855 году, онъ напечаталъ въ «Современникѣ» «Записки о жизни Гоголя» и нѣсколько повѣстей и издалъ «Записки о Южной Руси», въ двухъ частяхъ, романъ «Чорная Рада», «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ», альманахъ «Хата», четыре тома своихъ «Повѣстей» и нѣсколько книжекъ на малорусскомъ языкѣ, по части народнаго образованія. Кромѣ того, онъ издалъ «Сочиненія и письма Н. В. Гоголя» (6 томовъ), «Повѣсти Григорія Квитки» (2 тома) и «Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ Василія Гречулевича». Съ появленіемъ, въ началѣ 1861 года, въ Петербургѣ первыхъ нумеровъ малороссійскаго журнала «Основа», Кулишъ посвятилъ ей всю свою дѣятельность, наполняя чуть не на половину каждую изъ ея книжекъ своими историческими, этнографическими и критическими статьями, повѣстями, всякаго рода замѣтками, поэмами и мелкими стихотвореніями. Послѣднимъ изданіемъ Кулиша — было собраніе его малороссійскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Досвитки». Въ настоящее время Кулишъ живетъ въ Малороссіи, въ Борзенскомъ уѣздѣ.

ЗЕМЛЯЧКѢ.

Ты не пой мнѣ на чужбинѣ
Объ Украйнѣ милой!
Не буди воспоминаній
Ты съ такою силой!

Пѣснь твоя мой духъ уноситъ
Въ край тотъ — къ той святынѣ,
Гдѣ любилъ я чудо-очи
И люблю по-нынѣ.

До суда живыхъ и мертвыхъ
Ихъ я не забуду!
Той любовью передъ Богомъ
Похвалятся буду!

Любятъ люди пышный цвѣтикъ,
Любятъ — и срываютъ,
И, сорвавъ, красой, какъ дѣти
Мотылькомъ, играютъ.

Какъ ребенка мать родная,
Такъ люблю тебя я...
За любовь мою отплаты
Я не вымогаю...

За любовь мою сторицей
Сердце заплатило:
Путь мой темный и печальный
Свѣтомъ озарило.

Озарило — тайну слова
Жгучаго открыло...
О, не даромъ это сердце
Билось и любило!

Н. Гербель.

—

Л. И. ГЛѢБОВЪ.

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ родился въ 1832 году. Онъ началъ свое воспитаніе въ Полтавской гимназіи, а окончилъ въ Лицеѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, оттуда выпущенъ въ 1855 году, съ чиномъ 14 класса. Первое время, по выходѣ изъ Лицея, Глѣбовъ занималъ мѣсто учителя исторіи и географіи въ Черноостровскомъ (Каменецъ-Подольской губерніи) дворянскомъ училищѣ, но вскорѣ оставилъ это мѣсто и переѣхалъ на жительство въ Черниговъ. Здѣсь, въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ издавалъ газету, собравшую около него кружокъ людей, горячо сочувствовавшихъ новымъ реформамъ. Литературныя свои занятія Глѣбовъ началъ очень рано; именно, еще будучи воспитанникомъ Полтавской гимназіи, онъ издалъ въ 1847 году небольшой томикъ своихъ стихотвореній. Затѣмъ, въ «Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1853 — 1856 годовъ было напечатано 27 его басенъ на малороссійскомъ языкѣ, а въ «Основѣ» цѣлый рядъ малороссійскихъ стихотвореній въ разныхъ родахъ.

ПѢСНЯ.

Мчится голубь въ поднебесьи,
Отдыху не знаетъ;
Долы, горы и дубравы
На̀ вѣкъ покидаетъ.

Ни сады въ цвѣту весеннемъ,
Ни лѣса густые
Не влекутъ на мирный отдыхъ
Силы молодыя.

Отдыхаетъ козачина;
Конь пасется рядомъ...
И сказалъ онъ, голубочка
Провожая взглядомъ:

«Ой, куда ты, сизокрылый,
Очи устремляешь?
Ой, зачѣмъ лѣса и долы
На̀ вѣкъ покидаешь?

«Аль тебѣ, мой голубь сизый,
Нѣкого голубить?
Аль ни кто на цѣломъ свѣтѣ
И тебя не любитъ?

«Если такъ — спустись на землю,
Отдохни со мною,
И потомъ въ иное полѣ
Полетимъ съ тобою.

«За горами, за лѣсами,
На иномъ на полѣ
Попытаемъ — не найдемъ ли
Мы счастливой доли.

«Мы найдемъ, мой голубочекъ,
Темныя дубровы,
И луга въ цвѣтахъ душистыхъ
И собольи брови.

«Мы найдемъ тамъ — мы увидимъ
Ясную зорницу:
Мы найдемъ тамъ и голубку,
И красу-дѣвицу.

«Сизокрылая голубка
Друга приголубитъ,
А красавица-дѣвица
Козака полюбитъ!»

Н. Гербель.

ЩОГОЛЕВЪ.

Подъ этимъ именемъ было напечатано нѣсколько стихотвореній, въ 1859—1861 годахъ, въ журналахъ «Народное Чтеніе» и «Основа».

ПѢСНЯ.

Охъ, былъ конь и у меня —
Весь изъ по̀лымя-огня,
Были сабля и винтовка
И колдунья-чернобровка.

Турокъ бо̀рзаго словилъ,
Ляхъ мнѣ саблю иззубрилъ,
И винтовка изломалась,
И колдунья отчуралась.

По буджацкимъ по степямъ
Путь козацкимъ бунчукамъ,
А мнѣ путь одинъ — съ сохою
По-надъ нивою сухою.

Гей, гей, гей, волъ чорный мой!
Долго намъ пахать съ тобой...
Вѣтеръ вѣетъ-повѣваетъ;
Котелочекъ закипаетъ...

Кто бъ меня повеселилъ —
Хлѣбъ-соль вмѣстѣ раздѣлилъ?
Ой, кто въ полѣ — покажися!
Кто въ дубровѣ — отзовися!

Никого! Въ дубровѣ гулъ;
Мѣсяцъ въ облачко нырнулъ;
Вѣтеръ вѣетъ-повѣваетъ;
Котелочекъ простываетъ...

Л. Мей.

ЧЕРВОННОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ общемъ стремленіи славянскихъ народностей къ развитію и Галицко-Угорская Русь заявила въ новѣйшее время свою духовную жизнь литературными произведеніями на родномъ языкѣ, а съ 1848 года и русскіе Галичины и Угріи (Венгріи) получили оффиціальное признаніе среди австрійскихъ славянъ и право на равноправность съ другими народностями многоплеменной Австріи. Съ-той-поры придается и русскимъ кой-какое значеніе въ политико-административномъ устройствѣ области, а мѣстные политики кладутъ и русскій народъ въ Галичинѣ на вѣсы своихъ политическихъ комбинацій и грёзъ. Не такъ было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. До 1848 года никто не заботился о Галичинѣ; страна, обитаемая русскими, считалась, на равнѣ съ другими, австрійской провинціей — королевствомъ Галиціей и Ладомеріей — съ главнымъ городомъ Лембергомъ, и даже спеціалисты такъ мало знали о народѣ, его судьбахъ и жизни, что покойный Шафарикъ не обинуясь могъ сказать въ 1826 году, что русскій элементъ въ восточной Галичинѣ, Буковинѣ и сѣверной Угріи остается еще въ лингвистическомъ и историческомъ отношеніи — неизвѣстной страной *).

Между-тѣмъ, земли населяемыя русскими въ Галичинѣ, сѣверовосточной Угріи и Буковинѣ занимаютъ по обѣимъ покатостямъ Карпатскаго погорья и прилежащимъ равнинамъ пространство безъ малаго въ 1500 квадратныхъ миль, то-есть почти восьмую часть Австро-Угорской имперіи; народонаселенія же русскаго въ этихъ земляхъ, живущаго сплошной массой, считается слишкомъ 3,600,000 душъ, такъ-что русскіе занимаютъ своею численностію послѣ чеховъ второе мѣсто между славянскими племенами Австріи. Въ отношеніи географическаго положенія, водной системы и климатическихъ свойствъ, Галичина и Буковина лежатъ на границѣ горныхъ земель или погорья, занимающаго всю область средней Европы. Сюда примыкаютъ съ сѣвера холодныя, топкія равнины, съ покатостью къ Балтійскому морю, имѣющія характеръ сходный съ низменностію сѣверо-востока Европы, а съ востока и юга прикасаются степи съ покатостью къ Чорному морю, составляющія переходъ отъ европейскихъ равнинъ къ азіятскимъ степямъ. Слѣдовательно здѣсь соприкасаются между собою страны: горная, низменная и степная. Конечно это положеніе имѣло вліяніе на этнографическія свойства и на самый ходъ исторіи страны. При этомъ надо прибавить, что климатъ Галичины, относительно, суровый, но здоровый, почва плодородная, способная къ произрастанію всякого зернового хлѣба и фруктовыхъ деревъ, земля богата лѣсами и пастбищами и изобильна необходимѣйшими минералами, преимущественно солью. Народъ обладаетъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, бодръ и способенъ къ раз-

*) Die Russnakei in Galizien, Bukovina und Nord Ungarn ist in sprachlicher und historischer Hinsicht noch eine — *terra incognita*. (J. P. Schafarik, «Geschichte der slavische Sprache und Literatur», Ofen, 1826, стр. 141.)

витію и образованію; притомъ онъ нрава тихаго, добродушенъ и исполненъ глубоко-поэтическаго настроенія духа, что свидѣтельствуется множествомъ народныхъ пѣсенъ всякого рода и преданіями старины. Жители этой страны носятъ названіе *русскихъ* (руснновъ или русняковъ) и хранятъ въ цѣломъ своемъ житьѣ-бытьѣ печать родового и племенного единства. Они издревле исповѣдывали православіе и только въ половинѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій совращены были въ уніатство, за исключеніемъ 180,000 душъ въ Буковинѣ, которые, подъ защитой Молдавіи, остались вѣрны православію.

Русская народность вмѣстѣ съ русскимъ православіемъ привилась и образовалась въ Галичинѣ еще въ древнія времена равноапостольнаго князя Владиміра и окрѣпла подъ правленіемъ собственныхъ князей своихъ, сперва — Ростиславичей, а затѣмъ Ярослава Осмомысла, Романа, Даніила и Льва, когда, по словамъ пѣвца «Слова о полку Игоря», Угорскія горы подпирались желѣзными полками доблестныхъ князей русскихъ. Исторія Червонной Руси исполнена многихъ свѣтлыхъ страницъ, дополняющихъ дѣянія древней Руси. Ея князья доблестно отстаивали этотъ порубежный уголъ Русской Земли отъ посягательствъ сосѣднихъ поляковъ и мадьяръ. Впрочемъ, какова бы ни была судьба Галицкой Руси во время ея самостоятельности, во всякомъ случаѣ страна жила своей собственной жизнью, безъ чуждаго наноса, имѣла своихъ русскихъ князей и владыкъ и исповѣдывала свободно православную вѣру своихъ отцовъ. Этотъ періодъ народнаго быта, продолжавшійся около четырехъ столѣтій, живетъ до-сихъ-поръ въ памяти народа и составляетъ главную канву его пѣсенъ и преданій. Первоначальное устройство Галицкой Руси въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ представляло столько общихъ чертъ національности Русской Земли, что въ этотъ періодъ не можетъ быть и рѣчи объ особой галицко-русской народности или галицкой письменности. Ни самостоятельное, независимое положеніе Галицкаго княжества, ни географическое обособленіе на рубежѣ Русской Земли, ни посторонняя вліянія сосѣдей не могли разъединить ее съ остальной Русью. Червонная Русь соединена была съ ней общимъ ходомъ правленія, общей іерархіей духовной, общею славяно-русскою письменностію, общимъ русскимъ языкомъ и общими національными преданіями.

Съ половины XIV вѣка все измѣнилось. Разслабленное внутренними смутами и татарскимъ нашествіемъ, Галицкое княжество не могло долѣе оставаться независимымъ. Польскій король Казиміръ, воспользовавшись пресѣченіемъ князей Рюрикова дома, завладѣлъ древне-русскими городами Перемышлемъ, Львовомъ, Галичемъ и другими и утвердилъ власть Польши во всей Землѣ Галицкой. Поляки отмѣнили прежнія законы и прежнее устройство княжества. Подавляемая польскимъ вліяніемъ, Галицкая Русь навсегда потеряла свою автономію въ управленіи и въ общественной жизни; польскій языкъ, польскіе обычаи, польская образованность смѣнили русскую жизнь — сперва между боярами, совращенными въ католичество, а затѣмъ и въ среднемъ сословіи. Начался второй періодъ въ исторіи Галицкой Руси — періодъ польскаго владычества и католическо-шляхетскаго гнёта. И этотъ гнётъ былъ въ Галичинѣ гораздо тяжеле, чѣмъ въ другихъ областяхъ южной и югозападной Руси, которыя, подчинившись литовско-русскимъ князьямъ, уже затѣмъ присоединились къ Польшѣ на извѣстныхъ условіяхъ и взаимныхъ соглашеніяхъ. Напротивъ того, перемышльская и галицкая земли считались завоеваннымъ краемъ, и польскій король, именуя себя haeres et dominus Russiae, распоряжался въ ней какъ самодержавный властитель. На томъ же основаніи, при самомъ началѣ утвержденія поляковъ въ Галичинѣ, введены были польскіе законы и латинскій и польскій языки въ администрацію и судопроизводство, между-тѣмъ какъ литовско-русскія области управлялись своимъ статутомъ и русскій языкъ признавался правительственнымъ языкомъ. Русская львовская епархія была оставлена вакантною и подчинена особымъ намѣстникамъ (нерѣдко мірскимъ людямъ или римско-католическимъ архіепископамъ); города и мѣстечки были отданы на жертву евреямъ. Политическое положеніе и общественныя отношенія повліяли на русскую народность и письменность: русскій языкъ сталъ языкомъ подчиненнымъ и, мало-по-малу, былъ вытѣсненъ изъ боярскихъ дворовъ въ сельскія хаты, такъ-что первоначальныя черты русскаго характера, обычаевъ, языка, поэзіи и преданій сохранялись только въ простомъ народѣ, то-есть въ низшемъ классѣ, который не имѣлъ голоса ни въ политической, ни въ общественной жизни.

Не смотря на все это, сельское населеніе осталось вѣрнымъ русской народности. На всемъ

пространствѣ своей земли оно называетъ свою страну Русью, себя — народомъ русскимъ, свою вѣру — русскою. Имя Руси до того неотъемлемо отъ Галицкой Земли, что даже польская администрація называла ее не иначе, какъ Червонною Русью или просто Русью. Галичане никогда не прерывали своихъ сношеній со смежными русскими областями и участвовали во всей духовной и литературной дѣятельности южной и югозападной Руси; они участвовали въ составленіи тѣхъ схоластическихъ сочиненій, въ стихахъ и въ прозѣ, которыя заключали въ себѣ литературу другихъ странъ Малой и Бѣлой Руси. Львовское Ставропигіальное братство сдѣлалось, съ конца XVI столѣтія, такимъ же центромъ православно-русскаго образованія и литературной дѣятельности, какими были Острожская и затѣмъ Кіевская академіи. Памва Берында, Лаврентій Зизаній, Іовъ Борецкій и другіе равно дѣйствовали въ пользу русскаго православія какъ въ Кіевѣ и въ Вильнѣ, такъ и во Львовѣ.

Въ теченіе этого періода (1350—1772) Галицкая Русь не въ силахъ была произвести ни одного сочиненія, которое было бы истиннымъ выраженіемъ самостоятельной мысли и народной жизни. Самъ языкъ, потерявъ свою первоначальную чистоту въ книжномъ употребленіи, подвергся вліянію церковнаго и польскаго языковъ, въ слѣдствіе чего потерялъ самую возможность проявлять настоящія народныя формы въ изящномъ видѣ. Единственнымъ выраженіемъ народной жизни и народнаго духа оставались народныя пѣсни и преданія, никѣмъ не замѣчаемыя, никѣмъ не собираемыя, какъ и самъ народъ среди схоластической учоности остался единственнымъ хранителемъ и блюстителемъ родного языка. Но, несмотря на всю свою твердость, подавляемый тройнымъ гнётомъ—польщизны, католичества и жидовства—галицкій народъ не могъ добиться не только правъ народныхъ, но и человѣческихъ.

Въ такомъ состояніи перешла Галицкая или Червонная Русь подъ владычество Австріи. Рухнуло дряхлое зданіе шляхетско-польской республики, терзаемой домашней неурядицей и католическимъ фанатизмомъ. Развалины Польши подѣлены были новыми границами и вмѣсто привилегированной шляхетско-польской націи явились народы, исконные обитатели земли. И Галицкая Русь появилась изъ-подъ этихъ развалинъ. Австрія пріобрѣла Галицію на основаніи какихъ-то мнимыхъ правъ угорской короны на бывшія Галицкое и Владимірское княжества; но она приняла галицко-перемышльскую землю не въ качествѣ русской области съ живучею и развитой народностью, а въ видѣ полупольской провинціи, въ которой русскій народъ былъ порабощенъ, униженъ, задавленъ и едва подавалъ признаки жизни. По тогдашнему понятію, русскіе, не имѣя дворянства — не имѣли представителей и защитниковъ народныхъ правъ и интересовъ. Актъ раздѣла Польши и подданства австрійскому государю подписали одни поляки, такъ-какъ о русскихъ вельможахъ и боярахъ въ Галичинѣ уже и помину не было. Въ ту пору не было ни богатыхъ горожанъ, ни промышленниковъ; промыслы и ремесла стояли на низкой степени, а вся торговля находилась въ рукахъ евреевъ. Что же касается крестьянъ, то они по большей части находились въ крѣпостной зависимости — бѣдные, загнанные, неразвитые.

Не смотря на то̀, нѣмцы замѣтили русскую народность въ новопріобрѣтенномъ краѣ и умѣли воспользоваться ею для обезпеченія своей власти. Австрійское правительство оказало покровительство попранному русскому народу, особенно духовному сословію, имѣвшему большое вліяніе на народъ. Австрійскіе законы и административные порядки оказались многимъ лучше прежняго польскаго хозяйства: за крестьяниномъ признана была личная свобода и право владѣнія; дѣтямъ крестьянскаго сословія открытъ доступъ въ общественныя школы, даже въ университетъ. Въ австрійскихъ школахъ сынъ крестьянина (хлопа) или священника (поповичъ) пользовался такими же правами и преимуществами какъ и шляхтичъ. Въ гражданскую службу принимались люди изъ всякого сословія, коль скоро они окончили съ хорошимъ успѣхомъ установленный курсъ наукъ. Образованные дѣти русскаго духовенства, а также молодые люди изъ мѣщанъ и крестьянъ оказались для правительства болѣе пригодными для службы, чѣмъ польскіе шляхтичи, вѣчно мечтавшіе объ *отбудованіи ойчизны* и возвращеніи прежней воли. Значеніе русскаго духовенства возвысилось тѣмъ, что его въ гражданскихъ дѣлахъ признали подсуднымъ дворянской палатѣ наравнѣ съ римско-католическимъ. Съ 1783 года была учреждена первая духовная семинарія и введено преподаваніе философскихъ и богословскихъ наукъ на русскомъ языкѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ чтеніе этихъ двухъ предме.

товъ, раздѣленныхъ на два курса, было перенесено во Львовскій университетъ. Русская интеллигенція сильно развилась. Русскіе галичане образовали столько докторовъ богословія, что были въ состояніи замѣстить ими каѳедры въ богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета, на которыхъ преподаваніе велось не только на русскомъ, но и на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Съ 1787 года философскіе и физико-математическіе предметы въ Львовскомъ университетѣ также стали преподаваться двумя профессорами изъ Угорской Руси на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Юридическій факультетъ тоже имѣлъ одного преподавателя, читавшаго на русскомъ языкѣ.

Впрочемъ, это успѣшное развитіе книжнаго образованія продолжалось не долго и не принесло русской народности ожидаемыхъ плодовъ, такъ-какъ австрійскія власти, повидимому, поддерживали русскую народность въ Галиціи для того только, чтобы противодѣйствовать стремленію польскаго элемента къ Варшавѣ. Какъ скоро, послѣ второго раздѣла Польши, этотъ центръ очутился въ рукахъ Пруссіи и имя Польши вычеркнуто было изъ карты Европы, австрійцы отвернулись отъ русскихъ, и затѣмъ, вмѣстѣ съ поляками, стали подавлять русскую народность. Русскія каѳедры были упразднены и замѣнены латинскими и польскими; профессора вышли въ отставку. Заслуженный профессоръ Петръ Дмитріевичъ Лодій эмигрировалъ въ Россію и съ 1805 года принялъ должность профессора въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Вся надежда на возрожденіе русской народности исчезла.

Впрочемъ, были и другія причины малаго успѣха русской письменности подъ австрійскимъ владычествомъ. Во-первыхъ, Галицкая Русь, очутившись подъ австрійскимъ правительствомъ, была оторвана отъ общей русской жизни. Послѣ присоединенія смежныхъ областей—Волыни, Подолья и Украйны—къ Россіи и православію, уніатская Галичина осталась одинокою, какъ вѣтвь отторгнутая отъ своего роднoго корня и насильно посаженная въ чужую почву. По этой причинѣ, очевидно, и науки, преподаваемыя въ школахъ, не были плодотворны для русской литературы и народнаго образованія. Да и молодежь не получала надлежащей подготовки на родномъ языкѣ въ низшихъ училищахъ, такъ-какъ тогдашнія училища служили только къ распространенію нѣмецкаго языка. Наконецъ, польское общество, особенно духовенство, съ завистію смотрѣло на русскія школы и всякими средствами старалось чернить и унижать какъ преподавателей, такъ и слушателей предъ лицомъ общественнаго мнѣнія. Послѣ политическаго поворота австрійскаго правительства, эта завистливость превратилась въ полную ненависть и явное гоненіе всего, что называлось русскимъ. Самыя слова: *Русь, русскій языкъ* сдѣлались предосудительными, и нѣмцы замѣнили ихъ словами: *Рутенія, рутенскій* (русинскій) *языкъ*. При всѣхъ усиліяхъ патріотовъ, просвѣщеніе русскаго народа не подвинулось ни на шагъ впередъ. Ихъ старанія принесли ту единственно пользу, что подготовили новое поколѣніе поборниковъ и защитниковъ русскаго народа и русской вѣры *).

Русскіе передовые люди пытались нѣсколько разъ водворить русскій языкъ въ народныхъ школахъ, чтобы вывести народъ изъ его нравственной апатіи, развить и скрѣпить русскую народность и спасти ее отъ посягательствъ полонизма и католичества, но они встрѣчали непреодолимыя препятствія въ польскомъ обществѣ, католическомъ духовенствѣ и нѣмецкой бюрократіи. Митрополитъ Михаилъ Левицкій сдѣлалъ представленіе о необходимости введенія русскаго языка въ сельскія школы, но получилъ рѣшительный отказъ со стороны львовскаго губернскаго управленія, а въ отвѣтъ на горячій протестъ противъ сказаннаго рѣшенія, написанный каноникомъ Иваномъ Могильницкимъ, послѣдовала резолюція правительства (1816), въ которой было сказано, что, по политическимъ причинамъ, не слѣдуетъ поддерживать галицко-русскій языкъ, такъ-какъ онъ ничто иное какъ говоръ русскаго языка.

Такимъ образомъ, галичане, лишонные школъ и всякихъ средствъ къ обработкѣ родного языка, обречены были на пассивное созерцаніе окружавшихъ ихъ событій, переворотовъ въ мнѣніяхъ и вкусахъ, споровъ такъ-называемыхъ классиковъ съ романтиками и разныхъ толковъ о народности и народной литературѣ. Законы, литература, обычаи, вкусъ — все окружающее образованнаго русскаго галичанина было чуждо его народности: все было иностранное. Но среди того омута чужеземщины самая живучесть народности, оригинальныя особенности, богатство преданій и поэтическое творчество народа не допустили подавить и стереть народныхъ особенностей, а побуждали

*) «Науковый Сборникъ», изд. Обществомъ Галицко-Русской Матицы. Львовъ, 1865, стр. 1—103.

къ возрожденію и вызывали къ обновленію народной письменности. Наконецъ, хотя съ трудомъ, удалось добиться согласія правительства на введеніе русской грамоты въ низшія народныя училища, причемъ было издано нѣсколько книжекъ на народномъ языкѣ, для обученія крестьянскихъ дѣтей.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ польскіе учоные, разсуждая о народной поэзіи, обратили вниманіе на русскія пѣсни въ Галичинѣ, а Ходаковскій, Вацлавъ Залѣскій и другіе стали явно предпочитать русскія народныя пѣсни своимъ собственнымъ, которыя и по содержанію и по формѣ стоятъ далеко ниже галицкихъ. Это обстоятельство еще болѣе ободрило и поощрило молодыхъ людей и дало имъ новыя силы къ самостоятельной обработкѣ народнаго нарѣчія. Народныя пѣсни и «Энеида» Котляревскаго представили примѣръ и готовыя формы поэзіи. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ русскіе въ Галичинѣ владѣли польскимъ языкомъ гораздо свободнѣе, чѣмъ своимъ собственнымъ и потому успѣхи ихъ на литературномъ поприщѣ могли быть и лучше и обширнѣе, если бы они стали писать по-польски; но писать на этомъ языкѣ значило бы вступить въ ряды польской литературы, польской духовной жизни, отказаться отъ права на самостоятельность и сдѣлать свой народъ составною частью польской народности. Одна мысль о томъ уже казалась обидною и даже преступною для молодыхъ дѣятелей: это значило бы отказаться на всегда отъ развитія родной рѣчи. Къ тому же, польская революція 1830 года показала всю противуположность стремленій и интересовъ Польши и Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ показала всю необходимость противупоставить русскій языкъ и русскую литературу польскому языку и польской литературѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ составился между русскими студентами Львовскаго университета небольшой кружокъ, съ цѣлью возрожденія галицко-русской литературы. Къ этому кружку примкнулъ и пишущій эти строки — и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ его руководителей. Пятнадцати-милліонный малорусскій народъ—разсуждали мы — достаточно отдѣляется отъ другихъ славянскихъ племенъ — не исключая и великорусскаго — языкомъ, нравами и другими особенностями и потому малорусское племя имѣетъ право на полное выраженіе своихъ народныхъ особенностей, то-есть на созданіе особой литературы. Примѣръ другихъ славянъ подкрѣплялъ насъ въ томъ мнѣніи, которое поддерживалъ такой авторитетъ, какъ Копитаръ, заявившій, что у славянъ каждое нарѣчіе должно образовать свою литературу, какъ у древнихъ грековъ, и съ бо́льшимъ правомъ чѣмъ у грековъ, которые, недостигая числа населенія одного изъ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій, образовали четыре эллинскихъ діалекта. Не смотря на наши скудныя знанія по части народнаго языка, мы начали писать на немъ стихи и статейки, съ твердою рѣшимостью создать галицко-русскую народную литературу. Затѣмъ, чтобы освятить задуманное дѣло чѣмъ-нибудь торжественнымъ, мы приняли славянскія имена, давъ себѣ честное слово подъ принятымъ именемъ писать и дѣйствовать на пользу народа и во имя возрожденія народной словесности. Явились: *Русланъ* (Маркіанъ) Шашкевичъ, *Даліборъ* (Иванъ) Вагилевичъ, *Ярославъ* (Яковъ) Головацкій, впослѣдствіи къ нимъ присоединились: *Велиміръ* Лопатынскій, *Мирославъ* Илькевичъ, *Богданъ* (Иванъ) Головацкій и другіе. Собравъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ и написавъ нѣсколько статеекъ въ стихахъ и прозѣ, вздумали мы, въ 1834 году, издать книжку, въ видѣ альманаха, подъ заглавіемъ «Заря», съ знаменательнымъ девизомъ: «Свѣти зоре на все поле, заколь мѣсяць зойде», а чтобы тѣмъ рѣзче отличить свое нарѣчіе отъ другихъ славянскихъ, по предложенію Шашкевича, принято было особое фонетическое правописаніе. Альманахъ предполагалось украсить изображеніемъ Богдана Хмельницкаго, на что получено было разрѣшеніе львовской цензуры. Съ рукописью было труднѣе. Такъ-какъ въ Галиціи не существовало въ то время цензора для русскихъ книгъ, то завязалась переписка съ полиціей, губернскимъ правленіемъ и центральнымъ вѣнскимъ правительствомъ. Толковали, разсуждали, разбирали, суетились и кончили, наконецъ, тѣмъ, что запретили печатаніе совершенно невинной книжонки строжайшимъ цензурнымъ приговоромъ. Этимъ роковымъ приговоромъ австрійское правительство не только запретило печатаніе безобидной книжки, но и осудило самое ее направленіе, въ слѣдствіе чего всѣ сочинители статей были поставлены подъ строгій полицейскій надзоръ. Мы увидѣли свое безвыходное положеніе, и, не желая оставаться подъ отеческимъ надзоромъ львовскаго правительства, разъѣхались въ разныя стороны. Вагилевичъ уѣхалъ къ своему отцу въ деревню, Шашкевичъ вступилъ въ духовную ака-

демію, а я, третій сотрудникъ, сгорая жаждою познакомиться съ славянами и славянскими литературами, отправился въ Кошицкую академію, а оттуда перешолъ въ Пештскій университетъ. Здѣсь я близко сошолся съ многими учоными словаками, сербами и хорватами, причемъ мы обмѣнялись нашими мнѣніями, желаніями и сѣтованіями о нашихъ общихъ нуждахъ. Мы, наконецъ, нашли тутъ, въ Венгріи, возможность напечатать (въ Будинѣ), въ 1837 году, сборникъ нашихъ сочиненій, подъ заглавіемъ «Русалка Днѣстровая», куда вошли почти всѣ статьи, находившіяся въ запрещенной «Зарѣ». Книжка была напечатана съ разрѣшенія угорской цензуры, но такъ-какъ въ тогдашнее время, касательно цензурныхъ постановленій, Угорщина считалась заграничной страной, то всѣ экземпляры «Русалки» должны были быть сданы въ львовскую цензуру. Тутъ повторилась прежняя исторія: начались придирки, слѣдствія, объясненія. По взаимному нашему соглашенію, Шашкевичъ и Вагилевичъ объявили, что они не принимали личнаго участія въ изданіи «Русалки»; я же принялъ всю вину на себя, причемъ объявилъ, что будучи въ Пештѣ въ университетѣ, я поручилъ рукопись моимъ друзьямъ-сербамъ передать ее въ тамошнюю цензуру и затѣмъ напечатать. Насъ, преступниковъ — хотя и не очень-то крупныхъ — помиловали; но надъ «Русалкою» былъ произнесенъ вторичный смертный приговоръ.

Между-тѣмъ мы, молодые друзья-товарищи, продолжали упражняться въ родномъ языкѣ, собирая народныя пѣсни и другія преданія. Мой сборникъ народныхъ пѣсенъ, съ помощью друзей, умножился до того количества, которое онъ теперь занимаетъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ».

Запрещеніемъ «Русалки» австрійское правительство въ третій разъ уничтожало усилія галичанъ возсоздать русскую словесность. Тѣмъ не менѣе народная жизнь проявлялась, но лишь одиночными литературными произведеніями. Іосифъ Левицкій переводилъ разныя баллады Гёте и Шиллера и печаталъ ихъ въ Перемышлѣ (1838—1844); Илькевичъ издавалъ свои «Галицкія народныя пословицы и загадки» (Вѣна, 1841); появилось нѣсколько грамматикъ: Левицкаго (Перемышль, 1836 — на нѣмецкомъ и 1845 — на русскомъ языкѣ), Вагилевича (Львовъ, 1845) и Іосифа Лозинскаго (Перемышль, 1841); издано было нѣсколько сборниковъ народныхъ пѣсенъ: Вацлава Залѣскаго (1833), Жеготы Паули (1839—1840) и Лозинскаго (1835). Лозинскій предложилъ-было замѣну русскаго алфавита латинскимъ, но эта мысль, поддерживаемая поляками, была побѣдоносно опровергнута статьями Левицкаго и Шашкевича, что побудило самого Лозинскаго отказаться отъ своего проэкта въ пользу кириллицы. Но этимъ исчерпывается литературная дѣятельность русскихъ галичанъ до 1848 года.

Насталъ 1848 годъ: 7 (19) марта провозглашена была во всей Австріи конституція, а 3 (15) мая послѣдовало освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и провозглашена равноправность и полная свобода для всѣхъ народностей, населяющихъ имперію. Русскіе, почувствовавъ себя освобожденными отъ долголѣтняго рабства, стали сбираться съ силами и напрягать ихъ, чтобы не остаться позади другихъ народностей и занять свое мѣсто.

Съ 1848 года стала выходить въ Львовѣ первая червонно-русская политическая газета «Зоря Галицка», взявшая на себя защиту правъ русскаго народа. Тогда же были устроены въ Львовѣ: политическій клубъ (Русская Рада), для посредничества между народомъ и правительствомъ, и литературное общество (Галицко-Русская Матица), а также учреждены: каѳедра русскаго языка и литературы въ Львовскомъ университетѣ и введено преподаваніе русскаго языка во всѣхъ гимназіяхъ восточной Галичины. Закипѣла небывалая дѣятельность, возникли новыя надежды. Каждый годъ стало выходить больше сочиненій, чѣмъ до того времени было издано въ продолженіе цѣлаго вѣка. До 1848 года русскіе довольствовались введеніемъ русскаго языка въ народныя школы и употребленіемъ его въ популярныхъ сочиненіяхъ и беллетристикѣ, такъ-какъ сами даже русскіе патріоты считали родное нарѣчіе пригоднымъ только какъ средство для преподаванія простому народу первоначальныхъ свѣдѣній; но послѣ провозглашенія равноправности стали для него требовать всѣхъ правъ развитаго языка — введенія его въ школахъ, въ судопроизводствѣ и въ общественной жизни. Конечно, русскіе не чувствовали въ себѣ достаточныхъ для этого силъ; но они расчитывали на поддержку правительства, разсуждая такъ: если поляки и мадьяры соединятся въ рьяной оппозиціи противъ правительства, то немногочисленные нѣмцы въ Галичинѣ и Угріи, не будучи въ силахъ одолѣть ихъ, будутъ всегда нуждаться въ пособіи предан-

ной правительству національности; слѣдовательно, они должны поддерживать русскихъ, если только русскіе съ своей стороны будутъ держать сторону правительства. И точно, до подавленія угорской революціи *русской арміей*, правительство поддерживало русскихъ галичанъ. Когда въ 1849 году поляки потребовали немедленнаго введенія польскаго языка въ школахъ, вмѣсто русскаго, и въ администраціи, вмѣсто нѣмецкаго, то нѣмцы не преминули признать, что русскій языкъ долженъ получить тѣ же самыя права, какъ польскій; но въ Вѣнѣ министры рѣшили иначе: «такъ-какъ русскій языкъ еще не вполнѣ развитъ (?) и русскіе не имѣютъ возможности занять всѣ должности, то пусть останется нѣмецкій языкъ, пока русскіе не составятъ учебниковъ и не подготовятъ людей способныхъ занять мѣста учителей и чиновниковъ.» Такимъ образомъ нѣмцы застраховали себѣ свои мѣста и заградили къ нимъ дорогу русскимъ. Между-тѣмъ русскіе галичане, застигнутые 1848 годомъ безъ подготовки въ своемъ языкѣ, полуграмотные, начали писать по-русски какъ попало, питаясь надеждой, что современемъ естественнымъ ходомъ выработается правильный письменный языкъ.

Передовые люди видѣли, что галицко-русская письменность должна слиться съ русскою, но немногіе дерзали выступить явно съ этимъ мнѣніемъ, боясь потерять довѣріе и поддержку правительства. Графъ Стадіонъ еще въ 1848 году сказалъ: «если галицко-русскій языкъ и *россійскій* одинъ и тотъ же, то мнѣ лучше поддерживать поляковъ.» Со времени назначенія графа Голуховскаго намѣстникомъ во Львовѣ, поляки тѣмъ усерднѣе начали противудѣйствовать русскому дѣлу. Уже въ 1849 году правительство противупоставило народному органу «Зарѣ» свою газету, которая сначала издавалась во Львовѣ, а съ 1850 года стала печататься въ Вѣнѣ кирилловскимъ шрифтомъ. Стѣснительныя мѣры правительства принудили русскихъ въ 1854 году закрыть русскій клубъ въ Львовѣ и превратить «Галицкую Зарю» изъ политической газеты въ литературный журналъ. Расчоты галичанъ, что поляки никогда не перестанутъ волновать Австрію, которая, не будучи въ состояніи одна подавить ихъ революціонныя вспышки, всегда будетъ нуждаться въ русскихъ галичанахъ, оказались неосновательными. Когда князь Шварценбергъ *удивилъ міръ австрійской неблагодарностью* и поляки стали на сторону Австріи противъ Россіи, то австрійскій патріотизмъ русскихъ галичанъ не могъ подавить внутренняго чувства и племенного сродства — и австрійцы убѣдились, что, въ случаѣ столкновенія съ Россіей, нельзя будетъ сдѣлать изъ русскихъ галичанъ покорное орудіе австрійской политики. Съ-тѣхъ-поръ правительство начало еще сильнѣе угнетать и оскорблять русскихъ — и безпрестанными обидами довело ихъ до полнаго отреченія отъ солидарности съ Австріею. Это выразилъ одинъ изъ передовыхъ галичанъ въ 1866 году (послѣ сраженія подъ Садовой), выступивъ въ «Словѣ» съ положеніемъ, что русскіе галичане и малоруссы одинъ и тотъ же народъ съ великороссіянами, что они составляютъ одну національность по происхожденію, по исторіи, по вѣрѣ, по языку и литературѣ; и никто не прекословилъ и не возражалъ ему, кромѣ заклятыхъ украйнофиловъ и поляковъ.

Впрочемъ, начало двухъ русскихъ народностей еще до-сихъ-поръ смущаетъ умы галицкихъ украйнофиловъ, которые, поддерживаемые поляками, сдѣлались политической партіей, враждебной Россіи. Еще въ 1848 году польская партія пыталась создать особый польско-русскій органъ и начала издавать «Ruskij Dnewnik», но, потерпѣвъ полное фіаско, разсѣялась, а прельщонный ею редакторъ, И. Вагилевичъ, предавшійся полякамъ, перешолъ въ протестантство, въ которомъ и умеръ. Послѣ того украйнофилы заявляли свою жизнь отъ времени до времени, среди игры политическихъ партій, изданіями, каковы: «Вечерницы» (1862 — 1863), «Мета» (1864 — 1865), «Нива» (1865), «Русь» (1866) и, наконецъ, «Основа» (1871). Нѣмцы и поляки на перерывъ стараются разными подложными теоріями затемнить здравый смыслъ народа въ его понятіяхъ объ единствѣ его съ Великою Русью въ исторіи, языкѣ и литературѣ, заманивая неопытныхъ въ сѣти малорусскаго, украинскаго и польско-русскаго партикуляризма. Еще въ недавнее время въ воображеніи издателей «Меты» мерещилась утопія самостоятельной *Хохландіи* и малорусской литературы. Есть, впрочемъ, люди, которые служатъ и нашимъ и вашимъ. Ксенофонтъ Климковичъ, бывшій издатель «Меты» и сотрудникъ органа Голуховскаго «Русь», отрекся-было въ 1867 году отъ украйнофильства и въ «Славянской Зарѣ» ревностно защищалъ русскіе принципы, а теперь опять предался извѣстному въ Галиціи дѣятелю Лавровскому и издаетъ полонофильскую «Основу». Люди предавшіеся врагамъ Руси, морочимые нѣмцами и поляками,

морочать самихъ себя и другихъ, а народу и наукѣ не въ состояніи, разумѣется, принести никакой пользы.

Разсудительные люди изъ галичанъ признаютъ одну русскую народность и одну русскую литературу. Изъ этой среды вышли лучшія сочиненія и изданія галицко-русской письменности, какъ-то: А. Петрушевича: «Историческія изслѣдованія», напечатанныя въ «Галицкомъ Историческомъ Сборникѣ» (1854—1860) и въ «Науковомъ Сборникѣ» (1865—1869); Д. Зубрицкаго: «Исторія Галицко-Русскаго Княжества» (1852—1854) и его же «Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ» (1855); Б. Дѣдицкаго: статьи и стихи въ «Галицкой Зарѣ» (1852—1855) и въ «Отечественномъ Сборникѣ» (1856—1857); его же «Конюшій», повѣсть въ стихахъ (1853) и «Буй-Туръ Всеволодъ», поэма, (1860); «Семейная Библіотека», журналъ, изд. Шеховичемъ (1855—1856); «Русская Анѳологія или выборъ лучшихъ поэзій» (1854); «Поэзіи Николая Устіановича» (1860); «Поэзіи Іоанна Гушалевича» (1861); его же «Цвѣты наддністрянской Левады» (1853) и мелодраммы: «Погоряне» и «Сельскіе пленипотенты» (1870); «Поэзіи Іосифа Федьковича» (1862); «Повѣсти и пѣсни Ивана Наумовича» (1861); «Гостина на Украинѣ», поэма Николая Лесѣкѣвича (1862) и его же «Спѣвакъ изъ Полѣсья» (1861) и прочее. По части исторіи слѣдуетъ указать на «Исторію Галицко-Владимірской Руси по 1453 годъ» (Львовъ, 1863) и «Изслѣдованія на полѣ отечественной исторіи и географіи» (1869) Исидора Шараньевича. Въ новѣйшее время защиту единства русскаго языка вела газета «Слово», но всего успѣшнѣе ратоборствовалъ въ этомъ направленіи Осипъ Николаевичъ Ливчакъ въ своемъ юмористическомъ изданіи «Страхопудъ», съ прибавленіемъ «Золотой Грамоты», и въ своемъ журналѣ «Славянская Заря», издававшемся въ Вѣнѣ въ 1867 и 1868 годахъ. Сюда принадлежатъ также изданія дѣятелей Угорской Руси: Александра Духновича, Іоанна Раковскаго и другихъ. Угорская Русь не соблазнялась ни партикуляризмомъ мѣстнаго нарѣчія, ни украйнофильствомъ, ни кулишовкой, а старалась употреблять чистый русскій языкъ. Назовемъ важнѣйшія изданія угорскихъ русскихъ; это: «Поздравленіе Русиновъ», альманахъ на годы 1851 и 1852; «Церковная Газета», изд. І. Раковскимъ (1856—1857); «Учитель» (1867); «Свѣтъ», литературная газета (1867—1871); русскія грамматики А. Духновича (1852), Кирилла Сабова (1865) и другихъ.

Наконецъ, есть въ Галичинѣ партія строго правительственная, партія лицъ по служебной зависимости или по убѣжденію — пытавшаяся образовать что-то среднее между простонароднымъ галицко-русскимъ нарѣчіемъ и письменнымъ русскимъ языкомъ. Это направленіе поддерживали австрійскіе чиновники Григорій Шашкевичъ и Юлій Вислободскій. Эти господа, по внушенію правительства, приняли письменный языкъ галицкій, такъ-сказать, подъ свой контроль, наблюдая, чтобы формы языка не выступали изъ круга провинціальнаго говора и чтобы по возможности различались даже правописаніемъ отъ общерусскаго языка. Они слѣдили за Зубрицкимъ, Духновичемъ, Дѣдицкимъ, Раковскимъ и другими и простерли свое усердіе до того, что въ 1859 году графъ Голуховскій, съ докторами Евсевіемъ Черкасскимъ и Іосифомъ Иречкомъ, покусились было уничтожить кирилловскія буквы и замѣнить ихъ латинскими. Правда, намѣренье это не устояло противъ единогласнаго протеста всего русскаго народа, но, тѣмъ не менѣе, оно произвело большое смущеніе въ обществѣ и опять затормозило правильный ходъ развитія литературы. Послѣ тяжолыхъ ударовъ и разочарованій, русскіе убѣдились, что имъ нельзя полагаться ни на Австрію, ни на поляковъ, что для нихъ нѣтъ спасенія ни въ австрійской федераціи, ни въ польской уніи. Только немногіе честолюбцы, какъ Лавровскій, примкнули къ украйнофиламъ; всѣ прочіе стоятъ за единство русскаго языка и русской литературы.

При такомъ хаотическомъ волненіи всякихъ элементовъ не удивительно, что плоды этой молодой литературы недоспѣваютъ, что въ пѣсняхъ галицкихъ поэтовъ часто слышатся фальшивые тоны, что вообще галицкіе писатели мало производительны, и направленіе ихъ нерѣдко сбивчивое, колеблющееся, зависящее отъ политическаго настроенія и разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Но во всякомъ случаѣ должно сказать, что въ настоящее время русская народность въ Галичинѣ проявляетъ нѣкоторую умственную и литературную жизнь; а не такъ давно и этого не было.

Я. Головацкій.

ЧЕРВОННОРУССКІЕ ПОЭТЫ.

М. ШАШКЕВИЧЪ.

Маркіанъ Шашкевичъ родился въ 1811 году въ селѣ Княжемъ, около Золочева, въ Галиціи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. По окончаніи гимназическаго курса, онъ вступилъ въ число студентовъ Львовскаго университета, въ которомъ въ короткое время хорошо ознакомился съ литературами латинской, нѣмецкой, польской и древне-славянской. Но все это не могло удовлетворить пытливаго духа Шашкевича, пока не попались ему въ руки «Энеида» Котляревскаго, «Украинскія пѣсни» Максимовича и «Малороссійская Грамматика» Павловскаго. Эта *находка* разомъ перевернула всѣ идеи Шашкевича и какъ бы открыла передъ нимъ новый міръ и указала ему новый путь. Онъ задумалъ создать галицкую словесность, для чего ревностно принялся за изученіе своего языка и исторіи русскаго народа; затѣмъ, сталъ собирать народныя пѣсни, изучать обычаи и обряды народа, разбирать старыя рукописи и другія памятники старины. Кромѣ того Шашкевичъ съумѣлъ повліять и на другихъ, вразумить и научить ихъ, такъ-что скоро вокругъ него образовался цѣлый кружокъ молодежи, горячо сочувствовавшей его идеи. Окончивъ курсъ философіи, Шашкевичъ вступилъ на богословскій факультетъ. Около этого времени появился въ печати его первый литературный трудъ: «Днѣстровая Русалка», отпечатанная на 1837 году въ Будинѣ. Затѣмъ, онъ издалъ «Читанку» для русскихъ народныхъ школъ. Но главнѣйшимъ призваніемъ Шашкевича была—поэзія, и потому два собранія его стихотвореній, изданныхъ имъ подъ названіемъ «Думки» и «Псалмы Руслановы», ставятся галичанами выше всего, написаннаго имъ въ теченіе своего литературнаго поприща. И дѣйствительно думы Шашкевича отличаются неподдѣльнымъ чувствомъ и глубокою грустью—этой отличительной чертой народной галицкой поэзіи. Многія изъ его пѣсенъ перешли въ народъ. Кромѣ того, онъ перевелъ на галицкій языкъ «Краледворскую рукопись», нѣсколько сербскихъ пѣсенъ и отрывки изъ польской поэмы Гощинскаго «Коневскій Замокъ». Шашкевичъ умеръ въ 1843 году.

ТОСКА ПО МИЛОЙ.

Вѣетъ вѣтеръ изъ-за лѣсу,
Вѣетъ легкокрылый;
Ты скажи мнѣ, тихій вѣтеръ,
Что съ моею милой?

Весела ль она, здорова ль,
Все ли розой рдѣетъ?
Или плачетъ и тоскуетъ,
Личико блѣднѣетъ?

Охъ, я сохну и тоскую,
Слёзы проливаю;
Схоронивъ свои надежды,
Радостей не знаю.

О, когда бы могъ я взвиться
Пташкой легкокрылой
И тоску мою развѣять
На груди у милой!

Я леталъ бы, я леталъ бы
Днемъ и середь ночи,
Чтобы вдоволь насмотрѣться
Въ дорогія очи.

Я леталъ бы, я леталъ бы
По утрамъ туманнымъ,
Чтобъ натѣшиться, любуясь
Личикомъ румянымъ.

Я леталъ бы, я леталъ бы
Темными ночами,
Чтобъ натѣшиться, упиться
Сладкими рѣчами.

Но Господь мнѣ не далъ крыльевъ —
Горе только знаю —
И я чахну на чужбинѣ,
Чахну, умираю.

Н. Гербель.

—

Н. УСТІАНОВИЧЪ.

Николай Устіановичъ родился въ 1811 году въ мѣстечкѣ Николаевѣ, Стрыйскаго округа, въ Галиціи. Образованіе свое онъ началъ въ гимназіи и окончилъ въ Львовскомъ университетѣ, гдѣ прослушалъ полный курсъ философскихъ и богословскихъ наукъ. Въ 1835 году онъ написалъ первое свое стихотвореніе: «Слеза на гробѣ Михаила барона Герасевича», извѣстнаго всѣмъ въ Галиціи русскаго патріота, претерпѣвшаго величайшія гоненія со стороны поляковъ. Въ 1849 году онъ издавалъ въ Львовѣ единственный въ то время во всей Галицкой Руси политическій журналъ «Вѣстникъ», по запрещеніи котораго онъ оставилъ Львовъ и поселился снова въ своемъ приходѣ, селѣ Славскѣ, откуда сталъ высылать свои статьи и стихотворенія въ разныя повременныя изданія Галицкой Руси. I-я часть его поэтическихъ произведеній вышла въ Львовѣ, въ 1860 году, подъ заглавіемъ: «Поэзіи Николая Устіановича»; остальныя его стихотворенія остаются разбросанными по разнымъ сборникамъ и періодическимъ изданіямъ, хотя они, быть-можетъ, болѣе чѣмъ всѣ остальныя произведенія галицкой поэзіи, заслуживаютъ полнаго изданія. Многія изъ пѣсенъ Устіановича вошли въ народъ, въ томъ числѣ и тѣ двѣ, которыя помѣщены въ нашемъ изданіи.

I.

ДУМА.

Младенецъ спитъ, какъ божій день прекрасенъ,
Какъ лебедь чистъ, какъ зорька свѣжъ и ясенъ;
Въ его глазахъ — родныя небеса,
Въ щекахъ — садовъ полуденныхъ краса,
На гладкомъ лбѣ — печать ума и силы,
А въ сердцѣ — все, что только сердцу мило.

Склонясь надъ нимъ, сидитъ руснячка-мать:
По злой тоскѣ легко ее узнать;
Склонясь надъ нимъ, какъ бѣлый стволъ берёзы,
Она роняетъ пламенныя слёзы
И нашу пѣсню русскую въ тиши —
Знакомый вопль тоскующей души —
Надъ дремлющимъ младенцемъ напѣваетъ
И словно тѣмъ отраду навѣваетъ.

Несчастная, тоскующая мать!
Зачѣмъ такія пѣсни распѣвать:
Вѣдь наша пѣснь есть гробъ и запустѣнье,
А наша рѣчь — и срамъ и поношенье,
Родное сердце — вѣчная борьба,
А скорбь нѣмая — русская судьба.

Кто знаетъ, можетъ чистый твой птенецъ
Когда-нибудь проснется наконецъ,
Вздохнетъ, зальётся горькими слезами
И думою подѣлится съ вѣтрами:
«Ахъ, лучше бъ русской пѣсни мнѣ не знать,
Не вѣдать сердца, доли не пытать!»

Н. Гербель.

II.

ОСЕНЬ.

Пусто, глухо въ чистомъ полѣ,
Листья пожелтѣли,
Пышный цвѣтъ обили вѣтры,
Птицы улетѣли.

Тучи чорныя на землю
Налегли тѣнями;
Непроглядные туманы
Говорятъ съ вѣтрами.

На горѣ калина долу
Вѣтви нагибаетъ;

Надъ Днѣстромъ душа-дѣвица
Слёзы проливаетъ.

Ты чего, калина, тужишь,
Вѣтви нагибаешь?
Ты чего, душа-дѣвица,
Слёзы проливаешь?

Аль краса твоя пропала?
Доля позабыла?
Нѣтъ родимой? аль колдунья
Такъ приворожила?

«Нѣтъ, краса моя со мною;
Доля не забыла;
Есть родная, и колдунья
Мнѣ не ворожила.

«Жаль весны мнѣ, что такъ скоро
Отцвѣла — пропала:
Нѣтъ того, кого любила,
Жарко цаловала!»

Н. Гербель.

А. МОГИЛЬНИЦКІЙ.

Антонъ Могильницкій родился въ 1811 году въ Подгорицахъ, Стрыйскаго округа, въ Галиціи. По окончаніи гимназическаго курса у базиліанъ въ Бучачѣ, онъ прослушалъ курсъ философіи и богословія въ Кошицахъ и Львовѣ, послѣ чего былъ рукоположонъ въ священники. Онъ написалъ нѣсколько думъ, эпическую поэму «Скитъ Маліявскій», «Повѣсть стараго Савы изъ Подгорья» и сатирическую поэму «Пѣснь поэта». Въ настоящее время Могильницкій — членъ львовскаго Сейма и вѣнскаго Рейхсрата, гдѣ онъ горячо и рѣзко защищаетъ права русскаго народа въ Галичинѣ.

ДУМА.

Прежде такъ русинъ карпатскій
Безотрадно не вздыхалъ,
Потому-что жилъ счастливо
И печалей не знавалъ.

Но мать стастья той годины
Въ темномъ гробѣ мирно спитъ:
Вспоминать о немъ не стану —
Жалко сердце вередить.

Солнце скрылось, что когда-то
Грѣло галицкій нашъ рай,
А невзгоды, словно тучи,
Обложили русскій край.

Какъ скопившіяся тучи
Шлютъ на землю градъ и громъ,
Такъ невѣрные вносили
Въ Землю Русскую погромъ.

Тамъ, гдѣ зорька утромъ рано
Занимается, оттоль
Къ намъ вносила мечъ и пламень
Крыма алчущая голь.

Русскій видѣлъ, какъ селенья
Лютый пламень пепелилъ,
Какъ татаринъ русской кровью
Землю Русскую поилъ.

Видѣлъ онъ, какъ божьи храмы
Хищный ворогъ разрушалъ,
Какъ дѣтей изъ отчей хаты
Онъ въ неволю угонялъ.

И старикъ-отецъ до смерти
Съ-той-поры все горевалъ:
Все дѣтей своихъ возврата
Изъ неволи поджидалъ.

Дни и ночи мать-старуха
Слёзы горькія лила:
Погасить по милымъ дѣтямъ
Злой печали не могла.

Ой, жена лишилась друга,
Мужъ подругу потерялъ;
Дѣти плачутъ: лютый ворогъ
Въ плѣнъ родителей угналъ.

Заковавши плѣнныхъ въ цѣпи,
Врагъ скрывался безъ слѣда.
«Край родной, тебя мы снова
Не увидимъ никогда!»

Тщетно русскій на чужбинѣ
По отечеству вздыхалъ,
Тщетно съ вѣтромъ въ край родимый
Вопли сердца посылалъ.

Всюду смерть и запустѣнье;
Люди прячутся въ лѣсахъ;
Звѣри трупы разрываютъ;
Всюду горе, плачъ и страхъ.

Въ храмахъ божьихъ нѣту службы,
Не гудятъ колоколà,
И земля плода отъ семя —
Запустѣвши — не дала.

Лишь высокія могилы
Всюду высятся, стоятъ,
И судьбу — по-хуже нашей —
Вспоминаютъ и корятъ.

Н. Гербель.

—

Я. Ѳ. ГОЛОВАЦКІЙ.

Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій, одинъ изъ главныхъ представителей русской народности въ Галицкомъ краѣ, родился 29-го октября 1814 года въ селѣ Чепеляхъ, Злочевскаго округа, въ Галиціи. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Львовской гимназіи, гдѣ ознакомился съ языками польскимъ, нѣмецкимъ, русскимъ и чешскимъ; затѣмъ, слушалъ лекціи философіи въ Кошицахъ и Пештѣ; здѣсь же изучилъ онъ основательно сербскій языкъ и ознакомился со всѣми остальными славянскими нарѣчіями. Образованіе свое закончилъ онъ, въ 1839 году, въ Львовскомъ университетѣ, гдѣ прослушалъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ богословскихъ наукъ. Свободное отъ занятій время Головацкій посвящалъ литературѣ. Первымъ поэтическимъ произведеніемъ, съ которымъ онъ вышелъ на судъ публики, было стихотвореніе «Два вѣнка», напечатанное въ 1837 году въ альманахѣ «Русалка Днѣстровая», вскорѣ послѣ того запрещенномъ австрійскимъ правительствомъ за впервые употребленную въ немъ гражданскую печать, вмѣсто церковно-славянской, предписанной къ употребленію министерствомъ, и вообще за русско-народное направленіе всѣхъ статей альманаха. Въ 1843 году Головацкій былъ рукоположонъ въ священники и получилъ мѣсто въ селѣ Хмѣлево, Чертковскаго округа, а въ 1848 году получилъ приглашеніе Львовскаго университета занять въ немъ каѳедру русскаго языка и словесности. Головацкій еще въ 1833 году вступилъ въ тѣсный кружокъ молодыхъ русскихъ, старавшихся воскресить свою національную литературу, и съ того времени былъ душою этого благороднаго движенія, причемъ, по славянскому обычаю, принялъ имя Ярослава. Переселившись въ Львовъ, онъ дѣятельно принялся за пропаганду. Въ первый же годъ своего профессорства онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ всѣхъ русскихъ газетъ и журналовъ, выходившихъ въ то время въ Австріи, и началъ во-всеуслышанье проповѣдывать возрожденіе русской литературы и горячо отстаивать русскую народность противъ враждебныхъ происковъ поляковъ и нѣмцевъ. Скоро австрійское правительство стало косо смотрѣть на благородную дѣятельность почтеннаго учонаго, а польская партія, ненавидившая его уже за одно тò, что онъ занималъ каѳедру русскаго языка, пустила въ ходъ всевозможныя средства, чтобы заставить его отказаться отъ занимаемой имъ каѳедры. Но Головацкій, понимая всю важность занимаемаго имъ мѣста, оставался твердымъ. Съ назначеніемъ намѣстникомъ Галиціи Голуховскаго, одного изъ предводителей польской партіи, нападки эти усилились. Голуховскій объявилъ о существованіи панславистскаго заговора и хотѣлъ арестовать Головацкаго. Профессоръ подалъ жалобу въ министерство, а самъ отправился на московскую этнографическую выставку, что окончательно озлобило противъ него поляковъ и нѣмцевъ. Тогда Головацкій, не дожидаясь министерскаго рѣшенія, поѣхалъ въ Петербургъ—и 22-го декабря 1867 года былъ назначенъ предсѣдателемъ Коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ въ Вильнѣ, съ переименованіемъ въ статскіе совѣтники. Вотъ болѣе-замѣчательныя сочиненія Головацкаго: «Думки», помѣщенныя въ «Русалкѣ Днѣстровой» (1837) и «Вѣнкѣ» (1846—47); «Грамматика русскаго языка въ Галиціи» (1849); «Христоматія церковно-славянская и древне-русская» (1854); «Очеркъ старо-славянскаго баснословія» (1860); «Львовская русская епархія сто лѣтъ тому назадъ» (1861); «Собраніе пѣсенъ народныхъ» (1868).

I.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

Я блуждаю на чужбинѣ,
Стражду, погибаю;
По отчизнѣ ненаглядной
Сердцемъ изнываю.

Здѣсь сторонушка чужая,
Здѣсь чужіе люди:
И не злы, а къ постороннимъ
Холодны ихъ груди.

Впрочемъ, будь они и добры —
Все же не родные;
Все мнѣ чуждо между ними,
Потому — чужіе.

Между гроздій виноградныхъ
Грустный я блуждаю,
Изъ чужбины въ край родимый
Думы посылаю.

Вспоминаешь ли меня ты,
Родина святая?
Какъ-то время коротаешь
Ты, моя родная?

Какъ бы рѣчь мою родную
Я хотѣлъ услышать,
Пѣсню спѣть — добыть изъ сердца,
Что любовью дышетъ!

Я спою вамъ наши пѣсни —
Всѣ, какія знаю —
Только голосъ мнѣ подайте
Изъ родного краю.

Голосъ, точно колокольчикъ,
Въ сердце проникаетъ:
«Кто тебя уразумѣетъ,
Сердцемъ разгадаетъ?»

Вкругъ сады горятъ цвѣтами,
Блещутъ виноградомъ,
А мнѣ сердце грусть по дому
Обливаетъ ядомъ.

Мнѣ милѣй лѣса родные
И цвѣты калины,
Чѣмъ сады съ плодами юга
Чуждой намъ краины.

Люди братаются, я же
Одинокій плачу;
Всюду люди веселятся,
А я слёзы трачу.

Веселятся! я не стану
Веселиться съ ними:
Мнѣ не знать уже веселья,
Развѣ межь своими.

Веселитесь, наслаждайтесь
Кто и какъ умѣетъ!
Кто узнаетъ, разгадаетъ,
Что такъ сердце млѣетъ!

Слёзы лью я надъ Дунаемъ
И въ Дунай роняю:
Какъ припомню нашу рѣчку,
Сердцемъ изнываю.

Грусть-тоска меня снѣдаетъ,
Смерть передо мною...
Не съ кѣмъ слова перемолвить,
Полюбить душою.

Не съ кѣмъ мнѣ поплакать, не съ кѣмъ
Горемъ подѣлиться...
Разступись Дунай угрюмый!
Лучше утопиться.

Грусть меня вчера терзала
И терзаетъ нынѣ.
Не страдалъ тотъ, кто не бился
Съ горемъ на чужбинѣ!

Н. Гербель.

II.

РѢЧКА.

Что течешь такъ тихо, рѣчка,
Въ этомъ ложѣ тѣсномъ?
Отчего не разольёшься
По полямъ окрестнымъ?

Полно течь такъ одиноко!
Время горе сбросить:

Поднимись — и буйный вѣтеръ
Пусть твой стонъ разноситъ.

«Какъ же мнѣ не течь тихонько,
Сынъ мой, мой желанный:
Берега мои высоки,
А поля безгранны.

«Закипѣла бъ, да воды-то
Мало — не хватаетъ...
Что жь, за-то моя поверхность
Зеркаломъ сіяетъ.

«Были тучи, громъ и ливень —
Волны заходили...
Что жь? — размыли только берегъ,
Воду помутили...

«Лучше течь безъ шуму, тихо
И достигнуть цѣли,
Огибая пни и камни,
Островки и мели.

«Такъ я буду течь спокойно,
И, забывъ про горе,
Можетъ-быть съ лицомъ открытымъ
Дотеку до моря.»

Н. Гербель.

—

И. Ѳ. ГОЛОВАЦКІЙ.

Иванъ Ѳедоровичъ Головацкій, родной братъ Якова Ѳедоровича, родился въ 1816 году также въ Чепеляхъ, Злочевскаго округа. Онъ воспитывался въ Львовской гимназіи, а потомъ въ Львовскомъ университетѣ, гдѣ шолъ сначала по богословскому факультету, но вскорѣ оставилъ его и перешолъ на медицинскій. По окончаніи полнаго медицинскаго курса въ Вѣнѣ, съ званіемъ магистра хирургіи, онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ военнымъ врачемъ въ Италіи, послѣ чего оставилъ медицину и принялся за редактированье «Галицко-Русскаго Вѣстника». Въ 1849 году вступилъ охотникомъ въ дружину галицко-русскихъ стрѣлковъ, но вскорѣ долженъ былъ оставить службу, такъ-какъ редакція «Вѣстника» перенесена была въ Вѣну. Головацкій издалъ: «Вѣнокъ руснинамъ на обжинки» (Вѣна, 1846 и 1847, двѣ части), куда, между-прочимъ, вошли его мелкія лирическія стихотворенія, пріобрѣвшія ему извѣстность въ Галичинѣ, «Пѣніе радостнаго голоса государю Николаю Павловичу, императору *всеи Руси*» (написана въ 1845, а напечатана въ 1848 году) и «Russisches Lesebuch», руководство для изучающихъ русскій языкъ, преимущественно для нѣмцевъ. Въ этой книгѣ помѣщены стихотворенія Державина, Пушкина, Лермонтова и другихъ, съ хорошимъ переводомъ на нѣмецкій языкъ. Въ настоящее время онъ состоитъ редакторомъ «Вѣстника Законовъ Державныхъ» въ русскомъ переводѣ и русскимъ переводчикомъ городского суда въ Вѣнѣ.

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ.

Гляжу на тебя и глаза опускаю —
Не въ землю, а въ сердце я ихъ устремляю.
Какъ много тамъ чувствъ, но одно только въ немъ
Къ тебѣ разгорается страстнымъ огнемъ.
Закрадется ль въ душу мнѣ радость иль горе,
Твой образъ, какъ солнышко въ зеркалѣ моря,
Блеститъ, отражаясь на сердцѣ моемъ.

Никто не проникнетъ въ загадку простую:
Зачѣмъ въ это сердце такъ часто гл[illegible] я;
Но разъ ты взглянула — я понялъ твой взглядъ,
Я понялъ, что такъ только въ сердце глядятъ.
Съ-тѣхъ-поръ какъ въ него ты проникла случайно,
Тебѣ уяснилась завѣтная тайна
И въ чувствахъ душевныхъ борьба и разладъ.

Ты все разгадала! смотри же — ни слова
О томъ, что берёгъ я отъ взгляда людского.
Шути надо мной, издѣвайся, брани —
Но пусть мою тайну мы знаемъ одни...
Снесу отъ тебя я всю горечь укора,
Лишь страстному сердцу дай больше простора
И рай мой душевный въ душѣ схорони!

О. Левко.

—

И. ГУШАЛЕВИЧЪ.

Иванъ Николаевичъ Гушалевичъ родился 10-го декабря 1823 года въ Паушовцѣ, небольшомъ селѣ Чортковскаго округа, въ Галиціи. По окончаніи гимназическаго курса у базиліанъ въ Бучачѣ, онъ поступилъ въ Львовскій университетъ, на богословскій факультетъ, который окончилъ съ пол-

нымъ успѣхомъ. Затѣмъ, въ 1849 году, былъ рукоположонъ въ священники и занялъ предложенную ему каѳедру русскаго языка въ академической гимназіи въ Львовѣ. Литературное свое поприще Гушалевичъ началъ очень рано: еще будучи студентомъ въ Львовскомъ университетѣ, издалъ онъ, въ 1847 году, томъ своихъ мелодическихъ пѣсенъ, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія», которыя съ перваго же разу обратили на него общее вниманіе галичанъ. Затѣмъ, стихотворенія его стали появляться въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, преобрѣтая ему новыхъ поклонниковъ. Главное достоинство стиховъ Гушалевича заключается въ необыкновенной ихъ благозвучности, чѣмъ не могутъ похвалиться современные ему галицкіе поэты. Въ 1849 году онъ редактировалъ политическую газету «Новины», потомъ — учоно-литературный журналъ «Пчела», а съ 1851 по 1853 годъ — политико-литературное изданіе «Заря Галицкая». Кромѣ того онъ издалъ въ 1852 году свои «Цвѣты изъ надъ-Днѣстрянской Ливады» и переводъ «Слова о полку Игоря» на галицкое нарѣчіе, съ своимъ предисловіемъ и примѣчаніями.

Изъ всѣхъ произведеній Гушалевича особенно нравятся галичанамъ его пѣсни и басни, написанныя весьма гладко и звучно. Особенною славою пользуются: пѣсня — «Миръ вамъ, братья!» и басня «Волкъ, баранъ и лисица». Оба эти произведенія вошли въ народъ. «Ни кому изъ насъ, русскихъ поэтовъ», говоритъ поэтъ Дѣдицкій, «не выпало на долю столько славы, столько высокихъ похвалъ за многія пѣсни, сколько одному Гушалевичу за эти два поэтическія произведенія. И если наши соотечественники читаютъ иногда насъ съ удовольствіемъ, то одного Гушалевича часто выучиваютъ на память даже тѣ, которые и читать не умѣютъ». Въ настоящее время Гушалевичъ — членъ Львовскаго Сейма и Вѣнскаго Рейхсрата, гдѣ является поборникомъ народнаго дѣла Галицкой Руси.

I.

МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

Города дотлѣваютъ подъ пепломъ,
Не осталось избы въ деревняхъ;
Не гремитъ богатырская слава
И соколики наши въ гробахъ.

Налетѣла изъ дальней сторонки
Стая птицъ поклевать мертвецовъ,
А лебёдки за Днѣпръ улетѣли,
Улетѣли — и нѣту слѣдовъ.

Вотъ орды, обагренные кровью,
Шумной стаей на сѣверъ летятъ,
На Путивль и на Курскъ многолюдный
Съ затаенной кручиной глядятъ.

Что печалитъ васъ, гордыя птицы?
Что за вѣсти несете съ собой?
Отчего вы обрызганы кровью,
Незастывшею кровью людской?

«Богатырская кровь пролилася
И бѣжитъ по полямъ, по лугамъ.
Веселятся, пируютъ татары —
И конца нѣтъ кровавымъ пирамъ.

«Тамъ мы крылья свои обагрили,
Гдѣ струилася кровь, какъ ручей,
Гдѣ изрублены злыми врагами
Трупы нашихъ отцовъ и дѣтей.

«Стольный Кіевъ въ рукахъ Ченгисхана —
За ударомъ наноситъ ударъ...
Знать, сокровища Галича-града
Не насытили лютыхъ татаръ.

«Города Переяславль, Черниговъ
Глухо стонутъ въ татарскихъ цѣпяхъ;
Дѣти мрутъ безъ святого крещенья
У своихъ матерей на рукахъ.»

Скачетъ конь изъ орды басурманской:
Что-то скажешь ты намъ, вороной?
«Князь Черниговскій» — молвитъ онъ тихо —
«Не воротится больше домой:

«Грозный ханъ приказалъ христіанамъ
Поклониться монгольскимъ богамъ —
Михаилъ же Черниговскій молвилъ:
«Лучше голову хану отдамъ!»

«И погибъ онъ за вѣру святую:
Отлетѣла его голова;
Но отъ брызнувшей крови страдальца
Встрепенулась сама татарва».

Прилетаютъ сѣдыя кукушки—
Три сестрицы — садятся подъ рядъ,
Громко плачутъ, какъ малыя дѣти,
И, рыдая, орламъ говорятъ:

«На Руси на святой погибаетъ
Ни за что ея вѣрный народъ —
Отъ болѣзней, отъ тяжкихъ мученій,
Отъ чумы и отъ голода мрётъ.

«Мы приносимъ печальныя вѣсти:
Не воротимъ счастливыхъ годовъ!
О, прощай наша Русь дорогая!
Не видать намъ родимыхъ холмовъ!»

Поднялися орлы, полетѣли
И пропали въ густыхъ облакахъ...
Зашумѣлъ имъ во слѣдъ буйный вѣтеръ
И затихъ въ неприступныхъ горахъ.

О. Лепко.

II.

ЗАРѢ.

Зорька ясная, спустися,
Въ очи радостно взгляни,
Ниже, ближе наклонися,
Грусть отъ сердца отгони!

Загорись, какъ загоралась:
Я тогда такъ счастливъ былъ;
Ты сіяньемъ разливалась,
Но туманъ тебя затьмилъ.

Зорька ясная, ты знала
Какъ мирился я съ трудомъ,
И надеждой обольщала,
Какъ младенца сладкимъ сномъ.

Чуть весна — ужь я у цѣли:
Пёстрый лугъ благоухалъ;
Но цвѣты мои желтѣли —
И я жить переставалъ.

Бѣлый свѣтъ не милъ мнѣ болѣ,
Нѣтъ надежды золотой:
Не видать счастливой доли
Мнѣ въ странѣ моей родной!

Н. Гербель.

И. НАУМОВИЧЪ.

Иванъ Наумовичъ родился въ 1826 году въ мѣстечкѣ Стрѣльчѣ, Коломыйскаго округа, въ Галиціи. Наумовичъ извѣстенъ болѣе какъ политическій дѣятель, патріотъ и ораторъ, чѣмъ поэтъ, хотя онъ написалъ нѣсколько очень хорошихъ пѣсенъ, извѣстныхъ каждому галичанину. Выбранный въ депутаты Львовскаго Сейма, онъ явился неустрашимымъ поборникомъ русской народности, и превосходныя его рѣчи, заставившія умолкнуть самыхъ упорныхъ и опасныхъ враговъ его и его народа, останутся навсегда краснорѣчивымъ памятникомъ тяжолой и печальной борьбы русскаго народа въ Галиціи за свое существованіе, борьбы на жизнь и смерть, показавъ въ настоящемъ свѣтѣ всю чистоту стремленій русскихъ, поднявшихъ знамя во имя славянства, и всю злобу ихъ враговъ, ставшихъ на самыхъ узкихъ и эгоистическихъ началахъ. Въ настоящее время Наумовичъ много содѣйствуетъ — и словомъ и дѣломъ — улучшенію матеріальной стороны быта народа и распространенію просвѣщенія въ низшихъ его слояхъ. Онъ редактировалъ прежде журналъ «Недѣля», а въ настоящее время сотрудничаетъ въ журналѣ «Учитель». Кромѣ того, онъ много писалъ и пишетъ о сельскомъ хозяйствѣ, пчеловодствѣ и проч.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Слава Богу, я въ телегѣ,
На востокъ лицомъ,
Возвращаюсь въ край родимый,
Къ милымъ въ отчій домъ.

Кони добрые все шибче,
Шибче все бѣгутъ:
Пусть бѣгутъ — домой скорѣе
Къ милымъ привезутъ.

Возвращаясь изъ чужбины,
Я повеселѣлъ,
И въ привѣтъ странѣ родимой
Пѣсенку запѣлъ:

«Русь святая, будь во-вѣки,
Какъ и въ оный часъ,
Ты для всѣхъ гостепріимна
И мила для насъ!»

Н. Гербель.

Б. ДѢДИЦКІЙ.

Богданъ Дѣдицкій родился въ 1827 году въ Угновѣ, Жолковскаго округа, въ Галиціи. Воспитывался онъ въ Львовскомъ и Вѣнскомъ университетахъ, гдѣ прослушалъ полный курсъ филологическихъ наукъ. На литературное поприще выступилъ онъ въ 1849 году съ стихотвореніемъ «Къ Богу», напечатаннымъ въ «Новинахъ». Съ этого времени статьи его и мелкія стихотворенія стали появляться почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ Галицкой Руси. Въ 1854 году онъ сдѣлался редакторомъ журнала «Заря»; въ 1856 году — получилъ мѣсто учителя русскаго и польскаго языковъ и словесности при гимназіи въ Перемышлѣ; въ 1860 году онъ издалъ въ честь митрополита Григорія барона Яхимовича великолѣпный альбомъ, подъ названіемъ «Галицкая Заря», а съ 1861 года состоитъ отвѣтственнымъ редакторомъ политической газеты «Слово». Кромѣ лирическихъ стихотвореній, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ, Дѣдицкій издалъ поэмы: «Конюшій» и «Буй-туръ Всеволодъ» и критическое сочиненіе: «О неудобности латинской азбуки въ русской бесѣдѣ» (Вѣна, 1860).

I.

РУССКОМУ ПѢВЦУ.

Не слава въ дальнихъ сторонахъ,
Не доля гордыхъ тѣхъ поэтовъ,
Что отдыхають на вѣнкахъ,
Добытыхъ звучностью сонетовъ,
А слёзы въ жизненной борьбѣ
Лишь предназначены тебѣ.

Народа русскаго пѣвецъ
Стоитъ въ забытомъ всѣми хорѣ
Передней стражи, какъ боецъ
Въ международномъ, долгомъ спорѣ:
Еще не слышно о войнѣ,
А онъ стоитъ уже въ огнѣ.

Пѣвецъ ты Руси — той земли,
Чье имя — цѣлое полъ-свѣта,
Съ которой бури не могли
Сорвать ей родственнаго цвѣта:
И сладко пѣть ее тебѣ
Непобѣжденную въ борьбѣ!

О, пой её, какъ соловей,
Что̀ и въ грозу не умолкаетъ,
И унывающихъ людей
Могучей пѣснью ободряетъ!
Какъ птица вешняя въ ночи,
Надъ нею тихо щебечи!

Повѣдуй міру въ добрый часъ,
Что сносимъ гордо мы невзгоду,
Что были люди и у насъ —
Бойцы за вѣру и свободу,
Что память ихъ, врагамъ на страхъ,
Живетъ въ признательныхъ сердцахъ.

Ты пой на зло тѣмъ мудрецамъ,
Что насъ хотятъ унизить втунѣ,
И доказать стремятся намъ,
Что мы родились наканунѣ;
Пой имъ: «при княжескомъ дворѣ
Крестились русскіе въ Днѣпрѣ!»

Пускай за гимнъ священный твой
Ты не найдешь счастливой доли,
И, какъ боецъ передовой,
Погибнешь первый въ чистомъ полѣ,
За-то другимъ проложишь путь —
Дашь имъ поднятся и вздохнуть...

Н. Гербель.

II.

УТРО.

Вставъ съ постели утромъ рано,
На востокъ вперяю взоръ:
Величаво и румяно
Всходитъ солнце изъ-за горъ,
Всходитъ солнце и лучами
Вяжетъ землю съ небесами.

Хоръ пернатыхъ пробудился,
Пѣснь звучитъ среди лѣсовъ:
Міръ господень оживился
Звукомъ птичьихъ голосовъ:
Это тверди безконечной
Шлетъ земля привѣтъ сердечный.

Люди набожные съ ложа
Съ крестнымъ знаменьемъ встаютъ,
И убогій и вельможа
Славу божію поютъ;

Гимнъ хвалы земли прекрасной —
Лучшій даръ для тверди ясной.

Кто мольбою начинаетъ
Дѣло всякое съ утра,
Богъ тому низпосылаетъ
Помощь съ неба для добра —
И благому предпріятью
Путь указанъ благодатью.

Такъ молись, молись съ восходомъ,
Съ птицей утренней молись,
Въ храмѣ божіемъ съ народомъ
Сердцемъ къ Господу несись —
И душа твоя мольбами
Свяжетъ землю съ небесами.

Н. Гервель.

III.

НА СТРАЖѢ.

Возлѣ ставки, возлѣ княжей,
На дунайскихъ берегахъ,
Часовой стоитъ на стражѣ,
Съ карабиномъ на плечахъ.

Вечеръ; солнце потухаетъ;
Тишина кругомъ легла;
Тихій звонъ лишь долетаетъ
Изъ сосѣдняго села.

Часовой перекрестился,
Преклоняяся челомъ.
Это русскій: онъ по русски
Осѣнилъ себя крестомъ.

Это русскій: съ грустной думой
Все на Сѣверъ смотритъ онъ,
Словно ждетъ — боецъ угрюмый —
Не отвѣтятъ ли на звонъ.

Словно мыслитъ: въ миломъ краѣ
Можетъ кто-нибудь грустить
И о немъ, что на Дунаѣ
Жизнь собратій сторожитъ.

Н. Гервель.

Н. ЛѢСѢКЕВИЧЪ.

Николай Ѳомичъ Лѣсѣкевичъ родился въ 1835 году въ селѣ Улазовѣ, Жолковскаго уѣзда, въ Галиціи. Окончивъ гимназическій курсъ въ Перемышлѣ, онъ поступилъ въ Львовскій университетъ, въ которомъ прослушалъ богословіе и курсъ филологическо-историческихъ наукъ. Затѣмъ, съ 1865 по 1868 годъ, Лѣсѣкевичъ былъ сотрудникомъ политической газеты «Слово», въ которой выказалъ много энергіи для поддержанія русскаго дѣла въ Галицкомъ краѣ. Это послѣднее обстоятельство до того озлобило польско-нѣмецкую партію противъ Лѣсѣкевича, что она отказала ему въ мѣстѣ учителя въ восточной (русской) половинѣ Галичины. Это побудило его принять должность учителя въ Виленской гимназіи. Какъ поэтъ, Лѣсѣкевичъ славится замѣчательною звучностью стиха и чистотою языка, чѣмъ могутъ похвалиться только немногіе изъ галицкихъ поэтовъ. Изъ отдѣльно-напечатанныхъ его сочиненій можно указать на двѣ поэмы: «Пѣвецъ изъ Полѣсья» и «На Украйнѣ». Изъ послѣдней заимствована нами пѣсня, помѣщенная здѣсь въ русскомъ переводѣ.

ПѢСНЯ.

Какъ луна на это поле
Свѣтитъ средь ночи,
Такъ она и на Украйну
Льётъ свои лучи.

Но ужь скоро вспыхнетъ солнце,
Смѣнитъ ночи тѣнь —
И опять надъ нашимъ краемъ
Загорится день.

А когда блеснетъ намъ съ солнцемъ
И свободы свѣтъ —
Раздадутся наши пѣсни
Солнышку въ привѣтъ.

Пѣсни тѣ еще мы сложимъ,
Сложимъ въ наши дни,
И когда умремъ мы сами —
Не умрутъ они.

Для пѣвца же бóльшей славы
Небыло и нѣтъ,

Какъ дожить, чтобъ эти пѣсни
Пѣлъ весь русскій свѣтъ.

Пусть погибнемъ, пусть придется
Всѣмъ намъ опочить —
Не погибнетъ наша пѣсня,
Духъ нашъ будетъ жить.

Мы поёмъ и воспѣваемъ
Край своихъ отцовъ
И въ сердцахъ воспламеняемъ
Къ роднѣ любовь.

Не войной мы Русь подымемъ
Изъ земли сырой,
А могучимъ, вѣщимъ словомъ
Пѣсни золотой.

Н. Гербель.

—

I. ФЕДЬКОВИЧЪ.

Іосифъ Федьковичъ родился въ 1834 году въ сельцѣ Сторонцѣ, въ Буковинѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ родительскомъ, причемъ старшая сестра своими разсказами незамѣтно возбудила въ немъ любовь къ народнымъ русскимъ пѣснямъ и сказкамъ. Затѣмъ, онъ познакомился съ однимъ нѣмецкимъ живописцемъ, который такъ полюбилъ Федьковича, что взялся ознакомить его съ нѣмецкимъ языкомъ и поэзіей, въ чемъ и успѣлъ, благодаря понятливости и прилежанію своего ученика. Но эти мирныя занятія продолжались не долго. Насталъ 1852 годъ, а съ нимъ и очередь идти въ солдаты. Послѣ трудной семилѣтней службы, въ теченіе которой онъ побывалъ въ Венгріи, Валахіи и Италіи, онъ былъ произведенъ въ 1859 году въ офицеры. Но ни служба, ни походы, ни битвы съ непріятелемъ не заглушили въ немъ поэтическаго настроенія: и въ казармахъ, и на бивакахъ продолжалъ онъ сочинять свои пѣсни и думы. По возвращеніи изъ Италіи въ Черновецъ, онъ познакомился тамъ съ нѣмецкимъ поэтомъ Нейбауеромъ, которому прочиталъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній на нѣмецкомъ языкѣ. Нейбауеръ отнесся весьма сочувственно къ молодому поэту: онъ нашолъ его стихотворенія прекрасными и пророчилъ ему блестящую будущность. Затѣмъ, онъ познакомился съ Кобылянскимъ, мѣстнымъ журналистомъ и горячимъ поклонникомъ русской народной поэзіи. Прослушавъ нѣмецкія произведенія Федьковича, Кобылянскій спросилъ у поэта, почему онъ, будучи русскимъ, не пишетъ по-русски? «Хотя я не пишу по-русски», отвѣчалъ Федьковичъ, «тѣмъ не менѣе я очень люблю славянскую и, особенно, русскую народную поэзію, и даже однажды, въ лагерѣ подъ Касано, отважился сочинить небольшую пьесу на русскомъ языкѣ». И онъ прочелъ ему думу «Ночлегъ». Кобылянскій пришолъ въ восторгъ и умолялъ его продолжать писать по-русски. Федьковичъ внялъ доброму совѣту своего соотечественника — и вскорѣ цѣлый томикъ его стихотвореній былъ отпечатанъ и выпущенъ въ свѣтъ.

УКРАЙНА.

Что за чудная сторонка
Вольная Украйна!
Что живется въ ней счастливо —
Это вѣдь не тайна.

Степь привольная лоснится
Шолковой травою;
На цвѣты заря низходитъ
Студеной росою.

Косяки пасутся въ полѣ;
Соколы шныряютъ;
Съ буйнымъ вѣтромъ въ перегонку
Козаки летаютъ.

Кто забудетъ тѣ могилы,
Тѣ холмы, курганы,
Подъ которыми почіютъ
Славные гетманы.

Ихъ лучи протекшей славы
Въ мракѣ согрѣваютъ,
Между-тѣмъ какъ «Думы» громко
Славятъ, величаютъ.

И тѣ звуки проникаютъ
Въ сердце не случайно...
Какъ же намъ тебя не помнить,
Милая Украйна?

Тамъ на торбанѣ молодчикъ
Весело играетъ;
Красна-дѣвица надъ рѣчкой
Пѣсни распѣваетъ.

Тамъ сопѣлка замираетъ
Трелью соловьиной;
Птицы радостно щебечутъ
Въ рощѣ подъ калиной.

Тамъ, свои малютки-ножки
Мёдомъ отягчая,
Межь цвѣтовъ жужжитъ привѣтно
Пчёлка золотая.

Тихій вечеръ дышетъ нѣгой
Надъ Днѣпромъ-рѣкою.
Челнъ плыветъ надъ темной бездной,
Зыблемый волною.

Въ немъ сидитъ краса-дѣвица,
Что цвѣтокъ махровый;
Передъ ней, склонясь къ колѣнямъ,
Парень чернобровый...

Дальше видны бѣлый хуторъ,
Рядомъ — лѣсъ сосновый,
Прудъ съ нависшею ракитой,
Пчельникъ, садъ фруктовый.

Въ томъ саду стоитъ избёнка,
А передъ избёнкой
Раскрасавица-дѣвица
Съ маленькой ручёнкой —

И той маленькой ручёнкой
Что-то вышиваетъ...
«Гдѣ-то онъ, мой соколъ сизый?
Гдѣ-то онъ гуляетъ?»

Раскрасавица, взгляни-ка —
Соколъ рѣетъ въ полѣ!
Красна-дѣвица взглянула —
Не тоскуетъ болѣ:

«То не соколъ — то мой милый
Вòрономъ летаетъ!»
И тесовую калитку
Тихо отворяетъ.

Входитъ соколъ... Какъ голубка,
Дѣвица воркуетъ:
Ей бы надо посердиться,
Да нельзя — цалуетъ...

То не соколы несутся,
Радуясь приволью:
Чумаки изъ Крыма ѣдутъ
Съ рыбою, да съ солью.

Вотъ они остановились,
Въ степь воловъ пустили,
Кучу хворосту набрали
И въ костеръ свалили.

Тотъ готовитъ кашу съ саломъ,
Тѣ о чемъ-то спорятъ;
Молодые ладятъ пѣсни,
Старики гуторятъ.

А въ дали, гдѣ такъ румяно
Зорька догораетъ,
Слышенъ звонъ: онъ тихо льётся,
Льётся, замираетъ.

Это благовѣстъ къ вѣчерни
Въ томъ высокомъ храмѣ,
Что сіяетъ тамъ, за лѣсомъ,
Свѣтлыми крестами.

А во храмѣ томъ священникъ,
Въ полномъ облаченьи,
Шлетъ мольбы за Русь святую,
Молитъ о спасеньи...

Н. Гервель.

СЛАВИЧЪ.

Подъ этимъ именемъ встрѣчаются въ галицкихъ журналахъ и сборникахъ стихотворенія съ патріотическимъ оттѣнкомъ, заслуживающія полнаго вниманія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дающія нѣкоторое понятіе о томъ возбужденномъ настроеніи галицкаго народа, о которомъ такъ много говорятъ и пишутъ въ настоящее время.

I.

МЫ РУССКІЕ!

Мы русскіе! Наша завѣтная вѣра —
Что всѣ мы славяне — одно,
Одно неразрывное, цѣльное племя,
Скрѣпленное миромъ давно.

И боремся мы неустанно съ врагами,
И ставимъ преграды врагамъ
Съ той мыслью святою, что Богъ нашей Руси
Единъ и единъ Его храмъ.

Мы русскіе! Насъ оживляетъ надежда,
Что духъ нашъ славянскій не сонъ,
Что всюду незримо онъ вѣетъ надъ нами,
Что всюду гдѣ Русь тамъ и онъ.
Злой ворогъ *къ стѣнѣ* насъ *прижать* замышляетъ;
Но рухнетъ она надъ врагомъ — *)
И мы панихиду споемъ по усопшемъ,
А Русь будетъ нашимъ щитомъ.

Мы русскіе! Пусть же злодѣямъ пощаду
Даруетъ святая любовь!
Не надо намъ мести, не надо намъ крови,
Не надо намъ крови враговъ!
Но нѣту пощады измѣнникамъ края,
Продавшимъ отчизну врагамъ:
Ихъ всюду настигнетъ анаѳема Руси,
Проклятье невѣрнымъ сынамъ!

О. Авдыковскій.

II.

Братья! пѣснь моя разлита
Въ вешнемъ воздухѣ, вкругъ васъ...
Нѣтъ поэзіи — разбита:
Я остатки только спасъ;
Тѣ остатки холмъ-могила
Въ темныхъ нѣдрахъ сохранила,
Гдѣ точилъ ихъ лютый гадъ...
Не кляните — я вашъ братъ!

Братья, гдѣ святая вѣра
И надежда и любовь?
Есть ли скорби лютой мѣра?
Сколько разъ хотѣлъ я вновь
Къ кубку счастья прикоснуться,
Вновь ожить и встрепенуться,
Но суровый демонъ мой
Мнѣ нашоптывалъ: «постой!»

Братья! дней моихъ весною
Сердце вѣдало любовь:
Рай являлся предо мною,
Веселѣй кипѣла кровь...
О, души моей царица,
Зорька ясная, денница,
Не люби: любимецъ твой
Сталъ статуей ледяной!

Братья, я кручину злую
Пѣлъ — тревожилъ земляковъ...
Лучше брошусь на родную
Землю, гробъ моихъ отцовъ:
Можетъ-быть, земля родная
Не отвергнетъ — и святая
Пѣсня встрѣтитъ свѣтлый май...
Ахъ, вернется ль прежній рай?

Н. Гербель.

---

*) Прижать къ стѣнѣ — подлинные слова министра графа Бейста.

МАРІЯ СІОНСКАЯ.

Кто скрывается подъ этимъ псевдонимомъ — этого мы не знаемъ. Намъ извѣстно только тò, что стихотворенія, подписанныя выше-приведеннымъ псевдонимомъ и отличающіяся горячею любовью къ родинѣ и широкой фантазіей, стали появляться, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ Галицкой Руси и вскорѣ обратили на себя вниманіе всѣхъ образованныхъ галичанъ.

ПРОЛОГЪ КЪ ПОЭМѢ «ПРОРОКЪ НАРОДА».

Я подъ пальмою густою,
Надъ Дунаемъ надъ рѣкою,
Взоръ то въ небо погружаю,
То брожу имъ по Дунаю.

Ой, подъ пальмою густою
Я стою — и подо мною
Спитъ Дунай. Проснись! Тоскуя,
Пѣснь о будущемъ пою я.

Пѣснь великую, какъ слово
Пробудившее народы,
Пѣсню юную, какъ всходы
Подъ лучами Всеблагого.

Пѣсня та — огонь и сила,
Гласъ пророка въ часъ гоненья...
Развѣ мать ея могила?
Нѣтъ, то чадо воскресенья!

Вотъ пронесся звукъ напѣва...
Разлилась рѣка сѣдая —
И изъ синихъ волнъ Дуная
Появилась прелесть-дѣва.

Дѣва плещетъ шаловливо,
Грудью волны разсѣкаетъ
И на пѣснь мою — о, диво! —
Пѣснью смерти отвѣчаетъ:

«Мой желанный, черноокій,
Не гоняйся за цвѣтами:
Въ полѣ выпалъ снѣгъ глубокій,
Вѣтеръ свищетъ межъ горами...

«Не томись мольбой безплодной:
Всюду мракъ и запустѣнье...
Кто уснулъ въ землѣ холодной,
Для того нѣтъ пробужденья.

«Вѣрь, напрасно сердце бьется!
Ты не пой про воскресенье!
Прежде вспять Дунай польется,
Чѣмъ наступитъ часъ спасенья!»

Смолкла дѣва молодая,
И, мелькнувъ косой волнистой,
Скрылась въ безднѣ серебристой
Горделиваго Дуная.

Я былъ полонъ чувства злова;
Взоръ тонулъ въ лазурномъ сводѣ...
«Свѣта! свѣта!... О, Іегова!...
Да пройдетъ пророкъ въ народѣ!»

О, Дунай! свидѣтель мирный
Роковыхъ переворотовъ,
Что̀ волной своей сапфирной
Бьешься въ скалы патріотовъ?

«Отъ слезы твоей горючей,
Что на грудь мою скатилась,
Я всплеснулъ волной могучей —
И пучина заклубилась.»

И реветъ онъ, и клокочетъ,
Къ сѣрымъ скаламъ подступаетъ,
Словно ихъ разрушить хочетъ
И вновь съ пѣной отбѣгаетъ.

Слышалъ пѣсню дѣвы водной?
Прочь со смертью! — вѣчность знаю...
Прочь, колдунья! я, свободный,
Пѣснь свободную слагаю!

Я подъ пальмою густою,
Надъ Дунаемъ, надъ рѣкою,
Взоръ то въ небо погружаю,
То брожу имъ по́ Дунаю...

Н. Гервель.

УГРОРУССКІЕ ПОЭТЫ.

А. ДУХНОВИЧЪ.

Александръ Духновичъ родился 24 апрѣля 1803 года, въ селѣ Тополя, въ Венгріи. По окончаніи курса философіи въ Кошицахъ и богословія въ Ужгородѣ, онъ былъ рукоположенъ въ священники въ 1827 году; затѣмъ, въ 1838 году, назначенъ былъ членомъ консисторіи Мукачевской епархіи, а въ 1843 году — благочиннымъ въ Пряшево. Большая часть его произведеній была напечатана въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, сборникахъ и мѣсяцесловахъ. Первымъ плодомъ его литературныхъ трудовъ былъ «Букварь»; за нимъ слѣдовали: молитвенникъ «Хлѣбъ души», «Короткая землепись», «Литургическій катехизисъ», «Поздравленіе русиновъ», альманахъ, «Добродѣтель превышаетъ богатство», драма, «Народная педагогія» и «Сокращенная грамматика великорусскаго языка». Что же касается стихотвореній Духновича, то они никогда не были собраны и изданы отдѣльною книжкой. Тѣмъ не менѣе многія изъ его думъ перешли въ народъ. Духновичъ умеръ въ 1867 году. Это былъ передовой человѣкъ Угорской Руси и пользовался полнымъ довѣріемъ и любовью своего народа.

I.

ПѢСНЬ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА.

Вейся жаворонокъ звонкій,
Вейся и кружись!
Надъ моей родимой нивой
Пой и веселись!

Вознесися надо мною
Къ солнечнымъ лучамъ,
Чтобъ я тоже могъ умчаться
Сердцемъ къ небесамъ.

Пой хвалу, малютка-птичка,
Богу въ вышинѣ,
Что̀ далъ жизнь и безмятежность
И тебѣ и мнѣ.

Славь Его за всѣ щедроты,
Что̀ Онъ низпослалъ,
За тотъ дождь, изъ теплой тучи,
Что съ зарёй упалъ.

Умоляй Его смиренно,
Чтобы благодать
Озаряла ежедневно
Нашу землю-мать.

Пусть хранитъ Онъ нашу ниву
Отъ вѣтро̀въ и тучь,
Пусть росу низпосылаетъ
И горячій лучь.

Пой, молись! а я посѣю
Спѣлое зерно,
Завалю его землёю —
И взойдетъ оно.

А когда настанетъ жатва,
Жаворонокъ мой,
Я обильнымъ урожаемъ
Подѣлюсь съ тобой.

Веселись же, пой въ пространствѣ,
Вейся и летай!
Веселись, пока такъ чудно
Блещетъ жизни май!

Можетъ-быть и насъ зароютъ
Скоро, птенчикъ мой,
Какъ тѣ зёрна и покроютъ
Чорною землёй!

Но не будетъ наша доля
Равною тогда:
Я умчусь, чтобъ возродиться,
Ты же — безъ слѣда...

Н. Гервель.

II.

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ.

Соколята, дайте волю
Молодымъ своимъ крыламъ!
Я ужь старъ — не въ силахъ болѣ
Подниматься къ облакамъ.

Я вскормилъ васъ, дѣтокъ милыхъ...
По горамъ и по доламъ
Я леталъ, пока былъ въ силахъ —
Отдохнуть пора костямъ.

Ахъ, и я въ былые годы
Къ солнцу взоръ свой обращалъ;
Безъ руля морскія воды
Въ челнокѣ переплывалъ.

На борьбу съ бѣдой, въ началѣ,
Много силъ потратилъ я.
Стрѣлы въ грудь мою вонзали
И чужіе, и друзья!

Всюду гибельные ковы,
Всюду зло: въ сѣтяхъ своихъ
Наровятъ опутать совы
Робкихъ птенчиковъ моихъ;

А кукушка-лиходѣйка
Гонитъ бѣдныхъ изъ гнѣзда,
И яйцо свое, злодѣйка,
Вмѣсто ихъ, кладетъ туда.

Съ хитрой злобой и страстями
Трудно биться было намъ...
И леталъ я надъ лѣсами,
Поднимался къ облакамъ...

Я былъ прямъ и твердъ душою,
Не боялся силы зла,
И — лицомъ къ лицу съ грозою —
Въ той борьбѣ душа росла.

Брань враговъ моихъ терзала
Сердце бѣдное и слухъ...
Какъ судьба меня не гнала,
Живъ во мнѣ соколій духъ.

Въ честь отчизны — соколъ ясный —
Пѣсни я любилъ слагать;
Научилъ васъ пѣть согласно,
По сокольему летать.

Дайте волю, соколята,
Молодымъ своимъ крыламъ!
Крылья сокола помяты —
Не служить имъ больше вамъ.

Нѣтъ побѣды безъ усилій —
Безъ порывовъ молодыхъ!
Не берите вражьихъ крылій —
Поднимайтесь на своихъ...

Совершилъ я, что былъ въ силахъ —
И вотъ нынѣ пѣснь мою,
Пѣснь послѣднюю, для милыхъ
Я соколиковъ пою.

Тамъ, межъ горъ, въ родимомъ краѣ,
Гдѣ родился я и жить
Порывался — тамъ желаю
Вѣчнымъ сномъ я опочить.

Вы меня похороните
У скалы, въ травѣ густой,
И, засыпавъ, помяните
Русской пѣснью и слезой.

О. Липко.

А. ПАВЛОВИЧЪ.

Александръ Павловичъ, уроженецъ Бѣлой Вѣжи, Пряшевской епархіи, въ Венгріи, пользуется большимъ уваженіемъ и извѣстностью во всей Угорской Руси, а также и въ Галичинѣ, какъ народный поэтъ и русскій патріотъ. Почти всѣ его стихотворенія запечатлены страстною любовью ко всему русскому, что отчасти можно видѣть изъ переведеннаго нами и помѣщеннаго въ слѣдъ за симъ стихотворенія его «Дума на могилѣ подъ Бардіовымъ».

ДУМА НА МОГИЛѢ ПОДЪ БАРДІОВЫМЪ.

1.

Изъ-за Дона козачина
Въ полѣ выѣзжаетъ,
Свой родимый край козацкій
Думой поминаетъ:

«Синій Донъ, земля родная,
Тихая станица —
Все прощай! со всемъ что мило
Долженъ я проститься.

«Царь велѣлъ — и Донъ поднялся,
Въ битву такъ и рвётся...
Гдѣ-то, Донъ, мнѣ вороного
Напоить придется?»

Распростившись, козачина
Шевельнулъ уздою,
Конь заржалъ — и вдоль по степи
Полетѣлъ стрѣлою.

—

2.

Какъ понесся козачина,
Поле взговорило:
«Ой, вернись, козакъ, вернися —
Тамъ твоя могила!»

— «Не страшитъ меня могила:
Что мнѣ, сиротинѣ?
Умереть хотѣлъ бы только
Съ славой на чужбинѣ.»

—

3.

Миновалъ козакъ границу,
Конь подъ нимъ споткнулся...
О, козакъ! куда ты мчишься?
Что ты не вернулся?

Вотъ козакъ въ чужія горы,
Въ край чужой въѣзжаетъ;
Конь заржалъ: козакъ, онъ то же
Степи вспоминаетъ!

—

4.

Надъ Карпатскими горами
Тучи собирались;
Нѣтъ, не тучи — это птицы
Хищныя слетались.

Надъ Карпатскими горами
Громы раздаются;
Нѣтъ, не громы — это рати
Вражескія бьются.

—

5.

Вкругъ донца кипитъ сраженье,
Градъ свинцовый свищетъ,
Но онъ съ пикой межъ врагами
Невредимо рыщетъ.

Много тысячь пуль мадьярскихъ
Мимо просвистало,
Но одна попала въ сердцѣ —
И донца не стало.

—

6.

Конь заржалъ и палъ съ нимъ рядомъ,
Нà полѣ багровомъ...
Ой, нашолъ ты, козачина,
Смерть подъ Бардіовымъ!

Козаки его отпѣли
И похоронили,
Крестъ поставили и рядомъ
Яворъ посадили.

—

7.

Козаки надъ тихимъ Дономъ
Весело пируютъ;
Изъ-за дальнихъ горъ Карпатскихъ
Тихій вѣтеръ дуетъ.

То не вѣтеръ тихо дуетъ,
То не рѣчка льётся:
Это тѣнь въ страну родную
Отъ Карпатъ несётся.

«Не пугайтесь! я былъ страшенъ
Лишь для супостатовъ:
Я козакъ, я вашъ товарищъ,
Павшій у Карпатовъ!

«Тяжело душѣ козачей
Спать въ чужой краинѣ,
И вотъ съ вѣтромъ въ край родимый
Я примчался нынѣ.

«Вы жь завѣтъ мой замогильный
Свято соблюдайте:
Въ вашихъ пѣсняхъ сослуживца
Чаще вспоминайте.

«Чуть заслышу пѣснь родную,
Я сюда примчуся,
Полюбуюсь тихимъ Дономъ
И развеселюся!»

—

8.

Неутѣшные родные
Плачутъ по-надъ Дономъ,
А я имъ, русинъ карпатскій,
Вторю тихимъ стономъ.

Не сердись, о, мать-козачка,
Что одинъ я нынѣ
Горько плачу на могилѣ
О твоемъ о сынѣ!

Знай, что только мать родная,
Полная кручины,
Вправѣ лить святыя слёзы
На могилѣ сына.

Н. Гербель.

СЕРБО-ХОРВАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Площадь сербо-хорватской народности простирается отъ рѣки Дравы на сѣверѣ до рѣки Бояны на югѣ, и отъ Адріатики на западѣ до рѣкъ Моравы и Тимока на востокѣ. Въ этихъ границахъ заключаются юго-западныя земли Австро-Угорской имперіи (Банатъ, Бачка, Славонія, Хорватія, Далмація, Приморье и Адріатическіе острова, часть Истріи и Крайны и Военная Граница), сѣверо-западныя владѣнія Турціи (Боснія и Герцеговина, часть Старой Сербіи и Албаніи) и два независимыя княжества: Сербія и Черногорія. Вся площадь занимаетъ до 3,500 квадратныхъ миль. Но отдѣльныя колоніи этого племени лежатъ далеко за предѣлами означенной географической площади въ Угріи и Моравіи, Турціи и Россіи. Численность сербо-хорватской народности можетъ быть опредѣлена приблизительно въ 5,700,000. По отношенію къ вѣроисповѣданіямъ эта народность распадается въ настоящее время на три части: православныхъ до 3,200,000, католиковъ до 2,200,000 и мусульманъ до 400,000. Вторые живутъ почти исключительно въ Австро-Угорской имперіи, а третьи — въ Турецкой. Въ настоящее время на всей площади сербо-хорватскаго племени господствуетъ одинъ литературный языкъ; но въ народныхъ говорахъ разныхъ мѣстностей нѣтъ подобнаго однообразія и единства. Обыкновенно отличаютъ три главные говора: штокавскій, чакавскій и кайкавскій, названные такъ по различному выговору мѣстоименія *что*. Первый изъ этихъ говоровъ господствуетъ въ восточной и южной части племени; второй въ мѣстностяхъ, омываемыхъ сѣверо-восточной частію Адріатическаго моря, отъ рѣки Цетины до Истріи; а третій въ нѣсколькихъ хорватскихъ столицахъ, расположенныхъ вокругъ Загреба. Кайкавщина стоитъ уже на переходѣ отъ нарѣчія сербо-хорватскаго къ словенскому; а нѣкоторыми считается даже говоромъ послѣдняго. Отношеніе же чакавскаго (икающаго) говора къ штокавскому (ѣкающему) можетъ быть сравнено съ отношеніемъ малорусскаго къ великорусскому.

Названія сербъ и хорватъ быть можетъ отличали нѣкогда двѣ особыя народности, но теперь онѣ отличаютъ двѣ культуры, то-есть имѣютъ смыслъ болѣе историческій, чѣмъ этнографическій. Это различіе началось очень давно и прошло глубоко, отразившись въ политической, литературной, общественной и особенно въ религіозной жизни двухъ вѣтвей одного и того же племени. Изъ разсказа Константина Багрянороднаго видно, что и пришолъ этотъ народъ (въ началѣ VII вѣка) изъ своей закарпатской родины двумя военными товариществами, и, лишь благодаря счастливой случайности, сербы снова поселились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ хорватами въ этомъ новомъ задунайскомъ своемъ отечествѣ. Впечатлѣнія и вліянія географическія и историческія, которымъ должны были подвергаться тѣ и другіе здѣсь, въ Иллиріи, были весьма различны и это обстоятельство имѣло важное

вліяніе на всю ихъ будущность. Иллирія была именно тотъ край, гдѣ ранѣе всего началась борьба двухъ, сначала политическихъ, а потомъ и религіозныхъ, центровъ тогдашней Европы: Рима и Византіи. Юго-восточная, сербская часть этого племени, подобно Болгаріи и Руси, примкнула къ центру культуры восточной, греческой, а сѣверо-западная, хорватская часть попала въ кругъ притяженія къ центру образованности западной, латинской. Просвѣтительное вліяніе Рима на хорватовъ дѣйствовало непосредственнѣе и прямѣе, чѣмъ вліяніе Византіи на Сербію, которая была заслонена съ этой стороны государствомъ Болгарскимъ. Съ другой стороны, приморское положеніе Далмаціи, ея давнія и тѣсныя связи съ Италіей, присутствіе римской стихіи въ населеніи, по-крайней-мѣрѣ городовъ— все это содѣйствовало раннему выступленію на историческую сцену западной, хорватской части племени, между-тѣмъ какъ сербское населеніе восточныхъ горъ и плоскогорій еще долго прозябало въ неподвижной тишинѣ патріархальнаго быта, прерываемой лишь междоусобіями отдѣльныхъ общинъ и жупаній, на которыя еще долго распадалась эта земля.

Въ началѣ IX вѣка хорваты должны были защищать свою независимость отъ завоевательныхъ стремленій франковъ Карла Великаго. Отчаянные подвиги Людевита были однако напрасны, потому-что въ средѣ самихъ хорватовъ нашлись пособники франковъ. Хотя на этотъ разъ иго не было продолжительно; но оно было печальнымъ предвѣстникомъ многихъ бѣдъ и опасностей, которыя съ-тѣхъ-поръ не переставали тяготѣть надъ страной и разрушать всѣ попытки политическаго объединенія и независимаго существованія хорватовъ. Съ такимъ же недружелюбіемъ относился къ славянской народности и духовный представитель и глава запада. Не удивительно, что сѣмяна христіанства, приносимыя въ Хорватію западными миссіонерами, падали на почву не воспріимчивую и не пускали корней въ народномъ духѣ до-тѣхъ-поръ, пока эти зародыши христіанства не были освѣщены и согрѣты взошедшимъ изъ сосѣдней Болгаріи и Паннонія солнцемъ христіанской проповѣди на славянскомъ языкѣ.

При той тѣсной связи церкви съ государствомъ, которая составляла преобладающій характеръ средневѣковаго періода европейской образованности, неудивительно, что въ славянскихъ странахъ судьба славянскихъ народностей самымъ тѣснымъ образомъ была связана съ судьбами славянскихъ церквей. Въ этомъ отношеніи замѣчательны два факта: во-1-хъ, успѣшное распространеніе славянской проповѣди во всѣхъ сербо-хорватскихъ странахъ; даже грозные пираты неретчане охотно приняли христіанство въ той славянской формѣ, какъ оно было предложено имъ солунскими братьями; во-2-хъ, это чистое христіанство встрѣтилось на сербо-хорватской почвѣ съ двумя врагами: народными предразсудками съ одной стороны и римскимъ властолюбіемъ съ другой. Предразсудки новопросвѣщеннаго народа ловко были эксплоатированы разными сектаторами, особенно же миссіонерами павликіанскихъ дуалистическихъ сектъ, которыя на славянской (болгарской и сербской) почвѣ переработались въ ересь богомильскую, дѣйствуя на народное воображеніе причудливой фантастичностію своихъ догматическихъ ученій о началѣ въ мірѣ добра и зла, а съ другой стороны снисходительно относясь къ живымъ еще въ народной памяти остаткамъ языческихъ вѣрованій.

Другимъ болѣе опаснымъ и непримиримымъ врагомъ славянскаго православія была римская курія и ея пособники. Извѣстны стѣсненія и придирки, которыми удалось ей затормозить дѣятельность солунскихъ братьевъ и ихъ учениковъ въ Моравіи и Панноніи. Съ такимъ же недоброжелательствомъ приняла курія и фактъ усвоенія славянскаго богослуженія сербо-хорватскимъ народомъ. Послѣдній противопоставилъ однако свою хотя нѣмую и пассивную, но непреклонную оппозицію попыткамъ замѣны въ богослуженіи славянскаго языка латинскимъ. Вопреки соборнымъ опредѣленіямъ 925 и 1059 годовъ, славянская литургія вѣроятно удерживалась въ странѣ, и въ 1248 году папа Иннокентій IV принужденъ былъ признать существовавшій фактъ. Римъ довольствовался тѣмъ, что узаконилъ если не внутреннее, то хоть внѣшнее отличіе богослужебныхъ книгъ хорватовъ отъ книгъ другихъ православныхъ славянъ: оно состояло въ особой азбукѣ, которою писались, а впослѣдствіи и печатались эти книги, въ такъ-называемой *глаголицѣ*. Вопросъ о времени, мѣстѣ и обстоятельствахъ ея происхожденія до-сихъ-поръ еще не достаточно выясненъ. Несомнѣнна однако ея отдаленная древность, лишь немногимъ уступающая древности азбуки кирилловской, а по мнѣнію нѣкоторыхъ даже превосходящая ее въ этомъ. Изъ своей

болгарской по видимому родины она, быть-можетъ, вмѣстѣ съ павликіанствомъ или богомильствомъ, распространилась въ земли сербо-хорватскія, особенно же въ адріатическое приморье, гдѣ она скоро утвердилась и, какъ внѣшній признакъ внутренняго раскола славянъ, была заботливо поддерживаема и даже распространяема римской куріей, преслѣдовавшей въ кириллицѣ злой призракъ греческой схизмы и органъ духовной самобытности славянъ. Тѣ же цѣли и тѣми же способами преслѣдовались сначала сектаторами, а потомъ католиками и въ Босніи. Чтобы отрѣшить ее отъ вліянія общей церковно-славянской письменности, кириллица была преобразована здѣсь въ *букеицу*, съ усвоеніемъ скорописнаго кирилловскаго почерка, исключеніемъ нѣкоторыхъ буквъ и введеніемъ правописанія чисто-фонетическаго, не связаннаго никакими литературными преданіями.

Всѣ эти обстоятельства — отдѣленіе отъ востока и подчиненіе западу въ отношеніи политическомъ и религіозномъ — рано задержали духовное развитіе хорватской народности. Босна то же томилась въ продолжительной борьбѣ внутренней—разныхъ сектъ, сословій и родовъ, и внѣшней — съ Угріей и Сербіей. Когда, такимъ образомъ, въ XI—XII вѣкахъ значительно изсякла духовная сила и историческая дѣятельность въ сѣверо-западной части племени, начинается политическое и духовное объединеніе и развитіе въ юго-восточной его половинѣ: она просыпается отъ пятивѣковой дремоты и выступаетъ на сцену исторіи. Первымъ дѣятелемъ государственнаго и религіознаго устроенія Сербіи былъ великій жупанъ Расы святой Стефанъ Нѣманя (умеръ въ 1200 году) и два его сына: св. Савва (1169—1237) и Стефанъ Первовѣнчанный (умеръ въ 1224 году). То обстоятельство, что основатель сербской династіи, родившись въ католичествѣ, перешолъ въ православіе, показываетъ направленіе духовнаго развитія новоустроенной державы. Избравъ своей столицей городъ Расу, въ глубинѣ Балканскаго полуострова, почти на рубежѣ сербской народности съ болгарскою, Нѣманя и его преемники обнаружили желаніе унаслѣдовать религіозныя и политическія преданія болгарскаго Симеона и Самуила. Подобно болгарамъ, сербы охотно подчинились греческому вліянію въ области духовной, но сопротивлялись всякому политическому преобладанію императора на полуостровѣ. Съ другой стороны, подобно Симеону и Самуилу, нѣманичи не ограничились собраніемъ земель сербскихъ, но стремились подчинить себѣ и болгаръ. Такъ древня борьба этихъ двухъ народностей за преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ! Но это политическое соперничество не мѣшало сербамъ усвоить себѣ литературный языкъ и всю письменность старой Болгаріи: подобно древней Руси, старая Сербія сочла это дорогое наслѣдіе св. Кирилла достояніемъ общеславянскимъ. Вотъ почему большая часть остатковъ письменности старосербской представляетъ лишь скудные матеріалы для исторіи какъ сербскаго языка, такъ и народа: это сербскіе изводы, списки съ оригиналовъ староболгарскихъ. Даже въ томъ немногомъ, что старая Сербія произвела самостоятельнаго въ области письменности, господствуетъ тотъ же языкъ, духъ и направленіе. Подобно староболгарской, письменность старосербская вращается въ кругу понятій и интересовъ почти исключительно церковныхъ; ея міросозерцаніе можно назвать монашескимъ. Да это и не удивительно: припомнимъ, что главнымъ центромъ старосербской письменности была знаменитая Хиландарская лавра, основанная на Аѳонѣ св. Саввою. Не переходя почти за ограды монастырей, сербская письменность оставалась далекою и чуждою народной жизни. Житія святыхъ и службы имъ, монастырскіе уставы, скудная панегирическая монашеская лѣтопись — вотъ содержаніе всей почти старосербской письменности, если исключить изъ нея грамоты и душановъ «Законникъ», которые представляютъ много данныхъ для исторіи языка и права, но не могутъ быть названы произведеніями въ собственномъ смыслѣ литературными. Что касается внутренняго значенія и достоинства этой церковно-богословской письменности, то надобно признать, что поднявшись на нѣкоторую и довольно значительную высоту въ произведеніяхъ св. Саввы, Стефана Первовѣнчаннаго и Доментіана, въ первой половинѣ XIII вѣка, она быстро начала затѣмъ клониться къ упадку и совершенно измельчала. Лучшими ея образцами остались три житія Стефана Нѣмани, писанные тремя названными лицами, и одно житіе св. Саввы, писанное Доментіаномъ. Нѣкоторое литературное значеніе имѣетъ еще «Родословъ» или «Царественникъ» архіепископа Даніила, заключающій въ себѣ жизнеописаніе шести сербскихъ королей, десяти архіепископовъ и трехъ патріарховъ (1224—1375). Впрочемъ послѣдніе отдѣлы этого

труда принадлежать перу уже продолжателей Данiила. «Родославъ» не можетъ идти въ сравненiе съ первой лѣтописью русской: его напыщенное и широковѣщательное, но малосодержательное изложенiе, монашеская точка зрѣнiя, съ которой оцѣниваются всѣ личности и событiя, панегирическiй и подобострастный тонъ, съ восхваленiемъ даже преступленiй людей высокопоставленныхъ, все это такъ отлично отъ благочестиваго, но разумнаго, простого и фактическаго способа изложенiя лѣтописца русскаго. То же должно сказать и о большей части позднѣйшихъ сербскихъ лѣтописцевъ, которые черпали свои матерiалы либо изъ греческихъ хронографовъ, либо изъ сербскихъ житiй и «Родослова», наполняя свои страницы не фактами изъ народной жизни, а своими благочестивыми размышленiями о созданiи церквей, монастырей и т. п.

Позднѣйшiе сербы старались окружить ореоломъ личность и престолъ старыхъ своихъ царей, особенно же Душана Сильнаго; но это не вполнѣ оправдывается историческими фактами. Внутренняя слава страны и народное развитiе не соотвѣтствовали внѣшней обширности государственныхъ владѣнiй и политическихъ задачъ, которыя думали преслѣдовать сербскiе государи. Быть-можетъ Даничичъ былъ правъ, утверждая, что время нѣманино выше душанова: объединенiе народа важнѣе походовъ на Царьградъ. Изъ Нѣманина жупанства выросло Сербское королевство, а за Душановымъ царствомъ вдругъ открылась пропасть. Видно, искусственно было это государство и непомѣрно раздуты его мнимыя силы, если одинъ несчастный день, одна проигранная битва навсегда рѣшили судьбу этого, казалось, сильнаго и обширнаго государства! День святого Вида (15 iюня 1389 г.) останется навсегда траурнымъ днемъ сербовъ не потому, чтобы онъ сломилъ на-всегда народную силу, а потому, что разрушилъ величавую, хотя и легкомысленную иллюзiю. Первое время турецкаго порабощенiя не во многомъ измѣнило внутреннiя отношенiя страны: остались по прежнему свои правители, свои князья и патрiархи. Терпимость и даже уваженiе къ сербской народности турецкаго правительства (въ XV и XVI вѣкахъ) видно, напримѣръ, изъ того, что сербскiй языкъ нѣкоторое время былъ даже дипломатическимъ въ сношенiяхъ съ Угрiей, Румынiей, Дубровникомъ и Албанiей султановъ Мурада II, Магомета II, Баязета II, Селима I, Солимана II (отъ нихъ остались подлинныя сербскiя письма). Положенiе стало ухудшаться лишь тогда, когда сама Турцiя стала разлагаться и ея крѣпкая правительственная организацiя разстроилась.

Если и прежде народъ неохотно сносилъ надъ собой господство людей чужой вѣры, которую онъ презиралъ, и въ лицѣ ускоковъ искалъ свободы въ глуши горъ и лѣсовъ, а отчасти и въ предѣлахъ сосѣднихъ христiанскихъ государствъ (особенно въ Хорватiи и Угрiи), то тѣмъ болѣе стало для него невыносимо турецкое господство тогда, когда, наряду со стѣсненiями политическими, усилился гнётъ административный, притѣсненiя фискальныя и фанатизмъ религiозный. Тогда только, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, совершились тѣ громадныя выселенiя сербовъ съ ихъ деспотами и патрiархами въ Австрiю, которыя обезлюдили Старую Сербiю и оставили ее открытою для сосѣднихъ албанцевъ, охотно обмѣнявшихъ свои скалы на эти плоскогорья. Это обстоятельство очень затруднило и отодвинуло соединенiе, слѣдовательно и освобожденiе славянъ балканскихъ. Но, съ другой стороны, это выселенiе было полезнымъ и даже необходимымъ для подкрѣпленiя славянской народности на Савѣ и среднемъ Дунаѣ. Австрiйское правительство вѣроломнымъ нарушенiемъ обѣщанiй, данныхъ патрiархамъ Черноевичамъ и возмутительнымъ фактомъ пожизненнаго заключенiя въ Вѣнѣ, а потомъ Хебѣ, въ Чехiи, послѣдняго сербскаго деспота Георгiя Бранковича, доказало сербамъ, что и за Савой у славянъ есть враги, даже болѣе опасные и непримиримые, чѣмъ сами турки. Этотъ несчастный Бранковичъ заслужилъ себѣ благодарную память въ исторiи не только сербскаго народа, но и сербской литературы: во печальномъ двадцатидвухлѣтнемъ заключенiи онъ составилъ подробную исторiю сербскаго народа, которая осталась въ рукописи, но которою въ многомъ воспользовался впослѣдствiи знаменитый Раичъ.

Въ то время, какъ духовная дѣятельность, послѣ двухвѣкового напряженiя, опять надолго ослабѣла на сербскомъ востокѣ, она неожиданно и быстро развилась до размѣровъ очень значительныхъ на далматскомъ и хорватскомъ западѣ. Благопрiятное положенiе нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ (Задръ, Сплѣтъ, Шибеникъ, Трогиръ, особенно же Дубровникъ) и развитiе ихъ торговой и промышленной дѣятельности содѣйствовало ихъ матерiальному обогащенiю и умственному разви-

тію. Правда, это благосостояніе и эта торговая дѣятельность скоро навлекли на нихъ алчность королей угорскихъ и ревнивое соперничество республики Венеціанской, добивавшейся безраздѣльнаго господства на Адріатикѣ. Но нѣкоторые изъ поименованныхъ городовъ, особенно же Дубровникъ, удачно умѣли лавировать между Угріей и Венеціей, а потомъ Венеціей и Турціей, опираясь отчасти на поддержку своихъ восточныхъ соплеменниковъ, откуда не переставали спускаться въ Далмацію и Хорватію то бѣдные ускоки, то богатые властели и князья, искавшіе здѣсь убѣжища во время домашнихъ смутъ и политическихъ переворотовъ. Эта непрерывная почти эмиграція изъ Герцеговины, Босны, Сербіи и Черногоріи въ адріатическое прибрежье и на острова поддерживала здѣсь славянскую стихію, что было необходимо и спасительно въ виду сильной италіянизаціи, обхватывавшей особенно верхніе слои населенія — племичей и горожанъ. Лучше сохранялся славянскій бытъ и языкъ въ сельскихъ общинахъ: это видно даже изъ сравненія, напримѣръ, законниковъ городскихъ со статутами сельскихъ общинъ. Въ первыхъ сильно отражается вліяніе юридическихъ понятій и учрежденій Италіи и Германіи, а вторые представляютъ сборники опредѣленій обычнаго народнаго славянскаго права, въ родѣ «Русской Правды» или «Законника» Стефана Душана. Статуты далматинскихъ городовъ и общинъ сохранились либо на латинскомъ, либо на итальянскомъ, либо на славянскомъ языкѣ: послѣдніе замѣчательны для исторіи не только славянскаго права, но и славянскаго языка, представляя древнѣйшіе образцы сербскаго нарѣчія въ его чистомъ видѣ, безъ тѣхъ примѣсей церковно-славянщины, отъ которыхъ не свободны даже юридическіе акты, грамоты и «Законникъ», вышедшіе изъ канцеляріи государей сербскихъ. Рядомъ съ этими статутами необходимо упомянуть еще о хорватской хроникѣ, составляющей, въ одной по-крайней-мѣрѣ части, довольно поздній переводъ древней латинской хроники Безыменнаго, пресвитера Дуклянскаго или Діоклейца (около 1161). Эта хроника имѣетъ, впрочемъ, значеніе болѣе литературное, чѣмъ историческое, такъ-какъ она представляетъ по видимому книжную компиляцію изъ народныхъ преданій и разсказовъ, быть-можетъ еще разукрашенныхъ цвѣтами фантазіи самаго составителя.

Около половины XV вѣка является въ Далмаціи первый центръ дѣятельности литературной въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это былъ городъ Дубровникъ (Ragusa), называвшійся нѣкогда юго-славянскими Аѳинами и бывшій достойнымъ соперникомъ Венеціи на Адріатическомъ морѣ. Его возвышеніе совпадаетъ со временемъ самаго значительнаго государственнаго развитія душановой Сербіи, съ которой онъ всегда находился въ самыхъ тѣсныхъ и непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Многочисленныя грамоты разныхъ сербскихъ государей и владѣтелей показываютъ, что дубровчане держали въ своихъ рукахъ монополію всей внутренней и внѣшней торговли континентальной Сербіи, которую они связывали съ рынками венеціанскимъ и константинопольскимъ. Завоеваніе Сербіи Турціею не имѣло вреднаго вліянія на торговлю и промышленность Дубровника. Напротивъ, сюда стеклось тогда много новыхъ силъ матеріальныхъ и умственныхъ, такъ-какъ онъ сталъ убѣжищемъ для многихъ сербскихъ и греческихъ эмигрантовъ, принесшихъ сюда свои богатства и знанія. Съ другой стороны, паденіе Константинополя, изобрѣтеніе книгопечатанія и возрожденіе наукъ въ западной Европѣ, а прежде всего въ Италіи, не могли не дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на умственное настроеніе населенія Далмаціи, по-крайней-мѣрѣ тѣхъ его мѣстностей и классовъ, которые издавна находились въ тѣсныхъ духовныхъ связяхъ съ Италіей. Всѣ эти обстоятельства содѣйствовали возникновенію въ Дубровникѣ и нѣкоторыхъ другихъ далматинскихъ городахъ чрезвычайно богатой и блестящей литературы, которая въ славянской исторіи является замѣчательнымъ, но совершенно отрывочнымъ эпизодомъ, внѣ всякой связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ въ исторіи сербской и общеславянской. Дубровницкая литература, по своему содержанію и направленію, во многомъ представляетъ лишь звонкое эхо современной итальянской: въ сочиненіяхъ Данте и Петрарки, Тасса и Аріоста, Гварини и Виды можно найти образцы и даже сюжеты многихъ поэтическихъ произведеній Минчетича и Лучича, Ветранича и Златарича, Гундулича и Пальмотича. Двѣсти лѣтъ текли параллельно два потока: они вышли изъ того же источника и изсякли въ одно и то же время и отъ тѣхъ же почти причинъ. Этимъ источникомъ былъ воскресшій геній древней Греціи и Рима; причиной же паденія было распространеніе и господство въ западной Европѣ французскаго псевдоклассицизма. Въ са-

момъ дѣлѣ, если мы посмотримъ на сюжеты дубровницкой поэзіи, то увидимъ, что также какъ и въ тогдашней итальянской они заимствовались большею частію изъ Омира, Софокла, Еврипида, Анакреона, Моска, Филемона, Виргилія, Овидія, Горація, Катула, Тибулла, Проперція, Марціала и другихъ классическихъ писателей. Впрочемъ, несправедливо было бы думать, что дубровницкая поэзія во всемъ есть не болѣе, какъ блѣдная копія съ итальянской. Во многихъ случаяхъ дубровницкіе снимки оказываются едва ли не выше своихъ итальянскихъ оригиналовъ; во всякомъ же случаѣ, подражаніе здѣсь было свободное, а не рабское; оно заключалось болѣе въ общей манерѣ, въ тонѣ изложенія, въ общихъ иногда сюжетахъ, но не въ подробностяхъ развитія основной мысли, не въ выборѣ и группировкѣ частностей. Такъ, напримѣръ, Гундуличъ, при написаніи своей знаменитой поэмы «Османъ» имѣлъ, быть-можетъ, въ виду «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса, а Пальмотичъ, писавши «Христіаду», заимствовалъ для нея сюжетъ изъ подобной поэмы Виды. Это не помѣшало однако ни тому, ни другому представить созданія въ высокой степени художественныя, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко превосходящія названные итальянскіе образцы (особенно послѣдній изъ нихъ).

Съ другой стороны въ дубровницкой поэзіи встрѣчается много указаній и намековъ, много красокъ и картинъ, взятыхъ изъ мѣстной жизни, описаніе городовъ и островов, сельскихъ занятій, событій жизни общественной и фактовъ изъ славянской исторіи: достаточно назвать «Цыганку» Чубрановича, «Рыбную ловлю» Гекторевича, особенно же великолѣпную эпопею Гундулича «Османъ», сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи борьбы славянъ съ мусульманами (1621) т. е. того самаго эпическаго цикла, который составляетъ исключительное почти содержаніе сербскихъ юнацкихъ пѣсенъ. Впрочемъ, если бы можно было даже доказать, что въ содержаніи многочисленныхъ дубровницкихъ одъ, посланій, элегій, идиллій, поэмъ и драмъ нѣтъ ничего народнаго, славянскаго, то и тогда онѣ не потеряли бы своего важнаго значенія въ исторіи славянской литературы уже по тому одному, что здѣсь мы находимъ столь высокую художественную прелесть сербскаго языка, что онъ надолго еще останется образцовымъ и неподражаемымъ. Это особенно должно сказать о трехъ послѣднихъ корифеяхъ дубровницкой поэзіи: Гундуличѣ, Пальмотичѣ и Джорджичѣ. Это мастерство дубровницкихъ поэтовъ въ употребленіи сербскаго языка тѣмъ для насъ удивительнѣе, что получая воспитаніе большею частію въ Италіи, или отъ итальянскихъ учителей, они должны были употреблять въ школѣ, въ наукѣ и управленіи языки латинскій и итальянскій; а нѣкоторые, какъ Раньина, Златаричъ и Джорджичъ писали и стихи на этихъ языкахъ съ неменьшей свободой, какъ и на своемъ родномъ сербскомъ. Гдѣ же находили они образцы поэтическаго употребленія послѣдняго? Не въ другомъ чемъ, какъ въ произведеніяхъ сербской народной словесности, образчики которой даже уцѣлѣли въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ далматинскихъ поэтовъ. Мы можемъ назвать наконецъ одного далматинскаго поэта, хотя болѣе уже поздняго времени, именно первой половины XVIII вѣка, который соединилъ художественную форму старыхъ поэтовъ дубровницкихъ съ народнымъ содержаніемъ поэтовъ новосербскихъ. Это Андрей Качичъ Міошичъ, оставившій въ своемъ сочиненіи «Разговоръ угодни народа словинскаго» поэтическое описаніе важнѣйшихъ эпизодовъ сербской исторіи. Это сочиненіе досихъ-поръ остается самою любимою и популярною книгою во всѣхъ мѣстностяхъ и слояхъ сербскаго народа. Этотъ характеръ и цѣль книги, кругъ читателей, къ которымъ она обращена и на которыхъ разсчитана, знаменуютъ эпоху уже новыхъ литературныхъ взглядовъ и задачъ.

Вообще же дубровницкую поэзію, по ея происхожденію и цѣлямъ, должно назвать скорѣе сословною, чѣмъ народною. Въ городахъ Далмаціи, по образцу Италіи, составлялись общества или клубы, членами которыхъ были по большей части люди аристократическихъ фамилій; устраивались литературные вечера, домашніе спектакли и т. п., для которыхъ и писалась большая часть произведеній далматинской литературы разсматриваемаго періода. Предназначаемыя для тѣснаго кружка друзей произведенія распространялись большею частію въ немногочисленныхъ рукописныхъ копіяхъ, почему отъ нихъ уцѣлѣла и обнародована часть лишь очень незначительная въ сравненіи съ утраченнымъ или неизданнымъ. Народъ же не принималъ почти никакого участія въ этой блестящей литературной дѣятельности своихъ племичей, а также не многихъ патеровъ и горожанъ. О развитіи литературнаго вкуса и распространенія положительныхъ знаній въ на-

родѣ не было еще рѣчи. Къ литературѣ, какъ могучему средству пропаганды въ народъ извѣстныхъ идей, прибѣгли впервые дѣятели реформаціи, а послѣ нихъ и католическіе проповѣдники должны были волей-неволей взяться за то же орудіе для сохраненія своей власти надъ просыпающимися умами народовъ. Впрочемъ, реформаціонное движеніе изъ своихъ германскихъ центровъ могло распространиться на славянскомъ югѣ лишь въ ближайшихъ къ Германіи мѣстностяхъ, именно въ землѣ словенцевъ и въ собственной провинціальной Хорватіи. Первыми вносителями въ эти страны протестантскихъ идей были даже отчасти одни и тѣ же лица, какъ напримѣръ словенцы Унгандъ и Далматинъ, хорватъ Юридичъ, сербъ Поповичъ и боснякъ Малешевичъ. Въ народъ тогда пущено было множество хорватскихъ букварей, катихизисовъ и молитвенниковъ, которые печатались для этой цѣли въ Виттембергѣ, Тюбингенѣ, Регенсбургѣ и Нюренбергѣ, а потомъ и въ самой Хорватіи, въ типографіи одного изъ графовъ Цринскихъ, ставшаго ревностнымъ прозелитомъ протестантизма. Впрочемъ, католической реакціи въ XVII вѣкѣ удалось подавить въ Хорватіи протестантизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и начатки народнаго образованія. Еще два вѣка продолжалась здѣсь полусонная дремота народа, убаюкиваемаго іезуитскими молитвенниками и катихизисами и не пробуждаемаго ни сухими словарями и грамматиками Габделичей и Бѣлостѣнцевъ, ни однообразнымъ воспѣваніемъ подвиговъ сигетскаго героя, Петра Цринскаго, и другихъ поучительныхъ матерій.

Подобный же характеръ носитъ на себѣ литературная дѣятельность боснійскихъ францисканцевъ (въ XVII и XVIII вѣкахъ) и духовныхъ книжниковъ въ Славоніи (съ начала XVIII вѣка). Нѣкоторое пробужденіе и духъ жизни виденъ лишь въ сатирическихъ опытахъ Рельковича и народныхъ идилліяхъ знаменитаго ученаго Катанчича.

Прежде чѣмъ перейти отъ этихъ чуть еще мерцающихъ проблесковъ пробуждающейся на славянскомъ югѣ духовной дѣятельности къ болѣе яркимъ фактамъ литературнаго и политическаго возрожденія сербо-хорватскаго народа, мы остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ обнаруженіяхъ вліянія Россіи на сербо-хорватскую письменность этого средняго ея періода. Между духовною дѣятельностію православныхъ славянъ разныхъ странъ всегда поддерживалась тѣсная связь и взаимодѣйствіе. Литературная собственность болгаръ была съ тѣмъ вмѣстѣ полнымъ достояніемъ Руси и Сербіи и на оборотъ. Такъ было по-крайней-мѣрѣ съ ихъ церковной письменностію. По счастливому стеченію случайностей, или по дѣйствію болѣе строгихъ историческихъ законовъ ослабленіе духовной дѣятельности въ одной изъ этихъ народностей сопровождалось соотвѣтственнымъ ея усиленіемъ въ другой, такъ-что, при взаимной поддержкѣ духовная жажда каждой народности находила себѣ удовлетвореніе болѣе или менѣе равномѣрное и непрерывное. Въ первый періодъ Болгарія дѣлилась избыткомъ своихъ книжныхъ произведеній съ Русью и Сербіею. Въ XI вѣкѣ Болгарія падаетъ, но за-то укрѣпляется и развивается новопросвѣщенная Русь. Когда же она въ XIII вѣкѣ подверглась монгольскому игу, то духовное представительство православнаго славянства перешло къ Сербіи. Въ концѣ XIV вѣка сербское пораженіе на равнинѣ Косовской отчасти вознаграждено было современной и соразмѣрной русской побѣдой на полѣ Куликовомъ: съ XV вѣка Россія должна была въ другой разъ спасать дѣло славянства и провославія — и она его вынесла на своихъ плечахъ. Хотя сербская церковь не раздѣлила судьбы сербскаго государства и пережила его паденіе, однако и она истощилась бы наконецъ въ своихъ духовныхъ силахъ и средствахъ, если бъ не получала нравственной и матеріальной поддержки отъ далекой Москвы, снабжавшей Сербію церковными книгами, утварью и т. д. На западѣ распространилось даже убѣжденіе, что русская редакція славянскихъ богослужебныхъ текстовъ и есть нормальная древне-славянская. Этотъ предразсудокъ былъ раздѣляемъ между прочимъ и римской куріей. Когда въ началѣ XVII вѣка папа для противодѣйствія протестантизму долженъ былъ прибѣгнуть къ снабженію своей славянской паствы богослужебными книгами, то въ самомъ Римѣ стали печататься глаголическіе служебники, евангелія и т. д. исправленныя Леваковичемъ (по совѣту Терлецкаго) по русскимъ изводамъ. Точно также въ XVIII вѣкѣ издавалъ глаголическія книги извѣстный Караманъ. Этимъ положено начало искусственному образованію такъ называемаго славяно-сербскаго языка, который господствовалъ въ сербской литературѣ еще въ началѣ нашего вѣка. Быть-можетъ въ нѣкоторой связи съ этими ранними попытками литературнаго объединенія русскихъ и сербовъ стоитъ опытъ об-

разованія искусственнаго хорвато-русскаго языка, предложенный въ половинѣ XVI вѣка знаменитымъ хорватомъ Юріемъ Крижаничемъ (авторомъ очень замѣчательной русской грамматики, сочиненія о русскомъ государствѣ и др.). Обаяніе русскаго имени и вліяніе русскаго языка на славянскомъ югѣ усилились въ началѣ XVIII вѣка, подъ впечатлѣніемъ славныхъ подвиговъ Петра Великаго. Въ сербскія провинціи южной Австріи выписано было тогда изъ Кіева много учителей, которые принесли съ собой Смотрицкаго, Могилу и другія русскія учебныя книги. Какъ утвердилось тогда въ умахъ сербскаго образованнаго общества, особенно же духовенства, убѣжденіе въ полной пригодности для сербской науки и литературы этого подъ русскимъ вліяньемъ сложившагося тяжолаго и неуклюжаго славяно-сербскаго языка, видно изъ той жаркой оппозиціи, какую встрѣтили первыя попытки ввести въ сербскую литературу народный разговорный языкъ, сдѣланныя знаменитымъ въ сербской словесности Досиѳеемъ Обрадовичемъ (1739—1811). Онъ дѣйствительно является вѣстникомъ уже новаго времени и новыхъ идей; но главная его заслуга заключается не въ томъ, что онъ заговорилъ на письмѣ народнымъ языкомъ—мы видѣли это и въ Дубровникѣ — а въ томъ, къ кому и о чемъ онъ завелъ свою рѣчь. Подобно своему единственному предшественнику на этомъ пути, Качичу, онъ обратилъ свою рѣчь къ народнымъ массамъ, говоря языкомъ для нихъ доступнымъ и о предметахъ для всякаго интересныхъ и полезныхъ. Въ «Совѣтахъ здраваго смысла», и въ своей «Жизни и приключеніяхъ» онъ имѣлъ цѣлію передать народу тѣ свѣдѣнія и ту практическую мудрость, которую нажилъ собственнымъ тяжолымъ опытомъ, своей скитальческой жизнію, полною тревогъ и приключеній. Досиѳей былъ также небезучастнымъ свидѣтелемъ завязавшейся въ началѣ нашего вѣка борьбы за освобожденіе и былъ первымъ устроителемъ школьнаго дѣла въ возрожденной Сербіи. Не безслѣдною для народнаго развитія осталась также учонолитературная дѣятельность протоіерея Ранча, перваго исторіографа сербскаго народа. Но по своему взгляду на литературный языкъ и способу изложенія онъ принадлежитъ еще XVIII вѣку, переходному въ сербской исторіи. Истиннымъ же представителемъ и главнымъ двигателемъ литературнаго возрожденія сербскаго народа долженъ быть названъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Его пятидесяти-лѣтняя литературная дѣятельность (1814—1864) произвела глубокій и благодѣтельный переворотъ не только въ народномъ самосознаніи сербовъ, но и во взглядахъ науки на ихъ языкъ, исторію, этнографію. Въ произведеніяхъ народнаго творчества сербовъ, онъ открылъ для изученія цѣлый міръ новыхъ образовъ и звуковъ, понятій и идеаловъ, вѣрованій и преданій, неизсякаемый источникъ открытій для этнографа и вдохновеній для художника. Сербская народная словесность, по ясности, широтѣ и самобытности выражающагося въ ней міросозерцанія, несравненно выше всего, что создало до-сихъ-поръ личное творчество сербскихъ художниковъ, и потому долго еще сравнительное достоинство послѣднихъ будетъ измѣряться по мѣрѣ ихъ приближенія либо отдаленія отъ этой неподвижной и возвышенной нормы. Этотъ взглядъ опредѣляетъ направленіе, господствующее въ новой школѣ сербскихъ поэтовъ и писателей. Вотъ почему изданіе произведеній сербскаго народнаго творчества Вукомъ составило эпоху въ исторіи сербской словесности. Но этимъ не ограничиваются его заслуги: онъ первый собралъ и разсмотрѣлъ въ достаточной полнотѣ составъ и строй сербскаго народнаго языка, въ разныхъ его развѣтвленіяхъ; своей теоріей, примѣромъ и вліяніемъ онъ болѣе всѣхъ другихъ содѣйствовалъ установленію опредѣленной нормы сербскаго литературнаго языка. Въ этомъ случаѣ онъ оказалъ справедливое предпочтеніе звуковымъ и грамматическимъ особенностямъ такъ называемаго штокавскаго говора, господствующаго въ южныхъ, наиболѣе чистыхъ этнографически и пѣсенныхъ мѣстностяхъ сербской площади и бывшаго уже разъ литературнымъ органомъ дубровницкой поэзіи. Вотъ почему эта реформа безъ значительнаго сопротивленія была принята не только адріатическими чакавцами, но и загребскими кайкавцами. Болѣе споровъ и возраженій вызвало другое нововведеніе Вука, хотя касающееся предмета болѣе второстепеннаго, именно—правописанія. До Вука у православныхъ сербовъ, какъ и у русскихъ, господствовало унаслѣдованное отъ древности историческое или этимологическое правописаніе; Вукъ счелъ полезнымъ замѣнить его фонетическимъ или звуковымъ, издавна господствующимъ въ большей или меньшей мѣрѣ у всѣхъ славянъ неправославныхъ (даже у босняковъ). Но при этомъ онъ вдался быть-можетъ въ крайность,

совершенно пренебрегши въ правописаніи не только исторіею, но и этимологіею языка. Подобный методъ пригоденъ конечно для фонетической транскрипціи народныхъ пѣсенъ и сказокъ, имѣющихъ значеніе не только для литературы, но и для діалектологіи; но онъ едва ли удовлетворителенъ въ приложеніи къ языку литературному, который долженъ привести къ нѣкоторому, хотя и отвлеченному, единству неуловимое и безконечное разнообразіе мѣстныхъ говоровъ и поднарѣчій. Вотъ почему, быть-можетъ, не совсѣмъ безпричинною была сильная и продолжительная оппозиція, съ которою встрѣтился на этомъ пути Вукъ. Вождемъ ея былъ довольно извѣстный въ 30-хъ и 40-хъ годахъ сербскій публицистъ, поэтъ и политикъ Иванъ Хаджичъ (Свѣтичъ). Вукъ одержалъ однако побѣду, благодаря особенно-безтактному образу дѣйствій оппозиціи, которая уронила свое дѣло, поставивши его подъ эгиду самаго непопулярнаго въ Сербіи правительства Александра Карагеоргіевича. Молодое поколѣніе стало за преслѣдуемую вуковицу и она окончательно утвердилась въ сербской литературѣ, когда въ 1859 году и въ княжествѣ снято было съ нея запрещеніе, наложенное въ 1849 году.

Въ періодъ, отмѣченный именемъ Вука, сербская литература получила очень далекое развитіе, хотя болѣе въ ширину, чѣмъ въ глубину, то-есть болѣе по количеству, чѣмъ по качеству появившихся произведеній. Ея площадь постепенно расширялась и дѣятельность сосредоточивалась; появились литературные центры въ Новомъ-Садѣ, Бѣлградѣ, Загребѣ, Задрѣ. Уровень народнаго образованія возвышался, благодаря особенно плодотворной дѣятельности матицъ (новосадской, иллирской, далматинской), или обществъ для изданія народныхъ книгъ, учебниковъ, газетъ и т. д. При каждой матицѣ сталъ издаваться журналъ («Сербскій Лѣтописецъ», «Книжникъ», «Далматинская Заря»). Если же многое, какъ въ этихъ, такъ и другихъ публицистическихъ изданіяхъ этого времени, представляетъ очень еще слабые школьные опыты, переводы, заимствованія и подражанія, то и это въ свое время было полезно и даже необходимо, если оно удовлетворяло вкусу читателей и расширяло ихъ кругъ. Въ программу нашего легкаго очерка исторіи сербо-хорватской литературы не можетъ входить подробный критическій разборъ и оцѣнка литературныхъ произведеній новѣйшаго времени. Мы отсылаемъ читателей къ самому сборнику, гдѣ они найдутъ довольно подробныя выдержки, изъ которыхъ можно составить довольно опредѣленное понятіе о характерѣ, направленіи и достоинствахъ новосербской литературной школы. Съ другой стороны едва ли приспѣло время для исторической оцѣнки писателей и ихъ произведеній, не подвергшихся еще пробѣ времени, не отошедшихъ на такое отъ насъ разстояніе, съ котораго онѣ могли бы быть видны въ цѣлости и естественномъ своемъ освѣщеніи. Мы должны поэтому ограничиться здѣсь самыми общими замѣчаніями о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, предоставляя эстетическому вкусу читателя произнести приговоръ надъ дарованіемъ того или другого автора и достоинствомъ его произведеній.

Такъ-какъ журналы сдѣлались первыми центрами новозародившейся литературы, то мы должны упомянуть имена лицъ, потрудившихся на этомъ пути. Первымъ сербскимъ журналистомъ или публицистомъ долженъ быть названъ Димитрій Давидовичъ, много помогшій Вуку въ проведеніи его литературныхъ реформъ и въ обновленіи сербскаго литературнаго языка. По слѣдамъ Давидовича пошли затѣмъ: Иванъ Хаджичъ (Свѣтичъ), извѣстный составитель сербскаго «Законника», основатель Новосадской Матицы и противникъ Вука въ вопросѣ о сербскомъ правописаніи; Милошъ Поповичъ, 20 лѣтъ стоявшій во главѣ сербской журналистики; Ѳеодоръ Павловичъ, врагъ иллирской теоріи, апостоломъ которой былъ знаменитый въ свое время хорватскій публицистъ Людевитъ Гай, благодаря почину котораго хорваты приняли сербскую штокавщину, какъ общій литературный органъ всѣхъ хорватовъ и сербовъ.

Въ сербской поэзіи этого періода преобладаетъ лирика и эпосъ; въ области драмы сдѣланы были нѣкоторые опыты болѣе или менѣе удачные, причемъ произведенія Матвѣя Бана, Суботича, Боговича, Деметера и, въ особенности, Ивана Поповича и Лазаря Лазаревича пріобрѣли извѣстность; но все это не могло создать сербскаго народнаго театра, а тѣмъ болѣе идти въ сравненіе съ тѣмъ, что произвели новосербскіе писатели въ области лирической и эпической. Правда, что въ этомъ случаѣ они имѣли предъ собой неподражаемые образцы народнаго творчества; но, во всякомъ случаѣ, заслуга этихъ писателей велика уже потому, что они серьозно занялись разработкой этого народнаго клада, моти-

вовъ народной поэзіи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣли возвести сюжеты и мотивы безыскуственнаго народнаго творчества въ перлъ искусства.

Уже епископъ Лукіанъ Мушицкій пробовалъ свои силы въ лирикѣ; но его оды писаны на языкѣ нѣсколько искусственномъ и ненародномъ, а содержаніе — отвлеченно и тенденціозно, хотя нельзя ему отказать ни въ даровитости, ни въ обиліи мыслей и образовъ. Гораздо выше поднялся въ своемъ лирическомъ одушевленіи и эпической образности Сима Милутиновичъ, котораго упрекаютъ лишь въ недостаткѣ полной отдѣлки стиха и языка, нѣсколько смутнаго и хаотическаго. По его слѣдамъ пошолъ его ученикъ, знаменитый черногорскій владыко Петръ Петровичъ Нѣгошъ, великій какъ государь, человѣкъ и поэтъ. Его «Горскій вѣнецъ», сборникъ аллегорическихъ пѣсенъ въ драматической формѣ, стоитъ на высотѣ сербскаго народнаго творчества и принадлежитъ къ числу популярнѣйшихъ произведеній сербской литературы.

Не мало произведеній въ лирическомъ и эпическомъ родѣ оставили также Суботичъ, Матвѣй Банъ, Катянскій, Медо-Пучичъ, Антонъ Казали, Утѣшеновичъ, Тернскій, Прерадовичъ, Боговичъ, Вукотиновичъ, Деметеръ, Ненадовичъ, Якшичъ и нѣкоторые другіе. Поэтическія же произведенія, блеснувшаго яркимъ, но летучимъ метеоромъ, Радичевича, затѣмъ знаменитаго учонаго и политика Кукулевича-Сакцинскаго, славнаго автора «Ченгичъ-аги» Мажуранича, образованнаго и благороднаго словенца Станка Враза, черногорскаго публициста и поэта Сундечича—ихъ поэтическія произведенія могли бы занять почетное мѣсто и въ литературѣ болѣе богатой и развитой, чѣмъ сербохорватская. Художественная форма и высокая прелесть языка старыхъ поэтовъ далматинскихъ здѣсь соединяется съ оригинальностію содержанія и тона произведеній сербскаго народнаго творчества. Соединеніе же этихъ двухъ условій и полная ихъ гармонія могутъ служить ручательствомъ, что въ этихъ опытахъ сербская литература имѣетъ наконецъ сокровище, которое много грядущихъ поколѣній будетъ не только изучать, но и любить.

Въ числѣ названныхъ корифеевъ новосербской литературы одни принадлежатъ сербамъ, а другіе — хорватамъ. Мы поставили ихъ рядомъ потому, что съ сороковыхъ годовъ, благодаря усиліямъ Людевита Гая и его загребскихъ сотрудниковъ, хорваты примкнули къ литературному единству съ сербами и на всемъ пространствѣ отъ Новаго Сада до Цетинья и отъ Нѣготина до Рѣки употребляется теперь одинъ литературный языкъ, созданный, какъ мы видѣли, Вукомъ. Разница осталась лишь въ азбукѣ: католики пишутъ латинскимъ алфавитомъ, а православные кириллицей. И это обстоятельство со временемъ должно быть устранено, такъ-какъ оно вредитъ распространенію книгъ, напечатанныхъ въ Загребѣ въ Сербію и на оборотъ, слѣдовательно уменьшаетъ сбытъ или дѣлаетъ необходимымъ перепечатываніе того же текста въ двухъ видахъ.

Рядомъ съ развитіемъ литературы, и наука сдѣлала уже значительные успѣхи въ Сербіи и Хорватіи, особенно въ послѣдней. Имена Даничича, Кукулевича и Рачкаго сдѣлали бы честь и всякой другой литературѣ. Изданія Бѣлградскаго Учонаго Общества, а еще болѣе Загребской Югославянской Академіи заключаютъ въ себѣ много важнаго матеріала для мѣстной исторіи и этнографіи.

Можно надѣяться, что это развитіе сербской литературы и науки пойдетъ еще свободнѣе и успѣшнѣе, когда падетъ послѣдняя преграда вольному ея теченію, состоящая въ ненормальномъ политическомъ положеніи сербо-хорватскихъ земель, и когда совершится болѣе тѣсное — хоть литературное, если не политическое — сближеніе славянъ южныхъ съ западными и восточными.

А. Будиловичъ.

СЕРБО-ХОРВАТСКІЕ ПОЭТЫ.

Ш. МИНЧЕТИЧЪ.

Шишко Минчетичъ родился въ 1475 году въ Дубровникѣ. Онъ начинаетъ собою рядъ собственно дубровницкихъ поэтовъ, создавшихъ свою собственную, особую литературу, занявшую весьма почетное мѣсто среди подавлявшихъ ее сосѣднихъ литературъ, итальянской и латинской. Изъ біографіи Минчетича видно, что онъ началъ свое воспитаніе изученіемъ латинскихъ классиковъ и философіи Платона, а кончилъ собираніемъ родныхъ пѣсенъ и подражаніемъ имъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Далѣе въ біографіи его играетъ большую роль любовь, навѣявшая его «Pjesni ljuvezne», которыя такъ нравились современникамъ, что его ставили на равнѣ съ Петраркой. Но любовь Минчетича была чисто итальянско-романтическая и тонъ его пѣсенъ прямо напоминаетъ эротическихъ поэтовъ Италіи, какъ это легко можетъ увидѣть каждый, прочитавъ, помѣщенную вслѣдъ за этимъ, одну изъ лучшихъ его пѣсенъ въ близкомъ переводѣ. Минчетичъ умеръ въ 1524 году.

ПѢСНЯ.

Будь мнѣ господиномъ, свѣтлое ты солнце,
Чтобы не тужилъ я, сидя у оконца!
Будь мнѣ господиномъ, будь моимъ владыкой —
Своими лучами горе мнѣ размыкай:
Стану ими свѣтелъ, тѣми я лучами,
Какъ на нёбѣ мѣсяцъ промеждў звѣздами,
Словно царь гуляетъ посрединѣ царства...
Для любви другого нѣту мнѣ лекарства;
Безъ того рѣкою будутъ литься слёзы,
Жизнь не въ жизнь мнѣ будетъ, бури лишь да грозы.
Лучше бъ не родиться, бѣдъ не вѣдать болѣ:
Не было бы сердце въ этакой неволѣ!

Н. Бергъ.

Г. ЛУЧИЧЪ.

Ганибалъ Лучичъ родился въ 1480 году на островѣ Гваръ. Онъ много путешествовалъ по морю, любилъ науки и литературу. Кромѣ «Любовныхъ Пѣсенъ», сочинять которыя былъ обязанъ каждый поэтъ его времени, Лучичъ написалъ драму «Robinja», содержаніе которой взято изъ временъ борьбы хорватовъ съ турками, множество *похвальныхъ* и *надгробныхъ* стихотвореній и перевелъ пятнадцать главъ изъ Овидіевыхъ «Превращеній». Сочиненія Лучича были изданы въ 1556 году сыномъ его Антоніемъ; въ другой разъ, безъ любовныхъ пѣсенъ — въ 1638, и въ третій разъ — Гаіемъ, въ 1847 году, съ предисловіемъ доктора А. Мажуранича. Изъ числа мелкихъ стихотвореній Лучича, любопытна его пѣсня въ похвалу Дубровнику, въ которой высказывается и глубокое уваженіе его къ свободной общинѣ, и любовь къ славянству, погибающему подъ турецкимъ гнётомъ, и сожалѣніе о томъ, что славяне оставляютъ другъ друга безъ поддержки, и мольбы къ Богу о помощи противъ невѣрныхъ. Лучичъ умеръ въ 1525 году.

ИДЕАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА.

Вила хвастать красотою
Да не смѣетъ ни одна!
Что̀ красы всѣхъ вилъ предъ тою,
Кѣмъ мнѣ жизнь отравлена?
Предъ красавицей такою,
Что на диво создана,
Да не смѣетъ ни одна
Вила хвастать красотою!

Надъ челомъ ея прекраснымъ
Діадэму изъ волосъ
Созерцаю окомъ страстнымъ;
Въ дань я сердце ей принёсъ —
И стою̀ я ей подвластнымъ,
Зря, какъ золото вплелось
Въ діадэму изъ волосъ
Надъ челомъ ея прекраснымъ.

Зрю надъ чорными очами
Брови чорныя дугой;
Очи жгутъ весь міръ лучами
И творятъ его слугой
Ей покорнымъ; міръ съ ключами
Отъ сердецъ поникъ главой,
Брови чорныя дугой
Зря надъ чорными очами.

Рдѣютъ розовыя губки,
Словно царственный кораллъ;
Словно жѐмчугъ, блещутъ зубки;
Слово скажетъ — даръ низпалъ
Манны съ неба — въ райскомъ кубкѣ
Некторъ поданъ — пиръ насталъ.
Словно царственный кораллъ,
Рдѣютъ розовыя губки.

О, блаженъ, кто шейку эту,
Эти перси обоймётъ;
Въ торжествѣ, на зависть свѣту,
Всѣхъ владыкъ онъ превзойдетъ;
Равнодушный къ солнца свѣту,
Скажетъ: «пусть оно уйдетъ!»
О, блаженъ, кто обоймётъ
Эти перси, шейку эту!

Между женщинъ стройнымъ станомъ
Такъ возносится она,
Что, сдается, высшимъ саномъ
Въ ихъ кругу облечена...
Мелкій лѣсъ закрытъ туманомъ:
Только пальма въ немъ видна;
Такъ возносится она
Между женщинъ стройнымъ станомъ.

Цвѣтъ, что всѣхъ цвѣтовъ дороже,
Да не блекнетъ долги дни!
Золъ зубъ времени, но — Боже —
Ты ее оборони!
Смерть всѣхъ ко̀ситъ: отъ неё же
И ее ты отжени!
Да не блекнетъ долги дни
Цвѣтъ, что всѣхъ цвѣтовъ дороже!

В. Бенедиктовъ.

—

И. ГУНДУЛИЧЪ.

Иванъ Гундуличъ, знаменитѣйшій изъ старинныхъ дубровницкихъ поэтовъ, родился 27 декабря 1587 (8 января 1588) года въ Дубровникѣ. Жизнь и дѣятельность Гундулича совпадаетъ съ тѣмъ временемъ процвѣтанія дубровницкой республики, когда она достигла высочайшей степени своего развитія и славы. Школьнымъ его образованіемъ руководили іезуиты Сильвестръ Музи и Р. Риказоли; затѣмъ онъ изучалъ философію и право. Онъ началъ свое литературное поприще на 22-мъ году. Изученіе итальянскихъ поэтовъ отразилось въ его трехъ большихъ переводахъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ переводъ «Освобожденнаго Іерусалима» Тасса, а также и въ его первыхъ оригинальныхъ произведеніяхъ, именно — въ «Галатеѣ», «Церерѣ», «Клеопатрѣ», «Адонисѣ» и другихъ. Перенося итальянскія растенія на славянскую почву, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, старался перенести въ далматинскую литературу и итальянское благозвучіе стиха, и въ этомъ отношеніи достигъ такого совершенства, какое было не извѣстно ни его предшественникамъ, ни послѣдователямъ. Онъ присоединился потомъ къ обществу молодыхъ поэтовъ, посвятившихъ свою дѣятельность развитію драмы, и написалъ или перевелъ нѣсколько драматическихъ пьесъ, которыя разъигрывалъ на сценѣ вмѣстѣ съ своими товарищами. Вотъ названія этихъ пьесъ: «Аріадна», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, «Дубровничанка», идилическая драма въ трехъ дѣйствіяхъ, «Похищенная Прозерпина», драма въ трехъ дѣйствіяхъ, «Діана и Эндиміонъ», «Армида и Ринальдо» и

другія. Затѣмъ, перевелъ шесть псалмовъ (6, 31, 37, 50, 101 и 141-й) и издалъ ихъ отдѣльной книжкой въ 1621 году, подъ заглавіемъ «Псалмы царя Давида», написалъ элегическую поэму въ трехъ пѣсняхъ «Слезы блуднаго сына» и нѣкоторыя другія менѣе значительныя пьесы, наконецъ знаменитаго въ далматинской литературѣ «Османа», эпическую поэму въ двадцати пѣсняхъ, которой современники пророчили безсмертную славу, и которая до-сихъ-поръ пользуется огромною извѣстностью въ южно-славянской литературѣ. Желая выбрать такой сюжетъ, который бы имѣлъ высокій поэтическій интересъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ бы поводъ къ прославленію всего славянства, особенно его любимаго Дубровника, онъ взялъ предметомъ для своей эпопеи войну, происходившую въ 1621 году между поляками и турецкимъ султаномъ Османомъ и, въ особенности, событія послѣдовавшія за пораженіемъ турокъ подъ Хотиномъ и гибель султана Османа. Поэма представляетъ много истинно-прекрасныхъ мѣстъ. Патріотизмъ поэта выражается въ поэтическихъ обращеніяхъ къ любимому Дубровнику, къ сербскому народу, причемъ бросаетъ поэтически взглядъ на ея исторію и славу ея героевъ. Въ 1-й пѣснѣ поэтъ изображаетъ Османа, который томится, припоминая пораженіе недавно нанесенное ему поляками; онъ хочетъ наказать янычаръ, виновниковъ этого несчастія. Во 2-й пѣснѣ описанъ совѣтъ султанскихъ пашей: султанъ рѣшается послать къ польскому королю просить мира. Въ 3-й и 4-й пѣсняхъ изображено путешествіе султанскаго посла. Въ 5-й и 6-й разсказывается, какъ дорогою онъ встрѣчается съ Крунославою, которая ѣдетъ въ Турцію съ королевичемъ Владиславомъ, чтобы выкупить своего нареченнаго жениха, Коревскаго, и сталкивается на пути съ Соколицею, любовницею султана Османа. Далѣе, въ пѣсняхъ 7-й и 8-й, изображены подвиги этой Соколицы, которая, предводительствуя дружиною, опустошаетъ Польшу. Въ 10-й и 11-й пѣсняхъ описывается пребываніе султанскаго посла въ Варшавѣ и заключеніе мира. Въ пѣсняхъ 12-й, 13-й, 14-й и 15-й Крунослава, переодѣтая, посѣщаетъ въ темницѣ Коревскаго, но её предаютъ и толпа турокъ врывается въ темницу и убиваетъ ихъ обоихъ. Это служитъ поводомъ къ разрыву, такъ-какъ освобожденіе Коревскаго было однимъ изъ условій мира. Османъ беретъ себѣ въ жоны Соколицу и еще двухъ дѣвъ и готовится къ войнѣ. Пѣснь 16-я войско возмущается въ слѣдствіе приказа готовиться къ походу. Пѣсни 17-я, 18-я и 19-я: Османъ старается усмирить бунтъ, но его дядя, Даудъ-бей, становится во главѣ бунтовщиковъ, убиваетъ визиря и прочихъ приближонныхъ султана, освобождаетъ родственника султана Мустафу изъ темницы и провозглашаетъ его султаномъ. Пѣснь 20-я: Османа уводятъ въ семибашенный замокъ и тамъ удушаютъ его. Изъ двадцати пѣсенъ «Османа» двѣ были затеряны, и впослѣдствіи ихъ дополнилъ его внукъ, Петръ Саркочевичъ, а въ новѣйшее время извѣстный хорватскій поэтъ Иванъ Мажураничъ. Гундуличъ былъ женатъ на дочери магната Саркочевича, Николицѣ, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Матвѣя, Іеронима и Сигизмунда. Онъ умеръ въ 1638 году.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ОСМАНЪ».

Ростомъ, видомъ Крунослава
Словно ёлка на горѣ;
Конь подъ ней что̀ вихорь бурный,
Залитъ въ златѣ и сребрѣ.

На землѣ коня такого
Не видали никогда:
Голова и перси въ латахъ,
На челѣ горитъ звѣзда.

А Сокѳлица — какъ соколъ:
Быстрый взоръ и ясный ликъ,
Горделивая осанка,
Станъ и строенъ и великъ.

Конь подъ нею то жь какъ соколъ,
Соколиныя крилѐ;
Изъ очей онъ мечетъ искры;
Хвостъ и грива — на землѣ.

На щитѣ изображенье
Звѣря съ мѣсяцемъ въ борьбѣ
И начертана надъ ними
Надпись: *вѣренъ самъ себѣ*.

За возлюбленной своею
Молодой султанъ слѣдитъ,
Чтобъ она жива осталась —
Замираетъ и дрожитъ.

Королевичъ юный занятъ
Весь наѣздницей другой:
Страстно мѣряетъ движенья
Подунавки дорогой;

Молитъ небо, чтобъ вдохнуло
Доблесть, мужество въ неё,
Чтобъ ее въ бою щадили
Вражья сабля и копьё.

Та и та на бой готовы,
Силу, храбрость показать.
Справа — польскія дружины,
Слѣва — вражеская рать.

Поле ровно и широко
Посрединѣ разлеглось,
А вверху, свидѣтель битвы,
Око солнышка зажглось.

Вотъ помчались — словно буря
Противъ бури понеслась —
Сшиблись страшно: у обѣихъ
Сталь на копьяхъ подалась.

Разомъ сабли обнажаютъ,
Лютой злобою кипятъ;
За ударами удары
Шумно сыпятся, какъ градъ;

Искры прыгаютъ по латамъ,
Искры скачутъ по щитамъ.
Кони носятъ храбрыхъ всадницъ
По долинѣ здѣсь и тамъ;

Налетаютъ буйнымъ вихремъ
Съ той и съ этой стороны:
Ни одна не побѣждаетъ,
Обѣ силами равны.

И щиты, и латы цѣлы,
Ими грудь охранена;
Ни единаго на сабляхъ
Нѣтъ кроваваго пятна.

Полны гнѣва и досады,
Начинаютъ новый бой —
Словно вѣтеръ разыгрался
Въ чащѣ зимнею порой.

Разгорѣлись въ битвѣ обѣ,
Поднялись на стременахъ —
Ихъ шеломы золотые
Съ звономъ падаютъ во прахъ:

Словно солнце просіяло
Двухъ воительницъ чело,
Межь волнами косъ ихъ пышныхъ,
Лучезарно и свѣтло —

И какъ солнце изъ-за тучи
Сыплетъ яркіе лучи,
Такъ блестѣли, такъ играли
Ихъ булатные мечи.

Кто смотрѣлъ на нихъ спокойно
И въ очахъ не меркнулъ свѣтъ
У него — въ томъ сердце камень,
Либо вовсе сердца нѣтъ.

Отъ могучихъ вздоховъ ратей
Колыхнулись облака;
Рать на рать пошла; нагрянулъ
Тутъ сѣдокъ на сѣдока.

Блещутъ сабли, свищутъ стрѣлы,
Кони ржутъ, трубитъ труба;
Всюду ратное движенье,
Кровь, удары и борьба.

Гулъ пронесся по равнинѣ,
Скрылся день, явилась ночь,
И жестокій бой утихнулъ:
Биться воинамъ не въ мочь!

Между нихъ красою дивной
И блистая, и горя,
Двѣ наѣздницы виднѣлись,
Точно ясная заря...

Н. Бергъ.

Ю. ПАЛЬМОТИЧЪ.

Юній Пальмотичъ, потомокъ древней дубровницкой фамиліи, родился въ Дубровникѣ въ 1606 году. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ обнаружилъ большую любовь къ наукамъ и наклонность къ занятіямъ литературнымъ. Прошедши латынь и реторику, подъ руководствомъ двухъ іезуитовъ, а

философію при содѣйствіи Михаила Градича, Пальмотичъ пріобрѣлъ сначала извѣстность какъ латинскій поэтъ, но потомъ, подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата, знаменитаго автора «Османа» Гундулича, обратился къ національной поэзіи и сталъ ревностно изучать народный языкъ, а такъ-какъ въ Дубровникѣ языкъ этотъ принялъ много итальянскихъ элементовъ, то онъ обратился къ Босніи, гдѣ и сталъ искать коренной сербской народности. Драма была любимымъ родомъ сочиненій Пальмотича. Сочинялъ онъ очень легко: обдумавъ планъ новаго своего драматическаго произведенія и распредѣливъ роли своимъ молодымъ товарищамъ, такимъ же страснымъ поклонникамъ сцены, какъ и онъ, Пальмотичъ каждому изъ нихъ прямо диктовалъ его роль стихами. Въ выборѣ сюжетовъ онъ былъ, впрочемъ, мало самостоятеленъ: большая часть ихъ заимствована. Такъ, напримѣръ, драму «Эней» взялъ онъ изъ Виргилія, «Ахилла» — изъ Гомера, «Эдипа тирана»—изъ Софокла, «Похищеніе Елены»—изъ Овидія, «Ринальда» и «Армиду»—изъ Тасса, «Павлимира»—изъ преданій объ основаніи Дубровника, «Каптиславу» — изъ дуклянскаго лѣтописца, и т. д. Пальмотичъ былъ извѣстенъ также какъ сатирикъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сочинитель духовныхъ гимнòвъ и переводчикъ псалмовъ. Но самымъ знаменитымъ его произведеніемъ считается поэма «Христіада», отрывокъ изъ которой, въ переводѣ на русскій языкъ, помѣщенъ въ нашемъ изданіи. Это—вольная передѣлка поэмы того же названія Іеронима Виды. Она пользуется большимъ почетомъ въ далматинской литературѣ, въ которой Пальмотичъ занимаетъ самое высокое мѣсто, на равнѣ съ Гундуличемъ. Далматинская литература имѣла въ немъ и своего представителя итальянской импровизаціи: Пальмотичъ легко импровизировалъ на далматинскомъ благозвучномъ языкѣ; въ особенности замѣчательны были его пѣсни, которыя пѣвались въ веселомъ обществѣ; въ то время, когда пѣлась одна строфа, онъ уже готовилъ другую, еще болѣе веселую. Пальмотичъ умеръ въ 1657 году, имѣя пятьдесятъ лѣтъ отроду.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПОЭМУ «ХРИСТІАДА».

Вышній Духъ! услышь и внемли!
Кто все зиждетъ, сохраняетъ;
Небеса, моря и земли
Кто собою наполняетъ!

Вдохнови меня святою
Силой — пѣть царя вселенны,
Кто попралъ своей пятою
Змія страшнаго геенны;

И зачатъ, и въ свѣтъ родился
Кто отъ Дѣвы непорочной;
Кто звѣздой небесъ явился
Мудрецамъ страны восточной;

Кто божественныя руки
Восхотѣлъ къ землѣ простерти,
Чтобъ рабовъ спасти отъ муки,
И отъ рабства и отъ смерти;

Кто въ небесные чертоги
Ввѣкъ-незыблемаго храма
Предвосхитилъ души многи,
Да замолятъ грѣхъ Адама.

Зрѣлъ весь міръ, какъ на мученье
Онъ пошолъ и Богу предалъ
Духъ безсмертный, и ученье
Сонму вѣрныхъ заповѣдалъ.

И въ минуту смерти Спаса
Тьма вселенную покрыла,
И завѣса раздралася,
И померкнули свѣтила.

Сею силою чудесной
Дай мнѣ, Боже, трудъ подвигнуть,
И во прахѣ, въ кельѣ тѣсной,
Непостижное постигнуть!

Дай, съ земного мнѣ порога
Безмятежно и спокойно
Въ небесахъ увидѣвъ Бога,
Восхвалить Его достойно!

Н. Бергъ.

И. ДЖОРДЖИЧЪ.

Игнатій Джорджичъ родился въ 1675 году въ Дубровникѣ. Еще будучи въ школѣ, онъ обнаруживалъ замѣчательную силу духа, необыкновенную память и проницательность. Получивъ первоначальное образованіе у іезуитовъ, онъ продолжалъ его подъ надзоромъ Луки Кордича, ро-

домъ герцеговинца изъ Мостара, которому исключительно обязанъ былъ своими филологическими познаніями. Но поэтическая натура влекла его въ другую сторону—къ чтенію латинскихъ классиковъ и романическихъ произведеній новѣйшей итальянской литературы. На двадцать второмъ году Джорджичъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ, изъ котораго впослѣдствіи перешолъ въ орденъ бенедиктинцевъ и игралъ значительную роль въ дубровницкой республикѣ. Онъ отличался большой учоностью, трудолюбіемъ и плодовитостью. Онъ началъ свое литературное поприще латинскими и славянскими стихотвореніями и оставилъ множество сочиненій на латинскомъ, итальянскомъ и славянскомъ языкахъ. Не станемъ перечислять иноязычныхъ сочинненій Джорджича; что же касается произведеній его славянской музы, то она преимущественно отличается поучительнымъ и религіознымъ характеромъ, что можно видѣть изъ самыхъ названій его поэмъ: «Вздохи кающейся Магдалины», «Славянскій псалтырь» и другіе. Впрочемъ, Джорджичъ оставлялъ иногда свои духовные сюжеты и обращался къ сатирѣ и даже написалъ цѣлую шуточную поэму, подъ названіемъ «Марунко и Павица». Онъ умеръ аббатомъ въ 1737 году.

СВѢТЛЯКЪ.

Ночь спустила покрывало,
Меркнетъ синій неба сводъ,
Звѣзды ясныя выходятъ,
Начинаютъ хороводъ.

Долго-долго ждалъ я милой,
Чтобы вышла на крыльцо;
Вдругъ изъ малаго окошка
Опустилось письмецо.

Какъ мучительно хотѣлъ я
Знать, что было въ томъ письмѣ,
Но не могъ я, какъ ни бился,
Прочитать его во тьмѣ.

Свѣтъ на помощь не приходитъ,
Мѣсяцъ гдѣ-то за горой,
А небесныя свѣтила
Высокò надъ головой.

Я въ отчаяньѣ ужь думалъ
Подъ ракитовъ кустъ залѣзть
И, сухой зажегши хворостъ,
Строки милыя прочесть.

Вдругъ, смотрю я, загорѣлся
На травѣ свѣтлякъ-жучокъ,
Словно яхонтъ самоцвѣтный,
Словно малый огонёкъ.

Драгоцѣнную добычу
Я проворно ухватилъ,
Жизнью дышущее пламя
На письмо я положилъ:

Все узналъ я: мнѣ открылся
Тайный смыслъ немногихъ словъ...
О, хвала тебѣ во вѣки,
Свѣточъ маленькихъ луговъ!

Не простое украшенье
Ты природы и весны,
Нѣтъ, ты лучъ игривый солнца,
Къ намъ упавшій съ вышины!

И за тѣмъ ночной порою
По лугамъ летаешь ты,
Чтобъ шушукали, любились
Межь собой во тьмѣ цвѣты.

Все завидуетъ, мой свѣточъ,
Неземной твоей красѣ:
Драгоцѣнные металлы,
Камни радужные всѣ.

Какъ начнутъ свой танецъ нимфы
На лугу, въ ночную тишь:
Ты на чёлахъ ихъ звѣздою
Лучезарною горишь.

Спящей ты земли зеница,
День, играющій въ ночи!
Вѣчно буду, милый свѣточъ,
Я любить твои лучи!

Отогрѣлъ мое ты сердце
На живомъ своемъ огнѣ,
Утишилъ и успокоилъ
Бури страстныя во мнѣ...

Н. Бергъ.

А. КАЧИЧЪ-МІОШИЧЪ.

Андрей Качичъ-Міошичъ, потомокъ княжеской фамиліи далматинскаго поморья, родился въ 1690 году въ приморской деревнѣ Бристѣ, въ Далмаціи. Первоначальное воспитаніе свое получилъ онъ въ Заострогскомъ монастырѣ, подъ руководствомъ учонаго францисканскаго монаха, Луки Томашевича, послѣ чего, по желанію своихъ родителей, постригся въ монахи того же монастыря, имѣя всего шестнадцать лѣтъ. Затѣмъ, для довершенія своего образованія, ѣздилъ два раза въ Буду (Пештъ), гдѣ прошолъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ философіи и богословія. Свою философію, которая не шла дальше францисканскихъ образцовъ, онъ изложилъ въ латинскомъ сочиненіи съ длиннымъ заглавіемъ, за что получилъ мѣсто профессора въ Мокарскомъ монастырѣ. Онъ перевелъ потомъ пять книгъ Моисеевыхъ и нѣсколько пророчествъ, изданныхъ въ 1760 году подъ заглавіемъ «Кораблица»; наконецъ обратился къ изученію славянской народной поэзіи, любовь къ которой свято сохранялась у дубровницкихъ писателей, не смотря на чужое литературное вліяніе. Это чувство къ народно-поэтическому содержанію, не заглушонное книжными вліяніями, сказывалось и у другихъ далматинскихъ поэтовъ, но ни у кого такъ сильно, какъ у Качича. Бывши много лѣтъ папскимъ легатомъ въ Далмаціи, Боснѣ и Герцеговинѣ, онъ воспользовался своими путешествіями по этимъ краямъ, чтобы собирать народныя преданія, древнія рукописи и другіе историческіе памятники. Онъ собралъ все это въ книгу пѣсенъ, подъ названіемъ «Razgovor ugodni naroda slovinskoga», которая пользуется огромною и заслуженною извѣстностью. Книга Качича имѣла до 1851 года двѣнадцать изданій (въ Венеціи, Дубровникѣ, Зарѣ, Вѣнѣ, Загребѣ и другихъ): такого успѣха не имѣло ни одно произведеніе далматинской поэзіи. Національныя преданія еще никогда не являлись передъ народомъ въ такой привлекательной и поэтической формѣ. Поэтому не удивительно, что пѣсни Качича перешли цѣликомъ въ народную массу. Качичъ скончался въ 1760 году въ Заострогскомъ монастырѣ, гдѣ провелъ послѣдніе годы своей дѣятельной и полезной жизни, семидесяти лѣтъ отъ роду. Въ 1860 году южные славяне всюду отпраздновали его столѣтнюю память.

МИЛОШЪ ОБИЛИЧЪ И ВУКЪ БРАНКОВИЧЪ.

Чудо-розы расцвѣтаютъ
Въ бѣлыхъ Лазаря чертогахъ;
Но которая румянѣй
И свѣжѣй — ни кто не знаетъ.

Нѣтъ, не розы тѐ алѣютъ —
Это дочери-невѣсты,
Гордость Лазаря-героя,
Славной Сербіи владыки.

Выдаетъ царь Лазарь за-мужъ
Дочерей своихъ пригожихъ:
Вукасàву — за героя,
За Обилича Милоша,

Ненаглядную Милицу
За султана Баязета,
А за Бранковича Вука
Выдаетъ онъ прелесть-Мару,

А Елену выдаетъ онъ
За боярина-сосѣда,
Черноевича Георга,
Что былъ въ Зетѣ воеводой.

Мало времени минуло —
Три сестры сошлися снова;
Не пришла одна Милица:
Не пустилъ ее властитель.

Сестры встрѣтились привѣтно,
Но поссорилися скоро,
Потому-что захотѣлось
Каждой мужемъ похвалиться.

Говоритъ краса-супруга
Черноевича Георга:
«Нѣту равнаго на свѣтѣ
Черноевичу Георгу!»

Ей въ отвѣтъ на это Мара:
«Мать такого не рожала
Полководца и героя,
Какъ мой Бранковичъ могучій!»

Засмѣялась Вукасава,
Свѣтъ-душа жена Милоша,
Засмѣялась и сказала:
«Вы не ссортесь попустому!

«Не хвалите, сёстры, Вука —
Не герой онъ; не хвалите
Черноевича Георга —
Не герой онъ отъ героя;

«Но Милоша выхваляйте,
Славу Новаго Базара;
Онъ герой и отъ героя,
Мать его — Герцеговина!»

Разобидилася Мара
И ударила такъ сильно
Молодую Вукасаву,
Что та кровью облилася.

Побѣжала Вукасава,
Плача, въ бѣлыя палаты,
Плачемъ мужа приманила —
И такъ мужу говорила:

«Если бъ зналъ ты, какъ позоритъ
Честь твою супруга Вука:
Не героемъ отъ героя —
Подлымъ трусомъ обзываетъ.

«Говоритъ, что не посмѣешь
Ты сойтись съ ея супругомъ
Въ честной битвѣ, въ поединкѣ,
Потому-что не герой ты.»

Не понравились Милошу
Эти рѣчи: онъ проворно
Вышелъ, сѣлъ на вороного
И поѣхалъ прямо къ Вуку:

«Другъ мой Бранковичъ! сегодня
Ты со мной сразиться долженъ,
Что бы могъ увидѣть каждый
Въ комъ изъ насъ геройства больше.»

Вуку только оставалось
Выйдти, сѣсть на вороного
И сразиться въ чистомъ полѣ
Съ свояномъ своимъ Милошемъ.

Сшиблись копьями стальными —
Копья въ щепы разлетѣлись;
Сабли острыя сверкнули,
Но и сабли изломались;

Загремѣли шестоперы —
И они не устояли,
Но Милошу удалося
Сбросить Вука съ вороного.

И сказалъ Милошъ Обиличъ:
«Вукъ, теперь иди хвалиться
Предъ своей супругой вѣрной,
Что Милошъ тебя боится.

«Я бы въ чорныя одежды
Могъ одѣть твою супругу,
Но я зла въ душѣ не крою;
Только помни — не хвалися!»

Мало времени минуло —
Поднялись злодѣи-турки;
Самъ Муратъ предъ ними ѣдетъ;
Города и села грабитъ.

Лазарь войско собираетъ,
Собираетъ для отпора;
Шлетъ гонцовъ за храбрымъ Вукомъ,
За Обиличемъ Милошемъ.

Пышный пиръ устроилъ Лазарь,
Пригласилъ князей и бановъ,
И сказалъ имъ, чуть замѣтилъ,
Что вино заговорило:

«Знайте, выборные баны,
И князья и воеводы,
Что Милошъ Обиличъ завтра
Поведетъ васъ противъ турокъ.

«О, его равно боятся
И невѣрные и наши!
Да начальствуетъ онъ войскомъ,
А подъ нимъ нашъ Вукъ могучій!»

Разгорѣлось сердце Вука,
Ненавистника Милоша:
Онъ на дворъ царя выводитъ
И ему на ухо шепчетъ:

«Государь, напрасно войско
Ты такое собираешь:
Вѣдь Милошъ сторонникъ турокъ;
Онъ измѣну замышляетъ.»

Не сказалъ ни слова Лазарь,
Но за ужиномъ высоко
Поднялъ чашу золотую,
Зарыдалъ и тихо молвилъ:

«Пью не въ честь царей могучихъ,
Пью здоровіе Милоша,
Что̀ предать меня задумалъ,
Какъ Спасителя Іуда!»

Князь Милошъ клянется Богомъ,
Вседержителемъ вселенной,
Что не думалъ, что не мыслилъ
Никогда онъ объ измѣнѣ.

И ушолъ онъ изъ чертоговъ
Въ свой шатеръ золотоверхій,
Гдѣ лилъ слёзы до полночи,
До зари молился Богу.

Но едва заря блеснула
И денница показала
Ликъ свой свѣтлый изъ-за лѣсу —
Онъ ужь мчался въ станъ турецкій.

Молитъ турокъ онъ: «пустите
Вы меня въ шатеръ къ султану:
Войско Лазаря предать вамъ
Вмѣстѣ съ Лазаремъ хочу я!»

Тѣ повѣрили Милошу
И въ шатеръ его впустили.
Палъ Милошъ передъ султаномъ,
Обхватилъ его колѣни,

Добылъ ножъ изъ подъ одежды
И ударилъ имъ Мурата
Прямо въ сердцѣ, вынулъ саблю —
И давай крошить поганыхъ.

Но и турки не смутились —
И Обиличъ былъ изрубленъ.
Что ты сдѣлалъ, Вукъ-предатель!
Что ты сдѣлалъ, нечестивый!

Н. Гербель.

Л. МУШИЦКІЙ.

Лукіанъ Мушицкій, архимандритъ Шишатовецкій, потомъ епископъ Карловицкій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстный сербскій поэтъ, родился въ 1777 году въ Темеринѣ, въ Бачкѣ. Мушицкій есть одно изъ самыхъ знаменитыхъ именъ сербской литературы. При жизни онъ издалъ только немногія изъ своихъ стихотвореній, но и они уже доставили ему громкую извѣстность въ средѣ сербскаго народа. Онъ имѣлъ также значительное вліяніе на развитіе литературной предпріимчивости. Въ 1819 году онъ издалъ «Гласъ шишатовацкой арфы», въ 1821—«Гласъ народолюбца», отрывокъ изъ котораго помѣщенъ въ предлагаемомъ изданіи въ русскомъ переводѣ. Что же касается его одъ, то они были собраны уже по его смерти и напечатаны въ Новомъ-Садѣ, въ 1838—1848 годахъ. «Мушицкій», говоритъ г. Пыпинъ, «произвелъ сильное впечатлѣніе и имѣлъ множество, впрочемъ неудачныхъ, подражателей: въ его талантѣ впервые увидѣли истинно поэтическую силу, направленную на сюжеты чисто національные. Мушицкій создалъ въ сербской литературѣ національную оду, прославлявшую языкъ, вѣру и героевъ Сербіи. Въ языкѣ его одъ сначала слышалось вліяніе славянской манеры, но потомъ онъ стремился дать ему болѣе народный колоритъ. Но вліяніе Мушицкаго совершалось въ ограниченныхъ предѣлахъ: съ одной стороны его поэзія слишкомъ была привязана къ случайнымъ обстоятельствамъ дня, съ другой она облекалась въ классическія формы, которыя хотя и удавались автору, но во всякомъ случаѣ не были лучшей формой для сербской поэзіи.» Мушицкій скончался въ 1837 году въ санѣ епископа. Для заключенія считаемъ не лишнимъ прибавить, что языкъ поэтическихъ произведеній Мушицкаго отличался необыкновенной чистотою и постоянно чуждался всякой посторонней примѣси, чѣмъ грѣшатъ многіе изъ современныхъ сербскихъ поэтовъ. По этому языкъ Мушицкаго гораздо менѣе отличается отъ русскаго языка, чѣмъ произведенія послѣдующихъ поэтовъ. Для нагляднаго доказательства справедливости нашихъ словъ, помѣщаемъ здѣсь — texte en regard — стихотвореніе Мушицкаго («Къ моей лирѣ») въ подлинникѣ и подстрочный переводъ его на русскій языкъ.

Дней радостныхъ, печальныхъ	Дней радостныхъ, печальныхъ
Сопутница моя,	Сопутница моя,
Днесь, лира, даре *вышнихъ*,	*О*, лира, даръ *высокій*,
Лекарства лій твоя!	*Пусть льется пѣснь* твоя!
Течетъ день майскій ясно	Течетъ день майскій ясно
Надъ Новымъ-Садомъ *днесь*,	Надъ Новымъ-Садомъ *здѣсь*,
Надъ Карловцами *равно*:	Надъ Карловцами *тоже*:
Людъ радостенъ имъ весь.	Людъ радостенъ имъ весь.
Надъ Шишатовцемъ *облакъ*,	Надъ Шишатовцемъ *туча*
Сгусти*вся*, *чернъ* грозитъ	Сгусти*лась*—*и* грозитъ
Лозамъ, страшитъ *слабъ* класакъ,	Лозамъ, пугаетъ колосъ,
Громъ древо *близъ* разитъ.	Громъ дерево разитъ.
Не *азъ* страшусь съ тобою	*Я* не страшусь съ тобою,
Со*друж*нице моя;	Со*пут*ница моя;
Держа тебе рукою,	Держа тебя рукою,
Не безпоко*енъ* я.	Не безпоко*юсь* я.
Терпѣнія желѣзна	Желѣзнаго терпѣнья
Облек*ся* во броню,	Облек*шись* во броню,
Легко сношу *вся тужна*,	Легко сношу *всѣ бѣды*,
И въ цѣль мою смотрю.	*На* цѣль мою смотрю.
Въ какую цѣль? Не *въ* тайну!	Какую цѣль?—не тайна!
Внѣ рода не летитъ	*Къ чужимъ* не *по*летитъ
Мой духъ. *Избравъ полезну*	Мой духъ. Летѣть *онъ къ свѣту*
Всѣмъ, къ ней летѣть горитъ:	*Желаніемъ* горитъ:
Хранить языкъ и вѣру,	Хранить языкъ и вѣру,
Пѣть *сербско имя, духъ*,	Пѣть *пролитую кровь*,
Обычай, *храбрость стару*,	Обычаи *народа*,
Любовь взаимну *всѣхъ*;	Взаимную любовь;
Творить добра *толико*	Творить добра *настолько*
Снародникомъ моимъ,	*Соотчичамъ и всѣмъ*,
Минерва, Фебъ *елико*	*На сколько* Фебъ, Минерва
Мнѣ да*ша*. Больше чимъ?	Мнѣ да*ли*. Больше чѣмъ?
Громъ *аще* мнѣ на темя	*Когда* мнѣ громъ на темя
Падетъ—вѣнецъ сплетутъ	Падетъ—вѣнецъ сплетутъ
На тоже музы, имя	*Мнѣ сестры* музы, имя
До неба вознесутъ.	*На* небо вознесутъ.

ГОЛОСЪ ПАТРІОТА.

Масса принимаетъ свѣтъ образованья
Также, какъ и всякій человѣкъ отдѣльно.
Отдадимъ народу трудъ нашъ, наши силы:
Міръ съ него не сводитъ глазъ своихъ пытливыхъ.
Нѣту бо́льшей славы, какъ служить народу —
Воздвигать живые памятники въ краѣ!
Время сокрушаетъ мраморъ обелисковъ,
Но не честь, не имя — гордость человѣка.
Почести, богатство на землѣ не крѣпки,
Доброе же имя вѣчно, какъ природа.
Доброта, правдивость, мужество и чувство
Насъ влекутъ сильнѣе, чѣмъ слова сухія,
Въ міръ невозмутимый свѣтлыхъ идеаловъ,
Гдѣ все такъ высоко, чисто и прекрасно.
Для потомства имя славное въ исторьи —
Крѣпкій столбъ въ несчастьи, свѣтлый лучъ во мракѣ,
Вѣрная опора въ битвѣ со страстями:
Тѣ, что слабы духомъ, требуютъ поддержки.
Мы тому примѣры видимъ предъ собою,
А въ скрижаляхъ міра нѣту имъ и счёта.
Стадо лишь замыслитъ отвратить невзгоду,
Геній зла ужъ гаситъ мысль о томъ заране.
О, вожди народа! доблестные судьи!
Бдите — будетъ меньше зла на бѣломъ свѣтѣ.
Вы — орудье трона свѣтлаго Олимпа!
Разгоните тучи — мракъ и преступленья!
Мечъ свой правосудный, мечъ господня гнѣва
Мощно тамъ сдружите, гдѣ царюетъ злоба.
Если жь будутъ благи и законъ, и люди,
То откуда взяться мраку и порокамъ?

Н. Гербель.

—

И. ХАДЖИЧЪ (СВѢТИЧЪ).

Иванъ Хаджичъ, болѣе извѣстный подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ *Милоша Свѣтича*, родился въ 1799 году въ Сомборѣ; учился въ Карловцахъ, Пештѣ и Вѣнѣ; въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ изучалъ право. Въ Пештѣ, сойдясь съ молодыми своими земляками, Хаджичъ сталъ изучать сербскую народную поэзію и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ ея поклонниковъ, а въ 1825 году, вмѣстѣ съ Мушицкимъ, Магарашевичемъ, Шафарикомъ и Петровичемъ, положилъ основаніе Сербской Матицы въ Пештѣ, которая существуетъ до-сихъ-поръ. Въ 1826 году Хаджичъ получилъ степень доктора правъ, черезъ четыре года назначенъ былъ директоромъ Ново-Садской гимназіи, а въ 1831 году сдѣланъ сенаторомъ въ Новомъ-Садѣ. Въ 1837 году онъ былъ приглашонъ княземъ Милошемъ Обреновичемъ въ Бѣлградъ, для составленія судебнаго кодекса и преобразованія сербскихъ судовъ. По возвращеніи въ Новый Садъ, Хаджичъ былъ посланъ, въ 1842 году, на народный конгресъ въ Карловцы, а въ 1847 — на венгерскій сеймъ въ Пресбургъ. Въ 1848 году венгерское министерство предлагало ему мѣсто члена совѣта министерства юстиціи, но онъ его не принялъ. Въ настоящее время Хаджичъ живетъ въ Новомъ-Садѣ на покоѣ, трудясь на пользу отечественной литературы.

Первымъ поэтическимъ произведеніемъ Хаджича былъ «Отвѣтъ молодого серба на голосъ шишатовацкой арфы», написанный имъ на двадцать второмъ году; въ 1827 году онъ перевелъ дидактическую поэму Горація «De arte poëtica» и написалъ нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній; въ 1830—принялъ, по смерти Магарашевича, редакцію «Сербской Лѣтописи», издаваемой Сербской Матицей, основанію которой онъ

много содѣйствовалъ. Съ 1839 по 1844 годъ редактировалъ альманахъ «Голубица», выходившій въ Бѣлградѣ, въ которомъ, между-прочимъ, былъ помѣщёнъ, въ 1842 году, его прекрасный стихотворный переводъ «Слова о полку Игоревѣ»; въ 1854 — перевелъ съ греческаго «Плачевное паденіе Цареграда», а въ 1858 — издалъ свое послѣднее и едва ли не лучшее сочиненіе «Духъ сербскаго народа», куда вошло подробное описаніе происхожденія сербовъ и хорватовъ, ихъ вѣры, языка, письменности и нравовъ. Полное собраніе сочиненій Хаджича («Дѣла Іована Хаџича») было издано въ 1858 году.

СТРАДАНІЯ СЕРБІИ.

Чу! отъ Боены громомъ ратнымъ
Турки загремѣли;
За дружиной въ слѣдъ дружина;
Сабли, ружья — въ дѣлѣ.
Дрина слёзно, горько плачетъ,
Мачва тяжко дышетъ,
Ядаръ, Поцеръ, Шабацъ — всѣхъ ихъ
Духъ войны колышетъ.
Глянь въ оконце:
Гдѣ ты, солнце
Сербіи?

Съ Делиграда, Нѣготина
И Кладова — стоны,
И Морава злыхъ ударовъ
Ждетъ безъ обороны;
Къ Пѐткамъ буря подступила;
Вражьи силы люты;
Наступаютъ для Бѣлграда
Страшныя минуты.
Въ громы, въ грозы
Вноситъ слёзы
Сербія.

Сербы къ небу обратились:
Нѣтъ иной защиты!
Къ Богу громкія воззванья
Въ гулъ всеобщій слиты;
Вѣковѣчный каменъ лопнулъ;
Горе Русь зашибло:
Нѣтъ Москвы! Москва пропала —
Въ пламени погибла.
Кто, коль сможетъ,
Встать поможетъ
Сербіи?

Боленъ въ Тополѣ Георгій:
Онъ лежитъ въ постели,
Опустилъ свою десницу —
Турки одолѣли.
Нѣту доблестнаго Вѐлька —
Праваго крыла нѣтъ!
Буря выперла плотину
И все въ бездну тянетъ.
Бичъ несется,
Цѣпь куется
Сербіи!

Вила хвораго героя
Зѣльями врачуетъ:
Тщетно! Сербія склонилась
И опасность чуетъ.
Вождь-Георгій, что, бывало,
Насъ водилъ на-славу —
Тамъ — за Савой! старцы, дѣти —
Все ушло за Саву!
Головы нѣтъ:
Сердце гинетъ
Сербіи!

Мать безъ сына остается;
Слёзы льётъ родная,
Къ царскимъ сербамъ, что за Савой,
Горестно взывая:
«Вы примите мое чадо
Милое! примите!
Вы винцомъ его напойте!
Хлѣбцемъ накормите!
Мать хоть тужитъ —
Сынъ пусть служитъ
Сербіи!»

Ахъ, когда то вновь на серба
Око Божье взглянетъ
И съ румяною зарею
Свѣтлый день настанетъ,
Честный крестъ намъ возсіяетъ
И благосердечный
Сербъ-юнакъ, пройдя сквозь муки,
Взыдетъ къ славѣ вѣчной!
Крестъ — ограда
Ваша, чада
Сербіи.

В. Бенедиктовъ.

—

И. ПОПОВИЧЪ.

Иванъ Поповичъ родился въ 1806 году въ Вершцѣ, въ Банатѣ. Онъ началъ свою литературную дѣятельность еще семнадцатилѣтнимъ юношей и такимъ образомъ написалъ еще въ молодости множество драмъ, которыя дали матеріалъ для сербской сцены. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ былъ приглашонъ тогдашнимъ правителемъ Сербіи, Милошемъ Обреновичемъ, вмѣстѣ съ другими учоными и литераторами, переселиться въ Бѣлградъ, съ цѣлью — поднять нравственный уровень сербскаго княжества, только-что освободившагося изъ-подъ турецкаго владычества. Поповичъ изъявилъ свое согласіе и, ни мало не медля, переѣхалъ въ Бѣлградъ. Здѣсь онъ выказалъ дѣятельность поистинѣ изумительную: онъ снабжалъ театръ драмами и комедіями, устраивалъ учоныя и литературныя общества, говорилъ рѣчи, издавалъ популярныя книги, писалъ стихи на разные торжественные случаи и т. д. Лучшими изъ драматическихъ его произведеній можно назвать: драмы «Святославъ и Милева» и «Гайдукъ», трагедіи — «Милошъ Обиличъ» и «Несчастный бракъ» и комедіи — «Женитьба и выдаванье», «Скряга» и «Злая жена». Драмы Поповича давались въ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ и Шабацѣ, и нравились своей публикѣ, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ-какъ сюжеты ихъ почти всегда брались изъ сербской исторіи и сербской жизни: онѣ дѣйствовали на національное чувство и развивали его, тѣмъ болѣе, что Поповичъ умѣлъ придавать имъ сценическій эффектъ.

Стараніями Поповича основано было, въ 1841 году, въ Бѣлградѣ, Дружство Србске Словесности и музей. Учрежденіе Дружства, въ которомъ соединялись всѣ извѣстные писатели сербскаго княжества, имѣло цѣлью обработку языка и распространеніе знаній въ народѣ. Въ 1847 году оно начало издавать журналъ «Гласникъ», въ которомъ заключается не мало матеріаловъ по сербской исторіи и старой литературѣ; въ 1850 году оно раздѣлилось на пять спеціальныхъ отдѣленій; наконецъ оно стало издавать и книги для народа. Поповичъ умеръ въ 1856 году.

ПѢСНЯ НА КОСОВОМЪ ПОЛѢ.

Призренъ гдѣ нашъ? славный градъ?
Царскія палаты?
Улетѣлъ Душановъ вѣкъ,
Будто сонъ крылатый!
Здѣсь пришолъ всему конецъ,
Миновала слава;
Гдѣ стояли города,
Выросла дубрава.

О Косово чорно поле, лютый недругъ сербскій!
Для кого, скажи Косово, весело ты, ясно?
Ты весною каждой, правда, поле оживаешь,
Но и тутъ для взоровъ серба мрачно ты и дико;
Влагу рѣкъ твоихъ порою выпиваетъ солнце,
А когда и кто осушитъ нашихъ слёзъ потоки?

Но и тамъ, и здѣсь гремятъ
Грозные перуны;
И Богъ-вѣсть катится какъ
Колесо фортуны.
Смертный! о градущемъ ты
Ничего не знаешь:
Что сегодня пріобрѣлъ,
Завтра потеряешь!
Сербскихъ доблестныхъ царей
Гдѣ теперь побѣды?
Непробуднымъ, вѣчнымъ сномъ
Спятъ отцы и дѣды.
Въ пѣсняхъ только ихъ дѣла
Громко прозвучали,
Чтобъ еще прибавить намъ
Горя и печали!

О студеная Ситница! укатила ты куда-то
Ясны волны, что смотрѣли, какъ Неманъ съ врагами бился.
О Ситница! помутились, побагровѣли тѣ волны,
Какъ легли тутъ на Косовѣ наши витязи и рати.
Но свой ликъ окровавлѐнный ты весною омываешь,
Кто же намъ омоетъ язвы тяжко-раненаго сердца?

Что рѣка среди луговъ
Мчится на просторѣ
И, притоками полна,
Тонетъ въ бурномъ морѣ:
Такъ бѣжитъ и наша жизнь,
Тоже въ ней волненье,
Если счастье и мелькнетъ —
То лишь на мгновенье!

Н. Бергъ.

С. ВРАЗЪ.

Станко Вразъ, одинъ изъ лучшихъ хорватскихъ поэтовъ періода иллирскаго движенія, родился въ 1810 году въ Штиріи. Онъ первый изъ западныхъ краинцевъ вступилъ въ Иллирское Общество. Начиная съ 1835 года, на страницахъ «Денницы» стали появляться его лирическія стихотворенія, съ самаго начала обратившія на себя общее вниманіе тою задушевностью и страстностью, которыя такъ нравятся восторженной молодежѣ. Но причина успѣха Враза заключалась не въ одной страстности его произведеній, а также и въ томъ, что онъ былъ основательно знакомъ съ законами эстетики и вводилъ въ хорватскую литературу всѣ лучшія формы новѣйшей поэзіи, что давало ему огромное преимущество передъ всѣми другими хорватскими писателями: онъ далъ хорватской словесности превосходные образцы балладъ, сонетовъ и пѣсенъ. Въ 1840 году онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, исполненныхъ самаго горячаго сочувствія къ славянскому дѣлу; затѣмъ, въ 1841 году, вышло другое собраніе его стихотвореній подъ заглавіемъ «Голоса изъ жеровинской дубровы», а въ 1845 году — третіе и послѣднее — «Гусли и Тамбура». Кромѣ того, онъ издалъ прекрасный сборникъ словенскихъ народныхъ пѣсенъ и оставилъ послѣ себя въ рукописи нѣсколько переводовъ изъ Байрона, которые, пройдя черезъ много рукъ, достались наконецъ Иллирской Матицѣ, которая ихъ хочетъ издать. Вразъ умеръ въ 1851 году.

МОЙ ВѢНОКЪ.

Лишь мой духъ съ себя оковы сброситъ,
Утомясь безплодною борьбой —
Обо мнѣ холодный свѣтъ не спроситъ,
Ни вѣнка на новый гробъ не броситъ,
Не почтитъ ружейною пальбой.

Жизнь! дары твои — обманъ трескучій:
Горекъ плодъ и безуханенъ цвѣтъ;
Лавръ вѣнка такой же тернъ колючій;
Свѣтъ наукъ — огонь палящій, жгучій...
Для живыхъ покоя въ жизни нѣтъ.

Только тамъ иные дни настанутъ!
Смолкнетъ шумъ житейской суеты,
Другъ и врагъ глумиться перестанутъ,
И меня коварно не обманутъ
Сны мои любимые, мечты.

Цѣпь глухихъ страданій перервется;
Только тамъ тревогамъ всѣмъ конецъ...
И на крестъ живой вѣнокъ взовьется —
Не вѣнокъ, что кровью достается,
А любви, святой любви вѣнецъ.

Ты, любовь, одна отрада наша!
Ты одна намъ къ раю кажешь путь.
Мнѣ съ тобой казалась юность краше;
Лишь съ тобой вся жизнь свѣтлѣетъ наша...
Ты и тамъ страдальца не забудь!

Здѣсь въ тиши вечерней безмятежной
Насъ съ тобой скрывалъ зеленый боръ,
Сторожилъ нашъ шопотъ страстный, нѣжный,
Поцалуй беззвучный, неизбѣжный —
Двухъ сердецъ безмолвный договоръ.

Ужь пора! прости, моя подруга!
Сонъ любви и гробъ мой посѣтитъ.
Ты не плачь о ранней смерти друга:
Тѣнь его изъ ангельскаго круга
Въ міръ живыхъ, къ тебѣ, мой другъ, слетитъ.

Вамъ, друзья народной нашей славы,
Мой привѣтъ послѣдній будетъ — вамъ!
Стойте лишь по прежнему за правыхъ
Не страшась гонителей лукавыхъ —
И вѣнцы васъ ожидаютъ тамъ!

Часъ насталъ!... чу! падаютъ оковы;
Я усну въ могилѣ наконецъ;
И въ тиши могилы той суровой
Не смутитъ меня вѣнокъ лавровый:
Для меня любовь моя — вѣнецъ.

М. Петровскій.

Д. ДЕМЕТЕРЪ.

Димитрій Деметеръ родился въ 1811 году въ Загребѣ, отъ греческихъ родителей, переселившихся въ Хорватію изъ Македоніи. Окончивъ гимназическій курсъ въ Загребѣ и прослушавъ послѣ того курсъ философіи въ Градцѣ, молодой Деметеръ сталъ изучать медицину, сначала въ

Вѣнѣ, а потомъ въ Падуѣ, гдѣ въ 1836 году и получилъ докторскій дипломъ. Въ хорватской литературѣ имя Деметера пользуется большою извѣстностью; особенно цѣнятся его драматическія произведенія, вышедшія въ свѣтъ въ 1838 и 1844 годахъ, подъ названіемъ «Драматическіе Опыты», и заключающія въ себѣ двѣ драмы, «Любовь и долгъ» и «Кровавая месть», и историческую трагедію «Теута». Съ 1839 года Деметеръ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ редакторомъ журнала «Денница», въ которомъ помѣстилъ многія изъ своихъ сочиненій. Въ журналѣ «Коло» помѣщена его большая лирико-эпическая поэма въ тринадцати пѣсняхъ «Гробницкое поле». Кромѣ того, онъ перевелъ на хорватскій языкъ нѣсколько пьесъ для народнаго театра, а въ альманахѣ «Искра» помѣстилъ нѣсколько народныхъ греческихъ пѣсенъ, переведенныхъ имъ на хорватскій языкъ и слѣдующія четыре оригинальныя повѣсти: «Іова и Неда», «Возстаніе», «Отецъ и сынъ» и «Одна ночь». Въ 1849 году онъ состоялъ членомъ коммиссіи для составленія славянской юридической и политической терминологіи и переводчикомъ въ банскомъ правленіи, а въ 1856 году назначенъ редакторомъ оффиціальныхъ загребскихъ «Народныхъ Новинъ». Изданный имъ въ 1861 году хорватскій переводъ сочиненій бана Елашича — есть послѣдній трудъ Деметера на пользу родной литературы.

I.

ЦАРЬ МАТІАСЪ.

Въ подземельи царь-владыка
Матіасъ, надежда наша,
За столомъ сидитъ гранитнымъ;
Передъ нимъ пустая чаша.

Вкругъ него сидитъ дружина —
Дубы выдринской дубровы;
Но ихъ лица страшно блѣдны,
Страшно блѣдны и суровы.

Въ полночь — только встрепенутся
Эти каменные люди
И начнутъ точить оружье
О закованныя груди —

Царь встаетъ, гремя бронею,
Грозный мечъ свой обнажаетъ,
Льётъ вино въ завѣтный кубокъ
И тотъ кубокъ осушаетъ.

Но едва промчится полночь —
Въ подземельи тихо снова:
Царь и воины сѣдые
Смотрятъ въ землю — и ни слова.

Такъ — пока вокругъ гранита
Борода царя сѣдова
Девять разъ не обовьётся —
Въ полночь пить онъ будетъ снова.

Матіасъ послѣдней ночи
Терпѣливо ожидаетъ,
Чтобы въ бой идти, гдѣ Слава
Кровь святую проливаетъ.

Только липа будетъ видѣть
Эту битву роковую,
Гдѣ бойцы сражаться будутъ
За отчизну дорогую.

О, тогда пришелецъ дерзкій
Попирать ее не будетъ,
И славянская отчизна
Всѣ несчастья позабудетъ!

Если въ полночь подъ землею
Вамъ послышится движенье —
Знайте — это царь-владыка
Собирается въ сраженье.

Н. Гербель.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГРОБНИЦКОЕ ПОЛЕ».

Птица вольно рѣетъ въ полѣ,
Вольно бродитъ звѣрь въ лѣсу...
Только я одинъ въ неволѣ,
Иго чуждое несу!
Кто за волю пасть не хочетъ,
Въ томъ не наша кровь клокочетъ!

Предки правили вселенной,
Смѣло ихъ звучала рѣчь —
И дерзну ль я, рабъ презрѣнный,
Той святыней пренебречь?

Нѣтъ, кто пасть за рѣчь не хочетъ,
Въ томъ не наша кровь клокочетъ!

Не поддамся чуждой силѣ,
Самъ убью дѣтей, жену:
Лучше видѣть ихъ въ могилѣ,
Чѣмъ въ оковахъ и въ плѣну.
Кто свершитъ того не хочетъ,
Въ томъ не наша кровь клокочетъ!

Сгибну самъ, но кровъ родимый,
Кровъ отцовскій подожгу,
Чтобы въ хижинѣ любимой
Не хозяйничать врагу!
Кто свершитъ того не хочетъ,
Въ томъ не наша кровь клокочетъ!

М. Петровскій.

—

ПЕТРЪ II ПЕТРОВИЧЪ НЕГОШЪ.

Петръ II Петровичъ Негошъ родился 1-го ноября 1813 года въ селѣ Гераковичахъ въ Черногоріи. Имя данное ему при крещеніи было—Радивой; имя же Петра онъ получилъ при вступленіи въ монашество. По смерти черногорскаго владыки Петра I, въ 1830 году, Петръ Петровичъ былъ избранъ на его мѣсто, подъ именемъ Петра II, а въ 1833 году былъ посвященъ въ Петербургѣ въ санъ епископа. Получивъ свое образованіе подъ руководствомъ сербскаго поэта Симона Милутиновича въ Цетиньѣ, Петръ Петровичъ не вступалъ потомъ ни въ какое высшее училищѣ, что не помѣшало ему изучить основательно языки русскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій и занять едвали не самое видное мѣсто въ сербской литературѣ. Ему обязана Черногорія первыми начатками распространенія образованія въ народѣ: онъ основалъ нѣсколько школъ и завелъ типографію въ Цетиньѣ, въ которой напечатаны первыя его поэтическія произведенія, а также сочиненія тамошнихъ сербскихъ дѣятелей: Милутиновича, Малаковича и Караджича. Эти первыя произведенія Петра II были слѣдующія: «Цетинскій Пустынникъ», «Лекарство отъ турецкой злобы» и «Молитва черногорца къ Богу». Что же касается его большихъ поэмъ «Лучь микрокосма», «Сербское Зеркало», «Горскій вѣнецъ», «Башня Дюришича», «Вышка Алексича» и «Самозванецъ Степанъ Малый», то они были напечатаны въ Бѣлградѣ, Вѣнѣ и Тріестѣ, такъ-какъ въ это время вспыхнула война съ турками и весь шрифтъ цетинской типографіи былъ перелитъ въ пули. Послѣднимъ его поэтическимъ произведеніемъ была поэма «Слободіада», напечатанная въ 1857 году, уже послѣ смерти владыки, его любимцемъ, поэтомъ Любомиромъ Ненадовичемъ въ Землинѣ. Петръ Петровичъ много путешествовалъ по Италіи и жилъ въ Неаполѣ, Римѣ и Венеціи; въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ собиралъ въ тамошнемъ архивѣ историческіе матеріалы для своихъ сочиненій, именно для исторіи самозванца Степана Малаго. Владыко умеръ 18 декабря 1851 года.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГОРСКІЙ ВѢНЕЦЪ».

1.

ЧЕРНОГОРСКІЙ ХОРОВОДЪ.

Богъ ополчился на сербское племя!
Много грѣховъ накопилось на царствѣ!
Наши цари отвратились отъ правды,
Стали враждебно глядѣть другъ на друга,
Стали другъ друга преслѣдовать злобно;
Худо владѣли и правили царствомъ;
Разумъ отбросили, глупость призвали;
Вѣрные слуги имъ стали не вѣрны —
Царскою кровью себя запятнали.
Знатные — будь они прокляты Богомъ! —
Сербское царство разъяли на части,
Сербскую силу пустили на вѣтеръ;
Знатные — самый ихъ слѣдъ да изчезнетъ! —
Въ царствѣ посѣяли сѣмя раздора
И отравили имъ сербское племя;
Знатные — подлыя, злыя кукушки! —
Продали насъ, измѣнили народу.
Вечеръ косовскій, будь проклятъ на-вѣки!
Бранковичъ — подлое, гнусное имя —
Такъ развѣ служатъ отчизнѣ, народу?
Такъ развѣ цѣнится честь и свобода?
Милошъ! кто можетъ тебѣ не дивиться?
Доблести воинской славная жертва!
Богъ ополчился на сербское племя:
Въ царство вползла семиглавая гидра —
Сербскую Землю начасти разъяла.
Но на развалинахъ славнаго царства
Вспыхнула ярко милошева правда
И увѣнчалися вѣчною славой
Два побратима героя Милоша,

Дивное племя могучаго Юга.
Сербское имя погибло, пропало;
Много потурчилось — вѣру забыло;
Пусть молоко, ихъ вскормившее въ дѣтствѣ,
Проклято будетъ отъ нынѣ до вѣка!
Чтò не погибло подъ саблей турецкой,
Чтò дорожило отцовскою вѣрой,
Чтò не хотѣло позорной неволи,
Тò убѣжало въ завѣтныя горы,
Чтобъ защищать православную вѣру,
Чтобъ охранять дорогую свободу.
Эти бойцы — были лучшіе люди!
Добрые мòлодцы, словно тѣ звѣзды,
Чтò надъ горами надъ нашими блещутъ,
Въ битвахъ кровавыхъ всѣ пали со славой,
Пали за честь, за свободу, за имя.
Память о нихъ сохранили намъ гусли —
Звономъ своимъ утираютъ намъ слёзы.
Если завѣтныя наши твердыни
Стали гробницею силы турецкой,
То отъ чего же теперь наши горы
Не оглашаются громòмъ оружья,
Громомъ оружья, воинственнымъ кликомъ?
Или земля безъ главы сиротѣетъ?
Нѣтъ, примирилися овцы съ волками,
Крѣпко сдружилися съ турками сербы;
Въ сердцѣ отчизны, на полѣ Цетинскомъ,
Слышится голосъ муллы-муэдзина;
Левъ благородный задохся отъ смрада;
Вѣтеръ разнесъ черногорскую славу
И позабыли сыны Черногорья
Крестъ православный, трехперстный, господенъ!

2.

ЧЕВСКОЕ ПОЛЕ.

Чевское поле — гнѣздо исполиновъ,
Мѣсто кровавыхъ, геройскихъ побоищъ —
Сколько ты пòмнишь сраженій жестокихъ!
Сколько супругъ, матерей неутѣшныхъ
Ввергло ты въ вѣчное, лютое горе!
Сплошь ты покрыто людскими костями,
Облито сплошь человѣческой кровью!
Съ Видова дня непрестанно ты кормишь
Сѣрыхъ волковъ человѣческимъ мясомъ,
Конскими трупами вòроновъ чорныхъ.
Страшно когда-то, о Чевское поле,
Было глядѣть на тебя человѣку!
Дымъ покрывалъ тебя чорный; сто тысячь
Турокъ тебя покрывали, какъ тучей;
Пушки съ зари до зари грохотали;
Тысячи витязей — славныхъ героевъ —
Кликомъ побѣднымъ тебя оглашали;
Тысячи вòроновъ каркали жадно,
Глядя съ высотъ на равнину. Когда же
Вечеръ спустился и мѣсяцъ двурогій
Всплылъ, озаряя кровавое поле,
Стали ворочать мы вражіе трупы —
И не могли сосчитать всѣхъ убитыхъ.

3.

ПЕРЕДЪ ЦЕРКОВЬЮ.

Владыко Данило *стоитъ передъ пылающимъ костромъ. Входитъ* Вукъ Мандушичъ. *Взглядъ его непривѣтливъ; длинные усы падаютъ на изрубленныя и пробитыя пулями латы; въ рукахъ у него перебитое пулей ружье. Не сказавъ ни кому ни слова, онъ садится возлѣ костра. Владыко глядитъ на него съ удивленіемъ.*

ВЛАДЫКО ДАНИЛО.

Вукъ, что съ тобою? глаза твои блещутъ!
Вижу, что ты возвращаешься съ битвы,
Гдѣ надъ тобою витала опасность.
Богъ одинъ знаетъ, да ты — возвратится ль
Кто-нибудь въ горы изъ этого боя!
Вѣдь безъ насилія ружья и латы
Не сокрушаются, крытыя сталью!

ВУКЪ МАНДУШИЧЪ.

Въ день наканунѣ святого Стефана
Въ домъ прибѣжала ко мнѣ молодая —
Тà вотъ, которую выдали лѣтомъ
Замужъ въ Штитары — пришла и сказала:
«Сборщики-турки забрàлись въ Штитары:
Подать хотятъ собирать басурмане.»
Взялъ я съ собой пятьдесятъ черногорцевъ
И поспѣшилъ съ удальцами въ Штитары,
Чтобъ перебить этихъ нехристей жадныхъ.
Слышутся выстрѣлы: турки должно-быть —
Думаю я — пробираются въ горы,
Турки должно-быть напали на нашихъ.
Прямо на выстрѣлы мы побѣжали —
И набѣжали на лютое горе:
Двѣсти неистовыхъ сборщиковъ-турокъ
(Все ренегаты, все псы арнауты)

Силятся взлѣзть на высокую башню,
Башню Радуна, въ которой хозяинъ
Самъ защищается съ вѣрной женою,
Соколомъ яснымъ, прекрасной Любицей.
Ружья она заряжаетъ для мужа;
Мужъ изъ окна своей башни стрѣляетъ
И ужь сразилъ семерыхъ арнаутовъ.
Но и надъ нимъ ужь погибель витаетъ:
Турки приносятъ солому и хворостъ,
Кучей кладутъ ихъ вкругъ башни высокой
И зажигаютъ тотъ хворостъ съ соломой.
Пламя поднялось до самаго неба,
Пышетъ и близится къ башнѣ Радуна;
Но онъ оттуда стрѣлять продолжаетъ;
Громко при этомъ поётъ онъ о Баѣ,
Вукотѣ, Драшкѣ, героѣ Новакѣ,
Вукахъ двоихъ, изъ села Терминахи,
И призываетъ живыхъ и умершихъ,
И, усмѣхаяся, смотритъ безстрашно
Въ грозныя очи погибельной смерти.
Чуть мы завидѣли башню Радуна,
Чорное горе сердца намъ стѣснило.
Бросились мы на поганыхъ на турокъ,
Путь проложили межь труповъ, и только
Вывесть успѣли Радуна изъ башни —
Башня шатнулась и рухнула съ трескомъ.
Скоро и Джеко пришолъ къ намъ на помощь;
Вмѣстѣ ударили мы на невѣрныхъ,
Выбили ихъ изъ деревни — и гнали
Вплодь до Катаро, до Лешкова поля.
Много невѣрныхъ легло въ этой битвѣ;
Мнѣ же горячая пуля пробила
Крѣпкія латы мои, а послѣдній
Выстрѣлъ турецкій пробилъ мнѣ винтовку,
Что я держалъ предъ собой — и куда же? —
Въ самое дуло ударила пуля!
Лучше бъ мнѣ отняли правую руку!
Жаль мнѣ ее, какъ роднмаго брата,
Жаль, какъ родного, любимаго сына!
Это была золотая винтовка:
Вѣрная смерть вылетала изъ дула.
Вѣкъ я не чистилъ ее, а сіяла
Зеркаломъ яснымъ она постоянно.
Я бы мою дорогую винтовку
Сразу узналъ середь тысячи ружей.
Храбрый владыко! пришолъ къ тебѣ съ просьбой:
За моремъ всякихъ искусниковъ много:
Пусть починили бы тамъ мнѣ винтовку.

ВЛАДЫКО ДАНИЛО.

Вукъ, подними-ка усы свои лучше —
Дай разглядѣть мнѣ твой панцырь желѣзный,
Дай сосчитать мнѣ рубцы боевые,
Вражія пули, засѣвшія въ бляхахъ.
Какъ мертвеца не поднять изъ могилы,
Такъ не исправить пробитой винтовки.
Слава Творцу, что ты живъ и не раненъ!
Что жь до винтовки — получишь другую.
Въ мощныхъ рукахъ сѣдоусаго Вука
Всякая сталь хороша и смертельна.

(Даетъ Вуку Мандушичу новое ружье.)

Н. Гербель.

А. НѢМЧИЧЪ.

Антонъ Нѣмчичъ, юго-славянскій писатель, родился въ 1813 году въ Сегештѣ, въ Венгріи. Это былъ одинъ изъ самыхъ пылкихъ послѣдователей Гая въ дѣлѣ иллирійскаго движенія. Онъ писалъ много, и помѣщалъ свои стихотворенія и прозаическія статьи въ разныхъ хорватскихъ журналахъ. Въ 1845 году онъ издалъ свое путешествіе по Италіи; въ 1848—напечаталъ стихотворенія своего умершаго пріятеля Т. Блажка, подъ заглавіемъ: «Политическія пѣсни Т. Б.»; въ 1854—появились въ журналѣ «Neven» описаніе его путешествія по Сербіи, отрывокъ изъ романа «Людскія несчастья» и комедія «Пиръ безъ хлѣба». Послѣ Нѣмчича осталось много рукописей. Боговичъ издалъ собраніе его сочиненій, съ біографіей автора. Нѣмчичъ умеръ въ 1859 году.

РОДИНА.

Небеса надъ головою,
Сине-море подо мною,
Я же, грустный, между ними,
Между ними, голубыми,
Думы сердца посвящаю
Моему родному краю.

Чолнъ мой утлый, одинокій
Мчится смѣло въ край далекій;
Тамъ все чуждо — не родное,
Люди, нравы — все чужое,
Все гнетётъ — не то что дома,
Гдѣ все мило, все знакомо.

Кто страны своей не любитъ,
Мысль о кровныхъ не голубитъ,
Въ томъ погасъ священный пламень —
Вмѣсто сердца вложенъ камень...
Солнце свѣтитъ, пламенѣетъ,
Но мнѣ сердца не согрѣетъ.

Буря! чу! твой гимнъ побѣдный!
Пощади челнокъ мой бѣдный!
Если жъ чолнъ мой разобьётся
И съ нимъ жизнь моя порвётся,
Ты, волна, снеси отчизнѣ
Поцалуй мой, вмѣсто жизни!

Н. Гербель.

—

И. МАЖУРАНИЧЪ.

Иванъ Мажураничъ, извѣстный хорватскій поэтъ и одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ иллирійской идеи на югѣ, родился въ 1813 году въ мѣстечкѣ Новомъ. Окончивъ гимназическій курсъ и пройдя курсъ философіи, Мажураничъ выступилъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, на литературное поприще съ нѣсколькими стихотвореніями, написанными еще во время студенчества и напечатанными въ «Денницѣ». Затѣмъ, въ 1841 году онъ издалъ, при содѣйствіи своего друга Узаревича, «Нѣмецко-иллирійскій Словарь»; въ 1844 — «Османа» Гундулича, при чемъ присочинилъ къ нему 14-ю и 15-ю пѣсни, которыя были затеряны еще въ XVII столѣтіи. Этими двумя пѣснями Мажураничъ положилъ основаніе своей будущей славы. Въ 1846 году была напечатана въ загребскомъ альманахѣ «Искра» знаменитая его поэма «Смерть Измаила-аги Ченгича», гдѣ она была напечатана по *иллирски*, т. е. латинскими буквами. Иванъ Суботичъ перепечаталъ ее, въ 1853 году, въ Бѣлградѣ, въ своемъ «Цвѣтникѣ Сербской Словесности», по *сербски* — кирилловскими буквами; наконецъ, Ткалацъ издалъ ее еще разъ въ 1859 году, въ Загребѣ, кирилловскими же буквами. Указываемъ на это, какъ на образчикъ сближенія враждебныхъ литературъ, сербской и иллирійской, стремленіе къ которому начинаетъ теперь проявляться съ обѣихъ сторонъ. Появленіе поэмы въ печати было встрѣчено самыми восторженными похвалами всего южно-славянскаго литературнаго міра. Вскорѣ молва о «Ченгичь-Агѣ» достигла и другихъ славянскихъ земель и всюду возбудила понятное любопытство. Поэма переведена на языки русскій (М. П. Петровскимъ и В. Г. Бенедиктовымъ), польскій (Кондратовичемъ-Сырокомлею) и чешскій (I. Коларомъ). Первый изъ этихъ переводовъ помѣщенъ въ нашемъ изданіи. Съ наступленіемъ бурнаго 1848 года, Мажураничъ издалъ въ Карловцѣ замѣчательную брошюру на хорватскомъ и мадьярскомъ языкахъ, подъ заглавіемъ: «Хорватамъ-Мадьярамъ». Затѣмъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи и отправленіи адреса на имя императора Франца-Іосифа, а въ слѣдующемъ году, по усмиреніи мадьярскаго возстанія, находился въ числѣ депутатовъ отъ Хорватіи и Славоніи, ѣздившихъ въ Вѣну. Въ 1850 году онъ былъ сдѣланъ генеральнымъ прокуроромъ Хорватіи и Славоніи, а въ 1861 — канцлеромъ хорватско-славонско-далматскимъ. Эту важную должность Мажураничъ занимаетъ и въ настоящее время.

СМЕРТЬ ИЗМАИЛА-АГИ ЧЕНГИЧА.

ПОЭМА.

1.

Смаилъ-àга *) слугъ сзываетъ
Въ укрѣпленьи сильномъ, въ Стольцѣ,
Въ глубинѣ Герцеговины:
«Гей! скорѣе выводите
Бѐрдянъ, мною полоненныхъ
На студеной на Морачѣ. **)
Пусть придетъ сюда и Дỳракъ,
Чтò совѣтовалъ мнѣ, шельма,
Всѣхъ ихъ выпустить изъ плѣна.
Влахи ***) люты, говорилъ онъ,
И отмстятъ мнѣ, будто, смертью
За погибель этихъ плѣнныхъ:
Будто хищный волкъ боится
Исхудалой горной мыши!»

---

*) Предлагаемый разсказъ имѣетъ историческую основу: Измаилъ-ага Ченгичь былъ убитъ дружиной дробняковъ и черногорцевъ въ 1840 году. Потомки его и теперь живутъ въ Сараевѣ.

**) Берданами называютъ жителей *брдъ* — горъ въ сѣверо-восточной части Черногорья, которая и называется Брда. — Рѣка Морача, отличающаяся низкою температурой воды, впадаетъ въ Скадрское озеро.

***) Влахомъ турокъ называетъ каждаго христіанина въ Боснѣ, Герцеговинѣ и Черногоріи.

Побѣжали тотчасъ слуги
И плѣненныхъ притащили.
На ногахъ у нихъ оковы,
На рукахъ большія цѣпи.
Увидавъ ихъ, грозный ага
Подалъ знакъ воламъ тяжолымъ —
И воламъ и хищнымъ рысямъ —
Палачамъ — и всѣхъ плѣненныхъ
По-турецки награждаетъ:
Острый колъ даритъ юнакамъ,
Или колъ, или веревку,
Или саблю назначаетъ.
«Вы дары мои по-братски
Раздѣлите межъ собою!
Ихъ про васъ я, турокъ, приготовилъ,
И про васъ, и про свободныхъ бёрдянъ:
Чтò для васъ, то и для цѣлой Берды.»

Ага подалъ знакъ... но трудно ль
Для бойца за христіанство
Умирать за крестъ, за вѣру?
Скрипнулъ колъ, вонзаясь въ мясо,
Свистнулъ ножъ, палашъ турецкій,
Задрожалъ и зашатался
Перемётъ между столбами,
А не слышно воплей черногорцевъ:
Хоть бы пискъ! хоть зубъ заскрежеталъ бы!
По полянѣ кровь уже бѣжала —
Хоть бы пискъ! хоть зубъ заскрежеталъ бы!
Ужь все поле трупами покрылось —
Хоть бы пискъ! хоть зубъ заскрежеталъ бы!
Лишь иной изъ нихъ воскликнетъ: «Боже!»
А другой прошепчетъ: «Іисусе!»
Такъ легко на-вѣкъ прощались съ свѣтомъ
Умирать привыкшіе герои.
Кровь бѣжитъ рѣкою по полянѣ.
Молодежъ турецкая глазѣетъ
Съ любопытствомъ, съ тихимъ наслажденьемъ
На мученья христіанъ поганыхъ;
Старики же смотрятъ молча,
Потому-что ожидаютъ
И себѣ такой же мести
Отъ руки проклятыхъ влаховъ.

Мрачно смотритъ лютый ага:
Удивляется невольно
Левъ могучій горной мыши.
Отомстить юнаку невозможно,
Если онъ не поддается страху.
Погубилъ юнаковъ столькихъ ага;
Гибла плоть, но духъ былъ бодръ—не падалъ:
Всѣ они предъ нимъ безъ страха пали.
Берегись того, кто можетъ
Безъ тревоги свѣтъ оставить.

Видитъ ага эту силу
И въ груди ужь чуетъ холодъ;
Словно жало ледяное
Ледянымъ концомъ вонзилось
Въ душу аги-господаря.
Не отъ жалости ль къ юнакамъ,
Такъ напрасно умерщвленнымъ?
Турокъ жалости не знаетъ
Къ христіанамъ. Не отъ страха ль?
Не за голову ль боится?
То въ душѣ его таится.
Иль не видишь, какъ желаетъ
Храбрый воинъ пересилить
Холодъ, отъ малѣйшей раны
Пробѣгающій по тѣлу?
Посмотри, какъ гордо къ небу
Голова его подъята,
И чело свѣтло, и око
Такъ и искрится; взгляни лишь
Хоть на эту крѣпость тѣла:
Зная силу за собою,
Какъ оно спокойно страждетъ —
И тогда скажи, ну есть ли
Въ немъ хоть легкій признакъ страха?
А теперь послушай рѣчи
Аги къ цѣлому собранью;
Какъ онъ трусовъ укоряетъ:
«Дýракъ, ты старикъ безмозглый,
Чтò теперь? куда ты хочешь?
Нѣтъ мышей вѣдь горныхъ больше.
Въ горы? тамъ вѣдь много бердянъ;
Въ поле? спустятся и въ поле.
Не уйдти тебѣ отъ нихъ живому!
Лучше бъ было къ облакамъ подняться:
Мышь грызетъ, но на землѣ вертится;
Лишь орелъ подъ небеса стремится...
И его на висѣлицу эту:
Пусть узнаетъ онъ за трусость плату.
Если гдѣ еще найдется турокъ,
Чтò боится этихъ жалкихъ влаховъ,
Такъ и онъ поднимется туда же,
На добычу вороньямъ голоднымъ.»

Молча рабская прислуга
Исполняетъ приказанье
И свою добычу тащитъ.

«Аманъ, аманъ!» *) проситъ старецъ,
И Новица, сынъ Дурàка,
Тоже молитъ о пощадѣ:
«Аманъ, аманъ!» восклицаетъ.
Ага смотритъ лютымъ звѣремъ
И стоитъ какъ столпъ, какъ камень.
Лишь рукою знакъ онъ подалъ —
Старика какъ не бывало.
Лишь «медетъ!» старикъ промолвилъ,
Ужь палачъ накинулъ петлю:
Дурàкъ вскрикнулъ — все замолкло.

2.

Солнце скрылось, мѣсяцъ показался.
Но кто тамъ въ ущелье изъ ущелья
Крадется на западъ — къ Черногорью?
Въ ночь бредетъ и днемъ лишь отдыхаетъ.
Онъ юнакомъ бравымъ былъ когда-то,
А теперь ужь не юнакъ онъ больше,
А тростникъ отъ вѣтерка дрожащій.
Бросится ль змѣя съ его дороги,
Или заяцъ изъ травы высокой —
Онъ, когда-то бывшій злѣе змѣя,
Струситъ чуть ли не побольше зайца —
И, бѣдняжка, думаетъ, что волка
Повстрѣчалъ, иль — что̀ еще опаснѣй —
Что набрёлъ на бердскаго гайдука.
Онъ боится, что какъ разъ погибнетъ,
Прежде чѣмъ до цѣли онъ достигнетъ.

То гайдукъ, или шпіонъ турецкій,
Что̀ слѣдитъ за стадомъ мягкорунныхъ,
Иль воловъ тяжолыхъ, виторогихъ?
Не гайдукъ онъ, не шпіонъ турецкій,
Онъ кавасъ надежный Ченгичь-аги,
Злой Новица, ворогъ Черногорья,
Старому и малому извѣстный.
И его не пронесли бы Вилы,
А тѣмъ меньше собственныя ноги,
Въ Черногорье при сіяньи солнца.
На плечѣ его виситъ винтовка,
Ятаганъ за поясомъ засунутъ,
Съ ятаганомъ пара пистолетовъ.
Этихъ гадовъ принакрылъ онъ струкой. **)
На ногахъ его одни опанки, ***)
На юнацкой головѣ лишь феска;
О чалмѣ нѣтъ даже и помину —
Безъ чалмы плетется бѣдный турокъ.
Онъ должно-быть умереть боится:
Знать, есть цѣль, къ которой онъ стремится.

Онъ оставилъ Цуцы за собою,
Пробрался чрезъ храбрые Бѣлицы
И подходитъ ужь къ Чекличамъ горнымъ —
Къ нимъ подходитъ, а самъ Бога молитъ,
Чтобъ помогъ Онъ миновать и этихъ
Тайно, тихо, никому не зримо.
Умереть, какъ видно, онъ боится:
Знать, есть цѣль, къ которой онъ стремится.

Лишь вторые пѣтухи пропѣли
На Цетинскомъ полѣ — ужь Новица
Красовался нà полѣ Цетинскомъ;
А пропѣли третьи на Цетиньѣ,
Ужь стоитъ Новица у Цетинья,
И съ привѣтомъ къ стражѣ приступаетъ:
«Богъ на помочь, стража!» говоритъ онъ,
А цетинскій стражникъ отвѣчаетъ:
«Здравствуй, добрый молодецъ! зачѣмъ ты?
Ты откуда, изъ какого края?
Что̀ за нужда къ намъ тебя загнала?
Что пришолъ такъ рано ты въ Цетинью?»
Хитрый турокъ — хоть ему неловко —
Хитрый турокъ ловко отвѣчаетъ:
«Я тебѣ скажу всю правду, стражникъ!
Знай: юнакъ съ студеной я Морачи,
Изъ Тисины, небольшой деревни
У подошвы Дормитора — знаешь?
У меня есть нà-сердцѣ три горя:
Первое, что̀ гложетъ это сердце,
То̀, что Ченгичь погубилъ морачанъ,
А другое, что̀ мнѣ гложетъ сердце,
То̀, что Ченгичь погубилъ злодѣйски
Моего родителя, а третье,
Что̀ такъ больно сердце это гложетъ,
Горе всѣхъ другихъ страшнѣе, глубже —
То̀, что лютый врагъ мой еще дышетъ.
Ну, такъ ради Бога, умоляю,
Допусти меня ты къ господарю
Твоему и моему съ тѣмъ вмѣстѣ:
Можетъ-быть, онъ въ горѣ мнѣ поможетъ.
Стражъ ему на это отвѣчаетъ:
«Скинь сперва, юнакъ, свое оружье,
И ступай куда тебѣ угодно.»
Входитъ онъ во дворъ черезъ ворота —

*) Аманъ — помилуй, турецкое слово. Медетъ — то же что̀ и аманъ.

**) Струка — пледъ изъ грубой шерстяной матеріи.

***) Опанки — обувь черногорцевъ изъ цѣльнаго лоскута бѣлой кожи, нѣчто въ родѣ башмаковъ.

И звѣзда, померкшая послѣдней
Въ небесахъ — была звѣзда Ченгича.

3.

Поднялась чета-дружина
На Цетиньѣ въ Черногорьи,
Не велика, но отважна:
Въ ней всего-то сто юнаковъ,
И юнаковъ не отборныхъ
По наружности, по виду,
Но по храбрости геройской.
Каждый радъ изъ нихъ ударить
На двоихъ, за-то навѣрно,
А не нà десять, чтобъ послѣ
Отступить, бѣжать съ позоромъ.
Всѣ они погибнуть рады
За священный крестъ, которымъ
Знаменать себя привыкли,
И за крестъ, и за свободу.
Удивительное дѣло!
Та чета не собиралась,
Какъ сбираются другія,
И не слышалось, какъ прежде:
«Кто юнакъ, впередъ, въ ущелье!»
Кто юнакъ, впередъ, въ ущелье!
Эхо горъ не повторяло.
Словно гласъ духовъ неясный,
Словно говоръ безтѣлесныхъ
Разносился Черногорьемъ
Отъ скалы къ скалѣ, и — диво —
Въ мракѣ чудилось, что дышетъ
Жизнью даже мертвый камень,
Что дрожитъ, ползетъ и къ верху
Даже голову вздымаетъ,
Изъ скалы недвижной кажетъ
Онъ могучую десницу,
Ногу крѣпкую; сказалъ бы,
Что въ его холодныхъ жилахъ
Кровь кипитъ и бьётъ потокомъ.

Видишь длинную винтовку
Вверхъ направленную дуломъ;
Чтò же въ поясѣ хранится,
То отъ всѣхъ скрываетъ струка,
И того чужія очи
Не увидятъ. Тьма густая
Закрываетъ тайны ночи;
Голосъ водитъ всѣхъ — не очи.

Часъ глухой и темной ночи...
Свѣтлыхъ звѣздъ не видно въ тучахъ,
Ни блестящаго оружья
Въ тьмѣ ночной подъ грубой струкой.
Такъ идетъ чета ночная;
Передъ ней юнакъ безстрашный:
Въ тихомъ шопотѣ другъ другу
Каждый звалъ юнака Миркомъ.

Такъ идетъ чета! Куда же?
Тщетно ты ее спросилъ бы.
Тщетно спрашивалъ бы молньи,
Тщетно спрашивалъ бы громы,
Далеко ль они несутся?
Всѣ на это отзовутся:
«Знаетъ то лишь Громовержецъ,
Тотъ, Кому міры подвластны.»

Такъ идетъ чета! Куда же?
Знаетъ только Онъ, Всевышній.
Вѣрно, тотъ великій грѣшникъ,
На кого Онъ насылаетъ
Эту силу съ звѣздной выси,
Судъ своей предвѣчной правды.

Тихо, глухо всѣ ступаютъ
Въ этой тьмѣ глухой и тихой.
Говоръ, шопотъ, смѣхъ и пѣсня
Тамъ не слышались; изъ сотни
Голосовъ не слышенъ голосъ.
Словно туча градовая,
Страшный бичъ въ себѣ скрывая,
Приближается неслышно,
Угрожая горемъ краю,
Надъ которымъ вдругъ нависнетъ:
Такъ и храбрая дружина,
Подъ покровомъ темной ночи,
Походила на десницу Божью;
Тихо шла, чтобъ преступленье знало,
Что оно еще не безопасно,
Если громъ не вдругъ ударитъ съ неба;
Чѣмъ позднѣе, тѣмъ онъ бьётъ сильнѣе.

Не звучитъ нигдѣ оружье,
Не звенитъ и стволъ ружейный,
Не звучатъ литые токи *)
При походкѣ тихой, легкой;
Словно зная кто ступаетъ,
Подъ опанками юнаковъ

*) Токи—тѣсные ряды серебряныхъ или мѣдныхъ пуговицъ, нашитые впереди на курткѣ, надѣваемой сверху.

Шумно зыблется стремнина,
Опускается пригорокъ.
Всѣ другъ съ другомъ ровно идутъ,
Неразлучно, вѣрно, твердо,
Словно близнецы свѣтила
По закатѣ тихомъ солнца.
Вотъ ужь Комляне, Загорачь,
Бѣлопавличи — всѣ были
Далеко за ними, къ Ровцамъ
Каменистымъ ужь подходятъ;
А за Ровцами къ разсвѣту
Прибыла чета къ Морачѣ,
Къ той Морачѣ, отъ которой
Цѣлый край названье принялъ.
Храбрая чета на дневку
Избрала Морачскій берегъ.
Кто, склонившися къ роспстымъ
Травамъ, сномъ желаетъ силы
Подкрѣпить, другой же смотритъ
На замокъ ружейный, или
Счетъ ведетъ своимъ зарядамъ,
Или ножъ булатный точитъ;
Кто, добывъ огнивой искру
И подъ сушь огонь засунувъ,
Богатырскимъ дуновеньемъ
Быстро пламя раздуваетъ;
А иной, взявъ часть барана,
Даръ незлобиваго стада,
Жарилъ весело на прутѣ
Изъ орѣшника; другой же
Изъ своей походной сумки
Доставалъ кусочекъ сыру.
Пить захочетъ? вотъ Морача возлѣ.
Чашу нужно? есть на это руки.

Вотъ и день ужь наступаетъ,
И ужь слышится въ сосѣдствѣ
Голосъ пастыря, который
Гонитъ стадо; колокольчикъ
На вождѣ-баранѣ громко
Вторитъ пастырской свирѣли.

Рядомъ съ нимъ другой смиренный пастырь
Шолъ навстрѣчу собственному стаду.
Не украшенъ онъ сребромъ и златомъ,
Онъ украшенъ доблестью во взорѣ,
И въ простую мантію одѣянъ;
Нѣтъ за нимъ проводниковъ блестящихъ,
Нѣтъ ни свѣчь, ни факеловъ зажженыхъ,
И не слышно звона съ колокольни;
Свѣтитъ только на закатѣ солнце,
Да звенитъ бубенчикъ на баранѣ.
Храмъ его — безоблачное небо,
А алтарь — утесы и долины,
Ѳиміамъ — луговъ благоуханье,
Что горѣ возносится на небо
Отъ цвѣтовъ, растущихъ безъ призора,
Отъ цвѣтовъ и крови христіанской,
Пролитой за честный Крестъ, за Вѣру.
Подойдя къ четѣ, служитель вѣрный
Своего небеснаго Владыки
Говоритъ юнакамъ: «Богъ на помощь!»
И на камень старецъ становится,
И ведетъ такую рѣчь къ собранью:
«Чада, чада вѣрныя отчизны!
Вотъ земля, въ которой вы родились;
Хоть она скалиста, но безцѣнна.
Дѣды ваши родилися здѣсь же,
И отцы у васъ родились здѣсь же,
Да и сами вы родились здѣсь же:
Нѣтъ земли для васъ на свѣтѣ лучше.
За нее кровь лили ваши дѣды,
И отцы кровь лили за нее же,
За нее вы льёте кровь и сами:
Нѣтъ земли для васъ дороже въ свѣтѣ.
И орлы вьютъ гнѣзда на вершинѣ:
Не найти свободы на равнинѣ!

«Вы, которые привыкли
Жить умѣренно и трезво,
Не заботитесь, даютъ ли
Виноградный сокъ утесы,
Не заботитесь, даютъ ли
Вдоволь хлѣба ваши скалы,
Не заботитесь, даютъ ли
Ваши горы шолкъ, покуда
Есть вода въ ручьяхъ холодныхъ
И мычатъ волы въ долинахъ,
Да блеятъ въ ущельяхъ овцы!

«Порохъ есть, да и свинцу довольно,
И сильна десница у юнака,
И соколье око подъ рѣсницей;
А въ груди кипитъ-стучится сердце,
И тверда, неколебима вѣра;
Побратимъ за побратимомъ смотритъ,
Вѣрный мужъ любимъ супругой вѣрной...
Нѣтъ оружья? — турокъ вамъ приноситъ:
Вотъ и все, что сердце ваше проситъ.

«Но всего прекраснѣй въ этихъ скалахъ —
Это крестъ, воздвигнутый надъ ними.

Онъ одинъ васъ въ горѣ укрѣпляетъ,
Онъ одинъ вамъ открываетъ небо.
Еслибъ всѣ народы остальные
Изъ своихъ равнинъ необозримыхъ
Этотъ крестъ всесильный увидали,
Крестъ никѣмъ еще не побѣжденный,
Что̀ стоитъ на Ловченѣ высокомъ,
Вознося̀сь къ сіяющему небу;
Еслибъ всѣ народы эти знали,
Какъ его хотѣлъ нечистый турокъ
Поглотить своею алчной пастью,
Тщетно зубъ ломая здѣсь о скалы:
О! они, сложивъ спокойно руки,
Не смотрѣли бъ такъ на ваши муки;
И за-то, что вы же умирали,
Сторожа ихъ мирный сонъ — едва ли
Васъ они за дикихъ бы считали!

«Вы за крестъ тотъ умерѣть готовы,
Свято гнѣвъ небесный исполняя.
Кто жь идетъ служить всѣмъ сердцемъ Богу,
Тотъ Ему служить всѣмъ сердцемъ долженъ;
Чьей души ничто ужь не тревожитъ —
Судъ небесъ лишь тотъ исполнить можетъ.

«Кто изъ васъ обидѣлъ словомъ брата;
Кто убилъ слабѣйшаго на схваткѣ,
Осквернивъ поступкомъ этимъ душу;
Затворилъ передъ прохожимъ двери;
Не сдержалъ лукаво обѣщанье;
Отказалъ голодному въ трапезѣ;
Не призрѣлъ израненаго брата:
Вотъ дѣла грѣха и осужденья!
Лишь въ одномъ раскаяньи прощенье.

«Кайтеся, пока еще есть время!
Кайтеся — еще не поздно, дѣти!
Кайтеся, покуда ваши души
Не стоятъ передъ престоломъ божьимъ!
Кайтеся: теченье этой жизни
Незамѣтно движется къ закату.
Кайтесь, кайтесь: можетъ-быть денница
Многихъ васъ уже не встрѣтитъ завтра.
Кайтесь же!» Но въ горлѣ старца
Рѣчь уже остановилась,
И на бороду упала
Горяча-слеза, блистая
Словно жемчугъ въ блескѣ солнца.
Можетъ-быть, онъ вспомнилъ время
Юныхъ лѣтъ, не безъ укора
Проведенныхъ имъ, и, язвы
Въ юномъ стадѣ исцѣляя,
Боль почуялъ въ старыхъ ранахъ.
Добрый пастырь!—правъ онъ въ словѣ смѣломъ:
У него не споритъ слово съ дѣломъ.

И растроганные доброй
Рѣчью праведнаго старца,
Всѣ въ безмолвіи стояли;
Агнцы кроткіе вдругъ стали
Изъ могучихъ львовъ тѣхъ! Чудо!
Такъ всесильно Божье слово всюду.

Но кто онъ, представшій грозно
Предъ четой, теперь смиренной,
И заставившій схватиться
Сотню рукъ за ятаганы?
Непонятное явленье!
Сто сердецъ въ одно мгновенье
Отвратилъ онъ вновь отъ неба,
И къ чему стремилась сотня
Самыхъ пламенныхъ желаній —
Онъ разрушилъ, уничтожилъ!
То заклятый врагъ, Новица,
То Новица — весь свобода —
Подойдя къ святому мѣсту,
Приступаетъ ближе къ старцу
И свой голосъ возвышаетъ:

«Ради Бога, братья черногорцы,
Не хватайтесь за свое оружье!
Я Новица, но уже не прежній —
Не на васъ иду, иду я съ вами,
Чтобъ въ крови турецкой вымыть руки.
Все что̀ прежде я имѣлъ у турокъ,
У меня все отнялъ лютый турокъ;
У меня осталась лишь десница,
Да и та принадлежитъ отнынѣ
Ужь не мнѣ, а братьямъ черногорцамъ.
Любъ юнакъ крещеный христіанамъ —
Такъ скорѣй меня крестите, братья!
Часъ насталъ: не въ силахъ больше ждать я!»

Сто десницъ при этомъ словѣ
Мигомъ бросили оружье,
И сто глазъ сквозь слёзы видятъ
Только радугу — не солнце.
Старецъ подалъ знакъ — и мигомъ
Ужь несутъ съ водою чашу.
«Вѣруй, чадо, въ Трисвятого Бога,
Вседержителя, Отца и Сына
И Святого Духа! вѣруй, сынъ мой,

Вѣруй, вѣруй, и спасетъ тя вѣра!»
И сказавъ то, старецъ вылилъ воду
На главу невѣрнаго... Лишь горы,
Да внизу ихъ дѣти, черногорцы,
Были тамъ свидѣтелями тайны.
И потомъ, подъявши къ небу очи,
Кроткія, незлобивыя очи,
И сухія руки, старецъ пастырь
Отпустилъ юнакамъ согрѣшенья
И смиренно пріобщилъ ихъ Богу:
Каждому юнаку далъ частицу
Тайной пищи, неземного хлѣба;
Каждому юнаку далъ по каплѣ
Тайнаго небеснаго напитка.
Смотритъ солнце на такое диво:
Слабый старецъ подкрѣпляетъ слабыхъ
Для того, чтобы земная сила
Божьей волѣ правдой послужила.

И когда имъ старецъ подалъ силы —
Всѣ поцаловались до едина.
И стоитъ, исполнена Всевышнимъ,
Та чета, ужь не какъ ножъ кровавый,
Наносящій смерть своимъ ударомъ —
Какъ перо святое, золотое:
Имъ же небо пишетъ для потомства
Подвиги отцовъ и дѣдовъ. Солнце
За горой далекой потухало.
Тихо въ церковь шолъ старикъ убогой,
И дружина шла своей дорогой.

4.

Поле Гацкое *) родное,
Какъ бы ты привольно было,
Еслибъ съ голодомъ не зналось,
Еслибъ съ голодомъ не зналось,
Съ злой неволей не встрѣчалось!
На тебѣ сегодня пиръ кровавый,
Палачи повсюду, да оружье,
Боевые кони, да палатки,
Тяжкія оковы, да фелеки. **)
Что̀ же тамъ за палачи такіе?
Для чего тамъ свѣтлое оружье?
Что̀ за кони? и зачѣмъ шатры тамъ,
Тяжкія оковы и фелеки?

Смаилъ-ага тамъ сбираетъ подать
И на Гацкомъ полѣ и за Гацкомъ.
Середь поля онъ шатры раскинулъ,
Разослалъ онъ сборщиковъ удалыхъ,
Сборщиковъ — заѣли бы ихъ волки!
Хочетъ онъ съ души взять по дукату,
Со двора по жирному барану
И добыть себѣ красотку на̀ ночь.

Ѣдутъ турки-сборщики съ востока,
За собой ведутъ нагую раю;
Показались сборщики съ заката,
За собой ведутъ нагую раю;
Ѣдутъ, змѣи, съ сѣвера и юга,
За собой ведутъ нагую раю.
По слѣдамъ коней ступаетъ рая;
Связаны у раи бѣдной руки,
За спиною связаны веревкой.
Боже, въ чемъ же рая провинилась?
Въ томъ ли, что нужда подъѣла туровъ?
Въ томъ ли, что ихъ нѣчисть одолѣла?
Провинилась—въ чемъ же? Въ томъ, что дышетъ,
А не можетъ, по желанью турка,
Дань давать ни золотомъ, ни хлѣбомъ.

Предъ шатрами Ченгичь-ага
На конѣ лихомъ кружится
И копье далеко мечетъ,
Упражняя зоркій глазъ свой
И могучую десницу.
То обгонитъ всадника на скачкѣ,
То метнетъ копье свое всѣхъ дальше.
Да, онъ могъ бы добрымъ быть юнакомъ,
Еслибъ былъ онъ добрымъ человѣкомъ!
Но увидѣвши добычу,
Ту, что̀ сборщики тащили,
Онъ стрѣлою къ нимъ помчался
На конѣ и замахнулся
На бѣгу копьемъ-джилитомъ.
Вотъ, копье поднявши кверху,
Онъ прицѣлился во влаха;
Но, видать, и у юнака
Измѣнить десница можетъ.
Такъ и здѣсь случилось съ а̀гой.
Легкій конь его споткнулся,
И копье хоть засвистѣло,
Но въ своемъ кривомъ полетѣ
Вмѣсто агнца поразило волка,
И Саферу, что̀ привелъ тѣхъ влаховъ,
Прямо въ глазъ оно вонзилось. Выпалъ
Глазъ съ копьемъ на мураву, а турокъ

*) Гацкое поле находится въ Герцеговинѣ, на сѣверозападъ отъ Черногорья.

**) Фелеки — орудіе, которымъ сдерживаются ноги при извѣстномъ наказаніи по пятамъ.

Облился своею чорной кровью.
Зашипѣлъ онъ ядовитымъ змѣемъ,
Вспыхнулъ Ченгичь-ага, словно пламень.
Просто срамъ подобному юнаку
Дань сбирать и не собрать той дани,
Въ цѣль копье свое метать и цѣли
Не достигнуть: вмѣсто бѣдной раи,
Выбить глазъ у преданнаго турка,
Словно на смѣхъ злобнымъ христіанамъ!
Вспыхнулъ Ченгичь-ага, словно пламень:
Боже, что жь отнынѣ будетъ съ влахомъ,
Если влахъ и прежде не былъ правымъ!
«Гей, Гассанъ, Омеръ, Яшаръ, скорѣе,
На коней скорѣе, вы, собаки!
Пронеситесь вы широкимъ полемъ:
Поглядимъ, какъ бѣгаютъ тѣ влахи!»
Заревѣлъ онъ какъ сердитый буйволъ.
Вняли слуги грозному приказу,
Понеслись лихіе кони полемъ,
Крики слугъ съ коней лихихъ несутся,
Топотъ конскій слышенъ подъ слугами,
Вопли раи слышны за конями.
Въ первую минуту, какъ посмотришь,
Рая носится быстрѣй, чѣмъ кони;
Во вторую разобрать ужь трудно:
Кони ль, рая ль бѣгаетъ быстрѣе;
Въ третью — кони напередъ несутся,
Отстаетъ измученная рая —
Мигъ — и рая падаетъ на землю,
    И волочатъ кони раю
    По грязи, въ пыли, по камнямъ,
    Словно Гектора подъ Троей,
    Лишь забыли боги Трою.
    Турки смотрятъ на ристанье
    И тѣмъ зрѣлищемъ ужаснымъ
    Услаждаютъ чувство зрѣнья,
    Насыщаютъ жажду крови —
    Влашской крови, мукой влаховъ.
    Иногда, развеселившись,
    Дружный хохотъ подымали,
    Увидавъ, какъ эта рая,
Эти псы вдругъ падали на землю.
Такъ могли лишь демоны смѣяться,
Видя муки грѣшниковъ въ гееннѣ.
    Не устали злые турки;
    Утомились только кони,
    Той живою бороною
    Заборанивая поле,
    Утомились — спотыкались.

«Гей, вы слуги! вскрикнулъ лютый ага:
Полно ѣздить — умираетъ рая;
Такъ скорѣй мнѣ раю воскресите,
Чтобъ моя добыча уцѣлѣла!»
Злые слуги злѣйшаго владыки
Соскочили всѣ съ коней на землю
И, держа въ рукахъ бичи тройные,
Бросились на чуть живую раю,
Чтобъ пришли въ себя собаки-влахи.
    Свищетъ бичь въ рукѣ проворной,
    Разсѣкая мертвый воздухъ:
    Плоть грызетъ тройное жало,
    Источая токи крови.
Если жь бичь порою оплошаетъ,
То на тѣлѣ страшную картину
Чорно-синихъ лютыхъ змѣй напишетъ,
А подъ ними жертва еле дышетъ.

    «Ну, вставай скорѣе, рая!
    Эй, вы на ноги, собаки!»
    Раздаются крики турокъ.
    Рая въ страхѣ собираетъ
    Угасающія силы:
    Кто сильнѣе, потихоньку
    Привстаетъ и становится
    На израненныя ноги.
    Кто слабѣе, тотъ какъ-будто
    Сквозь свой сонъ тяжолый, вѣчный,
    Слыша страшныя проклятья,
    Чуя боль отъ злого жала,
    Удержать въ себѣ желаетъ
    Отлетающую душу —
    И ползетъ на четверенькахъ.
Не одинъ, какъ видно, голосъ трубный
Пробудить отъ сна усопшихъ можетъ
Въ день суда послѣдняго, но даже
Бичь тройной способенъ вызвать къ жизни.

    Лишь съ шатрами поравнялась
    Рая, кровью облитая —
    Ага страшный, словно призракъ,
    Зарычалъ предъ бѣдной раей:
    «Подавай мнѣ подать, рая!
    Подать, или худо будетъ!»

Вседержитель птицамъ отдалъ воздухъ,
Дупла далъ, спокойныя далъ гнѣзда;
Рыбамъ воду, глубины морскія,
Свѣтлые, кристальные чертоги;
Звѣрю далъ лѣса, крутыя горы,
Тѣнь пещеръ и шолкъ луговъ зеленыхъ;
Бѣдной раѣ не далъ корки хлѣба,

Чтобъ ее слезами оросила.
Нѣтъ! и ей онъ далъ удѣлъ отрадный,
Да все отнялъ турокъ кровожадный!

«Подать, подать!» Гдѣ взять раѣ подать?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и крова,
Подъ которымъ голову склонила бъ?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и поля,
Лишь чужое пòтомъ орошаешь?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и стада,
На скалахъ же лишь пасешь чужое?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ одежды?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и хлѣба?

— «Голодъ, холодъ, господарю!
Подожди пять-шесть денёчковъ —
Соберемъ мы Христа-ради!»
— «Подать, подать подавайте!»
— «Хлѣба, хлѣба, господарю!
Мы давно уже безъ хлѣба!»
— «Погодите, псы, лишь только
Ночь съ небесъ сойдетъ на землю,
Будетъ мясо вмѣсто хлѣба!
Гей, ребята! эти влахи босы,
Такъ подкуйте ихъ, чтобъ имъ издохнуть!»

Отвѣчалъ онъ и вошолъ въ шатеръ свой.
Тотчасъ слуги бросилися къ раѣ,
И при этомъ одноглазый Саферъ
Веселѣе всѣхъ засуетился:
Къ общей пущей радости онъ хочетъ
Вымѣстить на раѣ глазъ пропавшій.
То раздастся скрипъ фелековъ,
То рыканіе Сафера:
«Подать, подать подавайте!»
То отвѣтъ несчастной раи:
— «Хлѣба, хлѣба, господарю!
Мы давно уже безъ хлѣба!»
— «Погодите, псы, лишь только
Ночь съ небесъ сойдетъ на землю,
Будетъ мясо вмѣсто хлѣба!»
Повторялъ злодѣй слова злодѣя.

Но опишетъ ли кто вѣрно
Эти тяжкія страданья?
Да и кто же равнодушно
Могъ бы слушать эту повѣсть?

Минулъ день, сошолъ на землю сумракъ,
А за нимъ и ночь сошла на землю.
Небеса усѣялись звѣздами,
Только западъ былъ еще во мракѣ;
Полумѣсяцъ шолъ по полунебу,
Освѣщая грустную картину.

Средь пустого поля липа
Вѣковѣчная стояла,
Окруженная шатрами.
Между ними наилучшій,
Наилучшій, наибольшій,
Возвышавшійся надъ всѣми,
Былъ шатеръ Ченгича-аги,
Словно бѣлый стройный лебедь
Въ голубиной бѣлой стаѣ.
Въ тихомъ, кроткомъ лунномъ свѣтѣ
Ставки бѣлые бѣлѣлись,
Какъ могилы въ грудахъ снѣга,
Надъ которыми въ полуночь
Грозно вьются злые духи
И прохожаго ночного
Привидѣньями пугаютъ,
Или ухо оглушаютъ
Лаемъ псовъ, рыканьемъ львовъ нагорныхъ,
Воплемъ душъ страдающихъ за гробомъ.

Мнилось, здѣсь лежитъ кладбище
Славныхъ праотцевъ славянскихъ,
Тѣхъ славянъ, которыхъ слава
Разносилася далеко,
И вокругъ которыхъ турокъ
Извивался днемъ и ночью,
Долго голову ломая,
Чѣмъ и какъ задать бы страху,
Чтобъ несчастные потомки
Славныхъ предковъ въ злой неволѣ
Молча ждали лучшей доли!

Слышно лишь, какъ львомъ рыкаетъ турокъ,
Или псомъ голоднымъ завываетъ.
Слышны лишь стенанія страдальцевъ,
Крики ихъ, мучительные вздохи,
Страшный звукъ оковъ, цѣпей тяжолыхъ,
И за нимъ мольбы, призывъ на помощь...
Слушай, братъ, ужели вопли — призракъ?
Слушай, братъ... да нѣтъ, не призракъ это...
Вижу я, какъ тяжело ты дышешь...
Плачешь ты? о, нѣтъ, не призракъ это:
Вѣдь бы ты предъ призракомъ не плакалъ.

Разведенъ огонь передъ шатрами,
И вокругъ его мелькаютъ турки.
Тотъ въ огонь подкладываетъ хворостъ;

Тотъ, надувшись точно мѣхъ кузнечный,
Понемногу раздуваетъ пламя;
Тотъ сидитъ, поджавши ноги, возлѣ,
Надъ огнемъ вертя баранье мясо;
На угляхъ шипитъ баранье мясо —
И огонь его какъ-будто лижетъ,
Освѣщая потъ, который градомъ
По лицу изъ-подъ чалмы струился.
И когда баранъ ужь былъ изжаренъ,
Онъ былъ тотчасъ снятъ съ тяжолой жерди,
Цѣликомъ на длинный столъ наваленъ
И ножомъ огромнымъ весь разсѣченъ.
Тутъ орда турецкая къ трапезѣ
Подошла, какъ-будто волчья стая,
И руками стала рвать добычу.
Первымъ былъ межъ ними Ченгичь-ага,
А за нимъ Баукъ и остальные:
Звѣри такъ кидаются на падаль.
Захвативъ и ракіи, и хлѣба,
Стала ѣсть орда та мясо съ хлѣбомъ
И притомъ не забывала жажду
Заливать палящей, жгучей водкой.
Утоливъ свой голодъ и удвоивъ
Злость свою палящей, жгучей водкой,
Какъ огонь вдругъ вспыхнулъ Ченгичь-ага:
Просто срамъ подобному юнаку
Дань сбирать и не собрать той дани,
Въ цѣль копьё свое метать и цѣли
Не достичь, а вмѣсто жалкой раи,
Выбить глазъ у преданнаго турка,
Словно на смѣхъ злобнымъ христіанамъ.
Какъ огонь вдругъ вспыхнулъ Ченгичь-ага,
И сказалъ слугамъ: «Довольно мяса!
Кости вы голодной раѣ бросьте,
Кости лишь, а мясо приберите:
Какъ скажу, такъ чтобъ готово было.»
Проревѣлъ онъ и ушолъ въ палатку.
Тотчасъ слуги бросили свой ужинъ
И пошли готовить все къ веселью:
Крѣпкія веревки и солому,
Чтобы раю обкурить порядкомъ,
Привязавъ ее къ кудрявой липѣ,
Головою внизъ, ногами кверху;
Обкурить, чтобъ тотчасъ выжать злато
Изъ несчастной, неодѣтой раи,
У которой не было и хлѣба.
Чтò же рая?... чтò же раѣ дѣлать?
Мать земля жесткà, далеко небо;
Плачетъ сердцемъ, видя чтò съ ней будетъ,
Плачетъ сердцемъ, хоть не плачутъ очи.
И когда все было ужь готово,
Ждали, не могли дождаться слуги,
Всѣхъ же больше одноглазый Саферъ,
Скоро ли имъ крикнетъ Ченгичь-ага:
«Ну, теперь и съ липовымъ народомъ *)
Намъ пора, ребята, разсчитаться,
Ужь пора его на липу вздернуть!»

Между-тѣмъ ага сидѣлъ въ палаткѣ;
Съ нимъ — Баукъ лукавый, воевода,
Мустафа, его совѣтникъ вѣрный,
И другіе старшіе изъ турокъ.
    На полу ковры повсюду
    Разноцвѣтные лежали,
    И на нихъ вездѣ подушки
    Предлагали тѣлу нѣгу,
    Нѣгу сладкую и отдыхъ.
А въ углу на огонькѣ трещала
Только-что отсѣченная вѣтка,
И трещала, словно пѣсню пѣла,
Пѣла съ плачемъ, плакала съ припѣвомъ.
А въ срединѣ, на высокой жерди,
Около которой разстилалась
Гордая палатка Ченгичь-аги,
Пышное оружіе блестѣло:
Ружья и холодное оружье.
Тамъ клинки дамасскіе сіяли
Сотни разъ точившіе изъ влаховъ,
Изъ собакъ нечистыхъ, кровь ручьями;
Возлѣ нихъ виднѣлись ятаганы
И ножи булатные безъ счета;
Много тамъ и длинныхъ ружей было,
Съ золотой изящною насѣчкой
И безъ счета цѣнныхъ пистолетовъ.
Но чтò тамъ склонилось къ шестоперу?
Никогда невиданное диво!
Возлѣ волка агнецъ непорочный,
Рядомъ съ змѣемъ — призрачная вила!
То склонились гусли къ шестоперу!
Видишь ихъ, мой братъ? но не пугайся:
Шестоперъ тѣ гусли не расщепитъ,
Струны ихъ не превратитъ въ вериги,
А смычокъ невинный въ лукъ ужасный
И въ коня удалаго кобылку.
Знай, славянки-вилы не боятся
Шума битвъ и грохота оружья:
Гдѣ молчитъ винтовка боевая,
Тамъ молчитъ и пѣсня удалàя!

---

*) Липовый человѣкъ, липовый христіанинъ — слабый, недѣятельный славянинъ на языкѣ турка.

Небо, чистое въ то время,
Все одѣлось чорной мглою.
И когда бы кто сквозь тучи
Могъ смотрѣть, то увидалъ бы
Какъ дрожали тамъ плеяды,
Эти маленькія звѣзды,
Надъ палаткой Ченгичь-аги,
И какъ мѣсяцъ вигорогій
Выступалъ передъ звѣздами,
Какъ баранъ-вожакъ предъ стадомъ.
Ночь глухая наступила,
Не слыхать нигдѣ ни звука,
Лишь роса спускалась тихо
На цвѣты, какъ слёзы неба.
Страшный мракъ, сгущавшійся все больше,
Такъ одѣлъ и горы и долины,
Что руки нельзя увидѣть было,
А куда ужь разглядѣть тропинку!
Горе тѣмъ, кого въ дорогѣ
Ночь такая заставала,
Если нѣтъ вблизи привала.

Расходился, разыгрался вѣтеръ,
Засверкала молнія, бичуя
Воздухъ, землю пламенемъ небеснымъ.
То предъ взоромъ свѣтъ невыносимый,
То опять одѣнется все тьмою —
Тьмою большей чѣмъ казалось прежде.
Вотъ и громъ послышался внезапный,
Громъ глухой, гремѣвшій въ отдаленьи.
Вотъ все ближе, громче и страшнѣе
Отдается грохотъ по ущельямъ.
Гулъ глухой идетъ горѣ и долу;
По доламъ, ущельямъ слышно эхо:
Быть бѣдѣ, не обойдтись безъ бури!
Горе тѣмъ, кого въ дорогѣ
Ночь такая заставала,
Если нѣтъ вблизи привала!

Еслибъ ты спиною къ вѣтру
Сталъ въ тотъ мигъ, какъ молнія блеснула,
И внимательно взглянулъ бы
Прямо пò вѣтру въ равнину —
Увидалъ бы тамъ толпу народа:
Вмѣстѣ всѣ, лишь мракъ ихъ раздѣляетъ.
То гроза покажетъ имъ дорогу,
То вдругъ тьма опять ее отниметъ;
Но они походкой легкой
Ближе все подходятъ къ стану.
Ночь черна! хотятъ чрезъ тьму продраться,
Чтобъ скорѣй къ ночлегу лишь добраться.

Но вотъ снова молнія блеснула,
И людей вблизи ужь освѣтила —
И теперь нетрудно было видѣть,
Кто ихъ вождь и кто идетъ съ нимъ рядомъ.
Знать, одинъ изъ нихъ глава дружины,
А другой надежный ихъ вожатый;
Знаетъ онъ всѣ долы и всѣ горы
И во тьмѣ ведетъ свою дружину.
Посмотри, какъ онъ легко ступаетъ,
Словно вѣтеръ мчитъ его въ пространствѣ.
Чтò жь его влечетъ? чего послушно
По его слѣдамъ еще проходятъ
Двѣсти ногъ? Быть-можетъ, темной ночи
Онъ боится, любитъ сонъ и нѣгу
И теперв торопится къ ночлегу?

Блескъ грозы, мелькнувшій въ ту минуту,
Указалъ дружину за шатрами,
Какъ она въ три ряда становилась,
На три части храбрая дѣлилась.
И стоитъ чета ночная,
Словно туча громовая,
Или лава, что несется
Съ горъ высокихъ и ключемъ кипящимъ
Льётся съ ревомъ нà головы спящимъ.

Вотъ чета прислушиваться стала:
Разузнать ей хочется гдѣ ага.
Долетаютъ до нея ужь крики:
То Саферъ съ достойною дружиной
Напередъ безстыдно издѣвался
Надъ страданьемъ горемычной раи.
А въ палаткѣ ага возсѣдаетъ,
Куритъ онъ и тянетъ чорный кофе.
Ясное чело Ченгича
Было въ этотъ мигъ въ морщинахъ,
Быстрый взоръ его какъ-будто
Былъ подернутъ мрачной тучей.
Онъ хранитъ глубокое молчанье;
Въ головѣ его кружатся мысли
О красѣ дѣвичьей, объ оружьѣ,
О своей охотѣ соколиной,
О войнѣ, о золотыхъ дукатахъ,
О кровавыхъ казняхъ, черногорцахъ,
О метаньи въ цѣль копьемъ-джилитомъ.
Снова вспыхнулъ ага, словно пламень:
Просто срамъ подобному юнаку
Дань сбирать и не собрать той дани,
Въ цѣль копье свое метать и цѣли
Не достичь, а вмѣсто жалкой раи,
Выбить глазъ у преданнаго турка,

Словно на смѣхъ злобнымъ христіанамъ.
Какъ огонь вдругъ вспыхнулъ Ченгичь-ага;
Но когда ага замѣтилъ гусли,
На столбѣ висѣвшія съ оружьемъ,
Бѣшенство въ крови его утихло,
Усладилась горечь чорной крови,
Словно онъ гармоніей небесной
Тронутъ былъ; и жажда крови въ агѣ
   Превратилась въ жажду пѣсни —
   Такъ могуча сладость звуковъ!

Говоритъ Бауку Ченгичь-ага:
«Гей, Баукъ, почтенный воевода!
Удальство твое, я слышалъ, хвалятъ;
Ну, а что, когда бъ на насъ напали
Эти мыши горныя нежданно,
Сколько бъ ихъ одинъ ты искалѣчилъ?»
— «Да съ шестерню, господарь, побилъ бы.»
— «Просто дрянь ты, баба! а я думалъ,
Что и вправду ты юнакъ удалый!
Пусть ударятъ два десятка бердянъ,
Да поможетъ мнѣ святая вѣра,
Я одинъ бы всѣхъ ихъ обезглавилъ.
Знаешь, я чуть-чуть не впалъ въ сомнѣнье:
Я курилъ, а самъ все время думалъ,
Что гроза забавѣ помѣшаетъ,
Прокоптить намъ не позволитъ влаховъ.
Знаю я, что ты пѣвецъ искусный,
Я жь охочь до пѣсенокъ подъ гусли —
Такъ запой, потѣшь меня, пріятель!»

   Всталъ Баукъ, снялъ съ полки гусли
   И, поджавши снова ноги,
   Сѣлъ на прежнее онъ мѣсто;
   И на мягкую подушку
   Положилъ живыя гусли.
Вправо, влѣво онъ смычкомъ проводитъ;
Поправляетъ тонкую кобылку —
И вотъ звуки гуслей раздалися,
Зазвучалъ затѣмъ могучій голосъ,
И пѣвецъ искусный и лукавый
Затянулъ подъ звуки гуслей пѣсню:

«Правый Боже, что за чудный воинъ
Былъ Ризванъ-ага, владыко сильный!
Какъ искусно онъ владѣлъ оружьемъ,
Острой саблей и копьемъ булатнымъ,
И ружьемъ, и лютымъ ятаганомъ,
И конемъ своимъ лихимъ, удалымъ!
Ага сходитъ на Косово поле,
Собираетъ онъ цареву подать,
Хочетъ онъ съ души взять по дукату,
Со двора по жирному барану,
На-ночь онъ добыть красотку хочетъ.
Собираетъ онъ цареву подать,
Злая рая платитъ и не платитъ.
Гдѣ съ души онъ хочетъ по дукату,
Тамъ не видитъ часто мѣдной пары,
Хочетъ съ дома жирнаго барана,
А возьметъ — на перечетъ всѣ ребра,
А гдѣ на ночь онъ красотку ищетъ,
Не находитъ и сморчка-старухи.
Запираетъ ага злую раю,
А потомъ ее выводитъ въ поле,
Въ полѣ ставитъ онъ ее рядами,
На конѣ черезъ нее онъ скачетъ:
Первый рядъ перескочилъ удачно,
И другой перескочилъ удачно,
А когда хотѣлъ скакнуть чрезъ третій,
Дикій конь его встряхнулся дико,
Лишь скакнулъ онъ, лопнула подпруга,
Сильный ага на траву свалился.
И немного времени минуло,
А изъ устъ въ уста уже несется
Смѣлый шопотъ по Косову полю.
Чѣмъ онъ дальше, тѣмъ сильнѣе шопотъ;
Послѣ смѣхъ, потомъ насмѣшки раи,
А потомъ сложилась пѣснь подъ гусли —
И поютъ слѣпые на Косовѣ:
«Просто дрянь былъ Ризванъ-ага сильный!»

   Эта пѣснь еще звучала,
   А ужь каждый могъ бы видѣть,
   Кто смотрѣлъ на Ченгичь-агу,
   Что въ лицѣ его виднѣлись
   Боль, досада, злоба, ярость
   И другія злыя страсти,
   И кровавыми когтями
   Раздирали сердце аги
   При язвительныхъ намекахъ.

И кровавый пламень грозно вспыхнулъ
Въ гнѣвномъ сердцѣ противъ злобной раи,
Противъ влаховъ, христіанъ поганыхъ,
Противъ тѣхъ собакъ нечистыхъ, скверныхъ,
Что живутъ въ сосѣдствѣ правовѣрныхъ.

   Цѣпи, ядъ, веревка, сабля,
   Ножъ, котелъ съ кипящимъ масломъ,
   Колъ, огонь и сотни пытокъ
   Вдругъ припомнилися агѣ,
   Чтобъ изгладить слѣдъ насмѣшекъ

И сберечь нетронутую славу,
Имя въ пѣсни подъ бряцанье гуслей.
Брови аги сдвинулись, какъ тучи,
Загорѣлись очи, словно пламя;
По лицу огонь зловѣщій бѣгалъ
И отъ гнѣва расширялись ноздри;
На устахъ, ужь вспѣненныхъ отъ злости,
Выраженье ада показалось.
И легко въ немъ каждый прочиталъ бы:
«Такъ скорѣй погибнетъ эта рая,
Чѣмъ меня погубитъ пѣсня злая!»

Не успѣлъ Баукъ окончить пѣсни,
Какъ у аги мысль уже мелькнула,
Что и тутъ свидѣтелемъ позора
Не одна лишь злая рая будетъ,
И что очи и уста не только
Раѣ злой даны природой щедрой:
Рая зла, а турки всѣ лукавы:
Всѣхъ души — и не уронишь славы!

Эти злые помыслы злой ага
Хочетъ скрыть въ душѣ своей лукавой —
И черты лица онъ укрощаетъ;
Но на немъ все ярче и виднѣе
Выступаетъ пламя дикой злобы.
Хочетъ онъ казаться всѣмъ спокойнымъ,
А межь-тѣмъ дрожитъ онъ какъ осина.
Наконецъ, безсильный скрыть ту злобу,
Поднялся онъ въ ярости и вскрикнулъ:
«Ужь пора покончить съ этой раей!
Палаши, ножи, огонь и колья!
Распустить сейчасъ всѣ силы ада!
Я юнакъ, отъ пѣсни жду я славы;
Для того задамъ имъ пиръ кровавый.»

Не успѣлъ домолвить ага,
Какъ раздался мѣткій выстрѣлъ
И затьмилъ другое око
У Сафера, что̀ всѣхъ прежде
Подскочилъ на голосъ аги;
Что̀ отъ древка началося,
То окончилось отъ пули.
«Влахи!» всюду слышны крики.
Въ ту минуту часть дружины
Залпъ дала по всѣмъ палаткамъ.
«Влахи! влахи!» слышны крики.
«Гей, коня мнѣ!» голосъ аги.
Тутъ другая часть дружины
Залпъ дала. «Повсюду влахи!
Ружья, ружья, ятаганы!
Гей, коня, Гассанъ, коня мнѣ!»
Вотъ и третій залпъ раздался.
Ужь Гассанъ коня выводитъ;
На коня садится ага;
Но сверкнула словно молнья —
И винтовочная пуля
Агу вновь свела на землю.
Ночь мрачна; не знаешь, чья та пуля,
Но вблизи стрѣлялъ въ то время Мирко,
И во тьмѣ порхнула безъ одежды
Та душа, безъ мира и надежды...

Ага палъ; еще дерутся турки;
Но отъ всѣхъ сокрыто было мракомъ,
Что̀ въ борьбѣ геройство совершало.
Ничего не разберешь во мракѣ.
Лишь когда сверкнетъ огонь небесный,
Или вдругъ мелькнетъ огонь ружейный —
Предъ собой вдругъ видитъ турокъ влаха
Въ двухъ шагахъ, межь-тѣмъ какъ прежде думалъ,
Что стоитъ онъ отъ врага на выстрѣлъ.
И летятъ въ желѣзныя объятья,
И звучатъ желѣзныя лобзанья,
И летятъ сцѣпившись на земь оба:
Такова кипитъ въ душѣ ихъ злоба.

Подъ покровомъ чорной ночи
Ходитъ смерть, бросая слѣдъ кровавый;
Очи смерти свѣтятся какъ молньи,
И сквозь кости вѣетъ вѣтръ холодный;
Словно громъ гремитъ она: то «горе!»
То «медетъ!» то «помоги намъ, Боже!»
И вздыхаетъ, и хрипитъ, и стонетъ,
И беретъ то сербина, то турка,
Очи ихъ смежая безпробудно.

Тутъ погибъ совѣтникъ аги, Муя,
Яшаръ злой, Гассанъ, Омеръ и тридцать
Мусульманъ изъ свиты Ченгичь-аги;
Мракъ ночной отъ смерти спасъ Баука
И другихъ, бѣжавшихъ съ поля битвы.

Но кто тамъ лежитъ на трупѣ аги?
Самъ мертвецъ, на трупъ онъ скалитъ зубы.
Тотъ мертвецъ — Новица. Онъ Гассаномъ
Былъ убитъ въ тотъ мигъ какъ въ жаждѣ мести
Подскочилъ къ поверженному звѣрю,
Чтобъ его добить и обезглавить.
Стихъ свинцовый градъ: пошолъ небесный —

И дружина скрылась подъ шатрами.
Ночь страшна, облита чорной кровью,
Ночь темна... дружина же довольна:
На ночлегѣ новомъ ей привольно.

М. Петровскій.

Л. ВУКАТИНОВИЧЪ.

Людевитъ Вукатиновичъ, современный хорватскій поэтъ и одинъ изъ ревностнѣйшихъ проповѣдниковъ иллирскаго союза, родился въ 1813 году въ Загребѣ. Вукатиновичъ выступилъ на литературное поприще въ 1832 году съ своей драмой «Golub». Появленіе его въ литературномъ кружкѣ Загреба совпало съ началомъ иллирскаго движенія, въ главѣ котораго стоялъ Людевитъ Гай, ревностный проповѣдникъ панславистскихъ тенденцій. Вукатиновичъ примкнулъ къ этому движенію и, вмѣстѣ съ Вразомъ, Мажураничемъ, Кукулевичемъ, Боговичемъ и другими, взялся за литературную пропаганду иллиризма со всею искренностью энтузіаста національнаго возрожденія. Вукатиновичъ взялся за перо и написалъ множество стихотвореній, исполненныхъ самой горячей любви къ родинѣ, изъ которыхъ половина поётся до-сихъ-поръ народомъ. Онъ призывалъ въ своихъ пѣсняхъ хорватскій народъ «сбросить суровое иго, которое пятнаетъ ихъ имя и подкапываетъ ихъ племя.» Не указывая еще прямо на настоящаго врага, онъ уже съ самаго начала говоритъ хорватамъ: «Все на этой землѣ, и старецъ и дитя, стремится къ золотой свободѣ и съ отточеннымъ оружіемъ выходитъ противъ ея нарушителя. Пора уже намъ отточить наши мечи противъ враговъ нашего имени, и въ потокахъ вражеской крови затопить вражескую несправедливость: пусть это будетъ нашей первой заповѣдью!» Затѣмъ, онъ призываетъ ихъ явиться со всѣми силами на священную войну и обѣщаетъ имъ вѣрную побѣду. Стихотворенія эти, разбросанныя по разнымъ журналамъ и сборникамъ, были собраны имъ и изданы два раза, въ 1838 и 1842 годахъ, подъ названіемъ «Пѣсни и Разсказы» и «Розы и Тернія». Затѣмъ, въ 1844 году, Вукатиновичъ издалъ свои «Историческія Повѣсти», въ двухъ томахъ, а съ 1847 — еще одинъ томъ своихъ стихотвореній. Кромѣ того, онъ помѣстилъ много превосходныхъ стихотвореній въ своемъ альманахѣ «Leptir» (1859—1861), гдѣ напечатаны также и нѣкоторыя изъ его прозаическихъ произведеній. Съ 1848 года онъ посвятилъ себя практическимъ занятіямъ сельскаго хозяйства, погрузился въ естественныя науки и сталъ изучать минералогію и геологію, помѣщая свои статьи въ «Хозяйственномъ Листкѣ», котораго былъ редакторомъ съ 1856 по 1858 годъ. Будучи въ тоже время директоромъ Загребскаго Музея, онъ обогатилъ его прекрасно-составленнымъ геологическимъ собраніемъ.

I.

ВЫДРИНСКАЯ ГОРА.

Когда съ родной горы я взоры устремляю
На цѣпь скалистыхъ горъ, вершины ихъ считаю
И думаю о томъ, что ихъ крутые скаты
Людьми заселены, что вкругъ живутъ хорваты,
Тогда моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И Господу народъ хорватскій поручаетъ.

Когда съ родной горы, подернутой росою,
Любуюсь утромъ я пурпурною зарёю,
Когда я слышу звонъ, зовущій къ покаянью
Труждающихся всѣхъ, доступныхъ упованью,
Тогда моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И Господу весь міръ славянскій поручаетъ.

Когда моя душа полна волненья злого,
Я прихожу сюда, чтобъ отдохнуть немного —
И нѣтъ на мнѣ цѣпей, свободно это тѣло,
Я снова въ даль гляжу восторженно и смѣло
И вновь моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И счастіе свое Зиждителю вручаетъ.

Когда свѣтило дня садится за горами
И меркнущая даль звучитъ колоколами,
Я думаю тогда, прощаяся съ горою:
«Кто знаетъ, что насъ ждетъ съ пурпурною зарёю?»
И вновь моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И Господу себя съ молитвой поручаетъ.

Н. Гербель.

II.

ПОЦАЛУЙ ЧЕРНООКОЙ.

Черноокая, скажи мнѣ,
Ты скажи, не утаи,

Гдѣ взяла ты эти чары,
Чары дивныя свои?

Гдѣ уста взяла такія,
Что — пройди весь бѣлый свѣтъ —
Не найдешь такихъ ни гдѣ ты:
Ихъ и не было, и нѣтъ!

Мнѣ роскошная ихъ сладость
И дороже, и милѣй,
Чѣмъ для пчёлки сокъ медвяный
Розъ, фіалокъ и лилей.

Поцалуй мнѣ подарила
Ты вечоръ въ ночной тиши:
Имъ похитила на-вѣки
Прежній миръ моей души.

Я отмщу тебѣ за это:
Самъ вопьюсь въ уста твои
Жарко, пламенно — и выпью
Небо цѣлое любви!

Н. Бергъ.

III.

МОЛЬБА КЪ ЧЕРНООКОЙ.

Ты хочешь знать, гдѣ домикъ мой:
Сокрытъ въ долинѣ онъ глухой;
Тамъ злачный лугъ
Найдешь, мой другъ;
Тамъ тихо, тихо все вокругъ.

Для насъ обоихъ тамъ готовъ
Шатеръ зеленый изъ цвѣтовъ,
Тамъ много розъ
Переплелось
Межъ виноградныхъ лозъ.

Ручей струится тамъ изъ горъ,
Тамъ нѣгой полонъ тёмный боръ,
И соловей
Въ тѣни вѣтвей
Поётъ тамъ слаще и живѣй.

За счастье въ тихомъ томъ дому
Всего я свѣта не возьму!
О, жить бы тамъ
Всю вѣчность намъ,
Дѣля невзгоды пополамъ!

Н. Бергъ.

IV.

КЛИЧЪ.

Гдѣ такая въ цѣломъ свѣтѣ
Есть дѣвица на примѣтѣ:

Что лицомъ — заря румяна,
Косы — будто крылья врана;

Зубки — перлы; очи чорны —
Точно вишни, точно тёрны;

Молодое нѣжно тѣло —
Словно пухъ лебяжій, бѣло;

Станъ стройнѣе горной ели;
Голосъ — пѣніе свирѣли;

Груди — волны въ океанѣ,
А походка гордой лани;

Сердце — что̀ твоя геенна
И въ любови неизмѣнно.

Гдѣ такая въ цѣломъ свѣтѣ
Есть дѣвица на примѣтѣ?

Н. Бергъ.

V.

ЧОРНЫ ОЧИ.

Ахъ вы, очи чорны,
Очи ясны!
Полюбилъ васъ крѣпко
Я, несчастный!

Въ каждое мгновенье
Дня и ночи
Вы передо мною,
Чорны очи!

Сяду ль ненарокомъ
Подъ оконце,

Гляну ли на небо,
 Иль на солнце;

Взоромъ ли ночную
 Тьму проникну:
Всюду, чорны очи,
 Васъ я вижу!

Смилуйся ты, люба,
 Надо мною:
Дай хоть мигъ единый
 Мнѣ покою!

А нето — такъ будешь
 Ты убійца
Земляка и брата,
 Иллирійца!

Н. Бергъ.

А. КАЗАЛИ.

Антонъ Казали, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ далматинскихъ, родился въ 1815 году въ Дубровникѣ. Съ 1855 по 1859 годъ онъ редактировалъ «Гласникъ Далматинскій»; въ 1856 году издалъ лучшее свое произведеніе — поэму «Златка», отрывокъ изъ которой помѣщенъ въ нашемъ изданіи; въ 1857 напечаталъ въ «Зарѣ» «Trista vicah udovicah», а въ слѣдующемъ году — повѣсть «О гробницкомъ полѣ». Кромѣ того, онъ перевелъ на сербскій языкъ первую пѣснь «Илліады», «Донъ-Карлоса» Шиллера и нѣсколько отрывковъ изъ Шекспира, Мильтона (изъ «Потеряннаго Рая») и Байрона. Въ настоящее время Казали служитъ учителемъ гимназіи въ Зарѣ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ЗЛАТКА».

Нѣтъ еще ни слуху и ни духу
О жестокихъ дняхъ войны кровавой,
Какъ, надежды полная и счастья,
Получила вѣсточку о другѣ
Златка, въ домъ изъ бою воротяся.
Дни-денёчки всѣ она считаетъ
И готовится, чтобъ друга встрѣтить.
Кромѣ всякихъ дорогихъ подарковъ,
Припасла она ему вязанье,
Ткань, на коей битвы и побѣды
Доблестныхъ мужей изобразила.
Разъ пошла она въ свою свѣтлицу,
Чтобы въ тайнѣ начатое кончить;
Только сѣла Златка за работу,
Какъ вошла безъ спросу къ ней служанка,
Говоритъ: «проѣзжій витязь проситъ,
Госпожа моя ты дорогая,
Милости твоей и позволенья
Стать передъ твои предъ очи ясны.»
Госпожа въ отвѣтъ ей тихо молвитъ:
«Ахъ, не въ часъ тотъ витязь къ намъ пріѣхалъ!»
Говоритъ опять служанка Златкѣ:
«Не хотѣлъ со мной пріѣзжій витязь,
Не хотѣлъ со мной разговориться,
Сколько я его ни умоляла.»
Мигъ одинъ задумалася Златка.
«Пусть войдетъ!» потомъ она сказала.
Тутъ вошолъ высокій, статный витязь,
Но недугомъ тяжкимъ пораженный:
Горькія страданія и муки
На лицѣ пригожемъ отражались.
Какъ на витязя взглянула Златка,
Скорбію наполнилось въ ней сердце.
Вслѣдъ за первымъ госпожѣ привѣтомъ,
Молвитъ онъ: «Принесъ тебѣ я вѣсти,
Но одна лишь ихъ ты слышать можешь.»
Златка выслала свою служанку
И глазъ-на-глазъ съ витяземъ осталась.
Какъ взглянулъ онъ на ея вязанье,
Какъ взглянулъ онъ — горьки слёзы пролилъ,
Только слёзъ онъ тѣхъ не утираетъ
И очей своихъ не закрываетъ.
Златка смотритъ на него печально,
Говоритъ ему такія рѣчи:
«Что̀ ты плачешь, витязь незнакомый?
Что̀ ты плачешь, глядя на вязанье?»
Ей на это витязь отвѣчаетъ:
«Кто хоть день одинъ провелъ съ Вацлавомъ,
Не забудетъ вѣрно и Бохвала:
Я — Бохвалъ!» На это Златка живо:
«А Вацлавъ? И что̀ отчизна наша?»
— «Сгинула отчизна, пали рати,
А иные витязи достались
Въ тяжкую неволю къ супостату!»
«А Вацлавъ?» — «Онъ не бѣжалъ, онъ плѣнникъ!»
— «Какъ же могъ онъ допустить, что взяли
Въ плѣнъ его?» Бохвалъ на это Златкѣ:
«Нѣтъ, Вацлавъ не допустилъ, чтобъ взяли
Въ плѣнъ его...» — «Убитъ!» она сказала
И лицо свое закрыла въ скорби,

А сквозь пальцы слёзы пробивались
И глухіе слышалися вопли.
Такъ промчалось нѣсколько мгновеній.
«Нѣтъ, не умеръ, мой Вацлавъ не умеръ!»
Внѣ себя проговорила Златка:
«О, скажи ты мнѣ, что онъ не умеръ!»
Тутъ Бохвалъ, очами прямо въ очи
Ей смотрѣвшій, опустилъ ихъ въ землю
И ни слова Златкѣ не промолвилъ.
«Что жь, погибъ онъ?» спрашиваетъ Златка:
«О, зачѣмъ Вацлавъ бѣжалъ ты съ поля?»
— «Между смертію и межь позоромъ
Ты бы что ли вѣдала что̀ выбрать
Твоему Вацлаву?» — «Такъ зачѣмъ же
Не погибъ и ты съ Вацлавомъ вмѣстѣ?
Онъ сказалъ мнѣ, что ему ты будешь
Вѣчно вѣренъ, что его не бросишь
Ни при жизни ты и ни при смерти:
Онъ погибъ, а ты бѣжишь, несчастный!»
Ничего на то не отвѣчая,
Обнажилъ Бохвалъ широко перси,
Показалъ глубокія ей раны:
«Нынче утромъ ихъ перевязали;
Говорятъ врачи: еще немного
Проживу...» — «Ахъ!» вымолвила Златка,
И, закрывши очи, обомлѣла;
Поддержалъ ее Бохвалъ рукою,
Говоритъ: «Звѣздою путеводной
Былъ мнѣ духъ погибшаго Вацлава:
Онъ привелъ меня къ твоимъ порогамъ,
Чтобъ письмо его тебѣ я отдалъ
И сказалъ, что мыслію послѣдней,
Что его послѣднимъ самымъ словомъ
Ты была!» Проговоривши это,
Изъ-за-пазухи письмо онъ вынулъ,
Положилъ его онъ на вязанье,
А при немъ и прядь волосъ Вацлава,
Кровію покрытую и прахомъ.
«Вотъ», сказалъ онъ, «все, что̀ уцѣлѣло
Отъ Вацлава!» И затѣмъ хотѣлъ онъ
Удалиться, но̀ схватила Златка
За руку его: «куда, скажи мнѣ,
Ты идешь, такой больной и слабый?
Отдохнулъ бы у меня ты въ домѣ!»
— «Я иду», отвѣтилъ онъ, «на отдыхъ
Въ той землѣ, гдѣ другъ мой почиваетъ!»

Н. Бергъ.

—

И. КУКУЛЕВИЧЪ-САКЦИНСКІЙ.

Иванъ Кукулевичъ-Сакцинскій, самый знаменитый изъ современныхъ поэтовъ Хорватіи и вмѣстѣ самый дѣятельный приверженецъ иллиризма, родился 17-го (29-го) мая 1816 года въ Вараждинѣ. Онъ прошолъ низшую школу, гимназію и философію въ Загребѣ, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ тамошнемъ дворянскомъ конвиктѣ. Въ 1833 году поступилъ въ военную службу и прослужилъ въ венгерской гвардіи, въ Вѣнѣ, до 1840 года, откуда перешолъ въ одинъ изъ венгерскихъ полковъ, стоявшихъ въ Италіи, а въ 1842 году вышелъ въ отставку. Первыя стихотворенія Кукулевича стали появляться въ «Денницѣ» и «Народныхъ Новинахъ», начиная съ 1837 года. Затѣмъ, онъ написалъ героическую драму «Юранъ и Софья», которая была дана на загребскомъ театрѣ новосадской драматической трупой въ 1840 году. По прибытіи въ Загребъ въ 1842 году, Кукулевичъ сталъ издавать свои «Разныя Сочиненія», которыхъ вышло по 1847 годъ четыре части, и въ которыхъ онъ собралъ свои разсказы, драматическія піесы и пѣсни, и къ послѣднимъ присоединилъ народныя хорватскія пѣсни, имъ записанныя. Въ 1848 году онъ напечаталъ свои знаменитыя политическія стихотворенія, подъ названіемъ «Славянки», въ которыхъ господствуетъ общій характеръ *иллирской* поэзіи той эпохи, т. е. ненависть къ врагамъ и патріотическія воспоминанія и надежды. Лучшія пѣсни изъ этого собранія помѣщены въ нашемъ изданіи въ переводѣ Н. В. Берга, нисколько не уступающемъ подлиннику.

Кукулевичъ рано принялъ и практическое участіе въ политическихъ волненіяхъ Хорватіи въ сороковыхъ годахъ. Онъ первый потребовалъ на Хорватскомъ Сеймѣ 1843 года признанія хорватскаго языка оффиціальнымъ языкомъ страны, вмѣсто латинскаго; къ сожалѣнію, требованіе это, принятое съ большимъ сочувствіемъ патріотами юной Илліріи, было отвергнуто мѣстной аристократіей. Рѣчи Кукулевича на земскихъ собраніяхъ, не проходившія въ печать по своей крайней рѣзкости, и слава его какъ политическаго писателя, доставили ему такую популярность, что въ 1848 году, когда настала полная анархія, онъ избранъ былъ, вмѣстѣ съ Гаемъ и Враничаномъ, членомъ временнаго правительства Хорватіи. Пользуясь предоставленною ему властью, Кукулевичъ устроилъ то̀ народное собраніе, въ

которомъ баномъ Кроаціи выбранъ былъ извѣстный Елачичъ. Онъ же былъ главой хорватской депутаціи, изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, которые представили императору Фердинанду двадцать четыре пункта народныхъ желаній. Затѣмъ, Кукулевичъ былъ первый, сдѣлавшій весною 1848 года въ газетѣ «Славянскій Югъ» предложеніе о славянскомъ съѣздѣ, собравшемся потомъ въ Прагѣ, и исполнялъ затѣмъ дипломатическія порученія въ австрійской Сербіи и въ Княжествѣ. Когда же оказалось, что стремленія хорватовъ не имѣли желаннаго успѣха, и началась реакція, Кукулевичъ оставилъ оффиціальную дѣятельность и возвратился къ своимъ архиварскимъ и антикварскимъ занятіямъ. Въ 1850 году его стараніями основано было Общество Юго-славянской Исторіи и Древностей, которое выбрало его своимъ президентомъ. Независимо отъ своихъ прямыхъ обязанностей, какъ президента, Кукулевичъ завѣдуетъ въ настоящее время и редакціей «Архива», издаваемаго этимъ обществомъ и имѣющаго огромное значеніе для юго-славянской исторіи. Онъ составилъ и издалъ историческую хорватскую хрестоматію, подъ заглавіемъ «Старые хорватскіе поэты», собралъ обширную библіотеку рукописей, предпринималъ антикварскія путешествія по славянскимъ землямъ и Италіи, словомъ — онъ никогда не оставался безъ дѣла, употребляя всѣ свои силы и способности на пользу родному краю. Въ настоящее время Кукулевичъ занимается изданіемъ нѣкоторыхъ старинныхъ далматинскихъ поэтовъ.

СЛАВЯНКИ.

1.

Красота полудня,
Далматское море!
Наше ты веселье
И горькое горе!

Тяжело на свѣтѣ
Безъ тебя далмату:
Для тебя пошолъ онъ
Въ слуги къ супостату!

Всѣхъ ты одарило
Серебромъ и златомъ,
Не дало лишь только
Ничего далматамъ.

Сжалься ты надъ ними,
Удѣли хоть малость
Изъ того, чтò прочимъ
Отъ тебя досталось!

2.

Твердая твердыня
Чорная гора ты!
Знаютъ-перезнаютъ
Тебя супостаты!

Голы твои скалы,
Голы твои дѣти,
Да нѣтъ ихъ славнѣе
Ничего на свѣтѣ.

Честь они и гòрдость
Славянскаго рода:
Живетъ между ними
На горахъ свобода.

Доблестныя скалы,
Нуженъ мигъ единый,
Чтобъ для насъ вы стали
Меккой и Мединой!

3.

Балканы, Балканы,
Родина болгарства!
Первое здѣсь было
Славянское царство.

Рать латинъ и персовъ
Здѣсь рога сломила;
Здѣсь и византійской
Гордости могила.

Что жь теперь спокойно
Смотришь, Бàлканъ старый,
Какъ насъ греки рѣжутъ,
Турки, скипетары?

Ринь свои хоть воды
Съ сумрачнаго темя,
Затопи ты ими
Вражеское племя!

4.

Тучки — покрывала
Небеснаго свода,
Вздохи вы земные —
Тамъ у васъ свобода!

Соколы съ орлами
Между васъ летаютъ,
Вѣтромъ вашимъ вольнымъ
Грудь свою питаютъ.

А внизу славяне
По бѣлому свѣту
Задумчиво бродятъ:
Имъ свободы нѣту.

Орлія бъ намъ крылья:
Могучимъ полётомъ
Мы бъ туда махнули,
Къ голубымъ высотамъ.

5.

Славяне, славяне,
Народовъ холопы,
Охранная стража
Цѣлой вы Европы!

Гдѣ хоругви ваши?
Гдѣ поля и нивы?
Пропадаютъ втунѣ
Всѣ ваши порывы.

Всякъ изъ васъ въ дремотѣ
Только время губитъ;
Всѣ вамъ люди чужды,
Васъ никто не любитъ.

Славяне, славяне,
Полно спать, воспряньте
И на супостатовъ
Дружно, разомъ гряньте!

6.

Милыя вы горы,
Хорварскія горы!
На вашихъ вершинахъ
Ростутъ темны боры.

Многія родились
На горахъ тѣхъ мысли,
Что потомъ явились
На Савѣ и Вислѣ.

Сколькихъ селъ и градовъ
Вѣрною вы стражей;
Не легко доступны
Для дерзости вражей.

Да бѣда: забрались
Къ намъ сюда въ ущелья,
Пуще силы вражьей,
Лѣность да бездѣлье.

7.

Тяжкихъ бѣдствій память,
Бѣлая Гора ты!
Будь твои вершины
На-вѣки прокляты!

Той порѣ свершилось
Двѣсти лѣтъ ужь цѣлыхъ,
Какъ ты стала гробомъ
Стольких чеховъ смѣлыхъ.

Съединись съ Бланикомъ
Въ дружбѣ и любови:
Можетъ-быть родятся
Дѣти чешской крови;

Можетъ-быть минуютъ
Дни небесной кары
И воскреснутъ снова
Чехъ и Оттокары.

8.

Москва золотая,
Полсвѣта столица,
Всѣхъ ты градовъ русскихъ
Матушка-царица!

Сколько усмирила,
Мать, ты всякой дичи,
Сохранивши вѣру
И старый обычай!

На тебя Россія
Цѣлая взираетъ,

Все къ тебѣ славянство
Длани простираетъ:

Подымись, царица!
Кликни кличъ къ намъ, мати!
Иль, какъ мы, ты любишь
Также подремати?

Н. Бергъ.

М. БОГОВИЧЪ.

Мирко Боговичъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ хорватскихъ писателей, родился въ 1816 году въ Вараждинѣ, въ Кроаціи. По окончаніи гимназическаго курса, онъ вступилъ въ военную службу, которую оставилъ въ 1840 году. Затѣмъ, изучалъ право и въ 1842 году занялъ мѣсто нотаріуса въ Крижевскѣ. Боговичъ началъ свое литературное поприще помѣщеніемъ въ журналѣ «Кроація» нѣсколькихъ славянскихъ стихотвореній въ нѣмецкомъ переводѣ; что же касается его оригинальныхъ стихотвореній, то первыя изъ нихъ были помѣщены въ «Иллирской Денницѣ» того же года. Затѣмъ, въ 1844 году, онъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Ljubice»; въ 1847 году вышли его «Smilje i Kovilje», а въ 1848—политическія стихотворенія «Родные голоса».

Въ 1848 году Боговичъ выступилъ на политическое поприще: писалъ горячія политическія статьи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, какъ своихъ, такъ и заграничныхъ, принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ противъ венгровъ, по окончаніи которой былъ назначенъ Елашичемъ банскимъ коммиссаромъ, должность котораго исправлялъ до 1850 года. Съ наступленіемъ реакціи Боговичъ отказался отъ политики и снова предался всей душой литературѣ. Въ 1852 году онъ былъ приглашонъ редактировать журналы «Невенъ» и «Коло»; въ 1853—присужденъ къ полугодичному заключенію въ тюрьму за оскорбленіе величества; затѣмъ издалъ свои «Историческія Повѣсти», переведенныя Вацликомъ и Коларомъ на чешскій языкъ; въ 1856 году издалъ свою драму «Франкопанъ», въ слѣдующемъ — трагедію «Стефанъ, послѣдній король Боснійскій», а въ 1860 — трагедію «Матвѣй Губецъ». Въ настоящее время Боговичъ живетъ въ своемъ помѣстьи, близъ Загреба, гдѣ посвящаетъ все свое время отечественной литературѣ.

I.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Кто не слыхалъ отъ пастуховъ окрестныхъ,
Что вкругъ озёръ пасутъ свои стада,
Про тò, что тамъ, на днѣ озёръ чудесныхъ,
Стоятъ и дремлятъ чудо-города.

Что тамъ они, залитые водою,
Стоятъ давно, и что изъ бездны той
До слуха ихъ доносятся порою
И бой часовъ и благовѣстъ святой.

Такъ и моя надежда сокрушилась,
Что я хранилъ такъ бережно въ тиши;
Погибъ мой храмъ — скрижаль его разбилась —
А съ нимъ и рай измученной души.

И вотъ опять встаетъ воспоминанье
Изъ глубины души моей больной,
И подтверждаетъ странное сказанье
О городахъ, погибшихъ подъ водой.

Н. Гербель.

II.

ОСТОРОЖНЫМЪ.

— «Легче, легче, братцы! тихо
Поведемъ мы нашу рѣчь:
Непріятель можетъ лихо
Насъ повсюду подстеречь!»

— «Это все пока прекрасно,
Но обдумаемъ впередъ,
Чтобы знать и видѣть ясно —
Что за этимъ вслѣдъ насъ ждетъ.»

— «Пусть же каждый смотритъ въ оба,
Вправо, влѣво, взадъ, впередъ,
Чтобы вражеская злоба
Не надѣлала хлопотъ!»

— «Мы теперь же согласимся:
Каждый будетъ знать — куда
И къ чему мы всѣ стремимся,
Только тише, господа!»

Жалко, если эти рѣчи
Ослѣпятъ коня и тотъ
Ужъ потомъ при каждой встрѣчѣ
Трусу праздновать начнетъ!

Ну ихъ трусовъ! Слово съ дѣломъ
Не дѣли, боясь тревогъ,
А рази неправду смѣло
Словомъ, дѣломъ: въ правдѣ Богъ!

М. Петровскій.

III.

ЛИБЕРАЛЪ.

«Мы — отцы убогаго народа —
Этотъ санъ исторіей намъ данъ —
И давно мы ждемъ, когда свобода
Освѣжитъ упавшій духъ крестьянъ —

«Оживитъ трудящіяся руки.
Ждетъ всего отъ насъ однихъ народъ;
На него прольёмъ мы свѣтъ науки:
И его насталъ теперь черёдъ!»

Такъ у насъ гремитъ иной на вѣчѣ.
Всѣхъ въ восторгъ приводитъ эта ложь;
А въ дѣла его, отбросивъ рѣчи,
Загляни... въ дѣлахъ не то найдешь!

Вслѣдъ затѣмъ онъ лѣзетъ съ кулаками
На того, кто любитъ свой народъ,
И кричитъ: «народность вздоръ! мы сами
Не должны пускать народность въ ходъ.»

А придетъ къ расплатѣ общей время —
У него отвѣтъ на это есть:
«На народъ пусть ляжетъ это бремя!»
Хоть ему ужь нечего и ѣсть.

Обирать людей, незнавшихъ воли,
И играть роль пана и отца —
Молодецъ!... а бѣдный людъ мозоли
Наживай, питая молодца.

Вотъ онъ, нашъ поборникъ правъ народа,
Либералъ и щедрый меценатъ!
Онъ вездѣ кричитъ одно: «свобода!»
И отдать чужую кожу радъ.

Поглядишь: милѣйшій человѣчекъ,
И народъ ему такъ дорогъ, любъ!
Но во рту такихъ простыхъ овечекъ
Ты какъ разъ подмѣтишь волчій зубъ.

М. Петровскій.

IV.

СТАРЦЫ И ЮНОШИ.

— «Все теперь впередъ стремится,
Новизна забралась къ намъ...
Никогда не возвратиться
Добрымъ старымъ временамъ!»

— «Прежде тишь была, приволье,
Лучше ѣлось и пилось;
Нѣтъ ужь прежняго раздолья,
Все пошло и вкривь и вкось.»

— «Молодое, видишь, племя
Новой жизнью хочетъ жить,
И идей новѣйшихъ сѣмя
Хочетъ сразу насадить...»

— «И куда, куда ужь прытки!
Лучше насъ провидятъ въ даль!
Хоть поймутъ свои ошибки,
Да ужь поздно будетъ!... жаль!»

— «Лишь *народностью* и дышатъ,
Рѣчь о ней одной ведутъ,
Лишь о ней одной и пишутъ,
Лучшей *будущности* ждутъ.»

— «Въ этомъ *будущемъ* наивность
Видитъ рай земной въ дали;
Да какую-то *взаимность*
У *славянъ* еще нашли!»

— «Вѣдь и намъ знакома слава:
Мы боролись искони
За нарушенное право,
За народность же — ни, ни!»

— «И съ славянами ни мало
Вѣкъ нашъ не былъ и знакомъ;
Да притомъ къ чему пристало
Хлопотать Богъ вѣсть о комъ?»

— «А теперь любовь къ отчизнѣ
Породила въ насъ раздоръ,
И не кончится при жизни
Нашей этотъ длинный споръ!»

— «Что же, съ Богомъ! безъ изъятья
Всѣ мы лучшаго хотимъ;
Только долго ль въ новомъ платьѣ
Щеголять придется имъ?»

— «Пусть по ихнему творится!
Намъ, къ несчастью, привелось
На своемъ остановиться:
Прежде лучше всѣмъ жилось!»

— «Эта мысль одна осталась
Отъ минувшаго добра...
Неминуемо промчалась
Наша прежняя пора!»

Правы вы: иное время,
Время бурное пришло;
Молодое наше племя
Много новаго внесло!

Но хулить все то̀, что ново,
Право, вы бы не должны!
Мы разскажемъ вамъ ab ovo
Въ чемъ сказались новизны:

Развѣ въ формѣ неизмѣнной
Долго жило что-нибудь?
Ужь таковъ законъ вселенной,
Ужь таковъ природный путь...

Нашъ онъ!... нынѣ за народность
Стали лучшіе умы:
Что же — вамъ однимъ въ угодность
Ту святыню бросимъ мы?

Мы срываемъ куколь въ полѣ,
Хлѣбъ, плоды разводимъ тамъ,
И возросшему въ неволѣ
Воздвигаемъ счастья храмъ...

Не страдать же вѣкъ народу!
Быть не можетъ, чтобы вамъ
Былъ противенъ, не въ угоду
Лучшей будущности храмъ?

Раскрываемъ мы объятья
Всѣмъ славянамъ, любимъ всѣхъ...
Но славяне — наши братья,
А любовь — едва ли грѣхъ?

Мы хлопочемъ объ отсталыхъ:
Мы хотимъ, чтобъ шли впередъ
Всѣ славяне, чтобъ догналъ ихъ
И отставшій нашъ народъ.

Въ нашемъ внутреннемъ раздорѣ
Пусть повинны мы одни;
Но вѣдь «истина лишь въ спорѣ
Уяснялась» искони.

Вамъ ли, добрые обломки
Вѣка прошлаго, подстать
Новый вѣкъ нашъ, быстрый, громкій,
Вѣкъ движенья, догонять?

Вы за вѣкомъ не поспѣли,
Мы умчались съ нимъ впередъ...
Что намъ спорить въ этомъ дѣлѣ?
Всѣмъ, всему есть свой чередъ:

Вамъ прошедшее по праву
Отмежовано судьбой,
Намъ — грядущее, и съ славой,
И съ трудами, и съ борьбой...

М. Петровскій.

—

И. СУБОТИЧЪ.

Иванъ Суботичъ родился въ 1817 году въ мѣстечкѣ Добринчи, Сремскаго комитата, въ королевствѣ Славоніи. Образованіе получилъ онъ въ Пештскомъ университетѣ, откуда вышелъ со степенью доктора правъ и доктора философіи. Суботичъ считается однимъ изъ лучшихъ современныхъ сербскихъ писателей. Онъ началъ свою литературную дѣятельность мелкими лирическими стихотвореніями, которыя издалъ, въ 1837 году, въ Пештѣ, подъ заглавіемъ «Лира». Затѣмъ, едва выйдя изъ университета, онъ сталъ издавать «Сербскую Лѣтопись» и съ 1842 по 1852 годъ выпустилъ въ свѣтъ 32 тома этого изданія. Въ 1846 году Суботичъ издалъ главное свое произведеніе — эпосъ «Стефанъ Дечанскій»,

въ которомъ онъ удачно воспроизвелъ многія черты народной поэзіи. Въ 1858 году появились его «Лирическія Пѣсни», въ которыхъ онъ сдѣлалъ попытку сблизить сербскую лирику съ поэзіей запада. Два тома «Эпическихъ Пѣсенъ», появившихся вслѣдъ за этимъ, написаны совершенно въ томъ же духѣ. Какъ драматургъ, Суботичъ безспорно занимаетъ первое мѣсто между своими сербскими собратіями. Драмы его «Звонимиръ, король хорватскій» и «Бодинъ» и трагедіи «Герцогъ Владиславъ», «Прехвала» и «Милошъ Обиличъ», взятыя изъ сербской исторіи, пользуются бо́льшимъ успѣхомъ на сценѣ. Какъ ученый, Суботичъ извѣстенъ сочиненіями: «Наука о сербскомъ стихотворствѣ», «Grundzüge der Serbischen Literatur» и другими, которые всѣ обличаютъ въ немъ человѣка, обладающаго самыми обширными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ наукъ и весьма вѣрнымъ критическимъ взглядомъ. Его «Дѣла» (собраніе сочиненій) были изданы въ Карловцѣ въ 1858 году. Независимо отъ постоянныхъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, Суботичъ принималъ участіе и въ общественныхъ событіяхъ своей родины. Въ 1861 году онъ былъ сдѣланъ поджупаномъ Сремскаго комитата, въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ высшаго суда въ Тріединомъ королевствѣ, а въ 1865 году, избранный въ депутаты на сеймъ Тріединаго королевства, принялъ предложенный ему членами сейма санъ вице-президента. Въ 1867 году онъ ѣздилъ на московскую этнографическую выставку, причемъ произнесъ нѣсколько рѣчей и прочелъ стихотвореніе «Привѣтъ Москвѣ», помѣщенное въ нашемъ изданіи въ переводѣ на русскій языкъ.

I.

ПРИВѢТЪ МОСКВѢ.

Златоглавый городъ,
Мать-Москва родная!
Слышишь? — это голосъ
Съ береговъ Дуная!

Голосъ дальней Шары
И Косова поля,
Что̀ къ тебѣ несется,
Матушка, оттоля!

Древности далёкой
Доблестное чадо,
Всѣмъ ты, всѣмъ славянамъ
Радость и отрада!

Городъ вѣчно юный,
Дорогой и милой,
Ты — что̀ сонъ отрадный,
Навѣянный вилой!

Всѣ къ тебѣ мы съ юга
Устремляемъ очи,
Дивная невѣста
Свѣтлой Полуно̀чи!

Шибко бьётся сердце,
Кровь вскипаетъ въ жилахъ,
Чуть тебя вспомянешь,
Мать намъ братьевъ милыхъ.

Подыми же къ звѣздамъ
Голову высоко:
Орелъ — твой избранникъ,
А сынъ — ясный соколъ!

Славиться, гордиться
Можешь ты по праву,
Искони добывши
Честь себѣ и славу!

Ты въ крови купалась
И въ слезахъ горючихъ —
Истинная гордость
Россіянъ могучихъ!

Такъ услышь же, мати,
Этотъ голосъ съ юга,
Голосъ братьевъ вѣрныхъ,
Кличъ ко другу друга!

Будешь ты намъ сниться
Тамъ и днемъ и ночью,
Вся полна красою
Дивною и мощью!

Н. Бергъ.

II.

ВИЛА ГОВОРИТЪ СЪ ОБЛАКАМИ.

«Вы откуда и куда такъ быстро,
Облака серебряныя, мчитесь?
Что несете въ нѣдрахъ самоцвѣтныхъ?»

— «Мы летимъ изъ Индіи далекой,
Гдѣ ростутъ алмазы на деревьяхъ,
Крупный жемчугъ на поляхъ родится.
И несемъ три дара мы чудесныхъ:
Первый даръ — сердечко золотое,
Даръ другой — жемчужная корона,
Третій даръ — алмазное колечко.
Первый даръ, сердечко золотое,
Отдадимъ красавицѣ-дѣвицѣ,
Даръ другой, жемчужную корону —
Гордой дѣвѣ княжескаго рода,
Третій даръ, алмазное колечко —
Той, кто всѣхъ вѣрнѣй и постояннѣй.»
И сказала имъ на это вила:
«Вы гречанкѣ дайте ожерелье:
Славятся гречанки красотою,
Златъ вѣнецъ отдайте франкистанкѣ:
Франкистанки княжескаго рода,
А кольцо славянкѣ подарите:
Тверже камня вѣрность ихъ святая!»

Н. Гербель.

—

О. УТѢШЕНОВИЧЪ.

Огнеславъ Утѣшеновичъ-Острожинскій, православный австрійскій сербъ и одинъ изъ самыхъ симпатическихъ поэтовъ новой сербской литературы, родился въ 1818 году въ Острожинѣ, на самой хорватской границѣ. Первыя его стихотворенія стали появляться въ журналахъ въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ. Затѣмъ, въ 1845 году, онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Острожинская Вила», а въ 1852 напечаталъ въ журналѣ «Невенъ» свой переводъ «Слова о полку Игоря». Поэма «Недѣлько», написанная имъ лѣтъ десять тому назадъ, съ патріотической вѣрой въ сербское возрожденіе, и обошедшая всѣ сербскія земли, упрочила извѣстность Утѣшеновича какъ поэта. Утѣшеновичъ извѣстенъ также и своими учеными работами, написанными по большей части на нѣмецкомъ языкѣ, напримѣръ: «Hauskommunionen der Südslaven», «Militärgrenze» и другія. Онъ занималъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣсто совѣтника хорватскаго канцлерства въ Вѣнѣ, но за приверженность къ Россіи былъ уволенъ отъ должности. Въ настоящее время Утѣшеновичъ живетъ въ Вѣнѣ, гдѣ трудится на пользу родной литературы.

I.

ВЪ ПАМЯТЬ КОЛЛАРУ.

Во время оно истину затьмила
Въ славянскомъ мірѣ скорбная судьба —
И духъ славянства сталъ разъединяться,
А чуждый сердцу — дѣлаться роднымъ.

Но духъ свободы въ Татрахъ народился —
И голосомъ, исполненнымъ любви,
Съ вершины горъ, пріюта вилъ, воскликнулъ,
Чтобъ воедино братья собрались.

Отъ Адріатики до водъ каспійскихъ,
Отъ Бѣлаго до Чорнаго морей —
Коллара голосъ всюду раздается
И слава слёзы радостныя льётъ.

Онъ отверзаетъ грудь всему славянству
И предлагаетъ братскій поцалуй...
Лишь Гай одинъ, за темными горами,
На тотъ призывъ сердечный не спѣшитъ.

Колларъ! твое святое имя геній
Славянъ умчалъ въ надзвѣздные края,
Чтобъ тамъ оно въ сіяньи вѣчно жило,
Чтобъ вѣчно имъ гордился славянинъ!

Н. Гербель.

II.

ПЛѢНЪ.

(КЪ КАРТИНѢ ЯРОСЛАВА ЧЕРМАКА: «ПЛѢНЪ ГЕРЦЕГОВИНСКІЙ ВЪ 1863 ГОДУ».)

Здѣсь предъ вами тяжкая недоля,
Горькое, великое несчастье
На пространствѣ небольшой картины!
Писана картина та слезами —
И слезами вамъ я провѣщаю,
И она слезами вамъ промолвитъ
Про невзгоды нашего народа;
Вы слезами горькими зальётесь:
Не забыть вамъ образовъ печальныхъ!

Чтó тутъ видитъ взоръ мой возмущенный?
На горѣ пустой, на каменистой
Видитъ онъ развалины повсюду,
На развалинахъ цвѣты алѣютъ...

Какъ цвѣсти цвѣтамъ среди развалинъ?
Не цвѣты то — то вѣнокъ забытый,
Пламенной любви подарокъ нѣжный;
Онъ забытъ, межъ камней затерялся,
И — того-гляди — вѣнокъ засохнетъ!
Чьи цвѣты и чей подарокъ это?
Гдѣ росли они, красуясь пышно?
Чья рука цвѣты тѣ возрастила?
Чья рука въ вѣнокъ ихъ заплетала?
Съ чьихъ онъ персей на сыру палъ землю?

Такъ ли, полно, видите вы, очи?
Съ нашихъ горъ какъ-будто эти розы,
Сербскія, родимыя то розы,
На поляхъ на сербскихъ выростали,
Возлелѣяны рукою сербской.

Но тоской мнѣ защемило сердце,
Злой тоской, предчувствіемъ тяжолымъ:
Не чужія ль ихъ сорвали руки
И въ вѣнокъ связали благовонный
На̀ полѣ кровавомъ лютой битвы?
Врядъ ли сербы тотъ вѣнокъ свивали?
Гляньте, очи, ясно поглядите,
Что̀ такое вкругъ цвѣтовъ тѣхъ вьется?
Лютая змѣя вокругъ нихъ вьется,
Въ сторонѣ же притаились волки.
Гляньте, очи, ясно поглядите
И горючія пролейте слёзы:
Вотъ гдѣ наша горькая недоля!

Не вѣнокъ цвѣтовъ благоуханныхъ,
Не змѣя вокругъ него віется,
А веревки вкругъ красавицъ сербскихъ,
Что̀ попали въ тяжкую неволю.

Цвѣтъ роскошный сербскаго народа
Отъ груди отъ матерней отторгнутъ,
Вервіе жестоко въ васъ впилося!
Это турки, а не злые волки!
Гдѣ твой громъ, о Боже справедливый?
Плѣнницы мои, мое вы горе!
Въ чемъ, скажите, грѣшны вы предъ Богомъ?
«Только въ томъ, что родилися на̀ свѣтъ.»
Плѣнницы мои, мое вы горе!
Въ чемъ, скажите, ваша грусть-кручина?
«Въ томъ, что въ гробъ живыми намъ ложиться!»
А кого вамъ цаловать охота?
«Цаловать охота саблю востру!»

Аманъ, турки! коли есть въ васъ вѣра,
Развяжите плѣнницамъ вы руки,
Не терзайте бѣлаго ихъ тѣла:
Не на то ихъ въ свѣтъ родила матерь!
Посмотрите, кровь изъ нихъ струится:
Не для вервія тѣ бѣлы руки!
Отпустите дорогихъ намъ плѣнницъ,
Золотомъ за это вамъ заплатимъ!

«Не видать вамъ дѣвицъ нашихъ красныхъ,
Не видать, пока еще мы живы:
Пригодятся дѣвы на базарахъ
И рождать намъ послѣ будутъ турокъ!»

Аманъ, турки! коли есть въ васъ вѣра,
Межь волковъ ягнятъ вы не гоните,
Отпустите дорогихъ намъ плѣнницъ —
На базаръ стада гоните наши;
Что̀, аги, за плѣнницъ вы хотите?

«Прочь, негодный! Нѣту здѣсь базара!
Ну, впередъ, красавицы-дѣвицы!
Далеко̀ вѣдь до Едрена-града,
Гдѣ давно купцы насъ ожидаютъ,
Чтобъ купить у насъ товаръ безцѣнный.
Ну, впередъ, красавицы-дѣвицы!»

Плѣнницы мои, мое вы горе!
Красота всему виною ваша,
Даръ небесъ и жертва аду вмѣстѣ:
Отъ нея должны вы всѣ погибнуть!
Уходите, горькія, въ неволю,
Съ нами месть останется на-вѣки,
Мы отмстимъ за васъ врагу лихому,
Если Богъ за насъ и наше счастье!

И погнали турки нашихъ плѣнницъ,
Словно бѣлыхъ на убой ягнятокъ.
Слышите ли, какъ бѣдняжки стонутъ:
«Горе намъ, судьбина наша злая!
Страшное, великое несчастье!
Не привидано такого срама —
Быть наложницей лихого турка,
Плѣнницею горькой на чужбинѣ,
Подлѣ многихъ братьевъ нашихъ сербовъ!»

Слышите? Сюда на помощь, братья!
Плѣнницы влекутся на чужбину,
Что же вы стоите, словно камень,
И не вырвите у злобныхъ турокъ
Изъ нечистыхъ рукъ столь чистой жертвы?
Эй, въ погоню вслѣдъ за супостатомъ!

Стойте, турки! Будетъ вамъ базарить
Нашей кровью, въ срамъ кресту святому!
Нашъ базаръ на полѣ страшной битвы,
Тамъ мы съ вами люто побазаримъ!
На побоище идите съ нами,
Похитители дѣвицъ и женщинъ!
Саблями подѣлимъ нашу землю,
А потомъ подѣлимъ и красавицъ,
Коли Богъ за насъ и наше счастье!

Кто тутъ витязь, кто боецъ удалый?
Опояшь скорѣе саблю востру:
Часъ насталъ за крестъ свой заступиться,
Воротить свободу золотую!

Н. Бергъ.

—

II. ПРЕРАДОВИЧЪ.

Петръ Прерадовичъ родился 6 (18) марта 1818 года въ Грабовницѣ, въ австрійской Военной Границѣ. Отецъ его служилъ въ военной службѣ. Рано потерявъ его, молодой Прерадовичъ, какъ сирота, былъ помѣщенъ въ кадетскій корпусъ въ Новомъ Мѣстѣ, откуда былъ выпущёнъ въ 1838 году съ чиномъ поручика. Во время своего ученія онъ почти забылъ свой родной языкъ и началъ писать стихи по нѣмецки, но квартированіе съ полкомъ въ Далмаціи дало ему случай вспомнить родную рѣчь — и онъ сталъ писать по сербски. Въ 1846 году онъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Первенцы» — и книга эта поставила его сразу на ряду съ лучшими сербскими поэтами. Продолжая военную службу, онъ участвовалъ, въ 1848 году, въ италіанской компаніи; затѣмъ, былъ адъютантомъ у извѣстнаго бана Елачича; въ 1852 году произведенъ въ майоры; въ 1859 году сдѣлалъ вторую итальянскую компанію, которую окончилъ въ чинѣ полковника. Прерадовичъ доселѣ продолжаетъ свои литературныя занятія. Въ 1851 году онъ издалъ второе собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Новыя Пѣсни». Кромѣ того, онъ написалъ двѣ эпическихъ поэмы: «Первые Люди» и «Славянскіе Діоскуры». Въ послѣднее время онъ трудился надъ эпопеей «Королевичъ Марко». Въ настоящее время имя Прерадовича, какъ поэта, пользуется огромною популярностью между хорватами.

I.

ЗАРЯ.

Полночь минула — что будитъ
Въ этотъ часъ мой крѣпкій сонъ?
Гусли дѣдовскія сами
Издаютъ чуть слышный тонъ,
Тихо, тихо говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Полночь минула — покойны
Долы, горы и потокъ;
Но ужь шепчетъ съ синимъ моремъ
Предразсвѣтный вѣтерокъ —
Шепчетъ, тихо говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Полночь минула — окрестность
Сномъ объятая лежитъ,
Но уже съ востока птица
Пробужденная летитъ,
И щебечетъ, говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Полночь минула — во мракѣ
И земля и океанъ,
Но алѣетъ на Востокѣ —
Блещетъ вила всѣхъ славянъ —
Блещетъ, тихо говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Скоро день — уже заря!
Обрати жь къ востоку очи,
О страна моя! Заря
Гонитъ сумракъ долгой ночи:
Пусть дневной откроетъ свѣтъ
Кладъ, зарытый столько лѣтъ!

М. Петровскій.

II.

Пѣла пташечка на вѣткѣ,
Сидя возлѣ синя моря,
Синя моря — океана:
«Черезъ море полечу я;
Три дня, три ночи я буду
Пролетать надъ синимъ моремъ!»
Услыхала пташку дѣва,
Услыхавши, пташкѣ пѣла:

«Брось свои затѣи, пташка!
Нѣтъ ни берега, ни вѣтки
На широкомъ синемъ морѣ;
У тебя вѣдь слабы крылья,
У тебя не станетъ мочи
Пролетѣть три дня, три ночи.»
Услыхала пташка дѣву,
Услыхавши, дѣвѣ пѣла:
«Неужели ты не видишь,
Дѣва, мо̀ста голубаго,
Что̀ надъ моремъ перегнулся?
Вѣрь: когда ослабнутъ крылья
У любви — ее поддержитъ
Это небо голубое.»

М. Петровскій.

III.

Братъ далеко въ море синее пускался,
И, пускаясь въ море, созывалъ сестеръ онъ,
Трехъ сестеръ любимыхъ отъ одной родимой.
Обратился съ рѣчью братъ къ сестрицѣ старшей:
«Что тебѣ съ собою привезти мнѣ, Іеля,
По моемъ возвратѣ изъ дороги дальней?»
— «Привези мнѣ, братецъ, шолковый платочекъ:
Я его надѣну въ святъ день до обѣда.»
Обратился съ рѣчью братъ къ сестрѣ середней:
«Что тебѣ съ собою привезти мнѣ, Мара,
По моемъ возвратѣ изъ дороги дальней?»
— «Привези съ собою, братецъ, золотъ перстень:
Въ хороводъ пойду я — перстенёкъ надѣну.»
Обратился съ рѣчью братъ къ сестрицѣ младшей:
«Что тебѣ съ собою привезти мнѣ, Сава,
По моемъ возвратѣ изъ дороги дальней?»
Не сказала Сава вслухъ ни полсловечка,
А шепнула брату что-то потихоньку —
Потихоньку шепчетъ, а сама краснѣетъ...
Братъ пустился въ море... Черезъ годъ вернулся,
Черезъ годъ вернулся и сестеръ дарилъ онъ:
Старшей подарилъ онъ шолковый платочекъ,
А сестрѣ середней — золотъ перстенёчекъ,
Младшей же сестрицѣ — побратима-друга.

М. Петровскій.

IV.

Въ море дѣвушка смотрѣла
И, любуясь, говорила:
«Боже мой! какъ я пригожа!
У меня чело открыто,
Какъ безоблачное небо,
Очи свѣтятся, какъ угли,
А лицо — что плодъ румяный;
Руки бѣлыя поспорятъ
Съ чистымъ снѣгомъ бѣлизною.
Только бъ мнѣ еще корону —
И была бы я царицей
Красоты на бѣломъ свѣтѣ!»
Слѣдомъ молодецъ за нею
Шолъ — услышалъ — подошолъ къ ней
Съ тяжкимъ вздохомъ и набросилъ
Ей на го̀лову вѣночекъ;
Онъ вѣнокъ изъ розъ набросилъ,
Обратясь съ такою рѣчью:
«Вотъ желанная корона
Для тебя, моя царица!»

М. Петровскій.

V.

Въ небѣ солнышко сіяло,
Въ морѣ — жемчугъ драгоцѣнный;
Ниже неба, выше моря
Красотой сіяла дѣва
И, сіяя, говорила:
«Высоко̀ ты свѣтишь, солнце!
Глубоко лежишь ты, жемчугъ!
Будь я ласточкой летучей —
Полетѣла бы я къ солнцу;
Будь я рыбою пловучей —
Я бы къ жемчугу спустилась:
Засіяла бы отъ солнца,
Нарядилась бы я въ жемчугъ —
Приглянулась бы всѣмъ людямъ.»
Къ дѣвѣ ласточка подсѣла
И, подсѣвши, ей сказала:
«Для чего тебѣ, дѣвица,
Солнце красное? сама ты —
Свѣтъ очей твоей родимой!»
Подплыла къ дѣвицѣ рыбка
И, подплывши, ей сказала:
«Для чего тебѣ нашъ жемчугъ,
Раскрасавица дѣвица? —
Межъ подругами сама ты,
Какъ жемчужина, сіяешь.»

М. Петровскій.

VI.

Мать будила Радована:
«Ну, вставай, пора, вѣдь день ужъ!»
— «Не могу, родная, встать я:
Сонъ меня вотъ такъ и клонитъ —
Страшный сонъ прошедшей ночи:
Плылъ одинъ я черезъ море,
По водѣ холодной, мутной —
О, родная, дорогая —
По водѣ взмущенной бурей.
Такъ весь день я плылъ, но моря
Переплыть никакъ не могъ я.
Утомившись, уморившись,
Утонулъ я середь моря.
О, родная! умеръ сынъ твой!
Тамъ зарой его, гдѣ прошлой
Ночью милую зарыла.»

М. Петровскій.

VII.

Вѣтеръ ходитъ синимъ моремъ,
Развиваетъ бѣлый парусъ;
Носитъ парусомъ онъ лодку;
Лодка носитъ два сердечка,
Два сердечка — одну душу.
Говоритъ подругѣ милый:
«Ой, скажи, мое сердечко,
Гдѣ прибьетъ насъ этимъ вѣтромъ —
Ко двору ль твоей родимой,
Или къ матушкину дому?»
Другу дѣвица сказала:
«Не заботься, мое сердце,
Гдѣ съ ладьей прибьетъ насъ вѣтромъ:
Гдѣ не выброситъ — повсюду
Намъ любовь пріютъ устроитъ.»

М. Петровскій.

VIII.

Частый дождичекъ идетъ по полю,
Плачетъ дѣвица, плачетъ красная
На груди своей милой матери.
«О чемъ плачешь ты», мать промолвила:
«О чемъ плачешь ты на груди моей,
Чего не было никогда съ тобой?»
— «Потеряла я, о родимая,
Изъ колечка твой дорогой алмазъ;
О немъ плачу я на груди твоей.»
— «Нѣтъ, не дѣло ты мнѣ промолвила:
Ты скажи мнѣ всю правду истину!»
— «Потеряла я, родимая,
Знать, любовь твою потеряла я,
Если замужъ ты выдаешь меня —
Выдаешь меня за немилаго.»

М. Петровскій.

IX.

Звѣзды яркія хороводъ ведутъ
По лазурному небу ясному,
Хороводъ ведутъ тихо, бережно,
Чтобы дремлющей не будить земли:
Утомилася земля-матушка
Отъ блуждающихъ по ней ногъ весь день,
Отъ трудящихся на ней крѣпкихъ рукъ,
Отъ сердецъ людскихъ жарко бьющихся.

М. Петровскій.

М. БАНЪ.

Матвѣй Банъ родился въ 1818 году въ Дубровникѣ. Жизнь его исполнена самыхъ разнообразныхъ приключеній. Окончивъ полный курсъ наукъ, онъ рѣшился посвятить себя дѣлу воспитанія. На двадцать первомъ году Банъ оставилъ свою родину и отправился на небольшой греческій островъ Калку, для преподаванія въ тамошнемъ училищѣ; затѣмъ, оставивъ это мѣсто, онъ переселился въ Константинополь, гдѣ вскорѣ поступилъ учителемъ во французскую школу. Женившись на гречанкѣ, онъ, послѣ продолжительнаго путешествія по Малой Азіи, поселился въ Бруссѣ, гдѣ купилъ кусокъ земли и тутъ, въ тишинѣ своего скромнаго пріюта, посвятилъ всего себя родной юго-славянской литературѣ. Въ 1844 году Банъ переселился изъ Бруссы въ Бѣлградъ, гдѣ князь Александръ Карра-Георгіевичъ ввѣрилъ ему воспитаніе своихъ дочерей. Послѣ переворота 1848 года, онъ отправился искать счастья въ Черногорію, но, пробывъ тамъ весьма короткое время, возвратился въ Бѣлградъ. Въ 1854 году Банъ получилъ каѳедру французскаго языка и литературы въ бѣлградскомъ лицеѣ; но и на этомъ новомъ мѣстѣ продержался

не долго: во время самаго разгара крымской войны онъ написалъ торжественную оду въ честь султана и этимъ до того возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе въ Сербіи, что долженъ былъ оставить каѳедру. Но и этотъ урокъ прошолъ для него безслѣдно. Не далѣе какъ на слѣдующій годъ Банъ написалъ новую торжественную оду въ честь Наполеона III, за что былъ награжденъ золотою медалью. Однимъ словомъ, его политическая репутація незавидна. Свою литературную дѣятельность началъ онъ на итальянскомъ языкѣ еще въ Бруссѣ, гдѣ написалъ драму и нѣсколько трагедій; изъ нихъ напечатана только одна трагедія «Il Moskovita». Въ 1847 году, занимаясь воспитаніемъ дочерей Александра Карра-Георгіевича, онъ издалъ книгу «О женскомъ воспитаніи», а въ слѣдующемъ — небольшое руководство къ военной наукѣ для сербовъ, которые, подъ начальствомъ Кничанина, отправлялись тогда помогать своимъ австрійскимъ единоплеменникамъ противъ венгровъ. Въ 1849 году Банъ возвратился на родину и началъ издавать тамъ на счетъ Иллирской Матицы журналъ «Дубровникъ», прекратившійся вскорѣ по несогласію его съ Матицей. Собраніе его стихотвореній вышло въ 1855 году. Поэтическая дѣятельность Бана главнымъ образомъ обнаружилась въ драмѣ: его трагедіи «Мейрима», «Урошъ V» и «Царь Лазарь» — считаются лучшими драматическими произведеніями сербовъ. Въ настоящее время Банъ живетъ въ своемъ имѣніи, недалеко отъ Бѣлграда.

ПИСЬМО.

Бѣлая голубка
Съ облаковъ спустилась,
Письмецо мнѣ въ руки
Бросила — и скрылась.

Золотой листочекъ
Блещетъ рѣчью дивной:
Каждое въ немъ слово
Жемчугъ переливный.

Прелесть-ручка въ рѣчи
Зёрна тѣ снизала —
Въ рѣчи, что ей внятно
Сердце подсказало.

Ахъ, я все бы отдалъ
За письмо за это,
А за прелесть-ручку
Отдалъ бы полсвѣта!

Н. Гербель.

—

И. ТЕРНСКІЙ.

Иванъ Тернскій, извѣстный современный хорватскій поэтъ и одинъ изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ иллирскаго литературнаго и политическаго движенія, родился въ 1819 году въ Рачи, въ Военной Границѣ. Въ настоящее время онъ служитъ полковникомъ въ одномъ изъ граничарскихъ полковъ, расположенныхъ по турецкой границѣ. Въ 1837 году онъ впервые выступилъ на литературное поприщѣ въ альманахѣ «Денница», какъ подающій надежды писатель и вскорѣ своими послѣдующими трудами подтвердилъ эти надежды. Затѣмъ, онъ перевелъ нѣсколько піесъ изъ Шиллера и помѣстилъ ихъ въ той же «Денницѣ». Въ 1842 году вышли въ свѣтъ его «Пѣсни» (34 оригинальныхъ и 15 переводныхъ піесъ), въ которыхъ онъ прямо говоритъ о своей принадлежности къ иллирскому литературному движенію, причемъ даетъ понять, что стремленіе къ соединенію народовъ сербскаго племени въ одно *коло* не должно ограничиваться одною литературою: «Кто поражаетъ моего брата, серба или далмата или кого-нибудь другого — говоритъ онъ — тотъ проливаетъ и мою кровь; поэтому, пусть единство наше низвергнетъ чужеземца — и ты, братъ, открой глаза!» Патріотическая поэзія Тернскаго обращалась также къ старинѣ и на развалинахъ замковъ и разрушенныхъ городовъ указывала слѣдствія старыхъ несогласій и новое убѣжденіе — соединиться. Въ томъ же году напечаталъ онъ во 2-й части журнала «Коло» повѣсть въ стихахъ «Марія Пливачица», а въ 1849 — весьма удачную сатирическую поэму «Zvekan opet na svet». Въ журналѣ «Невенъ» 1852 — 1854 годовъ было помѣщено много мелкихъ стихотвореній Тернскаго; наконецъ, въ 1854 году въ Загребѣ вышелъ его прекрасный переводъ «Краледворской Рукописи».

ЗАВѢТЪ ПЕРУ ПОЭТА.

Съ облаковъ перо упало
Изъ крыла орла Перуна;
То перо схватила вила
Межъ землей и небесами
И поэту подарила —
Подарила и сказала:
«О, поэтъ, мой братъ избранный!
Вотъ тебѣ перо святое
Изъ крыла орла Перуна:
Распѣвай святыя пѣсни,
Сладкозвучныя какъ арфа.
Знай, перо твое имѣетъ
Удивительную силу,
Силу данную Перуномъ!
Испытай свой умъ и сердце,
И прославь меня, а также
И людей страны избранной —
Этихъ праведниковъ чистыхъ:
Ты скажи о нихъ всю правду
И дѣла ихъ помни вѣчно.
Пой любовь и справедливость,
Возбуждай стремленье къ славѣ,
Прославляй труды народа:
Пусть надъ пѣснями твоими
Хоть одна душа поплачетъ!
Но когда перо святое
Ты захочешь опозорить,
Подъ вліяньемъ чуждой воли,
И начнешь служить безчестно,
Въ благодарность за неволю,
Чуждой подлости и силѣ —
Пусть тогда оно погибнетъ
Въ неизвѣстности позорной,
И да будетъ, и да будетъ
Всѣми проклято на-вѣки!

Н. Гербель.

—

МИРКО ПЕТРОВИЧЪ.

Мирко Петровичъ Негошъ, отецъ князя Николая I, нынѣшняго властителя Черногоріи, герой Грахова и народный поэтъ, родился въ 1820 году въ Негошѣ, въ Черногоріи. По смерти своего старшаго брата, Даніила I, правившаго Черногоріей съ 1852 по 1860 годъ, Мирко Петровичъ долженъ былъ наслѣдовать ему въ санѣ черногорскаго князя, но храбрый воевода, чувствуя недостаточность своего образованія для занятія такого поста, заявилъ всенародно, что онъ отказывается отъ своихъ правъ на княжество и уступаетъ ихъ сыну своему Николаю. По прибытіи князя Николая въ Цетинью, Мирко Петровичъ былъ возведенъ въ званье великаго воеводы и назначенъ главнокомандующимъ черногорскимъ войскомъ и предсѣдателемъ сената. Всѣ эти должности онъ занималъ до своей кончины. Главными чертами характера этого замѣчательнаго человѣка были — несокрушимая твердость характера въ счастьи и несчастьи, беззавѣтная храбрость въ битвахъ, вѣрность данному слову и большой тактъ, изумлявшій не разъ записныхъ дипломатовъ. Всѣ эти достоинства признаются въ великомъ воеводѣ самими его врагами, которыхъ у человѣка въ его положеніи бываетъ достаточно. Что же касается разныхъ обвиненій, возводимыхъ на него, какъ, напримѣръ, его мнимое недоброжелательство къ герцеговинскому герою Вуколовичу и воеводѣ Вукотичу, побѣдителю турокъ при Дучѣ, то всѣ эти обвиненія по большей части построены на сплетняхъ и не имѣютъ за себя никакихъ положительныхъ данныхъ. Въ концѣ 1858 года спорное дѣло между турками и черногорцами о правѣ владѣнія Граховскимъ округомъ окончилось тѣмъ, что Турція рѣшилась отнять его у черногорцевъ силою, и съ этою цѣлью послала 15000 отборнаго войска, подъ начальствомъ Гусейна-паши, губернатора Герцеговины, къ границамъ Черногоріи. Мирко Петровичъ, какъ великій воевода, принялъ главное начальство надъ черногорскимъ войскомъ и, заманивъ турокъ въ Граховскій округъ, окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ пятитысячнымъ отрядомъ и отрѣзалъ имъ сообщеніе съ крѣпостью Клобукомъ, откуда турки получали съѣстные припасы. Гусейнъ-паша, видя опасность своего положенія, рѣшился отступить къ Клобуку. Мирко Петровичъ напалъ на него во время этого обратнаго движенія и, пользуясь разобщенностью турецкаго корпуса, разбилъ его на голову, причемъ турки потеряли 8,000 человѣкъ убитыми, а черногорцамъ досталось 8 пушекъ, 6,000 ружей, 2,000 лошадей, 2,000 палатокъ, 10,000 окъ провіанту и множество мелкаго оружія. Въ числѣ убитыхъ былъ Кадри-паша. Героемъ этого дня былъ Мирко Петровичъ, который лично водилъ своихъ черногорцевъ въ рукопашный бой. Мирко Петровичъ извѣстенъ также какъ авторъ чисто-народныхъ пѣсенъ и по сила-

ду и по содержанію. Такъ-какъ граховскій герой не умѣлъ ни читать, ни писать, то онъ свои пѣсни импровизировалъ подъ звуки гуслей; импровизировалъ же онъ свои пѣсни въ длинныя зимніе вечера, когда собирались около княжескаго очага воеводы и сенаторы съ трубками въ рукахъ. Мирко Петровичъ пропѣлъ такимъ образомъ цѣлый рядъ пѣсенъ о послѣднихъ бояхъ съ турками. Пѣсни эти были записаны архимандритомъ Дучичемъ и отпечатаны, въ 1865 году, въ Цетиньѣ, подъ заглавіемъ «Черногорскій Памятникъ». Мирко Петровичъ скончался 20-го іюля 1867 года, на сорокъ седьмомъ году жизни.

БОЙ ВЪ КАЛАШИНѢ.

Въ пятьдесятъ осьмомъ году Господнемъ
Два могучихъ сербскихъ воеводы
Вечерàли на Морачѣ Нижней:
И одинъ былъ Цѐровичъ Новица,
А другой Миланъ былъ воевода.
Семь сидѣло съ ними капитановъ;
Подавалъ вино имъ старый инокъ
Во златомъ сосудѣ заповѣдномъ.
Разныя вели они бесѣды,
Болѣе о подвигахъ воинскихъ:
Кто себя прославилъ въ грозныхъ битвахъ,
Кто собою жертвовалъ отчизнѣ.
Говоритъ имъ инокъ-черноризецъ:
«Нечѣмъ вамъ хвалиться, воеводы,
Коли спитъ спокойно градъ Колашинъ
И про васъ никто нигдѣ не знаетъ.
А слыхали ль, что̀ случилось лѣтось
На Граховцѣ, нà полѣ зеленомъ,
Какъ тамъ бился Мирко воевода
И его лихіе черногорцы,
Какъ они Кадри-пашу разбили
И посѣкли турокъ десять тысячъ,
Отняли у нихъ двѣнадцать пушекъ,
И казну, и всякіе снаряды.
Вѣчная да будетъ всѣмъ имъ слава!
Вы жь сидите да вино лишь пьете.»
Какъ услышалъ рѣчи тѣ Новица,
Всталъ онъ съ мѣста, говоритъ Милану:
«Подымайся, побратимъ, скорѣе
И пиши письмо къ братоножѝчамъ,
Къ капитану Милошѐвичъ Вуку;
Двинь затѣмъ ты всѣхъ васоевѝчей,
Я же двину ровцевъ и Морачу,
Съ воеводой Мишничъ-Милисавомъ,
И дробня̀ковъ, удалы̀хъ юнаковъ.
Въ воскресенье, что̀ теперь наступитъ,
На горахъ окрестныхъ мы сберемся
И ударимъ нà городъ Колашинъ,
Гдѣ засѣли Мекичъ и Мушовичъ,
Разобьемъ ихъ, коли Богъ поможетъ,
И себѣ добудемъ честь и славу!»
Поднялся̀ Миланъ на легки ноги,
Говоритъ Новицѣ побратиму:
«Побратимъ мой, дорого̀й Новица!
На роду написано мнѣ счастье:
Что̀ мнѣ снилось, грезилося только,
То въ-очью свершается сегодня:
Далъ зарокъ предъ Господомъ я Богомъ,
Да еще предъ сердцемъ молодецкимъ,
Что воздвигну знамя въ Колашѝнѣ
И огнемъ спалю затѣмъ весь городъ,
Отомщая кровную обиду,
Что̀ мнѣ злые причинили турки.
Лѣтось брата, мои очи ясны,
Извели Вуко̀вича Егорья,
И теперь дерзаютъ похваляться
Головой его и саблей вострой
Въ городѣ высокомъ Колашѝнѣ.
Дастъ Господь, расплатятся со мною!»
Такъ сказалъ, коня себѣ сѣдлаетъ,
Занялъ войскомъ горныя вершины,
Простоялъ на тѣхъ вершинахъ два дни,
До прихода Цѐровича бана
Съ тысячью бойцовъ его отважныхъ.
Ночь они проночевали вмѣстѣ:
Отдохнули храбрыя ихъ рати.
Въ понедѣльникъ, чуть блеснуло утро,
На бѣду для окаянныхъ турокъ,
Воеводы раздѣлили войско:
Часть съ высотъ ударила съ Миланомъ,
Гдѣ сидѣлъ Мушовичъ въ башняхъ бѣлыхъ.
Какъ хвалился, такъ Миланъ и сдѣлалъ:
Черезъ улицы коня онъ гонитъ,
Турокъ бьетъ направо и налѣво —
И на крѣпости воздвигнулъ знамя.
А за нимъ несется и дружина,
Тысяча воителей отважныхъ;
Много вражескихъ головъ срубили
И полгорода огнемъ спалили.
Вотъ смотрите: банъ идетъ Церо̀вичъ,
Съ воеводой Мишничъ-Милисàвомъ
И съ его могучею дружиной.
Тысяча всѣхъ ратниковъ въ дружинѣ;
Въ бой они пошли по молодецки.
Банъ ударилъ противу Карняша;
Много башенъ бѣлыхъ онъ разрушилъ,

Много-много ссѣкъ головъ турецкихъ,
Подъ-конецъ огнемъ спалилъ весь городъ
И шестьсотъ взялъ плѣнниковъ въ неволю.
Исполать вамъ, оба воеводы!
Съ-этихъ-поръ здѣсь туркамъ не селиться,
А селиться только черногорцамъ!
Плѣнниковъ подводятъ къ воеводамъ:
Стонъ стоитъ между дѣвицъ и женщинъ,
Плачъ дѣтей въ срединѣ раздается,
А иныя жоны слёзы ронятъ,
Слёзы ронятъ, воеводамъ молвятъ:
«Отпустите, воеводы сербовъ,
Насъ домой, въ турецкую державу,
Съ малыми дѣтями-сиротами!
Безъ того у васъ довольно славы:
Колашинъ вы разгромили бѣлый
И гордыню вражію сломили!»
Воеводы отпустили плѣнныхъ
И сочли своихъ убитыхъ братьевъ:
У Милана семьдесятъ погибло,
Шестьдесятъ погибло у Новицы.
Рады сербы за честной крестъ биться,
Умирать за вѣру за святую
И за славу сербскаго оружья.
Исполать вамъ, соколы вы ясны,
Что въ бою животъ свой положили,
Что разрушили турецкій городъ
И волковъ злыхъ разогнали стаю!
Честь и слава будетъ вамъ во-вѣки,
Сквозь пройдетъ чрезъ горы, черезъ долы!
Все свершилось то на самомъ дѣлѣ,
Былъ я самъ на комской на планинѣ
И своими все глазами видѣлъ.

Н. Бергъ.

—

ГРАФЪ МЕДО-ПУЧИЧЪ.

Графъ Медо-Пучичъ, потомокъ древней дубровницкой фамиліи, переселившейся въ Дубровникъ изъ Катаро около 800 года, родился въ 1821 году. Онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ полюбилъ народныя пѣсни и сталъ заниматься родной литературой. Первыя статьи его о хорутанской поэзіи появились въ итальянскихъ журналахъ «La Favilla di Trieste» и «L'avvenire di Ragusa». Тамъ же были помѣщены его итальянскіе переводы изъ «Османа» Гундулича, нѣкоторыхъ стихотвореній Мицкевича и одной пѣсни изъ «Краледворской Рукописи». Въ 1844 году онъ издалъ въ Вѣнѣ антологію, составленную изъ сочиненій древнихъ дубровницкихъ писателей; затѣмъ, сталъ усердно сотрудничать въ «Зарѣ» и «Денницѣ». Въ народной эпопеѣ «Карра-Георгіевичъ» воспѣлъ онъ освобожденіе Сербіи изъ-подъ турецкаго владычества и самаго воскресителя сербской народности, Георгія Петровича. Поэма была напечатана. Во время иллирскаго движенія, Пучичъ написалъ нѣсколько патріотическихъ стихотвореній, въ которыхъ призывалъ сербовъ къ единству противъ иноземнаго утѣсненія. Нѣкоторыя изъ нихъ стали достояніемъ сербскаго народа. Въ 1849 году онъ помѣстилъ въ «Дубровникѣ» свой переводъ первой пѣсни гомеровой «Одиссеи» и напечаталъ въ Загребѣ собраніе своихъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ Италіи, съ 1846 по 1848 годъ. Въ I-мъ томѣ «Дубровника» на 1849 годъ Пучичъ помѣстилъ сочиненія дубровничанина Вичичевича, умершаго въ 1658 году, съ его біографіей, а во 2-мъ — свои переводы съ русскаго, польскаго и французскаго («Клеветникамъ Россіи» Пушкина, «Духъ степей» Залѣскаго и двѣ пѣсни изъ Беранже). Наконецъ, въ 1856 году, въ Зарѣ вышло послѣднее его сочиненіе «Повѣствованіе о Дубровникѣ», встрѣченное вполнѣ заслуженными похвалами критики и публики. Въ настоящее время Медо-Пучичъ проживаетъ въ Бѣлградѣ, гдѣ занимается воспитаніемъ молодого сербскаго князя Милана.

I.

ЖЕЛАНІЕ.

Какъ юность мнѣ отрадно вспомянуть!
Мнѣ часто снятся очи голубыя,
Коса какъ смоль, нѣжѣй лилеи грудь,
Уста — какъ будто розаны живыя.

Подчасъ мелькаютъ образы иные
И не даютъ покойно мнѣ заснуть:
Соотчичи печалью повитые
И къ славѣ тяжкій, безконечный путь.

То видится одно мнѣ, то другое,
То будущее, то опять былое;
Такъ дохожу до настоящихъ сновъ.

О, Боже, дай мнѣ опочить въ покоѣ,
Чтобъ не терзалось сердце ретивое,
Чтобъ цвѣтъ мой не увянулъ безъ плодовъ!

Н. Бергъ.

II

ПАЛЬМА.

На верблюдѣ вдоль пустыни мчится
Чернолицый всадникъ. Онъ отъ жара
Еле дышитъ; жаждой онъ томится:
Жжетъ его песчаная Сахара.
Солнопёку средь ѣзды тяжолой
Онъ открытъ, какъ на ладони голой;
Но привыченъ Измаила сынъ:
Все впередъ стремится бедуинъ.

Ѣдетъ, ѣдетъ... Помолиться надо:
«Могаммедъ-Сурула!» онъ взываетъ:
«Тамъ, въ раю, среди молитвъ, прохлада
Сладко вѣетъ и, струясь, сверкаетъ
Токъ жемчужный; гуріи тамъ вѣрныхъ
Ждутъ для нѣги...» И утѣхъ безмѣрныхъ
Жажда жжетъ его больную грудь —
И мечтой онъ облегчаетъ путь.

Вдругъ — то призракъ или милость Божья?—
Дерево — онъ видитъ — къ высямъ неба
Тянется, густое, отъ подножья;
А кругомъ — поля и всходы хлѣба.
Вотъ — источникъ: нѣга и прохлада
Льётся въ сердцѣ; возлѣ дремлетъ стадо.
Караванъ присталъ тутъ. Оживлёнъ,
Про кальянъ и кофе мыслитъ онъ.

Стройное оазовъ порожденье,
Пальма! чадъ пустыни ты лелѣешь;
Жилами корней своихъ скрѣпленье
Почвѣ ты даешь, прохладой вѣешь;
Отъ чумы храня струю потока,
Бережешь былинку отъ припёка;
Испоконъ вѣковъ даруя плодъ,
Все еще людской ты любишь родъ.

Пальма, ты и въ сербское поморье
Заглянувъ, въ немъ робко поселилась
И — хоть сѣверъ дуетъ въ междугорье —
На скалахъ средь терній вкоренилась;
Но здѣсь ростъ твой невысокъ бываетъ,
Въ холоду твой плодъ не дозрѣваетъ;
Внесена для тщетной красоты,
Никому здѣсь не полезна ты.

Много есть въ саду родного края
Чуждыхъ зѣлій; корни ихъ широки;
Изъ тебя они, земля родная,
Лучшіе вытягиваютъ соки.
Чтò за прокъ, что въ вербную недѣлю
Твой алтарь украсятъ и постелю
Эти зѣлья? Благовонный цвѣтъ
Кстати ль тамъ, куска гдѣ хлѣба нѣтъ?

Прочь отъ иноземщины! Богъ каждой
Далъ землѣ чтò нужно на потребу,
Чтобъ туземцы голодомъ и жаждой
Не томились: благодарность небу!
Каждому простой свой кормъ всегдашній
По нутру и милъ свой бытъ домашній.
Бархатъ, сласти... Тотъ не дорожитъ
Ими, кто за сòколомъ слѣдитъ!

Сербскій край! умомъ, красою, силой
И могучей рѣчью ты отъ Бога
Надѣленъ, чтобъ въ мірѣ славно было
Племя сербовъ. Отвергая строго
Что плететъ хитро-нѣмецкій разумъ,
Не тянись къ египетскимъ оазамъ;
Покажи родной свой міру плодъ:
Всѣ пусть видятъ твой юнацкій родъ!

Въ слѣпотѣ мутятъ нашъ міръ злочинцы;
Совѣсти разорваны всѣ узы;
Крестъ намъ смяли греки и латинцы,
Честь, науку — нѣмцы и французы;
Вѣра жь все чиста въ тебѣ святая,
И душой, какъ золотомъ блистая,
Ты внимай лишь сердцу въ дни тревогъ —
И съ тобой пребудетъ вѣчно Богъ!

В. Бенедиктовъ.

И. ФИЛИППОВИЧЪ.

Иванъ Филипповичъ родился въ 1823 году, въ мѣстечкѣ Копиницѣ, въ Бродскомъ граничарскомъ полку. Въ настоящее время онъ занимаетъ мѣсто учителя при главной школѣ въ Пожегѣ. На ли-

тературное поприщѣ Филипповичъ выступилъ очень рано, и съ-тѣхъ-поръ не переставалъ трудиться на пользу своей родной словесности. Большая часть его мелкихъ стихотвореній, а также и разсказы изъ народнаго быта, напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, онъ перевелъ для «Сборника Полѣзнаго Чтенія» два романа: «Елизавета, или сибирскіе изгнанники» и «Векфильдскій священникъ», и издалъ нѣсколько книгъ для дѣтей. Съ 1859 года Филипповичъ издаетъ календарь, подъ названіемъ «Народная книга», который, благодаря разнообразію и занимательности своего содержанія, скорѣе можно назвать альманахомъ.

СТАРИКЪ И СТАРУХА.

Надъ рѣкой, надъ быстрой Савой,
Молитъ Господа старуха:
«О мой Боже милосердый!
Прикажи — пусть стихнетъ буря
И повѣетъ тихій вѣтеръ,
И поможетъ мнѣ отвѣять
Чорный куколь отъ пшеницы;
Прикажи — иначе буря
Разнесетъ сухія зёрна;
А въ избѣ моей убогой
Плачутъ семеро малютокъ,
Сиротинокъ безпріютныхъ;
Сироты — мои внучата —
Дрогнутъ голые у печки:
Нѣтъ на бѣдныхъ рубашонокъ!»

Надъ рѣкой, надъ быстрой Савой,
Слёзы льётъ старикъ убогій:
«О мой Боже милосердый!
Прикажи — пусть стихнетъ буря,
Стихнетъ вѣтеръ — не повѣетъ,
Чтобъ я могъ закинуть уду,
Наловить на ужинъ рыбы.
Буря рыбу разгоняетъ,
А въ избѣ моей убогой
Плачутъ семеро малютокъ,
Сиротинокъ безпріютныхъ;
Сироты — мои внучата —
Третій день ужь голодаютъ.»

Но губительная буря
Не стихаетъ, словно хочетъ
Разорвать на части землю:
Вырываетъ дубы съ корнемъ
И высоко подымаетъ,
Громоздя на волны волны,
Воды Савы многоводной,
Такъ-что рыба съ перепугу
Въ темный илъ на дно забилась.
Тщетно бѣдная старуха
Молитъ Бога, чтобъ повѣялъ
Тихій вѣтеръ, вмѣсто бури;
Тщетно ждетъ старикъ убогій,
Чтобъ утихла злая буря.

И сталъ думать Вседержитель —
Какъ бы имъ помочь обоимъ?
«Если вѣтеръ стихнетъ вовсе —
Не отвѣять ей, старухѣ,
Чорный куколь отъ пшеницы;
Если жь вѣтеръ будетъ вѣять —
Старику сегодня рыбы
Наловить ужь не придется.
Какъ безвѣтріе и вѣтеръ
Никогда сойтись не могутъ,
Такъ ни кто на свѣтѣ людямъ
Угодить не въ состояньи.
Пусть моя творится воля!
Пусть бушуетъ непогода!
Пусть ни кто изъ нихъ не страждетъ:
Они оба мои дѣти!»

И опять старуха молитъ,
Чтобъ повѣялъ тихій вѣтеръ;
И опять старикъ убогій
Ждетъ, чтобъ стихла непогода.
Но губительная буря
Продолжаетъ бѣсноватся,
Громъ гремитъ — и прогоняетъ
Старика съ его старухой
Въ ихъ убогую лачугу,
Чтобы времени иного —
Всѣмъ удобного для дѣла —
Въ ней спокойно ожидали.

Н. Гербель.

—

Б. РАДИЧЕВИЧЪ.

Бранко Радичевичъ родился въ 1824 году въ Бродѣ, въ Славоніи. Имя Радичевича есть одно изъ самыхъ любимыхъ и знаменитыхъ именъ новѣйшей сербской литературы. Стихотворенія его отличаются богатствомъ фантазіи и чувства, лег-

кой и музыкальной формой и прекраснымъ сербскимъ языкомъ (онъ пишетъ на банатско-сремскомъ нарѣчіи); направленіе его вполнѣ народное — и потому его можно смѣло назвать представителемъ новѣйшей школы сербскихъ поэтовъ. Въ 1847 году вышелъ его прекрасный переводъ «Вильгельма Телля» Шиллера; въ томъ же году былъ напечатанъ 1-й томъ его стихотвореній, а второй—въ 1851 году. Радичевичъ скончался въ 1853 году.

ДѢВУШКА У КОЛОДЦА.

Какъ вчера я здѣсь стояла,
Изъ колодца воду брала,
Добрый молодецъ ко мнѣ
Вдругъ подъѣхалъ на конѣ,
И сказалъ: «душа-дѣвица,
Одолжи испить водицы!»
Эти рѣчи — не таю —
Грудь поранили мою.
Я на парня посмотрѣла
И кувшинъ подать хотѣла,
Но онъ выпалъ изъ руки
И разбился на куски.
Черепки его по нынѣ
Здѣсь валяются въ долинѣ:
Гдѣ же парень молодой?
Если нынче предо мной
Онъ появится — я снова
Свой кувшинъ разбить готова.

Н. Гербель.

И. СУНДЕЧИЧЪ.

Иванъ Сундечичъ, православный священникъ и извѣстный сербскій поэтъ, родился въ 1825 году въ Босніи, откуда выѣхалъ еще будучи ребенкомъ, вмѣстѣ съ своими родителями, въ Далмацію. Затѣмъ, Сундечичъ воспитывался въ православной семинаріи въ Зарѣ, гдѣ окончилъ курсъ блистательно, и, по приглашенію самаго семинарскаго начальства, съумѣвшаго оцѣнить способности молодого человѣка, занялъ профессорскую каѳедру въ томъ же заведеніи. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ сдѣлался третьимъ редакторомъ «Далматинскаго Магазина». Въ 1850 году Сундечичъ издалъ въ Зарѣ свои стихотворенія, подъ названіемъ: «Srce ili razlicne pjesme», а въ 1856 — «Нитку драгоцѣннаго жемчуга», сборникъ духовныхъ и нравоучительныхъ стихотвореній для юношества. Затѣмъ, онъ довольно долго сотрудничалъ въ «Далматинскомъ Вѣстникѣ», и даже одно время былъ его редакторомъ, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сталъ издавать въ Зарѣ беллетристическій журналъ «Звѣзда». Въ 1863 году надъ Сундечичемъ стряслась бѣда: послѣ десятилѣтней службы въ зарской православной семинаріи, онъ былъ лишонъ далматинскимъ намѣстничествомъ каѳедры и долженъ былъ искать новыхъ средствъ къ жизни въ Сербіи или Черногоріи. Единственной причиной воздвигнутаго противъ Сундечича гоненія былъ горячій патріотизмъ, заявленный имъ какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Натерпѣвшись всякаго рода невзгодъ въ своей второй родинѣ, Далмаціи, онъ удалился, въ 1864 году, со всѣмъ своимъ семействомъ въ Черногорію, гдѣ встрѣтилъ самый радушный пріемъ со стороны князя Николая, предложившаго ему мѣсто своего секретаря, съ жалованьемъ въ 1000 гульденовъ и опредѣлившаго его сыновей на свой счетъ въ дубровницкую школу. Затѣмъ, независимо отъ обязанностей, сопряженныхъ съ секретарской должностью при князѣ, ему было поручено завѣдыванье мѣстной типографіей и изданіе календаря и учебниковъ для черногорскихъ школъ. Сундечичъ ревностно принялся за дѣло—и, спустя самое короткое время, бездѣйствовавшая до того типографія уже была въ ходу. Первой книгой, отпечатанной Сундечичемъ — былъ «Орличъ», черногорскій календарь на 1865 годъ, въ которомъ, кромѣ пѣсенъ князя Николая и статьи Дудича «О граховской битвѣ», помѣщено нѣсколько стихотвореній Сундечича и его же «Статистическія данныя о Черногоріи».

I.

МОСКВА.

Плачетъ мать-Москва святая —
Врагъ на грудь ей наступилъ:
Бородинскій бой кровавый
Къ ней дорогу проложилъ.

Вотъ Москва уже пылаетъ!
Смотритъ царь изъ-за Кремля,
Какъ все рушится, все гибнетъ,
Чѣмъ горда его земля.

Нѣтъ Москвы — его столицы,
Но спасенъ его народъ,
Но спасенъ отъ униженья
Всѣхъ славянъ могучій родъ!

И Москва опять воскресла
Въ сто̀ разъ краше, чѣмъ была...
О, когда бъ ты все славянство
Дивнымъ свѣтомъ облила̀!

Н. Гербель.

II.

САВЛЯ СКЕНДЕРБЕГА.

Прочь — и царскій дворъ и нѣга,
Чуть Мехметъ заслышалъ вѣсть,
Что у бана Скендербега
Даръ волшебный — сабля есть —

Чудо-сабля: безъ направокъ
Ѣздока съ конемъ въ налетъ
Перерубитъ, да въ добавокъ
Въ землю на̀ локоть войдетъ!

Царь горитъ желанья зноемъ,
Какъ бы саблю пріобрѣсть.
Вмигъ прослылъ бы онъ героемъ
Съ этимъ дивомъ: то-то честь!

Вотъ съ привѣтствіемъ отправилъ
Къ бану грамотку султанъ —
Проситъ, чтобъ ему доставилъ
Эту саблю храбрый банъ.

Скендербегъ препонъ не ставитъ
И къ Мехмету саблю шлетъ:
Пусть-де онъ себя прославитъ —
Саблю грозную возьметъ!

Царь Мехметъ усы разгладилъ
И, оружіемъ звеня,
Руку выправилъ, наладилъ
На ударъ, и — на коня.

Сѣлъ — и челяди проворной
Отдалъ царственный приказъ,
Чтобъ былъ рабъ представленъ чорный
На конѣ ему сейчасъ.

Крикнулъ — мигу нѣтъ потери:
Встрепенулась слугъ гурьба —
И ужь тащутъ эти звѣри
Злополучнаго раба.

И едва предсталъ онъ цѣлью —
Къ конской гривѣ царь припалъ;
Преданъ лютому веселью,
Замахнулся... поскакалъ...

Анъ напрягся такъ, что глазу
Ясно видѣлось, что — вотъ
Не раба, а трехъ онъ сразу
Верховыхъ на сквозь проймётъ.

Но — не диво ли? — султану
Вѣдь и тутъ неудалось:
Грозный всадникъ жертвѣ рану
Только легкую нанёсъ.

Зашипѣлъ онъ, пронятъ злобой
И — домой. Давай писать.
Разсерждёнъ постыдной пробой,
Радъ онъ всѣхъ бы искусать.

Вновь летитъ письмо султана
Къ бану; складъ его таковъ:
«Скендербегъ — злодѣй! Обмана
Твоего открылся ковъ.

«Гнили кто жь не обнаружитъ?
Саблю ты прислалъ не ту;
Шлю назадъ её: пусть служитъ
Дрянь тебѣ на срамоту!»

Скендербегъ, посланье это
Получивъ, захохоталъ
И на грамоту Мехмета
Свой отвѣтъ готовить сталъ.

Сѣлъ писать; усы смѣются;
И не пишетъ онъ, а такъ
Строчки сами ливмя-льются:
«Не сердись-де царь-юнакъ!

Не вини меня, и сабли
Не хули! Все та жь она,
Но рукѝ твоей ослабли
Мышцы: въ этомъ вся вина.

«Самъ я съ пояса отправилъ
Эту сталь къ тебѣ — ей-ей!
Но при этомъ не доставилъ
Я тебѣ руки моей.

«Пусть же злость тебя не гложетъ!
Не храбрись впередъ слегка!
Вѣрь мнѣ: сабля не поможетъ
Тамъ, гдѣ немощна рука».

В. Бенедиктовъ.

Л. НЕНАДОВИЧЪ.

Любомиръ Ненадовичъ, извѣстный сербскій поэтъ, родился въ 1826 году въ селеньи Бранковинахъ, въ княжествѣ Сербскомъ. Родители его были люди зажиточные. Ненадовичъ началъ свое воспитаніе въ мѣстной нормальной школѣ, откуда перешолъ въ бѣлградскую гимназію; по окончаніи полнаго курса въ этомъ послѣднемъ заведеніи, онъ прослушалъ курсъ философіи въ Главной Школѣ въ Бѣлградѣ и затѣмъ отправился въ Прагу, для изученія чешскаго языка. Потомъ изучалъ право въ университетахъ Берлинскомъ, Гейдельбергскомъ и Парижскомъ (Sorbonne и Collège de France). Послѣ революціи 1848 года, онъ возвратился въ отечество, гдѣ получилъ мѣсто профессора въ Главной Школѣ (лицеѣ) и былъ выбранъ въ члены Общества Любителей Сербской Словесности, а также въ члены училищной коммиссіи. Въ 1850 году онъ оставилъ каѳедру и провелъ цѣлый годъ частью въ Парижѣ, частью въ путешествіяхъ по западной Европѣ, во время которыхъ познакомился съ черногорскимъ владыкой, Петромъ Петровичемъ Негошемъ, съ которымъ объѣхалъ всю Италію. Вернувшись въ Сербію, онъ былъ сдѣланъ архиваріусомъ и секретаремъ министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1858 году — секретаремъ миссіи въ Константинополѣ; но въ слѣдующемъ году былъ вызванъ обратно въ Бѣлградъ, гдѣ снова занялъ служебное мѣсто по министерству народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Какъ всѣми любимый и уважаемый писатель, Ненадовичъ своими стихотвореніями, разбросанными по разнымъ сербскимъ журналамъ, альманахамъ и сборникамъ, и собранными имъ въ 1860 году («Пѣсни Л. Ненадовича», Землинъ, 1860) въ одну книгу, много способствовалъ дальнѣйшему развитію сербской литературы. Изъ поэтическихъ произведеній Ненадовича особенною извѣстностью пользуются слѣдующія: «Войникъ Дойчиновичъ», поэма въ шести пѣсняхъ и «Славянская Вила»; послѣдняя пьеса была переведена на французскій языкъ. Затѣмъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, до самаго отъѣзда своего въ Константинополь, Ненадовичъ былъ редакторомъ учонаго журнала «Шумадинка». Кромѣ того, онъ обогатилъ сербскую литературу прекрасными переводами «Исторіи французской революціи» Минье и «Новеллъ» Тшоке. Для заключенія считаемъ не лишнимъ упомянуть объ издательской дѣятельности Ненадовича. Онъ издалъ извѣстную поэму Петра Петровича Негоша «Свободіада» и очень важныя для сербской исторіи «Приписки и Записки» своего отца, Матвѣя Ненадовича, о битвахъ на Station Дринѣ въ 1811, 1812 и 1813 годахъ, въ которыхъ Матвѣй Ненадовичъ игралъ главную роль. Въ настоящее время Ненадовичъ въ отставкѣ и живетъ въ Бѣлградѣ.

I

СТАМБУЛУ.

Бьётся сине-море, вздрагиваютъ горы;
Солнце помрачилось — не плѣняетъ взоры;
Зыблятся знамёна, сталь звучитъ сурово:
Движется на турокъ воинство Христово.

О, Стамбулъ надмѣнный! утони въ Босфорѣ!
Этотъ перстъ подъятый предвѣщаетъ горе.
Ты — укоръ вселенной, ты — позоръ и бремя —
И теперь отвѣтить наступило время.

Ничего ты въ мірѣ не щадилъ надменный!
Ты злодѣй, какого нѣтъ во всей вселенной!
Сколько царствъ великихъ, къ нимъ горя враждою,
Ты попралъ своею грязною пятою.

Звѣрь, ты съ человѣкомъ не былъ человѣкомъ!
Вкругъ тебя струилась кровь, подобно рѣкамъ.
Ты не зналъ на свѣтѣ ничего святого
И былъ полонъ яда лихоимства злого.

Если наша слава пала предъ судьбиной —
Ты, драконъ голодный, ты тому причиной!
Видишь, отовсюду движутся армады?
Нѣтъ, злодѣй презрѣнный, нѣтъ тебѣ пощады!

Н. Гербель.

II.

МОЛОДЕЦКІЙ ОТВѢТЪ.

Солнце блещетъ, солнце свѣтитъ
На поляны наши;
На полянѣ князь Данило
Пьетъ вино изъ чаши.
Вотъ Омеръ-паша за горкой
Лагерь разбиваетъ,
И смириться львовъ нагорныхъ
Льстиво приглашаетъ.
Засмѣялся князь Данило,
Сидя на попонѣ —
И Омеръ-пашѣ записку
Пишетъ на патронѣ:
«Злой отступникъ, ты родился
Во святомъ законѣ,
А теперь его ты гонишь...
Мой отвѣтъ въ патронѣ!»

Н. Гербель.

—

Д. МИХАЙЛОВИЧЪ.

Димитрій Михайловичъ — современный сербскій поэтъ. Изъ сочиненій его извѣстны: «Вѣнокъ искренней любви», новелла (Новый Садъ, 1840), «Пѣсни милой» (Новый Садъ, 1840), «Смилье» (idem), «Войводянка» (Темешваръ, 1852) и «Цвѣты сербскихъ пѣсенъ», антологія изъ сербскихъ поэтовъ (Карловицъ, 1859). Въ настоящее время Михайловичъ состоитъ при темешварскомъ намѣстникѣ.

ПѢСНЯ.

Что за жизнь безъ вѣры
Въ праведнаго Бога?
Безъ семьи любимой
Радостей не много!

Нѣтъ отрады въ жизни
Безъ души родимой!
Нѣтъ на свѣтѣ счастья
Безъ любви взаимной!

Н. Гербель.

—

И. ДРАГАШЕВИЧЪ.

Иванъ Драгашевичъ, профессоръ Военной Академіи въ Бѣлградѣ и современный сербскій поэтъ, родился въ 1829 году въ Бѣлградѣ; воспитывался онъ въ тамошнемъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ офицеромъ. Въ настоящее время онъ имѣетъ чинъ капитана. Имя его, какъ сочинителя нѣсколькихъ патріотическихъ стихотвореній, пользуется нѣкоторою извѣстностью между сербами. Въ настоящее время онъ издаетъ журналъ «Војнъ у Београду», имѣющій довольно обширный кругъ читателей между городскими жителями Сербскаго княжества.

ВЪ БОЙ.

Въ бой, братья, въ бой! насъ Самъ Господь зоветъ,
Зоветъ народъ — ударимъ на тирана!
Въ бой, сербы, въ бой! пусть иго въ прахъ падетъ!
Вѣдь рана брата есть и наша рана.
Въ бой, сербы, въ бой, въ кровавый бой,
За свой народъ, за край родной!

О, скоро ль сербъ, болгаринъ и хорватъ
Стряхнутъ позоръ, престанутъ быть рабами?
О, скоро ль нашъ забытый всѣми братъ
Подниметъ взоръ, разстанется съ цѣпями?
Возстанемъ всѣ — и врагъ падетъ,
Не-то онъ сгубитъ нашъ народъ!

Въ бой, сербы, въ бой! друзья, ударилъ часъ —
И врагъ падетъ подъ нашими мечами!
Въ бой, братья, въ бой! пусть міръ узнаетъ насъ,
Узнаетъ врагъ, что стали мы мужами.
Въ бой, сербъ, болгаринъ и хорватъ!
Впередъ! ужь слышится набатъ...

Н. Гербель.

—

И. ІОВАНОВИЧЪ.

Иванъ Іовановичъ, современный сербскій поэтъ, родился въ 1830 году въ Новомъ-Садѣ, гдѣ и получилъ первоначальное воспитаніе въ мѣстномъ училищѣ. Затѣмъ, продолжалъ свое образованіе въ Вѣнѣ, гдѣ слушалъ медицину. Имя Іовановича, какъ поэта, пользуется извѣстностью между сербами и многія изъ его стихотвореній перешли въ народъ. Онъ перевелъ всего Гафиза, «Демона»

Лермонтова и нѣсколько лучшихъ стихотвореній Некрасова. Въ настоящее время онъ живетъ въ Вѣнѣ.

I.

КРЕСТЪ.

Ночь-полу́ночь, тьма густая,
Съ непогодой бурной
Надъ горой закрыли Чорной
Сводъ небесъ лазурный.
Все чернѣй-чернѣе тучи,
Громъ сильнѣй грохочетъ,
Страшный вихрь качаетъ горы,
Вскинуть къ небу хочетъ!
Ужь не Богъ ли самъ наслалъ ихъ,
Дивныя тѣ силы,
Чтобъ къ Нему поближе стали
Наши горы милы?
Ночь-полу́ночь, тьма густая,
Но сквозь тьму густую
Часто видно въ блескѣ молній
Ту скалу святую,
Гдѣ ручьи струятся крови,
Словно ленты алы,
И раскиданы въ обломкахъ
Сабли да кинжалы.
Ярче молнія блеснула,
Скалы озарила —
И на нихъ, средь алой крови,
Крестъ святой явила.
И вѣщалъ тотъ громъ небесный
Доблестному роду:
«Здѣсь легло три сотни храбрыхъ
За свою свободу!»
Вмигъ утихла буря злая,
Вихорь безпрерывный,
Чтя великую святыню
Той могилы дивной.
Вмигъ разсыпалися тучи,
Будто не бывали,
И вкругъ мѣсяца по небу
Звѣзды засверкали.
Самъ Господь велѣлъ внезапно
Тучи тѣ разсѣять,
Чтобы могъ свою онъ землю
Взорами лелѣять,
Гдѣ потомки павшихъ братій,
Въ память грозной битвы,
На могилѣ ихъ сбираясь,
Къ небу шлютъ молитвы,
И клянутся прахомъ дѣдовъ
Мстить врагамъ-тиранамъ,
Чорной кровію клянутся,
Острымъ ятаганомъ,
И крестомъ святымъ клянутся,
Тѣмъ, чтó одиноко
Воздымаетъ къ яснымъ звѣздамъ
Тамъ чело высоко.
Быть готовыми клянутся
Вѣчно къ оборонѣ
Скалъ своихъ — безцѣнныхъ перловъ
Въ сербской ихъ коронѣ.
Свѣтитъ мѣсяцъ, свѣтятъ звѣзды,
Всюду слышны клики,
Блещутъ сабли черногорцевъ,
Силы ихъ велики,
И несется гулъ далеко
Съ краю и до края:
«Самъ Господь съ тобой Всевышній,
О гора святая!»

Н. Бергъ.

II.

ДѢВА-ВОИНЪ.

Сóколъ ищетъ, гдѣ бы сѣсть на отдыхъ;
На высокой ели не садится:
Сѣлъ въ низу, гдѣ бѣлъ-шатеръ раскинутъ.
Подъ шатромъ сидитъ дѣвица-воинъ,
Пьётъ вино, да пѣсни распѣваетъ,
И, звуча, напѣвъ ея удалый
Будитъ силы въ крыльяхъ соколиныхъ.
Услыхавъ её, двѣнадцать турокъ
Подошли, посматриваютъ косо
И кидаютъ ей крутое слово:
«Сука-сучка! дѣвка молодая!
Пьёшь вино ты — туркамъ въ оскорбленье;
Ты поёшь — надъ турками смѣешься...
Гдѣ и пить и пѣть ты научилась?»
— «А какое до того вамъ дѣло?»
Имъ дѣвица-воинъ отвѣчаетъ:
«Больно вы ужь спеси понабрались!
Знать хотите — такъ скажу вамъ правду:
Двумъ юнакамъ сербскимъ я служила,
Двумъ юнакамъ — Ми́лошу и Марку;
Пить вино у Марка научилась,
Пѣсни пѣть — у Милоша: два дара!
Два умѣнья — отъ двоихъ умѣлыхъ!»

И сверкнула дѣвица очами,
И схватила саблю боевую...
Соколъ смотритъ: турки врозь — мгновенье
И двѣнадцать ихъ головъ скатились...
«Ужь не сонъ ли?» думаетъ ... А дѣва
Пьётъ вино, да пѣсни распѣваетъ.

В. Бенедиктовъ.

—

СВѢТОЛИКЪ ЛАЗАРЕВИЧЪ.

Стихотворенія, подписанныя этимъ именемъ, пользуются большою популярностью между сербами и хорватами. Къ сожалѣнію, біографію этого талантливаго поэта мы ни гдѣ не могли найти, не смотря на все наше стараніе добыть ее изъ самой Сербіи.

ПРОЩАНІЕ СЪ ПРАГОЙ.

Чешская столица, Прага золотая,
Гордость душъ высокихъ, украшенье края,
Гдѣ я годъ отрадный прожилъ какъ мгновенье,
Гдѣ тотъ годъ пронёсся, точно сновидѣнье!

Ты плѣняешь взоры чудной стариною,
Роскошью построекъ, вкусомъ, красотою;
Здѣсь все такъ понятно для ума и чувства,
И все шепчетъ сердцу, что здѣсь край искуства.

Тяжело разстаться, Прага, мнѣ съ тобою!
Память о тебѣ я унесу съ собою,
Память о прекрасномъ, говорящемъ чувству,
Безъ чего въ природѣ не цвѣсти искуству.

Рѣчка дорогая, быстрая Волтава,
Праги златоверхой и почетъ и слава!
Ты, шумя и пѣнясь, полная отваги,
Омываешь стѣны вѣковѣчной Праги.

Вышгородъ могучій, старая твердыня,
Чешскаго народа гордость и святыня,
Вѣковой свидѣтель силы и отваги —
Ежедневно шлёшь ты поцалуи Прагѣ.

Мостъ твой, оковавшій быструю Волтаву,
Говоритъ вселенной про труды и славу
Карла-исполина, про его заботы,
Мудрость, справедливость, силу и щедроты.

Такъ прощай же, Прага, край очарованья!
У меня отнынѣ лишь одно желанье:
Поскорѣй добраться до угла родного,
Чтобъ потомъ съ тобою повидаться снова.

Н. Гербель.

—

Ю. ЯКШИЧЪ.

Юрій Якшичъ, современный сербскій поэтъ, родился въ княжествѣ Сербіи, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, воспитывался въ Бѣлградской Главной Школѣ (лицеѣ) и вскорѣ по окончаніи курса былъ назначенъ профессоромъ въ Пожаревскую прогимназію. Послѣднее мѣсто занималъ онъ до 1868 года. Якшичъ пользуется довольно большою извѣстностью между сербами, какъ поэтъ. Стихотворенія его печатались и печатаются во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ Сербіи. Якшичъ началъ свое литературное поприще въ сороковыхъ годахъ изданіемъ альманаха «Лицейка». Изъ болѣе значительныхъ произведеній его можно указать на драму изъ древней черногорской исторіи «Княгиня Елизавета Черногорская» (Бѣлградъ, 1869) и на стихотвореніе «На гробѣ князя Михаила» (Бѣлградъ, 1868).

ТОНИТЕ, БРАТЬЯ!

Тоните, братья, въ рѣкахъ крови!
Влачите сами на костёръ
Своихъ дѣтей! сжигайте сёла!
Стряхните рабство — свой позоръ!

Герои, братья — погибайте!
Пускай о томъ узнаетъ свѣтъ...
И небо горько будетъ плакать,
Что сербъ погибъ, что серба нѣтъ...

Нѣтъ, мы не братья, мы не сербы!
Стефанъ Неманя намъ чужой!
Когда бы сербами мы были,
Людьми, друзьями — Боже мой —

Ужели бъ мы съ вершинъ Авалы
Глядѣли въ скорбный этотъ часъ
Такъ безучастно, хладнокровно,
О братья милые, на васъ?

Пренебрегайте всѣмъ, что свято!
Гнушайтесь клятвами друзей!..
Ужель не подло, не преступно
Глядѣть на кровь своихъ дѣтей?..

Гдѣ помощь братняя? гдѣ слёзы?
Иль: «въ бой за братьевъ за своихъ?»
Въ борьбѣ, въ крови, въ бѣдѣ великой
Господь покинулъ васъ однихъ.

Но снова — скорбный и грѣховный —
Я пѣсню грѣшную пою —
О, сердце скорбное народа
Насквозь пронзенное въ бою!

Могучій сербъ кипитъ отвагой —
Его душа кипитъ и ждетъ;
Но не даетъ ей воли дьяволъ,
Илъ Богъ ей воли не даетъ!..

Н. Гербель.

—

В. КАТЯНСКІЙ.

Владиміръ Катянскій, современный сербскій поэтъ, родился въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Воеводинѣ (австрійской Сербіи). Окончивъ курсъ, Катянскій отправился въ княжество Сербію, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто учителя гимназіи въ Крагуевцѣ, которое онъ занимаетъ и въ настоящее время, дѣля свои преподавательскія занятія съ обязанностями главнаго распорядителя мѣстной Читальни. Собраніе стихотвореній Катянскаго вышло въ 1867 году.

ТУЧИ.

Ахъ вы, тучи! вы летите
Все къ востоку издалека...
Вы меня съ собой возьмите:
Я вѣдь самъ дитя востока.

Вы несетесь такъ угрюмы
Вдаль полетомъ незамѣтнымъ:
Такъ мои несутся думы
Отъ немилыхъ къ непривѣтнымъ.

Поле высохшее, тучи,
Ваша влага оживляетъ;
Отъ моихъ же слёзъ горючихъ
Только горе выростаетъ.

Ваша влага цвѣтъ выводитъ,
Отъ моей — полынь родится;
Гнѣвъ вашъ съ бурею проходитъ,
Скорбь моя все будетъ длиться.

Ахъ, летите жь быстро, тучи!
Направляйте безъ возврата
На востокъ свой бѣгъ летучій!
Тамъ моя родная хата.

Вашей влагой плодотворной
Нивы родины напойте,
И потоки крови чорной
Съ ихъ лица скорѣе смойте.

Не грозите имъ громами —
Долго ихъ они громили —
Но повѣйте вѣтерками,
Чтобъ покой они вкусили,
И привѣтъ снесите мой
Вы семьѣ моей родной!

Ѳ. Миллеръ.

—

НИКОЛАЙ I, КНЯЗЬ ЧЕРНОГОРСКІЙ.

Николай Петровичъ, нынѣшній повелитель Черногоріи и сынъ черногорскаго героя, Мирко Петровича Негоша, родился 25 сентября 1841 года въ Негошѣ, въ Черногоріи. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Тріестѣ и Венеціи, съ воспитательною цѣлью, онъ былъ отправленъ въ 1856 году въ Парижъ, и помѣщенъ, для довершенія своего образованія, въ лицей Людовика XIV, гдѣ окончилъ курсъ наукъ въ 1860 году однимъ изъ первыхъ. По смерти своего предмѣстника и дяди, князя Даніила I, Николай Петровичъ вернулся въ Черногорію и здѣсь, 14-го августа 1860 года, былъ избранъ народнымъ собраніемъ — черногорскимъ княземъ. Независимо отъ своихъ несомнѣнныхъ правъ на престолъ, какъ сынъ Мирко Петровича и родной племянникъ покойнаго князя Даніила, Николай Петровичъ былъ выбранъ въ князья еще и потому, что онъ обѣщалъ быть хорошимъ и умнымъ правителемъ; а извѣстная честность его убѣжденій давала народу гарантію, что онъ не ошибся въ своемъ

выборѣ. Дѣйствительно, надежды, возлагаемыя на молодого князя, исполнились вполнѣ и въ правленіе Николая Черногорія отдохнула отъ прежнихъ смутъ и неурядицъ. Въ семейной жизни князь Николай также счастливъ, какъ и въ политической дѣятельности: женившись на Миленѣ, дочери сенатора Петра Вукотича, онъ сдѣлалъ вполнѣ счастливый выборъ. Любовь къ родной литературѣ обнаружилась въ молодомъ князѣ очень рано. Съ самыхъ отроческихъ лѣтъ сербскія народныя пѣсни были любимымъ его чтеніемъ. На литературное поприщѣ выступилъ онъ въ 1865 году: въ этомъ году въ черногорскомъ календарѣ «Орличъ» были напечатаны первыя его стихотворенія, возбудившія общее вниманіе въ сербо-хорватскомъ краѣ. Стихотворенія Николая Петровича не лишены достоинства, а нѣкоторыя изъ его лирическихъ пѣсенъ, какъ напримѣръ: «На гробѣ Петра II», «Цетинскій колоколъ» и «Туда», могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими произведеніями сербско-хорватской литературы. Въ 1867 году князь Николай написалъ трагедію «Вукашинъ»; но она еще до-сихъ-поръ не напечатана.

I.

ТУДА! ТУДА!

Туда! туда! за горы голубыя,
Гдѣ моего властителя былъ дворъ!
Тамъ, говорятъ, сбирался въ дни былые
Нашъ вѣчевой, юнацкій нашъ соборъ.
Туда! Туда!.. О, Призренъ, слава края!
Дай мнѣ взглянуть — побыть въ твоихъ стѣнахъ!
Меня зоветъ страна моя родная —
И я пойду съ оружіемъ въ рукахъ!

Туда!.. Съ развалинъ царскаго чертога
Скажу врагу: «отъ крова моего
Прочь ты, чума! Скопилось долгу много:
Пришла пора мнѣ выплатить его!»
Туда! туда! За этими горами
Есть, говорятъ, цвѣтущій, свѣтлый край
Съ дечанскими священными стѣнами:
Молитва тамъ душѣ даруетъ рай.

Туда! туда! за выси тѣ крутыя,
Гдѣ небо въ сводъ скруглилось голубой!
Туда! туда! — въ долины боевыя —
Въ нашъ сербскій край мы путь направимъ свой!
Туда! туда! За этими горами
Насъ кличетъ Югъ, герой маститый нашъ:
«Сюда! ко мнѣ!» растоптанный конями,
Взываетъ онъ: «месть — долгъ священный вашъ!»

Туда! туда! — и на костяхъ турецкихъ
За кости Юга сабли иззубримъ
И сталью этихъ сабель молодецкихъ
Оковы бѣдной раи сокрушимъ.
Туда! туда!.. За этими горами
Гробъ Милоша-героя мы найдемъ...
Тамъ миръ душевный обрѣтется нами —
И сербъ не будетъ болѣе рабомъ.

В. Бенедиктовъ.

II.

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Пью во здравье! Многи лѣта!
Вѣкъ нашъ кратокъ; юность — май
Нашей жизни. Пей, взывай
И стрѣляй изъ пистолета!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пей — и здравъ и веселъ буди!
Пей, землякъ, пока въ гульбѣ
Не покажутся тебѣ,
Словно мошки, мелки люди!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Будь для насъ примѣромъ, Марко,
Королевичъ нашъ! О, да!
Кровь у сербовъ молода:
Вспыхнетъ — небу станетъ жарко!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пей, но силою хмѣльного
Не туманься: не забудь,
Что злой недругъ давитъ грудь
Царства славнаго, родного!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пусть погибнетъ всякъ живущій —
Все же Призренъ мы возьмемъ,

И на тронѣ золотомъ
Въ немъ возсядетъ царь грядущій.
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Беки сербовъ попирали,
Какъ подножныхъ червяковъ;
Но мы живы — и ихъ кровь
Намъ отвѣдать не пора ли?
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Начинателю мы сѣчи
Пьёмъ во здравье; а потомъ
Въ кубокъ вновь вина нальёмъ,
Какъ до стѣнъ достигнемъ Печи.
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Кто бъ изъ сербовъ міръ нашъ дольный
Не покинулъ, чтобъ поднять
Наше знамя — благодать —
На дечанской колокольнѣ?
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пью во здравье! Многи лѣта!
Падшимъ всѣмъ за отчій край —
Миръ и слава! Пей, взывай
И стрѣляй изъ пистолета!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

В. Бенедиктовъ.

—

Д. МЕДИЧЪ.

Данило Медичъ родился въ 1841 году въ Военной Границѣ, въ Личанскомъ полку, воспитывался въ мѣстномъ кадетскомъ корпусѣ и служилъ короткое время въ австрійской арміи. Литературное свое поприще началъ онъ изданіемъ политической брошюры: «Шмерлингъ — строитель вавилонской башни», за что былъ — не болѣе не менѣе — какъ изгнанъ изъ отечества. Медичъ отправился путешествовать. Объѣхавъ часть Европы, онъ направилъ свой путь въ Россію, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ, состоя все это время корреспондентомъ сербскихъ журналовъ: «Позоръ» и «Даница». Медичъ по преимуществу лирикъ. Во время своего пребыванія въ Россіи онъ также занимался и переводами; именно, онъ перевелъ нѣсколько стихотвореній изъ Пушкина, Лермонтова и Хомякова и переложилъ въ стихи «Слово о полку Игоря», которое было напечатано въ Петербургѣ въ 1870 году. Въ настоящее время онъ живетъ въ Новомъ Садѣ и занимается переводомъ «Полтавы» Пушкина.

НАША НАДЕЖДА.

На Балканахъ раздаются
Звуки сдержанныхъ рыданій
Объ утратѣ царства, славы,
О забвеньѣ всѣхъ преданій.

Десять гибельныхъ столѣтій
Пронеслось, какъ возсіяла
Тамъ святая наша вѣра
И родной намъ слава стала.

Насъ хранить отцы святые
Православіе учили —
И любви могучій свѣточъ
Мы въ груди не погасили.

Защищая нашу вѣру,
Мы пролили рѣки крови
И подъ Бѣлою горою,
И на полѣ на Косовѣ.

Но напрасно по равнинамъ
Кровь славянъ лилась рѣками,
Если рабство и по нынѣ
Отягчаетъ ихъ цѣпями.

Назови, рѣчная вила,
Другъ славянскаго народа,
Ту страну, гдѣ православье
Не терпѣло бы невзгоды?

На верху горы Солунской,
Тамъ гдѣ все для насъ сіяетъ,
Блещетъ блѣдный полумѣсяцъ,
Мгла полночная витаетъ.

Гдѣ дни славы громоносной?
Гдѣ Солунъ? гдѣ воевода

Храбрый Дойчинъ? гдѣ герои —
Слава сербскаго народа?

На вершинѣ горъ Балканскихъ,
Вѣчнымъ сумракомъ объятой,
Духъ съ укоромъ повторяетъ:
«Ужь десятый вѣкъ! десятый!»

Но не всѣ славяне въ рабствѣ,
Есть и вольные межъ нами —
Тамъ, на Сѣверѣ далекомъ,
Гдѣ Москва горитъ крестами;

Тамъ, на Волгѣ, гдѣ привольно
Пѣсня радостная льется;
Тамъ, за Дономъ многоводнымъ,
Гдѣ козакъ въ степи несется;

Тамъ, гдѣ Днѣпръ, гдѣ Кіевъ-городъ
Въ воды свѣтлыя глядится
И своей старинной славой
Величается, гордится.

Долго былъ престольный Кіевъ
Царства Русскаго главою,
Но свершилось — и склонился
Онъ предъ царственной Москвою.

Здѣсь орелъ, Кремля владыко,
Свилъ гнѣздо между холмами
И прикрылъ всю Русь святую
Исполинскими крылами.

Но теперь онъ тамъ витаетъ,
Гдѣ дика краса природы,
Гдѣ Нева въ сѣдое морѣ
Катитъ царственныя воды.

Тамъ хранится православье,
Тамъ законъ правдиво чтится —
Все, чему Кирилъ-Меѳодій
Заставляли насъ учиться.

Тамъ почіютъ всѣ надежды:
Тамъ славянская держава,
Что ростетъ, на зависть міру,
И грозна и величава.

А въ Кремлѣ Иванъ-Великій
Громко вѣрныхъ призываетъ,
И слова такія въ храмѣ
Повторять ихъ научаетъ:

«Слава матушкѣ-столицѣ,
Что при заревѣ пожара
Сокрушила гордость злую
Ненавистнаго корсара!

«Слава царству молодому!
Слава свѣта властелину!
Слава мудрому монарху
Славы доблестному сыну!»

О, Москва! къ тебѣ съ надеждой
Братья руки простираютъ:
Съ нею южные славяне
И живутъ и умираютъ.

Ты опора православья;
Безъ тебя торжествъ гражданскихъ
Намъ бы видѣть не пришлося
Въ честь апостоловъ славянскихъ.

Да, Москва — есть сердце Руси,
Безпредѣльнаго пространства,
А Россія — это сердце
Всей вселенной и славянства.

О, Москва! красуйся вѣчно —
До-тѣхъ-поръ пока волнами
Будетъ Волга, рѣкъ царица,
Лобызаться съ берегами.

Н. Гербель.

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ началѣ послѣдней четверти XIV столѣтія исторической судьбѣ угодно было положить конецъ существованію на Балканскомъ полуостровѣ обширнаго болгарскаго государства. Съ изчезновеніемъ политической самостоятельности болгарской народности и литература болгаръ, по естественному ходу событій должна была заглохнуть на цѣлыя столѣтія. Турецкое нашествіе уничтожило не одну только политическую независимость болгарскаго народа: оно окончательно подавило и всякую духовную его дѣятельность. При этомъ страшномъ разгромѣ, едва ли испытанномъ какимъ-либо инымъ народомъ въ Европѣ, уничтоженъ былъ не одинъ только царствовавшій въ Болгаріи родъ, отъ перваго его члена до послѣдняго, но и всѣ лучшіе люди въ государствѣ, изъ которыхъ одни были обезглавлены, а другіе, страха ради, приняли исламизмъ. Роды болгарскихъ бояръ были совершенно уничтожены, и въ настоящее время о существованіи ихъ напоминаетъ лишь одна безмолвная улица города Тернова, называемая *боярскою*. Въ народѣ досихъ-поръ поется пѣсня, въ которой говорится о томъ, какъ одинъ изъ греческихъ константинопольскихъ патріарховъ совѣтовалъ турецкому султану, на случай если послѣдній желаетъ спать спокойно и не быть постоянно тревожимымъ невѣрнымъ и безпокойнымъ болгарскимъ племенемъ, истребить и *потурчить* всѣхъ его ученыхъ и грамотныхъ людей. Султанъ выслушалъ благосклонно мудрый совѣтъ патріарха — и тотчасъ же, по его приказанію, были отправлены въ разныя мѣстности Болгаріи чиновники съ указомъ о немедленномъ приведеніи въ исполненіе полезныхъ совѣтовъ патріарха. На сколько тутъ правды, мы судить не беремся. Независимо отъ разнаго рода насилій, сопряженныхъ съ завоеваніемъ одного племени другимъ, болгарскому народу суждено было испытать надъ собою еще и другое иго, быть-можетъ болѣе тягостное и пагубное, нежели турецкое — иго, наложенное на него греческимъ высшимъ духовенствомъ. Въ концѣ XIV столѣтія, по причинамъ, которые излагать здѣсь не мѣсто, была уничтожена терновская патріархія, всѣ епархіи коей перешли въ полную власть константинопольскаго патріарха. Болгарскій народъ, сдѣлавшись въ церковномъ отношеніи полнымъ достояніемъ греческаго патріарха, волей-неволей долженъ былъ мужественно перенести еще и другія испытанія. Константинопольскіе патріархи, движимые корыстолюбивыми цѣлями, съ-тѣхъ-поръ постоянно стали назначать архіереями въ болгарскіе епархіи исключительно грековъ. Этимъ духовнымъ пастырямъ осиротѣвшаго народа, незнавшимъ ни его нравовъ и обычаевъ, а подавно его языка, дикими и варварскими казались звуки славянской рѣчи въ богослуженіи. Такъ-какъ константинопольскій патріархъ успѣлъ выхлопотать себѣ у завоевателя Цареграда привилегію считаться главою и представителемъ всѣхъ христіанскихъ племенъ, покоренныхъ турками, то и архіереи въ епар-

хіяхъ были облечены такою же властію каждый, относительно своей паствы, передъ мѣстными турецкими властями. Безъ приглашенія мѣстнаго архіерея, турокъ не вмѣшивался въ церковныя и училищныя дѣла христіанъ. «Ты будь моимъ послушнѣйшимъ рабомъ, говорилъ турокъ, работай на меня, а что касается твоей вѣры и языка, то мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ.» Турокъ неспособенъ былъ думать о томъ, на какомъ языкѣ народъ совершаетъ свое богослуженіе. Но не такъ думали греческіе архіереи. Сначала они долгое время держались политики, которая, повидимому, вполнѣ щадила интересы турецкаго правительства, а тайно стремились къ достиженію совершенно иныхъ цѣлей, быть-можетъ чрезвычайно полезныхъ для нынѣшнихъ эллиновъ, но весьма гибельныхъ для болгарскаго народа. Ненавидя племя и языкъ болгаръ, греческіе архіереи стали изгонять мало-по-малу славянскій языкъ изъ церквей и училищъ и замѣнять его вездѣ *божественнымъ* греческимъ языкомъ. Та же участь въ скоромъ времени постигла не только церкви и училища во всѣхъ главныхъ городахъ Македоніи, Ѳракіи и Болгаріи, но и многіе изъ болгарскихъ монастырей. Мало-по-малу въ разные болгарскіе монастыри стали назначаться игуменами люди или греческаго происхожденія, или же изъ болгаръ, но такихъ, которые уже успѣли выучиться, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, читать и писать по гречески, и тѣмъ заявить о своей преданности главѣ-архіерею греку-фанаріоту. Только въ трехъ или четырехъ болгарскихъ монастыряхъ — въ томъ числѣ въ знаменитомъ монастырѣ св. Іоанна Рыльскаго, да въ нѣсколькихъ весьма отдаленныхъ отъ греческаго взора городахъ—не переставали раздаваться въ церквахъ и училищахъ звуки славянскаго языка. Но и въ этихъ, весьма малочисленныхъ, училищахъ и монастыряхъ образованіе, получавшееся болгарскимъ юношествомъ, заключалось въ томъ, что онъ, ознакомившись съ звуками славянскаго языка по церковнославянской азбукѣ, переходилъ къ чтенію «Часослова», «Псалтыря» и «Дѣяній св. Апостоловъ», а механическое и неосмысленное чтеніе «Евангелія» заканчивало образованіе и развитіе болгарскаго юноши, и счастливымъ считался тотъ изъ нихъ, которому удавалось у какого-нибудь учителя-самоучки выучиться четыремъ правиламъ ариѳметики. Пагубныя для болгаръ дѣйствія грековъ-фанаріотовъ не ограничивались только изгнаніемъ изъ церквей и училищъ славянскаго языка: они систематически истребляли славянскія книги и рукописи. Но самымъ тяжелымъ ударомъ для болгаръ было уничтоженіе Охридскаго независимаго архіепископства въ началѣ второй половины XVIII столѣтія. Можно положительно сказать, что съ этого времени славянское богослуженіе и обученіе дѣтей грамотѣ по церковно-славянской азбукѣ совершенно изчезли съ лица Болгарской Земли, и ихъ мѣсто занялъ греческій языкъ, какъ господствующій. Но это пагубное распространеніе *грецизма* среди болгаръ Балканскаго полуострова усилилось еще болѣе, когда греческимъ архіереямъ стали энергически содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыя *знаменитыя* греческія фамиліи, изъ которыхъ многія занимали важныя должности при турецкомъ правительствѣ, какъ напримѣръ фамиліи: Ипсиланти, Суцо, Мурузи и другія. Они задумали *огречить* весь Балканскій полуостровъ. И дѣйствительно вскорѣ вся Болгарская Земля переполнилась, по-крайней-мѣрѣ въ городахъ, греческими училищами, въ которыхъ, казалось, окончательно водворился греческій способъ ученія. Дѣло дошло до того, что фанаріоты и выписываемые ими изъ Эпира и Ѳессаліи, а всего болѣе изъ константинопольскаго Фанара, греческіе учителя уничтожили не только то̀, что напоминало или могло бы напоминать болгарамъ о прежней ихъ исторической жизни и древней литературѣ, но довели ихъ до такого состоянія, что они позабыли даже свое славянское происхожденіе. Однимъ словомъ, фанаріоты и греческіе учителя въ извѣстный періодъ времени уничтожили всѣ остатки древняго болгарскаго достоянія. Славянская азбука сдѣлалась совершенно неизвѣстною бо̀льшей части болгарскаго народа, какъ-будто она никогда не существовала въ мірѣ, такъ-что болгарскіе торговцы, по необходимости старавшіеся усвоить себѣ красоту и прелесть новоэллинскаго языка, вели свою переписку по гречески; тѣ же изъ нихъ, которые не могли выучиться греческому языку, писали на болгарскомъ языкѣ, но греческими буквами. Да и въ настоящее время, если мы раскроемъ современную намъ болгарскую газету «Македонія», то найдемъ множество корреспонденцій, преимущественно изъ Македоніи, написанныхъ на болгарскомъ языкѣ, но греческими буквами. Если и въ наше время есть мѣстности, населенныя болгарами, которымъ неизвѣстна славянская азбука, то легко себѣ представить въ какомъ положеніи находились

болгары, относительно ихъ развитія въ славянскомъ смыслѣ, лѣтъ пятдесятъ или сто тому назадъ. При этомъ не надо забывать и тяжкаго матеріальнаго турецкаго ига, которое, не менѣе фанаріотскаго, разрушало матеріальныя и нравственныя силы народа. Если же въ нѣсколькихъ отдаленныхъ горныхъ монастыряхъ продолжалъ свѣтить, хотя и слабо, свѣтильникъ славянскаго богослуженія, если гдѣ-нибудь въ какомъ-либо забытомъ фанаріотами городкѣ, населенномъ исключительно болгарами, продолжали учиться славянской грамотѣ, читать «Псалтырь», «Часословъ» и прочее, то эту заслугу надобно приписать тѣмъ болгарскимъ учителямъ-самоучкамъ, профессія которыхъ переходила изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, которые, умѣя писать весьма искусно полууставомъ, переписывали разныя церковныя книги и потомъ продавали ихъ, за извѣстную цѣну, нуждавшимся церквамъ, училищамъ или частнымъ лицамъ. Но какихъ людей могло дать ученье, начинавшееся съ букваря и кончавшееся чтеніемъ «Апостола», для борьбы съ громадными средствами, какими обладали греческіе наставники? Эти наставники и quasi-покровители болгарскаго народа до того ненавидѣли болгарскій языкъ, что даже тогда, когда ихъ собственный интересъ заставлялъ ихъ входить въ сношенія съ народомъ или старѣйшинами городской общины, то они объяснялись съ послѣдними на турецкомъ языкѣ. Но неужели, спросите вы, при такомъ позорномъ угнетеніи въ теченіе цѣлыхъ столѣтій не раздалось ни одного протеста? Нѣтъ, протесты были, но протесты одиночные и голосъ ихъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ половинѣ XVIII столѣтія жилъ болгарскій іеромонахъ, по имени Пансій. Проникнутый жалостью къ бѣдствіямъ своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ, онъ оставилъ рукопись, подъ заглавіемъ: «Исторія Славено-Болгарская». Въ этой рукописи, которая вскорѣ должна выйти въ свѣтъ, мы находимъ, между-прочимъ, слѣдующее весьма любопытное мѣсто, бросающее яркій свѣтъ на положеніе болгарскаго народа въ половинѣ XVIII столѣтія: «Патріарси Цариградски съ насиліе освоили Терновская патріаршія подъ своя власть и на пакость и злоба, що имаютъ на болгари еще изъ-перво время, не поставляютъ отъ болгарскаго язика епископы болгаромъ, но все отъ гречески языкъ, и не радатъ (не заботятся) отнюдъ за болгарски школы или ученіе, но обращаютъ все на греческій языкъ, за-то су остали болгари прости и неучени и не искусни писаніемъ, и много ся отъ нихъ обратили на греческая политика и ученіе, и за свое ученіе и языкъ слабо брежатъ. Тая вина болгаромъ отъ греческая духовная власть; приходитъ и много насиліе неправедно отъ гречески владыки терпятъ во сія времена; но болгари приниимаютъ ихъ благоговѣйно и почитаютъ ихъ за архіереи и сугубо плащаютъ имъ должное, за-то по нихна простота и незлобіе воспріимутъ отъ Бога мзду свою, тако и они архіереи, що съ сила, а не съ архіерейское правило, творятъ болгаромъ велика обида и насиліе, и они по свое дѣло и безсовѣстіе воспріимутъ мзду свою отъ Бога по реченому: яко ты воздаси комуждо по дѣломъ его.» Это не наши слова — это голосъ очевидца, возвысившаго свой слабый голосъ въ защиту порабощеннаго народа.

Понятно, что при такомъ безвыходномъ положеніи, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, въ какомъ находился въ теченіе цѣлыхъ столѣтій болгарскій народъ, при томъ двойномъ игѣ, турецкомъ и фанаріотскомъ, при тѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданіяхъ и мученіяхъ, которыя онъ съ мужествомъ вынесъ на своихъ плечахъ, и которымъ едва ли когда-либо подвергался какой-нибудь другой европейскій народъ, имѣвшій историческое прошедшее, и рѣчи не могло быть объ умственной дѣятельности. Но болгарскій народъ сталъ просыпаться всего только съ первой четверти текущаго столѣтія, когда болгары стали переселяться не только отдѣльными лицами, но цѣлыми семействами, въ сосѣдніе имъ страны: въ Румынію, Сербію, Австрію и Россію. Строго говоря, постепенное выселеніе болгаръ въ названныя страны началось еще съ половины прошлаго столѣтія, но зародышъ новоболгарской письменности относится лишь къ первой четверти нынѣшняго столѣтія, когда впервые стали появляться печатныя книги на болгарскомъ языкѣ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что теперешній письменный болгарскій языкъ относится къ древне-болгарскому (церковно-славянскому), какъ письменный языкъ современныхъ грековъ къ древне-греческому. Первая книга на болгарскомъ языкѣ, неизвѣстно кѣмъ изданная въ 1806 году въ Пештѣ, носитъ заглавіе: «Молитвенный Кринъ». Правда, что гораздо раньше этого въ самой Болгаріи были люди, которые радѣли о книжномъ дѣлѣ и оставили

потомкамъ свои труды. Таковы, напримѣръ, «Исторія Славено-Болгарская» іеромонаха Пансія; «Жизнеописаніе Софронія, архіепископа Врачанскаго», написанное имъ самимъ, въ которомъ онъ описываетъ свои страданія, испытанные имъ отъ тогдашняго терновскаго митрополита, грека Григорія. Изъ этого еще неизданнаго вполнѣ сочиненія видно, что архіепископъ Софроній, проводя остатокъ своей жизни въ Валахіи, написалъ нѣсколько книгъ. Но такія и тому подобныя письменныя произведенія, важныя для исторіи болгарскаго возрожденія и замѣчательныя не только своимъ содержаніемъ, но и внутреннею силою языка, относятся уже къ памятникамъ ближайшей болгарской старины.

Только черезъ восемнадцать лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ первой болгарской книги, названной выше, появилась вторая болгарская книга. Это былъ «Букварь» доктора Петра Беровича, бывшаго тогда окружнымъ инспекторомъ въ Малой Валахіи, составленный и напечатанный имъ въ 1824 году въ Брашовѣ, въ Трансильваніи. Эта книга хотя и носитъ названіе букваря, но, по своему обширному и разнообразному содержанію, скорѣе могла бы быть названа книгою для полезнаго чтенія, тѣмъ болѣе, что она въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ приносила несомнѣнную и огромную пользу болгарскому юношеству,только-что начинавшему тогда учиться своему родному языку. Ровно черезъ годъ послѣ выхода книги Беровича, Анастасій Стояновичъ-Кипиловскій, родомъ изъ города Котла, перевелъ съ русскаго «Священное Цвѣтособраніе» и напечаталъ его въ Пештѣ. Въ томъ же 1825 году Василій Неновичъ издалъ въ Budинѣ «Священную Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта», а Петръ Сапуновъ напечаталъ въ 1826 году въ Букарестѣ свой переводъ «Новаго Завѣта». Были ль еще какія-нибудь болгарскія книги изданы до наступленія тридцатыхъ годовъ — намъ неизвѣстно; но съ наступленіемъ этого времени въ болгарской литературѣ обнаружилась особенная дѣятельность. Это время, по всей справедливости, можно назвать временемъ Юрія Венелина (1802 — 1839) не безъизвѣстнаго въ русской литературѣ, который своими сочиненіями о болгарахъ пріобрѣлъ въ ихъ средѣ неувядаемую славу. Имя этого замѣчательнаго слависта такъ популярно въ Болгаріи, что врядъ ли въ наше время найдется сколько-нибудь развитой болгаринъ, которому были бы неизвѣстны какъ имя Юрія Венелина, такъ и его сочиненія. Въ 1829 году Венелинъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, и вскорѣ послѣ того Россійская Академія отправила его въ Болгарію, гдѣ онъ скоро близко и основательно познакомился съ положеніемъ болгарскаго народа, изучилъ его языкъ, вошолъ въ близкія отношенія со многими изъ болгаръ, особенно въ Букарестѣ, которымъ онъ внушилъ любовь къ родному слову и воскресилъ въ нихъ воспоминанія о славной, давно прошедшей старинѣ. Его сочиненіе «Древніе и нынѣшніе Болгары» произвело сильное впечатлѣніе на болгарскихъ читателей, которые нашли въ его книгѣ тѣ, что до того времени только смутно сознавали и въ чемъ нуждались, какъ въ насущномъ хлѣбѣ. Въ его книгѣ, какъ въ зеркалѣ, увидѣли болгары всю прошедшую историческую жизнь своего народа, всю его старинную славу и отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ къ описаннымъ событіямъ. Его научный взглядъ относительно древнихъ болгаръ, основавшихъ первую династію среди славянъ Балканскаго полуострова, до того пришолся по сердцу современнымъ болгарамъ-славянамъ, что даже въ настоящее время, не смотря на тѣ, что прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ, никто не смѣетъ сказать имъ, что теорія Венелина не выдерживаетъ строгой научной критики. Однимъ словомъ, Венелинъ своими сочиненіями, благотворное вліяніе которыхъ на болгаръ было громадно, создалъ цѣлую школу съ весьма многочисленными послѣдователями, и его научный взглядъ на исторію болгаръ еще долгое время будетъ имѣть среди ихъ перевесъ надъ всякою другою учоною теоріею. Проживавшіе въ это время въ Одессѣ, давно переселившіеся въ Россію болгарскіе уроженцы, негоціанты Василій Априловъ и Николай Палаузовъ, благодаря сочиненіямъ Венелина и его перепискѣ съ ними, совершенно переродились и всю свою дѣятельность обратили на пользу отечества, основавши на собственныя средства въ Габровѣ, своемъ мѣсторожденіи, первое правильно-организованное училище, которое существуетъ и по настоящее время.

Съ этого времени болгарская письменность начинаетъ мало-по-малу оживляться. До тридцатыхъ годовъ вся болгарская литература состояла изъ весьма ничтожнаго числа печатныхъ книгъ; но съ этого времени они перестаютъ быть рѣдкостью. Самымъ дѣятельнымъ труженникомъ ново-болгарской народной литературы является Неофитъ,

іеромонахъ Рыльскаго монастыря. Онъ составилъ и издалъ въ 1835 году, въ Крагуевцѣ, тогдашней столицѣ Сербскаго княжества, «Краткую Болгарскую Грамматику». Затѣмъ, тамъ же и въ томъ же году, издалъ онъ «Таблицы Взаимнаго Обученія», «Краткую Священную Исторію» и «Священный Катихизисъ», а въ Бѣлградѣ — «Краткое изложеніе греческаго языка» и «Службу и житіе преподобнаго отца Іоанна Рыльскаго». Помимо этого, Неофитъ долгое время трудился надъ составленіемъ «Греко-болгарскаго Словаря», а въ 1840 году издалъ въ Смирнѣ свой переводъ «Новаго Завѣта». Переводъ этотъ много лучше перевода Сапунова, но уступаетъ переводу знаменитаго епископа Врачанскаго Софронія. Затѣмъ, могутъ быть указаны еще слѣдующіе дѣятели: Константинъ Огняновичъ, переложившій въ болгарскіе стихи «Житіе св. Алексѣя Божія Человѣка» (Budинъ, 1833), Христофоръ Павловичъ Дупничанинъ, составившій и издавшій «Ариѳметику», «Мѣсяцесловъ», «Разговорникъ Греко-болгарскій», «Писменникъ Общеполезенъ» (Бѣлградъ 1835) и «Болгарскую Грамматику» (Будинъ 1836), другой Неофитъ, архимандритъ Хиландарскаго монастыря, что на Аѳонѣ, составившій небольшую школьную энциклопедію, подъ заглавіемъ: «Славено-Болгарско Дѣтоводство» (Крагуевецъ, 1835), Гавріилъ Крестовичъ, переводчикъ «Мудрости Добраго Рикарда» (Будинъ, 1837) и І. Богоевъ, издавшій небольшой сборникъ народныхъ пѣсенъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ ново-болгарской литературы, имѣвшей преимущественно воспитательный характеръ, многіе изъ молодыхъ болгаръ почувствовали потребность въ болѣе широкомъ умственномъ развитіи и въ болѣе серьозномъ образованіи, въ слѣдствіе чего многіе изъ нихъ отправились въ западную Европу, чтобы поступить въ тамошнія университеты, но болѣе значительное число молодыхъ болгаръ, жаждавшихъ образованія, по извѣстнымъ причинамъ, предпочло Россію и ея среднія и высшія учебныя заведенія, какъ духовныя такъ и свѣтскія. Съ этого времени (1845—1871) число болгарскихъ книгъ съ каждымъ годомъ стало замѣтно увеличиваться, а содержаніе ихъ становиться все болѣе и болѣе строгимъ въ научномъ отношеніи. Но, не смотря на то, что въ означенной періодъ между болгарами появился цѣлый рядъ литературныхъ дѣятелей, въ числѣ которыхъ были и есть писатели съ замѣчательными талантами и серьознымъ образованіемъ, въ современной болгарской литературѣ все-таки преобладаютъ книги воспитательнаго содержанія, особенно учебники по разнымъ отраслямъ науки, потому-что этого требовало самое положеніе болгарскаго народа. Впрочемъ, стали появляться и самостоятельныя, оригинальныя произведенія, какъ поэтическія такъ и прозаическія. Приступая къ исчисленію трудовъ болгарскихъ писателей, дѣйствовавшихъ въ теченіе ближайшихъ къ намъ двадцати пяти лѣтъ, мы начнемъ съ литературныхъ трудовъ Найдена Герова, который окончилъ курсъ наукъ въ бывшемъ Ришельевскомъ Лицеѣ въ Одессѣ (нынѣ Новороссійскій Университетъ). Еще будучи студентомъ, Геровъ издалъ свою небольшую лирическую поэму «Стоянъ и Рада» (Одесса, 1845), которая теперь сдѣлалась библіографическою рѣдкостію. По окончаніи курса, Геровъ возвратился на свою родину, гдѣ и учительствовалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ городѣ Филиппополѣ. Тамъ онъ составилъ, на основаніи разныхъ иностранныхъ и русскихъ сочиненій, весьма полезное для учащагося юношества руководство къ изученію физики, подъ заглавіемъ: «Извлеченія изъ Физики» (Бѣлградъ, 1849), а въ 1852 году издалъ брошюру, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько мыслей о болгарскомъ языкѣ и образованіи». Затѣмъ, онъ въ теченіи многихъ лѣтъ работалъ надъ составленіемъ боргарско-русскаго словаря, часть котораго — именно три первыя буквы — отпечатана была въ 1858 году въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Болгарскій Рѣчникъ».

Одну изъ самыхъ славныхъ страницъ исторіи ново-болгарской письменности составляетъ литературная дѣятельность Петра Славейкова. Этотъ талантливый писатель не получилъ основательнаго школьнаго образованія. Надѣленный отъ природы замѣчательными способностями, онъ, безъ всякой посторонней помощи, образовалъ и обогатилъ себя многосторонними познаніями и, такъ сказать, собственнымъ трудомъ пріобрѣлъ все то̀, что даетъ своимъ слушателямъ хорошая современная школа. Славейковъ совершенно справедливо считается лучшимъ изъ современныхъ болгарскихъ поэтовъ, и пиши онъ въ свободной землѣ — изъ-подъ его поэтическаго пера выходили бы замѣчательныя произведенія. Къ числу дѣятельнѣйшихъ тружениковъ и горячихъ патріотовъ, посвятившихъ всю свою жизнь на пользу отечества, принадлежитъ Георгій Раковскій, умершій въ 1868 году. Лучшее его произведеніе —

«Горскій Путникъ», поэма (Новый Садъ, 1857). Но самую существенную пользу Раковскій оказалъ болгарамъ изданіемъ и редактированіемъ газеты «Дунайскій Лебедь», которая имѣла громадное значеніе въ Болгаріи, не смотря на строгое преслѣдованіе ея со стороны турецкаго правительства. Въ послѣднее время, изъ кружка молодыхъ болгарскихъ писателей пріобрѣли большую извѣстность М. Дриновъ и Любенъ Каравеловъ, воспитанники Московскаго университета. Первый изъ нихъ написалъ и напечаталъ двѣ весьма дѣльныя и полезныя для болгаръ книги, изъ которыхъ одна носитъ заглавіе: «Взглядъ на происхожденіе болгарскаго народа и начало болгарской исторіи», а другая: «Историческое обозрѣніе болгарской церкви съ самаго ея начала и до настоящаго времени». Обѣ эти книги имѣли громадный успѣхъ въ Болгаріи. Каравеловъ, имя котораго не безъизвѣстно и въ русской литературѣ, извѣстенъ какъ издатель весьма полезной книги, подъ заглавіемъ: «Памятники народнаго быта болгаръ», въ составъ которой вошли болгарскія народныя пословицы и народный дневникъ, съ указаніемъ праздниковъ, обрядовъ, легендъ и повѣрій на каждый день въ году, и, въ особенности, какъ редакторъ издающейся въ Бухарестѣ либеральной газеты «Свобода», ввозъ которой въ Турцію запрещонъ подъ страхомъ строгаго наказанія. Изъ молодыхъ болгарскихъ поэтовъ отличаются несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ двое — Чинтуловъ и В. Поповичъ. Къ сожалѣнію, произведенія обоихъ этихъ поэтовъ встрѣчаются весьма рѣдко въ печати, особенно Чинтулова, прекрасныя поэтическія пѣсни котораго ходятъ въ Болгаріи по рукамъ во множествѣ списковъ.

Мы могли бы привести еще нѣсколько десятковъ именъ болгарскихъ писателей, постоянною цѣлью которыхъ было и есть постепенное развитіе своего народа, но значительное большинство ихъ, чтобы не сказать: исключительно всѣ, трудились и трудятся надъ составленіемъ всевозможныхъ элементарныхъ учебниковъ, начиная съ букваря и оканчивая переводомъ «Опытной Физики» Гано. Въ современной болгарской письменности преобладаетъ нравственно-воспитательный элементъ, и эта педагогическая литература въ настоящее время насчитываетъ около трехъ сотъ руководствъ различныхъ названій, по части отечественнаго языка, исторіи, математики, географіи, закона Божія, иностранныхъ языковъ и проч. При этомъ нельзя не замѣтить, что при составленіи учебниковъ берутся преимущественно русскія руководства, которыя или передѣлываются, или переводятся цѣликомъ. Какъ составители и переводчики руководствъ заслуживаютъ быть упомянутыми: Пареній Зографскій, бывшій архимандритъ, а нынѣ архіепископъ, І. Груевъ, Д. Манчевъ, Д. Войниковъ, И. Момчиловъ, С. Радуловъ, Н. Михайловскій, И. Богоровъ, А. Робовскій и Д. Мутьевъ. Не смотря на то, что почти всѣ наличныя силы болгарской литературы были посвящены педагогической дѣятельности, изъ среды болгарской пишущей братіи, начиная съ сороковыхъ годовъ, стали выдѣлятся и переводчики по части беллетристики, причемъ не обошлось безъ переводовъ съ русскаго. Около того же времени были сдѣланы попытки создать оригинальную болгарскую беллетристику: было написано нѣсколько повѣстей и разсказовъ, изъ которыхъ можно указать на повѣсти: Р. Блескова «Пропавшая Станко», І. Груева «Сирота Цвѣтана» и, въ особенности, на слѣдующіе разсказы Л. Каравелова: «Бабушка Неда», «Дончо» и «Хаджи Начо». Вообще, Каравеловъ владѣетъ прекрасно перомъ и обладаетъ способностью привлекательно и вѣрно изображать народный бытъ болгаръ. Нѣкоторые изъ его повѣстей и разсказовъ переведены на сербскій языкъ. Наконецъ, въ послѣднее время сдѣлана была попытка къ созданію болгарскаго театра, рожденію котораго предшествовало появленіе въ печати нѣсколькихъ драматическихъ произведеній, для которыхъ сюжетъ былъ заимствованъ изъ болгарской исторіи. Изъ нихъ заслуживаютъ упоминовенья слѣдующія три драмы Д. Войникова, который написалъ ихъ для упомянутой цѣли: «Княжна Райна», «Крещеніе Преславскаго Двора» и «Велислава, Болгарская Княгиня». Всѣ эти драматическія произведенія давались на частномъ театрѣ въ Браиловѣ и роли исполнялись исключительно молодыми болгарами и болгарками, а сборъ былъ предоставленъ въ пользу болгарскаго училища.

Теперь перейдемъ къ болгарскимъ журналамъ и газетамъ, съ исключительно литературнымъ и учонымъ содержаніемъ. Болгарская періодическая печать раздѣляется на двѣ группы. Къ первой относятся газеты, издающіяся въ Константинополѣ, подъ гнётомъ турецкихъ законовъ о печати, которые не позволяютъ редакціямъ имѣть свое сужденіе о положеніи дѣлъ въ турецкомъ государствѣ, и въ тоже время требуютъ, чтобы

журналистика съ одной стороны представляла положеніе этого государства въ самомъ лучшемъ видѣ, а съ другой — поносила бы Россію и русскій народъ, рисуя его самыми чорными красками. Къ второй группѣ относятся болгарскія газеты, выходящія въ Придунайскихъ Соединенныхъ Княжествахъ, гдѣ пишущіе болгары имѣютъ возможность писать свободно и обнаруживать всѣ злоупотребленія какъ турецкихъ властей, такъ и турецкаго народа. Но эти газеты недоступны для болгаръ, населяющихъ Европейскую Турцію, вслѣдствіе чего мало достигаютъ своей цѣли и имѣютъ весьма ограниченное число читателей. Вообще, болгарская журналистика отличается своею неживучестью. Если бы всѣ газеты, издававшіяся въ теченіе ближайшаго къ намъ двадцатилѣтія, существовали до-сихъ-поръ, то теперь болгары имѣли бы около двадцати газетъ и журналовъ — цифра весьма почтенная для пятимилліоннаго народа, который сталъ просыпаться отъ слишкомъ четырехъ вѣкового сна всего только со второй четверти текущаго столѣтія. Къ сожалѣнію, ни одна болгарская газета, за исключеніемъ «Цареградскаго Вѣстника», не прожила болѣе двухъ лѣтъ, и всѣ онѣ погибли единственно отъ недостатка въ подписчикахъ. Такова въ немногихъ словахъ внѣшняя исторія болгарской періодической печати за послѣднее двадцатилѣтіе. Приступаемъ къ исчисленію болгарскихъ газетъ и журналовъ.

Спустя два мѣсяца по выходѣ въ свѣтъ альманаха «Забавникъ», изданнаго въ 1845 году К. Огняновымъ въ Парижѣ, въ Смирнѣ вышелъ первый нумеръ перваго болгарскаго журнала «Любословіе», подъ редакціею К. Фотинова, котораго можно назвать основателемъ болгарской журналистики. Два или три года спустя, въ Вѣнѣ сталъ выходить другой журналъ, подъ заглавіемъ «Мірозрѣніе», подъ редакціею И. Добровича. Но этотъ журналъ существовалъ не долго. Въ 1849 году въ Константинополѣ появилась первая болгарская политическая и литературная газета «Цареградскій Вѣстникъ», редакторомъ-издателемъ который былъ Алексѣй Экзархъ. Эта газета просуществовала тринадцать лѣтъ и принесла существенную пользу болгарскому народу, съумѣвъ внушить своимъ читателямъ любовь къ чтенію и убѣдить въ его пользѣ. Но особенную пользу принесла эта газета своими статьями противъ западной католической пропаганды, изобличая всѣ ея пагубныя для болгаръ дѣйствія и интриги, горячо увѣщевая народъ свято блюсти вѣру праотцевъ. Противъ нея, въ 1860 году, выступила газета «Болгарія», основанная на деньги католической пропаганды, подъ редакціею Д. Цанкова, приверженца уніи. Во все время существованія этой газеты «Цареградскій Вѣстникъ» не переставалъ съ замѣчательною энергіею ратовать противъ нея, объясняя болгарскимъ читателямъ, что газета «Болгарія» есть органъ католической пропаганды, и потому ее слѣдуетъ всячески остерегаться и не довѣрять ея проповѣдямъ. Впрочемъ, «Болгарія» не нашла между болгарами ни малѣйшаго сочувствія и принуждена была прекратить свое жалкое существованіе. Еще до появленія названной газеты, именно въ 1857 году, образовалось въ Константинополѣ, изъ живущихъ тамъ болгаръ, Общество Болгарской Письменности, избравшее цѣлью своей дѣятельности — снабженіе церквей и училищъ необходимыми книгами по дешевой цѣнѣ и собираніе памятниковъ народнаго языка. Затѣмъ, въ началѣ 1858 года, Общество стало издавать журналъ, подъ названіемъ «Болгарскія Книжицы», который выходилъ по два раза въ мѣсяцъ. Первымъ редакторомъ этого журнала былъ Д. Мутьевъ, котораго въ концѣ года замѣнилъ И. Богоровъ; въ началѣ же 1859 года журналъ окончательно перешолъ подъ редакцію Т. Стоянова-Бурмова, воспитанника Кіевской Духовной Академіи. Въ этомъ полезномъ изданіи, съ весьма разнообразнымъ содержаніемъ, помѣщались очень дѣльныя статьи, какъ переводныя, такъ и оригинальныя.

Въ 1862 году журналъ «Болгарскія Книжицы», истощивъ всѣ свои средства, долженъ былъ прекратить свое существованіе. Тѣмъ не менѣе болгарскія газеты не переставали возникать. Въ 1860 году болгарскіе студенты Московскаго университета предприняли на собственныя средства изданіе небольшого журнала чисто литературнаго содержанія, подъ названіемъ «Братскій Трудъ». Въ этомъ изданіи помѣщались литературные опыты тогдашнихъ болгарскихъ студентовъ Московскаго университета: В. Поповича, Г. Теохарова, К. Миладинова, Л. Каравелова, К. Жинзифова и другихъ. Затѣмъ, извѣстный болгарскій патріотъ Раковскій основалъ въ Бѣлградѣ газету, подъ названіемъ «Дунайскій Лебедь», которая печаталась на двухъ языкахъ: болгарскомъ и французскомъ. Эта газета принесла огромную пользу болгарамъ, такъ-какъ талантливый редакторъ ея своимъ ис-

кусным пером много способствовал успѣху борьбы против попыток западной католической пропаганды водворить въ Болгаріи унію. Помимо этого, покойный редакторъ названной газеты энергически ратовалъ противъ интригъ польскихъ эмигрантовъ, дѣянія которыхъ онъ изложилъ довольно подробно въ нѣсколькихъ статьяхъ. Но бомбардированіе Бѣлграда турками отвлекло вниманіе Раковскаго отъ литературы: занявшись формированіемъ болгарскаго легіона, онъ скоро нашолся вынужденымъ прекратить свою газету, которая болѣе не возобновлялась. Въ 1863 году нѣсколько лицъ изъ болгарскихъ купцовъ въ Браиловѣ, въ Валахіи, образовали общество съ цѣлью издавать газету на акціяхъ. И дѣйствительно въ концѣ мая того же года въ Браиловѣ стала выходить новая газета, политическая, литературная и комерческая, подъ названіемъ «Болгарская Пчела», въ редакторы которой былъ избранъ С. Попеско. Газета, послѣ двухлѣтняго существованія, прекратилась, за неимѣніемъ достаточнаго числа подписчиковъ. Почти одновременно съ «Пчелою», по прекращеніи журнала «Болгарскія Книжицы», появилась въ Константинополѣ другая политическая и литературная газета, подъ названіемъ «Совѣтникъ». Изданіе было предпринято нѣсколькими зажиточными болгарскими негоціантами, безъ означенія фамиліи редактора. Газета эта, кромѣ политики, занималась главнымъ образомъ разработкою греко-болгарскаго церковнаго вопроса и полемикою съ греческою журналистикой по поводу онаго. И эта газета тоже не прожила болѣе двухъ лѣтъ; ее замѣнило, въ 1855 году, «Время», редакторомъ-издателемъ котораго былъ Т. Стояновъ-Бурмовъ, человѣкъ даровитый и серьозно-образованный. Это періодическое изданіе особенно замѣчательно тѣмъ, что редакторъ его умѣлъ весьма искусно проводить въ кружокъ своихъ читателей мысли весьма полезныя для болгаръ, но которыя — будь высказаны въ иномъ видѣ — едва ли бы прошли невредимыми чрезъ чистилище турецкой цензуры. Но главная заслуга редактора заключалась въ умѣньи вести разумную полемику съ греческими газетами по поводу болгарскаго церковнаго вопроса и въ успѣшной борьбѣ противъ западныхъ религіозныхъ пропагандъ. Газета «Турція», предпринятая молодымъ турецкимъ чиновникомъ Н. Геновичемъ, не задолго до появленія въ свѣтъ «Времяни», какъ получающая субсидію отъ правительства, продолжаетъ издаваться и въ настоящее время. «Турція» есть органъ, хотя и не оффиціальный, турецкаго правительства, и ея задача — курить ѳиміамъ ему и турецкимъ сановникамъ, да еще распространять между болгарами разныя нелѣпости и небылицы о Россіи. Но, не смотря на это, «Турція» не имѣла и не имѣетъ вліянія на своихъ читателей. Къ этому времени относится появленіе въ Константинополѣ крошечнаго журнала «Зарница», издающагося до-сихъ-поръ Американскимъ Обществомъ. Она выходитъ разъ въ мѣсяцъ и помѣщаетъ на своихъ страницахъ только статьи нравственно-религіознаго содержанія.

Въ 1863 году выступилъ на поприще болгарской журналистики извѣстный всему болгарскому читающему міру поэтъ П. Славейковъ. Свою полезную журнальную дѣятельность началъ онъ изданіемъ сатирическаго журнала «Волынка»; но видно сатира плохо дѣйствовала на болгаръ, такъ-какъ Славейковъ, послѣ трехлѣтнихъ трудовъ надъ своей «Волынкой», нашолъ болѣе полезнымъ и цѣлесообразнымъ предпринять другое періодическое изданіе, политическаго и литературнаго содержанія. И дѣйствительно Славейковъ, съ 1866 года, сталъ издавать въ Константинополѣ новую газету, подъ названіемъ «Македонія», поставившую своею задачею — содѣйствовать пробужденію македонскихъ болгаръ, всего болѣе пострадавшихъ отъ вліянія грецизма. По этому въ «Македоніи» весьма часто, рядомъ съ статьями на болгарскомъ языкѣ, встрѣчаются статьи на греческомъ и даже на македонскомъ нарѣчіи, написанныя греческими буквами. Польза, приносимая упомянутой газетою, на ряду съ другими болгарскими періодическими изданіями, болгарскому народу — несомнѣнна и громадна, и не смотря на всю строгость турецкаго правительства, на многократныя запрещенія на три и четыре мѣсяца, «Македонія» все продолжаетъ выходить. Наконецъ, въ 1867 году стала издаваться въ Константинополѣ еще одна — также очень полезная — газета «Право», подъ редакціею И. Найденова, старшаго учителя въ константинопольскомъ болгарскомъ училищѣ.

Съ другой стороны болгарская періодическая печать стала еще болѣе обогащаться изданіями, выходящими внѣ предѣловъ Турціи, именно въ Придунайскихъ Соединенныхъ Княжествахъ, гдѣ болгарскіе писатели могутъ излагать свои мысли совершенно свободно. Въ 1864 году, сперва въ Браиловѣ, а потомъ въ Болградѣ, сталъ выходить разъ въ мѣсяцъ небольшой журналъ «Ду-

ховныя Книжки», подъ редакціею Р. Блескова, содержаніе котораго было чисто духовное. Онъ прекратился на второмъ году своего существованія, все по той же причинѣ, то-есть за неимѣніемъ средствъ. Затѣмъ, въ Букарестѣ, въ октябрѣ 1867 года, возникла политическая и литературная газета «Народность», редакторами которой были сперва И. Богоровъ, потомъ И. Грудовъ и наконецъ І. Касабовъ, при которомъ газета прекратилась, просуществовавъ не болѣе двухъ лѣтъ. Ее съ 1-го августа 1869 года замѣнила газета «Отечество», издающаяся въ Букарестѣ же на двухъ языкахъ: болгарскомъ и румынскомъ. Она поддерживается нѣкоторыми изъ болгарскихъ купцовъ и есть органъ такъ-называемой *старой* партіи, враждебной партіи молодыхъ болгаръ, которая въ свою очередь въ концѣ того же года основала свою газету, подъ названіемъ «Свобода», редакторомъ которой состоитъ извѣстный отчасти и русской публикѣ Л. Каравеловъ. Направленіе ея антитурецкое въ полномъ смыслѣ слова, а цѣль — доказать болгарамъ, что они должны всѣ свои надежды возложить на самихъ себя и не ждать ничего хорошаго отъ турецкаго правительства. Къ сожалѣнію, ввозъ этой замѣчательной газеты въ Россію, по причинамъ о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, съ мая мѣсяца 1870 года воспрещенъ, не смотря на то, что она весьма благопріятствуетъ русскимъ. Кромѣ того, въ Браиловѣ, въ 1868 году, выходили еще двѣ газеты: «Дунайская Заря», редакторомъ которой былъ мѣстный болгарскій учитель Д. Войниковъ и «Путникъ», подъ редакціею Б. Запрянова. Обѣ эти газеты прекратились въ августѣ прошлаго года. Но главное украшеніе болгарской періодической печати составляютъ два недавно появившихся журнала: «Періодическое Сочиненіе» и «Читалище», изъ которыхъ первое выходитъ въ Браиловѣ, а второе въ Константинополѣ. Возникновенію перваго журнала предшествовало основаніе въ Браиловѣ болгарскаго литературнаго общества, цѣль котораго служить дѣлу нравственнаго развитія и преуспѣянія болгарскаго народа. Года три тому назадъ нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ болгаръ, живущихъ въ Одессѣ, Кишиневѣ, Болградѣ, Букарестѣ, Браиловѣ, Вѣнѣ и Галацѣ, пожертвовали весьма почтенную сумму, слишкомъ 200,000 франковъ, для основанія Болгарскаго Литературнаго Общества. Изъ этой суммы одесскіе болгары, въ числѣ сорока двухъ человѣкъ, пожертвовали около 20,000 руб., изъ которыхъ 18,811 единовременно, а 805 руб. будутъ вносимы ежегодно во все время существованія общества; кишиневскіе болгары, въ числѣ шестнадцати человѣкъ, пожертвовали 1,725 руб., браиловскими болгарами и болгарками пожертвовано около 25,000 руб.; остальная же сумма собрана между болгарами, живущими въ Букарестѣ, Болградѣ, Вѣнѣ и Галацѣ, такъ-что основной капиталъ общества состоитъ изъ 60,000 руб. Затѣмъ, 26-го сентября 1869 года состоялся въ Браиловѣ съѣздъ представителей общинъ отъ каждаго изъ поименованныхъ выше городовъ, причемъ былъ составленъ и одобренъ уставъ общества и избраны предсѣдатель (Н. Цѣновъ) и члены, для завѣдыванья административною частію общества и разрѣшонъ вопросъ объ изданіи журнала, подъ заглавіемъ: «Періодическое Сочиненіе», первая книжка котораго вышла въ сентябрѣ 1870 года. Съ 1-го октября 1870 года, какъ упомянуто выше, сталъ выходить въ Константинополѣ новый журналъ, занявшій мѣсто прекратившихся «Болгарскихъ Книжицъ», подъ названемъ «Читалище», редакторъ М. Балабановъ. Журналъ этотъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Наконецъ, съ октября 1870 года, въ Браиловѣ сталъ издаваться еще журналъ, подъ названіемъ: «Мірозрѣніе или Болгарскій Инвалидъ», подъ редакціею И. Добровскаго, а въ Букарестѣ Р. Блесковъ предпринялъ изданіе новой газеты, литературнаго содержанія, подъ заглавіемъ «Училище», которая выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Къ числу болгарскихъ журналовъ можно отнести еще одно весьма полезное для болгаръ изданіе, а именно «Лѣтоструй или домашній календарь», издаваемый ежегодно Хр. Дановымъ, первымъ и единственнымъ болгарскимъ книгопродавцемъ, который своею неутомимою дѣятельностію по части изданія иностранныхъ учебниковъ и другихъ полезныхъ книгъ оказалъ весьма важную услугу своему народу. «Лѣтоструй» сталъ выходить съ 1869 года.

К. Жинзифовъ.

БОЛГАРСКІЕ ПОЭТЫ.

Г. РАКОВСКІЙ.

Георгій Раковскій, сынъ зажиточнаго болгарскаго крестьянина и болгарскій поэтъ, родился въ началѣ текущаго столѣтія въ Котелѣ, въ Сневненскомъ округѣ, въ Болгаріи. Первоначальное и притомъ весьма скудное образованіе получилъ онъ въ своемъ отечествѣ, разумѣется на греческомъ языкѣ, такъ-какъ въ то время на всемъ Балканскомъ полуостровѣ господствовалъ одинъ этотъ языкъ, а болгарскій преподавался только въ нѣсколькихъ монастыряхъ, лежавшихъ подальше отъ городовъ. Намъ ничего не извѣстно о его первой молодости и дальнѣйшемъ его образованіи до пятидесятыхъ годовъ, когда имя Раковскаго стало дѣлаться извѣстнымъ въ Болгаріи. Не подлежитъ сомнѣнію только тò, что Раковскій докончилъ свое образованіе и пріобрѣлъ необходимыя практическія свѣдѣнія въ Россіи, но въ какихъ годахъ и въ какомъ учебномъ заведеніи — это пока трудно сказать. Раковскій былъ всегда однимъ изъ ревностнѣйшихъ болгарскихъ патріотовъ, искренно любившихъ свое отечество, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей, способствовавшихъ умственному и нравственному развитію болгарскаго народа. Это былъ человѣкъ прочнаго образованія: онъ зналъ основательно языки древне-греческій, арабскій, древне-славянскій, сербскій и другія славянскія нарѣчія, отлично владѣлъ языками русскимъ, турецкимъ и ново-греческимъ, говорилъ и писалъ по-французски и даже былъ знакомъ съ санскритскимъ языкомъ. Имя его было хорошо извѣстно не только между болгарами, но и среди сербовъ и хорватовъ. Во время восточной войны онъ издавалъ въ Новомъ-Садѣ «Болгарскую Денницу» которая вскорѣ была запрещена австрійскимъ правительствомъ, которому не понравилось направленіе этой газеты. Въ 1856 году онъ издалъ въ томъ же Новомъ-Садѣ небольшую брошюру, подъ заглавіемъ: «Предвѣстникъ къ Горскому Путнику», въ которой изложилъ свои мысли о событіяхъ въ Болгаріи съ 1853 по 1856 годъ, а въ приложеніи помѣстилъ нѣсколько своихъ стихотвореній, въ патріотическомъ духѣ, и переводную статью съ нѣмецкаго: «О просвѣщеніи въ Турціи» съ каррикатурами. Въ слѣдующемъ году явилась въ свѣтъ его патріотическая поэма «Горскій Путникъ», имѣвшая огромный успѣхъ въ Болгаріи. Затѣмъ, онъ сталъ издавать новую политическую газету: «Дунайскій Лебедь», но и она не долго существовала. Въ 1858 году Раковскій отправился въ Одессу, гдѣ получилъ мѣсто наставника молодыхъ болгаръ, воспитывавшихся въ тамошней духовной семинаріи, и въ слѣдующемъ же году издалъ свою чрезвычайно-полезную книгу: «Показалецъ или руководство для изслѣдованія народнаго быта, языка и проч. Болгаръ», въ которой, кромѣ програмны изслѣдованія народнаго быта, языка, обычаевъ и проч., находится и выполненіе этой этнографической задачи: географическія и статистическія свѣдѣнія о народѣ, его занятіяхъ, земледѣліи и промышленности, нравахъ и обычаяхъ, преданіяхъ и народной поэзіи. Затѣмъ, Раковскій оставилъ Одессу и поселился въ Сербіи, въ Бѣлградѣ, гдѣ во второй разъ принялся за изданіе «Дунайскаго Лебедя», единственной болгарской газеты, въ которой помѣщались весьма замѣчательныя статьи по разнымъ вопросамъ, занимавшимъ въ

то время всѣхъ мыслившихъ болгаръ и очень дѣльно обсуждался церковный вопросъ; но газета эта, къ крайнему сожалѣнію болгаръ, просуществовала всего годъ. Въ 1860 году Раковскій напечаталъ въ Бѣлградѣ историческое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ объ Асѣнѣ Первомъ, великомъ царѣ болгарскомъ и его сынѣ Асѣнѣ Второмъ». Авторъ начинаетъ съ того, что бросаетъ бѣглый критическій взглядъ на византійскихъ историковъ и обличаетъ ихъ въ пристрастіи и невѣрности. Затѣмъ, излагаетъ исторію царствованія двухъ болгарскихъ царей на основаніи болгарскихъ памятниковъ, какъ изданныхъ, такъ и рукописныхъ и ихъ дѣятельность во время крестовыхъ походовъ, причемъ доказываетъ сбивчивость и невѣрность всего написаннаго о нихъ въ среднія вѣка. Во время послѣдняго бомбардированія сербской столицы турками, Раковскій былъ въ главѣ болгарскаго отряда, явившагося на защиту Бѣлграда. Затѣмъ, онъ уѣхалъ въ Бухарестъ, гдѣ вскорѣ и окончилъ свою трудовую и многострадальную жизнь. Онъ умеръ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1868 года — и тамошніе болгары похоронили его съ подобающею честью.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГОРНЫЙ ПУТНИКЪ».

Надъ моремъ стоитъ воевода,
Болгарскій воитель стоитъ,
И, крѣпкую думая думу,
Печально на Сѣверъ глядитъ.

Встаютъ передъ нимъ, какъ видѣнья,
Прошедшіе, славные дни:
Онъ мыслитъ о горномъ возстаньи,
Что манитъ его искони.

«Ой, любо съ болгарской дружиной
Скитаться въ нагорныхъ лѣсахъ
И въ битвѣ встрѣчать супостатовъ,
Съ булатною саблей въ рукахъ!

«На каждомъ широкое платье —
Старинный, народный уборъ,
У каждаго блещетъ оружье,
И всѣ — молодцы на подборъ.

«Въ рукахъ боевая винтовка,
На поясѣ пуговицъ рядъ,
За поясомъ ножъ, пистолеты,
Какъ ясное солнце, горятъ.

«Иду я въ главѣ ополченья,
За мной знаменосецъ сѣдой:
Подъ злато-зеленой хоругвью
Проходимъ Балканы грозой.

«Гдѣ бьётся болгаринъ съ невѣрнымъ
Въ прохладныхъ нагорныхъ лѣсахъ,
Тамъ зыблется знамя свободы,
Тамъ цѣпи ложатся во прахъ.

«О, соколъ, могучая птица!
Живешь ты въ гранитныхъ стѣнахъ
Съ подругой, съ своими птенцами,
Въ сосѣдствѣ съ орлами въ горахъ.

«Туда помоги мнѣ, о Боже,
Пробраться съ дружиной моей,
Чтобъ съ братьями тамъ мнѣ сойтися
Подъ сѣнью нависшихъ вѣтвей!

«Чего они ждутъ такъ упорно?
Чего они крѣпко такъ спятъ?
Кто ихъ бѣдняковъ пожалѣетъ,
Когда они сами молчатъ?

«Туда! — не теряйте минуты!
Отчизна насъ кличетъ, зоветъ!
Удѣлъ нашъ — лѣса и стремнины:
Тамъ наша свобода живетъ.

«Возстанетъ могучее племя,
Рука упадетъ на курокъ —
И снова воскресшую славу
Украситъ побѣдный вѣнокъ...»

Н. Гербель.

П. СЛАВЕЙКОВЪ.

Петръ Славейковъ, первый изъ современныхъ болгарскихъ поэтовъ, родился въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія въ большомъ селѣ Эленѣ, недалеко отъ города Тернова, въ небогатой крестьянской семьѣ. Въ то время надъ всею Болгаріею стоялъ густой туманъ невѣжества, и молодой Славейковъ, при всей своей любознательности, могъ только выучиться читать церковно-славянскія книги и писать на разговорномъ народномъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе молодой поэтъ, благодаря талантливости своей натуры, въ короткое время

и безъ всякой посторонней помощи, достигъ извѣстной степени умственнаго развитія и пріобрѣлъ необходимыя свѣдѣнія. Всю свою молодость и возмужалость Славейковъ посвятилъ учительствованію въ разныхъ городахъ Болгаріи. Обладая замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ, Славейковъ написалъ цѣлый рядъ прелестныхъ пѣсней, преимущественно любовнаго содержанія, которыя вскорѣ сдѣлались народными. Собраніе его стихотвореній издано было въ Букарестѣ въ 1852 году, подъ заглавіемъ: «Смѣшанный Букетъ». Въ этомъ же году и въ томъ же городѣ напечатанъ былъ его «Басненикъ», то-есть сборникъ басней. Спустя три года, Славейковъ составилъ и издалъ «Сокращенную Турецкую Исторію», книгу не отличающуюся особеннымъ достоинствомъ. Но его болѣе обширная дѣятельность на поприщѣ болгарской письменности началась съ 1857 года, когда онъ переселился въ Константинополь, въ качествѣ народнаго представителя отъ терновской епархіи по греко-болгарскому церковному вопросу. Въ слѣдующемъ году появились въ Константинополѣ его «Разсказы изъ Исторіи»; но гораздо большее впечатлѣніе произвели его «Смѣшные (сатирическіе) Календари» на 1857 и 1861 года, въ которыхъ авторъ искусно рисуетъ разныя смѣшныя стороны болгарскихъ общинъ. Эти календари съ жадностью читались по болгарскимъ городамъ и селеньямъ, и въ настоящее время едва ли найдется грамотный болгаринъ, которому не были бы извѣстны «Сатирическіе Календари» Славейкова. Но чѣмъ онъ истинно заслужилъ благодарность своихъ согражданъ, то это — своею неутомимою дѣятельностію на поприщѣ журналистики, которая сопровождается въ Турціи разнообразными и тягостными условіями, для преодолѣнія которыхъ нуженъ твердый характеръ и сила воли. Въ 1863 году Славейковъ основалъ въ Константинополѣ сатирическую газету, подъ названіемъ «Волынка», которая издавалась въ теченія двухъ лѣтъ и въ которой талантливый редакторъ своимъ меткимъ перомъ безпощадно каралъ всѣ смѣшныя стороны болгарскаго общества и обнаруживалъ всѣ его недостатки. Но двухлѣтній опытъ убѣдилъ наконецъ Славейкова, что далеко не всѣ болгары по степени своего развитія могутъ понимать значеніе сатиры — и изданіе должно было прекратиться за недостаткомъ подписчиковъ. Въ концѣ 1866 года Славейковъ основалъ новую газету, политическую и литературную, подъ заглавіемъ «Македонія». Уже одно названіе газеты показываетъ, что редакторъ предпринялъ это изданіе съ задушевною мыслію содѣйствовать всѣми отъ него зависящими средствами развитію патріотизма и національности у болгаръ, населяющихъ Македонію — и цѣль эта была до извѣстной степени достигнута. Въ названной газетѣ находится множество прекрасныхъ и дѣльныхъ статей по различнымъ вопросамъ, касательно положенія болгарскаго народа въ Турціи. Въ ней иногда печатались статьи не только на болгарскомъ языкѣ, но и въ греческомъ переводѣ. Это дѣлалось отчасти для редакторовъ греческихъ газетъ, а отчасти и для тѣхъ македонскихъ болгаръ-стариковъ, которые не умѣютъ читать по-славянски. Въ теченіе четырехлѣтняго своего существованія, газета «Македонія» нѣсколько разъ подвергалась административной карѣ со стороны турецкаго правительства. Послѣдняя изъ этихъ каръ разразилась надъ нею 19-го октября 1870 года, въ видѣ запрещенія газеты на три мѣсяца, за статью, въ которой, по словамъ турецкаго министра, редакторъ яко бы приглашалъ болгаръ возстать противъ существующихъ турецкихъ порядковъ.

I.

НЕ ПОЕТСЯ МНѢ.

Не поётся мнѣ! такъ смутно что-то!
И какая пѣть теперь охота!
О лѣтахъ минувшихъ пѣть начну ли:
Кто услышитъ, коли всѣ заснули?
Стану славить доблести былого:
Имъ отзыву нѣту никакого!
Я запѣлъ бы, братья, я бы грянулъ
Вамъ на лирѣ, кабы край воспрянулъ;
Да не встать ему: онъ тяжко дремлетъ
И давно пѣвцамъ своимъ не внемлетъ;
Запоешь, а родичи нерады...
Нѣтъ пѣвцу отрады и награды!

Бью по струнамъ лиры — трудъ напрасный:
Мнѣ не вызвать пѣсни сладкогласной!
И къ чему возвышенные тоны,
Коль нужнѣе горькій плачъ и стоны,
Дребезжанье, визгъ разбитой лиры...
Нѣтъ героевъ! бѣдны мы и сиры;
Все, что въ краѣ доблестнаго было,
Улеглося, вѣчнымъ сномъ почило;

Что̀ живетъ, то — жалко, равнодушно
Къ прошлой славѣ и ярму послушно,
О свободѣ не скорбитъ, не ноетъ —
И ей-богу пѣть объ нихъ не сто̀итъ!

Пѣснью той я края не утѣшу...
Лучше лиру смолкшую повѣшу
Между горъ, среди лѣсовъ дремучихъ,
На сучкахъ увядшихъ и колючихъ:
Пусть объ ней Болгарія не слышитъ,
Пусть лишь вѣтеръ тамъ ее колышетъ —
До иныхъ, до новыхъ поколѣній,
Для другихъ, для лучшихъ вдохновеній!

Н. Бергъ.

II.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТЮРЬМЫ.

Пусть теперь услышитъ
Мать моя родная,
Что сижу тутъ, горькій,
Плача и стеная.

Знаетъ Богъ, какъ въ узахъ
Здѣсь я очутился
И какой виною
Туркамъ провинился.

Не измѣнникъ лютый
Я родному краю:
За одну лишь правду
Здѣсь я умираю!

Не съ мечомъ, не кривдой —
Будь тебѣ извѣстно —
Шолъ я къ этой правдѣ
Доблестно и честно.

Нѣтъ слѣдовъ кровавыхъ
На моей десницѣ...
Выду ли я нà свѣтъ,
Иль сгнію въ темницѣ —

Только ты, родная,
Не печалься пуще:
Бодрствуетъ надъ нами
Въ небѣ Всемогущій!

Н. Бергъ.

III.

НАЙДЕНЪ-ГЕРОВУ.

Милый другъ, юнакъ мой вѣщій,
Скорбный, горестный поэтъ!
Я услышалъ здѣсь твой голосъ —
Другъ мой, вотъ тебѣ отвѣтъ:

Съ-той-поры, какъ мы разстались,
Вѣренъ ты своей мечтѣ:
Ты гремишь на страстной лирѣ
Гимны дѣвѣ-красотѣ.

И она, твоя подруга,
И она не измѣнитъ:
Будетъ вѣрною, покуда
Солнце свѣтитъ, міръ стоитъ.

Милый другъ, юнакъ мой вѣщій!
Посмотри ты, посмотри,
Какъ глядитъ она въ окошко
Отъ зари и до зари.

Ждетъ тебя и поджидаетъ,
Отойдти не хочетъ прочь;
О тебѣ она горюетъ,
Плачетъ день она и ночь.

Бьётся чистою любовью
Сердце пламенное въ ней;
Ты одинъ у ней на свѣтѣ,
Нѣтъ другихъ у ней друзей.

А повѣетъ, дунетъ вѣтеръ:
Онъ на легкихъ на крылахъ
Ей несетъ воспоминанья
О былыхъ, о лучшихъ дняхъ.

Такъ! вѣрна твоя подруга,
Вѣкъ тебѣ не измѣнитъ...
Слышишь, другъ, юнакъ мой вѣщій,
Слышишь, что она твердитъ:

«Мой возлюбленный — волшебникъ:
Зачарована я имъ!
Мнѣ и свѣту не увидѣть,
Коль спознаюсь я съ другимъ!»

Н. Бергъ.

IV.

ПѢСНЯ.

Незабвенная! донынѣ
Помню я печальный гласъ;
Помню я: передъ разлукой
Живо рѣчь текла у насъ.

Слёзы горькія бѣжали,
Вздымалась тяжко грудь;
Думалъ я: хотя немного
Погоди пускаться въ путь!

Ты лицо свое закрыла —
И румянецъ вспыхнулъ въ немъ:
О, какъ ты была прелестна,
Вся пылавшая огнемъ!

Помню я твое смятенье...
Этотъ трепетъ... дѣтскій стыдъ...
Поцалуй твой — онъ донынѣ
На устахъ моихъ горитъ!

Н. Бергъ.

Л. КАРАВЕЛОВЪ.

Любенъ Каравеловъ родился въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія отъ зажиточныхъ родителей-поселянъ, занимавшихся овцеводствомъ въ Копривштицѣ, небольшомъ селеньи, лежащемъ у подошвы горы, составляющей границу между Ѳракіей и Болгаріей. Такъ-какъ рожденіе Каравелова совпало съ началомъ возрожденія болгарской народности и литературы, то и первоначальное воспитаніе, которое онъ получилъ въ своемъ родномъ селеньи, было въ народномъ духѣ и на болгарскомъ языкѣ. Правда, въ Капривштицѣ, какъ равно и въ сосѣднемъ съ нимъ селѣ Панагерищѣ, обученіе дѣтей славянской грамотѣ не прекращалось никогда, тѣмъ не менѣе обученіе это было крайне скудное, такъ-какъ въ тѣ времена каждый мальчикъ, поступавшій въ болгарское народное училище, начиналъ свое ученіе съ букваря на церковно-славянскомъ языкѣ, въ которомъ за азбукой слѣдовали слоги изъ двухъ, трехъ, четырехъ и т. д. буквъ, односложныя, двусложныя и т. д. слова и, наконецъ, молитвы: *Отче нашъ*, *Богородице Дѣво*, *Достойно есть*, *Царю небесный*, *Вѣрую* и проч. Затѣмъ, ученикъ принимался за изученіе «Наустницы» («Часослова»), отъ которой переходилъ къ чтенію «Ветхаго Завѣта», «Псалтыря», «Апостола» и заканчивалъ свое образованіе усвоеніемъ первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики. Если же отцу, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, хотѣлось дать своему сыну сравнительно болѣе обширное образованіе, то онъ долженъ былъ отправить его въ какой-нибудь близкій или отдаленный городъ, въ которомъ существовало греческое училище. Въ немъ молодой болгаринъ учился въ теченіе пяти или шести лѣтъ исключительно одному греческому языку, исторіи и литературѣ греческой, такъ-что нашъ славянинъ, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ, совершенно *огреченъ* и становится сторонникомъ и горячимъ защитникомъ интересовъ малочисленнаго греческаго населенія. Но, какъ мы уже замѣтили выше, въ началѣ тридцатыхъ годовъ заря болгарскаго возрожденія и самосознанія уже занялась на болгарскомъ горизонтѣ, въ слѣдствіе чего греческій языкъ имѣлъ весьма незначительное вліяніе на даровитую натуру Каравелова. Въ концѣ первой половины нынѣшняго столѣтія въ Пловдивѣ учительское мѣсто въ тамошнемъ болгарскомъ училищѣ занялъ Найденъ Геровъ, окончившій курсъ наукъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ, одинъ изъ первыхъ болгаръ того времени, получившихъ образованіе въ Россіи. Подъ его-то руководствомъ продолжалъ Каравеловъ свое дальнѣйшее образованіе и развитіе до самаго начала восточной войны. Въ 1857 году Каравеловъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ молодыхъ болгаръ, переселился въ Москву, съ цѣлью посвятить себя изученію военныхъ наукъ; но вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву эта мысль покинула его и онъ рѣшился заняться изученіемъ русскаго языка и литературы, для чего поступилъ въ Московскій университетъ, поддерживаемый частною русскою благотворительностью. Въ 1860 году студенты Московскаго университета изъ болгаръ стали издавать на свои скудныя средства журналъ, подъ заглавіемъ «Братскій Трудъ». Здѣсь были помѣщены нѣкоторыя стихотворенія Каравелова и статья его «Славяне въ Австріи». Въ 1861 году Славянскій Благотворительный Комитетъ въ Москвѣ снабдилъ его денежнымъ пособіемъ для изданія его сочиненія «Памятники народнаго быта Болгаріи», могущаго служить пособіемъ для занимающихся изслѣдованіемъ народнаго быта славянъ. Затѣмъ, мы

встрѣчаемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1863—66 годовъ имя Каравелова подъ повѣстями и разсказами изъ народнаго быта болгаръ. Мысль, что славянскіе народы Балканскаго полуострова только тогда могутъ освободиться изъ-подъ турецкаго ярма, когда между ними будетъ царствовать полное согласіе, побудило Каравелова покинуть въ 1866 году Москву и переселиться въ Сербію, чтобы поближе познакомиться съ образомъ мыслей сербовъ относительно Болгаріи. Но въ Бѣлградѣ онъ прожилъ не долго, и, вслѣдствіе причинъ, которыя объяснитъ будущее, принужденъ былъ покинуть столицу полусвободныхъ сербовъ и переселиться къ австрійскимъ сербамъ, въ Новый-Садъ, гдѣ онъ встрѣтилъ братскій пріемъ и радушіе. Проживая тамъ, Каравеловъ продолжалъ помѣщать въ сербскихъ журналахъ свои повѣсти и разсказы на сербскомъ языкѣ, которые охотно читались сербами. Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года былъ убитъ въ Бѣлградѣ сербскій князь Михаилъ и подозрѣніе въ подстрѣкательствѣ пало на А. Кара-Георгіевича и его сторонниковъ, то въ числѣ послѣднихъ былъ арестованъ и Каравеловъ; но, послѣ шестимѣсячнаго ареста, онъ былъ оправданъ высшимъ венгерскимъ судомъ и выпущенъ изъ крѣпости. Послѣ этого Каравеловъ поселился въ Букарестѣ, гдѣ съ 1869 года сталъ издавать болгарскую газету «Свобода», направленіе которой весьма не нравится турецкому правительству, такъ-какъ она съ замѣчательною настойчивостью проводитъ между болгарами мысль о поголовномъ возстаніи противъ турокъ для освобожденія своей родины изъ-подъ турецкаго ига. Газета эта продолжаетъ издаваться и по настоящее время.

ДУМА.

Вы меня не хороните
  Подъ сырой землею —
Лучше въ полѣ завалите
  Зеленой травою.

Въ головахъ пусть зеленѣютъ
  Яворъ и рябина,
А въ ногахъ — на память людямъ —
  Красная калина.

И придетъ меня провѣдать
  Другъ мой, сердцу милый —
И увидитъ онъ калину
  Надъ моей могилой —

И вздохнетъ, и съ тихой грустью
  Обо мнѣ вспомянетъ —
И слеза съ его рѣсницы
  Мнѣ на сердцѣ канетъ...

Н. Гербель.

К. И. ЖИНЗИФОВЪ.

Ксенофонтъ Ивановичъ Жинзифовъ, болѣе извѣстный въ современной болгарской литературѣ подъ псевдонимомъ Райко, сынъ учителя, родился въ 1839 году въ городѣ Велесѣ, въ Македоніи. Время было такое, что по всему Балканскому полуострову, исключая Сербскаго княжества, относительно образованія господствовало греческое вліяніе, которое особенно пустило было корни въ Македоніи, какъ въ области ближайшей къ возродившейся тогда Элладѣ, пропаганда которой сильно и ревностно поддерживалась греческими митрополитами и епископами изъ фанаріотовъ. Со времени открытія Аѳинскаго университета, эллинская столица ежегодно привлекала къ себѣ по нѣскольку десятковъ молодыхъ болгаръ. Поддерживаемые эллинскимъ правительствомъ и частною благотворительностію, они посвящали по нѣскольку лѣтъ изученію греческаго языка и, по окончаніи гимназическаго курса, а иногда и съ дипломомъ аѳинскаго университета, возвращались на свою родину уже настоящими греками и ревностными распространителями греческаго языка и эллинской *великой идеи*, что Македонія есть нераздѣльная часть Эллады, зависящая въ политическомъ отношеніи отъ турокъ. И такъ, первоначальное образованіе, полученное Жинзифовымъ въ домѣ родительскомъ, было вполнѣ греческое и на греческомъ языкѣ. Правда, въ Велесѣ существовало болгарское училище, но въ немъ ученіе начиналось съ церковно-славянскаго букваря, за которымъ слѣдовалъ «Часословъ», «Псалтырь» и т. д. и оканчивалось чтеніемъ «Дѣяній Апостоловъ». Дальше этого болгарскіе учителя-самоучки не шли, по той простой причинѣ, что имъ и въ голову никогда не приходило, что существуютъ въ мірѣ какія-либо другія науки, кромѣ хитрой греческой мудрости. Въ началѣ 1856 года домашнія обстоятельства

заставили Жинзифова отказаться до поры до времени отъ мысли о своемъ дальнѣйшемъ образованіи и умственномъ развитіи и принять мѣсто младшаго учителя въ народномъ болгарскомъ училищѣ въ Прилѣпѣ, въ которомъ мѣсто старшаго учителя занималъ въ то время извѣстный своею трагическою смертію болгарской патріотъ Димитрій Миладиновъ, горячій защитникъ славянства, одаренный весьма замѣчательными способностями и умомъ. Затѣмъ, въ концѣ 1857 года, Миладиновъ отправилъ Жинзифова учительствовать въ Кукушѣ, не далеко отъ Солуня. Съ переѣздомъ его въ этотъ небольшой городъ, населенный исключительно болгарами, въ немъ въ первый разъ былъ введенъ болгарскій языкъ и болгарская грамота: до того времени, какъ въ церкви такъ и въ училищѣ, господствовалъ исключительно одинъ греческій языкъ, хотя преподаватели были природные болгары. У Жинзифова стали учиться болгарскому языку не только мальчики, но и взрослые юноши, люди женатые и даже священники, такъ-какъ въ церквахъ положено было замѣнить греческое богослуженіе славянскимъ. Такъ продолжалъ онъ свою скромную учительскую дѣятельность до іюля 1858 года, когда представился ему случай отправиться въ Одессу, оставивши въ Кукушѣ своего духовнаго наставника и покровителя Миладинова. Въ Одессѣ Жинзифовъ, вмѣстѣ съ другими молодыми болгарами, былъ принятъ въ число воспитанниковъ Херсонской семинаріи, гдѣ онъ предполагалъ окончить свое образованіе; но находившійся въ это время въ Москвѣ, въ тамошнемъ университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, младшій братъ Миладинова, Константинъ, вскорѣ вызвалъ его изъ Одессы въ Москву, гдѣ онъ и былъ зачисленъ воспитанникомъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета. Въ 1860 году Жинзифовъ, по выдержаніи надлежащаго экзамена, поступилъ въ число студентовъ Московскаго университета, а въ 1864 году окончилъ курсъ ученія по историко-филологическому факультету со степенію кандидата. Первымъ литературнымъ произведеніемъ Жензифова, явившемся въ печати, было небольшое стихотвореніе патріотическаго содержанія, появившееся въ 1867 году въ первомъ выпускѣ «Братскаго Труда», издававшагося болгарскими студентами. Въ третьемъ выпускѣ того же изданія появилась небольшая его повѣсть изъ народнаго быта, подъ названіемъ «Прогулка», дышавшая ненавистію къ фанаріотамъ, а въ четвертомъ выпускѣ нѣсколько стихотвореній, также патріотическаго содержанія. Затѣмъ, въ 1863 году Жинзифовъ издалъ «Ново-болгарскій Сборникъ», въ составъ котораго вошли: «Слово о полку Игоревѣ», «Краледворская Рукопись» и нѣсколько стихотвореній Шевченка въ болгарскомъ переводѣ издателя. Въ 1867 году въ издававшейся тогда въ Константинополѣ болгарской газетѣ «Время» напечатана была его довольно обширная статья, подъ заглавіемъ: «Отношенія византійскихъ императоровъ къ Болгаріи въ царствованіе предпослѣдняго болгарскаго царя Александра Асѣня». Наконецъ, въ 1870 году, въ Браиловѣ, вышло въ свѣтъ послѣднее его произведеніе: стихотворный разсказъ «Кровавая Рубашка», въ которомъ мать-крестьянка разсказываетъ своему неизвѣстному слушателю, какъ турки убили ея единственнаго сына-жениха, и заклинаетъ его, чтобы онъ рано или поздно отомстилъ кровожаднымъ злодѣямъ. Въ настоящее время Жинзифовъ живетъ въ Москвѣ и занимаетъ мѣсто преподавателя въ Лицеѣ Цесаревича Николая.

I.

НА СМЕРТЬ ЮНОШИ.

О благодатный край, Болгарія святая!
Отчизна милая, отчизна дорогая!
Свершится ли твоя проклятая судьба?
Богъ отвратилъ лицо; сама же ты — раба.

Иль силы нѣтъ въ тебѣ—промчались дни былые?
Увы! сыны твои — побѣги молодые —
Напрасно шлютъ тебѣ съ чужбины свой привѣтъ:
Проклятая судьба ихъ губитъ въ цвѣтѣ лѣтъ.

И сходятъ въ мракъ могилъ святыя души эти,
Едва начавъ свой путь, почти не живъ на свѣтѣ;
Имъ хочется служить странѣ своей родной,
А смерть сражаетъ ихъ, хоронитъ подъ землёй.

Онъ тихо угасалъ: ужь смерть надъ нимъ носилась,
Въ больной его груди чуть слышно сердце билось,
А онъ все говорилъ, страдая и скорбя:
«Какъ сильно я люблю, Болгарія, тебя!»

Н. Гербель.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КРОВАВАЯ РУБАШКА».

«Сынъ, слова мои ты помни,
Сердцемъ исповѣдай,
А придёшь домой — отцу ихъ
Передай, повѣдай!
Если онъ богатъ и знатенъ,
Полонъ силъ — быть-можетъ
Онъ въ бѣдѣ моей великой
Бѣдной мнѣ поможетъ;
Если жъ — нѣтъ, то самъ ты, сынъ мой,
Какъ почуешь силы,
Сердце вспыхнетъ и прихлынетъ
Свѣжей крови въ жилы,
Можетъ-быть ты самъ отплатишь
Моему злодѣю...
Много дней, годовъ — могилы
Роковой чернѣе,
Полныхъ мукъ, невзгодъ и горя,
Я перестрадала,
Прежде-чѣмъ такою старой
Я старухой стала.
Много въ жизни я видала,
Много испытала
Я съ-тѣхъ-поръ какъ стала помнить —
Помнить горе стала.
Я не знала въ жизни счастья;
Солнце не свѣтило...
Но всего я не съумѣю
Разсказать какъ было;
Да притомъ еще и слёзы
Сердце разрываютъ,
Не даютъ всего припомнить,
Память затьмѣваютъ...»

Тутъ взяла старуха съ полки
Сумку шерстяную
И изъ сумки той... Сказать ли?
Нѣтъ, не утаю я!...
Молча вынула... Припомнить
Не могу безъ страху!...
Всю испачканную кровью
Вынула рубаху,
Что была въ минуту смерти
На ея на сынѣ,
Горячо любимомъ ею
И тогда и нынѣ.
И была рубаха съ верху
До низу покрыта
Вся запёкшеюся кровью,
Кровью вся облита.
Я взглянулъ — упало сердце,
Смолкло и застыло,
И уста вдругъ стали нѣмы,
Нѣмы какъ могила.
Что за злая, роковая,
Горькая судьбина!
Тяжко жить тебѣ на свѣтѣ:
У тебя нѣтъ сына!
Я кровавую рубаху
Пожиралъ очами,
Осязалъ её и гладилъ
Робкими перстами.

А старуха неутѣшно
Слёзы льётъ — роняетъ
На кровавую рубаху,
Стонетъ, причитаетъ:

«Ты одинъ былъ у родимой —
Вольный вѣтеръ въ полѣ...
И вотъ нѣтъ тебя, мой милый,
Нѣтъ на свѣтѣ болѣ!
Пуля турчина на вылетъ
Грудь твою пробила,
Сабля на̀ двѣ половины
Тѣло разрубила.
И упалъ ты на порогѣ
Шалаша родного,
Испустилъ нѣмую душу,
Не сказавъ ни слова
Ни родимой, ни невѣстѣ!
Боже, совершилось!
Точно кровь овечки кроткой,
Кровь его пролилась...
Я ждала̀ тебя, мой милый,
Три дня и три ночи —
Не дождалась — не взглянула
На твои я очи!
Для того ли, мой желанный,
Я тебя вскормила?
Для того ли днемъ и ночью
Твой покой хранила?
Для того ль я хлопотала
О твоей невѣстѣ?
Ты любилъ ее — видался,
Съ ней гуляя вмѣстѣ.
Боже правый, предъ Тобою
Чѣмъ я провинилась?

Видно тяжкое проклятье
Громомъ разразилось!
Знать, она не захотѣла,
Горькая судьбина,
Чтобъ ввела я въ домъ хозяйку
И подругу сына!
И вотъ маюсь я на свѣтѣ,
И степной кукушкой
Все кукую днемъ и ночью
Подъ моей избушкой...»

Н. Гербель.

ЧИНТУЛОВЪ.

Имя Чинтулова, молодого современнаго болгарскаго поэта, пользуется значительною популярностью между болгарами. Правда, его патріотическія пѣсни весьма рѣдко появляются въ печати; но это не мѣшаетъ имъ расходиться въ тысячахъ спискахъ по всей Болгаріи.

БОЛГАРСКАЯ ПѢСНЯ.

Возстань, возстань, юнакъ Балкана!
Скорѣе пробудись отъ сна
И противъ лютаго Османа
Веди ты наши племена!

Подъ игомъ рабства терпитъ муки
Давно несчастный нашъ народъ,
Высоко воздѣваетъ руки
И отъ небесъ спасенья ждётъ.

Торжествовала вражья сила,
Придетъ и наше торжество —
И будетъ такъ, какъ прежде было,
Иль сгинемъ всѣ до одного!

Но для чего намъ гибнуть, братья,
Коль жизнь красна и дорога?
Другъ другу бросимся въ объятья,
Потомъ ударимъ на врага!

Не гните, братья дорогіе,
Предъ супостатомъ головы!
Взгляните, какъ живутъ другіе —
И съ нихъ примѣръ берите вы!

Лишь двиньтесь вы громадой цѣлой —
Къ вамъ явятся на помощь вдругъ
И сербъ, и черногорецъ смѣлый,
И встанетъ весь славянскій югъ.

Мы изъ ярма исторгнемъ выю,
Послушные свободы зву,
Воскреснемъ снова мы — и змію
Сотремъ надменную главу!

Возстаньте же, сыны Балкана!
Скорѣе сабли на-голо!
Померкни мѣсяцъ Оттомана
И въ тучи скрой свое чело!

Возстаньте! наше дѣло право!
Да развернется брани стягъ,
Да будетъ всѣмъ славянамъ слава,
Да сгинетъ нашъ исконный врагъ!

Н. Бергъ.

ХОРУТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Хорутане или словенцы живутъ на крайнемъ западномъ рубежѣ славянскаго міра, въ точкѣ его соприкосновенія съ романцами и германцами. Хорутанская географическая площадь ограничена рѣками Рабой, Мурой и Дравой — на сѣверѣ, Карнійскими Альпами, Ломбардскою низменностію и Тріестскимъ заливомъ — на западѣ, равнинами Истріи и истоками рѣки Купы — на югѣ и Ускоцкими горами — на востокѣ. Географическій и этнографическій центръ этой народности находится въ Крайнѣ. Отдѣльныя поселенія хорутанъ разсѣяны въ Хорватіи, юго-западной Угріи и италіанскомъ Фріулѣ. Численность хорутанъ простирается до 1,260,000 (по Фиккеру). По языку хорутане составляютъ какъ-будто связующее звѣно между болгарами и сербами, а съ другой стороны нѣкоторыя грамматическія примѣты роднятъ ихъ со словаками и мораванами, то-есть съ отпрысками нарѣчій сѣверо-западныхъ славянъ. Благодаря тысячелѣтнему почти коснѣнію этой народности на первобытной ступени развитія, вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, хорутане, вмѣстѣ со многими другими чертами самаго древняго быта, сохранили и языкъ въ неизмѣнномъ почти видѣ, на очень древней ступени его грамматическаго и фонетическаго развитія. Но, съ другой стороны, отсутствіе въ странѣ политическаго единства и ея разорванность горами, слѣдовательно обособленная жизнь населеній разныхъ мѣстностей, содѣйствовали раздѣленію нарѣчія на множество отдѣльныхъ говоровъ, которыхъ насчитываютъ до девятнадцати, на милліонъ съ небольшимъ населенія! На степень нарѣчія литературнаго возвысился говоръ горной Крайны, или горенскій, такъ-какъ большая часть хорутанскихъ писателей происходила изъ этой поэтической мѣстности.

Въ былое время область этого племени была гораздо обширнѣе. Если правда, что большинство населенія паннонской державы блатенскаго князя Коцела составляли предки теперешнихъ хорутанъ, то они занимали всю юго-западную Угрію до Дуная, соприкасаясь на востокѣ съ болгарами, а на сѣверо-востокѣ съ Моравской державой, въ составъ предмѣстниковъ которой они повидимому даже входили при полумиѳическомъ славянскомъ князѣ Само. Но изъ этой паннонской долины они были оттѣснены на западъ, въ горы, сначала аварами, а потомъ мадьярами. На сѣверъ границы хорутанскихъ поселеній забѣгали далеко въ глубь Австріи и даже Баваріи, гдѣ онѣ могли уже соприкасаться съ южными побѣгами великаго племени славянъ полабскихъ. Но какъ полабы, такъ и хорутане не могли долго противустоять напору съ запада германцевъ и должны были податься первые — на востокъ, а вторые — на югъ, причемъ удержали за собою лишь южныя части своихъ обширныхъ земель. На западѣ хорутане забирались глубоко въ Альпы Тирольскія, а на юго-западѣ въ долины, можетъ-быть имъ родственныя въ отдаленную старину, венетскія или венеціанскія. Но обстоятельства были очень неблагопріятны дальнѣйшему развитію и распространенію этого племени. Съ запада, сѣвера и юга шли на него грозы и несчастія, а востокъ былъ еще слабъ и разор-

ванъ и племя было предоставлено своимъ собственнымъ силамъ. Въ 788 году сюда проникли франки Карла Великаго — и Хорутанія была подчинена восточной маркѣ, а по ея распаденіи она не могла отстоять своей независимости отъ герцоговъ баварскихъ на сѣверѣ и фріульскихъ на западѣ. Въ отношеніи церковномъ она тоже не могла развиваться самостоятельно. Лучь, такъ неожиданно и ярко блеснувшій на южныхъ славянъ изъ Моравіи и Болгаріи въ IX вѣкѣ, лишь очень слабо отразился въ Хорутаніи и случайнымъ его отблескомъ былъ, повидимому, тотъ загадочный и одинокій памятникъ старославянской письменности, который теперь извѣстенъ подъ именемъ фрейзингенскихъ статей. Есть основаніе думать, что это латинская копія X вѣка съ глаголической рукописи, содержащей двѣ формулы исповѣдной молитвы и одну гомилію. То обстоятельство, что и этотъ памятникъ долженъ былъ перемѣнить здѣсь свою славянскую одежду на латинскую, показываетъ, подъ какимъ вліяніемъ находилась уже тогда духовная жизнь народа. Съ двухъ центровъ проникала въ Хорутанію латинская проповѣдь: изъ нѣмецкаго Зальцбурга и италіанской Аквилеи. Въ обоихъ случаяхъ она была руководима одинаково несправедливою враждою къ хорутанской народности и преслѣдовала одни и тѣ же цѣли: поглощеніе ея нѣмецкими стихіями на сѣверѣ, и италіанскими на западѣ. Отъ православнаго востока Хорутанія была отрѣзана католической Хорватіей; но все-таки оттуда проникали по временамъ памятники церковно-славянской письменности, только въ глаголическомъ облаченіи.

Между-тѣмъ политическія условія оставались все тѣ же: мѣнялись личности, названія, фамиліи, но система не измѣнялась. Феодализмъ утвердился здѣсь казалось бы окончательно и навсегда, но на чуждой и враждебной ему славянской почвѣ онъ не могъ пустить глубокихъ корней и скользилъ, такъ сказать, надъ поверхностію народной жизни, задѣвая его лишь на столько, на сколько льготное положеніе однихъ слоевъ народа вообще предполагаетъ и требуетъ порабощенія другихъ. Какъ бы то ни было, въ продолженіе почти пятивѣкового періода мы не слышимъ здѣсь народнаго голоса и готовы были бы усомниться въ самомъ существованіи здѣсь хорутанскаго народа, если бы онъ не вынырнулъ и не заявилъ себя совершенно неожиданно въ половинѣ XVI вѣка. Протестантизмъ и здѣсь, какъ въ Хорватіи, долженъ былъ пролагать себѣ путь въ народную среду посредствомъ печатнаго и проповѣднаго слова на народномъ языкѣ. Не продолжительна и не блистательна была эта проснувшаяся въ странѣ литературная дѣятельность, не разнообразны были ея произведенія и не рѣшительно вліяніе на народъ; но все жъ это минутное пробужденіе долго спавшаго языка и народа не было безплодно: оно возродило въ немъ самомъ увѣренность, что онъ не умеръ въ многовѣковой летаргіи, что онъ имѣетъ еще жизнь и будущность. Вотъ почему, какъ ни скромно литературное достоинство переводовъ Трубера и Далматина, и грамматическаго труда Богорича, но все жъ ихъ издательская дѣятельность, поощряемая благороднымъ патріотизмомъ Унгнада, имѣетъ важное значеніе въ исторіи народнаго и литературнаго возрожденія хорутанъ. Но ему не скоро еще суждено было совершиться. Міръ западный понялъ грозныя для него послѣдствія отъ возрожденія міра восточнаго и рѣшился во что бы то ни стало потушить опасное пламя славянской письменности и народности. Эту миссію въ области религіозной приняли на себя іезуиты, а въ политической — Габсбурги. Дружными усиліями имъ удалось въ Хорватіи, Угріи и Чехіи возстановить господство папизма и германизма. Почти всѣ остатки литературной дѣятельности періода реформаціи были тщательно собраны и уничтожены. Въ 1600 году іезуиты сожгли въ одномъ стирскомъ Градцѣ 10,000 хорутанскихъ еретическихъ книгъ. Въ 1616 году мрачной памяти Фердинандъ II выдалъ въ жертву іезуитамъ всѣ хорутанскія книги, хранившіяся гдѣ бы то ни было въ земскихъ библіотекахъ.

Если же кой-что и уцѣлѣло послѣ этого вандальскаго опустошенія, то не иначе, какъ съ вырванными заглавіями и введеніями, чтобы истребить всякую память о мѣстахъ и лицахъ, бывшихъ притонами и дѣятелями реформы.

XVII вѣкъ былъ бы совершенно безплоднымъ для хорутанской науки и литературы, если бы онъ не произвелъ одного замѣчательнаго учонаго, по имени Вальвасора, который положилъ основаніе научной обработкѣ исторіи Крайны. Но онъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ. Точно также поступилъ и другой знаменитый хорутанскій учоный, Иванъ Поповичъ, авторъ «Untersuchungen vom Meere». Другіе, какъ напримѣръ Маркъ Полинъ, писали свои филологическія и историческія изслѣдованія большею частью по-латыни и лишь изрѣдка

по-хорутански. То была пора доктринерства, что видно изъ тѣхъ многочисленныхъ опытовъ грамматическихъ и лексикальныхъ изслѣдованій хорутанскаго языка, безъ котораго не обошолся ни одинъ почти хорутанскій писатель. Достаточно назвать Мегизера, Гутсмана, Зеленко, Поповича, Кумердея, Япеля, Дебевца, Водника, Копитара, Ярника, Даинко, Метелко, Мурко, Поточника, Миклошича.

Первые хорутанскіе стихи вышли во второй половинѣ XVIII вѣка изъ-подъ пера Япеля. Эти стихи были большею частію переводные съ нѣмецкаго, итальянскаго и французскаго, и не отличались особенными достоинствами содержанія и формы; но все жь этотъ опытъ замѣчателенъ, какъ первый на своемъ нарѣчіи. Достойно замѣчанія, что Япель писалъ свои стихи тоническимъ размѣромъ. Вторымъ по времени хорутанскимъ стихотворцемъ былъ Антонъ Лингартъ, болѣе извѣстный своей «Исторіей австрійскихъ юго-славянъ». Но настоящимъ отцомъ хорутанской поэзіи признается Валентинъ Водникъ, происходившій изъ той горенской части Крайны, которая справедливо считается колыбелью хорутанской поэзіи. Водникъ писалъ въ лирическомъ, эпическомъ, особенно же въ сатирическомъ и эпиграмматическомъ родѣ; лишь необработанность хорутанскаго нарѣчія мѣшала ему развернуть всю силу своего обширнаго и разносторонняго дарованія.

Водникъ вызвалъ на поэтическое поле много охотниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые пріобрѣли извѣстность, какъ, напримѣръ, Ярникъ, Даинко, Метелко, Кастелицъ и Жупанъ; а одинъ нашолъ въ поэзіи настоящую свою стихію и заслужилъ себѣ славу замѣчательнѣйшаго лирика и остроумнѣйшаго сатирика. То былъ Францъ Прешернъ. Онъ оставилъ значительное число прекрасныхъ элегій, балладъ, романсовъ, сатиръ, эпиграммъ и сонетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые справедливо сравниваются съ произведеніями Петрарки и Гейне. Многія его пѣсни увѣковѣчились въ народной памяти. Преобладающій сюжетъ — любовь и міръ надеждъ, чувствъ и волненій съ ней неразлучныхъ. Оттѣнокъ легкой грусти и раздумья роднитъ отчасти думки Прешерна съ нашими украинскими; не чуждъ хорутанскому лирику и малороссійскій юморъ, простодушная, но нерѣдко ѣдкая, иронія и сарказмъ.

Новое литературное движеніе стало распространяться въ Хорутаніи съ 1843 года, когда въ «Новицахъ» Блейвейса хорутанскіе писатели нашли общій литературный центръ и органъ развитія народной мысли. Этотъ журналъ поставилъ своею задачею писать къ народу и для народа, примѣнительно къ его потребностямъ и степени развитія; но онъ умѣлъ соединить съ популярностію изложенія оригинальность содержанія.

Къ кругу писателей этого времени и направленія принадлежали: Вертовецъ (популярная химія и исторія), Малавашичъ (Новеллы и пѣсни), Терстеньякъ (археологія), Гицингеръ (исторія) и другіе. Во главѣ новой поэтической хорутанской школы стоитъ Иванъ Косескій, самый крупный, послѣ Прешерна, поэтическій талантъ своего народа. Его поэзія болѣе тенденціозна, чѣмъ Прешерна; она нѣсколько напоминаетъ панславистскія мечты Коллара; она дышетъ любовью къ славянству и вѣрою въ его историческое призваніе. Косескаго, какъ лирика, сравниваютъ съ Клопштокомъ; нѣкоторыя изъ эпическихъ его произведеній стоятъ на высотѣ эпоса Мажуранича. Косескому обязана еще хорутанская литература многими прекрасными переводами съ языковъ нѣмецкаго и русскаго. Въ поэтической даровитости Косескій, быть-можетъ, уступаетъ Прешерну; но за-то его вліяніе на народъ гораздо сильнѣе, благодаря самому роду его произведеній и присутствію въ нихъ политической тенденціи.

Изъ плеяды ново-хорутанскихъ поэтовъ и писателей отмѣтимъ: Вильхара, Цегнара, Томана, Прапротника и, въ особенности, Левстика, даровитѣйшаго и симпатичнѣйшаго изъ современныхъ хорутанскихъ писателей.

Дѣло народнаго образованія въ Хорутаніи пошло успѣшнѣе особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ основана была Люблянская Матица, ревностно взявшаяся за дѣло изданія и распространенія въ народѣ полезныхъ книгъ и учебниковъ, а также пробужденія въ немъ народнаго сознанія. Успѣшное же пробужденіе народнаго сознанія ручается за-то, что существованіе этого небольшого, но даровитаго племени можетъ считаться обезпеченнымъ. Итальянская и нѣмецкая стихіи сильны еще лишь въ городахъ и высшихъ сословіяхъ; но и здѣсь онѣ быстро таютъ отъ теплаго дыханія народной жизни, и есть надежда, что скоро вся Хорутанія будетъ возвращена славянству.

А. Будиловичъ.

ХОРУТАНСКІЕ ПОЭТЫ.

В. ВОДНИКЪ.

Валентинъ Водникъ, монахъ-поэтъ, родился въ 1758 году, въ мѣстечкѣ Шишки, близь Люблянъ (Лайбаха). Онъ одинъ изъ первыхъ и притомъ съ наибольшимъ успѣхомъ сталъ вводить въ литературную дѣятельность народный языкъ, и, какъ многіе писатели славянскаго возрожденія, соединялъ трудъ поэтическій съ трудомъ изслѣдователя своей народности. Въ 1806 году Водникъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, изъ которыхъ многія сдѣлались народными. Въ 1809 году онъ писалъ свои воинственныя пѣсни для хорутанскаго ополченія; но когда Иллирія отошла къ Франціи, появилась его «Illirija oživljena», въ которой высказались его національно-патріотическія надежды народной цѣлости и свободы, и которыя послѣ навлекли на него преслѣдованія австрійскаго правительства. Водникъ есть вообще замѣчательнѣйшая личность хорутанской литературы, которая начинаетъ съ его дѣятельности свой новѣйшій періодъ. Водникъ умеръ въ 1819 году. Друзья поставили ему памятникъ въ Люблянахъ, который въ 1839 году былъ возобновленъ почитателями покойнаго.

ВЛЮБЛЕННАЯ МИЛИЦА.

Слёзы горючія
Дѣвица льётъ,
Ждетъ друга милаго
Пѣсню поётъ:

«Долго ль откладывать
Будутъ они?
Мчатся стремительно
Ночи и дни.

«Много я плакала,
Въ жаркой мольбѣ
Долго просила я
Мужа себѣ.

«Голосъ таинственный
Мнѣ говорилъ:
«Мало ли доблестныхъ
«Богъ сотворилъ!

«Если ужь встрѣтила
«Ты своего,
«Если онъ пò сердцу —
«Знай лишь его!»

«Вся я тутъ вспыхнула —
Боже ты мой! —
И побѣжала я
Быстро домой.

«Благословеніе
Мать и отецъ
Дали мнѣ — съ суженымъ
Стать подъ вѣнецъ.

«Вотъ подвѣнечное
Платье несутъ;
Вотъ мнѣ подруженьки
Пѣсни поютъ.

«Убрали голову
Ярко въ цвѣты,

Перстень надѣли мнѣ...
    Гдѣ жь, милый, ты?

«Гдѣ ты, возлюбленный,
    Другъ мой Милетъ,
Краше котораго
    Не было, нѣтъ?

«Долго ль откладывать
    Будутъ они?
Мчатся стремительно
    Ночи и дни.

«Что не сбирается
    Друга семья?
Или обманута —
    Бѣдная — я?

«Если не пустите
    Ѣхать къ нему:
Лучшаго, новаго
    Я не возьму.

«Буду я, горькая,
    Стадо пасти;
Въ полѣ покинутымъ
    Цвѣтомъ рости!»

Такъ она плакала,
    Словно рѣка;
Такъ изливалася
    Дѣвы тоска...

Н. Бергъ.

У. ЯРНИКЪ.

Урбанъ Ярникъ родился въ 1784 году въ Полоцѣ, въ Крайнѣ. Онъ былъ священникомъ въ Мосбургѣ и соединялъ съ знаніемъ своего родного языка знаніе всѣхъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій. Его работы по изслѣдованію хорутанскаго языка свидѣтельствуютъ о его необыкновенной учоности и показываютъ въ немъ опытнаго изслѣдователя. Къ такимъ сочиненіямъ принадлежатъ его «Sammlung altslavischer Wörter, welche im windischen Dialekte fortleben» (1822) и «Versuch eines Etymologikons des Slov. Mundart in Innerösterreich» (1832). Кромѣ того онъ издалъ нѣсколько хорутанскихъ «Сборниковъ для Юношества» и «Молитвенныхъ Книгъ», а также писалъ хорутанскія и нѣмецкія стихотворенія. Скончался въъ 1844 году въ Блатоградѣ.

ИВАНОВЪ ДЕНЬ.

День становится короче
И къ полудню отъ полночи
Обращается земля,
Потрудившаяся тяжко:
Отдохнуть идетъ бѣдняжка,
Злато бросивъ на поля.

Начинается работа;
Съ лицъ струятся капли пота;
Срѣзанъ колосъ золотой —
И даетъ благое небо
Селянину много хлѣба:
Счастливъ, веселъ людъ простой.

Всѣ довольны, всѣ смѣются;
Громко пѣсни раздаются;
Наступилъ блаженный мигъ:
Всюду говоръ, шумъ и толки,
Да вспугнутой перепёлки
Въ жатвѣ слышенъ рѣзкій крикъ.

Подошли и сѣнокосы:
Ужь косцы готовятъ косы;
Начался веселый трудъ;
А красавицы-дѣвицы —
Чернобровы, бѣлолицы —
Сзади съ пѣснями идутъ,

Въ кучи сѣно собираютъ,
И хохочутъ и играютъ.
Вотъ и вечеръ; слышенъ звонъ
Съ отдаленныхъ колоколенъ:
Весь рабочій людъ доволенъ —
И идетъ молиться онъ.

Ночь по небу засвѣтила
Лучезарныя свѣтила —
Льются сверху ихъ лучи;
Но, въ мерцаніи игривомъ,
Что-то дѣется по нивамъ
И огни горятъ въ ночи.

Слышенъ шумъ вдали великій,
Голоса дѣтей и клики;

Сонмы юношей и дѣвъ
Тамъ вѣнками потрясаютъ,
Ихъ въ огонь потомъ бросаютъ,
Пѣсни звонкія запѣвъ.

День Ивановъ! день Купала!
Хоть для насъ уже пропала
Слава древняя твоя
И величіе; но все же
Многихъ дней ты намъ дороже,
И славянскія края

Свято чтутъ тебя, какъ прежде,
Пребываючи въ надеждѣ,
Что хотя бы цѣлый свѣтъ
Постарѣлъ, перемѣнился —,
Ты одинъ бы сохранился:
Для тебя кончины нѣтъ!

Н. Бергъ.

—

М. КАСТЕЛИЦЪ.

Михаилъ Кастелицъ, хорутанскій поэтъ и ученый, родился въ селеньи Горня, въ Нижней Крайнѣ, въ 1796 году. По смерти Водника, въ 1819 году, хорутанская литература не показывала ни малѣйшаго признака жизни — и заслуга ея возрожденія принадлежитъ Кастелицу. Въ альманахѣ его «Krajnska Zbeliza» принимали участіе всѣ современные хорутанскіе писатели, именно: Прешернъ, Поточникъ, Космачь, Жупанъ, Ярникъ, Циглaръ, Шнайдеръ и другіе. Кастелицъ умеръ библіотекаремъ въ Люблянахъ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Подъ взорами Юга
Зима умираетъ;
Уносится стужа,
Снѣгъ меркнетъ и таетъ.

Весна молодая
Приходитъ съ дождями,
Поля одѣваетъ
Травой и цвѣтами.

Въ садахъ соловьиный
Разносится голосъ;
Въ поляхъ, наливаясь,
Сгибается колосъ.

Пчела золотая
Кружится, летаетъ;
Цвѣты свои липа
На землю роняетъ.

Надъ міромъ царюетъ
Любовь и истома —
И снова всѣмъ счатье
Такъ близко, знакомо!

Н. Гербель.

—

Ф. ПРЕШЕРНЪ.

Францъ Прешернъ, знаменитѣйшій изъ хорутанскихъ поэтовъ, родился 21-го ноября (3-го декабря) 1800 года въ деревнѣ Вербѣ, въ Верхней Крайнѣ. Сынъ поселянина, онъ началъ свое воспитаніе въ мѣстной нормальной школѣ, продолжалъ его въ Люблянской гимназіи и окончилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, по юридическому факультету. Жизнь свою онъ провелъ въ борьбѣ съ бѣдностью и всякаго рода невзгодами. Только въ 1846 году удалось ему добиться мѣста адвоката въ городѣ Краньѣ; но и это послѣднее мѣсто занималъ онъ всего три года. Онъ умеръ въ 1849 году. Какъ поэтъ, Прешернъ пользуется большою извѣстностью между хорутанами, и, благодаря мастерской отдѣлкѣ стиха, признается первымъ изъ хорутанскихъ поэтовъ и отцомъ хорутанской литературы. Собраніе своихъ стихотвореній онъ издалъ въ 1847 году, всего за два года до смерти. Онъ писалъ въ разныхъ родахъ, но любимѣйшимъ его родомъ были—пѣсни, элегіи и, въ особенности, сонеты, которые признаются совершенствомъ.

I.

РОЗАМУНДА.

На дворѣ большомъ у замка
Дубъ стоялъ вѣтвистый, старый,
И въ тѣни его сидѣли,
Угощаемые пышно,
Все извѣстные бароны,
Все искатели и сердца,

И руки баронской дочки
Розамунды. Розамунда,
Распустившаяся роза,
Честь фамиліи, отчизны,
На искателей влюбленныхъ
Взоры изрѣдка бросаетъ,
Взоры — огненныя стрѣлы,
Низпадающія съ неба —
И вонзались стрѣлы эти
Глубоко̀ въ сердца героевъ.
Двадцать было тутъ бароновъ:
Семь бароновъ было влашскихъ,
Семь нѣмецкихъ, шесть изъ Крайны
И изъ Штиріи; межъ ними
Былъ и славный Островерхаръ,
Для котораго турниры —
Шутка, дѣтская игрушка.
Вотъ въ него-то и влюбилась
Недоступная красотка,
И сказала, что онъ можетъ
Испросить на бракъ согласье
У отца. Отецъ не медля
Согласился, обѣщая
Розамунду, и прибавилъ,
Что онъ долженъ три недѣли
Созывать гостей на свадьбу —
Проводить невѣсту въ церковь.

Вотъ и гости собралися,
И пѣвецъ-гусляръ приходитъ
Пѣсни пѣть, бренчать на струнахъ
О геройскихъ приключеньяхъ,
О житьѣ-бытьѣ красавицъ
И влюбленныхъ въ нихъ красавцевъ.
И когда онъ пѣлъ красавицъ,
Кто-то вдругъ ему промолвилъ,
Изъ желанья похвалиться
Красотою Розамунды:
«Ты, гусляръ, бродилъ довольно
И бывалъ въ краяхъ далекихъ:
Ты скажи намъ — не видалъ ли
Гдѣ-нибудь еще дѣвицу
Краше нынѣшней невѣсты?»

—«Дай ей Богъ здоровья, счастья,
Дочерей всѣхъ въ мать — красавицъ,
Сыновей въ отца — героевъ!
Да! во всей державѣ этой
Нѣтъ соперницъ Розамундѣ;
Только въ Боснѣ есть дѣвица...
То сестра паши... Она-то
Въ многихъ пѣсняхъ у гусляровъ
Воспѣвается, какъ чудо
Красоты во всей подлунной;
И она поспоритъ можетъ
Въ красотѣ съ невѣстой вашей.»

Не польстилъ пѣвецъ невѣстѣ:
Поблѣднѣла Розамунда,
Жениху взглянула въ очи
И запальчиво сказала:
«Говорятъ, что турки въ Босну
Много дѣвушекъ изъ Крайны
Увели въ неволю злую.
Стыдно вамъ, такимъ героямъ,
Оставлять въ цѣпяхъ бѣдняжекъ!
Островерхаръ! опояшься
Ты мечемъ своимъ желѣзнымъ,
Собери свою дружину
И добудь скорѣе съ бою
У паши сестру красотку.
Турки будутъ очень рады
За нее вамъ плѣнницъ выдать,
Если такъ она красива,
Какъ молва изображаетъ.
Пусть бездѣтенъ будетъ бракъ мой,
Безъ подпоры будетъ старость,
Если я пойду къ налою,
Если мужа обойму я,
Прежде-чѣмъ турчанка будетъ
Здѣсь стоять передо мною.
Посмотрю — на самомъ дѣлѣ
Заслужилъ ли эту славу
Красотой турецкій ангелъ?»

Островерхаръ собираетъ
Всѣхъ рабовъ и посылаетъ
За ближайшими друзьями;
Опоясываетъ чресла
Онъ мечемъ своимъ желѣзнымъ
И съ дружиной ѣдетъ въ Босну,
Чтобы выполнить желанье
Дорогой своей невѣсты.

Въ переправѣ черезъ рѣчку
Кульпу стража уступила
Островерхару; онъ мечъ свой
Обагряетъ вражьей кровью,
Разбиваетъ злыхъ босняковъ
И затѣмъ беретъ тотъ городъ,
Гдѣ живетъ паша съ сестрою;
Онъ снимаетъ узы съ плѣнницъ

И сестру наши береть онъ —
Черноокую, бѣлолицу —
И везетъ ихъ всѣхъ съ собою.

Пуще самой Розамунды
Островерхару турчанка
Приглянулась, полюбилась.
Онъ ее не къ Розамундѣ,
А къ себѣ везетъ, въ свой зàмокъ.
Раскрасавица-турчанка
Въ Островерхара влюбилась
И влюбившись согласилась
Бросить вѣру Магомета
И оставить нравы предковъ.
И въ капеллѣ у налоя
Обручилъ ихъ вскорѣ патеръ.
Розамунда жь, міръ оставивъ,
Увеличила собою
Хоръ люблянскихъ монастырокъ.

М. Петровскій.

II.

ПОМИНОКЪ ЮНОСТИ.

Прекрасная пора, пора цвѣтущихъ лѣтъ,
О дни моей весны! — увы! вы миновались!
Хотя не вѣдалъ я, что значитъ жизни цвѣтъ,
Такъ лепестки его мгновенно осыпàлись,
Хоть рѣдко мнѣ мерцалъ надежды кроткій свѣтъ
Изъ тучъ, что надо-мной широко разстилались,
Но дороги душѣ, о, юность, эти дни!
Ихъ сердцу не забыть! Господь тебя храни!

Отъ горькаго плода познанья я вкусилъ —
И жгучій ядъ его терзалъ мой умъ довольно;
Я видѣлъ: хладный свѣтъ нещадно поносилъ
Все чистое душой — и сердцу было больно;
Я о любви мечталъ, одной любви просилъ —
Съ разсвѣтомъ дня мечты разсѣялись невольно...
Да, честь и знанье рокъ приданымъ обдѣлилъ
И въ дѣвкахъ ихъ сидѣть на-вѣки осудилъ.

Я видѣлъ, какъ пловецъ напрасно утлый челнъ
Къ желанной пристани направить торопился:
Враждебная судьба вздымала горы волнъ
Въ преграду путнику... Кто бѣднякомъ родился —
Не выплыветъ, пока карманъ не будетъ полнъ:
Въ почетѣ только тотъ, кто въ жизни самъ платился.
Я видѣлъ, какъ у насъ все цѣнятъ на обумъ,
И признаютъ лишь тò, что ослѣпляетъ умъ.

И какъ тутъ не скорбѣть, какъ сердцемъ не страдать
При этой роковой, уродливой картинѣ?
Но юность быстрая просторъ желала дать
Мечтаньямъ радужнымъ — не о житейской тинѣ:
Ей любо города въ эѳирѣ созидать,
Цвѣтущіе сады въ заброшенной пустынѣ!
Неопытность вредна лишь для себя одной:
Ей бури кажутся, порою, тишиной.

Она не думаетъ, что мигъ одинъ мертвитъ
Все тò, что иногда вѣками созидается;
Боль неудачъ ее не глубокò язвитъ:
Ей будущность сама въ запасѣ остается...
И наша жизнь, труды — работой Данаидъ
Безплодно лишь въ годахъ преклонныхъ признается.
За-то и дороги, о юность, мнѣ тѣ дни!
Ихъ сердцу не забыть! Господь тебя храни!

М. Петровскій.

—

Ф. ЦЕГНАРЪ.

Францъ Цегнаръ, современный хорутанскій поэтъ, родился въ 1826 году, въ Старомъ Лоцѣ (Altlaak). Еще будучи гимназистомъ, началъ онъ усердно изучать памятники отечественнаго языка и, въ особенности, сербскія народныя пѣсни, чѣмъ обратилъ на себя особенное вниманіе Цигаля, тогдашняго редактора «Славоніи». Въ 1850 году Цегнаръ самъ сдѣлался редакторомъ политико-литературнаго журнала «Славонія», а черезъ годъ—«Люблянской Газеты». Въ 1853 году Цегнаръ поступилъ на службу въ тріестскую почтовую дирекцію, откуда, черезъ годъ, перешолъ въ телеграфное вѣдомство. Въ настоящее время онъ состоитъ главнымъ начальникомъ телеграфнаго бюро въ Тріестѣ. Въ 1860 году Цегнаръ собралъ свои, разбросанныя по разнымъ журналамъ, стихотворенія и издалъ ихъ отдѣльной книжкой. Стихотворенія Цегнара носятъ на себѣ печать народности и отличаются необыкновенною звучностью и правильностью стиха. Кромѣ того, онъ извѣстенъ какъ переводчикъ сербскихъ и чешскихъ народныхъ пѣсенъ, «Маріи Стюартъ» Шиллера, «Деборы» Мозенталя и другихъ. Наконецъ, Цегнаръ принималъ самое дѣятельное участіе въ

составленіи обширнаго «Нѣмецко-хорватскаго Словаря», изданнаго въ 1860 году подъ редакціею Водника, на счотъ покойнаго епископа люблянскаго Вольфа.

ПЕГАМЪ И ЛАМБЕРГАРЪ.

На поляхъ, передъ стѣнами Вѣны,
Злой Пегамъ шатеръ раскинулъ дерзко —
И съ письмомъ шлётъ кесарю посланца;
Въ немъ Пегамъ надменно заявляетъ:
«Далекó, въ краяхъ своихъ восточныхъ,
Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ солнышко восходитъ,
Слышалъ я, что дочь имѣешь Виду
Красоты невиданной на свѣтѣ.
Лишь вчера о Видѣ я услышалъ —
И сегодня ужь за ней пріѣхалъ.
Присылай ко мнѣ красотку Виду,
А за ней въ приданое три воза
Золотыхъ дукатовъ на разживу.
Если жь ты мнѣ Виды не уступишь,
То со мной готовься къ поединку:
Я убью тебя, развѣю прахомъ
Твой дворецъ, возьму малютку Виду,
А всѣхъ тѣхъ, кто только попадется
Во дворцѣ — побью безъ милосердья,
Вороньямъ доставлю пиръ на славу!»
Прочиталъ письмо Пегама кесарь,
Прочиталъ и началъ горько плакать;
Плакалъ онъ и говорилъ со вздохомъ:
«До чего, о Боже мой, я дожилъ:
Злой Пегамъ отнять грозится Виду
И зоветъ меня на поединокъ!
Страшенъ бой съ исчадьемъ этимъ адскимъ:
У него три головы на плечахъ,
У него огонь изъ глотки пышетъ,
У него въ устахъ языкъ змѣиный,
А въ груди собачье сердце бьётся:
Просто срамъ — отдать Пегаму Виду,
А на бой идти — идти на гибель;
Съ нимъ никто не можетъ состязаться:
На землѣ такого нѣтъ юнака.
Только Богъ одна надежда наша!»
Такъ судилъ и кесарь самъ, и Вѣна,
Такъ и всѣ судили въ государствѣ.
Весь народъ главу посыпалъ пепломъ,
Посѣщалъ босой святыя церкви,
Приносилъ священные обѣты,
Призывалъ Всевышняго на помощь
И себѣ, и кесарю, и Видѣ.
День прошолъ, за нимъ другой промчался,
Въ третій разъ взошло на небо солнце.
Наконецъ вельможа приближенный,
Бойноміръ, приходитъ къ государю,
Говоритъ ему съ поклономъ низкимъ:
«Выслушай меня, нашъ славный кесарь!
Есть еще у насъ одна надежда:
Къ намъ придетъ еще сегодня помощь
Изъ того плѣнительнаго края,
Гдѣ шумитъ излучистая Сава,
Гдѣ живетъ народъ надежный, храбрый.
Вѣрь, пока въ живыхъ еще нашъ витязь
Ламбергаръ, пока въ немъ бьётся сердце —
Не видать Пегаму нашей Виды.
Посылай скорѣе въ Бѣлый Камень,
Напиши юнаку Ламбергару:
«Ламбергаръ, сѣдлай коня скорѣе!
«У меня Пегамъ грозится Виду
«Взять съ моей сѣдою головою
«И побить живое все, что встрѣтитъ.
«У меня струхнули всѣ юнаки;
«Какъ овца дрожитъ при видѣ волка,
«Такъ юнакъ трясется предъ Пегамомъ.
«Осѣдлай коня, скачи скорѣе,
«Порази ужаснаго Пегама,
«Чтобы насъ онъ не срамилъ, проклятый,
«Чтобы онъ не хвастался предъ нами!»
Просіялъ въ лицѣ печальный кесарь,
Одарилъ онъ щедро Бойноміра
И послалъ письмо въ тотъ край прекрасный,
Гдѣ шумитъ излучистая Сава,
Гдѣ живетъ народъ надежный, храбрый.
Въ томъ письмѣ, отправленномъ на Саву,
Онъ писалъ юнаку Ламбергару:
«Ламбергаръ, сѣдлай коня скорѣе!
У меня Пегамъ грозится Виду
Взять съ моей сѣдою головою
И побить живое все, что встрѣтитъ.
У меня струхнули всѣ юнаки;
Какъ овца дрожитъ при видѣ волка,
Такъ юнакъ трясется предъ Пегамомъ.
Осѣдлай коня, скачи скорѣе,
Порази ужаснаго Пегама,
Чтобы насъ онъ не срамилъ, проклятый,
Чтобы онъ не хвастался предъ нами!»
И письмо пришло въ тотъ край прекрасный,
Гдѣ шумитъ излучистая Сава,
Гдѣ живетъ народъ надежный, храбрый.
И пришло письмо то въ Бѣлый Камень;
Ламбергаръ прочелъ письмо — и слёзы
На глазахъ юнака показались,
И сказалъ со вздохомъ онъ: «о, Боже!

До чего мы дожили! самъ кесарь
Мнѣ велитъ идти на бой ужасный,
Страшный бой съ чудовищемъ Пегамомъ.
Но, клянусь, пока цѣла на плечахъ
Голова, пока крѣпка десница
И Господь поддерживаетъ духъ мой —
Не возьметъ Пегамъ прекрасной Виды,
Хвастовству его конецъ настанетъ!
Жернова бросаю я рукою,
Сталь колю своей булатной саблей —
Отрублю и голову я ею
Злому, ненасытному Пегаму.»
Услыхавъ такія рѣчи сына,
Подошла старушка мать къ юнаку,
Начала давать ему совѣты:
«Ничего не бойся, милый сынъ мой!
Крестъ сильнѣй, чѣмъ дьявольская сила —
Онъ предъ ней, какъ солнце передъ тьмою —
И съ крестомъ осилишь ты Пегама:
Вѣдь онъ хочетъ честный крестъ осилить.
У него три головы на плечахъ,
Но изъ нихъ двѣ крайнія — чужія,
Обѣ — беднъ геенскихъ порожденье,
Лобъ его въ три пяди вышиною,
Лобъ его въ три пяди шириною.
Какъ пойдешь ты на борьбу съ Пегамомъ,
Крестъ повѣсь на грудь свою крутую,
Осѣни себя крестомъ всесильнымъ,
Какъ тебя я съ малыхъ лѣтъ учила:
Этотъ крестъ осилитъ вражью силу
Въ головахъ пегамовыхъ проклятыхъ.
Не руби, не тронь ихъ острой саблей:
Ты ударь по головѣ середней.
Милый сынъ, иди на битву съ Богомъ!
За тебя я помолюсь усердно.»
Такъ его учила мать старушка
До поры, какъ ночь сошла на землю
И глаза усталые сомкнулись.
Чудный сонъ привидѣлся старушкѣ,
Чудный сонъ — добро онъ ей пророчилъ:
Будто въ небѣ ясномъ, въ поднебесьи
Страшный змѣй летитъ съ восхода солнца,
Цѣлый міръ пожрать онъ, словно, хочетъ,
Небеса далекія и землю;
А за нимъ два ангела несутся
Въ облакахъ туманныхъ отъ заката,
Изъ десницъ такія стрѣлы мечутъ,
Что дрожитъ земля, трепещетъ небо —
И былъ змѣй низверженъ въ бездны ада.
И сказалъ старушкѣ божій ангелъ:
«Встань, пора, голубушка старушка!
Перешла далеко ночь за полночь,
Ужь заря на небѣ показалась,
Пѣтухи пропѣли пѣсню утра.»
Рано утромъ вставъ отъ сна, старушка
Лобъ, уста и грудь перекрестила
И идетъ будить героя-сына:
«Ужь пора вставать, мой сынъ любезный!
Перешла далеко ночь за полночь,
Ужь заря на небѣ показалась,
Пѣтухи пропѣли пѣсню утра.
Дологъ путь въ далекую столицу,
А прибыть туда ты долженъ нынчѣ.
Чудный сонъ привидѣлся мнѣ, сынъ мой,
Чудный сонъ — добро онъ намъ пророчитъ:
Будто въ небѣ ясномъ, въ поднебесьи
Страшный змѣй летитъ съ восхода солнца,
Цѣлый міръ пожрать онъ, словно, хочетъ,
Небеса далекія и землю;
А за нимъ два ангела несутся
Въ облакахъ туманныхъ отъ заката,
Изъ десницъ такія стрѣлы мечутъ,
Что дрожитъ земля, трепещетъ небо —
И былъ змѣй низверженъ въ бездны ада!»
Ламбергаръ колѣно преклоняетъ,
Креститъ лобъ, уста свои и перси;
Вставъ съ одра, прощается съ старушкой,
Небесамъ старушку поручаетъ,
У нея цалуетъ нѣжно руку.
Онъ беретъ съ собой нарядъ богатый
И свою, въ сто центовъ вѣсомъ, саблю,
Крестъ святой на шею надѣваетъ,
Покрываетъ голову шеломомъ,
Не простымъ — изъ золота литого,
На коня любимаго садится,
Говоритъ коню онъ вороному:
«Гей, Сѣрко, мой вѣрный конь-товарищъ!
Гдѣ найдти бойца, какъ твой хозяинъ?
Гдѣ сыскать коня, какъ ты, мой вѣрный!
Ты семь лѣтъ стоялъ спокойно въ стойлѣ,
Ѣлъ одну румяную пшеницу,
Пилъ вино серебрянымъ ушатомъ;
А теперь пора намъ въ путь-дорогу,
Въ тяжкій бой съ чудовищемъ Пегамомъ.
Если мы, Богъ дастъ, домой вернемся —
Я тебѣ подковы золотыя
И узду шелкòвую добуду,
Подарю парчевую попону,
Въ серебро велю обдѣлать ясли,
Припасу ведерко золотое.»
И заржалъ Сѣркò подъ Ламбергаромъ;
Сыплютъ искры звонкія подковы,

Словно сталь на грузной наковальнѣ
Подъ кузнечнымъ молотомъ тяжолымъ.
Быстръ соко̀лъ въ далекомъ поднебесьи,
На землѣ Сѣрко̀ еще быстрѣе.
Изъ-за горъ выходитъ ярко солнце.
Ламбергаръ по улицамъ люблянскимъ
На конѣ своемъ такъ быстро скачетъ,
Что земля дрожитъ подъ копыта̀ми
И звѣнятъ во всѣхъ окошкахъ стекла.
Повернулъ онъ къ мосту черезъ Саву,
Но не хочетъ по̀ мосту онъ ѣхать:
Конь его чрезъ Саву прямо скачетъ.
Передъ нимъ мелькаютъ справа, слѣва
И луга, и рѣки, и поляны;
Пыль столбомъ несется въ поднебесьѣ.
Какъ блеститъ оружье Ламбергара!
Какъ перо колышется на шлемѣ!
Поглядишь — ужь солнце на закатѣ,
Ламбергаръ ужь у воротъ столицы:
«Отпирай, привратникъ, Ламбергару,
А не то̀ махнетъ онъ чрезъ ворота
И бояръ печальныхъ напугаетъ!»
Поглядѣлъ на витязя привратникъ,
Увидалъ, что дѣло не на шутку,
Взялъ ключи, торопится къ воротамъ —
И, скрипя, ворота отворились.
Ламбергаръ вступаетъ гордо въ Вѣну,
А ему на встрѣчу воеводы —
Горячо цалуютъ Ламбергара
И его блестящее оружье;
И несутся радостные клики
Къ небесамъ и отдаются долу.
Во дворецъ героя провожаютъ:
Трижды онъ предъ кесаремъ склоняетъ
Голову и молвитъ: «Нынчѣ утромъ
Всталъ съ одра я на Землѣ Словенской,
На Землѣ Словенской, въ Бѣломъ Камнѣ,
А теперь стою передъ тобою,
Жду твоихъ священныхъ приказаній.
Я готовъ вступить въ борьбу съ Пегамомъ
И, клянуся всемогущимъ Богомъ,
Государь — пока цѣла на плечахъ
Голова, пока крѣпка десница
И Господь поддерживаетъ духъ мой —
Не возьметъ Пегамъ прекрасной Виды,
Хвастовству его конецъ настанетъ.
Жернова бросаю я рукою,
Сталь колю своей булатной саблей,
Отрублю и голову я ею
Злому, ненасытному Пегаму,
Прежде-чѣмъ взойдетъ надъ нами солнце,
Прежде-чѣмъ настанетъ утро въ Вѣнѣ.»
Просіялъ при этомъ грустный кесарь,
И, на тронъ съ собою Ламбергара
Посадивъ, устроилъ пиръ на славу,
Угощалъ его до поздней ночи,
Наливалъ онъ въ честь его здравицы,
До поры, какъ Ламбергаръ промолвилъ:
«Государь, корона государства!
Ужь пора и отдохнуть порядкомъ,
Подкрѣпить усталость отъ дороги;
Посмотри — одиннадцать пробило;
Предъ борьбой отдохновенье нужно!»
И встаетъ онъ и ко сну отходитъ;
Скоро сонъ ему смежаетъ очи,
И во снѣ привидѣлось юнаку,
Что въ лѣсу стоитъ онъ на утесѣ,
А предъ нимъ — на деревѣ высокомъ —
Змѣй ползетъ между вѣтвей къ вершинѣ.
Гдѣ сидитъ невинная голубка —
Поглотить голубку эту хочетъ.
Но слетаетъ ястребъ сизокрылый
И своимъ желѣзнымъ, острымъ клювомъ
Раздробляетъ голову ехиднѣ
И къ ногамъ бросаетъ Ламбергара.
Ламбергаръ вмигъ ото сна воспрянулъ
И, присѣвъ на пышномъ, мягкомъ ложѣ,
Осѣнилъ крестомъ чело и перси,
И потомъ, вскочивши, такъ промолвилъ:
«Слава Богу, отдохнулъ я славно,
И при этомъ видѣлъ сонъ отличный!
Ужь заря румяная на небѣ
Загорѣлась, ужь блѣднѣютъ звѣзды —
Ужь пора мнѣ снаряжаться въ битву.»
Надѣваетъ онъ нарядъ богатый,
И беретъ въ сто центовъ вѣсомъ саблю,
Крестъ святой на шею надѣваетъ,
Покрываетъ голову шеломомъ,
Не простымъ — изъ золота литого,
Изъ дворца блестящаго выходитъ,
На коня любимаго садится,
Говоритъ коню — коню лихому:
«Гей, Сѣрко̀, мой вѣрный конь-товарищъ!
Гдѣ найдти бойца, какъ твой хозяинъ?
Гдѣ сыскать коня, какъ ты, мой вѣрный?
Ты семь лѣтъ стоялъ спокойно въ стойлѣ,
Ѣлъ одну румяную пшеницу,
Пилъ вино серебрянымъ ушатомъ,
А теперь пора намъ въ путь-дорогу,
Въ тяжкій бой съ чудовищемъ Пегамомъ.
Если мы, Богъ дастъ, домой вернемся —
Я тебѣ подковы золотыя

И узду шелковую добуду,
Подарю парчевую попону,
Въ серебро велю обдѣлать ясли,
Припасу ведерко золотое.»
И заржалъ Сѣрко подъ Ламбергаромъ,
Онъ заржалъ и такъ понесся быстро,
Что земля и домы задрожали
И въ окошкахъ стекла зазвенѣли.
Сыплютъ искры звонкія подковы,
Словно сталь на грузной наковальнѣ
Подъ кузнечнымъ молотомъ тяжолымъ.
Онъ въ ворота проѣзжать не хочетъ —
Скачетъ онъ чрезъ стѣну городскую.
Всходитъ кесарь на балконъ высокій,
А народъ — на стѣны городскія.
Ламбергаръ три раза объѣзжаетъ
Вкругъ шатра пегамова и громко
Говоритъ проклятому Пегаму:
«Выходи на лугъ, Пегамъ несытый!
Ламбергаръ зоветъ тебя на битву.
Слышалъ я на Савѣ, въ Бѣломъ-Камнѣ,
О твоей и дерзости и злобѣ;
Кровь твою я прохладить пріѣхалъ.»
И Пегамъ выскакиваетъ быстро,
Словно звѣрь ужасный трехголовый,
И кричитъ: «Какъ разъ ты прибылъ въ пору,
Сумасбродъ, бродяга! славный завтракъ
Изъ костей твоихъ я приготовлю
И напьюсь твоей горячей крови!»
И летитъ Пегамъ на Ламбергара.
Ламбергаръ махнулъ булатной саблей,
По рукѣ Пегама онъ ударилъ —
И летитъ рука та саженъ двадцать;
Только глядь — опять Пегамъ съ рукою,
И въ рукѣ сверкаетъ сабля снова.
И вскричалъ съ досадой храбрый витязь:
«Хоть рука и выросла, но, вѣрно,
Голова не выростетъ другая,
Какъ ее на саблю я надѣну!»
Налетѣлъ онъ снова на Пегама,
Словно валъ морской на дикій камень,
И булатной саблей замахнулся —
Только гулъ пронесся отъ размаха.
Онъ ударъ направилъ по средней
Головѣ чудовища и разомъ
Снесъ ее съ широкихъ плечъ Пегама
И воткнулъ на саблю боевую.
Голова желѣзными зубами
На мечѣ булатномъ скрежетала,
А во прахъ поверженное тѣло
На травѣ и билось и металось...
Вмигъ другихъ головъ его не стало:
Словно снѣгъ растаяли, исчезли.
Льётся кровь ручьями изъ Пегама,
Жжотъ траву росистую, какъ пламя.
Ламбергаръ идетъ равниной тихо,
Съ головой Пегамовой на саблѣ,
Кажетъ онъ ее всему народу,
Что смотрѣлъ на битву съ стѣнъ высокихъ,
И потомъ въ Дунай ее кидаетъ —
И вода, какъ кипятокъ, клокочетъ,
Поглощая голову Пегама.
Поднялись восторженные клики
Къ небесамъ и отдаются долу.
Острый мечъ рѣшилъ тотъ споръ ужасный!
Изъ-за горъ выходитъ ярко солнце,
Льётъ лучи горячіе на Вѣну.
Возвратясь въ столицу послѣ боя,
Ламбергаръ идетъ въ святую церковь,
Чтобы тамъ благодаренье Богу
Принести за славную побѣду.
И гремятъ колокола повсюду,
И «Te Deum» слышится во храмахъ.
Кесарь пиръ устраиваетъ въ замкѣ
И на пиръ зоветъ онъ Ламбергара,
Приглашаетъ витязей почётныхъ,
И на тронъ, съ собой и съ Видой рядомъ,
Ламбергара храбраго сажаетъ;
Угощаетъ вплоть до поздней ночи,
Наливаетъ въ честь его здравицы,
Выдаетъ за Ламбергара Виду,
А за ней въ приданое три воза
Золотой монеты назначаетъ,
Да еще на Савѣ девять замковъ.
И домой съ красавицей женою
Ламбергаръ пріѣхалъ въ Бѣлый-Камень
И себѣ, и матери на радость.
И теперь гусляръ, бродя вдоль Савы,
Часто пѣснь поётъ подъ звуки гуслей,
Пѣснь поётъ о славномъ Ламбергарѣ.

М. Петровскій.

—

Л. ТОМАНЪ.

Лавръ Томанъ, хорутанскій писатель, родился въ 1827 году. Собраніе его стихотвореній, изданное подъ названіемъ «Родные Звуки», пользуется большою извѣстностью въ хорутанской литературѣ. Выбранный въ 1861 году депутатомъ

въ палату представителей въ Вѣнѣ, онъ явился въ ней горячимъ защитникомъ интересовъ хорутанскаго народа. Въ 1870 году, недовольный дѣйствіями австрійскаго правительства, онъ оставилъ, вмѣстѣ съ поляками, палату, что и было причиной паденія министерства Гискры-Гербста-Гаснера. Въ настоящее время Томанъ занимается адвокатурой.

САВА.

Шумитъ, шумитъ серебряная Сава,
Реветъ межъ горъ, змѣится по лугамъ:
Она спѣшитъ къ славянскимъ городамъ,
Родная дочь могучаго Триглава.
О, Сава! ты волной своей поишь
Своихъ сыновъ и вѣрныхъ и могучихъ,
И въ ихъ сердцахъ воинственныхъ, кипучихъ
Геройскій духъ питаешь и крѣпишь.
Кто пьётъ твою серебряную воду,
Тотъ жизнь свою всегда отдать готовъ
За край родной, за славу и свободу,
Въ того она вселяетъ духъ отцовъ
И въ немъ любовь къ его отчизнѣ милой
Горитъ огнемъ — и здѣсь и за могилой.

Н. Гербель.

—

И. КОСЕСКІЙ.

Иванъ Косескій — лучшій изъ современныхъ хорутанскихъ поэтовъ послѣ Прешерна — пользуется огромною популярностью между хорутанами. Но если онъ уступаетъ Прешерну въ поэтическомъ дарованіи, то превосходитъ его тенденціозностью своего направленія. Поэзія Косескаго напоминаетъ нѣсколько панславистскія мечты геніальнаго Коллара, автора «Дочери Славы»: она дышетъ любовью къ славянству и вѣрою въ его великое будущее. Нѣкоторыя изъ эпическихъ его произведеній отличаются несомнѣнными достоинствами и ставятся критикою очень высоко, даже наравнѣ съ «Смертью Ченгичь-аги», знаменитою поэмою Мажуранича. Кромѣ того, Косескому обязана хорутанская литература многими прекрасными переводами съ языковъ русскаго и нѣмецкаго.

СЛОВЕНСКІЙ ОРАТАЙ.

Мой сосѣдъ мужикъ богатый:
Много всякаго добра
У него среди двора,
Передъ хатой и за хатой.
Въ полѣ онъ по цѣлымъ днямъ
Съ ўтра дò ночи трудится;
Въ городъ въѣдетъ — и тамъ
У сосѣда все спорится.
Раздается всюду крикъ:
«Кто богатый тотъ мужикъ?»
Не узнали братья брата:
Это онъ, кто отъ пелёнъ
Не былъ къ нѣгѣ пріучёнъ:
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Слышны ль вамъ и громъ и клики?
Льется кровь, трубитъ труба!
Нà смерть страшная борьба
Загорѣлась — бой великій!
Словно лѣсъ пошолъ на лѣсъ,
Строй на строй валитъ безъ страха,
Подымая до небесъ
Облака густыя праха.
Кто же — весь гроза и гнѣвъ —
Бьётся съ недругомъ, какъ левъ?
Не узнали братья брата:
Это онъ, кто отъ пелёнъ
Къ битвѣ съ жизнью пріучёнъ:
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Скрипъ возовъ, пылитъ дорога:
Въѣзжаютъ на базаръ
Продавать купцы товаръ;
Жита всякаго тамъ много;
Съ нимъ сосѣдъ мой за моря
Барку шлетъ и щедро платитъ;
Барышамъ благодаря,
Рудокопни всѣ захватитъ;
Зàмки, земли подъ конецъ.
Кто жь богатый тотъ купецъ?
Не узнали братья брата:
Это онъ, кто отъ пелёнъ
Къ трудолюбью пріучёнъ,
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Вотъ собраніе учоныхъ,
Но одинъ блеститъ межъ нихъ:
Свѣтлымъ разумомъ постигъ
Тьму языковъ онъ мудрёныхъ.

Если онъ заговоритъ:
Какъ поэта вѣщимъ струнамъ,
Внемлютъ всѣ ему; гремитъ
Онъ на каѳедрѣ перуномъ —
Рукоплещетъ весь народъ;
Кто же мужъ великій тотъ?
Не узнали братья брата:
Это онъ, кто отъ пелёнъ
Самой жизнью умудрёнъ,
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Засѣдаетъ передъ нами
Неумытный судія:
Знаютъ всѣ его края,
Онъ украшенъ орденами,
Славный гражданинъ-герой;
Про него и кесарь знаетъ
И къ себѣ его порой
На совѣты призываетъ —
Отрѣшить отъ правды ложь.
Кто же это, братья, кто жъ?
Не узнали развѣ брата:
Это онъ, кто отъ пелёнъ
Здраво мыслить пріучёнъ,
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Суету оставя свѣта,
Кто возводитъ къ Небу взоръ,
Восклицая «Sursum cor»,
Служитъ Богу въ поздни лѣта?
Въ Римѣ папа ни къ кому
Такъ не ласковъ: милымъ братомъ
Называетъ, шлетъ ему
Митру, дѣлаетъ прелатомъ.
Для него покинуть свѣтъ
Никакого страха нѣтъ:
Въ Бозѣ тотъ почіетъ свято,
Кто съ пеленокъ пріучёнъ
Сердцемъ чтить святой законъ,
Какъ словенскій нашъ оратай.

Богу преданность во взорѣ,
На устахъ — Ему хвала,
Хорошо ль идутъ дѣла,
Иль въ дому бѣда и горе,
Будто все ему равно.
Сердце жизнію суровой
Точно сталь закалено,
А въ лицѣ — загаръ здоровый.
Такъ воскликнемъ же, друзья:
Да хранитъ Господь края,
Гдѣ, талантами богатый,
Жизнь проводитъ нашъ народъ,
Гдѣ всему одинъ оплотъ:
Онъ, словенскій нашъ оратай!

Н. Бергъ.

М. ВИЛЬХАРЪ.

Мирославъ Вильхаръ, современный хорутанскій поэтъ, извѣстенъ болѣе какъ музыкантъ и композиторъ. Кромѣ своихъ собственныхъ стихотвореній, онъ издалъ собраніе народныхъ хорутанскихъ пѣсенъ и къ нимъ мелодіи.

БОГОМИЛА.

Такъ молила, говорила
Молодая Богомила,
Мать-старуху обнимая:
«Не нуди меня, родная,
Выходить за не милóго,
За Боговичá сѣдого!
Правда, онъ живетъ богато,
Есть и сѣребро и злато,
Много ранъ честныхъ на тѣлѣ,
Храбрость выказалъ на дѣлѣ —
Такъ, ни слова, да обидно
И досадно мнѣ, и стыдно,
Что ходилъ онъ въ тѣ сраженья
Лѣтъ за тридцать до рожденья
Моего, моя родная!
Нѣтъ, ты лучше, дорогая,
Мнѣ позволь идти за Марка,
Съ кѣмъ росла, кого такъ жарко,
Такъ безумно полюбила,
Кому сердце подарила!»
Мать-старуха отвѣчала:
«Дочка, знай, коли не знала,
Что отецъ твой въ страшныхъ ранахъ
Палъ героемъ на Балканахъ
За свой домъ, за край родимый,
За покой семьи любимой,
И велѣлъ мнѣ, умирая,
Чтобы выдала тебя я
За Боговича Вадима,
Его друга, побратима.»
За Боговича сѣдого
Дочка вышла — и ни слова,

Да не долго горевала:
Въ первый день ее не стало,
На второй — ее отпѣли,
А на третій — пожалѣли.

Н. Гербель.

—

Ф. ЛЕВСТИКЪ.

Францъ Левстикъ, хорутанскій поэтъ и ученый, родился въ 1833 году въ Лащѣ, въ Крайнѣ. Несмотря на крайнюю бѣдность своихъ родителей, онъ прошолъ гимназію въ Люблянахъ и политехническій институтъ въ Вѣнѣ. Затѣмъ, нищета принудила его принять стипендію въ одной изъ католическихъ семинарій; но изданіе имъ «Пѣсенъ», въ 1853 году, признанныхъ неблагочестивыми, возбудило противъ него начальство, которое кончило тѣмъ, что исключило его изъ заведенія и подвергло разнымъ преслѣдованіямъ. Наконецъ ему удалось получить мѣсто гувернера въ частномъ домѣ, а въ 1864 году онъ былъ назначенъ секретаремъ Словенской Матицы въ Люблянахъ (Лейбахѣ). Его «Пѣсни» считаются одними изъ лучшихъ въ хорутанской литературѣ; кромѣ того, онъ написалъ много учоныхъ статей, посвященныхъ разработкѣ хорутанскаго языка въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніи.

ДѢВУШКА И ПТИЦА.

Красавица черпала воду ведромъ:
Ведро жестяное блеститъ серебромъ;
И глянула въ воду и видитъ свой ликъ —
Игривымъ румянцемъ зардѣлася вмигъ
И молвитъ: «краснà и пригòжа я впрямъ,
И за три я града красы не отдамъ!»
Веселая птичка въ сирени густой
Вдругъ пѣсню запѣла красавицѣ той:
«Ахъ, если бъ явился тутъ смѣлый юнакъ,
Онъ взялъ бы кра́савицу, взялъ бы и такъ.»
— «Напрасно ты это поешь — говоришь!
По йимала бъ тебя я, но ты улетишь!»
— «Когда бы ты крылья имѣла какъ я,
Умчалась бы живо въ иные края —
И кто бы ни встрѣлся — убогій, босой —
Коль это, красавица, суженый твой —
Ему бы свою ты красу отдала
И въ хатѣ простой съ нимъ счастлива была!»
Пропѣла то птичка — и порхъ въ небеса.
Ей вслѣдъ поглядѣла дѣвица-краса
И молвитъ: «быть-можетъ случится и такъ,
Что будетъ мнѣ дòрогъ убогій бѣднякъ:
Летая вездѣ, ты, лѣсной чародѣй,
Всего насмотрѣлся и знаешь людей.»

Н. Бергъ.

—

А. ПРАПРОТНИКЪ.

А. Прапротникъ, современный хорутанскій поэтъ, пользуется большою извѣстностью въ своемъ краѣ, какъ авторъ многихъ патріотическихъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя вошли въ народъ и распѣваются по всей Крайнѣ какъ народныя. Въ настоящее время Прапротникъ занимаетъ скромное мѣсто учителя въ городской школѣ въ Люблянахъ.

РОДИНѢ.

Отчизна! что за звукъ могучій!
Ты мнѣ мила и безъ вѣнца;
Ты въ сердцѣ тлѣешь искрой жгучей
И будешь тлѣть тамъ до конца.

Твой свѣтъ мнѣ въ душу проникаетъ —
И благодаренъ я судьбѣ;
Но горе грудь мою терзаетъ,
Когда я мыслю о тебѣ.

Ты хороша, какъ сердца грёзы!...
Струна восторженно звучитъ —
И капятъ радостныя слёзы
Изъ глазъ и сердца на гранитъ.

О, солнце! ясными лучами
Надъ милой родиной сіяй,
И — всю покрытую цвѣтами —
Ее и грѣй и освѣщай!

Н. Гербель.

ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Если каждая литература отражаетъ въ себѣ положеніе и историческія судьбы народа, то этотъ отпечатокъ внѣшнихъ обстоятельствъ едва ли обнаруживается гдѣ-либо явственнѣе, чѣмъ въ литературѣ чешской. Передовой стражъ славянства на западѣ, народъ чешскій въ продолженіе первыхъ вѣковъ своей исторіи (IX — XIV) видѣлъ, какъ славянскія племена, стоявшія рядомъ съ нимъ и покрывавшія его границы, мало-помалу уступали напору германской народности, какъ они частью истреблялись германскимъ мечёмъ, прокладывавшимъ дорогу нѣмецкимъ колонистамъ, частью добровольно перенимали нѣмецкій языкъ и бытъ и превращались въ яростныхъ нѣмцевъ; онъ видѣлъ, какъ кругомъ его земли осыпалась, такъ сказать, славянская почва, заливаемая нѣмецкою волною, и онъ, наконецъ, остался одинъ, окруженный и съ запада, и съ сѣвера, и съ юга, и отчасти даже съ востока нѣмцами; онъ видѣлъ, онъ чувствовалъ, какъ нѣмцы стремились и на него, какъ имъ нужно стало покончить и съ нимъ, съ этимъ послѣднимъ славянскимъ клиномъ въ разросшемся тѣлѣ Германіи. Борьба за существованіе сдѣлалась главною историческою задачею чешскаго народа. Если онъ не палъ въ столь неравной борьбѣ, то этимъ онъ обязанъ отчасти выгодамъ своего положенія въ странѣ, которой горы долгое время служили природною защитою, а еще болѣе тому, что начатки просвѣщенія были имъ приняты съ славянскаго востока, а не съ германскаго запада. Но борьба за сохраненіе своей славянской народности должна была поглотить всѣ помыслы, всѣ живыя силы чеховъ, и подчинить себѣ, какъ орудіе, ихъ литературу, также какъ она подчинила себѣ ихъ общественную и политическую жизнь. Нѣтъ литературы, которая такъ мало соотвѣтствовала бы идеалу *искусства для искусства*. «Ich singe wie der Vogel singt» — этотъ девизъ менѣе всѣхъ идетъ къ чешской литературѣ и поэзіи. У чеховъ литература и поэзія есть служебное орудіе — въ настоящее время одно изъ важнѣйшихъ, если не самое важное — орудіе великой народной мысли: удержать за славянствомъ центръ европейскаго материка, не сдаться нѣмцамъ, покуда быть-можетъ другіе славяне не приспѣютъ на помощь и завершится тысячелѣтняя борьба.

Только на самомъ разсвѣтѣ исторіи, когда опасность отъ Германіи не была такъ близка и славянству въ Чехіи жилось привольнѣе, мы находимъ тамъ поэзію, свободную отъ этихъ постороннихъ заботъ. Но и въ ней уже слышится такое живое сознаніе борьбы за народность, какого нельзя замѣтить нигдѣ въ тогдашней Европѣ. «Не хвально намъ въ нѣмцѣхъ искать правду, у насъ правда по закону святу», говоритъ древнѣйшая поэма чешская, «Любушинъ Судъ». «Пришолъ чужой насильственно въ вотчину и сталъ приказывать чужими словами, и какъ дѣлается въ чужой землѣ съ утра до вечера, такъ пришлось дѣлать нашимъ дѣткамъ и жонамъ» — этими словами описываетъ Забой нѣмецкое иго,

призывая пѣснью своихъ родичей возстать противъ нѣмецкаго полководца Людека, этого «раба надъ рабами короля». Съ восторгомъ изображалъ чешскій пѣвецъ, какъ, благодаря Бенешу Германычу, «пришлось нѣмцамъ взвыть и пришлось нѣмцамъ улепетывать и было имъ побитіе!»

«Мужи! да не будетъ отъ васъ скрыто» — говоритъ старый князь Залабскій, приглашая витязей на турниръ—«да не будетъ отъ васъ скрыто, по какой причинѣ вы собрались. Храбрые мужи, я хочу узнать, которые изъ васъ для меня пригодны. Во время мира мудро ждать войны: вездѣ намъ сосѣди нѣмцы!»

Стихотворенія, въ которыхъ мы встрѣчаемъ столь ясное пониманіе рокового антагонизма съ нѣмцами, принадлежатъ къ древнѣйшему періоду чешской исторіи. Первыя изъ нихъ, «Любушинъ Судъ» и «Забой», относятся, если не по времени сочиненія, то по содержанію, къ IX вѣку; «Бенешъ Германычъ» и «Людиша и Люборъ» принадлежатъ къ XIII вѣку.

«Любушинъ Судъ» писанъ на пергаменной тетрадкѣ, обличающей глубокую древность, такъ что многіе приписываютъ и самую рукопись IX-му или X-му вѣку. Тетрадка эта была найдена въ 1817 году Іосифомъ Коварженъ, казначеемъ графа Коллоредо, въ архивѣ замка сего послѣдняго на Зеленой горѣ. «Забой», «Бенешъ Германычъ», «Людиша и Люборъ» (иначе «Турниръ»), вмѣстѣ съ поэмами «Честміръ и Влаславъ», «Ольдрихъ и Болеславъ», «Збигонь», «Ярославъ» и нѣкоторыми небольшими стихотвореніями входятъ въ составъ мелко исписанной пергаменной рукописи, отысканной покойнымъ Ганкою въ 1818 году въ колокольнѣ старой церкви въ Краледворѣ, и потому извѣстной подъ названіемъ «Краледворской Рукописи». Это сборникъ стихотвореній, писанный около 1280 года и котораго нумерація показываетъ, что до насъ дошло менѣе $^1/_7$ его части. Это одно достаточно свидѣтельствуетъ о богатствѣ поэзіи, процвѣтавшей въ Чехіи въ первую пору ея исторической жизни.

Во враждѣ своей къ чешской народности, не всегда разборчивые на средства нѣмцы старались набросить тѣнь подозрѣнія на подлинность и «Любушина Суда» и «Краледворской Рукописи». Сущность ихъ аргументовъ заключалась, собственно, въ одномъ: какъ-молъ могли славяне, народъ грубый и къ цивилизаціи неспособный, имѣть, да еще въ столь древнюю пору, такія превосходныя поэмы, которыя, пожалуй, лучше нѣмецкихъ твореній того времени! Но, какъ водится, аргументъ этотъ облекался въ разные ученые доводы. Труды Шафарика и Палацкаго, Томка и Иречка устранили всѣ эти злонамѣренныя нападки и поставили подлинность «Любушина Суда» и «Краледворской Рукописи» выше всякаго сомнѣнія. Впрочемъ, подобное сомнѣніе было столь же нелѣпо, какъ раздававшіяся нѣкогда и у насъ возраженія противъ подлинности «Слова о полку Игоревѣ». Въ ту пору, когда найдены «Слово», также какъ «Любушинъ Судъ» и «Краледворская Рукопись», свѣдѣнія о древнемъ языкѣ и бытѣ славянъ были таковы, что для поддѣлки подобныхъ произведеній требовался бы не только изумительный геній поэта, но и даръ провидѣнія открытій, сдѣланныхъ наукою лишь въ послѣднія десятилѣтія.

«Любушинъ Судъ» и стихотворенія «Краледворской Рукописи» представляютъ много сходнаго съ *народными* эпическими пѣснями, которыя и нынѣ еще поются у сербовъ и болгаръ. Но мы едва ли можемъ причислить эти произведенія чешскаго эпоса непосредственно къ области такъ-называемой народной поэзіи. Нѣтъ, они относятся къ тому періоду творчества, когда народная пѣснь и поэзія художественная еще не отдѣлялись. Кто рѣшитъ, принадлежатъ ли рапсодіи Гомера къ народной поэзіи или къ художественной литературѣ? Такъ точно и эти древнія чешскія творенія. Въ тѣ первобытныя эпохи были у всѣхъ почти народовъ особые пѣвцы по ремеслу (рапсоды, барды, скальды и т. д.). Ихъ потомковъ мы находимъ въ нынѣшнихъ сербскихъ *гуслярахъ*, малороссійскихъ *бандуристахъ*, *сказителяхъ* нашего Сѣвера. Но между тѣми «соловьями стараго времени» и нынѣшними пѣвцами та громадная разница, что эти послѣдніе ограничены тѣснымъ кругомъ сельской жизни и, съ изсякновеніемъ творчества, большею частью только повторяютъ довольно плохо сохраняемые въ памяти остатки старинныхъ пѣсенъ; а въ первобытныя эпохи — рапсодъ былъ спутникъ, нерѣдко другъ и совѣтникъ князя, представитель высшихъ общественныхъ интересовъ и высшей мудрости въ странѣ. Что княжескіе пѣвцы имѣли нѣкогда и у славянъ такое же значеніе, какъ въ первобытныя эпохи Греціи, Германіи, Скандинавіи и т. д., на то есть достовѣрныя указанія; и къ произведеніямъ этихъ-то пѣвцовъ мы относимъ, какъ «Слово о Полку Игоревѣ», такъ и «Любушинъ Судъ» и стихотворенія «Краледворской Рукописи». Оттого-

то въ нихъ и совмѣщается характеръ непосредственной народной поэзіи съ несомнѣнными признаками художественной отдѣлки.

«Любушинъ Судъ», «Забой» и «Честміръ и Влаславъ» переносятъ насъ въ эпоху язычества. Въ первомъ изображается распря, бывшая поводомъ къ призванію на престолъ Премысла, родоначальника первой династіи чешскихъ государей. «Забой» воспѣваетъ побѣду, освободившую Чехію отъ вторженія нѣмецкихъ войскъ при Карлѣ Великомъ или одномъ изъ его преемниковъ. Въ поэмѣ «Честміръ и Влаславъ» описывается борьба пражскаго князя Неклана съ княземъ племени лучанъ (въ сѣверо-западной части Чехіи) Властиславомъ, борьба кончившаяся смертію Властислава и торжествомъ пражскаго государя надъ племенной усобицей. Эти три поэмы единственные литературные памятники до-христіанскаго времени у славянъ. О поэтическихъ красотахъ ихъ мы не будемъ распространяться; ихъ почувствуетъ всякій, кто прочтетъ эти стихотворенія, помѣщонныя въ настоящей книгѣ цѣликомъ. Но чего нельзя передать въ переводѣ — это чудная простота и сила древняго поэтическаго языка, въ которомъ каждое слово отчеканено съ выразительностію и отчетливостью, какія можно найти только у величайшихъ художниковъ. Форма въ «Любушиномъ Судѣ» — 10-ти сложный эпическій стихъ, господствующій понынѣ въ сербскомъ народномъ эпосѣ; тотъ же размѣръ преобладаетъ и въ «Забоѣ» и въ «Честмірѣ и Влаславѣ», но мѣстами переходитъ въ вольный стихъ, уподобляющійся поэтической прозѣ «Слова о Полку Игоревѣ». Любопытно, что въ этихъ поэмахъ замѣтны слѣды такъ-называемой *аллитераціи* (созвучія), составляющей также особенность древнѣйшей германской и скандинавской поэзіи *).

Поэма «Ольдрихъ и Болеславъ», отъ которой уцѣлѣлъ только конецъ, относится къ событію 1004 года: въ ней изображено освобожденіе Праги отъ войска Болеслава Храбраго; «Бенешъ Германычъ» описываетъ побѣду надъ саксонцами, одержанную въ 1203 году, «Ярославъ» — освобожденіе Моравіи отъ нашествія татаръ въ 1241 году. Самая поэма «Ярославъ» сочинена въ концѣ XIII вѣка. Она есть послѣдній плодъ чистаго славянскаго эпоса въ Чехіи. Рука сочинителя-художника здѣсь особенно явственна. Въ «Ярославѣ» мы видимъ уже полное господство христіанской стихіи; но замѣчательно, что поэтъ относится къ христіанскому Богу почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ его предшественники къ богамъ языческимъ. Сравнимъ слѣдующія два мѣста: «Нужна жертва богамъ», говоритъ въ языческой поэмѣ Честміръ въ отвѣтъ Воймиру, предлагавшему отложить жертвоприношеніе до конца битвы: «нужна жертва богамъ, мы и такъ нынче поспѣемъ на враговъ. Садись сейчасъ на быстрыхъ коней, пролети лѣса оленьимъ скокомъ туда, въ дубраву. Тамъ въ сторонѣ отъ дороги скала любезная богамъ. На ея вершинѣ принеси жертву богамъ, богамъ своимъ спасамъ, за побѣду позади, за побѣду впереди. Пока... подымется солнце надъ верхушками лѣсными, придетъ и войско туда, гдѣ твоя жертва повѣетъ въ столпахъ дыма, и поклонится все войско, идя мимо... Горѣла жертва; и приближается войско, идутъ одинъ за однимъ, неся оружье. Каждый, идя кругомъ жертвы, возглашалъ богамъ славу...»

А въ «Ярославѣ» описывается, какъ христіане, окружонные татарами и умирая отъ жажды подъ палящимъ зноемъ, думали было о сдачѣ. Но тутъ къ нимъ обращается Вратиславъ: «Постыдитесь, мужи, такихъ рѣчей. Если мы погибнемъ отъ жажды на этомъ холму, такая смерть будетъ Богомъ назначена, а сдадимся мечу нашихъ враговъ — сами совершимъ надъ собой убійство. Мерзость предъ Господомъ — рабство, грѣхъ въ рабство отдать добровольно шею. За мной пойдите, мужи, кто такъ думаетъ, за мной къ престолу Матери Божіей». Идетъ за нимъ множество къ святой часовнѣ: «Встань, о Господи, въ своемъ гнѣвѣ и возвыси насъ надъ врагами. Услышь голоса, что къ тебѣ взываютъ. Окружены мы лютыми врагами; освободи насъ отъ сѣтей свирѣпыхъ татаръ и дай влагу нашимъ утробамъ. Громогласную жертву мы тебѣ воздадимъ. Погуби въ земляхъ нашихъ врага, истреби его во вѣки, во вѣки вѣковъ!»

Въ этихъ словахъ Вратислава, обѣщающаго Богу *громогласную жертву*, намъ слышится отзвукъ той эпохи, когда славянинъ, идя вокругъ языческой жертвы, возглашалъ славу своимъ древ-

*) Къ примѣрамъ аллитераціи, которые приводитъ г. Иречекъ, прибавимъ слѣдующіе стихи изъ «Честміра и Власлава»:

*Вз*радова се *Во*ймиръ *велевеле*
Взвола съ скалы гласемъ въ *лѣ*сѣ глучнымъ:
Незъярьте се, бози, свему *слу*зѣ,
Ежъ не пали обѣть въ днешнѣмъ *слу*нци! и т. д.

нимъ богамъ: даже выраженія поэтовъ въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же.

Поэма объ Ярославѣ представляетъ еще любопытную черту. Ея сочинитель какъ бы не знаетъ различія церковнаго, уже отдѣлявшаго западную Европу отъ восточной. Онъ говоритъ о великой побѣдѣ татаръ надъ христіанами, о томъ, какъ послѣ этой побѣды они «наложили на христіанъ дань великую, подчинили себѣ два царства, старый Кіевъ и Новгородъ пространный» *). Читая это съ понятіями нашего вѣка, мы тутъ не находимъ ничего особеннаго. Но надобно вспомнить, что это говорилъ чешскій поэтъ XIII столѣтія, эпохи крестовыхъ походовъ и апогея римскаго владычества. Если бы вторженіе татаръ въ Европу описывалъ въ XIII вѣкѣ поэтъ изъ западныхъ народовъ, то онъ едва ли рѣшился бы назвать русскихъ, наравнѣ съ своими единовѣрцами, просто-на-просто христіанами, ибо для западнаго человѣка того времени послѣдователи восточной церкви были — невѣрные, немногимъ лучше язычниковъ.

Съ «Ярославомъ» мы прощаемся съ самобытною славянскою поэзіею въ Чехіи и переходимъ въ періодъ подражанія. Подражательность проявляется и въ формѣ и въ содержаніи. Риѳмованныя строчки замѣняютъ народный славянскій стихъ, сюжеты средневѣковой западной литературы, свѣтской и духовной, изгоняютъ родныя темы. Такова чешская литература XIV вѣка. Въ ней мы находимъ и мистеріи, въ родѣ тѣхъ, которыя игрались тогда на западѣ, какъ «Мастичкарь», т. е. продавецъ мазей, и «Гробъ Божій», не безъ таланта передѣланные на чешскій языкъ рыцарскіе романы въ стихахъ, какъ «Александріада», «Тристрамъ», «Тандаріасъ и Флорибелла» и даже оригинальный романъ въ прозѣ — «Ткадлечекъ», легенды въ стихахъ и прозѣ, изъ которыхъ самая замѣчательная, жизнь св. Екатерины, принадлежитъ еще къ XIII столѣтію, басни, множество аллегорическихъ и нравоучительныхъ стихотвореній. Вся эта довольно обширная литература представляется намъ теперь безжизненною и не имѣетъ уже интереса. Но не смотря на это подражаніе литературнымъ образцамъ современнаго запада, сознаніе славянской народности не умирало въ Чехіи; напротивъ того, оно закипѣло еще сильнѣе подъ гнетомъ иностранныхъ вліяній; отпоръ нѣмецкому элементу сталъ входить въ число прямыхъ задачъ литературной дѣятельности. Въ первый разъ задачу эту поставилъ себѣ сознательно авторъ замѣчательнаго произведенія, которое стоитъ на порогѣ XIII и XIV вѣка. Это — хроника въ стихахъ, по недоразумѣнію получившая названіе Далимиловой. Авторъ ея, настоящее имя котораго неизвѣстно, былъ чешскій рыцарь; онъ писалъ между 1282 и 1314 годомъ. До него лѣтописи писались въ Чехіи монахами на латинскомъ языкѣ; онъ рѣшился передать ихъ содержаніе по-чешски, дабы каждый могъ узнать прошлое своего народа и «прилежалъ своему языку», имѣя передъ глазами «честь своей земли и лесть ея непріятелей». Вся книга направлена противъ той пагубной для славянства политики, которая заставляла послѣднихъ чешскихъ королей изъ Премысловой династіи покровительствовать нѣмецкимъ колоніямъ, давать имъ привиллегіи, ввѣрять должности нѣмцамъ и тѣмъ вселять въ самихъ чехахъ охоту становиться нѣмцами. Нами приведенъ выше извѣстный стихъ «Любушина Суда»: «нехвально въ нѣмцахъ искать правды». Послушаемъ теперь, какъ авторъ хроники парафразируетъ ученіе чешской пророчицы:

«Если вами владѣть будетъ чужеземецъ, то языкъ вашъ не долго продержится. Горько между чужими, а среди своихъ утѣшится и скорбящій. Чешское хотя и шершаво, однако не плѣняйся чужеземнымъ, чешская голова. Скорѣе змѣя со-

*) Это упоминовеніе о Новгородѣ дало поводъ къ довольно странному толкованію. Защищая «Краледворскую Рукопись» отъ нѣмецкихъ придирокъ, въ ней ничего не щадившихъ, г. Иречекъ зашолъ въ настоящемъ случаѣ слишкомъ далеко въ своемъ стараніи доказать ея историческую достовѣрность. Его смутило то, что Новгородъ не былъ царствомъ и не былъ покоренъ татарами, и потому онъ съ восхищеніемъ указываетъ въ русской лѣтописи извѣстіе о взятіи татарами Новгорода-Волынскаго. «Вотъ, говоритъ онъ, тотъ Новгородъ, о которомъ упомянулъ сочинитель «Ярослава»: нашъ поэтъ вѣренъ исторической истинѣ». Тутъ не принято во вниманіе только одно, что эпическая поэма не есть дипломатическій документъ. Очевидно, что поэтъ слышалъ о покореніи Руси татарами; а Русь того времени, какъ ему было извѣстно, состояла изъ двухъ главныхъ частей: Кіевской и Новгородской. Вотъ онъ и говоритъ, что татары подчинили себѣ старый Кіевъ и Новгородъ пространный. Послѣднее выраженіе указываетъ прямо на то, что рѣчь идетъ о *великомъ* Новгородѣ, а не о такомъ ничтожномъ городѣ, какъ Новгородъ-Волынскій. Поэтъ слышалъ несомнѣнно этотъ титулъ: *великій* Новгородъ, и не будучи знакомъ съ подробностями отношеній русскихъ городовъ, понялъ его, какъ видно, въ матеріальномъ смыслѣ величины его окружности или его владѣній. Оттого-то онъ и написалъ, съ тою точностью выраженій, какою отличается эпическій языкъ древнихъ чешскихъ поэмъ — Новгородъ *пространный*.

грѣется на льду, чѣмъ нѣмецъ пожелаетъ чеху добра. Гдѣ народъ единъ, тамъ онъ и славенъ!» Этотъ взглядъ проводится черезъ всю книгу.

Такъ, между прочимъ, разсказавъ о королѣ Вячеславѣ II, что онъ дозволилъ панамъ творить насиліе и захватывать имѣнія сиротъ, авторъ выставляетъ, что Богъ, въ кару за этотъ грѣхъ, наслалъ на него помраченіе: «онъ сталъ пускать въ свой совѣтъ нѣмцевъ и ихъ во всемъ держаться. То было явное знаменіе великаго Божьяго гнѣва, что умъ его одурѣлъ до такой степени, что онъ взялъ себѣ въ друзья враговъ». Кончаетъ авторъ свою хронику совѣтами чешскимъ панамъ: «Совѣтую вамъ, будьте себѣ на умѣ, не пускайте въ землю иностранцевъ. Если вы не будете въ этомъ разсудительны, то самъ топоръ обтешетъ для себя топорище. Совѣтую вамъ, если дѣло зайдетъ о выборѣ короля, не ходите сквозь лѣсъ за кривымъ деревомъ. Что я подъ этимъ разумѣю, самъ пойми: выбирай своего, не бери изъ чужого народа. Помни, чему тебя учила Любуша, которая никогда не обманывалась въ своемъ словѣ.»

Что трудъ чешскаго автора достигалъ своей цѣли въ средѣ тогдашняго общества, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ извлеченіе изъ его хроники, сдѣланное прозою въ 1437 году, подъ заглавіемъ: «Краткая выборка изъ чешскихъ хроникъ, къ предостереженію вѣрныхъ чеховъ». Вотъ первыя слова этой «выборки»: «Чехи должны тщательно стараться и всемѣрно остерегаться, чтобы не попасть подъ управленіе чужого народа и особливо нѣмецкаго; ибо, какъ доказываютъ чешскія лѣтописи, этотъ народъ наизлѣйшій въ нанесеніи ударовъ языку *) чешскому и славянскому. Со всевозможнымъ тщаніемъ онъ постоянно съ этою цѣлію работаетъ и всякими способами и хитростями старается о томъ, какъ бы уничтожить этотъ языкъ, употребляя къ тому всякія средства и козни» и т. д.

Во второй половинѣ XIV вѣка представителемъ чешской поэзіи является Смилъ Фляшка изъ Пардубицъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ членовъ чешскаго дворянства (ум. 1403). Онъ былъ авторомъ разныхъ аллегорическихъ и нравоучительныхъ стихотвореній. Этотъ родъ поэзіи, наименѣе поэтическій изъ всѣхъ, кажется особенно соотвѣтствовалъ тогдашнему настроенію умовъ въ Чехіи. Въ то время началъ выдвигаться церковный вопросъ, вскорѣ поглотившій всѣ умственныя и общественныя силы чешскаго народа. Предвѣстникомъ этой новой эпохи былъ Ѳома Щитный, замѣчательнѣйшій чешскій писатель XIV вѣка, оставившій обширныя сочиненія религіознаго и философскаго содержанія (родился около 1330, умеръ около 1400 года). Онъ первый рѣшился писать на народномъ языкѣ о богословскихъ и философскихъ предметахъ, которые до того времени, будучи излагаемы не иначе какъ по латыни, оставались достояніемъ учонаго сословія. Подъ перомъ Щитнаго чешская проза достигла съ перваго разу замѣчательной ясности и точности въ передачѣ отвлеченныхъ понятій, безъ насилія духу языка: въ этомъ отношеніи Щитный можетъ считаться писателемъ образцовымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его сочиненія, популяризуя вопросы, въ ту пору всего болѣе занимавшіе человѣчество, способствовали религіозному движенію, которое вслѣдъ затѣмъ охватило Чехію.

Движеніе это извѣстно подъ именемъ *гуситскаго.* Оно заключало въ себѣ и освобожденіе церкви отъ оковъ Рима и политическую революцію, избавившую чешскую народность отъ преобладанія германизма, постепенно, въ продолженіе XIII-го и XIV-го столѣтій, всасывавшагося въ Чехію при пособіи правительства и аристократіи и грозившаго поглотить тамъ славянскую стихію, какъ это случилось въ сосѣдней Силезіи. Славная борьба, открытая на духовномъ полѣ Гусомъ, ознаменованная безпримѣрными побѣдами Жижки и Прокопа надъ ополченіями всей католической Европы и завершонная блестящимъ царствованіемъ народнаго избранника Подѣбрада, потребовала отъ чешскаго народа напряженія силъ, умственныхъ и матеріальныхъ, какое едва ли приходилось испытать другому изъ европейскихъ народовъ. Трудно характеризовать спокойнымъ историческимъ слогомъ то настроеніе, которое овладѣло тогда чехами и одно могло дать имъ устоять противъ всего запада. Намъ нужно обратиться къ памятнику того времени. Вотъ подлинныя слова изъ устава, принятаго чехами, которые, подъ предводительствомъ Жижки, ополчились на защиту своей страны и своей вѣры:

«Милостію и щедротою Отца и Господа Бога всемогущаго увѣровавъ и пріявъ просвѣщеніе истинной и непреложной правды и закона Божія . . . и будучи побуждаемы духомъ благимъ, зная и разумѣя, что всѣ вещи

*) Слово «языкъ» въ старинныхъ чешскихъ памятникахъ, какъ и у насъ, употреблялось въ смыслѣ «народности».

міра сего преходящи и тлѣнны, но истина Господа Іисуса Христа, Бога всемогущаго, остается во вѣки: того ради мы, братъ Іоаннъ Жижка отъ Чаши *) и прочіе гетманы, паны, рыцари, дворяне **), бургомистры, городскіе совѣтники и всѣ общины, панскія, рыцарскія, дворянскія и городскія, мы... намѣреваемся, помощію Божіею и общественною, за всякіе безпорядки карать, бить и наказывать, сѣчь, убивать, рубить, вѣшать, топить, жечь и мстить всякаго рода местью, каковыя кары подобаютъ злымъ по закону Божіему, не изъемля никого, какого бы сословія ни было, ни мужчины, ни женщины. И если мы будемъ соблюдать вышеписанныя спасительныя правила, то Господь Богъ пособитъ намъ своею святою милостью и помощью. Ибо такъ надлежитъ дѣлать для Божьяго боя и жить добродѣтельно, по христіански, въ любви и страхѣ божіемъ, возлагая упованіе на Бога и ожидая отъ него вѣчной награды. И мы просимъ васъ, любезныя общины во всѣхъ краяхъ, князей, пановъ, рыцарей, дворянъ, мѣщанъ, ремесленниковъ, работниковъ, поселянъ и всякаго званія людей, а въ особенности вѣрныхъ чеховъ, принять нашъ уставъ и помочь намъ его исполнить. А мы за-то хотимъ стоять и мстить за васъ, ради Господа Бога и ради его святаго распятія, для освобожденія истины закона Божьяго и ея возвеличенія, для пособленія вѣрнымъ сынамъ святой церкви, въ особенности изъ народа чешскаго и славянскаго, и всего христіанства, и для уничиженія еретиковъ, лицемѣровъ и развратниковъ, дабы Господь Богъ всемогущій соизволилъ дать намъ и вамъ свою помощь и одолѣніе надъ врагами своими и нашими и ратовалъ бы за насъ съ вами своею мощію и не лишилъ насъ своей святой милости. Аминь.»

При такомъ настроеніи въ народѣ можетъ ли остаться мѣсто художественному творчеству, поэзіи? Поэзія чешская въ гуситскій періодъ ограничивалась церковнымъ гимномъ и военнымъ маршемъ. Иногда излагались стихами богословскія пренія и историческіе эпизоды. Прозаическая литература получила большіе размѣры; Гусъ установилъ правила чешскаго правописанія и грамматики, но вся литература эта служила исключительно интересамъ дня: проповѣди, масса сочиненій по богословской и юридической части, историческія записки, необходимыя для практическихъ цѣлей книги о военномъ строѣ, о хирургіи и т. д., — вотъ главное ея содержаніе. Она имѣетъ высокое значеніе историческое, но никакого художественнаго. Важнѣйшіе чешскіе писатели этого времени были: Гусъ (особенно замѣчательны его письма), Янъ Прибрамъ, Янъ Рокицана, Петръ Хелчицкій (писатели богословскіе), Лаврентій Брезова (авторъ обширныхъ историческихъ сочиненій), Цтиборъ Товачовскій и Викторинъ Корнелій Вшегордъ (писатели юридическіе).

XVI столѣтіе называется обыкновенно «золотымъ вѣкомъ» чешской литературы. Если такое названіе заслуживается хорошимъ слогомъ и плодовитостью, то дѣйствительно этотъ періодъ можетъ быть названъ золотымъ вѣкомъ. Языкъ чешскій достигъ замѣчательной степени обработки; спокойствіе, наступившее послѣ гуситскихъ бурь, давало досугъ заниматься литературой, а живой интересъ къ вопросамъ религіи и науки, завѣщанный эпохою борьбы, которая велась за свободу вѣры, устремлялъ вниманіе чешскихъ писателей на всѣ отрасли знанія, тому времени доступнаго. Но напряженіе силъ предъидущей поры явно истощило народъ чешскій: не смотря на досугъ, на высокую степень образованности, на ясное сознаніе народности, творчества въ немъ уже не было. Этотъ «золотой вѣкъ» Чехіи не произвелъ ни одного памятника замѣчательнаго. Вся тогдашняя литература можетъ быть характеризована немногими словами: прекрасный языкъ, посредственность и скука.

Поэзія ограничивалась по прежнему переложеніемъ псалмовъ, церковными гимнами и пьесами дидактическаго содержанія. Лучшимъ стихотворцемъ этого времени признается Симеонъ Ломницкій. Изъ прозаическихъ писателей назовемъ главнѣйшихъ: Бартошъ и Сикстъ изъ Оттерсдорфа, оба авторы мемуаровъ, Вячеславъ Гаекъ, составитель чешской хроники, Іоаннъ Благославъ, авторъ чешской грамматики и исторіи секты чешскихъ братій, Даніилъ Велеславинъ, авторъ разныхъ историческихъ сочиненій, Матвѣй Гозіусъ, переведшій на чешскій языкъ «Москов-

*) Въ Чехіи существовалъ обычай принимать дворянскій титулъ съ частицею *зъ*, соотвѣтствующею нѣмецкому *von*. Жижка замѣнилъ свой титулъ «зъ Троцнова», титуломъ «зъ Калиху», такъ-какъ чаша для причащенія была символомъ гуситства.

**) *Паны* въ Чехіи означали членовъ высшей аристократіи, магнатовъ; мелкіе дворяне назывались: *паноши*; мы переводимъ это названіе словомъ — *дворяне*.

скую Хронику» Гваньина, Христофъ Гарантъ изъ Полчицъ, описавшій свое путешествіе по святымъ мѣстамъ, Адамъ Залужанскій, авторъ сочиненій по естественнымъ наукамъ и медицинѣ.

XVII вѣкъ, при своемъ наступленіи, предвѣщалъ, казалось, чехамъ дальнѣйшее развитіе этой обильной литературною и научною дѣятельностью эпохи. Выдвинулись тогда писатели, какъ Карлъ Жеротинъ и Амосъ Коменскій, которые, по глубинѣ ума, а послѣдній и по поэтическому таланту, превышали лучшихъ представителей такъ-называемаго «золотого вѣка». Вдругъ все это оборвалось. Слишкомъ истощенный борьбою гуситской эпохи, чешскій народъ не въ силахъ былъ вновь сопротивляться нахлынувшему на него ополченію западной Европы. Одна проигранная битва (1620 г.) рѣшила теперь его судьбу. Онъ отдался побѣдителю, и этотъ побѣдитель — австріецъ — сдѣлался палачемъ. Мало было казни передовыхъ людей Чехіи; мало было религіознаго насилія, заставившаго выселиться за границу цѣлую треть ея населенія; мало было систематическаго опустошенія чешской земли; побѣдитель захотѣлъ лишить ее даже воспоминанія своей прежней жизни, даже возможности возрожденія. Началось неслыханное въ христіанскомъ мірѣ, сознательное и систематическое истребленіе цѣлой письменности. Руководителями дѣла были іезуиты, исполнителями—австрійскіе солдаты и полиція. Вотъ свидѣтельство человѣка, который принадлежалъ самъ къ іезуитскому ордену (Бальбина): «Было время, когда я былъ ребенкомъ, вскорѣ послѣ бѣлогорской побѣды, когда *всѣ и всякаго рода* книги, писанныя на чешскомъ языкѣ, по этому одному признавались за еретическія и сочиненныя еретиками, а потому онѣ безъ всякаго разбора, были ли то книги хорошія или дурныя, полезныя или безполезныя, отыскивались для преданія пламени. Вытащенныя изъ угловъ въ домахъ или вырванныя изъ рукъ, книги эти раздирались и бросались въ костры, въ разныхъ мѣстахъ устроенные (какъ, между прочимъ, я помню, что это было сдѣлано въ Прагѣ на площади). Хвалю усердіе къ религіи; но не безъ мѣры. Между тѣмъ извѣстно, какъ передавали мнѣ самые участники дѣла, что почти всегда книги бросались въ огонь даже безъ того, чтобы въ нихъ заглянули. Такую же заботу прилагали и валлонскіе солдаты, въ особенности тѣ, которые состояли подъ начальствомъ Букоя, чтобы жечь всѣ книги, какія попадались имъ въ Богеміи».

Приводя эти слова іезуита, Добровскій (католическій аббатъ) прибавляетъ: «Что бы сказалъ Бальбинъ, если бы онъ видѣлъ тѣ неистовства, которыя творили его товарищи по ордену съ чешскими книгами послѣ его смерти! *Индексы* (списки осужденныхъ на истребленіе книгъ) 1729 и 1749 года, равно какъ пражскій индексъ 1767 года, суть краснорѣчивыя доказательства того, превосходящаго всякое воображеніе, невѣжества инквизиторовъ, въ продолженіе стольких лѣтъ старавшихся, хотя безплодно, задушить въ Чехіи здравый человѣческій разумъ».

Это продолжалось даже послѣ уничтоженія ордена іезуитовъ (упраздненнаго въ 1773 году). Еще въ 1780 году жандармы отыскивали по всѣмъ краямъ Богеміи чешскія книги и предавали истребленію.

Въ продолженіе этихъ ужасныхъ 160 лѣтъ никакая умственная дѣятельность на чешскомъ языкѣ не была, разумѣется, возможна. Чешскіе писатели прежняго времени, пережившіе бѣлогорскую битву и успѣвшіе спастись за границу, продолжали, болѣе изъ патріотизма, чѣмъ для практической пользы своихъ соотечественниковъ, писать и печатать книги по-чешски, но по неволѣ прибѣгали чаще къ языку латинскому, на которомъ ихъ могла выслушивать Европа. Когда же умеръ послѣдній изъ этихъ писателей-эмигрантовъ, Коменскій (онъ скончался въ 1671 году), то некому было смѣнить это поколѣніе, такъ-какъ въ самой Чехіи умственная жизнь была убита. Убитою казалась и самая народность чешская. Массы нѣмецкихъ колонистовъ заняли опустошенную и покинутую туземцами страну. Конфискованныя у чеховъ-протестантовъ имѣнія были розданы нѣмцамъ и разнымъ иностранцамъ, служившимъ при австрійскомъ дворѣ. Чешскій языкъ палъ на степень мужицкаго просторѣчія. Когда, въ XVIII вѣкѣ, вновь пробудились въ Богеміи умственные интересы, органомъ ихъ сталъ языкъ нѣмецкій; во второй половинѣ прошлаго столѣтія Прага считалась однимъ изъ центровъ *нѣмецкой* интеллигенціи. Въ то же время рядъ законодательныхъ мѣръ, принятыхъ между 1770 и 1780 годами, окончательно изгналъ чешскій языкъ изъ присутственныхъ мѣстъ и училищъ; безъ знанія нѣмецкаго языка нельзя было поступить даже въ ремесленный цехъ. Средства, принятыя тогда противъ чешскаго языка, были, по замѣчанію современника Пельцеля, почти тѣ же, какія употреблены были послѣ бѣлогорской

битвы для обращенія чеховъ-протестантовъ въ католицизмъ, и которыя дѣйствительно привели къ тому, что въ 50 лѣтъ вся Богемія сдѣлалась католическою. «Изъ сего, прибавляетъ этотъ авторъ (должно замѣтить, что Пельцель былъ чехъ-патріотъ), можно съ вѣроятностью заключить, что современемъ Богемія въ отношеніи къ языку будетъ находиться въ томъ же положеніи, въ какомъ находятся нынѣ Саксонія, Бранденбургія и Силезія, гдѣ въ настоящее время господствуетъ исключительно нѣмецкій языкъ и гдѣ отъ славянскаго языка ничего другого не осталось, какъ названія городовъ, деревень и рѣкъ.»

Пельцель писалъ это въ 1790 году. Трудно опредѣлить причины, по которымъ его пророчество не сбылось. Кажется, чешская народность обязана этимъ предшествовавшему гуситскому движенію и ужасу катастрофы, его завершившей. Все, что прошедшее Чехіи имѣло благороднаго и славнаго, было въ ней связано съ славянскимъ именемъ; имя нѣмецкое въ ея исторіи являлось символомъ обскурантизма и самой страшной тираннін. Понятно, что все, сколько-нибудь свободомысленное и даровитое, переходило на сторону чешской народности, какъ только она обнаружила вновь признаки жизни. Этимъ объясняется, какимъ образомъ нѣмецкій элементъ, опираясь на всѣ силы правительства, администраціи и школы и располагая цѣлою массою природнаго германскаго населенія, въ короткое время уступилъ въ Чехіи, передъ горстію литераторовъ и учоныхъ, всѣ позиціи, завоеванныя полуторавѣковою политикою Австріи.

Три года послѣ того, какъ австрійскіе жандармы вновь обыскивали села, чтобы жечь чешскія книги, именно въ 1783 году Карлъ-Генрихъ Тамъ напечаталъ «Оборону чешскаго языка» (Obrana gazyka czeskeho), и въ томъ же году другой чешскій патріотъ, Алоизій Ганке, издалъ въ Брънѣ (Брюннѣ) въ Моравіи по-нѣмецки книгу, въ которой онъ убѣждалъ держаться родного языка (Empfehlung des böhmischen Sprache). Это были первые вѣстники возрожденія. Вскорѣ потомъ (1785) составилось въ Прагѣ общество молодыхъ людей, которые давали театральныя представленія по-чешски. Этимъ чешскій языкъ впервые заявилъ о своихъ правахъ на существованіе въ образованномъ кругу и пріобрѣлъ нѣкоторую популярность. Тогда же началась дѣятельность Прохазки, предпринявшаго изданіе лучшихъ произведеній прежней литературы чешской, изслѣдователя чешской старины Пельцеля, Крамеріуса, который въ 1785 году основалъ чешскую газету и въ теченіе 20 лѣтъ напечаталъ 84 сочиненія на чешскомъ языкѣ, и наконецъ знаменитаго Добровскаго (род. 1753, ум. 1829).

Добровскій былъ по преимуществу учоный. Онъ писалъ свои сочиненія частію по-латыни, частію по-нѣмецки; онъ даже не вѣрилъ въ возможность возрожденія чешскаго языка и народности. Тѣмъ не менѣе, къ нему всего вѣрнѣе относятся слова нашего поэта, когда онъ говоритъ:

«Вотъ, среди сей ночи темной,
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ
Доблій мужъ рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ.
О, какими вдругъ лучами
Озарились всѣ края!
Обличилась передъ нами
Вся славянская земля!»

Значеніе Добровскаго дѣйствительно то̀, что онъ «засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ». Онъ опредѣлилъ законы чешскаго языка, возстановилъ его исторію и первый научнымъ образомъ уяснилъ связь всѣхъ славянскихъ племенъ и нарѣчій. Успѣхъ на дѣлѣ превзошолъ ожиданія Добровскаго. Подъ конецъ своей жизни онъ увѣровалъ въ будущность чешской народности и началъ самъ писать по-чешски.

Въ 1790 году умеръ императоръ Іосифъ II, котораго, съ голоса нѣмцевъ, и мы привыкли прославлять какъ одну изъ свѣтлыхъ историческихъ личностей и который дѣйствительно заслужилъ признательность своихъ подданныхъ нѣкоторыми благодѣтельными мѣрами (облегченіемъ участи крѣпостныхъ крестьянъ и ослабленіемъ деспотизма римско-католической церкви), но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ярый врагъ славянства и велъ къ систематическому истребленію всего славянскаго въ Австріи. Какъ только его не стало, чины чешскаго королевства обратились къ его преемнику съ просьбою допустить вновь преподаваніе на чешскомъ языкѣ въ училищахъ Богеміи. Правительство отвѣчало на это разрѣшеніемъ учредить въ Пражскомъ университетѣ одну каѳедру чешскаго языка и словесности. Тогда нашлись люди, которые начали обучать чешскому языку безвозмездно въ гимназіяхъ и семинаріяхъ. Вотъ фактъ, который показываетъ, какая преданность дѣлу уже въ то время одушевляла сторонниковъ славянской народности въ Чехіи.

Вслѣдъ за первыми дѣятелями возрожденія, имена которыхъ мы назвали выше, выступили Шнейдеръ, Пухмайеръ, два брата Неѣдлые, Гнѣвковскій, Полакъ и безсмертный своими заслугами Юнгманъ. Они стали отваживаться уже въ область поэзіи; Шнейдеръ бросилъ писать нѣмецкіе стихи, доставившіе ему нѣкоторую извѣстность, и началъ писать чешскія стихотворенія; но преобладающій характеръ литературы оставался учоный. Нужно было, такъ сказать, отрыть славянскую народность въ Чехіи изъ-подъ груды развалинъ и возстановить передъ пробуждавшимся въ народѣ сознаніемъ картину его прошлаго. Много способствовало этому дѣлу учрежденіе, въ 1818 году, по иниціативѣ графа Коловрата, Чешскаго Музея, при которомъ возникло учоное общество, началъ издаваться учоно-литературный журналъ, а въ 1830 году учредилась Матица, то-есть общество для изданія полезныхъ чешскихъ книгъ. Обращенное на чешскую старину вниманіе повело къ открытію многихъ замѣчательныхъ памятниковъ, которые въ свою очередь дѣйствовали живительно на общество, почти забывшее языкъ и дѣла своихъ предковъ.

Этотъ періодъ научной по преимуществу работы обнимаетъ время до 1848 года. Умственная жизнь Чехіи сосредоточивалась около учоныхъ, какъ Юнгманъ, который въ громадномъ, образцовомъ словарѣ собралъ всѣ литературныя богатства чешскаго языка, Ганка, открывшій «Краледворскую Рукопись» и издавшій множество памятниковъ, Шафарикъ, творецъ славянскихъ древностей, Палацкій, возсоздавшій исторію чешскаго народа. Къ этимъ именамъ нужно присоединить Челяковскаго, Эрбена, Воцеля, Томка и др. Но недостаточно было возстановить прошлое чешскаго народа; нужно было уяснить ему его связь съ великимъ славянскимъ міромъ: ибо безъ этой связи что̀ значила бы горсть чеховъ въ центрѣ западной Европы? Эта идея возникала и въ людяхъ прежняго поколѣнія. Добровскій изучалъ церковно-славянскій языкъ и сравнивалъ славянскія нарѣчія; поэтъ Пухмайеръ сочинилъ русскую грамматику для чеховъ. Съ двадцатыхъ годовъ та же идея проникаетъ во всю литературу чешскую. Ее первый провозгласилъ Колларъ въ восторженной поэмѣ своей «Дочь Славы», и потомъ развилъ въ сочиненіи «О литературной взаимности между племенами и нарѣчіями славянскаго народа» (1837). Таже идея одушевляла общественную дѣятельность и учоныя изданія Ганки; она выразилась наукообразно въ «Славянскихъ Древностяхъ» и «Славянской Народописи» Шафарика, въ «Сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій» Челяковскаго, въ его «Отголоскахъ славянскихъ пѣсенъ» и т. д.; словомъ, она не была чужда ни одному изъ чешскихъ писателей этого времени.

Другая отличительная черта этой эпохи заключалась въ крайнемъ разнообразіи работъ тогдашнихъ чешскихъ писателей. Людей было мало, цѣль была громадная и всѣмъ общая, и потому никто не посвящалъ себя исключительно тому или другому роду литературы, а переходилъ отъ одного къ другому, для пользы общаго дѣла. Юнгманъ переводилъ «Потерянный Рай» Мильтона и составлялъ учонѣйшій словарь; учоные по призванію, какъ Ганка, Шафарикъ, Палацкій, писали лирическіе стихи; поэты въ душѣ, какъ Коларъ и Челяковскій, трудились надъ древностями и филологіею, Эрбенъ писалъ баллады и издавалъ юридическіе документы, Воцель сочинялъ эпическія поэмы и разработывалъ археологію.

Возрожденіе чешской мысли шло съ такимъ успѣхомъ, что въ 30-тыхъ и 40-выхъ годахъ за этими первостепенными вождями шла уже цѣлая группа литераторовъ. То были поэты: Хмѣленскій, Лантеръ, Кубекъ, Камаритъ, Винарицкій, а изъ младшихъ Маха, Яблонскій, Рубешъ, Небескій, Виллани, Штульцъ, Фурхъ; драматурги: Клицпера, Тыль, Миковецъ и др.; авторы романовъ и повѣстей: тотъ же Тыль, Хохолушекъ, Марекъ, Сабина, Божена Нѣмцова и т. д. Ихъ одушевляло одно стремленіе — будить въ чешскомъ народѣ самосознаніе и славянское чувство. Вся эта литература не произвела, правда, ни одного первокласнаго художественнаго творенія; но она принесла огромную практическую пользу. Замѣчательно, что единственный изъ всѣхъ названныхъ нами поэтовъ, котораго произведенія не служили общей патріотической цѣли, а имѣли чисто субъективный характеръ, Маха, вовсе не цѣнился своими современниками, не смотря на то̀, что художественными достоинствами превышалъ многихъ популярнѣйшихъ тогда поэтовъ.

1848 годъ обнаружилъ, что усилія тружениковъ науки и литературныхъ дѣятелей были не безплодны. Чешскій народъ поднялъ голову и потребовалъ возвращенія принадлежащихъ ему правъ; онъ гласно заявилъ свою солидарность съ славянскимъ міромъ. Бомбардированіе Праги

(12 іюня 1848) и осадное положеніе, провозглашонное австрійскимъ правительствомъ, придушили на время этотъ голосъ — и наступило десятилѣтіе тяжелаго полицейскаго гнета. Политическая литература, которую создалъ-было Гавличекъ, замолкла съ его ссылкою въ тирольскую крѣпость; его поэтическія произведенія, отличавшіяся необыкновеннымъ остроуміемъ, оставались неизданными; замолкло и слово Ригера, открывшаго чешскому языку поле политическаго краснорѣчія. Но работа продолжалась, принявъ нѣсколько другое направленіе. Вмѣсто созданія учоныхъ работъ, на первый планъ выступила популяризація знанія. Младшее поколѣніе произвело также замѣчательныхъ учоныхъ: Иречка, Гануша, Гатталу, Вертятко и другихъ; но это не такіе крупные двигатели науки, какъ люди прежняго времени, Юнгманъ, Шафарикъ, Палацкій. Даже въ поэзіи и беллетристикѣ мы находимъ менѣе выдающихся именъ; можемъ назвать Пфлегера, Галека, Іосифа Эрбена, Каролину Свѣтлу, переводчика Пушкина Бендля и др. Главное же содержаніе литературы составляетъ масса работъ для передачи чешскому народу результатовъ, достигнутыхъ во всѣхъ отрасляхъ знанія. Продолжая самостоятельную разработку вопросовъ, касающихся непосредственно чешскаго края и отчасти всего славянскаго міра, чешскіе писатели въ послѣднее двадцатилѣтіе поставили себѣ, казалось бы, задачею—освободить чешскій народъ отъ подчиненности нѣмцамъ въ умственномъ отношеніи. И они этого достигли. Въ настоящее время нѣмецкій языкъ пересталъ быть необходимъ чеху, какъ образовательное средство; онъ ему нуженъ столько же, сколько иностранные языки нужны намъ русскимъ, т. е. для высшаго, такъ-называемаго университетскаго образованія; но чехъ можетъ въ настоящее время, не зная ни слова ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ чешскаго, получить общее образованіе по всѣмъ предметамъ. Онъ имѣетъ по-чешски всеобщую и австрійскую исторію въ книгахъ Томка и Сметаны, всеобщую географію въ изданіяхъ Запа и Палацкаго (сына), логику Марека, зоологію и ботанику Пресля, физику и астрономію Сметаны, минералогію и геологію Крейчаго, химію Войтѣха Шафарина, механику Майера, политическую экономію въ разныхъ сочиненіяхъ Ригера, дѣйствующіе въ Австріи законы въ изданіи Шемберы и т. д. Онъ имѣетъ спеціальные чешскіе журналы: «Живу» по части естественныхъ наукъ, основанную знаменитымъ Пуркине, который въ ней популяризовалъ свои изслѣдованія, «Правникъ» журналъ юридическій, журналы: сельско-хозяйственный, педагогическій, медицинскій и др. Чехъ можетъ прочесть на своемъ языкѣ въ прекрасныхъ переводахъ лучшихъ классиковъ древности, Шекспира и не мало другихъ великихъ писателей. Наконецъ у него есть по-чешски превосходный энциклопедическій словарь, издаваемый Ригеромъ и почти уже оконченный. Умственная зависимость чешскаго народа пала; господство нѣмецкаго языка держится теперь только принужденіемъ.

Результаты у насъ передъ глазами. Чешская народность, которую 50 лѣтъ тому назадъ лучшій ея представитель, Добровскій, считалъ умершею, стала политическою силою, съ которою начинаютъ считаться, а со временемъ вѣроятно будутъ считаться гораздо болѣе.

Палацкій сказалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что «славянскій народъ въ Богеміи, не смотря на свою малочисленность, по-крайней-мѣрѣ одинъ разъ въ продолженіе своей исторіи получилъ, подобно голландцамъ и шведамъ, значеніе *всемірное*». Палацкій разумѣетъ эпоху Гуса. Быть-можетъ, когда-нибудь скажутъ, что и литература чешская, при всей тѣснотѣ ея круга, совершила дѣло всемірно-историческаго значенія. Она воскресила цѣлый народъ славянскій въ срединѣ западной Европы. Значеніе этого событія едва ли подлежитъ оцѣнкѣ нашего времени; но, во всякомъ случаѣ, дѣло, совершонное чешскою литературою, причислится къ тѣмъ, противъ всякаго чаянія и вѣроятія одержаннымъ, побѣдамъ духа надъ матеріальною силою, которыя облагороживаютъ человѣческую природу и о которыхъ съ отрадою вспоминаетъ исторія.

А. Гильфердингъ.

ЧЕШСКІЕ ПОЭТЫ.

I. ГУСЪ.

Іоаннъ Гусъ, великій провозвѣстникъ новаго ученія, названнаго его именемъ, родился 24-го іюня (6-го іюля) 1369 года въ мѣстечкѣ Гусинцѣ, въ Чехіи. Воспитывался онъ въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ въ 1393 году окончилъ курсъ, въ 1396—получилъ степень магистра, черезъ два года назначенъ профессоромъ богословія и философіи и, наконецъ, въ 1402 году избранъ въ ректоры и проповѣдники при Виѳлеемской часовнѣ. Послѣдняя должность доставила ему вліяніе на народъ, который слушалъ его проповѣди такъ же охотно, какъ и студенты. Когда великій расколъ (shisma) сталъ распространяться по западной Европѣ, Гусъ энергически возсталъ противъ заблужденій папы, особенно противъ индульгенцій, продававшихся въ это время въ Чехіи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ опровергать многіе обряды католической церкви, называя ихъ несогласными съ духомъ христіанскаго ученія. Папа Александръ V потребовалъ Гуса въ Римъ, но онъ не явился туда. Затѣмъ, соединившись съ Іеронимомъ Пражскимъ, онъ еще краснорѣчивѣе вооружился противъ папской власти, за что былъ преданъ сначала проклятію, а въ 1414 году потребованъ на Констанцскій Соборъ. Заручившись императорской охранной граматой и обѣщаніемъ папы Іоанна XXIII, Гусъ прибылъ въ Констанцъ, гдѣ былъ вскорѣ арестованъ и заключенъ въ тюрьму, въ которой просидѣлъ слишкомъ шесть мѣсяцевъ. Наконецъ, въ публичномъ засѣданіи Собора, 6 іюня 1415 года, онъ былъ осужденъ какъ еретикъ и присужденъ къ смерти на кострѣ.

Въ назначенный день Гусъ былъ выведенъ изъ тюрьмы къ ожидавшей его процессіи, и, вмѣстѣ съ ней, двинулся за городъ. Дошедши до мѣста казни, гдѣ уже былъ воздвигнутъ костеръ, Гусъ палъ ницъ и, поднявъ глаза и руки къ небу, среди торжественной тишины сталъ молиться. Затѣмъ, успокоенный молитвой, сказалъ нѣсколько разъ: «Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!» и, обращаясь къ предстоящимъ, просилъ ихъ убѣдительно не считать его еретикомъ, не вѣрить его обличителямъ. Народъ волновался. «Мы не знаемъ, въ чемъ онъ виновенъ», раздавались голоса: «знаемъ только, что онъ молится, что онъ говоритъ какъ истинный праведникъ». Иные предлагали ему исповѣдаться, въ надеждѣ, что убѣжденія духовника побудятъ его къ отреченію и спасутъ его отъ мучительной смерти. Гусъ съ радостью согласился на предложеніе народа; но когда призванный священникъ объявилъ ему, что онъ согласенъ исповѣдать и причастить его только подъ условіемъ его отреченія, то Гусъ сказалъ, что не имѣетъ особенной нужды въ исповѣди, потому-что не знаетъ за собой ни одного смертнаго грѣха. Онъ хотѣлъ говорить по этому случаю съ народомъ, но рѣчи эти показались опасными католикамъ — и палачи получили приказаніе приступить къ казни. Они подняли Гуса, все еще стоявшаго на колѣнахъ. «Господи Іисусе Христе!» воскликнулъ онъ, вставая: «я смиренно переношу за Тебя страшную смерть; молюся

Тебѣ: отпусти врагамъ моимъ согрѣшенія ихъ!» Получивъ позволеніе говорить со стражею, онъ благодарилъ ее за ласковое съ нимъ обхожденіе и объявилъ, что надѣется царствовать съ Іисусомъ Христомъ, пострадавъ за Евангеліе. По окончаніи этой рѣчи, палачъ снялъ съ него платье и, скрутивъ руки назадъ, привязалъ мокрыми веревками къ столбу, глубоку вбитому въ землю. Замѣтивъ, что лицо его обращено на востокъ, служители казни нашли это неприличнымъ для еретика и поворотили его на западъ. Когда зажгли костеръ, Гусъ запѣлъ громкимъ голосомъ: «Христе, Сыне Бога живаго, помилуй мя грѣшнаго!» Когда онъ въ третій разъ началъ ту же молитву, огонь, раздуваемый вѣтромъ, заглушилъ его голосъ; но онъ еще двигался въ облакахъ дыма и пламени столько времени, сколько нужно для троекратнаго чтенія молитвы Господней. Когда тѣло сгорѣло до тла, собрали остатки костра, положили ихъ въ телѣгу, вмѣстѣ съ золой и пепломъ, и бросили въ Рейнъ, чтобъ ученики его не воздали имъ поклоненія. Но вѣрные чехи сгребли священную для нихъ землю, напоенную кровью мученика, и съ благоговѣніемъ отвезли ее въ Прагу, въ Виѳлеемскую церковь.

Такъ погибъ, на 46 году отъ рожденія, великій проповѣдникъ чешскаго народа въ XV вѣкѣ. «Онъ шолъ на смерть, какъ на веселый пиръ», говоритъ о немъ суровый католикъ, Эней Сильвій: «ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; нигдѣ не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго признака слабости. Среди пламени, онъ до послѣдняго издыханія возносилъ молитву къ Отцу».

Большая часть чешскихъ сочиненій Гуса стоятъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ его реформѣ, отчасти посвященныя объясненію св. писанія, отчасти политическія по разнымъ вопросамъ реформы, отчасти нравоучительныя. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: «Постила, или объясненія на недѣльныя евангелія», «Десять пунктовъ или кусковъ золота», «Зерцало грѣшнаго человѣка», «Ученье о тайной вечери», «Тройная вервь» и другія. Изъ учоныхъ трудовъ Гуса заслуживаетъ вниманія «Чешское правописаніе». Затѣмъ, важнымъ памятникомъ его литературной дѣятельности и пропаганды остались многочисленныя письма, изъ которыхъ особенно извѣстны его посланія къ друзьямъ, писанныя изъ констанцской тюрьмы. Наконецъ, Гусъ былъ авторомъ «Духовныхъ Пѣсенъ», положившихъ начало гуситской народной поэзіи, которая значительно развилась впослѣдствіи.

ГИМНЪ.

Господи Исусе, Царю милосердый,
Со Отцемъ и съ Духомъ нашъ единый Боже!
Твое милосердье — наше достоянье,
По Твоей щедротѣ.

Жилъ еси Ты въ мірѣ и за насъ, за грѣшныхъ,
Потерпѣлъ гоненья, Іудою преданъ,
Принялъ муки, распятъ за вся христіаны,
По Твоей щедротѣ.

Господа Исуса доброта и милость
Къ намъ, ко многогрѣшнымъ, велики, чрезмѣрны;
Безконечно, Боже, насъ ты награждаешь,
По Своей щедротѣ!

Далъ еси кровь тѣла на спасенье міра,
Пить ее велѣлъ намъ, чтобы души наши
Отъ геенны адской и отъ мукъ избавить,
По Твоей щедротѣ.

Господи, во всемъ Ты милостивъ къ намъ грѣшнымъ,
Многими дарами насъ Ты осыпаешь,
Насъ къ Себѣ вознесъ Ты въ высоты Сіонски,
По Своей щедротѣ.

Мы Тобой причастны вѣчному спасенью,
Ибо жизнь за насъ Ты, милосердый, отдалъ,
Смертію Своею нашу смерть поправши,
По Своей щедротѣ.

Воистину, Боже, многою цѣною
Искупилъ насъ, грѣшныхъ, смерть за насъ пріявши;
Отче, Своимъ дѣтямъ послужилъ Ты вѣрно,
По Своей щедротѣ.

Милости Господни къ намъ неистощимы;
Горе, кто забудетъ о Тебѣ, Исусе,
И въ иномъ спасенье обрѣсти помыслимъ,
По Своей слѣпотѣ.

Братья христіане! отъ всякія скверны
Да очистимъ духъ Свой и познаемъ благо,
Данное намъ Богомъ, притечемъ къ Исусу
И къ Его щедротѣ!

Мучениче Спасе, Господи Исусе!
Ради насъ пріявшій смерть, позоръ и муки!
Будь къ намъ, многогрѣшнымъ, милостивъ во-вѣки,
По Своей щедротѣ!

Братья христіане, да поёмъ и славимъ
Господа Исуса, смерть за насъ пріявша:
Вѣчное спасенье чрезъ Него получимъ,
По Его щедротѣ.

Всякаго избавитъ насъ Онъ искушенья,
Надѣлитъ въ избыткѣ всѣмъ благимъ и доблимъ
И сподобитъ грѣшныхъ въ животъ внити вѣчный,
По Своей щедротѣ.

Нынѣ мы и присно Господа да славимъ,
И Отца, и Сына, и Святаго Духа,
Троицу Святую и единосущну,
По той же щедротѣ!

Какъ была отвѣка, такъ да будетъ присно
Славима и чтима Троица Святая
Нами, безъ болѣзни и безъ всякой скорби,
По той же щедротѣ!

Н. Бергъ.

—

С. ЛОМНИЦКІЙ.

Симонъ Ломницкій изъ Будча родился въ 1552 году въ Ломницѣ, въ Чехіи. Окончивъ ученіе въ католическихъ школахъ, онъ въ 1580 году выступилъ на литературное поприщѣ изданіемъ «Евангельскихъ Пѣсенъ», въ слѣдствіе чего снискалъ себѣ покровительство католической аристократіи Чехіи, доставившей ему обезпеченное существованіе. Его сочиненія довольно многочисленны и носятъ на себѣ дидактическій и богословскій характеръ того времени. Между прочимъ, онъ издалъ: «Поученіе молодому хозяину», «Пренія между священникомъ и свѣтскимъ человѣкомъ», «Стрѣла Купидонова» и многія другія сочиненія. Во время возстанія въ Чехіи, которымъ открылась тридцатилѣтняя война, онъ сначала присоединился-было къ народной партіи, но тотчасъ послѣ битвы подъ Бѣлою Горою перешолъ на сторону торжествующаго католицизма и написалъ ругательное сочиненіе противъ казненныхъ австрійцами чешскихъ вождей. Тѣмъ не менѣе, онъ впалъ въ нищету. Въ 1622 году Ломницкій написалъ «Жалобную пѣснь о гибели и разореніи Земли Чешской» и нѣсколько другихъ произведеній въ томъ же горькомъ тонѣ. Годъ его смерти неизвѣстенъ.

МУДРОСТЬ.

Въ обыкновеніе вошло
Считать, что мудрость — ремесло,
Что всякій, кто лишь ни захочетъ,
Въ того она сейчасъ и вскочитъ.
На самомъ дѣлѣ тò не такъ
И научиться ей никакъ
Нельзя въ гимназіи иль въ школѣ;
Еще не слыхано доколѣ,
Что люди только тѣ умны,
Чтò были въ школахъ учены;
Напротивъ, намъ видать случалось,
Что тьма учоныхъ заблуждалась,
Иль просто-на-просто въ просакъ
Умѣла попадать — да какъ!
Какъ неучонымъ не случится.
Нѣтъ, мудрости не научиться
Въ гимназіи изъ разныхъ книгъ!
Кто думать иначе привыкъ,
Тотъ ошибается жестоко:
Между людьми, по волѣ рока,
Еще до школъ она жила —
И школы людямъ создала;
Но не онѣ, да и не годы
Ее даютъ: нѣтъ! даръ природы
Она въ семъ мірѣ, даръ боговъ,
Дражайшій всѣхъ иныхъ даровъ.
А кто лишь фоліанты роетъ —
Ея во-вѣки не откроетъ,
Коль съ нимъ она не родилась.
Но для чего же учатъ насъ?
Съизмàла книгами обложатъ?
Затѣмъ, что въ насъ онѣ умножатъ
Дары природы, разовьютъ
Нашъ умъ и блескъ ему дадутъ,
Какъ грань искусная алмазу.
Быть образованными сразу,
Безъ книгъ, безъ всякаго труда,
Нельзя намъ тоже никогда;
Но должно всѣмъ имѣть терпѣнье
Умовъ возвышенныхъ творенья
Узнать, извѣдать, изучить
И словно нѣкій даръ хранить
Для отдаленныхъ поколѣній.

Что по себѣ оставилъ геній —
Высокій, имъ свершоннный трудъ
Есть лучшій мудрости сосудъ,
И кто оттолѣ черпать любитъ,
Природный даръ свой усугубитъ
И будетъ, при закатѣ дней,
И опытнѣе, и умнѣй.

Н. Бергъ.

К. С. ШНЕЙДЕРЪ.

Карлъ Судиміръ Шнейдеръ, сынъ бургомистра города Кралева-Градца (Кенигсгреца), родился въ 1766 году, учился сперва въ Чехіи, а потомъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Его спеціальность составляли классическіе языки и юридическія науки. Начавъ службу на судебномъ поприщѣ, онъ въ 1803 году перешолъ на должность профессора эстетики и классической филологіи въ Пражскомъ университетѣ. Однако онъ не долго занималъ эту каѳедру и снова перешолъ къ дѣятельности адвоката и управлялъ имѣніями знатнѣйшихъ членовъ чешской аристократіи. Въ 1805 году онъ напечаталъ собраніе своихъ стихотвореній на нѣмецкомъ языкѣ, но впослѣдствіи началъ писать по-чешски. Несмотря на то̀, что онъ самъ сознавалъ, что слишкомъ поздно обратился отъ нѣмецкаго языка къ родному чешскому, онъ все-таки сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ чешскихъ поэтовъ. Его произведенія отличаются простотою и юморомъ. Лучшими изъ его произведеній считаются: «Пустынникъ», «Цыганка» и народная баллада «Янъ за борзую собаку данъ». Собраніе его стихотвореній издано въ 1823 и 1830 годахъ. Послѣдніе годы своей жизни провелъ онъ въ званіи управляющаго. Шнейдеръ умеръ въ 1835 году.

ЛЕБЕДЬ.

Тянетъ лебедь отъ Дуная
Въ сторону Карпатъ;
Крылья арфою Эола
У него шумятъ.

Тянетъ къ озеру, гдѣ буки
Густо разрослись;
Съ высоты недостижимой
Опустился внизъ.

Опустившись, оглянулся
Три̂ раза вокругъ:
Невидать въ озёрномъ плёсѣ
Дорогихъ подругъ!

И запѣлъ потомъ онъ пѣсню
Грустно-таково,
И умолкнулъ — и не стало
Лебедя того.

Такъ пѣвецъ порою вѣщій,
На закатѣ дней,
Полонъ грусти, разстается
Съ лирою своей;

Вседержителю вселенной
Гимнъ поётъ святой —
И на небо улетаетъ
Чистою душой.

Н. Бергъ.

В. СТАХЪ.

Вячеславъ Стахъ родился въ 1768 году. Вступивъ въ духовное званіе, онъ получилъ мѣсто профессора семинаріи въ Градищѣ (въ Моравіи), находившейся подъ руководствомъ знаменитаго Добровскаго, откуда, по уничтоженіи семинаріи, былъ перемѣщенъ преподавателемъ пастырскаго богословія въ Оломуцъ (Ольмюцъ); затѣмъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Вѣнѣ, въ которой прожилъ до смерти, послѣдовавшей въ 1836 году. Онъ вступилъ очень рано въ рѣдкіе еще въ то время ряды чешскихъ писателей, именно — въ 1785 году, т. е. имѣя всего семнадцать лѣтъ. Большая часть его трудовъ — переводы въ стихахъ и прозѣ; что же касается его оригинальныхъ стихотвореній, то они были изданы имъ въ 1805 году отдѣльной книжкой и имѣли значительный успѣхъ.

I.

МУЗѢ.

Услышь мою, о муза, ты молитву:
Не дай въ меня страстямъ проникнуть низкимъ,
Но дай мнѣ мощь спасти языкъ отчизны
От ренегата!

Я не хочу братáться съ нимъ и знаться,
И быть, какъ онъ, отечества позоромъ,
Измѣнникомъ, презрѣвшимъ славу нашу —
Народа славу!

Отъ племени онъ своего отрекся,
Хулу на рѣчь родную изрыгаетъ,
Чтобы добиться ласковаго слова
И мзды отъ нѣмцевъ.

Карай его ты праведною карой:
Когда начнетъ измѣннически лгать онъ —
Смѣшай ему ты мысли, посмѣяньемъ
Народу сдѣлай!

Хвастливый шутъ! Пусть тамъ, гдѣ гордо хвасталъ,
Нетопыря изобличатъ въ немъ люди,
Иль чучело подъ перьями павлина —
И въ мракъ прогонятъ.

А ты, пѣвцовъ наставница благая,
Ты просвѣти умы питомцевъ юныхъ,
Да вникнутъ сердцемъ въ сладостные звуки
Родимыхъ пѣсенъ!

Н. Бергъ.

II.

ЧЕСТЬ МОЯ.

О, мой народъ возлюбленный и милый,
Наслѣдникъ славныхъ, благородныхъ предковъ,
Что заняли въ дни оны эту землю
И отражали нападенья нѣмцевъ,
На-вѣки тронъ могучій созидая
Во станѣ Маркомановъ. Есть тутъ люди,
Что мыслятъ объ однихъ воинскихъ лаврахъ,
Защитники земли своей и братьевъ;
Другіе середи полей трудятся,
Изъ тучныхъ жатвъ богатства извлекая,
А третьи занимаются торговлей:
Товары продаютъ и покупаютъ —
И прибыль украшаетъ ихъ жилища.
Тѣ въ ремеслахъ различныхъ искусились;
Тѣ изучаютъ въ лѣтописяхъ правду;
Тѣ глубокò изслѣдуютъ природу,
А тѣ въ религіи спасенья ищутъ.
Страшитесь силъ такихъ соединенья,
Корыстные и алчные тевтоны!
Какъ пламень лютый, грозны мы въ разливѣ:
Отрадно мнѣ отъ племени такого
Происходить! Примите эту пѣсню
Съ любовію, возлюбленные братья,
Какъ выраженіе любви отъ брата;
Любовію мы всѣ должны держаться
И счастье не измѣнитъ намъ во-вѣки!

Н. Бергъ.

А. Я. ПУХМАЙЕРЪ.

Антонинъ Ярославъ Пухмайеръ родился въ 1769 году въ городѣ Тынѣ-на-Влетавѣ, въ Чехіи. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ мѣстной школѣ, продолжалъ его въ Будеёвицкой гимназіи и окончилъ въ Пражскомъ университетѣ. Затѣмъ, онъ вступилъ въ духовное званіе, былъ рукоположонъ въ священники и получилъ приходъ въ одной изъ деревень близъ Будеёвицъ. Пухмайеръ, какъ и многіе изъ современныхъ ему чешскихъ писателей, выступилъ на литературное поприщѣ со стихами, написанными по-нѣмецки. Но это предпочтеніе чуждаго языка родному продолжалось не долго: ознакомившись съ народною поэзіей страны, онъ полюбилъ свой языкъ и сталъ испытывать свои силы въ сочиненіи чешскихъ стиховъ, причемъ впервые началъ употреблять, вмѣсто силлабическаго, тоническій размѣръ, указанный знаменитымъ Добровскимъ, какъ болѣе соотвѣтствующій чешскому языку. Поэтому Пухмайеръ можетъ быть по всей справедливости названъ отцомъ новой чешской поэзіи. Въ 1795 году онъ издалъ небольшое собраніе своихъ стихотвореній; впослѣдствіи онъ издалъ еще три другихъ собранія, подъ заглавіемъ «Новыя Стихотворенія». Но поэзія не была исключительнымъ занятіемъ благодушнаго поэта: онъ находилъ время и для другихъ занятій, не столь громкихъ, но не менѣе полезныхъ. Онъ издалъ въ 1805 году чешское руководство для изученія русскаго языка, а въ 1820 году подробную русскую грамматику съ нѣмецкимъ текстомъ. Кромѣ того, онъ занимался естественными науками, издалъ ботанику и наставленіе по сельскому хозяйству. Что же касается его многочисленныхъ проповѣдей, то чешская критика отзывается о нихъ съ большою похвалою. Пухмайеръ умеръ въ 1820 году.

ЗАВИСТНИКЪ И СКУПОЙ.

Скупой съ завистливымъ пустилися въ дорогу,
Покинувъ жонъ, отчизну и дѣтей.
При нихъ отправиться угодно было богу
Перуну самъ-третей.
Когда жъ они остановились:
«Я Богъ», Юпитеръ имъ сказалъ:
«А чтобъ вы въ этомъ убѣдились:
Чего бы кто ни пожелалъ,
Получитъ неизбѣжно.
Обдумайте жь теперь прилежно,
Чего просить вамъ у меня;
Замѣчу только:
Что̀ первому дамъ я,
Другому дамъ того жь два раза столько».
Тутъ сталъ скупой завистника толкать
Желанье первое сказать,
Завистникъ же толкалъ скупова
И оба не могли проговорить ни слова.
Завистникъ наконецъ
Сказалъ: «о, тварей всѣхъ отецъ!
Вели, чтобъ я на свѣтъ смотрѣлъ однимъ лишь
глазомъ!»
Свершилось разомъ:
Онъ глазомъ сталъ смотрѣть однимъ.
Легко понять, что̀ сталось со скупымъ.

Н. Бергъ.

В. НЕѢДЛЫЙ.

Войтѣхъ Неѣдлый родился въ 1772 году въ Жебракѣ, въ Чехіи. Отецъ его былъ мясникъ. По окончаніи полнаго курса богословскихъ наукъ, Неѣдлый былъ рукоположонъ въ священники, а впослѣдствіи получилъ мѣсто декана (благочиннаго) въ родномъ своемъ городкѣ, гдѣ и умеръ въ 1844 году. Неѣдлый принадлежитъ къ числу первыхъ дѣятелей возрожденія чешской литературы. Онъ писалъ много — и въ стихахъ, и въ прозѣ — но въ настоящее время его читаютъ мало, потому-что Неѣдлый находился подъ вліяніемъ французскаго лже-классицизма, господствовавшаго въ его время, и притомъ писалъ силлабическимъ размѣромъ. Лучшимъ его произведеніемъ считается дидактическая поэма «Карлъ Четвертый». Кромѣ того, онъ написалъ три большихъ эпическихъ поэмы: «Оттокаръ», «Владиславъ» и «Вячеславъ».

БЛАГОДАРНЫЙ СЫНЪ.

Днемъ и середь ночи
У Збыслāва очи
Горькихъ слёзъ полны.
«Мой отецъ въ неволѣ!
Не вернется болѣ
Изъ чужой страны!

«Можетъ, въ тяжкой мукѣ
Воздымаетъ руки
Онъ къ Творцу земли...
Но его минуты
Супостаты люты
Ужь давно сочли!»

Съ родиной простился
Сынъ и въ путь пустился,
Чтобъ помочь отцу;
Горы, лѣсъ проходитъ,
Наконецъ приходитъ
Къ свѣтлому крыльцу,

Гдѣ паша могучій,
Окружонный тучей
Бунчуковъ и стрѣлъ,
На коврѣ богатомъ,
Весь сіяя златомъ,
Сумраченъ сидѣлъ.

— «Ежели дотолѣ
Мой отецъ въ неволѣ —
Смилуйся къ нему:
Отпусти изъ плѣну
И меня въ замѣну
Заключи въ тюрьму!»

— «Но какой виною
Ты передо мною,
Другъ мой, виноватъ?
Кто тебя осудитъ?
Нѣтъ! ему не будетъ
Выходу назадъ!»

— «Скуй мои ты руки:
Вытерплю всѣ муки
Смѣло до конца;
Брось меня хоть въ пламень,
Иль разбей о камень,
Лишь пусти отца!»

— «Въ ямѣ, полной смрадомъ,
Въ пищу всякимъ гадамъ
Нынѣ брошенъ онъ:
Другъ мой, неужели
Хочешь въ-самомъ-дѣлѣ
Быть тамъ заключёнъ?»

— «Все перенесу я,
Если тѣмъ спасу я
Свѣтъ моихъ очей:
Будетъ смерть отрадна
За отца мнѣ!» — «Ладно!
Кликнуть палачей!»

Палачи явились;
Страшно задымились
Въ ихъ рукахъ огни:
Каждое мгновенье
Ждутъ лишь повелѣнья
Грознаго они —

Начинать расправу.
Но паша къ Збыславу
Дочь свою ведетъ:
Прячетъ ликъ, стыдится
Дѣвушка... Дивится
Весь кругомъ народъ.

— «Будь мнѣ милымъ сыномъ,
Будь здѣсь властелиномъ,
Храбрый удалецъ!
Чистъ и благороденъ
Подвигъ твой. Свободенъ
Нынѣ твой отецъ!»

Н. Бергъ.

—

М. ПОЛАКЪ.

Матвѣй Милота Здирадъ Полакъ родился въ 1788 году въ мѣстечкѣ Засмукахъ, въ Чехіи. Получивъ первоначальное образованіе, онъ былъ нѣкоторое время учителемъ; но въ 1808 году бросилъ свои мирныя занятія и поступилъ въ австрійскую армію, съ которой совершилъ всѣ послѣдующіе походы противъ Наполеона. Во время этихъ походовъ были написаны имъ первыя стихотворенія на чешскомъ языкѣ. Въ 1812 году Полакъ былъ произведенъ въ офицеры. Въ 1813 году, квартируя съ полкомъ въ Вѣнѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Чешскаго Литературнаго Листка», въ которомъ помѣщалъ свои стихи. Въ 1815 году онъ, въ свитѣ фельдмаршалъ-лейтенанта барона Коллера, отправился въ Италію, гдѣ пробылъ три года. Въ 1819 году, возвратившись съ Коллеромъ въ Чехію, онъ издалъ свою большую поэму «Величіе Природы», которая, въ свое время, произвела сильное впечатлѣніе на читающую публику и потомъ долго считалась лучшимъ произведеніемъ чешской поэзіи. Впослѣдствіи онъ былъ еще разъ командированъ въ Италію, а въ 1827 году назначенъ преподавателемъ чешскаго языка въ военной академіи въ Вѣнѣ. Въ 1830 году Полакъ оставилъ академію и снова поступилъ въ строевую службу и дослужился до чина генералъ-майора. Затѣмъ, въ 1849 году онъ вышелъ въ отставку и умеръ въ 1856 году. Заслуги его въ дѣлѣ возрожденія чешской литературы — несомнѣнны; что же касается упомянутой нами поэмы «Величіе Природы», то ее можно смѣло назвать первымъ чешскимъ стихотворнымъ произведеніемъ, отличающимся дѣйствительнымъ художественнымъ творчествомъ. Изъ прозаическихъ сочиненій Полака можно указать на «Путешествіе въ Италію». Собраніе его сочиненій напечатано въ Прагѣ, въ 1862 году, въ двухъ томахъ.

СОЛОВЬИНАЯ ПѢСНЬ ПОДЪ ВЕЧЕРЪ.

Утихли въ небесахъ громовые раскаты —
Долины и лѣса спокойствіемъ объяты;
Какъ на красавицу, на алую зарю
Съ порога моего я весело смотрю
И лирой, никому невѣдомой и скромной,
Ее привѣтствую и славлю весперъ томный.
Ряды косцовъ идутъ сбирать съ луговъ дары:
Ложатся подъ косой пушистые ковры,
А дѣвы, утонувъ въ тѣхъ злакахъ по колѣно,
Благоуханное сгребаютъ въ копны сѣно.
О, сладкій нѣги часъ! Пѣвца живишь ты вновь
И согрѣваешь въ немъ остынувшую кровь:
Она кипитъ опять и сердце бьется шибко.
Ты ангелъ кротости: твой взоръ, твоя улыбка
О буряхъ жизненныхъ велятъ мнѣ позабыть
И, словно юношѣ, и чувствовать, и жить...
Межъ-тѣмъ багровый шаръ потухшаго свѣтила
Къ закату клонится; долины тьма покрыла,
Лишь гордые верхи остроконечныхъ горъ
Еще озарены, еще плѣняютъ взоръ
Своими розами; несется шаловливый

Оттолѣ вѣтерокъ, колыша спящей нивой;
Колосья въ темнотѣ, качаяся, шумятъ;
Послѣднимъ золотомъ одѣтъ еще закатъ,
Но мигъ — и длинныя кругомъ спустились тѣни:
Все погрузилось въ мракъ. На горныя ступени
Восходитъ ночи царь, въ коронѣ золотой:
Коснувшись ихъ вершинъ сверкающей пятой,
Потекъ онъ по небу; на землю сыплетъ злато;
Все озарилось вновь съ востока до заката,
Внизу и на холмахъ; но тихи тѣ лучи,
Иную будятъ жизнь: слышнѣй гремятъ ключи
Межъ скалъ и пропастей, исполнены веселья;
Вотъ быстрый нетопырь изъ темнаго ущелья
Какъ молнья выпорхнулъ; косцы идутъ домой,
За ними дѣвушки игривою толпой...
Все тихо. Вдругъ оттоль, гдѣ сокори и буки
Съ сиренями сплелись — божественные звуки
Рѣкою хлынули, по воздуху текутъ,
То лѣсъ пронижутъ весь, то сладостно замрутъ
(Знать, новыя пѣвецъ обдумываетъ трели)
И вотъ изъ горлышка тончайшаго свирѣли
Аккорды дивные разсыпалъ онъ опять,
Затѣмъ медлительно сталъ снова затихать
И нѣжно перешолъ въ задумчивые тоны,
Въ уныло-страстные, таинственные стоны —
И замеръ. Эхо лишь средь горъ и средь лѣсовъ
Раскатамъ пѣсенъ тѣхъ, тѣхъ трелей, голосовъ
Далеко вторило. Все будто онѣмѣло
И чудной прерывать гармоніи не смѣло;
Зефиръ — и тотъ затихъ и не дерзалъ дохнуть,
Травою, колосомъ, березкой шевельнуть;
И даже лиліи, свернувшей злаки пышны,
Благоуханія почившія не слышны...

Н. Бергъ.

—

В. ГАНКА.

Вячеславъ Ганка, знаменитый чешскій ученый и литераторъ, родился 29 мая (10 іюня) 1791 года въ селеньи Гориневчѣ, Кенигсгрецкаго округа въ Чехіи. Отецъ его былъ простой крестьянинъ, ремесломъ мясникъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ заставлялъ своего пятнадцатилѣтняго сына пасти стадо и помогать работникамъ въ полѣ. Только зимою Ганка ходилъ въ школу, что не мѣшало ему дѣлать большіе успѣхи. Старый «Пѣсенникъ» матери его первый пробудилъ въ немъ понятія о поэзіи; страсть къ филологіи развилась въ немъ отъ записыванія всѣхъ незнакомыхъ словъ, какія ему удавалось слышать отъ квартировавшихъ солдатъ всѣхъ народностей, составляющихъ разношорстую Австрійскую имперію. Боясь, чтобы его сына не завербовали въ солдаты, отецъ Ганки отвезъ его въ Кенигсгрецкую гимназію, потому-что тогда ученики гимназіи были свободны отъ военной службы. Такъ-какъ молодой Ганка былъ очень слабъ въ нѣмецкомъ языкѣ, то профессора, по просьбѣ старика отца, позволили ему отвѣчать уроки по-чешски. Изъ гимназіи Ганка перешолъ въ Пражскій университетъ. Здѣсь онъ занимался очень прилежно, былъ любимцемъ Добровскаго и окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ. Изъ Праги онъ переѣхалъ въ Вѣну, для изученія правовѣденія и редактированія двухъ газетъ. По возвращеніи въ Прагу, онъ издалъ свои «Пѣсни», которыя были приняты публикою весьма сочувственно. Въ 1817 году, путешествуя по Чехіи, онъ совершенно случайно открылъ въ Краледворѣ знаменитый манускриптъ чешскихъ пѣсенъ, возбудившій вниманіе всей Европы и получившій названіе «Краледворской Рукописи». Въ 1818 году основанъ былъ Чешскій Музей и Ганка назначенъ его библіотекаремъ. Съ этого времени Ганка посвятилъ всего себя Музею и сдѣлался живымъ каталогомъ своей библіотеки и самою вѣрною справкою для каждой находившейся въ ней книги. Въ 1848 году онъ былъ сдѣланъ деканомъ Пражскаго университета и читалъ въ немъ лекціи древне-славянской и русской литературы. Кромѣ множества напечатанныхъ имъ учоныхъ статей въ разныхъ чешскихъ повременныхъ изданіяхъ, онъ издалъ древне-славянскую, русскую, польскую и чешскую грамматики, «Собраніе древне-чешскихъ литературныхъ памятниковъ», примѣчанія къ «Слову о полку Игоревѣ», изслѣдованія къ Остромирову евангелію, «Далимилову чешскую хронику», «Изслѣдованіе о евангеліи, служившемъ при коронованіи французскихъ королей», «Жизнь Карла IV» и любопытную книгу Іоанна Гуса «Путь ко спасенію». Послѣдній его трудъ о древне-чешскихъ монетахъ, къ сожалѣнію, только отчасти напечатанъ.

Ганка былъ истинный патріотъ, но безъ малѣйшаго фанатизма и уважалъ мнѣнія каждаго. Даже когда, въ 1848 году, его выбрали въ депутаты, онъ отклонилъ отъ себя это званіе и принялъ только президентство общества «Славянской Липы», которое и сохранилъ до распу-

щенія этого общества, съ жаромъ поддерживая все, что могло клониться къ развитію отечественнаго элемента. Ганка умеръ 12 января 1861 года и погребенъ въ Вышеградѣ, куда его проводило болѣе 30,000 его почитателей.

I.

КРАЛЕДВОРЪ.

Съ вершины славной той горы,
Отъ лучезарнаго востока,
Гдѣ Доброславъ свои шатры
Кругомъ раскидывалъ широко;

Гдѣ, вытекая изъ Карпатъ,
Веселія и жизни полны,
Въ Орлицу, словно водопадъ,
Несутся быстрой Лабы волны —

Оттоль примите нашъ привѣтъ
И поздравленія живыя,
Вы, Чехіи краса и цвѣтъ,
Ея бойцы передовые!

Вы какъ святыню сберегли
Отъ навожденія чужого
Сокровища родной земли,
Богатства языка родного,

Когда какимъ-то тяжкимъ сномъ
Отягощались наши вѣжды
И умирали съ каждымъ днемъ
Въ сердцахъ послѣднія надежды.

Какъ часто вешнею порой
Едва поднявшееся жито,
Въ долинѣ пышной, подъ горой,
Лежитъ, перунами убито:

Такъ, словно пластъ, лежали мы,
Родная рѣчь въ устахъ нѣмѣла,
Лежали средь кромѣшной тьмы —
А небо въ молніяхъ гремѣло.

Прошли, умчались безъ слѣдовъ
Тѣ дни для внуковъ Славомила,
Когда велѣніе отцовъ
Единой властью въ краѣ было;

Давноминувшаго краса,
Забыли нынѣ Самоницы,
Что въ нихъ тотъ Само родился,
Отъ чьей карающей десницы

Бѣжалъ строптивый супостатъ,
Тѣлами поле устилая;
Кто Карла смялъ среди Карпатъ
И славу спасъ родного края.

И та пора давно прошла,
Намъ приснопамятныя лѣта,
Когда сосѣдкой намъ была
Премудрая Елизавета.

На память ей донынѣ храмъ
У насъ, съ высокою оградой,
Чело возноситъ къ небесамъ
И сердце намъ живитъ отрадой.

Умолкъ и Ткадлечекъ, что былъ
Минувшаго красой и славой;
И вѣщій Неплахъ нашъ почилъ,
Бытописатель величавый.

А было прежде и для насъ
Иное, счастливое время:
Звучалъ здѣсь бардовъ нашихъ гласъ,
Росло воинственное племя;

И, хваловъ развернувши стягъ,
Оно съ тевтонами боролось —
И подъ его мечами врагъ
Ложился, будто зыбкій колосъ.

Среди равнинъ Высоцкихъ стонъ
Стоялъ и дрогнули равнины,
Когда по нимъ король Оттонъ
Погналъ Зигмунтовы дружины.

Тутъ Рокицана впереди
Стремился яростною бурей,
А послѣ выбранъ былъ въ вожди
Отъ цѣлаго народа Юрій.

Оттолѣ гербъ его мы чтимъ,
Прославленный во время оно,
И потому теперь надъ нимъ
Сіяетъ чешская корона.

Здѣсь жили Выдра и Бальбинъ,
И не одинъ отсюда воинъ
И честный вышелъ гражданинъ,
Кто присной памяти достоинъ.

Мы даже всѣ произошли
Изъ поколѣнья Доброслава,
Кто былъ для Чешской всей Земли
Въ минувши годы честь и слава.

Отсюда и Добровскій тотъ,
Чье имя чтится всѣмъ народомъ
И къ дальнимъ внукамъ перейдетъ —
И онъ, и онъ отсюда родомъ!

Н. Бергъ.

II.

ФІАЛКА.

Нѣжная фіалка,
Цвѣтикъ мой прелестный,
Для чего ты скрыта
Въ гущинѣ древесной?

Ты цвѣтешь въ убранствѣ
Хоть и небогатомъ,
Да за-то полна ты
Дивнымъ ароматомъ.

Чуть теплѣе станетъ,
Чуть пахнётъ весною —
Цѣлый боръ зелёный
Напоенъ тобою.

«Пусть-себѣ я прячусь,
Укрываюсь въ чащѣ:
Всякихъ ароматовъ
Ароматъ мой слаще!

«Въ чащу понемногу
Чрезъ холмы и долы
Проторятъ дорогу
Мотыльки и пчёлы.

«Проберись лишь въ рощу,
А ужь въ самой рощѣ
Отыскать фіалку
Ничего нѣтъ проще.»

Н. Бергъ.

III.

ОЖИДАНІЕ.

Тихо, тихо все вокругъ,
Опустилась ночь;
Приходи, мой милый другъ,
Сонъ откинувъ прочь!

Выплываетъ надъ рѣкой
Ясная луна...
Страстной полонъ я тоской,
Въ мысляхъ ты одна.

И терзаясь, и любя,
Жду я... все молчитъ...
Лишь гитары въ честь тебя
Стройный гимнъ звучитъ.

Тщетно взоръ пронзаетъ тьму,
Гдѣ жь ты? приходи!
Крѣпко я тебя прижму
Къ пламенной груди!

Ты одна — и нѣтъ другой
У меня мечты!
Что же, ангелъ дорогой,
Что же медлишь ты?

Н. Бергъ.

IV.

СЕБѢ.

Породила меня
Моя матушка,
Породила меня
Въ красный вешній день —

Въ красный вешній день,
Въ зеленòмъ саду —
Въ зеленòмъ саду,
Между розами —

Между розами
Полноцвѣтными.
Говорила мнѣ
Моя матушка:

«Кабы знала я,
Мое дитятко,

Что ты выростешь
Чехомъ доблестнымъ:

Обвила̀ бъ тебя,
Обернула бъ я
Въ розы алыя,
Благовонныя!

Кабы знала я,
Мое дитятко,
Что ты выростешь
Злымъ измѣнникомъ:

Обвила̀ бъ тебя
Я рогожею —
И въ колючіе
Тёрны бросила!»

Н. Бергъ.

V.

ЦВѢТЫ.

Видны разные цвѣтки
Середи поляны:
Розы, маки, васильки,
Ландыши, тюльпаны;

И на темной зеленѝ
Будто снѣгъ бѣлѣя,
Укрывается въ тѣни
Бѣлая лилея.

Я весь день бродить готовъ
Посрединѣ луга;
Но милѣй мнѣ всѣхъ цвѣтовъ
Ты, моя подруга!

Ты, лилея всѣхъ лилей,
Ты — живая роза!
Пусть цвѣты среди полей
Сгибнутъ отъ мороза,

Пусть померкнетъ все вокругъ,
Съ солнцемъ и луною,
Лишь бы ты, мой милый другъ,
Ты была со мною —

Восхитительна точь-въ-точь
Какъ теперь, сегодня:
Яснымъ днемъ была бъ мнѣ ночь,
Раемъ — преисподня!

Н. Бергъ.

VI.

ЛАБА.

Ты куда, скажи мнѣ, Лаба,
Лаба тихая плывёшь?
Про кого свои ты пѣсни,
Мой соловушко, поёшь?

Про кого поёшь ты пѣсни
Въ темной рощѣ и въ лѣсу?
Распѣвалъ и я, бывало,
Про нее, мою красу!

Да недолго безмятежно
Дни катилися мои,
Что̀ у Лабы серебристой
Тиховодныя струи:

Разлучили вдругъ со мною
Сердце — милую мою —
Съ-той-поры я, сиротина,
Звонкихъ пѣсенъ не пою.

Ты куда жь, скажи мнѣ, Лаба,
Лаба тихая плывёшь?
Про кого свои ты пѣсни,
Мой соловушко, поёшь?

Н. Бергъ.

VII.

ОЧИ.

Очи, полныя огня,
Вы — мои мучители!
Для чего вы у меня
Миръ души похитили?

Веселюсь ли я съ толпой,
Въ стѣпи ли безлюдныя
Унесусь — и вы за мной,
Пламенныя, чудныя!

Всякій день и всякій часъ,
Днемъ и въ ночь угрюмую,

Только знаю, что про васъ
Думушку я думаю!

Очи, полныя огня,
Вы — мои мучители!
Для чего вы у меня
Миръ души похитили?

Н. Бергъ.

—

И. КОЛЛАРЪ.

Иванъ Колларъ, самый знаменитый изъ чешскихъ поэтовъ и едва ли не самый горячій панславистъ во всемъ славянствѣ, родился въ 1793 году, въ Словацкой Землѣ. Онъ уже въ ранней молодости обнаруживалъ страстное влеченіе ко всему народному: изучалъ народную поэзію, собиралъ словацкія и чешскія пѣсни, записывалъ старинныя преданья и пословицы. Окончивъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ философскихъ и богословскихъ наукъ въ Бреславскомъ университетѣ, онъ отправился въ Іену, и въ 1817 году, какъ іенскій студентъ, принялъ участіе въ знаменитомъ вартбургскомъ праздникѣ, гдѣ юная Германія заявила фантастическимъ ауто-да-фѐ свою ненависть къ реакціи и обскурантизму. Надо думать, что это настроеніе, господствовавшее тогда въ нѣмецкой молодежи вообще и въ Іенскомъ университетѣ въ особенности, имѣло сильное вліяніе на складъ патріотическихъ тенденцій Коллара. Онѣ вызывались въ немъ и другими обстоятельствами. Здѣсь, на берегахъ Салы и Эльбы, обитали когда-то полабскіе славяне — и это историческое воспоминаніе возбудило въ Колларѣ національное чувство, которое вскорѣ соединилось съ нѣжнымъ чувствомъ къ Вильгельминѣ Шмидтъ, дочери нѣмецкаго евангелическаго пастора, происходившаго отъ славянскихъ предковъ. Это двойное чувство дало содержаніе всей поэзіи Коллара, въ которой онъ изливаетъ свои личныя радости и печали, воспѣваетъ прошедшее и настоящее славянскаго міра и предсказываетъ великую его будущность. Колларъ издалъ свое произведеніе подъ именемъ «Дочери Славы», подъ которой понимались и возлюбленная Мина и великое славянское отечество. «Дочь Славы» написана звучными и часто истинно-поэтическими сонетами, которыхъ насчитывается болѣе шести-сотъ, и вышло въ свѣтъ шестью выпусками въ 1821, 1824, 1832, 1845, 1852 и 1862 годахъ. Въ содержаніи «Дочери Славы» выразилась вся задушевность панславистскаго направленія: это были или патріотическія элегіи, вызванныя воспоминаніемъ о прежней славѣ славянскаго отечества, или призывы братій къ единодушію, или обличеніе отступниковъ. Поэтическая дѣятельность Коллара ограничилась одной этой поэмой, такъ-какъ нѣсколько небольшихъ стихотвореній иного содержанія, написанныя имъ въ молодости и не имѣющія литературнаго достоинства, не могутъ идти въ расчотъ.

По возвращеніи изъ Іены въ Пештъ, гдѣ получилъ мѣсто евангелическаго проповѣдника, Колларъ принялся за сочиненіе проповѣдей; а также занимался славянской стариной и народной поэзіей. Затѣмъ, онъ совершилъ нѣсколько путешествій для изученія остатковъ славянской древности въ Германіи, Италіи и Швейцаріи. Результатомъ этихъ поѣздокъ былъ цѣлый рядъ сочиненій по части этнографіи, именно: «Народныя пѣсни словаковъ въ Венгріи» (2 т., 1834—1835), «Изслѣдованіе о происхожденіи, имени и древностяхъ славянъ» (1839), «Путешествіе» (1843), «Славянская Старо-Италія» (1852) и другія. Когда начался венгерскій вопросъ, тяжело упавшій на словаковъ, Колларъ горячо защищалъ своихъ соотечественниковъ, но при началѣ революціи удалился въ Вѣну, гдѣ получилъ славянскую каѳедру въ университетѣ.

Чтобы заключить изложеніе литературной дѣятельности Коллара, мы должны упомянуть еще объ одномъ произведеніи его, которое въ свое время оставило сильное впечатлѣніе въ умахъ славянской публики. Мы говоримъ о его нѣмецкой брошюрѣ: «О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянскаго народа». Основная мысль брошюры заключается въ томъ, что славяне, не смотря на свои силы и способности, далеко отстали въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ отъ остальныхъ народовъ западной Европы и что причина этого печальнаго факта заключается въ раздробленіи и недостаткѣ единства, и потому для утвержденія своихъ народныхъ стремленій славяне должны соединиться въ литературной взаимности. «Въ наше время» — говоритъ онъ — «не достаточно быть хорошимъ русскимъ, горячимъ полякомъ, совершеннымъ сербомъ, учонымъ чехомъ, и только исключительно, хотя бы и хорошо, говорить по русски, но польски, по сербски, по чешски. Уже

прошли односторонніе дѣтскіе годы славянскаго народа; духъ нынѣшняго славянства налагаетъ на насъ другую высшую обязанность, а именно: считать всѣхъ славянъ братьями одной великой семьи и создавать великую всеславянскую литературу». Какъ на средство для достиженія такого результата, Колларъ указываетъ на взаимное изученіе славянскихъ нарѣчій: онъ объясняетъ, какая опасность грозитъ славянству отъ его раздѣленія и какъ необходимо духовное общеніе литературъ для выполненія исторической задачи славянскаго племени — вести далѣе цивилизацію и просвѣщеніе послѣ германскихъ и романскихъ народовъ, которые должны теперь уступить свое мѣсто новому, свѣжему народу. Брошюра имѣла огромный успѣхъ, и о *взаимности* заговорили во всемъ славянскомъ мірѣ.

Колларъ скончался въ 1852 году. Полное собраніе его сочиненій въ четырехъ томахъ вышло въ Прагѣ въ 1862—63 годахъ. Въ нихъ напечатана и любопытная его автобіографія, обнимающая, къ сожалѣнію, только время его молодости.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ДОЧЬ СЛАВЫ».

1.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Здѣсь предо мною земля знаменитаго нашего рода,
Въ оные дни колыбель, нынѣ могила его.
Слёзы роняя, гляжу: чтò ни шагъ, то священное мѣсто!
Стой, сынъ Татры! горѣ взоры свои подыми,
Или къ сему преклонись величавому, старому дубу,
Съ коимъ доселѣ свой споръ лютое время ведетъ.
Но лютѣй и ужаснѣе тотъ, кто подъ скипетръ желѣзный,
Славія, выю твою, зависти полонъ, согнулъ.
Яростной брани подобенъ, свирѣпой грозѣ и пожару
Тотъ, кто противу своихъ местью и злобой кипитъ.
Гдѣ ты, минувшее время? какъ ночь позади распростерлась!
Слава, какъ дымъ, унеслась; образъ позора я зрю.
Вплоть отъ измѣнчивой Лабы до пажитей Вислы коварной,
Съ тихихъ Дуная бреговъ къ Балтики шумнымъ валамъ
Несся когда-то языкъ сладкозвучный, богатый и дивный,
Слово могучихъ славянъ — нынѣ умолкло оно!
Кто жь совершилъ святотатство, грабежъ, вопіющій на небо?
Кто въ народѣ одномъ сонмы людей оскорбилъ?
Скройся, бѣги отъ стыда кровожадное племя тевтоновъ:
Ты совершило набѣгъ, пролило чистую кровь!
Тотъ, кто свободы достоинъ — и въ чуждыхъ оцѣнитъ свободу;
Цѣпи кующій рабамъ — самъ есть невольникъ и рабъ.
Гдѣ вы, любезные роды славянъ, въ семъ краю обитавшихъ?
Мирныхъ сорабовъ семья? вильцевъ могучая вѣтвь?
Гдѣ оботритовъ потомки? гдѣ внуки воинственныхъ укровъ?
Тщетно ихъ ищетъ мой взоръ: въ Славіи нѣту славянъ!
Дубъ, уцѣлѣвшій отъ времени храмъ ихъ, гдѣ жертвы сжигали
Давнимъ они божествамъ, нынѣ повѣдай ты мнѣ:
Гдѣ эти скрылись народы? Гдѣ грады ихъ, села и вѣси?
Кто на полуночи здѣсь первую жизнь возбудилъ?
Бѣдной Европѣ одни ладіи принесли съ парусами,
Дабы богатства свои зà море слала она;
Звонкій металлъ изъ земли добывать научили другіе,
Больше на почесть богамъ, нежели алчнымъ въ корысть;
Третьи, измысливши плугъ, взбороздили имъ землю — и выросъ
Колосъ на ней золотой, житомъ одѣлись поля.
Липы, священное древо славянъ, насаждалися ими
Подлѣ дорогъ и стезей, чтобъ разстилалася тѣнь.
Старцы учили дѣтей созидать города и деревни,
Жоны учились отъ жонъ тонкое ткать полотно.
Гдѣ жь ты, учитель-народъ, и какую ты мзду за науку
Въ этихъ странахъ получилъ? Злобно твой попранъ вѣнецъ!
Точно, какъ хищныя пчелы, въ чужой перебравшися улей,
Матку и дѣтокъ сѣкутъ яростнымъ жаломъ своимъ,
Такъ и въ предѣлы славянъ чужеземные вторглись владыки:
Тяжкія цѣпи на нихъ лютый сосѣдъ наложилъ.
Гдѣ среди рощей зеленыхъ веселая пѣла славянка,
Нынѣ безмолвіе тамъ: пѣсень никто не поётъ!
Гдѣ возвышались чертоги гремящаго бога-Перуна,
Чуждая сволочь теперь ставитъ хлѣва для коровъ

Между разбитыми пышными сводами; тамъ, гдѣ Аркона
Въ прежніе годы цвѣла, Ретры блистало чело,
Бродитъ суровый пришлецъ, попираетъ святые останки
Дерзкой стопою; гнѣздо всякая гадина вьётъ.
Славіи сына, пришедшаго къ братіямъ въ оныя страны,
Часто чуждается братъ, радостныхъ рукъ не простретъ;
Чуждая рѣчь поражаетъ его; онъ глядитъ и не вѣритъ
Собственнымъ взорамъ: предъ нимъ истый стоитъ славянинъ,
Только изъ устъ у него неславянская рѣчь вылетаетъ
Ибо особый дала Славія дѣтямъ своимъ
Обликъ: ни мѣсто, ни время его не изгладятъ вô-вѣки!
Такъ двѣ рѣки, съединясь, вмѣстѣ порою бѣгутъ,
Послѣ, разбившися врозь, опять два пути избираютъ,
Каждая къ морю свои пѣнныя волны несетъ.
Точно такая жь борьба истомила и братніе роды:
Бывши когда-то одно, врозь племена разошлись.
Часто отступники-дѣти поносятъ родимую матерь;
Часто лобзаютъ они мачихи яростный бичъ.
Жизнью, обычаемъ, рѣчью они ни славяне, ни нѣмцы:
Разомъ и птица, и звѣрь, мрака жилецъ нетопырь.
Такъ въ благодатныя страны Эллады проникли османы,
На величавый Олимпъ дерзкій бунчукъ вознеся;
Такъ европеецъ корыстный разрушилъ два міра индійцевъ,
Земли похитивъ у нихъ, доблесть, свободу и рѣчь.
Тьмы поколѣній исчезли; низвергнуты храмы и боги;
Лишь неизмѣнно во-вѣкъ царство природы одной.
Рѣки, лѣса, города сохранили славянское имя:
Только въ нихъ тѣло славянъ, духа жь славянскаго нѣтъ.
Кто же придетъ и могилы отъ вѣщей разбудитъ дремоты?
Гдѣ онъ, славянскихъ племенъ истый властитель и вождь?
Кто намъ укажетъ священное мѣсто, на коемъ издревле
Кровь за народъ проливалъ доблестный мужъ Милидухъ?
Кто въ честь героя воздвигнетъ тамъ памятникъ? Гдѣ, охранявшій
Прежнихъ временъ простоту, гдѣ онъ, воинственный Крукъ?
Онъ, къ славянскимъ дружинамъ взывавшій въ бою по славянски?
Гдѣ Боеславъ удалой? Горе! ихъ болѣе нѣтъ!
Можетъ, порой ненарокомъ ломаетъ геройскія кости
Плугъ селянина; встаютъ тѣни бойцовъ изъ могилъ,
Грозно взывая къ судьбѣ. О, холодно черствое сердце
Путника, если онъ тутъ горькой слезы не прольетъ,
Словно надъ прахомъ возлюбленной! Смолкни, однако, и стихни,
Тяжкая скорбь, устремя очи пытливыя въ даль!
Полно печалиться намъ и несчастья оплакивать наши:
Станемъ бодрѣе глядѣть, силы прибудетъ у насъ!
Слёзы плода не дадутъ, но десница могучая можетъ
Все, трудясь, измѣнить: злое направить къ добру.
Если народъ заблудился, такъ міръ не собьётся съ дороги;
Часто ошибки однихъ служатъ на помощь другимъ.
Время цѣлитель всего и, рано ли, поздно ли, правда
Яркимъ свѣтиломъ взойдетъ, насъ и другихъ озаритъ.
То, что пожрала вѣковъ безпощадныхъ несытая бездна,
Можетъ, по волѣ небесъ, мигомъ воскреснуть и жить!

Н. Бергъ.

2.

ПѢСНЬ I, СОНЕТЫ 1—7.

Тамъ, гдѣ бѣжитъ излучистая Сала
Широкою долиной, межь цвѣтовъ,
Гдѣ Милидуха слава увѣнчала —
Тамъ нѣкогда собрался сонмъ боговъ

Держать совѣтъ: зане возопіяла
Къ нимъ Славія съ цвѣтущихъ береговъ
И небеса благія умоляла
О помощи противъ своихъ враговъ —

Задумались, толкуя о наградѣ...
Вдругъ Милко тихо молвилъ что-то Ладѣ —
И передъ ними въ блескѣ и красѣ

Явилась свѣтозарная дѣвица,
Всѣхъ жонъ земныхъ прекрасная царица —
И даже боги изумились всѣ.

—

Иной, пожалуй, броситъ взглядъ небрежный
На васъ, сонеты милые мои,
Какъ на гетеръ, за-то что, страсти нѣжной
Не внемля, танцовать съ нимъ не пошли.

Коль стихъ въ тебѣ огонь поры мятежной
И побѣлѣли волосы твои —
Любовь передъ красотками таи:
Нейдетъ веснѣ уборъ полночи снѣжной!

Но кто безъ предразсудковъ подойдетъ
И просто къ вамъ, о милые сонеты,
И къ пляскѣ васъ славянской позоветъ —

Тому цвѣты, гирлянды и букеты,
Тому рукопожатья и обѣты,
Того зовите сами въ хороводъ!

—

Съизмала свыкся съ жизнью я простою
И, отъ соблазновъ ускользнуть успѣвъ,
Боролся я съ житейской суетою,
Съ тщеславьемъ, съ честолюбіемъ, какъ левъ;

Сіянье злата праздною мечтою
Считалъ, а игры мои будили гнѣвъ;
Но прелесть бѣлокурыхъ жонъ и дѣвъ,
Блистающихъ полуночной красою,

Я началъ рано чувствовать вполнѣ
И первыя отсель узналъ тревоги.
Инымъ въ громахъ, въ горящей купинѣ,

Въ пророческихъ видѣніяхъ во снѣ
Являлись силы высшія, а мнѣ
Красою жонъ съ небесъ вѣщали боги.

—

О скромность! всѣ въ ней доблести слиты!
Она въ семъ свѣтѣ высшая есть сила;
А взглядъ, въ которомъ кротость опочила,
Есть выраженье высшей красоты:

Воздвигни ей престолъ лишь, сердце, ты —
Она бы рай вездѣ распространила;
Дай ей уста — о, этими усты
Всѣхъ риторовъ она бы разгромила!

Гдѣ свѣтишь нынѣ, кроткая звѣзда?
И — полно — существуешь ли ты въ мірѣ?
Иль не была ты смертной никогда

И съ неба не сходила къ намъ сюда?
Нѣтъ! здѣсь она! Гремите ей на лирѣ,
Моей обѣтованной навсегда!

—

Есть липа за широкою долиной,
Богъ-вѣсть какія помнитъ времена,
Давнымъ-давно стоитъ какъ-есть одна,
Шумя своею темною вершиной:

Меня тамъ зрѣла каждая весна;
Туда, туда съ моей тоской-кручиной
И съ радостью — чѣмъ грудь была полна —
Бѣжалъ я утромъ, хоть на мигъ единой;

И разъ, упавъ въ священныя кусты,
Молился такъ: «о, липа! если бъ ты
Покрыла наши скорби вѣчной тьмою!»

Вдругъ зашептали горніе листы,
Потрясся стволъ — и, въ блескѣ красоты,
Дочь Славы появилась предо мною!

—

Идти ли мнѣ въ широкій этотъ свѣтъ,
Или сидѣть? Кто дастъ на то отвѣтъ?
Кто разрѣшитъ тревожныя сомнѣнья?
Проложитъ путь, укажетъ вѣрный слѣдъ?

Блеснулъ передо мною дивный свѣтъ —
И я познаъ отрадныя мученья;
Какой-то гость, кому названья нѣтъ,
Ниспосылаетъ сердцу откровенья;

И вотъ — то веселъ я, то слёзы лью,
То молчаливъ, то преданъ разговорамъ,
Играю безмятежно и пою.

Терпѣнье, други! Вы жь, съ мертвящимъ взоромъ,
Повремените съ грознымъ приговоромъ,
Оставьте грусть мнѣ сладкую мою!

Торжественно колокола святые
Звучатъ; спѣшитъ на праздникъ все село;
Красавицы, вѣнками увитые,
Идутъ во храмъ; сіяетъ ихъ чело.

Вотъ и меня туда же повлекло;
Вмѣшался я въ толпы людей густыя,
Не вѣдая, что Милко, какъ на зло,
Еще сильнѣе въ цѣпи золотыя

Меня скуетъ. Едва вступилъ во храмъ —
И вижу я: колѣнопреклоненный,
Въ одеждѣ бѣлой, нѣкій ангелъ тамъ

Молитвенно къ Зиждителю вселенной
Стремится, взоръ поднявши къ небесамъ:
Ахъ! это онъ былъ, образъ незабвенный!...

Н. Бергъ.

3.

ПѢСНЬ II, СОНЕТЫ 137—142.

Краса всего полуночнаго края,
Мать Руси всей, и сердце, и глава,
Стоитъ золотоверхая Москва,
Крестами храмовъ блёща и играя.

Вдругъ занялася пламенемъ она;
Реветъ пожаръ отъ края и до края,
Дома, чертоги, хаты пожирая —
И запылалъ дворецъ Ростопчина...

Погибли созиданія столѣтій!...
Скажи, зачѣмъ ты свѣточь сей зажгла?
«Чтобы яснѣй вселенная прочла

Исторію мою при этомъ свѣтѣ
И знала бъ, чѣмъ для Руси я была
И каковы мои родныя дѣти!»

—

Славяне! Сладкій, благородный звукъ!
Но вмѣстѣ слышно горькое въ немъ горе,
Пучина искушеній, бѣдъ и мукъ,
Горючихъ слёзъ клокочущее море.

Уралъ и Татры! здѣсь палящій Югъ,
Тамъ лютый Сѣверъ въ ледяномъ уборѣ;
Чего тамъ нѣтъ, какихъ богатствъ вокругъ!
Живемъ-себѣ широко на-просторѣ...

Но тяжко дался этотъ намъ просторъ!
Другимъ на розахъ постланы постели,
И соловьёвъ кругомъ разсыпанъ хоръ;

Намъ, вмѣсто розъ, колючій постланъ тёръ,
Не соловьи, а вѣчный слышенъ споръ
И бранныя свирѣпствуютъ мятели...

—

Отъ скалъ Аөона вплоть до поморянъ,
Отъ Песья поля до поля Косова,
Отъ козаковъ къ землямъ дубровничанъ,
Оттоль до града гордаго Петрова,

Отъ Балтики къ полудню до Азова,
Отъ стѣнъ Китая до Полярныхъ странъ —
Раскинулись владѣнія славянъ
И слышно всѣмъ намъ родственное слово.

Уралъ, Влетава, Волга — всѣ края,
Вся наша необъятная семья,
Обнимемся, раздоры всѣ отбросимъ,

Ни зависти, ни злобы не тая,
И станемъ жить, какъ братья и друзья:
Мы всѣ одно святое имя носимъ!

—

Все намъ благія дали небеса,
Чтобъ стали мы со всей Европой рядомъ;
Окиньте только земли наши взглядомъ:
Чего тамъ нѣтъ: обиліе, краса;

Сребро и злато; пышнымъ вертоградомъ
Глядитъ нашъ полдень; всюду чудеса;
А по веселымъ вѣсямъ и по градамъ
Гремятъ поэтовъ вѣщихъ голоса:

Высокіе, божественные звуки!
И какъ у всѣхъ — плечà у насъ и руки,
И сила есть могучая въ рукахъ;

Лишь дайте намъ согласье да науки —
Взойдетъ другое солнце въ небесахъ
И все предъ нимъ повергнется во прахъ!

—

Славяне, братья милые славяне!
Вы любите кровавый споръ да брани —
Скажите мнѣ: какой въ тѣхъ браняхъ прокъ?
Возьмемъ отъ кучи угольевъ урокъ:

Въ одну семью съединены заранѣ,
Онѣ горятъ и блещутъ на таганѣ
И къ верху искры мечутъ въ потолокъ;
Но что жь одинъ бы сдѣлалъ уголёкъ?

Соединимся жь всѣ мы безъ изъятья:
Сербъ, русскій, чехъ, болгаръ, полякъ,
Одинъ къ другому кинемся въ объятья —

Одна хоругвь, одинъ да будетъ стягъ;
Забудемъ все, что̀ было; будемъ братья —
И дрогнетъ сопротивный врагъ!

—

Не сѣтуйте, что мы живемъ такъ мало,
Что племя богатырское дремало
До-сей-поры: ударитъ и для насъ
Спасенія и пробужденья часъ;

Такое же по нашимъ нивамъ рало
Пройдетъ, что̀ всю вселенную взодрало,
И прозвучитъ надъ нами тотъ же гласъ,
Который ихъ, который старшихъ спасъ —

И какъ они, пойдемъ мы на работу;
Покуда же благія небеса
Намъ посылаютъ сумракъ и дремоту;

Но вотъ и нашъ востокъ ужь занялся
Зарёй, и наша проситъ полоса
Возвышеннаго бдѣнія и поту...

Н. Бергъ.

4.

ПѢСНЬ III, СОНЕТЫ 5, 7 И 110.

Сдается мнѣ: весь родъ славянъ — большая
Рѣка, что путь величественный свой
Хоть медленно, но мощно совершая,
Стремится плавно къ цѣли вѣковой;

И на пути громады горъ встрѣчая,
Ихъ та рѣка обходитъ стороной,
И льётся, въ рай пустыни превращая,
Чрезъ города живительной волной.

Другіе жь шумно катятся народы,
Какъ вздутыя напоромъ вешнимъ воды;
Но сбылъ приливъ — и свѣтлый, злачный долъ

Трясиной сталъ съ упадкомъ волнъ ихъ мутныхъ,
Развалинами стали кровы сёлъ,
А жители — сбродъ нищихъ безпріютныхъ.

—

О, еслибъ всѣ славяне предо мной
Металлами явились: ихъ собранье
Я бъ сплавилъ, слилъ — и въ статуѣ одной
Великое бъ представилъ изваянье!

И русскій бы узрѣлся головой,
А туловищемъ — ляхъ при томъ сліяньѣ;
Изъ чеховъ вышли бъ руки, складъ плечной,
Изъ сербовъ ноги: крѣпкое стоянье!

Меньшія же всѣ отрасли славянъ
Пошли бы въ одѣянье, въ складки, въ тѣни,
Въ оружіе: воздвигся бъ великанъ —

И вся Европа, преклонивъ колѣни,
Взирала бы! А онъ — превыше тучъ —
Міръ попиралъ бы, грозенъ и могучъ!

—

Чрезъ сотню лѣтъ, о братья, что-то будетъ
Изъ насъ, славянъ? Что будетъ въ свой черёдъ
Съ Европою? Въ нашъ токъ воды прибудетъ —
И жизнь славянъ не весь ли міръ зальётъ?

И нашъ языкъ, что нынѣ лживо судитъ
Нѣмецкій судъ и рабскимъ вкривь зоветъ,
Изъ устъ враговъ заслышится, разбудитъ
Дворцовъ ихъ эхо — и гудѣть пойдетъ!

Славянскимъ русломъ знаніе польётся,
И въ моду быть славянскій весь вполнѣ
Надъ Сеною и Лабою введётся...

О, лучше бы тогда родиться мнѣ
И вольной жизни плыть по океану!
Но — я тогда еще изъ гроба встану!

В. Бенедиктовъ.

—

П. ШАФАРИКЪ.

Павелъ Іосифъ Шафарикъ, знаменитѣйшій изъ чешскихъ ученыхъ, родился 28-го апрѣля (10-го мая) 1795 года въ небольшой горной деревнѣ въ верхней Венгріи, гдѣ отецъ его, родомъ словакъ, былъ евангелическимъ проповѣдникомъ. До одиннадцати лѣтъ молодой Шафарикъ не оставлялъ родительскаго дома, упражняясь въ чтеніи и письмѣ и пріобрѣтая первоначальныя знанья подъ руководствомъ отца. Въ 1805 году онъ былъ отданъ въ Разнавскую гимназію, по окончаніи курса въ которой былъ переведенъ въ 1810 году въ одинъ евангелическій лицей въ верхней Венгріи, въ которомъ пробылъ пять лѣтъ. Здѣсь-то совершенно случайно попалась ему въ руки статья Іосифа Юнгмана «О языкѣ чешскомъ», напечатанная въ «Гласникѣ» на 1803 годъ и написанная очень горячо. Статья эта сильно подѣйствовала на Шафарика и, такъ сказать, рѣшила его участь. Онъ ревностно принялся за изученіе славянской народности, и первымъ плодомъ этого изученія была его поэтическая попытка — «Tatranská Můza s lyrou Slovanskou». Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ названной книжки, напечатанной въ 1814 году, т. е. еще во время пребыванія его въ лицеѣ, стихотворенія Шафарика стали появляться въ журналахъ и многія изъ нихъ были замѣчены публикою. Окончивъ курсъ въ лицеѣ, Шафарикъ отправился, въ 1815 году, въ Іенскій университетъ, гдѣ пробылъ четыре года. Здѣсь, кромѣ обязательныхъ для него лекцій богословскихъ, онъ ревностно посѣщалъ лекціи филологіи, исторіи и философіи. По выслушаніи полнаго курса, Шафарикъ былъ удостоенъ, въ 1819 году, степени доктора философіи. Но и тутъ, не смотря на всю обширность своихъ занятій, Шафарикъ находилъ время для служенія славянскимъ музамъ. Во время своего пребыванія въ Іенѣ, онъ перевелъ «Облака» Аристофана и «Марію Стюартъ» Шиллера. Но съ выходомъ изъ университета Шафарикъ окончательно распростился съ поэзіей и отдался исключительно ученымъ занятіемъ. Въ 1819 году Шафарикъ былъ приглашонъ въ Новый-Садъ, для занятія мѣста профессора и директора вновь открытой тамъ гимназіи. Эту должность занималъ онъ до 1833 года. Затѣмъ, онъ переселился въ Прагу, гдѣ съ 1842 года и до смерти оставался при университетской библіотекѣ. Уже въ Новомъ-Садѣ обнаружилъ Шафарикъ необыкновенную дѣятельность изученія, которое обратилось на славянскій міръ, его прошедшее и настоящее. Въ 1826 году онъ издалъ свою «Всеславянскую исторію литературы»; затѣмъ, въ 1828 году слѣдуетъ книга «О происхожденіи славянъ», въ 1833 — книга «О сербскомъ языкѣ», бросившая новый свѣтъ на исторію славянскихъ нарѣчій; въ 1837 онъ издалъ свое знаменитѣйшее произведеніе: «Славянскія древности», которое остается до-сихъ-поръ исходной точкой всѣхъ трудовъ по изученію древней славянской исторіи; въ 1840 онъ, вмѣстѣ съ Палацкимъ, сдѣлалъ образцовое изданіе «Древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка»; въ 1842 издалъ новый панславистскій трудъ — «Этнографія славянскихъ племенъ»; въ 1845 «Грамматику древне-чешскаго языка»; наконецъ въ послѣдніе годы — «Памятники южно-славянской письменности», «Памятники письменности глаголической», и т. д. Все это — произведенія первостепенной важности. Шафарикъ умеръ 14-го (26-го) іюня 1861 года.

СОНЕТЪ.

Плыветъ луна въ лазурномъ океанѣ,
Средь хора лучезарнаго свѣтилъ,
Какъ нѣкій царь въ своемъ военномъ станѣ,
Какъ свѣтлый предводитель горнихъ силъ.

Почіетъ лѣсъ въ серебряномъ туманѣ
И быстрый ключъ свой бѣгъ остановилъ;
Морозами окованный заранѣ,
Онъ не бѣжитъ — дыханье приталъ.

Какъ тихо все и въ небесахъ и въ полѣ!
Душа моя возносится горѣ —
Готовъ огонь святой на алтарѣ...

Но взоръ поэта никнетъ по-неволѣ:
Кого любилъ — ея ужь нѣту болѣ:
Какъ звѣздочка погасла на зарѣ...

Н. Бергъ.

Ф. ПАЛАЦКІЙ.

Францъ Палацкій, знаменитый исторіографъ чешскаго королевства и отецъ новѣйшей чешской исторіи, родился 2-го (14-го) іюня 1798 года въ

деревнѣ Годславицахъ, Преровскаго округа на Моравѣ. Окончивъ курсъ ученія въ Пресбургскомъ лицеѣ и въ Вѣнскомъ университетѣ, онъ издалъ «Начатки чешской просодіи» — сочинееніе, предсказавшее въ немъ замѣчательнаго ученаго. Поселившись съ 1823 года въ Прагѣ, онъ употребилъ всѣ свои усилія на тò, чтобы убѣдить своихъ соотечественниковъ въ возможности воскресить чешскую народность. Усилія его увѣнчались успѣхомъ и Палацкій принялъ редакцію журнала, основаннаго при Чешскомъ Музеѣ, въ которомъ сталъ проводить свои взгляды. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усердно изучалъ источники, разбросанные въ чешскихъ архивахъ и европейскихъ библіотекахъ Берлина, Мюнхена, Дрездена, Вѣны, Рима и другихъ. Историческія изслѣдованія и монографіи, которыя онъ сталъ помѣщать въ своемъ журналѣ, доставили ему вскорѣ громкую извѣстность — и онъ былъ облеченъ въ званіе *чешскаго исторіографа*, съ жалованіемъ въ 1000 гульденовъ — званіе, которое остается за нимъ до-сихъ-поръ. Литературная дѣятельность Палацкаго началась очень рано: въ 1828 году онъ издалъ «Старыя чешскія лѣтописи», въ 1830—замѣчательное изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: «Оцѣнка древне-чешскихъ историческихъ писателей»; въ 1836 году появилось начало его обширной и знаменитой «Исторіи чешскаго народа» — сначала на нѣмецкомъ, потомъ на чешскомъ языкѣ — которую онъ продолжаетъ до-сихъ-поръ. Кромѣ того, съ 1840 по 1844 годъ онъ издавалъ «Чешскій Архивъ», куда вошло множество любопытныхъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ чешскихъ и иностранныхъ архивовъ. Въ 1848 году Палацкій выступилъ на политическое поприще, и былъ самымъ вліятельнымъ представителемъ національной партіи, которая настаивала на федераціи, направленной противъ нѣмецкихъ стремленій включить Чехію въ германское единство и противъ вѣнской централизаціи. Отказъ участвовать въ засѣданіяхъ франкфуртскаго сейма навлекъ на Палацкаго вражду нѣмецкой партіи, которая озлобилась даже до того, что готовила ему насильственную смерть отъ руки наемнаго убійцы. Не смотря на всеобщее раздраженіе, австрійское правительство два раза предлагало Палацкому мѣсто министра просвѣщенія, но онъ каждый разъ отказывался, расходясь въ воззрѣніяхъ съ остальными членами министерства. Конецъ революціи удалилъ Палацкаго съ политическаго поприща, на которомъ онъ дѣйствовалъ какъ членъ вѣнскаго и кромѣржицкаго сеймовъ; новая конституція опять дала ему мѣсто въ верхней вѣнской палатѣ. Важнѣйшій литературный трудъ Палацкаго есть его «Исторія чешскаго народа», доведенная теперь, послѣ нѣсколькихъ томовъ, до XVI столѣтія и которую онъ ведетъ паралельно на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ. Книга Палацкаго написана по всѣмъ требованіямъ исторической критики, на основаніи обширнаго изученія источниковъ, и имѣетъ въ глазахъ чеховъ высокое національное значеніе. Что же касается самого изложенія, то оно обличаетъ въ авторѣ значительный литературный талантъ. Въ 1867 году Палацкій, вмѣстѣ съ другими славянскими гостями, посѣтилъ московскую этнографическую выставку, причемъ встрѣтилъ, какъ въ Петербургѣ такъ и въ Москвѣ, самый радушный пріемъ.

ГОРА РАДОСТЬ.

Какъ Славія, владѣющая міромъ,
Высòко вознеслась — и океаны
У вѣчнаго шумятъ ея престола
И сонмы преклоняются союзницъ:

Такъ подымается высòко Радость,
Свою главу сѣдую въ тучахъ кроя,
А въ глубинѣ земли свои основы,
И царствуетъ достойно надъ горами.

Хвала тебѣ, гора! Карпатъ смиренно
Склоняется, стопы твои цалуя;
Склонились также сонмы горъ Судетскихъ...
Цари межъ нихъ со славою и мирно!

Когда чело твое мрачится гнѣвомъ —
Съ высотъ твоихъ текутъ послушно тучи,
Вооружась перунами, и стонетъ
Земля внизу отъ края и до края.

О Радость! подыми свою корону,
Алтарь славянъ и присной славы память
Твой ликъ, смотрящій весело и ясно,
Въ сердцахъ славянъ веселье пробуждаетъ.

Давно уже здѣсь не дымятся жертвы
Племенъ гостынскихъ и въ священной рощѣ
Не слышатся воззванья къ Радогостю:
И храмъ, и жрецъ на-вѣки онѣмѣли.

Лишь старый дубъ хранитъ святую тайну,
И въ души ослабѣвшія потомковъ
Влагаетъ силы ихъ отцовъ усопшихъ,
Подъ тихій говоръ дремлющаго лѣса.

Привѣтъ тебѣ отъ грёзъ моей весны,
Достойная почтенія вершина!
Какъ радостно душа къ тебѣ стремится!
Дай мнѣ пріютъ въ тѣни твоей святыни!

Здѣсь изъ живыхъ истоковъ я хочу
Славянскія всечасно черпать силы,
Чтобъ чистый звукъ моей славянской лиры
Въ скалахъ Олимпа гордаго отдался!

Н. Бергъ.

—

Ф. Л. ЧЕЛЯКОВСКІЙ.

Францъ Ладиславъ Челяковскій, знаменитѣйшій изъ чешскихъ поэтовъ и восторженный панславистъ, родился 23-го февраля (7-го марта) 1799 года въ Страконицахъ. Отецъ его былъ столяръ и смотрѣлъ на сына, какъ на своего преемника по ремеслу, хотя тотъ не чувствовалъ къ нему ни малѣйшаго призванія. По окончаніи гимназическаго курса, Челяковскій слушалъ философію отчасти въ Линцѣ, отчасти въ Прагѣ, гдѣ сошолся съ Камаритомъ, Химѣленскимъ и Винарицкимъ, прославившимися впослѣдствіи какъ чешскіе литераторы. Первыми печатными его произведеніями были «Разныя Стихотворенія» и «Славянскія Народныя Пѣсни», изданныя въ 1822 году. Затѣмъ, послѣдовали переводы: «Листки изъ Прошлаго» Гердера, «Сестры» Гёте и «Дѣва Озера» В. Скотта. Въ 1825 году онъ издалъ альманахъ «Денница», а въ 1827 — «Литовскія Народныя Пѣсни». Но настоящая извѣстность Челяковскаго начинается съ 1829 года, когда онъ издалъ свой «Отголосокъ Русскихъ Пѣсенъ», въ которомъ ему удалось весьма мастерски передать характеръ русской народной поэзіи. Успѣхъ книги былъ чрезвычайный, и чешская критика говоритъ до-сихъ-поръ, что «если бы Челяковскій не написалъ ничего больше, то одинъ «Отголосокъ» обезпечилъ бы ему мѣсто между первыми поэтами». Его «Отголосокъ» не есть одно подражаніе русскимъ пѣснямъ, не ограничивается повтореніемъ всѣмъ извѣстныхъ народныхъ мотивовъ, но умѣетъ стать на народно-поэтическую точку зрѣнія и приложить ее къ новому содержанію. Такой же трудъ совершилъ онъ и относительно чешской народной поэзіи въ «Отголоскѣ Чешскихъ Пѣсенъ», изданныхъ имъ въ 1840 году. Въ томъ же году вышла и его «Столистая Роза», которая, не смотря на свою космополитическую, отвлеченную и даже нѣсколько скучноватую поэзію, представляетъ эпизоды весьма живые и интересные, гдѣ авторъ обращается къ своей національной дѣйствительности.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Челяковскій задумалъ-было отправиться въ Россію, въ надеждѣ получить тамъ каѳедру славянскихъ языка и литературы; но дѣло не устраивалось и онъ, послѣ долгихъ колебаній, остался въ Чехіи, гдѣ ему, около этого времени, предложили мѣсто адъюнкта при Пражскомъ университетѣ, по каѳедрѣ чешскаго языка, которую онъ и принялъ. Въ 1834 году ему была ввѣрена редакція «Пражскихъ Новинъ». Во время польскаго возстанія 1831 года Челяковскій горячо защищалъ сторону русскихъ, но по усмиреніи возстанія его мнѣнія измѣнились—и онъ сталъ сочувствовать полякамъ. Эти симпатіи перенесъ онъ и въ свою газету. Вмѣшательство русскаго посольства въ Вѣнѣ было причиной, что Челяковскій потерялъ и профессуру, и редакторство. Нѣсколько лѣтъ послѣ того прожилъ онъ въ Прагѣ въ большой нуждѣ. Наконецъ, въ 1842 году, его пригласили занять каѳедру въ Берлинскомъ университетѣ. Здѣсь провелъ онъ около семи лѣтъ; но въ 1849 году, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ, онъ оставилъ Берлинъ и занялъ ту же каѳедру въ Прагѣ. Съ этого времени славянская филологія стала исключительнымъ его занятіемъ. Лучшимъ сочиненіемъ его по этой части считается «Чтеніе о сравнительной славянской грамматикѣ», изданное въ 1852 году, уже по смерти автора. Начиная съ первыхъ мѣсяцевъ 1852 года, всякаго рода несчастья и непріятности стали стрясаться на впечатлительную голову Челяковскаго и сильно пошатнули его здоровье, а внезапная смерть младшаго ребенка и, хотя давно-ожиданная, но тѣмъ не менѣе тяжолая, утрата любимой жены, умершей отъ чахотки, повергли его въ глубокую меланхолію: онъ сталъ гаснуть какъ свѣча — и 5-го августа 1852 года, въ 6 часовъ вечера, Чехія потеряла одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ сыновъ.

I.

ВЕЛИКАЯ ПАНИХИДА.

То не градомъ побиты, не дождикомъ,
Не пшеница лежитъ со гречихою:
Полегло подъ Москвою, подъ матушкою,
Много воинства храбраго русскаго,
Много воинства тамъ и французскаго,
Преклонясь головой ко сырой землѣ,
Переколотаго, перебитаго,
Чтò мечами, штыками и копьями,
Чтò картечью, гранатами, пулями.
Ой, вы дѣти единыя матушки!
Стороны ли родной вы защитнички,
Мы за вашу любовь и за подвиги
Панихиду свершили великую,
Панихиду, какой не привидано,
О какой никогда и не слыхано.
Не достало свѣчей воску яраго,
Не хватило на каждаго ратника,
Мы одну вамъ свѣчу всѣмъ затеплили,
Въ храмѣ Божьемъ, подъ синимъ пòдъ куполомъ:
Мы зажгли вамъ свѣчу — Москву-матушку,
Милымъ дѣтушкамъ на спокой души
И на диво, на страхъ — врагу лютому!

Н. Бергъ.

II.

УЗНИКЪ.

Какъ въ Азовѣ то было въ славномъ городѣ,
Чтò у моря ли у Азовскаго:
Тамъ стояла тюрьма, темна тѐмница,
Въ той темницѣ сидѣлъ добрый мòлодецъ,
Доброй мòлодецъ — донской козакъ,
Атаманъ лихой войска козацкаго.
Нѣтъ у мòлодца друга-товарища,
Только есть у него злые недруги,
Злые недруги — раны смертельныя;
Еще есть у него злой насмѣшничекъ,
Злой насмѣшничекъ — свѣтёлъ мѣсяцъ:
Чрезъ окошко онъ круглое, косящетое
Все заглядываетъ въ тюрьму, усмѣхается,
Надъ бѣдою козака издѣвается.
Какъ возговоритъ донской козакъ,
Говоритъ козакъ ясну мѣсяцу:
«Гой ты, гой еси, ясёнъ мѣсяцъ!
Что ты такъ надо мною насмѣхаешься,
Надъ бѣдой моей, невзгодой издѣваешься!
Кабы плавалъ я по Дону по тихому,
На байдаркѣ моей бѣлопарусной
И взошолъ бы, показался ты на̀ небѣ,
Отразился бы въ водяныхъ струяхъ:
Я досталъ бы тебя удалымъ копьемъ,
Не копьемъ, такъ стрѣлами калёными,
Я прогналъ бы тебя съ неба синяго,
Притвоздилъ бы тебя я ко дну рѣки —
И лицо бы твое затуманилось,
Помрачилось бы, какъ мое теперь!
Ты не сталъ бы впередъ, мѣсяцъ, тѣшиться,
Надъ невзгодьемъ чужимъ насмѣхатися!»
То сказавъ, провѣщавши, донской козакъ,
Атаманъ лихой войска козацкаго,
Обнажилъ свои раны глубокія:
Потекла изъ нихъ кровь горячая,
Преклонился козакъ головой на грудь,
Изъ груди душу смѣлую выпустилъ,
Душу смѣлую — козацкую.
Тутъ померкли на небѣ звѣзды ясныя,
Скрылся мѣсяцъ за темными тучами,
А тѣ тучи дождемъ разразилися,
Окропили слезами мать сыру землю.

Н. Бергъ.

III.

ЗИМА.

На разсвѣтѣ разъ, въ утро зимнее,
Не сокòлъ летѣлъ во чистомъ полѣ —
На конѣ лихомъ летѣлъ мòлодецъ.
Онъ съ крутой горы, какъ стрѣла, летитъ:
Отъ копытъ коня его вѣрнаго
Только пылью снѣгъ къ облакамъ летитъ;
Изъ ноздрей коня не огонь валитъ —
Изъ ноздрей летятъ блестки инея.
И примчался конь прежде времени
На знакомый дворъ, имъ оставленный.
Добрый конь заржалъ громко, весело,
Громкимъ голосомъ гикнулъ мòлодецъ.
Во свѣтлицѣ же красна дѣвица
У окна стоитъ у замерзшаго;
Не признавши вдругъ коня борзаго,
Не признавши вдругъ добра мòлодца,
Но размысливши женскимъ разумомъ,
Про себя она такъ промолвила:
«Что за старецъ тамъ, что за дѣдушка
На дворѣ у насъ? Какъ отъ старости

Посѣдѣлъ его длинный усъ и бровь!
Какъ бѣлы его кудри длинные!»
Снова гикнулъ тутъ добрый мо̀лодецъ,
За узду коня привязалъ къ кольцу
И громчей вскричалъ: «Гей, душа моя!
Выходи встрѣчать меня, милый другъ!»
И узнала тутъ она милаго,
И, узнавъ его, къ нему бросилась,
Обвилась рукой бѣлоснѣжною
Вокругъ во̀рота добра мо̀лодца...
Глядь — сѣдыхъ кудрей словно не было:
Такъ тепло она обняла его;
Посмотрѣлася въ очи милаго —
Почернѣла вдругъ и сѣдая бровь,
А къ устамъ его лишь прижалася —
Почернѣлъ-стемнѣлъ богатырскій усъ.

М. Петровскій.

IV.

ВСЯКОМУ СВОЕ.

ОНЪ.

Какъ хороша природа! утромъ вставъ,
Я пью въ саду благоуханье травъ
И слушаю, какъ на деревьяхъ птицы
Поютъ привѣтъ явленію денницы.
Межь-тѣмъ волшебнымъ зеркаломъ волны
Зеленые брега отражены,
И лѣсъ, и неба утренняго своды...
Какъ хорошо мнѣ посреди природы!

ОНА.

Да! много есть чудесъ: и я, отъ сна
Кофейникомъ моимъ пробуждена,
Встаю — и въ нѣгѣ сладкой и пріятной
Глотаю Мокки нектаръ ароматный;
А тутъ несетъ портниха мнѣ нарядъ,
И въ зеркало спѣшу я бросить взглядъ,
Чтобъ видѣть — все ли въ мѣру и по модѣ...
Да! много есть прекраснаго въ природѣ!

ОНЪ.

Пойдемъ, мой другъ, природы въ пышный храмъ,
Пойдемъ бродить по бархатнымъ лугамъ,
Гдѣ розы и лилеи нѣгой дышутъ,
Гдѣ ихъ зефиры сладостно колышутъ,
И розанами тѣми и плющёмъ
Себѣ чело и кудри мы увьёмъ,
Забывъ на мигъ житейскія невзгоды...
Пойдемъ, мой другъ, скорѣе въ храмъ природы!

ОНА.

Нѣтъ! лучше, другъ, пойдемъ мы въ магазинъ:
Мнѣ тамъ уборъ понравился одинъ;
На немъ фіалки, розы и лилеи
Мнѣ настоящихъ краше и милѣе;
Не суждено имъ вовсе увядать,
Зефиръ ихъ также будетъ колыхать
Какъ на бульваръ отправлюсь я порою...
Пойдемъ скорѣе въ этотъ храмъ съ тобою!

Н. Бергъ.

V.

ИЛЬЯ ВОЛЖАНИНЪ.

Ужь покрылась земля ночнымъ сумракомъ,
Въ небѣ звѣздочки загорѣлися,
И съ прогулки домой дѣти малыя
Къ матерямъ своимъ воротилися;
Лишь одно дитя — молодой Илья,
Сынъ честной вдовы, Мареы Андреевны,
Не пришолъ домой къ своей матери.
Залегла тоска въ сердце вѣщее
Молодой вдовы Мареы Андреевны,
Знать недоброе сердце почуяло.
Вотъ зоветъ она въ страхѣ, въ горести
Вѣрныхъ слугъ своихъ и прислужниковъ,
И ведетъ имъ такую рѣчь:
«Ой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы зажгите свѣчи воску яраго
И подите всѣ въ разны стороны,
И ищите вездѣ, и спрошайте у всѣхъ,
Не видалъ ли кто моего Ильи,
Моего сынка ненагляднаго.
Кто найдетъ его, приведетъ ко мнѣ,
Тому дамъ въ награду сто рублей,
Дамъ въ придачу шубу соболиную.
Получивъ приказъ, слуги вѣрные
Разошлись поспѣшно по городу;
Исходили его изъ конца въ конецъ,
Въ поле чистое путь направили,
Поперекъ и вдоль его избѣгали,
Въ темный лѣсъ пошли — никого не нашли,
Долго кликали — не докликались
И домой безъ Ильи воротилися.
Вотъ идетъ сама, закручинившись,
Молода̀ вдова Мареа Андреевна

Съ двумя слугами по городу,
Воздыхаючи, будто пташечка,
Будто горлица одинокая;
Вотъ идетъ она горемычная,
Изъ воротъ идетъ въ поле чистое,
Переходитъ его до большой рѣки,
До широкой рѣки Волги-матушки,
На крутомъ берегу становится,
Сама плачетъ — разливается.

Не цвѣточекъ бѣлѣетъ подъ кустикомъ:
То сорочка лежитъ полотняная,
Та ль сорочка ея сына милаго.
Какъ возговоритъ Марѳа Андреевна,
Горючьми слезами обливаясь:
«Ты дитя мое безталанное,
Мое дитятко ненаглядное!
Не всегда ли я, мое дитятко,
Зарѣкала тебѣ крѣпко на̀ крѣпко:
Не ходи ты, дитя, къ Волгѣ-рѣкѣ,
Не купайся въ ней — унесетъ тебя,
Унесетъ тебя на дно къ себѣ,
Вѣдь завистлива Волга-матушка:
Не родилось у ней молодцовъ-сыновей,
А родились у ней только дочери,
Однѣ дочери — волны быстрыя,
Вотъ и крадетъ она чужихъ сыновей,
Выдаетъ за нихъ своихъ дочерей,
Сердце матери горемъ сокрушаючи!»

Да не слышитъ, не видитъ молодой Илья,
Какъ тоскуетъ мать его родимая,
Горемычная вдова Марфа Андреевна.
Онъ гуляетъ себѣ веселёхонекъ
Подъ рѣкой внизу, подъ зеленой волной,
Въ золотомъ дворцѣ Волги-матушки.
Онъ смотритъ кругомъ — не насмотрится
И на всѣ чудеса не надивуется:
Потолки и стѣны тамъ хрустальные,
Изумрудами и алмазами,
Будто звѣздами, поусыпаны,
А полы-то изъ чистаго золота,
Изукрашены цвѣтами серебряными.
Вотъ выходитъ Илья изъ воротъ дворца,
Онъ выходитъ въ садъ Волги-матушки.
Тамъ не яблоки цвѣтутъ, не смородина,
А деревья какія-то чудесныя,
Да кусты еще того чудеснѣе;
Кто не видѣлъ ихъ — не представитъ себѣ,
Кто увидитъ ихъ — не повѣритъ очамъ:
На деревьяхъ кругомъ, вмѣсто яблоковъ,
Дорогія висятъ все жемчужины;
А кусты-то всѣ корольковые
Съ изумрудными все листочками,
Съ бирюзовыми все цвѣточками,
И блестятъ они, какъ облитые
Яркой радугой семицвѣтною.

Вотъ и ночь пришла — молодой Илья
На постельку лёгъ изъ рѣчной травы,
Моху мягкаго, что̀ лебяжій пухъ.
Вдругъ не гусли запѣли, не гудокъ загудѣлъ,
Заиграла музыка диковинная:
Будто стѣны всѣ кругомъ съ потолкомъ
Въ струны звонкія обратилися,
И всѣ дочки Волги-матушки,
Дочки рѣзвыя — струйки быстрыя,
Прибѣжали къ нимъ, заиграли на нихъ
И запѣли надъ нимъ пѣсню чудную;
И отъ пѣсни той дрёма сладкая,
Золотые сны навѣваючи,
Очи мо̀лодца подернула.
Какъ проснется онъ, какъ захочетъ онъ
Поѣсть, испить, позабавиться,
Ему пищею — рыбки вкусныя,
А питьемъ ему — янтарный мёдъ,
А въ забаву, въ утѣху дѣтскую —
Нанесетъ ему Волга-матушка
Разныхъ дивъ рѣчныхъ, цвѣтныхъ раковинъ
Изъ далекаго моря синяго.

Такъ живетъ себѣ во хрустальномъ дворцѣ,
Подъ рѣчной волной, молодой Илья,
Илья Волжанинъ по прозванію;
И живетъ ужь онъ — не годъ, не два —
А ровнешенько двѣнадцать лѣтъ;
Возмужалъ, окрѣпъ онъ въ двѣнадцать лѣтъ
И почуялъ свою силу богатырскую;
Но прискучило ему, одинокому,
Безъ товарищей и безъ сверстниковъ,
Захотѣлось ему на людей посмотрѣть,
На людей посмотрѣть и себя показать,
И онъ молвилъ такъ Волгѣ-матушкѣ:
«Гой, ты Волга-рѣка, мать названая!
Отпусти ты меня, добра мо̀лодца,
Погулять наверхъ, на зеленый лугъ,
Полетать на немъ вольной пташкою:
Подышу я тамъ свѣжимъ воздухомъ,
Полюбуюсь тамъ краснымъ солнышкомъ,
Да порадуюсь на другихъ людей.
Мнѣ прискучило во дворцѣ твоемъ;
Мнѣ давнымъ-давно опостылѣли

Яства сладкія, игры дѣтскія,
Да и дочки твои бѣлогрудыя.
Дай коня ты мнѣ черногриваго,
Дай мнѣ лукъ тугой, да булатный мечъ,
Дай доспѣхи мнѣ богатырскіе,
Да колчанъ со стрѣлами калёными
И, какъ мать сынка, снаряди меня
Въ путь-дороженьку далекую.»

Но ни слова въ отвѣтъ ему Волга-рѣка,
Будто рѣчи его не разслышала:
Не хотѣлось ей отпустить его.
И разгнѣвался добрый молодецъ,
Разгорѣлась въ немъ кровь богатырская,
И промолвилъ онъ слово грозное:
«Слушай, Волга-рѣка, не гнѣви меня!
Не вскормить тебѣ волка сѣраго,
Не взлелѣять орла сизокрылаго!
Коль не пустишь меня вольной волею,
Разобью въ конецъ твой хрустальный дворецъ,
Поломаю деревья диковинныя,
Лишь осколки оставлю да щепочки
И насильно уйду на зеленый лугъ!»
И, промолвивъ, рукою могучею
Какъ ударитъ въ сердцахъ Илья Волжанинъ
По широкому столу, по хрустальному —
Въ мелки дребезги разлетѣлся столъ,
Будто искрами весь разсыпался.
Испугалась тогда Волга-матушка
И всѣ дочки ея разбѣжалися.
Снарядила она въ путь-дороженьку
Своего сынка нареченнаго
И простилася съ нимъ съ горькимъ ропотомъ,
Волны чорныя воздымаючи,
Корабли въ сердцахъ разбиваючи.

Какъ увидѣлъ себя Илья Волжанинъ
На зеленомъ лугу, на муравчатомъ,
Какъ дохнулъ онъ впервой свѣжимъ воздухомъ,
Такъ сердечко въ немъ и запрыгало,
Такъ по жилкамъ всѣмъ какъ огонь пробѣжалъ.
Видитъ молодецъ — ходитъ по лугу,
Травку щиплючи, богатырскій конь:
Грива чорная до земли виситъ,
Очи ясныя какъ огни горятъ.
На конѣ сѣдельце черкасское,
У сѣдельца виситъ броня крѣпкая,
Дорогая броня, вся серебряная,
Съ золотою насѣчкой, съ разводами,
И булатный мечъ, и лукъ тугой,
И колчанъ со стрѣлами калёными.

Одѣвается Илья Волжанинъ
Въ тѣ доспѣхи богатырскіе:
Грудь широкую, молодецкую
Покрываетъ броней со кольчугою,
А шеломомъ златымъ — кудри русыя,
Опоясалъ станъ булатнымъ мечомъ,
Заложилъ за плеча лукъ со стрѣлами
И, садясь на коня черногриваго,
Поклонился рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ
За подарки ея драгоцѣнные,
Струйкамъ — дочкамъ ея — рукой махнулъ
И стрѣлой полетѣлъ въ поле чистое.
Вотъ и вспомнилъ тогда Илья Волжанинъ
Про свою родимую матушку,
Про богатую вдову Марѳу Андреевну;
Захотѣлось ему повидаться съ ней,
Повидаться съ ней, поклониться ей
И сказать ей слово привѣтливое.
И пріѣхалъ онъ къ тому городу,
Гдѣ жила она одинокая —
И не можетъ узнать своей родины,
Измѣнилось все на святой Руси,
Знать не доброе съ нею подѣялось:
Тамъ, гдѣ городъ стоялъ, гдѣ домъ матери,
Груды камней лежатъ почернѣлыя,
Да столбы торчатъ обгорѣлые;
Гдѣ сады красовались тѣнистые,
Тамъ разросся бурьянъ со крапивою;
Гдѣ гулялъ-ликовалъ православный народъ,
Тамъ лишь змѣи шипятъ полосатыя.
Закручинился младъ Илья Волжанинъ
И промолвилъ слово печальное:
«Гой, ты городъ большой, моя родина!
Ты повѣдай мнѣ, добрый городъ мой,
Какой недругъ злой разорилъ тебя,
Сокрушилъ твои стѣны крѣпкія,
Попалилъ огнемъ храмы Божіи
И хоромы твои величавыя,
И родимый домъ моей матушки,
Той разумной вдовы Марѳы Андреевны?
Гдѣ, скажи мнѣ, твой православный народъ
И гдѣ матушка моя родимая?»
И въ отвѣтъ ему голосъ невѣдомый
Изъ развалинъ сказалъ вѣсть недобрую:
«Охъ! свирѣпый врагъ, супостатъ лихой
Разорилъ меня, сокрушилъ меня;
Гордый ханъ Угадай со своей ордой
Налетѣлъ на меня безпощадной грозой
И мечомъ порубилъ, и огнёмъ попалилъ
Всѣ домы мои, стѣны крѣпкія,
Храмы Божіи, златоверхіе,

И весь добрый мой православный народъ,
И родимую твою матушку,
Ту богатую вдову Мареу Андреевну.
Но послушай еще, что затѣялъ врагъ:
Онъ затѣялъ, злодѣй, все низовье спалить,
Онъ затѣялъ еще всю въ конецъ разорить
Нашу родину — Русь православную!»
Какъ болѣло тогда, надрывалося
Сердце молодца отъ вѣсти той!
Двѣ слезинки изъ глазъ его канули:
И одна была въ память городу,
А другая была въ память матери.
И на полдень, вздохнувъ, обратился онъ,
И помчался опять въ поле чистое.
Не орелъ летитъ по поднѣбесью,
Скачетъ молодецъ на лихомъ конѣ;
Скачетъ онъ черезъ долъ, черезъ темный боръ,
По высокимъ горамъ, по широкимъ рѣкамъ,
Видитъ сёла кругомъ разоренныя,
Городовъ пепелища печальныя,
Видитъ трупы повсюду гніющіе
И по нимъ свой путь держитъ нà полдень.
Скачетъ далѣ младъ Илья Волжанинъ,
Скачетъ день и ночь безъ устали,
И увидѣлъ онъ на четвертый день
Поле чистое; на томъ нà полѣ,
Будто озеро пораскинулось,
И блеститъ оно, и горитъ оно
При лучахъ золотыхъ зари утренней:
То двухъ ратей броня вороненая
И блеститъ, и горитъ на солнышкѣ.
И одна то изъ нихъ, небольшая рать,
Наша русская, православная,
А другая рать несмѣтная —
То поганая рать татарская.
И кипитъ межь ними кровавый бой,
И густымъ столбомъ вьётся пыль кругомъ,
И щиты о щиты, и мечи объ мечи
И звучатъ, и трещатъ, ударяяся,
Стономъ стонетъ земля, колыхается...
Но слабѣетъ рать православная:
Будто волны, Орда окаянная
На нее набѣгаетъ со всѣхъ сторонъ;
Пріуныли сердца русскихъ витязей.

Не стрѣла пролетѣла громовая
Сквозь ряды татаръ супротивные:
То ударилъ на нихъ Илья Волжанинъ,
Распалясь богатырской отвагою;
Гдѣ стрѣлу метнетъ, гдѣ мечомъ махнетъ,
Такъ и валятся татары поганые,
Какъ отъ вѣтра порой осенній листъ,
Какъ трава подъ косой заострённою.
И побилъ онъ ихъ, потопталъ конемъ
Да ни мало, ни много — двѣ тысячи.
Вдругъ на встрѣчу ему богатырь летитъ,
Молодой Багадуръ, Угадаевъ зять.
Вотъ столкнулись они, какъ скала со скалой,
Вотъ вступаютъ они въ одиночный бой:
Какъ взмахнутъ мечами булатными,
Только искры дождемъ съ брони сыплются,
Да ни тотъ, ни другой не шелохнется.
Тёмный боръ гудитъ отъ ударовъ мечей,
Пѣна клубомъ валитъ съ богатырскихъ коней
И земля дрожитъ подъ копытами.
Красно солнышко въ полудни стоитъ,
А у витязей бой сильнѣй кипитъ;
Распаляется Илья Волжанинъ,
Распаляется Угадаевъ зять.
Вотъ собралъ подъ конецъ силу-мощь свою
Молодой Багадуръ и ударилъ Илью,
И упалъ подъ нимъ черногривый конь,
Да и самъ Багадуръ подъ мечомъ Ильи
На земь палъ съ коня, не шелохнется,
Какъ утесъ вѣковой, отъ горы родной
Громомъ Божіимъ отсѣченный.

Да и съ нимъ бѣда приключилася,
Съ молодымъ Ильею Волжаниномъ:
Вѣдь не конь подъ нимъ черногривый палъ,
А рѣчной песокъ разсыпался;
Вѣдь не острый мечъ изъ руки скользнулъ,
Щука-рыба скользнула проворная,
Шлемъ и щитъ его, броня крѣпкая
Обратились всѣ въ черепахъ рѣчныхъ;
Стрѣлы острыя, закалёныя
Стали рыбками серебристыми.
Такъ разсыпались передъ нимъ во прахъ
Всѣ подарки рѣки Волги-матушки!
Такъ остался младъ Илья Волжанинъ
Одинокъ, безъ коня, безъ оружія,
Посреди враговъ многочисленныхъ!

Вотъ сбѣжались татары большой толпой
И, со всѣхъ сторонъ окруживъ его,
Полонили они добра молодца
И къ царю привели, къ хану грозному,
Къ Угадаю тому Угадаевичу.
И, велѣлъ его ханъ, горемычнаго,
Запереть въ тюрьму подземную
И за шею цѣпями желѣзными
Къ двумъ столбамъ приковать крѣпко нà крѣпко,

И велѣлъ потомъ лютой мукою
Изнурять его тѣло бѣлое,
За татаръ своихъ, побитыхъ имъ,
Да за зятя своего любимаго.
И на первый день его мучили:
Твердо вынесъ Илья муку страшную;
На второй день опять его мучили,
Да не дрогнулъ Илья и отъ муки той;
Вотъ на третій день самъ ханъ пришолъ
И другихъ съ собой палачей привелъ
И такую рѣчь онъ къ Ильѣ повелъ:
«Добрый молодецъ, Илья Волжанинъ!
Коли хочешь ты быть со мной за одно,
Коли примешь нашу вѣру татарскую,
Дамъ награду тебѣ я великую,
Дамъ почетъ тебѣ и высокій санъ,
Своей милостью тебя пожалую
И отдамъ за тебя дочь любимую,
Молодую Кончаку Угадаевну.
Коль откажешься, заупрямишься
Ты исполнить мою волю царскую,
Ужь тогда тебѣ, добрый молодецъ,
Не сносить своей буйной головушки:
Я отдамъ тебя въ муку лютую,
Изорву въ куски тѣло бѣлое,
Разниму его по суставчикамъ
И голоднымъ псамъ на съѣденіе
Размечу по полю широкому.»

И смутился душой Илья Волжанинъ,
И впервой тогда онъ извѣдалъ страхъ.
Онъ ни слова царю не сказалъ въ отвѣтъ,
Лишь молитву послалъ ко Всевышнему,
Съ теплой вѣрой молитву усердную:
«Ты Создатель мой! Ты Заступникъ мой!
Ниспошли Ты мнѣ избавленіе
Изъ татарскихъ рукъ, невѣрныхъ рукъ,
И спаси отъ конечной погибели
Мою душу грѣшную, недостойную!»
И услышалъ Господь то моленіе
И послалъ Онъ ему избавленіе:
Вдругъ ударилъ громъ сокрушительный
Въ ту тюрьму, гдѣ сидѣлъ Илья Волжанинъ,
И убилъ на повалъ палачей его,
Оглушилъ самого хана грознаго
И разбилъ кандалы-цѣпи тяжкія,
И одинъ невредимъ и свободенъ сталъ
Чудомъ Божіимъ Илья Волжанинъ.
И воспрянулъ тогда добрый молодецъ,
Вырвалъ мечъ отъ бедра Угадаева,
Распласталъ мечомъ врага на-поли,
Быстро вскинулся на коня его
И назадъ, на сторонку родимую,
Полетѣлъ стрѣлою пернатою.
Какъ увидѣлъ онъ Землю Русскую,
Свою родину православную,
Соскочилъ съ коня и на землю палъ
И молитву принесъ благодарную,
Онъ Заступнику милосердому
За чудесное свое избавленіе.

Ѳ. Миллеръ.

І. К. ХМѢЛЕНСКІЙ.

Іосифъ Красославъ Хмѣленскій родился въ 1800 году. Сынъ учителя, онъ воспитывался въ гимназіи, въ Будеёвицахъ, гдѣ подружился съ знаменитымъ впослѣдствіи Челяковскомъ. Затѣмъ, по окончаніи полнаго курса въ Пражскомъ университетѣ, онъ вступилъ въ государственную службу, которой посвятилъ всѣ свои силы. Хмѣленскій умеръ въ 1839 году, имѣя всего 39 лѣтъ отъ роду. Какъ поэтъ, онъ пользуется значительной популярностью среди чеховъ, благодаря легкости и изящной отдѣлкѣ своего стиха. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ составилъ и издалъ сборникъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Вѣнокъ Патріотическихъ Пѣсенъ», имѣвшій большой успѣхъ.

ПУСТЫННИКЪ.

Тишь; гроза угомонилась,
Бури нѣтъ ужь и слѣда;
Въ небѣ синемъ появилась
Свѣтозарная звѣзда;

А за ней и мѣсяцъ ясный
Загорѣлся надъ рѣкой;
Дышетъ вечеръ сладострастный
Тайной нѣгой и тоской.

Лугъ въ росѣ благоухаетъ.
Какъ отрадно стало мнѣ!
Сердце сладко отдыхаетъ
Въ благодатной тишинѣ.

Я извѣдалъ бурь немало
Въ жизнь мятежную мою,

Буря била и метала
Подо мной мою ладью;

Но не сгинулъ я по счастью
Посреди пучинъ лихихъ,
Наступилъ конецъ ненастью —
И теперь мой вечеръ тихъ.

Н. Вергъ.

К. ВИНАРИЦКІЙ.

Карлъ Винарицкій, писавшій въ началѣ своего литературнаго поприща подъ псевдонимомъ *Сланскій*, родился 12 (24) января 1803 года въ городѣ Сланомъ. Окончивъ тамъ гимназическій курсъ, онъ поступилъ, въ 1818 году, въ Пражскій университетъ, а въ 1820 году—въ Вѣнскій, откуда черезъ годъ снова воротился въ Прагу и поступилъ на богословскій факультетъ. По окончаніи курса въ 1823 году, онъ былъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, учителемъ дѣтей графа Шлика. Въ сентябрѣ 1825 года онъ былъ рукоположонъ въ священники и получилъ мѣсто церемонарія при архіепископѣ пражскомъ, а въ 1829 году былъ сдѣланъ секретаремъ при немъ же. Затѣмъ, онъ получилъ приходъ въ деревнѣ Кованѣ, потомъ—мѣсто декана съ Тынѣ-на-Влетавѣ и, наконецъ, сдѣланъ каноникомъ въ Вышеградѣ, пражскомъ Кремлѣ. Въ 1848 году Винарицкій былъ депутатомъ отъ младо-болеславскаго округа на рейхстагѣ въ Вѣнѣ и Кромѣржицѣ. Винарицкій умеръ 12-го февраля 1869 года. Онъ писалъ стихами и прозой, переводилъ съ мертвыхъ и живыхъ языковъ, и составлялъ азбуки и хрестоматіи. Изъ стихотворныхъ произведеній Винарицкаго лучшіе: «Сеймы Звѣрей» (1841), «Букеты, стихотворенія для дѣтей» (1842 и 1845), «Варито и Лира» (1843) «Король Янъ Слѣпой», трагедія (1847) и «Отечество» (1863); изъ переводныхъ: «Переводы изъ Виргилія» (1828), «Переводы избранныхъ сочиненій Богуслава изъ Лобковицъ», съ латинскаго (1836) и «Священныя Перлы Пыркера», съ нѣмецкаго. Сверхъ того Винарицкій написалъ много статей въ «Часописѣ Католическаго Духовенства», начиная съ 1860 года, то-есть со времени назначенія его редакторомъ этого журнала.

I.

УМИРАЮЩЕЕ ДИТЯ.

Бѣдной матери не спится:
День и ночь она
Надъ дитёй своимъ томится,
Горькая, безъ сна;
День она и ночь
Не отходитъ прочь.

А ребёнокъ, умирая,
Кличетъ: «мать моя!
Что́ мнѣ, матушка родная,
Не видать тебя?
Вижу только лѣсъ...
Вотъ и онъ исчезъ...»

«Полно!» мать ему сквозь слёзы:
«Полно, будь бодрѣй!
Сонъ и тягостныя грёзы
Прогони скорѣй!
Не лѣса, а мать
Предъ тобой опять!»

Бѣдной матери не спится,
День и ночь она
Надъ дитёй своимъ томится,
Горькая, безъ сна;
День она и ночь
Не отходитъ прочь.

Вновь ребёнокъ къ ней взываетъ:
«Матушка моя!
Кто-то тамъ, вдали, киваетъ
И зоветъ меня...
Крылья позади...
Матушка, гляди!

«Вотъ онъ, вотъ онъ у порога,
Въ ризѣ облаковъ,
И показываетъ много
Райскихъ мнѣ садовъ...
Самъ какъ солнце онъ...
То не сонъ, не сонъ!»

Мать беретъ ребёнка въ руки,
Слушаетъ, глядитъ...
Но, увы! утихли звуки —
Мальчикъ словно спитъ,

И какъ лучъ погасъ
Блескъ лазурныхъ глазъ...

Н. Бергъ.

II.

МОЛОДОЙ ПРОВОЛОЧНИКЪ.

Мать выходитъ изъ Тренчина,
Съ мальчикомъ-сироткой;
Онъ въ большой, широкой шляпѣ,
Плащъ на немъ короткой.

Поднялись они на горку,
Стала плакать мати:
Сынъ идетъ отъ ней далеко
Хлѣбъ свой добывати.

Плача, мать его цалуетъ,
Говоритъ съ тоскою:
«Ненаглядное ты солнце!
Свидимся ль съ тобою?»

— «Ахъ, не плачь, моя родная!
Не о чемъ крушиться!
Богъ къ намъ милостивъ: поможетъ
Мнѣ Онъ воротиться!

«На Моравѣ, на Влетавѣ
Хорошо вѣдь платятъ;
Люди добрые: къ работѣ
Парня пріохотятъ.

«Не крушись, моя родная,
Помолися Богу
И потомъ благословенье
Дай мнѣ на дорогу!»

Нѣжно матерь онъ цалуетъ,
Устремляя взоры
На Тенчинскія ущелья,
На лѣса и горы.

Вотъ ужь онъ и на Моравѣ,
Вотъ и на Влетавѣ;
Все въ рукахъ его спорится —
Онъ въ чести и славѣ.

Мать сиротку поджидаетъ,
Плачетъ, Бога проситъ:
Ей весною заработокъ
Добрый сынъ приноситъ.

Н. Бергъ.

Я. Г. ВОЦЕЛЬ.

Янъ Герасимъ Воцель родился 12-го (24-го) августа 1803 года въ Кутной Горѣ, въ Чехіи. Окончивъ курсъ въ мѣстной первоначальной школѣ, онъ поступилъ въ одну изъ гимназій въ Прагѣ; потомъ слушалъ курсъ философскихъ и юридическихъ наукъ въ Вѣнѣ. Съ 1824 по 1842 годъ онъ былъ воспитателемъ дѣтей въ разныхъ аристократическихъ домахъ, какъ-то — у маркиза Палавичини, у графа Штернберга, у князя Сальмъ-Сальма и, наконецъ, у извѣстнаго чешскаго патріота, графа Гарраха, и прожилъ это время въ южной Венгріи, Моравіи, верхней Австріи, Вестфаліи и Дрезденѣ, причемъ сдѣлалъ нѣсколько путешествій по Германіи, Голландіи, Бельгіи и Галиціи. Въ 1842 году Воцель возвратился въ Прагу и посвятилъ себя исключительно литературѣ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ сдѣланъ редакторомъ «Часописи» Чешскаго Народнаго Музея. Затѣмъ, онъ былъ избранъ въ члены Чешскаго Учонаго Общества въ Прагѣ, а въ 1844 году — въ секретари археологическаго отдѣла въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ.

Въ 1848 году Воцель принималъ участіе въ народномъ движеніи, бывъ избранъ депутатомъ отъ жителей Кутной Горы на чешскій сеймъ, а потомъ отъ округа Поличскаго — въ вѣнскій рейхстахъ. Въ 1850 году онъ былъ приглашонъ занять каѳедру экстраординарнаго профессора чешской археологіи и исторіи искусствъ въ Пражскомъ университетѣ, вслѣдствіе чего долженъ былъ оставить редакторство «Часописи». Въ настоящее время онъ состоитъ ординарнымъ профессоромъ археологіи и исторіи искусства въ Пражскомъ университетѣ. Вотъ главнѣйшія изъ сочиненій Воцеля: «Арфа», трагедія (1825); «Премысловцы», поэма (1839); «Мечъ и Чаша», поэма (1843); «Исторія старочешскаго права наслѣдства» (1861); «Первыя времена Чешской Земли» (1867) и другіе. Кромѣ того, онъ напечаталъ нѣсколько повѣстей и множество статей археологическаго и историческаго содержанія въ разныхъ журналахъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МЕЧЪ И ЧАША».

Стоитъ на распутьи двухъ разныхъ дорогъ
Дубъ старый, повсюду извѣстный:
Тамъ зрится подъ сѣнью зеленыхъ вѣтвей
Икона Царицы Небесной.

Вкругъ дуба высокія сосны стоятъ
И боръ покрываетъ дремучій
Долину и горы; для путника онъ
Сдается синѣющей тучей.

Склоняется тамъ предъ иконой святой
И льётъ неутѣшныя слёзы
Печальная мать; на колѣняхъ при ней
Двѣ дѣвочки — алыя розы;

А далѣ — служанка сидитъ на скалѣ
И кони въ ущельи глубокомъ
Пасутся; а стражъ ихъ глядитъ черезъ лѣсъ
Задумчивымъ, горестнымъ окомъ.

То витязь славянскій: такъ можетъ лишь онъ
Глядѣть на славянскія нивы,
Туда, гдѣ широкимъ вѣнцомъ изъ лѣсовъ
Тевтонъ окружилъ ихъ ревнивый.

Встревоженъ печалью своей госпожи,
Вдругъ витязь встаетъ — и, поспѣшно
Закрывши могучею дланью лицо,
Рыдаетъ, скорбитъ безутѣшно.

А дѣвочки мать обнимаютъ свою
И, въ кругъ съединившися тѣсной,
Тоскуютъ и плачутъ по дѣтски онѣ,
И молятся Дѣвѣ Небесной.

А мать ихъ, къ Спасителю міра воздѣвъ
Глаза и дрожащія руки,
Молитву читаетъ; стремятся изъ устъ
За звуками жаркіе звуки...

Но солнце склонилось къ закату; весь міръ
Во тьму погрузился густую —
И витязь изъ рощи коня госпожѣ
Ведетъ за узду золотую.

Поднялась она, озираясь дрожитъ,
Исполнена тяжкой тоскою,
Въ отечество чешское взоры стремитъ,
А слёзы струятся рѣкою.

«Да будетъ, о Господи, воля Твоя!»
Рекла наконецъ королева:
«Предстательствуй въ Небѣ за чеховъ моихъ,
Пречистая Матерь и Дѣва!»

Поѣхали; скрылись въ горахъ Шумовскихъ;
Не слышно ни стуку, ни звона...
Остался лишь дубъ вѣковѣчный одинъ,
Подъ дубомъ святая икона.

Н. Бергъ.

И. П. КОУБЕКЪ.

Иванъ Православъ Коубекъ родился въ 1805 году въ Блатнѣ, въ Чехіи. Уже во время ученія въ гимназіи и въ Пражскомъ университетѣ сблизился онъ съ главными двигателями возрожденія чешской народности. Онъ готовился къ судебному поприщу, но предпочелъ остаться независимымъ отъ казенной службы, и получилъ мѣсто гувернера у одного знатнаго землевладѣльца въ Галиціи, а затѣмъ—секретаря у извѣстнаго покровителя чешской литературы, графа Каспара Штернберга. Во время пребыванія въ Галиціи, онъ ознакомился съ литературами русскою и польскою и занялся переводами произведеній этихъ литературъ на чешскій языкъ. Въ 1839 году онъ былъ назначенъ профессоромъ чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ университетѣ и занималъ это мѣсто до своей смерти, послѣдовавшей въ 1854 году. Въ теченіе своей тридцати-лѣтней литературной дѣятельности Коубекъ написалъ нѣсколько поэмъ и множество мелкихъ стихотвореній и прозаическихъ статей, орригинальныхъ и переводныхъ, разбросанныхъ по всѣмъ чешскимъ журналамъ того времени. Изъ поэтическихъ его произведеній пользуются особенной извѣстностью три слѣдующихъ: поэмы «Гробы славянскихъ поэтовъ» и «Три сестры», и юмористическое стихотвореніе «Странствованіе поэта въ адъ». Собраніе его сочиненій было издано въ 1858 году въ Прагѣ, въ четырехъ томахъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ТРИ СЕСТРЫ».

Славяне, славяне! экая васъ сила!
Плодная васъ матерь на̀ свѣтъ породила;
Сверху отъ Балтики внизъ къ Адріатикѣ
Живетъ ваше племя и звучатъ языки;

Отъ Дона и Волги къ Шумавѣ дубравной
Широко̀ раскинутъ родъ лихой и славный.
Мирные селяне въ мирѣ и покоѣ,
Въ битвахъ съ супостатомъ — храбрые герои.
Всѣ вы, что̀ ни есть васъ, всѣ вы безъ изъятья
Смотрите, славяне, какъ родные братья;
Хоть отцовъ различныхъ — матери единой,
Для чего жь не схожи вы своей судьбиной?
Для чего стоите другъ отъ друга розно
И подчасъ глядите другъ на друга грозно?
Были бъ вы согласны, братія славяне —
Были бъ вы что̀ стрѣлы въ единомъ колчанѣ,
Хмѣлемъ бы вилися вкругъ одной тычины,
Раздѣляя братски радость и кручины,
Радость и кручины дѣля другъ со другомъ,
Вмѣстѣ въ ратномъ полѣ, вмѣстѣ и за плугомъ,
Смѣясь общимъ смѣхомъ, общею слезою
Плача — были бъ, братья, міру вы грозою!
Да! вы бъ одолѣли, съ цѣлымъ міромъ споря:
Вспомните: васъ, братья, что̀ песку у моря!
Вспомните: васъ, братья, что̀ на липахъ цвѣту!
А какъ посчитаешь — такъ и счоту нѣту!
Что̀ роевъ на пчельникъ валитъ ино-время,
Разронила Слава могучее племя;
Что̀ стоитъ колосьевъ лѣтомъ въ цѣлой Ганѣ,
Что̀ валовъ гуляетъ въ морѣ-океанѣ,
Что̀ свѣтилъ играетъ по̀ небу ночному —
Вотъ васъ, братья, сколько по лицу земному
Разсыпано, бродитъ... кабы вамъ да счастье,
Кабы ссоры бросить да зажить въ согласьѣ!...

Н. Бергъ.

І. Я. ЛАНГЕРЪ.

Іосифъ Ярославъ Лангеръ родился въ 1806 году въ Богданчѣ, въ Чехіи. Учился онъ въ Пражскомъ университетѣ и рано обратилъ на себя вниманіе своимъ поэтическимъ дарованіемъ, въ слѣдствіе чего первенствующіе чешскіе литераторы того времени приняли въ немъ участіе и выхлопотали ему небольшое содержаніе отъ графа Кинскаго. Въ 1830 году онъ занимался редакціею беллетристическаго изданія «Чехославъ» и издалъ сборникъ, подъ заглавіемъ «Селянки». Онъ напечаталъ также нѣсколько юмористическихъ стихотвореній и, опасаясь преслѣдованія за одно изъ нихъ, удалился на родину, гдѣ вскорѣ и умеръ. Полное собраніе его сочиненій напечатано въ Прагѣ, въ 1863 году, въ двухъ томахъ.

ЧЕШСКІЕ КРАКОВЯКИ.

1.

Очи мои, очи,
Ясныя вы очи!
Что̀ въ одну сторонку
Вы смотрѣть охочи?
Что̀ ты, быстра рѣчка,
По камушкамъ скачешь?
Кто еще не плакалъ:
Полюби — поплачешь!

2.

Ахъ, никто не знаетъ,
Да и знать не можетъ,
Что мнѣ ретивое
Такъ щемитъ и гложетъ:
Вѣдь не каждый веселъ,
Кто поётъ и скачетъ:
Иногда тихонько
Онъ въ углу поплачетъ!

3.

Давно ль я на свѣтѣ,
А ужь знаю горе;
Слёзъ горючихъ пролилъ
Цѣлое я море.
Полетѣла пчелка,
Вьётся надъ черешней:
И меня вѣдь тянетъ,
Гдѣ мой цвѣтикъ вешній!

4.

Очи! гдѣ набрались
Силой вы такою,
Что ни днемъ, ни ночью
Нѣтъ отъ васъ покою!
Много въ рощѣ тёрну,
Не вылѣзть оттуда...
Люби меня, люба,
Чтобъ не было худа!

5.

Одна отогнала,
Одна разбранила,
Но за-то ужь третья
Сама поманила.

Три на свѣтѣ вещи
Лечатъ сердце: водка,
Мошна золотая,
Дѣвица-красотка!

Н. Бергъ.

—

К. И. МАХА.

Карлъ Игнатій Маха родился въ 1810 году въ Прагѣ. Родители его, бѣдные ремесленники, думали передать ему современемъ свое ремесло, но молодой Маха былъ всегда далекъ отъ мысли оправдать ихъ надежды на этотъ счотъ, выказывая совершенно противуположные наклонности, и кончилъ тѣмъ, что убѣдилъ своихъ родителей отдать его въ гимназію. Здѣсь врожденныя наклонности мальчика обнаружились весьма скоро: онъ сталъ писать стихи. Первымъ его поэтическимъ произведеніемъ былъ переводъ шиллеровой баллады на чешскій языкъ; за нею послѣдовали переводы другихъ стихотвореній Шиллера и балладъ Вальтеръ-Скотта, а наконецъ и оррипинальныя стихотворенія. Лучшимъ произведеніемъ Махи считается лиро-эпическая поэма «Май», отрывокъ изъ которой помѣщонъ въ нашемъ изданіи. Поэзія его отличается восторженною фантазіей и нѣкоторымъ байронизмомъ. Не смотря на то̀, что Маха умеръ очень рано и литературная его дѣятельность продолжалась всего семь-восемь лѣтъ, онъ вполнѣ заслуживаетъ названіе одного изъ даровитѣйшихъ чешскихъ поэтовъ. Собраніе его сочиненій издано въ 1836 году — въ годъ его смерти. Онъ умеръ на 27-мъ году.

МАЙ.

Былъ поздній вечеръ — первый май;
Кругомъ смотрѣло все какъ рай:
Въ сирени голубь ворковалъ,
Къ любви голубку призывалъ
И о любви дремучій боръ
Велъ съ рощей тайный разговоръ;
Шепталъ любовно сѣрый мохъ;
То шелестъ слышался, то вздохъ
Въ лѣсу; то тише, то живѣй...
И розу славилъ соловей,
И несъ ему роскошный цвѣтъ
Благоуханіемъ отвѣтъ.
Съ любовію равнина водъ
Небесный отражала сводъ,
Съ его звѣздами и луной:
Казалось, будто міръ иной
Тамъ, въ безднахъ, искрился, игралъ
И снизу на̀ небо взиралъ,
И тѣхъ подземныхъ звѣздъ лучи,
Яркѝ и также горячи,
На небо, ввысь стремились вновь,
Куда манила ихъ любовь...
Туманно-блѣдный ликъ луны,
Увидя въ зеркалѣ волны
Неясный, зыбкій образъ свой,
Занылъ, казалося, тоской...
Вдали тянулся длинный рядъ
Веселыхъ домиковъ и хатъ:
Одинъ ласкаясь къ одному,
Они все болѣе во тьму
Тонули, крылися — потомъ,
Какъ бы обнявшись, съ домомъ домъ,
Пропали въ сумракѣ густомъ.
Дубъ къ дубу и сосна къ соснѣ
Склоняться стали въ тишинѣ,
И ластилась волна къ волнѣ...

Н. Бергъ.

—

К. Я. ЭРБЕНЪ.

Карлъ Яромиръ Эрбенъ родился 26 октября (7-го ноября) 1811 года въ Милетинѣ, въ Чехіи. Первоначальное свое воспитаніе получилъ онъ на мѣстѣ своего рожденія; затѣмъ, въ 1825 году, поступилъ въ Кралеградскую гимназію, по окончаніи курса въ которой, переѣхалъ въ 1831 году въ Прагу, гдѣ сталъ слушать философію. Здѣсь онъ познакомился съ нѣкоторыми молодыми чешскими писателями, въ томъ числѣ и съ Гавличкомъ, которые приняли его радушно въ свой кругъ. Около 1836 года Эрбенъ началъ собирать чешскія народныя пѣсни, причемъ записывалъ ихъ напѣвы. Въ 1837 году, по окончаніи курса, онъ поступилъ на службу при уголовномъ судѣ въ Прагѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, началъ заниматься, подъ руководствомъ Палацкаго, разборомъ земскаго архива чешскаго, а въ 1851 году былъ назначенъ архиваріусомъ города Праги. Мѣсто это онъ занималъ до своей кончины, послѣдовавшей 28-го октября (9-го ноября) 1870 года. Эрбенъ занялъ рано одно изъ первыхъ мѣстъ въ чеш-

ской литературѣ. Онъ соединялъ въ себѣ качества добросовѣстнаго ученаго, археолога и изслѣдователя народнаго быта, съ талантомъ поэта. Въ 1842 году Эрбенъ издалъ свое собраніе чешскихъ народныхъ пѣсенъ, которыя онъ началъ собирать еще будучи ученикомъ гимназіи. Мотивы народныхъ пѣсенъ вдохновили его — и въ 1853 году онъ издалъ свой «Вѣнокъ изъ Народныхъ Сказаній» — лучшее изъ оригинальныхъ своихъ произведеній. Эрбену принадлежитъ нѣсколько изслѣдованій по части славянской миѳологіи и нѣсколько ученыхъ изданій, изъ которыхъ важнѣйшія: «Жизнь св. Екатерины», по рукописи XIII вѣка, «Чешская историческая Хрестоматія», «Сборникъ древнихъ актовъ, касающихся Чехіи и Моравіи» и многія другія. Въ послѣдніе годы своей жизни Эрбенъ издалъ «Славянскую Читанку», то-есть сборникъ лучшихъ народныхъ сказокъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Какъ археологъ, Эрбенъ пользовался большою извѣстностью не только между чехами, но и между всѣми славянскими учеными этой спеціальности. Въ 1867 году Эрбенъ посѣтилъ московскую этнографическую выставку, которая произвела на него сильное впечатлѣніе. Съ русскаго онъ перевелъ «Лѣтопись Нестора», «Слово о Полку Игоревѣ» и «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ».

ВОДЯНОЙ.

1.

Вечеръ. Озеро спокойно;
Стройный тополь мирно спитъ;
Водяного пѣснь нестройно
Изъ-подъ тополя звучитъ:
«Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станетъ шить.

«Я про сушу и про воды
Шью сапожки-скороходы:
Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станетъ шить.

«Скоро пятница начнётся
И кафтанчикъ мой дошьётся:
Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станетъ шить.

«Завтра, вырядясь красиво,
Сватьбу справлю я на диво:
Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станетъ шить.»

2.

Съ разсвѣтомъ дочь тихонько встала,
И въ узелокъ бѣльё связала.
— «Куда идешь?» спросила мать.
— «Да вотъ бѣльё иду стирать.»

— «О, не ходи, моя родная!
Здѣсь безъ тебя умру одна я...
Дурной мнѣ снился нынчѣ сонъ:
Несчастье намъ пророчитъ онъ!

«Сперва я жемчугъ выбирала,
Потомъ ты платье примѣряла,
Бѣлѣе пѣны водяной.
Останься, милая, со мной!

«Всегда все *бѣлое* — печали,
А *жемчугъ* — слёзы предвѣщали...
Къ тому же пятница у насъ.
Нѣтъ, ты напрасно собралась.»

Бѣдняжку-дочь томитъ истома:
Ей не сидится больше дома,
Ей дома мѣста нѣтъ нигдѣ —
Все тянетъ бѣдную къ водѣ.

Ушла... Едва къ водѣ нагнулась,
Какъ вдругъ доска подъ ней свернулась —
И нѣтъ ея... и лишь на днѣ
Валы вскипѣли въ глубинѣ —

И, кверху вырвавшись клубами,
Расплылись темными кругами.
А водяной, у склона скалъ,
Въ тѣни вѣтвей рукоплескалъ.

3.

Печаленъ, непривѣтливъ
Подводный этотъ міръ:
Въ травѣ однѣмъ лишь рыбкамъ
Раздолье тамъ и пиръ.

Не грѣетъ солнце, вѣтеръ
Не вѣетъ тихо въ немъ:
Тамъ тишина и холодъ,
Какъ въ сердцѣ отжиломъ.

Не весело, печально
Въ томъ царствѣ водяномъ;
Ни свѣтъ, ни тьма: безслѣдно
Тамъ день идетъ за днемъ.

Дворецъ у водяного
Обширенъ и богатъ;
Войдешь, а ужь оттуда
Не вырвешься назадъ.

Въ кристальныя ворота
Кто вступитъ разъ на пядь,
Того на бѣломъ свѣтѣ
Ужь больше не видать!

Въ воротахъ, важно сидя,
Хозяинъ сѣть чинитъ,
Хозяйка молодая
Съ дитятею сидитъ.

— «Баю, баю, мой милый,
Мой нежданный сынокъ!
Ты веселъ... Если бъ горе
Мое понять ты могъ!

«Ты къ матери несчастной
Такъ нѣжно льнёшь, а мать
Твоя была бы рада
Въ землѣ сырой лежать.

«Въ землѣ, за той часовней,
Гдѣ видѣнъ чорный крестъ,
Лишь къ матушкѣ поближе,
Вблизи родимыхъ мѣстъ.

«Баю, баю, сынишка,
Малютка водяной!
О, какъ не вспоминать мнѣ
О матушкѣ родной?

«Голубушка старалась
Меня пристроить... Вдругъ
На долю мнѣ достался
Подводный мой супругъ.

«Я вышла замужъ, вышла,
Да вышла-то вѣдь какъ!
Сватьями были — щука
И ракъ, усатый ракъ.

«На сушѣ всюду мокро,
Гдѣ явится мой мужъ;
Въ водѣ же, подъ горшками,
Тиранитъ сотни душъ.

«Мой водяной малютка,
Баю, баю, баю!
Не по любви пошла я
Въ безвѣстную семью:

«Въ разставленныя сѣти
Запуталася я...
Лишь ты, малютка, радость
Единая моя.»

— «Что тамъ, жена, поёшь ты?
Не любъ мнѣ твой напѣвъ;
Во мнѣ онъ возбуждаетъ
Досаду лишь, да гнѣвъ.

«Вся желчь во мнѣ вскипаетъ!
Не пой — я такъ хочу!
Не то тебя, какъ прочихъ,
Я въ рыбу превращу.»

— «И безъ того такъ грустно
Идутъ за днями дни;
Заброшенную розу
Напрасно не кляни!

«Не самъ ли ты подрѣзалъ
Цвѣтокъ моей весны,
Разрушивши на-вѣки
Мои надежды, сны?

«Вѣдь я тебя молила
О милости одной:
Чтобъ ты, хоть на часочекъ,
Пустилъ меня къ родной.

«Ужь сколько слёзъ, съ мольбами,
Напрасно я лила,
Чтобъ разъ лишь, на послѣдки,
Проститься съ ней могла!

«Молила, на колѣни
Склоняясь предъ тобой;
Но не смягчилось сердце
Твое моей мольбой.

«Не гнѣвайся напрасно,
Супругъ мой водяной;
Не то — пусть лучше будетъ,
Что ты сказалъ, со мной!

«Ты хочешь, чтобъ, какъ рыба,
Была я вѣкъ нѣма:
Я лучше буду камнемъ
Безъ сердца, безъ ума!

«Такъ преврати же въ камень
Меня, чтобъ въ этой мглѣ
Не вспоминать мнѣ вѣчно
О солнцѣ, о землѣ!»

— «Охотно бы я вѣрилъ,
Жена, твоимъ словамъ;
Но рыбка въ море: кто же
Ее отыщетъ тамъ?

«И къ матери давно бы
Сходила ты, жена,
Да все боюсь — не будешь
Словамъ своимъ вѣрна.

«Пожалуй, я позволю
Тебѣ взглянуть на свѣтъ;
Но обѣщайся вѣрно
Исполнить мой завѣтъ:

«Не заключай въ объятья
И матери родной,
Чтобы подземной страсти
Не пасть передъ земной!

«Такъ помни жь — безъ объятій!
Смотри, не позабудь!
А предъ вечернимъ звономъ
Сберись въ обратный путь.

«Съ заутрень до вечерень
Тебѣ даю я срокъ;
А въ вѣрности возврата —
Ребенокъ мнѣ залогъ.»

4.

Не бывать веснѣ безъ солнца,
Ни цвѣточкамъ безъ тепла!
Лишь нерадостная встрѣча
Безъ объятій бы прошла!

И покажется ли странно,
Если, встрѣтившись нежданно,
Дочь торопится обнять
Обожаемую мать?

Незамѣтно день промчался
Въ тихихъ, радостныхъ слезахъ.
— «Время намъ разстаться: вечеръ
На меня наводитъ страхъ!»

— «Полно, полно, успокойся
И нечистаго не бойся:
Не хочу, чтобъ надъ тобой
Былъ владыкой водяной.»

Свечерѣло. Весь зелёный
Кто-то ходитъ подъ окномъ.
Двери заперты засовомъ;
Мать и дочь сидятъ вдвоемъ.

— «Что же такъ тебя тревожитъ?
На землѣ вѣдь онъ не можетъ
Повредить тебѣ ни въ чёмъ:
Онъ не въ озерѣ своёмъ!»

Лишь вечерній звонъ раздался,
Стукъ послышался извнѣ:
— «Гей, жена, домой скорѣе!
Приготовь-ка ужинъ мнѣ!»

— «Прочь иди съ своей отравой,
Прочь, нечистый, прочь лукавый!
Приготовишь ужинъ самъ:
Жри, что жралъ ты прежде тамъ!»

Только полночь наступила,
Снова слышенъ стукъ извнѣ:
— «Гей, жена, домой скорѣе:
Постели постелю мнѣ!»

— «Прочь иди съ своей отравой,
Прочь, нечистый, прочь лукавый!
Тотъ, кто прежде стлалъ, опять
Пусть придетъ тебѣ постлать.»

Ужь забрезжилось — и снова
Стукъ раздался за дверьми:
— «Гей, жена, домой! сынишко
Плачетъ: грудью покорми.»

— «Плачетъ?... Я должна собраться:
Сердце хочетъ разорваться!
О, родимая, прости!
Къ сыну, къ сыну отпусти!»

— «Врагъ хитеръ! останься лучше,
Ввѣрься здѣсь своей судьбѣ!
Ты заботишься о сынѣ —
Я забочусь о тебѣ.

«Въ омутъ, въ омутъ, врагъ проклятый!
Дочь не выглянетъ изъ хаты;
Плачетъ сынъ — такъ можешь самъ
Принести малютку къ намъ.»

Буря озеро волнуетъ;
Въ бурѣ слышенъ дѣтскій крикъ:
Дѣтскій вопль, пронзившій душу,
Раздался и вдругъ заникъ.

— «Нѣтъ, я, матушка, не въ силахъ...
Кровь хладѣетъ, стынетъ въ жилахъ;
Я не знаю, что со мной...
Вѣрно это водяной!»

Вдругъ за дверью отъ паденья
Стукъ глухой раздался вновь —
И порогъ въ убогой хатѣ
Оросила чья-то кровь.

Мать молитву сотворила,
Тихо двери отворила:
Трупъ малютки здѣсь и тамъ
Былъ раскиданъ по частямъ.

М. Петровскій.

К. Е. ТУПЫ (Б. ЯБЛОНСКІЙ).

Карлъ Евгеній Тупы, болѣе извѣстный въ чешской литературѣ подъ псевдонимомъ Болеслава Яблонскаго, родился въ 1813 году. По окончаніи курса въ Пражскомъ университетѣ, по философскому факультету, онъ вступилъ, въ 1834 году, въ монастырь ордена премонстрановъ, въ 1838—произнесъ монашескій обѣтъ, въ 1841 — былъ рукоположонъ въ священники и, наконецъ, въ 1843 году былъ назначенъ приходскимъ настоятелемъ въ деревнѣ Радоницахъ. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ членомъ консисторіи въ Краковѣ, и занимаетъ это мѣсто по нынѣ. Яблонскій рано пріобрѣлъ извѣстность въ литературѣ изданіемъ простонародной сказки въ стихахъ, подъ заглавіемъ: «Три золотыхъ волоска». Затѣмъ, въ 1837 году онъ издалъ альманахъ «Весна», а въ 1841—вышло собраніе его стихотвореній, которые вскорѣ пріобрѣли большую извѣстность. Лучшимъ произведеніемъ Яблонскаго признаются его «Пѣсни Любви», проникнутыя глубокимъ христіанскимъ чувствомъ.

I.

ТРИ ПОРЫ.

Была пора, когда и имя чеха слыло
Почетнымъ не въ одной родной землѣ своей:
То имя славное и вся Европа чтила,
Какъ прозвище царей, героевъ и вождей.

Была пора, когда гордился смѣло каждый,
Что имя чешское весь родъ его носилъ,
Что онъ, какъ прадѣды, святой снѣдаемъ жаждой,
Полезнымъ былъ землѣ своей по мѣрѣ силъ.

Была пора, когда живая рѣчь родная
Звучала въ высотѣ у троновъ королей,
И отдавалася гармонія святая
Подъ сводами палатъ — и все внимало ей.

Тогда и чехъ горѣлъ сыновнимъ соучастьемъ
Къ отчизнѣ, защищалъ своей родимой честь;
Тогда землѣ родной не чуждо было счастье...
Оно лишь при любви къ отчизнѣ можетъ цвѣсть!

Прошли тѣ времена! пришла пора иная!
Ужасный, грозный день для Чехіи насталъ:
Духовный обморокъ пронесся въ край изъ края,
И непреклонный чехъ рабомъ по духу сталъ.

И ужь не любитъ чехъ святой своей отчизны,
Гордиться пересталъ онъ племенемъ своимъ,
Въ честь прадѣдовъ своихъ ужь не свершаетъ тризны
И въ подвигахъ добра не подражаетъ имъ.

Съ пенатами отцовъ на-вѣки распрощался,
Забылъ и родину, и нравы, и языкъ;
Отъ кровныхъ братій онъ безбожно отказался
И къ чужеземному гонителю приникъ.

И солнце Чехіи померкло и затьмилось,
И геній, родины хранитель, отлетѣлъ,
Могучая страна со славою простилась,
И свѣтлый храмъ искуствъ затворенъ—опустѣлъ...

О, какъ же зарыдалъ надъ раннею утратой
Ты, другъ отечества, народа своего —
О тѣхъ великихъ дняхъ, протекшихъ безъ возврата,
Смотря на жалкій гробъ великаго всего!

Но вотъ звучитъ труба посланника Христова:
«Возстаньте изъ гробовъ!» раздался гласъ съ небесъ,
И всюду раздалось живительное слово:
«Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!»

И вотъ съ гнилыхъ гробовъ слетѣли мигомъ крыши,
Все долу падшее стремительно встаётъ,
Все жизнью новою, все славной жизнью дышетъ,
Все гимнъ торжественный Воскресшему поётъ.

Все оживилося какой-то дивной силой;
И вдругъ изъ мертвыхъ всталъ забытый духъ отцовъ.
«Пора, пора вставать!» звучитъ отчизнѣ милой
Изъ смѣлыхъ устъ ея восторженныхъ жрецовъ.

Пора! давно пора! Проснитесь, братья, вгляньте!
Востокъ объятъ огнемъ! денница занялась!
Запѣли соловьи! Что жь медлите вы? встаньте!
Да будетъ стыдъ и срамъ послѣднему изъ васъ.

М. Петровскій.

II.

Сынъ мой, самообольщенье
Въ мірѣ встрѣтишь за урядъ!
Всѣ кричатъ о просвѣщеньи,
Всѣ невѣжество бранятъ.

Кто невѣжество народа
Лишь поноситъ, какъ чуму,
Тотъ похожъ на сумасброда,
Что руками гонитъ тьму.

Тьмѣ противно дня явленье,
Гонятъ ночь его лучи:
Противъ мрака заблужденья
Вѣчной истинѣ учи.

М. Петровскій.

III.

Много, сынъ мой, разныхъ книгъ
Завели себѣ народы;
И въ поминѣ нѣтъ у нихъ
Книги матери-природы.

Въ нихъ стоустая молва
Часто съ перьевъ каплетъ ложью:
Все людскія въ нихъ слова —
Лишь въ природѣ слово Божье.

М. Петровскій.

IV.

Звѣзды всходятъ и заходятъ;
Ежедневно, въ блескѣ дивномъ,
Всходитъ солнце: во вселенной
Все въ движеньи безпрерывномъ.

Вкругъ звѣзды звѣзда другая
Путь свершаетъ безконечный;
Все идетъ своей чредою;
Какъ теперь, такъ будетъ вѣчно.

Мѣсяцъ — вкругъ земли; вкругъ солнца
Той указана дорога:
Вейся сердцемъ вкругъ отчизны,
А съ отчизною вкругъ Бога.

Ѳ. Миллеръ.

V.

Поздно липа расцвѣтаетъ,
Но душистый цвѣтъ даетъ;
Онъ богатъ цѣлебной силой
И хранитъ янтарный медъ:

Такъ и намъ, по волѣ Неба,
Поздній цвѣтъ на долю данъ;
Но за-то онъ обѣщаетъ
Много благъ семьѣ славянъ.

Ѳ. Миллеръ.

Ф. Я. РУБЕШЪ.

Францъ Яроміръ Рубешъ, сынъ пивовара въ Чижковѣ, въ Чехіи, родился въ 1814 году. Его

готовили къ духовному званію и опредѣлили въ Пражскую семинарію, но онъ вышелъ изъ нея, былъ нѣкоторое время гувернеромъ и кончилъ тѣмъ, что поступилъ въ Пражскій университетъ на юридическій факультетъ, по окончаніи котораго служилъ по судебной части. Литературная его дѣятельность началась въ 1832 году. Рубешъ признается однимъ изъ лучшихъ чешскихъ поэтовъ, а какъ поэтъ юмористическій и простонародный занимаетъ между ними первое мѣсто. Въ 1837 году онъ напечаталъ первый выпускъ своихъ стихотвореній. Нѣкоторыя изъ его произведеній, какъ, напримѣръ, пѣснь: «Я чехъ!» имѣли огромное вліяніе на возбужденіе чувства славянской народности въ Чехіи. Рубешъ и Тылъ быть-можетъ болѣе всѣхъ содѣйствовали возбужденію народнаго духа въ чешскомъ населеніи. Онъ скончался въ 1853 году. Полное собраніе его сочиненій вышло въ 1862 году въ Прагѣ, въ 4-хъ томахъ.

Я ЧЕХЪ.

Я чехъ!
Коли найдется межъ народовъ всѣхъ,
Кто лучше — пусть открыто скажетъ
И ясно это мнѣ докажетъ!
Моя отчизна — Чешская Земля!
Ея дубравы, рощи и поля —
Ихъ видѣть каждое мгновенье —
Вотъ въ чемъ для чеха наслажденье!
Не покидать родимый край —
Вотъ истинный для чеха рай!
Чему дивиться! — нѣту болѣ
Межъ горъ красивѣе юдоли,
Какъ Чехія; надѣлена
Дарами всякими, она,
Какъ бриллiантъ, какъ перлъ безцѣнный,
Сіяетъ на груди вселенной.
Селянъ веселые дворы,
Благословенны щедрымъ Небомъ,
Цвѣтутъ; покрыты нивы хлѣбомъ;
Луговъ шелкòвые ковры
Обильны злаками, широки;
Большія рѣки тамъ и тутъ
По нимъ излучисто бѣгутъ
И вьются рѣзвые потоки.
И эта чудная земля,
И эти горы и поля —
То наша Чехія родная,
Моя отчизна дорогая!
Мое веселье, торжество,
Гдѣ въ рощахъ всѣ деревья святы,
Подъ вѣткой каждой — божество,
Преданья есть у всякой хаты,
У камня всякого, у каждаго холма;
Свои хранятъ названья долы,
Свои у каждой липы пчёлы,
Пѣвцовъ у каждой розы тьма,
И даже гробы и могилы
Всѣ для кого-нибудь да милы:
На нихъ лежатъ вѣнки изъ розъ,
Сіяя перлами изъ слёзъ...
Я не завидую ни мало
Тому, чтò небо нѣмцамъ дало:
Ихъ Рейна не дивлюсь красамъ;
Я не завидую Авзона
Лимоннымъ рощамъ и лѣсамъ,
Ни всѣмъ Эллады чудесамъ,
Ни даже злату Альбіона;
Пускай изнѣженный османъ
Межъ гурій дивныхъ, какъ въ эдемѣ,
Въ своемъ блаженствуетъ гаремѣ!
Чтò мнѣ до всѣхъ подъ солнцемъ странъ,
Когда съ сознаніемъ и твердо,
Смотря на всѣхъ спокойно, гордо,
Мнѣ вымолвить не грѣхъ:
Я чехъ!

И въ чемъ еще моя утѣха,
Что днесь и въ прошлы времена
Никто ни одного пятна
Не видѣлъ на отчизнѣ чеха.
Мы свято добродѣтель чтимъ,
Мы строги въ нравахъ. сердцемъ прямы;
Богамъ лишь кроткимъ и благимъ
Мы древле созидали храмы;
Въ насъ (это скажетъ цѣлый свѣтъ)
Ни лести, ни обмана нѣтъ;
Не терпимъ ухищреній лживыхъ,
Не ходимъ сонмищъ нечестивыхъ
Мы на предательскій совѣтъ;
Всегда свое мы держимъ слово;
Нашъ неотъемлемый девизъ:
«Не трогай ничего чужого,
Но за свое какъ левъ дерись!»
И впрямъ мы за свое стояли!
Насъ врагъ боялся и дрожалъ...
А если побѣжденный палъ —
Мы пальму мира подавали,
Внимая воплямъ и мольбамъ,
Но никогда цѣпей рабамъ

Рукой жестокой не ковали;
Изъ-за добычи нашъ солдатъ
Не вѣдалъ тягостныхъ походовъ —
Мы чисты и не тяготятъ
На насъ проклятія народовъ!
И глядя прямо въ очи всѣхъ,
Я смѣло вымолвлю: я чехъ!

У грековъ, римлянъ были боги
Повсюду разные; чертоги
Имъ воздвигалися, а чехъ
Чтилъ какъ боговъ нерѣдко тѣхъ,
Чьи героическія души
Спасали родину: Любуши,
Людмилы, Круки, Янъ, Люміръ —
И мало ль ихъ! Ихъ знаетъ міръ!
Мы и художниковъ имѣли:
Нашъ Брандель, Шкрета, Менксъ, Кадликъ—
Еще ль не наши Рафаэли?
Всякъ чѣмъ-нибудь изъ нихъ великъ.

И въ музыкѣ — и здѣсь успѣхи
Мы также сдѣлали, и здѣсь
Прославились далеко чехи:
Ихъ знаетъ свѣтъ широкій весь
За музыкантовъ; всѣ привыкли
Намъ тотъ приписывать талантъ,
Что каждый чехъ — есть музыкантъ;
Мотивы чешскіе проникли
Вездѣ и если бъ во сто разъ
Міръ былъ пространнѣе и шире —
И въ немъ, и въ этомъ новомъ мірѣ,
Разлиться въ звукахъ стало бъ насъ;
Для нашихъ арій, нашихъ пѣсенъ
И онъ бы показался тѣсенъ.
Такъ, въ добрый мы родились часъ!

А наши парни — что̀ за хваты!
Во всякомъ дѣлѣ всякій лихъ;
Подчасъ — ораторы изъ нихъ,
Подчасъ выходятъ и солдаты,
Чтобъ биться доблестно за тѣхъ,
Кого... душевно любитъ чехъ.

А чешская дѣвица красна —
Другое солнце это ясно!
Смиренья, скромности полна,
Невиннѣй горлицы она,
Стройнѣй карпатской гордой лани;
О, кто бы, кто восторговъ дани,
Ее увидѣвъ, не принесъ!

Ея лицо, ея ланиты
Самой природой дивно слиты
Изъ бѣлыхъ и изъ алыхъ розъ;
Глаза — что̀ синіе тюльпаны,
Уста какъ соты пчелъ медвяны:
Вотъ какова она собой!
Ея божественныя руки
Вѣнчаютъ мечъ идущихъ въ бой;
Въ ея устахъ родные звуки
Насъ сводятъ по просту съ ума —
О, это музыка сама!

Что̀ въ мірѣ наконецъ прелестнѣй
Роскошныхъ, нѣжныхъ чешскихъ пѣсней?
Что̀ есть въ нихъ и чего въ нихъ нѣтъ?
Для чеха ими красенъ свѣтъ;
Онѣ — веселье и утѣха,
И слёзы горькія для чеха.
Въ нихъ чуткимъ ухомъ слышитъ онъ
Былого отклики живые,
Порою трубы боевыя,
Порою погребальный звонъ;
Порою голоса изъ рая,
Отъ предковъ, слышитъ замирая...
Въ нихъ, въ нихъ сказался нашъ языкъ,
И сладкозвучный, и могучій,
Счастливыхъ слитіё созвучій —
Богатъ, возвышенъ и великъ!

Какъ на страдальческое ложе
Паду подъ бременемъ я лѣтъ,
Когда въ очахъ померкнетъ свѣтъ,
Скажу я: «милостивый Боже!
Пускай исполнится Твоя
Святая воля: нынѣ я
Иду отсель; мое моленье
Въ сіе послѣднее мгновенье:
Дай, чтобъ изъ звуковъ чешскихъ всѣхъ,
Скрестивши передъ смертью руки,
Я вымолвилъ лишь эти звуки:
«Я жилъ и умеръ такъ какъ чехъ!»

Н. Бергъ.

В. ШТУЛЬЦЪ.

Вячеславъ Штульцъ, сынъ каменьщика, родился 8-го (20-го) декабря 1814 года въ городѣ Кладнѣ, воспитывался въ одной изъ пражскихъ гимназій, гдѣ сблизился съ нѣсколькими молодыми людьми,

которые впослѣдствіи пріобрѣли извѣстность въ чешской литературѣ, и началъ заниматься переводами съ польскаго и русскаго. Штульцъ отличался всегда особеннымъ сочувствіемъ къ полякамъ, и это направленіе въ немъ утвердилось еще болѣе въ слѣдствіе сближенія съ княземъ Юріемъ Любомірскимъ, съ которымъ связала его самая тѣсная дружба. По окончаніи университетскаго курса въ Прагѣ, Штульцъ вступилъ въ семинарію и въ 1839 году былъ рукоположонъ въ священники. Штульцъ стоитъ во главѣ того направленія въ чешской литературѣ, которое старается соединить славянскій патріотизмъ съ ревностною, можно даже сказать—фанатическою, преданностію католицизму. Этимъ духомъ проникнуты его многочисленныя сочиненія. Большая часть ихъ писана прозою и касается предметовъ духовнаго содержанія; но Штульцъ писалъ и стихи, между которыми встрѣчаются весьма удачныя. Собраніе его стихотвореній, подъ заглавіемъ «Незабудки на тропинкахъ жизни», напечатано было въ 1845 году въ Прагѣ. Въ 1847 году онъ началъ издавать духовный журналъ «Благовѣстъ»; въ слѣдующемъ году назначенъ былъ преподавателемъ закона Божія въ одной изъ пражскихъ гимназій, а въ 1860 году избранъ въ каноники Вышеградскаго собора. Мѣсто это занимаетъ онъ и по настоящее время. Между послѣдними сочиненіями Штульца слѣдуетъ назвать: «Сіонскую Арфу» и «Небесные Перлы», два сборника его стихотвореній, мотивы которыхъ заимствованы изъ ветхаго и новаго завѣта, и собраніе патріотическихъ его стихотвореній, подъ названіемъ «Чешскія Думы».

ИЗЪ «ВОСПОМИНАНІЙ НА ПУТИ ЖИЗНИ».

1.

День угасъ; подъ кровомъ ночи
Міръ уснулъ — кругомъ покой...
Нѣтъ въ душѣ моей печали,
Нѣтъ и радости живой.

Вновь звѣзды моей угасшей
Лучъ отрадный видѣнъ мнѣ —
Будто ангела одежда
Вѣетъ въ свѣтлой вышинѣ.

«Не изъ слёзъ — изъ прилежанья» —
Слышенъ голосъ унованья —
«Снова радость расцвѣтетъ,
Вновь отчизна оживетъ!»

2.

Я на небо и на звѣзды
Съ грустью тайною смотрю,
И нависшей надо мною
Чорной тучѣ говорю:

«Ахъ, когда жь оставитъ Каинъ
Брата Авеля враждой?»
И въ отвѣтъ на зовъ печали
Слышу голосъ неземной:

«Близко время искупленья;
Отъ любви придетъ цѣленье —
И любовь та мечъ и щитъ
Въ серпъ и рало превратитъ.

3.

Пусть мрачится сводъ небесный,
Пусть немолчно громъ гремитъ:
Онъ во мнѣ надежды, вѣры
И любви не сокрушитъ.

Эта вѣра — на твердынѣ,
Какъ звѣзда любовь горитъ,
А надежду — Божья правда
И питаетъ, и живитъ.

Гнѣвъ, вражда и заблужденье —
Все пройдетъ, всему забвенье.
И опять святой народъ
Въ божьей правдѣ оживетъ.

Ѳ. Миллеръ.

В. ФУРХЪ.

Викентій Фурхъ родился въ 1817 году въ Красоницахъ, въ Моравіи. Отецъ его былъ нѣмецъ, а мать — славянка. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ школѣ въ Тельчи, гдѣ служилъ его отецъ; затѣмъ, учился въ Иглавской гимназіи, изучалъ философію въ Брнѣ (Брюнѣ) и право — въ Оломуцѣ (Ольмюцѣ). Еще будучи ребенкомъ полюбилъ онъ свой родной языкъ, и никакъ не могъ понять, почему языкъ цѣлаго

народа находился въ такомъ пренебреженіи, въ какомъ онъ былъ тогда, особенно въ Моравіи. Хотя въ гимназіи и университетѣ онъ занимался чтеніемъ чешскихъ книгъ, однако только въ Оломуцѣ удалось ему слушать лекціи чешскаго языка, потому-что въ то время языкъ этотъ не преподавался ни въ какомъ другомъ заведеніи Моравіи. Въ 1843 и 1844 годахъ Фурхъ издалъ свои стихотворенія въ двухъ томахъ; затѣмъ, въ 1848 году, появились въ печати его «Цвѣта и Звуки», а въ 1850 — «Пѣсни и баллады изъ венгерской войны». Впрочемъ, Фурхъ мало хлопоталъ объ обнародованіи своихъ сочиненій, и только небольшая часть ихъ явилась въ печати. Нѣкоторыя изъ его пѣсенъ положены на музыку. Въ послѣднее время Фурхъ написалъ политическую драму изъ моравской исторіи, подъ заглавіемъ: «Славиборъ Штамбергъ».

ЭХО.

Все вокругъ давно почило
    Подъ одеждой тёмной,
Одного лишь только эхо
    Слышенъ голосъ томной.

Съ шаловливымъ этимъ эхомъ
    Духъ мой въ разговорѣ —
И оно ему приноситъ
    Радость, либо горе.

«Или счастію возврата
    Нашему не будетъ?»
Изъ-за горъ протяжно эхо
    Отвѣчаетъ: «*будетъ!*»

«Обновится ли народъ мой,
    Или изнеможетъ?»
Эхо голосомъ невѣрнымъ
    Отвѣчаетъ: «*можетъ!*»

«Кѣмъ и какъ зажжотся искра
    Въ племени убогомъ?»
Эхо голосомъ могучимъ
    Загремѣло: «*Богомъ!*»

«Буди ввѣкъ Творцу вселенной» —
    Я воскликнулъ — «слава!»
Эхо громко и свободно
    Крикнуло мнѣ: «*слава!*»

Н. Бергъ.

—

БАРОНЪ ВИЛЛАНИ.

Баронъ Драготинъ Марія Виллани родился 11-го (23-го) января 1818 года въ Сушицѣ, въ южной Чехіи. Онъ воспитывался въ военной академіи въ Новомъ Мѣстѣ, по окончаніи курса въ которой поступилъ, въ 1838 году, на службу въ австрійскую армію, въ 36-й пѣхотный полкъ. Въ 1848 году онъ былъ выбранъ въ начальники народной дружины *Согласіе*, зачто былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость. Въ 1867 году Виллани былъ выбранъ депутатомъ на чешскій сеймъ въ Прагѣ, и въ томъ же году ѣздилъ, вмѣстѣ съ другими представителями западнаго и южнаго славянства, на этнографическую выставку въ Москвѣ. Стихотворенія барона Виллани были изданы два раза: въ первый разъ — въ 1844 году, подъ заглавіемъ «Лира и Мечъ», а во второй — въ 1846 году, подъ заглавіемъ: «Военныя Пѣсни и Декламаціи». Кромѣ того онъ написалъ комедію «Сочельникъ» и участвовалъ въ журналахъ: «Цвѣты», «Пчела» и «Семейная Хроника», въ которыхъ помѣстилъ, кромѣ множества мелкихъ стихотвореній, нѣсколько прозаическихъ статей. Въ настоящее время баронъ Виллани проживаетъ или въ Прагѣ или въ своихъ имѣніяхъ въ южной Чехіи.

I.

5 МАЯ 1821 ГОДА.

Широко звуки разливая,
Черезъ моря несется стонъ,
Но не труба то боевая,
А похоронный, тихій звонъ.

Того, предъ кѣмъ все трепетало,
Чьимъ громкимъ именемъ полна
Была вселенная — не стало:
Нить дивной жизни порвана!

Гдѣ славныхъ браней громъ побѣдный?
Онъ отгремѣлъ, на-вѣкъ затихъ!
Лежитъ герой на ложѣ, блѣдный,
Лежитъ безжизненъ и тихъ.

Кругомъ друзья — ихъ ликъ туманенъ,
Застыли слёзы въ ихъ очахъ;
У изголовья англичанинъ
Сидитъ, какъ воронъ на часахъ.

Врачъ молвилъ: «кесарь умираетъ...
Онъ умеръ... плачьте!» — Гудсонъ-Ловъ
Одинъ спокойно повторяетъ:
«Скончался ровно въ шесть часовъ!»

Угасъ! минута роковая!...
Затѣмъ-то раздается звонъ,
Черезъ моря перелетая...
Угасъ, угасъ Наполеонъ!

Н. Бергъ.

II.

ЭМИГРАНТЪ.

Озари ты, солнце красно,
Мракъ больной моей души,
Отогрѣй ты холодъ сердца,
Слёзъ потоки осуши!

Не кори меня, родная,
Что бросаю милый край!
Сыну дай благословенье,
Сыномъ вѣкъ меня считай!

Рощи темныя, долины —
Не увижу васъ опять!
Ни друзей здѣсь, ни подруги,
Больше мнѣ не обнимать!

Чешской рѣчи, чешскихъ пѣсенъ
Не услышу! Грусть-тоска
Мнѣ одна лишь остается...
Слёзы льются какъ рѣка...

Н. Бергъ.

—

В. НЕБЕСКІЙ.

Вячеславъ Небескій родился въ 1818 году въ селѣ Новый Дворъ, въ Чехіи, воспитывался въ Литомѣрицкой гимназіи и Пражскомъ университетѣ, гдѣ любимымъ его занятіемъ было изученіе греческихъ классиковъ и философіи. Онъ готовился одно время къ дѣятельности врача, но вскорѣ, не чувствуя въ себѣ призванія къ медицинской практикѣ, оставилъ медицину и посвятилъ себя наукѣ и литературѣ. Начиная съ 1843 года, онъ написалъ и издалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій о древнѣйшихъ памятникахъ чешской письменности, въ томъ числѣ свои прекрасные разборы чешской «Александріады» («Часописъ», 1847) и «Краледворской Рукописи» (Прага, 1853). Кромѣ оригинальныхъ стихотвореній, пріобрѣвшихъ ему нѣкоторую извѣстность, онъ перевелъ нѣсколько греческихъ трагедій, переводилъ испанскіе романсы, новогреческія народныя пѣсни и т. п. Въ 1851 году Небескій былъ назначенъ секретаремъ Чешскаго Музея и редакторомъ журнала «Часописъ», издаваемаго этимъ музеемъ.

I.

ВЕЛИКАЯ КНИГА.

Какъ велика̀, какъ дивно-необъятна
Божественная Библія небесъ,
Какихъ полна невѣдомыхъ чудесъ!
Была ты мнѣ доселѣ непонятна;
Теперь, когда въ недугахъ я лежу
И въ книгу злато-звѣздную гляжу,
Все понялъ я, все вѣдаю и знаю
И ясно строки свѣтлыя читаю.

Н. Бергъ.

II.

ВЕСНА ЛЮБВИ.

Я не знаю, что̀ со мною:
Все, мнѣ кажется, цвѣтетъ,
Все играетъ, какъ весною,
Все ликуетъ, все поётъ!
Словно нѣжное дыханье
Свѣтозарныхъ майскихъ дней,
Словно ихъ очарованье
Разлито̀ въ груди моей.

Мысли жаворонкомъ вьются
Въ небо, въ горніе края;
Въ сердцѣ будто раздаются
Пѣсни, трели соловья;
Я готовъ проститься съ міромъ,
Улетѣть невѣсть куда,
Въ небѣ розовымъ эѳиромъ
Потеряться безъ слѣда.

То истомой сладострастной
Полонъ я — и грустно мнѣ;
То опять — что̀ полдень ясный,
И блаженствую вполнѣ;

Яркой радугой по небу
Разлилась тоска моя,
Звѣздамъ, мѣсяцу и Фебу
Посылаю вздохи я.

Н. Бергъ.

III.

СОНАТА.

Знаю я, почему
Иногда соловей
Улетаетъ во тьму,
Подъ навѣсы вѣтвей:
Мнѣ теперь самому
Тяжело межь людей!

Никого мнѣ не жаль;
Безъ тоски и безъ слёзъ
Я умчался бы вдаль,
На гранитный утесъ —
И злодѣйку печаль
Я туда бы унесъ!

Н. Бергъ.

—

Ф. РИГЕРЪ.

Францъ Владиславъ Ригеръ родился 28-го ноября (10-го декабря) 1818 года въ Семиляхъ, въ Чехіи. Получивъ образованіе сперва въ Пражской академической гимназіи, потомъ въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ шолъ въ одно и тоже время по юридическому и по философскому факультетамъ, Ригеръ принималъ дѣятельное участіе въ литературномъ развитіи родного языка. Въ то же время, горячо любя все родное, онъ оскорблялся до глубины души равнодушіемъ своихъ соотечественниковъ къ чешскому языку. Одни изъ нихъ употребляли нѣмецкій языкъ, какъ языкъ высшаго общества, другіе, особенно чиновники, просто боялись говорить публично по-чешски, зная очень хорошо, что австрійское правительство такъ или иначе, а отплатитъ тѣмъ, которые не хотѣли признавать главенства навязываемаго имъ нѣмецкаго языка. Противъ этого Ригеръ возсталъ всѣми силами — и усилія его увѣнчались успѣхомъ. Онъ основалъ общество, по примѣру котораго стали возникать и другія, подобныя, въ которыхъ члены принимались подъ условіемъ употреблять только чешскій языкъ. Учрежденіе этихъ обществъ вызвало цѣлую бурю на голову Ригера; но борьба съ правительствомъ только закаляла его силы, и онъ поставилъ на своемъ: общества не были уничтожены, чего добивалось правительство. Потерпѣвъ пораженіе по дѣлу обществъ, австрійское министерство обвинило Ригера въ сношеніяхъ съ эмигрантами и изгнанными государственными преступниками — и арестовало его. Однако онъ былъ оправданъ по суду и еще съ бо̀льшею энергіей продолжалъ свою пропаганду. Онъ заботился объ устройствѣ народныхъ читален, библіотекъ и народныхъ театровъ, а во время извѣстнаго мартовскаго движенія въ Чехіи, въ 1848 году, былъ однимъ изъ депутатовъ, ходатайствовавшихъ у министерства Питерсдорфа объ автономическихъ учрежденіяхъ для Чехіи. На созванномъ въ это время славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, Ригеръ былъ дѣятельнѣйшимъ защитникомъ чешскихъ интересовъ. Когда окончились чешскія волненія, Ригеръ не могъ оставаться спокойнымъ: новый врагъ вооружился противъ него. Мадьярская партія, недовольная увеличеніемъ политическаго значенія чеховъ и видившая въ Ригерѣ причину этого, всячески старалась противодѣйствовать его стремленіямъ. Ригеръ однако не уступалъ ни шагу, а, напротивъ, удвоилъ энергію и уничтожилъ всѣ попытки мадьярской партіи тѣмъ, что вынудилъ чешское правительство послать бану Елашичу помощь войскомъ и деньгами для успѣшнаго дѣйствія противъ мадьярскихъ инсургентовъ. Избраніе въ 1860 году Ригера членомъ чешскаго сейма и вѣнскаго рейхсрата расширило его дѣятельность. Какъ писатель, Ригеръ пользуется заслуженною извѣстностью. Изъ историческихъ его сочиненій замѣчательно изслѣдованіе «Объ историческомъ правѣ Чехіи» (1848), а изъ политико-экономическихъ — «О значеніи нематеріальнаго труда въ народномъ хозяйствѣ» (1850) и «Отношенія промышленности къ благосостоянію рабочаго класса» (1860). Поэтическія произведенія Ригера принадлежатъ его молодости. Въ 1867 году Ригеръ посѣтилъ московскую этнографическую выставку, во время которой произнесъ нѣсколько прекрасныхъ рѣчей и, въ томъ числѣ, самую замѣчательную (на обѣдѣ, данномъ городскимъ обществомъ), въ которой былъ неосторожно тронутъ вопросъ объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, на которую такъ блистательно отвѣтилъ князь В. А. Черкасскій.

ПѢСНЬ КУЗНЕЦОВЪ.

Нѣтъ ловчѣе молодца
Чеха — чеха-кузнеца!
Хоть глядитъ простосердечно,
Но что̀ сдѣлаетъ, то — вѣчно:
Длань его крѣпка, вѣрна
И могучи рамена.

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Нашъ кузнецъ — огонь и жаръ;
Что̀ ни слово, то — ударъ:
Такъ подчасъ имъ ошеломитъ...
Что̀ не гнётся — мигомъ сломитъ.
И во всемъ хорошемъ такъ;
На дурное жь — не мастакъ.

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Онъ не любитъ пустяковъ:
Дѣла другъ — не праздныхъ словъ;
Лицемѣрье незнакомо
Для него: въ людя̀хъ и дома
Онъ куетъ одно и то жь:
Рѣжетъ правду, а не ложь.

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Что̀ за смѣтливый народъ!
Всякъ изъ нихъ съ разсчотомъ бьётъ
Чтобы палъ ударъ незрящій
На металлъ, огнемъ горящій,
Въ дѣло онъ пускаетъ мѣхъ —
Настоящій, добрый чехъ!

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Много, Чешская Земля,
У тебя руды, угля̀ —
Вотъ оно, гдѣ наше знамя:
Наша сталь и наше пламя!
Жаръ сердецъ, огонь ума
Верхъ одержитъ, а не тьма!

Братцы, живо
Сыпь углѐй,
Не жалѣй!
Бей ретиво,
Бей на диво,
Веселѣй!

Чехъ, скажу вамъ наконецъ,
Былъ всегда лихой кузнецъ:
Мечъ ли выковать, иль рало —
Онъ задумывался мало:
Молодецъ на то и сё!
Вотъ и спѣлъ я! Вотъ и все!

Братцы, живо
Сыпь углѐй,
Не жалѣй!
Бей ретиво,
Бей на диво,
Веселѣй!

Н. Бергъ.

К. ГАВЛИЧЕКЪ.

Карлъ Гавличекъ (Havel Borovsky), извѣстный чешскій поэтъ и журналистъ, родился 19-го (31-го) октября 1821 года въ Боровѣ, близь Нѣмецкаго Брода. Сынъ тамошняго купца, Гавличекъ получилъ первоначальное образованіе подъ надзоромъ мѣстнаго декана Брузска; затѣмъ, на десятомъ году, былъ посланъ отцомъ въ Иглаву — учиться нѣмецкому языку. Гимназическій курсъ прошолъ онъ въ Нѣмецкомъ Бродѣ, послѣ чего, въ 1838 году, отправился въ Прагу, гдѣ около двухъ лѣтъ слушалъ философію въ та-

мошнемъ университетѣ. Въ 1840 году, по желанію отца, вступилъ въ Пражскую архіепископскую семинарію, но вскорѣ своими остроумными выходками и сатирическими стишками заявилъ себя такимъ плохимъ теологомъ, что долженъ былъ оставить семинарію, къ удовольствію своему и своихъ наставниковъ. Впослѣдствіи онъ отправился въ Москву, гдѣ прожилъ два года въ качествѣ гувернера при дѣтяхъ профессора Шевырева. Здѣсь онъ попалъ въ кругъ русскихъ славянофиловъ и вскорѣ сошелся съ главнѣйшими изъ нихъ: Хомяковымъ, Погодинымъ, Бодянскимъ и другими. Пребываніе въ Россіи было для Гавличка во многихъ отношеніяхъ весьма полезно, давъ ему возможность познакомиться короче съ русскою жизнью, какъ въ высшемъ обществѣ, такъ и въ народѣ. Говорятъ, жизнь въ Москвѣ оставила свой слѣдъ на его развитіи: критическій и оппозиціонный характеръ его ума опредѣлился здѣсь еще болѣе; онъ лучше привыкъ понимать между-славянскія отношенія и сильнѣе ненавидѣть насиліе и произволъ. Въ 1845 году онъ вернулся въ Прагу. Свою литературную дѣятельность онъ началъ статьями и письмами о Россіи, которыя въ первый разъ знакомили чешскихъ читателей съ настоящимъ положеніемъ русской дѣйствительности. Въ 1846 году онъ сталъ редакторомъ «Пражскихъ Новинъ» и «Пчелы», выходившей вмѣстѣ съ ними. Благодаря его таланту, популярность его съ этого времени стала увеличиваться все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало возростать и его вліяніе на публику. Австрійское правительство собиралось уже запретить его журналъ, когда мартовская революція совершенно развязала ему руки. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ чешскихъ событіяхъ 1848 и 1849 годовъ. Едва вѣсть о событіяхъ въ Вѣнѣ достигла Праги, какъ Гавличекъ уже хлопоталъ объ изданіи новаго журнала — и вскорѣ «Народныя Новины» появились за его подписью. Журналъ этотъ, имѣвшій огромное вліяніе на чешское общество, смѣло можно назвать лучшимъ изъ славянскихъ политическихъ изданій, когда-либо выходившихъ въ Австріи. Въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ Гавличекъ держался первой конституціи и программы Палацкаго, но въ этихъ предѣлахъ онъ былъ упорнымъ защитникомъ народнаго права отъ всякихъ враждебныхъ покушеній. Октоированная конституція 4-го мая 1849 года, заключавшая въ себѣ сѣмяна послѣдовавшей затѣмъ реакціи, встрѣтила въ Гавличкѣ самаго горячаго противника. Правительство потребовало его къ суду, но присяжные оправдали его. Затѣмъ, начались преслѣдованія, завершившіеся въ 1850 году запрещеніемъ журнала. Гавличекъ переѣхалъ въ Кутную-Гору, такъ-какъ въ Прагѣ изданіе журнала было невозможно по ея осадному положенію, и сталъ издавать тамъ «Славянина»; но борьба была уже невозможна. Въ мартѣ 1851 года Гавличку былъ запрещенъ въѣздъ въ Прагу, потомъ запретили «Славянина» и успокоились только тогда, когда Гавличекъ былъ сосланъ въ крѣпость Бриксенъ, въ Тиролѣ. Тамъ-то написалъ онъ свои знаменитыя «Тирольскія Элегіи». Это прекрасное стихотвореніе, исполненное поэзіи и юмора, имѣетъ три перевода на русскій языкъ (Гильфердинга, Минаева и Берга), изъ которыхъ послѣдній сдѣланъ для нашего изданія и помѣщается здѣсь въ первый разъ. Въ ссылкѣ постигла его тяжкая болѣзнь; ему позволили ѣхать на чешскія минеральныя воды, но въ Прагу онъ вернулся только наканунѣ смерти, послѣдовавшей 17-го (29-го) іюля 1855 года. Послѣднимъ трудомъ Гавличка, напечатаннымъ при его жизни, были «Повѣсти», переведенныя изъ Вольтера. Кромѣ того, осталась ненапечатанною его юмористическая *легенда изъ русской исторіи* «Крестъ св. Владиміра». «Гавличекъ — говоритъ Пыпинъ — былъ несомнѣнно большой талантъ, и въ короткій періодъ своей дѣятельности онъ сдѣлалъ очень много для воспитанія общества въ томъ направленіи, къ которому оно было приготовлено всего меньше въ своихъ національныхъ заботахъ — въ направленіи политическомъ. Его ясный умъ, простота пониманія и изложенія, остроуміе и юморъ давали ему большое вліяніе на массу, и дѣятельность Гавличка тѣмъ замѣчательнѣе исторически, что въ его пониманіи было очень много здраваго практическаго смысла, который удалялъ его отъ мечтательнаго фантазерства».

ТИРОЛЬСКІЯ ЭЛЕГІИ.

1.

Тускло въ небѣ свѣтитъ мѣсяцъ
Сквозь туманъ и мракъ.
Какъ тебѣ сдается Бриксенъ?
Что косишься такъ? . .

Не сходи покамѣстъ съ неба,
Не ложися спать:

Дай съ тобой мнѣ, другъ мой мѣсяцъ,
Слова два сказать.

Я не здѣшній: чай по рѣчи
Могъ ты въ пять минутъ
Угадать! ни *treu*, ни *bieder* —
Я... въ ученьи тутъ!

2.

Я изъ края музыкантовъ:
Флейтщикомъ я былъ,
Да игрой моею вѣнцамъ
Я не угодилъ.

Чтобъ поспать порядкомъ послѣ
Должностной возни,
Разъ отправили жандарма
Къ флейтщику они...

Слышу, кто-то у постели
Шпорами трень-брень,
Въ два иль три часа поутру,
Молвитъ: «добрый день!»

А за нимъ народу куча —
Каски, кивера,
Пышно шитые мундиры,
Сабли у бедра.

«Встаньте, господинъ редакторъ,
Будетъ почивать!
Но не бойтесь: мы хоть ночью,
Но — не воровать!

«Мы — коммиссія. Вся Вѣна
Кланяется вамъ.
Все ли въ добромъ вы здоровьѣ?
Рады ли гостямъ?

«Бахъ въ особенности низко
Кланяться велѣлъ;
Можетъ, самъ бы къ вамъ пріѣхалъ:
Очень-много дѣлъ!»

Я учтивъ при всякой встрѣчи —
Говорю: «сейчасъ!
Я готовъ, коли угодно,
Выслушать приказъ;

«Но позволить, meine herren,
Прежде вы должны
Мнѣ надѣть по-крайней-мѣрѣ
Галстукъ и штаны!»

Тутъ я началъ одѣваться...
Только мой бульдогъ
Полицейской этой сцены
Вынести не могъ:

Завозившись подъ кроватью,
Страшный поднялъ рыкъ:
Къ «Corpus habeas» съ-измала
Въ Англіи привыкъ.

Чтò съ проклятымъ было дѣлать?
Взялъ я «Gesetzbuch»,
Томъ увѣсистый, огромный —
И въ бульдога — бухъ.

3.

Тутъ я сталъ читать бумагу:
Добрый докторъ Бахъ
Пишетъ нѣжное посланье
Мнѣ въ такихъ словахъ.

На, вотъ самъ прочти, коль въ слогѣ
Въ этомъ ты силёнъ,
Чтò мнѣ докторъ милый пишетъ —
Вотъ чтò пишетъ онъ:

Пишетъ, будто воздухъ въ Прагѣ
Не совсѣмъ здоровъ
И совѣтуетъ отвѣдать
Мнѣ иныхъ краёвъ;

Что за этимъ и карету
Онъ нарочно шлётъ,
Дабы могъ я прокатиться
На казенный счотъ.

А чтобъ выѣхалъ изъ Праги
Я того же дня —
Полицейскимъ поручаетъ
Убѣдить меня.

4.

Можетъ-статься это глупо,
Но ужь я привыкъ
Слушать, если мнѣ покажутъ
Саблю или штыкъ.

Торопилъ меня Дедёра,
Стоя у дверей,
Чтобы съ нимъ я собирался
Ѣхать поскорѣй.

Тутъ въ напутствіе совѣты
Разные даны,
Коимъ Баха паціенты
Слѣдовать должны:

«Что инкогнито-де ѣдемъ;
Чтобъ съ собой отнюдь
Ни ружья, ни пистолета
Я бы нѐ бралъ въ путь.»

И такъ далѣ, и такъ далѣ —
Какъ Сирена пѣлъ.
Я жь межь-тѣмъ сюртукъ и шубу
На себя надѣлъ.

У крыльца стояли кони —
Я взглянулъ на нихъ:
«О, когда бъ еще немного!
Хоть единый мигъ...»

5.

Мѣсяцъ, мѣсяцъ, ты вѣдь знаешь
Женщину вполнѣ!
Чтò подчасъ намъ за обуза,
Чтò за крестъ онѣ!

Столько лѣтъ на эту землю
Глядя съ высоты,
Не одной разлуки тяжкой
Былъ свидѣтель ты!

Лучше моднаго поэта
Могъ бы разсказать...
Такъ и тутъ: вокругъ столпились
Дочь, жена и мать —

Дочка Зденочка. Я, правда,
Тертый ужь калачъ,
Но запалъ мнѣ крѣпко въ душу
Этотъ вопль и плачъ.

Я надвинулъ надибрадку —
Шапку на глаза,
Чтобы мнѣ неизмѣнила
Ни одна слеза;

Чтобъ жандармы неузнали
Про мою печаль...
Сѣлъ — карета покатилась
Вдаль... куда-то вдаль.

6

Рогъ трубитъ, жандармы скачутъ
Сзади, по бокамъ,
Чтобъ чего *не обронилось*...
Вонъ въ сторонкѣ храмъ!

Это Боровская церковь,
Какъ звѣзда, горитъ,
Словно мнѣ сквозь лѣсъ киваетъ,
Словно говоритъ:

«Ты ли это мой голубчикъ,
Дитятко моё?
Первыхъ дней твоихъ я помню
Здѣсь житьё-бытьё!

«Помню, какъ тебя крестили:
Вся твоя родня
Тутъ собрàлась... Добрый мальчикъ
Былъ ты у меня.

«Какъ прилежно ты учился,
Какъ побрелъ ты въ свѣтъ —
Помню все... тому ужь будетъ
Вѣрныхъ тридцать лѣтъ.

«Какъ съ тобой мы распрощались. .
Но скажи, мой другъ,
Для чего теперь съ тобою
Ѣдетъ столько слугъ?»

7.

Подъѣзжая подъ Иглаву,
Снился Шпильбергъ мнѣ;
А подъ Линцемъ, помню, видѣлъ
Я Куфштейнъ во снѣ.

За Куфштейномъ лишь пропали
Сны такіе всѣ;
Альпы видѣлись, какъ Альпы —
Въ царственной красѣ.

Только глупо, братъ, какъ ѣдешь
Ты невѣсть куда;

Тутъ чертовски утомляетъ
Самая ѣзда —

Полны горькою насмѣшкой
Почтарей рожки...
Просто, кажется разбилъ бы
Голову съ тоски!

Только видишь, другъ мой мѣсяцъ,
Былъ бы я не правъ,
Еслибъ мы съ тобой забыли
Горный телеграфъ:

Былъ онъ очень акуратенъ,
Не любилъ дремать —
И полиція усердно,
Какъ родная мать,

Печи намъ вездѣ топила,
Зная напередъ,
Сколько гдѣ съ дороги тяжкой
Путникъ отдохнётъ.

Въ Будеёвицахъ Дедёра
Странно поступилъ:
Мнѣ совсѣмъ не по-жандармски
Онъ вина купилъ —

Да мельницкаго, родного!
То ль попуталъ грѣхъ,
То ли кровь заговорила
Въ немъ (Дедёра — чехъ!)

Ужь не знаю! Или думалъ:
Все, что̀ я люблю,
Въ этой Летѣ виноградной
Мигомъ утоплю.

Но мельницкое я выпилъ
И до мѣстныхъ винъ
Добрался — до итальянскихъ:
Хмѣль, какъ-есть, одинъ!

8.

Тонъ элегіи оставимъ
Мы теперь съ тобой,
Ясный мѣсяцъ! На минуту
Перейдемъ въ другой!

Мерзкій путь отъ Рейхенгалля
До Вайдринга ты
Знаешь, чай: овраги, скалы,
Чортовы мосты;

Камни страшные — страшнѣе
Глупости людской;
Бездны больше, чѣмъ издержки
Арміи иной!

Сущимъ тартаромъ зіяютъ,
Путнику гроза:
Октоировать указомъ
Ихъ никакъ нельзя!

Ночь темна, какъ наша церковь
Иль еще темнѣй.
Всякій мигъ кричитъ Дедёра:
«Сдерживай коней!»

Да кому кричать? на козлахъ
Нѣту ни души:
Съ жандармеріей одни мы
Среди скалъ, въ глуши.

Почтальонъ отсталъ далеко
И въ потьмахъ исчезъ:
По-добру онъ по здорову
Съ козелъ раньше слѣзъ.

Мы летимъ при свистѣ вѣтра,
Рѣжутъ вихри слухъ;
Сердце бьется поневолѣ,
Замираетъ духъ.

Кручь — что̀ лѣстница на башнѣ;
Но люблю я страхъ
Передрягу полицейскихъ
И жандармовъ страхъ.

Я шепнулъ имъ: «между нами
Видно грѣшникъ есть:
Бросимъ жребій, кто отсюда
Долженъ мигомъ слѣзть

Очистительною жертвой,
Какъ Іона». Глядь:
Полицейскіе проворно
Начали скакать;

Другъ за дружкой изъ кареты
Выскакали вонъ.
Боже! точно ль это было?
Или это сонъ?

Стража, въ шарфахъ, вверхъ ногами,
Словно трупъ, лежитъ,
А преступникъ одиноко
Подъ гору летитъ.

Хочешь, Австрія, вести ты
Всѣхъ насъ по шнурку,
А не справилась съ четверкой
Коней на скаку!

Скалъ и пропастей альпійскихъ
Полный господинъ,
Безъ возницы, въ тьмѣ кромешной,
Мчался я одинъ,

И на станціи исправно
Закусилъ; потомъ
Спалъ какъ праведникъ; а стража
Все плелась шажкомъ;

Еле-еле дотащилась
Въ поздніе часы
И всю ночь себѣ чинила
Ребра и носы;

Задъ себѣ арникой терла,
А виномъ крестецъ...
Тутъ, мой другъ, я ставлю точку:
Странствіямъ конецъ!

Я ни капли не прибавилъ:
Можетъ — какъ ни глупъ —
Быть свидѣтелемъ почтмейстеръ
Въ Вайдрингѣ Дальрупъ.

9.

Рано утромъ былъ доставленъ
Въ Бриксенъ музыкантъ
И квитанцію Дедёрѣ
Выдалъ комендантъ.

Клокъ бумаги комендантской
Въ Чехію пошолъ,
А меня здѣсь держитъ крѣпко
Габсбургскій орёлъ.

Коменданта и жандармовъ
Въ этой западнѣ,
Вмѣсто ангеловъ небесныхъ,
Дали стражей мнѣ...

Н. Бергъ.

Г. ПФЛЕГЕРЪ (МОРАВСКІЙ).

Густавъ Пфлегеръ (Моравскій), одинъ изъ лучшихъ современныхъ чешскихъ поэтовъ, родился въ 1833 году въ деревнѣ Карасейно, въ Маравіи. Болѣзнь помѣшала ему поступить въ университетъ, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ ограничить свое образованіе гимназическимъ курсомъ; затѣмъ, недостатокъ средствъ къ жизни принудилъ его поступить на службу въ чешскую сберегательную кассу въ Прагѣ. Пфлегеръ началъ писать стихи съ пятнадцати-лѣтняго возраста. Первыя его стихотворенія были написаны по-нѣмецки, но, впослѣдствіи, онъ одумался, уничтожилъ все, написанное имъ на чуждомъ языкѣ и сталъ писать по-чешски. Въ 1858 и 1859 годахъ онъ написалъ и издалъ лучшее свое произведеніе — романъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Панъ Вышинскій», отзывающійся вліяніемъ «Евгенія Онѣгина». Затѣмъ, онъ написалъ комедію «Она меня любитъ» и трагедію «Святополкъ», имѣвшія также значительный успѣхъ. Остальныя его произведенія — нѣсколько романовъ и драматическихъ пьесъ — хотя и слабѣе исчисленныхъ выше сочиненій, но и они читаются съ удовольствіемъ.

ПѢСНЯ.

Одинъ я одиноко
Подъ липою сижу
И въ бездну — въ глубь потока
Задумчиво гляжу.
Огромный камень старый
Въ потокѣ тамъ лежалъ:
Потокъ сердитый, ярый
На камень набѣжалъ —
И камень въ бездну ринулъ...
И я, усталый, жду,
Чтобъ и ко мнѣ прихлынулъ
Потокъ — и въ бездну кинулъ
Меня въ свою чреду...

Н. Бергъ.

СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Словаки причисляются обыкновенно къ чехоморавской вѣтви западно-славянскаго племени. Они занимаютъ почти сплошной массой Тренчинскій, Турчанскій, Оравскій, Липтавскій и Зволенскій комитаты или стѣлицы сѣверовосточной Угріи; затѣмъ, населяютъ большую часть округовъ Нитранскаго, Спишскаго, Шарышскаго, Тековскаго, Земплинскаго, Гемерскаго и Гонтскаго и меньшую часть округовъ Пресбургскаго, Ноградскаго и Абуйварскаго. Но отдѣльныя поселенія и колоніи словаковъ выбѣгаютъ далеко за предѣлы территоріи, обнимаемой исчисленными пятнадцатью комитатами: онѣ встрѣчаются въ двадцати другихъ стѣлицахъ Угорщины, вплоть до самой Савы, гдѣ онѣ уже соприкасаются съ этнографической территоріей сербовъ и хорватовъ. Такъ-какъ условія жизни въ горной подтатранской родинѣ словаковъ не вполнѣ достаточны для пропитанія быстро возростающаго населенія, то непрерывный почти потокъ словацкой колонизаціи, по теченію ихъ рѣкъ Вага, Грона и Нитры, неудержимо стремится къ Дунаю, а по Бодрогу и Гернаду въ долину Тисы, въ то роскошное угорское дольноземье, которое нѣкогда принадлежало, хотя не исключительно, прапрадѣдамъ словаковъ и, быть-можетъ, еще станетъ со временемъ наслѣдіемъ, хотя тоже не исключительнымъ, ихъ правнуковъ.

Численность словацкой народности не можетъ быть точно опредѣлена по причинамъ какъ соціальнымъ, такъ и политическимъ. Въ средѣ словаковъ существуетъ съ одной стороны непримиримая рознь между дворянствомъ и народомъ: первое стыдится даже своего происхожденія и причисляетъ себя къ мадьярамъ, подобно тому, какъ западнорусское дворянство причисляетъ себя къ полякамъ. Съ другой стороны мадьярская администрація, озабоченная возвышеніемъ мадьярской народности надъ другими угорскими, особенно словацкою, въ смѣшанныхъ округахъ игнорируетъ показанія языка и причисляетъ словаковъ къ мадьярскому племени, что отражается и на статистическихъ данныхъ. Какъ бы то ни было, мы безопасно можемъ опредѣлить минимумъ словацкаго населенія въ 3 милліона душъ. Но, какъ уже сказано, это населеніе быстро возростаетъ, несмотря на гнётъ австрійскаго, особенно мадьярскаго правительства. Словацкая народность обладаетъ значительною претворяющею силою: она расширяется особенно на счотъ мадьяръ. Но и нѣмцы въ средѣ словаковъ не могутъ долго сохранять своей народности: такъ значительныя ихъ поселенія въ Спишской и Гемерской стѣлицахъ совершенноословачились.

Есть еще одно обстоятельство, которое увеличиваетъ значеніе этого свѣжаго, даровитаго и симпатичнаго племени. На территоріи словаковъ приходится этнографическая грань нѣсколькихъ вѣтвей славянскаго племени: за рѣкою Моравою и городомъ Суловою начинаются поселенія чехо-моравскія; за Дунайцемъ и Бескидами живутъ поляки; за Бодрогомъ начинается Русь. На югѣ, какъ сказано, отпрыски словаковъ соприкасаются съ крайними побѣгами селеній юго-славянскихъ. Такимъ образомъ словаки представляютъ какъ бы этнографическій центръ славянства, что отражается и на ихъ языкѣ. Онъ является какъ бы связующимъ звѣномъ между юговосточной и сѣверозападной вѣтвями язычнаго дерева славянъ. Незамѣтными переходами словацкое нарѣчіе сливается

на сѣверо-западѣ съ чешскимъ (говоръ нитранскій), на сѣверо-востокѣ съ польскимъ (говоръ оравскій, шарышскій и т. д.), а на юго-востокѣ съ русскимъ (говоръ гемерскій, сотацкій). Собственно же срединное словацкое нарѣчіе (говоры турчанскій, тренчинскій, липтавскій, зволенскій и т. д.) представляетъ въ своемъ составѣ и строѣ типъ чрезвычайно замѣчательный по богатству словъ и формъ, по звуковой полнотѣ и цѣльности, а во многихъ случаяхъ—по чертамъ старины самой отдаленной, праславянской. Это объясняется консерватизмомъ жизни народа замкнутаго въ мѣстностяхъ горныхъ, глухихъ, недоступныхъ для внѣшнихъ вліяній, и притомъ народа почти не имѣвшаго еще самобытной исторической жизни, сохранившаго въ своемъ бытѣ и нравахъ много младенческаго, первобытнаго. Съ другой стороны края подтатранскіе могутъ быть названы колыбелью славянства въ Европѣ. Въ продолженіе можетъ-быть двухъ уже тысячелѣтій живутъ здѣсь славяне, въ недоступныхъ убѣжищахъ народной свободы, въ этомъ центрѣ праславянской географической области, откуда вытекаютъ множество рѣкъ и притоковъ Вислы, Одры, Днѣстра, Тисы и Дуная, слѣдовательно у водораздѣла морей Чорнаго и Балтійскаго. Вотъ почему есть основаніе думать, что словацкая территорія и народность, языкъ и нравы должны представлять неисчерпаемый источникъ важныхъ открытій для славянскаго археолога, этнографа и филолога. Но для историка, особенно историка литературы, здѣсь жатва очень скромная, потому-что эта народность, какъ сказано, находится еще на ступени развитія довольно младенческой и потому можетъ представлять болѣе надеждъ въ будущемъ, чѣмъ воспоминаній въ прошедшемъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, словаки представляютъ аналогію со словенцами. Нѣкогда они имѣли даже общую исторію, когда Паннонская долина была занята тремя родственными и дружественными державами: великоморавскою Ростислава и Святополка, блатенскою Коцела и болгарскою Симеона. Но ударъ мадьярскаго нашествія, сокрушившій первую и вторую, оттолкнулъ за Дунай третью. Съ-тѣхъ-поръ словаки, составлявшіе зерно великоморавскаго царства и принявшіе изъ рукъ солунскихъ братьевъ сѣмена славянскаго просвѣщенія, оторваны отъ связей съ православнымъ югомъ, отодвинуты въ свои сумрачныя, но родныя татранскіяголи и поляны; съ-тѣхъ-поръ они должны были дѣлить судьбу угорскаго государства, основаннаго мадьярами въ Паннонской долинѣ, на развалинахъ государствъ славянскихъ. Нельзя однако сказать, чтобы словаки были совершенно пассивными зрителями событій, разыгрывавшихся затѣмъ въ угорскомъ государствѣ. Можно даже доказать, что самое основаніе этого государства, его организація Стефаномъ Святымъ, совершена была по тѣмъ культурнымъ началамъ, которыя выработаны были въ непродолжительное, но блестящее существованіе славянскихъ придунайскихъ государствъ, особенно же великоморавскаго, т. е. словацкаго. Мадьяры не принесли съ собой никакихъ новыхъ культурныхъ началъ и потому должны были усвоить себѣ тѣ, какія они встрѣтили въ странѣ новыхъ своихъ поселеній. Въ первый арпадовскій періодъ угорской исторіи славянскія народности давали политическое направленіе государству; тоже продолжалось и въ послѣдующіе періоды, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Угрія все болѣе втягивалась въ кругъ интересовъ и понятій европейскаго запада, постепенно отрываясь отъ началъ, унаслѣдованныхъ было отъ славянскаго востока. Въ этомъ отношеніи исторія Угріи представляетъ замѣчательную параллель съ исторіей Польши. Но главныя основы староугорской конституціи: административная децентрализація, мѣстное (жупное или комитатское) самоуправленіе, равноправность народностей и свобода вѣроисповѣданія, упорно были поддерживаемы и въ позднѣйшіе періоды угорской исторіи. Итакъ несомнѣнно, что и словаки принимали дѣятельное участіе въ событіяхъ угорской исторіи; но, по разнымъ причинамъ, они не успѣли подчинить мадьяръ вліянію своей народности въ такой степени, какъ это случилось напримѣръ съ ордою болгарскою въ странахъ балканскихъ. Единственнымъ политическимъ представителемъ словаковъ, какъ народности, былъ знаменитый Матушъ Тренчанскій (въ началѣ XIV вѣка); но его усилія привлечь Угрію въ союзъ съ чехами не удались. На полѣ наукъ и искусствъ словаки произвели не мало замѣчательныхъ дѣятелей, но ихъ сочиненія появились на томъ же латинскомъ языкѣ, который съ XI до начала XIX вѣка былъ административнымъ и дипломатическимъ языкомъ угорскаго государства. Но за-то словаки два раза давали у себя пріютъ письменности своихъ чешскихъ соплеменниковъ. Разъ это было въ половинѣ XV вѣка, когда гуситы изъ опустошонной Чехіи цѣлыми

массами переселялись въ гостепріимную и либеральную Словачину (особенно въ Нитранскій, Новоградскій и Зволенскій комитаты). Другой разъ это случилось въ XVII вѣкѣ, послѣ бѣлогорской битвы: на этотъ разъ словаки пріютили у себя и знаменитаго основателя научной педагогики Амоса Коменскаго. Вмѣстѣ съ гуситствомъ словаки приняли тогда отъ чеховъ ихъ литературныя произведенія и чешскій литературный языкъ. Можно даже сказать, что единственно благодаря чешскимъ писателямъ изъ словаковъ (какъ Трановскій, Кърманъ, Грушковичъ и другіе) поддержаны были литературныя преданія такъ называемаго золотого періода чешской письменности, въ полуторавѣковую умственную летаргію убаюканныхъ іезуитами чеховъ. Это не мало облегчило литературное ихъ возрожденіе въ началѣ нашего вѣка.

Первые опыты литературной обработки словацкаго нарѣчія начинаются не ранѣе XVIII вѣка, слѣдовательно въ этомъ отношеніи собственно словацкая литература новѣе всякой другой славянской, не исключая и словенской или хорутанской, имѣющей одинъ памятникъ X вѣка и нѣсколько XVI-го. Первое же крупное явленіе словацкой письменности составляютъ грамматическіе и лексикальные труды Бернолака († 1813 г.) и поэтическія произведенія Голаго († 1849 г.). Ихъ значеніе въ словацкой литературѣ можетъ быть нѣсколько уподоблено значенію въ литературѣ сербской филологическихъ трудовъ Вука и поэтическихъ опытовъ Милутиновича. Разница лишь въ томъ, что Вукъ обнялъ сербскій языкъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и изъ ихъ сравненія извлекъ норму сербскаго литературнаго языка; между-тѣмъ, какъ Бернолакъ ограничился одной западной вѣтвью словацкаго племени, вслѣдствіе чего его опытъ вышелъ болѣе одностороннимъ и недостаточнымъ. Голый проявилъ въ своихъ эпическихъ произведеніяхъ большой талантъ и одушевленіе; но онъ не свободенъ былъ отъ пристрастія къ псевдо-классической напыщенности, нѣкоторой ходульности и холодности, во вкусѣ нашего Хераскова или сербскаго Мушицкаго. Какъ бы то ни было, Голый далъ первый толчокъ словацкой литературѣ, справедливо считающей его отцомъ и основателемъ. Можно предполагать, что и Колларъ, знаменитый авторъ «Дочери Славы» и первый пророкъ панславизма, не вполнѣ былъ свободенъ отъ вліянія автора «Святополка», «Кирилло-Меѳодіады» и «Слава». Впрочемъ, имя Ивана Коллара лишь отчасти принадлежитъ словацкой литературѣ: главныя его произведенія написаны на чешскомъ нарѣчіи, равно какъ и произведенія другого знаменитаго словака, Павла Іосифа Шафарика, автора «Славянскихъ Древностей». Но содержаніе и направленіе произведеній какъ того, такъ и другого болѣе имѣетъ родства и — вѣроятно — связи съ настроеніемъ и духомъ народа словацкаго, чѣмъ чешскаго. Какъ бы то ни было, не должно представляться случайностью то̀, что первыми проповѣдниками идеи славянской взаимности и панславизма являются сыновья словацкаго племени, уже самою своею природою и географическимъ положеніемъ какъ бы призваннаго примирять противоположности разныхъ славянскихъ народностей и соединять ихъ въ сознаніи племенного единства и общности историческихъ задачъ.

Съ 40-хъ годовъ въ Словачинѣ закипаетъ болѣе оживленная литературная дѣятельность, являются новые дѣятели, новая литературная школа. Основателемъ ея былъ знаменитый словакъ Людевитъ Штуръ, политикъ, поэтъ, ученый и публицистъ. Первыя его заботы обращены были на установленіе нормы словацкаго литературнаго языка. Онъ осудилъ мысль Бернолака, поддержанную Голымъ, о возведеніи на степень литературнаго органа одного изъ многочисленныхъ окраинныхъ словацкихъ говоровъ. Литературный языкъ долженъ, по мнѣнію Штура, пользоваться всѣмъ разнообразіемъ народныхъ говоровъ, чтобы черпать лучшее изъ каждаго, особенно въ отношеніи лексикальномъ. Что же касается стороны формальной, то предпочтеніе должно быть оказываемо тѣмъ звукосочетаніямъ и формамъ, которыя находятъ себѣ наибольшее оправданіе въ этимологіи и исторіи славянскихъ языковъ и слѣдовательно наиболѣе приближаются къ среднему или нормальному типу словацкаго нарѣчія. А такъ-какъ наиболѣе чистый и цѣльный звуковой и грамматическій типъ представляютъ говоры центральные, нагорные, то они и приняты Штуромъ за основу формъ нарѣчія литературнаго. Эта мысль была очень сочувственно принята словаками, особенно въ молодомъ поколѣніи, на которое Штуръ имѣлъ самое сильное и благодѣтельное вліяніе. Авторитетъ его былъ поддержанъ въ этомъ случаѣ согласіемъ двухъ другихъ знаменитыхъ и вліятельныхъ членовъ словацкаго общества: Гурбана и Годжи. Ихъ

соединенными усиліями дѣло установленія нормы словацкаго литературнаго языка было поведено очень успѣшно. Реакція старочешской партіи въ средѣ словацкаго народа была сломана и литературный расколъ словаковъ совершился, повидимому, окончательно и безвозвратно. Словакъ Гаттала довершилъ это дѣло составленіемъ прекрасной грамматики новаго словацкаго литературнаго языка. Въ средѣ словаковъ нашлись значительные таланты поэтическіе, представившіе прекрасные образцы высокохудожественныхъ произведеній на словацкомъ языкѣ. На ряду съ названными тремя литературными корифеями штуровской школы (Штуромъ, Гурбаномъ и Годжей), мы должны назвать особенно два имени: Сладковича и Халупку. Ихъ значеніе въ литературѣ словацкой можетъ быть отчасти сравнено со значеніемъ въ литературѣ чешской Челяковскаго и Эрбена, а въ сербской — Мажуранича и Нѣгоша.

Около этихъ корифеевъ словацкой литературы группируется цѣлая плеяда другихъ болѣе или менѣе значительныхъ талантовъ. Назовемъ Заборскаго, Грайхмана, Желло, Полярика, Викторина, Іозефовича, Зоха, Кузмани и Павлини-Тота. Большая часть сюжетовъ словацкой поэзіи заимствуется изъ народной жизни современной и прошлой, словацкой или общеславянской. Идея панславизма продолжаетъ быть вдохновляющей музой словацкой литературы. Это не измѣнилось даже послѣ горькихъ разочарованій 48 и 49 годовъ, когда заря народнаго освобожденія, казалось, начинавшая уже брезжить, снова скрылась подъ тучами сначала баховскаго, а потомъ андрашіевскаго деспотизма и преслѣдованій. Исчезло одно поколѣніе народныхъ дѣятелей (Штуръ, Гурбанъ, Годжа); но ихъ мѣсто не осталось празднымъ: Францисци, Кузмани, Павлини-Тотъ, епископъ Мойзесъ и другіе снова взялись за дѣло народнаго пробужденія и возрожденія. Самымъ важнымъ событіемъ послѣднихъ десятилѣтій было учрежденіе въ 1863 году словацкой матицы, образовавшей центръ, вокругъ котораго собрались всѣ лучшія силы страны и изъ котораго стала направляться просвѣтительная дѣятельность патріотовъ на образованіе народныхъ массъ. И дѣло подвигается, народъ просвѣщается, развивается, хотя не съ такой быстротой, какъ бы можно желать, но съ большей, чѣмъ бы можно ожидать, имѣя въ виду многочисленность и значительность противодѣйствующихъ условій и вліяній. Народъ бѣденъ и одинокъ; онъ не имѣетъ нигдѣ поддержки, а напротивъ всюду встрѣчаетъ ненависть и презрѣніе: дома отъ своихъ дворянъ-ренегатовъ, въ странѣ отъ мадьярскаго управленія, въ государствѣ отъ габсбургскаго правительства. Чехи довольно равнодушны къ словакамъ за ихъ литературный расколъ, произведенный во имя словацкой народности съ одной стороны и идеи панславизма (въ формѣ литературнаго единенія славянъ) съ другой. Польскіе политики не благоволятъ къ словакамъ за ихъ демократизмъ, за ихъ панславизмъ, за ихъ дружбу къ Россіи. Но, несмотря на все это, словаки не унываютъ и не отчаяваются въ своей будущности. Они веселы и довольны, потому что добродушны и непритязательны; они пѣвучи и смѣлы, потому-что молоды и предпріимчивы. Словаки вдвое намъ сочувственны — какъ славяне и какъ друзья. Не только въ географическомъ, но и въ этнографическомъ смыслѣ это самый близкій къ русскимъ изъ западныхъ народовъ, подобно тому какъ болгаре изъ южныхъ. Наука и литература словацкая, конечно, еще бѣдна и едва только зарождается; но если можно о будущемъ судить по настоящему и прошедшему, то мы имѣемъ право возлагать самыя блестящія надежды на словацкихъ писателей и учоныхъ: такъ живо во всѣхъ ихъ произведеніяхъ отражаются черты могучаго таланта, широкой кисти, самобытнаго творчества и философскихъ порывовъ, нѣсколько роднящихъ мыслителей словацкихъ — напримѣръ Штура — съ русскими славянофильскаго направленія.

Въ заключеніе нашего бѣглаго обзора литературной исторіи словаковъ позволяемъ себѣ выразить убѣжденіе, что ближайшее ознакомленіе и тѣснѣйшее общеніе русскаго народа съ словацкимъ не осталось бы безъ важныхъ для нихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что словакамъ предстоитъ, повидимому, играть не маловажную роль въ событіяхъ, которыя въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ должны разыграться на склонахъ Карпатовъ и въ долинѣ средняго Дуная.

А. Будиловичъ.

СЛОВАЦКІЕ ПОЭТЫ.

И. ГОЛЫЙ.

Иванъ Голый, католическій священникъ и словацкій поэтъ, родился 12-го (24-го) марта 1785 года, учился въ Скалицѣ, Пресбургѣ и Тернавѣ, а въ 1808 году получилъ мѣсто капелана въ Побѣдимѣ. Еще будучи клеркомъ въ Тернавѣ, онъ перевелъ на словацкій языкъ «Энеиду» и «Эклоги» Виргилія, «Сатиры» Горація, «Батрахоміомахію», отрывки изъ Өеокрита, Гомера, Овидія, Тиртея и другихъ греческихъ и римскихъ классиковъ. Что же касается его орригинальныхъ поэтическихъ произведеній — лучшаго литературнаго результата берполаковой школы, принявшей, по примѣру извѣстнаго словацкаго ученаго Бернолака, нитранское нарѣчіе, получившее, вслѣдствіе этого, названіе *берналачины* — то они складывались у него въ томъ же классическомъ вкусѣ; это были идилліи, элегіи и оды. Кромѣ того, онъ написалъ три эпическія поэмы: «Святополкъ», «Кирилло-Меөодіада» и «Славъ», которыя главнымъ образомъ составили его извѣстность, незаходившую впрочемъ дальше границъ словацкаго языка, тѣмъ больше, что ихъ псевдоклассическая форма и обусловленная ею поэтическая манера, вынесенная Голымъ изъ его воспитанія, уже мало соотвѣтствовали новымъ поэтическимъ вкусамъ и потребностямъ. Голый заключилъ свое литературное поприще составленіемъ стихотворнаго сборника католическихъ церковныхъ пѣсенъ. 3-го мая 1843 года Голый едва не погибъ во время пожара, бывшаго въ томъ мѣстечкѣ повагской долины, гдѣ онъ былъ священникомъ, и, только благодаря энергіи нѣскольких удальцовъ, онъ былъ вынесенъ изъ горѣвшаго дома. Этотъ случай окончательно разстроилъ его и безъ того слабое здоровье и побудилъ просить увольненія отъ должности. Оставивъ приходъ и прострадавъ около шести лѣтъ, Голый скончался 2-го (14-го) апрѣля 1849 года. Полное собраніе его сочиненій вышло въ 1841—42 годахъ, изданное обществомъ любителей словацкаго языка и литературы.

I.

ГОЛОСЪ ТАТРЫ.

Куда ты, Вагъ, стремишься?
Куда бѣжишь такъ быстро?
Обрызганныя кровью
Надбрежія крутыя
И скалъ сѣдыхъ обломки
Передъ собою гонишь.
Иль нѐ-любо катиться
Тебѣ русломъ завѣтнымъ
Среди отчизны милой
И подавать свой голосъ
Вершинамъ поднебеснымъ,
Въ твоемъ зеркальномъ лонѣ
Свой обликъ отразившимъ,
Не-то лѣсамъ кудрявымъ?
Иль нѐ-любо весною
Прислушиваться къ трелямъ,
Къ раскатамъ соловьинымъ
И къ пѣснямъ вилъ игривыхъ,
Летящимъ черезъ рощи?
Или порой вечерней
Смотрѣть на ихъ забавы,
На игры ихъ и пляски?

Зачѣмъ ты быстры воды
Свергаешь съ горъ въ долины?
Ты здѣсь — и чистъ, и ясенъ —
Сребристые потоки
Въ свое пріемлешь лоно;
Тамъ — отъ притоковъ мутныхъ
И самъ ты весь мутишься.
Здѣсь царствуешь ты гордо
Надъ многими рѣками;
Тамъ — скипетръ обронивши —
Въ волнахъ Дуная гибнешь.
О родичи, о братья!
Какъ Вагъ, и вы бѣжите
Съ высокихъ горъ въ долины
Отъ матери любезной —
И гибнете безслѣдно
Въ волнахъ иноплеменныхъ...

Н. Бергъ.

II.

ПЛОХОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Полно тебѣ какъ ворона въ часы непогодные каркать,
Полно по лютнѣ глухой пальцами бить и стучать!
Кто съ удовольствіемъ слушаетъ скрипъ неподмазаной оси,
Свистъ и визжанье пилы, либо лягушекъ концертъ?
Развѣ не хочешь постигнуть, что духу тебѣ не хватаетъ
Ноты высокія брать: голосъ твой рвётся, дрожитъ;
Струны не слушаютъ пальцевъ неловкихъ — и дикіе тоны
Слухъ намъ жестоко дерутъ, дыбомъ подъемлютъ власы.
Малыя дѣти, заслыша далёко визгливый твой голосъ,
Къ нянькамъ бѣгутъ подъ крыло: бука ты сущій для нихъ!
Даже и птицы боятся тебя и скрываются въ гнѣзды,
Если ты въ лѣсъ забредёшь и начинаешь тамъ выть.
Полно же каркать, а лучше разбей непокорную лютню,
Сдѣлай тенета изъ струнъ, рябчиковъ жирныхъ лови,
Либо лѣсу смастери и, многихъ хитроумныхъ надивъ,
Лютню зажги и надъ ней вкусную рыбу изжарь.
Въ этомъ занятіи все-таки, другъ мой, поболѣе толку:
Будешь ты новый Немвродъ, сладко и смачно поѣшь!
Если жь послушать не хочешь, дери свое горло пожалуй,
Въ струны безъ устали бей, пальцы объ нихъ обломай!
Будешь полезенъ хоть тѣмъ, что подчасъ распугаешь на нивахъ
Галокъ, не-то воробьовъ, иль — съ винограда скворцовъ.

Н. Бергъ.

С. ХАЛУПКА.

Самко Халупка, евангелическій священникъ и знаменитѣйшій изъ словацкихъ современныхъ поэтовъ, родился въ 1812 году въ Горныхъ Леготахъ, въ Венгріи, въ томъ самомъ мѣстечкѣ, гдѣ въ настоящее время проповѣдуетъ слово Божее своимъ землякамъ. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ домѣ родительскомъ; потомъ учился въ Рознавѣ, Кезмаркѣ и Пресбургѣ. По окончаніи полнаго курса богословія въ Пресбургскомъ университетѣ, Халупка получилъ мѣсто священника въ Ельзавскомъ Теплицѣ, откуда, по смерти отца и по желанію прихожанъ, былъ переведенъ въ свои родныя Горныя Леготы, гдѣ проживаетъ по настоящее время. Въ 1843 году онъ выступилъ противъ сильно-распростаненной въ словацкомъ народѣ язвы — пьянства. Для этой цѣли онъ переработалъ извѣстное сочиненіе Тшоке «Brantvein pest» (Водочная чума), имѣя въ виду примѣнится къ нравамъ и обычаямъ своихъ земляковъ, и издалъ его въ Быстрицѣ, подъ заглавіемъ: «Водка — отрава», и тѣмъ много способствовалъ учрежденію обществъ трезвости между словаками. Имя Халупки пользуется огромною извѣстностью среди словацкаго народа. Почти каждый словацкій журналъ, альманахъ, календарь и сборникъ украшенъ его стихотвореніями. Независимо отъ поэзіи, Халупка занимается также изученіемъ славянской старины и историческими изысканіями.

БЕЙ ЕГО.

Гонитъ волны быстръ Дунай,
Разлился широко;
Надъ Дунаемъ свѣтлый градъ
На горѣ высокой.
Становился римскій царь
Станомъ передъ градомъ:
Забѣлѣлися шатры,
Рядъ стоитъ за рядомъ.
На престолѣ царь сидитъ
Подъ златой порфирой;
Вкругъ престола — словно лѣсъ —
Копья и сѣкиры.
И съ престола римскій царь
Говоритъ съ послами:
Незнакомый людъ стоитъ
Предъ его очами.

Молодецъ все къ молодцу:
Кудри золотыя
Густо вьются по плечамъ;
Очи — голубыя;
Словно всѣ въ одно лицо,
Та жь краса и сила,
Словно всѣхъ-то ихъ одна
Матерь породила.
Породила жь ихъ одна
Мать-земля родная,
Что отъ Татры подошла
Вплоть до волнъ Дуная,
И за Татрою идетъ
На другое море,
На полночь и на востокъ,
Гдѣ въ святомъ просторѣ
Уготовила поля,
Долы и дубравы —
Какъ святую колыбель
Для великой славы!
Ихъ послалъ славянскій родъ,
Положивъ совѣтомъ
Встрѣтить римскаго царя
Дружбой и привѣтомъ.
Не лежатъ они челомъ
Передъ нимъ во прахѣ,
Не цалуютъ ногъ его
Въ раболѣпномъ страхѣ;
Но подносятъ божій даръ —
Хлѣбъ и соль родную,
И къ великому царю
Держатъ рѣчь такую:

«Весь народъ нашъ, старшины
И князья послали
Насъ, чтобъ мы тебѣ, о царь,
Добрый день сказали.
Ты нашъ гость, лишь доступилъ
Нашего порога.
Мы — славяне. Край сей данъ
Намъ въ удѣлъ отъ Бога.
Щедро Имъ онъ надѣленъ
Благодатью съ неба:
Не полѣнишься — такъ всѣмъ
Свой кусокъ есть хлѣба.
Много ль, мало ль, съ насъ того
Будетъ, что̀ имѣемъ —
Благо, сѣемъ на своемъ,
Жнемъ, что̀ сами сѣемъ.
И придетъ ли странникъ къ намъ —
Кто? зачѣмъ? не спросимъ:
Съ Богомъ, дверь отворена!
Милости, молъ, просимъ!
Будь онъ свой или чужой —
Человѣкъ прохожій —
Про него всегда у насъ
На столѣ даръ божій.
Вольно всѣмъ здѣсь жить! зарокъ
Богомъ данъ славянамъ:
Грѣхъ великій — быть рабомъ,
Вяще жь грѣхъ — быть паномъ!
И грѣховъ тѣхъ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ во всемъ народѣ:
Всѣмъ у насъ широкій путь
Къ славѣ и свободѣ!

«Правда, какъ весной снѣга
Съ горъ крушатся на̀ долъ,
Лютый врагъ на край нашъ вдругъ
Словно съ неба падалъ;
Здѣсь засѣвъ, ужь думалъ вѣкъ
Насъ держать въ неволѣ,
Нами сѣять и пахать
И на нашемъ полѣ
Кобылицъ своихъ пасти...
Только — блажь пустая!
Поднималась вся земля
Съ края и до края —
И спроси ты: гдѣ же тѣ,
Что̀ намъ цѣпь ковали?
Гдѣ? спроси ихъ. Мы стоимъ,
А они — пропали!
Положонъ ужь такъ зарокъ
Вѣки неизмѣнный:

Кто бъ, откуда бъ не пришолъ
Врагъ иноплеменный,
Завладѣй хоть міромъ — здѣсь
Бѣгъ свой остановишь,
Здѣсь, въ землѣ славянской, гробъ
Самъ себѣ сготовишь!

«Ты теперь, о царь, стоишь
Здѣсь у нашей грани;
Что жь несешь съ собою къ намъ:
Мечъ иль миръ во длани?
Если мечъ — то вѣдь мечи
И у насъ есть тоже;
А востры ль они — узнать
И не дай ти Боже!
Если жь къ намъ идешь какъ гость,
Съ миромъ, съ доброй вѣстью —
Ужь на славу угостимъ
И проводимъ съ честью.
Вотъ тебѣ отъ насъ хлѣбъ-соль —
И принять ихъ просимъ
Также честно, какъ тебѣ,
Царь, мы ихъ приносимъ.»

Хлѣба-соли нè взялъ царь,
Ликомъ омрачился;
Ярый гнѣвъ въ его очахъ
Гордо засвѣтился,
И къ посламъ славянскимъ онъ
Съ трона золотого
Обратилъ, поднявъ главу,
Таковое слово:

«Солнце шествуетъ въ пути,
И — къ нему всѣ очи:
Отъ него — вся жизнь и свѣтъ,
Безъ него — мракъ ночи.
Съ нимъ у твари спора нѣтъ,
Ни переговоровъ.
Для народовъ солнце — я,
И со мной — нѣтъ споровъ!
Какъ судьба, для всѣхъ моя
Власть неотразима:
Повелитель міра — Римъ,
Я жь — владыко Рима!
Межь народовъ хоть одинъ
Есть ли во вселенной,
Кто бъ противиться ему
Возмечтавъ — мгновенно
До послѣдняго бъ раба
Не исчезъ со свѣта?
Всѣ склоняются предъ нимъ,
И живутъ — чрезъ это.
Преклонитесь же и вы!
Я вашъ край устрою,
Поселю здѣсь римлянъ; васъ
Выведу съ собою:
Въ Римъ — старшинъ, а молодежь —
Прямо въ легіоны.
Покоритесь — будетъ вамъ
Миръ, почетъ, законы;
Нѣтъ — васъ съ семьями къ себѣ
Погоню гуртами;
Въ плуги запрягу — пахать
Землю буду вами;
На цѣпи, какъ псовъ, сидѣть
У воротъ заставлю;
Буду тысячами васъ
Львамъ кидать на травлю.
Горе будетъ, говорю,
Дѣтямъ вашимъ, жонамъ!
Бойтесь, если кликну я:
«Горе побѣждённымъ!»
Бойтесь! этотъ римскій крикъ
Пуще Божья грома...
Я сказалъ. Вотъ мой отвѣтъ.
Передайте дома!»

Рѣчь окончилъ римскій царь;
Все кругомъ молчало.
Какъ нежданный громъ, она
На славянъ упала.
На царя стремятъ они
Взглядъ оторопѣлый...
Вдругъ какъ-будто съ ихъ очей
Заблистали стрѣлы,
И по лицамъ словно вдругъ
Молніи мелькнули —
Разомъ, взвизгнувши, мечи
Изъ ножонъ сверкнули
И у всѣхъ единый кликъ
Вырвался изъ груди:
«Бей его!» Вокругъ царя
Всполошились люди
И поднять щиты едва
Вкругъ него успѣли...
Самъ онъ мигомъ съ трона прочь...
Трубы загремѣли,
Разомъ лагерь поднялся:
Скачутъ нумидійцы,
Взводъ безсмертныхъ, взводъ пареянъ,
Галлы, иберійцы

И — копьё на перевѣсъ —
Римская пѣхота:
Окружили молодцовъ
И пошла работа.

Что медвѣдь лѣсной въ кругу
Псовъ остервенѣлыхъ,
Бьётся горсть богатырей
Противъ полчищъ цѣлыхъ.
Съ шумомъ рушатся вкругъ нихъ
Всадники и кони;
Копья ломятся; звенятъ
Шишаки и брони...
Бьётся горсть богатырей,
Но сама рѣдѣетъ...
Вотъ лишь трое ихъ: кругомъ
Смерть надъ ними рѣетъ
Въ блескѣ копій и мечей...
Вотъ всего лишь двое,
Вотъ одинъ... и этотъ палъ...
И вкругъ падшихъ въ боѣ
Побѣдители стоятъ
Въ изумленьѣ сами.
Въ легіонахъ недочетъ:
Цѣлыми рядами
Мертвыхъ, раненныхъ кладутъ.
Самъ, съ разноплемённой
Свитой, кесарь подскакалъ:
Мрачный и смущённый,
Разглядѣть желаетъ онъ
Варваровъ, которымъ
Показалась рѣчь его
Вдругъ такимъ позоромъ...
А той рѣчи — внемлетъ міръ,
Всѣ цари земные!
«Что жь за люди это тамъ» —
Мыслитъ — «кто жь такіе?»
И задумчиво къ горамъ
Обратилъ онъ взоры:
Грозно смотрятъ изъ подъ тучь
Сумрачныя горы;
Стая темная орловъ
Изъ за нихъ несется;
Словно гулъ какой оттоль
Смутно раздается...
Смотритъ царь — и вдругъ велитъ
Станъ снимать свой ратный
И полки переправлять
За Дунай обратно.

А. Майковъ.

—

Л. ШТУРЪ.

Людевитъ Штуръ родился 16-го (28-го) октября 1815 года въ Венгріи, въ Тренчанскомъ округѣ, въ Зай-Угрочѣ, гдѣ отецъ его управлялъ школою, въ которой обучались мальчики евангелическаго исповѣданія. Здѣсь началъ учиться и Людевитъ Штуръ. Затѣмъ онъ былъ перемѣщенъ въ Раабскую гимназію. Тамошній преподаватель, Леопольдъ Пецъ, не разъ указывалъ своимъ ученикамъ на яркія свѣтила славянскаго литературнаго міра, и тѣмъ заронилъ въ сердце юноши первые искры любви къ своему народу, а насмѣшки товарищей надъ его славянскимъ происхожденіемъ воспламенили эту любовь. Пробывъ въ Раабѣ два года, онъ перешолъ въ Пресбургскій евангелическій лицей, гдѣ вскорѣ вступилъ членомъ въ Словацкое Литературное Общество, имѣвшее огромное значеніе для всей Словацкой Земли. По окончаніи полнаго курса богословскихъ наукъ въ помянутомъ лицеѣ, Штуръ, изъ любви къ молодымъ своимъ соотечественникамъ, остался въ Пресбургѣ и взялся исправлять должность престарѣлаго профессора словацкаго языка и литературы Георгія Палковича. Въ 1839 году онъ отправился въ Галле. Здѣсь онъ пробылъ два года, занимаясь преимущественно историко - политическими науками, послѣ чего воротился въ Пресбургъ, куда его привлекало Словацкое Литературное Общество, достигшее около того времени высшаго своего процвѣтанія. Въ 1844 году онъ издалъ два первыя свои сочиненія: «Жалобы и сѣтованія словаковъ на притязанія мадьяровъ» и «Девятнадцатый вѣкъ и мадьярство». Въ 1845 году, послѣ долгихъ хлопотъ и затрудненій, Штуръ добился позволенія издавать политическую газету: «Народныя Словацкія Новины», имѣвшую огромное вліяніе на политическое возрожденіе словацкаго народа. Съ 1847 года начинается политическая дѣятельность Штура: онъ является на венгерскомъ сеймѣ, какъ депутатъ отъ города Зволеня, и принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ значительныхъ преніяхъ, что крайне не нравится мадьярамъ. Въ началѣ мая 1848 года Штуръ, вмѣстѣ съ другими представителями славянъ, населяющихъ Австрію, отправился въ Вѣну для исходатайствованія новыхъ правъ для словаковъ. Здѣсь онъ сошолся съ извѣстнымъ баномъ Елашичемъ. Онъ представилъ ему несчастное положеніе своего народа, чѣмъ возбу-

дилъ въ немъ сочувствіе къ словакамъ и склонилъ могущественнаго въ то время бана подать ему руку помощи. Затѣмъ Штуръ возвратился на родину, но вскорѣ долженъ былъ бѣжать оттуда въ Прагу и потомъ въ Вѣну, спасая свою жизнь отъ разсвирѣпѣвшихъ мадьяровъ, не могшихъ простить ему его патріотическихъ стремленій къ независимости. Въ Вѣнѣ онъ сформировалъ отрядъ словацкихъ волонтеровъ въ 500 человѣкъ и въ главѣ ихъ выступилъ 17-го сентября изъ столицы и отправился на войну съ мадьярами во имя словацкой народности. Послѣ смутъ 1848 и 1849 годовъ Штуръ удалился отъ дѣлъ и поселился въ Модрѣ, гдѣ посвятилъ себя воспитанію сиротъ, оставшихся послѣ старшаго брата. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ и свои литературныя занятія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ двѣ изданныя имъ въ 1853 году книги: «Запѣвы и Пѣсни» и «О народныхъ пѣсняхъ и былинахъ славянскихъ племенъ» и третье сочиненіе, оставшееся послѣ него неизданнымъ и явившееся въ первый разъ въ печати въ 1867 году въ русскомъ переводѣ В. И. Ламанскаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Славянство и міръ будущаго. Посланіе славянамъ съ береговъ Дуная, Людевита Штура. Переводъ неизданной нѣмецкой рукописи, съ примѣчаніями В. Ламанскаго. Москва. 1867». Будучи идеалистомъ, Штуръ страстно любилъ природу. Не проходило дня, чтобы онъ не уходилъ погулять за городъ, въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ иногда охотился. Послѣднее развлеченіе стоило ему жизни. 12-го декабря 1855 года, желая перепрыгнуть ровъ, онъ неосторожно оперся на ружьё, которое выстрѣлило и ранило его въ животъ. Рана оказалась смертельною — и 12-го января 1856 года Штура не стало.

I.

ПѢСНЬ СВЯТОБОЯ.

Вы, буйные вѣтры, осенніе!
Пролетайте горами высокими,
Поднимайтеся вы ко поднѐбесью,
Ко престолу великому Божьему,
Тамъ сложите мои воздыханія,
Тамъ сложите мои слёзы горькія:
Погибаетъ народъ, Богу преданный,
Подъ ярмомъ нечестивыхъ язычниковъ;
Опозорены храмы, поруганы:
Гдѣ внимали мы слову Господнему,
Снова жертвы курятся поганыя;
Въ злой неволѣ народы свободные;
Палъ ихъ царь, съ нимъ воителей тысячи.
Кто жь виновенъ въ толикихъ несчастіяхъ?
Это мой грѣхъ, моя вина тяжкая,
Преступленіе брата Моймірова,
Сына горькаго славной Моравіи.
Не свѣтите вы, звѣзды небесныя,
На лицо окаяннаго грѣшника!
Ваши очи, что̀ очи судейскія,
Проницаютъ насквозь душу бѣдную.
Отвернитеся вы и погасните,
А не-то въ облака вы сокройтеся,
Пусть кругомъ станетъ тёмно и сумрачно,
Пусть лица своего не увижу я!..

Н. Бергъ.

II.

ПѢСНЬ ОВЧАРА.

Чуть-лишь зорька брезжитъ
На востокѣ стала,
Выгоняетъ пастырь
Въ горы свое стадо;
А какъ станетъ солнце
Въ небѣ на срединѣ,
Съ горъ стада сбѣгаютъ,
Чтобъ пастись въ долинѣ.
Горы мои, горы,
Зелены̀я нивы!
Счастіе, богатство,
Свѣтики мои вы!
Вотъ ужь онъ и полдень!
Долы тишь объемлетъ;
У потока стадо
Прикурнувши дремлетъ;
Самъ пастухъ подъ вишней,
А не-то подъ грушей...
Вечеромъ играетъ
Снова рогъ пастушій.
Овцы мои, овцы,
Подымайтесь дружно!
Дома, подъ застрѣхой,
На̀ ночь быть вамъ нужно.

Н. Бергъ.

І. М. ГУРБАНЪ.

Іосифъ Милославъ Гурбанъ, словацкій поэтъ и патріотъ, родился 7-го (19-го) марта 1817 года въ Бецковѣ, въ Сѣверной Венгріи, гдѣ отецъ его былъ въ теченіи четверти столѣтія евангелическимъ священникомъ. Онъ началъ свое ученіе въ Тенчинѣ, затѣмъ пробылъ десять лѣтъ въ Пресбургѣ, гдѣ прошолъ гимназическій, философскій и богословскій курсы и былъ съ 1836 по 1840 годъ однимъ изъ главныхъ столповъ словацкой народности. По окончаніи курса ученія въ 1840 году съ званіемъ кандидата, онъ былъ назначенъ пасторомъ въ Брезово, гдѣ началъ свою дѣятельность открытіемъ воскресной школы. Гурбанъ началъ свою литературную дѣятельность въ 1838 году чешскими сочиненіями, потомъ сталъ сотрудникомъ Штура въ его словацкомъ журналѣ. Въ 1839 году онъ сдѣлалъ путешествіе по Чехіи и Моравіи съ литературными и патріотическими цѣлями, и описалъ это путешествіе въ книгѣ, изданной въ 1841 году въ Пештѣ, подъ заглавіемъ: «Поѣздка словака къ славянскимъ братьямъ на Моравѣ и въ Чехіи». Съ 1842 по 1846 годъ онъ занимался изданіемъ своего альманаха «Нитра», котораго вышло пять частей, а съ 1848 года сталъ принимать самое дѣятельное участіе въ «Словацкихъ Новинахъ» Штура. Гурбанъ, вмѣстѣ съ литературными взглядами Штура, раздѣлялъ и политическіе его взгляды, а въ событіяхъ 1848—49 годовъ игралъ не менѣе замѣчательную роль народнаго оратора и предводителя. Когда Колларъ и его друзья, утомленные притѣсненіями венгерскаго правительства, покинули народное дѣло словаковъ, Гурбанъ вмѣстѣ въ Штуромъ и Годжей стали въ главѣ народа, на который пріобрѣли сильное вліяніе энергической защитой его интересовъ. Политическая программа Гурбана и его друзей заключалась въ томъ, что они, въ предвидѣніи враждебнаго столкновенія венгровъ съ царствующей династіей, вошли въ сношенія съ чешскими и южно-славянскими патріотами и организовали словацкое возстаніе въ смыслѣ поддержанія габсбугскаго дома, въ надеждѣ пріобрѣсти тѣмъ своему народу обезпеченіе его правъ и національной независимости, въ чемъ, какъ извѣстно, жестоко ошиблись, такъ-какъ династія, вмѣсто того чтобы поддержать національныя стремленія словаковъ и другихъ союзныхъ съ нимп славянскихъ племёнъ, предала ихъ въ-концѣ-концовъ въ прежнее рабство мадьярамъ. Гурбанъ пріобрѣлъ себѣ чрезвычайную и вполнѣ заслуженную популярность между своими соотечественниками: это былъ дѣйствительно человѣкъ убѣжденія и настоящій народный дѣятель, для котораго національный вопросъ былъ не отвлеченнымъ умствованіемъ, а живымъ практическимъ дѣломъ. По минованіи революціонныхъ треволненій 1848 и 1849 годовъ, Гурбанъ снова вернулся въ свой приходъ, и съ 1851 года сталъ продолжать свое небольшое изданіе: «Словацкое Обозрѣніе», начатое еще въ 1846 году и потомъ прерванное революціей. Изъ чисто-литературныхъ произведеній Гурбана болѣе другихъ замѣчательны: «Святополковцы», напечатанные въ «Цвѣтахъ» на 1844 годъ, «Готшалкъ», историческая повѣсть XI столѣтія, помѣщенная въ «Словацкой Бесѣдѣ» 1861 года, и собраніе его собственныхъ стихотвореній, вышедшихъ въ Вѣнѣ въ 1861 году, подъ заглавіемъ: «Современныя Пѣсни».

I.

НИТРА.

Нитра, Нитра наша! что̀ съ тобою сталось?
Гдѣ твое величье прежнее дѣвалось?
Пышный градъ когда-то — нынѣ весью сирой
Смотришь ты, что̀ липа, ссѣченна сѣкирой!
Испытали много рухнувшія стѣны
Всякихъ бѣдъ и горя—бури, перемѣны.
Безъ тебя и дѣтямъ стало не-подъ-силу:
Скоро всѣ мы ляжемъ въ чорную могилу!

«Полно вамъ крушиться, дорогія дѣти!
Поживемъ еще мы съ вами въ этомъ свѣтѣ!
У меня вы, дѣти, всѣ лихіе хваты:
Встаньте только дружно — дрогнутъ супостаты!
Встаньте только дружно — Славія не сгинетъ,
Слёзы наши, горе—все пройдетъ и минетъ;
Возвратится снова золотое время,
Оживетъ, воскреснетъ доблестное племя!»

Н. Бергъ.

II.

ПОВАЖЬЕ.

Только брошу взоры
По теченью Вага:

Чувствуется въ жилахъ
Сила и отвага!

Ретивое сердце
И стучитъ, и бьётся;
А кругомъ, далеко,
Все тебѣ смѣётся;

Все тебѣ смѣётся,
И зоветъ, и манитъ...
Хоть велико горе,
Все жь тутъ легче станетъ!

А какъ взглянешь кверху,
Къ Срѣчнѣ отъ Житины:
Ты услышишь голосъ
Вѣковой кручины:

Это наши Татры
Стонутъ тамъ и плачутъ,
Да и волны Вага
Тамъ сердитѣй скачутъ:

Тяжко имъ подъ игомъ
Чуждаго народа;
Снится имъ былая
Слава и свобода —

То, что̀ дни иные
Чтить намъ завѣщали:
На скалахъ остались
Дивныя скрижали!

Ахъ, Поважье наше!
Кто хоть разъ тутъ будетъ,
Никогда про это
Онъ не позабудетъ!

Н. Бергъ.

А. БРАКСАТОРИСЪ (СЛАДКОВИЧЪ).

Андрей Браксаторисъ, знаменитый словацкій поэтъ, извѣстный болѣе подъ своимъ псевдонимомъ *Сладковичъ*, родился 6-го (18-го) ноября 1820 года въ Крупинѣ. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Ставницахъ; затѣмъ слушалъ философію въ Пресбургѣ и богословіе въ Галлѣ, послѣ чего (въ 1847 году) получилъ мѣсто проповѣдника въ Грохотѣ, откуда въ 1855 году былъ переведенъ въ Радванъ. Сладковичъ, какъ поэтъ, пользуется большою извѣстностью и горячею любовью между своими соотечественниками, особенно въ средѣ словацкой молодёжи. Стихотворенія его, разсѣянныя по всѣмъ словацкимъ журналамъ и сборникамъ, и только недавно собранныя въ одну книгу, извѣстны каждому словаку. Въ настоящее время Сладковичъ трудится преимущественно на поприщѣ духовной литературы.

I.

ТѢНИ ПУШКИНА.

Пѣвецъ Полуночи! ты братъ души моей,
  О геній, намъ родной и милый!
Зачѣмъ безвременно покинулъ кругъ друзей?
  Зачѣмъ такъ рано взятъ могилой?

Пѣвецъ Полуночи! люблю твой вѣщій гласъ,
  Гарема игры и забавы,
Люблю пылающій войною твой *Кавказъ*,
  Люблю я громъ твоей *Полтавы*;

Люблю *черкешенку* прелестную твою;
  Мнѣ милъ и сумрачный *Евгеній*,
И грустный *Ленскій* твой: надъ нимъ я слёзы лью;
  Во всемъ, во всемъ ты — дивный геній!

Угасъ — и сколько слёзъ повсюду пролилось,
  Печальное настало время...
Судьба! зачѣмъ, скажи, ты насъ разбила врозь,
  Наславъ на чеховъ вражье племя?...

Н. Бергъ.

II.

ЭХО.

Славянскій братъ! родную мать
  Съ тобою я объемлю:
Люби ее, славянскій братъ,
  Люби святую землю!

Люби безцѣнный этотъ перлъ
  И съ нею горе мыкай!
Пусть тяжко намъ; но Богъ не дастъ
  Пропасть семьѣ великой!

Не помнитъ міръ, отколь она
  Взяла свое начало,

Но помнитъ, какъ судьба на насъ
Арпадовцевъ наслала:

Не позабудутъ вѣкъ они
Великаго разгрома,
Какой ихъ рати понесли
У башенъ Остригома.

Широ̀ко по̀ свѣту неслись
Славянской славы звуки,
Но доля горькая и намъ,
И намъ сковала руки.

Кто хочетъ жить въ семьѣ славянъ,
Подай другъ другу длани!
Кто хочетъ жить — возстань и будь
Готовъ къ великой брани!

За столько тяжкихъ, скорбныхъ лѣтъ,
За столько мукъ и горя
Мы супостату отомстимъ:
Прольётся крови море.

Живъ Богъ, одинъ для всѣхъ людей:
Онъ ихъ равно разсудитъ!
Живъ Богъ: не вѣкъ торжествовать
Неправда вражья будетъ!

Живъ Богъ: Онъ нашимъ племенамъ
Исчезнуть не дозволитъ,
Когда сто милліоновъ здѣсь
Его объ этомъ молитъ.

Но если жилы у славянъ
Порвутся — міръ застонетъ —
Все человѣчество въ крови
Славянъ тогда потонетъ.

Кому оплакать, схоронить
Тогда такую силу?
Кто, братья, выкопаетъ намъ
Великую могилу?

Горѣ, къ Зиждителю міровъ
Я влажный взоръ подъемлю:
Благослови, славянскій братъ,
Свою святую землю!

Она — безцѣнный міра перлъ!
Утѣшься — горе минетъ:
Богъ испытанья намъ послалъ,
Но Онъ насъ не покинетъ!

Н. Бергъ.

Л. ЖЕЛЛО.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ПАДЕНІЕ МИЛИДУХА».

Зачѣмъ намъ Богъ тевтоновъ далъ въ сосѣдство?
Зачѣмъ сюда дружины ихъ занёсъ?
Зачѣмъ славянамъ присудилъ въ наслѣдство
Невзгоды, брань, потоки горькихъ слёзъ?
И славянинъ — то съ супостатомъ
Враждуетъ, ссорится, а то
Тягается съ родимымъ братомъ —
И море крови пролито̀.
Какъ-будто нѣкій злобный геній,
Враждебное славянамъ божество,
Противу всѣхъ ихъ поколѣній
Ведетъ войну — зачѣмъ и для чего —
Богъ вѣдаетъ! Взялись за умъ сорабы,
Увидѣвши, что славный нашъ народъ,
Что всѣ мы — несогласьемъ слабы,
Что единенье лишь къ спасенью приведетъ —
И кличутъ кличъ: стеклися лехи,
Стеклись сорабовъ доблїи князья,
Стеклись отъ Одры, Лабы чехи
И лутичей воинственныхъ семья,
Чтобы рѣшить, согласно общей волѣ,
Кому на сербскомъ быть престолѣ,
Стать повелителемъ обширныя земли,
Но долго произнесть рѣшенья не могли,
За помощью взываютъ къ Богу,
Чтобъ Онъ рѣшилъ, кто будетъ царь:
Курится жертвенный алтарь
И жрецъ къ его склоняется порогу...
Вдругъ слышатъ — замираетъ духъ:
«Царемъ да будетъ Милидухъ!»

Н. Бергъ.

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Польское племя занимает равнинную область по теченію рѣки Вислы, отъ Бескидовъ до Балтійскаго поморья и отъ Сяна и Буга до Варты и Одры, соприкасаясь на сѣверѣ съ литовцами, на западѣ съ нѣмцами, на югѣ съ моравáнами и словаками, на востокѣ съ русскими. Эта область обнимаетъ: привислянскій край Россіи (кромѣ восточной части губерній Августовской, Сѣдлецкой и Люблинской), часть провинцій Пруссіи и Поморья (Помераніи), Познань и Силезію, область Краковскую и сѣверозападную часть Галиціи. Отдѣльныя польскія колоніи раскинуты впрочемъ далеко за предѣлами очерченной нами этнографической площади, особенно же на востокъ отъ нея, въ Литвѣ, Бѣлой, Малой и Червонной Русяхъ, въ предѣлахъ бывшаго польскаго королевства. По численности польская народность превосходитъ всѣ другія славянскія, кромѣ русской. Точную цифру численности поляковъ указать очень трудно, такъ-какъ въ большей части статистикъ ее либо преувеличиваютъ на счотъ русскихъ, либо уменьшаютъ на счотъ нѣмцевъ. Мы не будемъ однако далеки отъ истины, если скажемъ, что поляковъ находится: въ Россіи 4 милліона съ небольшимъ, въ Пруссіи $2^1/_2$ милліона, въ Австріи $2^1/_4$ милліона, и того около—девяти милліоновъ. Чтобы видѣть сословный составъ этого девяти-милліоннаго населенія, имѣющій такое важное значеніе не только въ польской исторіи, но и литературѣ, мы укажемъ процентное отношеніе разныхъ слоевъ населенія русской Польши (по Молеру): кромѣ значительнаго числа евреевъ (12% всего населенія) и нѣмцевъ (5%), въ ней считается 75% сельскихъ кметовъ, $7^1/_2$% сельской и городской шляхты и $^1/_2$% крупной поземельной аристократіи. Если подобный масштабъ приложить къ сословнымъ отношеніямъ всей польской народности, то мы увидимъ, что въ 9-ти милліонной средѣ польскаго племени находится свыше 8-ми милліоновъ хлоповъ, до 800.000 шляхтичей и около 50.000 пановъ.

По языку поляки составляютъ самую крайнюю вѣтвь сѣверозападной отрасли славянскихъ нарѣчій. Наиболѣе близокъ польскій языкъ къ вымершему нарѣчію прибалтійскихъ славянъ и живущему—лужичанъ, чеховъ и словаковъ. Говоры польскаго языка: малопольскій (современный литературный), великопольскій, мазовецкій и кашубскій. Послѣдній наиболѣе уклонился отъ общаго типа польскаго языка и составляетъ, кажется, переходную ступень къ нарѣчію ободритовъ, лютичей, полабовъ и другихъ прибалтійскихъ славянъ.

Образованіе польскаго государства совершилось одновременно почти съ великоморавскимъ, чешскимъ и русскимъ, и первоначальная ихъ исторія представляетъ много точекъ соприкосновенія и аналогій. Южныя подкарпатскія польскія земли входили даже въ составъ великоморавской державы, откуда распространилась и на Польшу, какъ и на Чехію, славянская проповѣдь св. Меѳодія, слѣды которой долгое время удерживались въ малопольской особенно области. Ударъ, нанесенный сначала славянской церкви, а потомъ и государству въ Моравіи, отразился ро-

ковыми послѣдствіями на судьбахъ какъ Чехіи, такъ и Польши. Угры откололи славянскій западъ отъ южныхъ центровъ православія. Русь еще была темна и не могла служить опорой для него въ Чехіи и Польшѣ.

Прежде пала Чехія, а потомъ изъ рукъ ея и Польша вкусила отъ древа латино-германскаго просвѣщенія и много свѣта для нихъ помрачилось. Принятіе латинской вѣры отразилось неизмѣримыми послѣдствіями на всей политической, соціальной и литературной жизни польскаго народа. Унія религіозная съ европейскимъ западомъ была предтечей и виновникомъ дальнѣйшаго ему подчиненія во всѣхъ культурныхъ отношеніяхъ. Польша забываетъ узы крови, связывающія ее со славянами балтійскаго поморья и новопросвѣщенный католицизмомъ Мечиславъ I становится первымъ пособникомъ нѣмцевъ въ порабощеніи ими польскихъ единоплеменниковъ. Изъ всѣхъ польскихъ государей одинъ Болеславъ Храбрый понималъ задачи польской, т. е. славянской политики на балтійскомъ поморьѣ, въ смыслѣ противодѣйствія распространенію тамъ германизма, но это направленіе не усвоено было его преемниками. Они раболѣпствовали предъ германскимъ императоромъ, расточали свои силы въ братоубійственныхъ усобицахъ, равнодушно смотрѣли на гибель своихъ братьевъ на Лабѣ, а потомъ на Одрѣ и Вартѣ и даже легкомысленно открывали свой домъ чужеплеменнику и врагу въ Поморьѣ и Пруссіи. Во все продолженіе своей политической жизни поляки равнодушно уступали свое кровное достояніе на западѣ и сѣверѣ, въ непрерывной погонѣ за расширеніемъ своихъ границъ на востокѣ и югѣ. Эта роковая ошибка польской политики предала все балтійское побережье, отъ Лабы до Западной Двины, Германіи и быть-можетъ уготовала польскому народу гробъ въ ея нѣдрахъ.

Въ жизни соціальной постепенное распространеніе строя и порядковъ феодальной Европы отразилось постепеннымъ подавленіемъ славянской общины или гмины и выдѣленіемъ изъ ея среды цѣлаго привиллегированнаго сословія, до такой степени обособленнаго, сосредоточеннаго въ себѣ и непріязненнаго подавленнымъ кметамъ, что современные польскіе историки не могли иначе объяснить себѣ этого соціальнаго переворота, какъ предположеніемъ, что шляхта была пришлый изъ Скандинавіи (Шайноха), или Саксоніи (Мацѣевскій) чужеземный завоевательный народъ! По этой ипотезѣ Польша основана завоеваніемъ, т. е. по образцу всѣхъ государствъ германскихъ.

Что касается дѣятельности литературной, то, подобно всѣмъ другимъ западно-европейскимъ народамъ, поляки долго не имѣли даже письменности на народномъ языкѣ. Какъ въ богослуженіи, такъ и въ школѣ долгое время господствовалъ латинскій языкъ, что не могло не содѣйствовать еще большему отдѣленію классовъ образованныхъ или даже просто грамотныхъ отъ народа. Духовныя лица содержали школы почти исключительно для собственнаго, такъ-сказать, обихода, для удовлетворенія нуждъ церкви. Свѣтскія лица проходили ту же латинскую школу, но долгое время они не принимали никакого участія въ скудной литературной дѣятельности, поддерживаемой членами бѣлаго и чорнаго духовенства. Неудивительно потому, что всѣ произведенія польской исторіографіи до конца XV вѣка писаны духовными лицами и по латынѣ: хроники Галла, Матвѣя Холѣвы, Кадлубка, Богуфала, Башко, Дзѣржвы, Янка изъ Чарнкова и другихъ. Онѣ имѣютъ потому такое же почти отношеніе къ польской литературѣ, какъ и хроники нѣмца Дитмара, чеха Козьмы Пражскаго и русскаго Нестора, въ которыхъ тоже заключается не мало данныхъ для польской исторіи, но ничего для литературы.

Кромѣ исторіографіи, польскіе монахи и каноники стряпали также религіозныя пѣсни, изъ коихъ нѣкоторыя составлены были на польскомъ языкѣ. Древнѣйшая изъ нихъ, «Пѣснь къ Богородицѣ», приписывается латинскому миссіонеру Чехіи и Польши св. Войтѣху. Съ нея обыкновенно начинаютъ даже польскую литературу; но это едва ли основательно, такъ-какъ пѣснь не имѣетъ никакихъ поэтическихъ достоинствъ, да къ тому и сохранилась не въ древнемъ видѣ, а въ редакціяхъ XV вѣка.

Для исторіи польскаго языка важны польскіе переводы нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ, напримѣръ — псалтыри, сохранившіеся отчасти въ довольно древнихъ спискахъ (XIV вѣка); но для исторіи литературы это представляетъ матеріалъ очень скудный.

Болѣе характеризовали бы народный бытъ, взгляды и степень развитія разные юридическіе акты и статуты, но и они были чужды польскому народу либо по содержанію (каноническое право и опредѣленія синодовъ), либо по языку (даже

знаменитый вислицкій статутъ 1347 года писанъ по латыни).

Вотъ содержаніе трехсотлѣтней дѣятельности польскаго государства, общества и церкви въ періодъ предшествовавшій ея политическому сближенію съ государствомъ литовскимъ. Чѣмъ же жилъ, мыслилъ и дѣйствовалъ народъ? Онъ съ сожалѣніемъ и печалью разставался со старымъ, тихимъ, но вольнымъ своимъ бытомъ и нѣсколькими отчаянными взрывами (1036 и 1077 гг.) заявилъ свой протестъ противъ навязываемой ему религіи и панства. Но соединенныя усилія князей, духовенства и ляшской аристократіи разбили неорганизованное сопротивленіе массъ и постепенно накрыли ихъ толстой корой, сквозь которую едва просвѣчивалъ на темный народъ лучъ солнца. Быть-можетъ теплое дыханіе народныхъ массъ расплавило бы надъ собой эту ледяную кору, еслибъ не особенныя обстоятельства XIII вѣка. Народу удалось уже было ославянить самый ранній на польской почвѣ орденъ бенедиктинцевъ. Въ XI—XII-мъ вѣкахъ мы находимъ еще имена епископовъ, и даже одного архіепископа, вышедшихъ изъ кметской среды Но когда къ опустошеніямъ войнъ внутреннихъ, удѣльныхъ князей, прибавился истребительный навалъ монголовъ и опустѣлые города и земли предоставлены были многочисленнымъ колонистамъ нѣмецкимъ и еврейскимъ; когда къ притѣсненіямъ пана и ксендза прибавилась еще эксплоатація кмета жидами и мѣщанами, одаренными разными льготами, то съ-тѣхъ-поръ польскій народъ окончательно былъ придавленъ, забитъ и въ продолженіе вѣковъ онъ является лишь пассивнымъ дѣятелямъ исторіи. Онъ забылъ даже память о прошлой своей славянской свободѣ, силѣ и славѣ.

Неудивительно, что въ польскомъ народѣ не сохранилось не только устнаго эпоса, какой уцѣлѣлъ въ Россіи, Сербіи, Болгаріи, но и старописнаго, въ родѣ нашего «Слова о Полку Игоревѣ» или чешскихъ пѣсень «Краледворской Рукописи». У польскихъ лѣтописцевъ мы находимъ слѣды народныхъ преданій, можетъ-быть историческихъ пѣсень, но блѣдные и разбитые.

Въ XIV вѣкѣ въ польской исторіи происходитъ важный и знаменательный переломъ. Польша удѣльная объединяется. Въ малопольскомъ Краковѣ она находитъ свой политическій и умственный центръ, вмѣсто стараго великопольскаго Гнѣзна, слишкомъ уже угрожаемаго сосѣдними нѣмцами. Польша анархическая устроится, выработываетъ себѣ, изъ соединенія правъ мѣстныхъ, общепольскій статутъ, ставшій основою дальнѣйшаго юридическаго развитія страны — и боярская, панская Польша превращается въ Польшу шляхетскую, въ Рѣчь-Посполитую. Подъ смѣшаннымъ вліяніемъ понятій западнаго феодализма, античныхъ и новоитальянскихъ республикъ, а можетъ-быть и преданій старославянской общины, въ XIV и XV вѣкахъ слагается въ Польшѣ могущественное сословіе, смываетъ и переплавляетъ въ себя все, что было надъ нимъ и воплощаетъ въ своей средѣ понятіе государства. Можно обвинять польское шляхетство въ исключительности и кастовой обособленности отъ народа, въ эгоизмѣ и подавленіи массъ, въ религіозной нетерпимости и политическомъ легкомысліи; но нельзя отказать въ энергіи и силѣ, въ лихорадочной и безустанной дѣятельности этой великой собирательной личности, аналогію которой дѣйствительно всего легче найти въ гражданской общинѣ старой римской республики. Съ другой стороны слабость и злоупотребленія шляхетскаго правительства и общества стали обнаруживаться и развиваться уже позже, когда шляхта опьянѣла отъ излишества своихъ правъ и пріобрѣтеній, когда она подверглась растлѣвающему вліянію на характеръ неограниченнаго господства и іезуитскаго воспитанія.

Во всякомъ случаѣ, относиться ли къ этому факту перерожденія Польши монархически-боярской въ шляхетскую съ одобреніемъ или порицаніемъ, нельзя его не признать, такъ-какъ имъ была опредѣлена вся послѣдующая дѣятельность Польши. Сила и немощь этого оригинальнаго политическаго института лучше всего обнаружилась при соприкосновеніи Польши съ Литвою и Русью. Соціальныя отношенія странъ, соединившихся съ Польшею въ 1386 году, были устроены на совершенно другихъ началахъ. Почему же при возникшемъ взаимодѣйствіи Литва и Русь постепенно усвоили себѣ польскіе шляхетскіе порядки, а не на оборотъ? Видно, что политическая дѣятельность Польши была сильнѣе, многостороннѣе, напряженнѣе, чѣмъ въ болѣе монархической и боярской Литвѣ.

Этимъ объясняются также успѣхи польскаго языка и вѣры въ новоприсоединенныхъ земляхъ. Это вѣрный показатель силы и энергіи носителей польской культуры. Но если слѣдить за ея судьбами въ названныхъ странахъ въ послѣдующіе вѣка,

то мы видимъ, что эта польская заносная культура не могла проникнуть въ глубь народныхъ массъ, что она легла на поверхности общества и потому должна была растаять при первомъ пробужденіи и подъёмѣ этихъ самыхъ пренебреженныхъ и забытыхъ просвѣтителями народныхъ массъ.

Какъ бы то ни было, соединеніе Польши съ Литвой подъ Ягеллонами на первое время было очень для нея спасительно и благодѣтельно. Это обнаружилось въ 1410 году на поляхъ грюнвальдскихъ, гдѣ соединенными силами двухъ государствъ нанесёнъ былъ тяжолый ударъ тевтонскому ордену, о призваніи котораго въ Пруссію такъ жестоко сожалѣли теперь поляки. Къ сожалѣнію этотъ ударъ не былъ смертельнымъ и орденъ скоро воспрянулъ въ новой силѣ и алчности.

Но представилась Польшѣ еще другая возможность ея усиленія для борьбы съ Германіей. Вѣроятно судьба балтійскаго поморья была бы совершенно другая, еслибъ поляки не отвергли тогда дружественной руки гуситскихъ чеховъ, предлагавшихъ королю польско-литовскому чешскую корону. Усиліямъ Збигнѣва Олесницкаго съ его ультрамонтанской братіей удалось предотвратить на долгое время это политическое объединеніе сѣверозападныхъ славянъ, которое могло совершиться на почвѣ гуситства. Католицизмъ глубоко укоренился въ Польшѣ, и ни Длугошъ, ни даже Григорій изъ Санока не рѣшились принять предлагаемой имъ чехами архіепископской каѳедры въ гуситской Прагѣ.

Однако давнія связи поляковъ съ чехами, посѣщеніе Пражскаго университета, путешествія по Польшѣ и Литвѣ Іеронима Пражскаго, участіе въ польскихъ войнахъ чешскихъ ротъ, особенно же сильная распространенность въ Малой Польшѣ секты чешскихъ и моравскихъ братьевъ не могли не дѣйствовать возбуждающимъ и соблазняющимъ образомъ на религіозное сознаніе поляковъ, между которыми въ XV вѣкѣ оказалось множество приверженцевъ гуситскаго ученія. Уцѣлѣли даже стихи въ честь Виклефа подобнаго польскаго гусита Андрея Галки изъ Добчина. Быть-можетъ не безъ связи съ этими ранними попытками религіознаго обновленія стоятъ позднѣйшія теоріи—напримѣръ Орострога, а еще позже Модревскаго и другіе, о чемъ скажемъ ниже.

Кромѣ умственныхъ возбужденій изъ Чехіи, на литературное развитіе польскаго общества могла еще оказывать полезное вліяніе Краковская академія, основанная еще Казиміромъ Великимъ въ 1367 году (почти одновременно съ Пражскимъ университетомъ), но открытая папою лишь 30 лѣтъ спустя по ходатайству дорогой для католической церкви просвѣтительницы Литвы, Ядвиги. Дѣятельность Краковской академіи въ первый вѣкъ ея существованія была очень плодотворна. Быть-можетъ она обязана въ этомъ отчасти и тому просвѣтительному вліянію, которымъ повѣяло въ XV вѣкѣ изъ возродившейся Италіи.

Уже давно поляки, подобно далматинцамъ, привыкли искать высшаго образованія въ итальянскихъ университетахъ. Одинъ изъ нихъ, Ціолэкъ, еще въ XIII вѣкѣ пріобрѣлъ себѣ даже европейское имя, какъ основатель оптики. Кромѣ Италіи и Чехіи поляки посѣщали также Парижскій университетъ, по образцу котораго основанъ и Краковскій. Подъёмъ наукъ въ Польшѣ XV вѣка лучше всего виденъ въ появленіи такого историка, какъ Длугошъ, такого филолога, какъ Паркошъ, такихъ философовъ, какъ Григорій изъ Санока и Иванъ Глоговчикъ, такого политика, какъ Остророгъ и, наконецъ, такого міроваго генія въ области астрономіи, какъ Коперникъ. Длугошъ не только считается отцомъ польской исторіографіи, но и самъ представляетъ крупную историческую личность, которую можно упрекнуть развѣ за излишнее усердіе къ интересамъ Рима, въ чёмъ онъ былъ отчасти предшественникомъ Скарги. Паркошъ замѣчателенъ не только, какъ первый законодатель польской орѳографіи, но и какъ первый физіологъ звуковъ славянскаго языка, во многомъ предупредившій наше время. Григорій изъ Санока представляетъ типическій образъ человѣка и философа съ трезвымъ и сильнымъ умомъ, положительнымъ и независимымъ взглядомъ, обширный опытностью и ничѣмъ незапятнаннымъ характеромъ. По философскому направленію онъ нѣсколько сродни чехамъ Штитному и Хельчицкому, и англичанину Бэкону. Глоговчикъ считается предшественникомъ Лафатера, какъ основателя науки физіономики. Остророгъ былъ первый изъ политическихъ писателей Польши, который замѣтилъ аномалію развивающихся въ ней соціальныхъ отношеній и возсталъ противъ двухъ хроническихъ ея недуговъ, угрожавшихъ принять размѣры столь обширные и губительные — противъ служенія Риму и отожествленія шляхты съ народомъ. Но въ тотъ вѣкъ никто не хотѣлъ слушать или не могъ понять

мудреца. Коперникъ былъ человѣкъ, котораго, подобно Гусу, даже нѣмцы не отказывались называть сыномъ Германіи, ибо онъ былъ однимъ изъ величайшихъ геніевъ человѣчества, пошатнувшимъ землю и остановившимъ солнце въ его мнимомъ теченіи. Правда, такіе люди не считались десятками въ Польшѣ XV и начала XVI вѣка; но и во всемірной исторіи подобные умы являются не дюжинами. Присутствіе въ странѣ генія дѣйствуетъ возвышающимъ образомъ на цѣлый народъ, даетъ внутреннюю силу и внѣшнее обаяніе его умственной дѣятельности.

Вотъ чѣмъ объясняются и политическіе успѣхи Польши того времени. Она не завоевала ни одной страны, но присоединила къ себѣ многія. Короны венгерская и чешская нѣсколько разъ покрывали голову Ягеллоновъ. Прусскій орденъ, Литва, Русь, Молдавія, обширныя страны отъ Балтійскаго до Чорнаго морей, находились подъ господствомъ, управленіемъ или вліяніемъ поляковъ. Сила Рѣчи-Посполитой была столь внушительна, что могла соперничать съ имперіей Габсбурговъ и Османовъ. Но ядовитая струя уже свободно разливалась по жиламъ государственнаго организма и проницательные люди уже прозрѣвали неустойчивость политическаго зданія, сооруженнаго на плечахъ одного сословія, затоптавшаго подъ собой народъ. Король уже былъ политической куклой; весь починъ въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики исходилъ отъ шляхетской посольской палаты. Замыслы, дѣйствительные или мнимые, короля Ольбрахта на политическія льготы шляхты, въ возбужденіи которыхъ подозрѣвался знаменитый итальянецъ Каллимахъ (Буонарокси), еще болѣе усилили ревнивую заботливость о себѣ шляхты и на рубежѣ XV и XVI вѣковъ совершилось окончательное закрѣпощеніе крестьянъ или хлоповъ, какое имя стало съ-тѣхъ-поръ презрительнымъ и укоризненнымъ.

Въ первой половинѣ XVI вѣка произошли въ Польшѣ событія, угрожавшія, казалось, ниспроверженіемъ многовѣкового владычества надъ страной Рима и его слугъ, въ чемъ, какъ мы видѣли, не успѣло гуситство.

Вся почти Европа возстала тогда на свою духовную власть, которую въ продолженіе вѣковъ сносила съ такой рабской покорностію. Это реформаціонное движеніе не могло не отразиться на польскомъ обществѣ, находившемся въ давнихъ и очень тѣсныхъ сношеніяхъ съ Германіей, Франціей, Италіей и другими западными странами. Замѣчательно, однако, что наименѣе удовлетворительной религіозной формой представлялось полякамъ лютеранство. Этотъ отвлеченный мистицизмъ могъ привиться лишь въ болѣе онѣмеченныхъ приморскихъ краяхъ Польши. Болѣе прозелитовъ нашолъ себѣ французскій кальвинизмъ, особенно въ Великой Польшѣ и Литвѣ. Но наибольшей распространенностію пользовалась церковь чешскихъ или моравскихъ братьевъ, быть-можетъ напомнившихъ народу старое гуситство и еще болѣе старое православіе, народную славянскую церковь. Главные центры братскихъ общинъ были въ Малой Польшѣ. Съ теченіемъ времени, когда широкая вѣротерпимость Сигизмунда I и особенно II-го открыла Польшу настежь всѣмъ гонимымъ западно-европейскимъ еретикамъ, здѣсь появляется множество мелкихъ сектъ, болѣе или менѣе радикальныхъ. Самая крайняя и распространенная изъ нихъ была раціоналистическая секта социніанъ или аріанъ, иначе антитринитаріевъ и польскихъ братьевъ. Если припомнимъ еще многочисленное православное населеніе восточныхъ земель польскаго королевства, то предъ нами откроется поразительная картина религіознаго раздѣленія общества въ странѣ, извѣстной прежде и послѣ XVI вѣка своимъ архикатолицизмомъ. Но такъ-какъ это движеніе ограничивалось лишь верхними слоями общества и не спускалось ниже мѣщанскаго населенія городовъ, то оно не могло быть ни глубокимъ, ни продолжительнымъ.

Но было бы несправедливо называть это диссидентское движеніе безплоднымъ и безслѣднымъ. Первымъ главнымъ его результатомъ было низверженіе съ народной мысли тяжолыхъ узъ латинскаго языка, безъ чего ея развитіе не могло быть свободнымъ и оригинальнымъ, особенно въ области поэзіи. Правда и въ XVI вѣкѣ мы находимъ въ Польшѣ много напрасныхъ усилій воскресить для народной поэзіи мертвый языкъ классической Италіи. Въ этомъ повинны не только школьные педанты въ родѣ Павла изъ Кросна, Дантышка, Яницкаго, но и такіе первостепенные таланты, какъ Кохановскій, Шимоновичъ, Кленовичъ. Польша произвела даже (хотя уже позже) одного поэта, удивившаго всю Европу чуднымъ латинскимъ стихомъ, отъ котораго не отказался бы самъ Горацій: это былъ знаменитый Сарбевскій, латинскія стиходѣлія котораго до-сихъ-поръ изучаются въ англійскихъ университетахъ, какъ образецъ классическаго стиля. Но подобныя затѣи

могутъ имѣть значеніе лишь курьоза, безполезнаго для народной науки и литературы.

Еще дольше и больше употреблялся латинскій языкъ въ польской исторіографіи. Вспомнимъ Меховита, Кромера, Кояловича, Старовольскаго и другихъ. Но все это не мѣшаетъ утверждать, что распространеніе протестантизма вызвало въ Польшѣ, какъ и въ другихъ странахъ, употребленіе народнаго языка въ богослуженіи, школѣ, наукѣ и литературѣ.

Первымъ и главнымъ дѣломъ каждой секты въ Польшѣ было изготовленіе польскаго перевода библіи въ духѣ своего ученія. Самыми знаменитыми изъ нихъ были: брестское изданіе польской библіи кальвинистовъ (Радзивиллъ) и несвижское социніанъ. Католики, вызванные на полемику съ протестантами, должны были обратиться къ тому же мощному орудію народнаго слова, и издали свой переводъ библіи (Вуекъ). Тоже стремленіе вызвало русскій переводъ библіи Скорины и знаменитое острожское изданіе ея славянскаго текста.

Вслѣдъ за библіями появились безчисленныя полемическія сочиненія разныхъ сектъ, составляющія главный литературный балластъ того времени. Представленія были въ большинствѣ очень смутны, доказательства и опроверженія нетверды и сомнительны; но увлеченія и страсти, пылъ и усердіе непомѣрны и неудержимы. Во всей массѣ брошюръ и книгъ серьознаго вниманія заслуживаютъ сочиненія двухъ особенно писателей: Орѣховскаго и Модревскаго. Для характеристики времени важны не только ихъ сочиненія, но и самыя личности. Какъ тотъ, такъ и другой принадлежали къ числу даровитѣйшихъ, учонѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ польскихъ писателей половины XVI вѣка. Литературная извѣстность того и другого простиралась далеко за предѣлы Польши, въ Германію и Италію. Но здѣсь и оканчивается ихъ сходство и начинается глубокое и полное различіе. Модревскій можетъ служить идеаломъ умнаго, честнаго, гуманнаго поляка, въ родѣ Остророга или Григорія изъ Санока. Онъ усомнился въ чистотѣ католицизма и стремится къ его обновленію въ отношеніи догматическомъ и дисциплинарномъ. Подобно Гусу въ Чехіи, онъ желаетъ для Польши независимой народной церкви, съ патріархомъ, польскимъ богослуженіемъ, чашей и бракомъ духовенства. Орѣховскій тоже окунулся въ струю протестантизма, но онъ вынесъ изъ него единственно разрѣшеніе для своей совѣсти отъ обѣта безбрачія. Во второмъ періодѣ своей писательской дѣятельности, онъ съ такимъ же легкомысліемъ бросилъ вызовъ свободѣ совѣсти, съ какимъ прежде онъ относился къ авторитету церкви.

Это былъ умъ сильный, но исковерканный, характеръ дѣятельный, но надломанный, какихъ съ теченіемъ времени, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе начала рождать и воспитывать шляхетская Рѣчь-Посполитая.

Либерализмъ и вольнодумство распространились и на другія области литературной дѣятельности сигизмундовской Польши. Въ невѣріи упрекали историка Мартина Бѣльскаго, педагога Марыцкаго, поэтовъ Рея, Кленовича и другихъ. Удивительно ли это, когда самъ король Сигизмундъ Августъ не скрывалъ своего равнодушія къ Риму и симпатій къ идеямъ Модревскаго о національной польской церкви! Но въ средѣ польскаго общества явился тогда новый дѣятель, который быстро возстановилъ пошатнувшееся зданіе католицизма и вырылъ гробъ сначала врагамъ Рима, а потомъ и самой Рѣчи-Посполитой: въ 1564 году кардиналъ Гозій пригласилъ въ Польшу іезуитовъ... Но возвратимся назадъ къ столь прославляемому золотому сигизмундовскому періоду польской литературы.

Было бы ошибочно думать, что религіозная дѣятельность составляла исключительное содержаніе польской исторической жизни: другая и можетъ-быть большая половина наличныхъ общественныхъ силъ была посвящена дѣятельности политической. На всемъ пространствѣ Рѣчи-Посполитой кишили уѣздные, воеводскіе, провинціальные и земскіе сеймики и сеймы, изрѣдка перемежаясь конфедераціями или рокошами, въ видѣ политическихъ демонстрацій. Послѣдній загоновый шляхтичъ считалъ своимъ правомъ и обязанностію управлять государствомъ, и дѣйствительно имѣлъ свою долю вліянія на направленіе дѣлъ чрезъ посредство земскихъ пословъ или депутатовъ, каждые два года выбираемыхъ на сеймъ. Политическія убѣжденія и понятія шляхты были довольно опредѣленны и положительны: наблюдать интересъ своего сословія какъ въ коронѣ, такъ и въ Литвѣ; усилить первую на счотъ второй; не давать поблажки хлопамъ и силы королямъ. Чрезъ меридіанъ своей политической силы и славы прошло польское государство, кажется, въ 1569 году — въ памятный годъ люблинской уніи Польши, Пруссіи, Литвы и Руси.

Съ-тѣхъ-поръ начинается быстрый закатъ этого яркаго, но холоднаго солнца.

Религія и политика такъ всецѣло поглощали умъ и чувство представителей польскаго общества, что даже наука и поэзія должны были подчиниться какой-нибудь религіозной или политической тенденціи. Литература не имѣла въ Польшѣ самостоятельнаго значенія; она была прислужницей церкви или государства. Вотъ почему изо всѣхъ отраслей науки прочно привилась въ Польшѣ лишь исторіографія; а въ области поэтической преобладаетъ лишь лирика и сатира, т. е. поэзія самодовольствія или общественной критики.

Самый крупный историческій трудъ польской литературы XVI вѣка есть хроника Стрыйковскаго, автора замѣчательнаго, впрочемъ, болѣе кропотливостію, трудолюбіемъ и неутомимостію, чѣмъ образованіемъ и талантомъ. Замѣчательно, что мазовецкій авторъ провелъ въ этомъ трудѣ тенденцію радикально противоположную цѣлямъ люблинской уніи, являясь литовскимъ сепаратистомъ.

Болѣе впрочемъ удовлетворяли вкусу современниковъ геральдическія изслѣдованія Папроцкаго, имѣвшія не археологическій, а животрепещущій интересъ въ странѣ, гдѣ всѣ были помѣшаны на гербахъ, родовитости и чистотѣ шляхетской крови.

Одуряющую силу шляхетскаго воспитанія и степень господства надъ обществомъ этихъ сословныхъ предразсудковъ можно видѣть изъ того, что такіе значительные таланты, какъ Рей и Кромеръ, казалось, вполнѣ раздѣляли мысль старика Аристотеля объ естественномъ и прирожденномъ различіи гражданъ и рабовъ, шляхтичей и хлоповъ. Знаменитый Кромеръ никогда не могъ примириться съ той смертной обидой природы, какою онъ считалъ свое мѣщанское происхожденіе. Рей же, отецъ польской поэзіи, человѣкъ замѣчательныхъ дарованій, прошедшій уже диссидентскую школу и эманципировавшійся отъ многихъ наивныхъ вѣрованій, въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ, полныхъ безконечнаго юмора и практической мудрости, серьозно доказываетъ, что шляхтичъ есть совершеннѣйшее изъ созданій міра, что политическое устройство и соціальныя отношенія Польши суть идеальныя и безукоризненныя. Даже шляхетское высокомѣріе къ серьозному научному труду онъ хвалитъ, видя въ послѣднемъ удѣлъ низшихъ классовъ и расъ, напримѣръ нѣмцевъ. У Кохановскаго, другого корифея польской поэзіи XVI вѣка, нельзя найти подобныхъ указаній лишь потому, что онъ изображалъ мысли, чувства и образы болѣе изъ міра античнаго, классическаго, или бралъ сюжеты и краски чуждые всякому времени и мѣсту, болѣе общечеловѣческіе, чѣмъ мѣстные и современные ему польскіе.

Третій знаменитый писатель того же времени Горницкій, въ своемъ «Польскомъ дворянинѣ», отнесся, правда, съ легкой критикой къ шляхетству старой Польши, имѣя въ виду, быть-можетъ, идеалъ венеціанской олигархической республики; но и здѣсь критика облечена въ такую мягкую и невинную форму, образъ же польскаго дворянства представленъ въ такомъ лестномъ свѣтѣ, что могъ возбуждать скорѣе самодовольствіе, чѣмъ самоосужденіе въ шляхетномъ читателѣ.

Болѣе рѣзкій и сильный голосъ за права человѣка, за превосходство ума и знаній надъ родовитостію и гербами, возвысилъ Кленовичъ. Мѣщанинъ по происхожденію, но человѣкъ образованный и даже учоный, онъ могъ безпристрастнѣе отнестись къ тѣмъ общественнымъ аномаліямъ, которыхъ другіе не видѣли по самообольщенію или невѣжеству. Онъ былъ свидѣтелемъ борьбы монархизма со шляхетствомъ и желалъ успѣха первому, олицетворяя послѣднее въ лицѣ безпокойныхъ и насильственныхъ титановъ. Наряду съ Кленовичемъ, сочувственно отнесся къ забитому, но честному и добродушному сельскому люду извѣстный идилликъ Шимоновичъ (Simonides). Тѣ же убѣжденія раздѣлялъ и Модревскій, о которомъ мы уже сказали выше. Но эти одинокіе голоса вопіяли въ пустынѣ: хлопъ былъ закрѣпощонъ, лишонъ права на землевладѣніе, отданъ въ полную волю пана, почти изъятъ изъ покровительства законовъ (1573), въ чемъ польское право никогда не отказывало не только нѣмцамъ, но даже жидамъ и татарамъ!

Послѣ тенденцій политическихъ, существенную струну польской поэзіи, особенно лирики, составляетъ элементъ религіозный. Видное мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ переводъ псалмовъ Кохановскаго, его же «Слёзы надъ гробомъ дочери» и нѣкоторыя другія. Но еще большей высоты и силы въ этомъ направленіи достигли Семпъ Шаржинскій и Мясковскій, изъ коихъ послѣдній былъ уже пѣвцомъ Сигизмунда III, то-есть XVII вѣка.

Общее значеніе поэтической школы Рея и Кохановскаго можетъ быть сравнено со значеніемъ

въ сербской литературѣ школы поэтовъ дубровницкихъ. Тутъ мало оригинальнаго народнаго творчества. Поэтическая мысль и ея выраженіе были скованы чудными образами и звуками поэзіи староклассической, на которой развивались тогда всѣ западно-европейскія литературы. Наиболѣе независимымъ отъ этихъ образцовъ былъ Рей, чѣмъ онъ былъ обязанъ малому своему знакомству съ классической литературой. Наиболѣе же хлебнулъ отъ этого кастальскаго ручья Кохановскій; но за-то онъ перенесъ въ польскую литературу хрустальную прозрачность и классическую законченность внѣшней стихотворной формы, которою съ такимъ мастерствомъ воспользовался потомъ Мицкевичъ. Если сравнить Рея въ первой половинѣ XVI вѣка съ Гроховскимъ во второй, то изъ стилистическаго изящества послѣдняго въ сравненіи съ первымъ можно видѣть замѣчательный успѣхъ польскаго литературнаго языка въ нѣсколько десятилѣтій поэтической дѣятельности Кохановскаго и плеяды его сопровождавшей.

Чтобы оцѣнить все значеніе и размѣры литературной дѣятельности этого періода въ сравненіи не только съ предыдущею, но и послѣдующею, мы приведемъ нѣсколько данныхъ о числѣ и состояніи типографій и школъ того времени. Книгопечатаніе привилось въ Польшѣ скорѣе многихъ другихъ, даже западно-европейскихъ, странъ. Оно начинается здѣсь съ 1465 года. Но полный расцвѣтъ печатной дѣятельности относится къ половинѣ XVI вѣка, то-есть ко времени полнаго разгара борьбы диссидентовъ съ католицизмомъ. Не только въ главныхъ, но и во второстепенныхъ городахъ и мѣстечкахъ Польши основывались типографіи, иногда кочевыя. Можно назвать въ Польшѣ до 100 мѣстностей, гдѣ выходили тогда польскія книги и въ которыхъ перебывало до 150 типографій.

Тогда же и отъ тѣхъ же причинъ чрезвычайно размножилось число школъ. Это было лучшее средство распространять новыя религіозныя понятія въ духѣ того или другого исповѣданія. Оттого каждая секта заводила извѣстное число школъ, которое бывало очень значительно напримѣръ у кальвинистовъ и чешскихъ братьевъ. Начальникомъ въ одной изъ польскихъ школъ послѣдней секты былъ знаменитый чехъ Амосъ Коменскій. Заправленіе католическими школами зависѣло тогда отъ Краковской академіи, которая, впрочемъ, бросивъ вызовъ духу реформъ и замкнувшись въ косный ортодоксализмъ, утратила въ XVI вѣкѣ свою прежнюю жизнь и силу, и погрузилась въ летаргическій сонъ, изъ котораго она воспрянула-было лишь для того, чтобы заявить протестъ противъ посягательства на школьное дѣло іезуитовъ и опять погрузиться въ дремоту. Въ концѣ XVI вѣка основаны двѣ новыя академіи: знаменитый гетманъ Янъ Замойскій основалъ академію въ Замостьѣ, а не менѣе славный іезуитъ Петръ Скарга—въ Вильнѣ. Остановимся на этихъ именахъ, связывающихъ Польшу XVI и XVII вѣковъ. Трудно сказать, которое изъ нихъ дороже, незабвеннѣе для поляковъ. Первый представляется лучшимъ типомъ польскаго государственнаго человѣка, а второй — вдохновеннаго миссіонера. Оба не неповинны въ позднѣйшихъ удачахъ и несчастіяхъ Польши. Замойскій далъ послѣдній толчокъ политикѣ польскаго государства, а Скарга — польской церкви; и это направленіе обусловило судьбы Польши въ послѣдніе два вѣка ея политическаго существованія. Замойскій думалъ утвердить въ Польшѣ законы и понятія римской республики и придалъ каждому шляхетскому послу священное значеніе римскаго трибуна, забывая, что трибунъ былъ покровителемъ подавленныхъ противъ льготныхъ и что трибуновъ было 2, а не 200, какъ въ Польшѣ. Скарга былъ проникнутъ такимъ же благоговѣніемъ къ непогрѣшимому авторитету римской церкви. Изъ законоположеній Замойскаго выросло liberum veto (съ 1652 года); изъ религіозной нетерпимости Скарги вышли законы, лишающіе диссидентовъ всякаго политическаго значенія и почти покровительства законовъ. Результаты того и другого были равно смертоубійственны для политическаго существованія Польши. Но едва ли можно винить въ этомъ Замойскаго или Скаргу. Оба дѣйствовали по убѣжденію и патріотизму, и повинны развѣ въ томъ, что не разсчитали послѣдствій радикальныхъ мѣръ, предложенныхъ ими для вящей славы церкви и государства.

Въ отношеніи къ Россіи Скарга памятенъ какъ виновникъ и главный дѣятель брестской уніи, долженствовавшей скрѣпить религіозными узами тѣ политическія связи, которыя, казалось, навсегда соединили Литву съ Польшей на люблинской уніи.

Кромѣ своей церковно-политической дѣятельности по утвержденію въ Польшѣ и развитію вліянія іезуитовъ, Скарга имѣетъ значеніе и какъ

писатель, историкъ, богословъ и особенно проповѣдникъ. Правда, его стиль не свободенъ отъ латинскихъ оборотовъ, его исторія отъ басень, его богословіе отъ схоластики и его проповѣди отъ риторики; но при всемъ томъ онъ считался однимъ изъ лучшихъ польскихъ прозаиковъ и вдохновеннѣйшихъ ораторовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобное дарованіе и подобный характеръ оказалъ бы странѣ гораздо лучшую услугу, еслибъ его мысль и воля не были порабощены служенію чужимъ цѣлямъ и интересамъ, съ той энергіей, которая отличаетъ фантастовъ и неофитовъ, и съ той неразборчивостію на средства, на которую могъ рѣшиться лишь ученикъ іезуитовъ.

Переходимъ къ исторіи паденія Польши. Что его предуготовило и ускорило? То, что, строя свое государственное зданіе, поляки проглядѣли мелочь: не позаботились о фундаментѣ. Оно и обрушилось не отъ ветхости, не отъ внутренней даже гнили, а оттого, что почва вдругъ раздалась и поглотила въ себѣ массивныя стѣны и колонны, а вѣтеръ размѣталъ по свѣту осколки шляхетскаго зданія. Чуткій слухъ давно уже слышалъ по временамъ глухой подземный гулъ, предтечу землетрясенія. Его слышалъ Остророгъ, Модревскій, Кленовичъ, даже вѣщій Скарга; но самодовольное общество веселилось и не тревожилось за будущее или не думало объ немъ, пока земля не задрожала подъ ногами.

Конецъ XVI и первая четверть или даже половина XVII вѣка еще не представляли никакихъ замѣтныхъ признаковъ государственнаго и литературнаго ослабленія Польши. Гетманы побѣждали шведовъ, турокъ, москалей, и въ смутное время русской исторіи предъ Сигизмундомъ III открылись такіе политическіе виды, о какихъ не смѣлъ и мечтать Сигизмундъ I или II. Москва была у ногъ его и грозная Русь исходила кровію. Церковь тоже воевала и побѣждала; проповѣдники въ родѣ Бирковскаго, Млодяновскаго, Верещинскаго гремѣли съ такимъ же краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ, какъ прежде Скарга. Мясковскій, Гроховскій, Вацлавъ Потоцкій писали оды, сатиры, эпопеи съ изяществомъ и дарованіемъ лучшихъ писателей сигизмундовскаго круга. Сарбевскій удивлялъ міръ латинскимъ стихомъ; Пясецкій, Коховскій, Кояловичъ, Старовольскій составляли исторіи и хроники, ничѣмъ не уступающія Кромеру и Орѣховскому. Въ Замостской академіи процвѣтало право, въ Виленской — богословіе и даже Краковская на время какъ-будто проснулась и оживилась. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ странѣ стало душно и тѣсно. Габсбургско-испанское вліяніе все болѣе и болѣе связывало внѣшнюю политику страны.

Религіозная реакція становилась все насильственнѣе; воспитаніе въ рукахъ іезуитовъ все одностороннѣе. Одна за другой закрывались типографіи и диссидентскія школы; въ литературѣ воцарилась схоластика и мертвенная латынь.

Духовенство налагаетъ свою руку не только на воспитаніе, но и на политику, на управленіе. Правовѣрная мазовецкая Варшава становится новымъ правительственнымъ центромъ этой новой іезуитской политики.

Шляхетское общество раздѣляется на двѣ политическія партіи: олигархическую и демократическую (въ условномъ шляхетскомъ смыслѣ). Завязывается борьба ихъ между собою и съ королемъ, который ищетъ самъ поддержки то въ магнатахъ, то въ шляхтѣ. Въ странѣ воцаряется замѣшательство и анархія. А народъ оцѣненъ поштучно, какъ вещь, и диссиденты потеряли всѣ политическія права! Въ эту-то пору возсталъ Хмельницкій и отпаденіе Украйны было первымъ подземнымъ ударомъ, отколовшимъ часть Рѣчи-Посполитой. Несчастія посыпались на нее одно за другимъ, но онѣ ничему не научили правителей. Люди становились все болѣе равнодушными къ интересамъ общественнымъ и потеряли всякій политическій смыслъ. Сеймы собирались по прежнему, но, со времени введенія обычая ихъ срывать, они рѣдко приходили къ какимъ-нибудь заключеніямъ. Оттого суетни было много, колеса государственной машины быстро вращались, но дѣла не выходило и возъ пятился назадъ. Короли быстро смѣняются: Владиславъ, Янъ, Казиміръ, Вишневецкій, Собѣскій, Саксы, Лещинскій, Понятовскій; но они или безсильны, или равнодушны, или легкомысленны—и разложеніе быстро распространяется по всему государственному организму.

Литературная дѣятельность второй половины XVII и первой XVIII вѣка ограничивается почти одними мемуарами разныхъ общественныхъ и частныхъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Паска, Отвиновскаго, представляютъ самый животрепещущей интересъ, живо рисуя намъ изнанку того общества, котораго лицевая сторона слишкомъ подрумянена оффиціальными историками и публицистами того времени.

Съ конца XVII и особенно въ XVIII вѣкѣ казалось, повѣяло новымъ духомъ на Польшу изъ Франціи. Первымъ проводникомъ этого вліянія французскаго псевдоклассицизма на польскую литературу была семья Морштыновъ. Еще болѣе усилились сношенія польскаго общества съ французскимъ при Лещинскомъ. Польскому эксъ-королю принадлежитъ даже планъ переустройства Рѣчи-Посполитой посредствомъ либеральныхъ реформъ, съ сохраненіемъ, впрочемъ, старопольской свободы, но съ устраненіемъ ея анархіи.

Болѣе крупнымъ и важнымъ проводникомъ въ польское общество либеральныхъ идей французской философіи, педагогики и политики былъ знаменитый піаръ Конарскій. Онъ первый внесъ новый духъ въ общественное воспитаніе Польши, которое съ-тѣхъ-поръ все болѣе и болѣе ускользаетъ изъ рукъ іезуитовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Конарскій занёсъ руку и на шляхетскія привиллегіи, но менѣе въ этомъ успѣлъ. Въ изданныхъ имъ съ Залускимъ «Volumina legum» польская шляхта нашла болѣе юридическія основанія для своихъ притязаній, чѣмъ матеріалъ и мотивы для общественной реорганизаціи страны. Напрасно Желѣзнякъ и Гонта съ гайдамаками жгли и рѣзали своихъ шляхетныхъ угнетателей: оказалось, что лишь могила можетъ выпрямить горбатаго — и въ 1772 году начались раздѣлы Польши. Еще 23 года продолжалась ея политическая агонія, окончившаяся въ 1795 году.

Въ послѣдніе годы своего существованія польское общество обнаружило лихорадочную дѣятельность. Съ паденіемъ іезуитскаго ордена (1773 г.) общественное воспитаніе перешло въ другія руки и новое поколѣніе могло освободиться отъ старой схоластики и рутины. Народное прошлое, основаніе и разгадка его настоящаго и будущаго, обратило на себя серьозное вниманіе — и тутъ появляется въ Польшѣ въ первый еще разъ историческая критика въ трудахъ Лойко, Нарушевича и Чацкаго. Вмѣстѣ съ подъёмомъ уровня историческаго образованія возвышается достоинство политическихъ произведеній послѣднихъ государственныхъ людей Польши, каковы: Коллонтай, Сташицъ, Нѣмцевичъ и другіе. Послѣ долгаго перерыва Польша производитъ даже замѣчательныхъ натуралистовъ, напримѣръ: астронома Почобута и химика Андрея Снядецкаго.

Изъ той же станиславовской польской школы вышли и знаменитые слависты: Иванъ Потоцкій и Суровецкій, во многомъ предупредившіе Шафарика.

Уставы польской эдукаціонной коммиссіи послужили образцомъ и для русскаго министерства народнаго просвѣщенія. Варшавское общество любителей наукъ и Виленскій университетъ связываютъ уже XVIII вѣкъ съ XIX. По паденіи польскаго государства всѣ общественныя силы направились на развитіе школъ. Наука и литература остались единственной областію свободнаго дѣйствія и залогомъ народной жизни, почему онѣ и возраждаются съ наибольшей силой уже послѣ паденія Рѣчи-Посполитой.

Мы должны коснуться еще поэзіи станиславскаго времени, связывающей старую сигизмундовскую съ новой школой Мицкевича. Въ вѣкъ политическаго и общественнаго разложенія, когда изжиты положительные идеалы старые и не образовались еще новые, когда любовь къ прошедшему и вѣра въ будущее пошатнулись, единственный возможный родъ поэзіи — сатира или беззаботная анакреонтическая лирика. Это мы и видимъ въ Польшѣ времени ея политическаго паденія. Нарушевичъ оплакиваетъ, а Красицкій, Трембецкій, Венгерскій осмѣиваютъ общественныя язвы, народную вѣру и невѣріе. Жолчный сарказмъ Нарушевича здѣсь перемежается съ веселой и острой шуткой Красицкаго, беззастѣнчивой колкостію Трембецкаго и цинической выходкой Венгерскаго. А впрочемъ и строгій историкъ, и вольнодумный епископъ, и развязный придворный, и безалаберный игрокъ не свободны отъ усвоенныхъ изъ Франціи ходулей классическаго стиля, степенная важность котораго часто находится въ странномъ противорѣчіи съ игривой легкостію и пустотой самаго обыденнаго содержанія.

Видно однако, что польское общество не съ отчаяніемъ провожало въ гробъ свое королевство. Оно какъ-будто не вѣрило его смерти. Одинъ Нарушевичъ разбилъ свою лиру надъ гробомъ отечества и отказался даже отъ растравляющихъ воспоминаній славы старой ягеллоновской Польши. Другіе были хладнокровнѣе или легкомысленнѣе: Красицкій, Карпинскій, Богуславскій, Нѣмцевичъ продолжали свою веселую пѣсню. Два послѣдніе и знаменитый поэтъ-ораторъ Вороничъ нашли даже, можетъ-быть нечаянно и неожиданно, новый родникъ поэтическихъ образовъ и звуковъ, новыхъ мыслей и чувствъ, незнакомыхъ Польшѣ старой шляхет-

ской и предвѣстниковъ Польши новой, народной: это былъ родникъ народной поэзіи, глубокій и прозрачный, отъ живой воды котораго такую чудную и вдохновенную силу почерпнулъ затѣмъ Мицкевичъ.

Величайшее изъ золъ политическаго паденія Польши было ея раздѣленіе между тремя государствами или, другими словами, предоставленіе польскихъ земель германскому племени. Россія не была опасна этнографическому существованію Польши; она не была враждебна даже политической ея независимости, что доказываетъ возстановленіе Александромъ I такъ-называемой конгрессовой Польши. Отсюда, изъ Варшавы, изъ Литвы, изъ Украйны началось и вторичное возрожденіе польской литературы и науки, болѣе блестящей и оригинальной, чѣмъ въ XVI и XVIII вѣкахъ. Въ Вильнѣ появились въ началѣ двадцатыхъ годовъ два человѣка, изъ коихъ одинъ посправедливости считается высшимъ корифеемъ польской поэзіи и основателемъ новой поэтической школы, а второй имѣетъ такое же значеніе въ польской исторіографіи.

Мы говоримъ о Мицкевичѣ и Лелевелѣ. Они не были безъ предшественниковъ на полѣ своей литературной дѣятельности. Кохановскій отчеканилъ польскій стихъ; Красицкій далъ ему удивительную гибкость и легкость, а Нарушевичъ—силу и изобразительность. Бродзинскій разрушилъ оковы французскаго псевдоклассицизма и открылъ въ польскую поэзію доступъ съ одной стороны корифеямъ новогерманскаго романтизма, а съ другой — мотивамъ и сюжетамъ славянской народной поэзіи. Мицкевичу предстояло собрать разсѣянные лучи и преломить ихъ въ призмѣ своего генія, чтобы затѣмъ звѣздою первой величины заблестѣть на горизонтѣ польской литературы.

Точно также не мало знаній, труда и талантовъ положено было предшественниками Лелевеля на сооруженіе зданія отечественной исторіи; но онъ первый обнялъ всѣ проявленія государственной, общественной и народной жизни въ тысячелѣтній періодъ существованія Польши, указалъ методы и способы обработки громаднаго историческаго матеріала, однимъ словомъ основалъ историческую школу.

Эти два лица первенствуютъ не только по времени, но и по силѣ таланта и по размѣрамъ дѣятельности въ новопольской литературѣ и наукѣ. Надобно, впрочемъ, сказать, что, подобно литературѣ и наукѣ сигизмундовскаго времени, новопольская не вполнѣ свободна отъ тенденцій политическихъ или религіозныхъ, и въ этомъ, быть-можетъ, не неповинны ея основатели.

Мицкевичъ былъ великій поэтъ не только въ польской, но и въ общеевропейской литературѣ. Кромѣ чудной прелести, гармоніи и силы рѣчи, чрезвычайно яркаго и блестящаго колорита образовъ, полныхъ нѣги, страсти и огня, его произведенія въ высокой степени оригинальны по содержанію и направленію. Можно упрекать его за чрезмѣрное увлеченіе шляхетской стариной, за идеализацію старопольскаго быта, за очень опасную и двусмысленную политическую тенденцію и мораль имъ проповѣдываемую; но нельзя отказать ему въ неотразимой силѣ выраженія, широкомъ размахѣ мастерской кисти и чрезвычайномъ разнообразіи, богатствѣ и типичности образовъ и картинъ, характеровъ и положеній. Въ Пушкинѣ больше художественной мѣры и классической простоты и законченности; Мицкевичъ болѣе образенъ, страстенъ, размашистъ, но эксцентриченъ, парадоксаленъ и, такъ-сказать, стихіенъ.

Замѣчательный поэтическій талантъ обнаружили еще два поляка, которые, составляя школу Мицкевича, нерѣдко подымались до одинаковой съ нимъ высоты: то были Красинскій и Словацкій. Ихъ дарованія были не столь разнообразны и дѣятельность не столь широка и вліятельна; они только до крайности развили то самое направленіе, которымъ шолъ Мицкевичъ; но при этомъ безконечно разошлись между собою. Красинскій взялъ положительную сторону Мицкевича, его религіозное міросозерцаніе; Словацкій же — отрицательную, протестъ противъ существующаго, но во имя не польскаго прошлаго, какъ Мицкевичъ, а во имя правъ человѣческаго разума. Красинскій писалъ свои гимны, своего «Иридіона» въ Римѣ и о Римѣ, но не безъ отношенія къ польскому прошлому, которое представлялось ему, какъ и Мицкевичу, въ радужныхъ краскахъ утраченнаго счастія. Словацкій тоже поэтъ эмиграціи; онъ только болѣе другихъ эманципировался отъ предразсудковъ и преданій польскаго прошлаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ потерялъ всякую вѣру въ рай и въ адъ, въ добро и зло, болѣе же всего въ идеалъ и мечтанія, надъ которыми онъ издѣвается съ сарказмомъ и желчью Байрона и Гейне. Замѣчательна судьба этихъ трехъ корифеевъ польской литературы. Оторван-

ные отъ народной почвы, перенесённые въ среду хотя привычную ихъ мысли, но чуждую славянскому духу, измученные внутренней борьбой, они постепенно задыхаются въ этой иноземной атмосферѣ и впадають въ какой-то фантастическій и мрачный мистицизмъ, галлюцинаціи и полупомѣшательство. Подобный конецъ постигалъ и многихъ другихъ польскихъ пѣвцовъ изгнанія, поэтовъ эмиграціи. Самыми знаменитыми изъ нихъ были Гарчинскій и Гощинскій. Первый яркимъ метеоромъ промелькнулъ на горизонтѣ польской поэзіи, оставивъ по себѣ одну блестящую поэму «Вацлавъ» и возбудивъ много несбывшихся надеждъ въ самомъ Мицкевичѣ. Болѣе замѣчательныхъ созданій осталось отъ Гощинскаго, поэта украинскаго кружка, воспѣвшаго стараго козачину и грозную его борьбу со шляхетчиной. Видно, что онъ былъ воспитанъ на украинскихъ думахъ, откуда заимствовалъ много сильныхъ красокъ и острыхъ звуковъ.

Къ этому же кругу украинскихъ поэтовъ принадлежатъ Мальчевскій и Залѣскій. Они стоятъ уже дальше отъ Мицкевича и, подобно Гощинскому, черпаютъ свои вдохновенія изъ народной пѣсни, хотя въ ихъ шляхетскомъ сознаніи эта хлопская русская пѣсня отражается довольно своеобразно — совершенно иначе, чѣмъ, напримѣръ, въ «Гайдамакахъ» Шевченки.

Здѣсь можно бы было упомянуть еще о нѣсколькихъ польскихъ поэтахъ галицкаго кружка, изъ которыхъ Бѣлевскій, Семенскій и Ленартовичъ относятся тоже къ числу писателей народнаго направленія; но по своему таланту они менѣе значительны и оригинальны. Почти тоже должно сказать о литвинѣ Кондратовичѣ (Сыромлѣ).

Вообще, съ конца 40-хъ годовъ поэтическая струя польской литературы постепенно сякнетъ и почти окончательно прекратилась въ наше время. Въ замѣнъ того развивается романъ и повѣсть—историческая и бытоописательная. Въ этой области создали себѣ литературное имя Бернатовичъ, Корженевскій, Качковскій и, въ особенности, Крашевскій, польскій Дюма, написавшій болѣе 200 томовъ повѣстей, романовъ, этюдовъ литературныхъ и даже ученыхъ сочиненій. При чрезмѣрной производительности, онъ не могъ давать надлежащей отдѣлки своимъ издѣліямъ, представляющимъ, впрочемъ, важный матеріалъ для характеристики разныхъ слоевъ современнаго польскаго общества, которое Крашевскій изучилъ такъ подробно и изобразилъ во многихъ случаяхъ такъ мастерски.

Переходя отъ литературы къ наукѣ мы замѣтимъ, что сила толчка, даннаго послѣдней Лелевелемъ, была столь значительна, что она увлекла всѣ почти ученыя силы страны на поприще исторіографіи, въ самомъ обширномъ ея значеніи, обнимающемъ исторію литературы, права, церкви, государства и т. д. Внѣ этого круга и довольно самостоятельно развился и дѣйствовалъ только знаменитый польскій критикъ Мохнацкій, преемникъ Бродзинскаго, имѣвшій въ польской литературѣ почти такое значеніе, какъ у насъ Бѣлинскій. Съ легкой руки Лелевеля въ Польшѣ появилась какъ бы манія къ историческимъ изысканіямъ. Главными ихъ центрами стали Львовъ, Краковъ, Бреславль и Варшава, а отчасти Вильна и Петербургъ.

Критицизмъ и серьозное отношеніе къ историческому матеріалу развивались, а съ нимъ и безпристрастіе въ оцѣнкѣ своего прошлаго. Главныя силы обращены были на изданіе историческихъ источниковъ и памятниковъ. Если сравнить правленныя изданія Рачинскаго съ добросовѣстными Дзялынскаго и Бѣлевскаго и учоными Гельцеля, то можно замѣтить значительный успѣхъ въ этомъ отношеніи. Если нѣкоторые изслѣдователи и увлекаются еще предвзятыми теоріями и предразсудками политическими или религіозными, какъ, напримѣръ, Духинскій или Дзѣдушицкій, то за-то другіе вполнѣ отъ нихъ свободны, какъ Іосифъ Лукашевичъ, Зубрицкій, Ярошевичъ и многіе другіе.

Въ лицѣ Шайнохи польская исторіографія нашла наконецъ человѣка съ сильнымъ описательнымъ талантомъ, и хотя онъ нечуждъ нѣкоторой парадоксальности и поэзіи въ наукѣ, но за-то ея пріобрѣтенія и результаты становятся этимъ способомъ достояніемъ всего читающаго общества, народа. Являлись опыты и цѣльнаго философскаго обзора фактовъ отечественной исторіи, напримѣръ Морачевскаго, но, повидимому, для подобныхъ трудовъ не приспѣло еще время, такъ-какъ критическая разработка частностей всегда должна предшествовать философскому ихъ сцѣпленію и обобщенію.

Въ лицѣ, наконецъ, Мацѣевскаго и Малиновскаго современная польская наука имѣетъ людей, которые вышли за предѣлы польской литературы, изучая польское право и языкъ сравнительно со всѣми другими славянскими, подобно Суро-

вецкому и Линде, что̀ знаменуетъ уже новую эпоху, когда литература польская сольётся съ общеславянскою.

Подведемъ итоги нашего обзора почти тысячелѣтней духовно-литературной дѣятельности поляковъ. Несомнѣнно, что по своимъ размѣрамъ и внутреннему достоинству, польская наука и литература самая значительная между славянскими, за исключеніемъ развѣ русской, которая можетъ съ ней поспорить. Несомнѣнно и то̀, что эта литература, органически развиваясь изъ извѣстныхъ началъ, въ опредѣленномъ направленіи, дошла до послѣднихъ своихъ результатовъ, завершила полный кругъ генетическаго развитія и представляетъ собою законченное цѣлое. Но въ природѣ физической и духовной нѣтъ исчезновенія, а лишь преображеніе, и въ непрерывной цѣпи органическаго развитія людей и народовъ конецъ одного звѣна перекрещивается съ началомъ другого: завершила свой кругъ и преставилась литература старая, католическо-шляхетская, но зарождается и начинаетъ фазу новаго развитія литература народная, польско-славянская литература будущаго. Нѣтъ сомнѣнія, что она будетъ настолько оригинальнѣе по содержанію, свободнѣе по выраженію, богаче и разнообразнѣе старой, насколько народъ сильнѣе, живучѣе, даровитѣе и, наконецъ, справедливѣе сословія или касты. Что̀ теряла польская образованность, замыкаясь въ средѣ одного сословія, видно изъ тѣхъ немногихъ, но блестящихъ выскочекъ некультурныхъ сословій, которые по временамъ пролагали себѣ путь въ среду шляхетскую силою своего дарованія и знаній. Изъ мѣщанъ происходили Григорій изъ Санока, Мѣховитъ, Кромеръ, Дантышекъ, Яницкій, Марыцкій, Шимоновичъ, Кленовичъ, Морштыны, Несецкій, Сташицъ.

Если базой дальнѣйшаго развитія польской литературы и государства будетъ вся девятимилліонная народная масса, вмѣсто восьми сотъ тысячъ ея самозванныхъ представителей, то очень понятно, что эта культура будетъ десять разъ устойчивѣе, продолжительнѣе, богаче. Народъ, привыкшій къ труду, не будетъ съ такимъ высокомѣріемъ относиться къ чернорабочей ученой дѣятельности, къ усидчивому и настойчивому умственному труду, который шляхетскіе бѣлоручки предпочитали предоставлять низшимъ расамъ, какъ-то нѣмцамъ.

Новая польская культура, имѣющая развиться на почвѣ народной, славянской, не можетъ быть въ противорѣчіи съ другими славянскими и первенствующею въ ихъ средѣ русскою. Итакъ обновленіе польскаго народа въ отношеніяхъ литературномъ, соціальномъ и политическомъ можетъ произойти единственно и исключительно на почвѣ народности и панславизма.

А. Будиловичъ.

ПОЛЬСКІЕ ПОЭТЫ.

Я. КОХАНОВСКІЙ.

Янъ Кохановскій, пращуръ польской пѣсни и отецъ литературнаго польскаго языка, родился въ 1530 году въ Сичинѣ, въ Сандомирскомъ воеводствѣ. Весь родъ Кохановскихъ отличался поэтическимъ дарованіемъ: родной братъ его переводилъ «Энеиду» Виргилія, двоюродный писалъ мелкія стихотворенія, а племянникъ перевелъ «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса и «Неистоваго Орланда» Аріоста. Двадцати лѣтъ отъ-роду, Кохановскій отправился за-границу, гдѣ прожилъ семь лѣтъ, преимущественно въ Италіи и Франціи, учился въ Падуѣ, посѣтилъ Венецію, Римъ, долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ подружился съ извѣстнымъ французскимъ поэтомъ Ронсаромъ, и въ 1557 году возвратился въ Польшу. Король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ ему почетное званіе дворянина и почетный титулъ королевскаго секретаря, а другъ его, вице-канцлеръ Мышковскій, выхлопоталъ ему нѣсколько церковныхъ бенефицій и прелатуру въ капитулѣ познанскомъ, сопряжонныя съ хорошимъ доходомъ; но, не смотря на всѣ старанія Мышковскаго, Кохановскій не вступилъ въ духовное званіе, не чувствуя къ тому никакого призванія, и предпочелъ блестящей карьерѣ скромную, тихую жизнь частнаго человѣка. Онъ покинулъ дворъ, отказался отъ бенефицій, женился и поселился въ родной вотчинѣ своей Черполѣсьѣ. Когда, при Баторіѣ, товарищъ Кохановскаго по Падуанскому университету Замойскій предложилъ Кохановскому одно изъ сенаторскихъ мѣстъ — кастелянію полинецкую — Кохановскій отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что не желаетъ впускать въ свой домъ надмѣннаго кастеляна, который растратитъ все тô, что онъ, бѣдный шляхтичъ, собралъ своими трудами.

Любовь современниковъ къ Кохановскому была безпредѣльна; онъ слылъ княземъ поэтовъ, и каждый полякъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что Польша не имѣла никогда и не будетъ имѣть равнаго ему поэта. Онъ писалъ много и во всѣхъ родахъ. Изъ эпическихъ произведеній Кохановскаго лучшіе: «Шахматы», подражаніе итальянскому поэту Виду, «Сусанна», повѣсть взятая изъ Библіи, «Знамя» и «Походъ на Москву»; также весьма замѣчательна его драма «Отпускъ пословъ греческихъ», написанная имъ для Замойскаго, по случаю его сватьбы съ племянницею Баторія, и разыгранная въ 1578 году передъ королемъ Баторіемъ въ Уяздовѣ, близь Варшавы. Но тотъ родъ поэзіи, которымъ Кохановскій оказалъ огромное вліяніе на современниковъ и въ которомъ онъ достигъ совершенства и сдѣлался на два съ половиною столѣтія образцомъ для послѣдующихъ поэтовъ, была — лирика. Онъ сдѣлалъ полный переводъ псалмовъ Давида (1578), лучшій изъ всѣхъ, существующихъ досихъ-поръ, а также перевелъ пѣсни Анакреона, Сафо и оды Горація. Къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ Кохановскаго принадлежитъ собраніе его «Бездѣлокъ», изданное въ годъ его смерти. Конецъ жизни Кохановскаго омраченъ былъ раннею смертью любимой дочери поэта Урсулы, которую онъ называлъ *славянскою Сафо* и которой онъ надѣялся передать свою лиру въ наслѣдство. Кохановскій скончался въ 1584 году и погребенъ въ фамильномъ склепѣ, въ Зволенѣ.

I.

НЕ ТЕРЯЙ НАДЕЖДЫ!

Въ мірѣ что ни дѣйся —
Смертный все надѣйся!
Солнце не однажды сызнова взойдётъ;
Послѣ непогоды ярче день блеснётъ.

Глянь: лѣса раздѣты
До-нага; скелеты
Отъ деревъ остались; не цвѣтутъ поля;
Холодно; снѣгами кроется земля.

Тѣмъ еще утѣшнѣй
Будетъ праздникъ вешній;
Вновь міръ будетъ скоро солнышкомъ согрѣтъ,
Радужно раскрашенъ, зеленью одѣтъ.

Грусть и утѣшенье
На землѣ — въ смѣшеньѣ;
Если жь скорбь иль радость черезчуръ сильна—
Знай, что тѣмъ скорѣе перейдетъ она.

Человѣкъ предъ всѣми
Гордъ въ благое время,
А какъ дастъ фортуна пò носу щелчокъ —
Голову понурилъ онъ и изнемогъ.

Нѣтъ! при всякомъ часѣ
Духъ имѣй въ запасѣ
И всегда будь ровенъ! Жребій въ свой черёдъ
Пусть даетъ что хочетъ и назадъ берётъ!

Не вмѣняй въ утрату
Чтò еще возврату
Можетъ быть доступно! Въ часъ и въ мигъ одинъ
Возвратить все можетъ горній Властелинъ.

В. Бенедиктовъ.

II.

ИЗЪ «БЕЗДѢЛОКЪ».

1.

ЭПИТАФІЯ СОБѢХУ.

Здѣсь спитъ златой телецъ, почтенный мужъ
Собѣхъ,
Тугой своей кисой любовь снискавшій всѣхъ.
За-что, подумаешь, былъ славенъ въ самомъ дѣлѣ!
Не онъ вѣдь деньгами, а деньги имъ владѣли.

2.

НОСАСТОМУ ПРІЯТЕЛЮ.

О ты, чей длинный носъ—король между носами!
Будь солнечными намъ пожалуста часами:
Разинь на солнцѣ ротъ — узнàемъ мы сейчасъ
По тѣни на зубахъ твоихъ который часъ.

3.

НА ГРОБѢ ХМѢЛЕВСКАГО.

Борей и океанъ, свою натужа грудь,
Со свѣта бѣлаго меня рѣшились сдуть —
И точно сдунули: порвавъ въ клочки вѣтрило
И мачту сокрушивъ, волна меня прибила
Къ утесу голому на утлой лишь доскѣ;
Кругомъ — ни былія! Зарылся я въ пескѣ
И сплю себѣ... а ты, отважно въ океанѣ
Носящійся пловецъ, меня въ примѣръ заранѣ
Возьми и напередъ себя ты пріучи
Вдали распознавать волненья и смерчи.

4.

ЭПИТАФІЯ ПЕТРУ.

Намѣсто надписи картину здѣсь охоты
Велѣлъ я вырѣзать: взглянувъ, всякъ знаетъ,
кто ты,
Почившій вѣчнымъ сномъ подъ камнемъ хлад-
нымъ спимъ.
Но какъ, скажи мнѣ, Петръ, тебя мы воскресимъ,
Коли придетъ сюда чесаться звѣрь безъ страха,
Иль сядетъ на тебя невѣсть какая птаха?

5.

НА МОИ «БЕЗДѢЛКИ».

Найдешь «бездѣлки» здѣсь, мой другъ, ты всякой
масти,
Чтò кладка въ крѣпостяхъ: гранитъ въ передней
части,
Которая слыветъ у техниковъ *редутъ*;
А далѣе кирпичъ съ булыжникомъ кладутъ;
Въ серёдкѣ жь, по валамъ — тамъ мало ль чтò
кладется:
Песчаникъ, известнякъ и мусоръ—что придется...

6.

О ДОКТОРѢ ИСПАНЦѢ.

Спать уходитъ докторъ, говоритъ, что ужинъ
Вреденъ для желудка и ему ненуженъ.
Ладно, пусть уходитъ: мы вѣдь и въ постели
Доктора отыщемъ — и достигнемъ цѣли.
Только столъ оконченъ — всею мы гурьбою
Къ доктору-испанцу, взявъ вина съ собою,
Высадили двери: «здравствуй, докторъ милый!
Пей по доброй волѣ, иль заставимъ силой!»
Докторъ раскраснѣлся, что̀ твоя невѣста,
Говоритъ: «пожалуй, рюмкѣ будетъ мѣсто!»
Знаемъ мы натуру доктора тугую:
Наливаемъ рюмку, налили другую,
Налилй и третью, налили четвёрту,
А потомъ всѣ въ голосъ: «братья, счоты къ чорту»!
Говоритъ намъ докторъ: что̀ за случай странный:
Лёгъ совсѣмъ я трезвый, всталъ же точно пьяный!»

Н. Бергъ.

—

С. ШИМОНОВИЧЪ.

Симонъ Шимоновичъ, сынъ городского ратмана изъ Брезинъ, родился въ 1557 году. Онъ получилъ воспитаніе въ Краковской академіи, потомъ ѣздилъ въ Италію и во Францію, гдѣ подружился съ знаменитымъ гуманистомъ Іосифомъ Скалигеромъ, котораго совѣты имѣли рѣшительное вліяніе на его будущую литературную дѣятельность. По возвращеніи изъ-заграницы, Шимоновичъ поступилъ въ секретари къ канцлеру Яну Замойскому и много содѣйствовалъ ему въ учрежденіи академіи въ Замостьѣ, за что тотъ исходатайствовалъ Шимоновичу шляхетство и почетный титулъ королевскаго поэта. Шимоновичъ умеръ въ глубокой старости въ 1629 году. Его произведенія распадаются на два отдѣла: латинскія оды и польскія идилліи. Оставимъ всторонѣ оды и обратимся къ идилліямъ. Изучивъ основательно идилліи греческихъ и латинскихъ поэтовъ и весь проникнувшись ими, онъ началъ съ простыхъ переводовъ изъ Ѳеокрита, Виргилія и Овидія и съ такихъ передѣлокъ и подражаній, въ которыхъ все содержаніе оставалось антично и только пастухамъ и пастушкамъ давались славянскія имена. Но Шимоновичъ скоро замѣтилъ эту несообразность и сталъ брать темой для своихъ идиллій нравы дѣйствительные, а не воображаемые, идеализируя ихъ по возможности, то-есть — писать картины изъ сельскаго быта. Не смотря на важные недостатки идиллій Шимоновича, въ главѣ которыхъ стоитъ отсутствіе наивности и простоты, нѣкоторыя сцены поражаютъ своимъ реализмомъ, воспроизведеніемъ въ художественной формѣ народныхъ представленій и понятій, какъ напримѣръ, въ идилліяхъ «Чары» и «Каравай», а жалобы, влагаемыя имъ въ уста простого народа на его горькую судьбу, какъ въ идилліяхъ «Пастухи», «Жницы» и другія, обнаруживаютъ въ авторѣ не только художника, но и человѣка съ направленіемъ, мужественнаго гражданина.

ЖНИЦЫ.

ОЛЕСЯ.

Ужь полдень — мы все жнёмъ съ разсвѣта, какъ очнулись!
Иль хочетъ староста, чтобъ здѣсь мы растянулись?
Голоднаго никакъ, знать, сытый не поймётъ!
Ишь, съ плетью ходитъ онъ то взадъ, а то вперёдъ
По нашимъ бороздамъ, не вѣдая, что̀ значитъ
Въ зной жать согнувшися; вѣдь и ворона скачетъ
За плугомъ и плугарь тащится, а кому
Тяжеле всѣхъ изъ нихъ? — коню лишь одному!
Такъ тяжести въ серпѣ поболѣе чѣмъ въ плети.

ПЕТРУХНА.

Оставить бы тебѣ, сестра, ученья эти:
Не-то услышитъ онъ и съ плетью тутъ-какъ-тутъ.
Другія не ворча спокойно жнутъ да жнутъ
И цѣлыя домой за-то уносятъ спины.
Что̀ проку, посуди, быть битой безъ причины!
Вотъ я—такъ съ нимъ въ ладу: всегда его хвалю,
А все изъ-за чего? — быть битой не люблю.
Дай лучше запоёмъ! хоть пѣсня въ горлѣ стрянетъ,
Да дѣлать нѣчего: авось добрѣй онъ станетъ.
«Ахъ, солнце-солнышко! Златое око дня!
Умнѣй ты старосты лихова у меня:
Ты знаешь, солнышко, когда въ тебѣ потреба:
Уходишь ночью спать, а днемъ намъ свѣтишь съ неба;
Ему же мало дня: онъ хочетъ, чтобъ и въ ночь
Свѣтило ты какъ днёмъ, не уходило прочь.
И такъ весь день-деньской мы жнёмъ ему да пашемъ.

Не будешь, староста, ты краснымъ солнцемъ нашимъ!
Обиды отъ тебя мы все-таки снесёмъ
И красную тебѣ дѣвицу припасёмъ:
Пусть будетъ ужь одна, чѣмъ такъ тебѣ слоняться
И разомъ за пятью красотками гоняться!»

СТАРОСТА.

Эй! жать тамъ, не зѣвать! Проворнѣй и спорѣй!
За-то полудновать пущу васъ поскорѣй.
Вы все болтаете, Петрухна и Олеся!
Пой лучше, нежели ворчать тамъ, носъ повѣся!

ПЕТРУХНА.

«Ахъ, солнце-солнышко! Златое око дня!
Умнѣй ты старосты лихова у меня:
День за̀ день, круглый годъ свое ведёшь ты дѣло —
Онъ хочетъ, чтобы все въ единый мигъ поспѣло;
Ты, солнце, то печёшь, то вѣтру дашь дохнуть
И чола освѣжитъ намъ жаркія и грудь —
А онъ не дастъ присѣсть: весь день серпами машемъ...
Не будешь, староста, ты краснымъ солнцемъ нашимъ!
Мы знаемъ, староста, что̀ у тебя болитъ,
Но боли той никто изъ насъ не утолитъ
Тебѣ, хотя бъ съумѣлъ; да не гляди такъ кисло!
Ахъ, еслибъ у тебя кой-что̀ какъ плеть повисло!»

СТАРОСТА.

Эй, жать тамъ, не зѣвать! Работать не ворча!
И ты съ охотой бы другого курбача
Отвѣдала, я чай, Петрухна? Знаю, знаю...
Работай! Нешутя тебѣ напоминаю!

ПЕТРУХНА.

«Ахъ, солнце-солнышко! Златое око дня!
Умнѣй ты старосты лихова у меня:
То въ тучу кроешься, то снова свѣтишь ярко—
А намъ отъ старосты весь день какъ въ банѣ жарко:
Весь день какъ туча онъ, съ зари и до зари,
И въ очи страшныя ему не посмотри.
Ты, солнце ясное, служа небесъ красою,
Даешь твоей землѣ упиться въ ночь росою;
Поутру вновь росой намъ брызжешь съ небеси—
А мы у старосты воды не принеси
Себѣ въ полдневный зной, ни каравая хлѣба.
Не будешь, староста, ты солнцемъ середь неба!
И замужъ за тебя молодка не пойдётъ:
Ославимъ мы тебя лихимъ на весь народъ
И въ жоны старую дадимъ тебѣ мы бабу,
Совсѣмъ беззубую, противную какъ жабу;
Вотъ будетъ посмотрѣть, какъ ляжете вы спать
И вздумаетъ тебя та баба цаловать!»

ОЛЕСЯ.

Счастливъ, сестра, твой Богъ, что староста далёко
И на другихъ теперь наводитъ злое око.
Такія пѣсни пѣть ему ты не моги,
Не-то на красные достанешь сапоги,
Иль пестряди такой задастъ тебѣ онъ въ спину...
Смотри, какъ подчуетъ онъ бѣдную Марину,
Хотя чуть-чуть жива: цѣлёшенькую ночь
Въ постелѣ провела; работать ей не въ мочь,
Да силой выгнали, не староста — хозяйка.
И вотъ опять пошла гулять по ней нагайка,
А все за что̀, спроси: за длинный за языкъ:
Марина любитъ всѣмъ отрѣзать напрямикъ
И зачастую въ споръ вступаетъ съ господами;
А лучше бъ язычёкъ держала за зубами.
Плохія шутки тутъ, хоть нѣтъ вины ни въ чёмъ!
Ты слово старостѣ, а онъ тебя бичёмъ —
И будешь къ вечеру съ лихимъ магарычёмъ!

ПЕТРУХНА.

Ты правду говоришь, Олеся: нынче шутитъ,
А завтра онъ тебя опять согнётъ и скрутитъ:
Часъ часу неровёнъ! Но онъ бы ничего,
Да вотъ хозяюшка — Богъ съ нею — у него:
Вертитъ имъ такъ-и-сякъ и просто за носъ водитъ;
На что̀ ни поглядишь, все по ея выходитъ;
Сердита ль на кого — и онъ безъ дальнихъ словъ
Давай того пушить: со свѣту сжить готовъ.

ОЛЕСЯ.

Да, подлинно! На дняхъ у нихъ мы лёнъ чесали;
Двѣ огородницы со старостой болтали
О чёмъ-то въ сторонѣ: она подслушай ихъ,
Да вдругъ какъ налетитъ изъ сѣнцевъ изъ своихъ
И ну обѣихъ бить. Онъ — прочь: ему нѣтъ дѣла.
Ужь такъ-то имъ она, бѣднягой, овладѣла!
Побивъ порядкомъ тѣхъ, накинулась на насъ
И что̀ твоя змѣя шипѣла цѣлый часъ.

ПЕТРУХНА.

Отколь, подумаешь, взялось все это, Боже?
Диви бы человѣкъ: какъ мы, холопка тоже!
Вдругъ стала что̀ за фря! Старѣе всѣхъ старухъ,
А выйдетъ на село, разрядится вся въ пухъ:
И ленты алыя, и фартукъ съ фалборами...
Изъ всѣхъ хлопочетъ силъ туда жь за господами

Съ ужимкой говорить — и хрючетъ какъ свинья.
А паренёшница какая, мать моя:
Всѣхъ парней поѣдомъ, казалось бы, поѣла!
Влюбилась въ одного недавно, ошалѣла
Совсѣмъ, хоть умирать: знахарку позвала;
Та съ угля ей воды нашоптанной дала
Напиться, а не-то — подъ образа въ ту жь пору.
Что было на селѣ объ этомъ разговору!
А староста? На все глядитъ сквозь пальцы онъ:
То жь бабой этою какъ лѣшимъ обойдёнъ...
Гадаючи встаетъ она и спать ложится —
Не вѣришь? я тебѣ готова побожиться...

ОЛЕСЯ.

Чего! Я видѣла однажды и сама
Ее совсѣмъ нагой, хоть то была зима:
На зорькѣ вылѣзла она ползкомъ изъ хаты —
Отколѣ ни возьмись, самъ дьяволъ тутъ рогатый...
А гдѣ ввязался онъ, ужь тамъ добру не быть!
Съ однимъ лишь Господомъ спокойно можно жить;
Защитникъ намъ одинъ — Всевышній! А безъ Бога,
Присловье говоритъ, не смѣй и до порога!

ПЕТРУХНА.

А дьяволъ на одни наводитъ лишь грѣхи:
Вотъ лѣтось падалъ скотъ, а ныньче пѣтухи
Да куры дохнутъ все, хоть крупъ имъ сыпь перловыхъ;
Цыплятъ ни одного не выклюнулось новыхъ —
Все это отъ чего? Все дьяволъ, все-то онъ!
Въ хлѣвахъ и во дворѣ бѣда со всѣхъ сторонъ!

ОЛЕСЯ.

Что онъ всему виной, я съ этимъ не согласна:
По мнѣ такъ на него ссылаться тамъ напрасно,
Гдѣ просто недосмотръ и лѣность. Совершай
Все съ Богомъ, а сама однако жь не плошай!
Что лѣтось падалъ скотъ, что не клюютъ цыплята,
Повѣрь: не дьяволъ тутъ, а бабы виноваты.
Коль вѣтромъ у иной набита голова —
Какъ изъ пустыхъ хоромъ, оттуда лишь сова
Наружу вылетитъ. Плохое это дѣло,
Когда бы на печи иная все сидѣла,
А въ печку заглянуть, корову подоить
Самой, иль огурцовъ подъ осень насолить —
Куда! За-то въ корчму бѣжимъ мы что есть духу
И въ танцахъ съ парнями летаемъ легче пуху:
Привскочимъ—потолка чуть не достанемъ лбомъ;
Распустимъ фолбары — по хатѣ пыль столбомъ.

ПЕТРУХНА.

Я тоже думаю: хозяекъ добрыхъ мало;
Счастлива, муженька которая поймала:
Все въ руку будетъ ей, и не о чемъ тужить;
А безъ дружка куда на свѣтѣ плохо жить!
При мужѣ — цѣлый домъ, хозяйство все въ порядкѣ,
И жито съ полосы, и овощъ убранъ съ грядки,
И челядь во дворѣ, и курочка сыта,
И гостю широко открыты ворота.
Все у хозяюшки заботливой спорится,
Затѣмъ-что Господа всякъ-часъ она боится;
Кто жь Господа забылъ, тотъ строитъ домъ на льду
И быть ему потомъ у дьявола въ аду!

ОЛЕСЯ.

Эге! Да мудрая какая вдругъ ты стала!
Подобныхъ отъ тебя рѣчей я не слыхала:
Что книга говоришь! Признайся: неужель
Зазнобы и грѣха не знала ты досель?

ПЕТРУХНА.

Иное дѣло я, ино — хозяйка дому!
Мой грѣхъ одной лишь мнѣ надѣлаетъ погрому,
А если тамъ подчасъ закрадется бѣда...
Но видишь: староста опять идетъ сюда.
Какъ воронъ смотритъ онъ, нагайку грозно свѣся,
И слушаетъ. Давай споемъ ему, Олеся!
«Ахъ, солнце-солнышко! Разсыпь съ небесъ лучи
И старосту своимъ порядкамъ научи!
Средь бѣлаго ты дня на міръ сіяешь красной,
Въ ночь тёмную лунѣ гулять даешь ты ясной;
Богъ въ жоны далъ тебѣ красавицу-луну;
Такую жь староста пускай найдётъ жену:
Какъ ясная луна, красавицу съ достаткомъ.
Ахъ, солнце, научи его своимъ порядкамъ!
Какъ ты появишься, то звѣздъ намъ не видать;
Затеплится луна — горятъ онѣ опять.
Такъ все хозяина въ дому покорно волѣ,
А челядь слушаетъ свою хозяйку болѣ.
Ахъ, солнце-солнышко! разсыпь съ небесъ лучи
И старосту своимъ порядкамъ научи!
Ходя надъ нивами, долами и горами,
Ты осыпаешь ихъ обильными дарами;
Ты день приносишь намъ, когда жь уходишь прочь —
На небѣ и землѣ тогда и мракъ, и ночь:
Такія жь старостѣ пошли о насъ заботы:
Пусть во время почить даётъ намъ отъ работы!»

СТАРОСТА.

Ну, мастерица ты, Петрухна, пѣсни пѣть!
Хотя къ тебѣ моя и подбиралась плеть,

Но вышла изъ воды, проказница, ты сухо.
Идите полдничать! ступай и ты, воструха!

Н. Бергъ.

—

С. ТРЕМБЕЦКІЙ.

Станиславъ Трембецкій родился въ 1730 году въ селеньи Ястребники, не далеко отъ Кракова. Въ 1752 году онъ вступилъ въ число студентовъ Краковской академіи, гдѣ профессоръ и поэтъ Томецкій имѣлъ большое вліяніе на развитіе его поэтическаго таланта. По окончаніи курса, Трембецкій объѣхалъ Европу и засѣлъ въ Парижѣ, гдѣ вскорѣ перезнакомился съ извѣстнѣйшими тогдашними учоными и писателями французскими, не исключая и знаменитыхъ въ то время энциклопедистовъ, и кончилъ тѣмъ, что нашолъ доступъ къ двору Людовика XV. Продолжительное пребываніе въ Парижѣ обошлось Трембецкому не дёшево, что, наконецъ, и побудило его возвратиться домой.

Трембецкій писалъ бойко, имѣлъ тонкій вкусъ и былъ хорошо знакомъ съ латинскими классиками и даже съ мало-читаемыми въ то время старинными польскими поэтами періода Сигизмундовъ. Ему принадлежитъ слава перваго въ свое время стилиста; услуги оказанныя имъ языку — огромны. Самъ Мицкевичъ считалъ его первокласснымъ мастеромъ по отдѣлкѣ стиха, и научился у него многому. Лучшимъ произведеніемъ Трембецкаго считается его описательная поэма «Софіевка», воспѣвающая красоты сада графа Феликса Потоцкаго, устроеннаго этимъ магнатомъ близь Умани, уѣзднаго города Кіевской губерніи, и стоившаго ему милліоны. Обожатель Станислава Августа, онъ сопровождалъ этого злополучнаго короля по-всюду и даже въ Петербургъ, куда, по смерти Екатерины, король былъ вызванъ императоромъ Павломъ. Здѣсь Трембецкій прожилъ до смерти короля, послѣдовавшей въ 1798 году, послѣ чего воротился домой. Послѣдніе годы своей жизни обѣднѣвшій Трембецкій проживалъ то у Чарторыжскаго въ Грановѣ, то у Щенснаго Потоцкаго въ Софіевкѣ, то у Яна Потоцкаго въ Тульчинѣ. Трембецкій умеръ 12-го декабря 1812 года и погребенъ въ тульчинскомъ монастырѣ.

I.

ВОЗДУШНЫЙ ШАРЪ.

Гдѣ только орёлъ быстрымъ лётомъ своимъ
Птицъ робкихъ внезапно пугаетъ,
И гнѣвный Юпитеръ огнёмъ громовымъ
Воздушную область пронзаетъ —
Глядь — двое изъ смертныхъ летятъ! Побѣдить
Задумавъ искуствомъ природу,
И опытъ Икара рѣшась повторить,
Вознеслись они къ горнему своду.
Вздымаемый шаромъ раздутымъ, челнокъ
Несётъ ихъ; пловцы не робѣютъ.
Рулёмъ управляетъ невѣдомый рокъ,
А вѣтеръ командуетъ. Рѣютъ.
Ужь дольныя зданья чуть видимы. Взглядъ
Иныя встрѣчаетъ картины
И образы: вмѣсто тѣхъ стройныхъ громадъ
Въ туманѣ мелькаютъ руины.
Король и сенаторъ и пахарь простой
У смѣлыхъ пловцовъ подъ ногами
Смѣшались покрытые пылью густой,
Всѣ ползаютъ тамъ червяками.
Какъ мокраго дѣтскаго пальца слѣдокъ
Порой, на столѣ проведённый,
Такъ Вислы могучій, шумливый потокъ
Является имъ, измѣнённый.
Сбѣгается къ рѣдкой потѣхѣ народъ —
И сколько тутъ кликовъ, вопросовъ!
Летящихъ чаруетъ успѣшный полётъ:
По своему мыслитъ философъ.
Природа тройной хоть стѣной оградись —
Стремящійся въ даль понемногу
И въ глубь человѣческій разумъ и въ высь
Пробьётъ себѣ всюду дорогу.
Онъ дикую силу стихій превозмогъ,
И — съ ихъ ломовымъ произволомъ
Въ бореньи — отъ суши онъ воду отвлёкъ,
Горамъ повелѣлъ онъ быть доломъ;
Морямъ онъ свои поручилъ корабли;
Средь волнъ, побѣждающій бури,
Сокровища вырылъ изъ нѣдръ онъ земли
И плавать сталъ въ горней лазури.
Плыви, вознесись благороднѣйшій челнъ!
Силъ вражьихъ не бойся удара,
Твой подвигъ славнѣе средь жизненныхъ волнъ,
Чѣмъ подвигъ отважный Бланшара!

В. Бенедиктовъ.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «СОФІЕВКА».

Край утѣшный взору! Всѣ плоды земные!
Молока да мёду — рѣки разливныя!
Для коней летучихъ пастбище открыто:
Прядаютъ со ржаньемъ. А волы, волы-то!
Сколько ихъ тутъ бродитъ! что за великаны!
Здѣсь свой хвостъ тяжолый тучные бараны
Возятъ на колёсахъ. Почва плодотворна
Такъ, что ей посѣвомъ ввѣренныя зёрна
Быстро съ вавилонскимъ размноженьемъ спѣютъ.
На распашку взглянешь: нивы сплошь чернѣютъ.
Здѣсь людскою кровью тукъ земли умноженъ
И кусками труповъ щедро переложенъ:
Онъ досѣль, сохою взрытъ для жатвы новой,
Въ знакъ персидскихъ шествій кажетъ клыкъ слоновый.
Азія встрѣчалась тутъ съ мечёмъ Европы,
Съ шляхтой многократно рѣзались холопы,
Нивы золотыя въ степи обращались,
Безъ покосу травы дикія сгущались,
Кроя родъ пиѳоновъ — гадинъ ядовитыхъ;
А потомъ, хоть браней не было открытыхъ,
Мучили Украйну — дщерь любви и нѣги —
То вторженья Сѣчи, то татаръ набѣги.
Длился миръ немирный; тамъ — торчали пики,
Тамъ — свистѣли стрѣлы. Безпощадно-дики
Были силы вражьи. Злыя эти силы,
Да разбой, хищенье и сосѣдъ немилый
Жить въ глуши по-ддаль часто вынуждали
Тѣхъ, кто побогаче; въ люди попадали
И тучнѣли въ благахъ дерзкіе пришельцы,
Челядь да жолнерство, а землевладѣльцы
Отъ своихъ доходовъ малыя лишь части
Еле получали. Нынѣ жь всюду власти
Прочно утвердились, каждому открыты
Право и законность, всякъ — не безъ защиты,
Варварство исчезло, жизнь пошла иная,
И въ довольствѣ стала сторона родная
Тѣмъ, чѣмъ быть ей надо. Множество помчалось
Кораблей всесвѣтныхъ по̀ морю, что звалось
Негостепріимнымъ, чтобъ для всѣхъ потребнымъ
Запастись зерномъ тутъ сытнымъ, бѣлохлѣбнымъ.
Сдернута, упала смертная завѣса,
И, возставъ изъ гроба, принялась Одесса
Плодъ тотъ, землепашцевъ по̀томъ окроплённый,
Замѣнять блестящей выручкой червонной.
Вызваны порядкомъ мудрымъ изъ забвенья —
Глядь — преобразились бѣдныя селенья,
И пустынный уголъ населился — занятъ
И все пуще новыхъ поселенцевъ ма̀нитъ...

В. Бенедиктовъ.

А. НАРУШЕВИЧЪ.

Адамъ Нарушевичъ, епископъ Луцкій, поэтъ и историкъ польскій, родился въ 1733 году въ Пинскѣ. Потомокъ древней, но обѣднѣвшей литовской фамиліи, Нарушевичъ съ раннихъ лѣтъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ; затѣмъ, посланный за границу, объѣхалъ Италію, Францію и Германію, послѣ чего получилъ каѳедру піитики, сначала въ Виленской академіи, а потомъ въ дворянской коллегіи въ Варшавѣ. По уничтоженіи ордена іезуитовъ, вслѣдствіе чего Нарушевичъ остался безъ крова и хлѣба, онъ обратился къ королю съ риѳмованнымъ прошеніемъ, въ которомъ, перечисляя свои заслуги, выражалъ надежду, что не будетъ оставленъ монаршею милостью. Король дѣйствительно не оставилъ просьбы Нарушевича безъ вниманія и назначилъ его коадъюторомъ епископа смоленскаго, затѣмъ — епископомъ смоленскимъ и, наконецъ, съ 1790 году, епископомъ луцкимъ. Нарушевичъ знаменитъ и какъ поэтъ и какъ историкъ. Іезуитское воспитаніе пустило глубокіе корни, отъ которыхъ Нарушевичъ никогда не могъ освободиться. Отъ іезуитовъ перенялъ онъ напыщенный и шумно-торжественный слогъ своихъ высокопарныхъ одъ и другихъ лирическихъ стихотвореній, которыя только по языку стоятъ выше панегириковъ XVII вѣка, но по содержанію могутъ смѣло съ ними состязаться. Нарушевичъ плачетъ надъ гробомъ Августа III, и радуется восшествію на польскій престолъ Станислава Понятовскаго; славитъ своихъ благодѣтелей, князей Чарторыжскихъ, ихъ помѣстья, даже сани жены Адама Чарторыжскаго, и пишетъ оды и гимны на бракосочетанія разныхъ магнатовъ, по случаю полученія часовъ или ордена отъ короля, или при поднесеніи ему чернильницы. И не смотря на все это, въ напыщенномъ панегиристѣ жила душа великаго и доблестнаго гражданина, что доказываютъ многія его сатиры, въ которыхъ онъ, какъ проповѣдникъ и наставникъ народа, говоритъ правду просто, безъ прикрасъ и во-все-услышанье. Лучшими сатирами Нарушевича считаются: «Reduty», «Szlachetnosc», «Полякамъ стараго времени» и,

въ особенности, «Голосъ Мертвецовъ», въ которомъ онъ предрекаетъ смерть обществу.

Сильный талантъ, выказанный Нарушевичемъ въ сатирахъ, выдается еще рельефнѣе въ его «Исторіи Польскаго Народа», сочиненіи весьма замѣчательномъ какъ по плану, такъ и по выполненію. Исполняя желаніе своего царственнаго друга, короля Станислава Августа, предложившаго ему быть королевскимъ исторіографомъ Польши, Нарушевичъ покинулъ въ 1774 году Варшаву и цѣлыя шесть лѣтъ прожилъ въ глуши, среди полѣсскихъ болотъ, за кипами ветхихъ бумагъ. Наконецъ, въ концѣ 1779 года Нарушевичъ возвратился въ Варшаву съ готовыми первыми томами своей исторіи. Король помѣстилъ его во дворцѣ и лично слѣдилъ за печатаніемъ этихъ томовъ. Всѣ семь томовъ «Исторіи Польскаго Народа», съ древнѣйшихъ временъ до вступленія на престолъ дома Ягеллоновъ, были изданы въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ, начиная съ 1780 года. Главное достоинство этого капитальнаго труда Нарушевича заключается въ томъ, что онъ разсмотрѣлъ критически прошедшее Польши, отбросилъ сказочную сторону преданій и провѣрилъ источники. Правдивый, полный содержанія разсказъ Нарушевича имѣлъ для Польши точно такое значеніе, какое для русской исторіи повѣствованіе Карамзина. Печатая свой седьмой томъ, авторъ не подозрѣвалъ, что этотъ томъ будетъ послѣднимъ. Началась политическая сумятица, наступилъ четырехлѣтній сеймъ, въ которомъ долженъ былъ засѣдать и Нарушевичъ, какъ епископъ луцкій: гдѣ тутъ было заниматься сочиненіемъ исторіи! Въ послѣдній разъ Нарушевичъ имѣлъ свиданіе съ королемъ въ Семятичахъ, въ декабрѣ 1793 года, когда король возвращался съ Гродненскаго сейма: король совѣтовалъ ему продолжать начатый историческій трудъ; Нарушевичъ съ негодованіемъ замѣтилъ, что ему не для кого писать, и потому онъ не возьметъ пера въ руки. Нравственныя страданія окончательно разстроили здоровье Нарушевича и ускорили его кончину, которая послѣдовала въ 1796 году.

I.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГОЛОСЪ МЕРТВЕЦОВЪ».

Расторгнувъ связь любви и мира, какъ дитя —
Тѣхъ благъ, что подъ щитомъ верховной власти слиты —
Вы разбѣжались врозь, какъ стадо безъ вождя,
Лишонные всего — и крова и защиты.
Не бьются въ васъ сердца для общаго добра:
Настала клеветы и подлости пора.

Не знаемъ мы утѣхъ ни мира, ни войны
Съ-тѣхъ-поръ какъ отъ главы всѣ члены отдѣлились;
Ѳемида острый мечъ свой спрятала въ ножны,
Торговля умерла, работы прекратились,
Солдатъ забылъ войну, король—свой долгъ и санъ,
Панъ на крестьянъ налёгъ, священникъ на карманъ.

Сокровища страны и прежнихъ королей
Растрачены въ тиши изъ подлаго тщеславья;
Въ дворцѣ снуютъ толпы разряженныхъ вралей,
Влачащихъ жалкій вѣкъ подъ бременемъ безславья;
Коронное добро разсѣялось, какъ дымъ,
И вѣтеръ лишь свиститъ по замкамъ нежилымъ.

Подъ скипетромъ однимъ ведомые полки
Несмѣтностью своей народы изумляли.
Для нихъ свои дары сплавляли двѣ рѣки
И земли двухъ морей предъ ними трепетали.
Теперь нѣтъ ни бойцовъ, ни славы боевой;
За-то вождей въ чинахъ конецъ непочатой.

Когда на рой птенцовъ разящею стрѣлой
Спускается орёлъ съ разверстыми когтями,
Весь этотъ шумный рой у матери одной
Скрывается, шумя, подъ тёплыми крылами —
И эти перья вы рѣшились оборвать;
Но чѣмъ же васъ теперь прикроетъ эта мать?

Правленія нигдѣ во-вѣкъ не увидать
Такого, какъ у насъ, съ такими чудесами.
Зачѣмъ монаршему величію сіять,
Когда подъ маской той безсилье передъ нами?
Зачѣмъ искать владыкъ цѣною дорогой,
Когда всѣ короли пылаютъ къ намъ враждой?

Когда король — отецъ, чего жь его корятъ?
Когда король—монархъ, то гдѣ же подчинённость?
Когда—верховный вождь, чего жь онъ безъ солдатъ?
Когда король—судья, гдѣ жь правда и законность?
Безумна та страна, что тамъ ни говори,
Гдѣ вѣнценосцы лишь по имени цари.

Блуждающій табунъ гербовыхъ голышей!
Склоняяся во прахъ предъ хитрыми вождями,
Не знаешь ты, какъ зло надъ простотой твоей
Смѣются хитрецы, и сеймики годами

Срываютъ и клеятъ — и въ выгодѣ одни.
Свободы ищешь ты: свободны жь лишь они.

Ты за стаканъ вина, за вѣжливый поклонъ
Спокойно продаёшь отцовскую свободу;
Охрипнувъ отъ рѣчей, направленныхъ на тронъ,
Ты выбираешь въ сеймъ пословъ, вождямъ въ угоду.
Не для тебя они удятъ твоей удой;
Теперь ты пашешь самъ: начнутъ пахать тобой.

Н. Гербель.

II.

СОВѢТЪ ЗВѢРЕЙ.

Слышно, что гдѣ-то въ краю отдалённомъ, пустынномъ,
Въ Африкѣ, въ царствѣ звѣриномъ,
Между когтистыхъ звѣрей и обутыхъ въ копыта
Сладилась Рѣчь-Посполита.
Всё у *ихъ мосцей* при самомъ правленья начаткѣ
Шло въ надлежащемъ порядкѣ;
Жили всѣ мирно; дѣла всѣ рѣшались правдиво—
Такъ-что и людямъ на диво.
Волкъ на добычу не шолъ, пробираясь сквозь лозы:
Цѣлы и овцы и козы!
Грызться сперва человѣкъ съ человѣкомъ пустился:
Звѣрь у него научился.
Но недостатокъ въ казнѣ оказался однажды:
«Взносомъ поможетъ пусть каждый!»
Общество требуетъ. Тамъ, гдѣ всё шло полюбовно,
Подать платили всѣ ровно;
Слабыхъ, убогихъ стѣснять воспрещали законы:
Тотъ, кто имѣлъ милліоны,
Вровень платилъ съ бѣднякомъ и свой голосъ
Каждый имѣлъ, и боролось
Мнѣніе съ мнѣньемъ на сеймѣ. Въ собраньѣ
Слонъ теперь началъ воззванье:
— «Граждане! къ вамъ моя рѣчь здѣсь въ публичной бесѣдѣ,
Къ вамъ, о козлы и медвѣди,
Свиньи, волы и ослы! Именитые звѣри
Въ полной величія мѣрѣ!
Всѣмъ чтобъ равно помогать намъ пришлось безъ уклоновъ,
Всякъ, будь-то левъ иль ягнёнокъ,
Въ случаѣ кривды малѣйшей, закону противной,
Скарбу пусть жертвуетъ гривной!
Деньги большія въ казну черезъ это внесутся,
Страсти жь дурныя — уймутся.»
— «Это прекрасно!» сказала лисица сѣдая,
Рыжій свой хвостъ выправляя.
«Но, мнѣ сдаётся, что больше окажется сбору,
Ежели всякъ безъ разбору,
Послѣ различныхъ достоинствъ своихъ перечёту
Съ каждаго дастъ хоть по злоту:
Всѣ вѣдь охотно свои выставляютъ заслуги,
А на повинную — туги.»

В. Бенедиктовъ.

—

И. КРАСИЦКІЙ.

Игнатій Красицкій, епископъ вармійскій и славный польскій писатель, родился въ 1735 году въ мѣстечкѣ Дубецкѣ, въ Галиціи. Будучи старшимъ сыномъ и любимцемъ набожной матери, онъ предназначался къ духовному званію, и потому еще ребёнкомъ былъ отданъ на воспитаніе іезуитамъ въ Львовъ. По смерти отца, онъ былъ отправленъ своимъ опекуномъ въ Римъ для дальнѣйшаго образованія. Вернувшись на родину подъ конецъ царствованія Августа III, Красицкій сталъ быстро подниматься по ступенямъ церковной іерархіи. Въ Варшавѣ Красицкій подружился съ молодымъ стольникомъ литовскимъ, Станиславомъ Понятовскимъ, которому дяди его Чарторыжскіе прочили польскій престолъ. Сдѣлавшись королёмъ, Понятовскій назначилъ Красицкаго президентомъ малопольскаго суда. Съ 1766 года Красицкій началъ испытывать свои силы и на литературномъ поприщѣ, помѣщая статьи въ журналѣ «Мониторъ». Но всего болѣе онъ отличался на литературныхъ вечерахъ, у себя въ домѣ, куда собиралась вся знать и гдѣ бывалъ самъ король.

По смерти епископа вармійскаго, тридцатилѣтній Красицкій получилъ это богатое епископство, съ прибавленіемъ княжескаго титула. Молодой князь-епископъ поселился въ Варшавѣ и предался со страстью любимому своему занятію — литературѣ, хотя время не вполнѣ благопріятствовало литературнымъ трудамъ — время барской конфедераціи. Смуты улеглись съ первымъ раздѣломъ Польши, при которомъ Вармія отошла къ Пруссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончилась и политическая дѣятельность Красицкаго, и онъ тѣмъ съ большимъ рвеніемъ посвятилъ всего себя литературѣ. Его басни, сатиры, посланія и по-

вѣсти расходились по рукамъ и читались публикою съ величайшею жадностью. Обыкновенно онъ жилъ въ Гейльсбергѣ, откуда наѣзжалъ иногда въ Берлинъ и Санъ-Суси, куда приглашалъ его Фридрихъ Великій, который любилъ собирать вокругъ себя литераторовъ и учоныхъ, причёмъ отводилъ ему комнаты Вольтера, говоря, что воспоминаніе о послѣднемъ должно возбудить въ нёмъ поэтическое воодушевленіе: и дѣйствительно Красицкій написалъ здѣсь свою знаменитую поэму «Монахоманія, или война монаховъ», сочиненіе весьма остроумное и колкое, вызвавшее, съ одной стороны, ненависть монаховъ, съ другой — реформу монастырей. Поэма эта была отпечатана и выпущена въ свѣтъ въ 1775 году. Въ томъ же году издалъ онъ другую сатирическую поэму «Мышеисъ», основанную на преданіи о сказочномъ царѣ польскомъ Попелѣ, съѣденномъ мышами. Въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Красицкій, тяготясь ритмомъ, избралъ болѣе свободную форму романа съ тенденціей. Таковы его «Исторія», «Приключенія Николая Досвятчинскаго» и «Панъ Подстолій». Его «Исторія» есть злая насмѣшка надъ исторіографами, родъ мемуаровъ, написанныхъ неумирающимъ человѣкомъ. «Приключенія Досвятчинскаго» осмѣиваютъ модное воспитаніе, страсть къ заграничнымъ путешествіямъ, расточительность, крючкотворство адвокатовъ, продажность судей и политическія партіи. Въ романѣ «Панъ Подстолій» Красицкій изобразилъ идеальный типъ польскаго гражданина, какимъ онъ долженъ быть по его мнѣнію.

Подъ конецъ жизни Красицкій уже не писалъ болѣе. Получивъ отъ новаго прусскаго короля санъ архіепископа гнѣзненскаго, онъ съ грустью покинулъ Гейльсбергъ и въ 1801 году, отправляясь по дѣламъ митрополіи въ Берлинъ, умеръ тамъ 14-го марта того же года, на 66-мъ году отъ рожденія. Полное собраніе сочиненій Красицкаго было издано въ Варшавѣ, въ 10 томахъ.

КЪ ГРИГОРІЮ.

Всюду, нà-суши и въ морѣ,
Другъ-Григорій, горе, горе!
Вешній пиръ — златая младость:
Тутъ любовь, веселье, радость;
Но въ цвѣтахъ шиповъ есть много;
Радъ скакать, да смотрятъ строго.

Мужемъ сталъ — насъ въ годы эти
Бременятъ семейство, дѣти;
Сколько тутъ заботъ домашнихъ!
Думай о лѣсахъ, о пашняхъ;
Нѣтъ покоя: тамъ — медвѣди,
Тамъ — недобрые сосѣди.

Дальше — старость, время хлада:
Быть другимъ въ примѣръ тутъ надо;
Жребій намъ и худшій вѣдомъ
Наконецъ, какъ станешь дѣдомъ.
Всюду, нà-сушѣ и въ морѣ,
Другъ-Григорій, горе, горе!

В. Бенедиктовъ.

К. ВЕНГЕРСКІЙ.

Каэтанъ Венгерскій родился въ 1755 году. Сынъ незнатныхъ родителей, одарённый блестящимъ поэтическимъ талантомъ, онъ служилъ нѣкоторое время при дворѣ Станислава-Августа, въ званіи камергера, но вскорѣ нажилъ безчисленное множество враговъ, благодаря злому и острому языку, который не спускалъ даже самому королю, какъ это видно изъ слѣдующей остроумной эпиграммы, сказанной имъ по случаю сооруженія этимъ послѣднимъ памятника Яну Собѣскому:

Мильонъ на монументъ! Я бъ этотъ кушъ помножилъ,
Чтобъ Стась окаменѣлъ, а Янъ Собѣскій ожилъ.

Наконецъ, въ 1779 году, вслѣдствіе пасквиля на нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ дамъ, Венгерскій долженъ былъ оставить дворъ. Онъ отправился за границу, вёлъ жизнь очень весёлую, къ чему давала ему средства счастливая карточная игра, посѣтилъ Италію, Францію, Англію, Америку, и, наконецъ, истощивъ свои силы всевозможными излишествами, умеръ въ 1787 году отъ чахотки въ Марсели, будучи всего тридцати трехъ лѣтъ отъ роду.

«Венгерскій — говоритъ Спасовичъ — смотрѣлъ на жизнь какъ на шумную оргію, какъ на непрерывающійся маскарадъ; онъ былъ эпикуреецъ и воспѣвалъ одну только философію наслажденія. Мастеръ острить, въ остротахъ онъ всего болѣе подходилъ къ Вольтеру. Венгерскій осмѣиваетъ священнѣйшіе предметы, муза его любитъ не-

скромные, сладострастные разсказы, наконецъ онъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ цинизма во множествѣ грязныхъ стихотвореній, которые ходили въ рукописи по рукамъ, остались неизданными и могутъ соперничать съ знаменитѣйшими французскими произведеніями подобнаго свойства изъ послѣдней четверти восемнадцатаго вѣка.»

ФИЛОСОФЪ.

Есть ли деньги, нѣту ль денегъ —
И здоровъ и веселъ я.
Мнѣ — когда я не мошенникъ —
Нагота не въ стыдъ моя.

Если какъ-нибудь живётся,
То фортунѣ и поклонъ!
Часомъ тонко — такъ-что рвётся:
Я и тѣмъ не возмущёнъ.

Мнѣ и въ ходѣ самомъ тѣсномъ
Межь препятствій — не бѣда:
До того, чтобъ стать безчестнымъ,
Я не скорчусь никогда.

Велика ль моя потреба?
Обхожусь въ голодный часъ
И безъ бѣлаго я хлѣба
И безъ сочныхъ, цѣнныхъ мясъ.

Для значенья передъ свѣтомъ,
Чтобъ снискать его поклонъ,
Я не жажду быть одѣтымъ
Въ злато, бархатъ и виссонъ.

Гдѣ нужна для дружбы трата
Денегъ — прочь я отъ связей:
Не хочу цѣною злата
Покупать себѣ друзей.

Если дружба еле длится
И до чорнаго лишь дня
Угощеньями крѣпится —
Дружба та не для меня!

Такъ, несклонный къ дальнимъ тратамъ,
Самъ-большой въ своёмъ дому,
Я кажусь себѣ богатымъ,
Коль не долженъ никому.

В. Бенедиктовъ.

Ю. У. НѢМЦЕВИЧЪ.

Юліанъ Устинъ Нѣмцевичъ родился 4-го (16-го) февраля 1758 года, въ мѣстечкѣ Скокахъ, на самой границѣ Польши и Литвы. До двѣнадцати лѣтъ онъ воспитывался дома, подъ надзоромъ отца и богобоязненной матери. Въ 1776 году его опредѣлили въ Варшавскій кадетскій корпусъ. По окончаніи курса въ этомъ заведеніи, Чарторыжскій взялъ его къ себѣ въ адъютанты. 1783 — 1787 года онъ провёлъ за границею, причомъ побывалъ въ Римѣ, Парижѣ и Лондонѣ, познакомился съ многими знаменитыми людьми и въ 1788 году воротился въ Польшу. Затѣмъ, во время возстанія 1794 года, онъ былъ адъютантомъ у Костюшки, вмѣстѣ съ нимъ попался въ плѣнъ подъ Маціевцами и вмѣстѣ съ нимъ былъ выпущенъ, по повелѣнію императора Павла, изъ плѣна на честное слово. Получивъ свободу, Нѣмцевичъ уѣхалъ въ Америку и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Возвратившись оттуда, онъ былъ при Александрѣ I секретарёмъ сената въ Варшавѣ и предсѣдателемъ Общества Любителей Наукъ. Въ 1830 году онъ принималъ дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи, по усмиреніи котораго долженъ былъ бѣжать за границу. Долго странствовалъ онъ по разнымъ европейскимъ государствамъ, наконецъ поселился въ Парижѣ, гдѣ и умеръ 21-го мая 1843 года, на 83 году жизни. Нѣмцевичъ началъ писать очень рано и пробовалъ свои силы во всѣхъ родахъ: онъ писалъ басни, сатиры, баллады, драмы, романы и повѣсти, но ни въ одномъ изъ своихъ произведеній не съумѣлъ возвыситься надъ уровнемъ посредственности. Тѣмъ не менѣе онъ былъ человѣкъ живой, затрогивалъ всѣ животрепещущіе современные вопросы и постоянно ударялъ въ чувствительную струну патріотизма. Не смотря на всю слабость его «Историческихъ Пѣсенъ», послужившихъ образцомъ для «Думъ» Рылѣева, въ которыхъ Нѣмцевичъ хотѣлъ изобразить польскую исторію въ картинахъ, пѣсни эти въ свое время заучивались публикою наизусть.

I.

ЛЕШЕКЪ БѢЛЫЙ.

Покинута всѣми, одѣта небрежно,
Елена жмётъ къ сердцу печальному нѣжно
Любезнаго сына, крушится о нёмъ:
То Лешекъ, что *Бѣлымъ* былъ прозванъ потомъ.

«Ты веселъ», промолвила, «птенчикъ невинный;
Своей ты не вѣдаешь горькой судьбины:
Я стала вдовицей, ты сталъ сиротой;
Вельможные паны, зло-козненно глядя
На насъ, какъ настроилъ ихъ хитрый твой дядя,
Готовятъ погибель тебѣ, мой родной.

«Рождённый на свѣтъ для короны и царства,
Ты, бѣдный, ставъ жертвой людского коварства,
Всё въ мірѣ утратилъ! Въ своёмъ же краю,
Лишь матери скорбной къ родимому лону,
Скиталецъ, ты голову клонишь свою:
Гдѣ сыщешь иную еще оборону?»

«Сдержи, королева, слёзъ горькихъ потокъ!»
Еленѣ сказалъ престарѣлый Говдрокъ:
«Отцу я служилъ до конца, сколько могъ —
И сынъ его будетъ до гроба мнѣ дорогъ:
Доколь еще въ силахъ владѣть я мечёмъ —
Не будетъ терпѣть онъ обиды ни въ чёмъ.»

Шли годы. Росъ Лешекъ, по прозвищу *Бѣлый*,
Подъ старца надзоромъ, и доблести въ нёмъ
Росли, развивались. Правдивый и смѣлый,
Онъ шествовалъ Пястовъ достойнымъ путёмъ,
Искусенъ былъ въ рыцарскихъ ратныхъ забавахъ
И счастливо дѣйствовалъ въ битвахъ кровавыхъ.

Говдрокъ сердечной своей прямотой
Развилъ къ себѣ ненависть въ сферѣ придворныхъ.
Завистники къ Лешку приходятъ толпой
И просятъ отъ имени гражданъ покорныхъ,
Чтобъ Лешекъ Говдрка изгналъ отъ двора:
«Тогда надѣвай и корону! ура!»

Смиренная въ комнатѣ скромной сидѣла
Тогда королева въ нарядѣ простомъ,
Гдѣ золота даже она не имѣла
Ни блёстки единой — и Лешекъ притомъ
Былъ тутъ же, сидѣлъ погруженъ въ размышленье:
Его удивило пословъ предложенье.

Молчаніе длилось. Говдрокъ возсталъ:
«Прими», онъ смущонному Лешку сказалъ,
«И властвуй! Народъ тебѣ тронъ предлагаетъ:
И такъ — я дождался желаннаго дня!
Пусть край нашъ родной отъ того не страдаетъ,
Что зависть преслѣдуетъ злобно меня!

«Я старецъ: земной непрельщаемый властью,
Уйду въ уголокъ родовой я земли
И буду доволенъ изгнанника частью;
Ты жь смуты смири, мятежи удали
И всякое зло отъ родимаго края,
Правдиво и доблестно имъ управляя!

«Когда жь я услышу, дастъ Богъ, что того,
Кого я усердно воспитывалъ смлада,
Возлюбитъ народъ, какъ отца своего,
Пошлётся и мнѣ еще въ мірѣ отрада:
Изъ ссылки на тронъ твой я взоръ возведу
И, сладко утѣшенъ, въ могилу сойду.»

Въ слезахъ королева внимала, слезами
И всё заливались; а тронутый князь
На рѣчь ту отвѣтилъ такими словами:
«Нѣтъ, Лешекъ по самый послѣдній свой часъ
Не сможетъ забыть (долгъ тутъ сердцемъ указанъ)
Чѣмъ краю, себѣ и Говдрку обязанъ.

«Нѣтъ, я не хочу, чтобы тотъ человѣкъ,
Кто призрѣлъ меня, безпокровнаго, въ мірѣ,
Безвѣстнымъ изгнанникомъ кончилъ свой вѣкъ,
И сколько бы ни было блеска въ порфирѣ,
Въ коронѣ и скипетрѣ — для моего
Для сердца другъ вѣрный дороже всего.»

И чувствъ благородныхъ младой возвѣститель
Наградою взысканъ отъ Господа былъ:
Князь Польши, могучій въ бояхъ побѣдитель,
Самъ вскорѣ корону себѣ возвратилъ,
И старый Говдрокъ при жизненномъ склонѣ
Въ душевной отрадѣ зрѣлъ Лешка въ коронѣ.

В. Бенедиктовъ.

II.

ДУМА О СТЕФАНѢ ПОТОЦКОМЪ.

Слухъ къ моей пѣснѣ склони, молодёжь!
  Пѣсня моя — не къ забавѣ:
Нѣтъ, моя пѣсня — къ тому, да найдёшь
  Въ ней ты призваніе къ славѣ!
Слушай, какъ славы блестящій вѣнецъ
  Передъ воинственнымъ строемъ
Въ битвѣ стяжалъ себѣ юный боецъ,
  Павъ за отчизну героемъ.

Взрыты Подоліи злачной поля
  Грозной Хмѣльницкаго ратью;

Полнится стономъ и воемъ земля;
Нивы своей благодатью
Пахарь не тѣшится: бросилъ свой плугъ;
Плѣнницъ несчастную долю
Пастыри дѣлятъ; съ подругою другъ
Вмѣстѣ сдаётся въ неволю.

Счастіемъ, славой и старостью сытъ,
Вождь-Николай горе чуетъ
И о напасти всеобщей скорбитъ:
Чѣмъ онъ теперь уврачуетъ
Боли отечества? Старецъ вздохнулъ —
Взмокли слезами морщины:
Славное прошлое онъ вспомянулъ,
Полнъ безъисходной кручины.

Дѣйствовать радъ бы, да хилъ ужь — сѣдой,
Мечъ выпадаетъ изъ длани;
Есть у него только сынъ молодой,
Годный на подвиги брани.
Юный Потоцкій Стефанъ съединялъ
Съ ликомъ плѣнительнымъ силу
И при разсказахъ о битвахъ дрожалъ,
Преданъ воинскому пылу.

«Сынъ!» старый гетманъ сказалъ ему: «глянь!
Нуженъ отечеству воинъ,
Воинъ могучій: за родину стань!
Будь своихъ предковъ достоинъ!
Благо отчизны имѣй лишь въ виду!
Ты ей въ ограду поставленъ;
Я же счастливцемъ въ могилу сойду,
Если ты будешь прославленъ.

«Съ Богомъ!» И рыцарь отцомъ-старикомъ
Обнятъ. Родительскій голосъ
Сладокъ ему. Увѣнчалъ шишакомъ
Онъ чорно-кудрый свой волосъ.
Съ милой разстаться готовъ онъ: съ рѣсницъ
Брызжетъ слеза при поклонѣ,
Только её между дамъ и дѣвицъ
Онъ усмотрѣлъ на балконѣ.

Елизавета прекрасна, чиста,
Всѣмъ обожаема свѣтомъ;
Розы — ланиты, коралы — уста;
Вѣрность священнымъ обѣтамъ
Въ сердцѣ она своёмъ юномъ хранитъ:
Ею владѣть будетъ вправѣ
Тотъ лишь, кто явно себя отличитъ
Вѣрностью чувству и славѣ.

Рыцарь отважный, готовый къ борьбѣ,
Въ панцырѣ, въ шлемѣ — предъ нею:
«Всѣмъ», говоритъ, «я обязанъ тебѣ
Въ жизни сладчайшимъ, и всею
Этою жизнью я — твой. Призывать
Буду я въ битвѣ кровавой
Имя твоё и враговъ поражать...
Если жь паду, то — со славой!»

Рѣчь у него на устахъ замерла;
Елизавета жь, рыдая,
Бѣлую ленту съ себя сорвала
И, на него надѣвая,
Молвила: «бейся! Да всё возвратимъ
То, что утрачено нами!
Столько жь будь счастливъ ты, сколько любимъ,
И торжествуй надъ врагами!»

Трубъ раздаётся воинственный громъ;
Рыцари въ сборѣ тѣснятся;
Панцыри, шлемы сверкаютъ кругомъ;
Пыльные вихри крутятся.
Людъ любопытный и съ крышъ и съ воротъ
Смотритъ: всё вдругъ встрепенулось;
Мостъ передъ зàмкомъ опущенъ — и вотъ
Войско на бой потянулось.

Цѣлую ночь оно шло впопыхахъ:
Вотъ ужь и Жолтыя-Воды!
Солнце въ кровавыхъ взошло облакахъ,
Предзнаменуя невзгоды.
Вòйска ряды за рядами Богданъ
Въ полѣ широко раскинулъ;
Неустрашась числомъ ихъ, Стефанъ
Горсть своихъ ратниковъ двинулъ.

Бой заварился мгновенно. Огни,
Смерть разносящіе, рыщутъ;
Падаютъ шлемы, куда ни взгляни;
Стрѣлы пернатыя свищутъ.
Вдругъ, гдѣ опаснѣе, жарче былъ бой,
Вождь съ юнымъ пыломъ сердечнымъ,
Въ грудь пораженный враждебной стрѣлой,
Никнетъ, объятый сномъ вѣчнымъ.

Смертью младого вождя потрясёнъ,
Духъ его рати — въ упадкѣ;
Кликъ боевой обращается въ стонъ;
Къ праху его въ безпорядкѣ
Скорбные воины спѣшно идутъ,
Кровь его ранъ отираютъ

И на щитахъ своихъ тѣло несутъ:
«Сгибла надежда!» взываютъ...

И схоронивши вождя своего,
Близко къ его изголовью
Шлемъ привязали пернатый его
Лентой, забрызганной кровью.
Тамъ злополучная плачетъ одна
Въ темно-зеленой дубравѣ,
Плачетъ и стонетъ — до гроба вѣрна
Вѣрному милой и славѣ.

Спи, юный рыцарь, подъ сѣнью древесъ!
Пусть надъ могилой твоею
Мѣсяцъ пріязненно. свѣтитъ съ небесъ!
Прочіе жь воины, ею
Пусть вдохновляясь къ отважной борьбѣ,
Мчатся въ пылъ битвы кровавой
И со врагами, подобно тебѣ,
Бьются и гибнутъ со славой!

В. Бенедиктовъ.

К. БРОДЗИНСКІЙ.

Казиміръ Бродзинскій родился 24-го февраля (8-го марта) 1791 года въ Кролевцѣ, близъ Бохни, въ Галиціи. Сынъ бѣднаго шляхтича, онъ вдоволь натерпѣлся въ молодости отъ злой мачихи, которая его ненавидѣла, и отъ сельскаго учителя, который его больше билъ, чѣмъ училъ. Запуганный и впечатлительный мальчикъ бѣгалъ изъ дому къ крестьянамъ, которые не разъ его отогрѣвали и кормили, и съ бытомъ которыхъ онъ сроднился съ малолѣтства. Окончивъ курсъ въ тарновскомъ нѣмецкомъ училищѣ, осьмнадцатилѣтній Бродзинскій вступилъ, въ 1809 году, въ ряды польскаго войска; затѣмъ, въ 1812 году, въ чинѣ поручика, участвовалъ въ походѣ Наполеона въ Москву, испыталъ всѣ ужасы бѣгства великой арміи изъ Россіи, а въ 1813 году, въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, былъ взятъ въ плѣнъ пруссаками, которые отпустили его на честное слово. Этимъ и окончилась его военная дѣятельность. Въ 1814 году онъ поселился въ Краковѣ, въ 1818 — переѣхалъ въ Варшаву, а въ 1822 — получилъ каѳедру польской литературы въ Александровскомъ Варшавскомъ университетѣ и издалъ два томика своихъ стихотвореній. Спустя годъ, Бродзинскій написалъ лучшее свое произведеніе: «Всеславъ, краковская идиллія», сюжетъ которой взятъ имъ изъ воспоминаній молодости и представляетъ картину деревенской свадьбы по обычаю краковскихъ крестьянъ. Въ 1826 году Бродзинскій ѣздилъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, за границу, причемъ побывалъ въ Италіи, Швейцаріи и Парижѣ. По закрытіи, въ 1832 году, Варшавскаго университета, онъ, съ растерзаннымъ сердцемъ и удручённый болѣзнею, снова отправился за границу, на чешскія минеральныя воды; затѣмъ поселился въ Дрезденѣ, гдѣ и умеръ 10-го октября 1835 года. Его соотечественники поставили скромный мраморный памятникъ на его могилѣ, на Фридрихштадскомъ кладбищѣ. «Полное собраніе сочиненій К. Бродзинскаго» издано въ 1842—44 годахъ въ Вильнѣ, въ 10 томахъ. Кромѣ оригинальныхъ его сочиненій, здѣсь помѣщены и его переводы «Краледворской Рукописи», «Дѣвы Орлеанской» Шиллера, «Вертера» Гёте и другіе.

ЗАСЛАВЪ.

Птичка пѣсню лишь запѣла —
Грянулъ выстрѣлъ: омертвѣла
И упала; пышный кустъ
Безъ нея сталъ нѣмъ и пустъ;
Тщетны всѣ ея усилья:
На-всегда поникли крылья.

Молода и такъ мила —
Вдругъ дѣвица умерла:
Въ міръ нездѣшній, съ красотою,
Съ чудной сердца добротою,
Въ день одинъ, въ единый часъ
Лёгкой тѣнью вознеслась.

Не смягчишь судебъ устава:
Жребій бѣднаго Заслава —
Вѣчно слёзы проливать,
Безотрадно изнывать.
Въ ночь надъ тихою могилой
Слышенъ стонъ его унылый:

«Не видать ужь мнѣ тебя!
Безъ тебя, несчастный, я
Не наплачусь въ лютомъ горѣ,
Тѣнь возлюбленная! Вскорѣ
Ключь изсякнетъ слёзъ моихъ:
Оскудѣлъ источникъ ихъ.

«Здѣсь, лишась на-вѣки милой,
Взятой хладною могилой,
Я скитаюсь ночь и день —
И живая ходитъ тѣнь
За моею мёртвой тѣнью,
Присуждённою къ томленью.

«Съ недоступной высоты
На меня взираешь ты
Изъ селеній свѣтлыхъ рая,
Изъ безоблачнаго края:
Въ міръ твой, смертью ставъ летучь,
Я прорвусь сквозь область тучъ.

«Смерть! иди же — прямо, смѣло!
Преврати ты это тѣло
Въ прахъ презрѣнный! дай конецъ!
Попечительный отецъ,
Мнѣ открывъ земли утробу,
Да ведётъ меня ко гробу!

«И при пѣньи гробовомъ
Вольный духъ, взмахнувъ крыломъ,
Да взнесётся къ горнимъ безднамъ
И утонетъ въ морѣ звѣздномъ,
Гдѣ съ возлюбленною онъ
Будетъ вѣчно съединёнъ!»

Глядь! вверху, въ эѳирѣ чистомъ,
Блещетъ поясомъ лучистымъ,
Высшей прелести полна,
Ненаглядная — *она*,
И слетаетъ въ лѣсъ, свѣтлѣя,
А въ рукѣ у ней лилѣя.

Стеблемъ бѣлаго цвѣтка
Къ груди милаго слегка
Прикоснулась: «все земное
Брось!» — сказала — «и за мною
На блаженство улетай
Въ тотъ высокій, свѣтлый край!»

И мгновенно прахомъ стало
Это тѣло, гдѣ витало
Столько свѣтлаго въ тѣни,
И, какъ ангелы, они,
Пыль стряхнувъ съ себя земную,
Полетѣли въ высь родную.

В. Бенедиктовъ.

—

А. МАЛЬЧЕВСКІЙ.

Антонъ Мальчевскій, сынъ польскаго генерала и польскій поэтъ, родился въ 1792 году въ городѣ Дубнѣ, на Волыни, гдѣ получилъ блистательное аристократическое воспитаніе во французскомъ духѣ въ домѣ родителей. Побывавъ нѣкоторое время въ Кременецкомъ лицеѣ, онъ вступилъ въ 1811 году въ польскую службу охотникомъ, въ которой прослужилъ до 1815 года; потомъ пять лѣтъ пространствовалъ за границею, прожилъ все свое состояніе, насладился всѣми благами свѣтской и роскошной жизни, причёмъ познакомился съ лучшими представителями западно-европейскаго общества, съ литераторами, учоными и артистами. Нервный и раздражительный, онъ болѣзненно страдалъ отъ всякой неудачи, отъ каждаго неудовлетворённаго желанія. Близкое знакомство съ Байрономъ, съ которымъ онъ сошолся въ Венеціи, только усилили въ нёмъ эту наклонность къ постояннымъ сѣтованіямъ на судьбу. Говорятъ, что разсказъ Мальчевскаго о Мазепѣ вдохновилъ Байрона и послужилъ ему темою для поэмы. Съ другой стороны Мальчевскій поддался вліянію неукротимой натуры пѣвца «Чайльдъ-Гарольда» — и сдѣлался его подражателемъ въ поэзіи. Если у Байрона разочарованіе жизнью выражалось ненавистью и презрѣніемъ къ людямъ и осмѣяніемъ всего святого для человѣка, то у Мальчевскаго то же пресыщенье жизнью выражалось въ снѣдающей его тоскѣ. «Я много ѣлъ горькихъ, отравленныхъ яствъ», говоритъ польскій поэтъ: «на моёмъ увядшемъ лицѣ зажилась блѣдность, потому-что изъ моей одичалой души искоренена радость».

Мальчевскій принадлежитъ къ небольшому кружку польско-украинскихъ поэтовъ, которые, почти въ одно время и безъ всякаго между собою соглашенія, стали воспѣвать необозримую ширь южно-русскихъ степей, подвиги ихъ обитателей — украинскихъ козаковъ, ихъ борьбу съ польскимъ шляхетствомъ, и вдохновляться чудными мотивами пѣсенъ малорусскаго народа, его повѣрьями и обычаями. Мальчевскій, какъ поэтъ, былъ вовсе не извѣстенъ при жизни, и единственное его произведеніе, небольшая поэма «Марія», напечатанная въ 1825 году въ Варшавѣ, не имѣла ни малѣйшаго успѣха и даже не окупила издержекъ изданія, и только много лѣтъ спустя, когда авторъ давно лежалъ въ могилѣ, сдѣлалась самымъ популярнымъ поэтическимъ

произведеніемъ въ Польшѣ. Мальчевскій умеръ въ 1826 году.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МАРІЯ».

Скажи мнѣ, куда ты, козакъ черноокой,
Куда ты несёшься по степи широкой?
Томимый тоскою, объятый природой,
Быть-можетъ, ты хочешь упиться свободой?
Иль, степи родимой всѣ вѣдая тайны,
Ты хочешь помѣриться съ вѣтромъ Украйны?
Иль милая ждётъ средь желтѣющей нивы —
И къ ней ты стремишься весёлый, счастливый?
Ты взглядомъ орлинымъ окрестность окинулъ —
И бросилъ поводья, и шапку надвинулъ...
Какъ облако, пыль за собой подымая,
Поёшь ты про славу родимаго края...
Твой конь черногривый хозяина знаетъ:
Онъ вѣтеръ могучій въ степи обгоняетъ...
Бѣги, черноморецъ, съ телѣгой скрипучей —
Сынъ степи нагрянетъ громòвою тучей
И соль твою вихремъ размѣчетъ по полю:
Онъ полонъ отваги и любитъ лишь волю.
О, ласточка! быстро ты въ небѣ летаешь,
Ты многое видѣла, многое знаешь!
Быть-можетъ, ты хочешь, кружась и летая,
Ему что повѣдать? Спѣши, дорогая,
Съ нимъ тайной завѣтной своей подѣлиться:
Ты круга не кончишь — козакъ ужь промчится.

П. Козловъ.

И. ХОДЗЬКО.

Игнатій Ходзько родился въ 1795 году. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ у базиліанъ, откуда поступилъ, въ 1811 году, въ Виленскій университетъ на философскій факультетъ. Здѣсь дружба съ нѣкоторыми польскими литераторами и покровительство родного дяди, Яна Ходзько, побудили его вступить на литературное поприще. Онъ былъ судьею въ Виленскомъ уѣздѣ, а потомъ инспекторомъ тамошнихъ училищъ.

Ходзько извѣстенъ въ польской литературѣ какъ хорошій поэтъ, а еще болѣе, какъ авторъ прелестныхъ «Литовскихъ Картинъ» — цѣлаго ряда разсказовъ и повѣстей, взятыхъ изъ свѣжихъ преданій и изъ собственныхъ воспоминаній разсказчика. Лучшіе изъ этихъ разсказовъ: «Домикъ моего дѣда», «Берега Виліи», «Юбилей», «Авторъ сватомъ», «Домъ на Антоколѣ» и «Два разсказа изъ прошлаго». Разсказы эти, раздѣлённые на двѣ части и пять серій, были отпечатаны въ Вильнѣ въ 1852—1857 годахъ. Ходзько умеръ въ Вильнѣ въ 1861 году.

I.

МОЛОДЕЦЪ.

Съ конца въ конецъ мой конь гонецъ
Обрыскалъ свѣтъ:
Гдѣ я леталъ, мой врагъ пропалъ —
И слѣду нѣтъ...

Въ Литвѣ, въ Руси людей спроси,
Кто вѣдалъ бой:
Чей рогъ звучитъ, чей конь бѣжитъ
Вотъ такъ, какъ мой?

Моихъ коровъ среди луговъ
Взошла трава;
На нивѣ рожь волнится сплошь;
Хмѣль — деревà.

Да и въ дому найдёмъ кому
Припрятать сотъ:
Мои краснà — что день ясна —
Красотка ткётъ.

Взялъ на лету я пташку ту
Съ чужихъ полей:
«Вотъ клѣтка — пой; простись съ родной,
Да слёзъ не лей!

«Простись съ отцомъ: за молодцомъ
Въ лѣса — дубнякъ!
Литвина знай — не знай — ласкай:
У насъ вѣдь такъ!»

Л. Мей.

II.

ПѢСНЯ.

Если хочешь видѣть лѣто,
На себя взгляни, мой ангелъ:
Взоръ твой блещетъ ярче солнца,
Вѣетъ розою дыханье,
Очи свѣтятся лазурью.

Если жь хочешь видѣть осень,
Загляни ко мнѣ на сердце:
Въ нёмъ порывы — вихри бури,
Степь заглохшая — надежды,
Мысли — тучи дождевыя.

О, пусть только бъ взглядъ твой нѣжный
Мнѣ блеснулъ лучомъ надежды —
Бурный вихрь повѣетъ розой,
Степь покроется цвѣтами,
Мысль заблещетъ яркимъ солнцемъ.

Если жь я напрасно буду
На призывъ искать отвѣта —
Мракъ падётъ ко мнѣ на очи,
Въ сердцѣ холодъ разольётся,
Улетитъ душа во вздохахъ...

С. Дуровъ.

—

А. МИЦКЕВИЧЪ.

Адамъ Мицкевичъ, величайшій изъ польскихъ поэтовъ, родился наканунѣ Рождества 1798 года, въ старинной столицѣ Миндовга Новогрудкѣ, Минской губерніи. Родители его принадлежали къ числу небогатыхъ мелкихъ помѣщиковъ и жили въ стѣснённомъ положеніи, обременённые довольно значительнымъ семействомъ. Отецъ его былъ адвокатъ. Первоначальное воспитаніе Мицкевичъ получилъ въ доминиканскомъ училищѣ въ Новогрудкѣ, откуда перешолъ въ Минскую гимназію и, наконецъ, въ 1815 году, въ Виленскій университетъ, гдѣ слушалъ Лелевеля, познакомился съ нѣмецкою критикою въ примѣненіи къ классической филологіи, много читалъ и даже порывался писать, находя горячее сочувствіе и поддержку въ кружкѣ своихъ университетскихъ товарищей. Первые опыты молодого поэта не обѣщали ничего особеннаго. По окончаніи университетскаго курса, Мицкевичъ сначала хотѣлъ-было посвятить себя изученію химіи, но потомъ увлёкся литературой и опредѣлёнъ учителемъ латинскаго и польскаго языковъ въ уѣздное училище въ Ковнѣ. Первое время въ Ковнѣ онъ жилъ уединённо, мрачнымъ нелюдимомъ, но потомъ снова принялся за перо и написалъ двѣ первыя большія свои поэмы: «Поминки» и «Гражину», которыя издалъ въ свѣтъ, вмѣстѣ съ мелкими своими стихотвореніями, въ 1822 и 1823 годахъ, въ двухъ небольшихъ томахъ. Эти два томика упрочили славу Мицкевича и поставили его въ мнѣніи общества на ряду съ первыми польскими поэтами. Правда, въ его стихахъ было замѣтно вліяніе романтизма Гёте и Байрона, но и сквозь этотъ чужеземный туманъ ярко проглядывала оригинальность славянскаго поэта. Въ 1823 году онъ оставилъ Ковно и окончательно поселился въ Вильнѣ. Здѣсь, окружонный любовью и довѣріемъ своихъ старыхъ товарищей и всѣхъ знавшихъ его, поэтъ охотно импровизировалъ на шумныхъ сборищахъ, при звукѣ музыки, за бокаломъ шампанскаго. Это была самая счастливая пора его жизни. Ее прервало событіе, которое сильно потрясло его, дало новый строй его чувствамъ, и его мыслямъ новое направленіе, которому онъ остался вѣренъ до конца жизни. За участіе въ одномъ изъ виленскихъ тайныхъ обществъ, онъ былъ арестованъ въ ноябрѣ 1823 года и высланъ въ Петербургъ, гдѣ прожилъ одиннадцать мѣсяцевъ. Затѣмъ, Мицкевичъ былъ отправленъ, по собственному желанію, въ Одессу, для опредѣленія профессоромъ въ Ришельевскій лицей, но этотъ проэктъ не осуществился, по неимѣнію вакантныхъ каѳедръ. Онъ пробылъ безъ всякихъ занятій девять мѣсяцевъ въ Одессѣ, побывалъ въ Крыму, оттуда вывезъ впечатлѣнія для своихъ «Крымскихъ Сонетовъ» и «Фариса». Изъ Одессы онъ былъ переведенъ въ концѣ 1825 года въ Москву, гдѣ и зачисленъ на службу въ канцелярію военнаго генералъ-губернатора. Въ 1828 году Мицкевичъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ подружился съ Пушкинымъ и нашолъ самый радушный пріемъ въ аристократическихъ салонахъ и у поляковъ, осѣдлыхъ въ столицѣ. Здѣсь онъ познакомился съ семействомъ знаменитой піанистки Маріи Шимановской, на дочери которой, Сэлинѣ, въ то время малюткѣ, онъ и женился пятнадцать лѣтъ спустя. Здѣсь же напечаталъ онъ свою знаменитую поэму «Конрадъ Валенродъ», написанную имъ во время странствованій по Россіи. Основная мысль поэмы не могла остаться тайною для многихъ и потому дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось для поэта не совсѣмъ удобнымъ и даже не ловкимъ. Онъ добылъ себѣ, при помощи друзей, заграничный паспортъ и 25-го іюня 1829 года отплылъ изъ Кронштадта, чтобы никогда уже не возвратиться въ Россію.

Въ Германіи онъ посѣтилъ Гёте, потомъ, черезъ Швейцарію и Альпы, пробрался въ Италію—

въ Римъ, гдѣ вдохновляясь и восторгаясь памятниками прошедшаго, прислушивался чуткимъ ухомъ къ польскому движенію 1831 года. Передъ самымъ концомъ польскаго возстанія, Мицкевичъ внезапно оставилъ Римъ и отправился въ Польшу; но, не доѣзжая границы, узнавъ, что борьба окончилась, удалился въ Дрезденъ, гдѣ написалъ третью часть «Поминокъ», отличающуюся энергіею, мистицизмомъ и странными идеями, отвергаемыми разсудкомъ. Онъ описываетъ сцены своего заключенія въ Петропавловской крѣпости, потомъ—ни съ того, ни съ сего—помѣщаетъ какія-то странныя заклинанія и волхвованія, не представляющія даже ничего поэтическаго. Жоржъ Зандъ почему-то ставитъ названную поэму выше «Фауста» и «Манфреда», тогда-какъ она не только не можетъ идти въ сравненіе съ этими образцовыми произведеніями двухъ величайшихъ поэтовъ Германіи и Англіи, но даже гораздо ниже «Конрада Валенрода». Въ третьей части «Поминокъ» Мицкевичъ даже перестаетъ быть католикомъ: передъ нимъ носится образъ библейскаго личнаго Бога, окружоннаго миріадами безплотныхъ духовъ, и протестъ его противъ сущаго во имя чувства, оскорбляемаго слезами и кровью, несправедливостью и страданіями милліоновъ людей, доходитъ до богохульства. Въ 1832 году Мицкевичъ написалъ и издалъ въ Авиньонѣ «Книгу польскаго пилигримства», родъ эмигрантскаго евангелія. Въ этомъ крайне-слабомъ произведеніи онъ даже отказывается отъ самой поэзіи и начинаетъ проповѣдывать своимъ соотечественникамъ библейскою и народною прозою о назначеніи Польши въ будущемъ. Друзья Мицкевича стали безпокоиться, видя его мистическое настроеніе; даже сами католики не одобряли его «Пилигримовъ».

Еще во время своего пребыванія въ Римѣ, въ 1831 году, Мицкевичъ сошолся съ извѣстнымъ польскимъ писателемъ, графомъ Генрихомъ Ржевуцкимъ, который по своимъ фамильнымъ связямъ и по своей обширной памяти служилъ, такъ-сказать, живою лѣтописью лицъ и событій старой Польши, которыя онъ описывалъ и разсказывалъ съ поразительнымъ талантомъ. Сближеніе обоихъ этихъ писателей подѣйствовало плодотворно на каждаго изъ нихъ. Ржевуцкій, по совѣту Мицкевича, взялся за перо и написалъ свои «Записки Соплицы», въ которыхъ прошедшее представилось Мицкевичу съ новой стороны: онъ убѣдился, что для исторической поэмы не-зачѣмъ рыться въ старо-литовскихъ хроникахъ, что достаточно посмотрѣть сквозь призму лѣтъ издалека на свои собственныя юношескія воспоминанія, взять за основу шляхетское прошлое, слишкомъ презираемое и оклеветанное за-то именно, за что бы его слѣдовало хвалить, а не порицать — однимъ словомъ, снять съ этого прошедшаго заслоняющую его кору буржуазныхъ воззрѣній, наслоившихся въ восемнадцатомъ столѣтіи. Подъ вліяніемъ этой мысли, Мицкевичъ написалъ лучшее свое поэтическое произведеніе, свой знаменитый эпосъ въ двѣнадцати книгахъ «Панъ Тадеушъ», изображающій жизнь и бытъ литовскихъ губерній до войны 1812 года. Мицкевичъ началъ свою поэму въ Познани, которую онъ посѣтилъ осенью 1831 года, а окончилъ въ 1834 въ Парижѣ, гдѣ онъ поселился за годъ передъ тѣмъ.

Удаленіе изъ отечества оказало свое обычное дурное вліяніе на творчество поэта, лишивъ его освѣжающей наблюдательности за перемѣнами, происходящими въ средѣ общества на родной почвѣ. Къ тоскѣ по родинѣ присоединились еще семейныя хлопоты. Слыша похвалы дѣвицѣ Сэлинѣ Шимановской, которую онъ оставилъ ребёнкомъ въ Петербургѣ, Мицкевичъ проговорился передъ друзьями, что онъ охотно бы на ней женился. Друзья устроили дѣло: вызвали Сэлину въ Парижъ и въ августѣ 1835 года отпраздновали свадьбу; за свадьбою пошли дѣти, заботы о насущномъ хлѣбѣ. Въ 1839 году Лозанская академія предложила Мицкевичу каѳедру латинской словесности. Курсъ его имѣлъ большой успѣхъ. Въ это время министръ народнаго просвѣщенія во Франціи, Кузенъ, задумалъ учредить въ Collége de France каѳедру славянскихъ литературъ и предложилъ ее Мицкевичу. Поэтъ принялъ предложеніе министра — и курсъ открылся въ 1840 году. Исторія этого курса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія умственнаго паденія Мицкевича. Здѣсь-то развились и созрѣли въ нёмъ тѣ задатки мистицизма, которые существовали въ нёмъ всегда и коренились въ особенностяхъ его психической организаціи. Къ довершенію несчастія, около этого времени появился въ Парижѣ нѣкто Товянскій, странная личность: полушарлатанъ, мистикъ съ религіознымъ ученіемъ, которое во многомъ отклонялось отъ преданій католической церкви. Славянскіе курсы приняли странное направленіе. Сдѣлавшись ревностнымъ послѣдователемъ ученія Товянскаго, Мицкевичъ изъ про-

фессора превратился въ проповѣдника и прорицателя, изъ каѳедры сдѣлалъ орудіе религіозной пропаганды, сталъ предсказывать скорое пришествіе Мессіи, предтечею котораго, по его мнѣнію, былъ Наполеонъ I. Французское правительство нашлось вынужденнымъ закрыть курсы славянскихъ литературъ, естественнымъ слѣдствіемъ чего была потеря Мицкевичемъ каѳедры въ Collége de France. Въ 1848 году Мицкевичъ отправился въ Италію, гдѣ Пій IX принялъ его очень ласково; затѣмъ, онъ вернулся въ Парижъ и получилъ мѣсто помощника библіотекаря въ арсеналѣ. Съ восшествіемъ Наполеона III на французскій престолъ, въ Мицкевичѣ ожили всѣ давнишнія надежды, которыя онъ возлагалъ на Францію, печальнымъ доказательствомъ чего служитъ жалкая ода поэта въ честь этого государя, и поѣздка его въ Константинополь съ порученіемъ отъ французскаго правительства содѣйствовать образованію польскихъ легіоновъ въ Турціи. Труды переѣзда и всякаго рода лишенія разстроили здоровье Мицкевича, и онъ умеръ вскорѣ по прибытіи въ Константинополь, 28-го ноября 1855 года, на пятьдесятъ седьмомъ году. Тѣло его было перевезено обратно во Францію и похоронено въ Монморанси, близъ Парижа.

I.

ВОЕВОДА.

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальну кинулся къ постелѣ —
Дернулъ пологъ: въ самомъ дѣлѣ —
Никого: пуста кровать.

И — мрачнѣе чорной ночи —
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ;
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ:
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!.. Дай ружьё;
Приготовь мѣшокъ, верёвку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. Я жь её!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ и — сквозь вѣтвей —
На скамейкѣ у фонтана
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна —
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «всё пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье —
Воевода всё купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побрякалъ онъ —
И ему ты отдалась.

«Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать,
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья
И потомъ на-вѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ;
Онъ колѣна ей цалуетъ;
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ —
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно»,
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
«Вѣтеръ что ли, плачутъ очи,
Дрожь берётъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ, лѣвѣе... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише —
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался.
Хлопецъ пана не дождался;

Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся…
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

А. Пушкинъ.

II.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришолъ толковать съ молодцами.
«Дѣти, сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

«Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода:
Пазъ идётъ на поляковъ, а Ольгердъ на прусаковъ,
А на русскихъ — Кестутъ-воевода.

«Люди вы молодые, силачи удалые —
(Да хранятъ васъ литовскіе боги!)
Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду:
Трое васъ — вотъ и три вамъ дороги.

«Будетъвсѣмъ по наградѣ: пусть одинъвъНовѣградѣ
Поживится отъ русскихъ добычей.
Жоны ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

«А другой отъ прусаковъ, отъ проклятыхъ крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогого:
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта,
Янтарю — что песку тамъ морского.

«Третій съ Пазомъ на ляха пусть ударитъ безъ страха:
Въ Польшѣ мало богатства и блеску;
Сабель взять тамъ не худо; но ужь вѣрно оттуда
Привезётъ онъ мнѣ нà домъ невѣстку.

«Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы:
Весела — что котёнокъ у печки,
И какъ роза румяна, а бѣла — что сметана;
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки.

«Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже,
И оттуда привёзъ себѣ жонку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про неё, какъ гляжу въ ту сторонку.»

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждётъ-пождётъ ихъ старикъ домовитый —
Дни за днями проводятъ: ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: «ужь видно убиты!»

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
«Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге — не рубли ли?»
— «Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.»

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
Чорной буркой её покрывая.
«Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»
— «Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.»

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Чорной буркой её прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужь не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

А. Пушкинъ.

III.

СВИТЕЗЯНКА.

Ктò этотъ мòлодецъ статный, красивый?
Чтò за дѣвица съ нимъ, краснымъ?
Вдоль по прибрежью Свитѣзи бурливой
Идутъ при мѣсяцѣ ясномъ.

Оба малины набрали въ кошницы,
Вьютъ по вѣнку себѣ оба:
Знать, онъ — желанный красотки-дѣвицы,
Знать, она парня зазноба.

Каждую полночь въ тѣни осокори
Онъ ее здѣсь поджидаетъ:
Мòлодецъ — ловчій въ сосѣдственномъ борѣ,
Дѣвица… кто ее знаетъ!

Богъ вѣсть — когда и откуда приходитъ,
Богъ вѣсть — куда исчезаетъ!
Мокрой былинкой надъ озеромъ всходитъ,
Искрой ночной пропадаетъ.

— «Полно таиться со мной, дорогая!
Вымолви слово, для Бога:
Гдѣ твоя хата и сѐмья родная,
Какъ къ тебѣ путь и дорога?

«Минуло лѣто, листочки валятся;
Холодно въ полѣ просторномъ...
Али всегда мнѣ тебя дожидаться
Здѣсь на прибрежьѣ озёрномъ?

«Али всегда ты, какъ тѣнь гробовая,
Бродишь полночной порою?
Лучше ко мнѣ приходи, дорогая,
Лучше останься со мною!

«Вотъ и избёнка моя не далечко,
Видишь — гдѣ въ чащѣ лощина...
Будетъ у насъ съ тобой лавка и печка,
Будетъ и хлѣбъ, и дичина.»

— «Парнямъ не вѣрю я, чтобы ни пѣли,
Знаю я всѣ ихъ уловки:
Въ голосѣ ихъ — соловьиныя трели,
Въ сердцѣ ихъ — лисьи сноровки.

«Ты насмѣёшься потомъ надо мною,
Кинешь меня и загубишь.
Я тебѣ тайну, пожалуй, открою,
Только... ты вправду ли любишь?»

Молодецъ клялся у ногъ своей милой,
Землю сырую бралъ въ руку;
Бралъ, заклинаяся тёмною силой,
На душу вѣчную муку.

— «Будь же ты вѣренъ въ священномъ обѣтѣ:
Если кто клятву забудетъ —
Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
Горе и *тамъ* ему будетъ!»

Молвила строгое слово дѣвица,
Молвивъ, вѣнокъ надѣваетъ,
Парню махнула рукой — и, какъ птица,
Въ тёмныхъ кустахъ исчезаетъ.

Слѣдомъ за ней, по кустамъ и по кочкамъ,
Гонится ловчій — задаромъ!
Сгибла, умчалась изъ глазъ вѣтерочкомъ,
Тонкимъ разсѣялась паромъ.

Вотъ онъ остался одинъ надъ водою...
Нѣтъ ни слѣда, ни тропинки;
Тихо кругомъ него, лишь подъ ногою
Кой-гдѣ хрустятъ хворостинки.

Онъ надъ стремниной идётъ торопливо,
Робко поводитъ очами...
Вихорь пронёсся дубравой сонливой;
Озеро вздулось волнами —

Вздулось, вскипѣло до дна котловины...
Въявь, или грёза ночная?
Тамъ, надъ Свитѣзью, изъ тёмной пучины
Всплыла краса молодая.

Личико чище лилеи прибрежной,
Вспрыснутой свѣжей росою;
Лёгкою тканію станъ бѣлоснѣжный
Обвитъ, какъ лёгкою мглою.

—«Парень пригожій мой, парень красивый!»
Молвила дѣвица страстно:
«Кто ты? зачѣмъ надъ Свитѣзью бурливой
Бродишь порою ненастной?

«Полно жалѣть тебѣ пташки отлётной,
Глупой и вѣтренной дѣвки:
Ты по ней сохнешь, а ей, перемётной,
Только смѣшки да издѣвки.

«Полно вздыхать тебѣ, полно томиться,
Нянчиться съ думой печальной:
Бросься къ намъ въ волны, и будемъ кружиться
Вмѣстѣ по зыби хрустальной.

«Хочешь, мой милый — и ласточкой шибкой
Будешь надъ озеромъ мчаться,
Али здоровой, весёлою рыбкой
Цѣлый день въ струйкахъ плескаться.

«На ночь, на ложе волны серебристой
Ландышей мы набросаемъ,
Сладко задремлемъ подъ сѣнью струистой,
Дивныя грёзы узнаемъ.»

Смолкнула. Вѣтеръ покровъ ей колышетъ,
Млечную грудь открывая...
Парень, хоть смотритъ не смотритъ, а слышитъ —
Близко краса молодая:

То надъ водою въ кругахъ прихотливыхъ
Мчится, воды не касаясь,
То заиграетъ въ волнахъ говорливыхъ,
Жемчугомъ брызгъ осыпаясь.

Ловчій смутился душой, подбѣгаетъ
Къ самому краю стремнины,
Хочетъ спрыгнуть — и назадъ отступаетъ:
Милы, но страшны пучины.

Вдругъ къ нему въ ноги волна подкатилась,
Плещетъ, ласкается, манитъ...
Сердце въ нёмъ замерло, кровь расходилась —
Память и мысли туманитъ.

И позабылъ онъ про прежнюю любу,
Клятвою прѐзрѣлъ святою:
Кинулся въ волны на вѣрную сгубу
Слѣдомъ за новой красою.

Вотъ надъ волнами несётся онъ смѣло,
Смѣло очами поводитъ...
Берегъ изъ глазъ у него то и дѣло
Дальше и дальше уходитъ.

Ловчій къ дѣвицѣ плывётъ что есть мочи,
Дòплылъ и òбвилъ руками,
Смотрится ей въ ненаглядныя очи,
Льнётъ къ ея губкамъ устами.

Въ этотъ мигъ мѣсяцъ надъ тучею чорной
Вспыхнулъ сквозь темень ночную:
Ловчій взглянулъ и въ красоткѣ озёрной
Прѝзналъ подругу лѣсную.

—«Такъ-то ты вѣренъ въ священномъ обѣтѣ?
Если кто клятву забудетъ —
Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
Горе и *тамъ* ему будетъ!

«Нѣтъ, не тебѣ надъ холодной струёю
Рыбкой весёлой плескаться:
Тѣло твоё роспадётся землёю,
Очи пескомъ засорятся.

«А за измѣну душа проклятàя
Вѣчно при той осокори
Будетъ томиться, въ тоскѣ изнывая...
Горе измѣннику, горе!»

Слушаетъ ловчій, плывётъ торопливо,
Робко поводитъ очами...
Вихорь пронёсся дубравой сонливой;
Озеро вздулось волнами —

Вздулось, вскипѣло до дна котловины,
Пѣнится, плещетъ и стонетъ...
Вотъ разступились сѣдыя пучины:
Дѣвица съ мòлодцомъ тонетъ.

Волны доселѣ вздымаются въ пѣнѣ;
Ночью, при мѣсяцѣ ясномъ,
Бродятъ доселѣ двѣ блѣдныя тѣни —
Дѣвица съ мòлодцомъ краснымъ.

Мòлодецъ стонетъ въ тѣни осокори,
Дѣвица въ плёсѣ играетъ...
Мòлодецъ ловчимъ когда-то былъ въ борѣ,
Дѣвица... кто ее знаетъ!

Л. Мей.

IV.

РЕНЕГАТЪ.

О томъ, что недавно случилось въ Иранѣ,
Повѣдаю я передъ всѣми:
Сидѣлъ на цвѣтнòмъ кашемирскомъ диванѣ
Паша трехбунчужный въ гаремѣ.

Гречанки, лезгинки поютъ и играютъ,
Подъ пѣсни ихъ пляшутъ киргизки:
Здѣсь небо, тамъ тѣни Эвлиса мелькаютъ
Въ обѣтныхъ глазахъ одалиски.

Паша ихъ не видитъ, паша ихъ не слышитъ;
Надвинувъ чалму, недвижимо
И молча онъ куритъ — и вѣтеръ колышетъ
Вокругъ его òблако дыма.

Вдругъ шумъ до *порога блаженства* доходитъ —
Рабы разступились толпою:
Кизляръ-ага новую плѣнницу вводитъ
И молвитъ, склонясь предъ пашою:

«Эффенди! твои свѣтозарныя очи
Горятъ межъ звѣздами дивана,
Какъ въ яркихъ алмазахъ, на ризахъ полночи,
Самъ пламенникъ Альдеборана.

«Блесни же мнѣ свыше, свѣтило дивана!
Слуга твой, въ усердьѣ горячемъ,
Принёсъ тебѣ вѣсти, что вѣтръ Ляхистана
Даритъ тебя новымъ *харачемъ*.

«Въ Стамбулѣ сады падишаха едва ли
Такою красуются розой...
Она — уроженка холодной той дали,
Куда ты уносишься грёзой.»

Тутъ съ плѣнницы снялъ онъ покровъ горделиво —
И ахнулъ весь дворъ и смутился...
Паша на красавицу глянулъ лѣниво —
И медленно на̀ бокъ склонился.

Чубукъ и чалма у него упадаютъ;
Дремотой смежилися вѣки,
Уста посинѣли... Къ нему подбѣгаютъ:
Уснулъ *ренегатъ*... и на-вѣки.

Л. Мей.

V.

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ.

1.

АКЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

Въ просторъ зелёнаго вплываю океана;
Телега, какъ ладья въ разливѣ свѣтлыхъ водъ,
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтовъ плывётъ,
Минуя острова колючаго бурьяна.

Темнѣетъ; впереди — ни знака, ни кургана.
Вѣряясь лишь звѣздамъ, я двигаюсь впередъ...
Но что тамъ? облако ль? денницы ли восходъ?
Тамъ Днѣстръ; блеснулъ маякъ, лампада Акермана.

Стой!... Боже, журавлей на небѣ слышенъ лётъ,
А ихъ — и сокола бъ не уловило око!
Былину мотылёкъ колеблетъ; вотъ ползётъ

Украдкой скользкій ужъ, шурша въ травѣ высокой.
Такая тишина, что зовъ съ Литвы бъ далёкой
Былъ слышенъ... Только нѣтъ, никто не позовётъ!

А. Майковъ.

2.

МОРСКАЯ ТИШЬ.

По флагамъ вѣтерокъ, скользя едва, играетъ;
Какъ перси нѣжныя, вздымается волна:
Такъ обручённая, счастливыхъ грёзъ полна,
Проснётся, чуть вздохнётъ и снова засыпаетъ.

Подобно знаменамъ, гдѣ брани шумъ затихъ,
Повисли паруса на мачтѣ обнаженной;
Колышется корабль, какъ цѣпью пригвождённый;
Матросъ вздохнулъ легко: настали веселья мигъ!

О, море! есть среди живыхъ твоихъ созданій
Чудовище, что спитъ подъ стоны бурь на днѣ
И грозно рамена подъемлетъ въ тишинѣ.

О, мысль! въ тебѣ живётъ змѣя воспоминаній,
Что спитъ въ дни грозныхъ бѣдъ, тревожныхъ ожиданій,
А въ дни покоя въ грудь вонзаетъ когти мнѣ.

Н. С—въ.

3.

ПЛАВАНІЕ.

Ужасный шумъ! Кишатъ страшилища морей,
Матросъ взбѣжалъ на верхъ: пора, готовьтесь, дѣти!
Взбѣжалъ, раскинулся, повисъ въ воздушной сѣти,
Какъ у силка паукъ, надъ петлею своей.

По вѣтру сорвался корабль съ узды насилья,
Въ сугробахъ пѣнистыхъ вознёсъ хребетъ, исчезъ,
Возникъ, стопталъ волну, несётся въ даль небесъ
И рѣжетъ облака, вбирая вѣтеръ въ крылья.

И вырывается у насъ невольный крикъ...
Какъ мачта, носится мой духъ среди пучины;
Взвилась фантазія, какъ космы парусовъ.

И руки я простёръ, и къ кораблю приникъ,
Какъ-будто придаю полётъ ему орлиный:
Мнѣ любо и легко быть птицей облаковъ.

Н. С—въ.

4.

БУРЯ.

Ужь свёрнутъ парусъ; вой, гроза, трещитъ кормило;
Шумъ громкій голосовъ и помпъ зловѣщій стукъ;
Канаты у людей ужь вырвались изъ рукъ;
Надежды нѣтъ: зашло кровавое свѣтило.

Побѣдно вихрь завылъ — и на хребетъ волны,
Съ ступени на ступень, средь общаго смятенья,
Изъ безднъ подъемлется къ намъ геній разрушенья,
Какъ воинъ, лѣзущій на штурмъ въ проломъ стѣны.

Кто за̀-мертво лежитъ, кто руки воздѣваетъ,
Кто падаетъ, крестясь, въ объятія друзей,
Кто молится, чтобъ смерть сокрылась отъ очей.

Въ молчаньи, всѣмъ чужой, одинъ лишь помышляетъ:
Счастливъ, кто чувства всѣ утратилъ для скорбей,
Кто съ вѣрою знакомъ, кто друга обнимаетъ.

Н. С—въ.

5.

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА.

Пилигримъ.

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни
Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ?
Иль дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ всё небо озарилъ:
То не пожаръ ли Цареграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по̀ морю свѣтилъ?

Мирза.

Тамъ былъ я: тамъ со дня созданья
Бушуетъ вѣчная мятель;
Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ — и мёрзнулъ паръ дыханья.
Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ
И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда —
То Чатырдагъ былъ!...

Пилигримъ.

А!...

М. Лермонтовъ.

6.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Дворецъ Гирея пустъ; средь залъ его старинныхъ,
По окнамъ, по софамъ, въ преддверіяхъ пустынныхъ,
Гдѣ нѣкогда паши сметали пыль челомъ,
Таится саранча и вьётся змѣй кольцомъ.

Въ окно пробрался плющь, зактакъ собою своды
И гроздьями повисъ: онъ — именемъ природы —
Пріемлетъ трудъ людской и пишетъ на стѣнахъ,
Какъ въ валтасаровъ часъ: «развалина и прахъ!»

Въ углу одной изъ залъ виднѣется сосудъ:
Фонтанъ играетъ въ нёмъ; струи его бѣгутъ,
Роняя перлы слёзъ, и шепчутъ средь пустыни:

Что сталось съ вами—власть, и слава и любовь?
Вы мнили вѣчно жить; ключь билъ и падалъ вновь...
Увы! не стало васъ; а ключь журчитъ по-нынѣ.

Н. Гербель.

7.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ.

Темнѣетъ. Изъ джами расходятся суниты;
Умолкъ изана звукъ и гулъ людскихъ рѣчей;
Зардѣлись у зари рубинами ланиты;
Спѣшитъ къ любовницѣ сребристый царь ночей.

Гаремы на̀ небѣ огнями звѣздъ залиты,
И тучка чистая плывётъ межь тѣхъ огней,
Какъ лебедь, дремлющій на озерѣ: у ней
Обводы золотомъ, грудь жемчугомъ увиты.

Здѣсь тѣнь отбросили вершины кипариса,
Вдали чернѣются громады скалъ толпой,
Какъ стая дьяволовъ въ диванѣ у Эвлиса,

Подъ мглистымъ пологомъ:Съ вершины скалъ порой,
Проснувшись, молнія летитъ быстрѣй Фариса
И тонетъ въ синевѣ бездонной и нѣмой.

Н. Луговской.

8.

МОГИЛА ПОТОЦКОЙ.

Въ странѣ весны, какъ роза молодая,
На утренней зарѣ увяла ты,
Въ далёкую отчизну посылая
Послѣдній вздохъ, послѣднія мечты!

Тамъ, къ сѣверу, брильянтами играя,
Потоки звѣздъ по небу разлиты:
Не твой ли взоръ оставилъ тамъ слѣды,
На родину стремясь и догорая?

О, полька, здѣсь, покинувъ свой народъ,
Паду и я, забытый міромъ странникъ;
Когда-нибудь соотчичъ-патріотъ,

Подобно мнѣ, блуждающій изгнанникъ,
Къ тебѣ на гробъ задумчиво придётъ —
И пѣсню намъ родимую споётъ!

Н. Бергъ.

9.

МОГИЛЫ ГАРЕМА.

Мирза.

Съ разсадника любви Аллахъ пріялъ до срока
Здѣсь гроздья нѣжныя. Гробъ, вѣчности челнокъ,
Изъ моря радости безвременно увлёкъ
Отъ свѣта въ царство тьмы жемчужины востока.

Забвенія на нихъ простерта пелена,
Надъ ними, какъ бунчукъ надъ сонмомъ привидѣній,
Холодная чалма, и врѣзалъ на ступени
Гяуръ чуть видныя на камнѣ имена.

О, розы райскія! о, дѣвы безъ порока!
Дни ваши отцвѣли подъ листьями стыда,
Сокрытыя отъ глазъ невѣрныхъ навсегда.

Но взоръ чужой проникъ. Смягчится ль гнѣвъ пророка,
Что прахъ вашъ осквернёнъ. Я странника сюда
Ввёлъ самъ, зане слезой его затьмилось око.

Н. С—въ.

10.

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА.

Скачу какъ бѣшеный на бѣшеномъ конѣ.
Долины, скалы, лѣсъ мелькаютъ предо мною,
Смѣнясь какъ волна въ потокѣ за волною...
Тѣмъ вихремъ ỏбразовъ упиться — любо мнѣ!

Но обезсилилъ конь. На землю тихо льётся
Таинственная мгла съ темнѣющихъ небесъ,
А предъ усталыми очами всё несётся
Тотъ вихорь ỏбразовъ — долины, скалы, лѣсъ...

Все спитъ, не спится мнѣ — и къ морю я сбѣгаю;
Вотъ съ шумомъ чорный валъ несётся; жадно я
Къ нему склоняюся и руки простираю...

Всплеснулъ, закрылся онъ; хаосъ повлёкъ меня —
И я, какъ въ безднѣ челнъ, крушимый, ожидаю
Что вкуситъ хоть на мигъ забвенья мысль моя.

А. Майковъ.

11.

АЛУШТА ДНЕМЪ.

Предъ солнцемъ гребень горъ снимаетъ свой покровъ;
Спѣшитъ свершить намазъ свой нива золотая,
И шелохнулся лѣсъ, съ кудрей своихъ роняя,
Какъ съ ханскихъ чётокъ, дождь камней и жемчугỏвъ.

Долина вся въ цвѣтахъ. Надъ этими цвѣтами
Рой пёстрыхъ бабочекъ—цвѣтовъ летучихъ рой—
Что пологъ зыблется алмазными волнами;
А выше — саранча вздымаетъ зàвѣсъ свой.

Надъ безднoю морской стоитъ скала нагая.
Бурунъ къ ногамъ ея летитъ и, раздробясь
И пѣною, какъ тигръ глазами, весь сверкая,

Уходитъ съ мыслію нагрянуть въ тотъ же часъ;
Но море синее спокойно — чайки рѣютъ,
Гуляютъ лебеди и корабли бѣлѣютъ.

А. Майковъ.

12.

АЛУШТА НОЧЬЮ.

Тяжолый лѣтній зной остуженъ вѣтерками;
Упалъ на Чатырдагъ свѣтильникъ всѣхъ міровъ,
Змѣится пурпуромъ надъ склонами хребтовъ
И гаснетъ. Ночь царитъ въ горахъ и за горами.

Сталъ робче пѣшеходъ. Чу! слышенъ звонъ ручьёвъ;
На ложѣ сладкихъ грёзъ, увитомъ васильками,
Струится ароматъ, какъ музыка цвѣтовъ,
И сердцу говоритъ беззвучными рѣчами.

Смыкаетъ сонъ мои усталые глаза...
Вдругъ метеоръ сверкнулъ: въ одно мгновенье ока
Онъ облилъ золотомъ и долъ, и небеса...

О ночь восточная! Какъ гурія востока,
Едва навѣешь сонъ ты нѣгою своей,
Какъ будишь къ нѣгѣ вновь сверканіемъ очей.

Н. Луговской.

13.

ЧАТЫРДАГЪ.

Мирза.

Дрожа, твою стопу цалуетъ сынъ пророка;
Какъ мачты корабля, великій Чатырдагъ,
Ушолъ ты по скаламъ въ туманный міръ далёкій.
О, минаретъ земли! о, горный падишахъ!

Какъ грозный Гавріилъ, стрегущій двери рая,
Сидишь ты одинокъ у вратъ небесъ святыхъ.
Твой плащь — дремучій лѣсъ; чалма жь, изъ тучъ свитая,
Струями заткана̀ потоковъ огневыхъ.

Томитъ ли зной дневной, спадётъ ли мракъ глубокій,
На жатвѣ ль саранча, гяуръ идётъ войной —
Всегда недвижимъ, глухъ ты, Чатырдагъ высокій!
И, словно драгоманъ межъ небомъ и землёй,
Подъ ноги подославъ и грòмы и народы,
Ты внемлешь лишь словамъ Творца среди природы.

Н. Луговской.

14.

ПИЛИГРИМЪ.

Роскошныя поля кругомъ меня лежатъ;
Играетъ надо мной лучь радостной денницы;
Любовью дышутъ здѣсь плѣнительныя лицы;
Но думы далеко къ минувшему летятъ.

Напѣвомъ милымъ мнѣ дубравы тамъ шумятъ...
Байдары соловей, салгирскія дѣвицы,
Огнистый ананасъ и яхонтъ шелковицы —
Твоихъ зелёныхъ тундръ, Литва, не замѣнятъ!

Въ краю роскошномъ я брожу съ душой унылой:
Хоть всё меня манитъ, въ тоскѣ стремлюся къ той,
Которую любилъ порою молодой.

Онъ отнятъ у меня, мой отчій край; но милой
О другѣ всё твердитъ въ родимой сторонѣ —
Тамъ живъ мой слѣдъ: скажи, ты помнишь обо мнѣ?

И. Козловъ.

15.

ДОРОГА НАДЪ ПРОПАСТЬЮ ВЪ ЧУФУТЪ-КАЛЕ.

Мирза.

Молитву! стой! не шевели браздами,
Ногамъ коня ввѣряя разумъ свой:
Онъ самъ пойдётъ, глубь мѣряя очами
И скользкій путь пытаючи ногой.

И вотъ повисъ! Внизу зіяетъ бездна:
На дно ея ты взора не бросай,
Не указуй рукою безполезно
И мыслію проникнуть не дерзай!

Твой взоръ до дна той бездны не достанетъ,
Крыла рукѣ безсильной не дано,
А мысль твоя, какъ якорь, вдругъ утянетъ
Твой утлый чолнъ на илистое дно.

ПИЛИГРИМЪ.

А я взглянулъ! Испуганному глазу
Почудилось... По смерти разскажу:
Иной языкъ мнѣ нуженъ для разсказу;
Здѣсь, на землѣ, я словъ не нахожу.

Н. Бергъ.

16.

ГОРА КИКИНЕИСЪ.

Мирза.

Взгляни на небеса, лежащія внизу —
То море! А надъ нимъ, какъ завѣса тумана,
Какъ чорное крыло у птицы-великана:
То мчатся облака, несущія грозу.

Подобно островамъ, плывутъ они надъ нами,
Увлаживая долъ серебряной росой;
Вдали невѣрный блескъ играетъ временами
И рѣжетъ небеса огнистой полосой —

То молнія! Смотри: я кинусь черезъ бездну;
За ней, на той скалѣ, ищи меня съ конёмъ;
Но если предъ тобой внезапно я исчезну,
То знай, что никому не ѣздить тѣмъ путёмъ.

Н. Бергъ.

17.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ВЪ БАЛАКЛАВѢ.

Твердыня, бывшая на мѣстѣ этихъ грудъ
Неблагодарный Крымъ, была твоя ограда;
Теперь же въ черепахъ гигантскихъ здѣсь живутъ
Лишь гады подлые и людъ — подлѣе гада.

Взойдёмъ на башню, вверхъ. Ищу слѣда гербовъ:
Вотъ въ этой надписѣ, въ забвеньи — думать надо —
Покоится герой, гроза и страхъ полковъ,
Какъ червь, окутанный въ листочекъ винограда.

Здѣсь грекъ ваялъ въ стѣнахъ карнизъ аѳинскій свой,
Авзонецъ укрощалъ отсель татаръ цѣпями
И набожный хаджи пѣвалъ намазъ святой.

Теперь лишь коршуны летаютъ надъ гробами,
Какъ въ мѣстѣ, гдѣ чума всё обратила въ прахъ:
На-вѣки водружонъ на башняхъ чорный флагъ.

Н. Луговской.

18.

АЮДАГЪ.

Люблю, облокотясь на скалы Аюдага,
Глядѣть, какъ борется волна съ сѣдой волной,
Какъ, пѣнясь и дробясь, бунтующая влага
Горитъ алмазами и радугой живой.

Вотъ, словно рать китовъ, ихъ буйная ватага
Бросается — берётъ оплотъ береговой
И, возвращаясь вспять, роняетъ, вмѣсто стяга,
Коралы яркіе и жемчугъ дорогой.

Такъ и на грудь твою горячую, пѣвецъ,
Невзгоды тайныя и бури набѣгаютъ;
Но арфу ты берёшь — и горестямъ конецъ.

Онѣ, тревожныя, мгновенно исчезаютъ
И пѣсни дивныя въ побѣгѣ оставляютъ:
Изъ пѣсенъ тѣхъ вѣка плетутъ тебѣ вѣнецъ.

С. Дуровъ.

VI.

РАЗГОВОРЪ.

Мой другъ, для насъ что могутъ разговоры значить?
Что я такъ чувствую — къ чему мнѣ говорить?
Когда нельзя всю душу въ душу перелить —
Къ чему въ словахъ её дробить и тратить?
Еще до слуха и до сердца не касаясь,
Слова уже остынутъ, съ устъ моихъ сдыхаясь.

Люблю, люблю тебя! сто разъ я повторяю;
Ты сердишся и хочешь ты бранить
Меня, что я любви моей совсѣмъ не знаю
Ни высказать, ни выразить, ни въ пѣснь излить,
И, будто въ летаргіи, не имѣю силу
Иной дать признакъ жизни, какъ сойти въ могилу.

Мой другъ, уста скучаютъ тщетнымъ изліяньемъ,
А я хочу мои уста съ твоими слить,
Хочу съ тобой біеньемъ сердца говорить,
Да вздохомъ только, да лобзаньемъ;
И такъ проговорю часы и дни, и лѣта,
И до скончанія и по скончаньи свѣта.

Н. Огаревъ.

VII.

СОНЪ.

Когда меня ты будешь покидать,
Не говори «прощай» мнѣ на прощаньѣ:
Я не хочу въ послѣдній мигъ страдать
И разставаясь знать о разставаньѣ.

Въ послѣдній часъ — и веселъ, и счастливъ —
У ногъ твоихъ, волшебница, я сяду
И, вѣчное «люблю» проговоривъ,
Изъ рукъ твоихъ приму я каплю яду —

И головой склонившися моей
Къ тебѣ на грудь, подруга молодая,
Засну, глядясь въ лазурь твоихъ очей
И сладкія уста твои лобзая.

И такъ просплю до страшнаго суда...
Ты въ оный часъ о другѣ не забудешь:
Съ небесъ сойдёшь ты ангеломъ сюда
И легкою рукой меня разбудишь:

Вновь на груди владычицы моей
Проснусь тогда, роскошливо мечтая,
Что я дремалъ, глядясь въ лазурь очей
И сладкія уста твои лобзая!

Н. Бергъ.

VIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Два розныхъ жребія намъ вынуты судьбою;
Какъ въ морѣ двѣ ладьи, мы встрѣтились съ тобою:
Твоя, блестя кормой, подъ всѣми парусами
Увѣренно плывётъ, гонимая волнами;
Моя жь — избитая, по волѣ злыхъ вѣтровъ,
Безъ вёселъ и руля, кружитъ среди валовъ,
И я — когда судьба пророчитъ ей невзгоду
И червь ей точитъ грудь — компасъ кидаю въ воду.
Разстаться мы должны! Увидимся ль опять?
Искать не станешь ты, я не могу искать!

Н. Гербель.

IX.

МОЯ БАЛОВНИЦА.

Когда въ часъ весёлый откроешь ты губки
И мнѣ ты воркуешь нѣжнѣе голубки —
Я съ трепетомъ внемлю, я весь внѣ себя,
Боюсь проронить хоть единое слово,
Молчу, не желаю блаженства иного —
Всё слушалъ бы, слушалъ, всё слушалъ тебя.

Но глазки сверкнули живѣе кристаловъ,
Жемчужные зубки блестятъ средь кораловъ,
Румянецъ въ ланитахъ ужь началъ играть —
Теперь я смѣлѣе смотрю тебѣ въ очи,
Уста приближаю и слушать нѣтъ мочи:
Хочу цаловать, цаловать, цаловать!

Князь М. Голицынъ.

X.

СОНЕТЫ.

1.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Лаура милая! проносится ль порою
Предъ памятью твоей блаженство прошлыхъ дней,
Когда наединѣ, въ бесѣдѣ межь собою,
Мы забывали міръ и чуждыхъ намъ людей?

Въ бесѣдкѣ изъ цвѣтовъ, подъ зеленью живою,
Гдѣ вьётся по лугу, журча легко, ручей,
Не разъ ночь крыла насъ любовной пеленою
Въ часы таинственныхъ желаній и рѣчей.

А мѣсяцъ озарялъ сквозь облако украдкой
Грудь снѣжную твою и золото кудрей,
Придавъ красу небесъ красѣ земной твоей...

Тогда сердца у насъ смолкали въ нѣгѣ сладкой,
Встрѣчалися уста, во взорѣ взоръ тонулъ,
Лилась слеза къ слезѣ и вздохъ ко вздоху льнулъ.

Н. Луговской.

2.

КЪ ЛАУРѢ.

На жизненномъ пути задумчивый прохожій,
Лишь встрѣтилъ я тебя — смятеніе и страхъ
Я въ сердцѣ ощутилъ и слёзы на глазахъ...
Нельзя милѣе быть, и чище, и пригожѣй!

Безмолвно я стоялъ, ища въ твоихъ чертахъ
Забытый идеалъ, тотъ образъ, дивно схожій...
Заговорила ты — и словно ангелъ Божій
По имени меня окликнулъ въ небесахъ.

Съ-тѣхъ-поръ я ожилъ вдругъ и вѣрю въ избавленье;
Пріятнѣй стало мнѣ и легче съ-этихъ-поръ;
Пускай мірскихъ судебъ суровый приговоръ

Готовитъ для тебя съ другимъ соединенье —
Я помню краткій мигъ, я помню ясный взоръ
И встрѣчу нашихъ душъ хотя и на мгновенье.

Н. Бергъ.

3.

Какъ ты проста во всёмъ, любви моей безумной
Упрямая мечта, мой ангелъ, нѣжный другъ,
И радость, и печаль, предметъ блаженства, мукъ,
Предметъ заботъ моихъ, кручины многодумной!

Вчера толпа твоихъ ровесницъ и подругъ
Надъ чьей-то шуткою смѣялись остроумной,
Но тихо ты вошла — и всё умолкли вдругъ...
Такъ разъ на вечеру, въ часы бесѣды шумной,

Когда разсказчика-поэта гласъ гремѣлъ,
Кружокъ собравшихся внезапно онѣмѣлъ,
Не вѣдая, зачѣмъ всѣ разомъ замолчали;

Но тайну дивную поэтъ уразумѣлъ —
Бесѣдѣ говоритъ: здѣсь ангелъ пролетѣлъ;
Почтили всѣ его, не всѣ его узнали.

Н. Бергъ.

4.

СВИДАНІЕ ВЪ ЛѢСУ.

—Ты ль это? такъ поздно? — «Я сбился въ потёмкахъ съ дороги.
При мѣсяцѣ тускломъ тропа обманула лѣсная.
Грустила? меня вспоминала?» — Скажи мнѣ, могла я
О чёмъ постороннемъ подумать, любимецъ мой строгій?

«О, дай же мнѣ руку! Позволь целовать эти ноги.
Дрожишь; что̀ съ тобою?» — Не знаю; въ лѣсу я, гуляя,
Пугаюсь, чуть листъ зашумитъ, или птица ночная.
Ахъ! знать мы преступны, коль сердце такъ полно тревоги!

«Взгляни-ко мнѣ въ очи, въ лицо. Никогда не бывала
Вина такъ смѣла и тревога съ улыбкой такою.
Уже ль ты преступна, что быть мнѣ съ тобой позволяла?

«Сижу я далёко; любуюсь съ отрадой нѣмою...
И такъ я, мой ангелъ земной, наслаждаюсь тобою,
Какъ-будто ты духомъ, какъ будто ты ангеломъ стала.»

А. Фетъ.

5.

О, милая моя! нигдѣ подъ небесами
Невозмутимаго блаженства не сыскать;
На всёмъ невѣрнаго сомнѣнія печать;
Смотрю я на тебя открытыми очами,

А ты смущаешься; бѣгу я прочь опять;
При встрѣчахъ всякій разъ не вѣдаемъ мы сами,
Что мыслить, говорить, что дѣлается съ нами
И какъ намъ чувства тѣ по имени назвать.

Скажи, когда твои лобзая страстно руки,
Ловлю я нѣжныхъ устъ трепещущіе звуки
И замираю самъ — ужели это муки?

Когда жь и день и ночь тобой одной живу,
Томитъ любви тоска во снѣ и на яву —
Ужели счастіемъ я это назову?

Н. Бергъ.

6.

УТРО И ВЕЧЕРЪ.

Въ вѣнцѣ багряномъ Фебъ всплываетъ надъ землёй;
Печальный ликъ луны блѣднѣетъ, погасаетъ.
Фіалка клонитъ взоръ подъ утренней росой
И роза лепестки къ свѣтилу простираетъ.

Лаура у окна. Смѣясь, она ласкаетъ
Густыя пряди косъ трепещущей рукой:
«О чемъ такъ рано вы грустите»—восклицаетъ—
«Фіалка и луна, и ты, о милый мой?»

Промчался знойный день; вновь полная луна
Плывётъ среди небесъ, румяна и ясна;
Фіалка вновь цвѣтётъ, исполнена надежды;

Опять моя любовь явилась у окна,
Съ сіяющимъ лицомъ, въ сіяющей одеждѣ:
А я... я всё томлюсь, печальный какъ и прежде.

Н. Гербель.

7.

НѢМАНЪ.

О, Нѣманъ, ты моя родимая рѣка!
Какъ памятна ты мнѣ! Раздольная, не ты ли
Вкругъ дѣтскаго играла челнока,
Когда мы по тебѣ однажды съ милой плыли?

Сильнѣй кипѣла кровь, сильнѣе мы любили,
И глядя, какъ въ волнахъ качались облака,
То весело смѣялись, то слегка
Слёзами счастія струи твои мутили.

О, Нѣманъ! гдѣ же тѣ счастливыя струи,
Надежды прежнія, восторги, ожиданья?
Гдѣ годы юные и свѣжіе мои?

Гдѣ милая моя? гдѣ съ ней мои свиданья?
Всё, всё давно прошло! Стою какъ въ забытьи...
Когда жь пройдете вы, души моей страданья?

Н. Бергъ.

8.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Благословенъ годъ, мѣсяцъ и седмица,
Благословенъ и день и самый часъ,
И даже мигъ, когда моя царица
Передо мной явилась въ первый разъ!

И будь ея благословенно око;
И ты стрѣла благословенна будь,
Что̀ навсегда вонзилася глубоко
Пѣвцу въ страдальческую грудь!

Благословляю первое свиданье
Моей души, святую пѣсню ту,
Гдѣ высказалъ я первое страданье,
Гдѣ я воспѣлъ Лауры красоту.

Благославляю перья, что въ чужбинѣ
Писали мнѣ про милую мою;
Благославляю сердце, гдѣ донынѣ
Всѣхъ чувствъ моихъ владычицу таю.

Н. Бергъ.

9.

ПРОЩАНЬЕ.

Ни взора нѣжнаго, ни ласковаго слова
Въ отвѣтъ на всю любовь безумную мою!
За что? иль бѣденъ я и злата не даю;
Но ты и безъ него любить была готова.

Не златомъ я купилъ привязанность твою,
А на̀ вѣсъ горькихъ слёзъ... и нынѣ слёзы лью...
Сокровище души тебѣ я отдалъ снова;
Но ты, не внемля мнѣ, зовешь къ себѣ другова.

Ужели мало жертвъ? о, нѣтъ, я угадалъ:
Ты хочешь звонкихъ риѳмъ, ничтожный дымъ похвалъ!
Для пѣсни соловья играешь ты душою —

И тѣшишься моимъ страданьемъ и тоскою;
Но знай, что гордыхъ музъ никто не покупалъ!
Для женской прихоти я лиры не настрою.

Н. Бергъ.

XI.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ».

1.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сто лѣтъ минуло какъ тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже прусакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся — и въ Литву
Понёсъ изгна̀нную главу.
Между враждебными брегами
Струился Нѣманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Духовъ пристанища святыя.

Символъ германца на другомъ,
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачить.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
Калёныхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ:
Токъ Нѣмана гостепріимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишонъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межь тростниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

А. Пушкинъ.

2.

ВИЛІЯ.

У нашей Виліи, потоковъ царицы,
Дно чисто, а волны румянѣй денницы;
У юной литвинки, царицы изъ паней,
Еще чище сердце, ланиты румянѣй.

Вилія по ковенскимъ милымъ полянамъ
Струится въ нарцисахъ, бѣжитъ по тульпанамъ;
Въ ногахъ у литвинки весь цвѣтъ молодёжи,
Красивѣй тульпановъ, нарцисовъ пригоже.

Виліи не любы цвѣточки долины:
Не ихъ — она Нѣмана ищетъ родного;
Литвинкѣ не любы и скучны литвины:
Не ихъ — она мóлодца любитъ чужого.

Поднявши Вилію къ себѣ на рамѣна,
Несётся въ даль Нѣманъ на дикомъ просторѣ,
И держитъ подругу у влажнаго лона,
И гибнетъ съ ней вмѣстѣ въ невѣдомомъ морѣ.

Какъ Нѣманъ Вилію, тебя, о литвинка,
Похитилъ пришлецъ изъ родного селенья —
И ты, моя бѣдная, ты, сиротинка,
Погибнешь тоскливо въ пучинѣ забвенья.

Ни рѣчки, ни сердца никто не догонитъ —
Вилія струится, а дѣвица любитъ:
Вилія въ возлюбленномъ Нѣманѣ тонетъ,
А дѣвица въ кельѣ дни юные губитъ...

Л. Мей.

3.

ПѢСНЬ ВАЙДЕЛОТА.

«Идётъ зараза на Литву,
Лія тлетворное дыханье.
Внимай народную молву —
Услышишь чудное сказанье:
Среди холмовъ, среди полей
Стоитъ *дѣвица моровая*;
Кровавый платъ въ рукахъ у ней;
Кровавымъ платомъ повѣвая,
Она живое всё мертвитъ —
И страшенъ всѣмъ заразы видъ.
Разящій взоръ въ пустыняхъ блещетъ;
Чуму завидя въ далекѣ,
На башнѣ зáмка стражъ трепещетъ,
Копьё дрожитъ въ его рукѣ;
Привратный пёсъ протяжно воетъ,
И, чуя смерть, онъ землю роетъ.
Зараза блѣдная идётъ —
И нѣтъ спасенья и пощады:
Гдѣ только платъ ея мелькнётъ —
Пустѣютъ сёла, зáмки, грады.
И вотъ ужь цѣлая страна
Вокругъ чумой поражена...
Однако всё страшились болѣ,
Когда, мечёмъ грозя Литвѣ,
Являлся латникъ въ дальнемъ полѣ,
Съ высокимъ шлемомъ на главѣ.

«Подобный страшному видѣнью,
Гдѣ онъ прошолъ грозящей тѣнью,
Пылала брань, струилась кровь.
Пойдёмъ, о юноша, со мною,
Кто сохранилъ еще любовь
Къ своей отчизнѣ, кто душою
Донынѣ истинный литвинъ!
Пойдёмъ — среди пустыхъ долинъ,
Надъ скорбною Литвы судьбою —
Пойдёмъ, поплачемъ мы съ тобою!
Кручину въ сердцѣ затаимъ,
А духъ истерзанный и хилый
Живою пѣснью напоимъ,
Преданьями отчизны милой.

«О, пѣсня! ты святой ковчегъ,
Куда народъ во дни печали
Кладётъ свой рыцарскій доспѣхъ,
И мечъ, и славныхъ дней скрижали.
Ты гласомъ вѣщимъ говоришь,
Изъ вѣка въ вѣкъ переходящимъ,
И чудодѣйственно миришь
Былое наше съ настоящимъ.
Сгараютъ, тлѣютъ письмена,
Могучихъ геніевъ творенья,
Лишь ты уходишь отъ забвенья,
Какимъ-то чудомъ спасена!
Всегда жива, одна и та же,
О, пѣсня, ты стоишь на стражѣ
Съ мечёмъ архангела у вратъ
Намъ дорогихъ воспоминаній!
О, пѣсня, ты священный кладъ,
Ты цвѣтъ народныхъ достояній!
Когда же суетный народъ,
Тебя услышавъ, не поймётъ —
Бѣжишь ты, пѣсня, и хоронишь
Свою завѣтную красу
Въ ущельяхъ мрачныхъ и въ лѣсу,
Или среди развалинъ стонешь...
Такъ съ крыши, ỏбъятой огнёмъ,
Слетаетъ птичка по-неволѣ,
Покинувъ гнѣздышко и домъ,
Надъ нимъ повьётся и потомъ
Она летитъ въ лѣса и въ поле —
И тамъ пріютъ себѣ найдётъ
И пѣсни прежнія поётъ.

«Я пѣсни слушивалъ, бывало,
Когда столѣтній земледѣлъ,
Съ полей родныхъ влекущій рало,
О дняхъ былыхъ мнѣ грустно пѣлъ
И вспоминалъ минувши бои
И васъ, могучіе бойцы,
Давнозабытые герои,
Отцы... бездѣтные отцы!
Неудержимые бѣжали
Потоки слёзъ изъ глазъ моихъ,
А пѣсни тѣ, въ поляхъ родныхъ,
Еще сильнѣе поражали:
Одинъ-однимъ я слушалъ ихъ!
Какъ въ оный часъ трубою судной
Господь воздвигнетъ мертвецовъ,
Такъ мнѣ, при звукахъ пѣсни чудной,
Являлись призраки отцовъ,
Вставали арки и колонны
И пробуждались воды сонны,
Шумя подъ вёслами гребцовъ...
Рѣчамъ былого внемля жадно,
Бывалъ я духомъ возмущонъ;
Мечталъ и грезилъ такъ отрадно —
И такъ жестоко пробуждёнъ!

«Исчезли вы, лѣса и сёлы,
Въ очахъ моихъ густая мгла;
Замолкли вѣщіе глаголы
И лютня грустно замерла.
Брожу одинъ въ нѣмой пустынѣ,
Но искры стараго огня
Не тухнутъ въ сердцѣ у меня,
И неожиданно по-нынѣ,
Порой, сквозь сумракъ тёмныхъ тучъ,
Незапный вспыхиваетъ лучъ
И въ сердце мнѣ ліетъ отраду...
Такъ въ драгоцѣнную лампаду,
Стряхнувъ съ нея сѣдую пыль,
Становятъ иноки фитиль —
И свѣточъ сей, плѣняя взоры
Рѣзьбой и гранью дорогой,
Раскинетъ по стѣнѣ нагой
Великолѣпные узоры...

«О, еслибъ въ васъ пролить я могъ
Огонь, чтỏ насъ палилъ и жогъ,
Тогда бы, можетъ, ваши силы
Воскресли снова изъ могилы,
И, славы громъ издалека
Почуя духомъ, всякій ожилъ
И хоть одну бъ минуту прожилъ,
Какъ дѣды прожили вѣка.»

Н. Бергъ.

4.

АЛЬПУХАРЫ.

Свершилось — въ развалинахъ веси и грады,
Народъ мавританскій въ цѣпяхъ...
Еще защищаются стѣны Гренады,
Но злая зараза въ стѣнахъ.

Еще Альманзо̀ръ защищаетъ съ вождями
Вершины родныхъ Альпухаръ.
Испанецъ свой стягъ водрузилъ подъ стѣнами:
Заутра — послѣдній ударъ.

И вотъ загремѣли орудья съ разсвѣтомъ:
Обрушились стѣны и валъ,
Блеснули кресты надъ большимъ минаретомъ —
И за̀мокъ разрушенный палъ.

Одинъ Альманзо̀ръ, когда всё въ оборонѣ
Погибло, легло головой,
Давъ смѣлый отпоръ настигавшей погонѣ,
Прорвался сквозь вражескій строй.

Ватага испанцевъ, побѣдой надмѣнныхъ,
Межъ труповъ въ чертогѣ пустомъ
Пируетъ и дѣлитъ добычу и плѣнныхъ,
Купаясь въ винѣ дорогомъ.

Вошедшій привратникъ собранью доноситъ,
Что рыцарь далёкихъ сторонъ
Вождей о свиданьѣ немедленномъ проситъ,
Что съ важною тайною онъ.

То былъ Альманзо̀ръ, властелинъ мавританцевъ:
Покинувъ пріютъ боевой,
Онъ самъ предавалъ себя въ руки испанцевъ,
Моля ихъ о жизни одной.

«Испанцы!» сказалъ онъ: «во прахъ у порога
Челомъ я склониться пришолъ;
Пришолъ я увѣровать въ вашего Бога,
Услышать священный глаголъ.

«Весь міръ да узна̀етъ, что честнымъ булатомъ
Низло̀женный царь и герой
Своихъ побѣдителей хочетъ быть братомъ,
Вассаломъ короны чужой!»

Испанцы геройство всегда уважали:
Едва онъ былъ узнанъ вождёмъ,
Какъ тотъ его о̀бнялъ — и всѣ обнимали,
Его лобызали потомъ.

Властитель, на ласки вождей отвѣчая,
Всѣхъ пламеннѣй главнаго сжалъ
Въ объятьяхъ своихъ и, за шею хватая,
Къ устамъ его крѣпко припалъ.

Затѣмъ ослабѣлъ, на колѣни склонился;
Но всё еще, слабой рукой
Держась за одежду, за нимъ онъ влачился,
Обматывалъ ноги чалмой.

Взглянулъ, приподнялся — и всѣ изумились:
Такъ блѣденъ и страшенъ онъ былъ,
Такъ страшно глаза его кровью налились
И смѣхъ его ротъ искривилъ.

«Смотрите — я блѣденъ, презрѣнные гады!
Узнайте же — кто я такой!
Я васъ обманулъ: возвратясь изъ Гренады,
Заразу принёсъ я съ собой!

«Я влилъ въ васъ заразу своимъ лобызаньемъ —
И ласки тѣ яда полны!
Смотрите на корчи, внимайте стенаньямъ:
Такъ всѣ умереть вы должны!»

Онъ мечется, рвётся — какъ-будто бы хочетъ,
Тоскою предсмертной томимъ,
Обнять всѣхъ испанцевъ — и страшно хохочетъ,
Хохочетъ онъ смѣхомъ глухимъ...

И умеръ. Еще не сомкнулися вѣки
И холодъ не тронулъ лица,
А демонскій смѣхъ уже замеръ на-вѣки
На блѣдныхъ устахъ мертвеца.

Напрасно испанцы уйдти торопились —
Зараза не знаетъ преградъ:
Еще съ Альпухаръ ихъ войска̀ не спустились,
Какъ палъ ихъ послѣдній отрядъ.

Н. Гербель.

XII.

ПАНЪ ТАДЕУШЪ.

ПОЭМА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Какіе тутъ сберёшь поэзіи цвѣты?
О чёмъ тутъ будешь пѣть, средь вѣчной суеты
Парижскихъ мостовыхъ, лжи, грязи и проклятій,
Неистощимыхъ слёзъ и воплей меньшихъ братій?
О горе, горе намъ, что изъ родной земли
Мы головы свои въ чужбину занесли,
На-вѣкъ покинули родимые пороги!
Что въ чужѣ мы нашли? Такія же тревоги!
И здѣсь намъ не везётъ, и здѣсь вѣдь, что ни-шагъ,
Какъ и на родинѣ, шпіонъ, измѣнникъ, врагъ,
И здѣсь мы всякому своей бѣдою чужды,
И здѣсь до нашихъ слёзъ Европѣ мало нужды.

Изъ Польши между-тѣмъ, да и со всѣхъ сторонъ,
Летитъ за вѣстью вѣсть, какъ погребальный звонъ,
А добрые друзья еще сильнѣй трезвонятъ
И утѣшаются, что скоро всѣхъ схоронятъ,
Что всѣмъ не долго жить; какъ враны на часахъ,
Сидятъ; надежды нѣтъ нигдѣ и... въ небесахъ.
Не диво жь, если мы средь мукъ и стоновъ вѣчныхъ,
Обмановъ, низостей, сердецъ безчеловѣчныхъ,
Озлобились на всѣхъ, сзываемъ рать на рать —
И стали, наконецъ, другъ друга пожирать...
Я, пташка малая, размахомъ слабыхъ крылій
Я не стремлюся въ міръ страдальческихъ усилій,
Борьбы, тревогъ, крамолъ и бурныхъ непогодъ:
Въ иной, счастливый край мечта меня зовётъ,
Гдѣ духъ мой свилъ гнѣздо, гдѣ мысль моя живётъ.

Лѣта младенчества! Блаженъ изъ насъ, кто можетъ
Забыть хотя на мигъ, что дразнитъ и тревожитъ
Неугомонныя надежды поляка —
Съ избранною семьёй присѣсть у камелька
И незатѣйливо, въ пріятельской бесѣдѣ,
Рѣчь тихую повесть... хотя бъ о старомъ дѣдѣ,
Иль попросту о тѣхъ, о лучшихъ временахъ —
И сердцемъ утонуть въ блаженныхъ этихъ снахъ.
Но о слезахъ твоихъ, безсмысленно пролитыхъ,
И о страданіяхъ, напрасно пережитыхъ,
О славѣ прошлаго, той славѣ, коей гулъ
Доселѣ слышится, доселѣ не уснулъ —
О, Польша милая! — найду ль слова и звуки?...
Нѣтъ, опускаются нѣмѣющія руки!
Ты, Польша, такъ еще свѣжо погребена,
Что пѣть тебя нѣтъ силъ, и не моя вина,
Коли молчу теперь, какъ-будто онѣмѣлый;
И Богъ-вѣсть кто изъ насъ, чей геній слишкомъ смѣлый
Разбудитъ мрачное молчаніе могилъ:
Нѣтъ, видно часъ еще великій не пробилъ,
Не заиграло намъ сіяніе денницы
И польскіе орлы у Храбраго границы
Побѣдной стаею еще не собрались
И кровію враговъ еще не напились;
Но вѣрю: станется! Святая битва грянетъ —
И наша родина торжественно воспрянетъ
Для новыхъ лучшихъ дней. Тогда кто будетъ живъ,
Тѣ витязи, мечи побѣдные сложивъ,
На славныхъ рубежахъ пространныхъ нашихъ граней,
Вѣнчанны лаврами, послушаютъ сказаній
Пѣвца счастливаго, поплачутъ: та слеза
Лица не исказитъ, не выжжетъ намъ глаза!
А нынѣ, горькіе, на собственномъ погостѣ,
Что будемъ пѣть, нигдѣ непрошенные гости?
И край, гдѣ легче мнѣ забыть свою тоску,
Гдѣ есть хоть малая отрада поляку —
То край невинныхъ лѣтъ! Воображенье наше
Не знаетъ ничего плѣнительнѣй и краше,
И будетъ намъ всегда казаться чистымъ онъ,
Какъ первая любовь, какъ юной дѣвы сонъ.

Тотъ край, гдѣ весело игралось мнѣ бывало,
Гдѣ рѣдко я грустилъ и плакалъ очень мало —
Какъ дѣвственъ предо мной и свѣтелъ онъ лежитъ:
По бархату луговъ тропа къ нему бѣжитъ,
Пестро покрытая одними лишь цвѣтами.
Мнѣ любо въ этотъ край перелетать мечтами:
Всё тамъ кругомъ—моё, что ни завидитъ глазъ,
Отъ липы, что въ саду широко разрослась,
До ближняго ручья; а дальныя границы —
Гдѣ начинаются сосѣднія свѣтлицы.

И только тѣхъ друзей, что жили въ томъ краю,
Я неизмѣнными друзьями признаю:
Они одни въ душѣ группируются тѣсно;
Смотрю я, какъ теперь, на всѣхъ на нихъ... Извѣстно,
Кто были тѣ друзья: сосѣди, братья, мать.
Какъ приходилося кого-нибудь терять,
Какъ сѣтовали мы, какъ долго говорилось
О нёмъ: какъ будто бы Богъ знаетъ, что случилось.

И добрые друзья поэту помогли,

Какъ тѣ, извѣстные по сказкѣ, журавли,
Что разъ надъ молодцомъ заклятымъ пролетали
И перышковъ ему, бѣднягѣ, накидали:
Онъ крыльями взмахнулъ — и живо улетѣлъ
Къ себѣ на родину, въ отеческій предѣлъ.
О, боги! доживу-ль до тѣхъ времёнъ счастливыхъ,
Когда собраніе сихъ строфъ неприхотливыхъ
Достигнетъ до Литвы, до нашихъ сельскихъ дѣвъ,
И дѣвы юныя, за прялкою, пропѣвъ
О той красавицѣ, что такъ играть любила,
Что всѣхъ своихъ гуськовъ, играя, погубила;
О сиротинкѣ той, стыдливой какъ заря,
Что съ кралемъ уплыла за синія моря —
Дойдутъ и до моихъ простыхъ и бѣдныхъ пѣсенъ
И будетъ мой разсказъ имъ также интересенъ.

Такъ, помню, на травѣ, подъ липою, не разъ
Мы, дѣти, слушали заманчивый разсказъ
О злой волшебницѣ и нѣкоемъ Веславѣ,
По книгѣ, что была у насъ въ великой славѣ.
Вокругъ читавшаго сбирался цѣлый домъ;
Подсаживался къ намъ порой и экономъ
И важнымъ голосомъ, внушительно и внятно,
Ребятамъ объяснялъ, что̀ было непонятно.

И какъ завидовалъ я славѣ тѣхъ пѣвцовъ,
Хотя невѣдомыхъ, хотя и безъ вѣнцовъ,
Которые даётъ надменный Капитолій,
Но, безъ сомнѣнія, своей довольныхъ долей;
Для нихъ, увѣренъ я, желаній всѣхъ конецъ,
Былъ поднесенный въ даръ подругою вѣнецъ,
Рукою дѣвственной и чистой заплетённый
Изъ синихъ васильковъ, да изъ руты̀ зелёной...

ПѢСНЬ I.

Отчизна милая! подобна ты здоровью:
Тотъ истинной къ тебѣ исполнится любовью,
Кто потерялъ себя... Въ страданьяхъ и борьбѣ,
Отчизна милая, я плачу по тебѣ!
Мать Богородица, что бодрствуешь надъ Вильной
Своей опекою, щедротами обильной!
Мать Ченстоховская, на Ясной что Горѣ:
Какъ умирающій лежалъ я на одрѣ,
Устами жаркими хвалу тебѣ читая —
И ты спасла меня, заступница святая:
Такъ благостынею божественныхъ щедротъ
Спасешь когда-нибудь отверженный народъ.
Теперь неси мой духъ скорбящій и унылый
Къ далёкимъ небесамъ моей отчизны милой,
Къ ея задумчивымъ пустынямъ и лугамъ,
Къ зелёнымъ Нѣмана и Виліи брегамъ,
Съ ихъ Бѣловѣжскою непроходимой пущей,
Благоуханною, роскошною, цвѣтущей,
Къ полямъ, исполненнымъ невѣдомыхъ красотъ,
Гдѣ жито всякое въ обиліи растётъ,
Пшеница-золото, серебряная греча,
Медвяный запахъ свой несущая далеча;
А тамъ — густой ячмень, и просо, и овёсъ;
И гдѣ, на рубежахъ, межъ ветелъ и берёзъ,
Увидишь тихую, задумчивую грушу...
Туда неси мою тоскующую душу!

Среди такихъ луговъ, въ затишьѣ, надъ прудомъ,
Во дни минувшіе, стоялъ шляхетскій домъ,
Весь чисто выбѣленъ; свѣтились ярко доски;
Вокругъ него росли кудрявыя берёзки,
А къ пруду низомъ шла аллея тополёй,
Позади — борозды распаханныхъ полей,
Густыя залежи и паръ изъ чернозёму,
Съ гумномъ, которое подходитъ близко къ дому,
Гдѣ жолтыя скирды, поставленныя въ рядъ,
Шатрамъ подобныя, безмолвно говорятъ,
Что царствуетъ въ дому порядокъ и довольство,
И ждётъ пріѣзжаго привѣтъ и хлѣбосольство:
Приземистая дверь ему не заперта
И настежъ широко раскрыты ворота.

Вотъ къ домику тому подъѣхалъ кто-то въ бричкѣ;
Лошадки бодрыя, хотя и невелички,
Вбѣжали въ ворота исправною рысцой;
Изъ брички выпрыгнулъ проворно молодой
Панычъ, не кличетъ слугъ, а прямо—въ двери дома,
Какъ-будто всё ему давнымъ-давно знакомо;
Не затрудняяся, по комнатамъ бѣжитъ.
Всё то же вкругъ него, всё тотъ же самый видъ:
Не измѣнилися ни мебель, ни обои,
Лишь только сдѣлались поменѣе покои,
Чѣмъ были въ старину, для отроческихъ лѣтъ.
Въ гостиной, на стѣнѣ, висѣлъ еще портретъ,
Изображающій Тадеуша Костюшку,
Въ чамаркѣ и плащѣ; ногою ставъ на пушку
И очи вверхъ поднявъ, клянётся небесамъ
Спасти отечество, иль пасть геройски самъ.
А далѣе — Корсакъ и съ нимъ Ясинскій рядомъ
Дружины польскія окидываютъ взглядомъ;
Кипитъ горячій бой, валятся москали,
А Прага занялась ужь пламенемъ вдали...
А вотъ, въ одномъ углу, на-лѣво, за Костюшкой,
Куранты старые, какъ водится, съ кукушкой;
Шкапъ длинный подпиралъ подъ самый потолокъ.
Пріѣзжій увидалъ протянутый шнурокъ —

Давай его тащить — й, сѣвши на печурку,
Прослушалъ старую Домбровскаго мазурку.

Гость бросился потомъ осматривать покой,
Гдѣ, восемь лѣтъ назадъ, онъ жилъ еще дитёй.
Всё измѣнилось тамъ: стояли фортепьяны,
Кушетки, канапе, широкіе диваны;
Въ углу, на столикѣ, лежали кучи нотъ
И книжки. Кто же здѣсь, подумалъ онъ, живётъ?
Мой дядя... развѣ онъ обзавелся женою?
А тётка въ Петербургъ уѣхала весною...
На мебель и на всё еще взглянулъ онъ разъ,
Въ соображенія и въ думы погрузясь...
Приблизился къ окну: садъ маленькій въ порядкѣ:
Цвѣтами пёстрыми покрыты были грядки
И видно, кто-то ихъ лелѣетъ всякій день.
Кругомъ окинутъ былъ заботливо плетень
И рядомъ съ нимъ вилась красивая аллея...
Но гдѣ жь садовница, таинственная фея,
Невѣдомо отколь спорхнувшая сюда?
Напрасно юноша искалъ ея слѣда:
Не видно никого, лишь только за калиткой
Дрожали лопухи, задѣты ножкой прыткой.

Пріѣзжій, опершись плечёмъ о верею,
Стоялъ и воздуха прохладную струю,
Съ благоуханьемъ травъ, впивалъ широкой грудью,
Дивясь такому сну фольварка и безлюдью.
Никто къ нему нейдетъ. Пріѣзжій вновь къ окну
И садикъ маленькій въ длину и ширину
Еще-разъ обѣжалъ пытливыми глазами,
Потомъ взглянулъ въ кусты—и что же? за кустами
Увидѣлъ дѣвушку, всю ясную какъ день:
Вѣрна обычаю литовскихъ деревень,
Подъ-вѣчеръ,въ чёмъ была,въ свой садъ она сбѣжала,
Вскочила на плетень, не думая нимало,
Что сзади кто-нибудь её примѣтить могъ;
Забыла на плечá набросить хоть платокъ;
Вкругъ шейки бѣлая сорочка отдувалась
И грудь высокая оттуда выбивалась,
А кудри, отданы вѣтрамъ на произволъ,
Свѣтлѣлись по краямъ, какъ нѣкій ореолъ —
Но не видать лица. Она смотрѣла въ поле,
Какъ-будто бы кого ждала къ себѣ оттолѣ,
Узрѣла—и стрѣлой съ плетня спустилась вмигъ,
Какъ серна легкая прыгнула чрезъ цвѣтникъ
И, словно позабывъ, что сбоку есть дорожка,
Порхъ на завалинку, съ завалинки—въ окошко.
Всё это видѣлъ гость; стоитъ ни мёртвъ, ни живъ,
Дыханье бурное невольно притаивъ,
Не смѣя тронуться, мигнуть не смѣя глазомъ—
Вдругъ «ахъ!» и вспыхнули какъ пламень оба разомъ.
Такъ облачный туманъ зардѣется порой,
Лишь повстрѣчается съ румяною зарёй.
Смущённый страшно гость словъ ищетъ извиниться,
Едва, едва съумѣлъ неловко поклониться,
Приподнялъ голову, глядитъ: ея ужь нѣтъ!
Какъ-видно, скрылася въ сосѣдній кабинетъ
И тамъ задвижкою проворно затворилась.
Онъ всё стоялъ, смотрѣлъ, а сердце билось, билось.

Въ то время разнеслась ужь по фольварку вѣсть,
Межь дворни и людей, что въ домѣ кто-то есть:
Вмигъ кони панскіе привязаны къ колодѣ
И заданъ имъ овёсъ. Хозяинъ новой модѣ
Не слѣдовалъ: коней чужихъ не отсылалъ
Кормиться у жидовъ, а дома кормъ держалъ.
Хотя и не спѣшатъ заботливые слуги
Усердно предложить пріѣзжему услуги —
Не думай, что они балованный народъ;
Нѣтъ, такъ заведено: покамѣстъ не придётъ
Панъ-войскій *) изъ своей особенной свѣтлицы—
Далёкій родственникъ хозяина, Соплицы,
И другъ, который всѣмъ завѣдывалъ въ дому —
Дотоль не начинать занятій никому.
Панъ-войскій шолъ уже тихонько на фольварокъ,
Отчасти — заглянуть на стряпанье кухарокъ,
А главное — смѣнить свой ткацкій пудерманъ,
Надѣть проворнѣе кунтушъ, или жупанъ —
Встрѣчать пріѣзжаго получше нужно платье—
Вдругъ гостя увидалъ — и бросился въ объятья.

«Тадеушъ!» И затѣмъ посыпались слова,
Хотя и громкія, но внятныя едва.
Неуловимыя, отрывочныя фразы,
Вопросы быстрые и бѣглые разсказы,
А послѣ — новыя объятія опять.
«Тадеушъ!» (Такъ отецъ велѣлъ его назвать,
Затѣмъ, что родился во времена Костюшки,
Когда гремѣвшія литвиновъ нашихъ пушки
Напоминали всѣмъ народнаго вождя)
«Тадеушъ! мы съ тобой немного погодя»,
Такъ войскій продолжалъ, «пойдемъ судьѣ на встрѣчу:
Онъ вышелъ поглядѣть, какъ убираютъ гречу,
И гости вмѣстѣ съ нимъ. Народу много тутъ.
Нагрянули толпой. Наряженъ, видишь, судъ:
На мѣстѣ разобрать, какъ слѣдуетъ, границы:

*) Войскій—во время всеобщаго возстанія опекунъ шляхетскихъ женъ и дѣтей.

Есть стародавній споръ у графа и Соплицы
Объ замкѣ. Этотъ споръ поросъ уже травой,
Какъ замокъ. Здѣсь теперь асессоръ *), становой
И подкоморій **) самъ, съ женой и дочерями;
Паненки въ лѣсъ пошли на ужинъ за грибами;
А панство-молодежь охотится съ ружьёмъ.
Пойдемъ же.» И они отправились вдвоёмъ.
Дорогой не могли они наговориться.
А солнце къ западу ужь начало клониться,
Горя, какъ пахаря румяное лицо,
Когда, придя съ работъ, онъ ступитъ на крыльцо,
Садится ужинать — и послѣ спитъ до свѣту;
А тамъ вставай опять — и угомону нѣту.
Сверкавшій зеленью на горизонтѣ боръ,
Покуда падали лучи ему въ упоръ,
Сталъ видимо темнѣть, подобясь синей тучѣ;
Вокругъ, съ болотъ и рѣкъ, поднялся паръ летучій;
Ужь солнце скрылося; лишь только сквозь вершинъ
Порой прорѣжется горящій лучъ одинъ,
Какъ пламя отъ свѣчи сквозь оконныя щели.
Погасло. Въ полѣ мракъ. Телеги заскрипѣли:
Везутъ хозяину въ амбаръ и на гумно
Овсяные снопы, гречиху и пшено.

Летятъ пернатыя на гнѣзда, подъ повѣти...
Идётъ домой судья; съ кормилицею дѣти
Бѣгутъ напереди; потомъ хозяинъ самъ
Съ подкоморииою и, обокъ прочихъ дамъ,
Солидно шествуетъ вельможный подкоморій.
Позади—молодежь. Кто въ шляпѣ несъ цыкорій,
Кто — бѣлые грибы; что въ полѣ ни нашли,
На ужинъ годнаго, въ рукахъ съ собой несли,
Заботясь старшему отдать почётъ дорогой:
Судья во всёмъ любилъ обычай дѣдовъ строгой,
Увѣренъ, что пока обычай этотъ живъ —
И домы держатся и весь народъ счастливъ;
А если старина уступитъ новымъ модамъ —
Прощай тогда Литва со всѣмъ своимъ народомъ.

Свиданье первое Тадеуша съ судьёй
Недолго длилося: судья отёръ полой
Горячую слезу, окинулъ гостя взглядомъ,
Потомъ поцаловалъ — и путь держали рядомъ.
Какъ гостю, былъ ему особенный почотъ:
Что вмѣстѣ съ дамами дошолъ онъ до воротъ.

Вслѣдъ за хозяиномъ всё рушилося съ поля —
Во всёмъ хозяйская проглядывала воля:
Взвиваясь, щелкаетъ пастушій звонкій кнутъ
И овцы, пыль поднявъ, гурьбой въ село бѣгутъ;
За ними тучныя тирольскія коровы,
Звонками брякая, влекутся изъ дубровы;
Тамъ кони, ржа, летятъ со скошенныхъ луговъ;
Блеяніе овецъ, весёлый звонъ роговъ
И топотъ лошадей слилися въ гулъ единый.
Тадеушъ сельскою, забытой имъ, картиной
Не налюбуется и смотритъ, какъ стада
Спѣшатъ, гдѣ изъ бадьи студеная вода
Въ колоды длинныя блестящимъ токомъ льётся
И машетъ колесо большое у колодца.

Судья, хоть и усталъ, а всё-таки соблюлъ
Обычай: въ закрома къ скотинѣ заглянулъ.
А войскій между-тѣмъ въ сѣняхъ съ Брехальскимъ вознымъ
Соображеніямъ предался серьознымъ:
Въ отсутствіи судьи Брехальскій, подъ шумокъ,
Всю мебель изъ дому, какую только могъ,
Велѣлъ перенести прислугѣ въ замокъ древній,
Который ветхою руиной подъ деревней
Стоялъ насупившись. «Къ чему переносить?»
Хотѣлъ-было судья у войскаго спросить,
Но войскій ускользалъ и не давалъ отвѣта
Опредѣленнаго, зачѣмъ тревогу эту
Онъ поднялъ. Наконецъ, собравшися пошли
Гурьбой къ развалинамъ, чернѣющимъ вдали,
Чтобъ тамъ отъужинать. Лишь тутъ хозяинъ строгой
Дознался кое-какъ отъ войскаго дорогой,
Что въ домѣ мѣста нѣтъ: такая тѣснота —
Не поворотишься; развалина же та
Глядитъ развалиной лишь издали, снаружи,
А близко никакихъ хоромъ она не хуже,
Хотя и треснула внутри одна стѣна.
За-то уже просторъ, раздолье, ширина;
Къ тому жъ и погреба, наслѣдственныя вины...
Но были, сверхъ того, особыя причины.

Шаговъ на тысячу отъ дома, на холмѣ,
Какъ привидѣніе возникшее во тьмѣ,
Торчало зданіе — жестокая насмѣшка
Надъ славой прошлыхъ лѣтъ. Хозяинъ, графъ Горешка,
Погибъ въ часы лихихъ усобицъ и войны;
Имѣнія его тотчасъ же розданы
Наслѣдникамъ, не-то въ секвестръ казною взяты,
Лишь замка никому ненужныя палаты
Одни осталися пока еще ничьи,

*) Асессоръ — начальникъ земской полиціи, родъ нашего исправника.

**) Подкоморій — старшій чинъ въ повѣтѣ, родъ нашего предводителя дворянства. Одно время подкоморіямъ было предоставлено разбирать тяжбы помѣщиковъ о границахъ.

Сидя на рубежахъ Горешки и судьи,
И древней суетой своею не смущали
Покамѣстъ никого: наслѣдники смѣкали,
Что реставрація поглотитъ много суммъ,
Которыя, подчасъ, важнѣй, чѣмъ славы шумъ.

Вдругъ прибылъ родственникъ Горешки отдаленный,
Графъ, странникъ и поэтъ. Объѣхавъ полвселенной,
Онъ думалъ у себя въ помѣстьяхъ отдохнуть,
На счоты своего прикащика взглянуть,
Немного освѣжить свой духъ въ глуши пустынной
И, сразу поражонъ развалиной старинной,
На за́мокъ предъявилъ права свои — тогда жь
Припала и судьѣ такая точна блажь:
Затѣяли процессъ въ судѣ, потомъ въ палатѣ,
Потомъ опять въ судѣ и, наконецъ, въ сенатѣ.
Три года дѣло то̀ разсматривалъ сенатъ,
Покуда, послѣ ссоръ и всякихъ новыхъ тратъ,
Процессъ не повернулъ дорогою обычной
На разбирательство управы пограничной.
Всё это вѣдая, знатокъ статей и правъ,
Брехальскій находилъ, что за́мокъ тотъ занявъ,
Они практически и дѣльно поступили:
Залъ былъ какъ рефектарь; въ боку покои были
Для канцеляріи. У оконъ и дверей
Кудрявые рога и головы звѣрей
Напоминали всѣмъ про дѣдовскій обычай
Чертоги украшать охотничьей добычей;
И даже надписи виднѣлися вездѣ,
Гласившія о томъ, когда, и кѣмъ, и гдѣ
Убитъ такой-то звѣрь; и явственно дотолѣ
Сіялъ Горешки гербъ: коза въ зелёномъ полѣ.

При факелахъ вошли и стали по мѣстамъ;
Для подкоморія — по званью и лѣта́мъ —
Вверху почётный стулъ; хозяинъ посрединѣ.
Ксёндзъ-квестарь прочиталъ молитву по-латыни.
Тутъ, водки выпивши, усѣлись наконецъ,
И живо стали ѣсть литовскій холодецъ.
Тадеушъ хоть и былъ лѣтами всѣхъ моложе,
Однако помѣщёнъ въ углу почётномъ тоже,
Какъ вновь прибывшій гость. Межь дядей и межь ними
Остался лишь одинъ приборъ незанятымъ
И ждалъ, казалося, прибытія кого-то.
Судья поглядывалъ съ тревогой и заботой
То на̀ дверь, то на стулъ; и гость смотрѣлъ туда
И, хоть была его сосѣдка молода,
Дочь подкоморія, и хороша собою,
Но непонятною какою-то судьбою
Ни слова съ нею онъ не выронилъ изъ устъ
И всё посматривалъ туда, гдѣ стулъ былъ пустъ.
Черты прелестныя въ умѣ его сновали
И видимо ему покоя не давали.
Такъ на болотѣ въ дождь играютъ пузыри,
Колебля лопухи, тростникъ и купыри,
Вдругъ лилія озёръ ихъ сѣти пробиваетъ
И на̀верхъ царственно и пышно выплываетъ.
Ужь третье кушанье на столъ принесено.
Тутъ къ старшей дочери придвинувши вино,
А младшей огурцы подавши и цикорій,
Замѣтилъ съ тайною досадой подкоморій:
«Впервые довелось мнѣ нынче, старику,
Для дамъ прислуживать; ни разу на вѣку
Я не видалъ еще... но времена не схожи;
Что дѣлать, ежели никто изъ молодёжи
Не догадается!» Тогда рванулись вдругъ
Со всѣхъ концовъ стола десятки дюжихъ рукъ.
Судья — Тадеуша̀, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ,
Сердитымъ съ головы до ногъ окинувъ взглядомъ —
Сказалъ: «Мы, старики, заботимся о томъ,
Чтобъ воспитать ребятъ и ихъ въ столицы шлёмъ;
Не спорю: молодежь учонѣе оттуда
Къ намъ возвращается, но только вотъ что худо:
Науку—знать людей, приличья, формы, свѣтъ—
На это каѳедры теперь, какъ видно, нѣтъ.
Въ дни наши молодёжь незнатная, бывало,
Въ домахъ зажиточныхъ магнатовъ проживала;
Я самъ вотъ у его у милости въ дому,
У подкоморія воспитанъ» — тутъ къ нему
Припалъ почтительно и обнялъ за колѣни —
«И не престану вѣкъ ко Господу моленій
За всё его добро и ласки возносить,
Хотя бы могъ еще и болѣе просить:
Иной, черезъ него, по службѣ удостоенъ...
Но я не жалуюсь; доволенъ и покоенъ,
Что дѣдовскіе всё порядки соблюдать
Съизмала научёнъ. Да, не мѣшаетъ знать:
Учтивость истинно великая наука
И не сейчасъ даётся намъ. Не штука
Расшаркнуться ногой, пристукнуть каблукомъ,
Проворно въ воздухѣ вертнуть своимъ носкомъ,
Не-то заговорить съ пріятелемъ развязно;
Нѣтъ! штука поступать со всякимъ сообразно
Его значенію, сословію, лѣта́мъ.
На-что отецъ съ дѣтьми, съ женою мужъ—и тамъ
Свои оттѣнки ѣсть, особый сортъ приличій.
Таковъ, по крайности, прадѣдовскій обычай.
А разговоръ о чёмъ? Дѣянья прошлыхъ лѣтъ;
Но задѣваютъ тутъ нерѣдко и повѣтъ,
Чтобъ показать инымъ, что знаютъ повсемѣстно
Проказы ихъ; что всё про нихъ давно извѣстно.

Такъ искони у насъ въ обычаѣ велось
И быть тѣмъ крѣпокъ былъ; теперь всё лѣзетъ врозь;
Случается, что панъ приходитъ въ гости къ пану,
Какъ деньги къ древнему въ карманъ Веспасіану,
Который не любилъ распросовъ, говорятъ,
Откуда, что и какъ, а былъ даянью радъ.»

Сказавши то̀ судья и крякнувъ напослѣдокъ,
Обвёлъ глазами всѣхъ сосѣдей и сосѣдокъ,
Затѣмъ, что хоть всегда искусно рѣчь держалъ,
Но, тѣмъ не менѣе, по опыту онъ зналъ,
Что нынче молодёжь куда нетерпѣлива
И какъ бы кто ни вёлъ своей бесѣды живо,
Чуть призатянется — ужь и начнутъ зѣвать —
И надобно её не кончивъ перервать.
Теперь всѣ слушали въ молчаніи глубокомъ.
На подкоморія ораторъ вскинулъ окомъ:
Тотъ одобрительно отвѣтилъ головой.
Тогда, наполнивши бокалъ его и свой,
Ораторъ продолжалъ: «Да, подлинно, учтивость
Наука важная, и та въ ней особливость,
Что тѣмъ кто болѣ ту науку познаётъ,
Вникаетъ въ правила, которыя народъ
Отъ дѣдовъ сохранилъ и чтитъ еще дотолѣ —
Тотъ вѣсу въ обществѣ пріобрѣтаетъ болѣ.
Такъ, если собственный узнать ты хочешь вѣсъ,
Вели, чтобъ кто-нибудь въ другую чашу влѣзъ.
За этимъ уважать я вамъ рекомендую
Учтивость. Если жь кто сосѣдку молодую
За тра̀пезой своимъ вниманьемъ обойдётъ
И не услужитъ ей, я думаю, что тотъ...»
При сёмъ племянника онъ смѣрилъ грознымъ окомъ,
Готовясь выступить съ крутымъ ему урокомъ.
Тадеушъ поблѣднѣлъ, но подкоморій вдругъ,
Всю залу взорами окинувши вокругъ,
Легонько пальцами ударилъ въ табакерку
И молвилъ: «Такъ-то-такъ, но если на повѣрку
Начнёмъ всё взвѣшивать и всё соображать:
Нельзя намъ молодёжь свою не уважать.
На памяти моей гораздо хуже было,
Когда заморскаго народу навалило
Сюда, хоть прудъ пруди: намъ изъ чужой земли
Обычаевъ они и моды навезли,
А наши юноши сейчасъ, по ихъ примѣру,
Забывъ отечество, родной языкъ и вѣру,
Въ наставникахъ своихъ не чая и души,
Надолго бросили чамарки, кунтуши,
Давай по ихнему кафтаны шить кургузы —
И стали всѣ на видъ какъ истые французы,
Ну такъ, что иногда нельзя и разобрать.
Коли кого Господь захочетъ покарать,
Разсудокъ онъ затьмитъ у тѣхъ: объ эту пору
Не думали давать и старшіе отпору
Той басурманщинѣ; повсюду былъ разладъ,
Повсюду — будто бы на сырной маскарадъ,
Покуда не пришла совсѣмъ иная доля:
Во слѣдъ за сырною, великій постъ — неволя!»

«Лѣтъ пятьдесятъ тому, въ повѣтъ Ошмянскій къ намъ,
Я помню, заѣзжать любилъ по временамъ
Подчашичъ, первый, кто у насъ кафтанъ французскій
Надѣлъ; гонялись всѣ за этой трясогузкой,
И даже лицамъ тѣмъ завидовалъ весь свѣтъ,
У чьихъ воротъ стоялъ его кабріолетъ.
А кучеръ у него въ чулкахъ ходилъ; ботинки
Носилъ онъ съ пряжками, а ноги какъ тычинки.
На козлахъ, рядомъ съ нимъ, сидѣлъ косматый пёсъ,
Котораго съ собой изъ-за̀ моря привёзъ
Подчашичъ. А народъ, увидя ту карету,
Твердилъ, что ѣздилъ въ ней нѣмецкій чортъ по свѣту,
И всякій осѣнить спѣшилъ себя крестомъ.
Какъ одѣвался самъ Подчашичъ, я о томъ,
Во всѣхъ подробностяхъ описывать не стану,
Скажу лишь, что похожъ онъ былъ на обезьяну.
Отъ подражанія ему предостеречь
Могли бы старшіе, но сдерживали рѣчь,
Чтобъ шуму не поднять, чтобъ судьи наши строги
Не вздумали кричать, что не даёмъ дороги
Мы просвѣщенію. Подчашичъ говорилъ,
Что за̀ моремъ народъ вопросовъ тьму рѣшилъ,
Что всѣ между собой равны тамъ люди стали;
Хоть мы о томъ давно въ писаніи читали
И проповѣдуютъ въ костёлахъ всякій день
Ксендзы; но ежели французскій бюллетень
Не подтвердилъ: законъ не можетъ быть закономъ!
Подчашичъ пріѣзжалъ въ то время къ намъ барономъ,
Затѣмъ-что за̀ моремъ былъ въ модѣ титулъ тотъ.
Когда же титулы во Франціи народъ
И привиллегіи магнатовъ уничтожилъ —
Сталъ демократомъ онъ; а еслибъ дольше пожилъ,
Богъ знаетъ прозвище какое бъ изобрѣлъ.
Вѣкъ этихъ обезьянствъ, по счастію, прошолъ
И нынче попрекнуть нельзя намъ молодёжи,
Что ѣздитъ за море она — мѣнять одёжи,
Иль, Господи прости, коверкать свой языкъ.
Призваніе своё французъ теперь постигъ:
Ихъ кесарь, Бонапартъ, толкуетъ не о модахъ,
А объ оружіи, о царствахъ, о народахъ;
По манію его, сбираются полки —
И славны по свѣту вновь стали поляки.

Но... время тянется, гостей мы ждёмъ напрасно
И ко Всевышнему взываемъ ежечасно:
Москаль, по прежнему, бѣльмо намъ на глазу.
А что», вполголоса сосѣду онъ ксендзу
Сказалъ, «не слышно ли тамъ, отче, о французѣ
Чего-нибудь у васъ? о нашемъ съ нимъ союзѣ?
И можно ль ждать конца желаннаго тому?»
— «Не слышно ничего», на это ксёндзъ ему:
«Да и зачѣмъ теперь такіе разговоры?»
Сказалъ и опустилъ свои въ тарелку взоры,
Потомъ приподнялъ ихъ и быстро поглядѣлъ
Въ ту сторону стола, гдѣ межъ гостей сидѣлъ
Армейскій капитанъ, Иванъ Никитичъ Рыковъ,
Неотличавшійся познаніемъ языковъ,
Хоть онъ Богъ знаетъ гдѣ съ полкомъ перебывалъ;
По польски всё жъ таки кой-какъ маровывалъ
И, услыхавши вдругъ намёкъ о Бонапартѣ,
Сказалъ: «Эй, вы, паны! Что вы въ такомъ азартѣ?
Ксёндзъ-пробощъ бернардинъ, вельможный панъ судья
И подкоморій панъ! По польски знаю я!
Вамъ о французахъ всё! Депеши изъ Варшавы!
Отчизна! Знаю я: вамъ хочется расправы
Съ Москвой! Я не шпіонъ, а знаю всё какъ есть.
Покамѣсть можемъ мы по братски пить и ѣсть.
Бывало чуть у насъ съ французомъ мировая:
Всѣ обнимаются другъ съ другомъ, попивая
Шампанское... трубятъ: опять ура въ штыки!
У насъ пословицу сложили старики:
Коль любишь, такъ и бьёшь. Но будетъ драка снова,
Ей Богу! Вотъ вчера я былъ у Житунова,
Майора: говоритъ, объявленъ вишь походъ;
Но безъ Суворова пожалуй насъ побьётъ
Проклятый Бонапартъ. Нашъ батюшка Суворовъ
Былъ оборотень: разъ, безъ дальнихъ разговоровъ,
Оборотился онъ въ борзого кобеля
И за французомъ ну чесать черезъ поля,
А Бонапартъ (и онъ былъ оборотень тоже)
Прикинулся лисой — и... что тутъ было, Боже!»

Въ ту пору скрипнула приземистая дверь:
Особа новая глазамъ гостей теперь
Предстала; рядышкомъ съ Тадеушемъ на стулѣ
Садится; на неё всѣ гости вразъ взглянули:
Была она собой пригожа, молода;
Цвѣтистымъ вѣеромъ махалась иногда,
Хоть вовсе не было въ покояхъ зáмка жарко.
Всё, сверху до низу, на ней смотрѣло ярко;
Весьма короткіе у платья рукава;
Повсюду ленточки, фестоны, кружева,
Хитро сплетённыя гирлянды и букеты
И, наконецъ, брильянтъ въ хвостѣ косы-кометы
Сіялъ звѣздой. Была какъ-будто убрана
На балъ. Когда жь за столъ садилася она,
Легонько на плечо сосѣда оперлася,
Учтиво передъ нимъ однакó извиняся,
Но ровно ничего не ѣла; вѣеръ свой
Крутила; брилліантъ подчасъ надъ головой
Рукою пухлою и бѣлой поправляла,
Да взорами въ мужчинъ убійственно стрѣляла.
Такъ на минуту былъ перерванъ разговоръ.
Межъ-тѣмъ, въ другомъ концѣ завязывался споръ,
Сперва умѣренный, чѣмъ далѣ тѣмъ задорнѣй,
О томъ, чей борзый пёсъ былъ лучше и проворнѣй.
Шли въ очередь Тузы, Салтаны, Соколы.
Асессоръ выставлялъ достоинство Стрѣлы,
Пса рѣдкой прыткости, и красоты, и жара;
А становой стоялъ за славу Янычара,
Дотолѣ будто бы невиданнаго пса —
И толковалъ о нёмъ навѣрно полчаса.

Не принимая въ томъ участья въ разговорѣ,
Въ другомъ концѣ стола судья и подкоморій
О политическихъ дѣлахъ трактатъ вели
И вмѣстѣ — о судьбахъ родной своей земли.

Тадеушъ между-тѣмъ въ раздумьѣ былъ глубокомъ,
На гостью новую поглядывая бокомъ,
А сердце билося сильнѣе и сильнѣй...
И такъ, онъ угадалъ: тотъ стулъ — онъ былъ для ней!
Для той, кого въ саду онъ видѣлъ на разсвѣтѣ,
Но та какъ бы въ иномъ ему мелькнула свѣтѣ
И ростомъ, кажется, поменѣе была;
А можетъ, видъ иной одежда ей дала;
Одежда многое въ глазахъ у насъ мѣняетъ:
Чего недостаётъ — одежда пополняетъ.
Какъ-будто бы другой у этой цвѣтъ волосъ...
Лица и глазъ у той ему не довелось
Увидѣть по утру, но горя въ этомъ мало:
Воображеніе ему нарисовало
Мгновенно: ясный взоръ, румяныя уста,
Ланиты свѣжія, всё, словомъ, до чиста,
Что нужно юности, чтобъ сномъ любви забыться,
Чтобъ сердце начало живѣй и шибче биться,
А тамъ — брюнетка ли, блондинка ли она,
Дитя ль воздушное, иль нѣсколько полна —
Влюблённый въ метрику заглядывать не будетъ
И сердцемъ обо всёмъ по своему разсудитъ.

Хотя Тадеушу ужь было двадцать лѣтъ
И въ Вильнѣ видѣлъ онъ немного жизнь и свѣтъ,
Но — отданъ строгому ксендзу на воспитанье —

Умѣлъ хранить отцовъ онъ строгія преданья:
Вдали отъ всякихъ бурь, какъ свѣжій тополь, взросъ
И душу чистую на родину привёзъ
Въ могучемъ тѣлѣ онъ, теперь лишь замышляя
Отвѣдать кой чего среди родного края,
Вкусить досель еще невѣдомыхъ плодовъ.
Онъ былъ собой пригожъ, и крѣпокъ и здоровъ,
Имѣлъ въ родню, въ Соплицъ, военныя ухватки,
Еще дитёй игралъ съ ребятами въ лошадки,
А въ школѣ по ружью и саблѣ тосковалъ
И надъ грамматикой отчаянно зѣвалъ.
Науки не дались ему: онъ зналъ заранѣ,
Что быть ему въ бояхъ, служить въ военномъ станѣ,
Учись, иль не учись — одинъ тебѣ конецъ!
Что такъ ужь завѣщалъ покойный панъ-отецъ.
Вдругъ получаетъ онъ отъ дяди разрѣшенье
Оставить домъ ксендза, отправиться въ имѣнье,
Начать хозяйничать, забывъ пока войну,
И потихоханьку высматривать жену;
А что до всякихъ благъ: не будетъ онъ въ накладѣ,
Лишь жилъ бы въ простотѣ и не перечилъ дядѣ.

Сосѣдка это всё съумѣла вмигъ смѣкнуть;
Взглянула на плеча Тадеуша, на грудь,
Во всёмъ замѣтила и силу, и здоровье:
Чтò—кровь былъ съ молокомъ, какъ говоритъ присловье.
Первоначальное смущеніе прошло;
Свободное отъ думъ, высокое чело
Однимъ младенческимъ спокойствіемъ сіяло:
Сосѣдку созерцалъ ужь не боясь нимало,
О томъ же, кто она, вопросъ давно рѣша —
И счастіемъ была полна его душа.

Сосѣдка первая нарушила молчанье:
Желая выказать учоность и познанья,
Спросила, много ли онъ книгъ съ собой привёзъ?
И за вопросомъ тутъ послѣдовалъ вопросъ,
Какъ волны за волной, когда взыграетъ море;
Всего коснулася въ кипучемъ разговорѣ:
Новѣйшихъ авторовъ, архитектуры, модъ,
И рисованія, и музыки, и нотъ:
Чтò книга сыпала словами, чтò газета.
Тадеушъ онѣмѣлъ, всё выслушавши это,
Какъ предъ инспекторомъ сробѣвшій гимназистъ,
Къ тому жь и вообще онъ былъ не такъ рѣчистъ.

Примѣтя тò, она предмѣтъ перемѣнила:
О деревенскомъ съ нимъ житьѣ заговорила,
Чѣмъ надо завестись, хозяиномъ чтобъ стать,
Какъ время на селѣ удобнѣй коротать —
И шла часъ отъ часу бесѣда ихъ живѣе;
Тадеушъ дѣлался часъ отъ часу смѣлѣе,
Ужь началъ возражать... Передъ концомъ стола
Она три шарика сосѣду подала,
На выборъ: указалъ онъ тотъ, который съ краю
Лежалъ, шепнувши ей: «я этотъ выбираю!»
На то надулася сосѣдка ихъ одна,
Дочь подкоморія. Другая сторона
Вела между собой иные разговоры:
Въ ходъ были пущены охота, псы да своры;
Асессоръ съ партіей своею спасовалъ
И становой теперь надъ нимъ торжествовалъ.
Покинувши мѣста и всей гурьбою стоя,
Два билось лагеря, какъ два лихихъ героя;
Немного впереди заядлый становой
(Онъ былъ звонкоголосъ и человѣкъ живой:
Когда разсказывалъ, особыя движенья
Рукамъ для пущаго давалъ онъ выраженья)
Всё краснорѣчіе теперь на свѣтъ явилъ,
Два пальца выдвинувъ, а оба локтя втылъ
Откинувъ и прижавъ, чтобы вѣрнѣй двѣ своры
Представить тѣмъ. «Ату! пошли чрезъ косогоры
Два пущенные пса, примѣтя русака,
Точь въ точь какъ двѣ стрѣлы изъ одного лука,
Не-то два выстрѣла вдругъ изъ одной двустволки.
Ату его, ату!... Между псарями толки
Тихонько начались: чья въ ту пору возьмётъ?
Русакъ, не дуренъ будь, къ опушкѣ, на уходъ,
И сразу отсадилъ сажени на четыре —
И ну давать круги размашистѣй и шире.
Мой Янычаръ къ нему! ату его, ату!
Вотъ, кажется, насѣлъ, повиснулъ на хвосту,
Того гляди возьмётъ! да нѣтъ, не тутъ то было:
Изъ-подъ носу у псовъ добыча уходила;
Они за нимъ — ату! Онъ вправо далъ козла;
Тутъ налегла къ нему асессора Стрѣла —
Онъ влѣво, влѣво псы — и долго рядомъ пара
Держалась: ни Стрѣла впередъ отъ Янычара,
Ни онъ отъ ней! Неслись какъ бы одинъ, но вдругъ
Мой выдался и цапъ!» Какъ выстрѣлъ этотъ звукъ
По залѣ раздался — дрогнули своды залы.
Тадеушъ рѣчь прервалъ; въ лицѣ румянецъ алый
Зардѣлся у него: онъ что-то говорилъ
Сосѣдкѣ передъ тѣмъ, смѣялся и шутилъ,
Ища подъ скатертью рукою шаловливой
Сосѣдкиной руки. Такъ вѣтерокъ игривый
Порою пташекъ двухъ нечаянно вспугнётъ,
Иль, вѣтку отъ ствола откинувъ, колыхнётъ
И долго въ воздухѣ дрожитъ, качаясь, вѣтка:
Такъ нѣсколько минутъ Тадеушъ и сосѣдка
Сидѣли, смущены тѣмъ звукомъ; но потомъ

Тадеушъ ободрясь сказалъ: «все дѣло въ томъ,
Чей пёсъ опередилъ; не можетъ быть тутъ спору,
Особенно, когда псари спустили свору
Единовременно, въ одинъ и тотъ же мигъ.»

Асессоръ, слыша тò, наморщилъ гнѣвный ликъ
И на Тадеушѣ остановился взглядомъ,
Которой полонъ былъ и горечью, и ядомъ.
Асессоръ менѣе въ движенiяхъ былъ живъ,
Чѣмъ лютый врагъ его, и менѣе крикливъ;
За-то на раутѣ, на сеймѣ, середь бала
Боялись всѣ его: языкъ его, какъ жало,
Язвилъ и колкости умѣлъ пускать острѣй,
Чѣмъ добавленiя иныхъ календарей.
Когда-то человѣкъ съ значеньемъ и богатый,
Провёлъ онъ молодость азартно, мотовато,
На съѣздахъ, въ сеймикахъ, по ярмаркамъ кутилъ
И всё отцовское имѣнiе спустилъ.
Теперь же поступилъ на службу изъ разсчоту,
Чтобъ вѣсъ какой-нибудь имѣть; любилъ охоту
Для развлеченiя, а частью потому,
Что громкiй звукъ роговъ напоминалъ ему
Потѣхи прежнихъ лѣтъ, охотничьи забавы
Съ огромной псарнею, весёлыя облавы
И пиршества среди наслѣдственныхъ лѣсовъ.
Отъ псарни той едва осталась пара псовъ,
На утѣшенiе ему — и смѣть теперь позорить
Главнѣйшаго изъ нихъ! смѣяться, дерзко спорить!
И кто жь! молокососъ! столичный неучъ, гость!...
Съ трудомъ скрывая гнѣвъ, волненiе и злость,
Асессоръ выступилъ и, бакенбарды гладя,
Сказалъ Тадеушу: «Когда бы панскiй дядя,
Или хоть тётушка вмѣшались въ этотъ споръ:
Они, живя въ селѣ, видали больше своръ
И замѣчанья ихъ, пожалуй, были бъ сильны;
Но панъ, всего лишь день вернувшiйся изъ Вильны,
Едва ли можетъ быть судьёю выбранъ здѣсь!»
Тадеушъ, услыхавъ тѣ рѣчи, вспыхнулъ весь,
Привсталъ изъ-за стола — асессору бы горе!
Но въ табакерку вдругъ ударилъ подкоморiй,
Понюхалъ и чихнулъ — всѣ крикнули виватъ!
А онъ имъ послѣ такъ: «лѣтъ подъ сорокъ назадъ,
Въ дни наши, братiя, панове добродѣи,
Всѣ эти разныя охотничьи затѣи,
Всѣ споры шумные кончались межь дубравъ;
Поэтому нашъ гость едва ли будетъ правъ,
Теперь, за ужиномъ, вопросъ такой рѣшая.
Но учреждается охота здѣсь большая
На завтра: завтра мы всѣ споры разрѣшимъ;
А нынѣ, съ вечера, панове, поспѣшимъ
Приготовленьями какъ слѣдуетъ заняться;
И графъ съ охотою своею, можетъ-статься,
Пожалуетъ; и васъ мы просимъ, панъ-судья,
И дамъ, и паненъ всѣхъ; на старость лѣтъ и я
Попробую: гурьбой всѣ двинемся мы вмѣстѣ;
Я, чай, и войскiй нашъ не усидитъ на мѣстѣ!»

А войскiй на другомъ сидѣлъ концѣ стола
И словно не слыхалъ, что объ охотѣ шла
Бесѣдаярая. Всѣ споры проклиная
И въ пальцахъ табаку щепоть переминая,
Онъ, наконецъ, его отчаянно нюхнулъ
И громко посреди компанiи чихнулъ;
Чиханье войскаго откликнулося эхомъ
Подъ сводами; а онъ такъ началъ съ горькимъ смѣхомъ:
«Дивитъ меня, ей-ей, вашъ споръ о парѣ псовъ,
Съ такою яростью и въ столько голосовъ!
Что если бы въ гробахъ онъ мёртвыхъ растревожилъ,
Когда бы нашъ Рейтанъ опять межь нами ожилъ
И споръ услышалъ тотъ: онъ вынести бъ не могъ,
Вернулся бъ на погостъ и вновь въ могилу лёгъ!
Иль Неселовскiй нашъ, охотникъ первый въ свѣтѣ,
Какихъ ужь болѣ нѣтъ и первый панъ въ повѣтѣ,
Въ имѣнiи своёмъ до сихъ живущiй поръ,
И держущiй псарей по пански цѣлый дворъ
И сто возовъ сѣтей медвѣжьихъ. Онъ ужь нынѣ
Не ѣздитъ полевать; отшельникомъ въ пустынѣ
Сидитъ среди своихъ отеческихъ дубравъ,
Бялопетровичу и то разъ отказавъ!
И пусть сидятъ себѣ ужь лучше бирюками,
Чѣмъ ѣздить этакимъ панамъ — за русаками!
Въ дни наши: туръ, медвѣдь, кабанъ, олень и лось—
Вотъ настоящими звѣрями что звалось,
Что любитъ чащу, глушь, да камыши, да топи;
А звѣря безъ когтей травили лишь холопи;
Паны же нехотя вели о томъ и рѣчь.
Ружьё, въ которое набита не картечь,
А дробь, считалося на-вѣки осквернённымъ,
И пану взять его — поступкомъ незаконнымъ
И непростительнымъ. А, впрочемъ, и борзыхъ
Держали для того: когда съ охотъ лѣсныхъ
Случалось по полямъ, по степи возвращаться,
Чтобъ было чѣмъ подчасъ ребятамъ забавляться
И протравить шутя иного русака;
А старшiе, смотря на нихъ издалека,
Смѣялись. Потому и мнѣ прошу дозволить
Остаться и меня на этотъ разъ уволить
Отъ полеванiя въ степяхъ на русаковъ;
Что дѣлать: у меня обычай ужь таковъ!
Гречеха я зовусь: еще отъ круля Леха
На зайцевъ ни одинъ не полевалъ Гречеха!»

Всѣ въ смѣхъ ударились и, вставъ изъ-за стола,
Изъ зáмка медленно компанія пошла.
Сначала выступилъ преважно подкоморій:
Замѣтно по лицу, что въ добромъ былъ юморѣ;
Идя, привѣтливо онъ кланялся гостямъ;
Съ подкоморинoю хозяинъ шолъ, а тамъ
Попарно прочіе. Асессоръ шолъ съ Крайчанкой,
А становой, въ концѣ, съ Варварой Гречешанкой.

Тадеушъ забрался дремать на сѣновалъ.
Въ воображеніи у юноши сновалъ
Тотъ вечеръ. Болѣе всего звонило въ ухо
Ему, какъ бы пчела проклятая, иль муха,
Названье «тётушка». Хотѣлъ потолковать
Объ этомъ съ вознымъ онъ—не могъ его поймать.
Запропастился тожь куда-то съ нимъ и войскій.
Тадеушъ помечталъ — и быстро сонъ геройскій,
Сонъ крѣпкой юности спустился на него:
Заснулъ какъ богатырь, не видя ничего.

Чрезъ полчаса вездѣ такая тишь настала,
Какъ бы въ монастырѣ: всё сномъ невинныхъ спало,
Какъ въ сёлахъ водится; лишь сторожъ въ доску билъ,
Да въ комнатѣ судьи огонь еще свѣтилъ:
Хозяинъ былъ за всѣхъ въ тревогѣ и заботѣ
И съ вознымъ говорилъ о завтрашней охотѣ:
Хотѣлось всё ему какъ-надо снарядить
И соотвѣтственный порядокъ учредить.
За этимъ, времени не тратя по пустому,
Приказы отдавалъ онъ войтамъ, эконому,
Лѣсничимъ; наконецъ сказалъ, что хочетъ спать
И возный долженъ былъ его разоблачать:
Сначала поясъ снялъ онъ слуцкій, златолитый,
Въ узоры пёстрые шелками весь расшитый,
Съ кистями по концамъ, двуличневый: одна
Была у пояса цвѣтная сторона,
Другая чорная; носили то узорной
Наружу стороной, то траурною, чорной,
Во дни печальные; и такъ, какъ надо быть,
Брехальскій поясъ тотъ умѣлъ всегда сложить.

Окончивши во всёмъ порядкѣ раздѣванье,
Онъ отпустилъ судьѣ такое замѣчанье:
«А что дурного тутъ, что ужинъ въ зáмкѣ данъ:
Убытку никому, за-то вельможный панъ
Изволитъ выиграть, пожалуй, этакъ дѣло.
Другая сторона немного проглядѣла
И ей, какъ кажется, совсѣмъ и не въ домёкъ,
Что тотъ, кто пригласитъ гостей на ужинъ могъ
Въ домъ, въ зáмокъ, иль куда, имѣетъ значитъ право,
По силѣ тысячи второй статьи устава,
На оныя мѣста; лишь стоитъ намъ присѣсть
И написать о томъ; свидѣтели же есть...»

Хотѣлъ было еще прибавить два онъ слова
На заключеніе, но проку никакова
Не вышло бъ изъ того: судья уже храпѣлъ!
Тутъ возный выбрался, въ сѣняхъ къ огню присѣлъ
И вынулъ книжечку: *Вокандой Трибунальской*
Звалась она; её носилъ съ собой Брехальскій
Какъ бы молитвенникъ, *Олтарикъ Золотой;*
Всё было для него въ немудрой книжкѣ той
И съ нею никогда онъ ввѣкъ не разставался,
Съ ней спалъ, и ѣлъ, и пилъ, и въ дальній путь пускался.
Всѣ тяжбы, иски всѣ туда занесены,
Что были нѣкогда въ повѣтѣ ведены,
О коихъ позывы носилъ онъ лицамъ разнымъ.
Иному книжка та казалась только празднымъ
Перечисленіемъ фамилій, а ему
Являла кучи дѣлъ и приключеній тьму.
И такъ, присѣвъ, читалъ: Огинскій съ Высогирдомъ,
Квилецкій съ Рымшею, князь Радзивилъ съ Выжгирдомъ,
Гедройцъ съ Мицкевичемъ, съ Почобутами Занъ,
Бялопетровичи противъ доминиканъ,
Юрага съ Купсціями; затѣмъ другія лица,
А въ заключеніе: Горешка и Соплица.
Читая строки тѣ, онъ живо вспоминалъ
Процессы, партіи, высокій трибуналъ,
И самого себя предъ этимъ трибуналомъ,
Въ жупанѣ, а не-то подчасъ въ кунтушѣ аломъ,
При саблѣ — словомъ, какъ ходили въ тѣ года;
Онъ громко восклицалъ: «вниманье, господа!..»
Такъ разсуждаючи, заснулъ мало по малу
Послѣдній на Литвѣ глашатый трибуналу.

Такія-то велись забавы и дѣла
Среди спокойнаго литовскаго села,
Межь-тѣмъ, какъ громъ побѣдъ гремѣлъ въ Европѣ цѣлой
И дивный оный вождь, богъ брани, геній смѣлый,
Звѣздою на челѣ безчисленныхъ полковъ
Сіялъ, съ златыми въ рядъ серебряныхъ орловъ
Въ побѣдоносную запрягши колесницу —
И заносилъ уже грозящую десницу
Надъ сѣверомъ. Его хоругви, знамена
Вѣнчанны славою носили имена:
Маренго, Абукиръ, равнины Аустерлица,
Ульмъ, Таборъ... Съ ужасомъ полночная столица
Слѣдила всѣ его движенья и шаги:

Единый мигъ еще — и встрѣтятся враги!
Въ Литвѣ ужь начали кружить порою вѣсти
О близости войны. Вернувшись съ поля чести,
Толкался по селу подчасъ легіонеръ
Калѣкой въ рубищѣ, и если офицеръ
Московской арміи оттуда былъ далёко —
Распространялся онъ соотчичамъ широко
О разныхъ чудесахъ. Какъ жались всѣ къ нему!
И что спасителю внимали своему,
Нерѣдко жаркими слезами обливаясь!
Онъ братьямъ говорилъ, что, пò свѣту скитаясь,
Слыхалъ онъ, будто бы Домбровскій генералъ
Дружины воиновъ несчотныя сбиралъ
Въ Ломбардіи, затѣмъ, чтобъ устремиться къ Польшѣ;
Что полчища его ростутъ всё больше, больше
И что Князевичъ шлётъ оттуда жь имъ поклонъ;
Что побѣдителемъ вошолъ недавно онъ
Въ столицу кесарей, къ ногамъ Наполеóна
Окровавлённыя повергнувши знамёна —
Сто семьдесять знамёнъ! Что, наконецъ, лихой
Яблонскій къ тропикамъ штандартъ забросилъ свой,
Въ горючіе пески: знать, тамъ привольнѣй сердцу,
Гдѣ сахаръ топится на солнцѣ, рощи перцу
Ростутъ, и надо всѣмъ — какъ яхонтъ небеса!
По своему народъ всѣ эти чудеса
Тихонько объяснялъ; разсказъ изъ хаты въ хату
Бѣжалъ; всѣ вѣрили разсказщику-солдату.
А молодёжь, порой, услыша про войну,
Бросала подъ шумокъ родимую страну,
Вооружаяся дреколіемъ, косами,
И пробиралась вдаль дремучими лѣсами,
Туда, гдѣ строились на Нѣманѣ полки
И ждали братію-литвиновъ поляки.
Скрипѣла по ночамъ литовская телега;
Когда жь являлся братъ: «да здравствуетъ колега!»
Кричали всѣ ему; привѣтствія неслись...
Такъ въ Польшу изъ Литвы за Нѣманъ пробрались:
Горецкій, Гедеминъ, Петровскій, Обуховичь,
Рожицкій, Пацъ, Гедройцъ, Броховскій, Бернатовичь,
И мало ль ихъ еще, чьи вѣчно имена,
Какъ бы священныя, чтить будетъ вся страна.

Порой прибывшаго къ литвинамъ издалече
Видали квестаря: онъ вёлъ тихонько рѣчи
О томъ, что̀ про войну и про французовъ зналъ;
Нерѣдко подъ полой показывалъ журналъ,
Гдѣ были всѣ полки росписаны, какъ надо,
Всѣ имена вождей, названіе отряда,
Въ которомъ состоялъ иной легіонеръ;
Гдѣ отличился кто, солдатъ иль офицеръ,
Гдѣ палъ; когда о томъ въ семействѣ узнавали
Покойнаго — сейчасъ же трауръ надѣвали,
Боясь говорить — по комъ онъ, отчего.
Такъ тихая печаль въ семьѣ, иль торжество
На лицахъ, можетъ-быть, подчасъ съ иной примѣтой,
Краснорѣчивою служили всѣмъ газетой.
Подобнымъ квестаремъ былъ Робакъ бернардинъ.
Нерѣдко по ночамъ онъ сиживалъ одинъ
Съ судьёй, бесѣдуя о чёмъ-то втихомолку;
Порой до пѣтуховъ другъ съ другомъ безъ умолку
Секретный разговоръ запальчиво вели —
И послѣ всякій разъ въ повѣтѣ толки шли
Межъ шляхты и пановъ: какая-либо новость
Кружила по дворамъ. Всегдашняя суровость
Ксендза и самый видъ фигуры и лица,
Гдѣ рѣзко значились широкихъ два рубца,
Какъ будто сабли слѣдъ, иль, можетъ, рана пикой,
Служили для иныхъ таинственной уликой,
Что не всегда сидѣлъ загадочный монахъ
Въ тиши монастыря, въ глухихъ своихъ стѣнахъ,
Смиренно бормоча обычныя молитвы,
Напротивъ: видѣлъ свѣтъ а, можетъ, зналъ и битвы.

Случалося, когда народъ его словамъ
Внималъ почтительно и онъ вѣщалъ: *миръ вамъ!*
И послѣ шли ксендзы и причетъ другъ за другомъ —
Онъ дѣлалъ поворотъ какъ бы налѣво кругомъ,
По приказанію вождя, середь дружинъ.
Не-то, на паперти моляся, бернардинъ
Провозглашалъ *аминь* такимъ суровымъ тономъ,
Какъ бы командовалъ въ то время эскадрономъ.
Въ политикѣ же былъ гораздо онъ сильнѣй,
Чѣмъ въ знаньи *тропарей*, *каноновъ* и *Миней*.
Когда же объѣзжалъ за квестою деревни,
Подчасъ заглядывалъ въ убогія харчевни,
Гдѣ письма отъ жидовъ секретно отбиралъ,
Но при людяхъ чужихъ тѣхъ писемъ не читалъ;
Имѣлъ таинственныхъ агентовъ по приходамъ,
Бесѣдовалъ въ корчмахъ со шляхтой и съ народомъ;
Твердилъ, что кто-то къ нимъ придётъ бѣдѣ помочь.
Теперь же бернардинъ къ судьѣ явился въ ночь,
Имѣя важныя, повидимому, вѣсти —
А тотъ уже храпѣлъ со всей деревней вмѣстѣ.

ПѢСНЬ II.

Кто лѣтъ не помнитъ тѣхъ, когда въ счастливой долѣ
Онъ юношею былъ; ходилъ отважно въ полѣ,

Закинувъ меткую винтовку на плечо,
А бѣшеная кровь кипѣла горячо?
Какъ птица воленъ былъ, среди дубравъ широкихъ
Бродилъ по всѣмъ путямъ и въ небесахъ далёкихъ
Заранѣ, какъ пророкъ, онъ бури узнавалъ;
Порой, какъ чародѣй, къ землѣ онъ припадалъ:
Она, безмолвная для прочихъ, какъ могила,
Таинственную рѣчь съ нимъ тихо заводила.
Вотъ, утренній вѣщунъ, задергалъ карастель,
Вспорхнулъ—и вновь упалъ въ зеленую постель:
Его не сыщешь тамъ; вонъ жаворонокъ вьётся,
Звенитъ — и пѣснь его далёко раздаётся.
Порой, въ выси небесъ, покажется орёлъ,
Очами зоркими окидывая долъ;
Иль ястребъ, просвистѣвъ крыломъ подъ облаками,
Повиснетъ въ воздухѣ надъ тёмными лѣсами,
И вдругъ на голубя, спорхнувшаго съ гнѣзда,
Онъ падаетъ съ высотъ небесныхъ, какъ звѣзда.

О, милый сердцу край! Когда жь дозволятъ боги
Узрѣть мнѣ отчихъ хатъ знакомые пороги?
Удастся ли опять въ Литвѣ моей пожить
И въ конницѣ псарей по прежнему служить,
Не зная битвъ иныхъ, окромѣ лишь охоты,
И вмѣсто всякихъ книгъ слѣдя бурмистра счоты?

Ты вновь приснился мнѣ, полей моихъ просторъ:
Вотъ солнце медленно выходитъ изъ-за горъ,
И въ рощу, сквозь вѣтвей, бѣгутъ лучи денницы,
Какъ ленты изъ косы души моей дѣвицы;
Заглядываютъ въ садъ, на жолтое гумно
И будятъ сонную красавицу давно:
На тёмной муравѣ лежитъ она; ланиты
Пылаютъ розами; уста полуоткрыты
И грудь высокая вздымается слегка,
И бѣлоснѣжная откинута рука...
Проснись! уже пора: чу, хлопнувши крылами,
Ужь лебедь началъ пѣть надъ сонными водами
Свой гимнъ торжественный, привѣтствіе зарѣ,
И гусь загоготалъ съ гусыней на дворѣ;
Какъ эхо, на прудѣ имъ утки отвѣчали;
По кровлямъ воробьи, скача, защебетали;
На пастбища бѣгутъ весёлыя стада
И звонкій рогъ трубитъ въ долинахъ иногда.

Охотники давно проснулись въ Соплицовѣ;
Движенье, суета; все въ сборѣ, наготовѣ
Въ отъѣзжее летѣть. Визжатъ и скачутъ псы,
Полны особенной и жизни, и красы,
Быть-можетъ, одному охотнику понятной;
На сворку просятся: то знакъ благопріятный.
Выходитъ панъ-судья, компанію прося —
И шумно двинулась за нимъ охота вся.
Вотъ поле сѣрое предъ ловчими открыто,
Гдѣ только-что вечоръ жнецы убрали жито;
Кочкарь и борозды бѣгутъ, пестрѣя, въ даль,
Туда, гдѣ синяя небесъ видна эмаль,
Слегка дрожащая отъ утренняго пара.
Высокія межи, подобіе бульвара,
Повсюду поросли косматою травой:
Пахучимъ донникомъ, репьями, лебедой,
И всё, и весь ландшафтъ широкій, необъятный,
Всё вѣетъ свѣжестью, охотнику пріятной —
И бодро конь его, и пёсъ его бѣжитъ...
Вдругъ тихо раздалось протяжное: «лежитъ!»
Которое съ сѣдла выводитъ доѣзжачій,
Поднявъ арапникъ вверхъ: все стихло — визгъ собачій
И всей охотничьей аравы топотня.
Тадеушъ удержалъ ретиваго коня,
Привсталъ на стременахъ и ждётъ, что заяцъ вскочитъ,
Глядитъ впередъ себя; но тщетно онъ хлопочетъ:
Не видитъ ничего охотникъ молодой,
Лишь только борозда бѣжитъ за бороздой
И въ безконечности теряется далёко.
Чтобъ видѣть русака, привычнѣй нужно око;
Тадеушъ отъ полей давно уже отвыкъ,
А заяцъ, съёжившись, за кочкою приникъ
Какъ-разъ противъ него, прижался и таится,
Почуялъ борзыхъ псовъ и выскочить боится.
Но вотъ ужь у него арапникъ на хвосту;
Русакъ вскочилъ, пошолъ — «ату его, ату!»
Задорные ловцы всё разомъ закричали
И мигомъ, пыль поднявъ, въ клубахъ ея пропали.

Въ то время подъѣзжалъ къ охотѣ сбоку графъ
Рысцой, какъ водится, на травлю опоздавъ.
Ни разу отроду онъ не вставалъ до свѣту.
Шотландскій мэкинтошъ гороховаго цвѣту
Полами длинными съ зефирами игралъ,
Межь-тѣмъ какъ всадникъ нашъ охоту озиралъ.
За нимъ — одѣтые по англійски лакеи,
Которые звались въ дому его «жокеи».
Вдругъ зáмокъ передъ нимъ изъ рощи возстаётъ.
Графъ смотритъ и никакъ его не узнаётъ,
Затѣмъ-что поутру попалъ туда впервые.
Исчезли старыхъ стѣнъ морщины вѣковыя,
И нанесённая столѣтіями мгла,
При утреннихъ лучахъ, съ гранитнаго чела
Скатилась; улетѣлъ куда-то мракъ всегдашій —
И зáмокъ весь сіялъ, съ его красивой башней.

Далёкой травли гулъ, крикъ стольких голосовъ,
По вѣтру донеслись къ нему изъ-за лѣсовъ;
Ихъ шумъ дремавшія развалины встревожилъ:
Казалось, зàмокъ вновь, народомъ полонъ, ожилъ.

Картиной поражонъ, графъ лошадь осадилъ,
Затѣмъ, что всякую нечаянность любилъ,
Оригинальныя, массивныя строенья,
Съ печатью старины, преданій и забвенья,
Напоминавшія далёкіе года.
Графъ былъ большой чудакъ: видали иногда,
Какъ онъ, заѣхавши охотиться въ дубраву,
Внезапно покидалъ охотничью араву
И молча гдѣ-нибудь садился надъ ручьёмъ.
Порою безъ толку бродилъ одинъ съ ружьёмъ:
Дичь видитъ, а не бьётъ: богъ-вѣсть о чемъ забота.
Твердили, что ему не достаётъ чего-то;
Что не совсѣмъ его въ порядкѣ голова;
Но всякъ его любилъ и знала вся Литва,
Что тихо онъ живётъ, не судитъ и не рядитъ
О ближнемъ; что его и прадѣдъ, и прапрадѣдъ
Такими жъ графами окончили свой вѣкъ;
Что, напослѣдокъ, онъ хорошій человѣкъ:
Хотя обремененъ огромными долгами,
Но къ бѣднымъ милостивъ и ласковъ со слугàми;
Что гостю всякому во всякій часъ онъ радъ
И даже для жидовъ не гордъ и тароватъ.

Такъ точно и теперь съ охотой онъ простился,
Поѣхалъ въ сторону, предъ зàмкомъ очутился,
На стѣны посмотрѣлъ, подумалъ — и тогда жь
Досталъ изъ-подъ сѣдла портфель и карандашъ
И ну чертить ландшафтъ. Вдругъ видитъ: кто-то сбоку
Подкрался и стоитъ оттоль неподалёку,
Весь въ созерцаніи, спокоенъ, недвижимъ,
Казалось, тѣмъ же былъ недугомъ одержимъ:
Въ разрушенныхъ стѣнахъ разглядывалъ каменья,
Какъ-будто въ нихъ искалъ предметъ для вдохновенья.
Замѣтивъ пришлеца и свой портфель убравъ,
Тихонько на конѣ къ нему подъѣхалъ графъ,
Вглядѣлся пристально, окликнувши три раза —
И только тутъ узналъ онъ ключника Гервaза.
То старый шляхтичъ былъ, давно какъ лунь сѣдой,
Съ огромной лысиной, съ небритой бородой,
Съ физіономіей угрюмой и суровой,
Остатокъ жалостный отъ челяди дворовой
Горешки; въ оны дни отчаянный буянъ,
Гуляка, балагуръ; когда жь вельможный панъ
Горешка въ битвѣ палъ — Гервазъ перемѣнился:
Ходилъ насупившись, не спорилъ, не бранился,
Утихъ и присмирѣлъ — и вотъ ужь много лѣтъ
На свадьбахъ, на пирахъ простылъ его и слѣдъ;
Ни шутки отъ него не слышно, ни усмѣшки
Не видно на устахъ. Послѣдняго Горешки
Носилъ ливрею онъ изъ синяго сукна,
Гдѣ были на бортахъ остатки галуна
И шитый графскій гербъ — коза въ зелёномъ полѣ:
Отъ этого козой зовутъ его дотолѣ,
Мопанкомъ иногда зовутъ и, наконецъ,
Что лысина въ рубцахъ, зовутъ его Рубецъ.
На счотъ его гербовъ... Но видно онъ гербами
Своими пренебрёгъ: весь вѣкъ ходилъ съ ключами
И ключникомъ себя смиренно называлъ,
Хоть зàмокъ съ давнихъ поръ въ развалинахъ стоялъ,
Безъ оконъ и дверей—въ томъ не было потери—
Но ключникъ отыскалъ какія-то двѣ двери
И въ зàмкѣ ихъ воздвигъ на собственный свой счотъ.
Съ-тѣхъ-поръ въ одной изъ залъ спокойно онъ живётъ,
По комнатамъ пустымъ одинъ-себѣ гуляетъ
И двери всякій день преважно отпираетъ —
И этимъ сытъ. Чудакъ у графа жить бы могъ,
Нашолся бъ для него и хлѣба тамъ кусокъ,
Но ключникъ, безъ своихъ горешковскихъ развалинъ,
Безъ зàмка своего, былъ боленъ и печаленъ.

Лишь-только вдалекѣ онъ графа увидалъ,
Горешку кровнаго — проворно шапку снялъ
И, низменный поклонъ отвѣсивши глубоко,
Вдругъ лысину открылъ, свѣтившую далёко,
Браздами взрытую и вдоль и поперёгъ,
Потомъ приблизился, опять до панскихъ ногъ
Припалъ, какъ слѣдуетъ, и поклонился низко,
И робко началъ такъ: «Мопанку мой, паниско!
Прости такую рѣчь слугѣ ты своему!
«Мопанку» говорилъ — да будетъ миръ ему! —
Послѣдній стольникъ нашъ, Горешка. Ясный пане,
Мопанку! правду ли болтаютъ поселяне,
Что бросилъ ты процессъ и старый зàмокъ свой
Соплицамъ отдаёшь? Скажи: то слухъ пустой,
Мопанку, или всё, чтò лаютъ — справедливо?»
А самъ поглядывалъ на зàмокъ боязливо.

— «По мнѣ тутъ ничего особеннаго нѣтъ»,
Сказалъ небрежно графъ: «процессу много лѣтъ!
Напрасно тратимся! и дорого, и скучно!
Пора покончить споръ, простить великодушно
Другъ друга и задать на примиренья пиръ!»

— «Покончить?» крикнулъ тотъ: «простить? съ Соплицей миръ?»
И это говоря, онъ страшно искривился
И собственнымъ словамъ не вѣрилъ и дивился.
«О, нѣтъ! ты шутишь, панъ! покончить, уступить!
Не вѣрю ни за что! Во-вѣкъ тому не быть!
Пустыя выдумки, напраслина, насмѣшки!
Мопанку! зàмокъ нашъ, наслѣдіе Горешки,
Соплицамъ уступить? Съ Соплицей миръ? Ни-ни!
Пожалуй, слѣзь съ коня, будь милостивъ, взгляни
На зàмокъ: ну, а тамъ пусть судитъ Богъ и время!»
И ключникъ придержалъ ему рукою стремя.

Вошли. «Вотъ здѣсь, въ сѣняхъ, старинные паны»,
Такъ началъ ключникъ рѣчь: «дворомъ окружены,
Сидѣли на скамьяхъ, по трапезѣ вечерней.
Панъ стольникъ разрѣшалъ отсюда споры черни,
Повѣтскихъ поселянъ; когда же въ духѣ былъ,
Гостямъ исторіи разсказывать любилъ,
Иль самъ выслушивалъ ихъ шутки и бесѣды.
Порой на молодёжь посматривали дѣды —
На игры въ бары, въ мячъ; кто крѣпче и сильнѣй,
Тотъ панскихъ объѣзжалъ здѣсь пò двору коней.»

Прошли еще покой. «А какъ о томъ разсудитъ
Мой панъ», сказалъ Гервазъ: «и камней тутъ не будетъ,
Чтò винныхъ бочекъ здѣсь разбито въ оны дни:
Рядами по стѣнамъ тутъ ставились они,
На крѣпкихъ поясахъ изъ погреба добыты
Честнòю шляхтою, на праздникъ знаменитый,
Не-то на сельскій сеймъ собравшейся сюда.
На хорахъ музыка играла иногда;
Органы до утра весь зàмокъ оглашали;
Когда жь заздравные виваты возглашали —
Трубили трубы здѣсь, какъ-будто въ судный день,
И пѣли пѣвчіе окрестныхъ деревень.
Виваты рядомъ шли: сначала пили гости
Здоровье короля, его крулевской мости,
Потомъ за здравіе примаса, а потомъ
Шолъ тостъ уже за весь за королевскій домъ;
А тамъ за здравіе всей шляхты именитой,
А тамъ ужь, наконецъ, всей Рѣчи-Посполитой,
Потомъ «Kochajmy się!» — тутъ свѣжихъ бочки три.
Послѣдній тостъ гремѣлъ до утренней зари;
Межь-тѣмъ, по строгому наказу воеводы,
Гостямъ готовились и цуги и подводы.»

Прошли въ молчаніи еще покоя два.
По сводамъ, кое-гдѣ, вилась уже трава.
Гервазъ не говорилъ, но, будто сномъ объятый,
Оглядывалъ кругомъ знакомыя палаты,
Насупивъ безъ того угрюмое чело,
Казалось, выражалъ молчаньемъ: «все прошло!»
Здѣсь жалостно кивалъ, а тамъ махалъ рукою.
Потомъ они пришли къ обширному покою,
Который прежде весь былъ убранъ въ зеркалахъ,
А нынѣ рамы лишь виднѣлись на стѣнахъ,
Безъ стёколъ; выбиты глядѣли всѣ окошки;
Насупротивъ въ травѣ протоптанной дорожки
Нависло ветхое, убогое крыльцо.
Ступивши на него, старикъ закрылъ лицо
И долго простоялъ; когда же òтнялъ руки —
Въ очахъ, на всёмъ челѣ такъ много было муки,
Что графъ, хоть и не зналъ покуда ничего,
Глядѣлъ съ сочувствіемъ и грустью на него.
Молчанье перервавъ, Гервазъ поднялъ десницу:
«Нѣтъ», молвилъ, «никогда Горешковъ и Соплицу
Нельзя соединить! Мопанку, и въ тебѣ
Течётъ Горешки кровь: не уступай въ борьбѣ!
Ты стольнику родня по матери Ловчинѣ;
Узнай же про него исторію ты нынѣ;
Внимательно слѣди разсказъ мой до конца:
Всё это было здѣсь, у этого крыльца!

«Покойный стольникъ мой былъ первый панъ въ повѣтѣ,
Богачъ; имѣлъ онъ дочь всего одну на свѣтѣ,
Красавицу, тогда шестнадцати годовъ.
Отбою не было у насъ отъ жениховъ.
Межъ шляхты былъ одинъ, не изъ большого рода,
Соплица, прозванный для шутки *воевода*:
Весь округъ у себя держалъ на сторонѣ,
Про всё, чтò захотѣлъ, приказывалъ роднѣ,
И сотней ихъ шаровъ командовалъ заранѣ,
Какъ-будто у него лежатъ они въ карманѣ;
Хоть самъ имѣлъ земли съ четыре полосы,
Да саблю у боку, да длинные усы —
И только. Стольникъ-панъ до этого народу
Былъ ласковъ, принималъ почасту воеводу
И въ замкѣ угощалъ. Соплица мой (туда жь
Залѣзетъ въ голову такая дрянь и блажь!)
Мопанку, выдумалъ, какъ-будто бы на ровнѣ,
Посватать-попытать на нашей стольниковнѣ!
Непрошенный сюда къ Горешкамъ зачастилъ,
Какъ дома у себя, у насъ и ѣлъ, и пилъ:
Токаю одного пошло не вѣсть чтò дюжинъ...
Но вдругъ ему гарбузъ мы подали на ужинъ.
А панна видно то-жь, немного, знать, того...
Однако никому объ этомъ ничего.

«Довольно лѣтъ тому: дѣла временъ Костюшки!

Панъ шляхту собиралъ; сходились другъ ко дружкѣ,
Конфедерацію почуявши вдали;
Вдругъ, въ ночь, нагрянули на зàмокъ москали;
Изъ пушки выпалить едва осталось время,
Всѣ двери запереть и хворосту беремя
Позàди навалить; а въ замкѣ — я, да панъ,
Да двое поварятъ; кухмистеръ, хоть и пьянъ,
А тоже взялъ ружьё; стволы во всѣ окошки...
Глядимъ, а москали, карабкаясь, какъ кошки,
Ужь лѣзутъ на заборъ; мы залпъ имъ прямо въ лобъ:
Кто на плетнѣ повисъ, кто сверху на земь хлопъ —
Разсѣялись — и тутъ пошолъ огонь батальный,
Гремя безъ устали, какъ въ битвѣ генеральной.
Пятнадцать на полу лежало ружей тутъ:
Пали изъ одного, другое подаютъ;
Ксёндзъ-пробощъ заряжалъ и стольничиха-пани:
Всё было мастерски обдумано заранѣ.
Градъ пуль изъ-за плетня пустили москали
И, нѣчего сказать, порядкомъ насъ дошли;
Проклятый супостатъ былъ вчетверо сильнѣе,
Но, видно, сверху мы удачнѣй и вѣрнѣе
Накаливать могли: врагъ трижды напиралъ,
Но кто-нибудь всегда вверхъ ноги задиралъ
И пò лугу кашкетъ его катился чорный.
До самаго утра кипѣлъ здѣсь бой упорный.
Всего-то пять стрѣлковъ, а задали мы жаръ!
Подъ утро москали бѣжали за амбаръ
И тамъ столпились всѣ: пришло имъ больно худо.
Панъ вышелъ на крыльцо и ну палить оттуда:
Чуть голову какой высовывалъ холопъ —
Панъ-стольникъ за ружьё: бабахъ! и прямо въ лобъ.
Мы также рядомъ съ нимъ огонь открыли меткій,
И подлинно, отъ насъ украдывался рѣдкій
Пѣхура за амбаръ. Тутъ битвѣ бъ и шабашъ:
На штурмъ хотѣли мы; панъ выхватилъ палашъ:
«За мной, Гервазъ, за мной!» Вдругъ выстрѣлъ съ боку грянулъ—
Панъ-стольникъ поблѣднѣлъ, шатнулся и отпрянулъ
Назадъ; я посмотрѣлъ: попала пуля въ грудь.
Хотѣлъ онъ говорить, лишь могъ рукой махнуть,
И пальцемъ показалъ на крайнюю свѣтлицу —
Узналъ я, угадалъ разбойника Соплицу
По росту и усамъ — и сердце мнѣ моё
Сказало. Онъ стоялъ, держа въ рукахъ ружьё,
Насупротивъ, и дымъ еще струился бѣлый.
Я вмигъ прицѣлился—онъ сталъ какъ помертвѣлый;
Я дважды выстрѣлилъ и дважды промахъ далъ,
Съ досады, съ горя ли. Тутъ крикъ я услыхалъ:
Сбѣжались изъ дому ксёндзъ-пробощъ, панна, пани,
Потомъ и москали... Но это какъ въ туманѣ
Я помню... Такъ погибъ, такой имѣлъ конецъ
Нашъ стольникъ, шляхты братъ, селянамъ панъ-отецъ!
Носилъ онъ булаву, а не оставилъ сына,
Кто могъ бы отомстить. Но слуги господина
Живутъ еще: снискалъ онъ лаской ихъ любовь;
И ключникъ живъ еще! Въ струящуюся кровь
Тогда же омочилъ я прадѣдовскій, длинный,
Завѣтный мой палашъ, мой ножикъ-перочинный,
Какъ всѣ его зовутъ. Чай, панъ слыхалъ о нёмъ?
На сеймахъ и вездѣ, по ярмаркамъ кругомъ,
Давно извѣстенъ онъ. Я далъ себѣ присягу
Весь вѣкъ Соплицамъ мстить, пока въ могилу лягу.
И вотъ ужь сколько лѣтъ преслѣдую я ихъ:
Въ Варшавѣ посадилъ на ножикъ мой троихъ,
Четвертаго поймалъ въ Кореличахъ на рынкѣ,
Двоихъ подъ Краковомъ убилъ на поединкѣ,
Во Львовѣ одного; обшарилъ цѣлый свѣтъ;
А что ушей посѣкъ — о, имъ и счоту нѣтъ!
Остался лишь одинъ и живъ, и цѣлъ на свѣтѣ—
Тому Соплицѣ братъ, уваженный въ повѣтѣ,
Богачъ, тебѣ сосѣдъ, Соплица панъ-судья...
И зàмокъ нашъ ему? Нѣтъ, графъ, не вѣрю я,
Не вѣрю, чтобы смѣлъ сюда занесть онъ ногу,
Кровь стольника стереть съ высокаго порогу
Нечистымъ сапогомъ! Нѣтъ, этому не быть!
Покамѣстъ я могу хоть пальцемъ шевелить
И двигать свой палашъ, свой ножикъ-перочинный—
Не будетъ паномъ здѣсь Соплица ни единый!»

— «Да, подлинно», сказалъ, прослушавъ повѣсть, графъ:
«Преданье хоть куда! Ты въ-самомъ-дѣлѣ правъ:
Мы зàмокъ отстоимъ; я чтилъ его не даромъ,
Любилъ руины тѣ», онъ такъ добавилъ съ жаромъ:
«Хоть и не зналъ, что здѣсь, межь самыхъ этихъ стѣнъ,
Случилось столько битвъ и драматичныхъ сценъ.
Гервазъ! когда права на зàмокъ мы докажемъ,
Ты будешь мой мурграфъ, ты будешь замка стражемъ.
Досадно, не пришли сюда мы въ часъ иной,
Когда на стѣны тѣ ложится мракъ ночной:
Окутанный плащомъ, я сѣлъ бы на руинахъ,
А ты бы мнѣ вѣщалъ о прежнихъ властелинахъ,
О панахъ этихъ мѣстъ, дѣяньяхъ прошлыхъ лѣтъ.
Во всей Германіи такого зàмка нѣтъ,
Съ которымъ хоть одно не связано преданье:
Кровавый договоръ — любовниковъ свиданье —
Коварство недруга—любовь—измѣна—месть...
Но я не зналъ досель, что въ Польшѣ тоже есть
Такіе случаи. Я кровь Горешковъ слышу

И буду защищать мою родную крышу
Съ оружіемъ въ рукахъ! Такъ, будетъ сабель звонъ!»
Сказалъ — и, медленно шагая, вышелъ вонъ.
За нимъ послѣдовалъ Гервазъ печальный сзади.
Графъ прыгнулъ на коня и, при послѣднемъ взглядѣ
На зàмокъ, проворчалъ тихонько: «право жаль,
Что нѣтъ наслѣдницы: пошло бы это вдаль,
Соплица началъ бы упорствовать упрямо,
Я тоже — и какъ-разъ могла бы выйти драма:
Здѣсь—давняя вражда, вендетта, кровь за кровь,
А тутъ — поэзія, восторги и любовь!»

Такъ, шёпча про-себя, коню даётъ онъ шпоры
И скачетъ по полямъ. Вдали завидѣвъ своры,
Охотниковъ, коней, собакъ со всѣхъ сторонъ —
Несётся прямо къ нимъ: любилъ охоту онъ;
Но волю давъ затѣмъ блуждающему взгляду,
Цвѣтущій огородъ увидѣлъ сквозь ограду.

На правильныхъ грядахъ, какъ въ рамѣ, за травой,
Капуста лысою качала головой,
Широкій сморщивъ листъ, какъ бы насупя брови,
Казалось, о судьбахъ задумалась моркови.
За ней, вдали, горохъ, бобовнику родня,
Рядами круглыхъ глазъ мигалъ промежъ плетня
И живописною гирляндой черезъ сучья
Развѣшивалъ свои темнозелёны стручья;
Здѣсь яркій попушой вытягивалъ свой станъ
И въ воздухѣ ходилъ златой его султанъ,
А далѣ, наконецъ, изъ зелени кудрявой
Выкатывалъ арбузъ свой корпусъ величавый
И дынѣ на ушко нашоптывалъ порой...
Тамъ тёмныхъ коноплей виднѣлся ровный строй:
Качались на грядахъ они, какъ лѣсъ дремучій,
Путая гусеницъ изъ зелени пахучей;
За ними маковъ шла цвѣтущая гряда:
Какъ-будто мотыльковъ игривыя стада
Усѣлись, трепеща, на стебляхъ чуть замѣтныхъ
И блёща искрами каменьевъ самоцвѣтныхъ.

Межъ тѣхъ пушистыхъ градъ дѣвица шла, не шла,
А, точно по волнамъ, по зелени плыла;
Косынка на плечахъ; простое платье было;
Рукой отъ солнышка тихонько заслонила
Она свое лицо; глаза спустила внизъ;
Двѣ ленты алыя за кòсами вились.
Вотъ наклонилася, какъ-будто что-то ловитъ
Рукою на грядахъ; вдругъ взоры остановитъ
И быстро побѣжитъ. Всё это видѣлъ графъ;
Дыханье затаивъ, на стремянà привставъ,
Коня остановилъ и чудное видѣнье
Безмолвно созерцалъ; вдругъ слышитъ онъ движенье
И шелестъ позади: то былъ отецъ-плебанъ,
Кзёндзъ Рòбакъ. «Огурцовъ», спросилъ онъ, «хочешь панъ?
Иль такъ, о чёмъ другомъ мечтаешь на свободѣ?
Нѣтъ овощу про васъ на этомъ огородѣ!»
И, пальцемъ погрозивъ, пошолъ-себѣ опять.

Слегка смущонный графъ сталъ снова наблюдать,
Со смѣхомъ и въ сердцахъ; но были пусты гряды,
Лишь пара алыхъ лентъ мелькнула у ограды,
Да чуть еще вдали сверкнуло чрезъ окно
Какъ снѣгъ блестящее сорочки полотно,
Да пò лугу еще, гдѣ пробѣжали ножки,
Едва замѣтныя виднѣлись двѣ дорожки,
Тихонько подлѣ нихъ качалися кусты
И что-то межъ собой шептали ихъ листы;
Да позабытая корзинка тамъ осталась
И тихо на травѣ зелёной колыхалась.

ПѢСНЬ III.

Звонокъ: часъ ужина. Толпа шумитъ какъ море.
Всѣхъ выше, впереди, садится подкоморій,
Какъ слѣдуетъ ему по званью и лѣтàмъ;
Садясь, онъ кланялся привѣтливо гостямъ.
Тадеушъ на концѣ; судья посерединѣ.
Ксёндзъ Рòбакъ прочиталъ молитву по-латынѣ.
Прислуга съ водкою подходитъ наконецъ
И ставитъ на столѣ литовскій холодецъ;
За нимъ являются цыплята, раки, зразы.
Ѣдятъ. Межъ блюдами кипятъ у нихъ разсказы.
Ѣдятъ. Бесѣдуютъ. Вдругъ ужинъ прервался,
Утихъ тарелокъ звонъ и смолкли голоса,
Предъ тѣмъ хвалившіе паштетъ изъ мелкой дичи.
Ввалился въ комнату измученный лѣсничій,
Забывъ, что ужинъ шолъ—хотя ужь и къ концу.
Всѣ смотрятъ на него и видятъ по лицу,
Что нѣчто важное изъ устъ его готово
Потокомъ побѣжать, но... вышло только слово:
«Медвѣдь, отцы мои!»—«Кàкъ? Что? Какой медвѣдь?»
Всѣ повставали съ мѣстъ — куда тутъ усидѣть!
Ну, точно поднялъ ихъ волшèбствомъ нѣкій демонъ.
Вмигъ поняли, что звѣрь изъ дальнихъ пущъ за Нѣманъ
Прорвàлся, приманёнъ на пасѣки въ луга;
Что надо всей гурьбой ударить на врага,
Облаву снарядить, готовиться заранѣй.
Посыпалася тьма различныхъ приказаній,
Вопросовъ, мелкихъ фразъ, полупонятныхъ словъ—

И всякій хоть сейчасъ на звѣря былъ готовъ.
— «Эй, сотника сюда! Пошлите на деревню!»
Кричалъ слугамъ судья. «Нѣтъ дома, такъ въ харчевню:
Навѣрно тамъ сидитъ. Скажите отъ меня:
Кто явится съ ружьёмъ, изъ барщины три дня
Я вычту у того!»—«Эй, Томашъ! Эй, Григорій!»
Приказывалъ своей прислугѣ подкоморій:
«Мордашекъ мнѣ сюда. Да, слышишь, не забудь
Ошейники на нихъ другіе пристягнуть!
А что̀ за мордаши! мы ихъ, для смѣху, кличемъ
Квартальнымъ одного, другого Городничимъ —
И кличка подлинно имъ по̀ шерсти дана.
Не правда ль, господа, лихія имена?»

— «Эй, Ванька!» становой скомандовалъ по-русски:
«Готовь оружіе, снаряды и закуски!
А паче у меня, смотри, не позабудь
Кинжалъ персидскій мой на брусѣ потянуть;
А также осмотрѣть мою сагаласовку:
Ту, знаешь, на крюкѣ, особую винтовку:
Не видно ль ржавчины въ стволѣ и у краёвъ?
Да живо нарубить картечи, жеребьёвъ,
Да оглядѣть кремень въ сѣдельномъ пистолетѣ!»
— «Да сбѣгать по ксендза! сказать, чтобъ на разсвѣтѣ
Была бы у него» — добавилъ панъ судья —
«Въ часовнѣ Губерта святая литія!»
Утихли наконецъ и шумъ, и восклицанья;
Всѣ думаютъ, среди глубокаго молчанья:
Кому они вручатъ охоты булаву?
И разомъ очи ихъ упали на главу,
Всю убѣлённую годами и заботой:
Пусть войскій — рѣшено — командуетъ охотой!
Старикъ желаніе компаніи смекнулъ:
Серебряный шнурокъ тихонько потянулъ
И вытащилъ часы: «въ четвёртомъ, въ половинѣ
Всѣмъ, братья, въ сборѣ быть на Щуровой долинѣ!»
Потомъ лѣсничему далъ знакъ глазами онъ —
И оба толковать о чёмъ-то вышли вонъ.

Такъ хитрые вожди, приготовляясь къ бою,
Заранѣе ведутъ бесѣду межь-собою,
Въ тиши, подъ сѣнію широкого шатра,
А ратникъ спитъ-себѣ спокойно до утра,
Безпеченъ и пока ни для кого не нуженъ;
Не-то на вертелѣ готовитъ скудный ужинъ.

Ровесники князей воинственной Литвы,
Дремучіе лѣса! всё тѣ же ль нынче вы?
Всё также ль дѣвственны, благоуханно-свѣжи
Вы, рощи Свитези и пущи Бѣловѣжи?
Среди чужихъ полей, я вспомнилъ нынче васъ,
Чья царственная тѣнь ложилася не разъ
На думную главу великаго Миндовы;
Гдѣ часто Гедиминъ, среди своей дубровы,
Удачно совершивъ благопріятный ловъ,
Перуну приносилъ барановъ и воловъ,
И, лёжа у костра, внималъ, подъ шумъ Вилейки,
Заманчивымъ рѣчамъ маститаго Лиздейки,
Любя его живыхъ разсказовъ благодать;
Дремалъ и въ вѣщихъ снахъ онъ думалъ градъ создать,
И, жертвуя потомъ Перуну изобильно,
Среди завѣтныхъ пущъ, построилъ городъ Вильно,
Столицу всей Литвы — и грозно встали тутъ,
Въ защиту родины и Ольгердъ, и Кейстутъ,
Равно счастливые и славные въ ловитвѣ
За дикими звѣрьми и съ недругами въ битвѣ.
Въ тѣ рощи наѣзжалъ съ облавой иногда
Лихой монархъ-ловецъ, въ преклонные года,
Любимый нашъ король, наслѣдникъ Ягеллону,
Послѣдній, кто носилъ витольдову корону.

Лѣса родимые! случится ли опять,
Хотя подъ старость лѣтъ, мнѣ взоромъ васъ обнять?
Придётся ль встрѣтиться съ родимой стороною,
Гдѣ свѣтъ увидѣлъ я, гдѣ ползалъ я дитёю
По мягкой муравѣ, среди косматыхъ пней,
Гдѣ пѣлъ и гдѣ любилъ на утрѣ лучшихъ дней?
Стоитъ ли нынѣ тамъ, надъ Росью серебристой,
Могучій Баублисъ, широкій и вѣтвистый,
Въ сѣни котораго, какъ-будто подъ шатромъ,
Двѣнадцать человѣкъ садилось за столомъ?
И липа старая, предъ домомъ Головинскихъ,
Свидѣтель мирныхъ битвъ и подвиговъ воинскихъ,
Гдѣ прежніе вожди сходились искони
О замыслахъ своихъ бесѣдовать въ тѣни,
И гдѣ, не такъ давно, при Августѣ, бывало,
Сто бравыхъ молодцовъ мазурку танцовало.

Давно знакомые душѣ моей лѣса!
Я вижу васъ опять: угрюмая краса
И сумракъ чудный вашъ вновь живы предо мною:
Изъ края чуждаго я къ вамъ несусь мечтою,
Лѣса родимые, лѣса моей Литвы!
Всё также ли, какъ встарь, величественны вы,
Невозмутимые? Всё также ль горделиво
Ростёте въ облака и, смертному на диво,
Стоите, крѣпкіе, съ небесною грозой
И съ бурями земли выдерживая бой?
Всё таже ль тишина подъ вашими вѣтвями?

Любимы ль также вы пернатыми пѣвцами?
Поютъ ли тамъ они, какъ въ прежніе года?
Иль безпощадная прокралася нужда
Въ обитель тихую торжественнаго мира —
И тамъ звенитъ теперь тяжолая сѣкира
По вѣтвямъ вѣковымъ, гоня пернатыхъ вонъ?

Былое предо мной мелькаетъ будто сонъ!
Лѣса родимые, отеческія сѣни!
О, сколько чудныхъ думъ и сладкихъ сновидѣній
Вы мнѣ навѣяли! какъ часто отъ друзей
Я въ вашу глушь бѣжалъ; подъ сумракомъ вѣтвей
Задумывался я и было мнѣ отрадно,
Какъ чуткимъ ухомъ я прислушивался жадно
Къ невнятнымъ голосамъ лепечущихъ листовъ.
Здѣсь повѣсть чудную, преданія вѣковъ,
Мнѣ дубъ разсказывалъ, челомъ разрѣзавъ тучи
И три столѣтія на рамена могучи
Поднявъ. Тамъ, издали замѣтная едва,
Берёза плакала, какъ скорбная вдова,
Иль матерь нѣжная, утратившая сына.
Вакханка юная, румяная рябина,
Стояла близъ нея, съ пылающимъ лицомъ.
А далѣе росла раскидистымъ кустомъ,
Вся въ перлы убрана, красавица лѣсная,
Орѣшина, своей вершиною кивая
Черешнѣ молодой, которую внизу
Ужь обвилъ буйный хмѣль и гибкую лозу
Забросилъ далѣе, какъ юноша отважный.

Порою пробѣгалъ надъ нами гулъ протяжный
И вихорь тёмныя вершины колебалъ:
Казалось, тамъ прошолъ бурливый моря валъ —
И всё стихало вновь. Лишь изрѣдка, высоко,
Въ дубъ дятелъ клёвомъ билъ и улеталъ далёко;
Иль векша хитрая качалась на вѣтвяхъ,
Поднявъ пушистый хвостъ, орѣхъ держа въ зубахъ;
Вдругъ, гостя чуждаго замѣтивъ зоркимъ окомъ,
Стрѣляла въ глушь лѣсовъ и въ сумракѣ глубокомъ
Терялась. Тихо всё. Вотъ вѣтви затряслись,
Чуть-слышные шаги по рощѣ раздались —
И, словно солнца лучъ, иль яркая денница,
Мелькнула вдалекѣ, подъ липами, дѣвица,
Стыдливая дубравъ родимыхъ красота,
Идя за ягодой, румяной какъ уста.
Вонъ юноша близь ней: предъ дѣвой оробѣлой
Онъ вѣтви крѣпкія рукой сгибаетъ смѣлой.
Чу! рогъ вдали трубитъ и слышенъ топъ коней;
Собаки залились, почуявши звѣрей.
Вмигъ дѣва съ юношей, исполнены тревоги,
Исчезли въ глубинѣ, какъ рощей тёмныхъ боги.

На псарнѣ у судьи чѣмъ-свѣтъ бреханье псовъ,
Тревога, суета, смѣшенье голосовъ.
Вотъ позывъ въ рогъ даётъ охотѣ доѣзжачій.
Однако же ни рогъ, ни звонкій лай собачій
Встревожить не могли Тадеуша никакъ:
Залѣзъ на сѣновалъ, храпитъ онъ какъ байбакъ,
Забытый братьею. Съ утра охотой занятъ,
Всякъ думалъ, что панычъ и такъ захочетъ-встанетъ.

Вотъ сѣли на коней; а онъ себѣ лежитъ.
Денницы ясный лучъ будить его бѣжитъ —
И, въ щель прорѣзавшись, сверкнула сквозь окошко
По сѣну тёмному огнистая дорожка,
Скользнула по глазамъ, добралась до чела
И кудри свѣтлыя какъ пламенемъ зажгла;
А онъ по прежнему храпитъ во снѣ глубокомъ,
Отъ яркаго луча отворотившись бокомъ.
Вдругъ кто-то въ ставень стукъ: проснулся! какъ легко!
Какъ весело, свѣжо! и сонъ ужь далеко.
Тадеушъ вспомянулъ вчерашнія проказы
И глазки Зосины, что свѣтлые алмазы;
Какъ онъ подсматривалъ изъ тёмнаго куста...
Улыбка просится счастливцу на уста
И вспыхнулъ на щекахъ румянецъ пурпуровый.
Взглянулъ на ставень онъ: что это? призракъ новый:
Два глаза ясные пригрезились ему,
Съ тревогой, торопко глядящіе во тьму,
Сквозь ставень, въ мѣстѣ томъ, гдѣ вырѣзано сердце;
И ручка нѣжная, повиснувши на дверца,
Просунулась къ нему, лишь пальчики порой
Горѣли по краямъ рубиновой зарёй.

Тадеушъ трётъ глаза, вскочилъ; но призракъ ясный
Исчезъ — куда? богъ-вѣсть. Къ окошку: трудъ напрасный!
Тадеушъ внизъ бѣжитъ, заглядываетъ въ садъ:
Лишь былки лебеды, качаяся, дрожатъ —
Кто знаетъ — тронуты ль ногою шаловливой,
Иль, можетъ, пробѣжалъ по нимъ зефиръ игривый.

Тадеушъ, оперпись рукою о плетень,
Стоялъ, едва дыша. На небѣ яркій день
И по двору давно расхаживаютъ куры;
Гремя, тяжолыя куда-то ѣдутъ фуры:
Я чай, съ провизіей для псовъ и егерей.
Тадеушъ бросился изъ сада поскорѣй,
Схватилъ ружьё, кинжалъ; сшибъ съ ногъ въ сѣняхъ старуху;

Берётъ себѣ коня и мчится, что есть духу,
Къ корчмамъ, которыя виднѣлися вдали.
Одна изъ нихъ, едва поднявшись отъ земли,
Стояла, прислонясь къ горешковской границѣ;
Другая, новая, была корчмой Соплицы.
Несхожія ни въ чёмъ — затѣмъ и тамъ, и тутъ
Неодинаковый кутить сходился людъ:
Въ одной господствовалъ Горешки ключникъ грозный;
Въ другой витійствовалъ всегда Брехальскій-возный.

Послѣдняя была какъ всѣ корчмы на видъ;
Другая жь, старая, прохожаго дивитъ
Необычайною своей архитектурой,
Нигдѣ невиданной, печальной и понурой.
Ея отечество, какъ слышно, древній Тиръ,
Отколѣ образцы жиды на цѣлый міръ
Когда-то разнесли, всё далѣе и далѣ,
А тамъ уже и мы её въ наслѣдство взяли.

Какъ Ноя праотца вмѣстительный ковчегъ,
Корчма напереди; тамъ видишь тварей всѣхъ:
Собаки, лошади, коровы, гуси, куры;
Но сзади образецъ иной архитектуры:
Особенный чертогъ, что соломоновъ храмъ;
Колонки хрупкія бѣлѣютъ по угламъ,
Немного на боку, точь-въ-точь какъ башни въ Пизѣ;
Рѣзная капитель на окнахъ и карнизѣ,
Простая, грубая, но дѣло тутъ не въ томъ:
Рѣзцомъ ли рѣзана, долблёна ль долотомъ,
Была бы лишь рѣзьба. Повѣть весьма плохая,
Въ дырахъ, подобіе живое малахая
Жидовскаго; на ней двѣ тонкія трубы,
Какъ шеи аистовъ. Внизу, кругомъ, столбы:
Идётъ зигзагами, съ навѣсомъ, галлерея;
А вмѣстѣ вся корчма походитъ на еврея,
Когда онъ молится, кивая бородой
И на лобъ нацѣпивъ кудрявый цыцесъ свой.

Внутри являются двѣ разныхъ половины:
Въ одной всё женщины, въ другой—одни мужчины.
Мужской компаніи въ корчмѣ отведена
Пошире комната и вся запружена
Столами, стульями, старинными скамьями,
Что втиснулись туда обильными семьями;
Въ срединѣ комнаты особый, круглый столъ
Стоялъ, какъ панъ-отецъ и будто рѣчи вёлъ.

Довольно въ этотъ день натискалось народу
Въ корчму, различнаго и званія, и роду.
Отслушавъ поутру въ часовнѣ литію,
Селяне порцію обычную свою
Пришли потребовать — и вотъ сверкнула чарка,
И вкругъ забѣгала проворная шинкарка.
Въ срединѣ—арендарь, жидъ Янкель, въ сюртукѣ
Почти до самыхъ пятъ, въ ермолкѣ и шлыкѣ;
Рука за поясомъ, межь-тѣмъ какъ онъ другою
Водилъ по бородѣ, кивая головою
Входящимъ шляхтичамъ; то лясы имъ точилъ,
Но не прислуживалъ, а такъ-себѣ ходилъ
И только раздавалъ прислугѣ приказанья,
Стараясь упредить гостей своихъ желанья.
Со всѣми Янкель жилъ въ пріязни и въ ладу,
Всѣ знали Янкеля; всѣ къ Янкелю-жиду
Ходили бражничать, хотя не очень пышно;
Но жалобъ никогда на Янкеля не слышно:
Онъ самъ окрестное шляхетство уважалъ,
Вино исправное, безъ примѣси, держалъ,
Въ разсчотахъ честенъ былъ и не терпѣлъ обмана;
Гостей угащивалъ не слишкомъ, а въ-полпьяна;
Забавы разныя и музыку любилъ,
Поэтому народъ къ нему валмя-валилъ,
Съ утра до вечера, всѣмъ міромъ, всѣмъ селеньемъ;
Особенно жь ходилъ въ корчму по воскресеньямъ,
Когда у Янкеля гремѣла всякій разъ
Базетля и гудокъ и шолъ жестокій плясъ.

Жидъ самъ когда-то былъ извѣстнымъ музыкантомъ
И слылъ по всей Литвѣ искусствомъ и талантомъ,
Бродя съ цымбалами, послушать ихъ прося —
И скоро про него узнала Польша вся.
Жидъ Янкель былъ поэтъ и чувствовалъ онъ живо
Очарованіе народнаго мотива;
Въ Литву варшавскія мазурки приносилъ
И первый къ намъ занёсъ, какъ слухъ о томъ ходилъ,
Ту пѣсню славную, что послѣ для Авзоновъ
Сънграли польскіе тромпеты легіоновъ.
Даръ музыки въ Литвѣ какъ-разъ обогатитъ:
Такъ, скоро капиталъ себѣ составилъ жидъ
И къ шляхтѣ перестал заглядывать на балы;
Повѣсилъ на стѣнѣ умолкшіе цимбалы
И болѣ не игралъ на нихъ ужь никому,
Самъ даже для себя; завёлъ себѣ корчму,
Забился подъ неё, какъ птахъ какой подъ кровлю,
И вёлъ-себѣ тишкомъ корчемную торговлю.

Всѣ чтили Янкеля; нерѣдко ярый споръ
Мирилъ онъ въ двухъ корчмахъ, вмѣшавшись въ разговоръ
То межъ сторонниковъ Горешки, то Соплицы;
И даже главныя предъ нимъ смирялись лица:

Языкъ свой унималъ Брехальскій Бальтазаръ,
И въ ключникѣ стихалъ упрямый гнѣвъ и жаръ.

Въ ту пору не было Гервааа: на охоту
Спѣшилъ за графомъ онъ. Объ нёмъ свою заботу
И попеченія онъ вѣчно прилагалъ
И въ битву одного никакъ не отпускалъ.
На мѣстѣ ключника, противу двери, прямо,
Въ покутьѣ попросту, забившись въ уголъ самой,
Сидѣлъ отецъ-плебанъ; самъ Янкель посадилъ
Ксендза на мѣстѣ томъ, и часто подходилъ
Къ нему, лишь замѣчалъ его пустую чарку,
Усердно кланялся и подзывалъ шинкарку,
Чтобъ липцу принесла. Ходилъ разсказъ о томъ,
Что Янкель съ квестаремъ давно уже знакомъ,
Еще съ чужихъ краёвъ, что съ нимъ онъ дружбу водитъ,
Что квестарь къ Янкелю, зачѣмъ богъ-знаетъ, ходитъ;
Что часто дò свѣту о чёмъ-то споръ ведутъ —
И розно толковалъ объ этомъ сельскій людъ.

Едва ксёндзъ Рòбакъ сѣлъ — къ нему склонились взоры
Всей шляхты; но не вдругъ повёлъ онъ разговоры,
Порою табакомъ компанію прося —
И точно изъ мортиръ чихала шляхта вся.

— «Reverendissime!» сказалъ, чихнувъ, Сколуба:
«Вотъ подлинно табакъ! Хватило ажъ до чуба!
Съ-тѣхъ-поръ, какъ двигаю по бѣлу свѣту носъ,
Такого табаку нюхнуть не довелось
Ни разу!» Тутъ чихнулъ. «Я чай, изъ Ковна родомъ,
Чтò славится давно и табакомъ, и мёдомъ?»

— «Во здравье братіи и всѣхъ честныхъ людей!»
Ксёндзъ молвилъ. «Мой табакъ, Сколуба добродѣй,
Пріѣхалъ къ намъ сюда изъ мѣста Ченстохова,
И можно утверждать, что нѣтъ нигдѣ такова!»

— «Изъ Ченстохова онъ?» замѣтилъ Вильбикъ тутъ;
Нюхнулъ, потомъ чихалъ не меньше трёхъ минутъ:
«Былъ въ Ченстоховѣ я. А правда ли, что въ мартѣ
Туда пожалуетъ великій Бонапарте —
И всѣ костёлы прочь? Объ этомъ, видишь, есть
Въ «Курьерѣ Виленскомъ?» — «Вольно «Курьеру» плесть!»
Ксёндзъ Рòбакъ возразилъ. «Не всякому курьеру,
Панъ Вильбикъ добродѣй, давай ты ныньче вѣру:
Курьеры часто лгутъ. А панъ Наполеонъ
Католикъ, какъ и мы: у насъ одинъ законъ.
Что брали серебро и мѣдь изъ Ченстохова
На войско — это такъ, объ этомъ я ни слова!
Господня воля тутъ. Святая Дѣва мать
Не разъ, во дни войны, кормила нашу рать:
Такъ нынѣ, чрезъ неё жь народныя дружины
Ростутъ на Нѣманѣ, поляки да литвины:
Кому же, какъ не вамъ послать имъ вдовій грошъ?
Подушныя въ казну небось вѣдь отдаёшь?»

— «Да!» Вильбикъ проворчалъ. «Не дашь, возьмутъ и силой!»
— «Э! что вамъ! не бѣда! вотъ намъ, пріятель милой»,
Вступился за себя какой то хлопецъ тутъ:
«Вотъ съ насъ такъ подлинно три шкуры въ годъ дерутъ!
Достались, говоритъ пословица, на лыка!»

— «Э! племя хамово! вы штука не велика!»
Сколуба вставилъ рѣчь. «Васъ, сидоровыхъ козъ,
Вѣкъ драли, какъ теперь; а намъ за что пришлось,
Вельможнымъ господамъ, намъ, шляхтѣ благородной,
Терпѣть? Вишь, выдали законъ какой-то модный
Бумагу изводить, доказывать права!
Да, стану я тебѣ копаться, чорта съ два!
Бумажный дворянинъ!» — «Вамъ что!» сказалъ Юрàга:
«Вашъ дѣдъ холопомъ былъ, какой-то побродяга,
А я вотъ изъ князей: Ягелло нашъ родня!
И спрашивать теперь патенты у меня!»

— «Ты князь, а обо мнѣ», сказалъ опять Сколуба:
«Пусть въ лѣсъ идётъ москаль и спроситъ тамъ у дуба,
Кто далъ ему патентъ ветлу перерости,
Матёрымъ дубомъ быть, вездѣ въ такой чести?»
— «А мы ведёмъ свой родъ», сказалъ Бирбàшъ-Канарскій:
«Нашъ пра-пра-прадѣдъ былъ какой-то графъ татарскій,
Въ гербѣ — корабль и крестъ!» — «У насъ корабль и щитъ!»
Мицкевичъ возразилъ: «Стрыйковскій говоритъ:
Корабль — гербъ княжескій!» Поднялся шумъ и споры.
Чтобъ къ дѣлу обратить пустые разговоры,
Ксёндзъ Рòбакъ табаку бесѣдѣ всей поднёсъ —
Носы понюхали и громко каждый носъ
Чихнулъ. Молчаніе. — «Извѣстно панству буди,
Большіе съ табаку того чихали люди.»
Такъ началъ ксёндзъ опять: «Домбровскій генералъ,

Когда у пруссаковъ онъ Данцигъ отбиралъ,
Нюхнулъ, повѣрите ль, заразъ разà четыре!»

—«Домбровскій», крикнули, «о, это первый въ мірѣ
Великій богатырь!»—«Боясь, чтобъ какъ-нибудь»,
Ксёндзъ Рòбакъ продолжалъ, «предъ битвой не заснуть —
Спросилъ онъ табаку, сказавши: слушай, Рòбакъ,
Ксенжина бернардинъ! Я вижу, ты не робокъ!
Быть-можетъ, черезъ годъ я буду на Литвѣ:
Такого табаку дадимъ нюхнуть Москвѣ —
Не прочихаются, хоть сколько бъ ни чихали!
Скажи моимъ поклонъ, чтобъ помнили и ждали!»

Тутъ шумъ по всей корчмѣ игвалтъ пошолъ кругомъ:
«Поклонъ Домбровскаго! Рубиться со врагомъ!
«Ура, Домбровскій нашъ! табакъ изъ Ченстохова!»
Давай въ объятіяхъ душить одинъ другова:
Забывши разницу и силу давнихъ правъ,
Ягелло съ кораблёмъ, съ крестомъ татарскій графъ,
Всё перепуталось, всё стало вдругъ Литвою —
И всякій былъ готовъ хоть въ омутъ головою.
Потомъ запѣли всѣ. Ксёндзъ слушалъ въ уголку—
И вдругъ въ мелодію подсыпалъ табаку:
Носы понюхали и снова зачихали;
А ксёндзъ тѣмъ временемъ повёлъ бесѣду далѣ;
Всѣ молча на него уставили глаза,
Слегка разинувъ ротъ — и слушали ксендза.

— «Табакъ хвалили мой, панове добродѣи!»
Онъ молвилъ: «А теперь, смотрите поскорѣе.»
Тутъ къ нимъ онъ повернулъ отъ табакерки дно:
«Здѣсь нарисовано сраженіе одно:
Вотъ это — армія; солдаты, кони — съ муху;
А этотъ, словно жукъ, несётся чтò есть духу:
Смотрите — руку онъ къ лицу себѣ поднёсъ,
Какъ-будто табаку набить желаетъ въ носъ —
Узнайте, это кто?» Всѣ вглядываться стали,
Судя, какъ всякій зналъ, о крошкѣ-генералѣ.
«То кесарь-кесарей, то самъ Наполеонъ»,
Ксёндзъ Рòбакъ объяснилъ: «да, братья, это онъ!»
— «То кесарь! на, поди! А посмотрите, братья»,
Подгайскій возразилъ: «совсѣмъ простое платье,
Сюртукъ! У москалей, такъ что ни генералъ —
Весь свѣтится въ звѣздахъ, все небо обобралъ!»

— «Великіе вожди не схожи другъ на дружку»,
Вступился Рымша тутъ: «я съ молоду Костюшку
Видалъ: великій вождь носилъ кафтанъ простой,
Чамарку сѣрую!» — «Чамарку? ты постой —
Чамарка», молвилъ Занъ, «иначе таратажка?»
— «Нѣтъ, та съ нашивками, а это просто гладко!»
Мицкевичъ объяснилъ. Тутъ споры безъ конца
На счотъ различнаго чамарокъ образца.

Замѣтивъ это, ксёндзъ за табакерку снова —
Чиханье — и внимать компанія готова:
— «Когда Наполеонъ въ сраженіи нюхнётъ,
То значитъ — хорошо сраженіе идётъ.
Французы эдакъ вотъ подъ Іеною стояли,
А нѣмцы противъ нихъ отсюда напирали.
Онъ всё на бой глядѣлъ. Французы какъ махнутъ—
Такъ улицей предъ нимъ враговъ и покладутъ.
Онъ всё глядитъ себѣ, не смигивая глазомъ;
Вдругъ лихо табаку понюхалъ разъ за разомъ;
Потомъ еще на бой глазкомъ однимъ взглянулъ—
Чихъ-чихъ! захохоталъ и пальцы отряхнулъ.
Глядятъ: а нѣмчура по хòлмамъ и долинамъ
Улизывать пошла маршъ-маршемъ журавлинымъ!
Такъ вотъ, кому изъ васъ у кесаря служить
Придётся—мой разсказъ тотъ вспомнитъ можетъ-быть!»

— «Эхъ, отче! молвилъ Занъ: «не такъ ли насъ тревожатъ?
Чтò праздниковъ въ году, французовъ намъ ворожатъ!
А ближе поглядишь — всё басни, всё то вздоръ!
А насъ москаль какъ билъ, такъ бьётъ до этихъ поръ;
На всё тебѣ запретъ: пить, ѣсть, и въѣздъ, и выѣздъ!
Пока взойдетъ заря, роса намъ очи выѣстъ!»

— «Не слѣдъ вамъ, шляхтичамъ, по бабьему роптать»,
Замѣтилъ ксёндзъ на то», «и по-жидовски ждать,
Да руки, какъ жиды, закладывать за поясъ,
Глазѣя у окна и мало безпокоясь,
Придётъ ли гость, иль нѣтъ. Теперь Наполеонъ
Пруссàкамъ носъ утёръ и швабамъ задалъ звонъ;
Вотъ скоро и Москву придётъ—отъ сна разбудитъ.
Что жь? вы тутъ на коней, какъ биться не съ кѣмъ будетъ?
«Эхъ, скажетъ, молодцы! покончилъ я безъ васъ!
А вы ступайте спать: вотъ весь вамъ, братцы, сказъ!»
Когда жь, какъ слѣдуетъ, принять кого хотите,
Вы комнату свою заранѣ подметите,
За двери всякій соръ! Потомъ во всѣ углы
Разставьте поживѣй приборы и столы,
И, гостя чествуя, усердно угощайте!»
Затѣмъ, взглянувъ въ окно, сказалъ: «пока прощайте!
Нѣтъ времени теперь, а послѣ я приду
И съ вами разговоръ обширнѣй поведу!»

— «Когда по близости случитесь Негримóва,
Прошу не обойти: для гостя для такова
Къ услугамъ цѣлый домъ, лишь сдѣлали бы честь!»
Хорунжій приглашалъ. «Къ тому жь присловье есть:
Счастливый человѣкъ, какъ квестарь въ Негримовѣ!»

—«И къ намъ прошу, отецъ, какъ будете въ Зубковѣ»,
Зубковскій говорилъ: «веселье — сторона!
Найдётся для ксендза полштуки полотна,
Коровка и баранъ. Попомни только слово:
Счастливый человѣкъ, кто трафилъ до Зубкова!»
— «И къ намъ!» Сколуба то жь. «И къ намъ!» добавилъ Занъ. —
Такъ всё наперерывъ, такъ всѣми былъ онъ званъ,
И каждый обѣщалъ подарокъ небогатый,
По мѣрѣ силъ своихъ; но ксёндзъ ужь былъ за хатой.

Еще сидя въ корчмѣ, увидѣлъ онъ вдали
Тадеуша, верхомъ летящаго въ пыли,
Безъ шапки, въ попыхахъ, туда, гдѣ лѣсъ дремучій,
И хмурясь, и грозя, нависнулъ чорной тучей,
Всегда заманчивый для смѣлыхъ егерей:
Туда направился ксёндзъ Рóбакъ поскорѣй.

ПѢСНЬ IV.

Кто свѣдалъ глубину литовскихъ тёмныхъ пущей?
Проникнулъ въ сердце ихъ, до твари тамъ живущей?
Рыбакъ, въ своей ладьѣ, снуётъ у береговъ,
Не смѣя средь морей затѣять дерзкій ловъ;
Охотникъ по лѣсамъ съ опушки только кружитъ
И тайнъ глубокихъ ихъ во-вѣкъ не обнаружитъ.
Лишь басня тёмная бѣжитъ подъ-часъ въ народъ,
Что есть въ срединѣ пущъ таинственный оплотъ
Изъ вала старыхъ пней, изъ кряжей и каменьевъ,
Изъ груды мховъ сѣдыхъ, разросшихся кореньевъ;
А далѣе идутъ трясины и ручьи,
Гдѣ искони, въ дуплахъ, кишатъ шмелей рои,
По зыбкимъ тростникамъ шипятъ и вьются гады.
Когда жь настойчиво пробьёшь сіи преграды
И взглянешь издали во глубь лѣсныхъ пучинъ:
Тамъ, въ чащѣ, чтò ни шагъ, нарыта тьма сурчинъ
И волчьихъ и другихъ; какъ мракъ чернѣютъ норы,
А около идутъ болоты и озёры,
Заросшія травой окошки, бочаги,
Чтобъ далѣе не шли упрямые враги.
Потокъ зловонія, вокругъ болотъ смердящій,
Мертвитъ и губитъ лѣсъ, вблизи отъ нихъ стоящій:
Деревья, сгорбившись, присѣли до земли
И вѣтви тёмными сѣтями заплели
Непроницаемо и, мхомъ колтуноваты,
Въ грибахъ и въ бóлонахъ, согнулись, сномъ объяты,
Какъ вѣдьмы старыя, когда, усѣвшись въ рядъ,
Онѣ себѣ въ котлѣ на ужинъ трупъ варятъ.

За эти бочаги не смѣй взглянуть и окомъ:
Глухая пуща спитъ въ молчаніи глубокомъ
И неподвижная, синѣющая мгла
На-вѣки вѣчные тамъ тяжко залегла.
За нею, наконецъ, какъ по преданью слышно,
Равнина злачная раскинулася пышно,
Благоуханная, цвѣтущая страна,
Гдѣ скрыты всѣхъ деревъ и зелій сѣмяна;
И тамъ живутъ звѣрей сѣдые патріархи,
Самодержавные лѣсовъ своихъ монархи:
Тутъ древній, дикій зубръ и царственный медвѣдь.
Кругомъ, на деревахъ, приказано сидѣть
То рыси дерзостной, то алчной россомахѣ
И шляхту мелкую держать въ обычномъ страхѣ.
А далѣе живутъ, разгуливая врозь,
Вассалы вѣрные: кабанъ, олень и лось.
Вверху, въ сѣни вѣтвей, уставя очи быстры,
Орлы и соколы, какъ бодрые министры,
Оглядываютъ даль и озираютъ вкругъ,
Всегда готовые монархамъ для услугъ.
Такъ, въ чащѣ скрытые, невидимые свѣтомъ,
Владыки царствуютъ зимой, весной и лѣтомъ,
Изъ пущъ не выходя, не жертвуя собой,
И только молодёжь къ опушкѣ шлютъ на бой,
Далёко отъ своихъ заповѣдныхъ жилищей,
Границы наблюдать и пробавляться пищей.
Монарховъ не разитъ ни пуля, ни стрѣла;
Когда жь почувствуютъ, что смерть уже пришла
Неотразимая: заматерѣвши, сами
Идутъ почить въ глуши, укрытые лѣсами.
Медвѣдь—какъ зубы съѣстъ, рога собьётъ олень
И, ноги чуть влача, шатается какъ тѣнь;
Когда у кречета внезапно кровь окрѣпнетъ;
Какъ воронъ станетъ сѣдъ, и соколъ вдругъ ослѣпнетъ:
Идутъ на клàдбище, гдѣ боръ еще густѣй —
И оттого-то мы не видимъ ихъ костей.
И даже малый звѣрь, почуявъ пламень раны,
Бѣжитъ почить домой, въ отеческія страны.
Ни что не возмутитъ завѣтныхъ пущъ красу:
Правленье тихое и мирное въ лѣсу;
Исполненъ простоты наслѣдственный обычай:
Какъ дѣды не гнались за чуждою добычей,
Не зарились въ раю на роскошь братнихъ блюдъ,
Такъ нынѣ внуки ихъ въ согласіи живутъ;

И даже человѣкъ, проникши безоружный
Въ средину тварей тѣхъ, привѣтъ нашолъ бы дружный:
Глядѣли бъ, выразивъ тревогу и испугъ,
Какъ въ оный день шестой, когда узрѣли вдругъ
Ихъ прародители созданнаго Адама.
Но рѣдко и ловецъ, настойчиво-упрямо
Владѣющій собой, достигнетъ этихъ мѣстъ.
Лишь только иногда, охотяся окрестъ,
Бросаетъ гончихъ онъ въ трущобу мглы дремучей,
Но псы назадъ бѣгутъ, къ нему ласкаясь кучей,
Поднявъ протяжный стонъ и жалкій вой и гамъ,
Спѣшатъ, дрожа какъ листъ, прилечь къ его ногамъ.
Тѣ заповѣдныя, таинственныя пущи,
Гдѣ лѣсъ всегда ростётъ непроходимѣй, гуще,
Гдѣ звѣри старые безвыходно живутъ,
Крепями въ языкѣ охотниковъ слывутъ.

Медвѣдь! сидѣлъ бы ты въ крепяхъ своихъ глубокихъ,
Никто бы на тебя изъ ловчихъ быстроокихъ
Во-вѣки не напалъ, не зналъ твои слѣды
И жилъ бы ты себѣ безъ горя и бѣды!
Но, знать, медвянаго благоуханье сота,
Иль къ стаду буйволовъ обычная охота
Взманили вонъ тебя, на край, гдѣ рѣже лѣсъ —
И тутъ-то на тебя панъ войскій и налѣзъ!
Теперь тебя слѣдятъ; проникнули въ дубраву
И хитрую вокругъ раскинули облаву.

Тадеушъ, прискакавъ, узналъ, что ужъ давно
Охоту начинать ловцами рѣшено.
Всё тихо. Напряглось внимательное ухо
Охотника: стоятъ и слушаютъ — все глухо!
Лишь музыка лѣсовъ играетъ иногда.
Вотъ гончихъ брошена завзятая орда:
Пошли себѣ нырять и шмыгать безъ умолку;
А бодрые стрѣлки, уставя въ лѣсъ двустволку,
Глядятъ на войскаго: склонился до земли
И гончихъ слушаетъ: вотъ къ звѣрю натекли!
Хотя еще молчатъ, но для него ужь ясно.
Другіе слушаютъ, припали — все напрасно:
Не слышутъ ничего! Вдругъ отозвался пёсъ,
Другой, тамъ два еще, тамъ пять отозвалось,
Вотъ довалились всѣ, вотъ звѣря узираютъ —
И громко залились, какъ музыка играютъ,
Перекликаются; вотъ стихли всѣ на мигъ;
Потомъ отрывистый ударилъ въ уши крикъ:
Насѣли! Рявкнулъ звѣрь, обороняться началъ
И когти вострые на гончихъ обозначилъ.

Стрѣлки безмолвные недвижимо стоятъ,
Подавшись напередъ и въ лѣсъ вперяя взглядъ;
Не выдержали вдругъ—и бросились въ дубраву,
Чтобъ раньше выстрѣломъ стяжать и честь и славу;
Хоть Войскій передъ тѣмъ ихъ всѣхъ остерегалъ,
Молилъ, упрашивалъ, а послѣ обѣщалъ
Тому, кто двинется, смычокъ надѣть на шею,
Ясновельможному, равно какъ и лакею.
Напрасны всѣ мольбы, угрозы и смычки:
Широко по лѣсу разсыпались стрѣлки,
Три выстрѣла гремятъ, потомъ — огонь батальный,
Затѣмъ медвѣдя рыкъ и чей-то визгъ печальный.
Спѣшитъ на выстрѣлы охотниковъ гурьба.
Лай псовъ, медвѣдя рёвъ, трескучая труба —
Всё перепуталось; всѣ думали: ловитвѣ
Конецъ, и ужь успѣхъ предсказывали битвѣ,
Лишь войскій говорилъ, что сбилися... И вотъ
Звѣрь точно повалилъ отъ ловчихъ на-уходъ,
Взялъ въ сторону, собакъ отбросивши по-свойски,
Полѣзъ, гдѣ графъ стоялъ съ Тадеушемъ и войскій.

Тутъ лѣсъ порѣже былъ; изъ чащи и кустовъ,
Рыча, нагрянулъ звѣрь, какъ громъ изъ облаковъ,
Всталъ на ноги, валитъ; а сзади, слѣдомъ, стая
То прочь откинется, то, разомъ налетая,
Хватаетъ и дерётъ; звѣрь ломитъ черезъ пни
Въ ту сторону, гдѣ графъ съ Тадеушемъ одни,
Отбившись ото всѣхъ, стоятъ и выжидаютъ.
И вотъ предъ ними онъ! Глаза какъ жаръ блистаютъ,
Разинутъ страшный зѣвъ, уставились клыки,
Ревётъ: не дрогнули отважные стрѣлки,
Нацѣлились въ него, прищурясь лѣвымъ глазомъ,
Еще единый мигъ — и выстрѣлили разомъ;
Но промахъ. Звѣрь валитъ; предъ ними тутъ какъ тутъ;
Прочь ружья! молодцы рогатину берутъ,
Заспорили... А онъ не ждётъ и прямо ломитъ
На нихъ; того и жди, что лапой ошеломитъ,
Иль черепъ, что колпакъ, поднимаетъ съ головы.
Бѣгутъ... А ноги ихъ межъ кочекъ и травы
Скользятъ, сгибаются... Медвѣдь ужь недалёко...
Вотъ, кажется, насѣлъ... Еще мгновенье ока —
И когти страшныя на части разорвутъ
Сробѣвшаго стрѣлка... все кончено... Но тутъ,
Откуда ни возьмись, ксёндзъ съ ключникомъ Гервазомъ,
Асессоръ, становой — всѣ выстрѣлили разомъ:
Медвѣдь откинулся, вертнулся колесомъ,
Протяжно заревѣлъ и въ землю ткнулся лбомъ.
Тогда вцѣпилися псы, припомнивъ свой обычай:
Квартальный въ лѣвый бокъ, а въ правый — Городничій.

Тутъ войскій ухватилъ широкою рукой
Свой буйволовый рогъ, изогнутый змѣёй,
Прижалъ его къ устамъ, надулся, подъ лобъ очи
Немного закатилъ, сталъ дуть, что было мочи —
И грянулъ звонкій рогъ раскатомъ къ небесамъ
И музыка пошла по рощамъ и лѣсамъ.
Утихли всѣ кругомъ, заслыша гулъ призывный
И наслаждаяся гармоніею дивной.
Старикъ давно въ лѣсахъ своимъ искусствомъ слылъ,
Теперь, въ послѣдній разъ, имъ ловчихъ оживилъ,
Наполнилъ звуками широкую дубраву,
Какъ-будто бы въ неё пустилъ борзыхъ араву,
За гончими во слѣдъ — и травлю началъ вдругъ.
Имѣлъ особое значенье каждый звукъ:
Сначала позывъ въ рогъ, потомъ слышнѣе тоны:
Завыли голосовъ собачьихъ милліоны,
Ведутъ по красному; вотъ стихли, а потомъ
Звукъ рѣзкій — выстрѣла раздавшагося громъ.

Умолкъ, но всё трубитъ — охотникамъ казалось,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
Опять задулъ артистъ. Казалось, будто рогъ
Мѣняетъ образы: то дливенъ и широкъ,
Ревётъ медвѣдемъ онъ, то вдругъ завоетъ волкомъ,
То пробирается въ дубравѣ тихомолкомъ,
Какъ хитрая лиса; вдругъ взвылъ какъ ураганъ
И рявкнулъ вдалекѣ, какъ раненый кабанъ.

Умолкъ, но всё трубитъ — охотникамъ казалось,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
За звукомъ улеталъ, переливаясь, звукъ,
Дубъ дубу повторялъ, клёнъ клёнамъ, буку букъ.
Вдругъ войскій къ небесамъ уставилъ рогъ могучій
И гимнъ торжественный тріумфомъ грянулъ въ тучи,
Воинственный финалъ, громоподобный гласъ —
И музыка въ лѣса далёко понеслась.

Умолкъ, но всё трубитъ — охотникамъ казалась,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
Что лѣсу, то роговъ, играютъ и поютъ,
И пѣсню дивную другимъ передаютъ;
И долго шла игра отъ края и до края,
Переливаяся, слабѣя, замирая,
Покуда гдѣ-то тамъ погасла въ небесахъ.

Настала тишина въ дубравахъ и лѣсахъ.
Художникъ, бросивъ рогъ и опустивши руки,
Ловилъ послѣдніе, стихающіе звуки
И, вдохновенія вкушая торжество,
Стоялъ, пылая весь. Межь-тѣмъ вокругъ него
Сошлись охотники въ восторгѣ удивленья,
И долго слышался ихъ крикъ и поздравленья.
Лишь смолкъ послѣдній звукъ послѣдняго «ура»,
Всѣ глянули назадъ, гдѣ точно какъ гора
Лежалъ косматый звѣрь, когтями землю роя,
А злые мордаши терзали грудь героя.
Но войскій оттащить велѣлъ свирѣпыхъ псовъ—
И снова загремѣлъ «виватъ» среди лѣсовъ.

«А!» крикнулъ становой, «вотъ это значитъ ловко:
Что, братцы, какова моя сагаласовка!
Асессоръ говоритъ, что вверхъ она берётъ;
Нѣтъ, я теперь сошлюсь на весь честной народъ,
На всѣхъ охотниковъ: чего еще хотите?
Какова выстрѣла? Подите, посмотрите,
Что за сокровище!... Бѣгу сквозь лѣсъ густой,
А войскій сзади мнѣ: «куда? постой! постой!»
Чего ужь тутъ стоять, какъ звѣрь уходитъ въ поле!
Бѣгу... едва дышу... усталъ... нѣтъ силы болѣ...
Смотрю, а онъ ужь тутъ! я взялъ, навёлъ и хлопъ!
Покончилъ разомъ всё: должно-быть, прямо въ лобъ.»
—«Да, точно!» возразилъ асессоръ, «только сбоку
Я прежде выстрѣлилъ: я тутъ неподалёку
Стоялъ за деревомъ и не замѣтилъ васъ.
Звѣрь вышелъ на меня—я въ лобъ ему какъ разъ.»
«Нѣтъ!» крикнулъ становой, вертя своей винтовкой:
«Нѣтъ, тутъ вѣдь не процессъ! ишь вздумалъ, парень ловкой!»

Шумъ, крикъ! Межь-тѣмъ Гервазъ медвѣдю пасть разжалъ
И, всунувъ глубоко широкій свой кинжалъ,
Разсѣкъ звѣриный зѣвъ, картечь оттуда вынулъ
И живо по стволамъ охотниковъ прикинулъ.
«Эхъ», молвилъ, «господа, сыграли вы въ ничью:
Картечь по моему приходится ружью.
Смотрите: въ самый разъ, и нѣту здѣсь обмана;
Но выстрѣлъ былъ не мой, а квестаря-плебана;
Мнѣ было въ этотъ часъ совсѣмъ не до того:
Страхъ вспомнить! звѣрь насѣлъ на пана моего,
На пана моего, послѣдняго Горешку —
Хоть съ женской стороны! Я сталъ на ту же стежку;
«Владычица моя! Господь Іисусъ Христосъ!»
Взмолился я: и что жь? Богъ милостивъ, принёсъ
На выручку ксендза, лихова бернардина;
Онъ всѣхъ насъ пристыдилъ—и точно: хватъ ксенжина!
Когда я трясся весь, собачки не нашолъ,
Онъ хватъ моё ружьё, прицѣлился, навёлъ —
И бацъ! какъ пить поднёсъ! въ башку промежь зубами!

Мопанку, сто шаговъ! и между головами
Двоихъ охотниковъ! Который годъ живу;
Какихъ видалъ стрѣлковъ; обрыскалъ всю Литву,
А только одного охотника такова
Я встрѣтилъ; истинно; да вотъ—ксендза другова.
Тотъ, Яцекъ именемъ, а по просту Усачъ;
На всѣ затѣи былъ отъявленный лихачъ;
Не мало каблуковъ у женскихъ сбилъ ботинковъ,
Не мало на-вѣку настроилъ поединковъ...
Теперь, я чай, въ аду по самые усы
Сидитъ на угольяхъ — и точно злые псы
Хлопочутъ вкругъ него и Вельзевулъ, и черти...
Спасибо, право, ксёндзъ! Двоихъ ты спасъ отъ смерти,
А можетъ и троихъ: я хвастать не хочу,
Но если бы медвѣдь снялъ черепъ панычу,
Послѣднему въ роду — и я бы къ звѣрю въ глотку
Полѣзъ! Пойдёмъ же, ксёндзъ, изъ торбы вынемъ водку
Лихую, гданскую, присядемъ и вдвоёмъ
Здоровье графское и ваше разопьёмъ!»

Но не было ксендза: напрасно проискали
Охотники его; лишь только разъузнали,
Что, послѣ выстрѣла, окинулъ взоромъ онъ
Окрестность, видитъ: графъ съ Тадеушемъ спасёнъ,
Взглянулъ на небеса, тихонько помолился,
Надвинулъ свой каптуръ и въ чащѣ тёмной скрылся.

ПѢСНЬ V.

На ужинъ въ зáмокъ всѣхъ Соплица пригласилъ.
Готово — и народъ толпою повалилъ,
Шумя, какъ вѣтрами волнуемое море.
Всѣхъ выше, впереди, садится подкоморій,
Какъ слѣдуетъ ему по званью и лѣтáмъ;
Садясь, òнъ кланялся привѣтливо гостямъ.
На мѣсто квестаря хозяинъ сѣлъ въ срединѣ,
Прочтя короткую молитву по-латынѣ;
Потомъ благословилъ трапѐзующій столъ —
И ужинъ чередой, какъ водится, пошолъ.
Сначала холодецъ, тамъ раки и шпараги,
Между бутылками токая и малаги.

Но тихо всѣ жуютъ. Молчаніе кругомъ;
Лишь вилки брякаютъ. Навѣрно въ зáмкѣ томъ,
Котораго въ огняхъ сіявшія палаты
Слыхали нѣкогда столь громкіе виваты
И рѣчи бурныя, кипѣвшія рѣкой,
Ни разу не было компаніи такой:
Какъ-будто нѣкій духъ заворожилъ всю братью
И всѣ уста сковалъ безмолвія печатью.
Причина, почему затихла молодёжь,
Скрывалась въ выстрѣлѣ; всякъ думалъ: «каково жь!
Не дáлся никому медвѣдь изъ братьи нашей,
И вдругъ какой-то ксёндзъ, какой-то шлыкъ монашій,
Побѣду выхватилъ изъ-пòдъ носу у всѣхъ!
Не срамъ ли, господа? вѣдь это курамъ смѣхъ!
Позоръ отъявленный! ложися въ гробъ заранѣ!
Вотъ будетъ похвальбы и въ Лидѣ, и въ Ошмянѣ,
Панове братія! и неужели имъ
Мы пальму первенства въ охотѣ отдадимъ?»

Но пуще войскому молчанье то маркотно:
Провёлъ онъ молодость бурливо, беззаботно,
На сеймахъ, гульбищахъ, у шляхты на пирахъ,
Въ охотничьемъ кругу, на шумныхъ вечерахъ,
Гдѣ старопольскіе побрякивали кубки;
Затѣмъ онъ былъ врагомъ молчанія и — трубки,
Которую, вишь, чортъ отъ нѣмцевъ къ намъ занёсъ,
Чтобъ Польшѣ всей молчать, куря табакъ въ засосъ:
Такъ войскій объяснялъ. Онъ спалъ, иль думалъ думу,
Когда вокругъ него довольно было шуму,
А если замолчатъ — проснётся и бѣда!
Такъ мельникъ тихо спитъ, урчи кругомъ вода;
Пусть ходитъ шестерня и мельница пусть мелетъ:
Она ему постель знакомымъ шумомъ стелетъ;
Но стали жернова — проснулся вдругъ и онъ;
Глядитъ, оторопѣвъ... и гдѣ ты, сладкій сонъ?
Такъ войскій, пробуждёнъ трапѐзой молчаливой,
Всталъ, подкоморію откланялся учтиво,
Потомъ къ хозяйскому коснулся кунтушу;
Кивнули головой, чтò значило: «прошу» —
И войскій началъ такъ: «Панове! нѣтъ причины
Намъ молча ужинать; вѣдь мы не капуцины!
Молчать, припрятывать за трапезою рѣчь,
Всё то же, чтò зарядъ въ ружьѣ своемъ беречь:
Зарядъ заржавѣетъ и послѣ не годится.
Не слѣдъ охотнику, какъ дѣвицѣ, стыдиться!
За-то болтливую люблю я старину,
Охочую всегда къ бесѣдѣ и къ вину.
Въ дни наши, кончивъ ловъ, компанія, бывало,
Безъ умолку всю ночь пила и толковала,
Чтò въ голову придётъ, какой бы ни былъ ловъ;
Огонь — не разговоръ; шумящій ливень словъ —
Волна, охотничье ласкающая ухо...
Теперь — безмолвіе: услышишь, если муха
По зáмку пролетитъ. Э, вижу я сейчасъ,
Откуда буря вся на небѣ собралась:
Изъ-подъ монашьяго нависнула каптура!

И вотъ съ чего теперь глядите всё понуро:
Стыдитесь промаховъ. Да кто жь ихъ не давалъ!
Я много на-вѣку охотниковъ знавалъ,
Какихъ! не вамъ чета — а тоже пуделяли;
И самъ я пуделялъ, да не было печали.
Покойникъ панъ Рейтанъ, на что ужь былъ стрѣлокъ,
И тотъ безъ промаховъ охотиться не могъ.
Пословица живётъ: на всякую старуху
Хотя единый разъ пошлётъ Господь проруху.
А то, что съ поля графъ ударился бѣжать
Съ Тадеушемъ — никто не станетъ осуждать.
Когда бъ безъ выстрѣла пустились вы отъ звѣря,
То, значитъ, струсили, сробѣли, а теперя
Вы оба дали залпъ и бой лицомъ къ лицу
Безъ страха приняли, какъ слѣдуетъ бойцу —
И вамъ почотная осталась ретирада:
Вы вправѣ отступить; но вотъ что помнить надо:
Всѣхъ одинаково хочу я остеречь —
Зарядъ не выпускать изъ дула, а беречь
До самаго конца, покуда звѣрь нагрянетъ;
А издали зарядъ не бьётъ, а только ранитъ.
Да вотъ еще о чёмъ хочу предупредить:
Другъ-друга не сбивать, впередъ не заходить,
И разомъ по одной не тѣшиться дичинѣ!»

Асессоръ проворчалъ вполголоса: «дѣвчинѣ!»
Всѣ въ хохотъ: угодилъ асессоръ, знать, на всѣхъ,
И долго за столомъ не унимался смѣхъ.
«Да!» войскій продолжалъ, «оказіи нерѣдки:
Бываетъ, что въ такой капканъ влетите, дѣтки...»
—«Къ кокеткѣ!» проворчалъ асессоръ подъ шумокъ
И грозно выстрѣлилъ глазами въ потолокъ.

Вновь на смѣхъ подняли асессорскую шутку,
А войскій новую готовилъ прибаутку;
Венгерскимъ до краёвъ наполнилъ свой бокалъ,
Отпилъ, прокашлялся и снова продолжалъ:

«Неспорно, ксёндзъ-плебанъ стрѣляетъ очень мѣтко:
Такіе лихачи-стрѣлки бываютъ рѣдко,
И ключникъ говоритъ, что зналъ лишь одного,
Кто могъ такъ выстрѣлить, и больше никого.
Я жь на своемъ вѣку знавалъ еще другого
Подобнаго стрѣлка, хорунжаго простого:
Онъ также выстрѣломъ двоихъ отъ смерти спасъ.
Объ этомъ случаѣ пойдётъ теперь разсказъ.

«Разъ въ Налибоцкія удѣрились мы рощи —
И тутъ-то къ намъ кабанъ какъ куръ попался во щи.
Тадеушъ панъ Рейтанъ — и ужасъ, и гроза
Окрестной дичи всей...»—«За здравіе ксендза!»
Воскликнулъ панъ судья: «теперь черёдъ за вами,
Панъ войскій!» И наливъ тутъ въ уровень съ краями
Бокалъ венгерскаго, сосѣду подаётъ.
Бокалы чокнулись; панъ войскій залпомъ пьётъ.
— «А жаль, сказалъ судья: подарка никакова
Не приметъ ксёндзъ-плебанъ; за-то, честное слово,
За порохъ, за труды, на кляшторъ я внесу
Стипендію: такъ звѣрь, застрѣленный въ лѣсу
Сегодня, черезъ годъ свою оплатитъ шкуру;
Но шкуры не отдамъ; готовъ, пожалуй, фуру
Доставить соболей, а шкуру — погоди!
О шкурѣ, братія, рѣчь будетъ впереди.
Честь выстрѣла — ксендзу. Теперь, по уговорѣ,
Награду первую яснѣйшій подкоморій
Присудитъ пусть тому, кто болѣ заслужилъ!»

Пошолъ межъ шляхтой споръ, и всякій выводилъ
Свои отличія, ихъ взвѣсивъ и размѣря:
Одинъ, что на собакъ поставилъ первый звѣря;
Тотъ—въ рукопашную свалился первый съ нимъ;
Асессоръ въ ярый споръ вступилъ со становымъ:
Одинъ о цѣнности толкуя сангушковки,
Другой о добротѣ своей сагаласовки;
И нескончаемо трактатъ объ этомъ шолъ...

Но подкоморій рѣчь къ собранію повёлъ —
И всѣ утихнули: «Сосѣди и собратья!
Заслуги всѣхъ равны, и всѣ вы безъ изъятья
Достойны высшую награду получить;
Но, братія, судьбѣ угодно отличить
Особымъ знаменьемъ двоихъ изъ васъ сегодня:
Тадеушъ и панъ графъ — на нихъ рука Господня.
Тадеушъ, поручусь, откажется отъ правъ:
Такъ, spolia opima получитъ нынѣ графъ;
Пусть шкуру по стѣнѣ развѣситъ кабинета —
По ней воспоминать онъ будетъ прежни лѣта,
Горѣть воинственнымъ охотника огнёмъ,
И пылкій духъ отцовъ не ослабѣетъ въ нёмъ!»

Умолкъ и думалъ: графъ доволенъ будетъ рѣчью;
Но графъ былъ холоденъ къ такому краснорѣчью,
И, взоръ на потолокъ нечаянно поднявъ,
Увидѣлъ тамъ слѣды охотничьихъ забавъ,
Наслѣдіе вѣковъ, добычу поколѣній:
Кудрявые рога сохатыхъ и оленей,
Сплетаясь межъ-собой, нависли точно лѣсъ;
А далѣ, подъ шатромъ истлѣвшихъ занавѣсъ,
Портреты прадѣдовъ, ихъ облики угрюмы...

Всё въ графѣ старыя расшевелило думы,
Давно умолкшую и ненависть, и злость...
Владѣлецъ этихъ стѣнъ межь ними точно гость!
Горешки стольника единственный наслѣдникъ —
На пирѣ у враговъ и другъ, и собесѣдникъ!
Волненіе и гнѣвъ съ трудомъ въ себѣ сдержавъ,
Съ усмѣшкой горькою судьѣ отвѣтилъ графъ:
«Благодарю я васъ за даръ и за обычай;
Но тѣсный уголъ мой столь пышною добычей
Покуда украшать я вовсе не хочу,
А лучше съ зàмкомъ тѣмъ всё вмѣстѣ получу!»

Смекнувъ, куда пошло, чтобъ избѣжать исторій,
Скорѣе поспѣшилъ вступиться подкоморій:
«Достоинъ похвалы, сосѣдъ мой молодой:
За выгоды свои стоишь и за ѣдой;
Не такъ, какъ молодёжь въ теперешніе годы
Живётъ, не думая щадить свои доходы,
Отъ всякихъ лишнихъ тратъ себя предостеречь.
На счотъ недвижимыхъ теперь имѣній рѣчь:
Меня давно уже вопросъ сей занимаетъ;
Признаться, эта часть у насъ еще хромаетъ,
Но мѣры приняты...» Тутъ началъ выводить
Порядкомъ цѣлый планъ, пошолъ судить, рядить,
Администраціи высказывая тайны,
Занёсся высокò; вдругъ шумъ необычайный
Послышался въ углу; всѣ головы туда
Обборотилися. Такъ вѣтеръ иногда
Колосья тонкіе нагнётъ по произволу,
И зыблются они, склоняясь тихо долу.

Въ углу, гдѣ стольника покойнаго портретъ
Висѣлъ, подъ копотью и прахомъ многихъ лѣтъ,
Открылась, скрыпнувъ, дверь, и въ это же мгновенье
Фигура длинная, какъ нѣкое видѣнье,
Явилась въ комнатѣ: то ключникъ былъ Гервазъ;
Узнали всѣ его по блеску гнѣвныхъ глазъ,
По росту и усамъ, еще того скорѣе
По форменной его горешковской ливреѣ.
Онъ шолъ, не шевелясь, какъ точно не живой,
Не думая кивнуть собранью головой,
И даже не смотря и шапки не ломая.
Въ рукахъ его ключи; одинъ изъ нихъ, блистая,
Предлинный, спèреди воинственно торчалъ,
И будто ятаганъ, иль мечъ обозначалъ.

Фигура движется и стала противъ шкафа,
Гдѣ старые часы, съ гербомъ Горешки графа,
Мигали за стекломъ, давно ужь, на бѣду,
Со всей природою и съ солнцемъ не въ ладу.
Гервазъ не поправлялъ — и чтò ему за дѣло! —
Лишь только бъ шли часы да музыка гудѣла,
Курантовъ лондонскихъ трескучая игра.
Въ то время заводить какъ-разъ пришла пора.
Рѣчь подкоморія плавнѣе всё и шире
Потоками лилась — тутъ ключникъ дёрнулъ гири
И зубья ржавые скрипнули въ колесѣ:
Разсказщикъ замолчалъ, и оглянулись всѣ.
«Эхъ, братъ, оставь пока! и какъ тебѣ не тошно!»
Замѣтилъ панъ судья; но ключникъ, какъ нарошно,
Дёргъ шнуръ еще сильнѣй: кукушка на верху,
Припрыгнувъ, понесла такую чепуху,
Пищала, каркала, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже
И, кончивъ арію, бралась за пѣсню ту же.
Всѣ гости хохотать, но подкоморій вдругъ:
«Эй, ключникъ, берегись: я врагъ подобныхъ штукъ!
Кто самъ хорошъ со мной, того я не затрону,
Но выпугну какъ-разъ докучную ворону!»

Ни мало не смущонъ, стоитъ себѣ Гервазъ,
Рукою на часы свои облокотясь,
И такъ отвѣтствуетъ: «Слыхалъ я эти шутки!
Нѣтъ, выпугнуть меня, шалишь, мопанку, дудки!
Каковъ ни есть теперь на свѣтѣ воробей,
А дома у себя не трусь и не робѣй:
Найдётся про него и корму, и соломы!
А какъ ворона вотъ да не въ свои хоромы
Затешется, тогда изъ этихъ изъ хоромъ
Какъ-разъ её метлой попросятъ не-добромъ!»

—«Вонъ! зà двери его! Эй, Тòмашъ! Эй, Григорій!»
Затопавъ, закричалъ сердито подкоморій.
«Вотъ видите, панъ графъ, куда уже пошло!»
Озвàлся ключникъ тутъ: «Имъ мало, что на зло
Залѣзли въ зàмокъ нашъ, въ домъ стольника Горешки;
Имъ мало, что теперь мы терпимъ ихъ насмѣшки,
Что панъ пожаловалъ на ужинъ ко врагу,
Давай еще кричать на панскаго слугу,
Смѣяться мнѣ въ глаза, чиновнику Гервазу,
И даже выгонять изъ дòму, какъ заразу!»
Тутъ возный возгласилъ: «Вниманье, господа!
Всѣ, кто приглашены въ собраніе сюда!
Я, возный, Бальтазаръ, фамилія Брехальскій,
Иначе генералъ когда-то трибунальскій:
По силѣ данныхъ мнѣ потенціи и правъ,
Обязанъ нахожусь, свидѣтелей собравъ,
Дознаніе чинить по поводу Соплицы:
Сирѣчь инкурсіи, набѣгѣ на границы;
А то, что панъ-судья владѣтель оныхъ мѣстъ,
Тому свидѣтельство, что онъ въ сёмъ замкѣ — ѣстъ!»

— «Вотъ я тебѣ, брехачъ, заткну твое брехало!»
И, взявъ свои ключи, не думая ни мало,
Гервазъ пускаетъ ихъ въ него какъ изъ пращи.
Всѣ повскакали съ мѣстъ: «держи его! тащи!»
И шляхта ринулась шумящею волною,
Межъ лавкой, стульями, столами и стѣною;
Но графъ, имъ креслами дорогу заградивъ
И слабый шанецъ свой въ томъ мѣстѣ утвердивъ:
«Стой! здѣсь безчинствовать», сказалъ, «я не позволю!
Напрасно, панъ судья, даёшь ты хлопцамъ волю,
И гдѣ жъ? въ чужомъ дому! чужихъ позоришь слугъ
И цѣлую ведёшь араву противъ двухъ!
Какъ это доблестно! какъ это благородно!
Хозяинъ на лицо, и тотъ, кому угодно,
Мнѣ можетъ высказать претензію свою;
А трогать слугъ моихъ я въ зáмкѣ не даю!»

— «Безъ вашей милости рѣшимъ мы это вскорѣ»,
Сказалъ, изъ-подъ бровей взглянувши, подкоморій:
«Раненько здѣсь себя хозяиномъ зовёшь!
Когда меня, всѣхъ насъ не ставишь ни во грошъ,
Когда тебѣ ничто ни сѣдина, ни лѣта,
Уважь хоть первое ты званіе повѣта,
Послушайся меня безпрекословно, сядь!»

— «Ни лѣтъ, ни званія нельзя мнѣ уважать,
Когда отъ нихъ терплю себѣ я оскорбленья»,
Отвѣтилъ графъ ему. «Здѣсь домъ мой и владѣнья,
Наслѣдіе отцовъ. Довольно и того,
Что съ вами, середи помѣстья моего,
Пришолъ я бражничать, терплю всё это пьянство,
Кутёжъ, и наконецъ позоръ и грубіянство.
Ужо, какъ выспитесь, отчётъ спрошу у васъ.
Такъ — до свиданія! За мною, мой Гервазъ!»

Никакъ не ожидалъ подобнаго отвѣта
Старикъ, отецъ семьи и первый чинъ повѣта.
Въ то время наполнялъ венгерскимъ кубокъ онъ,
Вдругъ рѣчью грубою, какъ громомъ, поражонъ,
Совсѣмъ остолбенѣлъ, въ нёмъ нравъ проснулся пылкой:
Старикъ, какъ былъ тогда съ поднятой вверхъ бутылкой,
Такъ замеръ, грозные глаза остановивъ
На графѣ и уста широко отворивъ,
И нáлитой бокалъ сжимая, чтò есть мочи,
Покамѣстъ лопнулъ онъ—вино плеснуло въ очи,
На скатерть черепки посыпались звеня;
Казалось, брызгами подбавило огня
Лицу и головѣ: зардѣлся лобъ широкой
И яркой молніей заискрилося око.
Хотѣлъ онъ говорить, но долго всё жевалъ,
Вдругъ прыснули слова: «Ахъ, неучъ! Ахъ, нахалъ!
Эй, Тòмашъ, саблю мнѣ! Вотъ я тебя, графёнокъ,
Иначе вышколю; невѣжа, поросёнокъ!
Ни въ грошъ ему чины! не можетъ слышать, слабъ!
Какая нѣженка! заморскихъ пѣстунъ бабъ!
Откуда выскочилъ? Эй, Тòмашъ! вписцы дьябли!
Дай саблю, говорю, и примемъ ихъ мы въ сабли!»

Тутъ къ подкоморію придвинулись друзья,
Готовы защищать; но за руку судья
Сосѣда ухватилъ: «Ясновельможный пане!
Оставьте это намъ! Здѣсь дѣло всё въ буянѣ,
Въ мальчишкѣ: пусть же съ нимъ и кончитъ молодёжь!
Тадеушъ, рѣчи ты съ нахаломъ поведёшь!
За оскорбленіе и гвалтъ противъ сосѣдей
По-свòему плясать заставишь ты медвѣдей!»
Тадеушъ выступилъ: «а, вашець панъ буянъ!
Посмотримъ завтра мы, кто пьянъ и кто не пьянъ!
Ты вздумалъ оскорбить здѣсь первый чинъ въ повѣтѣ:
Ужо поговоримъ объ этомъ на разсвѣтѣ!
Теперь же уходи, покамѣстъ живъ и цѣлъ!»

То былъ совѣтъ благой: едва сказать успѣлъ
Тадеушъ рѣчь свою, какъ прыснули бутылки
Въ Гервàза-ключника, потомъ ножи и вилки.
Графъ началъ отступать; оторопѣлъ Гервазъ...
Колеблется... Толпа нахлынула, ярясь,
И наступленіе отвсюду началося.
По счастью, въ этотъ мигъ въ дверяхъ явилась Зося
И, ручки нѣжныя и очи вверхъ поднявъ,
Молила ими всѣхъ: тогда Гервазъ и графъ,
Межъ-тѣмъ какъ сдержанъ былъ напоръ толпы бурливой,
Направились къ сѣнямъ, ловя моментъ счастливый.
Глядь: ключникъ вдругъ исчезъ, юркнувъ подъ длинный столъ,
Какую-то скамью за нимъ, въ углу, нашолъ
И, вверхъ её поднявъ могучею десницей,
Какъ мельница крыломъ махнулъ — и вереницей
Назадъ отхлынула шумящая толпа;
Иные сыпались на землю какъ крупа,
Вставали и опять кидалися, грозяся,
Но осаждённые, скамейкой заслоняся,
Ужь были далекò; вотъ стали на порогъ,
Минута — и Гервазъ уйти бы съ графомъ могъ,
Но ключникъ всё еще на мигъ остановился,
Держа скамью въ рукахъ; присѣлъ, изноровился:

Нельзя ли счастія въ сраженьѣ попытать,
Ударить на враговъ, ломить и наступать?
Уже занёсъ скамью, чтобы пробить дорогу,
Но, войскаго узрѣвъ, почувствовалъ тревогу.

А войскій, между-тѣмъ, спокойно въ сторонѣ
Сидѣлъ, безъ всякаго участія въ войнѣ.
Сначала трапезы, въ тотъ мигъ, какъ были въ спорѣ,
Соплица панъ-судья, Гервазъ и подкоморій,
Панъ войскій вслушался, казалось, въ этотъ споръ,
Понюхалъ табаку, очки свои протёръ,
Затѣмъ опять утихъ, не внемля крикамъ, шуму,
И погружался, повидимому, въ думу.
Соплица былъ родня неблизкая ему;
Но такъ-какъ войскій жилъ давно въ его дому,
То вѣчно о судьѣ заботился немало.
Увидѣвъ, что толпа на графа напирала
И съ нею былъ судья: старикъ себѣ опять
Сталъ молча, подъ шумокъ, за битвой наблюдать
И, ножикъ положивъ тихонько на ладони,
Онъ приготовился, какъ должно, къ оборонѣ.

Искусство страшное метанія ножей
Въ то время вывелось въ Велико-Польшѣ всей
И даже на Литвѣ; лишь кое-кто изъ старыхъ
Его употреблялъ подчасъ при битвахъ ярыхъ.
Зналъ ключникъ хорошо, чѣмъ пахнетъ этотъ ножъ.
Движенья войскаго, быть-можетъ, молодёжь
И не примѣтила, но ключникъ всё примѣтилъ
И видѣлъ онъ, въ кого старикъ ножомъ намѣтилъ:
Скамьёй послѣдняго Горешку заслонивъ,
Гервазъ нырнулъ за дверь, и графъ остался живъ.

Такъ волкъ, когда его собакъ настигнетъ стая,
Вдругъ ощетинится, присядетъ и, блистая
Клыками страшными, пріемлетъ ярый бой —
И стая отъ него посыплется гурьбой.
Но, чу! звенитъ курокъ—и волкъ, поднявши ухо,
Со страхомъ слушаетъ знакомый щолкъ, и, глухо
Ворча и хвостъ поджавъ, уходитъ въ добрый часъ,
А стая, вновь за нимъ съ тріумфомъ навалясь,
Хватаетъ за бока и космы въ воздухъ мечетъ;
На мигъ присядетъ волкъ, пса хваткой искалечитъ
И снова па утёкъ: такъ точно и Гервазъ
Искусно отступалъ, скамьёю заслонясь,
Грозя движеньями, посматривая въ оба —
И въ тёмный коридоръ укрылись съ графомъ оба.

«Держи!» но ключникъ былъ на хорахъ, наверху,
Ломалъ уже органъ — и быть бы тутъ грѣху,
Когда бы мѣдныя посыпалися трубы
И затрещали вдругъ пановъ и шляхты чубы.
По счастію, толпа спѣшила изъ дверей,
А хлопцы, захвативъ посуду поскорѣй —
Огромные котлы изъ серебра и мѣди —
Бѣжали также вонъ, оставя только снѣди.

Послѣдній отступилъ Брехальскій Бальтазаръ:
Не могши укротить въ себѣ возненскій жаръ,
До самаго конца чинилъ свое дознанье,
Достаточно явивъ различныхъ пунктовъ знанье,
Крючковъ, параграфовъ, указовъ и статей;
Окончилъ — и пошолъ вслѣдъ шляхты и гостей.

По счастью, не было увѣчныхъ и потери,
Но стульевъ и скамей попадало у двери
Довольно: самый столъ, подшибенъ наконецъ,
Палъ на полъ, улитый венгерскимъ, какъ боецъ,
На обагрённые доспѣхи супостата.
Вкругъ мёртвыя тѣла: индѣйки, поросята,
Съ ножами, вилками, натыканными въ бокъ...

И вотъ опять заснулъ разбуженный чертогъ,
И мракъ надъ нимъ повисъ, какъ тёмная завѣса;
Лишь мѣсяцъ, выкравшись тихонько изъ-за лѣса,
Скользилъ по комнатамъ обманчивымъ лучомъ,
Какъ-будто нѣкій тать въ затишьѣ гробовомъ,
Иль грѣшная душа, летящая на Дзяды.
Вотъ крысы заскребли — полакомиться рады...
Вдругъ хлопнула бутыль, духàмъ заздравный тостъ,
И крысы прячутся, поджавъ проворно хвостъ.

На хорахъ, въ залѣ той, что прòзвана зеркальной—
Хотя и безъ зеркалъ — разгуливалъ печальный
Наслѣдникъ стольника, отъ жару снявъ сюртукъ,
Однакоже его не выпускалъ изъ рукъ
И, имъ воинственно и ловко драпируясь,
Какъ рыцарскимъ плащомъ, и такъ-себѣ рисуясь,
Онъ вышелъ на балконъ, на ветхое крыльцо,
Чтобъ вѣтръ ему пахнулъ въ горящее лицо;
А тамъ ужь былъ Гервазъ — и начали бесѣду.
«Всѣхъ, всѣхъ зови на бой! Ступай къ отцу и къ дѣду!»
Графъ молвилъ. «Всѣхъ сюда, всѣхъ до одной души!
Живѣе снаряжай рапиры, палаши!...»
— «Да, точно!» тотъ сказалъ. «Коль хочешь быть покоенъ,
Всё грабь и всё бери, и будь вѣкъ цѣлый воинъ.
Какой тамъ шутъ процессъ! Всё ясно тутъ какъ день:
Горешки — пàнами всѣхъ этихъ деревень
Лѣтъ были тысячу; межь-тѣмъ, какъ панъ Соплица
Ни гроша не имѣлъ; вдругъ эта Тарговица

Нагрянула на насъ, какъ на голову снѣгъ —
И вотъ мой панъ лишонъ своихъ владѣній всѣхъ,
За что и почему — кто знаетъ, неизвѣстно!
Тутъ гдѣ процессомъ взять и дожидаться честно:
Набьёшь оскомину, не стерпишь, надоѣстъ.
Давно я говорю: махнёмъ на нихъ въ наѣздъ!
Какъ было въ старину въ Литвѣ, въ Велико-Польшѣ:
Тотъ правъ себѣ и панъ, кто могъ награбить больше;
Кто въ полѣ взялъ, возьмётъ навѣрно и въ суду!
А если я въ Добжинъ за помощью пойду,
Къ Матвѣю проторю знакомую дорожку,
Такъ, вѣрь мнѣ, изъ Соплицъ мы сдѣлаемъ окрошку!»

—«Брависимо! идётъ!» воскликнулъ громко графъ:
«Давай, Гервазъ, искать своихъ сарматскихъ правъ!
Такой подымемъ шумъ, какой и въ прежни лѣты
На рѣдкость былъ въ Литвѣ. Журналы и газеты
Вездѣ начнутъ трубить объ насъ наперерывъ.
Гервазъ! ты подлинно на выдумки счастливъ!
Ура! намъ предстоитъ прекрасная забава:
Оружья грянетъ звонъ, а тамъ—вѣнецъ и слава!
Два года кисну здѣсь, какъ звѣрь какой сижу;
Всё развлеченіе — поспоришь за межу
Съ холопомъ; а ужь тутъ не этимъ вовсе пахнетъ.»
—«Да, ежели Гервазъ рапирой тарарахнетъ...»
Вступился-было тотъ; но графъ остановилъ:
—«Я, знаешь ли, Гервазъ, однажды удивилъ
Сицилію, свершивъ удачно нападенье
На шайку цѣлую разбойниковъ. Сраженье
Поутру началось и кончилося въ ночь.
Я лично трехъ убилъ, и княжескую дочь,
Красою ангела, освободилъ изъ плѣна.
Въ объятія мои прекрасная Елена
Упала, плакала — поймешь ли это ты?
Въѣзжаю въ городъ — ну, какъ водится, цвѣты;
Коврами пышными увѣшаны балконы,
Валитъ тьма тмущая народу, милліоны,
Виватъ et caetera... Потомъ одинъ поэтъ
Удачно сочинилъ стихи на сей предметъ,
Назвавши: *Польскій графъ, иначе приключенья*
Въ скалахъ Бирбанте-Рокъ. Съ-тѣхъ-поръ во мнѣ влеченье
Къ сраженіямъ, огонь воинственный въ крови...
Ступай, Гервазъ! ступай, кличъ кликай и зови,
Вассаловъ собирай, вооружай жокеевъ!»
—«Какъ? Боже сохрани вооружать лакеевъ!»
Гервазъ отозвался. «Съ лакеями наѣздъ!
Мопанку нѐ жилъ здѣсь, не знаетъ нашихъ мѣстъ,
Обычаевъ; наѣздъ сбирается въ застянкахъ:
Въ Добжинѣ, въ Тетычахъ, въ Ступловицѣ, въ Рубанкахъ,
Гдѣ шляхта истая, народъ — головорѣзъ,
Ребята важные, въ Литвѣ имѣютъ вѣсъ,
Горешкамъ преданы и недруги Соплицамъ.
Мопанку, вотъ куда, вотъ къ этимъ самымъ птицамъ,
Мнѣ нужно залетѣть, покамѣстъ не блеснулъ
Разсвѣтъ на небесахъ. А панъ бы лёгъ—уснулъ;
Ужь поздно: пѣтухи вдругорядь прокричали!»
Затѣмъ Гервазъ утихъ, и оба замолчали.

Съ балкона видитъ графъ горящіе огни
Въ хоромахъ у судьи. «Не спятъ еще они!»
Сказалъ онъ про себя. «Что жь, дѣло! тѣшьтесь этимъ,
Пока мы фейверокъ иной вамъ не засвѣтимъ!»
А ключникъ на земь сѣлъ, прижавшися въ углу.
Лучъ мѣсяца скользилъ по лысому челу
И рѣзче отдѣлялъ глубокія морщины.
Гервазу начали мерещиться картины
Наѣздовъ и рѣзни, военная гроза...
А сонъ, межь-тѣмъ, смежалъ усталые глаза.
Гервазъ хотѣлъ прочесть вечернія молитвы
И ими разогнать видѣнія и битвы,
Но между «Вѣрую» и между «Отче нашъ»
Вдругъ какъ-то зазвенитъ то выстрѣлъ, то палашъ,
И грёзы странныя являются въ туманѣ.
Вотъ, грозно опершись на тяжкомъ буздыганѣ,
Стоитъ сѣдой литвинъ, покручивая усъ;
Другой остритъ кинжалъ иззубренный о брусъ...
Чу! музыка гремитъ, чертогъ сверкнулъ огнями—
И, между разными знакомыми тѣнями,
Вдругъ образъ стольника покойнаго мелькнулъ,
Кровь брызнула... Гервазъ очнулся и вздрогнулъ,
Крестится... Но дрема опять его объемлетъ...
Наѣздъ! Военный кличъ и трубы. Ключникъ внемлетъ,
Глядитъ: Кореличи и Рымша на челѣ!
Сверкаетъ молніей оружіе во мглѣ...
Затѣмъ смѣшалось все: Литва и гайдамаки...
Вотъ самъ Гервазъ летитъ на дикомъ аргамакѣ,
Вылёты кунтуша на вѣтеръ распустилъ,
Лицо его горитъ и шапка сбилась въ тылъ;
Вотъ, вотъ она: узрѣлъ знакомую свѣтлицу —
Туда! — и онъ поджогъ разбойника Соплицу;
Огонь бѣжитъ рѣкой; ударили въ набатъ;
Объяты пламенемъ, селенія горятъ
И сыплются кругомъ, сверкая, головешки...
И такъ заснулъ слуга послѣдняго Горешки.

ПѢСНЬ VI.

Тихонько, крадучись, на небо выходилъ
Застѣнчивый разсвѣтъ и дремлющихъ будилъ,

Но былъ онъ нѐ веселъ: съ лица его румяны
Спахнуло сѣрой мглой и, глядя на поляны,
Не могъ онъ, какъ всегда, зарёю заалѣть.
Кругомъ висѣлъ туманъ, какъ старая повѣть
Надъ бѣдной хижиной убогаго литвина.

Стада воловъ и козъ, съ природой заедино,
Проснулись и пошли на пастбище позднѣй,
Пугая русаковъ изъ мягкихъ зеленей.
Догадливый звѣрокъ имѣлъ обычай ранѣ
Въ дубраву уходить; теперь дремалъ въ туманѣ,
Таясь за кочками, на воздухѣ сыромъ,
Подъ каплями росы, блиставшей серебромъ.

И въ рощахъ тишина: еще пѣвецъ крылатый,
Забившися въ листы и пòдъ мохъ бородатый,
Дремалъ, повѣся носъ, и ждалъ зари восходъ.
Лягушки квакали среди своихъ болотъ,
Да бучней слышались отрывочные стоны,
Да каркали порой зловѣщія вороны,
Ненастье и дожди селянамъ ворожа.

Чу! пѣсня раздалась, и звукъ ея, дрожа
Уныло, а подчасъ и вовсе замирая,
Пронёсся по полямъ отъ края и до края:
То вышли изъ села на ниву жницъ толпы;
Сверкнули острые на пажитяхъ серпы;
Работая, поютъ молодки русокосы.
Вотъ къ нимъ идутъ косцы, на плечи вскинувъ косы,
И начали косить отаву; скосятъ рядъ,
Всѣ остановятся и косы поострятъ
Брускомъ; потомъ опять движенье на полянѣ:
Валитъ косцовъ толпа, чуть видная въ туманѣ,
Лишь изрѣдка свиститъ и хряскаетъ коса,
Да вѣтеръ пѣвуновъ приноситъ голоса.
Въ срединѣ, между жницъ, оглядывая жито,
И временемъ ворча и хмурясь сердито,
Гуляетъ пасмурный и мрачный экономъ
И дремлетъ на ходу, еще объятый сномъ.
Межъ-тѣмъ, большія всѣ и малыя дороги
Наполнены людьми: несутся брички, дроги,
Кибитки польскія, гонцы туды, сюды;
Нерѣдко шмыгаютъ проворные жиды;
Порою взапуски промчатся верховые,
Какъ-будто развозя извѣстія живыя.
Волненье, топотня, колёсъ трескучій громъ.
Очнулся и глядитъ угрюмый экономъ,
Кричитъ, зовётъ: куда! лихія брички мимо
Летятъ, проносятся, какъ вихрь, неудержимо.
Порой послышится бряцанье палаша:
Солдаты! Замерла отъ радости душа —
И старый экономъ, о снѣ и о пшеницѣ
Забывъ, бѣжитъ бѣгомъ къ хозяину Соплицѣ,
Всё въ точности ему повѣдать, разсказать...
Въ то время начали ужь вѣсти прилетать
Въ Литву на счотъ войны; въ сердцахъ была тревога —
И всякій ждалъ гостей-французовъ, точно Бога.

Судья сидѣлъ съ утра, замкнувшися въ избѣ,
Сердитый, сумрачный, и всё писалъ-себѣ;
А возный, между-тѣмъ, у пана за порогомъ,
Стоялъ на вытяжку и ждалъ въ молчаньѣ строгомъ,
Чтò будетъ. Наконецъ написанъ былъ позывъ,
Гдѣ, жалобу свою на графа изложивъ
За оскорбленіе его судейской чести,
За дерзкія слова, за гвалтъ и грубость вмѣстѣ,
Соплица требовалъ съ отвѣтчика взыскать
Убытки, протори: ни іоты пропускать
Онъ въ просьбахъ не любилъ, писалъ замысловато;
А возный долженъ былъ сегодня жь, до заката,
Тотъ позывъ огласить у графа на дому,
Допрежь не говоря ни слова никому.
Едва лишь онъ узрѣлъ знакомую бумагу,
Почувствовалъ въ себѣ и бодрость, и отвагу,
Припрыгнулъ, нà двадцать годовъ помолодѣлъ—
И гордо на судью и весело глядѣлъ.
Такъ, въ битвахъ проведя всю жизнь, маститый воинъ
Лежитъ въ госпиталѣ, задумчивъ и спокоенъ;
Вдругъ слышитъ барабанъ и, духъ свой веселя,
Припрыгнетъ и кричитъ: «рубите москаля!»
И долго тѣшится, и улыбаясь плачетъ,
И, бросивъ свой костыль, какъ мальчикъ малый скачетъ.
Брехальскій, позывъ взявъ, собраться въ путь спѣшитъ:
На это у него кафтанъ особый сшитъ —
Не кунтушъ, не жупанъ: они идутъ въ парадѣ;
На позывъ возные совсѣмъ въ иномъ нарядѣ
Пускаются: подъ низъ широкіе штаты;
У куртки два угла слегка подобраны,
Но можно отстегнуть, откинувъ только пряжки;
Съ ушами малахай, а уши тѣ на стяжкѣ:
Коль дождикъ, возный ихъ спуститъ пожалуй могъ,
А вёдро — подтянуть повыше на шнурокъ.
Одѣвшись и потомъ взявъ въ руки посохъ длинной,
Брехальскій выступилъ торжественно и чинно,
Пѣшкомъ, не на конѣ. Когда идётъ процессъ,
То возный, точно волкъ, гляди почаще въ лѣсъ.

Брехальскій, опытный и расторопный малый,

Повсюду знаемый, во всѣхъ краяхъ бывалый,
На пóзвахъ зубы съѣлъ. Какъ осторожный лисъ,
Боясь, чтобы за нимъ вдругъ псы не погнались,
Въ курятникъ не спѣша и не задорясь входитъ,
А прежде издали внимательно обводитъ
Глазами острыми гумно, и садъ, и дворъ:
Такъ возный, въ лопухахъ прокравшись подъ заборъ,
Всё въ щели высмотрѣлъ, на случай ретирады;
Не видитъ никого, выходитъ изъ засады,
Поближе; по стѣнѣ вскочилъ на сѣновалъ —
И въ тёмныхъ конопляхъ таинственно пропалъ.

Въ ихъ зелени густой, высокой и пахучей,
И звѣрь, и человѣкъ отъ смерти неминучей
Скрываются подчасъ. Туда бѣжитъ русакъ,
Въ капустѣ пóднятый, надѣясь, что никакъ
Его по коноплямъ ищейка не разъищетъ.
Напрасно выжелицъ и мечется, и рыщетъ:
Лодыги крѣпкіе въ глаза и въ морду бьютъ
И выслѣдить ему добычу не даютъ.
Туда же прячется иной холопъ дворовый
Отъ грозныхъ батоговъ, покуда панъ суровый
Утихнетъ. То жъ; когда рекрутчина придётъ,
Вездѣ по коноплямъ скрывается народъ.
Затѣмъ, во дни войны, наѣздовъ и возстаній,
Стараются вожди тактически, заранѣй,
Занять дремучій боръ господскихъ коноплей,
Который, защитясь оградой отъ полей,
Всегда соединёнъ съ другою рощей — хмѣлемъ,
Ихъ стратегическимъ служитъ способенъ цѣлямъ,
Отъ вражескихъ атакъ оберегая тылъ.

Брехальскій, хоть не трусъ и въ передѣлкахъ былъ,
Однакоже сробѣлъ: знакомый зелья запахъ
Напомнилъ вмигъ ему о разныхъ жосткихъ лапахъ,
О приключеніяхъ съ панáми прежнихъ лѣтъ:
Такъ, разъ, одинъ усачъ, уперши пистолетъ,
Загналъ его подъ столъ, кругомъ народъ поставилъ
Съ дубьёмъ и съ саблями, и вознаго заставилъ
Вдругъ по собачьему свой отзывъ отбрехать —
Пришлося въ конопли оттуда утекать.
Потомъ, еще другой, съ задорными руками,
Вѣкъ-вѣчный окружонъ своими гайдуками,
Который ни во что не ставилъ трибуналъ,
Увидѣвъ пóзывъ въ судъ, въ клочки его порвалъ,
И возному, грозя надъ нимъ подъятой шпагой,
Велѣлъ позавтракать искрошенной бумагой.
Чтò дѣлать, началъ ѣсть, глядя на гайдуковъ,
А послѣ въ конопли, въ окно — и былъ таковъ.

Всё это вспомнивши, Брехальскій коноплями
Тихонько крадется, разводитъ ихъ руками,
Какъ-будто рыболовъ ныряющій плывётъ.
Вотъ поднялъ голову, глядитъ назадъ, впередъ:
Все тихо. По двору протоптана дорожка —
Онъ вышелъ на неё, украдкой подъ окошко
Подползъ: безмолвіе! онъ голову въ окно —
Въ покояхъ та же тишь и всё растворенó,
Всѣ двери; онъ смѣлѣй; поднялся на ступени
Крыльца господскаго, но не безъ страха въ сѣни
Вошолъ и, позывъ свой изъ пазухи доставъ,
Сталъ громко возглашать. Все тихо. Видно графъ
Отбылъ куда-нибудь со всей своею дворней,
Предъ тѣмъ вооружась исправнѣй и проворнѣй.
Кругомъ накидано воинскаго добра:
Рапиры старыя, фузеи, штуцера,
Отбитые курки и безъ курковъ пищали:
Изъ хламу этого, какъ видно, выбирали
Оружье; но куда направили свой путь?
Брехальскій распросить хотѣлъ кого-нибудь —
Напрасны поиски; покои пусты, глухи;
Ужь послѣ на дворѣ попались двѣ старухи,
Сказавъ, что, кажется, вельможный господинъ
Со всею дворнею отправился въ Добжинъ.

ПѢСНЬ VII.

Ширóко по Литвѣ Добжинскій слылъ застянокъ
Отвагой шляхтичей и красотой шляхтянокъ,
Въ дни оные могучъ. Когда Собесскій Янъ
Готовился грóзой идти на мусульманъ
И кликнулъ кличъ въ народъ, изъ одного Добжина
Пришла къ нему тогда несметная дружина.
Иной головорѣзъ, бывало, во дворѣ
У пана знатнаго пьётъ, ѣстъ на серебрѣ,
Не-то, такъ въ лагерѣ живётъ-себѣ при войскѣ:
Чуть кликнутъ—онъ готовъ и рубится геройски.
Теперь уже не-то: застянокъ обѣднялъ,
Остепенились всѣ и всякъ работать сталъ;
Но всё еще народъ и гордъ, и полнъ отваги;
Межъ бѣдныхъ шляхтичей не встрѣтишь ты сермяги,
А всякій сшить жупанъ иль кунтушъ норовитъ.
Шляхтянка, самая убогая на видъ,
Глядишь: то въ миткалѣ, а то и въ коленкорѣ,
А въ праздникъ каждая въ корсетѣ и въ уборѣ.

И нравомъ разнились добжинцы ото всѣхъ:
То были — присягнуть во истинну не грѣхъ —
Всё родовитые и чистые литвины,
Всё безпардонныя, воинственныя мины:
Окатистые лбы, орлиные носы,
Прямой и смѣлый взглядъ, аршинные усы,

Жупаны бѣлые, не-то кунтуши смуры,
А говорили всё какъ истые мазуры,
Отъ нихъ обычаи и нравы захватя:
Такъ, ежели Матвѣй крестилъ свое дитя,
То вѣчно называлъ его Варѳоломеемъ;
Варѳоломеевъ сынъ навѣрно былъ Матвѣемъ;
А женщинъ Кахнами да Марьями велось
Въ Добжинѣ называть; но, дабы сей хаосъ
Не спуталъ всѣхъ и всё, условились заранѣй
Давать, при именахъ, тьму-тьмущую прозваній,
По нраву, случаю какому, по страстямъ.
Сосѣди стали тожь, добжинскихъ по слѣдамъ,
Изъ неразумнаго, пустого подражанья,
Безъ цѣли и нужды выдумывать прозванья.
Такъ, скоро въ именахъ литовскій цѣлый край
Смѣшался — и теперь какъ хочешь разбирай,
И рѣдко знаетъ кто, отколь взялся обычай
Давать такую тьму прозваній и отличій.
Въ Добжинѣ проживалъ Матвѣй, что̀ кроликъ бѣлъ,
Отсюда Кролика прозваніе имѣлъ,
А послѣ *Флюгеромъ* прослылъ онъ *на Костёлѣ*.
Когда же, наконецъ, явился въ ратномъ полѣ —
То было въ восемьсотъ-шестомъ еще году —
Любилъ за лѣвый бокъ хвататься на ходу,
Лишь только москаля подстерегалъ далёко:
Отсюда получилъ прозваніе *Забока*.
Какъ самъ стоялъ у всѣхъ добжинскихъ на челѣ,
Такъ точно домъ его слылъ первый на селѣ,
Промежь корчмы жида и божія костёла.
Но было всё кругомъ запущено и голо:
Ограда безъ воротъ; обломанный плетень;
Берёзки жидкую на дворъ кидали тѣнь.
Позади — огородъ; однакожь гряды пусты,
Лишь только кое-гдѣ глядитъ вилокъ капусты,
А всё жь фольварокъ тотъ казистѣй всѣхъ на видъ,
Хоть бо̀гъ-вѣсть сколько лѣтъ построенъ и стоитъ.
Въ боку, какъ водится, конюшня и амбары,
Сушильня и овинъ: немного тоже стары,
Однако держатся, пригнувшись до земли.
Всѣ крыши, будто лугъ, травою поросли
И мохомъ, отъ трубы до самого до краю;
Крапива, лебеда, лодыги молочаю,
Деванны золотой волнистые хвосты,
Въ разбивку между нихъ цыкорія цвѣты
Желтѣютъ въ муравѣ, какъ огненныя звѣзды.
Въ повѣти и въ кустахъ—повсюду птичьи гнѣзды;
Надъ кровлею чета домашнихъ голубей;
Въ сѣняхъ чирикаетъ веселый воробей,
И любитъ ласточка порхать туда нерѣдко.
Ну, словомъ, дворъ смотрѣлъ какъ-будто птичья клѣтка.
А прежде замкомъ былъ: досель вездѣ слѣды
Давнишнихъ бурь и битвъ; какъ видно, что сюды
Тевтонъ, или москаль заглядывалъ когда-то;
На память той поры лежитъ въ травѣ граната,
Давно забытая; а глянь поди въ кусты:
Увидишь рядъ могилъ и ветхіе кресты —
Подъ ними тихимъ сномъ почіютъ непробудно,
Зарыты наскоро, а кто? добиться трудно!
Въ дому, въ иномъ бревнѣ, засѣвшее ядро
Увидишь, а стѣна усѣяна пестро
Какъ-будто роемъ пчёлъ; вглядишься: это пули
Богъ-знаетъ сколько лѣтъ въ тѣ брусья затонули.

Войдёшь ли внутрь хоромъ: задвижки и крюки
Имѣютъ на себѣ надрѣзы и значки;
У многихъ на̀чисто поссѣчены головки:
Знать, проба тесака, иль сабли зигмунтовки.
Надъ самыми дверьми старинные гербы
Добжинскихъ; но — увы! тамъ сушатся грибы,
А въ пышныхъ завиткахъ воинской арматуры
Оставили слѣды индѣйки, либо куры.
Въ сараѣ арсеналъ: въ одномъ углу стоитъ
Фузея ржавая, въ другомъ — пробитый щитъ,
А далѣ: дротики, мечи, рушницы, кубки,
Кольчуги, шишаки — въ иномъ гнѣздо голубки;
Изъ шлема древняго хозяинъ кормитъ козъ,
А въ панцырь задаетъ конямъ своимъ овёсъ;
А старыхъ бунчуковъ на древки бородаты
Кухаркѣ отдаетъ насаживать ухваты.
Такъ, вмѣсто марсова угрюмаго чела
Цереры свѣтлая улыбка разцвѣла,
И, житомъ полныя, заколосились гумна
Подъ мирнымъ скипертомъ Помоны и Вертумна;
Но Марсъ идётъ опять, гоня Цецеру прочь.

ВъДобжинъ,невѣстьотколь,гонецъпріѣхалъвъночь.
Едва услышали — собра̀лись шляхта-братья,
Бѣжитъ и старъ и малъ, всѣ кучей безъ изъятья;
Шумитъ и движется по улицѣ толпа,
Глядятъ — зажглись огни въ плебаніи попа
И тьма народу тамъ; толкуютъ безъ умолку,
А всё не ладится и не выходитъ толку.
Тутъ хоромъ всѣ идти рѣшили наконецъ
Къ Матвѣю-кролику; за ними и гонецъ.

Матвѣй, доступный всѣмъ, жилъ скромно, тихо, просто
И въ тѣ поры считалъ себѣ ужь девяносто.
Хоть ростомъ не великъ, но крѣпокъ былъ и дюжъ,
И первымъ слылъ вездѣ рубакою къ тому жь;
А саблю вострую, которой честь и славу

Далёко чтили всё, онъ *розой* звалъ, въ забаву.
Сначала въ Барѣ онъ конфедератомъ былъ,
Потомъ за короля враговъ его рубилъ;
Когда жъ желанный миръ былъ конченъ Тарговицей,
Матвѣй опять ушолъ и скрылся за границей.
Отселѣ «Флюгеромъ» ославили его.
Зачѣмъ переходилъ, и какъ и отчего —
Кто знаетъ? можетъ, духъ имѣлъ онъ безпокойный,
И тѣшили его сраженія да войны,
Безъ дѣла быть не могъ, и только лишь одна
Стихала партія, свернувши знамена̀,
Къ другой онъ приставалъ и тамъ опять рубился,
Иль, родину любя, всегда за правду бился
И чуялъ далеко, кто правъ, кто виноватъ —
Богъ вѣсть! но только всѣ согласно говорятъ,
Что былъ душой онъ прямъ, и что, награды ради,
За деньги, почести, во-вѣкъ не сдѣлалъ пяди,
Что нѣмца не терпѣлъ, равно и москаля,
Что блага всѣ его — родимая земля.
Въ послѣдній разъ пошолъ съ Огинскимъ онъ подъ Вильно
И лихо бился тамъ. Тѣснили нашихъ сильно.
Полковникъ панъ Поцей одинъ вскочилъ въ редутъ;
Откуда ни возьмись, Добжинскій тутъ-какъ-тутъ —
За нимъ, на выручку Поцея легче пуху!
И долго не было ни слуху и ни духу
О нихъ; воротятся, иль нѣтъ — не зналъ никто;
Пришли, исколоты какъ-будто рѣшето!
Поцей, богатыя владѣнія имѣя,
Хотѣлъ вознаградить убогаго Матвѣя:
Фольварокъ предлагалъ на свой построить счотъ
И злотыхъ тысячу въ пожизненный доходъ.
Матвѣй же отвѣчалъ: «Ясновельможный пане!
Хоть у Добжинскаго куда легко въ карманѣ,
Но не Поцей ему пусть въ памяти людей,
А онъ останется Поцею добродѣй!»
И такъ отдѣлался отъ злотыхъ и фольварку,
Оставшись тѣмъ, чѣмъ былъ; быковъ гонялъ на барку,
Долбилъ ульи для пчёлъ, лекарства продавалъ,
Да за дичиною по рощамъ полевалъ
И жилъ спола̀горя, тихохонько. Въ Добжинѣ
Людъ разный былъ: иной умѣлъ и по-латынѣ;
Въ Палестрѣ нахваталъ другой всего изъ книгъ,
На память святцы зналъ; но больше всѣхъ изъ нихъ
Уваженъ былъ Матвѣй, не какъ рубака грозный,
А какъ дѣлецъ и мужъ бывалый и серьозный,
Который, опытомъ столѣтнимъ научонъ,
Въ дѣлахъ житейскихъ былъ и свѣдущъ и мудрёнъ:
Хозяйство разумѣлъ и всякіе предметы,
Составы, сна̀добья, охотничьи секреты —
На всё равно мастакъ; а въ небо посмотря,
Погоду могъ узнать вѣрнѣй календаря.
Не диво же теперь, что и зимой и лѣтомъ
Ходили многіе къ Матвѣю за совѣтомъ:
Посѣвъ ли, пахоту ль, уборку ль начинать,
Съ горохомъ барки ли по Нѣману сплавлять —
Сейчасъ бѣгутъ къ нему. Короче и прямѣе:
Ничто не дѣлалось въ Добжинѣ безъ Матвѣя.
Однакожь самъ Матвѣй всемѣрно избѣгалъ
Извѣстности; ни въ комъ ни разу не искалъ,
И часто, отказавъ совѣтъ подать иному,
Онъ выпроваживалъ толчкомъ его изъ дому;
Во-вѣки о себѣ не думалъ высоко̀,
А если говорилъ — два слова, коротко̀,
Но знаменательно и съ толкомъ. Такъ и нынѣ,
Лишь только сходбище случилося въ Добжинѣ,
Рѣшили всѣ идти къ Матвѣю на совѣтъ,
Спросить, потолковать; къ тому же былъ предметъ
Знакомый смолоду ему: судите сами,
Матвѣю ли не знать, какъ биться съ москалями!

Матвѣй ходилъ въ саду, всё на̀ небо смотря,
И пѣсню «Занялась румяная заря»
Насвистывалъ-себѣ и весело, и бодро.
Смѣкнувъ примѣты всѣ, онъ зналъ, что будетъ вёдро.
И точно: солнышко вставало хоть во мглѣ,
Но мгла не къ верху шла, а стлалась по землѣ,
Что̀ скатерть бѣлая; межь-тѣмъ зефиръ игривый
Струями ткалъ по ней рисунокъ прихотливый
И, съ помощью въ утокъ проникшаго луча,
Творилась дивная, богатая парча,
Золототканная отъ края и до края,
Огнёмъ, брильянтами и звѣздами играя.
Такъ златолитые ткутъ въ Слуцкѣ пояса:
Два мастера снуютъ, а дѣвица-краса,
Какъ солнце ясное, утокъ ведётъ изъ шолку
И гонитъ подъ него блестящую иголку;
Тѣмъ часомъ подаётъ стоящій подлѣ ткачъ
Ей сверху золото, стеклярусъ и кумачъ...
Такъ вѣтеръ разостлалъ основу мглы волнистой,
А солнце вприснуло въ неё утокъ огнистый.

Матвѣй, невинная и чистая душа,
Молитву Господу святую соверша,
Взялъ листьевъ и травы, присѣлъ и громко свистнулъ:
Рой кроликовъ къ нему невѣсть откуда прыснулъ;
Сверкнули уши ихъ, блестящѣй и бѣлѣй
Разбросанныхъ въ травѣ нарцисовъ и лилей;
Глаза, какъ яхонты, когда они нашиты
На зелень бархата, иль тёмны аксамиты.
Бѣгутъ, ласкаются, играя и скача

Къ кормильцу своему въ колѣни, на плеча
И на спину подчасъ. Любилъ старикъ дебѣлый
Игривыхъ прыгуновъ и самъ, какъ кроликъ бѣлый,
Усѣвшись на лугу, ихъ гладилъ и ласкалъ
Морщинистой рукой и за уши таскалъ,
И заставлялъ служить, и нѣжно бралъ за лапки;
Межь-тѣмъ другой рукой бросалъ ячмень изъ шапки:
Чирикая къ нему слетались воробьи —
И былъ онъ какъ отецъ среди своей семьи.
Вдругъ птицы прыснули проворно подъ застрѣху,
А кролики — въ траву: такую имъ помѣху
Пришельцы новые съ собою принесли,
Что̀ быстро по двору къ фольфарку прямо шли,
Подковками стуча и саблями блистая:
— «Да славится Исусъ и Дѣва пресвятая!»
— «На-вѣки вѣчные, аминь!» сказалъ Матвѣй,
И тутъ же распросилъ внимательно гостей:
Зачѣмъ къ нему и какъ и, услыхавъ о дѣлѣ,
Просилъ въ хоромы ихъ. Вошли, по лавкамъ сѣли
И рѣчи повели. А тутъ ужь и народъ —
Едва не весь Добжинъ — столпился у воротъ
(Отчасти были тамъ и прочіе застянки),
Гремятъ со всѣхъ сторонъ линейки, натычанки;
Къ берёзамъ конюхи спѣшатъ вязать коней,
Валитъ толпа къ избѣ, всё гуще и плотнѣй.
«Здорово, панъ-отецъ!»—«Исусъ-Марія съ вами!»
И густо втиснулись въ окошки головами.

ПѢСНЬ VIII.

Сначала рѣчь повёлъ сѣдой Варѳоломей,
По прозвищу пруссакъ, затѣмъ, что для вѣстей
Крулевецъ посѣщалъ, заглядывалъ къ пруссакамъ
И слухи тайные носилъ оттоль полякамъ.
Довольно кой-чего видалъ онъ на вѣку.
Всѣ уваженіе имѣли къ старику,
Охотно слушая подъ-часъ его разсказы
Про битвы давнія, про всякія проказы.
Теперь къ собранію бесѣдовалъ онъ такъ:

«Нѣтъ, панъ-отецъ Матвѣй, та помощь не пустякъ!
Когда бы видѣлъ ты ихъ армію да пушки!
По истинѣ сказать: со времени Костюшки
Такого генія не видано нигдѣ,
Каковъ Наполеонъ. Я, знаешь, былъ вездѣ,
А въ восемьсотъ-шестомъ подъ Данцигомъ у дяди
На мызѣ проживалъ. Родня — другъ другу ради!
Охотой онъ меня почасту угощалъ.
Въ то время нашъ фольваркъ нерѣдко навѣщалъ
Извѣстный человѣкъ, помѣщикъ панъ Грабовскій,
Что нынѣ генералъ въ милиціи литовской;
А былъ въ ту пору миръ. Разъ, вдругъ Грабовскій къ намъ:
«Ура!» кричитъ, «ликуй! Французы пруссакамъ
Трезвону задали — разбили въ пухъ подъ Іеной!
Ура, Наполеонъ!» Я, ставши на колѣно,
Молитву Господу поспѣшно сотворилъ
И — живо на коня! гоню, что было силъ!
Подъѣхалъ къ Данцигу, гляжу: бѣгутъ гофраты,
Ландраты прусскіе и всякіе псу-браты,
И — въ поясъ мнѣ. А я, какъ-будто ничего,
И началъ стороной распрашивать, того,
О разныхъ пустякахъ: не слышно ль перемѣны?
Какія вѣсти, молъ, пришли къ вамъ изъ-подъ Іены?
Гляжу: а рожи ихъ коробитъ и ведётъ,
Кричатъ по своему: «О веймиръ! о мейнъ Готъ!»
Повѣсили носы, да и давай Богъ ноги.
Вотъ было посмотрѣть! Всѣ нѣмцами дороги
Запружены! Кишатъ вездѣ какъ муравьи!
Забыли взять съ собой кофейники свои,
Кисеты съ табакомъ: всё это растеряли;
Ужь, знать, не до того; и такъ-то удирали!
А мы, не будь дурны, скорѣе на коня,
Да въ шею ихъ долбить... Была-таки возня!
Гофратовъ за чубы, а геровъ-офицеровъ
За букли, за тупей... и мало ль тамъ манеровъ!
Такъ внутрь нѣмечины втурили мы ихъ всѣхъ,
Всю сволочь, всю какъ есть. Нѣтъ нѣмца, какъ на смѣхъ,
Хоть только поглядѣть, обшарь все государство!
Въ аптекѣ бъ не нашолъ ты нѣмца на лекарство!
Такъ, еслибъ и теперь намъ феферу задать!
Что скажешь, панъ Матвѣй?» — «А что̀ тебѣ сказать?»
Такъ началъ Кроликъ рѣчь, по краткому молчанью:
Всѣ ждутъ.» Но измѣнилъ онъ братьевъ ожиданью
И снова замолчалъ, всѣмъ тѣломъ трепеща
И за бокъ ухватясь, какъ-будто бы ища
Отъ сабли рукоять: извѣстно, что Забокомъ
Отсюда онъ прослылъ; въ молчаніи глубокомъ
Обвёлъ глазами всѣхъ и повторилъ опять
Тѣ жь самыя слова: «А что тебѣ сказать?
Французы! Гдѣ жь они? въ какомъ забились мѣстѣ?
И сколько ихъ идётъ? И кто принёсъ тѣ вѣсти?
Кто скажетъ: миръ теперь? война ли начата̀?»

Молчитъ кругомъ толпа. Замкнулись всѣ уста.
—«Жаль, нѣтъ плебана здѣсь», пруссакъ заводитъ снова,
«Плебана Ро̀бака: сказалъ бы намъ онъ слово:
Все знаетъ... А пока шпіоновъ разослать
По всей Галиціи, подслушать, разузнать,

Межь-тѣмъ готовиться, сбирать, свозить снаряды,
Чтобъ не было потомъ, какъ грянемъ, ретирады!»

— «Годить, судить, рядить, руками разводить!»
Сказалъ другой Матвѣй: «по мбему, кропить,
Тремъ-бремъ!»И тутъ махнулъвокругънадъголовою
Огромной палицей, саженной булавою,
Которою всегда по имени честилъ
Кропиломъ и отсель кропителемъ прослылъ:
«Я въ Пруссахъ не бывалъ; вѣдь разумъ круле-
вецкій,
Хорошъ для пруссаковъ, у насъ же умъ шляхетскій.
На что тутъ мнѣ плебанъ? Крестить, иль хоронить?
Кого? А если бой, такъ надобно кропить!
Шашъ-махъ! Къ чему еще какіе-то шпіоны,
Развѣдчики? Тремъ-бремъ! Ужь больно вы мудрёны!
Судить, рядить, годить, а тутъ—вдругъ москали...
И значитъ: лежни вы! и значитъ: кисели!
Годить и проводить! Затѣмъ и бьютъ васъ часто!
А вотъ, по-мбему: кропиломъ плюскъ—и баста!»

Взялъ сторону его другой Варѳоломей,
Званъ Бритвою; затѣмъ еще одинъ Матвѣй,
Прозваніемъ Горшокъ, что бралъ всегда фузею
Широкую на бой и часто въ битвѣ ею,
Какъ-будто изъ горшка, картечей лилъ потокъ.
«Ура, Кропитель нашъ! да здравствуетъ Горшокъ!»
Пруссакъ хотѣлъ опять — кричать: «Э, къ чорту
пруссы!
Ступай въ Нѣмечину, точи себѣ турусы!»

Тутъ Кроликъ началъ вновь и шумъ сейчасъ затихъ.
«Плебанъ, сказали вы: ой, смиренъ онъ и тихъ;
Но я сейчасъ узналъ ту птицу по полёту,
Откудова она! Ему бы лучше роту
Себѣ въ команду взять противъ нѣмецкихъ силъ.
О, этотъ червячокъ орѣшекъ раскусилъ
Побольше вашего! Взглянулъ однимъ я глазомъ—
И всё сообразилъ, въ минуту понялъ разомъ.
Онъ дальше отъ меня, боясь, чтобъ я, того,
Къ себѣ не потянулъ на исповѣдь его.
Напрасно ждать его: не будетъ бернардина!
Коль вѣсть та отъ него—о, это бѣсъ-ксенжина!
Кто знаетъ, какъ и что, какая мысль и цѣль?
Тревога вздорная! Что жь, только? Неужель
Нѣтъ болѣ ничего?» — «А болѣ? вотъ что болѣ»,
Всѣ разомъ крикнули: «идти и биться въ полѣ!»
«Зачѣмъ? противъ кого?» спросилъ у нихъ Матвѣй.
—«За родину! Тремъ-бремъ, противу москалей!»
Кропитель отвѣчалъ. Тутъ снова голосъ тонкій
Раздался Пруссака, пронзительный и звонкій:

«И я хочу свою рапиру подтянуть;
Но, Господи Христе, какой тутъ будетъ путь?
Какая, съ кѣмъ война? Скажите, паны-браты,
Куда, зачѣмъ идти? и гдѣ у насъ солдаты?
А биться безъ солдатъ, безъ войска, безъ гроша...
Не заготовлено у насъ вѣдь ни шиша,
Ни синя пороха! А развѣ этакъ въ Польшѣ
Бывало въ старину? Да вотъ, чего же больше:
Давно ли пруссаковъ побилъ Наполеонъ
Подъ Іеной? Что же мы? Сошлись со всѣхъ сто-
ронъ —
Совѣтъ! Готовы всѣ, набрали гайдамаковъ
Такихъ, что только ну! и—гай же на пруссаковъ!»

—«Позвольте рѣчь держать!» вмѣшался чередой
Панъ Бухманъ, человѣкъ довольно-молодой,
Въ нѣмецкомъ сюртукѣ, пристойный и опрятный.
Смотрѣлъ онъ вообще какъ нѣмецъ аккуратный,
Однакожь былъ полякъ. Откуда родомъ онъ,
О томъ не зналъ никто, но, такъ-какъ былъ учонъ,
Какой-то панъ держалъ его за эконома;
Съ-тѣхъ-поръ онъ проживалъ у пана точно дома;
Хозяйствомъ у него въ имѣньи заправлялъ,
Съ нимъ о политикѣ порою трактовалъ,
И взялъ его дѣтей къ себѣ на попеченье
Чему-то тамъ учить. Умѣлъ онъ, въ заключенье,
Бесѣду поддержать, красно поговорить,
И даже иногда, въ веселый часъ, съострить.
«Позвольте, господа!» промолвилъ онъ учтиво,
Откашлялся и такъ повёлъ велерѣчиво:

«Товарищи мои, тѣ, кои предо мной
Сейчасъ держали рѣчь, коснулись стороной
Существенно всего, всѣхъ главныхъ основаній.
За силой данныхъ тѣхъ, указанныхъ заранѣй,
Къ единой цѣли всё осталось привести:
Итакъ, собратія, пойдемъ по ихъ пути!
Сперва, сообразивъ внимательнѣе дѣло,
Мы видимъ двѣ статьи, два главные отдѣла,
Одинъ: къ чему сіе повстанье поведётъ?
Какая мысль его? намѣренье? И вотъ
Объ этомъ мы должны бесѣдовать сначала.
Другой отдѣлъ таковъ: положимъ, Польша встала—
Откуда жь взять теперь финансы и войска?
Оружіе? За симъ коснёмся мы слегка
Исторіи о томъ, какъ первые народы
И общества сошлись. То были просто сброды,
Организаціи незнавшіе; весь вѣкъ
По рощамъ и лѣсамъ скитался человѣкъ,
Какъ звѣрь. Но вдругъ война! Не-то, что мы въ
сраженье

Вступаемъ съ тактикой: то было нападенье
Безъ правилъ; такъ орда валила на орду.
Вотъ, видя, чувствуя погибель и бѣду,
Народъ держать совѣтъ: вотъ первое вамъ вѣче,
Первоначальный сеймъ!» — «Эге, да какъ далече
Занёсся ты, Бухманъ!» сказалъ ему Матвѣй:
«Не видно и конца! А ты рѣшай живѣй!
Тутъ дѣло не о томъ, что не было печали —
Присловье говоритъ — да черти накачали.
Нѣтъ, ты вотъ объясни, какъ горю пособить?»
— «Какъ горю пособить? по моему — кропить!
Плюскъ-пляскъ, и кончено!» Кропитель отозвался:
«Кого бы я махнулъ, ужь тотъ бы не поднялся
На сеймъ и никуда; кого я свисну въ лобъ,
Хоть цѣлый годъ молись объ нёмъ соборный попъ—
Шалишь, не воскреситъ! Задамъ такого перцу...
Такъ, панъ Бухманъ, кропить! мнѣ ваша рѣчь по сердцу,
Сказали хорошо на поученье всѣмъ.
Кропить! вотъ сила гдѣ, мачугою тремъ-бремъ!»

— «Такъ, подлинно, что такъ!» замѣтилъ тихо Бритва
Пискливымъ голоскомъ: «начнися только битва—
И я сейчасъ какъ тутъ, на вашей сторонѣ,
Стою за родину; мигните только мнѣ —
Иду, сейчасъ готовъ къ Матвѣю подъ начальство!»

«Начальство»,перервалъКропитель,«генеральство,
Капральство и тому подобное канальство!
Всё это хорошо въ парадѣ, на плацу,
Для разныхъ фокусовъ, а намъ, братъ, не къ лицу!
У насъ, какъ я служилъ, для всякаго солдата
Команда коротка была да узловата:
Катай-валяй-стрѣляй по ребрамъ, по усамъ,
Шахъ-махъ, коли-руби, не поддавайся самъ!»
— «Вотъ лихо, вотъ люблю! не уступай ни шагу!»
Вновь Бритва рѣчь ввернулъ. «Зачѣмъ марать бумагу,
Чернила изводить, писать большой статутъ:
Руби, коли, стрѣляй — и вся наука тутъ!
Я складно говорить, панове, не умѣю,
Но прямо отдаюсь Матвѣевъ всѣхъ Матвѣю!»
«Да здравствуетъ Матвѣй! Ура, Варѳоломей!
Виватъ, Кропитель нашъ! ура компаньѣ всей!..»

Поднялся гамъ и крикъ, всё зашумѣло въ хатѣ;
На партіи пошло. «Позвольте, пане брате!»
Пруссакъ заговорилъ: «Я партій не хочу!»
— «И мнѣ», сказалъ Горшокъ, «онѣ не по плечу!»
«Позвольте мнѣ сказать!» вмѣшался голосъ грубый
Новоприбывшаго оратора Сколубы:
«Что? какъ? о чёмъ идётъ? Что жь мы исключены?
Зачѣмъ, спрошу, одной держаться стороны?
Къ чему жь насъ рушили изъ нашего застянку?
А рушилъ ключникъ насъ, Румбайло, званъ Мопанку:
Сказалъ, что обсудить преважный есть предметъ.
Тутъ не въ Добжинѣ толкъ, а цѣлый тутъ повѣтъ!
Вся шляхта-братія не всё же изъ Добжина...
И тоже бернардинъ брехалъ Робакъ ксенжина,
Да выражался онъ, по своему, темно...
Теперь конецъ-концовъ: сказали, рѣшено,
Чтобъ съѣхаться сюда; мы съѣхались—и что же?
Насъ по боку; долой; чуть-чуть не бьютъ по рожѣ.
Нѣтъ этакъ не пойдётъ! Добжинцы не одни —
Насъ цѣлый здѣсь повѣтъ! Коли хотятъ они
Маршалка выбирать: у всѣхъ на то есть балы,
У каждаго свой шаръ! Чѣмъ мы грѣшны и малы?
Пусть будетъ равенство!»—«Такъ! равенство! виватъ!»
Два Тераевича хватили какъ въ набатъ:
— «Долой маршалковъ всѣхъ! Concordia! согласье!
Рѣчь-Посполитая и общее участье!
Виватъ Сколуба нашъ! виватъ сто тысячъ разъ!»
—«Э», завернулъ Горшокъ, «пробьёмся и безъ васъ
И дѣло порѣшить по своему съумѣемъ.
Ура, Кропитель нашъ! виватъ Матвѣй Матвѣямъ!
А кто не за него — вотъ Богъ, а вотъ порогъ!»
—«Какъ? шляхту выгонять? въ умѣ ль ты, скоморохъ?»
Сколуба зашумѣлъ: «мы сами васъ уволимъ!»
«Стой! кто-то закричалъ: «стой! veto! не позволимъ!»
Тѣ: veto! тѣ шумятъ, о голосѣ прося —
И на двѣ партіи разбилась шляхта вся.

Матвѣй сидѣлъ въ углу, угрюмъ и неподвиженъ,
Какъ-будто спорами и крикомъ былъ обиженъ.
Кропитель близь него, насупротивъ какъ разъ,
Стоялъ, на палицу свою облокотясь,
На шумъ не обращалъ вниманія нисколько,
Кропило шевелилъ и тихо подъ носъ только
Ворчалъ себѣ: «Куда? ни шагу уступить!
Скорѣе наступить, топить, лупить, кропить!»
А Бритва подвижной, средь шума и средь давки,
Сновалъ,какъ въ станѣ чолнъ, отъ лавки и до лавки.
Горшокъ, то съ этими, то съ тѣми говоря,
Ходилъ, двѣ партіи между собой миря.

Вдругъ въ двери всунулся палашъ пятиаршинный
И молніей блеснулъ, такой прединный-длинный,
Остро-отточенный на оба лезвея.

Всѣ смолкли и глядятъ: «Панове, это я!
Совѣты о войнѣ? вотъ подлинно приманка!»
Сказалъ — узнали всѣ тутъ ключника Мопанка,
И хоромъ крикнули: «Да здравствуетъ Рубецъ!
Мопанку! Спызорикъ! Румбайло молодецъ!»
Гервазъ! (былъ это онъ) протискался къ Матвѣю
И въ воздухѣ мигнувъ рапирою своею,
Вдругъ передъ Кроликомъ её остановилъ,
Какъ бы салютуя, и этимъ заявилъ
Ему почтеніе. «Добжинцы, паны-братья!»
Такъ началъ ключникъ рѣчь: «вся шляхта безъ изъятья!
Васъ, братья, не учить пришолъ сюда Гервазъ,
А только вамъ сказать, зачѣмъ онъ сбралъ васъ.
Объ этомъ толковать мы будемъ нынче съ вами;
Но, думаю, давно вы знаете и сами,
Что затѣвается теперь такой курьёзъ...
Чай, знаете вы всё?»—«Всё знаемъ!» раздалось.
— «Всё знаемъ!» тѣ и тѣ, какъ эхо, отвѣчали.
— «Ну, ладно! поведёмъ мы, значитъ, дѣло далѣ.
Пріятно трактовать съ разумными людьми.
Но мы трактуемъ тутъ—а тамъ ужь, чортъ возьми,
Французы! Кесарь ихъ, великій Бонапарте,
Сидитъ, по-своему выводитъ на ландкартѣ —
Чтò русскимъ, чтò ему. И такъ теперь война!
Французъ на москаля, на сторону страна!
Царь съ императоромъ, князьки себѣ съ князьками!
Какъ изстари велось всегда межь королями.
А мы? Что жь намъ сидѣть и ждать, уставя лбы?
Когда большой съ большимъ, мы малыхъ за чубы,
Кто подъ руку попалъ: всё далѣе да больше —
И выметемъ, какъ соръ, шельмовство всё изъ Польши!
Не такъ ли?»—«Подлинно! какъ книга говоритъ!»
Кропитель отвѣчалъ: «кропиломъ плюскъ — и квитъ!»
«А я», сказалъ Горшокъ, «набью бобовъ въ фузею—
Друмъ-брумъ!»—«А я заразъ какъ бритвою обрѣю!»
Вступился Бритва тутъ.—«Позвольте, господа»,
Заговорилъ Бухманъ: «когда же и куда
Мы двинемся? Гдѣ цѣль и провіантъ готовый?
Я вижу, вы предметъ берёте съ точки новой!»

— «Погудка новая на старый только ладъ!»
Панъ ключникъ отвѣчалъ. «Тамъ кесарь, тамъ сенатъ!
Король и сеймъ пускай толкуютъ о расправѣ
Съ Москвою и царёмъ не здѣсь, а тамъ, въ Варшавѣ:
На тò Варшава есть! а мы въ своей избѣ...
Конфедераціи не пишутъ на трубѣ
Лучиной, а на тò чернила есть, атраментъ
И не бумага тутъ простая, а пергаментъ;
И много всякихъ есть коронныхъ писарей,
Подъячихъ на Литвѣ, крючковъ, секретарей,
Какъ было въ старину; а наше, братья, дѣло:
Рапирой махъ-и-трахъ, кого бы ни задѣла!»
— «А я», сказалъ Горшокъ, «изъ моего горшка!»
— «Я шиломъ суну въ бокъ врага изподтишка!»
Сказалъ Варѳоломей, чтò былъ прозваньемъ Шило.
«А я кропиломъ плюскъ!» сказалъ Матвѣй Кропило.

— «Теперь въ свидѣтели беру я, братья, васъ»,
Вновь ключникъ продолжалъ: «Плебанъ твердилъ не разъ:
Пока отворимъ дверь Наполеону-хвату —
Заранѣе убрать и выместь надо хату.
А? понимаете, чтò значитъ «выместь» тутъ?
Какой-такой тутъ соръ? кому задать капутъ?
Кто главный душегубъ? Кто первый притѣснитель?
Соплица, братія!» — «Тремъ-бремъ» сказалъ Кропитель:
«Разбойникъ! висѣльникъ! мошенникъ! сущій воръ!
Кропить его, лупить — и весь тутъ разговоръ!»

Вдругъ голосъ Пруссака раздался средь свѣтлицы,
И, видимо, берётъ онъ сторону Соплицы:
«Панове! можно ли? Сошлюсь на васъ на всѣхъ:
Намъ, братья, на судью пожаловаться грѣхъ!
Чѣмъ онъ, его семья предъ нами виновата?
Не тѣмъ ли, что имѣлъ такого бестью брата?
Такъ за него карать? Да есть ли съ вами Богъ?
Что слышимъ про судью? Тамъ шляхтичу помогъ,
Тамъ выручилъ! Судья разбойникъ, притѣснитель—
Въ умѣ ли вы: скорѣй отецъ нашъ, покровитель!
Онъ первый запретилъ, чтобъ кланялись ему
Холопы до земли; обиды — никому
Не слышно отъ него; по праздникамъ простую
Съ собой сажаетъ чернь и вноситъ зачастую
Подушныя въ казну за бѣдныхъ поселянъ.
Чай, въ Клецкѣ, тамъ не такъ у васъ, камратъ Бухманъ?
Судья Соплица воръ? Я зналъ его съизмала,
Вотъ зналъ еще какимъ; съ-тѣхъ-поръ судья нимало,
Ничуть не погордѣлъ: какъ былъ, таковъ и есть,
И надобно отдать ему за это честь.
Чтó обѣщаетъ — вѣрь: на-рѣдкость крѣпокъ въ словѣ;
Къ тому же — говоря по правдѣ — въ Соплицовѣ
Старопольщизны центръ: какъ попадёшь туда—
Вся чужеземщина чтó съ гуся, братъ, вода!

Какъ-будто оживёшь; рукою точно сниметъ!
Судья жь привѣтливъ такъ! Какъ обласкаетъ, приметъ!
Я вамъ, добжинцы, братъ, а нашего судью,
Ужь какъ хотите тамъ, въ обиду не даю.
Не такъ, собратія, въ Велико-Польшѣ было:
Не всякое могло въ совѣтъ соваться рыло
И въ дѣло пустяки и всякій вздоръ мѣшать!»
— «Совсѣмъ не пустяки съ ворами порѣшать!»
Вмѣшался ключникъ въ рѣчь. Опять поднялись споры,
Волненье, кутерьма, задоръ и разговоры.
«Позвольте!» Янкель-жидъ о голосѣ просилъ,
На лавку взгромоздясь, крича, что́ было силъ,
И лисьимъ колпакомъ надъ шляхтою махая,
Ажь вѣтеръ по избѣ пошолъ отъ малахая
Жидовскаго. Толпа утихла наконецъ.
«Добжинцы-господа! Хозяинъ панъ-отецъ!»
Жидъ началъ, кашлянувъ и кланяся низко:
«Добжинцы-господа! Я такъ-себѣ, жидиско;
Соплица мнѣ ни сватъ, ни братъ, а панъ-судья;
Соплицу почитать привыкъ съизмала я,
Равно добжинскихъ всѣхъ, Матвѣевъ, Бартломеевъ,
Честную шляхту всю, всѣхъ пановъ-добродѣевъ;
Но, думаю себѣ, коли пошло на то̀,
Чтобъ сдѣлать гвалтъ судьѣ, ни за̀ что, ни про что̀,
Вы только на себя накличете невзгоду;
Чай знаете, что тамъ всегда содомъ народу:
Асессоръ, становой, солдаты-москали;
Чуть свистнетъ панъ-судья—зара́зъ какъ изъ земли
Повыростутъ, зара́зъ къ нему примаршируютъ
(Они жь по близости, въ деревнѣ, квартируютъ),
Придутъ съ багнетами, при шабляхъ, тесакахъ!
У-у! А кто хоть разъ бывалъ у нихъ въ рукахъ,
До новыхъ вѣниковъ, панове, не забудетъ!
Зачѣмъ же гвалтъ теперь? Ей-ей, добра не будетъ!
А что твердятъ теперь? что къ намъ идётъ французъ;
Что съ ними заключёнъ какой-то тамъ союзъ...
А я, хотя и жидъ, скажу: долги тѣ пѣсни!
Чекайте, господа! быть-можетъ, развѣ къ вѐснѣ...
Всю осень надо ждать; потомъ еще зима...
А домъ Соплицы вамъ, панове, не корчма,
Не будка крамаря, что разберёшь да примешь,
Не коробъ у жида: рукою не подымешь!
А какъ стоялъ-себѣ, такъ будетъ до весны
Стоять. А вы теперь, шановные паны,
Ступайте по домамъ. Какіе гвалты! свара!
А вотъ, коль милость есть, моя старуха Сара
Янкелька малаго сегодня повила:
Сойдутся кое-кто изъ мѣста, изъ села,
Цымбалы, музыка, базетля, будутъ танцы —
Прошу не отказать! Какіе тамъ повстанцы!
Какой Наполеонъ! Богъ съ ними! Панъ Матвѣй,
Вы липецъ любите: велю достать живѣй;
Старинный липецъ есть, и новые кадрили
Съ мазурками мои хлопьята смастерили.»
Рѣчь Янкеля равно всю шляхту забрала:
Любили Янкеля. Толпа было-пошла
О пирѣ толковать, о музыкѣ; шумѣла
За дверью, на дворѣ. Чтобы поправить дѣло,
Гервазъ рапирою нацѣлился въ жида —
Жидъ съ лавки шмыгъ въ толпу, вилять туда-сюда,
И былъ таковъ, ушолъ. «Счастливъ твой богъ, жидина!»
Гервазъ проговорилъ: «здѣсь видно, всё едино
Что́ жидъ, что́ шляхтичь-панъ, всѣхъ слушаютъ равно!
А ты, Пруссакъ, никакъ съ Соплицей заодно?
Что барками его на Нѣманѣ торгуешь,
Такъ вотъ и горло драть, сейчасъ ужь и ратуешь!
Барчонки двѣ иль три! Мопанку, позабылъ,
Какъ вашъ родной отецъ до самыхъ Пруссъ ходилъ
На баркахъ стольника? На память тяжеленекъ!
А мало ль вы тогда нацапали тамъ денегъ?
Не ты одинъ, а всѣ, что тутъ честныхъ людей—
Затѣмъ, что стольникъ былъ вашъ панъ и добродѣй,
Поистинѣ сказать, отецъ всего Добжина.
Онъ всякаго любилъ, какъ бы родного сына:
Послать куда зачѣмъ — добжинскаго! кому
Повѣрить на кредитъ — добжинскому! Въ дому
Кто чаще всѣхъ въ гостяхъ? добжинскіе всѣхъ чаще,
Какъ-будто бы ему пилось и ѣлось слаще
Съ добжинскими. За чьи процессы по судамъ
Приплачивался онъ и зачастую самъ
Персоною своей въ варшавскомъ трибуналѣ
Усердно хлопоталъ? Чьихъ хлопцовъ помѣщали
Въ ученье на его одеждѣ и кошту?
Всѣ знаютъ, цѣлый свѣтъ такую доброту
Отца Горешки къ вамъ. А всё отколь взялося?
Что былъ онъ вамъ сосѣдъ — отсюда началося.
Теперь сидитъ судья на пажитяхъ его!
Что́ сдѣлалъ онъ для васъ, панове?» — «Ничего!»
Сказалъ Матвѣй Горшокъ: «однажды на крестины
Его я пригласилъ, не-то на именины:
Фу, Боже, носъ дерётъ! Мы подчивать судью:
«Нѣтъ, хлопцы, говоритъ: ужь я давно не пью;
Вамъ, шляхтѣ, ни почёмъ, мнѣ вредно!» Стой, другъ милый,
Шалишь! подумалъ я, да и вкатили силой
Въ него почти ушатъ. Мнѣ вредно, вишь! не пью!
Дай срокъ, еще не такъ я въ брюхо те волью!»
— «Разбойникъ! вотъ ужо и я его огрѣю!»

Кропитель подхватилъ: «Господь послалъ на шею
Сынка мнѣ, такъ-себѣ; теперь совсѣмъ дуракъ,
И прозывается у насъ за это Сакъ:
Сталъ словно какъ шальной; а дѣло было такъ:
Когда ни погляжу, мой парень въ Соплицово
Всё шмыгъ да шмыгъ. Эге! тутъ вижу, нездорово.
Какой тамъ бѣсъ ему мерещится въ глаза?
Разъ какъ-то я поймалъ и далъ ему туза
Кропиломъ; говорю: впередъ не попадайся —
На мѣстѣ пришибу! А онъ и догадайся:
Не улицею шмыгъ, а въ садъ, по коноплямъ.
Еще поймалъ — опять кропиломъ по усамъ.
«Хоть до смерти убей», кричитъ. «Да что те тамъ?»
«Жениться», говоритъ, «умру... паненка Зося!»
Такъ вотъ откуда всё шельмовство завелося!
Что дѣлать? маршъ къ судьѣ! толкую: такъ-и-такъ,
Помилуй, говорю: мой сынъ, такой простакъ,
Влюбился; у тебя, вишь, есть въ дому дѣвица,
Какъ слышно, сирота... Что жъ, думаешь, Соплица?
Бацъ сразу мнѣ отказъ, безъ всякаго стыда!
Тремъ-бремъ! Что Зося, вишь, покамѣстъ молода,
А тамъ поговоримъ... Но у него въ примѣтѣ
Давно ужъ есть женихъ, какой-то панъ въ повѣтѣ,
Князь, графъ, чортъ-знаетъ кто... Все это чепуха!
Вотъ доберуся я ужо до жениха —
«Да плюскъ!» — «И этотъ воръ великимъ будетъ паномъ»,
Румбайло продолжалъ: «и будетъ по карманамъ
Къ намъ лазить, въ замокъ нашъ забравшись безъ стыда?
Гдѣ жъ судьи правые и гдѣ искать суда?
Куда единственный наслѣдникъ головою
Приклонится, нашъ графъ Горешко? Вы съ Москвою
Хотите воевать, а страшно вамъ судьи!
Война? Тутъ не война — у васъ права свои!
Я васъ въ наѣздъ зову, къ честному шляхты бою,
Совсѣмъ не къ грабежу, иль подлому разбою:
Мы не разбойники такіе жь какъ судья!
Графъ выигралъ процессъ, всё кончено — и я
Хочу ввести его въ законное владѣнье.
Что жъ дѣлать, если тутъ нельзя безъ нападенья?
Вы сами знаете, панове, какъ Добжинъ
Отсюда посылалъ тьму тьмущую дружинъ
Для исполненія рѣшеній трибунала —
И вотъ съ которыхъ поръ Литва его узнала!
Подъ Мыскимъ, помните, подъ Бродами наѣздъ?
А чьи войска? отколь? Всё шляхта здѣшнихъ мѣстъ!
Припомните, когда нагрянулъ Войниловичъ
И другъ его, полякъ, панъ Волкъ изъ Логомовичъ:
Какого задали мы феферу тутъ имъ!
Скорѣе въ запуски къ границамъ ко своимъ!
А Волкъ попался въ плѣнъ; капутъ хотѣли Волку
Задать: на матицѣ повѣсить втихомолку —
Да хлопцы глупые возьми и пожалѣй!
А былъ для нихъ тиранъ и руку москалей
Тянулъ — и не было бъ, ей-ей, грѣха повѣсить!
А помните еще другихъ наѣздовъ съ десять,
Съ вознагражденіемъ законнымъ за труды,
Со славою... По мнѣ тутъ вовсе нѣтъ бѣды:
Графъ выигралъ процессъ — и въ исполненье смѣло
Декретъ тотъ привести мы можемъ: вотъ въ чёмъ дѣло!
Ужель, добжинцы, вы теперь уже не тѣ,
И въ помощи своей сосѣду-сиротѣ
Откажете? Ужель изо всего застянку
Защитникъ у него одинъ Рубецъ-Мопанку,
Да этотъ сцызорикъ?» — «Кропило позабылъ!»
Кропитель вставилъ рѣчь. «Ты вѣчно есть и былъ
Мой закадычный другъ и вѣрный мой пріятель,
Панъ ключникъ, Сцызорикъ, Румбайло! такъ ужь кстати ль
Теперь идти намъ врозь? Я буду шахъ и махъ,
А ты рапирою своею тарарахъ!»
— «И Бритвѣ дайте ходъ, мопанку добродѣю:
Что вы намылите, я мигомъ чисто сбрѣю!»
— «И я», сказалъ Горшокъ, «на что-нибудь авось
Пригоденъ. Выбрать намъ Матвѣя не далось,
Найдутся, можетъ-быть, другіе генералы,
Другіе и шары, и выборные балы!»
Тутъ вынулъ пуль мѣшокъ и, ими позвеня,
Сказалъ: «А вотъ они, вотъ балы у меня!»
— «Тамъ, гдѣ трещатъ пановъ взъерошенные чубы,
Не обходилося ни разу безъ Сколубы!»
Сколуба проворчалъ. — «А гдѣ Сколуба нашъ»,
Подковичъ возгласилъ, поднявши свой палашъ,
«Туда идёмъ и мы!» И шумъ на всю свѣтлицу
Раздался изъ угловъ: «Ну, гай же на Соплицу!»
Такъ шляхту всю Гервазъ къ себѣ поворотилъ.
У каждаго своё, и каждый находилъ,
За что карать судью, какъ водится въ сосѣдствѣ:
Тотъ, яко-бы, за-то, что ложно о наслѣдствѣ
Процессъ его рѣшилъ; тотъ за лѣсной порубъ,
А третій говорилъ: «Соплица гордъ и грубъ!»
Одни по низкому и мелкому злорадству,
Другіе, попросту, изъ зависти къ богатству —
Шумятъ, волнуются, въ одинъ сливаясь хоръ.

Сидѣвшій въ сторонѣ, въ углу, до-этихъ-поръ,
Матвѣй приподнялся, на середину входитъ,
Подпёрши руки въ бокъ, глазами всѣхъ обводитъ,
И, слово каждое въ разбивъ произнося,
Такъ началъ говорить — внимала шляхта вся:
«Ахъ, черти! ахъ ослы! Собрали васъ на раду

О Польшѣ трактовать: ни складу тутъ, ни ладу!
Когда постановить пришлось вамъ приговоръ
О благѣ родины — у васъ раздоръ да споръ!
Ни толку нѣтъ, ослы, ни смыслу, ни порядку!
Вдругъ дьявольскій наѣздъ: тутъ нѣтъ ужь недостатку
Въ согласьи — каждый чортъ на это грамотѣй!
Прочь, прочь отсюда всѣ! сто тысячъ вамъ чертей!»
Умолкъ и всѣ молчать, поражены какъ громомъ.
Вдругъ страшный гвалтъ и шумъ послышался за домомъ:
Во дворъ торжественно въѣзжалъ со свитой графъ,
Поводья у коня лихого подобравъ.
Былъ въ чорномъ весь, въ плащѣ не польскаго покрою,
И въ шляпѣ съ перьями. Салютуя рукою
Всю шляхту и народъ, привѣтливо взглянулъ —
И, вынувъ свой палашъ, имъ въ воздухѣ махнулъ.

«Ура! да здравствуетъ!» всё разомъ загудѣло.
Вся шляхта изъ избы въ окошки поглядѣла —
И ну къ дверямъ ломить за ключникомъ живѣй.
Всѣ къ графу хлынули. Оставшійся Матвѣй
Послѣднихъ вытолкалъ, засовомъ заперъ двери,
И крикнулъ вслѣдъ: «Ослы! безмозглые тетери!»
Гервазъ, какъ водится, сейчасъ къ жиду въ корчму;
Застянокъ весь за нимъ, а онъ кричитъ ему:
«Команда! поясà! тащи три бочки мёду,
Двѣ пива и вина — на пиръ всему народу!»
И вотъ шибнула въ носъ разымчиво-остро
Струя какъ золото, струя, какъ серебро,
А третья — алая, и, пѣнисто играя,
Сто кубковъ жестяныхъ наполнила до края.
Жидъ Янкель наутёкъ; Пруссакъ тихонько тожъ,
Но кто-то увидалъ и крикнулъ: «Не уйдёшь!
Лови его, держи! въ погоню! стой! измѣна!»
Мицкевичъ въ конопли—въ него летитъ полѣно;
Войницкій получилъ уже съ десятокъ ранъ;
На выручку бѣгутъ два Чечета и Занъ.
Волнуется толпа, сбираясь вкругъ Герваза
И графа — ждутъ отъ нихъ рѣшенья и приказа;
Берутъ оружіе, садятся на коней;
Тревога, споры, шумъ всё громче и сильнѣй —
И вотъ, въ огромную собравшись вереницу,
Всѣ двинулись, крича: «Ну, гай же на Соплицу!»

ПѢСНЬ IX.

Предъ бурею всегда бываетъ тишина —
Всё смолкнетъ и замрётъ... Но туча ужь видна:
Нависнетъ и грозитъ, пустивъ на вѣтеръ гриву,
Хоть вихрей яростныхъ могучему порыву
Свободы не даётъ; лишь изрѣдка порой
Послышится раскатъ неясный за горой,
Да пò небу мелькнётъ невѣрный лучъ зарницы.
Такая тишина была въ дому Соплицы.

Поужинавъ, судья и гости всѣ идутъ
Прохладой подышать на нѣсколько минутъ
И по развалинамъ, обросшимъ муравою,
Разсѣлись, весело толкуя межь собою
И глядя въ небеса, которыя вдали,
Какъ будто опустясь въ объятія земли,
Чуть слышнымъ говоромъ и шопотомъ неяснымъ
Во мракѣ предались бесѣдамъ сладострастнымъ—
И музыка у нихъ вечерняя пошла.

Сначала, на концѣ уснувшаго села,
Пустушка крикнула, усѣвшися на крышѣ;
Вослѣдъ за ней сова откликнулась потише,
Протяжно огласивъ любимый свой пустырь;
Вотъ крыльями шепнулъ проворный нетопырь;
Ночныя бабочки изъ сада налетѣли,
Віясь, гдѣ Зосины глаза во тьмѣ блестѣли,
Какъ ясные огни; а въ воздухѣ надъ ней
Запѣли комары, всё громче и сильнѣй;
Но въ тонкихъ голосахъ угадывало ухо,
Когда, забившись къ нимъ, жужжала басомъ муха.
На нивахъ заигралъ отрывисто дергачъ;
Тамъ бучень подхватилъ, полуночи трубачъ,
Потомъ взвился бекасъ, чуть видимая пташка,
И въ воздухѣ звенитъ блеяніемъ барашка.

Межь-тѣмъ, съ той музыкой сливаясь иногда,
За рощей свой концертъ заводятъ два пруда,
Какъ тѣ заклятыя кавказскія озёры,
Чтò ночью межь собой вступаютъ въ разговоры.
Одинъ, широкій прудъ, серебряной трубой
Свободно загремѣлъ изъ перси голубой;
Другой, болотными задавленный травàми,
На вызовъ отвѣчалъ чуть слышными словами;
Одинъ изъ глубины невозмутимыхъ водъ
Трубитъ фортиссимо, тотъ жалобно поётъ;
Въ обоихъ слышны жабъ безчисленныя орды,
Два хора, слитые въ согласные аккорды.

Такъ тёмные пруды, играя чередой,
Таинственно вели бесѣду межь собой,
Среди дремотою охваченнаго дола,
Какъ арфы стройныя и звучныя Эола.
А мракъ въ поляхъ густѣлъ; лишь около рѣки
Мелькали кое-гдѣ рыбачьи огоньки,

Играя и дробясь въ струяхъ лазури чистой.
Вотъ мѣсяцъ, наконецъ, надъ рощею тѣнистой
Затеплилъ свой фонарь и матовымъ лучомъ
Всё небо озарилъ и землю всю кругомъ,
Дремавшія давно въ объятіяхъ другъ друга.

Вотъ подлѣ луннаго златого полукруга
Сверкнула звѣздочка, что̀ искорка одна;
А вонъ, за ней, еще; а тамъ еще видна;
А вонъ и Близнецы, безсмѣнные доселѣ:
У нашихъ праотцовъ вы Леле и Полеле
Въ дни оные звались, а нынче въ Польшѣ вы
Слывёте звѣздами Короны и Литвы.
А далѣе, на югъ, повѣшены двѣ Чаши,
И слышно, что Господь, создавъ планеты наши,
Повѣсилъ ихъ на тѣ воздушные Вѣсы,
Покуда не пришли урочные часы
И міру каждому Зиждителемъ вселенной
Начертанъ не былъ путь, въ пространствѣ неизмѣнный.
А тамъ, къ полуночи, горитъ на небѣ Крестъ
И около него плеяда яркихъ звѣздъ,
Что̀ по̀просту зовутъ селяне наши: Сито,
Твердя, что сквозь него намъ Богъ просыпалъ жито.
Такъ люди старые толкуютъ о звѣздахъ.
Но болѣе всего разсѣявала страхъ
Тогда на западѣ сіявшая комета:
Багровой полосой разлившись на полсвѣта,
Вся въ блескѣ и въ лучахъ, но холодно-свѣтла,
Она къ полуночи стремительно текла
И, звѣзды по пути захватывая въ кучу,
Пророчила Литвѣ погибель неминучу.

Съ невыразимою тревогою народъ
Глядитъ на небеса и всё чего-то ждётъ,
Пугаяся хвоста зловѣщаго кометы.
И кромѣ разныя видѣнья и примѣты
Мутили поселянъ и въ нихъ вселяли страхъ:
Сбирались воронья на нивахъ и поляхъ
И глухо каркали, какъ будто предъ добычей.
А тамъ, какъ бы въ отвѣтъ на стонъ и говоръ птичій,
Порой по деревнямъ протяжно выли псы.
Лѣсные сторожа, въ полночные часы,
Видали, говорятъ, какъ *Дѣва Моровая*,
Вся въ бѣломъ, лишь платкомъ кровавымъ повѣвая,
Мелькала межь деревъ. Различныя о томъ
Вёлъ разглагольствія съ судьёю экономъ,
Ему свои счета̀ представя на повѣрку.

Но подкоморій вдругъ ударилъ въ табакерку —
Знакъ, что къ собранію онъ хочетъ говорить —
Нюхнулъ и началъ такъ: «Изволишь ты судить
О небѣ и звѣздахъ, держась методы модной,
Тадеушъ милый мой, а я такъ гласъ народный
Люблю подслушивать, хоть тоже въ школѣ былъ
И въ Вильнѣ разныя науки проходилъ,
Гдѣ на покупку книгъ, машинъ и телескоповъ
Князь Мірскій подарилъ деревню въ двѣсти холоповъ;
А ксёндзъ Почо̀бутъ намъ разсказывалъ тогда,
Что значитъ каждая планета и звѣзда...
Учоный человѣкъ! А ректоръ нашъ Снядецкій
Былъ тоже человѣкъ учоный, хоть и свѣтскій.
Съ ксендзомъ Почо̀бутомъ я близко былъ знакомъ.
Теперь насчотъ кометъ: толкуетъ астрономъ,
Глядя на небеса, про всякую комету,
Точь-въ-точь какъ мѣщанинъ, увидѣвши карету:
Замѣтили, куда проѣхала она,
А кто въ каретѣ былъ и чѣмъ нагружена —
Тутъ пасъ они! Когда въ своей каретѣ въ Яссы
Браницкій выѣхалъ и двинулися массы
За нимъ торговичанъ: народъ, ка̀къ ни былъ простъ,
А тотчасъ угадалъ, что̀ значитъ этотъ хвостъ,
И про̀звалъ онъ его, какъ говорятъ, *метлою*,
Затѣмъ, что милліонъ, чай, вымелъ за собою.»
На это войскій такъ: «Ясновельможный панъ
Позволитъ кое-что изъ дѣдовскихъ времянъ
Напомнить: было мнѣ тогда годовъ не болѣ
Десятка; прибылъ къ намъ, не помню, какъ, отколѣ,
Поручикъ панцерный, ясновельможный князь
Сапега, что̀ потомъ, на службѣ отличась,
Въ маршалки къ королю попалъ при Понятовскомъ
И послѣ канцлеромъ онъ въ Княжествѣ Литовскомъ
Скончался, будучи ста-двадцати-трехъ лѣтъ.
Съ Сапегой самымъ тѣмъ служилъ еще мой дѣдъ,
При Янѣ королѣ, въ хоругви у гетма̀на
Яблонскаго. Такъ онъ разсказывалъ про Яна:
Въ тотъ мигъ, какъ на коня король садиться сталъ
И папскій нунціусъ его благословлялъ,
Австрійскій же посолъ придерживалъ за стремя
И ногу цаловалъ, король сказалъ въ то время:
«Смотрите, на̀ небѣ какія чудеса!»
Взглянули — красная надъ ними полоса:
Въ той самой сторонѣ зловѣщая комета,
Откуда полчища тянулись Магомета!
Объ этомъ, помнится, и сочиненье есть
«Янина» титуломъ: тамъ можете прочесть.
И Верещага ксёндзъ писалъ на эту тему,
«Orientis Fulmina» назвавъ свою поэму,
Гдѣ ясно, въ точности изложенъ весь походъ;
Внизу стоитъ шестьсотъ-восьмидесятый годъ

И нарисованы хоругви Магомета,
А сверху — пò небу идущая комета!»

— «Аминь!» сказалъ судья: «пусть такъ тому и быть!
Устами вашими, панъ войскій, мёдъ намъ пить:
Комета къ намъ пришла, придётъ Янъ Третій тоже!»
А подкоморій имъ на это: «Дай-то Боже!»
А войскій имъ опять: «Всё это, панство, такъ;
Однакожь всячески толкуютъ этотъ знакъ:
Междоусобія и моръ подчасъ ворожитъ
Комета! А меня осóбенно тревожитъ,
Что гостья та, Богъ съ ней, явилась тутъ у насъ,
Надъ самой головой, въ недобрый, можетъ, часъ.
Асессоръ вызывалъ поутру становова;
Вчера чуть не война вскипѣть была готова
За ужиномъ у насъ. Я панству говорилъ,
Что споръ тотъ примирю, и вѣрно бъ примирилъ,
Когда бъ хозяева на-то мнѣ дали волю.
Однажды я игралъ такую жь точно ролю,
Первѣйшихъ примиривъ между собой стрѣлковъ,
Извѣстныхъ всей Литвѣ. Тотъ случай былъ таковъ:
Ясновельможный графъ Потоцкій изъ Волыни
Въ Варшаву проѣзжалъ. Такихъ магнатовъ нынѣ,
Каковъ былъ этотъ графъ, ужь мало. На пути,
Чтобъ болѣе любви себѣ пріобрѣсти,
А можетъ, частію, и развлеченья ради,
Онъ шляхту посѣщалъ; конечно, были ради:
Сейчасъ, какъ водится, охотой угощать
На жубровъ, медвѣдéй. Изволилъ заѣзжать
Такимъ же пóбытомъ въ то время графъ и къ пану
Блаженной памяти покойному Рейтану,
У коего въ дому я съ малолѣтства взросъ.
По случаю того пріѣзда собралóсь
Къ Рейтану нашему гостей тогда немало;
Былъ даже и театръ, и музыка играла.
Веселье длилося три ночи напролётъ:
Панъ Кашичъ, чтò теперь въ Стулпóвицахъ живётъ,
Богатый фейверокъ задалъ; а Тизенгаузъ,
Что послѣ былъ посломъ въ Новгòродѣ, и Штраусъ,
Изъ Гродно коммиссаръ, прислали пѣвчихъ хоръ.
Ну, словомъ, пиръ такой, что и до-этихъ-поръ
Всѣ помнятъ. Панъ же графъ, хотя они отъ Пяста
Ведутъ свой славный родъ, заглядывалъ не часто
Въ дубравы и лѣса, а болѣе любилъ
Театръ и музыку: доволенъ пиромъ былъ
Какъ болѣе нельзя. Свой вкусъ у чужеземцевъ
Воспитывалъ. Былъ съ нимъ въ то время князь изъ нѣмцевъ
Де-Нáссау; объ нёмъ составилась молва,
Что гдѣ-то въ Сиріи онъ тигра или льва
Сразилъ, одинъ какъ есть, обороняясь пикой.
Изъ тигра этого былъ шумъ у насъ великой;
Насилу кое-какъ свели мы двухъ панóвъ.
Охотились тогда въ лѣсахъ на кабанóвъ:
Рейтанъ изъ штуцера подрѣзалъ матеруху
Съ большой опасностью. У нѣмца стало духу
Сказать, что хитрость тутъ еще невелика:
При помощи другихъ, свалить издалека;
Что славы болѣе въ оружіи холодномъ,
Глазъ-пá-глазъ, и въ бою открытомъ, благородномъ;
И началъ толковать о Сиріи своей,
О полеваніи за львами средь степей,
И тутъ же о себѣ разсказъ привёлъ некстати.
Тогда, по сабельной ударивъ рукояти,
Рейтанъ сказалъ ему: «по мнѣ такъ, мосьци панъ,
Чтó въ Сиріи твой тигръ, тó здѣсь у насъ кабанъ;
А если ты плетёшь такую небылицу...»
Вдругъ, слышутъ, раздалось: «ну, гайже на Соплицу!»
Шумъ, топотъ на мосту, звонъ сабель, шляхты крикъ:
Несутся на ура! Дворъ штурмомъ взяли вмигъ;
Потомъ, ища враговъ, хотятъ ломить въ хорому;
Но, къ счастью, графъ успѣлъ поставить стражу къ дому,
Жокеевъ, болѣе послушныя войска...
Толпа отражена! Бѣда невелика:
Разсыпались вездѣ, по цѣлому фольварку,
На кухню, гдѣ нашли за печкой лишь кухарку.
Но апетитный видъ и запахъ свѣжихъ блюдъ
Обезоружили мгновенно ратный людъ,
Смирили бранный пылъ, на милость гнѣвъ смѣнили
И, можетъ, многимъ лбы отъ сабель охранили.
Притомъ же армія на сеймѣ провела
Весь день и закусить весьма не прочь была.
«Ѣсть, ѣсть!» раздался крикъ; «пить, пить!» хватила втора —
И вмигъ составились воинскіе два хора:
Одни кричали «пить», тѣ требовали «ѣсть».
Всѣмъ храбрымъ сонмищемъ забыта брань и месть,
И вдругъ изъ рядовыхъ всѣ стали фуражиры.
Лишь ключникъ не влагалъ въ ножны своей рапиры
И, также òтъ дому слугами отражонъ,
Наѣзда главный пунктъ спѣшитъ исполнить онъ,
Какъ надо ожидать отъ воина-юриста:
Хотѣлъ онъ завершить дѣла порядкомъ, чисто,
И не простой набѣгъ безъ смысла произвесть,
Но графа, вмѣстѣ съ тѣмъ, и во владѣнье ввесть
Имѣньемъ: потому съ мечёмъ гонялся грознымъ
По саду и гумну за Бальтазаромъ вознымъ
И гдѣ-то наконецъ поймалъ за воротникъ:
Нацѣливши въ него свой страшный сцызорикъ,

Сказалъ: «Панъ возный, графъ проситъ васпана смѣетъ
Предъ шляхтой огласить, что нынѣ графъ имѣетъ
Вступить во всѣ свои владѣнія вполнѣ,
Включая: зáмокъ, дворъ, хлѣбъ въ полѣ, хлѣбъ въ гумнѣ,
Cum boris, melnicis, prudis, graniciebus,
Kmetonibus, sculteтis et omnibus rebus,
Et quibusdam aliis... кáкъ знаешь, тáкъ и лай!
Но только ничего, смотри, не прозѣвай!
При вводахъ я бывалъ и знаю эти штуки!»
А возный, заложивъ свои за пóясъ руки,
Спокойно отвѣчалъ на ключникову рѣчь:
«Панъ ключникъ, я готовъ, но долженъ остеречь:
Актъ, вынужденный въ ночь, есть форма безъ значенья.»
— «Какъ вынужденъ? ничуть тутъ нѣту принужденья!
А если тёмно вамъ, такъ, вáспанъ, извини:
Такіе засвѣчу во лбу твоемъ огни,
Какихъ и въ десяти костёлахъ не бываетъ!»
«Э, полно, панъ, Гервазъ!» Брехальскій отвѣчаетъ:
«Къчему весь этотъ шумъ? Самъ знаешь ты законъ:
Не возный пишетъ актъ—тò дѣло двухъ сторонъ.
По силѣ восемьсотъ-седьмой статьи устава,
Всякъ возный есть посолъ и не имѣетъ права
Отказывать ни той, ни этой сторонѣ,
А потому, прошу, приказывайте мнѣ:
Я тотчасъ на письмѣ изображу тѣ рѣчи,
Но только безъ огня не видно — нужны свѣчи;
Не то велите дать фонарчикъ хоть сюда.
Затѣмъ — уймитеся! Вниманье, господа!»

Чтобъ лучше возглашать, на хворостъ онъ взобрался:
Какъ видно, къ коноплямъ поближе подбирался;
Вдругъ — бухъ черезъ плетень: ну точно вихрь смахнулъ!
Потомъ ужъ далекò, въ крыжовникѣ, мелькнулъ,
Какъ голубь, бѣлою сверкнувъ конфедераткой;
Горшокъ по нёмъ далъ залпъ, но тотъ прилёгъ за грядкой,
Затѣмъ въ капусту шмыгъ, а послѣ — въ лебеду
И въ частый батарникъ, который росъ въ саду,
По краю, близь плетня—и канулъ въ тьму густую,
Три раза прокричавъ: «панове, протестую!»
За протестаціей, чтò громко раздалась —
Какъ-будто съ крѣпости трубы побѣдный гласъ,
Лишь вскочитъ рать на валъ съ кровавыми штыками —
Пошла рѣзня телятъ, испанскій бой съ быками:
Кропитель-матадоръ троихъ ужь закропилъ,
А Бритва саблю имъ во чревѣ утопилъ,
И Шило дѣйствовалъ проворно и въ порядкѣ,
Свиней и поросятъ шпигуя подъ лопатки;
А тамъ и до гусей чреда своя дошла:
Напрасно птица та, что древній Римъ спасла,
Вопитъ о помощи: не Манлія-Торквата
Узрѣла предъ собой, но, ужасомъ объята,
Взираетъ на Горшка; шипитъ иной гусакъ,
А воинъ хвать его — и тотчасъ за кушакъ.
Утыканъ птицами и весь покрытый пухомъ,
ОнъХохликомъглядѣлъ,ночнымънечистымъдухомъ.

Хоть крику менѣе, но болѣе рѣзни
Въ курятникѣ былò средь куръ и ихъ родни:
Туда Добжинскій Сакъ, кропителево чадо,
Забрался и крошилъ испуганное стадо
Шурпатыхъ, рѣдкихъ куръ, красивѣйшихъ собой,
Что были вскормлены перловою крупой.
Откуда, Сакъ, въ тебѣ такое зло взялося?
Во-вѣки не проститъ тебя за это Зося!
А ключникъ, вспомнивши былыя времена,
Добылъ на поясахъ изъ погреба вина
И *старки* дѣдовской; добрался и до пива —
И шляхта бочки три опорожнила живо,
Да въ замокъ двѣ снесла, и въ нёмъ, какъ въ оны дни,
Сверкаютъ яркіе, весёлые огни,
И гнутся и трещатъ столы отъ тучныхъ брашенъ.
Но вотъ и апетитъ и жажды пылъ угашенъ;
Пошли позёвывать; за глазомъ меркнетъ глазъ;
Киваютъ головы. Всѣхъ долѣе Гервазъ
Держался, но и онъ надъ пѣнистою чарой
Склонился, лысиной своей сіяя старой.
И вотъ поднялся храпъ, какъ будто полкъ трубилъ:
То побѣдителей, братъ смерти, сонъ сразилъ.

ПѢСНЬ X.

О, годъ двѣнадцатый! Тебя воображаю
На родинѣ моей: ты годомъ урожаю
Слывёшь у насъ досель и чтитъ тебя народъ,
И пѣсни про тебя слагаетъ и поётъ.
Забытый гдѣ-нибудь, доселѣ старый воинъ,
Услышавъ про тебя, не можетъ быть покоенъ,
Невольно тесака хватаетъ рукоять —
И кровь его кипитъ, и молодъ онъ опять.

Благословенный годъ самими небесами!
Ты былъ особыми означенъ чудесами,
Явяся въ знаменьяхъ, въ обиліи, въ красѣ —
И сердцемъ мы тебя предчувствовали всѣ,
И что-то дивное съ литвинами творилось:

Какъ-будто небо имъ въ то время растворилось!
Едва луга травой подёрнула весна,
Скотина, хоть была тоща и голодна,
Однакоже въ поля проворно не бѣжала,
Но долго по дворамъ и выгонамъ лежала,
Жуя свой зимній кормъ и головы склоня,
И медленно потомъ пошла на зеленя.

Равно и жители, распахивая гряды,
Какъ-будто не были возврату солнца рады:
Лѣниво и соху, и борону влекутъ,
И пѣсенъ про весну обычныхъ не поютъ;
Смиряютъ, чтò ни шагъ, быковъ своихъ дорòгой
И къ западу глядятъ съ волненьемъ и тревогой,
Какъ-будто ждутъ оттоль невѣдомыхъ чудесъ,
И раннихъ птицъ слѣдятъ, гурьбой летящихъ въ лѣсъ.
Уже кричитъ аистъ, ища знакомыхъ сѣней,
Раскинувъ крылія — штандартъ поры весенней;
И быстрыхъ ласточекъ игривые полки
Стадятся и снуютъ проворно вдоль рѣки;
А вечеромъ слукà надъ пажитями тянетъ
И хриплымъ голосомъ къ любви подругу манитъ;
Гогочетъ дикій гусь и нитями вдали
Плывутъ по небесамъ высòко журавли.
Безвременныхъ гостей привѣтствуя какъ чудо,
Встревоженъ селянинъ, не вѣдая, откуда
Между пернатыми такая суета,
И чтò пригнало ихъ такъ рано въ тѣ мѣста.

А вотъ, за ними вслѣдъ, пернатые иные —
Летятъ полки уланъ, знакомые, родные;
А тамъ пѣхоты строй, хоругвей пышныхъ рядъ;
Родимые орлы какъ солнышко горятъ,
Маня къ себѣ сердца и радостные взоры —
Покрыли всё собой: равнины, долы, горы;
Куда ни поглядишь, вездѣ полки, полки,
И льются, какъ рѣка, блестящіе штыки;
Гремятъ, колышутся, во время дня и ночи,
И грозно тянутся рядами къ полуночи.

Ура! Война, война! И не было угла
Въ Литвѣ, куда бъ громовъ она не занесла;
Лѣсные сторожа, въ своёмъ убогомъ домѣ
Во-вѣки о земномъ неслышавшіе громѣ,
Лишь молньи изрѣдка сверкали имъ въ глаза:
Теперь на небесахъ всю ночь для нихъ гроза,
Пылаетъ зарево и слышится изъ хаты
Совсѣмъ иныхъ громовъ тяжолые раскаты —
Побѣдоносный гулъ отъ утра до утрà.
Порой, въ лѣсной глуши, раздастся свистъ ядра,
Не то гранаты взрывъ, иль бомбы ревъ и скрежетъ,
Которая подчасъ деревъ вершины рѣжетъ
И, щелкая по пнямъ, летитъ въ глухую дебрь.
Уходитъ съ логова, поднявъ щетины, вепрь;
Встаётъ косматый зубръ, иль, ужасомъ объятый,
Изъ пущи выскочитъ встревоженный сохатый,
Глазами водитъ вкругъ, всѣмъ тѣломъ трепеща,
И мчится далѣе, пріютъ себѣ ища.
Годъ приснопамятный, великій и единый!
Останешься въ Литвѣ священной ты годиной!
Ты, урожайная красавица-весна,
Вѣкъ будешь сниться намъ, обильна и красна
Густыми злаками и воиновъ одеждой,
Громами славныхъ битвъ и ясною надеждой!
Досель, переносясь въ минувшіе года,
Тебя, какъ сладкій сонъ, я вижу иногда,
И, скорбію повитъ, лью слёзы и тоскую...
Увы, я въ жизни зналъ одну весну такую!

Отъ Нѣмана идётъ къ Литвѣ Іеронимъ,
Король Вестфаліи, и нашъ Іосифъ *) съ нимъ;
А далѣе вожди: Князевичъ и Грабовскій,
Зайончикъ, Яшвель, Пацъ, Гедройцъ и Малаховскій.
Идутъ со штабами, явились средь села;
Сѣнь соплицовская радушно приняла
Дружины братнія, къ услугамъ ихъ готова:
По счастью, на пути лежало Соплицово.
Пришли ужь пòдъ-вечеръ. Начальники спѣшатъ
Разставить по избамъ измученныхъ солдатъ.
Усталыя войскà тотчасъ глаза сомкнули.
Всё спитъ; лишь движутся, какъ призраки, патрули,
Да слышится порой протяжное «слушай!»
Но войскій спать нейдётъ — ему ты не мѣшай:
Задумалъ думу онъ для праздника такова
На-вѣки вѣчные прославить Соплицово;
Задать своимъ гостямъ неслыханный обѣдъ,
Какого никогда и нè было и нѣтъ,
Пиръ, соотвѣтственный великой той минутѣ,
Чтобъ было чѣмъ её и послѣ помянути.

Сначала поваровъ сосѣднихъ онъ зовётъ:
Собралось цѣлыхъ шесть, самъ войскій — коноводъ,
Словоохотливый, бурливый и рѣчистый;
Колпакъ на головѣ, на брюхѣ фартукъ чистый;
Вездѣ готовъ, поспѣлъ; вездѣ одинъ за двухъ;
Припасы пробуетъ, отмахиваетъ мухъ,
Смиряетъ поварятъ неугомонный говоръ
И книгу достаётъ, названье — *Модный Поваръ:*
По ней въ Италіи обѣдъ Тычинскимъ данъ,

*) Іосифъ Домбровскій.

Который похвалилъ и папа самъ Урбанъ;
По ней Ржевуцкій графъ извѣстенъ сталъ въ Парижѣ,
По ней же, наконецъ, въ дому своемъ въ Несвижѣ,
Намѣстникъ виленскій, Коханку-Радзивилъ
Обѣдомъ всю Литву и Польшу удивилъ,
Какъ пиръ для короля давалъ онъ Станислава,
Тотъ пиръ, котораго жива понынѣ слава,
Котораго красу, и блескъ, и роскошь блюдъ
Донынѣ пѣснями литовскій славитъ людъ.

Работа началась. Лишь только войскій глянетъ—
Полсотни у него ножей забарабанитъ.
Кухмистры, засучивъ по локоть рукава:
Тотъ дуетъ на огонь, тотъ въ печь кладётъ дрова,
А третій, хлопоча, чтобъ пламя не угасло,
Плескаетъ на него растопленное масло,
Котораго всегда достаточно въ дому;
Иные въ копоти, и въ сажѣ, и въ дыму,
Ворочаютъ рожны съ дичиною различной:
Оленей, кабановъ, съ приправою обычной;
Дерутъ индѣекъ, куръ — и пуху облака,
За лёгкимъ паромъ вслѣдъ, летятъ до потолка.
Но куръ не достаётъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ Сакъ Добжинскій,
Мстя Зосѣ, расточилъ на нихъ свой пылъ воинскій,
Онѣ попрежнему еще не развелись;
За-то тетерева въ обиліи нашлись,
Сивки, баранчики — и много всякой дичи
Набилъ для войскаго догадливый лѣсничій.

Лучами ясными и тихими горя,
На небѣ занялась стыдливая заря —
И сумракъ утренній прощается съ землёю;
Лишь облако одно, съ золоченной каймою,
И бѣлое, какъ снѣгъ, плыло-себѣ вдали,
Подобно ангелу-хранителю земли,
Чтó нашей утренней молитвой умиленный,
Еще не отлетѣлъ къ Зиждителю вселенной.

Вотъ скрылось и оно безъ знака и слѣда;
Померкнула въ выси послѣдняя звѣзда.
Не видно ничего на всей небесъ равнинѣ,
Которая слегка блѣднѣетъ въ срединѣ;
А темносинюю полночную эмаль,
Какъ свитокъ, къ западу укатываетъ вдаль;
Межь-тѣмъ огнистое, пылающее око
Намъ открывается привѣтливо-широко;
Вотъ на окраинѣ блеснулъ струями свѣтъ
И брызнули лучи, какъ тысячи ракетъ;
Но, жмурясь и дрожа, сіяетъ глазъ денницы,
Какъ-будто хочетъ сонъ стряхнуть съ своей рѣсницы,
И всѣ свои цвѣта соединяетъ вдругъ:
Сапфиръ, потомъ рубинъ, тутъ матовый жемчугъ—
И бриліантами чистѣйшаго кристала
Свѣтило наконецъ по небу заблистало.

Хотя въ каплицѣ мша еще не началась,
Однакожь тьма уже народу собралась;
Никто не усидѣлъ въ тотъ день великій дома:
Отчасти праздникомъ толпа была влекома,
Но болѣе манилъ тогда простыхъ людей
Величественный видъ героевъ и вождей,
Военачальниковъ народныхъ легіоновъ,
Которыхъ чтили всѣ какъ бы своихъ патроновъ,
Которыхъ бѣдствія, въ теченьи стольхихъ лѣтъ,
Побѣды, славою наполнившія свѣтъ,
Скитальческая жизнь съ изгнаніемъ суровымъ—
Служили поляку евангеліемъ новымъ.
Иные воины къ часовнѣ подошли.
Вы ль это, ратники отеческой земли?
Глядитъ на нихъ народъ, глазами робко мѣритъ—
И собственнымъ глазамъ отъ радости не вѣритъ:
Такъ точно—нашъ мундиръ, чтò всѣмъ сердцамъ знакóмъ,
И польскимъ говорятъ жолнѣры языкомъ!
Волнуется толпа; пылаютъ дѣвы-розы
И ронятъ на траву серебряныя слёзы.

Раздался колоколъ. Обѣдня началась.
Звучитъ священника миротворящій гласъ,
И съ умиленіемъ ему крестьянинъ внемлетъ.
Каплица малая не всѣхъ въ стѣнахъ объемлетъ;
Иные на лугу — едва не всё село —
Склонились, обнаживъ предъ Господомъ чело,
Смиренно молятся. Литвиновъ русый волосъ
На солнышкѣ блеститъ, какъ жита зрѣлый колосъ;
Мѣстами дѣвицы-красавицы платокъ
Горитъ, чтò куколя румянаго цвѣтокъ;
Порой, послушныя священному глаголу,
Всѣ чёла клонятся какъ бы колосья долу.

Селяне въ этотъ разъ въ каплицу нанесли
Цвѣтовъ — весенній даръ отеческой земли —
И ихъ разсыпали обильно у подножья
Святого алтаря, надъ коимъ Матерь Божья
Сіяла кроткая, въ каменьяхъ и лучахъ,
Съ невыразимою любовію въ очахъ;
Потомъ и паперть всю, и самыя ступени,
Гдѣ становилися міряне на колѣни,
Вѣнками пышными усѣяли кругомъ.

Такъ, изукрашенный цвѣтами, Божій домъ
Во облаченіи сіялъ своёмъ богатомъ,
Благоухая весь небеснымъ ароматомъ.

Обѣдня наконецъ въ каплицѣ отошла.
Ксёндзъ проповѣдь сказалъ. Но шляхта всё не шла
Изъ церкви; всё еще селяне были въ сборѣ:
На папертъ вышелъ къ нимъ маршалокъ-подкоморій
(Конфедераціи маршалкомъ онъ ужъ былъ);
Жупанъ его сребромъ и золотомъ свѣтилъ,
А сверху дорогой кунтушъ изъ аксамита,
Съ алмазной пряжкою и поясъ златолитый;
У сабли въ кáмняхъ весь и въ золотѣ ремень,
И шапка бѣлая, надѣта на бекрень;
На ней блеститъ султанъ, украшенный богато,
Гдѣ каждое перо цѣнилось въ три дуката.
Такъ пышно убранный, къ народу во всему
Маршалокъ выступилъ — всѣ двинулись къ нему;
Онъ началъ: «Братія! вамъ сказано съ амвона,
Что вольною землёй объявлена Корона,
А нынѣ кесарь нашъ далъ вольность и Литвѣ,
Затѣмъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ мы тронулись къ Москвѣ,
Какъ вѣрные его сподвижники-вассалы.
Уже на вальный сеймъ зовутъ универсалы;
А я хочу теперь, собратія мои,
Сказать вамъ слова два касательно семьи
Извѣстныхъ всей Литвѣ владѣльцевъ Соплицова.
Чтò Яцекъ натворилъ, вамъ это ужъ не ново;
Но, если чьи грѣхи поставимъ мы на видъ,
По правдѣ помянуть и доблесть надлежитъ,
Всѣ добрыя дѣла, отличія, заслуги
И принесённыя отечеству услуги:
Такъ отдадимъ ему заслуженную честь!
Тотъ Яцекъ жилъ еще, когда бродила вѣсть,
Что онъ, монашество пріявъ, скончался въ Римѣ;
Онъ только измѣнилъ одежду, санъ и имя,
И всё, чѣмъ Богу былъ и людямъ виноватъ,
Примѣрной жизнію загладилъ во сто кратъ.
Подъ Гогенлинденомъ, въ той битвѣ знаменитой,
Гдѣ началъ отступать уже Ришпансъ разбитый,
Не знавъ, что у врага Князевичъ былъ въ тылу...
Объ этомъ Яцекъ нашъ, сраженія въ пылу,
Ришпансу вѣсть принёсъ: тотъ принялъ бой кровавый —
И наши витязи вѣнчались громкой славой.
Потомъ, въ Испаніи, какъ брали Алькантаръ,
Онъ съ гренадерами на приступъ, въ самый жаръ,
Пошолъ — и раненъ былъ три раза при Камовскомъ.
Съ-тѣхъ-поръ, скитаяся то въ Княжествѣ Литовскомъ,
То за границею, онъ вѣсти разносилъ,
Предвидя общее возстанье нашихъ силъ,
И въ мигъ, когда уже всё было на готовѣ,
Смертельно раненый скончался въ Соплицовѣ.
Едва лишь вѣсть о нёмъ, про славныя дѣла,
До милости его, до кесаря дошла:
Въ награду подвиговъ, рукой Наполеона
Ему назначенъ крестъ почётный легіона.

«Да будетъ же для всѣхъ и каждаго равно
Отнынѣ вѣдомо, что Яцекъ смылъ пятно,
Лежавшее досель на имени Соплицы;
И всѣ теперь въ Литвѣ сословія и лицы,
Кто братомъ вздумаетъ Соплицу попрекнуть,
Иль недостойное объ нёмъ упомянуть,
Тотъ graves maculas несётъ по уложенью.
Примите жь, братія, сіе къ соображенью!
А чтò касается до славнаго креста —
Хотя не вò время пришла награда та,
И Яцекъ не былъ ей въ послѣдній мигъ утѣшенъ —
Пусть будетъ этотъ крестъ на гробъ его повѣшенъ
И три дни провиситъ! Затѣмъ въ каплицѣ той,
Какъ votum, сложится для Дѣвы пресвятой!»

Сказалъ и вынулъ крестъ почётный легіона:
Сіяла въ золотѣ огнистая корона
И лента алая съ кокардою надъ ней.
Звѣздоподобный крестъ и ярче, и виднѣй
Сверкнулъ на сумрачномъ возглавіи гробницы —
Послѣдній славы лучъ надъ именемъ Соплицы.
Народъ же повторялъ, склоняясь надъ доской:
«Со духи праведны Господь его покой!»

Въ то время у избы друзья сидѣли наши,
Брехальскій и Гервазъ. Побрякивали чаши,
Межь-тѣмъ какъ старики поглядывали въ садъ,
Гдѣ воинъ молодой и дѣвица стоятъ:
Онъ — какъ подсолнечникъ; шишакъ на нёмъ злачёный;
Она, одѣтая въ корсажъ темнозелёный,
Смотрѣла весело, какъ ясная рута;
Глаза — чтò васильки, чтò розаны — уста.
Ихъ рѣчи, полныя любовью и мольбою,
Текли, какъ два ручья, сливаясь межь собою.
А старцы, въ разговоръ пріятельскій вступивъ,
Другъ друга подчуютъ медкомъ наперерывъ;
Брехальскій говоритъ: «Вотъ такъ-то, Гервазеньку!»
Гервазъ ему на то: «Вотъ такъ-то, Протазеньку!»
«Вотъ такъ-то! такъ-то вотъ!» сказали оба въ разъ,
И тутъ, какъ надо быть, бесѣда началась.

— «И такъ—прощай, процессъ!» сказалъ Гервазу возный:
«Тьму помню я такихъ; особенно жь курьёзный
У Чарторыжскаго съ Будревичемъ процессъ;
Потомъ у Лопаса съ Почобутомъ за лѣсъ;
У Паца съ Купсцями, съ Квилецкими у Турна,
У Лейки съ Занами. Начнётся вѣчно дурно,
Тамъ, глядь: явилась дочь, тутъ сынъ, а здѣсь вдова—
И кончено! Вотъ такъ Корона и Литва
Тягались сколько лѣтъ; взялась за умъ Ядвига—
И разомъ безъ судовъ окончена интрига!
Да, хорошо, какъ есть у тяжущихся дочь,
Иль сынъ: не трудно тутъ бѣдѣ лихой помочь!
А вотъ, когда процессъ пойдетъ между ксендзами—
Бѣда! хоть прочь бѣги съ закрытыми глазами!
Еще коль близкое увяжется родство...
Вотъ ляхи съ руссами тягались отчего?
Что были Руссъ и Ляхъ два брата. Это дѣло
Тянулось двѣсти лѣтъ — да выигралъ Ягелло.
Такъ съ Обуховичемъ судился Одынѐцъ;
Съ ксендзами Дымшами у Рымши наконецъ
Pendebat долго споръ... но выиграли Дымши,
И вышло, что панъ Богъ сильнѣе пана Рымши.
А мёдъ по моему сильнѣй, чѣмъ сцызорикъ!»

Тутъ чокнулись. «Такъ! такъ!» сказалъ другой старикъ,
Той рѣчью тронутый: «такъ, дивною судьбою
Корона и Литва сближались межь-собою,
Какъ нѣкая чета: самъ Богъ связалъ её!
Да видно, Богъ своё, а дьяволы своё!
Ахъ, брате! точно ли глаза-то видятъ наши,
Что къ намъ опять сюда пришли короніаши!
Эхъ! чтобы стольнику дожить до-этихъ-поръ!»
Тутъ ключникъ подъ-шумокъ полой слезу отёръ
И тихо покачалъ сѣдою головою:
«Но, полно плакаться! Корона вновь съ Литвою!»

—«Да!» возный рѣчь повёлъ, «теперь объ Зосѣ вотъ!»
«О паннѣ Софіи», его поправилъ тотъ:
«Она ужь не дитя, невѣста: вотъ въ чёмъ штука,
Притомъ, вельможная: Горешкѣ будетъ внука!»
— «Ну, панна Софія! пожалуй хоть и такъ!»
Вновь возный продолжалъ: «былъ, видишь, съ неба знакъ,
Какъ бы явленіе, назадъ тому съ полгода.
Разъ въ праздникъ набралось довольно тутъ народа:
Кухмистры, кое-кто изъ челяди, да я;
Вдругъ изъ-подъ крыши пырь два старыхъ воробья
И въ драку: ажно пыль клубами вверхъ пустили.
Мы смотримъ: чья возьмётъ? и тутъ же порѣшили:
Пусть чорный будетъ графъ, а тотъ, что посѣрѣй,
Соплица. Сѣрый сбитъ: «поправься, братъ, скорѣй!»
Кричимъ; а сѣрый взялъ: «да здравствуютъ Соплицы!»
Тутъ Зося сжалилась, прыгнула изъ свѣтлицы
И нѣжной ручкою бойцовъ накрыла вдругъ;
Но бились и въ рукѣ. Тогда между старухъ
Пошолъ объ этомъ толкъ, что видно панна Зося
Два дома примиритъ — и вотъ оно сбылося!
Въ очью свершается! Знать, божья воля тутъ!
Однако же тогда о графѣ думалъ людъ,
Не о Тадеушѣ.» На это ключникъ старый
Сказалъ: «Да, подлинно, глядятъ такою парой,
Что любо-дорого! Тряхнувши стариной,
И я тебѣ скажу, что было и со мной
Необъяснимое. Ты знаешь, милый друже,
Что нѣкогда Соплицъ я утопилъ бы въ лужѣ,
А хлопца этого, не знаю почему,
Я съ разу полюбилъ. Бывало, радъ ему,
Какъ въ замокъ прибѣжитъ; сейчасъ рапиру въ руки:
Рубись! Да и гораздъ онъ былъ на эти штуки!
Бѣда! Съ ребятами ль возьмутся за чубы —
Не можетъ ни одинъ: трещатъ лишь только лбы,
Когда пойдётъ косить. Взобраться на одонье,
Омёлу съ дуба снять, стащить гнѣздо воронье—
Какъ есть на всё гораздъ, на всяки чудеса!
«Ну, видно, ты, панычъ, въ сорочкѣ родился»,
Замѣтилъ я себѣ: «жаль только, что Соплица!»
И вотъ... подумаешь, какая небылица!
Кто вѣдалъ, кто гадалъ, на что ему таланъ
Данъ всякій Господомъ? Теперь онъ здѣшній панъ,
Мужъ панны Софіи, вельможной пани нашей!»
Умолкли тотъ и тотъ, задумавшись надъ чашей;
Лишь послѣ нѣсколько послышалося разъ:
«Такъ, пане возный, такъ!» — «Да, такъ-то, панъ Гервазъ!»

А кухня возлѣ нихъ стояла. Облакъ пара
Изъ оконъ вылеталъ, какъ дымъ въ часы пожара.
Кухмистеръ набольшій, съ кастрюлькою въ рукѣ,
Подвязанъ фартукомъ и въ бѣломъ колпакѣ,
Душой и мыслію весь преданный обѣду,
Успѣлъ однакоже подслушать ихъ бесѣду,
И только лишь они устали говорить,
Бисквитовъ подалъ имъ, чтобъ липецъ закусить.
«А я вамъ разскажу исторію про пана,
Блаженной памяти покойнаго Рейтана.
Разъ въ налибоцкіе пустились мы лѣса...»
Вдругъ сзади раздались кухмистровъ голоса —
И living разсказъ на томъ оборвался...

А старцы головы межь тѣмъ поворотили

Туда, гдѣ молодецъ и дѣва говорили;
Но не было ужь ихъ: давно покинувъ садъ,
Ушли они въ покой, гдѣ восемь лѣтъ назадъ
Тадеушъ-отрокъ жилъ. Теперь же, въ этомъ мѣстѣ,
Счастливецъ становой услуживалъ невѣстѣ
И въ разные углы со всѣхъ кидался ногъ:
То шпильки подавалъ, то вѣеръ, то платокъ,
Разнообразные флакончики, помаду —
Ну, словомъ, хлопоталъ и бился до упаду;
Хоть бѣдный лобъ его порядочно взопрѣлъ,
Однако становой торжественно смотрѣлъ
На свѣтлое чело имъ избранной подруги
И ровно ни во что считалъ свои услуги.
Подруга же его, окончивъ туалетъ,
Держала съ зеркаломъ таинственный совѣтъ —
Задумалась... Межь-тѣмъ служанки боевыя,
Дѣвицы вострыя, проворныя, живыя,
Съ горячимъ утюгомъ припавши на полу,
Спѣшили распрямить у платья фалбалу.

Тогда-какъ становой былъ дѣломъ этимъ занятъ,
Глядитъ: его въ окно рукою кто-то манитъ:
Кухмистеръ русака въ капустѣ подстерёгъ.
Изъ лѣсу выпугнутъ, русакъ въ саду залёгъ,
Скрываясь тамъ весь день отъ ловчихъ и отъ жара.
Асессоръ вёлъ уже на своркѣ Янычара,
А вотъ и становой Стрѣлу свою зовётъ;
Поставили рядкомъ. Панъ войскій въ садъ идётъ,
Свиститъ и хлопаетъ, посматривая въ гряды;
Межь-тѣмъ охотники, въ него уставя взгляды,
Тихонько пальцами показываютъ псамъ,
Гдѣ заяцъ — а ужь онъ летѣлъ къ своимъ лѣсамъ.
«Ату его, ату!» пошла лихая пара!
Тотъ смотритъ на Стрѣлу, другой на Янычара:
Псы ближе—ближе—вотъ на шагъ отъ русака—
И оба вдругъ его схватили подъ бока;
Минута—онъ лежитъ недвижимъ, кверху брюхомъ,
Зелёную траву покрывши бѣлымъ пухомъ.
Глядятъ охотники — на лицахъ торжество!
А войскій, зайца взявъ, отпазончилъ его
И молвилъ: «Конченъ споръ, соперники мирятся!
Палаца стòитъ Пацъ! Достоинъ пàлацъ Паца!
Я, вами избранный въ сёмъ дѣлѣ за судью,
Заклады цѣнные обратно отдаю:
Другъ другу вы равны и выиграли оба;
Отнынѣ заключить союзъ должны до гроба!»
Охотники сошлись, весёлые — и вмигъ
Ихъ руки съединилъ ликующій старикъ.

Тутъ молвилъ становой: «Собратья, передъ споромъ,
Вы помните: коня поставилъ я съ приборомъ
И перстень обѣщалъ въ Salarium сложить
Тому, кто давній споръ поможетъ намъ рѣшить.
Обратно возвращать заклады — незаконно!
И я надѣюся: панъ войскій благосклонно
На память перстень тотъ потрудится принять —
Онъ можетъ вырѣзать на нёмъ свою печать,
Чтò вѣчно при часахъ висѣла у него бы,
А золото на ней одиннадцатой пробы.
Уланамъ отдалъ я ретиваго коня,
Но весь его приборъ остался у меня,
Чтобъ долѣе служить набѣгамъ молодецкимъ.
Арчакъ — смѣшеніе козацкаго съ турецкимъ;
Въ камняхъ передняя и задняя лука;
Шелками вышита подушка чапрака,
А сядешь на неё — качаетъ точно зыбка;
А тронь коня въ галопъ, не очень только шибко,
А исподволь, труся...» При этомъ становой,
Любившій мимикой разсказъ украсить свой,
Вдругъ выступилъ впередъ и ноги врозь разставилъ,
Потомъ, какъ скачетъ конь, охотникамъ представилъ...
«А тронь коня въ галопъ, то кажется, что конь
Весь залитъ въ золото, въ брильянты и въ огонь:
Сіяніе и блескъ струями всё, струями...
Тотъ рѣдкостный приборъ, съ уздечкой, съ мундштуками,
Ну, словомъ, осѣдлать какъ надобно коня,
Прошу асессора на память отъ меня
Принять и позабыть, чтò было въ прежни лѣта!»
Асессоръ, поклонясь, отвѣтствовалъ на это:
«Я ставилъ подъ закладъ ошейники для псовъ,
Когда-то бывшіе красою всѣхъ лѣсовъ,
Ошейники, чтò мнѣ пожертвовалъ Сангушка
И сворку изъ шелковъ (не сворка, а игрушка —
Вся шита золотомъ, вся въ рѣдкостныхъ камняхъ,
На солнышкѣ горитъ и блещетъ какъ въ огняхъ)
И смычъ изъ ящера, котораго плетенье
Приводитъ знатока въ восторгъ и удивленье:
Всё это пану въ даръ я нынче приношу
И давній споръ забыть, какъ милости, прошу,
Споръ, нынѣ конченный со славою по счастью,
И сердце обратить къ пріязни и согласью!»
Такъ бойко завершивъ орацію свою,
Охотники пошли обрадовать судью.

Ходили черезъ годъ по Соплицову слухи
(Проговорилися какія-то старухи),
Что войскій, зàгодя вскормивши русака
На кухнѣ, въ садъ его пустилъ изподтишка
И старую вражду чрезъ то покончилъ разомъ.
Однакоже никто не вѣрилъ тѣмъ разсказамъ:

Молва пріятелей поссорить не могла —
И дружба между нихъ незыблемо цвѣла.

Уже вокругъ стола собравшіеся гости
Бесѣдуютъ и ждутъ прихода его мо́сти
Хозяина. Идётъ, Тадеуша держа
Съ невѣстой за руку. Румяна и свѣжа,
Какъ утро майское, глядя на всѣхъ не смѣло,
Она собранію почтительно присѣла.
На ней — вѣнокъ живыхъ колосьевъ золотой,
Съ серебрянымъ серпомъ: была въ одеждѣ той,
Въ которой поутру молилася Пречистой.
Тѣ жь ленты алыя въ струяхъ косы волнистой,
Такіе же цвѣты на дѣвственной груди:
Дарила ихъ вождямъ, и старые вожди
Изъ ручекъ у нея букеты принимали
И ручки нѣжныя въ восторгѣ цаловали;
Невѣста кланялась, зарёю заалѣвъ.
Князевичъ, на челѣ ея напечатлѣвъ
Отцовскій поцалуй, еще краснѣть заставилъ,
Потомъ, поднявши вверхъ, на столъ её поставилъ —
И всѣ, въ единый гласъ, воскликнули «виватъ!»
Невѣсты красота, простой ея нарядъ,
Точь-въ-точь какъ у селянъ—литвинки образъ чистый,
И дѣвственный вѣнокъ, и этотъ серпъ лучистый,
Припомнили вождямъ совсѣмъ другіе сны
И невозвратную зарю иной весны,
Потомъ изгнаніе, съ борьбою и грозами...
И вотъ, приблизившись, смотрѣли со слезами
На дѣву юную, тѣснились вкругъ стола,
Прося, чтобъ очи вверхъ она приподняла,
Чтобъ обернулась къ нимъ и глянула бы смѣло:
Невѣста, какъ заря, какъ маковъ цвѣтъ, алѣла.

Затѣмъ вождямъ еще представилась чета.
Всѣ заняли свои обычныя мѣста:
Вчера слуга царя, теперь — Наполеона,
Асессоръ, командиръ жандармовъ легіона,
Въ мундирѣ выступалъ, подковками звеня,
Съ нимъ рядомъ, голову стыдливо наклоня,
Шла вѣрная его подруга и коханка,
Дочь пана войскаго, Варвара Гречешанка.

Но третья парочка сбирается не вдругъ;
Судья не вытерпѣлъ, послалъ за нею слугъ:
Узнали, что чета въ тревогѣ и въ заботѣ:
Неловкій становой, на утренней охотѣ,
Погнавши русака, свой перстень потерялъ
И по лугу его съ людьми теперь искалъ;
А наречённая невѣста становова
Еще не собрала́сь — немного неготова:
Какой-то бантъ у ней на платье не нашитъ,
Еще чего-то нѣтъ... однакоже спѣшитъ,
И, безъ сомнѣнія, часа въ четыре будетъ,
Надѣясь, что судья сестрицу не осудитъ.

ПѢСНЬ XI.

Дверь съ шумомъ наконецъ открылася — и вотъ
Маршалокъ пиршества, панъ войскій предстаётъ,
Въ беретѣ съ перьями. Марша́лковскою тростью
Учтиво каждаго, какъ гостя, такъ и гостью,
Разводитъ по мѣстамъ. Всѣхъ выше, впереди,
Панъ подкоморій сѣлъ, а о̀ бокъ съ нимъ вожди,
По разнымъ сторонамъ: по правую Домбровскій,
По лѣвую Гедройцъ, Князевичъ, Малаховскій
И дамы; далѣе — шляхетство; каждый гость
Садится, гдѣ ему велитъ маршалка трость.

Хозяинъ на дворѣ, гдѣ столъ длиной въ два стая
Раскинутъ для селянъ. Сошлась толпа густая,
На пиръ приглашена. Садятся: панъ-отецъ,
Хозяинъ — на концѣ, а на другой конецъ
Садится ксёндзъ-плебанъ. Тадеушъ и невѣста
Ходили вкругъ стола, оставшися безъ мѣста:
Обычай сёлъ таковъ, что новые паны,
Созвавъ къ себѣ селянъ, служить для нихъ должны.
А шляхта и вожди, собравшіеся въ залѣ,
На рѣдкостный сервизъ вниманье обращали,
Что всѣхъ работою и цѣнностью дивилъ.
Преданье говоритъ, что будто Радзивилъ
Богатый тотъ сервизъ привёзъ изъ-за границы;
Потомъ, въ часы войны, попалъ онъ въ домъ Соплицы,
Богъ-вѣсть какимъ путёмъ. Теперь, столовъ краса,
Онъ, на подобіе большого колеса,
Разлегся и сіялъ. Въ его златыя стѣнки
Влиты изъ сахару серебряныя пѣнки,
Блестѣвшія какъ снѣгъ, сѣдой зимы уборъ;
Въ срединѣ, изъ конфетъ, чернѣлъ дремучій боръ,
Виднѣлись инеемъ подернутыя хаты,
Искусства дивнаго плоды замысловаты,
Повсюду въ глыбахъ снѣгъ и въ искрахъ синій лёдъ.
А съ краю, подлѣ хатъ, разгуливалъ народъ,
Великолѣпныя фигурки изъ фарфору,
Что̀ только не вели съ гостями разговору,
А то, какъ есть во всёмъ, живыя до-чиста,
И били по глазамъ нарядовъ ихъ цвѣта.

Что̀ значили онѣ? Панъ войскій разрѣшенье
Готовитъ, испросивъ у панства позволенье:

«Персоны, коими украшенъ тотъ сервизъ —
Коль соизволите — на сеймикъ собрались.
Вотъ эта, въ сторонѣ стоящая, особо,
Какъ надо полагать, высокая особа —
Заранѣе къ себѣ шляхетство созвала;
Извольте посмотрѣть: стоятъ вокругъ стола
Большими группами и въ каждой посрединѣ —
Ораторъ. По его движеньямъ и по минѣ,
По разсуждающимъ, подъятымъ вверхъ рукамъ —
Замѣтно: жаркую онъ держитъ рѣчь къ гостямъ,
А шляхта слушаетъ, почтеніемъ объята —
И каждый своего готовитъ кандидата.

«А этотъ, важный панъ, такъ весело глядитъ,
Рука за пòясомъ, другою усъ крутитъ:
Знать, балы подобравъ, со шляхтой кончилъ дѣло
И на избраніе разсчитываетъ смѣло.

«А здѣсь не ладятся, какъ видно, голоса:
Ораторъ наровитъ поймать за пояса
Не такъ сговорчивыхъ, но рвутся и уходятъ,
Бесѣды межъ собой сварливыя заводятъ,
И врозь по сторонамъ разбился весь народъ.
Вотъ этотъ началъ рѣчь — ему зажали ротъ;
А тотъ кричитъ «виватъ», раскрывъ уста широко,
А тутъ ужь, кажется, до сабель недалёко.

«Одинъ межъ группами задумавшись стоитъ;
Куда дѣвать свой шаръ, никакъ не разрѣшитъ,
Гадаетъ пальцами: попалъ — аффирматцву,
А если не попалъ — положитъ негативу.

«А здѣсь монастыря представленъ рефектарь,
Гдѣ выборы у насъ производились встарь.
Стекается толпа. Вотъ шляхтичъ любопытный
Въ серёдку заглянулъ, гдѣ маршалъ неумытный
Считаетъ голоса и вознымъ отдаётъ
О тѣхъ, кто избраны, провозгласить въ народъ.

«Но вотъ, на сторонѣ, какой-то несогласный
Съ избраніемъ, готовъ затѣять споръ опасный:
Раскрылъ широко ротъ, задумываетъ месть
И цѣлый рефектарь какъ будто хочетъ съѣсть.
Не трудно угадать, что онъ ужь гаркнулъ: veto!
Вся шляхта на него накинулась за это;
Еще единый мигъ — сойдутся межъ собой,
Скрестивъ оружіе, и вспыхнетъ ярый бой!

«Но къ нимъ святой пріоръ Sanctissimum выноситъ,
А пòслушникъ, звоня, ихъ разступиться проситъ:
Тутъ, дѣлать нѣчего, вложивъ мечи въ ножны,
Всѣ пали, молятся — и кончить споръ должны.
И такъ на выборахъ случалось зачастую...»
Но въ табакерку тутъ щелкнувши золотую,
Замѣтилъ войскому панъ подкоморій вдругъ:
«Хоть сеймикъ твой хорошъ, однако кликни слугъ
Да ѣсть вели давать! Ты вѣрно не откажешь —
И послѣ намъ свою исторію доскажешь!»
А войскій, до земли свою склоняя трость:
«Всемилостивый панъ, ясновельможный гость!
Разсказъ кончается. Вотъ, выигравши балы,
Маршалокъ избранный выносится изъ залы
Всей шляхтой на рукахъ; разскрыли рты — виватъ!
Выходятъ весело и шапки вверхъ летятъ,
Другіе на бокъ ихъ заламываютъ лихо...

«А здѣсь, наоборотъ, выходитъ скромно, тихо
Забалтированный; крутитъ въ раздумьи усъ,
Сердито нà брови надвинувъ свой картузъ.
Идётъ онъ... а его супруга и не чаетъ
Бѣды себѣ такой: съ улыбкою встрѣчаетъ;
Вдругъ — ахъ! и на рукахъ служанки замерла..
Ясновельможною она бы вѣдь была!
А ныньче — Господи, да развѣ это можно! —
Она попрежнему осталась лишь — вельможна!»

Тутъ войскій замолчалъ — и пиръ-себѣ пошолъ.
Сначала холодецъ литовскій и разсолъ,
Тамъ королевскій борщъ, а тò, что было далѣ
Тѣхъ яствій и во снѣ мы съ вами не видали!
Блемасы, пòмухли, душоныя мясà,
Ингредіенціи, былыхъ пировъ краса;
А рыбы: стерляди, севрюга, осетрина,
Карпъ-шляхтичъ, карпъ-холопъ, морская лососина
И блюдо хитрое — затѣя не проста —
Бѣлуга цѣликомъ — поджарена съ хвоста,
Въ серёдкѣ варенà, а спереди пуста
И смачнымъ соусомъ искусно полита.

Но жаль: не распросилъ о блюдѣ знаменитомъ
Никто, а ѣли всѣ съ солдатскимъ апетитомъ,
И кубки, полные венгерскаго вина,
Вмигъ осушалися воинственно до дна.

Межь-тѣмъ, за полчаса снѣгами убѣлённый,
Сервизъ одѣлся вдругъ травой темнозелёной:
Весь иней сахарный растаялъ самъ собой.
Пахнуло на гостей весеннею порой
И жито разное на пажитяхъ явилось:
Пустилъ усы ячмень и рожь заколосилась,
Благоуханіе черёмха разлила
И шоколадная гречиха зацвѣла.

Вожди спѣшатъ весной воспользоваться красной;
Но лѣто близится — и осенью ненастной
Повѣяло. Сервизъ еще отъ теплоты
Растаялъ: жолтыми становятся листы
И падаютъ; на нихъ какъ-будто вѣтеръ вѣетъ;
Всё измѣняется, природа вся мертвѣетъ;
За мигъ цвѣтущія, древа обнажены,
Остался только лавръ, подобіе сосны,
Усѣянъ зёрнами коричневыми тмину,
Какъ-будто шишками. Дивуясь на картину,
Пирующій народъ деревья сталъ срывать
И усладительнымъ токаемъ запивать,
Другъ передъ дружкою усердствуя отважно.
А войскій вкругъ стола прохаживался важно.

Тогда сказалъ ему Домбровскій генералъ:
«Откуда панъ своё искусство перенялъ?
Иль дивной магіи учился у Пинети?
Давно ли на Литвѣ у васъ волшебства эти?
Вездѣ ль по деревнямъ въ родимой сторонѣ
Такъ чествуютъ гостей? Прошу, повѣдай мнѣ!
Столь долго врозь живя съ родимымъ нашимъ краемъ,
Не мудрость, коль его обычаевъ не знаемъ!»

А войскій такъ ему: «Ясновельможный панъ!
По старой старинѣ обѣдъ вамъ этотъ данъ;
Какъ было у отцовъ у нашихъ и у дѣдовъ,
Во дни счастливые. Теперь такихъ обѣдовъ
Не водится: они на рѣдкость и въ Литвѣ.
Мы стали подражать французамъ, да Москвѣ,
Забыли про токай и пьёмъ чужія вина
Заморскихъ погребовъ, гдѣ русскихъ половина;
Иной богатый панъ живётъ какъ сущій жидъ,
Скупится на пиры, венгерскимъ дорожитъ —
И тутъ же, поглядишь, съ безумнаго азарту,
Вдругъ полъ имѣнія становитъ онъ на карту,
Несметный капиталъ, которымъ десять лѣтъ
Могъ прокормиться бы застянокъ иль повѣтъ,
И было бъ выпито токаю чуть не море.
Да вотъ не далекò... Яснѣйшій подкоморій,
Прошу не гнѣваться на искренность мою:
Что нà сердцѣ ни есть, всё тайны выдаю...
Когда приготовлялъ сервизъ я для пирушки,
Нашли, что онъ похожъ на дѣтскія игрушки,
Махина старая; что нужно попростѣй,
Что только насмѣшитъ вельможныхъ онъ гостей.
А вотъ не насмѣшилъ! И я теперь покоенъ,
Увидя, что сервизъ вниманьемъ удостоенъ
Такихъ высокихъ лицъ. Увы, уже Богъ-вѣсть,
Достанется ль ему еще такая честь;
Подчасъ и у меня, признаться, замирала
Душа... теперь прошу я пана-генерала
Ту книжечку принять на память отъ меня:
Панъ вѣрно доживётъ до радостнаго дня,
Когда свободные литвины и Корона
Для наияснѣйшаго отца-Наполеона
Дадутъ по-истинѣ на удивленье пиръ,
Какъ будутъ праздновать Европы цѣлой миръ:
Въ то время призови на помощь книгу эту,
Секреты дивные, невѣдомые свѣту;
Я жь панству разскажу подробно и вполнѣ,
Откуда, гдѣ и какъ она досталась мнѣ.
То книжка рѣдкая, какихъ не пишутъ болѣ...»

Вдругъ крикнули: «виватъ нашъ Флюгеръ на Костёлѣ!»
И цѣлая толпа ввалилась, а предъ ней
Судья, а вслѣдъ за нимъ — Матвѣямъ всѣмъ Матвѣй!
Хозяинъ усадилъ его между вождями,
Сказавъ: «Эхъ, панъ Матвѣй! знать пану скучно съ нами:
Такъ поздно жалуешь, а близкій вѣдь сосѣдъ!»
— «Тѣмъ лучше!» молвилъ тотъ: «я здѣсь не про обѣдъ,
А видѣть армію пріѣхалъ въ Соплицово,
Хоть, правду говоря, она ни то, ни ово.
Меня замѣтили вотъ эти господа,
Схватили подъ руки и ну тащить сюда.
А я было-хотѣлъ взглянуть лишь только въ щелку!»
Сказалъ и къ верху дномъ перевернулъ тарелку.
— «Такъ вотъ онъ, панъ Матвѣй!» сказалъ Домбровскій тутъ:
«Матвѣй, что Кроликомъ и Розгою зовутъ,
Костюшки нашего сподвижникъ разудалый!
Какой еще крѣпышъ, васанъ! скажи пожалуй!
А вотъ меня совсѣмъ скрутила, братъ, война;
Да и Князевича прошибла сѣдина:
Всѣ сбрендили; а ты, по милосердью божью,
Еще потянешься долгонько съ молодёжью!
И Розга, чай, цвѣтётъ, какъ въ оны времена!
Недавно москалей пощупала она,
Я слышалъ. Хватъ, братъ, хватъ! А гдѣ жь твои собратья?
Желалъ бы отъ души и прочихъ повидать я,
Всѣхъ этихъ молодцовъ; ты всѣхъ мнѣ покажи,
Пусть Перочинные и всякіе Ножи
На сцену явятся, Кропители и Бритвы,
И стародавнія собой напомнятъ битвы!»

— «Всѣ эти лихачи», замѣтилъ панъ-судья,
«Разбивши москалей, въ различные края

Попрятались, боясь подвергнуться отвѣту;
Богъ-знаетъ, гдѣ теперь скитаются по свѣту;
Быть-можетъ, гдѣ въ полкахъ!» — «У насъ вотъ,
например
Въ полку», вмѣшался въ рѣчь какой-то офицеръ,
«Есть совершенное страшилище съ усами,
Котораго подчасъ пугаемся мы сами:
Кропитель; мы его прозвали Медвѣдёмъ;
Когда прикажете, въ минуту приведёмъ!»
— «Есть разные еще!» вступился голосъ новый:
«Я знаю одного: на видъ такой суровый;
Зовутъ его Горшкомъ; поставленъ въ первый рангъ.
Когда случается послать его во флангъ,
Онъ вѣчно выѣдетъ съ какой-то мѣдной пушкой
И мечетъ артикулъ онъ ею какъ игрушкой.»
На это генералъ: «Хотѣлъ бы я скорѣй
Увидѣть старшаго изъ тѣхъ богатырей,
Что̀ заповѣдалъ намъ, какъ чудо, вѣкъ старинный:
Гдѣ этотъ великанъ, вашъ Ножикъ Перочинный,
О коемъ я слыхалъ такія чудеса?»
— «Онъ также уходилъ въ дремучіе лѣса»,
Хозяинъ отвѣчалъ. «Боялся: въ судъ потянутъ
За тотъ проклятый бой, допытываться станутъ,
А послѣ и въ о̀строгъ, пожалуй, упекутъ.
Всю зиму странствовалъ; теперь онъ снова тутъ.
Да вотъ онъ налицо является предъ вами!»
Взглянули — а въ сѣняхъ, надъ всѣми головами,
Какъ мѣсяцъ, лысина огромная въ рубцахъ
Сіяла; сунулся, опять застрялъ въ дверяхъ
И съ шумомъ, наконецъ, какъ пушка или фура,
По залѣ двинулась массивная фигура.

«Ясновельможный вождь! коронный гетманъ, панъ!
А можетъ генералъ. Но какъ бы ни названъ»,
Такъ началъ ключникъ рѣчь, «едино всё для міра!
На вызовъ моего отца и командира
Являюсь нынѣ съ тѣмъ моимъ сцызорико̀мъ,
Который, ежели пана̀мъ уже знако̀мъ,
Какую ни-на-есть себѣ добывши славу,
То не за надписи и то не за оправу,
А то за подвиги: пришолся по рукѣ.
Наслышана Литва о томъ сцызорикѣ
Давно изъ края въ край; по милости господней,
Мы были съ нимъ вездѣ, чуть-чуть не въ пре-
исподней!
Онъ сто̀итъ, чтобъ его я няньчилъ какъ дитю:
Такъ писарю перо не срѣзать на ногтю,
Какъ сѣкъ онъ головы, гуляючи по свѣту;
А что носовъ, ушей… о, имъ и счоту нѣту!
Но всё жь позорныхъ дѣлъ не зналъ онъ за собой:
Всегда ходили мы въ одинъ открытый бой,
Разъ только москаля безъ бою порѣшо̀но,
И то — pro publica utilitate bona!»

— «А, ну-ка покажи!» сказалъ Сцызорику
Домбровскій. «Важный мечъ! да это хоть быку
Отрѣжетъ голову, хоть зубру: нѣтъ сомнѣнья!
Да! нечего сказать, достоинъ удивленья!»
И сталъ онъ сцызорикъ осматривать кругомъ,
Вертѣлъ, приподнималъ, смѣялся; а потомъ
Собра̀лись вкругъ вождя иные офицеры
И страшный этотъ мечъ, необычайной мѣры,
Тожъ силились поднять, но мало въ этотъ мигъ
Нашлося, кто бы могъ какъ надо сцызорикъ
Взнести надъ головой. Одинъ майоръ Дверницкій,
Да эскадрона шефъ, штабъ-ротмистръ Голубицкій,
Припо̀дняли его. Тутъ, выступя вперѐдъ,
Князевичъ сильною десницею берётъ
Мечъ неподатливый — и во мгновенье ока,
Какъ шпагу легкую, взмахнулъ его высо̀ко,
Провёлъ по воздуху легонько два раза̀,
Вдругъ молніей блеснулъ пирующимъ въ глаза
И, фехтовальные припомнивши секреты,
Какими щеголялъ еще въ былыя лѣты,
Свободно выводить онъ сталъ надъ головой:
Крестовку, мельницу, ударъ прямой, кривой.

Гервазъ внимательно слѣдилъ за нимъ глазами—
И вдругъ не выдержалъ… и залился слезами.
«Такъ! такъ, родной отецъ! великій генералъ!»
Воскликнулъ, весь въ слезахъ, и на колѣни палъ:
«Брависсимо! знать, панъ служилъ конфедератомъ,
Ходилъ на москалей со шляхтой, съ нашимъ братомъ!
Панъ дѣльно рубится, какъ истинный жолнѣръ!
Вотъ Радултовскихъ взмахъ! вотъ Савича манеръ!
Ударъ Пулавскаго! А такъ, отставя ногу,
Рубился Высогирдъ! А это, панъ, ей-богу,
Я выдумалъ! ей-ей, то выдумка моя!
И гдѣ ты это взялъ, Господь тебѣ судья?
Извѣстенъ тотъ манеръ лишь нашему застянку
И называется по мнѣ — *ударъ-мопанку!*»

Всталъ и, Князевича въ объятія схвативъ,
Сказалъ: «Теперь умру спокоенъ и счастливъ:
Нашолся, кто рубить по-мо̀ему умѣетъ,
Кто дѣтище моё родимое пригрѣетъ!
Давно и день и ночь болѣю сердцемъ я,
Чтобъ не заржавѣла рапира та моя,
Когда состарѣюсь, когда въ могилу лягу…
Теперь же есть кому носить такую шпагу.
Эхъ, панъ, прости меня; покиньте вы рожны
Нѣмецкіе! къ-чему годны они, нужны?

Для насъ, для шляхтича десницы благородной,
Есть сабля польская, пристоенъ мечъ народный!
Мой милый сцызорикъ кладу у панскихъ ногъ:
Прими его! вотъ всё, что̀ въ жизни я сберёгъ,
Что̀ блюлъ я и хранилъ, что̀ мнѣ всего дороже,
Что̀ пѣстовалъ весь день и отходя на ложе;
Не разлучались мы: всю жизнь онъ былъ со мной;
Жены я не имѣлъ — онъ былъ моей женой
И дѣтищемъ! Но вотъ и мнѣ онъ не подъ силу;
Сбирался вмѣстѣ съ нимъ я лечь уже въ могилу,
Почить, и что же? вдругъ, благодаря судьбѣ,
Нашолъ наслѣдника — пусть служитъ онъ тебѣ!»

Князевичъ, тронутый такою простотою,
Сказалъ: «Но ка̀къ же ты, коллега, сиротою
Останешься, отдавъ столь вѣрнаго слугу,
Жену и дѣтище? Скажи мнѣ, чѣмъ могу
Тебя вознаградить за даръ такой безцѣнный?»
— «Эхъ, панъ!» Гервазъ на то замѣтилъ, удивленный:
«Да нѐшто я могу продать такой палашъ?
Цыбульскій проигралъ жену свою въ марьяжъ,
А я, коль отдаю — не иначе, какъ даромъ!
Довольно мнѣ того», прибавилъ ключникъ съ жаромъ,
«Довольно, что нашлась достойная рука...
Но помни: отпускай побольше темляка
И наискось маши отъ лѣваго отъ уха:
Такъ можно развалить отъ головы до брюха!»

Князевичъ взялъ палашъ, но, знать, не въ мѣру онъ
Пришолся и затѣмъ положенъ былъ въ фургонъ.
Что̀ сталось съ нимъ потомъ и биться довелось ли
Попрежнему — никто не могъ узнать опослѣ.

Матвѣю Кролику Домбровскій тутъ сказалъ:
«А ты, коллега, что? Совсѣмъ, братъ, оплошалъ!
Костюшкинъ славный маршъ играютъ наши трубы,
А ты нахмурился, молчишь, развѣся губы!
Неужли гордый видъ залётныхъ тѣхъ орловъ
Не въ силахъ пробудить въ тебѣ весёлыхъ сновъ?
Я думалъ, панъ Матвѣй, что выпьешь ты побольше
За здравье кесаря и за надежды Польши,
А ты... передъ тобой бокалъ, я вижу, пустъ,
И ты не замочилъ своихъ ни разу устъ!»

—«Такъ, панъ», сказалъ Матвѣй, «да вы-то что въ тревогѣ?
Два звѣря не живутъ никакъ въ одной берлогѣ,
А милость кесаря подбита вѣтеркомъ.
Что кесарь человѣкъ великій, что̀ намъ въ томъ!
Какой намъ будетъ толкъ отъ этого союза?
Для Польши поляка давай, а не француза!
Дружины польскія! Нѣтъ, это, братцы, вздоръ:
Что̀ слышу? гренадеръ, канонiеръ, сапёръ...
Поляки? — просто сбродъ, ни на̀ что непохожій,
Полъ-пса и полъ-козы, народъ ни къ чорту гожій!
Родная армія, Литва!... а главный штабъ,
Самъ видѣлъ я не разъ, по сёламъ ловитъ бабъ.
Идёте на Москву? Счастливая дорога!
Но, если кесарь вашъ безъ вѣры и безъ Бога
Затѣялъ тѣ дѣла, не будетъ проку въ нихъ!»
И тутъ, нахмурившись, Матвѣй опять затихъ.
Не по̀ сердцу пришлись хозяину тѣ рѣчи.
По-счастью, публика готовилась ко встрѣчѣ
Еще одной четы: былъ это становой;
Но что случилось съ нимъ? гдѣ видъ его живой,
Неугомонныя движенія и жесты?
По приказанію блажной своей невѣсты,
Отрекшись кунтуша, надѣлъ французскій фракъ
И мѣрно выступалъ, краснѣя точно ракъ.
Когда бы вѣдали, какія нёсъ онъ муки!
Совался и не зналъ, куда запрятать руки:
То вверхъ ихъ поднималъ, то книзу опускалъ,
То, позабывшися, онъ пояса искалъ;
Не зная самъ чему, преглупо улыбался...
Вдругъ Мацька увидалъ — и вовсе растерялся.

Матвѣй со становымъ давно ужъ былъ знакомъ
И даже дружбу вёлъ, какъ съ добрымъ полякомъ;
Но, озадаченный теперь его нарядомъ,
Измѣрилъ онъ его такимъ сердитымъ взглядомъ,
Какъ варомъ обварилъ, и вымолвилъ: «дуракъ!»
Матвѣя до того взбѣсилъ французскій фракъ,
Что онъ, не поклонясь и не сказавъ ни слова,
Уѣхалъ. Между-тѣмъ невѣста станова
Спѣшила поразить всё воинство Литвы:
Уборъ изящнѣйшій отъ ногъ до головы!
Цвѣтовъ, брильянтовъ, блондъ—разсѣяно обильно;
А платье... Но, увы! перо мое не сильно
Всего изобразить, а развѣ кисть одна —
И та, я думаю, была бы не сильна.

ПѢСНЬ XII.

Весёлый сельскій людъ о музыкѣ хлопочетъ,
Окончилъ тра̀пезу и въ плясъ пуститься хочетъ;
Зовутъ Тадеуша — но онъ, на сторонѣ,
О чёмъ-то будущей нашоптывалъ женѣ:
«Я долженъ, Софія, по важному предмету
Бесѣдовать съ тобой и твоего совѣту
Спросить по совѣсти. Значительная часть

Имѣній на тебя должна по праву пасть;
Твоими хлопы тѣ становятся рабами —
И я располагать не смѣю ихъ судьбами.
Теперь, когда у нихъ своя отчизна есть,
Ужель еще должны ярмо неволи несть?
Что̀ нынче, что̀ вчера — не всё ль для нихъ едино?
Лишь только новаго получатъ господина.
Нѣтъ спору, что у насъ народъ не угнетёнъ,
Но въ смерти, въ животѣ — ты знаешь, Богъ волёнъ;
Я — воинъ... послѣ насъ кто ими будетъ править?
И вотъ, поэтому, имъ волю предоставить
Хотѣлъ бы нынѣ я: отрѣзать имъ земли
Участокъ, гдѣ они родились и росли —
Земли, увлаженной слезами ихъ и по̀томъ...
Не это ль истиннымъ быть значитъ патріотомъ?
Свободенъ — и другимъ свободу возврати!
Цвѣтёшь — и низшему тебя позволь цвѣсти!
Могучъ, коли могу вдругъ цѣлому народу
Судьбу перемѣнить! А ежели доходу
Убавится у насъ — что жъ? я не прихотникъ
И къ малому углу съ младенчества привыкъ.
Но ты, мой милый другъ, но ты, мой ангелъ Зося,
Скажи по правдѣ мнѣ, когда бы намъ пришлося
Закабалить себя въ деревню на всегда,
Ты не соскучишься? Ты, юные года
Съ родными знатными прожившая въ столицѣ,
Не будешь попрекать Тадеушу Соплицѣ?»

А Зося такъ ему отвѣтила на-то:
«Я женщина — входить въ мужское ни во что
Не смѣю; дать совѣтъ — мнѣ также очень рано;
Готова всей душой исполнить волю пана.
Чего желаетъ онъ, на всё согласна я;
Гдѣ воля есть его, тамъ воля и моя.
А что̀ касается до знати, до столицы:
Я помню только то̀, что я въ дому Соплицы
Росла, воспитана и замужъ отдана.
Вѣрь: Соплицово мнѣ родная сторона!
Скучать мнѣ трудно тутъ: всё эти куры, утки
Милѣе были мнѣ, чѣмъ тётушкины шутки
И ро̀зсказни ея про Питеръ и Москву.
Люблю хозяйничать и столько здѣсь живу,
Что кое въ чёмъ уже набила-таки руку
И скоро ключника возьму къ себѣ въ науку!»

А ключникъ на поминъ легокъ, какъ тутъ и былъ,
Немного сумрачный: «Судья намъ говорилъ
Объ этой вольности, да только я не чаю,
Что много проку тутъ и счастія для краю.
Чтобы на русскій то, иль на нѣмецкій ладъ
Не вышло! а тогда на кой имъ вольность лядъ?
Конечно, сказано, что всѣ мы отъ Адама,
Что хлопы, видишь ли, произошли отъ Хама;
Жидамъ начало далъ сынъ Ноя, Іафетъ;
Отъ Сима шляхта вся, а выше оной — нѣтъ.
Затѣмъ мы прочими командуемъ и правимъ,
А случай выпадетъ — пожалуй, и придавимъ!
Хоть ксёндзъ не то̀ твердитъ, какъ выйдетъ на амвонъ —
Толкуетъ, видите: то ветхій былъ законъ;
Когда жъ Исусъ Христосъ, хоть царскаго былъ роду,
А въ ясляхъ родился, средь чорнаго народу,
То этимъ всѣхъ людей сравнялъ между собой.
Быть такъ, когда ужь такъ назначено судьбой
И пани хочетъ такъ моя ясновельможна —
Аминь! Но буде мнѣ позволено и можно
Пановъ предостеречь: скажу вамъ, что боюсь,
Не стала бъ снова тутъ распоряжаться Русь,
Хозяйничать опять — и вольные селяне
Вдругъ не попали бы въ казённые крестьяне.
А сдѣлать шляхтой ихъ, дать волю, и притомъ
Сказать, что вмѣстѣ съ тѣмъ и гербъ мы имъ даёмъ:
Пусть пани удѣлитъ козу въ зелёномъ полѣ,
А панъ свою луну съ подковой: этой волѣ
Народъ поклонится до самой до земли —
И тутъ ужь не возьмутъ ни чорта москали!
А что до вашего, паны мои, дохода —
Богъ милостивъ, авось! Не изъ такова рода
Ясновельможная сенаторша моя,
Чтобъ ручки допустилъ её мозолить я.
А вотъ, прошу мою усердно господыню
Принять завѣтную горешковскую скрыню
Съ краями полную наслѣдственнымъ добромъ,
Камнями разными, и златомъ, и сребромъ,
Сокровищъ стольника безчисленные склады:
Златые поставцы, оружіе, оклады,
Убранства древнія, что я берёгъ, какъ глазъ,
Отъ алчныхъ москалей, а частью и отъ васъ —
Прошу не гнѣваться — панове Соплицове!
Да есть еще у насъ въ запасѣ на готовѣ
Кубышка собственныхъ старинныхъ талеро̀въ,
Отъ панскихъ милостей, щедроты и даровъ.
Я думалъ: доживу до лучшей перемѣны —
И деньги тѣ сложу въ горешковскія стѣны,
Чтобъ замокъ старый нашъ какъ прежде заблисталъ.
Теперь, Соплица панъ, твоимъ слугой я сталъ:
Позволь мнѣ у тебя на милостивомъ хлѣбѣ
Остаться навсегда, въ какой ни есть потребѣ!
Какъ няньку старую къ дѣтямъ твоимъ возьми!
Мнѣ жь не учиться стать, какъ няньчиться съ дѣтьми:
Авося выняньчимъ Горешковъ третье племя!
Богъ дастъ тебѣ сынка; теперь такое время —

Война, а говорятъ, что будто въ часъ войны
Всегда не дочери родятся, а сыны.
Такъ вѣрно будетъ сынъ, боецъ на диво міру!
Ты мнѣ ужь предоставь вправлять его въ рапиру!»

Едва окончилъ онъ — ужь возный направлялъ
Къ нимъ важно шествіе — раскланялся, досталъ
Какой-то страшный листъ изъ своего кармана:
То вирши нѣжныя для пани и для пана
Шинта, арміи фельдфебель, сочинилъ.
Съ полсотни тѣхъ стиховъ ужь возный возгласилъ,
Порядкомъ надоѣвъ; когда жь дошолъ до мѣста:
О ты, звѣзда любви! изъ всѣхъ невѣстъ невѣста!
Чьи взоры ясные и дивный блескъ лица
Вѣрнѣе мѣткихъ стрѣлъ разятъ людей сердца:
Отъ взгляда твоего и мановенья длани
Смолкаютъ громы всѣ и утихаютъ брани —
Тадеушъ поспѣшилъ скорѣй рукоплескать,
Затѣмъ-чтобъ далѣе тѣхъ виршей не слыхать;
А ксёндзъ, взойдя на столъ и, обратясь къ народу,
Панами данную провозгласилъ свободу.

Едва въ толпу крестьянъ проникла эта вѣсть,
Привѣтъ свой госпожѣ спѣшатъ они принесть,
Упасть къ ея ногамъ, ея коснуться платья:
«Да здравствуютъ паны!» — «Да здравствуютъ собратья!»
Тадеушъ имъ въ отвѣтъ: «у насъ одни права:
Да будутъ вольными Корона и Литва!»
И въ войско понеслись тѣ сладкія слова.

Одинъ лишь панъ Бухманъ хотѣлъ переиначить
Проектъ, коммиссію особую назначить;
Но такъ-какъ времени на это не нашлось,
То нѣмецъ отошолъ, повѣся молча носъ.
А тутъ ужь, на лугу, давно стояли пары:
Съ народомъ пополамъ, уланы и гусары;
Съ жупанами крестьянъ мѣшался эполетъ.
Всѣ ждали трубачей; судья же, подошедъ
Къ Домбровскому, шепнулъ: «Сегодня обрученье
Племянниковъ моихъ, и оттого стеченье
Народу, со всего повѣта поселянъ;
Покамѣстъ свой оркестръ, ясновельможный панъ,
Вели остановить. Стыдливыя дѣвицы
И парни сельскіе привыкли подъ скрипицы
Свой танецъ начинать: тàкъ будетъ имъ ловчѣй;
А послѣ позовёмъ и вашихъ трубачей.»

Далъ знакъ — весёлая впередъ выходитъ скрипка,
Смычокъ выплясывать она пускаетъ шибко,
Разорванный рукавъ по лòкоть засучивъ,
Прижавши бородой подставку, стиснувъ грифъ,
Казалось, кобзаря звала на поединокъ,
А онъ ужь тутъ-какъ-тутъ и пара съ нимъ волынокъ:
Какъ началъ онъ трубить, а тѣ за нимъ дудѣть,
Сказалъ бы, что хотятъ на воздухъ улетѣть,
Борея стараго пузатымъ мальчуганамъ
Подобны. Стихли вдругъ. Цымбаловъ поселянамъ
Хотѣлось; но никто не смѣлъ играть на нихъ
При Янкелѣ, а онъ укрылся и притихъ,
Какъ-будто нѣтъ его. Нашли; усердно просятъ
И даже инструментъ художнику выносятъ;
Но кланяется жидъ и самъ уходитъ прочь,
Сказавъ, что нынче онъ до нихъ ужь не охочъ,
Что огрубѣвшія, окрѣпнувшія руки
Послушно вызывать утраченные звуки
Не могутъ болѣе. Тутъ, съ ясностью чела,
Невѣста къ Янкелю проворно подошла
И, ручкой нѣжною артисту подавая
Цымбаловъ молотки, свѣжа, какъ утро мая,
Она промолвила: «Пожалуста сыграй!
Ты знаешь нынче чтò: собрался цѣлый край
Повѣтскихъ поселянъ ко мнѣ на обрученье;
Къ тому же этотъ день особое значенье
Имѣетъ: здѣсь у насъ народные вожди,
А ты упрямишься; ну, самъ ты посуди
И вспомни, что давно играть мнѣ обѣщался
На свадьбѣ!» Янкель-жидъ на это засмѣялся
И въ знакъ согласія красавицѣ кивнулъ
Сѣдою бородой, сѣлъ, пейсами тряхнулъ
И съ гордостью вокругъ весёлыми глазами
Повёлъ, какъ ветеранъ, покрытый сѣдинами,
Когда зовутъ его опять на поле сѣчь
И внуки подаютъ ему тяжолый мечъ:
Смѣётся дѣдъ сѣдой, поднявъ его рукою
И чуя, что рука не измѣнитъ герою.

Молчанье. Инструментъ недвижимо лежитъ
Передъ художникомъ. Поднявши руки, жидъ
На мигъ оцѣпенѣлъ, слегка глаза прищуря,
Спустилъ — и грянула могучихъ звуковъ буря,
Какъ-будто шумный дождь по струнамъ пролился
И вихрей острые промчались голоса.
Дались диву всѣ, но то была лишь проба —
И снова молотки онъ кверху поднялъ оба.

Затѣмъ опять спустилъ. Едва звенитъ струна;
Небесно-тихая гармонія слышна;
Цымбалы замерли, поютъ и стонутъ глухо,
Какъ-будто по струнамъ крыломъ звонила муха.
Взглянувъ на небеса, художникъ вдругъ утихъ
И вдохновенія просилъ себѣ у нихъ.

Затѣмъ, свой инструментъ измѣривъ мѣткимъ глазомъ,
Приподнялъ молотки и грянулъ ими разомъ.

Слетѣлъ съ весёлыхъ струнъ живой и рѣзкій звукъ,
Казалося, оркестръ военный грянулъ вдругъ,
Со всѣми ложками, тарелками, звонками —
И славный польскій тотъ, столь чтимый поляками,
Что̀ мая третьяго въ Варшавѣ раздался,
Торжественно гремитъ; рокочутъ голоса
И сердце шевелятъ, и слухъ ласкаютъ вмѣстѣ.
Смѣётся молодёжь, едва стоя на мѣстѣ,
А думы стариковъ въ минувшее летятъ,
Въ тѣ дни, какъ въ ратушѣ собравшійся сенатъ,
Назначивъ короля, угоднаго народу,
Полякамъ возвѣщалъ равѣнство и свободу.
Художникъ налегать на струны сталъ свои,
Усилилъ голоса — и вдругъ, какъ свистъ змѣи,
Какъ дребезжаніе стекла, аккордъ фальшивый
Морозомъ пронялъ всѣхъ, и ропотъ боязливый
Прошолъ по всей толпѣ: всѣ думали, что онъ
Испортилъ инструментъ, иль взялъ невѣрный тонъ.
Не ошибался жидъ! Разрушилъ онъ нарошно
Гармонію, дотоль звучавшую роскошно,
И долго по одной и той же билъ струнѣ
Пронзительно, пока стоявшій въ сторонѣ
Гервазъ не понялъ всё: закрывъ лицо десницей,
«Ахъ!» молвилъ, «знаю я: то̀ миръ подъ Тарговицей!»
И, жалобно запѣвъ, вдругъ лопнула струна.
Всѣ замерли кругомъ. Толпа поражена.
А музыка гремитъ тревожнѣй часъ отъ часу,
Съ басовъ на дисканты и вновь съ диска̀нтовъ къ басу.

Всё громче и сильнѣй по струнамъ бьётъ артистъ.
Чу! маршъ, атака, штурмъ, громъ пушекъ, ядеръ свистъ,
Крикъ женщинъ, плачъ дѣтей такъ выразились живо,
Что дѣвы юныя дрожали боязливо,
А вмѣстѣ и народъ припомнилъ старину
И пѣсни грустныя про битвы и войну,
Про ихъ соотчичей безплодную отвагу,
Въ слезахъ и пламени потопленную Прагу —
И рады, что артистъ внезапно укротилъ
Тѣ звуки страшные, какъ-будто въ землю вбилъ.

Едва пришли въ себя — ужь музыка звучала
Опять; спокойная и тихая сначала,
Какъ-будто вырвавшись изъ сѣтки паука,
Мухъ нѣсколько поётъ. Но вотъ уже слегка
Густѣетъ каждый звукъ, слышнѣй и рѣзче тоны,
Соединяются аккордовъ легіоны,
Всё прибываетъ ихъ, всё болѣ всякій часъ —
И пѣсня старая мгновенно раздалась,
Знакома каждому мелодіею пышной:
«Удалый богатырь, скиталецъ горемышный,
Кому родимаго пріюта нѣтъ нигдѣ
И вѣки-вѣчные онъ въ горѣ и въ бѣдѣ,
Свалился наконецъ и молвитъ черезъ-силу:
Копай, мой вѣрный конь, копытомъ мнѣ могилу!»
Узнали пѣсню ту, былые вспомнивъ дни,
Когда, похоронивъ отечество, они
Пошли Богъ-вѣсть куда, на край далёкій свѣта,
И тѣшила солдатъ въ чужбинѣ пѣсня эта;
Всякъ вспомнилъ, гдѣ онъ былъ, что свѣдалъ перенёсъ,
Какъ много о землѣ родимой пролилъ слёзъ —
И такъ стояли всѣ, чело свое понуря...

Вдругъ подняли его: встаётъ аккордовъ буря:
Походъ! Согласно въ тактъ колышутся мечи
И въ трубы мѣдныя играютъ трубачи;
Послышался раскатъ, какъ-будто выстрѣлъ дальный,
И вдругъ ударилъ маршъ завѣтный, тріумфальный:
«Несгинетъ Польша ввѣкъ, покуда мы живёмъ!»
То маршъ Домбровскаго, раздавшійся какъ громъ
И всѣхъ исполнившій невѣдомою силой:
Войска подъ этотъ маршъ пришли къ отчизнѣ милой!

Художникъ вдругъ умолкъ, дивяся будто самъ
Тѣмъ оживляющимъ, могучимъ голосамъ;
Упали молотки, свалился шлыкъ на плечи,
Уста невнятныя нашоптывали рѣчи,
Ланиты вспыхнули румянцемъ и огнёмъ:
Всё вдохновительно преобразилось въ нёмъ;
Когда жь, спустивъ глаза, увидѣлъ генерала
Домбровскаго, сильнѣй въ нёмъ сердце заиграло,
Не выдержалъ старикъ и громко зарыдалъ:
«Великій генералъ!» воскликнулъ: «долго ждалъ
Тебя литовскій край, какъ мы жиды мессію!
Живи, нашъ славный вождь, иди, громи Россію,
Взыграй мечёмъ своимъ, творящимъ чудеса!
Отецъ!» И жидъ опять слезами залился:
Онъ родину любилъ. Душой его высокой
Домбровскій тронутъ былъ: десницею широкой
Взялъ за руку жида — тотъ на колѣни сталъ
И руку у вождя рыдая цаловалъ...

Часъ польскій начинать! Народъ шумитъ какъ море.
Вотъ къ Зосѣ подошолъ учтиво подкоморій,
Крутя свой сивый усъ, ей руку подаётъ,

Прося на полонезъ; вотъ выступилъ впередъ;
Тромбоновъ рѣзкіе послышались удары —
И живописныя группируются пары.

Пошли, раскинувшись въ обширные круги.
На солнцѣ алые сверкаютъ сапоги;
Бьётъ съ сабель яркій блескъ; играетъ поясъ литый;
А *онъ* какъ нехотя вступаетъ въ бой открытый,
Но выразителенъ танцора каждый шагъ,
Движенье всякое имѣетъ смыслъ и знакъ:
Вотъ сталъ и пылкіе бросаетъ дамѣ взоры;
Вотъ, голову склонивъ, заводитъ разговоры;
Но та не слушаетъ привѣтовъ и рѣчей.
Конфедератку снявъ, онъ кланяется ей,
Вниманія прося учтиво и покорно.
Взглянула на него, но всё молчитъ упорно.
Онъ шагъ укоротилъ, сердитый бросилъ взглядъ —
И засмѣялся вдругъ, ея отвѣту радъ.
Вотъ двинулся быстрѣй, размашисто, отважно —
И на соперниковъ посматриваетъ важно;
Вылёты кунтуша закидываетъ въ тылъ,
А шапку на бекрень — и усъ свой закрутилъ:
Идетъ; но сзади рой соперниковъ упрямой —
Онъ далѣе отъ нихъ хотѣлъ бы скрыться съ дамой,
Остановился вдругъ и проситъ, чтобы шли;
Толпа проносится, а онъ одинъ вдали;
Задумалъ обмануть соперниковъ: напрасно!
Они преслѣдуютъ восторженно и страстно,
Бѣгутъ — за саблю онъ хватается тогда,
Какъ-будто говоря: завистникамъ бѣда!
И самъ идётъ въ толпу настойчиво и смѣло;
Толпа раздвинулась — противиться не смѣла:
Группируются вновь, опять за нимъ летятъ.
Тогда межь зрителей послышался «виватъ»;
Тихонько про себя шептался строй передній:
«Пусть смотритъ молодёжь: быть-можетъ, то последній,
Который полонезъ умѣетъ такъ водить!»

И долго по лугу пестрѣющая нить
Живыхъ, весёлыхъ паръ кружилась и ходила
И тысячи фигуръ затѣйныхъ выводила,
Віясь по муравѣ какъ исполинскій змѣй.
Сверкали воины одеждою своей,
Бряцая шпорами и звякая мечами —
А солнце, заходя, метало въ нихъ лучами.

Одинъ лишь не пошолъ, капралъ Добжинскій Сакъ:
Стоялъ и всё глядѣлъ, припомнивши, бѣднякъ,
Какъ сонъ мелькнувшіе, ребяческіе годы,
Густыя конопли, плетни и огороды,
И Зосю милую; какъ прятался въ кусты;
Какъ пòдъ вечеръ носилъ ей изъ поля цвѣты;
Порой подсматривалъ, какъ куръ она кормила.
А сколько за неё досталось отъ Кропила!
Неблагодарная, забыла дочиста!
И съ горя рѣзаться пошолъ онъ въ три-листа,
Намѣреваяся потомъ пуститься въ пьянство:
Такъ было велико капрала постоянство!
А Зося весело танцуетъ посреди
Обширнаго двора; хотя и впереди,
Неуловимая, однакоже, для взгляда
Отъ яркаго, рутѣ подобнаго наряда,
Въ роскошные цвѣты и въ ленты убрана,
Послушною толпой танцующихъ она
Предводитъ на лугу своёмъ темнозелёномъ,
Какъ ангелъ звѣздъ ночныхъ блестящимъ легіономъ
На темноголубомъ раздоліи небесъ.
Безсмѣнно вкругъ нея толпа густа, какъ лѣсъ.
Всѣ мѣсто подлѣ ней ревниво охраняютъ
И подкоморія отъ танцевъ оттѣсняютъ.
Домбровскій подошолъ — и онъ недолго былъ
Близь Зоси: вмигъ её другому уступилъ,
Тотъ третьему... но вотъ она уже устала;
Увидѣвъ жениха, въ минуту перестала
Плясать; пошла къ гостямъ, за нею и женихъ.

А вечеръ догоралъ невозмутимо-тихъ,
Подобенъ ясностью воскреснувшему краю
Короны и Литвы. Лишь бѣлый облакъ съ краю,
Пророча свѣтлый день, румянцемъ пламенѣлъ
И таялъ медленно. Востокъ уже темнѣлъ
И тучки мелкія, чуть видныя для взгляда,
Какъ по лугу овецъ разсыпанное стадо,
Мелькали въ томъ углу, порой смыкаясь въ рядъ.
Вотъ пламенемъ сплошнымъ объялся весь закатъ;
Прощаясь, солнышко еще лучомъ блеснуло,
Склонило голову и за лѣсъ потонуло.

Но шляхта и въ ночи неугомонно пьётъ
За здравье кесаря, за шляхту, за народъ,
Потомъ за жениха съ невѣстою, а далѣ
За всѣхъ, кого добромъ въ Литвѣ припоминали.

И я на томъ пиру пилъ пиво и вино;
Что слышалъ, видѣлъ тамъ — предъ вами, вотъ оно!

Н. Бергъ.

І. МАССАЛЬСКІЙ.

Іосифъ Массальскій родился въ первыхъ годахъ нашего столѣтія въ Игуменскомъ уѣздѣ, Минской губерніи. По окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, онъ поступилъ въ Виленскій университетъ, въ которомъ занимался преимущественно литературой. Пѣсни и басни — были всегда любимѣйшею формою, въ которую онъ облекалъ свои поэтическія произведенія. Еще до окончанія курса въ университетѣ, онъ былъ внезапно арестованъ и увезёнъ въ Варшаву, гдѣ былъ опредѣленъ въ одинъ изъ квартировавшихъ тамъ полковъ рядовымъ. Носились слухи, что причиной его арестованія было какое-то письмо, написанное имъ на имя великаго князя Константина Павловича. Впослѣдствіи, уволенный изъ военной службы, Массальскій поселился въ Волынской губерніи и тамъ женился. Стихотворенія его были изданы въ двухъ томахъ въ Вильнѣ, еще во время его студенчества. Писалъ ли онъ послѣ — неизвѣстно. Массальскій умеръ на Волыни нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

ПРАВО МАМЕНЬКѢ СКАЖУ.

Что такое это значитъ:
Какъ одна я съ нимъ сижу,
Всё тоскуетъ онъ и плачетъ?
Право, маменькѣ скажу!

Я ему одна забота,
Но въ душѣ моей, вишь, лёдъ,
И глаза мои за что-то
Онъ кинжалами зовётъ.

Вишь, рѣзва я, непослушна,
Ни на мигъ не посижу...
Право мнѣ ужь это скушно,
Право, маменькѣ скажу!

Подъ окномъ моимъ всё бродитъ,
Самъ съ собою говоритъ;
Какъ одна — онъ глазъ не сводитъ,
А при людяхъ — не глядитъ.

Но порой, какъ съ нимъ бываю,
И сама я вся дрожу,
И смущаюсь, и пылаю...
Право, маменькѣ скажу!

Пусть она о томъ разсудитъ;
Вотъ ужо я погляжу,
Что̀-то съ нимъ, съ бѣдняжкой будетъ?
Нѣтъ, ужь лучше не скажу!

Н. Бергъ.

—

Б. ЗАЛѢСКІЙ.

Богданъ Залѣскій родился 2-го (14-го) февраля 1802 года въ деревнѣ Богатыркѣ, Кіевской губерніи. Воспитывался онъ въ городѣ Умани съ 1815 по 1819 годъ, послѣ чего отправился, вмѣстѣ съ своимъ землякомъ и ровесникомъ Гощинскимъ, въ Варшаву. Затѣмъ Залѣскій былъ воспитателемъ дѣтей въ нѣсколькихъ польскихъ помѣщичьихъ домахъ, между-прочимъ въ домѣ генерала Шембека Какъ поэтъ, Залѣскій пользуется большою извѣстностью между поляками. Въ поэтической отдѣлкѣ стиха онъ не имѣетъ соперниковъ въ польской лирикѣ XIX столѣтія. Предметъ его стихотвореній — Украйна; матеріалъ—козацкая дума, малорусская пѣсня. «Нѣтъ ни одного польскаго писателя», говоритъ г. Спасовичъ, «который бы въ такой степени приближался къ идеалу объективной поэзіи, какъ Залѣскій, который бы такъ мало вносилъ въ эту поэзію своего собственнаго, личнаго: можно сказать, что онъ не господствуетъ надъ матеріаломъ, но находится въ такомъ подчиненіи этому матеріалу, какъ зеркало или эолова арфа, изъ которой каждое дуновеніе вѣтра извлекаетъ чудные звуки.» Къ сожалѣнію, недостатокъ широкаго философскаго образованія, лишалъ его всякой возможности выйдти изъ этого заколдованнаго круга чисто украинскихъ представленій, въ слѣдствіе чего онъ не создалъ ни одного великаго и цѣльнаго произведенія. Въ своей поэмѣ «Духъ Степей» Залѣскій видимо силился создать нѣчто болѣе грандіозное, хотѣлъ представить всю исторію человѣчества и даже закончилъ своё повѣствованіе предсказаніемъ будущаго, тѣмъ не менѣе поэма вышла не удачна по бѣдности содержанія, не смотря на превосходные подробности. Первое изданіе стихотвореній Залѣскаго было напечатано въ 1841 году въ Парижѣ; въ слѣдующемъ году вышли его «Думы и Думки» въ Познани, а въ 1845 году—въ Львовѣ; въ 1847 году Брокгаузъ издалъ въ Лейпцигѣ его поэму «Духъ Степей», а въ 1851 году вышло въ Петер-

бургѣ полное собраніе его стихотвореній въ 4-хъ томахъ. Послѣднее изданіе стихотвореній Залѣскаго, подъ заглавіемъ «Вѣщій ораторіумъ въ Думахъ и Думкахъ», вышелъ въ 1866 году въ Познани.

I.

ЛЕДАЩАЯ.

Ахъ, крикунъ мой пѣтухъ, чтобъ взяло̀ тебя лихо!
Не сидится тебѣ на насѣсточкѣ тихо.
Аль не знаешь, что бѣдной мнѣ ночь коротка,
Что мнѣ хочется спать, а постеля жестка?

Такъ-вотъ вдругъ, на зарѣ, я горошкомъ и встала!
Не за-то ль, что вчера цѣлый день работа̀ла?
Будто впрямь работа̀ть велика мнѣ нужда —
Какъ не такъ! Я сама пригожа̀, молода.

А вчера меня мать спозаранокъ гоняетъ:
«Шла бы жито полоть: вишь—оно поспѣваетъ!»
Не полола я жита — совсѣмъ не могла:
Хоть ушла изъ избы, да въ бороздку легла.

Тамъ мнѣ въ руки давалися сами цвѣточки,
И свивалися сами въ такіе вѣночки,
Что хотѣлося только взглянуть и надѣть,
Да подумала: долго ли такъ загорѣть?

Я вернулася. Мать всё хлопочетъ, хлопочетъ
По избѣ: накормить дочку милую хочетъ
За работу, за-то, что вернулась домой
Ужь такая усталая — Боже Ты мой —

Что лица нѣтъ на ней. Улеглась я на лавку
И кота поманила къ себѣ на забавку;
Жмурюсь, жмурюсь и вижу, что къ прялкѣ ужь мать
Три кудели несётъ — и опять работа̀ть!

Только солнышко къ низу—какъ гляну я бодро,
Какъ вскочу, какъ схвачу коромысло и вёдра,
Какъ порхну изъ избы удалѣй воробья,
Потому — ужь куда черноброва-то я!

И ужь то̀ на душѣ моей горя-заботы,
Да охочей чужой и повольной работы,
Что не ставлю въ укоръ парнямъ я молодымъ,
Коли вёдра снесутъ мнѣ къ воротамъ самимъ.

И бранитъ меня мать съ тёмной ночки до свѣта,
За мои молодыя и глупыя лѣта;
И не знаю, за что всѣ сосѣди корятъ,
И «ледащая» прямо въ глаза говорятъ.

Пусть бранятся, на сколько имъ станетъ охоты,
А ужь встать не могу я съ вечерней работы:
Вѣдь не знаютъ, какъ бѣдной мнѣ ночь коротка,
И какъ хочется спать, а постеля жестка.

Л. Мей.

II.

ДВѢ СМЕРТИ.

Годъ они любились — на̀-вѣкъ разлучились,
И сердца обоихъ въ дребезги разбились.

Дѣвица томится во свѣтлицѣ новой,
А козакъ уложенъ мать-сырой-дубровой.

Дѣвица поникла къ пуху-изголовью,
А козакъ къ жупану, облитому кровью.

Дѣвичьи лѣкарства — мёды-вареницы,
А козакъ... хоть каплю бъ подали водицы!

Дѣвицу вся сѐмья съ плачемъ обнимаетъ,
А козакъ... ужь воронъ каркнулъ и слетаетъ...

Оба отстрадали; грудь сожгло обоимъ —
И заснули оба вѣчнымъ сномъ-покоемъ.

Дѣвицу со звономъ, съ литіей зароютъ,
А козакъ... надъ бѣднымъ только волки воютъ...

Дѣвичью могилку холятъ и лелѣютъ,
А козачьи кости по̀-вѣтру бѣлѣютъ.

Л. Мей.

III.

СТЕПЬ.

Тра̀вы, тра̀вы и бурьянъ
Зеленѣютъ, шума по̀лны:
Это — степь. Въ дали курганъ;
За курганомъ словно волны:
Это — взрытый, многомолвный
Твой, Украйна, океа̀нъ,
Гдѣ козакъ нырялъ, таился,
Плавалъ въ зелени и бился.

Здравствуй, славный рядъ гробовъ!
Сердце шлётъ тебѣ привѣты!
Здѣсь лилась родная кровь;
Гулъ стоялъ на всѣ повѣты...
Табунамъ твоимъ — нѣтъ смѣты,
Не сочтёшь твоихъ воловъ;
Волъ же каждый, тукомъ пронятъ,
Въ благовонномъ морѣ тонетъ.

Надъ тобой — лазурный сводъ;
Рѣетъ въ нёмъ весь міръ крылатый:
Вотъ — орёлъ-знамёнщикъ! вотъ
И соко̀лъ, боецъ пернатый!
Тутъ и силой небогатый
Но пѣвучій родъ ведётъ
Свой напѣвъ тысяче-клирный,
Что звучитъ молитвой мирной.

Степи, степи! — мы срослись!
Мать одна у насъ вдовица —
Мы вѣдь кровные. Всмотрись:
Сходно-думны наши лица,
Да и дума — намъ сестрица:
Тѣ же ей черты дались,
Что съ таинственностью грустной
Дышутъ рѣчью неизустной.

Слухъ за музыкой слѣдитъ:
Гуслевая, разсыпная —
Не поймёшь, отколь гудитъ;
Томность, дикость въ ней степная;
Эта музыка родная
Замогильно говоритъ.
Эти ноты въ гулѣ, въ шумѣ —
Не подъ ладъ ли нашей думѣ?

Дума, дума! — ты жива!
Здѣсь такъ вольно, такъ раздольно,
Что въ разлётъ летятъ слова;
Головѣ же что-то больно...
Натерпѣлись мы довольно:
Освѣжится ль голова?
Дума! пусть бы намъ съ тобою
Степь дана была судьбою!

В. Бенедиктовъ.

IV.

КЪ ЦѢВНИЦѢ.

Товарищъ лѣтъ первоначальныхъ,
Живой повѣренный души,
Дрожащимъ звукомъ струнъ печальныхъ
Ты вздохъ и стонъ мой заглуши!

Пусть ропотъ твой съ моимъ сліянный,
Какъ сонъ, недугъ мой усыпитъ;
Пусть отголосокъ твой желанный
Мнѣ сердце бѣдное смягчитъ.

Разлейся въ слёзы, звукъ летучій,
Чаруя сердце, нѣжа слухъ,
Въ одной душѣ ищи отзвучій —
Пусть цѣлый міръ пребудетъ глухъ!

Приманка счастья не касалась,
Порой надеждъ, къ моей веснѣ;
Душа страдала, волновалась
И не надѣялась вполнѣ.

Такъ за минутой шла минута...
Такъ вянутъ лѣтніе цвѣты!
Когда жь послѣдняго пріюта
Дождёшься, праздный странникъ, ты?

Ахъ, вѣчность встрѣтить не опасно
Тому, кто жизнью запоздалъ:
Тамъ ясныхъ дней не ждутъ напрасно,
Какихъ я въ мірѣ ожидалъ!

Товарищъ лѣтъ первоначальныхъ,
Живой повѣренный души,
Дрожащимъ звукомъ струнъ печальныхъ
Ты вздохъ и стонъ мой заглуши!

Е. Шахова.

V.

ЛЮБОРЪ.

Войско на отдыхѣ. Люборъ отважный,
Вождь сѣдовласый дружинъ,
Ночью глухой, на конѣ черногривомъ
По̀ лѣсу ѣдетъ одинъ.
Вѣтеръ хоругви вдали развиваетъ —
Гнутся онѣ и трещатъ;
Дичь разгоняя въ урочищахъ тёмныхъ,
Въ лагерѣ пѣсни звучатъ.
Ѣдетъ онъ, юность свою вспоминая;
Удаль сверкаетъ въ глазахъ;
Гордо побѣды свои онъ считаетъ,
Мыслитъ о новыхъ бояхъ.

Ѣдетъ онъ — вдругъ подлѣ стараго дуба
Конь какъ бы вкопаный сталъ:
Лю̀боръ русалокъ, при лунномъ сіяньи,
Въ чащѣ густой увидалъ.
Вьются онѣ передъ нимъ и кружатся;
Въ очи имъ свѣтитъ луна;
И обращается съ рѣчью такою
Къ старцу-герою одна:
«Лю̀боръ воинственный, долго ли будешь
Въ сѣчи стремиться душой?
Старецъ, пора и о смерти подумать!
Старецъ, пора на покой!
Многіе рыцари пали до срока,
Въ юныхъ погибли годахъ:
Матери стонутъ и чахнутъ невѣсты,
Вѣкъ доживая въ слезахъ.
Ты же полъ-вѣка въ бояхъ отличался;
Крови потòки текли...
Или въ кольчугу нетлѣнную боги
Лю̀бора грудь облекли?
Скоро умрёшь ты — и свѣтлыя очи
Вѣчнымъ закроются сномъ!»
Смолкла — и съ хохотомъ громкимъ русалки
Скрылись во мракѣ ночномъ.

Снова въ лѣсу воцарилось молчанье.
Вождь сѣдовласый дружинъ,
Лю̀боръ отважный, по тёмному лѣсу
Ѣдетъ въ раздумьи одинъ;
Ѣдетъ и слышитъ — потòкъ недалёко
Бурной волною шумитъ.
Лю̀боръ къ нему: непонятная жажда
Грудь его жжотъ и томитъ.
Вотъ и потòкъ; онъ клокочетъ и злится,
Плачетъ и стонетъ вода...
Лю̀боръ напился и лёгъ утомлённый,
Лёгъ — и уснулъ навсегда.
Конь богатырскій всё понялъ — стрѣлою
Въ лагерь назадъ поскакалъ,
Ржаньемъ унылымъ о смерти героя
Вѣрнымъ войскамъ разсказа̀лъ.
Рыцари въ лѣсъ понеслися толпою.
Небо блеснуло зарёй.
Рыцари ищутъ вождя дорогого,
Ищутъ съ глубокой тоской.
Долго искали они, но средь лѣса
Тѣла его не нашли;
Грустную пѣсню запѣли и скрылись,
Скрылись въ туманной дали.
Точно изваянъ изъ мраморной глыбы,
Лю̀боръ недвижно лежитъ;
Подлѣ него заростаютъ травою
Шлемъ богатырскій и щитъ.
Но лишь послышится шумъ непогоды
Въ полночь, средь чащи лѣсной,
Лю̀боръ отважный встаётъ; у потòка
Ждётъ его конь вороной.
Онъ на коня вороного садится,
Вождь сѣдовласый дружинъ,
И межъ деревьевъ, по тёмному лѣсу
Ѣдетъ въ раздумьи одинъ.

П. Козловъ.

Э. ОДЫНЕЦЪ.

Эдуардъ Антоній Одынецъ родился въ 1804 году въ деревнѣ Гейстунахъ, Виленской губерніи, воспитывался въ мѣстной гимназіи (1814—20) и потомъ въ Виленскомъ университетѣ (1820—23), гдѣ сошолся и подружился съ знаменитымъ Мицкевичемъ. По окончаніи курса, Одынецъ жилъ въ Варшавѣ, затѣмъ, въ 1827 году, уѣхалъ заграницу, гдѣ путешествовалъ, вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, по Германіи, Италіи и Швейцаріи, а позднѣе — по Франціи и Англіи. Въ 1837 году онъ возвратился въ Вильну и принялъ на себя редакцію «Всеобщей Энциклопедіи» (1838—39) и «Виленскаго Курьера». Стихотворенія Одынца были напечатаны въ двухъ частяхъ (Вильно, 1825—26). Въ 1829 году вышла въ свѣтъ его драма «Изора». Затѣмъ онъ издалъ цѣлый рядъ пространныхъ поэмъ изъ эпохи романтизма, въ польскомъ переводѣ, именно: «Пѣсни послѣдняго минестреля»—В. Скотта, «Невѣсту Абидосскую», «Корсара» и «Мазепу»—лорда Байрона», «Огнепоклонниковъ» и «Пери и рай» — Томаса Мура, трагедію Шиллера «Дѣва Орлеанская» и романъ В. Скотта «Дѣва Озера». Онъ также пытался создать историческую драму; но написанныя имъ драматическія произведенія—«Felicyta», «Barbara Radziwillуwna», «Jerzy Lubomirski» и другія — не имѣли ни малѣйшаго успѣха.

I.

ДѢВУШКА И ГОЛУБЬ.

Ахъ ты, милый-миленькій,
Ахъ ты, мой дружочекъ!
Ахъ ты, непризнательный
Бѣлый голубочекъ!

Еслибъ съ кѣмъ мнѣ вздумалось
Такъ расцаловаться,
Развѣ бъ онъ изъ рукъ моихъ
Сталъ тревожно рваться?

Али бѣднымъ дѣвицамъ
Ждать-пождать напрасно,
Чтобъ любили мо̀лодцы
Беззавѣтно-страстно?

Богъ вѣсть! — только на̀ сердцѣ,
Что ни день, больнѣе...
Чѣмъ онъ горделивѣе,
Тѣмъ мнѣ и милѣе.

Богъ съ нимъ! Пусть голубчикъ мой
Голубицу мучитъ!
Пусть ему и тёплое
Гнѣздышко наскучитъ!

О, теперь по ниточкѣ
Доберусь къ клубочку,
И за-то «спасибо» я
Молвлю голубочку.

Кто ко мнѣ привѣтливѣй,
Съ тѣмъ я буду строже:
Пусть меня полюбитъ онъ
Беззавѣтно тоже.

Только пусть не вѣдаетъ
Тотъ, кому прискучитъ,
Что дѣвицу строгости
Голубочекъ учитъ.

Л. Мей.

II.

ПАРЕНЬ И ДѢВИЦА.

Дѣвка въ чистомъ полѣ
Ягодки сбираетъ,
Вдругъ невѣсть отколѣ
Парень подъѣзжаетъ.

И пригожъ и молодъ,
Будто маковъ цвѣтикъ:
«Гдѣ тутъ ѣздятъ въ городъ,
Покажи, мой свѣтикъ?

«Насъ въ сторонку эту
Занесла охота;
Глядь: проѣзда нѣту —
Топи да болота.»

Запылала дѣва,
Будто розанъ алый:
— «Вотъ сюда налѣво
Поѣзжай пожалуй.

«Нѣтъ дороги проще:
Видишь лѣсъ кудрявой —
Прямо къ этой рощѣ,
А оттуда вправо.

«Гдѣ плетень, заборъ-атъ,
Мельница и рѣчка,
Ужь оттоль и городъ
Будетъ недалечка.»

Свистнулъ онъ, дрогну̀ла
Степь съ конца до краю...
Дѣвица вздохнула,
Отчего — не знаю.

Тёмная421 дуброва —
Дѣвка тамъ гуляетъ;
Къ ней всё тотъ же снова
Парень подъѣзжаетъ:

— «Вашему народу
Чуть поддайся спросту —
Не найдешь ни броду,
Никакова мосту.

«Вотъ повѣрь разсказамъ!
Этакъ я съ тобою
Угодилъ бы разомъ
Въ омутъ головою.»

— «Ну, ступай, коль хочешь,
Вонъ гдѣ, видишь, нива:
Ножки не замочишь
И доѣдешь живо.»

— «Ладно, попытаю!»
Мо̀лодца не видно...
Знаю-перезнаю,
Что̀ ей стало стыдно.

Дѣвица по нивамъ
Цвѣтики сбираетъ,
На конѣ ретивомъ
Парень подъѣзжаетъ —

И кричитъ далёко:
— «Дѣвка, ну-те къ Богу!
Тамъ оврагъ глубокой:
Вотъ нашла дорогу!

«Я усталъ до смерти!
Этими путями
Ѣздятъ развѣ черти
Ночью за дровами.

«Эдакъ не годится —
Пропадешь пожалуй!»
Вспыхнула дѣвица,
Будто розанъ алый.

Запылалъ онъ взглядомъ,
Прыгъ съ коня... подходитъ,
Съ ней садится рядомъ,
Разговоръ заводитъ.

Такъ шептались мило
За̀ полночь далече...
Жаль: за вѣтромъ было
Не слыхать ихъ рѣчи.

Какъ-то понемногу
Разобралъ я только,
Что ужь про дорогу
Не было и толку.

Н. Бергъ.

III.

СЛЕЗЫ.

Если велѣньемъ судьбы или долга
Бьётъ намъ разлуки минута,
Если бросаемъ, быть-можетъ, надолго,
Уголъ родного пріюта —
Жаркія слёзы въ часы разставанья
Жгутъ, словно пламень, ланиты:
Только послѣднее наше свиданье,
Милый мой другъ, вспомяни ты!

И для меня на далёкой чужбинѣ
Солнце родное затьмилось.
Наше грядущее въ этой пустынѣ
Мглой непроглядной закрылось;
А на былое смотрю я сквозь слёзы:
Сладостны слёзы съ мольбою!
Всѣ мои чувства, всѣ мысли, всѣ грёзы
Полны теперь лишь тобою.

Если же Богъ наградитъ ожиданья
Любящихъ, вѣрныхъ до гроба —
О, какъ при этомъ желанномъ свиданьи
Сладко наплачутся оба!
Что́, что сравнится съ такими слезами,
Съ этимъ живительнымъ плачемъ!
Скоро ли, другъ ненаглядный, мы сами
Такъ при свиданьи заплачемъ?

М. Петровскій.

—

В. ПОЛЬ.

Викентій Поль, одинъ изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ современныхъ польскихъ поэтовъ, родился 20-го апрѣля 1807 года, близь города Люблина. Первые года своего дѣтства провёлъ онъ въ Люблинѣ, гдѣ отецъ его служилъ и владѣлъ домомъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Виленскій университетъ; въ 1830 году окончилъ курсъ и вслѣдъ затѣмъ отправился за границу, познакомился въ Дрезденѣ съ Мицкевичемъ, прожилъ нѣкоторое время на берегахъ Рейна, гдѣ ознакомился съ музой Беранже, полюбилъ его простыя, задушевныя пѣсни и рѣшился сдѣлаться для поляковъ тѣмъ, чѣмъ былъ Беранже для французовъ. Воротясь на родину, Поль поселился въ Галиціи, и первымъ плодомъ его воображенія, возбуждённаго родными картинами, была «Пѣснь о нашей землѣ», исполненная поэзіи, блестящая по языку. Затѣмъ онъ издалъ свои «Картины изъ жизни и путешествій» и написалъ рыцарскую поэму «Могортъ», которую можно признать за предисловіе къ «Пану Тадеушу» Мицкевича. За «Могортомъ» послѣдовалъ цѣлый рядъ поэмъ и стихотворныхъ разсказовъ изъ шляхетскаго быта, матеріалъ для которыхъ у него былъ подъ рукою, такъ-какъ Галиція менѣе всѣхъ остальныхъ частей прежней Польши подвергалась измѣненіямъ со времени паденія Рѣчи Посполитой, вслѣдствіе чего нравы ея сохранили еще множество чрезвычайно характерныхъ особенностей. Лучшіе изъ этихъ разсказовъ: «Приключенія пана Бенедикта Винниц-

каго», «Сенаторское согласіе», «Вить Створжъ», «Тётушка» и «Гетманскій хлопецъ». Въ 1848 году Поль получилъ мѣсто профессора въ Краковскомъ университетѣ, которое занимаетъ до-сихъ-поръ. Затѣмъ ему было поручено Галицкимъ сеймомъ изслѣдованіе Галиціи въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніи. Изданный имъ въ 1864 году сборникъ стихотвореній, подъ названіемъ «Пѣсни Януша», имѣли большой успѣхъ. Во время послѣдняго польскаго возстанія, Поль читалъ въ Львовѣ публичныя лекціи о польской литературѣ. Курсъ этотъ былъ напечатанъ въ 1865 году. Кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій, Поль написалъ нѣсколько прекрасныхъ балладъ, легендъ и тому подобныхъ стихотвореній, пользующихся большою извѣстностью въ современной польской литературѣ. Полное собраніе его сочиненій было издано въ Вѣнѣ въ четырёхъ томахъ.

УКРАЙНА.

Какъ волынскій край оставишь,
Да къ востоку путь направишь —
Развернётся предъ тобой
Ширь Украйны золотой.
Степь—весь міръ какъ на ладони...
Чтò за псы тамъ! чтò за кони!
И кругомъ — просторъ, просторъ:
Всюду вольно рыщетъ взоръ.
Вотъ — распутье! Стой телега!
Вѣтеръ съ моря: то-то нѣга!
Кровь играетъ; весь — огонь,
Чутко ухомъ водитъ конь.
Путь свой, въ бездну эту прянувъ,
Измѣряй числомъ кургановъ!
Стàль козацкаго копья
Искрой бьётъ, какъ лучъ сквозь тучи.
Пыломъ юности кипучей,
Степь, клокочетъ жизнь твоя!
Къ Понту, къ морю-великану,
Къ тихо-шумному Лиману
Днѣпръ торопится, бѣжитъ;
На вершинѣ величавой
Лавра блещетъ Божьей славой:
Всё тутъ сердцу говоритъ!
Водный путь здѣсь полнъ тревоги:
Здѣсь — Днѣпровскіе пороги;
Отъ пороговъ черезъ долъ
Мчится пò вѣтру орёлъ;
Въ камышахъ, во мракѣ ночи,
Ярко блещутъ волчьи очи...
Чуть нагрянетъ ураганъ —
Серна мигомъ притаится,
И лукавая лисица
Робко прячется въ бурьянъ...

В. Бенедиктовъ.

—

И. ГОЛОВИНСКІЙ.

Игнатій Головинскій, извѣстный польскій литераторъ и переводчикъ Шекспира, родился въ 1807 году, прошолъ курсъ теологіи, былъ профессоромъ университета св. Владиміра, въ Кіевѣ, ректоромъ духовной римско-католической академіи въ Петербургѣ, архіепископомъ могилёвскимъ и, наконецъ, митрополитомъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. Во время своего пребыванія въ Кіевѣ, Головинскій былъ душою шляхетскаго и ультра-католическаго литературнаго кружка, собиравшагося вокругъ извѣстнаго польскаго писателя Михаила Грабовскаго. Съ переѣздомъ Головинскаго въ Петербургъ и пріѣздомъ туда талантливаго польскаго романиста графа Ржевуцкаго, вокругъ Головинскаго составился въ сороковыхъ годахъ цѣлый кружокъ польскихъ писателей, имѣвшій своимъ органомъ «Tygodnik-Petersburski». Головинскій извѣстенъ въ польской литературѣ какъ авторъ мелкихъ стихотвореній, нравоучительнаго содержанія, нѣсколькихъ богословскихъ сочиненій, изъ которыхъ лучшія — «Пилигримка» и «Проповѣди», но всего болѣе, какъ переводчикъ драмъ Шекспира: «Гамлетъ», «Ромео и Джульетта», «Сонъ въ Иванову ночь», «Макбетъ», «Король Лиръ» и «Буря», изданныхъ въ двухъ томахъ въ Вильнѣ, въ 1840 году. Головинскій умеръ 19-го октября 1855 года въ Петербургѣ.

ЛЕГЕНДА.

Нѣкто неправдою кладъ захватилъ,
Всыпалъ въ горшокъ и подъ печкой
Спряталъ сокровище, пепломъ закрылъ
И ни кому — ни словечка.

Хищникъ, при смерти внезапной своей,
Знать и женѣ о томъ не далъ.
Тайны хищенья ни кто изъ людей
Даже и близкихъ не вѣдалъ.

Странникъ однажды вошолъ въ этотъ домъ,
Бѣдный, усталый, несытый,
Проситъ даянья — склонился челомъ,
Рубищемъ жалкимъ прикрытый.

Тамъ всѣхъ родныхъ усадивши въ кружокъ,
Пиръ задавала хозяйка,
Для бѣдняка жь изъ-подъ печки горшокъ
Вынула: «на, попрошайка!»

Нищій съ молитвою взялъ и побрёлъ:
Всяко даяніе — благо!
И за смиренье во мзду пріобрѣлъ
Золота груду бѣдняга.

Такъ вѣковая легенда гласитъ:
Пусть де злой разумъ надменныхъ
Ѣдкой насмѣшкой другихъ не язвитъ!
Богъ награждаетъ смиренныхъ.

В. Бенедиктовъ.

Ю. СЛОВАЦКІЙ.

Юлій Словацкій, сынъ Евгенія Словацкаго, профессора словесности въ Виленскомъ университетѣ, родился 11-го (23-го) августа 1809 года въ г. Кременцѣ, Волынской губерніи. Онъ съ самой ранней молодости сталъ обнаруживать необыкновенныя способности, а восьми лѣтъ уже читалъ латинскихъ и греческихъ классиковъ въ подлинникѣ. Въ 1824 году Словацкій поступилъ въ Виленскій университетъ, окончилъ въ нёмъ полный курсъ и въ 1829 году вступилъ въ государственную службу по министерству финансовъ. Около этого времени онъ написалъ свои двѣ первыя трагедіи, «Марія Стюартъ» и «Миндовъ», и повѣсть изъ временъ тевтонскихъ войнъ «Гуго». Всё это было напечатано уже послѣ польской революціи 1831 года, въ Парижѣ; но ни трагедіи, ни повѣсть не имѣли успѣха, такъ-какъ первая сильно напоминала Шиллера, а «Миндовъ» и «Гуго» были ни что иное, какъ рабское подражаніе «Гражинѣ» и «Конраду Валенроду» Мицкевича. Затѣмъ, Словацкій принималъ дѣятельное участіе въ польской революціи 1831 года, по окончаніи которой поселился въ Парижѣ и посвятилъ всего себя литературѣ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ поэмъ, написанныхъ имъ отчасти во время революціи, отчасти уже въ Парижѣ. Это были: эпическая поэма «Янъ Бѣлецкій», отрывокъ изъ которой, въ переводѣ Козлова, помѣщонъ въ нашемъ изданіи, стихотворная повѣсть «Змѣя», «Ламбро», разсказъ въ стихахъ, взятый изъ жизни греческихъ корсаровъ, и, наконецъ, повѣсти «Арабъ» и «Монахъ», отрывокъ изъ которой, въ русскомъ переводѣ, также помѣщёнъ въ нашемъ изданіи. Въ 1836 году онъ переѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ написалъ свою драматическую поэму «Кордіянъ», имѣвшую большой успѣхъ. Затѣмъ, Словацкій посѣтилъ Италію, Египетъ и Іерусалимъ, а въ 1838 году вернулся въ Парижъ, гдѣ прожилъ цѣлыхъ три года безвыѣздно. Эти годы можно назвать самыми плодотворными въ его жизни. Не исчисляя всего имъ написаннаго въ это время, довольно будетъ сказать, что онъ въ эти три года создалъ три знаменитѣйшія свои произведенія, упрочившія его славу: трагедіи «Мазепа» и «Балладина» и неоконченный эпосъ «Беньовскій», въ родѣ Байроновскаго «Донъ-Жуана». Вообще, Словацкій имѣетъ почти такое же значеніе въ литературѣ польской, какое Гейне въ нѣмецкой и Байронъ въ европейской. Онъ былъ одарёнъ огненнымъ и въ высшей степени подвижнымъ воображеніемъ, способнымъ создать идеалы, и ѣдкимъ остроуміемъ, никого и ничего не щадившимъ, съ которымъ онъ осмѣивалъ всѣ идеалы и кумиры, всѣ произведенія собственной фантазіи, а наконецъ и самого себя. Въ 1842 году онъ вступилъ въ политико-религіозную секту полусумасшедшаго мистика Товянскаго, къ которой уже принадлежалъ Мицкевичъ, Гощинскій и многіе другіе извѣстные люди. Идеи, усвоенныя Словацкимъ въ этомъ мистическомъ кружкѣ поврежденныхъ людей, выразились въ изданной имъ въ слѣдующемъ году драмѣ «Князь Марекъ». Въ 1848 году онъ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній «Автору трехъ псалмовъ», направленное противъ Красинскаго. Затѣмъ, пользуясь революціоннымъ движеніемъ въ Берлинѣ, онъ отправился въ Вратиславъ, къ своей матери, съ которой не видался слишкомъ двѣнадцать лѣтъ. Въ началѣ 1849 года онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ и умеръ 3-го апрѣля того же года. Словацкій похоронёнъ на Монмартрскомъ кладбищѣ, гдѣ мать поставила надъ нимъ прекрасный памятникъ. Полное собраніе сочиненій Словацкаго было издано въ Парижѣ, въ 16 томахъ, а потомъ въ Лейпцигѣ, въ издаваемой Брокгаузомъ «Библіотекѣ Польскихъ Писателей» (1862, 4 т.).

ИЗЪ ПОЭМЫ «ЯНЪ БѢЛЕЦКІЙ».

1.

Въ Брежанахъ шумный длится балъ;
Всё тѣшитъ слухъ, плѣняетъ око...
Иль Сигизмундъ изъ гроба всталъ?
Или Венеціи далёкой
Шумитъ весёлый карнавалъ?
Забыты праздники и балы
Съ-тѣхъ-поръ какъ царствуетъ Стефанъ,
Тогда-какъ ярко блещутъ залы
Дворца роскошнаго Брежанъ.
По волѣ грознаго магната
Воскресъ забытый маскарадъ;
Парчёй и золотомъ богато
Чертоги пышные горятъ;
Вокругъ струятся волны свѣта.
Въ костюмы пышные одѣта,
Веселье общее дѣля,
Проходитъ свита короля.
Но гдѣ же Бона молодая?
Иль ядъ, угрюма и блѣдна,
Варварѣ бѣдной льётъ она?
По заламъ движется густая
Толпа народа; всѣхъ времёнъ
И странъ виднѣются костюмы:
Здѣсь ходитъ, въ думы погружонъ,
Испанецъ гордый и угрюмый.
Святымъ крестомъ украшенъ онъ;
На нёмъ одежда дорогая;
Тяжолый мечъ его блеститъ;
Въ рукахъ испанца, замирая,
Гитара томная звучитъ.
Тамъ дѣва юная проходитъ,
Вуалью скрытая густой.
Съ ней обожатель молодой;
Онъ чорныхъ глазъ съ нея не сводитъ.
На дѣвѣ розовый вѣнокъ:
Она — Неаполя цвѣтокъ;
Его жь ласкали, нѣги полны,
Адріатическія волны.
Онъ съ грустью имъ «прости» сказалъ —
И съ милой родиной разстался:
Какъ дожъ, онъ съ моремъ обвѣнчался,
Какъ Тассъ — и плакалъ и страдалъ.
Но вдругъ пришолъ въ волненье балъ:
Лія волшебное сіянье,
Явилась маска — царства фей
Святое, чистое созданье:
И мракъ и свѣтъ сливались въ ней.
Всё любоваться ею стали:
Къ ней всё влечётъ. Ея нарядъ
Изъ драгоцѣнной сдѣланъ шали;
Алмазы крупные горятъ,
Ея одежду осыпая,
И нити жемчуга, сіяя,
Въ волнахъ кудрей ея дрожатъ.

2.

Звучитъ набатъ; со всѣхъ сторонъ
Стремятся дикіе татары;
Ложатся трупы, слышенъ стонъ;
Алѣетъ зарево пожара.
Но кто ихъ грозный атаманъ?
Кто ихъ паша, ихъ предводитель?
И какъ онъ могъ изъ дальнихъ странъ
Попасть въ далёкую обитель?
И на грабёжъ и въ грозный бой
Ихъ неустанно направляетъ
Какой-то витязь молодой
Въ чалмѣ съ серебряной луной.
Вокругъ всё рушится, пылаетъ,
Кровь льётся — всюду смерть и адъ,
А мечъ вождя — литой булатъ —
Своихъ ножонъ не покидаетъ;
Лишь взоръ искрится, какъ кинжалъ,
И проситъ крови. Въ свѣтлый залъ
Ворвался вѣтеръ: гаснутъ свѣчи,
Лишь въ лампахъ тусклый свѣтъ дрожитъ.
Съ брежанскимъ паномъ ищетъ встрѣчи
Татарскій вождь — и вотъ стоитъ
Онъ передъ нимъ, мечёмъ сверкая.
О, небо! этотъ мечъ не разъ
Сверкалъ въ тяжолый битвы часъ,
Поля родныя защищая.
На нёмъ, въ насѣчкѣ золотой,
Пречистой Дѣвы ликъ святой
И гербъ виднѣется богатый,
Наслѣдство славной старины:
Звѣзда и свѣтлый рогъ луны,
А надъ луною шлемъ пернатый.
Блеснула сталь — и панъ упалъ
Въ крови. Татаринъ засмѣялся:
Тоской и злобою звучалъ
Ужасный смѣхъ и повторялся
Протяжнымъ эхомъ ряда залъ.
И незнакомка услыхала
Тотъ смѣхъ пронзительный, какъ жало:
Раздался стонъ, тяжолый стонъ —

Тоски и мукъ былъ полонъ онъ —
И на полъ бѣдная упала,
Какъ бы сраженная грозой;
Въ ней жизнь, казалось, перестала
Играть. Татаринъ молодой
Упалъ предъ нею на колѣна.
Онъ хочетъ жизнь въ неё вдохнуть
Дыханьемъ пламеннымъ: изъ плѣна
Освободилъ младую грудь,
Цалуетъ страстно очи милой,
Зовётъ её, но зовъ унылый
Не слышенъ ей: предъ нимъ она
Лежитъ, какъ статуя, блѣдна;
Коса распущена густая,
Разорванъ розовый вѣнокъ;
Чело волнами покрывая,
Душистыхъ локоновъ потокъ
Скользитъ по ней; закрыты очи...
Но что за шумъ? Кругомъ горитъ...
И онъ поднять её спѣшитъ —
И исчезаетъ въ мракѣ ночи...

3.

Она очнулась. Боже, гдѣ она?
Предъ ней встаётъ прошедшаго видѣнье...
Вокругъ нея и мракъ и тишина;
Она на всё глядитъ въ недоумѣньи.
Въ часовнѣ зáмка блѣдная луна
Бросаетъ свѣтъ печальный и унылый.
Темно и страшно. «Ты ли это, милый,
По-прежнему стоишь передо мной?
Твой лобъ закрытъ турецкою чалмой:
Сними её, и дай мнѣ въ упоеньи
Взглянуть хоть разъ на милыя черты!»
Онъ снялъ чалму. Тяжóлое мгновенье!
«О, милый мой! какъ страшенъ, блѣденъ ты!»
Онъ засмѣялся; грудь рвалась отъ муки;
Тяжолый смѣхъ молчанье пробудилъ —
И простоналъ онъ: «да, я измѣнилъ:
Я ренегатъ!» И трижды эти звуки,
Отчаянья и ужаса полны,
Съ насмѣшкой злой были повторены
Дрожащимъ эхомъ, другомъ разрушенья.
«Когда сіяло счастье надо мной»,
Онъ продолжалъ, исполненный волненья:
«Я былъ инымъ — и сердцемъ и душой;
А нынѣ мнѣ всё шепчетъ объ измѣнѣ
И отверженья страшнаго печать
Лежитъ на мнѣ. Ужели мнѣ сіять,
Когда встаютъ страдальческія тѣни,
Когда, поправъ сыновнюю любовь
Къ землѣ родной, я лью святую кровь
И слышу лишь проклятія и стоны?
Взгляни вокругъ: старинныя иконы
Пугаютъ взоръ; луной освѣщены,
Они теперь и блѣдны и темны,
Но только день, сіяя надъ полями,
Ихъ осѣнитъ весёлыми лучами,
Они опять зажгутся, заблестятъ.
Такъ и лицо прожитый нами рядъ
Счастливыхъ дней блаженствомъ озаряетъ;
Но чуть по нёмъ страданья лучъ скользнётъ,
Оно блѣднѣтъ и гаснуть начинаетъ,
Тоска какъ флёръ спускается — и вотъ
Могильный склепъ собой напоминаетъ.
Безцѣнный другъ! покинь родимый край!
Не покидай, мой другъ, не покидай
Несчастнаго! взгляни, какъ онъ страдаетъ!
Согрѣй его хладѣющую грудь,
Дай бѣдняку забыться и заснуть:
Въ его душѣ безмолвное мученье;
Склони къ нему сіяющій твой взоръ,
Чтобъ онъ забылъ, хотя бы на мгновенье,
Отчаянье, несчастье и позоръ;
Открой ему горячія объятья,
Страданья свѣй съ печальнаго лица...»
— «А мой отецъ?» — «Покинь, забудь отца!
Пускай онъ шлётъ тебѣ свои проклятья!
Пускай клянутъ отечество и братья!
Чего дрожать? Проклятье — звукъ пустой.
Есть чудный край: бѣги туда со мной!
Тамъ ты найдёшь роскошныя палаты,
Въ садахъ тѣнистыхъ волны ароматовъ...
Друзей найдёшь... тамъ ярче солнца свѣтъ...
Тамъ всё, тамъ всё — одной отчизны нѣтъ!»

П. Козловъ.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МОНАХЪ».

1.

ИСПОВѢДЬ.

«Подъ рясой чорной, въ кельѣ душной,
Кончаю я тяжолый путь
И покидаю свѣтъ бездушный.
Слабѣетъ духъ, мятётся грудь...
Подъ головой моею камень —
На нёмъ усну. Вокругъ меня

Темнѣетъ — гаснетъ жизни пламень;
Какъ пальма степи вяну я.
Съ душою полною гордыни,
Когда-то, грозенъ и могучъ,
Я былъ вождёмъ сыновъ пустыни;
Меня лелѣялъ счастья лучъ.
Внимая голосу свободы,
Глядя на неба звѣздный рой,
Я забывалъ тоску невзгоды,
Мирился съ горькой нищетой...

«Разъ, погружонный въ размышленье,
Я ѣхалъ — возлѣ ни кого —
Какъ вдругъ плѣнительное пѣнье
Коснулось слуха моего.
Тревожа сонъ степи безлюдной,
Тотъ гимнъ божественный въ горахъ
Звучалъ торжественно и чудно
И на землѣ и въ небесахъ.
Къ нему восторженно я мчался —
И вотъ всё ближе, громче онъ:
То тихій колокола звонъ
Во мракѣ ночи раздавался.

«Молились иноки... Во храмъ
Вошолъ я въ страхѣ и смятеньи...
Горѣли свѣчи; лилось пѣнье;
Кругомъ носился ѳиміамъ.
На стѣнахъ звѣзды золотыя
Горѣли въ отблескахъ зори;
Волнами свѣта облитые,
Блестѣли ярко алтари;
Какъ пальмы горъ, колонны храма
Виднѣлись, золотомъ горя...
Вдругъ въ свѣтлыхъ волнахъ ѳиміама
Небесный ликъ увидѣлъ я.
То ангелъ былъ! Одѣтъ лучами,
По храму тихо онъ летѣлъ
И лучезарными глазами
Мнѣ въ душу тёмную глядѣлъ.
Творя горячія моленья,
Суля надежду, онъ парилъ...
Я палъ во прахъ... Съ того мгновенья
Я вѣрѣ предковъ измѣнилъ!...»

2.

ТѢНЬ ЗАРЫ.

«Ты услыхалъ мой стонъ унылый!
Златые сны минувшихъ дней
Въ тебѣ воскресли съ новой силой —
И образъ свѣтлый, образъ милый
Душѣ представился твоей!

«Ты позабылъ стихи корана,
Пророка гнѣва не боясь...
Не измѣняй сынамъ Ирана;
Храни святыню талисмана,
Вонми пророку въ смертный часъ!

Припомни: пламенныхъ явленій
Пустыня свѣтлая полна;
Надъ ней несётся рядъ видѣній:
Я въ нихъ живу, какъ эти тѣни,
Неуловима и блѣдна.

«Я на лучѣ дрожащемъ свѣта
Къ тебѣ примчалась въ часъ ночной;
Любовью грудь моя согрѣта;
Лицо, съ улыбкою привѣта,
Сіяетъ прежней красотой.

«Холоднымъ призракомъ могилы
Я не пришла тебя пугать...
Свѣтла, какъ ангелъ легкокрылый,
Хочу по прежнему, мой милый,
Тебя лелѣять и ласкать.

«Желаньемъ нравиться объята,
Я очи вспрыснула росой,
Лицо горитъ лучомъ заката
И кудри полны аромата,
Какъ розы раннія весной.

«Ужь близокъ часъ послѣдней муки,
А близь тебя монахъ сидитъ
И крестъ твои сжимаетъ руки:
Онъ намъ сулитъ тоску разлуки,
Разлукой вѣчною грозитъ.

«Забудь его — падётъ преграда
И ты со мной сойдёшься вновь
Въ странѣ, гдѣ нѣга и прохлада,
Гдѣ мирно царствуетъ отрада,
Гдѣ счастье вѣчно, какъ любовь.

«Тамъ зеленѣютъ кущи рая,
Иного солнца грѣетъ лучъ,
Сіяетъ тамъ луна иная,
Цвѣты цвѣтутъ не увядая,
Потокъ прозраченъ и пѣвучъ.

«Презрѣвъ людское самовластье,
Мы улетимъ въ страну тѣней,
И тамъ, вкушая сладострастье,
Узнаемъ истинное счастье,
Вдали отъ свѣта и людей!

«Твой часъ насталъ... слабѣютъ силы...
Мой милый, смерть тебя зовётъ,
А ты молчишь... Прости, мой милый!
И на землѣ и за могилой
Разлука вѣчная насъ ждётъ!...

П. Козловъ.

—

ГРАФЪ С. КРАСИНСКІЙ.

Графъ Сигизмундъ Красинскій родился въ 1812 году въ Парижѣ, откуда, на третьемъ году, былъ привезёнъ матерью въ Варшаву. Въ 1829 году онъ снова выѣхалъ за-границу, гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ, путешествуя по Германіи, Италіи, Швейцаріи. Въ Италіи онъ встрѣтился съ Мицкевичемъ и подружился съ нимъ. Въ 1832 году онъ вернулся, по желанію отца, въ Варшаву, побывалъ въ Петербургѣ и снова уѣхалъ за-границу. 1833 и 34 года онъ провёлъ въ Вѣнѣ, потомъ жилъ въ Италіи и въ Римѣ, гдѣ написалъ своего «Иридіона». Познакомившись съ съумасшедшимъ мистикомъ Товянскимъ, онъ было увлёкся его ученіемъ, но скоро одумался и прекратилъ съ нимъ всѣ сношенія. Затѣмъ, до самой своей смерти, онъ безпрестанно переѣзжалъ изъ одного города въ другой, изъ одного государства въ другое, и скончался въ 1859 году въ Парижѣ въ то самое время, когда, получивъ телеграмму изъ Варшавы о смерти своего отца, собирался ѣхать въ Польшу. Аристократъ и римскій католикъ, онъ былъ всѣмъ сердцемъ привязанъ къ политическимъ и религіознымъ идеаламъ прошедшаго, но умомъ понималъ, что эти идеалы разбиты и что вырабатывающійся новый міръ никогда къ нимъ не возвратится. «Поэтъ развалинъ», говоритъ г. Спасовичъ, «онъ выразилъ свою трагическую скорбь о прошедшемъ и изобразилъ борьбу непривлекательнаго новаго съ великимъ, но омертвѣвшимъ прошлымъ въ цѣломъ рядѣ философско-символическихъ драмъ на манеръ Каульбаховой живописи, изъ которыхъ самыя замѣчательныя двѣ: «Иридіонъ» и «Небожественная комедія». Въ драмѣ «Иридіонъ», взятой изъ римской жизни, времёнъ Геліогобала, основная мысль та же, что и въ «Конрадѣ Валленродѣ» Мицкевича, но задача разрѣшается иначе. Иридіонъ, сынъ мести, погибаетъ самъ, не будучи въ силахъ разрушить ненавистный ему Римъ, и на развалинахъ Рима торжествуетъ не онъ, а христіанство. Въ «Небожественной Комедіи» описывается кровавая побѣда черни, совершающей соціальную революцію во имя насущнаго хлѣба и устрояющей государство по своему, безъ дворцовъ и церквей, безъ заботъ о другихъ потребностяхъ человѣка, кромѣ матеріальныхъ. Страдая въ ожиданіи соціальной революціи, Красинскій находилъ успокоеніе въ мистической вѣрѣ въ великое будущее назначеніе его народа. Той же мистической вѣрой одушевлены и другія его лирическія поэмы, какъ, напримѣръ: «Разсвѣтъ», «Псалмы будущаго» и другія. Два главныя произведенія Красинскаго, «Иридіонъ» и «Небожественная Комедія», написаны прозой и потому переводы изъ нихъ не могли войти въ предлагаемое изданіе, посвящённое исключительно образцамъ славянской поэзіи, тогда-какъ слава Красинскаго преимущественно зиждится на этихъ двухъ произведеніяхъ. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать нашимъ читателямъ хотя нѣкоторое понятіе объ орригинальномъ стилѣ Красинскаго, мы помѣщаемъ здѣсь нѣсколько начальныхъ страницъ «Небожественной Комедіи» въ переводѣ Н. В. Берга:

1.

Звѣзды вокругъ главы твоей; подъ твоими ногами волны моря; на волнахъ моря радуга гонитъ предъ тобою и разсѣваетъ туманы. Чтò ни узришь — всё твоё: брега, грады и люди тебѣ принадлежатъ; небо тоже твоё — и мнится: ничто не превыситъ Славы твоей! Ты сыплешь чуждымъ ушамъ непонятные, дивные звуки; сплетаешь сердца и расплетаешь ихъ, какъ вѣнокъ, игралище перстовъ твоихъ; исторгаешь слёзы, сушишь ихъ улыбкой и снова сдуваешь съ устъ улыбку на одно мгновеніе — на нѣсколько мгновеній — порою на-вѣки. Но чтò чувствуешь самъ? но чтò творишь самъ? чтò мыслишь? Отъ тебя бѣжитъ потокъ прекраснаго, но ты не прекрасенъ. Горе тебѣ, горе — дитя, плачущее на груди няньки! Полевой цвѣтокъ, не вѣдающій о своёмъ благоуханіи, больше чѣмъ ты заслужилъ предъ Господомъ. Откуда жь возникъ ты, ничтож-

ный призракъ, который даёшь чувствовать свѣтъ, но свѣту не имѣешь—не видалъ, не увидишь? Кто тебя создалъ во гнѣвѣ или въ припадкѣ ироніи? Кто далъ тебѣ жалкую жизнь, столь предательскую, что тебѣ удаётся на мигъ прикинуться ангеломъ, прежде чѣмъ застрянешь въ грязи, прежде-чѣмъ, какъ червь, станешь пресмыкаться и задохнешься въ тинѣ? Тебѣ и женщинѣ одно начало! Но и ты страдаешь, хотя твои муки ничего не создадутъ, ни къ чему не приведутъ. Стонъ послѣдняго бѣдняка станетъ между звуками арфъ небесныхъ. Твое отчаяніе и вздохи падаютъ внизъ; сатана ихъ сбираетъ, весело подмѣшиваетъ ко своей лжи и обманамъ—и Господь нѣкогда отречётся отъ нихъ, какъ они отреклись отъ Господа. Не на тебя, однако, я ропщу, Поэзія, мать Красоты и Спасенія! Несчастливъ только тотъ, кто въ мірахъ, начавшихъ существованіе и въ мірахъ, долженствующихъ скоро исчезнуть, грезитъ о тебѣ, чувствуетъ тебя — ибо ты губишь только тѣхъ, кто посвятилъ себя тебѣ, кто сталъ живымъ глаголомъ твоей славы. Благословенъ тотъ, въ комъ ты живёшь, какъ Богъ живётъ въ свѣтѣ, невидимый, неслышимый, проявляющійся въ каждой части его, великій Господь, передъ которымъ падаютъ ницъ творенія и восклицаютъ: «Онъ здѣсь!» Избранникъ сей будетъ носить тебя какъ звѣзду на челѣ своёмъ и не отдѣлится отъ любви твоей бездною слова. Онъ будетъ любить людей и выступитъ мужемъ посреди братьевъ своихъ. А кто тебя не сохранитъ, кто преждевременно измѣнитъ тебѣ и броситъ въ потѣху людямъ, тому уронишь ты нѣсколько цвѣтовъ на чело и отворотишься, а онъ станетъ тѣшиться увядшими цвѣтами и плести изъ нихъ вѣнокъ въ теченіе всей жизни. Ему и женщинѣ одно начало.

2.

Ангелъ хранитель. Миръ добрымъ! Благословенъ среди твореній, кто имѣетъ сердце! Онъ еще можетъ быть спасёнъ—явись для него жена добрая и цѣломудренная, и пусть родится дитя въ дому его. *(Пролетаетъ.)*

Хоръ злыхъ духовъ. Скорѣе, скорѣе, привидѣнія, неситесь къ нему! и ты впереди всѣхъ, тѣнь наложницы, вчера умершей! Освѣжонная мглою и убранная цвѣтами, дѣвица, возлюбленная поэта, впередъ! И ты лети туда же, Слава, старое чучело орла, набитое въ аду, снятое съ колка, на которомъ повѣсилъ тебя осенью стрѣлокъ! лети, раскинь крылья надъ головою поэта, огромныя, бѣлыя отъ солнца... Выйди изъ-подъ нашихъ склеповъ, тлѣнный образъ Эдема, созданіе Вельзевула! Залепимъ дыры и покроемъ ихъ лакомъ — и потомъ чародѣйское полотно свернись въ тучу и лети къ поэту, раскинься около него, окружи его скалами и водами, представь ему и ночь и день! Мать природа, обойми поэта!

3.

Деревня. Церковь.

Ангелъ хранитель *(паря надъ церковью)*. Если не измѣнишь клятвѣ во-вѣки, будешь братомъ моимъ передъ лицомъ Отца небеснаго! *(Исчезаетъ.)*

4.

Внутренность церкви. Свидѣтели. Свѣча на алтарѣ.

Священникъ *(вѣнчаетъ)*. Помните о томъ...

(Мужъ жмётъ руку жены и отдаётъ её родственнику. Всѣ, кромѣ мужа, выходятъ.)

Мужъ. Я принялъ земной обѣтъ, ибо нашолъ ту, о которой мечталъ. Проклятіе главѣ моей, если я перестану её любить!

5.

Комната полная народомъ. Балъ; музыка; свѣчи; цвѣты.

Молодая *(вальсируетъ и послѣ нѣсколькихъ туровъ останавливается, нечаянно встрѣчаетъ мужа въ толпѣ и опускаетъ голову на его плечо)*.

Молодой. Какъ ты прекрасна для меня въ своёмъ утомленіи! Цвѣты и жемчугъ пришли въ безпорядокъ на волосахъ твоихъ; ты пылаешь отъ стыда и утомленья. О, вѣчно, вѣчно будешь ты моею пѣснію!

Молодая. Буду вѣрною тебѣ женою, какъ твердила мнѣ мать, какъ твердитъ сердце. Но здѣсь столько народу... такъ жарко и шумно...

Молодой. Поди потанцуй еще, а я буду здѣсь стоять и смотрѣть на тебя, какъ иногда въ мечтахъ моихъ смотрѣлъ на рѣющихъ ангеловъ.

Молодая. Пойду, пожалуй, если хочешь; но я такъ устала...

Молодой. Прошу тебя, душа моя... *(Танцы и музыка.)*

6.

Мрачная ночь; на небѣ тучи.

Злой духъ *(пролетая въ образѣ дѣвицы)*. Еще недавно бѣгала я по землѣ въ такую точно пору. Теперь дьяволы мною недовольны и велятъ мнѣ разыгрывать святую. *(Пролетая надъ садомъ.)* Цвѣты, срывайтесь и летите въ мои волоса! *(Летитъ надъ кладбищемъ.)* Свѣжесть и прелесть умершихъ дѣвъ, разлитыя въ воздухѣ, носящіяся надъ могилами, летите къ ланитамъ моимъ! Здѣсь разлагается черноволосая: мракъ ея кудрей повисни надъ моимъ челомъ! Подъ этимъ камнемъ два угасшихъ лазурныхъ ока: ко мнѣ, ко мнѣ огонь, который въ нихъ искрился! За этой рѣшоткой пылаетъ сто свѣчей — сегодня похоронили княжну: атласная одежда, бѣлая какъ молоко, сорвись съ нея! Сквозь рѣшотку летитъ ко мнѣ одежда, шумя какъ птица крыльями. Дальше, дальше!

7.

Опочивальный покой.

Ночная лампа стоитъ на столѣ и слабо освѣщаетъ Мужа, *спящаго подлѣ* Жены.

Мужъ *(сквозь сонъ)*. Откуда ты, давно-невиданная, неслыханная? Какъ плывётъ потокъ, такъ движутся твои ноги, двѣ бѣлыя волны; священная тишина царствуетъ на челѣ твоёмъ. Всё, о чёмъ я грезилъ и чтò любилъ, слилось въ тебѣ! *(Пробуждается.)* Гдѣ я? А, подлѣ жены! Это моя жена! *(Всматривается въ жену.)* Я думалъ, что это ты мнѣ грезилась; но грёза моя, послѣ долгаго перерыва, воротилась—и на тебя не похожа. Ты добрая и милая, а та... Боже, что я вижу — на яву!

Дѣвица. Ты измѣнилъ мнѣ! *(Исчезаетъ.)*

Мужъ. Да будетъ проклятъ часъ, когда я женился и бросилъ возлюбленную прежнихъ лѣтъ, мысль мыслей моихъ, душу души моей!

Жена *(пробуждаясь)*. Чтò это — или ужь день — подана карета? — вѣдь намъ нужно сегодня ѣхать по дѣламъ...

Мужъ. Глухая ночь: спи, спи крѣпко!

Жена. Ужь не занемогъ ли ты, мой милый? Постой, я встану и дамъ тебѣ эѳиру.

Мужъ. Засни.

Жена. Скажи, милый, чтò съ тобой? Ты говоришь не своимъ голосомъ, въ лицѣ жаръ...

Мужъ *(порывисто)*. Мнѣ нуженъ свѣжій воздухъ... Останься — ради Бога не ходи за мною! не вставай, повторяю тебѣ еще разъ. *(Уходитъ.)*

8.

Садъ при свѣтѣ мѣсяца. За стѣною церковь.

Мужъ. Со дня женитьбы я спалъ сномъ оцѣпенѣлыхъ, сномъ плотоядныхъ, сномъ фабриканта-нѣмца подлѣ жены нѣмки... Весь свѣтъ какъ-будто заснулъ вокругъ меня, подражая мнѣ... Я ѣздилъ по роднымъ, по докторамъ, по магазинамъ и думалъ о кормилицѣ, потому-что у меня должно родиться дитя... *(Бьётъ два часа на колокольнѣ церкви.)* Ко мнѣ, прежній міръ, царство полное жизни и движенія, откликающееся мыслямъ моимъ, послушное моему вдохновенію! Звонъ ночного колокола былъ нѣкогда вашимъ знакомъ. *(Ходитъ и заламываетъ руки.)* Боже, Ты ли освятилъ союзъ двухъ существъ, Ты ли изрекъ, что никакая сила не разорвётъ ихъ, хотя бы души пошли врознь, каждая въ свою сторону, а тѣла остались другъ подлѣ друга, точно трупы? *(Входитъ дѣвица.)* Снова ты здѣсь... О, ты, моя, моя! Возьми меня къ себѣ! Если ты ничто иное, какъ обманъ, если я тебя выдумалъ, если ты возникла изъ меня и теперь являешься мнѣ, пусть и я стану призракомъ, мечтою, дымомъ, только бы соединиться съ тобой. Во всякое мгновеніе я твой.

Дѣвица. Помни! Но пойдёшь ли ты за мною, если я прилечу когда-нибудь за тобой?

Мужъ. Останься—не разсѣявайся какъ сонъ. Если ты чудо изъ чудесъ красоты, если ты мысль надо всѣми мыслями, отчего ты не существуешь долѣе чѣмъ одно желаніе, одна мысль? *(Въ ближайшемъ домѣ отворяется окно.)*

Голосъ женщины. Другъ мой, холодъ ночи падётъ тебѣ на грудь; воротись, мое сокровище: мнѣ скучно одной въ этомъ чорномъ, огромномъ покоѣ.

Мужъ. Хорошо... сейчасъ... Духъ исчезъ, но обѣщалъ воротиться... Тогда прощай и садикъ, и домикъ, и ты, созданная для садика и для домика, но не для меня!

Голосъ. Сжалься — къ утру становится всё холоднѣе и холоднѣе...

Мужъ. О, дитя мое!.. Господи! *(Уходитъ.)*

9.

Зала; двѣ свѣчи на фортепьяно; въ углу колыбель съ спящимъ ребенкомъ.

Мужъ *сидитъ въ креслахъ, съ лицомъ закрытымъ руками;* Жена *за фортепьяно.*

Жена. Я была у отца Веніамина: обѣщалъ послѣ завтра...

Мужъ. Спасибо.

Жена. Посылала также къ кондитеру, чтобъ приготовилъ нѣсколько тортовъ — ты вѣрно назвалъ много гостей на крестины — знаешь, шоколадные, съ вензелемъ Юрія Станислава.

Мужъ. Спасибо.

Жена. Дастъ Богъ, исполнится какъ слѣдуетъ обрядъ — и нашъ Юра станетъ настоящимъ христіаниномъ. Хотя онъ и крещонъ уже водою, но, всё мнѣ кажется, чего-то не достаётъ. *(Подходитъ къ колыбели.)* Спи, мое дитя! или тебѣ чтò приснилось, что ты сбросилъ одѣяльце? Вотъ такъ—теперь лежи спокойно! Юрѣ сегодня что-то не спится. О, мой крошка, мой ангелъ, спи!

Мужъ *(въ сторону).* Душно—пàритъ: будетъ буря. Тамъ скоро грянетъ громъ, а здѣсь разорвётся моё сердце...

(Жена возвращается, садится за фортепьяно, играетъ, перестаётъ играть; снова начинаетъ и снова перестаётъ.)

Жена. Сегодня, вчера — о, Боже мой! — цѣлую недѣлю — даже три недѣли, мѣсяцъ — ты не скажешь со мною слова — и всѣ, кого не увижу, говорятъ, что я дурно гляжу...

Мужъ *(въ сторону).* Настала минута—ничто ея не отвратитъ! *(Громко.)* Напротивъ, мнѣ кажется, ты хорошо смотришь.

Жена. Тебѣ всё равно, потому-что не глядишь на меня, отворачиваешься, когда я вхожу, и закрываешь глаза, когда я сижу близко. Вчера я была у исповѣди и припоминала себѣ всѣ грѣхи; но не нашла ничего такого, чѣмъ бы могла тебя оскорбить.

Мужъ. Ты ни чѣмъ не оскорбила меня.

Жена. Боже мой! Боже мой!

Мужъ. Я чувствую вполнѣ, что обязанъ тебя любить.

Жена. Ужь это мнѣ: «обязанъ, обязанъ!» Лучше скажи: «я не люблю тебя»; по-крайней-мѣрѣ я буду знать всё, всё. *(Вскакиваетъ и хватаетъ дитя на руки.)* Его только не оставляй, а ужь я всё снесу! дитя моё люби—дитя моё, Генрихъ! *(Становится на колѣни.)*

Мужъ *(вставая).* Не обращай вниманія на тò, чтò я сказалъ: на меня находятъ часто такія минуты — такая тоска...

Жена. Объ одномъ тебя прошу — дай слово, что всегда будешь его любить.

Мужъ. И тебя, и его — вѣрь мнѣ. *(Цалуетъ её въ лобъ — а она обнимаетъ его руками. Въ эту минуту раздаётся ударъ грома, потомъ музыка, аккордъ за аккордомъ, всё диче и диче.)*

Жена. Чтò это значитъ? *(Прижимаетъ дитя къ груди. Музыка утихаетъ.)*

Дѣвица *(входя).* О, мой милый! я приношу тебѣ благословеніе и восторги—ступай за мной! О, мой милый, сбрось земныя цѣпи, которыя тебя связываютъ! Я со свѣта иного, безъ конца, безъ ночи... Я твоя!

Жена. Заступница святая, защити меня! Это привидѣніе блѣдно, какъ мертвецъ, очи угасли, голосъ точно скрипъ телеги, на которой везутъ трупъ...

Мужъ. Чело твое ясно, волосы усѣяны цвѣтами, о, милая!

Жена. Изорванный саванъ виситъ лоскутьями у нея по плечамъ...

Мужъ. Свѣтъ разливается вокругъ тебя. Проговори слово — и я погибъ...

Дѣвица. Та, которая тебя удерживаетъ — ничто иное, какъ обманъ: жизнь ея мгновенна; ея любовь—древесный листъ, умирающій средь тысячи другихъ засохшихъ листьевъ; мнѣ же нѣтъ конца...

Жена. Генрихъ, Генрихъ, закрой меня, заслони: я слышу сѣру и запахъ могилы.

Мужъ. Женщина изъ глины и грязи, не ревнуй, не говори такихъ словъ, не богохульствуй! Взгляни — это первая мысль Бога о тебѣ; но ты послушалась змія и стала тѣмъ, чѣмъ есть...

Жена. Я не пущу тебя.

Мужъ. О, милая! я покидаю домъ и иду за тобою. *(Уходитъ.)*

Жена. Генрихъ! Генрихъ! *(Падаетъ безъ чувствъ съ ребёнкомъ на рукахъ. Второй ударъ грома.)*

I.

ПРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

Другъ мой, въ прошлое взгляни ты:
Помнишь южные брега,
Величавые граниты,
Вѣковѣчные снѣга?

Такъ далёко, такъ высоко,
Что едва достигнетъ око!
А въ долинѣ, а внизу,
Съ горъ ручей бѣжитъ чуть-слышный
И раскидываетъ пышный
Виноградъ свою лозу;
И, въ обиліи богатомъ,
Скатъ возносится за скатомъ,
Выше, ниже, тамъ и здѣсь,
Скатъ за скатомъ, предъ закатомъ
Блеща сѣребромъ и златомъ —
И наполненъ ароматомъ
Розъ и лилій воздухъ весь.
Всё, къ чему не обращаю
Взоръ мой — съ краю и до краю
Всё цвѣтётъ, подобно раю,
Всё — Зиждителя чертогъ:
Эти долы и стремнины,
Эти гордыя вершины,
Эти льдины: тамъ единый
Надо всѣмъ и всюду — Богъ!

Скалы сумрачнѣй и диче;
Вдаль уносится ладья:
Въ ней со мною — Беатриче
Ненаглядная моя.
Изъ-за Альпъ луна восходитъ
И волшебный свѣтъ наводитъ
На утёсы и на долъ;
И, въ волнѣ дробяся чистой,
Вкругъ *нея* она лучистый
Распустила ореолъ —
И стоитъ Любовь поэта,
Какъ святая, передъ нимъ,
Въ море свѣта, въ блескъ одѣта,
Ангелъ Божій — херувимъ.

Залитà огнёмъ дорога...
Прочь заботы! прочь тревога!
Какъ легко, отрадно мнѣ!
Мы летимъ на лодкѣ шибкой,
Отражаясь въ влагѣ зыбкой,
Въ чистой, зѐркальной волнѣ.
Мы одни теперь съ тобою
Надъ пучиной голубою,
Въ этой райской тишинѣ!

Залитà огнёмъ дорога...
Вотъ ладья вошла въ заливъ...
Прочь заботы! прочь тревога!
Какъ божественно, какъ много,
Какъ глубòко я счастливъ!
Всѣ печали, горе, смуты
Въ эти сладкія минуты
Я забылъ; душа полна
Дивныхъ образовъ: ей снится,
Ей, въ блаженствѣ этомъ, мнится,
Будто тамъ встаётъ *она*,
Наша *милая*, *святая*,
Ярко, искристо блистая,
Той же славой повитàя,
Какъ въ былыя времена...

Ясный мѣсяцъ не заходитъ
И не хочетъ скрыть лица:
Всё намъ свѣтитъ, всё уводитъ
Вдаль насъ, вдаль насъ — безъ конца!

Берегъ, скалы, рощи — мимо!
Вдаль летитъ неутомимо
Наша лодка всё быстрѣй...
Міръ исполненъ сна и лѣни...
Ты склонилась на колѣни...
Вотъ съ альпійскихъ къ намъ ступеней
Сходятъ тѣни — міръ видѣній:
Дай мнѣ, дай его скорѣй!

Н. Бергъ.

II.

Отъ слёзъ и крови мутны и черны̀,
Клубятся волны жизни, вѣчнымъ стономъ
И скрежетомъ зубовъ оглашены.
Въ туманѣ похоронномъ
Безплодный берегъ прошлаго исчезъ;
А впереди далёкій край небесъ
Кровавымъ заревомъ пылаетъ.
Вокругъ плывущихъ мракъ сырой,
Знобитъ ихъ стужа — и съ тоской
И воплемъ каждый повторяетъ,
Плывя во тьмѣ: «проклятье надо мной!»

М. Михайловъ.

I. КРАШЕВСКІЙ.

Іосифъ Игнатій Крашевскій, одинъ изъ плодовитѣйшихъ и любимѣйшихъ современныхъ поль-

скихъ писателей, родился 14-го (26-го) іюня 1812 года въ Варшавѣ, въ богатой дворянской семьѣ и провёлъ первые дни дѣтства въ домѣ своего дѣда. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ школѣ ректора Прейса, въ Бялѣ, въ Люблинскомъ училищѣ и гимназіи въ Свислочѣ, послѣ чего поступилъ въ Виленскій университетъ. По окончаніи полнаго курса въ этомъ послѣднемъ заведеніи, Крашевскій изъявилъ желаніе занять каѳедру польскаго языка и литературы при университетѣ св. Владиміра, въ Кіевѣ. По испытаніи, мѣсто это было назначено ему, но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, онъ не могъ принять его—и удалился въ тишину частной жизни, чтобы предаться любимымъ своимъ занятіямъ: литературѣ, музыкѣ и живописѣ. Въ 1838 году онъ женился, и поселился съ своимъ семействомъ на югѣ Россіи, въ городѣ Житомирѣ, гдѣ прожилъ до начала шестидесятыхъ годовъ. Въ настоящее время онъ живётъ въ Варшавѣ. Крашевскій можетъ назваться однимъ изъ плодовитѣйшихъ писателей нашего времени. Кромѣ шестидесяти томовъ журнала «Атеней», издававшагося двадцать лѣтъ подъ его редакціею, издано имъ до ста томовъ своихъ собственныхъ сочиненій; изъ нихъ нѣкоторыя дожили до третьяго изданія. Не говоря о множествѣ повѣстей его, назовёмъ «Исторію Литвы», въ трёхъ томахъ, «Исторію Вильны», въ четырёхъ частяхъ, «Путешествіе по Волыни и въ Одессѣ», «Памятники исторіи Польши», три большія поэмы изъ старолитовскихъ языческихъ преданій: «Витольдонда», «Миндовъ» и «Битвы Витольда». Всѣ сочиненія Крашевскаго носятъ на себѣ печать замѣчательнаго дарованія. Они отличаются вѣрнымъ изображеніемъ предметовъ, естественнымъ и вмѣстѣ эфектнымъ изложеніемъ и блестящимъ слогомъ. Въ основѣ каждаго его произведенія лежитъ какой-нибудь современный вопросъ, но проводится этотъ вопросъ болѣе сердцемъ, нежели головою. Онъ разсматриваетъ всякое общественное положеніе, чтобы объяснить его и пріискать разрѣшеніе на всѣ вопросы, волнующіе общество. Его обширныя свѣдѣнія дѣлаютъ ему доступнымъ каждый предметъ — и это даётъ ему почетное мѣсто не только между писателями своего отечества, но даже и между европейскими знаменитостями. Его сочиненія переведены не только на русскій и чешскій языки, но и на нѣмецкій и французскій.

I.

СЛАВЯНСКІЙ ПОЭТЪ РУССКОМУ.

Пой, молодой пѣвецъ! Твой не напрасенъ трудъ:
Твои слова милльоны братій ловятъ!
Твои соотчичи давно поэтовъ ждутъ
И имъ вѣнки лавровые готовятъ.

У насъ — у насъ вездѣ и тѣсно и темно:
Намъ не сорвать съ прошедшаго печати!
Удѣлъ униженныхъ — отчаянье одно!
Какая пѣснь покажется имъ кстати?

Пой, молодой пѣвецъ! вся будущность — твоя!
Пой намъ о всёмъ, что нà сердцѣ вскипаетъ.
Пусть старцы, юноши — всѣ слушаютъ тебя,
Пускай вся Русь словамъ твоимъ внимаетъ.

И если обо мнѣ ты вспомнишь — о чужомъ,
О злой судьбѣ твоихъ забытыхъ братій,
Прошу тебя, молю я только объ одномъ:
Не насылай на насъ своихъ проклятій...

Довольно жаркій бой кипѣлъ въ странѣ родной,
Довольно ихъ легло—поверженныхъ безъ славы!
Пусть пѣснь согласія звучитъ надъ той страной,
Которую мочилъ такъ долго дождь кровавый.

Такъ пой — и пусть тебя признательный народъ
Рукоплесканьями, участіемъ встрѣчаетъ!
А насъ — насъ за труды иная доля ждётъ:
Насъ только смерть безславная вѣнчаетъ...

М. Петровскій.

II.

НЕУСТРАШИМЫЙ.

Солнце взошло и мерцаетъ кровавой слезой;
Небо свинцовое близкою дышетъ грозой;
Съ шумомъ отъ сѣвера вѣтра спѣшитъ колесница,
Туча на ней выѣзжаетъ, и òблако въ слѣдъ
Мчится за облакомъ: этихъ гонцовъ вереница
Падаетъ пологомъ тёмнымъ на утренній свѣтъ.
Съ горныхъ вершинъ, вознесённыхъ къ селеніямъ звѣзднымъ,
Выше всѣхъ ужасовъ жалкой юдоли земной,
Греблей воздушной плывутъ, лавируя по безднамъ,
Снѣжные вихри, какъ пыль по дорогѣ степной.

Грянули громы. Разгнѣваннымъ окомъ воззрѣло
На̀ землю небо, объятое смертнымъ огнёмъ:
Гордый червякъ-человѣкъ задрожалъ—и кругомъ
Взорами грозное небо обводитъ несмѣло.
Горе! Лишь кто-то одинъ, равнодушно на тьму
И всекрушенье взглянувъ, на высокую гору
Твёрдо взошолъ — и оттуда разгулъ своему
Далъ онъ далёко простёртому взору.

Гордый—надъ бурей, надъ громомъ и молніей онъ
Молча стоялъ, весь въ раздумье своё погруженъ,
Молча внималъ, не моргнувъ ни единожды окомъ,
Страшнымъ раскатамъ грозы, раздиравшей всю твердь,
Грозно сверкавшей въ пространствѣ бездонно-глубокомъ.
Зрѣнье зѣницъ, выражавшихъ уже полу-смерть,
Въ божіе небо спокойно и смѣло вперяя,
Мнилось, стремился онъ къ тѣмъ неземнымъ высотамъ
Съ тайною думой предсмертной, какъ-будто желая,
Высмотрѣть мѣсто себѣ еще за̀-живо тамъ.

Буря шумѣла и ливень всё лилъ,
Шумно сбѣгая съ горы исполинской.
Онъ былъ недвижимъ, лишь смѣхъ сатанинской
Синія губы его шевелилъ.
Съ грохотомъ небо кругомъ разрывалось,
Пламенемъ адскимъ земля загоралась —
Онъ же стоялъ, равнодушенъ и глухъ ко всему:
Гнѣвъ былъ небесный не страшенъ ему.

Буря утихла. Ужь быстро-летучи
Прочь уносилися хмурыя тучи;
Снова, какъ утромъ, въ вѣнцѣ золотистомъ,
Солнце заискрилось на̀ небѣ чистомъ.

Вновь обозрѣлъ *онъ* вокругъ всѣ мѣста,
Брови наморщилъ и стиснулъ уста:
Мнилось, пыталъ онъ, чело свое хмуря,
Точно ли смолкла затихшая буря,
Всё ли покончено? Думно тряхнувъ головой,
Долъ оглянулъ онъ, рядъ домиковъ, хижинъ,
Зелень и ска̀лы въ одеждѣ ихъ мшисто-сырой,
Всё оглянулъ онъ — и вновь неподвиженъ.
Ниже взглянулъ: видитъ — пропасть зіяетъ подъ нимъ,
Алчныя челюсти грозно разинувъ;
Выше—потокъ низвергается съ ревомъ глухимъ,
Волны свои съ высоты опрокинувъ
Въ бездну, что ловитъ ихъ зѣвомъ своимъ.
Долго стоялъ онъ, и взоръ его дикій вперялся
То въ эту землю, то въ сферу небесъ;
Но лишь въ себя заглянулъ онъ: себя испугался,
Вздрогнулъ, шатнулся и въ безднѣ исчезъ.

В. Бенедиктовъ.

III.

ПѢСНИ МАРУСИ.

1.

Отъ чего такъ грустно мнѣ
На родимой сторонѣ?
Грудь моя съ печали вянетъ;
Всё меня надежда манитъ
Въ дальніе края...
Полетѣла бъ я!

Тамъ далёко, за рѣкой,
Есть красавецъ молодой:
Скоро онъ ко мнѣ прискачетъ
И съ собой возьмётъ; заплачетъ
Мать моя тогда —
Мнѣ опять бѣда!

Сердце рвётся и дрожитъ,
Изъ очей слеза бѣжитъ;
На порогъ родимый ногу
Ставлю я, потомъ съ порогу
Отступаю вновь...
Помоги, любовь!

2.

Скоро въ путь я соберуся
И покину отчій домъ.
Мама спроситъ: «гдѣ Маруся?»
Скажутъ ей: «въ краю чужомъ!»

О, цвѣты мои! весною
Кто васъ будетъ сберегать?
Кто заботливой рукою
Въ зной васъ станетъ поливать?

Кто пойдётъ съ бѣльёмъ на рѣчку,
Кто поднимется чѣмъ-свѣтъ?
Кто затопитъ рано печку
И состряпаетъ обѣдъ?

Кто за вами, гуси, гуси,
Станетъ такъ какъ я ходить?

Кто-то будетъ безъ Маруси
Васъ и холить и кормить?

И отворитъ утромъ кто-то
Хлѣвъ бурёнушкѣ моей?
Въ часъ вечерній за ворота
Кто на встрѣчу выйдетъ къ ней?

Н. Бергъ.

Э. ЖЕЛИГОВСКІЙ.

Эдуардъ Желиговскій, въ польской литературѣ болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Антонія Совы, родился въ 1820 году, въ Гродненской губерніи. Окончивъ курсъ въ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ, онъ уѣхалъ въ свою гродненскую деревню и занялся хозяйствомъ. Первымъ его стихотворнымъ произведеніемъ, имѣвшимъ въ свое время нѣкоторый успѣхъ и надѣлавшимъ много шуму, была драматическая фантазія «Іорданъ», напечатанная въ Вильнѣ, въ 1846 году и перепечатанная въ слѣдующемъ году тамъ же. Фантазія эта подавала большія надежды, которыя, однако, не оправдались впослѣдствіи. Затѣмъ Желиговскій былъ высланъ на жительство въ Петрозаводскъ, а оттуда, въ 1853 году, въ Оренбургъ и потомъ въ Уфу. По возвращеніи своёмъ въ 1857 году изъ ссылки, онъ прожилъ около двухъ лѣтъ въ Петербургѣ, гдѣ встрѣтилъ радушный пріёмъ въ литературныхъ кружкахъ и былъ нѣкоторое время редакторомъ польскаго журнала «Слово». Здѣсь онъ написалъ едва ли не лучшее свое стихотвореніе «Друзьямъ-славянамъ», переводъ котораго помѣщонъ въ предлагаемомъ изданіи. Въ 1858 году Желиговскій напечаталъ въ Петербургѣ собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ: «Poezye Antoniego Sowy» и «Сегодня и Вчера». Затѣмъ, въ 1861 году, уѣхалъ за-границу и умеръ въ Женевѣ 17-го (29-го) декабря 1864 года.

ДРУЗЬЯМЪ-СЛАВЯНАМЪ.

О, братья! хоть у насъ отъ самаго рожденья
И вѣра, и языкъ — отдѣльные, свои,
Мы составляемъ всѣ единой цѣпи звѣнья,
Всѣ — дѣти мы одной разрозненной семьи.

Зачѣмъ же, за кого жь на крестное страданье
Его къ намъ вызвала небесная любовь,
Когда народный вопль, тревожное роптанье
И дѣло Каина творится въ мірѣ вновь?

Да! раздражонный братъ шолъ въ гнѣвѣ противъ брата,
Свершая на пути кровавыя дѣла;
И не за истину подъ остріёмъ булата
Лилась родная кровь, свершалось столько зла.

Іудинъ сребренникъ, Кайафы осужденье
Надъ кровію людской имѣютъ перевѣсъ.
Въ борьбѣ съ насиліемъ, въ борьбѣ съ предубѣжденьемъ
Какъ счастія искать? Иль ждать во всёмъ чудесъ?

А племя наше такъ раскинулось, созрѣло!
Лишь хартіи его дѣяній перечесть —
Повсюду встрѣтимъ въ нихъ величье слова, дѣла,
Вездѣ гражданскую возвышенную честь.

Не изрѣчёмъ суда и мрачнымъ въ нихъ страницамъ:
Припомнимъ, что грѣшитъ порою весь народъ,
Народы цѣлые, подобно частнымъ лицамъ:
То вспышка, произволъ, преданій старыхъ гнётъ!

Humanum est! Простимъ! Но то для сердца больно,
Что помрачаются дѣянія людей.
Какой-то злобный духъ надъ ними своевольно
Распространяетъ мракъ темнѣе и темнѣй.

Такъ, знамя грубой лжи считается народнымъ,
И вызываетъ въ насъ безсмысленный восторгъ,
Святое всё слывётъ отверженнымъ, безплоднымъ,
И честь дешовая выносится на торгъ.

И дерзко демоны въ добро рядиться стали,
Во знаменьи креста предвидя свой успѣхъ;
Но святотатство ихъ мы поняли, сознали,
И кровью и слезой мы свой омыли грѣхъ.

Теперь сознали мы къ какой стремимся требѣ:
Теперь не надо намъ чужихъ земель, знамёнъ;
Мы всѣ нуждаемся въ одномъ насущномъ хлѣбѣ,
И тотъ насущный хлѣбъ—есть счастіе племёнъ!

Насущный хлѣбъ для насъ въ той истинѣ священной,
Что мы должны пролить за правду потъ и кровь;
Что, по ученію Спасителя вселенной,
Нашъ лозунгъ—братская къ собратіямъ любовь.

Вы, пережившіе чистилище страданій,
Чья грудь огнёмъ любви и истины горитъ,
Увѣруйте — пройдётъ эпоха испытаній:
Согласіе средь насъ то чудо довершитъ.

И благо братій — намъ завѣтная награда
За трудный подвигъ нашъ: оно нашъ кличъ къ своимъ.
Долой сомнѣнія — и вырвемъ мы у ада
Божественную мысль, украденную имъ!

И демоны тогда глумиться перестанутъ
Надъ вѣчной правдою, устроившею міръ;
И братья, братьями поверженные, встанутъ
И дружно потекутъ на всеславянскій пиръ.

М. Петровскій.

—

Т. ЛЕНАРТОВИЧЪ.

Теофилъ Ленартовичъ родился 15-го (27-го) февраля 1822 года, въ Варшавѣ. Сынъ небогатыхъ родителей, онъ не получилъ хорошаго воспитанія въ дѣтствѣ: онъ даже не былъ въ гимназіи, такъ-какъ, по окончаніи курса въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, стѣснённыя обстоятельства заставили его, въ 1835 году, поступить писцомъ въ канцелярію одного адвоката; затѣмъ, въ 1837 году, онъ опредѣлёнъ былъ апликантомъ въ бывшій тогда судъ высшей инстанціи, а черезъ четыре года сдѣланъ штатнымъ канцеляристомъ. Въ 1848 году ему предложено было мѣсто помощника дѣлопроизводителя въ Коммиссіи Юстиціи, но онъ не принялъ его и уѣхалъ за-границу, гдѣ довершилъ свое скудное образованіе. Сначала Ленартовичъ поселился въ Фонтенбло и прожилъ въ этомъ городкѣ до 1854 года, то-есть до своей поѣздки въ Италію, гдѣ онъ задумалъ поселиться окончательно. Въ Римѣ онъ сильно заболѣлъ, что заставило его перебраться во Флоренцію. По выздоровленіи, онъ вступилъ въ бракъ съ Софьею Шимановской, двоюродной сестрой жены Мицкевича и весьма талантливой художницей, написавшей нѣсколько замѣчательныхъ картинъ, пріобрѣвшихъ извѣстность за-границей. Первые поэтическіе опыты Ленартовича стали появляться въ «Надвислянинѣ» и «Варшавской Библіотекѣ» — и были замѣчены публикою. По выѣздѣ своёмъ за-границу, онъ напечаталъ, въ 1848 году, въ Краковѣ: «Четыре Образа» и 1-ю часть «Картинъ Польской Земли» (2-я часть была издана въ 1850 году, въ Познанѣ). Съ переѣздомъ въ Италію, направленіе его музы измѣнилось — и онъ написалъ цѣлый рядъ сладенькихъ религіозно-сельскихъ произведеній, исполненныхъ манерности и отзывающихся упадкомъ искусства. Вотъ ихъ заглавія: «Восторгъ и Благословенная», «Лиренка» (Познань, 1855), «Святая Софья» (Познань, 1857) и «Новая Лиренка» (Варшава, 1859). Какъ на болѣе выдающееся изъ его многочисленныхъ стихотвореній можно указать на разсказъ «Савинскій», въ которомъ поэтъ описываетъ штурмъ Воли, взятіе костёла и смерть генерала Совинскаго въ 1831 году. Эти стихи напоминаютъ «Редутъ Ордона» Мицкевича. Въ настоящее время Ленартовичъ живётъ во Флоренціи и трудится надъ переводомъ «Божественной Комедіи» Данта. Полное собраніе стихотвореній Ленартовича издано въ 2-хъ томахъ, въ Познани, въ 1863 году.

I.

ПѢСНЯ.

Мѣсяцъ ясный, въ поднебесьи
Много видѣлъ ты чудесъ:
Видѣлъ море голубое,
Видѣлъ горы, степь и лѣсъ;
И любовниковъ счастливыхъ
Ты лучами освѣщалъ,
Но, по небу протекая,
Милой сердцу не видалъ.

Если бъ милую увидѣлъ
Съ чуднымъ пламенемъ въ очахъ —
Закипѣлъ бы жгучей страстью,
Задрожалъ бы въ небесахъ;
Даже спрятавшись за тучу,
Всё бы думалъ ты о ней
И соткалъ бы ей корону
Изъ серебряныхъ лучей.

П. Козловъ.

II.

ЛАСТОЧКА.

Вотъ идётъ краса-дѣвица,
Тяжело вздыхаетъ,

А надъ нею сиротою
Ласточка порхаетъ —

И порхаетъ, и щебечетъ,
И кружитъ, и вьётся:
Только-только что крылами
О косу не бьётся.

— «Что ты вьёшся? что ты бьёшся?
Что съ тобою, пташка?
Не томи — и безъ того мнѣ
Жить на свѣтѣ тяжко!»

— «Не покину, не оставлю,
Друга не забуду:
Вмѣсто брата, надъ тобою
Щебетать я буду.

«Что ни зорька — братъ твой голосъ
Шлётъ мнѣ изъ темницы:
«Побывай, малютка-пташка,
«У моей сестрицы?

«Всё ль еще она о братѣ
«Помнитъ, вспоминаетъ?
«Всё ль еще о безталанномъ
«Слёзы проливаетъ?»

Н. Гербель.

Л. КОНДРАТОВИЧЪ (СЫРОКОМЛЯ).

Людвигъ Владиславъ Кондратовичъ, извѣстный болѣе подъ своимъ псевдонимомъ *Владислава Сырокомли*, родился въ 1824 году, въ деревнѣ, арендуемой его отцомъ и лежащей недалеко отъ Минска. Сынъ бѣднаго шляхтича, Кондратовичъ прошолъ всѣ пять классовъ гимназіи и на семнадцатомъ году уже поступилъ на службу въ канцелярію администраціи радзивиловскихъ имѣній. Страсть къ стихотворству развилась въ нёмъ очень рано: будучи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже пользовался извѣстностью между своими товарищами, какъ поэтъ. И дѣйствительно, даже въ тогдашнихъ стихотвореніяхъ Кондратовича проглядывала его талантливая натура, которая впослѣдствіи высказалась такъ блистательно въ цѣломъ рядѣ произведеній, исполненныхъ неподдѣльнаго чувства, добродушнаго юмора и истинной поэзіи.

Первымъ серьёзнымъ трудомъ Кондратовича, явившимся въ печати, и обратившимъ на себя общее вниманіе, были переводы старыхъ польскихъ поэтовъ, писавшихъ по-латыни. Переводы отличались точностью, мастерствомъ отдѣлки и часто далёко оставляли за собою подлинникъ. Вслѣдъ за тѣмъ дѣятельность Кондратовича приняла широкіе размѣры и сдѣлалась весьма разнообразною. Изъ-подъ Минска переѣхалъ онъ въ маленькое имѣніе, взятое на аренду его отцомъ, и лежащее въ верстахъ пятнадцати отъ Вильно. Вліяніе бывшей литовской столицы, центра умственной и общественной жизни всей Литвы, было плодотворно для развитія богато-одарённой личности Кондратовича. Здѣсь-то началъ онъ издавать рядъ своихъ поэмъ и легкихъ стихотвореній, поставившихъ его имя на ряду съ первыми поэтами Польши и обратившихъ на него общее вниманіе всѣхъ истинныхъ цѣнителей поэзіи. Лучшими изъ поэмъ Кондратовича, написанныхъ имъ въ это время, можно назвать: «Маргера», «Яна Демборога», «Каноника Перемышльскаго» и «Уласа», а изъ драматическихъ произведеній: «Избу въ лѣсу», «Деревенскаго политика» и «Каспара Карлинскаго». Несмотря на огромный успѣхъ его большихъ поэмъ и нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній — всё это блѣднѣетъ передъ его мелкими разсказами, основанными большею частью на старыхъ литовскихъ преданіяхъ, или взятыми изъ быта бѣдной шляхты и простого народа, и поражающія читателя не глубиною идей, а благородствомъ направленія, сердечностью, простотою и изяществомъ формы. Въ этихъ разсказахъ Кондратовичъ достигъ высокаго совершенства. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ обладалъ необыкновенно-звучнымъ стихомъ, и всѣ согласны въ томъ, что по красотѣ стиха Кондратовичъ, за исключеніемъ Мицкевича, не имѣлъ соперника въ польской литературѣ. Въ произведеніяхъ Кондратовича выдаются всего болѣе двѣ характеристическія черты, отличающія его своеобразное творчество; это — полная искренность выражаемыхъ имъ чувствъ, производящая обаятельное впечатлѣніе, и тонкая, добродушная сатира, которою проникнуты многія изъ его мелкихъ стихотвореній. Во всѣхъ его сочиненіяхъ видно живое пониманіе прошлаго, основанное на глубокомъ, серьёзномъ изученіи старины, что кладётъ на его произведенія печать своеобразности. Изъ мелкихъ стихотвореній Кондратовича многія сдѣлались народными. Большая часть изъ

нихъ положена на музыку извѣстнымъ польскимъ композиторомъ Монюшко.

Не смотря на недостаточность своего школьнаго образованія, Кондратовичъ обладалъ обширною начитанностью, зналъ прекрасно латинскій языкъ, а также языки русскій, французскій и нѣмецкій, съ которыхъ много переводилъ. Работалъ онъ чрезвычайно быстро, такъ-что иногда цѣлую поэму оканчивалъ въ два, три дня. Въ эти дни онъ бывалъ всегда болѣзненно разстроенъ. Послѣ труда нервное раздраженіе, которымъ онъ постоянно страдалъ, доходило въ нёмъ до крайней степени. Можно сказать положительно, что каждому новому поэтическому произведенію онъ отдавалъ часть самого себя, въ буквальномъ значеніи этого слова. Въ образѣ своей жизни онъ отличался чисто-поэтической безпечностью, вслѣдствіе чего постоянно нуждался, не смотря на высокій гонорарій, платимый ему издателями. Немѣренный въ наслажденіяхъ, онъ рано растратилъ свои жизненныя силы и безвременно сошолъ въ могилу, едва переживъ свой сороковой годъ.

I.

КУКЛА.

Не плачь, моя кукла, не будь своенравной:
Умненько сиди, не мотай головой!
Послушай — о чёмъ говорили недавно
Папà и мамаша со мной.

Мнѣ къ празднику платье сошьютъ — заглядѣнье!
Я къ этому времени буду ужь знать
Молитвы французскія: мы въ воскресенье
Поѣдемъ къ обѣднѣ опять.

А наши крестьяне — вотъ будутъ дивиться
И, слыша молитву, качать головой!
А мнѣ не прилично по-польски молиться,
Какъ-будто мужичкѣ простой.

Но тихо — по-польски просить буду Бога,
Чтобъ мнѣ хорошѣть и рости поскорѣй,
Чтобъ далъ онъ папашѣ такъ много, такъ много
И бѣлыхъ, и жолтыхъ грошей.

Ужь какъ же папаша мой любитъ монеты!
И служитъ молебны, и въ церковь даритъ:
«Господь — говоритъ онъ — заплатитъ за это,
И больше въ сто разъ возвратитъ.»

Такъ вотъ онъ и молитъ усердно у Бога —
И Богъ ему больше и больше даётъ;
И скоро накопится денегъ такъ много,
Что мы потеряемъ и счотъ.

Ахъ, кукла! какая ты, право, смѣшная!
Ты думаешь: Богъ къ намъ появится Самъ,
Иль спустится съ деньгами ангелъ изъ рая
И деньги отдастъ эти намъ?

Нѣтъ! явится жидъ въ длиннополомъ кафтанѣ,
И будетъ онъ деньги папашѣ носить;
За деньги мы купимъ крестьянъ, а крестьяне
Намъ будутъ и жать, и косить.

Ты знаешь ли ктò мы? Мы — пàны, я — панна,
А это — холопы, рабочій народъ;
Самъ Богъ имъ велѣлъ, чтобъ они постоянно
Трудились для насъ, для господъ.

Фи, какъ они грубы, нечисты и пьяны,
Въ дырявыхъ сермягахъ, всегда безъ сапогъ…
Да кто жь виноватъ въ томъ! Не слушаютъ пана:
За-то и караетъ ихъ Богъ.

Папà любитъ лошадь, мамаша — собачку,
Холоповъ же всякій ругаетъ и бьётъ.
Хоть жаль, а нельзя же давать имъ потачку:
Такой ужь упрямый народъ!

Вчера вотъ: папà отдыхалъ въ кабинетѣ,
Они же — ну, право, ихъ мало бранятъ —
Вошли, натоптали слѣдовъ на паркетѣ:
«Ѣсть нѣчего, баринъ!» кричатъ.

За-то были выгнаны вонъ и прибиты…
Ну, право, когда я начну управлять —
Пока эти люди не будутъ всѣ сыты,
До-тѣхъ-поръ не лягу я спать!

Уснёшь ли спокойно, когда тутъ толпится
Голодный народъ у окна, у воротъ!
Пожалуй, какой-нибудь нищій приснится
И въ сумкѣ съ собой унесётъ.

А пуще боюсь — не узналъ бы на небѣ
Господь; а Онъ добръ, говорятъ, къ бѣднякамъ…
Помолимся жь, кукла, о деньгахъ, о хлѣбѣ —
Чтобъ далъ ихъ крестьянамъ и намъ!

А. С.

II.

ПРЕЖДЕ БЫЛО ЛУЧШЕ.

Нѣтъ! село у насъ стояло
Краше въ старину!
Да не быть порѣ бывалой:
Что ни дѣвка — цвѣтикъ алый,
Что ни парень — ну!

Васъ привёлъ Богъ умудриться,
А посмотришь — не спорится
Ничего-то вамъ:
На лугу цвѣты — крапива;
И чахоточная нива,
И народъ-то — срамъ!

Намъ, бывало, не помѣха —
Снѣгъ и градъ съ дождёмъ:
Коль работаемъ — утѣха,
А гуляемъ — такъ застрѣха
Ходитъ ходенёмъ.

Нынче люди не такіе:
За работой — что больные,
Съ чарки — подъ столомъ;
А могучихъ дѣдовъ кости
Почиваютъ на погостѣ
Вѣковѣчнымъ сномъ!

Къ нимъ бреду въ морозъ и слякоть —
Выпить жбанъ медку:
По покойникамъ поплакать
И съ могилкой покалякать
Любо старику!

Л. Мей.

III.

ДУМА.

Здѣсь дни мои текутъ спокойно;
Здѣсь хлѣба вдоволь и цвѣтовъ;
И вечеркомъ пріятель добрый
Потолковать со мной готовъ.

Средь яблонь, грушъ и дубовъ старыхъ,
Отрадно въ этой мнѣ тиши.
Еще одно бы только благо —
Одно: спокойствіе души.

О, люди, братья! помолитесь
За брата бѣднаго порой,
Чтобы остылъ тревожной мысли
Жаръ въ головѣ моей больной.

Чтобы мечтамъ моимъ крылатымъ
Разсудокъ воли не давалъ,
Чтобъ о всеобщемъ, вѣчномъ счастьи
Безумный я не помышлялъ!

А. Плещеевъ.

IV.

КАПРАЛЪ ТЕРЕФЕРА И КАПИТАНЪ ШЕРПЕТЫНА.

Хлѣбъ солдатскій — не пшеница,
А припомнишь — сердце стиснетъ:
Горько... что твоя горчица —
И слеза въ глазахъ повиснетъ.
Панъ подумаетъ: такая
Наша молодость бывала,
Какъ теперь у васъ, шальная,
Что съ пелёнъ старухой стала?
Нѣтъ! похоже, да не то же:
Гдѣ въ васъ сила? гдѣ въ васъ вѣра?
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Вотъ теперь-то мы въ невзгодѣ
Старики совсѣмъ ослабли,
А въ двѣнадцатомъ-то годѣ,
Какъ пришла пора до сабли...
Эхъ! Вотъ видишь, панъ, петличку
Съ алой лентою? А нутка,
Какъ я эту взялъ отличку —
Поспроси, такъ скажешь — жутко!
Да! бывало намъ негоже:
Голодъ, холодъ, лѣсъ — квартера...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Ну, Смоленская дорожка!
Что ни шагъ, то перестрѣлки...
Въ ранцахъ хлѣба хоть бы крошка;
А ужь гдѣ тутъ до горѣлки!
Подъ усадебкой одною
Дали роздыхъ. Чуть свѣтаетъ;
А козаки за спиною,
А морозъ такъ и кусаетъ.

Крестъ зажгли съ могилы: что же?
Не могилы святы — вѣра!
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Всѣ къ огню: хоть у лучины,
Да согрѣть бы только пальцы,
Всѣ — гасконцы и жмудины,
И кракусы, и вестфальцы.
Вспыхнулъ крестъ; огонь раздули,
Хворостинокъ подложили,
Не добромъ морозъ ругнули,
Съ пѣсней трубки закурили;
А иной лёгъ спать — да тоже
Вѣдь и сну бываетъ мѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Лёгъ на снѣжной-то постелѣ,
Да вотъ встать — не всталъ по-нынѣ;
Развѣ встанетъ, въ-самомъ-дѣлѣ,
Въ Есофатовой долинѣ.
Ну, бывало, палашами
Мы и выроемъ могилу,
И съ молитвой, со слезами
Сложимъ въ снѣгъ былую силу.
Про другихъ болтать не гоже,
А нашъ полкъ крѣпила вѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Да, нашъ полкъ былъ въ капитана:
Что по битвѣ, что до битвы,
Каждый день онъ, ранымъ-рано,
Намъ велитъ читать молитвы;
Если жь постъ когда настанетъ —
Nolens, volens, а постися.
Офицеръ его помянетъ,
А солдаты имъ клялися.
Человѣкъ былъ въ лѣтахъ тоже;
Рѣчь — по маслу; взгляду мѣра...
Ахъ Ты, Господи мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Хоть была похмура мина,
Да живьёмъ его изжарте —
Камень... Звали Шерпетына,
Потому — рубился arte.
Для солдатъ весь на распашку;
Есть нужда, такъ всѣ къ нему же:
Дастъ послѣднюю рубашку;
Передъ фронтомъ — чорта хуже!
Голосъ — нешто трубы строже:
Оглушитъ и офицера.
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Со Смоленска — примѣчаю —
Старый сѣлъ на обѣ ноги:
Можетъ, раненъ по случаю,
Можетъ, такъ усталъ съ дороги?
Богъ же вѣдаетъ! Примѣрно
Такъ былъ крѣпко вѣренъ роли,
Что умри онъ съ боли — вѣрно
Не узнали бы, что съ боли.
По колѣна снѣгъ, а всё же
Прётъ въ нёмъ лучше гренадера.
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Чуть мы были на готовѣ,
«Стройся!» крикнулъ онъ порядно:
«На плечо!» Я вижу — брови
Такъ и сходятся. Не ладно!
По шеренгамъ всѣхъ оправилъ.
«Прямо, маршъ!» Такой-то бравый;
Только смотримъ, анъ оставилъ
На снѣгу онъ слѣдъ кровавый...
И шатается онъ, тоже
Словно веселъ, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Вотъ присѣлъ онъ на дорогу,
Обвязалъ платочкомъ рану;
Я и вышелъ на подмогу,
Чѣмъ прійдётся, капитану.
А старикъ какъ крикнетъ: «Что ты!
На чужую кровь глазѣешь,
Терефера? Маршъ до роты!»
Тереферой, разумѣешь,
По полку прозвали тоже
Хоть меня бы, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Эко зелье было злое!
Экой норовъ непреклонный!
Всталъ съ земли бодрѣе вдвое,
Зашагалъ передъ колонной.
Ладно! думаемъ мы: сказки!
Невтерпёжъ ему, бохвалитъ...

Кровь сочится сквозь повязки;
Усталъ съ ногъ сѣдого валитъ,
А шагаетъ... И вѣдь что же?
Оху нѣтъ!... Не та манера...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Ну, сломила мука хвата:
Застоналъ — и брякъ, что плаха.
Подскочили тутъ ребята —
Кто съ усердья, кто со страха,
Цѣлый взводъ поднять собрался:
Самъ не можетъ встать отъ боли;
А обозъ-то нашъ остался
Позади, въ Смоленскѣ, что ли.
Съ плечь долой плащи мы: всё же
Хоть на нихъ снесть командера...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Огрызнулся жь онъ тогда-то
Такъ, что развѣ волку въ пору:
«Это что? изъ-за меня-то
Опоздать полку къ отпору!
Прочь! я съ вами не попутчикъ;
Я ужь въ спискахъ стёртый нумеръ.
Заготовьте, панъ-поручикъ,
Рапортичку, что я умеръ.
Гробъ не нуженъ мнѣ... да тоже
Не трубить! Одна химера!»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Панъ-поручикъ — что жь? по чину
Долженъ былъ его покинуть...
«Нѣтъ же!» думаю: «хоть сгину,
А ему не дамъ загинуть!»
Подхожу къ нему — не трушу,
Говорю: «по вольной волѣ,
Панъ сгубить задумалъ душу;
Али любы снѣгъ, да поле?»
—«Коль идти не въ мочь, такъ что же?»
—«Мы доставимъ командера...»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

— «Отойди ты прочь съ совѣтомъ,
Не болтай мнѣ ничего ты!
Мнѣ приказъ: проститься съ свѣтомъ,
А тебѣ свои заботы.
У тебя вонъ пooслабли
Рекрута, да и балуютъ:
Ружья держатъ, словно грабли,
И, гляди, какъ маршируютъ —
Ни на что вѣдь не похоже!
Гдѣ ровненье, ловкость, мѣра?»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Говоритъ онъ: «крѣпко раненъ...
Изошолъ въ конецъ я кровью...
Какъ вернёшься ты сохраненъ
Къ намъ на родину, къ домовью,
(Вѣдь село тебѣ извѣстно,
Гдѣ живётъ моя родная)
Ты скажи ей: «умеръ честно,
Съ шеи крестъ снялъ, умирая:
Да хранитъ тебя, а тоже
Хату съ парой ульевъ, вѣра!»
Ахъ ты, Господи мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

«Вся казна моя хранится
Здѣсь въ лядункѣ: ты за душку
За мою, гдѣ прилучится,
На поминъ церковный, въ кружку
Опусти всѣ деньги... Надо
И ребятамъ помолиться
За меня... Прощай! Отряда
Не видать ужь... А отбиться
Отъ отряда непригоже:
Домъ и честь солдату — вѣра!»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

— «Ладно, ладно, молъ! проходитъ
Всѣмъ людямъ одна дорога;
А куда она приводитъ?
Ну, да это въ рудѣхъ Бога!
Я вотъ такъ смекаю: взять бы
Капитана мнѣ на плечи,
Да вдвоёмъ и дошагать бы
До больницы: недалече...
А въ снѣгу-то для чего же
Ночевать? что за квартера?»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Обозлился лютымъ бѣсомъ;
Искры сыплются отъ взгляда.
— «Дурень! полкъ подъ самымъ лѣсомъ:
Ты отстанешь отъ отряда...

Догоняй живѣе! знаешь:
За побѣгъ — арестъ, и пули!»
— «Ну», мерекаю: «пугаешь,
А не хочешь чорта въ стулѣ?»
Взялъ его на плечи — что же?
Какъ эхидна, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Рвётся, бьётся и бранится...
— «Пусть же», думаю: «знать, нужно!»
Только пò снѣгу тащиться
Было съ нимъ, ей-ей, притужно.
Отдохнёшь себѣ немножко —
И вперёдъ, ажь лобъ потѣетъ.
Мили съ три я той дорожкой
Промололъ... Старикъ слабѣетъ,
Жмётъ мнѣ шею... Да чего же?
Вѣдь на всё про всё есть мѣра..
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Вслѣдъ за войскомъ кой-гдѣ тлѣютъ
Огоньки; кой-гдѣ потухли;
Трупы грудой кочепѣютъ,
Посинѣли и опухли;
Кой-гдѣ виденъ слѣдъ обоза...
У меня сухарь остался:
Подѣлились мы — съ мороза
Мой старикъ проголодался;
Пропустилъ горѣлки тоже;
Молодцомъ сталъ, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Глядь, подъ вечеръ: насъ густая
Туча войска накрываетъ;
Знать, что конница какая...
Шерпетына укоряетъ:
«Видишь, дурень, самъ на дѣлѣ,
Какъ не слушаться приказу?
То козаки налетѣли —
Пропадёшь задаромъ съ-разу,
Своевольникъ! Для чего же
Не послушалъ командера?»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

«Жаль тебя! Такія ль лѣта
Чтобъ пропасть со всей семьёю?
Да, постой, не наши ль это?
Я жь расправлюся съ тобою!»
Вижу — валятъ къ намъ рядами,
Словно пò степи бураны;
Одаль — пушки; передами
Мамелюки и уланы...
Снѣгъ — что вихорь; воздухъ тоже
Стономъ стонетъ, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Глядь, какой-то всадникъ близко
На конѣ на бѣломъ скачетъ:
Въ сертучишкѣ; шляпу низко,
До бровей, надвинулъ, значитъ.
Тутъ я крѣпко струсилъ что-то,
Словно жизнь была на картѣ.
«На-краулъ!» мнѣ крикнулъ мой-то:
«Это кесарь Бонапарте!»
Самъ долой мнѣ съ плечь, вотъ тоже,
Что змѣя, али випера...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Подскакалъ къ намъ кесарь, грозно
Насъ обвёлъ орлинымъ взглядомъ:
«Кто такіе? что такъ поздно?
Отчего вы не съ отрядомъ?»
Я подумалъ: «будь что будетъ,
Правду молвить хватитъ духу!»
Я тогда — панъ не забудетъ —
По-французски зналъ по слуху.
Собрался я съ силой тоже,
Начинаю, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Разсказалъ ему съ почина,
Что случилося въ дорогѣ,
Какъ упалъ нашъ Шерпетына,
Какъ отбился отъ подмоги,
Какъ команду я нарушилъ:
Разсказалъ всё дѣло — право.
Онъ всё молча слушалъ, слушалъ:
«Ну, капралъ», промолвилъ, «браво!»
А глаза зажглися тоже,
Что горючая вотъ сѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Разспросилъ у Шерпетыны,
Кто я, какъ служилъ, бывало?

Тотъ ему — свои причины:
Про мои заслуги, стало...
Вижу я: теперь мнѣ льгота,
Нѣтъ въ нёмъ злости сатанинской...
А вѣдь всё бормочитъ что-то
Объ ослушности воинской;
Да ужь, знать, что словомъ тоже
Не хотѣлъ срамить мундера...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Обнялъ самъ меня, скорѣе
Далъ мнѣ крестъ своей рукою...
Это — лента; крестъ на шеѣ;
А умру я — въ гробъ со мною
Положить отлички обѣ:
Не пропасть же имъ задаромъ:
Пусть красуются во гробѣ
На моёмъ мундерѣ старомъ...
Вѣдь, достались отъ кого же,
Отъ какого командера!...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Ну! тряхнулъ я головою,
Крикнулъ, словно затрубили:
«Vivat, кесарь!» а за мною
Всѣ гвардейцы подхватили.
Насъ — въ фургоны, и въ дорогу;
Довезли въ больницу рано
На зарѣ; тамъ, слава Богу,
Излечили капитана.
Онъ теперь живётъ здѣсь тоже...
Мыза... знатная квартера...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Но мнѣ было не до шутокъ:
Только съ койки — для примѣру,
Подъ арестъ на трое сутокъ,
За ослушность, Тереферу...
«Кесарь далъ тебѣ награду»,
Говоритъ: «и дѣло свято!
Только я-то вамъ поваду
Ужь не дамъ: шалишь, ребята!
Ты и спасъ мнѣ жизнь, а всё же
Надо слушать командера.»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Да и правда! Недоуки
Тѣ, кому люба безчинность:
Далъ Господь команду въ руки,
Такъ справляй свою повинность!
Такъ гуторилъ Терефера
На порогѣ низкой хаты;
Вытеръ слёзы, для примѣра,
И на посохъ суковатый
Оперся — и стала строже
Бровь сѣдая кавалера...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Л. Мей.

ЛУЖИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Лужичане представляютъ самую малочисленную вѣтвь славянскаго племени. Въ числѣ не доходящемъ и до 200,000 душъ, они населяютъ часть Саксоніи и Бранденбурга, со всѣхъ почти сторонъ окружонные нѣмцами и съ каждымъ днёмъ всё болѣе и болѣе теряющіе свою народность отъ разлагающаго на неё дѣйствія германскихъ стихій. Нужно еще удивляться, какъ уцѣлѣлъ до нашихъ дней этотъ послѣдній осколокъ великаго нѣкогда племени славянъ прибалтійскихъ, и какъ могла въ нёмъ сохраниться или возродиться вѣра въ силу своей народности и надежда на лучшую будущность.

А между-тѣмъ эта вѣра и надежда живутъ въ сознаніи лучшихъ людей народа; онѣ и оправдываются отчасти тѣми неожиданными, но несомнѣнными успѣхами, которые сдѣлала славянская идея и на этой безнадежной, повидимому, почвѣ, въ короткій промежутокъ нѣсколькихъ десятилѣтій. Бѣдное племя, расколотое на части въ отношеніяхъ, какъ политическомъ (въ Пруссіи и Саксоніи), такъ и въ религіозномъ (протестанты и католики) и діалектическомъ (верхне и нижне-лужицкое нарѣчія), лишонное одушевляющихъ преданій прошлаго и самыхъ необходимыхъ условій развитія народнаго сознанія — просыпается, встаётъ на ноги, подымаетъ знамя народности, кладётъ основаніе литературнаго языка, создаётъ письменность, поэзію, науку, и всё это въ размѣрахъ хотя очень скромныхъ въ смыслѣ абсолютномъ, но довольно значительныхъ въ сравненіи съ количествомъ наличныхъ силъ народности.

Не забудемъ, что Лужицы—не болѣе любого уѣзда русской губерніи. Какова была бы теперь наша литература, еслибъ каждый уѣздъ далъ ей хоть по одному Бранцелю, Любенскому, Зейлеру, Смоляру и Пфулю!

Первый толчокъ къ литературному пробужденію лужицкой народности дала реформація. Въ этомъ отношеніи здѣсь повторилось то-же, что было въ XVI вѣкѣ въ Крайнѣ, Хорватіи, Словачинѣ и другихъ славянскихъ земляхъ. Но эта письменность вращалась исключительно въ предѣлахъ религіи: переводы священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, церковные пѣсни и гимны, проповѣди, духовныя размышленія — вотъ содержаніе этой старой письменности, обнимающей вѣка XVI—XVIII. Главнымъ представителемъ письменности свѣтской этого періода былъ знаменитый Авраамъ Бранцель (Френцель), который для обработки исторіи своего народа сдѣлалъ то, что для словенцевъ — Вальвазоръ. Но большая часть произведеній Бранцеля осталась въ рукописяхъ. Впрочемъ, учоные труды Бранцеля писаны на латинскомъ языкѣ; послѣдующіе же учоные этого народа пользовались въ своихъ сочиненіяхъ, кромѣ латинскаго, и нѣмецкимъ языкомъ (Фабрицій, Кнаутенъ, Горчанскій, Антонъ и другіе). Не подлежитъ сомнѣнію, что самъ основатель новонѣмецкой литературной школы — Лессингъ (Лѣсникъ) происходилъ изъ племени

полабскихъ славянъ, равно какъ и великій полигисторъ Лейбницъ.

Возрожденіе лужицкой народности совершилось въ первой половинѣ нашего вѣка, одновременно съ литературнымъ возрожденіемъ чеховъ и словаковъ и, можетъ-быть, не безъ нѣкотораго вліянія со стороны послѣднихъ. Роль Голаго и Коллара игралъ при этомъ въ Лужицахъ пасторъ Андрей Любенскій. Онъ былъ средоточіемъ перваго патріотическаго лужицкаго кружка. Изъ него вышли потомъ Зейлеръ, Смоляръ, Іорданъ и другіе представители младшаго поколѣнія, при которомъ патріотическія мечты Любенскаго и Клина начали приводиться въ исполненіе. Одно за другимъ возникали общества, появлялись изданія, выдвигались новые дѣятели. Движеніе распространялось изъ городовъ въ сёла, изъ школъ въ народныя массы. Духовенство и учителя были главными дѣятелями и вождями этого движенія. Оно, какъ и всюду, получило строго-демократическій характеръ, вслѣдствіе чего подробное изученіе народа, его быта и понятій, языка и пѣсенъ сдѣлалось главнымъ основаніемъ воздвигаемаго зданія народной литературы. Плодами этого этнографическаго изученія являются прекрасное изданіе народныхъ лужицкихъ пѣсенъ (Гаупта и Смоляра) и сербо-лужицкаго словаря (Пфуля). Явилось нѣсколько даровитыхъ поэтовъ. Въ ихъ ряду первенствуютъ Зейлеръ и Мужикъ-Класопольскій. Роль же словацкаго Штура — поэта, публициста и главнаго посредника между обществомъ и народомъ — игралъ въ Лужицахъ Смоляръ, собиратель народныхъ пѣсенъ и издатель многихъ книгъ и журналовъ на лужицкомъ нарѣчіи.

Съ 1848 года центромъ умственной дѣятельности народа является Лужицкая Матица, основанная въ городѣ Будишинѣ стараніями Смоляра, Клина и другихъ патріотовъ. Ея изданія, особенно «Часопись», служатъ вѣрнымъ показателемъ дальнѣйшихъ успѣховъ лужицкаго народа на поприщѣ науки и литературы. Особенную цѣнность имѣютъ помѣщонныя въ изданіяхъ Матицы сборники и изслѣдованія по предметамъ этнографіи и филологіи. Эти труды принадлежатъ, кромѣ названныхъ уже нами Зейлера, Смоляра, Іордана, Клина, Гаупта и Пфуля, еще слѣдующимъ лицамъ: Цыжу, Іенчу, Буку, Дучману, Киліану, Фидлеру, Якубу, Шнейдеру, Велѣ, Имишу, Крушвицѣ, Крюгару, Стангѣ, Кульману, Бартку, Рихтару, Муцинку, Ванаку, Гашкѣ, Стемплю, Горнику, Ростоку и нѣкоторымъ другимъ. Кромѣ Будишина, лужицкія книги издаваемы были въ послѣднее время еще въ Воерецахъ, Любіи, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Бреславлѣ и Прагѣ.

Успѣхамъ народнаго возрожденія этого племени вредитъ не мало отчужденіе нижнихъ или прусскихъ лужичанъ отъ литературнаго единенія съ верхними или саксонскими. Но въ послѣднее время это отчужденіе значительно ослабѣло и можно питать болѣе или менѣе основательную надежду, что въ литературномъ единствѣ этотъ маленькій народъ почерпнётъ хоть часть той силы, которая столь необходима ему для дальнѣйшаго сохраненія своей народности, отовсюду подмываемой прибоемъ нѣмецкаго моря—въ смыслѣ этнографическомъ и политическомъ. Но не трудно видѣть, что борьба здѣсь идётъ очень неравная, и что ея конечный исходъ будетъ печаленъ для славянства, если оно не найдётъ въ себѣ воли и силы послать своевременное подкрѣпленіе на этотъ постъ, самый опасный и угрожаемый во всей славянской территоріи.

А. Будиловичъ.

ЛУЖИЦКІЕ ПОЭТЫ.

А. ЗЕЙЛЕРЪ.

Андрей Зейлеръ, евангелическій пасторъ и знаменитѣйшій изъ лужицкихъ поэтовъ, родился въ 1804 году. Любовь къ народной литературѣ и патріотическія стремленія къ поддержанію самостоятельности маленькаго племени лужицкихъ славянъ, въ саксонской и прусской Лузаціи, рано проснулись въ восторженной душѣ поэта. Будучи еще студентомъ въ Лейпцигѣ, Зейлеръ возстановилъ, подъ именемъ «Сорабіи», проповѣдническое общество при университетѣ, основанное въ 1716 году лужицкими студентами и закрывавшееся послѣ того два раза, во время семилѣтней войны и по окончаніи войны за независимость, причёмъ въ первый разъ оно было возстановлено Андреемъ Любенскимъ, предшественникомъ Зейлера въ дѣлѣ возрожденія лужицкой народности. Затѣмъ онъ сталъ издавать рукописную лужицкую газету, въ которой помѣщались труды устроеннаго имъ общества и его собственныя поэтическія попытки. Газета имѣла большой успѣхъ и ея переписанные экземпляры ходили по всему лужицкому краю. Въ 1826 году Зейлеръ познакомился въ Лейпцигѣ съ Палацкимъ и сербскимъ поэтомъ Милутиновичемъ—и ихъ вліяніе еще больше развило его собственныя стремленія. Онъ сталъ горячо проповѣдывать о служеніи своей народности—и слова его падали не на безплодную почву. Лужицкій народъ, не достигающій въ настоящее время и 200,000 населенія и едва сохранившій свою народность подъ гнётомъ тысячелѣтняго рабства, начиная съ тридцатыхъ годовъ, посвятилъ такія ревностныя заботы къ дальнѣйшему возрожденію, что, повидимому, обезпечилъ совершенно свою тѣсную связь съ другими болѣе многочисленными славянскими племенами. Какъ поэтъ, Зейлеръ до-сихъ-поръ остаётся въ главѣ сербо-лужицкой литературы. Многія изъ его пѣсенъ, прославившихъ его имя, давно сдѣлались народными.

I.

МАЙСКОЕ ВОСКРЕСНОЕ УТРО.

Тихими шагами утро молодое
Изъ воротъ выходитъ, свѣтомъ залитое;
Вѣтеръ спитъ — забылся безмятежнымъ сномъ;
Только гдѣ-то рѣчка, каменнымъ русломъ
Пробираясь съ ревомъ, точитъ скалъ подножья:
Нынче день воскресный, въ церквѣ служба Божья!

«Да святится имя Божіе во-вѣкъ!»
Умилённый сердцемъ, шепчетъ человѣкъ,
Поднимая очи, полныя привѣта,
Къ голубому небу. Лучъ горячій свѣта —
Жизни безконечной пламенный родникъ —
Въ алчущую душу странника проникъ.

Люди, лѣсъ и поле — въ праздничномъ уборѣ —
Мирно отдыхаютъ; радость въ каждомъ взорѣ.
Не тревожитъ слуха рѣзкій стукъ колёсъ —
По дорогѣ пыльной не скрипитъ обозъ;
Только птичка рѣетъ надъ цвѣтущей рожью:
Нынче день воскресный—правятъ службу Божью!

Благовѣстъ заслыша, всё на зовъ спѣшатъ
Въ храмъ святой; на каждомъ праздничный нарядъ:
Злачный лугъ цвѣтами путь имъ устилаетъ,
Пѣнье птицъ небесныхъ ихъ сопровождаетъ,

Услаждая сердце, духъ готовя ихъ
Къ воспріятью пѣсенъ лучшихъ — неземныхъ.

Не ласкаетъ ухо скрипъ знакомый плуга;
Оселокъ о косу не стучитъ средь луга;
Смолкла въ чащѣ лѣса звонкая пила;
Дремлетъ наковальня — точно замерла;
Вѣтеръ звонъ разноситъ, въ церквѣ слышно пѣньѣ:
Въ церквѣ служба Божья — нынче воскресенье!

Червь, забывъ про солнце, роется въ землѣ,
Звѣрь по ней блуждаетъ, словно въ чорной мглѣ:
Только то̀, что вѣчно, что своё начало
Отъ небесъ, по волѣ Божьей, воспріяло,
Къ небу шлётъ моленье тёплое своё:
«Да пріидетъ, Боже, царствіе твоё!»

Н. Гербель.

II.

МОЯ РОДИНА.

Ты знаешь ли мою прекрасную отчизну?
Что̀ золота въ ней нѣтъ—не ставь ей въ укоризну!
Могучій кипарисъ и персикъ золотой
Не украшаютъ горъ страны моей родной...
Нѣтъ, это мирный край—цвѣтущій, тихій садъ,
Обитель тишины, Господень вертоградъ.

Ты знаешь ли мой край съ горами голубыми?
Онъ не дивитъ очей границами своими;
Нѣтъ гордыхъ въ нёмъ князей; мечтая о войнѣ,
Онъ мечъ кровавый свой не точитъ въ тишинѣ:
Нѣтъ, онъ не величавъ, онъ славой не богатъ,
Родной мой уголо̀къ, мой домъ, мой тихій садъ.

Ты знаешь ли мою отчизну дорогую?
Нѣмецкій край мнѣ чуждъ: люблю страну иную!
Отечество моё — очагъ мой, сербскій домъ —
Есть маленькая вѣтвь на древѣ вѣковомъ
Славянства; съ вѣтви той листы не опадутъ...
Счастливый этотъ край Лужицами зовутъ.

Она, она — мой рай, страна моя родная,
Земля моихъ отцовъ, жела̀нная, святая!
Кто въ ней расцвѣлъ и жилъ, кому она близка—
Для счастья тѣхъ она довольно велика...
Сіяй же и цвѣти, о край родимый мой,
Всё ярче, всё свѣтлѣй и честью и красой!

Н. Гербель.

И. ВЕЛА.

I.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОЙ.

Воротился домой молодецъ на конѣ:
Съ господиномъ онъ былъ на войнѣ.
А въ ту пору у матери бѣдной его
Не осталось въ дому ничего:
Торжнико̀въ безпощадный и дерзкій народъ
Отъ ея не отходитъ воротъ.
Добрый сынъ вороного къ плетню привязалъ
И, къ тѣмъ людямъ приблизясь, сказалъ:
«Стойте, стойте, злодѣи! А ты, моя мать,
Перестань, перестань горевать!
Золотую, добытую честно кису
Я тебѣ изъ чужбины несу.
Нѣтъ позора, нѣтъ горькой слезинки на нихъ,
На червонцахъ моихъ золотыхъ:
Даръ они моего господина — въ тотъ часъ,
Какъ его я отъ гибели спасъ.»
То промолвя, онъ брякнулъ кисою о столъ,
Ажно гулъ по свѣтлицѣ пошолъ.
«Будетъ этого намъ, будетъ этого, мать,
Чтобъ не плакать и горя не знать!»

Н. Бергъ.

II.

ПОЛУДНИЦА.

Солнце на̀ полдень взошло:
Стадо съ пастбища пошло
И работники толпою,
Утомлённые отъ зною,
Воротились по домамъ —
Отдохнуть немного тамъ.
Лишь нейдётъ хозяинъ поля:
Онъ, жнецовъ своихъ неволя,
Хочетъ кончить полосу.
Зашумѣло вдругъ въ лѣсу —
И Полудница отту̀да
Выступаетъ. «Будетъ худо»—
Говоритъ она — «тому,
Кто велѣнью моему
Непослушенъ: въ полдень знойный
Отдыхъ людямъ дать покойный
Воспротивится!» Идётъ —
И земля подъ ней гудётъ;

Всѣ трепещутъ... Полдень минулъ,
Селянинъ опять покинулъ
Хату: въ поле всѣ пошли
И умершаго нашли.
Если вѣровать въ разсказы:
То Полудницы проказы.

Н. Бергъ.

III.

ѢЗДОКЪ.

Онъ на лошади буланой
Подъѣзжаетъ къ кузнѣ рано;
Мечъ у пояса торчитъ;
Кузнецу ѣздокъ кричитъ:
«Слышь! коня подкуй мнѣ живо,
Чтобъ леталъ со мной на диво,
Чтобы сталъ мой вѣрный конь —
Бурный вѣтеръ и огонь!»
Побѣжалъ кузнецъ; готова
У него какъ-разъ подкова.
«Ладно!» вымолвилъ ѣздокъ —
И увѣсистый мѣшокъ
Изъ-за пазухи онъ вынулъ
И его на землю кинулъ:
«Вотъ тебѣ, кузнецъ, пока
Отъ лихого ѣздока!
А потомъ — еще награда:
Кой-кого догнать мнѣ надо,
Впереди, въ густомъ лѣсу,
И побольше взять кису!»

Н. Бергъ.

IV.

НЕЗНАКОМЕЦЪ У МОГИЛЫ.

Вотъ идётъ незнакомецъ унылый,
На колѣни онъ палъ предъ могилой,
Про неё у людей распросилъ
И слезами её оросилъ;
Ветхій крестъ обнимаетъ рукою
И вздыхаетъ, исполненъ тоскою —
Такъ всю ночь. Лишь зардѣлся востокъ,
Горсть земли завязалъ онъ въ платокъ:
«Мать моя!» говоритъ онъ, стеная:
«Мать моя, дорогая, родная!
Спи спокойно до суднаго дня,
Поджидая, бѣднягу, меня!»
Тутъ съ могилой онъ молча простился
И куда неизвѣстно пустился.

Н. Бергъ.

—

Я. БУКЪ.

Яковъ Букъ родился въ 1825 году, въ Зенчахъ, въ саксонскихъ горныхъ Лужицахъ. Онъ воспитывался въ духовной гимназіи въ Прагѣ, по окончаніи курса въ которой былъ, въ 1850 году, посвящонъ въ священники и опредѣлёнъ учителемъ въ только-что основанную католическую семинарію въ Будишинѣ; затѣмъ, въ 1851 году, онъ былъ сдѣланъ библіотекаремъ Сербской Матицы. Эту послѣднюю должность онъ занималъ до 1854 года, когда былъ назначенъ преподавателемъ дрезденской прогимназіи и капеланомъ придворной католической церкви въ Дрезденѣ. По переѣздѣ въ Дрезденъ, Букъ принялъ на себя редакцію журнала «Сербская Матица», а въ 1860 году получилъ мѣсто директора дрезденской прогимназіи. Оригинальныя его стихотворенія очень хороши и пользуются большимъ почётомъ у лужичанъ. Также хороши его переводы на лужицкій языкъ «Краледворской Рукописи» и нѣкоторыхъ піесъ Челяковскаго. Кромѣ того онъ издалъ «Собраніе Сербскихъ Пословицъ» и перевёлъ съ нѣмецкаго повѣсть Смида «Какъ Богуславъ изъ Дубовина увѣровалъ въ Бога».

СЕРБСКАЯ ЛИПА.

Какъ радостно видѣть кудрявую липу,
Мать-Слава, на сербской могилѣ —
Ту липу, что, полныя братской любови,
Сыны ея тамъ посадили!

Она съ нетерпѣньемъ ждётъ ранняго цвѣта
На благо родному народу:
Она уповаетъ, что духъ въ нёмъ воскреснетъ
И сербамъ воротитъ свободу.

Такъ будемъ же пествовать сербскую липу —
Да будетъ зеницею ока!
Пусть только цвѣтётъ она пышно, обильно,
Раскинувши вѣтви широко.

Друзья, постоимъ до послѣдняго крѣпко
За нашу народность и счастье;
Господь не оставитъ народъ безъ охраны —
И смѣнится вёдромъ ненастье!

Н. Гербель.

—

К. ПФУЛЬ.

Карлъ Пфуль, современный лужицкій писатель, пользуется въ своёмъ отечествѣ славою хорошаго поэта и прозаика, благодаря нѣсколькимъ написаннымъ имъ пѣснямъ, исполненнымъ горячаго патріотизма, и многимъ прозаическимъ статьямъ этнографическаго и литературнаго содержанія, отличающимся живымъ интересомъ. Кромѣ того, онъ еще извѣстенъ какъ составитель и издатель перваго лужицко-нѣмецкаго словаря.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Я знаю васъ, о горы голубыя!
Я снова здѣсь, поля мои родныя,
Лужицкій край, отечество моё!
Одной тебя, о Сербія святая,
Мой отчій домъ, страна моя родная,
Полны мои и мысль и бытіё!

Ужь до меня доходятъ изъ-далече
Привычный слухъ ласкающія рѣчи,
Родной земли сребристыя слова.
Ужь я давно вкругъ васъ душой витаю,
Сегодня жь васъ, о сербы, обнимаю —
Рука дрожитъ и никнетъ голова.

Всё вкругъ меня цвѣтётъ и оживаетъ,
И счастье мнѣ улыбку посылаетъ,
Какъ вешній день въ шеломѣ золотомъ...
Трепещетъ грудь, стѣсняется дыханье...
Какъ глубоко, какъ радостно сознанье —
Я снова здѣсь, въ краю моёмъ родномъ!

Н. Гербель.

М. ГОРНИКЪ.

Михаилъ Горникъ родился 20-го іюля (1-го августа) 1833 года въ деревнѣ Ворклецахъ, въ Верхнихъ Лужицахъ. Учился онъ въ Будишенской гимназіи, а потомъ въ Пражскомъ университетѣ. Въ 1856 году онъ былъ посвящонъ въ католическіе священники. На литературное поприщѣ выступилъ онъ очень рано, именно въ 1853 году, еще во время своего студенчества, какъ редакторъ рукописнаго лужицкаго журнала, издававшагося студентами изъ лужичанъ, учившимися въ Прагѣ. Съ 1860 года Горникъ сталъ издавать беллетристическій журналъ «Лужичанинъ», а спустя нѣсколько лѣтъ—духовный журналъ, для лужичанъ-католиковъ, подъ названіемъ «Католическій Вѣстникъ». Въ настоящее время Горникъ, вмѣстѣ съ Смоляромъ, стоитъ во главѣ лужицкой литературы. Статьи его, преимущественно филологическаго содержанія, весьма многочисленны. Онъ также извѣстенъ какъ поэтъ.

СЕРБАМЪ.

Чуть вѣтеръ прошумитъ съ наставшею весною—
Ужь—волей божества—въ природѣ всё цвѣтётъ:
Роскошные сады блистаютъ красотою
И каждый лепестокъ васъ амброй обдаётъ.

Чтобъ лучше расцвѣло прелестное творенье,
Садовникъ день и ночь заботится о нёмъ:
Онъ забываетъ всё — и трудъ и утомленье,
Чтобъ только дать цвѣтку развиться съ торжествомъ.

Такъ точно и у насъ, надъ сербами родными,
Проносится весна, проглядываетъ день:
Красуются сады цвѣтами молодыми —
Прелестными дѣтьми лужицкихъ деревень.

Такъ станемъ же ходить за этими цвѣтами!
Смиренныя сердца въ любви соединимъ,
И подъ покровъ Того, Кто правитъ небесами,
Съ надеждою себя покорно отдадимъ.

Н. Гербель.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II. БОЛГАРСКІЯ.

III. ХОРУТАНСКІЯ.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I. ЧЕШСКІЯ.

II. МОРАВСКІЯ.

III. СЛОВАЦКІЯ.

IV. ПОЛЬСКІЯ.

ОТДѢЛЪ III.

СЛАВЯНСКІЕ ПОЭТЫ.

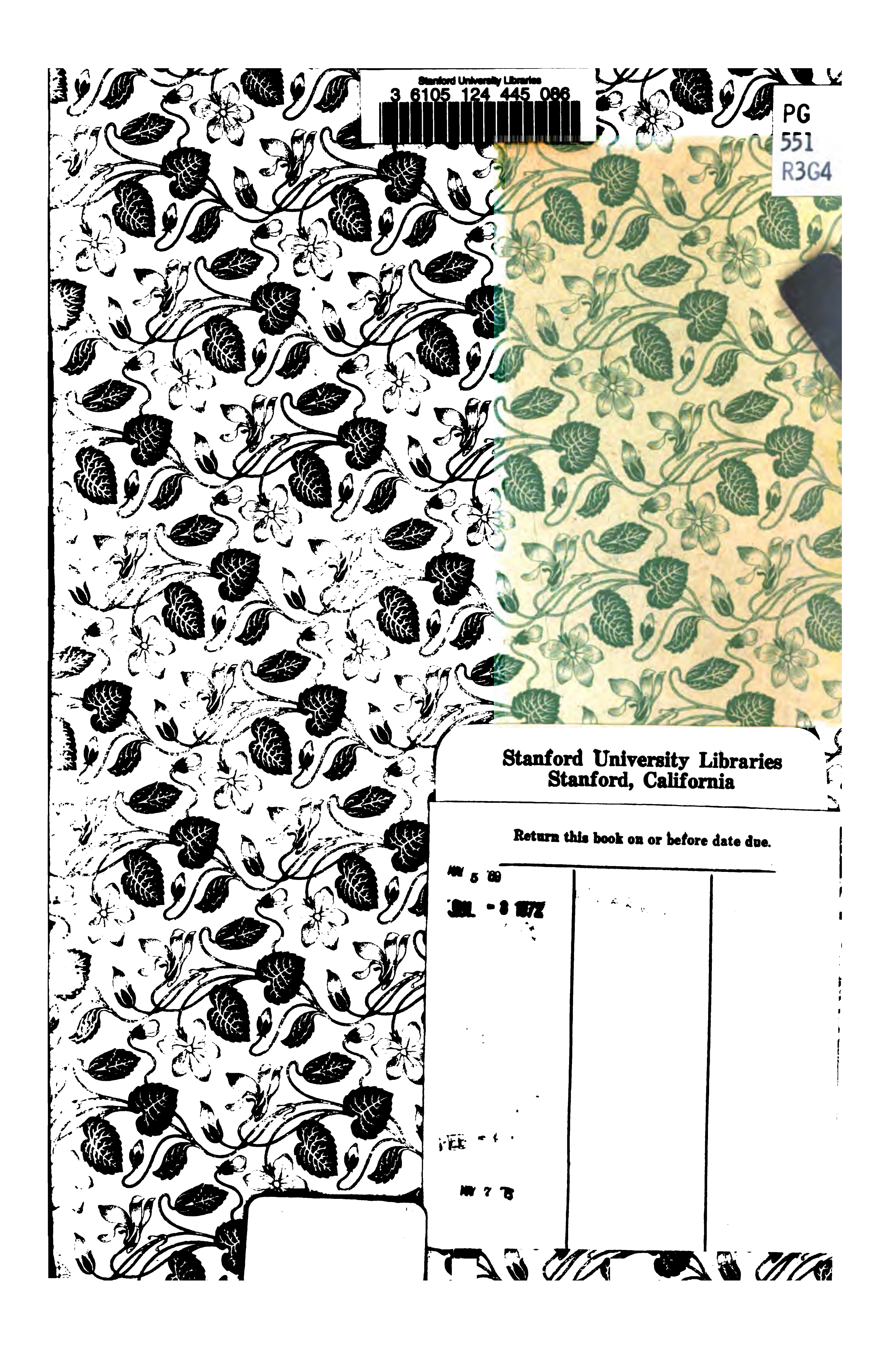
I. МАЛОРОССІЯ.

II. ГАЛИЦКАЯ РУСЬ.

III. УГОРСКАЯ РУСЬ.

IV. СЕРБІЯ.

IX. ПОЛЬША.


Stanford University Libraries
3 6105 124 445 086
PG
551
R3G4
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.